

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

БОЙЦЫ АГАСФЕРА

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

БОЙЦЫ АГАСФЕРА

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

**АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ**

ОКО СИЛЫ

**ПЕРВАЯ ТРИЛОГИЯ
БОЙЦЫ АГАСФЕРА**

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

БОЙЦЫ
АГАСФЕРА

ЭКСМО

МОСКВА

2010

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 15

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Валентинов А.

В 15 **Бойцы Агасфера : фантастические романы / Андрей Валентинов.** — М. : Эксмо, 2010. — 896 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-44335-2

Незабываемый 1920 год. Космическая программа Российской Империи воплощается в жизнь, эфирный корабль «Владимир Мономах» стартует на далекую планету. Гром ракетных двигателей на полигоне Челкель изменил судьбу белогвардейского капитана Ростислава Арцеулова и красного командира Степана Косухина. Бывшие враги начали понимать, что есть вещи более важные, чем классовая борьба, и что революционная стихия, захлестнувшая Россию, — вовсе не стихия...

Первая трилогия знаменитого романа-эпопеи «Око Силы» открыла новый жанр «криптоистории» — тайной, спрятанной от нас истории XX века.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-44335-2

© Валентинов А., 2010
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2010

ВОЛОНТЕРЫ ЧЕЛКЕЛЯ

РОМАН

ОТ АВТОРА

предисловии к предыдущему изданию «Ока Силы» я констатировал:

«Историк, как известно, пророк, предсказывающий Прошлое. Менее всего автору хотелось выступать в этой неблагоприятной роли. «Око Силы» задумывалось как фантастическая реконструкция некоторых ключевых событий XX века, Века-Волкодава. Вместе с тем автор был уверен, что подлинная история, стань она известной, показалась бы еще более невероятной. Так и случилось. За десять лет, прошедшие со времени написания первых страниц романа, выяснились факты, перед которыми бледнеет любая фантастика. Дополнять ими текст не имело смысла, но эта «тайная» история, ставшая ныне отчасти явной, в очередной раз подтвердила авторскую правоту и актуальность книги, написанной как предупреждение и, одновременно, напоминание о прошедшем Армагеддоне».

Что к этому добавить? Наступивший XXI век не обещает быть легче и гуманнее века минувшего. Люди же по-прежнему остаются беспмятными, в лучшем случае довольствуясь старыми, давно опровергнутыми мифами. Но Прошлое довлеет, нынешние «красные» и «белые» ненавидят друг друга — враг врага — ничуть не меньше, чем их предки, сходявшиеся в штыковую в Таврии и на берегах Камы. Значит, существует и то, что девять десятилетий назад раскололо страну, посеяв рознь среди тех, что в ней жил. Странное дело, но «Око Силы» некоторые читатели и критики уверенно приписали к «белогвардейской» литературе, автора же навечно зачислили в ряды «контры». К счастью, нашлись и те, кто вслед за автором пришел к выводу, что катастрофа XX века, в которой погибла Россия, была трагедией

для всех: и для «белых», и для «красных», и для тех, кто честно пытался остаться над схваткой. Век кончился, не кончилась вражда.

Мои книги не зовут к примирению, они зовут к пониманию. Это лишь первый, но очень важный шаг.

Столь же неверно восприятие мира «Ока Силы», как мира мистического, в котором герои постоянно сталкиваются с inferнальными, «потусторонними» явлениями. Мистика — лишь то, чему наш разум пока не может дать объяснения, Непознанное, что всегда окружает людей. Достаточно лишь оглянуться... Понимание же увиденного целиком зависит от самих людей — и характеризует прежде всего их самих, а не окружающий мир. Если для некоторых «Око Силы» — всего лишь страшная сказка про «краснопузых упырей», — значит, им такая сказка нужна. Другие увидят больше.

Настоящее издание «Ока Силы» является полным, текст приводится в том виде и в той редакции, в каком появился на свет в начале 1990-х. Сокращения восстановлены, возвращены также некоторые эпизоды, исключенные из прежних изданий.

Андрей Валентинов

реже чем мы начнем говорить о делах, не могу не выразить восхищения вашей настойчивостью. Наверно, добраться сюда было нелегко.

— Насколько я понимаю, Агасфер, эти слова должны означать, что вы не потеряли столь памятного нам всем чувства юмора. А смеяться, собственно, не над чем. Иного способа связаться с вами у нас не оставалось. Вы же не желаете выходить на связь...

— Не желаю. Все, что могли, мы уже сказали друг другу.

— Вы ошибаетесь. Я добирался к вам через Сибирь. Сейчас там аг. Вы сидите тут, экспериментируете...

— Спокойнее, мой друг, спокойнее!.. Вы, я вижу, слишком вжились в роль хоюка.

— В чью роль?

— Ах да, вероятно, вы учили язык по старым пособиям. Это неологизм. Так называют представителей местного населения, которые совершают длительные путешествия, надеясь найти истину. Приходится порой их принимать. Они очень забавны... Я хорошо знаю, что происходит сейчас в Сибири. Кстати, через несколько часов у меня как раз заседание, где будем обсуждать круг проблем, связанных именно с этим, так вам запомнившимся регионом.

— Заседание? Вашего синедриона?

— Как? Ах да, у вас, помнится, тоже есть чувство юмора. Ну, пусть будет синедрион, хотя вам неплохо бы выучить здешние названия.

— Не надо, Агасфер. Я прекрасно знаю, чем Совет народных комиссаров отличается от синедриона. Поверьте, мы знаем не только это.

— Прикажете понимать как намек на возможное разоблачение?

— А вы не боитесь?

— Помилуйте! Да меня здесь уже не первый год именуют куда похлеще. Я и немецкий шпион, и агент мирового еврейства, и масон. Один мой коллега всерьез считает меня марсианином. Ваша, так сказать, версия, будет выглядеть весьма бледно... Но к делу. Можете не затруднять себя угрозами. Вы, вероятно, уже догадались о моем ответе?

— Это нетрудно. Вы скажете, что наша многолетняя болтовня не сделает людей счастливее, что мы все трусы, испугавшиеся реального дела...

— Помилуйте, когда же я так выражался?

— Дело не в тоне, а в сути. Вы считаете, что перед нами уникальный шанс ускорить и исправить человеческую историю, и ради этого можно пойти на определенные — кем определенные, Агасфер? — жертвы. И что ваши временные, так сказать, союзники в дальнейшем будут нейтрализованы, а утопические идеи — скорректированы. И что без вашего вмешательства крови пролилось бы значительно больше.

— Именно так. В последнюю войну здешние аборигены пролили ее во много раз больше. И ради чего? Между прочим, первым делом мы эту войну прекратили.

— Чтобы развязать новую! Знаете, Агасфер, в теории у вас все получается достаточно стройно...

— Поверьте, на практике тоже.

— Тогда почему под вашими знаменами воюют силы, враждебные не только цивилизации, но и тому миру, к которому мы с вами относимся? А среди ваших врагов — все, что осталось в этой стране здорového?

— Интересно, кого вы имеете в виду?

— Ну хотя бы представителей науки. И деятелей здешней церкви.

— Вы имеет в виду христианство? Это, как вы, наверно, знаете, еще молодая церковь. Ее позиции весьма слабы. Ну, а ваши представители науки страдают близорукостью. К тому же мои противники действуют весьма негружно.

— А если они все-таки объединятся? Не боитесь?

— Представьте, нет. Кое-что они, конечно, могут. Об этом как раз и будет сегодня разговор на... синедрионе. Но они слепы. Их я, в общем, не боюсь. Я не боюсь даже фана-

тиков — их легко натравить на таких же фанатиков, но с противоположным знаком. Я боюсь других... отрешившихся.

— Наверно, я плохо выучил язык. Я вас не понимаю.

— Я просто неясно выразился. Вы никогда не бывали в цирке?

— А что это такое? Что-нибудь научное?

— Это место, где местные аборигены развлекаются. Там показывают фокусы. Помните факиров в Индии?

— Факиры в Индии не показывают фокусов. Они...

— Знаю, знаю! Но здесь это называется фокусами. Так вот, большая часть зрителей никогда не разгадает фокус, потому что смотрит на факира. В этом весь трюк. Но тот, кто почему-то отрешился, отвел глаза от приманки, может увидеть главное. Вот таких, отрешившихся, я побаиваюсь.

— Я вас понял. И поэтому вы раздуваете войну, чтобы все смотрели на факира?

— Зачем же так категорично?! Я, как и мы все, против всякой войны. И очень жаль, что эти самые ваши представители науки до сих держат против меня камень за пазухой. Впрочем, это уже относится к повестке дня завтрашнего... точнее, уже сегодняшнего синедриона, перед которым мне хотелось бы немного отдохнуть. Все-таки я не марсианин.

— Я ухожу, Агасфер... Кстати, почему вы выбрали такое нелепое прозвище? Или вы считаетесь с традициями?

— В некотором роде так оно и есть. Здешние традиции, как и люди, весьма забавны.

— Вы уже второй раз повторяете это слово. Неужели вам ничуть не жаль этих людей?

— Жаль? Знаете, мой грут, мое чувство юмора поистине ничто в сравнении с вашим!..

Нижнеудинск

гни, ваше благородие!

— Что? — не понял Арцеулов, на всякий случай покосившись в ночную тьму, куда указывал незнакомый ему унтер-офицер — напарник по караулу.

— Огни, господин капитан, — повторил унтер, вновь тыча куда-то вдаль. В голосе его чувствовался плохо скрытый страх. — Повстанцы, ваше благородие! Сторожат!

Арцеулов пожал плечами и всмотрелся. Сквозь темень, опустившуюся на Нижнеудинск и затопившую станцию, он разглядел множество огоньков, охватывавших город неровным полукольцом.

— Прекратите панику, унтер! — наконец буркнул он, морщась от налетевшего ледяного ветра. — Вечно вам повстанцы мерещатся!.. Лучше пройдемся, а то заледенеем.

Капитан одернул свой черный полушубок и решительно зашагал вдоль эшелона. Но унтер не унимался — он зашел следом, стараясь не отстать от Арцеулова.

— Так костры же! — выкрикнул он. — По всем сопкам костры!

— Это легионеры! — не особо уверенно возразил Арцеулов, вновь кривясь от холода. В полночь, когда они заступили на пост, было минус двадцать девять, а теперь мороз перешагнул тридцатиградусную отметку.

— Не-а, — немедленно возразил унтер. — Чехи — они у самой станции костры жгут. Дальше — боятся. Дальше — эти...

— Ну и черт с ними! — вконец разозлился капитан, резко останавливаясь и с трудом удерживаясь, чтобы не врезать напарнику прямо по перепуганной физиономии. — Бежать вздумал, сволочь! Своих увидел!

— Бежать, — пробурчал унтер-офицер и бросил злобный взгляд на капитана. — Как же, убежишь! Я ведь, как и вы, черный гусар! Они меня сразу...

Арцеулов повернулся к унтеру спиной и зашагал дальше. Эшелон был огромен, и, чтобы обойти его, требовалось больше получаса. Впрочем, они были здесь не одни — еще двое шли навстречу, еле заметные в тусклом свете станционных огней. Несмотря на лютый холод и панику, караульная служба неслась исправно — начальник штаба Верховного, генерал Зенкевич приказал ставить в караулы лишь офицеров и особо надежных унтеров. Многие ворчали, Арцеулов же отнесся к приказу спокойно — здесь, в ночной тьме, окруженной мигающими огоньками повстанческих костров, исчезло томящее чувство западни, не покидающее его за бронированными стенами поезда Верховного Правительства адмирала Колчака.

В конвой Верховного Арцеулов попал три месяца назад, сразу после госпиталя. Точнее, адмирал приказал зачислить капитана в свой конвой еще в апреле прошлого, 19-го года, когда Арцеулов, тогда еще поручик, вместе с полковником Гришиным-Алмазовым прорвался через красный фронт у Царицына, доставляя секретную депешу от Главкома Вооруженных Сил Юга России. Очевидно, Верховный решил дать молодому офицеру своеобразный отдых, а может, и украсить свой конвой ветераном Ледяного похода и Анненским кавалером. Но Арцеулов попросил лишь недельный отпуск, чтобы разыскать в Омске жену, а затем уехал на фронт. Он был зачислен в корпус Каппеля в самый разгар боев на Каме, воевал всего неделю, после чего потянулись месяцы госпиталей. В сентябре капитан вновь был зачислен в конвой Верховного и с тех пор, несмотря на несколько рапортов и личную беседу с адмиралом, служил в охране ставки. Впрочем, с начала декабря Арцеулов уже не просился на фронт — фронт сам нашел его, охватывая цепочкой ночных костров.

Капитан козырнул поравнявшемуся с ним патрулю и ускорил шаг — холод, несмотря на полушубок, становился почти невыносимым. Унтер вновь зашпешил, притопывая на ходу, и капитан мельком подумал, что надо распорядить-

ся выдавать караульным валенки. Внезапно где-то вдали, среди окружавших станцию сопок, резко ударила пулеметная очередь. Арцеулов замер, но вокруг было тихо.

— Стреляют, ваш бродь, — унтер уже был рядом и привычно ткнул рукой в толстой рукавице куда-то в ночную тьму.

— Не сунутся, — уверенно заявил Арцеулов. — Не нас побоятся, так чехов.

— И не холодно им, — каким-то суеверным тоном заметил напарник. — Словно медведи!

Арцеулов на секунду задумался. Повстанцы, равно как и другая красная сволочь, слабо ассоциировались у него с родом людским, и мысль о том, что повстанцы тоже должны мерзнуть на тридцатиградусном морозе, как-то не приходила ему в голову.

— Ну и пусть мерзнут, сволочи, — рассудил он. — Хоть бы все перемерзли!

— И волков не боятся! — тем же тоном продолжал унтер.

— Волков? — удивился капитан. Как и всякий горожанин, он помнил волков лишь по детским сказкам и редким посещениям разъездного зверинца.

— Так волки же! Расплодилось в войну! — В голосе унтера чувствовалось недоумение по поводу непонятливости офицера. — И зима, опять же.

— Ерунда! — отмахнулся Арцеулов. — Они на винтовку не сунутся.

— Как же, не сунутся!.. Вот их высокоблагородие полковник Белоногов тоже так думали...

— Что? — дернулся Арцеулов. — Что ты сказал?

Арцеулов неплохо знал полковника Белоногова и немного ему завидовал. Белоногов был высок, красив, к тому же, как рассказывали, слыл прекрасным спортсменом. Капитан слышал, что Белоногова очень ценил Верховный и держал, как говорили, для самых опасных поручений.

— Так что случилось с Белоноговым? — вновь поинтересовался он, заметив, что унтер молчит.

— Нашли его сегодня, — проговорил тот. — Почти сразу за станцией. Только по полушубку и узнали, да и от того одни клочья остались! Говорят, он вчера ночью хотел уйти. И следы вокруг — ни одного людского...

— Бред какой-то, — капитан знал, что такое смерть на войне, но гибель от волчьих клыков казалась почему-то

особенно жуткой. — Почему же он не стрелял? Ведь вчера было тихо?

— То-то и оно, что не стрелял, — буркнул унтер. — Волки... И хорошо, если просто волки.

— Прекратите! — вконец озлился Арцеулов и молча зашагал дальше вдоль казавшегося бесконечным эшелона. Дурацкий разговор окончательно вывел из равновесия. Если унтер не врал, то Белоногов пытался уйти не по своей воле. Такие люди не дезертируют, к тому же уходить ночью не имело смысла — куда проще это было сделать средь бела дня, просто отлучившись на станцию и скрывшись среди чешских эшелонов. Значит, их положение настолько невеселое, что адмирал послал с каким-то заданием своего самого надежного офицера. И, как выяснилось, послал на верную смерть. Но почему полковник не стрелял? Может, задание было настолько секретное, что он попросту не имел права обнаруживать себя? Нет, все равно получалось что-то несуразное.

Сменившись, Арцеулов долго грелся у гудящей печки, а затем направился в свое купе, решив поспать до рассвета. Но еще в коридоре заметил, что дверь купе отодвинута, изнутри стелется папиросный дым и слышатся чьи-то голоса. И так, к ним заглянули гости, и поспать едва ли придется.

Арцеулов не ошибся. В купе, кроме его соседа, подполковника Ревяко, сидели неизвестный ему капитан с Владимирским крестом на груди и заместитель коменданта эшелона полковник Любшин. Впрочем, капитан с Владимиром так и остался инкогнито — он мирно дремал, не выпуская из рук пустого стакана. Подполковник Ревяко тоже явно собирался последовать его примеру, но при виде Арцеулова встряхнулся и попытался привстать.

— А, Ростислав! Добрый вечер! Как там большевички, не высовываются?

— По-моему, уже почти что «доброе утро», — спокойноотреагировал капитан, присаживаясь и принимая от Любшина стопку шустовского коньяка.

Еще пара таких же бутылок, но уже пустых, сиротливо стояла в углу.

— Так все-таки, — не унимался Ревяко, — как там господа повстанцы? Говорят, их уже видать?

— Говорят, — неопределенно реагировал Ростислав,

которому почему-то совершенно не хотелось рассказывать о кострах, горевших на сопках. — А по какому поводу пьем? Именины, что ли?

— Нет, поминки, — совершенно серьезно ответил подполковник, и Арцеулов сразу же вспомнил о полковнике Белоногове.

Он допил коньяк и вопросительно посмотрел на Любшина.

— Подполковник прав, Ростислав Александрович, — кивнул тот. — Только что сообщили — пал Иркутск. Так что повод есть.

— Так точно, — поддержал Ревяко. — Помянем нас, рабов Божьих. Любшин, плесните еще!

Остатки коньяка были честно разлиты по трем стопкам. Мирно спящий неизвестный капитан с орденом Св. Владимира остался таким образом без своей законной доли.

— Что же теперь? — осторожно поинтересовался Арцеулов, присаживаясь рядом с полковником Любшиным. — Ведь вчера сообщали, что в Иркутск вошли войска Семёнова.

— Чехи, — полковник махнул рукой и залпом выпил коньяк. — Их Национальный Совет потребовал вывода всех забайкальских частей. Наши капитулировали, и теперь там какой-то Политцентр. Говорят, эсеришки.

— В Красноярске уже краснопузые, — добавил Ревяко. — А мы сидим в Нижнеудинске и ждем, покуда господа чехословаки чохом отдадут нас Совдепам. Сволочи! Всех бы их, союзничков!

Арцеулов не возражал. Господ союзников он ненавидел почти так же, как и красных.

— Нижние чины дезертируют, — тихо проговорил Любшин. — Сегодня ушло еще два десятка. Если будут бои — сдадутся все.

Ростислав кивнул, вспомнив унтер-офицера, с которым стоял в карауле.

— А Верховный?

— По-моему, он занят тем же, чем и мы, — пожал плечами полковник. — По нему, как всегда, не видать, но если судить по господину Трубчанинову...

Ростислав усмехнулся. Лейтенанта Трубчанинова — личного адъютанта Верховного — офицеры недолюбливали.

— Сегодня кто-то предложил плюнуть на все и уходить

в Монголию, — подал голос Ревяко. — Как, Ростислав, дойдем до Монголии? Там правда, говорят, водки нет, зато ку-мысу полно.

— Дойдем, — коротко ответил Арцеулов. — Лучше замерзнуть, чем...

Он не договаривал, но собеседники поняли.

— Чуток бы теплее, — заметил полковник. — Между прочим, завтра обещали похолодание, этак и до минус сорока дойдет. Боюсь, желающих немного будет.

— Все равно, — мотнул головою Ростислав. — Не в плен же сдаваться этим... рачьим и собачьим.

— Зачем в плен? — отозвался Ревяко. — Двадцать червонцев чехам в зубы — и довезут до Читы. А то и попросту — погоны долой, армяк на плечи и ходу... Как полковник Белоногов, — добавил он неожиданно.

— Господа, что случилось с Белоноговым? — встрепенулся Арцеулов. — Я только что услышал какую-то чушь! Будто бы волки...

— Это не чушь, Ростислав Александрович, — покачал головой Любшин. — Вчера полковник Белоногов переоделся в штатское и попытался уйти на лыжах через сопки. Говорят, перед этим с ним беседовал Верховный... Нашли тело к вечеру. Осталось, признаться, от него совсем немного. Велено считать его дезертиром, хотя мне что-то не верится.

— Мне тоже, — согласился Ростислав.

Внезапно уснувший капитан, о котором все успели позабыть, качнулся и мягко повалился на пол. Пришлось во-дружать павшего кавалера Св. Владимира на место.

— Вот-с, — констатировал Ревяко. — Молодежь пошла... Вы, Ростислав, лишились редкого удовольствия. Наш гость весь вечер тешил нас, так сказать, прибаутками. И знаете о чем? Об упырях. Точнее, краснопузых упырях.

— Бред, — равнодушно отреагировал Арцеулов.

— Но излагал он знатно, — вступился за капитана Любшин. — Этак и поверить можно. Вы ведь на Каме были, Ростислав Александрович?

Арцеулов кивнул. Страшные бои на Каме он забыть не мог. Тогда, весной 19-го, победа казалась почти что рядом.

— Он служил, как и вы, у Капшеля, — продолжал полковник. — Ну и оказался на реке Белой, как раз там, где ударил Фрунзе. Так вот, он утверждает, что прорыв осуществлял отряд, извините, вампиров. Будто бы красные сфор-

мировали из упырей какой-то полк Бессмертных Красных Героев. Их, естественно, не берут пули...

— А пленных они поедают на месте, — добавил Ревяко. — Представляете, Ростислав, зрелище? Жаль, Капель не догадался вооружить вас осиновыми колами!

— Что за ерунда! — не принял шутки Арцеулов. — Такой полк у краснопузых действительно есть. Но при чем тут упыри? Там и без пейзажной мистики было невесело!

— А упыри при том, что драпанули господа служивые, как зайцы, а после придумали сказочку, чтобы оправдаться, — предположил полковник Ревяко. — Пойди проверь! Морды у краснопузых багровые — от спирта, взгляд, само собой, мутный... Ну а об остальном — не у Фрунзе же спрашивать!

— Я слышал про этот полк, — заговорил немного погодя Любшин. — Туда, как говорят, направляют лучших красноармейцев из всех частей, а потом посылают на самые опасные места.

— Я тоже слышал, — вспомнил Ростислав. — И впрямь тогда, на Белой, болтали, будто красных пули не берут, но мало ли чего болтают!..

— Пули-то их берут, — согласился полковник. — Но вот что любопытно, Ростислав Александрович... Вы не задумывались, каким образом красные умудряются побеждать? Нет, я не про общую, так сказать, политику! Тут и они, и мы наделали глупостей приблизительно одинаково. И не замысел операций — тут тоже «обое рябое»... Я про их умение побеждать в нужный момент в нужном месте, выигрывать, так сказать, ключевые операции! Вы обратили внимание? Как раз к решающему бою у них и войска дисциплинированные, и население поддерживает, и наши чудо-богатыри, как на грех, в зайцев превращаются.

— А это из-за упырей, — вставил Ревяко. — У них упыри одностороннего действия. Своих вдохновляют, а на наших ужас наводят.

— Может быть, — спокойно отреагировал полковник. — А может, все несколько проще. И одновременно — сложнее. Один мой хороший приятель предположил, что у красных есть нечто вроде психического оружия.

— Лучи Смерти, — с пафосом заметил Ревяко. — Пещера Лейхтвейса и человек-невидимка!

— Принцип Оккама, — пожал плечами Любшин. — Самое простое объяснение может оказаться самым верным.

Технически это, конечно, сложно... Хотя, господа, кто его знает? Об этом говаривали еще до войны.

— Не думаю, господин полковник, — недоверчиво заметил Арцеулов. — По-моему, вся беда в том, что наша мобилизованная сволочь разбегается при первой же опасности. Если позади каждой роты поставить по пулеметчику — то, поверьте мне, красным никакие упыри не помогли бы!..

С этим не спорили. Вскоре полковник Любшин распрощался, прихватив с собой и безымянного капитана, который так и не успел в полной мере очухаться. Арцеулов еще раз вспомнил все виденное и слышанное этой ночью, пожал плечами и крепко уснул.

Наутро поезд было не узнать. Известие о падении Иркутска враз разрушило то подобие дисциплины, которое еще сохранялось в последние дни. На поверке недосчитались больше половины нижних чинов; впрочем, и многие из офицеров тоже сгнули, даже не попрощавшись. Остальные тревожно перешептывались, а ближе к полудню говорить стали в полный голос. Положение и в самом деле становилось безнадежным. С запада наступала Пятая армия красных, окрестные сопки оседлали повстанцы, а путь в спасительное Забайкалье был отныне намертво перекрыт иркутской пробкой. Вдобавок ненавидимые всеми чехи усилили охрану станции, выведя прямо к семафору свой бронепоезд. Эшелоны Верховного оказались в западне, из которой не было выхода. Поговаривали, что легионеры получили строгий приказ своего Национального Совета не брать в поезда офицеров, отчего цены на такие поездки сразу стали поистине астрономическими. Говорили даже, что проклятые союзники, взяв золото (а без золота, как уверяли, к ним нечего было и соваться), попросту выдавали офицеров повстанцам. То и дело в разговорах мелькало слово «Монголия», но почти все считали эту мысль безнадежной — пройти по лютному морозу несколько сотен верст было делом невозможным. Наибольшие оптимисты уповали на войска Владимира Оскаровича Каппеля, прорывавшиеся, по слухам, через тайгу, но оптимистам не верили — в такой ситуации не верилось даже в непобедимого Каппеля.

Ростислав Арцеулов не принимал участия в этих разговорах. Болтать и сплетничать не хотелось. Он лишь мель-

ком взглянул на карту и тут же понял — войска Каппеля едва ли успеют на помощь. В Монголию тоже не уйти — мешал не только мороз, но и повстанцы неуловимого красного генерала Зверева, контролировавшие все окрестности. Из наличности у Арцеулова имелось лишь два имперяла и пачка никому уже не нужных бумажек, выпущенных Сибирским правительством. Уходить было некуда и незачем — Ростислав предпочитал встретить смерть в бою, чем быть выданным в связанном виде комиссарам или замерзнуть где-нибудь под сугробом. Боялся он лишь одного — что у адмирала не выдержат нервы и он попросту сдастся сам и сдаст свой конвой чехам. Если же этого не случится, то Нижнеудинск в качестве места последнего, личного боя Арцеулова вполне устраивал. Сдаваться он не собирался, да и жить после всего случившегося не особо тянуло.

Он вполне мог погибнуть еще осенью 17-го, когда взбесившаяся солдатня под Коростенем рвала на части офицеров его полка. Мог погибнуть несколькими месяцами позже, когда шел с Корниловым в Ледяной поход. Смерть ждала его весь 18-й год, когда Добровольческая армия то уходила в кубанские степи, то вновь выныривала у очередной железнодорожной станции, чтобы отбить у краснопузых эшелон с патронами или провиантом. Арцеулову везло — он был лишь один раз ранен, и то легко. Казалось, судьба хранила его, а может, берегла для чего-то более важного.

Также это могло произойти и в марте 19-го, во время отчаянного перехода вместе с Гришиным-Алмазовым через волжские и уральские степи к адмиралу. Тогда им повезло, но с того самого момента Ростислава не оставляла мысль о том, что он исчерпал терпение Судьбы до конца и настало время платить долги.

Он не ошибся. Отказавшись служить в конвое Верховного, он подал рапорт с просьбой направить его в корпус Каппеля. Вместе с ним на фронт ехала Ксения — его жена, которую он чудом нашел в переполненном беженцами Омске. Ксения была медсестрой, за летние бои 17-го имела солдатский Егорий и, несмотря на уговоры мужа и подруг, не желала отсиживаться в тылу.

Он лежал за пулеметом у высокого берега Белой, когда снаряд разорвался где-то совсем рядом, и захлебнувшийся

кровью Ростислав потерял сознание. Через месяц, в Екатеринбурге, когда он уже стал выздоравливать, в госпитале началась эпидемия тифа. Его спасла Ксения, не отходившая от мужа все самые тяжелые дни. Она буквально вытащила его из черного забытья, но однажды, когда кризис уже миновал, Ростислав увидел, что жены рядом нет. Три дня ему не говорили правды, а на четвертый все было уже кончено — Ксения Арцеулова сторела от тифа и была похоронена в огромной братской могиле неподалеку от госпиталя.

После этого Арцеулову было уже почти все равно: жить или не жить. Почти — потому что он не считал возможным дешево продавать свою жизнь. Он был офицером императорской армии и без лишней скромности ценил свою жизнь в сотню, а то и в полторы красных уродов, которых он поклялся захватить с собой. Правда, в бою вести подобный счет было практически невозможно, но Арцеулов считал, что не выбрал и половины. А еще ему хотелось дожить до двадцати пяти. Он родился в феврале и втайне надеялся как-то протянуть оставшиеся полтора месяца.

Итак, бежать было некуда и незачем. Ростислав, удивившись, что в наступившей панике его скромная особа никого не интересует, поудобнее устроился на полке и стал равнодушно глядеть в потолок, не без иронии прислушиваясь к доносившимся до него обрывкам панических разговоров, в которых чаще всего поминались чехи, золотые импералы и Иркутский Политцентр. Его соседа — подполковника Ревяко — не было, исчезли также его вещи, и Ростислав вспомнил вчерашнюю фразу о двадцати червонцах, которые были способны доставить их владельца до Читы. Червонцы у Ревяко, насколько он знал, водились — подполковнику везло в карты и, как поговаривали, везло неспроста. Исчезновение соседа оставило капитана равнодушным — положение было действительно безнадежное, и каждый в такой момент решал сам за себя.

Ближе к полудню в купе заглянул полковник Любшин и сообщил, что, по слухам, адмирал передал всю власть в Сибири Семенову, а чехи — и это уже не по слухам — собираются с завтрашнего дня поставить свою охрану к золотому эшелону. Разговор о Монголии действительно был, но большинство офицеров предпочло попросту скрыться на стан-

ции, надеясь то ли на милость чехов, то ли на судьбу. Арцеулов лишь пожал плечами — он никуда не собирался уходить, и судьба дезертиров его не волновала.

Ростислав задремал, перед глазами закружились какие-то странные тени, чей-то далекий голос позвал его, и вдруг он почувствовал, что не лежит, а сидит на своей койке, купе залито ярким мигающим светом, а напротив — на пустой койке подполковника Ревяко — сидит молодая женщина в легком белом платье, таком нелепом среди сибирской зимы.

— Ксения, — усмехнулся Арцеулов, сообразив, что спит. Он часто видел во сне покойную жену, но сны всегда уносили его в довоенное время, и, увидев себя в том же надетом за эти месяцы купе, он немного удивился.

— Ксения, — тихо повторил он, жалея, что сон скоро кончится. Жена, казалось, услышала его и улыбнулась, но глаза ее оставались печальными и полными боли — такими, какими он запомнил их за долгие недели своей болезни.

— Мы скоро увидимся, — добавил он, постаравшись тоже улыбнуться. Мельком Арцеулов подумал о том, как он сам выглядит во сне, и пожалел, что в купе нет зеркала.

— Нет, Слава, — жена покачала головой. — Нет, не скоро.

— Скоро, — даже во сне Арцеулов помнил все о том, что творилось за железными стенами поезда. — Боюсь, не дотяну до юбилея. Ну ничего, раньше встретимся!

Ксения еще раз покачала головой — и улыбка ее исчезла.

— Ты будешь жить долго, Слава. Когда ты умирал, я отмолила тебя. Ты должен выжить. Будет трудно, но тебе помогут... А сейчас мне пора.

— Кто поможет? — Арцеулов настолько удивился, что даже на мгновение забыл, что спит и видит сон.

— Тебе поможет тот, кто уже помог тебе, хоть и желал зла. Тебе поможет тот, кому помог ты, хоть и забыл об этом. И, наконец, тебе поможет старый друг, с которым ты не надеешься увидеться...

— Постой, постой, — Ростислав окончательно растерялся, но молодая женщина грустно улыбнулась и медленно встала.

— Мне пора, Слава. Прощай... И обязательно надень мой перстень. Тот самый, помнишь?

— Но ведь...

Ростислав хорошо помнил старинный перстень, большой, серебряный, с чернью, который достался жене от каких-то давних предков. Перстень был мужской, и Ксения никогда не надевала его на руку, но всегда носила с собой. В свое время Арцеулов, не веривший ни в чох, ни в вороный грай, изрядно подшучивал над этой привычкой, считая ее чем-то вроде шаманства. Да, перстень он помнил очень хорошо, но никак не мог надеть его — серебряная безделушка, которой так дорожила Ксения, была похоронена вместе с ней в братской могиле неподалеку от екатеринбургского госпиталя. Он узнал это от врача, который передал ему то немногое, что осталось от вещей покойной.

Странный мигающий свет в купе вдруг стал невыносимо ярким, Ростислав прикрыл глаза ладонями и тут же почувствовал легкий толчок в плечо. Он открыл глаза и увидел все то же купе; в окошко, сквозь заиндевевшее стекло, светило совершенно обычное зимнее солнце, а перед Ростиславом, чуть наклонившись, стоял вестовой в форме черного гусара.

— А! — встрепенулся Арцеулов, с облегчением убеждаясь, что это был действительно сон.

— Извините, господин капитан, — вестовой стал стойке смирно. — Стучал к вам, но вы не отвечали. Сморило вас, видите!..

— Да-да, — капитан вскочил, соображая, что спать среди бела дня на службе, в общем-то, не полагается. — Слушаю вас, унтер-офицер.

— Вас к Верховному, господин капитан.

Арцеулов вздрогнул. То, что он мог понадобиться адмиралу в такой момент, показалось ему каким-то недоразумением. Он хотел было переспросить вестового, но решил все же этого не делать. В конце концов, отчего бы Верховному не вызвать одного из офицеров конвоя, хотя за все эти месяцы Арцеулов был на аудиенции у адмирала лишь один раз, еще в октябре, после своего очередного рапорта с просьбой направить на фронт.

Наскоро приведя себя в порядок, Ростислав поспешил вслед за вестовым, мельком посматривая по сторонам. Он заметил, что эшелон обезлюдел больше чем наполовину, стоявшие на постах часовые исчезли, а встречавшиеся по

пути офицеры то и дело забывали козырять в ответ на приветствие. Арцеулов почувствовал позабытый холодок в спине — похоже, это был действительно конец. Ставка Верховного попросту разбежалась, и к вечеру здесь едва ли удастся собрать боеспособную роту. Далекие костры на сопках, виденные им ночью, внезапно перестали быть чем-то абстрактным. Наверно, если бы не чехи, повстанцы уже давно были бы здесь.

В приемной Верховного все, впрочем, оставалось по-прежнему. У дверей стоял офицерский караул, а в кресле адъютанта все так же сидел лейтенант Трубчанинов. Услышав шаги, он поднял глаза, и Ростислав заметил, что молодой офицер смертельно бледен. Трубчанинов — и это знали все — пил крепко, но теперь он был трезв, и эта странная, неживая бледность на всегда румяном и самодовольном лице адъютанта не понравилось Арцеулову даже больше, чем все, происходящее на станции.

Трубчанинов тихим, невыразительным голосом попросил минуту обождать, скрылся в кабинете, но почти сразу же вернулся и попросил зайти.

Арцеулов хорошо помнил кабинет Верховного, украшенный огромным Андреевским флагом, с гигантским столом из мореного дуба и раскладной английской койкой у окна. Внешне здесь ничего не изменилось, да и Верховный, насколько успел заметить Арцеулов, выглядел по-прежнему. Гладкое лицо было тщательно выбрито, волосы аккуратно разделены «вечным» офицерским пробором, разве что обычно яркие губы стали какими-то серыми, а под глазами легли темные круги.

Услышав рапорт капитана, Верховный лишь кивнул, не поднимая головы. Он сидел за столом и смотрел невидящими глазами перед собой. Прошла минута, затем другая, Арцеулов уже хотел напомнить о себе, когда адмирал внезапно поднял голову, затем пружинисто встал и вышел из-за стола.

— Какое сегодня число, капитан?

Вопрос был настолько неожиданным, что на мгновение Арцеулов лишился дара речи. Казалось невероятным, что Верховный потерял счет времени. Впрочем, Ростислав быстро пришел в себя.

— Четвертое января, ваше высокопревосходительство! Если по большевистскому календарю.

— Ладно, — лицо адмирала дернулось (а может, он попытался усмехнуться?). — Сойдет и большевистский... Значит, у вас три дня, капитан. К седьмому числу вы должны быть в Иркутске.

Ростислав автоматически проговорил: «Так точно», мельком соображая, как можно попасть в Иркутск из нижеудинской западни.

— В Иркутске вы найдете генерала Ирмана. Он начальник научного отдела военного министерства. Запомнили?

Арцеулов вспомнил коньяк и рассказ Любшина. Со вчерашнего дня в Иркутске не было никакого военного министерства, там заправлял эсеровский Политцентр, который едва ли окажет ему помощь в розысках совершенно неизвестного генерала. Похоже, адмирал подумал о том же.

— Я все знаю, капитан. Но вы должны найти генерала Ирмана в любом случае. Найти и передать ему мое письмо. Вы меня поняли?

— Так точно, — повторил Арцеулов и замолчал, видя, что Верховный собирается продолжать.

— В письме будет только условный знак. На словах передайте следующее: «Приказываю завершить проект «Владимир Мономах». Руководитель проекта прибудет к двадцатому января. В случае неудачи все должно быть уничтожено». Повторите, капитан.

Арцеулов слово в слово повторил послание. Адмирал несколько секунд стоял неподвижно, а затем поднял глаза на Ростислава. В адмиральском взгляде сквозило нечто похужее на удивление.

— Вам что-нибудь неясно, господин Арцеулов?

— Извините, ваше превосходительство, — зашепшил Арцеулов, которому было неясно не «что-нибудь», а абсолютно все, от начала до конца. — Я найду генерала Ирмана...

— Совершенно верно, — резко перебил его Верховный. — Вы должны найти его живым или мертвым!..

— Если он будет мертвый, — невольно усмехнулся Ростислав, — он едва ли сможет точно выполнить ваш приказ.

— Да, конечно, — адмирал тоже улыбнулся, и лицо его на миг потеряло обычную суровость. — Извините, капитан, зарпортовался. Если Ирмана не будет в живых — слышите, только в этом случае! — найдите полковника Лебедева.

Он тоже служит в этом же управлении министерства. Больше об этом никто не должен знать. Еще вопросы?

— В послании сказано «в случае неудачи»... Как это понимать?

— А вам и незачем это понимать. — Лицо адмирала вновь застыло, и маленькие серые глаза впелись в Ростислава. — Ваше дело, капитан, точно передать все Ирману. Впрочем, если он будет столь же непонятлив... Под неудачей я имею в виду неудачу самого проекта. Затем, если его руководитель не прибудет к двадцатому января, и возникнет опасность захвата объекта красными. Или еще кем-либо... До двадцатого января уничтожать проект запрещаю! Запомнили?

— Так точно, — в третий раз отчеканил Арцеулов.

— Хорошо, — сухо произнес адмирал, отворачиваясь и глядя куда-то в сторону. — Имейте в виду, я уже посылал полковника Белоногова. Похоже, красные что-то знают об этой операции. Желаю вам быть более осторожным... Возьмите письмо.

Письмо было небольшим, в половину обычного, без конверта и даже без какой-либо надписи на обратной стороне. Арцеулов успел заметить, что в самом письме никак не больше трех строчек.

— Я не запечатал его, — продолжил Верховный. — Прочитаете и выучите наизусть. Но уничтожать только в самом крайнем случае. Без письма Ирман вам может не поверить.

Арцеулов кивнул и спрятал листок в нагрудный карман своего английского френча.

— Мы, наверно, больше не увидимся, — внезапно сказал адмирал. — Но в любом случае я рад, что эти месяцы рядом со мной был такой отважный и преданный офицер, как вы... Прощайте, господин капитан.

Арцеулов козырнул и, щелкнув каблуками, вышел из кабинета. Он понял, что Верховный уже не верит в продолжение борьбы. Значит, никакой Монголии не будет. Что ж, в этом случае приказ адмирала оставлял ему хоть какой-то смысл дальнейшего существования. По крайней мере до двадцатого января, когда должен быть завершен совершенно неведомый ему проект «Владимир Мономах».

Он шел по коридору, не обращая внимания на царящую вокруг суматоху и даже не откликаясь на вопросы, — кое-кто из знакомых офицеров уже успел узнать об аудиенции и спешил поинтересоваться случившимся. Арцеулов качал

головой — теперь, когда был дорог каждый час, он должен покинуть поезд немедленно, покуда это еще возможно. Не удержавшись, он выглянул в окно и вздрогнул — прямо у эшелона, всего в нескольких шагах, стояла ровная и плотная цепь легионеров. Веселые парни в теплых полушубках довольно скалились, поглядывая на поезд Верховного. Очевидно, за последний час многое изменилось, и все люди, оставшиеся с адмиралом, оказались в западне.

Зайдя в купе, Арцеулов первым делом запер дверь и вытащил из нагрудного кармана письмо. Он не ошибся — в нем было всего три строки. Наверху стояло: «Генералу Ирману. Лично»; внизу была хорошо известная ему подпись Верховного, а посреди... Вначале Ростислав ничего не понял, затем вчитался, и наконец до него дошло.

Единственная строка странного письма гласила: «Рцы мыслете покой».

Для пароя адмирал отчего-то воспользовался названиями трех букв церковно-славянского алфавита. Что ж, очевидно, загадочный генерал Ирман должен иметь обо всей этой тарабарщине куда более точное представление.

Надо было собираться. Мелькнула мысль, что письмо неплохо бы зашить куда-нибудь в подкладку френча — но времени не было, и Ростислав вновь спрятал его в нагрудный карман. Собственно, брать из вещей было почти нечего. Арцеулов проверил оба свои револьвера: служебный наган и маленький бельгийский «бульдог» — подарок давнего приятеля и сослуживца по Марковскому полку Виктора Ухтомского. В полевую сумку он аккуратно уложил две гранаты — такому оригинальному использованию сумки его научил ротный, капитан Михаил Корф. Оружия хватало. Хуже было с деньгами, и Ростислав выругал себя за то, что не попросил у адмирала командировочных. Значит, железная дорога отпадала сразу, да и возможность как-то прокормиться в пути становилась проблематичной. Впрочем, сейчас уже было не до того. Ростислав еще раз выглянул в окно. Ровный строй легионеров стоял и здесь — поезд был окружен со всех сторон. Следовало поторопиться.

Ростислав рассовал по карманам оставшийся нехитрый скарб и критически осмотрел полушубок. Черный полушубок был всем хорош, кроме одного — вся Сибирь знала форму черных гусар. По слухам, повстанцы вешали офицеров в таких полушубках с особым удовольствием. Арцеулов не числился в черных гусарах, но, когда ударили морозы,

ему достался именно такой полушубок, и теперь приходилось идти на явный риск. Промелькнула мысль о погонах, но капитан тут же обозвал себя трусом — снимать погоны он не собирался.

Осталось последнее — Ростислав достал из нехитрого тайника под койкой фляжку и прикрепил ее к поясу. Это была непростая фляжка. В ней находился превосходный коньяк, который был вполне к случаю, но для капитана эта тяжелая металлическая фляга в удобном чехле с выцарапанным возле горлышка вензелем «С.К.» имела особое значение. Она была с ним с начала мая, и с того времени он не расставался с ней ни на час.

...Это случилось на реке Белой, совсем близко от переправы, где его рота третий день отбивала атаки частей Фрунзе. Снаряд разорвался рядом, и сразу все исчезло, а когда он снова открыл глаза, то все вокруг было затянуто синим туманом, кровь заливала рот, и Ростислав лежал недвижно, словно тело уже перестало принадлежать ему. Звуки пропали, и эта внезапная тишина показалась Арцеулову еще более страшной, чем недавний грохот разрывов. Потом он увидел лицо жены — Ксения что-то говорила, похоже, пытаясь успокоить, но ее глаза были полны ужаса, и Ростислав понял, что досталось ему действительно крепко. В руках Ксении появился бинт, она попыталась сдвинуть его голову, но тут все заволокло болью, и Арцеулов вновь потерял сознание.

Когда он очнулся, то почувствовал на голове свежую повязку. Страшно, нечеловечески захотелось пить. Он шевельнул губами, и Ксения, очевидно, поняла его. В ее руках появилась фляга, но покрытые засохшей кровью губы ощутили лишь каплю — воды не было. Ксения вскочила, надеясь позвать на помощь, и вдруг замерла. Прошла секунда, другая, и Ростислав понял, что случилось нечто более страшное, чем его ранение и то, что во фляге кончилась вода.

Кровавый туман перед глазами сгустился; страшные, непохожие на людей монстры, казалось, плыли по воздуху, медленно и неотвратимо. Двигавшийся первым монстр подошел совсем близко, и страшная, нечеловеческая рожа уставилась прямо в глаза Ростиславу. Ксения закричала, и тогда жуткий рот искривился в ухмылке, а огромная лапа неторопливо подняла револьвер. Вороненый ствол был со-

всем рядом, но Арцеулов почему-то совсем не боялся. Он даже подумал, что сейчас все кончится, ему не будет больше хотеться пить, и даже пожелал, чтоб это случилось поскорее. Лапа с револьвером плыла то вверх, то вниз. Ксения кричала, а потом начала что-то быстро говорить монстру, указывая на Ростислава. И тогда рожа монстра вновь скривилась в чудовищной ухмылке, револьвер куда-то исчез, а огромная лапа потянулась к женщине. И тут Арцеулов впервые после того, как очнулся, захотел жить. Он попытался привстать, но тело существовало отдельно от него, а рука монстра все тянулась к Ксении, и Арцеулов вдруг с ужасом сообразил, что на жене офицерская форма. Ксения получила звание прапорщика ещё в семнадцатом и с тех пор всегда носила на фронте мундир — хотя и муж, и сослуживцы уговаривали ее надеть платье сестры милосердия. Ростислав знал, что они обычно не трогают медицинских сестер, но на жене были погоны и даже полученный ею тогда же, в семнадцатом, Георгиевский крест. Монстр возвышался словно гора, и фигурка жены показалась Арцеулову совсем маленькой. Лапа чудовища коснулась серебряного креста и легко сорвала его. Затем обе лапы легли на плечи женщины и рывком оторвали тонкие золотые погоны. Ростислав, захлебываясь кровью, сцепил зубы, но внезапно чудовище повернулось к нему, и он почувствовал, как сильные руки приподнимают его голову. И тут перед его губами возникла фляга; холодная, непередаваемо вкусная вода буквально обожгла пересохшее горло, на мгновение кровавый туман рассеялся, и он понял, что никакого монстра рядом нет, а над ним склонился худощавый парень с красивым, чуть скуластым лицом. На парне была новенькая — очевидно, трофейная — английская форма, лишь вместо погон на отворотах краснели петлицы, и на фуражке чуть косо сидела звезда с плугом и молотом. Лицо парня было хмурым, но в глазах, как показалось Арцеулову, светилось нечто похожее на сочувствие. Парень подождал, пока Арцеулов напьется, затем взвесил флягу в руке — рука оказалась худой и даже тонкой, совсем непохожей на лапу, — покачал головой, подумал, закрыл флягу крышкой и положил рядом с головой Арцеулова. Затем он что-то сказал Ксении, вновь покачал головой и исчез.

Уже в госпитале Ксения говорила Арцеулову, что тогда их спас ее талисман — тот самый старинный серебряный перстень, который она всегда носила с собой. Перстень, ко-

торый теперь лежал вместе с нею в братской могиле, в далеком Екатеринбурге.

С тех пор Арцеулов не расставался с этой флягой. Сослуживцам он говорил, что это трофей, а в глубине души надеялся на чудо — что фронтовые дороги сведут его с парнем в краснозвездной фуражке. Правда, лица парня Ростислав не помнил, но был почему-то уверен, что сможет узнать его из тысячи. Арцеулов понимал, что это едва ли произойдет, но все же его не оставляла надежда, что они встретятся, и тогда он достанет наган, сунет ствол прямо в скуластое лицо и подождет, покада красный гад почувствует все, что пришлось испытать ему тогда, на берегу Белой. А затем он отдаст ему эту флягу и отпустит на все четыре стороны. Отдавать флягу пустой не годилось, и поэтому Ростислав всегда носил в ней коньяк. Пусть красная сволочь не думает, что русский офицер не платит долги, даже если это долг не нормальному человеку, а краснопузому бандиту.

Все было готово. Арцеулов присел на дорогу, мысленно прощаясь со своим временным домом. Все-таки он провел здесь не один месяц, а это в его кочевой жизни было сроком немалым. Ростислав вновь вспомнил сегодняшний сон и грустно улыбнулся — он не верил в то, что кто-то поможет ему. Его срок приближался — но сначала надо было добраться до Иркутска.

Он встал и по давней привычке окинул взглядом купе, проверяя, не оставил ли что-нибудь важное. Взгляд его скользнул по койке скоропалительно исчезнувшего подполковника Ревяко — и вдруг на кожаной обшивке вагонной полки что-то тускло блеснуло. Ростислав не глядя взял странный предмет в руку и внезапно похолодел. Несколько секунд он стоял, боясь взглянуть на свою находку, но затем все же пересилил себя и осторожно раскрыл ладонь.

Это был перстень. Тот самый, тяжелый серебряный перстень с изображением двух переплетенных змей с маленькими бирюзовыми глазами. Талисман Ксении.

Времени не было. Капитан сунул перстень в карман полушубка и вышел в коридор. Надо было спешить — кольцо легионеров вокруг эшелона Верховного не предвещало ничего доброго. Он взглянул в распахнутую дверь, дышавшую морозом, и легко соскочил вниз на платформу.

Тут былолюдно. В узком промежутке между вагонами

и цепью чехословаков толпились десятка два офицеров, многие из которых уже успели снять погоны и даже переодеться в оказавшееся под рукой тулупы и полушубки, выглядевшие весьма живописно. Впрочем, этот маскарад мало кого мог обмануть — чехи стояли недвижно, а какой-то толстый мордатый майор проверял документы, тщательно сверяясь с каким-то списком. Арцеулов заметил, что некоторых желающих после тщательной проверки все-таки пропускали, но большинство по-прежнему оставалось в ловушке.

Все это Ростислав фиксировал в сознании совершенно автоматически. Он понимал, что нельзя терять время, но мысль о перстне не давала сосредоточиться и подумать о спасении. В конце концов он не выдержал и, отойдя чуть в сторону, чтобы угол одного из вагонов прикрывал его, достал свою находку.

Да, перстень был похож: переплетенные змеи, странные, напоминающие руны, знаки... На внутренней поверхности обнаружилась монограмма из незнакомых букв, но была ли эта монограмма на том перстне, который принадлежал Ксении?

Он еще раз припомнил то место, где лежала странная находка. Да, именно там — во сне — сидела Ксения. Конечно, все это совпадение. Логичнее предположить, что точно такой перстень мог быть у его соседа, полковника Ревяко, и тот в спешке забыл его на койке. Правда, Ростиславу казалось, что на койке подполковника утром ничего не лежало, и перстень появился позже. Правда, когда он был у адмирала, дверь в купе оставалась незапертой, но кому потребовалось подкидывать ему эту вещь?

В конце концов Ростислав решил отложить дедукцию на более удобное и безопасное время и решительно шагнул к проходу, в котором распоряжался мордатый чешский майор. Уже через несколько минут он понял, что список, с которым сверялся чех, — это список личного конвоя Верховного. Офицеры obsługi, а также охрана других эшелонов майора не интересовали.

Значит, его не выпустят. Легионерам, похоже, был нужен не только адмирал, но и офицеры конвоя. Те, кто жег костры на сопках, сумели договориться с братьями-славянами — Арцеулов вспомнил слух, слышанный им от полковника Любина, что черемховские партизаны пригрозили легионерам взорвать кругобайкальские железнодорож-

ные тоннели, если чехи не отдадут золотой эшелон и поезд Верховного. Очевидно, эти слухи были близки к истине.

Ростислав стоял в долгой очереди к самодовольному чешскому майору, делая вид, что его интересует только одно — чтобы никто не прошел не в свой черед. Такие желающие встречались, но крепкие руки стоявших в очереди офицеров легко наводили порядок. Вокруг шумели, кто-то пытался хвататься за револьвер, а капитан тем временем раз за разом поглядывал по сторонам, освежая в памяти хорошо знакомые ему окрестности станции.

Если его не пропустят, то придется, как это ни печально, дожидаться темноты. Остальное не представлялось сложным. Арцеулов уже давно заметил стоявший метрах в пятидесяти от паровоза полуразбитый брошенный состав, примыкавший прямо к станции. Если удастся прошмыгнуть к нему и нырнуть в скопище старых заснеженных вагонов, то поймать его будет практически невозможно. Ну а если прошмыгнуть не удастся, то можно будет воспользоваться и револьвером. Каких-либо сантиментов по отношению к чехам капитан не испытывал. Да, в темноте он почти наверняка сумеет уйти, но терять несколько часов светлого времени не хотелось, тем более с темнотой сюда вполне могли прийти те, что жгли костры в сопках.

Его очередь подошла неожиданно быстро. Он сунул майору офицерскую книжку и стал ждать. Чех медленно, шевеля толстыми губами, прочитал его фамилию и уставился в список. Сейчас он найдет Арцеулова в списке — там он стоит одним из первых — и...

Капитан живо представил, как выхватывает удостоверение у этого борова, бьет его ребром ладони по горлу, вырывает у ближайшего легионера винтовку... Все это было настолько просто и осуществимо, что Ростислав закусил губу, чтобы не выдать себя. Он, конечно, прорвется и даже сумеет добежать до станции — у него будет как минимум полминуты, да и чехи — стрелки неважные. Но на станции его встретят другие легионеры, и вот тогда податься будет некуда!

Майор нашел его фамилию в списке и равнодушно помотал головой (что, судя по всему, означало отказ), небрежно вернув Ростиславу документ. И тут Арцеулов заметил, что рядом с майором появился еще один офицер — молодой подпоручик с симпатичным курносым лицом, одетый почему-то не в полушубок, а в зеленую шинель, явно не по пого-

де. Подпоручик что-то шепнул майору, тот даже не повернул головы, но потом замер, недвижно постоял несколько секунд и вдруг удивленно поглядел на Арцеулова, буркнув: «Проходите».

Капитан не заставил себя упрашивать, мгновенно проскочив за цепь легионеров. Отойдя метров на двадцать, он не удержался и оглянулся, но молодого подпоручика в зеленой шинели уже не было.

Это был не первый странный случай, случившийся с ним в этот день. Оставалось предположить, что адмирал сумел-таки договориться с чехами, и молодой офицер передал майору приказ начальства. Придумать что-либо иное Арцеулов покуда не мог.

Станция встретила его шумом сотен голосов. Люди штурмовали чешские эшелоны, пытаясь договориться с легионерами о проезде через восставший Иркутск. И здесь чехи выставили шеренгу «вояков» с примкнутыми штыками; а переговоры вели несколько наглых, таких же мордатых, как и недавно виденный майор, офицеров. По обрывкам доносившихся до него разговоров Ростислав быстро понял, что сумма, названная подполковником Ревяко, давно уже перекрыта и растет дальше — по толпе то и дело ползли слухи о приближавшихся повстанческих отрядах, которые якобы должны занять Нижнеудинск к вечеру, о чем будто бы уже есть договоренность между чешским Национальным Советом и командующим партизанским фронтом Зверевым.

Потолкавшись с полчаса, Арцеулов понял, что на станции ему делать нечего. Он выбрался из гудящей толпы и свернул в глубину небольшого пристанционного поселка. Здесь было тихо. Редкие прохожие кидали равнодушные взоры на офицера в приметном черном полушубке. Впрочем, некоторые взгляды были не столь индифферентны, и Ростислав подумал, что из Нижнеудинска надо уходить, не дожидаясь темноты.

Оставалось одно — достать где-нибудь лыжи и попытаться повторить то, что не удалось полковнику Белоногову. Арцеулов вспомнил карту — неподалеку, в нескольких верстах, начинался Великий Сибирский тракт, по которому (согласно слухам) уходили к Байкалу отступавшие белые части. Если ему удастся дойти туда и собрать группу таких

же, как он, то остальное не представлялось особо сложным. Он, конечно, прорвется, но в этом случае он не успеет в Иркутск к сроку, и приказ Верховного останется невыполненным.

Капитан медленно шел по пустой улочке, ведущей прямо в ближние сопки, и думал о том, что надежнее всего собрать сейчас на станции десятка два офицеров и попросту захватить один из чешских эшелонов. Это было вполне осуществимо — братья-славяне за последние полгода отучились воевать и покрылись жирком. Но до Иркутска он не доберется и в этом случае — вся дорога находилась под союзным контролем, и их остановят на ближайшем же переезде.

Внезапно Арцеулов остановился, сообразив, что забрел слишком далеко. Станция оставалась позади, а за последними домиками начиналась огромная снежная равнина, круто заворачивавшая вверх, к подножию ближайшей сопки. Ростислав повернулся, чтобы идти обратно, и тут увидел, что на пустынной улочке он не один. Совсем рядом появилась большая серая собака, вероятно вынырнувшая из-за ближайшего забора.

Арцеулов не боялся собак, но эта почему-то ему не понравилась. Он хотел было отогнать серую тварь, но сдержался и не спеша пошел обратно. Собака бежала следом, бежала ровно, не отставая, но и не стараясь обогнать. Ростислав не выдержал и остановился. Собака тоже встала и посмотрела прямо в глаза человеку.

Ростиславу стало не по себе. Это было что угодно, но только не собачий взгляд. «Бред», — подумал он и хотел идти дальше, но заметил, что впереди, отрезая ему путь, сидят еще два точно таких же зверя.

«Волки, — вспомнил он. — Вокруг полковника Белоногова были только волчьи следы! Но ведь это же не волки, это собаки!»

Теперь серые твари — не волки, конечно, но такие же крупные и крепкие, — сдвинулись в одну линию, надежно закрывая обратный путь. Собачьи глаза всегда очень выразительны, но сейчас Ростиславу казалось, что он явственно слышит безмолвную команду: «Ни с места!»

И тут сзади послышался чей-то негромкий смешок.

Он резко повернулся, выхватывая револьвер. В нескольких шагах от него стоял высокий мужчина в теплой

серой шинели, подпоясанной офицерским ремнем, но без погон. Лицо человека было необычным — тонкие, красивые черты портил красноватый цвет кожи. Это была непонятная краснота — не морозный румянец и не летний загар. Как будто кто-то ввел под кожу неизвестному грязновато-бурую киноварь, отчего даже ярко-алые губы казались почти незаметными. Большие, какого-то блеклого цвета глаза смотрели на Арцеулова презрительно, а рот кривился в усмешке.

Ростислав понял — его ждали. В руках незнакомца не было оружия, но проклятые собаки рядом. Было ясно, что при первом же движении твари бросятся на него. Арцеулов застыл на месте, лихорадочно пытаясь найти выход. Теперь он понял, как погиб полковник Белоногов.

Незнакомец в серой шинели вновь рассмеялся, а затем чуть махнул рукой. Собаки, повинувшись понятной им команде, подошли совсем близко.

— Советую быть благоразумным, господин Арцеулов, — голос неизвестного был резок и насмешлив. — Письмо при вас?

Ростислав молча кивнул. Выхода не было. Сейчас этот тип потребует письмо... Нет, краснолицый не дурак, вначале он прикажет выбросить оружие. Тогда Арцеулов кинет в снег револьвер, потом откроет сумку — скажет, что письмо там... Интересно, эти псы реагируют только на револьверы или на любой предмет в руке? Если нет, он успеет кинуть гранату...

Незнакомец не спешил. Похоже, ситуация доставляла ему своеобразное удовольствие.

— Бросьте сумку! — услышал Арцеулов. — И не дурите, капитан, а то от вас не останется даже клочьев!

Ростислав понял, что вариант с гранатами не пройдет, и послушно отбросил полевую сумку в сторону. Одна из собак тут же подбежала и легла рядом, словно занимая пост. Теперь к сумке было не подойти.

— Револьвер! — велел краснолицый.

«Все, — подумал Арцеулов. — Господи, как глупо!»

И тут он услышал — нет, память подсказала ему — тихий женский голос, слышанный во сне. Голос Ксении. «Обязательно надень мой перстень...»

Это было нелепо, но левая рука уже оказалась в кармане полушубка, пальцы нащупали перстень, и тут Ростислав

заметил, что одна из собак внезапно вскочила и испуганно дернулась, словно кто-то невидимый ударил ее.

Перстень! Ростислав, уже не думая о бессмысленности своих действий, выхватил кольцо и надел на средний палец левой руки. Почему он поступил именно так, он и сам не понимал, но думать было некогда. Он поднял руку с перстнем перед собой, яркое зимнее солнце блеснуло на темном серебре, и в ту же секунду собаки, как по команде, отшатнулись в сторону.

— Ух ты! — не удержался Ростислав. Ему вдруг стало весело. Он взмахнул рукой, и собака, стоявшая ближе прочих, упала на снег и жалобно завизжала.

— А ну пошли! — крикнул капитан, почувствовав, что проклятые твари напуганы до смерти. Собаки, оглядываясь, убежали в ближайший переулок. Арцеулов вскинул револьвер, но в последний момент палец на спусковом крючке замер. Стрелять было незачем — улица опустела, и только собачьи следы свидетельствовали о том, что все случившееся ему не привиделось.

Ростислав поднял сумку с гранатами, еще раз оглянулся — все было тихо и спокойно — и, не торопясь, пошел обратно. Ему хотелось бежать, но капитан сдерживал себя. Случившееся выглядело чем-то диким и неправдоподобным, но он вдруг подумал, что теперь, когда перстень у него на руке, он может быть спокоен. По крайней мере, собаки и тип в серой шинели ему не страшны. Правда, если этот краснолицый приведет десяток повстанцев с пулеметами, перстень едва ли будет столь же полезен.

Итак, путь в сопки тоже был закрыт. Оставалось толкаться в станционной толпе, надеясь на случайную удачу. За это время народу возле чешских эшелонов прибавилось. Шум усилился, в нескольких местах уже шла драка, где-то совсем близко ударил выстрел, затем еще один. Толпа шархнулась было прочь, но затем вновь прихлынула к перрону.

Ростислав стоял особняком, злясь на самого себя. Ничего не придумывалось, оставалось ждать ночи. Ночью можно будет все же попытаться уйти.

Арцеулов вздохнул и достал из кармана пачку папирос «Атаман» с грозным чубатым казаком на коробке. Куда-то подевалась зажигалка; Ростислав, негромко ругаясь, стал шарить по карманам, когда вдруг услышал щелчок — чьи-то руки поднесли к его лицу трепещущий огонек.

— Спасибо, — пробормотал капитан, жадно затягиваясь.

— Не за что, брат-воjak.

Арцеулов удивленно поднял глаза и увидел знакомого ему чешского подпоручика в зеленой шинели. Курносое лицо улыбалось, и только глаза молодого офицера вдруг показались Ростиславу какими-то неживыми — тусклыми и неподвижными.

— Что грустишь, брат-воjak? — продолжал чех. По-русски он говорил чисто, почти без акцента. Арцеулов лишь пожал плечами. Легионер покачал головой и вновь усмехнулся.

— Не обращай внимания, брат-воjak! Все будет нормально! Сейчас здесь пройдет пан полковник Гассек, обратись к нему, и он посадит тебя на поезд.

Арцеулов замер. Чех козырнул двумя пальцами и, круто развернувшись, зашагал в сторону эшелона. Вдруг он остановился, обернулся и сказал негромко, уже без всякой улыбки:

— И никогда не снимай перстня, брат-воjak!

Ростислав машинально глянул на кольцо, а когда поднял глаза, то странного подпоручика уже не было. Он оглянулся и вдруг увидел нескольких легионеров, не спеша приближавшихся со стороны станции. Впереди шел пожилой офицер с полковничьими петлицами. Думать было некогда. Ростислав подождал, покуда офицеры поравняются с ним, а затем быстро развернулся и заступил дорогу.

— Вы полковник Гассек? — Надо было спешить, покуда остальные офицеры не успели вмешаться.

— Да-а-а, — протянул полковник. — А в чем собственно...

Он уставился на Арцеулова и вдруг замолчал. Свита, готовая было вмешаться, стала нерешительно переглядываться.

— Я капитан Арцеулов. Выполняю чрезвычайное поручение Верховного Правителя, — говоря это, Ростислав вдруг сообразил, что, кроме письма к Ирману, у него нет никаких документов, подтверждающих его полномочия; впрочем, отступить было поздно. — Требуется ваша помощь, господин полковник!

— Ваш Верховный час назад сдал полномочия Деникину, — брезгливо прервал Арцеулова один из офицеров.

— Помолчите, — заметил полковник. — Продолжайте, капитан.

Арцеулов глубже вздохнул и выпалил:

— Я имею приказ добраться до Иркутска. Срочно. Прощу помочь.

— Иркутск занят повстанцами, капитан, — напомнил один из чехов.

Ростислав молчал. Все, что было можно, было сказано. В общем-то, чехи и раньше не горели желанием помогать Верховному. Теперь же, если адмирал действительно отрёкся...

— Вы уверены, капитан, что вам нужно именно в Иркутск? — внезапно спросил полковник.

— Так точно, — отрубил Арцеулов. — У меня приказ, господин полковник.

— Хорошо, — чуть подумав, ответил Гассек. — Мы доставим вас в Иркутск. Остальное — под вашу ответственность. Распорядитесь!

Последнее относилось к тому самому офицеру, что сообщил об отречении адмирала. Он с изумлением поглядел на полковника, затем на Арцеулова, вероятно не понимая причин такого внимания к безвестному капитану. Но полковник уже козырнул Ростиславу и направился дальше. Ростислав с запоздалым сожалением сообразил, что не успел его поблагодарить.

— Пойдемте, господин капитан, — вздохнул обладатель брезгливого голоса. — У пана полковника сегодня непонятное настроение... Так вы уверены, что вам надо именно в Иркутск?

— Да, — кивнул Ростислав. Он и сам не мог понять причины такой удачи.

— Хорошо, — продолжал чех. — Через полчаса отходит эшелон. Но имейте в виду, вы едете только до Иркутска. Если вы рассчитываете на что-нибудь большее...

— Мне надо в Иркутск, — повторил Ростислав, вдруг почувствовав, как нелегко дался ему этот день.

— Вам виднее, — пожал плечами офицер, — но имейте в виду, в Иркутске мы контролируем только вокзал.

Арцеулов не отвечал. Чех удивленно поглядел на странного русского, и они оба зашагали в сторону станции.

Посланец Сиббюро

Степа Косухин оказался в Иркутске ранним утром шестого января, голодный, изрядно замерзший, но полный революционного оптимизма. С ним была его партизанская гвардия — сотня черемховских шахтеров, вместе с которыми он воевал уже третий месяц. Еще за день до этого они доели последние консервы и дожевали остаток сухарей. О табаке и говорить не приходилось — курящие, в том числе и сам Косухин, страдали уже который день. Мерзавцы-чехи предлагали меняться, но ничего путного в обмен не было. В конце концов распропагандированный Степой легионер подарил черемховцам две пачки какой-то жуткой японской отравы, которой хватило лишь на одну раскурку, да и то по половине папиросы на каждого. Впрочем, Степа не унывал. Он выполнил приказ Иркутского большевистского комитета и самого товарища Чудова, а по сравнению с этим все остальное было несущественной мелочью.

Приказ этот пришел в Черемхово аккуратно вечером третьего января. Товарищ Чудов сообщил о взятии власти в Иркутске эсеровским Политцентром, о заключении соглашения между ними и большевиками, требуя немедленной присылки подкреплений для усиления большевистского влияния в городе. Командиром он приказывал назначить товарища Косухина Степана Ивановича.

Степа был горд. В Черемхове и его окрестностях было немало командиров постарше и поопытнее его, и он воспринимал этот приказ как особое доверие партии. Правда, многие, как он успел заметить, не очень рвались из угольного района, где в последние дни стало относительно спокойно, в Иркутск, где ожидалось серьезные дела. Война шла к концу, и многие товарищи начали проявлять самый настоящий оппортунизм. Косухин презирал оппортунистов. Он быстро собрал отряд, причем взял только добровольцев из тех, кого знал лично, позаботился о том, чтобы каждый из партизан имел по две обоймы к винтовке и по три самодельные ручные бомбы, и той же ночью занял позицию вдоль железной дороги. Первые два эшелона, сопровождаемые бронепоездами, пришлось пропустить, зато третий ока-

зался как раз таким, каким нужно. Легионерский пост у semaфора был обезврежен заранее, и перепуганный чешский комендант эшелона после долгой ругани согласился выделить для маленькой армии Степы Косухина два пустых вагона. Правда, вагоны оказались товарными, мороз продирал до костей, а проклятые чехи категорически отказались выделить отряду хотя бы ящик тушенки. Впрочем, получив отказ, Степа не стал настаивать. Главное было — быстрее добраться до Иркутска, где, как он чувствовал, его отряд будет очень нужен для дела мировой революции.

Смысл происходящего Косухин подробно объяснял бойцам отряда, для чего неоднократно переходил из вагона в вагон, один раз чуть не свалившись прямо под колеса поезда. Партизаны были ребятами сознательными и понимали с полуслова.

Степа был уверен, что радоваться по случаю захвата Иркутска рано. Прежде всего в Иркутске власть взяли не лучшие представители трудового народа — большевики, а тайные агенты мирового капитала — эсеры, сибирские кооператоры и прочая мелкобуржуазная шушера. Более того, часть города по-прежнему контролируют мерзавцы чехи, которые хотя и объявили нейтралитет, но втайне, без сомнения, сочувствуют классово близким им гадам белогвардейцам. И наконец, поблизости от Иркутска стоят банды врага трудового народа атамана Семенова, а с запада, сквозь тайгу, в город идет недобитый генерал Каппель. Ввиду этого Степа считал совершенно необходимым установление в Иркутске власти Советов, для чего, по его глубокому убеждению, и предназначался его отряд.

Со Степой не спорили. Несмотря на свои двадцать два года, Косухин пользовался немалым авторитетом. Его уважали за лютую, истинно классовую ненависть к врагу и безупречное пролетарское происхождение. Все знали, что товарищ Косухин был прислан в Черемхово еще в августе месяце по приказанию Сибирского бюро ЦК, а что такое Сиббюро — в эти месяцы знал каждый. Степа, до того громивший белых гадов под командованием самого Фрунзе, теперь стал одним из организаторов повстанческого движения в районе Иркутска и, несмотря на отсутствие партизанского опыта и молодость, вскоре неплохо проявил себя, заслужив похвалу самого товарища Нестора — знаменитого анархо-коммуниста Каландаришвили. Собственно, Ка-

ландаришвили и познакомил Степу с товарищем Чудовым, который, как только в Иркутске начались бои, и вспомнил о молодом посланце Сиббюро.

Отряд Косухина вывалился из вагонов в аккурат на первой платформе Иркутского вокзала и тут же был со всех сторон окружен целым батальоном легионеров. Партизаны уже отстегивали тяжелые самодельные бомбы жуткого вида, когда наконец подбежал какой-то перепуганный офицер, с которым Степа вступил в переговоры. Как выяснилось, чехи, занимавшие вокзал, всерьез решили, что воинство Косухина в нарушение перемирия прибыло для штурма иркутского железнодорожного узла.

Будь у Степы не рота, а, к примеру, батальон, он, вероятно, так бы и поступил. Соблюдать соглашения с проклятыми империалистами он не собирался. Однако силы были неравны, и Косухин потребовал немедленного предоставления каждому бойцу по пачке папирос и свободного пропуски отряда за пределы станции. И то и другое было ему тут же предоставлено, после чего довольный таким развитием событий Косухин вывел отряд на привокзальную площадь.

Правда, тут произошла заминка. Степа ни разу не был в Иркутске и не представлял себе, куда и каким маршрутом ему надлежит двигаться дальше. Втайне он надеялся, что кто-то — если не сам товарищ Чудов — позаботится встретить его гвардию. Но на привокзальной площади, кроме толпы мешочников, дамочек определенного рода занятий и публики явно буржуйского вида, никого не было. Подождав с полчаса, Косухин решил двигаться по неизвестной ему улице, которая (по уверению одного из шахтеров, бывавшего в Иркутске) вела к центру.

Прежде чем двигаться дальше, Косухин велел бойцам привести себя в порядок, проверить оружие и в дальнейшем соблюдать революционную дисциплину. Возражений не последовало, но по унылому виду подчиненных Степа сообразил, что два дня в заледенелых вагонах несколько поубавили сознательности в отряде, и многие в настоящий момент предаются мечтам не о мировой революции, а о куда более прозаических вещах.

Степа и сам понимал, что бойцов надлежит кормить и вовремя укладывать спать, но делать было нечего, и он дал

приказ двигаться в город. Поход начался спокойно. Бойцы проявляли, как и было сказано, революционную дисциплину и даже пытались идти в ногу. Правда, иркутские обыватели, определенно из числа мелкой и даже крупной буржуазии, почему-то шарахались в сторону, а некоторые, из наименее сознательных, даже пытались прятаться по подворотням. Вероятно, на них производили неизгладимое впечатление огромные самодельные бомбы, болтавшиеся на поясе у бойцов отряда. В целом, Косухин был доволен производимым эффектом. Дело в том, что эти бомбы, производимые в Черемхове в бывших железнодорожных мастерских, несмотря на свой устрашающий вид, взрывались далеко не всегда. Зато моральное воздействие они оказывали в любом случае, в чем Степа в очередной раз имел возможность убедиться.

Где-то за вторым перекрестком отряд был остановлен каким-то эсеровского вида патрулем, но Степа не стал вступать в ненужные дискуссии, а попросту скомандовал «вперед» — и отряд прошествовал дальше под изумленными взглядами оторопелых патрульных.

Вскоре путь отряду преградила Ангара, через которую пришлось перебираться прямо по льду. Степе объяснили, что могло быть и хуже — могучая река замерзала не каждую зиму, и тогда приходилось доверять сметанному на живую нитку наплавному мосту. Косухин представил себе дымящуюся под ногами черную гладь — и еле удержался, чтобы не перекреститься.

Они шли уже больше часа. Вокруг вырастали недвусмысленно буржуазного вида дома, и Степа начал догадываться, что центр где-то недалеко. Он попытался было спросить об этом у встречных, но упрямые иркутские обыватели избегали беседы с товарищем Косухиным. В конце концов Степа махнул рукой и решил идти дальше, избрав ориентиром огромный собор, возвышавшийся неподалеку. Собор привлекал Косухина прежде всего толщиной стен, за которыми в случае необходимости можно всегда отсидеться, и высокой колокольной, на которой можно расположить наблюдательный пункт.

Однако до собора дойти не удалось. За ближайшим перекрестком дорогу отряду преградил целый взвод солдат без погон, но с цветными повязками на рукавах шинелей. Солдаты были настроены решительно. Степа, конечно, не сбавил бы темпа перед подобным препятствием, если бы не

два пулеметных ствола, смотревших на него равнодушными черными зрачками. Это был веский аргумент, и Косухин приказал отряду остановиться.

Из рядов солдат вышел высокий бородатый мужчина в черной кожанке, обвешанный таким обилием оружия, что Степа мгновенно позавидовал. Тип в кожанке потребовал объяснений. Из его речи Косухин уловил, что славный Степин отряд почему-то принимают за банду грабителей, отчего в городе несознательные граждане подняли форменную тревогу. От возмущения Степа побелел и хотел было уже, проигнорировав пулеметы, идти на прорыв, когда заметил, что из соседних переулков выбегают новые солдаты в повязках, со стороны вокзала не спеша катит броневик, и в результате получается форменное, по всем правилам, окружение. Степа вздохнул и достал свой мандат, а также приказ, полученный от товарища Чудова.

Грозный мужчина в кожанке оказался самим Флором Федоровичем, председателем Политцентра. Степа, представлявший эсеров исключительно гнусными интеллигентами с козлиными бородами и в пенсне, поглядел на знаменитого на всю Сибирь боевика с определенным уважением. Впрочем, как он понял, его особа заинтересовала Федоровича значительно меньше. Убедившись, что перед ним все же не банда, а сознательный авангард черемховского пролетариата, Федорович смерил Косухина несколько снисходительным взглядом и распорядился отвести отряд в казармы, где он будет поставлен на довольствие, а затем распределен для несения караульной службы в городе.

Степа вновь возмутился и потребовал немедленного свидания с товарищем Чудовым. Федорович не возражал, но категорически настоял, чтобы товарищ Косухин приказал отряду двигаться в указанном направлении, а именно в казармы, где для товарищей черемховцев будет приготовлена горячая еда. К товарищу же Чудову они направятся вместе, тем более что сам Федорович как раз собирался в городскую тюрьму.

Степа не понял, какая связь существует между товарищем Чудовым и городской тюрьмой — не означало же это, что вождь иркутских большевиков до сих пор томится в застенках? Федорович поглядел на Степу еще более снисходительно, пояснив, что именно в городской тюрьме товарищ Чудов устроил свой служебный кабинет.

Степа вздохнул и отдал команду. К его разочарованию,

бойцы, услышав о предстоящем обеде, разом потеряли революционную бдительность и мгновенно побратались с классово подозрительными солдатами в разноцветных повязках. Федорович кивнул, и из переулка вынырнул огромный автомобиль. Степа вновь вздохнул и покорно сел в машину.

Он решил хранить гордое молчание, но в конце концов не выдержал и рассказал грозному Федоровичу о своем путешествии в нетопленном товарняке, о мерзавцах чехах и даже своих мучениях из-за отсутствия табака. Федорович выслушал Степин рассказ с неожиданным сочувствием, с табаком обещал помочь, а с чехами посоветовал быть осторожнее — на Иркутск шел Каппель, и от позиции легиона зависело очень многое.

Тюрьма охранялась очень хорошо. Караульные долго не хотели пропускать Степу, несмотря на мандат и даже приказ Чудова; и лишь поручительство Федоровича открыло перед ним ворота. Степа, еще ни разу в жизни в тюрьме не бывавший, почувствовал определенную робость, но одернул себя. Тем более здесь наконец он сможет повидаться с верным большевиком товарищем Чудовым.

Пров Самсонович Чудов занимал маленькую комнатушку на втором этаже административного корпуса. Он сидел за столом и листал пухлое «дело» в серой обложке. При виде вошедших он грозно поднял брови, но затем радостно хмыкнул и, чуть переваливаясь, направился к гостям.

— А! Здорово, здорово, товарищ Косухин! — прогудел он низким басом, сжимая огромной ручищей тонкую ладонь Степы. — Вовремя ты, вовремя! Здорово, товарищ Федорович, проходи, проходи!

Бог не обделил Прова Самсоновича ни голосом, ни силой. Правда, ростом вождь иркутских большевиков явно не вышел — невысокий Степа был выше Чудова не на голову, а чуть ли не на две. Впрочем, в остальном товарищ Чудов выглядел настоящим богатырем — особенно если он не стоял, а сидел за столом, подложив на сиденье с полдюжины папок с делами. Пров Самсонович, очевидно, догадывался об этом, поскольку тут же уселся на место, предложив гостям рассаживаться на скрипящих и шатающихся стульях. Впрочем, Степа не стал садиться, а остался стоять, желая доложить Прову Самсоновичу по всей форме.

Но его опередил Федорович.

— Отряд Косухина мы разместили, — заявил он, доставая из кармана кожаной куртки портсигар и неторопливо закуривая. — Но в следующий раз, товарищ Чудов, прошу предупреждать в подобных случаях. В городе напряженная обстановка, этак недалеко до паники!..

— Ниче, ниче! — взмахнул ручищей Пров Самсонович. — Пушай буржуи мясами поерзают! Пушай страху наберутся! От того делу пролетарьята одна польза будет.

Федорович не стал возражать, но поморщился: было очевидно, что он не разделяет этой истинно большевистской точки зрения. Степа же, напротив, был полностью согласен с мнением Прова Самсоновича. Правда, немного смущало, что его славный отряд был принят не за авангард мировой революции, а за деклассированный разбойничий элемент. В следующий раз, наверное, следует заранее запастись транспарантом красного революционного колеру с соответствующей разъяснительной надписью.

— Мы распределим отряд товарища Косухина для несения караульной службы, — сообщил Федорович уже известное Степе и так не понравившееся ему решение. — Плохо, что город не знают... Ну ничего, разбавим нашими!..

Степа чуть не задохнулся от возмущения. Его славных орлов не только отправляли куда-то ловить мешочников, но еще и «разбавляли» каким-то классово чуждым элементом! Он ожидал, что товарищ Чудов тоже возмутится, но Пров Самсонович смолчал, чем поверг Степу в явное недоумение. Между тем Федорович перекинулся с хозяином кабинета несколькими словами по поводу какого-то генерала Ярышева, после чего обещал заехать вечером и распрощался.

— Вот, видал! — буркнул Чудов после минутного молчания. — Думает, он тут хозяин! Ниче, ниче, ненадолго!

— А крепкий мужик, — заметил Степа, на которого зашитый в черную кожу председатель Политцентра все же произвел определенное впечатление.

— А это мы посмотрим, какой такой он крепкий, — обещал товарищ Чудов, вставая и постукивая кулачищем по своей могучей груди. — И не таким вязы сворачивали! Мы с тобой, товарищ Косухин, первым делом что должны сделать, а?

— Как что, чердынь-калуга! — удивился Степа, любивший порой подобные кудрявые выражения. — Перво-на-

перво надо власть Советов определять! А этого Федоровича, ясное дело, в чеку!

— Точно, точно! — удовлетворенно заметил Пров Самсонович. — Но для этого, товарищ Косухин, надо сил накопить. Пушай твои ребята покуда по улицам ходят да присмотрятся... Деньков через пять соберем тысячи полторы-две и тогда тряханем этих эсеришек! Ну а покуда делами займемся. Дел у нас, товарищ Косухин, скажу тебе, много. Чистить город надо. Буржуев тут, я тебе скажу, хуже некуда — тьма. К тому же купчишки всякие, особенно офицерье! Ох, офицерья тут, доложу тебе, — сила... И лютые — страх!

— Да, сволочи они знатные, — кивнул Косухин. — Всех бы их да к стеночке, чердынь-калуга, да штыками, чтоб патроны не тратить!

— Это правильно, — удовлетворенно заметил Пров Самсонович. — Это по-нашему, по-партийному... Постой, — вдруг осекся он. — Постой-ка, товарищ Косухин, ведь у тебя-то самого брат родной офицером был, белая кость!

— Ты это, товарищ Чудов, брось! — Степа вскочил и от возмущения даже взмахнул рукой. — Ты про белую кость-то не очень!

— Чего, врут? — сбавил тон хозяин кабинета. — Ну так и скажи, что врут, а то чего шуметь-то!

— Да не в том дело, — окончательно озлился Косухин. — Мой брат и вправду офицером был. Только какая он белая кость?! Сам выучился... И не каким-то там офицером, а летчиком! На «Фармане» летал!

— А какая, к шуту, разница? — удивился Чудов. — Офицер — он все равно офицер!

— А такая... — буркнул Степа и замолчал.

Степан Косухин очень любил своего старшего брата Николая. Оба рано осиротели, и Николай, который был старше Степы на десяток лет, сделал все, чтобы младший брат выучился и вышел в люди. Николай был высок, красив, смел, а главное, любил Степу, защищал и рассказывал ему то, что знал сам, — о дальних странах, полярных путешествиях, о первых аэропланах, которые в ту пору нелегко было увидеть даже на карточке. Степан гордился братом, втайне мечтая закончить летную школу и тоже выучиться на авиатора.

В октябре 1914 года поручик Николай Косухин не вер-

нулся из разведывательного полета. Случилось это неподалеку от города Рава-Русская в далекой Галиции.

— Ну, товарищ Косухин, — примирительно заметил Чудов, — я ж тебя знаю как сознательного партийца, а чуждый элемент, он всегда затесаться может.

— Николай — не чуждый элемент, — негромко, но зло ответил Степа. — Он лучше всех вас был! Он в тринадцатом году рекорд высоты поставил! Он на фронт добровольно пошел, хотя мог в авиашколе остаться!

— Ну это ты брось! — рассудил Чудов. — Ишь, добровольно! Куда он добровольно пошел? На империалистическую войну! Защищать царя да помещиков! Вижу, молодой ты еще, Степан, да недостаточно сознательный!

— Мне, между прочим, орден Красного Боевого Знамени сам товарищ Троцкий вручал, — спокойно заметил Степа. — Так что не дави, товарищ Чудов. И вообще, меня сюда Сиббюро прислало, — видать, за несознательность!

Тут уж Прову Самсоновичу пришлось смолчать. Он бросил на Степу угрюмый взгляд — Чудов уважал товарища Троцкого и тем более Сиббюро, хотя и считал, что те, кто находится за линией фронта, ни черта в здешних делах не понимают. Но этот вопрос явно не подлежал обсуждению, тем более в такой напряженный момент.

— Ладно, — заявил он. — Ты, товарищ Косухин, иди куда, отдыхай. А вечером делами займемся. Будешь моим заместителем!..

Отдыхать Степе пришлось здесь же, в помещении тюрьмы, в соседней комнате. Правда, на такие мелочи он уже не обращал внимания. Вечером Пров Самсонович дал ему команду взять пятерых бойцов большевистской боевой дружины и пройтись по разным адресам, где, по сведениям сознательных граждан, могли укрываться недобитые офицеры. Проводником для Степы и для дружинников, также плохо знавших Иркутск, был назначен молоденький очкастый гимназист из сочувствующих.

Первые несколько адресов оказались липой. Некоторые квартиры были пусты, а в других оказывались то старики, то перепуганные женщины, ни о каких офицерах не знавшие и не ведавшие. Наконец на одной из квартир повезло — удалось задержать целого полковника, забежавшего на часок повидаться с женой. Полковника, а заодно и суп-

ругу, тут же отправили под караулом к товарищу Чудову, а сам Степа с двумя оставшимися бойцами да с очкастым гимназистом направились по последнему адресу на улицу Троицкую.

Дом был двухэтажный. Перепутанный дворник сообщил, что нужная квартира находится на втором этаже, что там действительно со вчерашнего дня находятся какие-то подозрительные мужчины, а принадлежит эта квартира не кому-нибудь, а действительному статскому советнику Бергу.

Степа осторожно, стараясь не попадать под свет агонирующего фонаря, осмотрел подозрительные окна. На первый взгляд в квартире было темно, но, всмотревшись, Косухин заметил тонкую полоску света.

«Шторы задернули, — понял он. — Видать, бывалые...»

Степа еще раз осмотрел дом. Наверх вела узкая наружная лестница. Он прикинул, что будь он сам, к примеру, постояльцем этой подозрительной квартиры, то легко бы перещелкал весь свой отряд, да еще прихватил бы лишку. Правда, в квартиру вел и черный ход, но он тоже не вызывал доверия. Косухин обошел дом, подумал, шепотом спросил дворника о планировке квартиры и наконец принял решение.

Один из дружинников получил приказ сторожить у главного входа, другой — у черного. Гимназиста, как недостаточно боеспособного, Степа отослал в дворницкую, предварительно реквизировав у него шарф. Интеллигент попробовал было подать голос, но взглянул на сурового Степу и стих.

Когда все было готово, Степа скинул полушубок, проверил оружие и обмотал лицо шарфом. Осторожно, стараясь оставаться в густой черной тени, он подобрался к одному из окон, выходящих во двор, и, легко подтянувшись, оказался рядом с окном одной из комнат. Он подергал за раму, но окно было двойным и закрытым на совесть. Степа тихо чертыхнулся, поправил прикрывавший лицо шарф и что есть силы врезал рукояткой револьвера по стеклу.

Через несколько секунд он был уже в комнате. Степа все-таки слегка порезался, но поранил не лицо, а руку, что было, конечно, несущественно. Соскочив на пол, он выхватил гранату и, одним прыжком добравшись до двери, распахнул ее.

Перед ним была еще одна комната, на этот раз освещенная. Посреди, испуганно оглядываясь — шум разбитого стекла, очевидно, все же привлек внимание, — стояли трое мужчин. Двое были явно офицерского вида, один даже не удосужился снять мундир, а третий — в очках, худой и тщедушный — чем-то напомнил Степе его проводника-гимназиста. Во всяком случае, этот тип не был опасен.

— Ни с места, — выдохнул Косухин и, взмахнув гранатой, навел револьвер на человека в мундире. — Не двигаться, чердынь-калуга, а то всех положу, контра!

— Мы сдаемся, — после секундного молчания сказал тот, что был в мундире.

— Руки поднять! — велел далее Степа. — Эй ты, в очках!

— Простите, вы мне? — с нотками возмущения поинтересовался тщедушный тип.

— Вам, вам! — усмехнулся Степа. — А ну-ка дуй в переднюю и отворяй дверь! И смотри: чуть что — стреляю!

Вскоре в парадную дверь уже входил стороживший на лестнице дружинник, а еще через минуту был открыт черный ход, и вся маленькая Степина армия оказалась в сборе.

— Ну а теперь выкладывай оружие! — распорядился Косухин. — Да живо, контра, пошевеливайся!

У задержанных оказались два револьвера и кортик. У тщедушного, как и думал Степа, оружия не нашлось.

— Ну и хорошо, — резюмировал Косухин. — Граждане, вы арестованы как подозрительный элемент. Прошу документы.

— Так вы ЧК? — ни с того ни с сего удивился один из офицеров, тот, что был в штатском.

— А кто же еще? — в свою очередь поразился людской непонятливости Косухин. — Вы что, Красный Крест ждали?

— Мы думали, вы бандиты, — отрезал тот, что был в мундире. — А впрочем, особой разницы не вижу! Вот мои документы. Говорю сразу, никакого отношения к хозяевам ни я, ни мой товарищ не имеем. Мы просто постучались, и нас приютили...

— Разберемся, — пообещал Степа, смертельно обиженный за столь нелестное сравнение. Он вдруг вспомнил, что в таких случаях полагается предъявлять мандат, но решил, что контра поверит ему и на слово.

У задержанных оказались офицерские книжки; один был капитаном, а второй — подполковником.

— Ну а ты что, тоже постучался? — поинтересовался Степа у тщедушного типа в очках.

— Как вы смеете говорить со мной таким тоном! — возмутился тот. — Извольте говорить мне «вы»!

Степа хотел было разобраться с наглым буржуем, но затем решил, что препирательство с таким типом ниже его революционного достоинства.

— Прошу предъявить документы, — предложил он. — И побыстрее, пожалуйста!..

У очкастого типа обнаружилась большая бумага с печатями, из которой явствовало, что задержанный является студентом Петербургского университета, находящимся в Иркутске в командировке. Фамилия там тоже была, но Степа ее не запомнил.

— Собирайтесь, — велел он арестованным. — А я пока до комнаты осмотрю. Мало ли чего?..

При этих словах тот, что был в мундире, переглянулся со студентом, и Степа понял, что дело тут нечисто.

— Кто еще есть в квартире? — поинтересовался он. — А ну, говорите сразу!

— Здесь племянница хозяина, — начал офицер. — Видите ли...

— Значит, племянница, — перебил его Степа тоном, не обещавшим неизвестной ему племяннице ничего доброго, но тут дверь, ведущая в соседнюю комнату, отворилась — и Косухин от удивления замолчал.

На пороге стояла девушка в длинном, не по росту, платье, концы которого волочились по полу. На голове у нее была накинута огромная малиновая шаль, а в руке девушка держала большую бумажную розу.

— У нас гости, господа! — воскликнула она, и большие темные глаза ее радостно загорелись. — Гости! Среди ночи! Это так романтично! Позвольте, я подарю эту розу...

Она подбежала к Степе и протянула ему бумажный цветок.

— Простите, — попытался вставить слово пораженный Косухин, но девушка, не слушая его, мгновенно пристроила розу на Степину гимнастерку.

— Кто вы, рыцарь, пришедший из тьмы? — спросила она.

— Мы из ЧК, барышня, — сообщил один из дружинников, не менее Степы удивленный происходящим.

— «Чека»? — воскликнула та. — А что такое — «чека»? В этом слове столько тайны!..

С этими словами она положила руку на плечо Косухину, отчего тот почувствовал себя крайне неловко.

— Мы поддерживаем революционный порядок, — не особо внятно пояснил Степа, сообразив, наконец, кто перед ним. — Она что, не в себе? — негромко поинтересовался он.

— Вы же видите? — пожал плечами один из офицеров. — Впрочем, вы и сами недалеко ушли.

Степа проигнорировал эту гнусную провокацию и смолчал. Между тем девушка удивленно посмотрела на Степу, рот ее округлился, и она произнесла нечто среднее между «о» и «а».

— Так вы... — прошептала она, — так вы пришли из-за Шера? Вы нашли его? Скажите мне правду, вы нашли его?

— Вы о чем? — Степа огляделся по сторонам, рассчитывая увидеть поблизости этого неизвестного Шера.

— Это кот, — сообщил другой офицер. — У нее был кот... Во всяком случае, ей так кажется.

— Вы не нашли его, моего Шера! — с отчаянием воскликнула девушка. — О, мой Шер! Неужели вы не можете ничего сделать? Его так легко узнать — это мраморный табби, у него такая умная мордочка!..

— Пошли, — вздохнул Степа. — Поищем вашего кота, барышня...

Степа боялся сумасшедших, но все же не мог не заметить, что бедная девушка красива, несмотря на свой нелепый наряд и странное, застывшее лицо. Он покачал головой и приказал арестованным выходить на улицу, а девушке велел запереть покрепче дверь и не открывать никому из незнакомых, особенно ночью. Напоследок Степа поговорил с дворником, и тот обещал приглядеть за больной, пока куда не появятся родственники, обещавшие прибыть якобы со дня на день.

— Ну ты молодец, товарищ Косухин! — заявил довольный ночным походом Чудов. — Знатных лещей наловил! А чего девку не привел?

— Так она же больная! — удивился Степа. — Да и куда она из квартиры денется?

— Ну-ну, — заметил Пров Самсонович. — Я на твоём

месте и ее захватил бы... Правило наше такое — брать всех, а там и разбираться. Учиться тебе нашему делу придется, товарищ Косухин! Ну ладно, завтра еще адресов подкину. Почистим пролетарский Иркутск от буржуйской нечисти!

— Мелочь это, — снисходительно хмыкнул Степа. — Вот если б Федоровича за жабры взять!..

— Погодь, погодь, — пообещал Чудов. — И до него, союзничка, доберемся! Не уйдет, вражина!..

Впрочем, «вражина» Федорович мог пока что чувствовать себя в полной безопасности. Более того, именно председатель Политцентра изрядно нарушил планы Прова Самсоновича относительно Степы. На следующее же утро невыспавшийся Косухин был направлен на позиции западнее Иркутска, чтобы подготовить их к неизбежным боям — каппелевцы приближались к городу. Целый день Степа руководил рытьем окопов, которые подчас приходилось попросту взрывать в заледенелой земле, пристреливал пулеметные точки и готовил минирование большого железнодорожного моста. Последнее, однако, не удалось за полным отсутствием как специалистов, так и взрывчатки. Приехавший к вечеру на осмотр позиций Федорович остался доволен и вполне серьезно предложил Степе возглавить этот оборонительный участок. В случае его согласия глава Политцентра обещал договориться с товарищем Чудовым. При этом вражина эсер сделал кислое лицо, заметив, что его достойный союзник-большевик, похоже, слишком увлекся ловлей гимназисток в ночном Иркутске.

Степа хотел было прочитать недоумковатому эсеру лекцию о значении ВЧК — карающего меча революции, но сдержался. Ему очень хотелось остаться на боевых позициях. По молодости или по отмеченной Провом Самсоновичем политической наивности Косухин все же предпочитал с врагами лицом к лицу. Образ несчастной девушки в малиновой шали, трогательно просившей его, представителя железной когорты большевиков, найти пропавшего кота, не выходил из головы. Больная оставалась одна в пустой квартире, посреди холодного, полного опасностей города. Впрочем, Степа отгонял от себя подобные мысли, явно не соответствовавшие серьезности переживаемого момента.

Косухин дал Федоровичу предварительное согласие, потребовав к завтрашнему же числу достать нужное количество взрывчатки и взрывное устройство. В этом случае

он обещал удержать позицию даже против целых трех Каптелей. Федорович обещал, и довольный Степа направился к товарищу Чудову.

К удивлению Косухина, у кабинета Прова Самсоновича его остановил караул. Ни мандат, ни даже удостоверение, подписанное недобитым врагом революции Федоровичем, не помогли. Степа всерьез обиделся на товарища по партии и хотел было идти восвояси, когда дверь открылась и на пороге возник сам Пров Самсонович, услышавший учиненный Степой шум.

— А, товарищ Косухин, — загудел он, хлопая Степу огромной ручищей по плечу. — Заходи, заходи! Ты не обижайся, тут у нас разговор серьезный, вот я и велел не пущать! Ну, а ты, ясное дело, свой...

Несколько успокоенный этими словами Косухин шагнул внутрь и сразу же понял, что у товарища Чудова гости. Точнее, гость был один.

За столом сидел худощавый стройный мужчина в ладно сидевшей серой шинели. Его лицо — красивое, с тонкими, явно непролетарскими чертами вначале не особо понравилось Степе. Смущало и то, что цвет был какой-то странный — темно-красный, почти пунцовый. Холодные, бесцветные глаза смотрели на вошедшего внимательно, но, как показалось Степе, без малейших эмоций.

«Ишь, барин, — мельком подумалось Косухину. — И морда красная, не просыхает, видать...»

— Знакомся, Степан, — Пров Самсонович, чуть переваливаясь на ходу, вернулся к столу и стал взбираться на стул, стараясь не сбросить лежавших на нем папок. — Это товарищ Венцлав, командир 305-го полка.

Рука товарища Венцлава оказалась тонкой, но сильной и холодной, как лед. Степа, между тем, лихорадочно сообщал вслух:

— 305-й? Это же Полк Бессмертных Красных героев!

— Точно, — прогудел Пров Самсонович. — Видал, кого к нам прислали? Уважают, значит...

Степа чуть не задохнулся от волнения. Весь Восточный фронт знал, что такое Полк Бессмертных Красных героев. Попасть туда мечтал каждый, но брали немногих. Не было еще такого боя, в котором бы 305-й отступил. Полк был надеждой и славой всей Рабоче-крестьянской Красной армии.

— Я, значит, пойду, — заявил между тем Чудов, пресе-

кая попытку Степы доложить о своих достижениях. — Дела у нас, товарищ Косухин, важнее важных!..

— Идите, товарищ Чудов, — негромко, но властно распорядился товарищ Венцлав, и Косухин сразу же понял, что у большевиков Иркутска появился новый руководитель.

Пару минут они стояли молча. Венцлав смотрел куда-то в сторону, как бы не замечая Степы, а тот никак не решался заговорить с командиром легендарного полка. Наконец Степа набрался смелости:

— Вы, товарищ Венцлав, прибыли в Иркутск вместе с полком?

— Нет, — не поворачивая головы, ответил тот. — Полк сейчас в составе Пятой армии. Я добрался один, через тайгу. Впрочем, десятка два моих ребят прибудут позже.

Степа знал, что такое добираться через тайгу по такому морозу, и тут же зауважал товарища Венцлава еще больше. Он хотел выразить надежду, что славные бойцы 305-го помогут быстро разобраться с местным эсеровским гадючником, но внезапно товарищ Венцлав заговорил сам:

— Я беседовал с представителем Сиббюро, Степан Иванович. Там вами довольны. Я имею приказ о том, что вы переходите в полное мое подчинение.

— Так точно, — только и мог ответить Степа. Приказ Сиббюро был, конечно, во много раз важнее предложения Федоровича. Вдобавок к Степе чуть ли не впервые обращались по имени-отчеству.

— Я знаю, что вам предложили возглавить западный боевой участок, — продолжал Венцлав, по-прежнему глядя куда-то в сторону. — Не сомневаюсь, что вы бы справились отлично. Но речь сейчас идет о выполнении особого задания Совета Рабоче-крестьянской обороны. Ради этого я и прибыл в Иркутск.

Степа был поражен не столько важностью поручения, с которым прибыл товарищ Венцлав, сколько тем, откуда командир легендарного 305-го узнал о его разговоре с Федоровичем.

— Но вначале давайте кое-что уточним, — Венцлав медленно повернулся и поглядел прямо в глаза Степы, отчего тот сразу почувствовал себя неуютно. Взгляд Венцлава был холоден и, казалось, способен просветить Косухина насквозь. Степа хотел отвести глаза, но не решился.

— Вы — Косухин Степан Иванович, — продолжил Венцлав, а Степа слотнул и кивнул головой. — Член пар-

тии с лета 18-го, воевали на Восточном фронте, за бои на Каме получили орден Красного Знамени...

Степа вновь кивнул. Если в разговоре с Чудовым упоминание об ордене наполнило его гордостью, то теперь ему стало почему-то совестно, будто он получил орден не по праву.

— С августа вы представитель Сиббюро, воевали в основном в окрестностях Черемхова и Иркутска. Значит, местность знаете хорошо?

— Я Иркутск совсем не знаю, — признался Степа. — А вот леса вокруг, это точно... Облазил.

— Хорошо, — резюмировал Венцлав. — А теперь слушайте внимательно...

Степа подобрался и весь превратился в слух. Товарищ Венцлав наконец-таки отвел свой взгляд, и Косухин сразу же почувствовал себя увереннее.

— Итак, слушайте, Степан Иванович... Верховный Правитель адмирал Колчак в ближайшие дни будет передан Политцентру. Думаю, он уже не опасен и получит свое. Через некоторое время, очевидно, нам отдадут и золотой эшелон. Как видите, эта часть работы выполнена.

Косухин не мог не обрадоваться таким новостям, но слово «работа» его несколько удивило. Его товарищи и он сам выражались куда более возвышенно.

— Вместе с тем враг еще не разбит до конца. У нас есть данные, что группа офицеров сумела спрятать где-то в тайге часть золотого запаса Республики. Это десятки пудов золота. На эти деньги они собираются начать нынешней весной новый поход. Мы должны вернуть золото, Степан Иванович. И этим займетесь вы...

Степа хотел ответить «Есть!», но в горле внезапно пересохло. Он вдруг почувствовал себя маленьким и слабым, но тут же постарался взять себя в руки. Товарищ Венцлав, казалось, понял его:

— Да, это трудное задание, Степан Иванович. Мы будем работать с вами вместе. Скоро подойдет подмога, но за это время надо успеть сделать самое важное...

— Где это золото? — неожиданно хриплым голосом спросил Степа. — Куда его спрятали?

Товарищ Венцлав тихо, почти беззвучно рассмеялся, но глаза его оставались по-прежнему холодными и равнодушными.

— Этого, к сожалению, мы не знаем, Степан Иванович.

А известно нам пока что следующее... Золото было спрятано заранее, спрятано надежно, и найти его будет почти невозможно. Но есть одна зацепка — мы знаем, что руководил этой операцией генерал Ирман, начальник одного из отделов военного министерства. Этот Ирман должен быть сейчас в Иркутске. Кроме того, мы знаем их пароль, но без генерала Ирманна мы ничего не сможем сделать...

— Так надо же, — начал было Косухин, но Венцлав покачал головой.

— Мы уже выяснили. Ирман не покидал Иркутска. Его нет и на станции, в зоне контроля чехвойск. Скорее всего, он где-то в подполье. Я приказал товарищу Чудову порасспросить кое-кого из арестованных, но думаю, это нам мало что даст. Придется искать самим...

Он замолчал. Степа стал лихорадочно прикидывать, что бы предпринял он сам. Ясное дело, квартира генерала, его знакомые... Расспросить сознательных граждан в каждом районе... Эх, знать бы приметы, а еще лучше иметь фотографическую карточку!..

Он несмело кашлянул и изложил свои соображения товарищу Венцлаву. Тот пожал плечами и достал небольшой фотографический снимок. Генерал Ирман был бородат, суров, на скуластом лице темнели большие выразительные глаза.

— Что вы можете сказать, товарищ Косухин? — осведомился Венцлав после того, как Степа внимательно изучил генеральскую внешность.

— Контра, — уверенно заявил Косухин. — Гидра. Такие в плен не сдаются, сам видел...

— Это очень умный человек, — задумчиво проговорил Венцлав. — Умный и сильный. Хорошо, что вы напомнили мне о фотографии... Подождите-ка...

Венцлав взял в руку фотографию, провел несколько раз ладонью над ее поверхностью, затем несколько секунд подержал руку над снимком.

— Мне надо было подумать об этом раньше, — наконец заметил он. — А вы действительно смотрите в корень, Степан Иванович... Только, боюсь, наши поиски это не облегчит. Может, вас это несколько удивит, но я почти уверен, что генерала нет в живых.

Степа изумился, а товарищ Венцлав еще немного подержал руку над снимком, затем покачал головой и спрятал фотографию.

— А с чего вы так решили? — поинтересовался Косухин, так ничего и не поняв.

— Это несложно, Степан Иванович, — равнодушно бросил Венцлав. — Фотография может сказать о человеке многое. И хорошо, если бы я ошибся...

Но он не ошибся. Вернувшийся вскоре Пров Семенович несколько растерянно сообщил, что двое из арестованных офицеров сообщают одно и то же — генерал Ирман умер от скоротечного воспаления легких как раз под Новый год, когда в Иркутске шли бои.

Степа был поражен, а товарищ Венцлав лишь недовольно скривился и дал Степе совершенно непонятное задание — узнать, где был похоронен Ирман или, если похоронить его не успели, где находится его тело.

Приказ был более чем странен, но Степа не решился спрашивать. Тем более что Пров Самсонович, когда они остались одни, подтвердил, что Косухин теперь будет находиться в полном распоряжении товарища Венцлава. О командире 305-го полка Чудов, как успел заметить Степа, говорил не просто с уважением, но и с некоторым страхом, что было совсем для него нехарактерно. Впрочем, и сам Степа чувствовал, что товарищ Венцлав — человек непростой. Хотя простому красному командиру никто и не поручил бы выполнения такого важного для всей Республики задания.

Приказ товарища Венцлава, как выяснилось, был несложен. Квартира генерала Ирмана оказалась пустой и разграбленной, но соседи рассказали Косухину, что генерал действительно скончался и был похоронен на Преображенском кладбище. На этом Степа не успокоился, побывав на кладбище, где в кладбищенской церкви нашел соответствующую запись. Наконец перепуганный сторож показал ему и занесенную снегом могилу генерала. Оставалось все это доложить товарищу Венцлаву, хотя Косухин и не понимал, чем все эти сведения помогут делу. Он по собственной инициативе осмотрел генеральскую квартиру, но ничего ценного, а тем более секретного там не обнаружил. Единственным его трофеем была пятнистая генеральская кошка, которую приютили соседи. Невзирая на протесты, Степа конфисковал зверька, на которого имел свои виды.

Перед тем как возвращаться к товарищу Венцлаву, он забежал на Троицкую улицу. На стук долго не открывали, и Степа начал было волноваться, когда наконец послышались легкие шаги, и дверь отворилась.

Девушка была в прежнем нелепом платье и малиновой шапи. Ее странные, недвижные глаза смотрели на Косухина с испугом и недоверием.

— Эта... здравствуйте, барышня... — смущенно проговорил Степа. — Я кошку вам принес... Вот...

Кошка, почувствовав, что разговор идет о ней, выглянула из-за ворота Степиного полушубка и замаякала.

— О! — воскликнула девушка, переходя от испуга к неопишуемой радости. — Это вы, мой рыцарь из «чека»! Вы нашли моего Шера! О! Как жаль, у меня нет розы, чтобы подарить вам!..

— Да чего там, — Степе было неловко, поскольку генеральская кошка не имела к пропавшему Шеру никакого отношения. — Берите...

Девушка осторожно взяла кошку, легко подула на пушистый мех и восторженно погладила мяукающий подарок.

— Я сегодня устраю бал, — шепотом сообщила она. — Мы будем танцевать большой вальс!

— Еда-то у вас есть? — поинтересовался практичный Степа. — Этак с голоду дойдете, барышня.

— Мне не нужно еды, — еще тише проговорила больная. — Мне хватает лунного света...

— Ладно, — вздохнул Степа, сообразивший, что придется позаботиться и об этом. — Как вас зовут-то, барышня?

— Это тайна! — вдруг испуганно воскликнула та и отшатнулась. — Вы пришли узнать эту тайну! Вы пришли меня погубить!

— Ну вот еще! — Степа совсем растерялся, между тем девушка подошла к нему совсем близко и взглянула прямо в глаза.

— Нет, — радостно вздохнула она. — Я вижу, вы не желаете мне зла. Я скажу вам... Меня зовут Али-Эмете. Али-Эмете...

— Степан, — представился Косухин и поспешил откланяться. Он понял, что бедной девушке совсем худо, если она выдумала себе какое-то то ли татарское, то ли вообще персидское имя.

Товарищ Венцлав выслушал Степу очень внимательно, похвалил и велел быть готовым к одиннадцати вечера. Степа ни о чем не стал спрашивать, но на всякий случай проверил оружие и надел лишние теплые носки — ночи в Иркутске были беспощадно холодными.

В начале одиннадцатого товарищ Венцлав велел выходить. Возле тюремных ворот их ждал грузовик и несколько дружинников. Косухин сел в кузов вместе с остальными, а товарищ Венцлав забрался в кабину. Грузовик зарычал, окутался сизым дымом и неторопливо двинулся по пустынной улице.

Ехали долго, и Степа успел разговориться с дружинниками. Те оказались своими ребятами, из железнодорожных мастерских. Сперва Степа от души изругал поганого эсеришку Федоровича, в чем его дружно поддержали, а затем только обратил внимание, что дружинники вместо винтовок были вооружены лопатами и даже ломami. Он удивился, но ребята и сами не знали, в чем дело, — их подняли по тревоге, выдали инструмент и велели ехать с товарищем Венцлавом.

Косухин несколько раз выглядывал в окружавшую грузовик ледяную мглу, но, совсем не зная города, не мог ничего понять. Один из дружинников, всмотревшись в темноту, предположил, что они едут за город, в сторону Преображенского кладбища.

«Вот те на», — подумал Степа, но вслух ничего не сказал. Поездка сразу же перестала ему нравиться.

Наконец автомобиль затормозил. Из кабины вышел товарищ Венцлав и велел спускаться. Вскоре все уже стояли на ледяной, потрескивавшей от холода земле. Степа огляделся и вздрогнул — прямо перед ним были уже известные ему ворота Преображенского кладбища.

— Инструменты взяли? — поинтересовался Венцлав. — Ну, показывайте дорогу, товарищ Косухин.

Степа не стал переспрашивать и, вздохнув, повел отряд к могиле Ирмана.

— Двое к воротам, — распорядился Венцлав. — Никого не пускать.

Затем легко ткнул валенком в заснеженный надгробный холм и велел:

— Начинайте...

Инструмента Косухину не досталось, и он был поневоле рад — раскапывать могилы ему еще не приходилось. Он

стал поближе к товарищу Венцлаву и закурил, стараясь не оглядываться на то, что происходит у него за спиной. Как ему казалось, он догадался, в чем дело, — в могиле генерала могли быть спрятаны какие-то важные документы. Венцлав не курил и молчал, глядя куда-то в темноту.

— Как у вас с нервами, Степан Иванович? — внезапно спросил он.

— Это... насчет мертвецов? — Степе на мгновение стало жарко. Мертвецов он боялся с детства.

— Может, хлебнете для храбрости? — предложил Венцлав, и в его голосе прозвучала откровенная насмешка.

— Не надо, — отрезал Степа, слегка обидевшись. — Видали мы мертвяков... Всяких.

— Ладно, — кивнул Венцлав и, повернувшись к дружинникам, крикнул: — Поскорее, товарищи! Мы должны успеть до полуночи.

«Почему до полуночи?» — удивился Степа, но смолчал.

Закаменелая земля поддавалась с трудом, но дружинники были парнями крепкими, к тому же работали, меняясь, в две смены. Вскоре лопата глухо ударилась о крышку гроба.

— Без четверти двенадцать, — взглянул Венцлав на часы и скомандовал: — Выгаскивайте гроб и уходите! Быстрее!

Через несколько минут тяжелый дубовый гроб уже стоял около разрытой могилы. Дружинники, боязливо оглядываясь, заспешили к воротам.

— Ждите в машине! — крикнул им вслед Венцлав и кивнул Косухину.

Степа слотнул внезапно подступившую слюну и подошел ближе.

— Берите лом, — приказал Венцлав. — Крышку долой! Спешите, скоро полночь...

Степа выругал себя за трусость и склонность к мелкобуржуазным предрассудкам и попытался поддеть ломом покрытую бронзовыми украшениями крышку. Дерево не поддавалось. Тогда Степа озлился всерьез, ударил ломом что есть силы и увидел, что между крышкой и нижней частью гроба образовалась щель. Остальное было нетрудным — через пару минут отодранная крышка лежала рядом.

Мороз сохранил покойного — спокойное суровое лицо Ирмана казалось живым, если бы не снежинки, которые, не тая, начали покрывать тело.

— Полночь! — голос Венцлава прозвучал неожиданно громко, и Степа вздрогнул. — Степан Иванович, станьте

рядом и молчите, что бы ни случилось. Молчите и слушайте...

Степа, ничего не понимая, встал поблизости от гроба. Он думал, что товарищ Венцлав собирается обыскать последнее жилище генерала, но Венцлав внезапно простер над гробом руки, плавно провел ими по воздуху и наконец замер, держа ладони над лицом мертвого. Затем Степа услышал странные слова — Венцлав читал нараспев что-то напоминающее то ли церковную службу, то ли (что было совсем дико) колыбельную песню. Это продолжалось минуты три, как вдруг Венцлав громко крикнул: «Встань!» и взмахнул правой рукой.

И тут же Степа почувствовал, что земля начинает уходить у него из-под ног. Мертвое лицо Ирмана дернулось, задрожали заснеженные ресницы, и генерал открыл глаза. Взгляд мертвеца был и без того страшен, но самое жуткое началось вслед за этим — Венцлав стал неторопливо двигать рукой, и мертвый генерал начал приподниматься. Минута — и он уже почти сидел в своем гробу. Белые застывшие губы шевельнулись, и Степа услышал низкий хриплый голос:

— Я пришел... Зачем ты вызвал меня?

— Ответь мне на вопрос — и я отпущу тебя. — Венцлав наклонился почти к самому лицу мертвеца. — Что такое «Рцы мыслете покой»?

— Это пароль операции «Владимир Мономах», — мертвый голос звучал ровно и без всякого выражения.

— Кто должен руководить ею после твоей смерти?

— Полковник Лебедев. Но дать приказ может лишь Руководитель проекта. Он мне неизвестен.

— Что ты знаешь об операции «Владимир Мономах»?

Несколько секунд мертвец молчал. Сжавшийся в комок Степа вдруг заметил, что в глазах Ирмана мелькнуло нечто осмысленное. Через мгновение он понял — это была страшная, неведомая живым боль.

«Господи, нельзя же так!» — вдруг подумал Степа. Он давно уже не поминал Творца, считая себя убежденным атеистом, но сейчас забыл об этом — происходящее не укладывалось даже в столь родное ему учение Маркса и Энгельса.

— Что ты знаешь об этой операции? — Венцлав резко ударил мертвеца по лицу.

— Господи! — прошептал Косухин. — Прекрати это, Господи!

И, сам не понимая, что делает, быстро перекрестился.

В ту же секунду глаза мертвого Ирмана широко раскрылись, в них вспыхнул гнев — и над гробом неторопливо поднялись огромные скрюченные руки.

— Назад! — крикнул Венцлав, но мертвец уже схватил его за горло и начал душить. Мертвый рот раскрылся и оттуда доносилось хриплое рычание. Венцлав пытался сбросить вцепившиеся в него ручищи, но мертвый генерал уже вставал, глаза горели красным огнем, а черная борода зашевелилась.

— Косухин! — прохрипел Венцлав.

Степа опомнился, схватил лом и, зажмурившись, ударил по мертвому лицу Ирмана. Затем ударил еще и еще, пока наконец не услышал чуть придушенный голос товарища Венцлава:

— Хватит, Степан Иванович... Спасибо.

Тело генерала почти вывалилось из гроба. Лицо, куда пришли удары лома, уже ничем не напоминало лицо человека.

— Позовите тех, — Венцлав кивнул в сторону ворот. — Пусть закопают... Чтоб не осталось следов. Что, хорош, а?

— Они... все так могут? — шепотом поинтересовался Степа.

— К счастью, нет, — коротко рассмеялся товарищ Венцлав. — Как видите, допрос мертвого свидетеля — вещь достаточно опасная. Но кое-что мы все-таки узнали. Как фамилия того полковника, запомнили?

— Лебедев, — тихо проговорил Степа, чувствуя, что видит какой-то жуткий бесконечный сон. — Полковник Лебедев...

ГЛАВА 3

Полковник Лебедев

Итак, генерал Ирман мертв. Капитан Арцеулов узнал это почти сразу же после прибытия в Иркутск, еще на вокзале, куда его доставил чешский эшелон. Было утро 8 января, по-прежнему светило холодное, подернутое белесой дымкой солнце, а мороз, казалось, окончательно сорвался с

привязи — даже днем ртуть показывала минус тридцать — тридцать пять.

Вокзал, занятый легионерами, был полон беженцев, успевших добраться сюда в дни боев за город. Конечно, чехи пускали отнюдь не каждого, в результате чего в залах ожидания было полно офицеров, генералов и высших чиновников министерств; в одном из вагонов удобно устроились несколько министров уже канувшего в вечность правительства Верховного. Вся эта публика шумела, осаждала буфеты и вела бесконечные переговоры с командованием легиона о вывозе их из иркутской ловушки. Легионеры отмалчивались, ссылаясь на французского уполномоченного генерала Жанена, который якобы и должен решить судьбу беглецов.

Среди этого Вавилона Ростислав довольно быстро повстречал нескольких сослуживцев, которые познакомили его с бывшим адъютантом Ирмана. Молодой штабс-капитан подробно рассказал Арцеулову о смерти и похоронах генерала, которые ему пришлось лично организовать. Увы, эти сведения ничем не могли помочь Ростиславу. Он осведомился о полковнике Лебедеве. Адъютант долго вспоминал и наконец заявил, что такой полковник, если он не ошибается, имел какое-то отношение к авиации и несколько раз бывал у Ирмана. Но ни в военном министерстве, ни в Иркутском гарнизоне этот Лебедев, насколько штабс-капитан помнил, не числился.

Вскоре Арцеулов понял, что на вокзале ему делать больше нечего. Конечно, если бы он потолкался здесь денек-другой, то, возможно, каким-то чудом сумел бы попасть в один из чешских эшелонов, идущих за Байкал. Это был шанс если не выжить, то, по крайней мере, прожить еще несколько месяцев — до неизбежного весеннего наступления большевиков. Однако Ростислав был человеком упорным и привыкшим уважать прежде всего самого себя. Он не выполнял задания, а значит, покидать поле боя не имел никакого права.

Оставалось дожидаться темноты и выбираться в город. Адъютант Ирмана, с которым он поделился этой мыслью, поглядел на Ростислава, как на ненормального, и посоветовал хотя бы избавиться от столь приметного черного полушубка. Арцеулов был с ним, в принципе, согласен, но в конце концов рассудил, что первый же патруль заберет его в любом случае — хоть в форме черного гусара, хоть в обыкновенной шинели; при этом полушубок был, по крайней

мере, значительно теплее. Ростислав надеялся на темноту, оружие и собственную реакцию.

Куда более сложным был вопрос о маршруте. Ростислав очень плохо знал город, здесь его никто не ждал, и он понятия не имел, где можно найти загадочного Лебедева, впрочем, как и обыкновенный безопасный ночлег. Относительно последнего ему несколько помог все тот же адъютант, у которого в Иркутске оставалась тетка. Родственница штабс-капитана жила далеко от центра, и ему пришлось вычертить на папиросной коробке целый план, покуда Арцеулов сообразил, как туда добираться. За этим занятием время прошло быстро, и, выглянув в окно зала ожидания, Ростислав понял, что короткий зимний день движется к концу. Подойдя к выходу на привокзальную площадь, Арцеулов стал наблюдать.

Прямо за линией чешского караула толпилась разнообразная штатская публика, большей частью с узлами и чемоданами. Арцеулов не стал их подробно разглядывать — толпа не представляла опасности. Но чуть дальше, в наступающих сумерках, он заметил несколько вооруженных групп, перекрывавших все уходящие от привокзальной площади улицы. Ростислав пригляделся внимательнее и понял, что караульное дело у новых хозяев города поставлено неплохо. Прямой путь был закрыт. Оставалась еще одна возможность — попытаться обойти посты с тыла, со стороны железнодорожных путей. Правда, там могли стоять свои посты; кроме того, район путей надежно охранялся самими чехами, которые едва ли будут пропускать через свои караулы неизвестного им капитана...

— Проблемы, брат-вояк? — знакомый чех в зеленой шинели стоял рядом, с доброжелательной усмешкой глядя на Арцеулова.

— Добрый вечер, подпоручик, — Ростислав обрадовался знакомому лицу, хотя и не понимал, что нужно от него легионеру. — Извините, не успел поблагодарить...

— Не за что, — весело, хотя и как-то странно улыбнулся чех. — Я ведь ваш должник, брат-вояк...

— Должник? Не припомню, — совсем растерялся Арцеулов.

— А это и неважно, — чех извлек откуда-то из кармана странную разноцветную повязку. — Надевайте. И не забудьте снять погоны.

Ростислав подчинился. Подпоручик внимательно оглядел его, велел снять кокарду и наконец кивнул:

— Так сейчас многие носят. Можем идти...

Арцеулов не стал спорить. Он уже понял: странный чех знает, как поступать в трудных обстоятельствах. Они прошли через последний легионерский пост и оказались на площади. Подпоручик на секунду задумался, а затем уверенно кивнул в сторону ближайшего караула.

— У меня нет документов, — Арцеулов на всякий случай расстегнул крючок полушубка, чтобы быстрее дотянуться до оружия.

— Не беда, брат-вояк, — усмехнулся подпоручик. — Они нам не понадобятся.

Караул состоял из нескольких солдат и офицера, все они были без погон, а на рукавах имели такие же повязки, как и Арцеулов. Капитан ожидал окрика и приказа остановиться, но, к его удивлению, офицер с повязкой лишь козырнул, приказав пропустить Арцеулова и его спутника. Оказавшись за линией постов, Ростислав перевел дух и попытался первым делом содрать не нравившуюся ему повязку — носить вражеские знаки различия было слишком неприятно.

— Не надо, брат-вояк, — посоветовал легионер. — Пригодится... А по тому адресу не ходи — там засада: Ну, прощай...

Он козырнул двумя пальцами и, прежде чем удивленный капитан успел опомниться, свернул в ближайший темный переулок.

«Ну и ну, — только и подумал Ростислав, медленно шагая по пустынной улице. — Неужели этого чеха приставил ко мне адмирал? Да нет, тут что-то не так...»

Внезапно он вспомнил слова Ксении, сказанные во сне. «Тебе поможет тот, кому ты уже помог, но забыл об этом...» Ростислав стал вспоминать, но ничего подходящего в голову не приходило. Чехов он невзлюбил с самого начала, ни разу вместе с ними не воевал и вообще стремился держаться от братьев-славян подальше.

Итак, на квартире неизвестной ему тетки адъютанта ждет засада. Во всяком случае, об этом предупредил странный подпоручик, а ему приходилось верить... Итог, у Ростислава есть целая ночь, чтобы бродить по мертвому холодно-

му Иркутску — если, конечно, не встретится случайный патруль. Ну а утром... О том, что произойдет утром, когда скрыться будет негде, думать не хотелось. Арцеулов не спеша шел куда-то по неизвестной ему улице, прикидывая, что можно еще придумать в его положении. Будь дело летом, он легко нашел бы себе убежище где-нибудь на чердаке, но в такую морозную ночь это грозило верной гибелью. Можно было, конечно, постучаться в первую же попавшуюся квартиру, но это значило подвергнуть опасности не только себя, но и чьи-то ни в чем не повинные жизни...

Внезапно где-то вдали он уловил громкие мужские голоса, затем послышался крик и мощная ругань. Арцеулов выхватил наган, огляделся и нырнул в темную подворотню.

Ругань стихла, но голоса продолжали о чем-то громко спорить. Затем спор прекратился, и вдалеке послышались тяжелые шаги. Похоже, те, кто только что выяснял отношения, приближались. Арцеулов прижался к стене, стараясь не обращать внимания на нечеловеческий холод, которым дышали камни. «Сейчас согреюсь», — подумал он и не ошибся.

Это, как и ожидал Арцеулов, был патруль. Четверо, вооруженные винтовками, конвоировали пятого — высокого, в оборванной, местами прожженной офицерской шинели.

«Свой», — понял Ростислав, внимательно приглядываясь к конвоирам. Трое были обыкновенными увальнями-пролетариями, слабо разбирающимися, где право, а где лево. Винтовки они держали настолько нелепо, что капитан даже скривился от презрения. А вот четвертый — он шел последним — его поневоле заинтересовал: маленький, почти квадратный, с могучим торсом и ручищами, почти касавшимися земли. В отличие от всех остальных, одетых в старые шинели явно с чужого плеча, на могучем коротышке было ладно сшитое, очевидно по специальному заказу, пальто на меху, подпоясанное ремнем с кобурой.

«А это, стало быть, главный», — рассудил Арцеулов, неслышно расстегивая крючки полушубка и пряча наган за пазуху. Вопрос о том, вмешиваться или нет, перед ним, естественно, не стоял. Речь шла лишь о наиболее эффективном методе действия...

Ростислав пропустил караульных немного вперед, подождал, покуда один из солдат поравняется с ним, и, резко выдохнув воздух, прыгнул. Сознание не вмешивалось — дело было несложным, и все происходило как бы само со-

бой. Солдат все же успел услышать какой-то шум сбоку и начал поворачивать голову. Подбородок чуть приподнялся — и ладонь Арцеулова рубанула в узкий промежуток. Покуда солдат с хрипом оседал на землю, его винтовка уже была в руках у Ростислава. Удар штыка пришелся в бок одному из шедших впереди. Тот вскрикнул, и в тот же момент третий солдат успел-таки обернуться и броситься на капитана.

Это было уже опаснее, поскольку сзади оставался коротышка; но солдат, к счастью, был новичок в штыковом бою. Арцеулов поневоле усмехнулся, легко парируя удар, и резким выпадом всадил штык прямо в сердце противника.

Он тут же развернулся — и вовремя. В руках коротышки уже подпрыгивал наган. Стрелять не хотелось — на шум могла прибежать подмога, поэтому Ростислав ударил от плеча, попав прикладом прямо в зубы колобку в кожанке. Тот не упал, а не торопясь, даже с некоторым достоинством сел в сугроб, не выпуская оружия. Тогда Арцеулов еще раз добавил ему прикладом по физиономии, легко выбив револьвер, и в довершение пнул краснопузого сапогом, отчего тот бухнулся на бок и зарылся в сугроб.

Арцеулов поднял наган колобка и быстро огляделся.

— Уходим, — кивнул он офицеру, неподвижно простоявшему всю схватку. Тот дернул руками, и Ростислав сообразил, что пленный крепко связан. Нож был далеко, поэтому капитан попросту схватил бывшего пленника за плечо и потащил в переулочек.

— Бежать сможете? — шепнул он, прислушиваясь. Вокруг было тихо, и капитан надеялся, что несколько лишних минут у них будет.

— Могу, — хрипло ответил офицер. — Вот только руки...

— Черт! — Арцеулов наконец извлек нож, который он носил по давней фронтовой привычке на левом боку, и одним ударом рассек веревки.

— Держите, — трофейный револьвер был передан освобожденному, и через секунду оба офицера бежали вдоль темных домов. Но уже через несколько минут Арцеулов понял, что надо передохнуть — ледяной воздух резал горло, не давая перевести дыхание.

— Уф, — выдохнул офицер в оборванной шинели, как только они остановились. — Премного вам благодарен, сударь! Впрочем, какие тут слова... За жизнь не отблагодаришь. Я подполковник Рыбников...

— Капитан Арцеулов, — представился Ростислав, оглядывая спасенного. Рыбников был небрит, на лице красовался огромный синяк, а под левым ухом кровоточил большой порез.

— Изукрасили, — кивнул тот. — Вышел в город... Сдуру, конечно. Хотел к сестре заглянуть, вот и нарвался... Вы того клопа жирного прикончили?

Арцеулов понял, что речь идет о гноме в кожаном пальто.

— По-моему, нет. Я его больше прикладом...

— Эх, зря! — огорчился подполковник. — Это же господин Чудов, глава здешней чеки. Его весь Иркутск, заразу, знает!..

— Отложим до следующего раза, — рассудил Ростислав, на которого товарищ Чудов не произвел особого впечатления. — Ну, куда теперь, господин подполковник? Я, признаться, в Иркутске второй раз в жизни.

— Пошли, — подполковник осмотрелся, а затем решительно зашагал куда-то в узкий проход между домами. — Раньше ночью можно было выходить, а сейчас — как озверели. Говорят, ищут какого-то полковника Лебедева... Такой шум подняли! Можно подумать, что этот полковник им дороже золотого запаса...

— А что за полковник такой? — равнодушным тоном поинтересовался Арцеулов, чувствуя, что большевики взялись за дело серьезно.

— А Бог весть! Фамилия нередкая... Правда, говорят, он из отдела генерала Ирмана, но там никакого Лебедева, насколько я знаю, не было...

«Вот те и раз, — размышлял Арцеулов, покуда они пробирались мрачными закоулками, перебежками пересекая немногие освещенные улицы и замирая при отдаленных шагах патрулей. — Ведь Верховный сказал, что полковник Лебедев служит в том же управлении министерства...»

Если адмирал что-то напутал или таинственного Лебедева тоже нет в живых — и то, и другое представлялось вполне возможным, — вся миссия Арцеулова становилась бессмысленной.

Между тем они добрались до окраины. Осмотревшись среди небольших одноэтажных хибар, подполковник уверенно зашагал к крайней. Войдя через калитку, они поднялись на старое, заскрипевшее под шагами крыльцо. Капитан постучал три раза, затем подождал и вновь постучал, на этот раз дважды.

— Явка, — Арцеулову эти предосторожности показались почему-то смешными и несерьезными.

— Придется, — понял его Рыбников. — Главное, чтоб соседи не выдали. Тут бы дней пять отсидеться, пока...

Что будет потом, рассказать он не успел. Дверь приоткрылась, и оба нырнули вовнутрь.

Их окружила темнота. Где-то рядом слышались тихие голоса.

— Это я, господа, — негромко проговорил подполковник. — Со мною капитан Арцеулов...

Внезапно вспыхнул свет — кто-то зажег керосиновую лампу.

— Что у вас с лицом, подполковник? — поинтересовался кто-то. — Что случилось?

— А, сплошной форс-мажор, — скривился Рыбников. — Угодил к краснопузым. Спасибо капитану — отбил.

— Вы черный гусар? — поинтересовался кто-то невидимый. Арцеулов понял, что и здесь обратили внимание на его полушубок.

— Нет, — приходилось объяснять все сначала, и Ростислав предпочел сразу же достать свою офицерскую книжку.

— Да полно, господа! — запротестовал Рыбников. — Господин Арцеулов на моих глазах четырех краснопузых порешил...

— Трех, — поправил его капитан. — Надеюсь, как вступительный взнос сойдет?

— Проходите, капитан, — невидимая рука вернула ему документ. — Занесло же вас! Вы знаете, поганые чехи решили передать Верховного Политцентру...

— Нет, — покачал головой Ростислав. — Но можно было догадаться. Вот сволочи!..

Они прошли по коридору, затем перед глазами мелькнула лестница, ведущая в подпол. Ему посветили фонарем, и Ростислав спустился по неудобной скрипящей лестнице в глубокий подвал.

— Зажгите свет! — скомандовал кто-то, и почти сразу же засветились две керосиновые лампы. Арцеулов огляделся и понял, что попал в неплохую компанию.

В подвале, где в более спокойные годы какой-то зажиточный иркутянин хранил припасы, собралось не менее десятка офицеров. Кое-кто в форме, но большинство попало сюда уже в штатском. Впрочем, маскарад был достаточно нелеп и едва ли мог обмануть даже самых наивных патруль-

ных. Слабый свет ламп бросал странные, густые тени, скрывавшие лица, и в первый момент Ростиславу показалось, что он не видит тут ни одного знакомого.

— Прошу любить и жаловать, капитан Арцеулов, — представил его Рыбников, спускавшийся последним и аккуратно закрывавший люк, ведущий наверх. — Мой спаситель и отныне смертный враг антихриста Чудова, коего он отделал в лучшем виде...

— Поздравляем, — откликнулся кто-то. — Только лучше бы вы его, капитан, сразу уложили, без мучений... Клоп краснопузый...

Похоже, кличка «клоп» уже успела прочно прилипнуть к Прову Самсоновичу.

— Господа, что случилось? — послышался чей-то сонный голос, показавшийся Ростиславу очень знакомым. — Надеюсь, не красные?

— А вы и красных проспите, Ревяко, — ответили борцу с Морфеем.

Арцеулов всмотрелся и в неровном свете ламп с радостью заметил офицера, поднимавшегося с рваного, набитого соломой матраца.

— Господин полковник, — окликнул он. Ревяко секунду всматривался, затем ахнул и полез обниматься.

— Вижу, вижу, живы, — удовлетворенно вещал он. — А я уж и не надеялся. Думал, решили погигнуть героем!

— А я думал, вы уже в Чите, — заметил Арцеулов, решив не препираться с излишне жизнелюбивым подполковником.

— Чехи, сволочи! — скривился тот. — Довезли до Иркутска — и взашей. Хорошо еще, что этим... эсеришкам не выдали. Ну, теперь с вами, капитан, мы точно выберемся...

— Выберемся, — согласился кто-то. — Вот пусть Капель чуток поднажмет, тогда мы им покажем мировую революцию! А пока рано. Если они из-за одного Лебедева готовы весь город перевернуть...

— Господа, да кто такой этот Лебедев? — самым невинным тоном, полагавшимся, на его взгляд, новичку, спросил Ростислав.

— А это фантом, — охотно откликнулся Ревяко. — Призрак...

— Я знаю троих Лебедевых в военном министерстве, — заметил кто-то. — Один, правда, генерал... Но никто из них не работал с Ирманом.

— Я же говорю — фантом, — удовлетворенно констатировал Ревяко, вновь устраиваясь на матрасе.

— Ни черта большевики не найдут! — вдруг заговорил офицер, до этого не принимавший участия в разговоре. — Полковник Лебедев — это псевдоним. У Ирмана в отделе в самом деле был один офицер, который проходил во всех документах под этим именем.

— Зачем? — поразился кто-то. — Этакая конспирация!

— Как видите, смысл в этом есть. Этот Лебедев — будем называть его так — занимался чем-то очень секретным. По-моему, он летчик, — хотя, признаться, не уверен...

— Да ну, не может быть, — засомневался кто-то, и беседа перешла на другие темы.

Покуда господа офицеры разбирались на четверки, чтобы играть в преферанс — занятие, от которого их оторвал приход неожиданных гостей, Арцеулов подсел к Ревяко.

— Простите, господин полковник, — начал он, решив выяснить мучивший его все эти дни вопрос. — Вы, когда уходили, ничёго не забыли в купе?

— Забыл, — охотно кивнул тот. — Вас забыл, Ростислав. Винюсь, проявил себя как последняя свинья...

— Бросьте! Я о другом...

И Арцеулов как бы невзначай поднес к свету руку с тускло блеснувшим перстнем.

— Красивая вещь, — уважительно заметил подполковник. — По-моему, XVIII век, Западная Русь, а может, и Польша. Я его у вас раньше не видел.

— Так это не ваш?

— Нет, — с сожалением покачал головой Ревяко. — А что, вы его где-нибудь нашли? Значит, повезло, ваш будет...

— Значит, мой... — согласился Ростислав. Наиболее логичная и простая версия рухнула. Правда, то, что перстень не надо отдавать, Арцеулову было по душе. «Никогда не снимай перстень» — вспомнились слова, слышанные им уже дважды...

Под утро преферансисты, закончив баталии, стали укладываться. Как понял Ростислав, днем офицеры спали, выставляя дозорных. Дом принадлежал какому-то старику, родственнику одного из прятавшихся, но приходилось быть настороже.

Когда все заснуло, Ростислав подсел поближе к офице-

ру, который обнаружил такие глубокие знания о таинственном Лебедеве.

— Что? — встрепнулся тот. — А, новенький? Не спится?

— Не спится, — кивнул Арцеулов. — Господин...

— Штабс-капитан, — подсказал офицер. — Штабс-капитан Мережко.

— Господин штабс-капитан, мне нужно встретиться с полковником Лебедевым.

— Вы что, тоже из ЧК? — неясно, в шутку или всерьез, предположил Мережко.

— А вы что, не узнали? — обиделся Ростислав. — Я Феликс Дзержинский, только бороду сбрил! Читайте!

И он сунул штабс-капитану приказ, полученный от Верховного. Тот подвинулся поближе к неяркому свету лампы и долго изучал документ.

— И вы с этим пробирались через весь город? — наконец спросил он.

«Нет, я на метле летел», — хотел ответить Арцеулов, но сдержался.

— Кто вам назвал фамилию Лебедева? Только говорите тише...

Ростислав молча указал на подпись адмирала.

— Ничего не могу обещать. Скажу сразу, к этому делу не имею никакого отношения. Но могу попытаться... В общем, считайте, мы ни о чем не разговаривали, а завтра ночью...

Проснувшись, Ростислав с удивлением обнаружил, что проспал весь день, — публика уже шевелилась, собираясь на ночные вылазки. Арцеулов искал Мережко, но того уже не было — как выяснилось, он ушел сразу же после наступления темноты. Оставалось ждать.

Мережко появился под утро и сразу же направился к Ростиславу. В руке его белело что-то похожее на листовку.

— А вы, капитан, оказывается, известная особа, — заявил он вместо приветствия, протягивая Ростиславу бумагу.

Арцеулов пробрался поближе к свету и обомлел.

Листовка объявляла о розыске опасного врага мировой революции, убийцы и садиста капитана Арцеулова. Давались подробные приметы, упоминался все тот же черный полушубок, а также обещалось щедрое вознаграждение

деньгами или продуктами. Там же был и портрет — рисунок от руки, но весьма сходный с оригиналом.

— Как раз развешивали, — сообщил Мережко собравшимся вокруг него офицерам. — Видать, мсье Чудов не простил рукоприкладства...

«Как же это? — мелькнуло в голове Ростислава. — Приметы, фамилия... Даже портрет...»

— Да, вы у нас герой, — резюмировал непробиваемый Ревяко. — Я на вашем месте стал бы срочно отращивать бороду. Или переделался бы в татарина... Или в буддийского ламу.

Офицеры живо принялись обсуждать весьма актуальный вопрос об изменении собственной внешности. Тем временем Мережко отвел Арцеулова в сторону.

— Я договорился, — шепнул он. — Вас ждут.

— Когда? — радостно выдохнул Ростислав, уже не надевавшийся на удачу.

— Лучше всего сегодня. Правда, эта наглядная агитация...

Арцеулов лишь махнул рукой. В эти дни на улицах Иркутска офицера могли арестовать и без всякого объявления.

Они выбрались из убежища и долго плутали между небольшими домиками. Затем Мережко, осмотревшись, осторожно постучал в темное окошко одного из ничем не примечательных зданий. На стук появился человек в большой извозчичьей дохе. Узнав Мережко, он кивнул, а тот в свою очередь указал на Арцеулова. Вслед за этим штабс-капитан так же безмолвно распрощался и отбыл восвояси.

Человек в дохе минуту постоял, о чем-то раздумывая, а затем кивнул Ростиславу, предлагая следовать за ним. На этот раз шли долго. Пару раз приходилось сворачивать во дворы, чтобы спрятаться от патрулей. Маленькие домики стали сменяться более солидными строениями. Арцеулов понял, что они подходят к центру. Возле одного дома, большого, двухэтажного, с высоким забором, украшенным вычурной резьбой, спутник капитана остановился и замер. Постояв немного, он аккуратно постучал в калитку.

Минуты через две им открыли. Арцеулов был пропущен первым. Он вошел во двор, но осмотреться не успел — сопровождающий довольно невежливо подтолкнул его к крыльцу.

В сенях было совершенно темно. Кто-то (похоже, все

тот же человек в дохе) помог снять полушубок и шапку. После чего вновь подтолкнул в спину. Арцеулов отворил дверь и на секунду зажмурился — после темноты прихожей даже неяркий свет керосиновой лампы на мгновение ослепил.

— Присаживайтесь, господин Арцеулов, — услышал он чей-то сильный спокойный голос. Капитан сел на старый, покрытый искусной резьбой стул и только тогда начал осматриваться.

Это была обычная комната, какие Ростислав видел в зажиточных сибирских домах. Иконы в красном углу, мебель из темного дерева, пол устлан светлым ковром... Все это он замечал походя — куда больше Арцеулова интересовал человек, стоявший перед ним.

Человек был в штатском. Точнее, на нем не было военной формы, но, присмотревшись, Ростислав сообразил, что темная кожанка, перетянутая ремнем, — это неоднократно виденная им одежда авиаторов. Тот, кто носил эту куртку, был высок, по виду очень силен, хотя лицо имел скорее добродушное, незлое. На левой щеке были заметны следы швов — последствия серьезной травмы.

— Вы искали меня? Я полковник Лебедев, — высокий человек в авиационной куртке, достав удостоверение личности, показал его Ростиславу. Тот мельком взглянул на него, затем вернул удостоверение владельцу и вскопчил, щелкнув каблуками:

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие! Разрешите представиться: капитан Арцеулов!

— Познакомьтесь: поручик Казим-бек.

Арцеулов обернулся. Казим-бек уже успел снять доху, оказавшись худым черноволосым молодым человеком в такой же авиационной куртке. Пожимая капитану руку, он дружески улыбнулся.

— Мы нарушили все правила конспирации, — продолжал полковник. — Красные откуда-то узнали пароль. И почему-то очень заинтересовались моей скромной персоной.

— Я понимаю, — заспешил Арцеулов. — Вот письмо...

— Я же говорю, мы нарушаем все правила конспирации, — вновь усмехнулся полковник. — Вы, господин капитан, тоже. С чего вы, например, решили, что я тот, кого вы ищете, а не подсадная утка господ из ЧК?

Капитан замер, рука с письмом дрогнула.

— Давайте так. В письме будет, очевидно, только пароль. Зато в устном послании речь пойдет о программе

«Владимир Мономах». Ну, а чтобы совсем точно — там будет упомянуто о Руководителе проекта... Достаточно?

— Так точно, — Арцеулов облегченно перевел дух. — Прошу вас, ваше благородие...

— Меня зовут Николай Иванович, — заметил полковник, читая письмо. — Этак, по-моему, проще...

— Ростислав Александрович, — представился Арцеулов.

— А меня Георгий... Просто Георгий, — добавил Казимбек.

— С письмом ясно, — резюмировал Лебедев. — «Рцы мыслете покой». Наконец-то... Ну-с, слушаем вас, Ростислав Александрович...

— Верховный велел передать... — Арцеулов напрягся, стараясь вспомнить приказ адмирала слово в слово. — Завершите проект «Владимир Мономах». Руководитель прибудет к двадцатому января. В случае неудачи все должно быть уничтожено. То есть если проект постигнет неудача. Или Руководитель не прибудет к двадцатому, и появится опасность захвата проекта красными или еще кем-то.

— Поняли, Георгий? — поинтересовался Лебедев. — Господин адмирал тянул до последнего момента. И вот теперь, извольте видеть...

— Так точно, Николай Иванович, — кивнул Казимбек. — Но можно попробовать.

— Что попробовать? Все связи были у Ирмана. Я уже не говорю о том, что из города не выбраться...

— Господа, — вмешался Арцеулов. — Поскольку я прислан к вам... Считайте меня в вашем распоряжении.

— Ваши портреты, господин Арцеулов, висят на каждом столбе, — грустно улыбнулся Лебедев. — Взялись они за вас крепко...

— Ночью все кошки серы, — махнул рукой капитан. — Прорвусь...

— В таком случае слушайте, — начал полковник, вставая со стула и неторопливо прохаживаясь из угла в угол. — Суть проекта я раскрывать не буду. Не имею права. Вы — человек военный, меня поймете. Наша задача — точнее, задача генерала Ирмана, а теперь моя — собрать группу специалистов, которая находится в Иркутске, и вывести ее в... некий район. Оттуда мы добираемся... известным мне образом... на, скажем так, искомый объект, где ждем Руководителя проекта. Если он будет — мы выполняем его прика-

зы. Нет — действуем по обстановке, то есть, скорее всего, подрываем все дочиستا. Как это ни жаль... Но — приказ.

— Тогда я схожу за профессором, — внезапно предложил Казим-бек. — До рассвета еще часа два...

— Хорошо, — кивнул полковник. — Не будем терять времени. Капитан, улицу Троицкую знаете?

Арцеулов смущенно развел руками.

— Я покажу, — предложил Казим-бек, — нам по дороге.

— Там живут двое из нашей группы, — продолжал Лебедев. — Их фамилии Берг и Богораз. Запомнили?

— Запомнил, — кивнул Арцеулов. — Как они выглядят?

— Понятия не имею. Их опекал Ирман. Хорошо еще, что он дал мне на всякий случай адрес... Берг — я, кажется, слышал об одном Берге — довольно крупный физик. В общем, инициалы нужного нам Берга — «Н. Ф.»

— Николай Федорович, — предложил Казим-бек.

— Или Нил Феоктистович. В общем, назовете пароль — «Рцы»... и так далее. Не будут верить — добавьте о «Владимире Мономахе». Ведите их сюда, и желательнее побыстрее, пока не рассвело. Надо еще подумать, как отсюда лучше выбираться...

— Разрешите идти? — Арцеулов встал.

— Да. И смените полушубок. Георгий, найдите что-нибудь не такое экзотическое...

Через несколько минут Арцеулов и Казим-бек шли по улице. На Ростиславе было обыкновенное штатское пальто, почти не грёвшее на безжалостном январском морозе.

— Троицкая, — шепнул Казим-бек, указывая на долгий ряд богатых домов, проступавший сквозь предрассветную серость. — Ваш — третий от угла, второй этаж по лестнице. Ну, с Богом, а то мне еще за профессором бежать...

Арцеулов осторожно подобрался к нужному дому и осмотрелся. Вокруг было тихо, правда, на снегу отпечаталось множество следов, чуть присыпанных свежей порошей. Следы — спутать было трудно — оставлены несколькими крепкими мужиками. Рядом Ростислав нашел отпечатки прикладов — кто-то из приходивших сюда опирался на винтовку.

Окна второго этажа были темными, но внезапно за одной из занавесок мелькнул лучик света. Все это было более чем подозрительно, но отступить не хотелось. Ростислав достал наган, расстегнул сумку с гранатами и стал осторожно подниматься по скрипящей лестнице.

Ему открыли почти сразу. Он шагнул в переднюю и сразу же почувствовал, как что-то мягкое коснулось ноги. Ростислав вздрогнул и тут же усмехнулся — кошка...

— Эй, здесь есть кто-нибудь? — негромко окликнул он, удивляясь, куда делся тот, кто открыл дверь.

— Ваши пальцы пахнут ладаном, на устах у вас вуаль...

Арцеулов замер и только через мгновение сообразил, что его встречают стихами. Пораженный, он вошел в большую, освещенную керосиновой лампой комнату, и удивился еще больше.

Прямо перед ним стояла невысокая девушка в длинном, волочившемся по полу платье. Голову украшало нечто вроде чалмы из роскошной шали.

— Добрый вечер... или уже утро, сударыня, — вконец растерялся Ростислав. — Извините, кажется, помешал...

— Это было у моря, где лазурная пена... — шептала девушка, глядя на Ростислава широко открытыми безумными глазами. — Где встречается редко городской экипаж...

— О Господи! — вздохнул капитан. Перед ним была, без сомнения, душевнобольная. — Простите, сударыня, — начал он, но тут лицо девушки исказилось страхом, она сжала руки и стала медленно отступать к стене:

— Вы... вы пришли забрать моего Шера. Я знаю! Вы хотите забрать Шера... О, как это жестоко!

— Да не нужен мне ваш кот! — вздохнул Арцеулов. — Сударыня, мне нужен господин Берг. Понимаете? Господин Берг!

— Нет-нет, — в ее глазах горел огонек страха. — Здесь нет никого. Только я и Шер... Вы хотите его забрать...

— Мне нужно кое-что передать господину Бергу! — в отчаянии воскликнул Арцеулов, чувствуя, что весь план благополучно провалился. — Господину Бергу или господину Богоразу...

— Передайте Шеру, — посоветовала девушка. — Он такой умный...

Шер, сообразив, что речь идет о нем, вновь потерял сапоги Ростислава.

— Эх, Шер! — капитан, наклонившись, погладил пушистую спину. — Ну что тебе передать? Рцы мыслете... Послушайте, сударыня...

Он поднял голову, но девушки в комнате уже не было. Удивленный Ростислав пожал плечами, решив немного по-

дождать. Он осторожно отодвинул штору и взглянул на улицу.

— Опустите штору и повернитесь! — голос прозвучал так неожиданно, что Арцеулов даже не сразу узнал его. Обернувшись, он поразился еще больше. Перед ним стояла та же девушка, но уже не в нелепом одеянии и цыганской шапи. На ней было аккуратное черное платье, волосы собраны в густую косу, а на носу сверкали стеклышками маленькие очки. В довершение метаморфозы любительница кошек держала в руке револьвер системы «бульдог».

— Простите... — растерялся Арцеулов, даже не вспомнив о собственном револьвере, лежавшем в кармане пальто.

— Договорите пароль до конца.

— Рцы мыслете покой. Программа «Владимир Мономах»...

— От кого вы? — продолжала девушка, не убирая оружия.

— Я от полковника Лебедева, он велел...

— Где генерал Ирман? — револьвер по-прежнему смотрел прямо на капитана.

— Он умер. Я и сам мало что знаю. Мне приказали найти господ Богораза и Берга...

— Я — Берг, — усмехнулась наконец девушка, убирая оружие. — Наталья Берг.

— Арцеулов, Ростислав, — представился все еще не пришедший в себя капитан. — И мне говорили, что господин Берг — известный физик...

— Это мой дядя. Но я тоже известный физик. — Девушка, вздохнув, оглядела пустую комнату. — Дядя уже год как во Франции...

— Надо идти, — опомнился Арцеулов. — Кота берете?

— Это кошка, — вновь улыбнулась девушка. — Подарок из ЧК...

— Здесь были чекисты?

— Да. К сожалению, они забрали Семена Богораза.

— Плохо...

— Очень плохо, — согласилась девушка. — Без Семена Богораза «Мономах» так и останется на земле...

«Почему на земле?» — не понял Арцеулов, но спрашивать не стал. За окном уже светало. Надо было спешить.

Наталья была уже готова. Все ее вещи уместились в небольшой и весьма тяжелый саквояж.

— Кота... то есть кошку будете брать? — вновь поинте-

ресовался Ростислав, наблюдая, как умный зверек, вероятно, что-то почуяв, испуганно мечется из угла в угол.

— Обязательно, — девушка поймала кошку и бережно укутала ее шарфом. — Не исключено, что этой мяукающей чекистке предстоит весьма дальнее путешествие. Если, конечно, мы освободим Семена...

— Странные вы тут все, — поневоле вырвалось у Арцеулова.

— Серьезно? — без тени иронии спросила Берг. — Интересно, что вы скажете, когда познакомитесь с Глебом Иннокентьевичем?

На обратном пути Арцеулов чуть не заблудился, но в последний момент все-таки нашел нужную улицу. Вовремя — позднее зимнее солнце уже вставало, и в городе начали появляться первые прохожие. Ростислав постучал. Дверь тут же открылась, на пороге стоял Казим-бек.

— А-а... — удивился было молодой офицер, но расспрашивать не стал, молча пропустив гостей в квартиру.

Первое, что услышал Арцеулов, — это чей-то густой сильный бас, доносившийся из соседней комнаты.

— Ди-ка-ри! — вещал бас. — Форменные дикари, батенька мой, да еще вдобавок умалишенные!

«Профессор...» — понял Ростислав и вздохнул.

Он не ошибся. В комнате, кроме скромно сидевшего в углу Лебедева, он увидел высокого плотного бородача лет шестидесяти, одетого в старый, модный еще в начале века, костюм. На широком морщинистом лице вызывающе блестя небольшие очки в роговой оправе, в руках бородач держал большую дубовую трость.

— Ага! — произнес он, увидев вошедших. — Наталья Федоровна! Очень приятно! Хоть один нормальный человек в этом бедламе! А кто это с вами, позвольте узнать?

— Капитан Арцеулов, — подсказал Лебедев, чуть подмигнув Ростиславу. Тот понял — ему рекомендовали ничему не удивляться.

— Арцеулов? — профессор наклонил огромную голову набок и внимательно всмотрелся в капитана. — Вы, простите, из нормальных или тоже из этих... поведенных?

— Вероятно, из поведенных, — согласился Ростислав. — Господа, позвольте представить: Наталья Берг...

Девушка молча подала руку Лебедеву и Казим-беку и, не говоря ни слова, присела на свободное кресло в углу.

— Представляете, Наталья Федоровна, — продолжал профессор. — Эти бурбоны были уверены, что вы мужчина. Им в голову не могло прийти, что наш лучший физик-практик — барышня, да еще пресимпатичная! Не смущайтесь, не смущайтесь, сударыня, пусть смущаются эти бурбоны! А где Семен Аскольдович?

— Семен арестован, Глеб Иннокентьевич, — тихо проговорила Берг. — Меня не забрали только потому, что удалось притвориться душевнобольной. Я же не могла уйти из квартиры...

— Какое они имеют право! — возопил профессор, потрясая тростью. — Я немедленно иду в этот, как его, Политцентр, в эту чеку! Они же срывают эксперимент!

— Вас поставят к стенке, профессор, — заметил Лебедев.

— По-ра-зи-тельно! — выдохнул Глеб Иннокентьевич. — К стенке! Лет тридцать назад я вместе с господином Миклухо-Маклаем оказался как-то у людоедов Малаккского берега. Нас там, естественно, хотели съесть, но после некоторых объяснений мы смогли нормально договориться! Но ведь это были людоеды!

— Здесь вы ни с кем не договоритесь, — Арцеулов поневоле скривился. — Здесь хуже чем людоеды — здесь господа краснопузые!

— Как вы сказали, молодой человек? — Профессор развернулся всем своим мощным корпусом, в упор поглядев на капитана. — Простите, ваше имя-отчество?

— Ростислав Александрович. Можно просто Ростислав...

— Никаких просто! Вы взрослый человек, а не учащийся подготовительных классов гимназии... Так вот-с, меня зовут Глеб Иннокентьевич Семирадский, я профессор, как теперь принято выражаться, бывшего Петербургского Императорского и так далее университета, почетный доктор и прочее, к делу не относящееся... Итак, как вы изволили выразиться, краснопузые?

— Они самые, — кивнул капитан. — С ними вы не договоритесь.

— Бедлам! — взмахнул руками профессор. — Двадцать лет мы готовили проект, над ним работали лучшие умы России, и вот теперь наше богоспасаемое отечество в одночасье решило сойти с ума!

— Мы не сходили с ума. — Арцеулов понял, что ему отводится роль главного оппонента в этом странном споре. — С ума сошли они!

— Эти ваши... краснопузые скажут о вас то же самое. И вы, и они боретесь за какое-то «светлое будущее». А для того чтобы осуществить просто-напросто научный проект, который, между прочим, способен чуток приблизить нас к светлому будущему, приходится играть в сыщиков-разбойников!

— К сожалению, — кивнул Лебедев. — Наталья Федоровна, что случилось с господином Богоразом?

— По-моему, нам просто не повезло, — начала девушка. — К нам постучались двое офицеров. Мы не могли оставить их на улице! И той же ночью пришли из ЧК. Я накинула теткино платье и шаль. Мне подыграли... Один настолько поверил, что, представьте, господа, на следующий день принес мне кошку...

Между тем Шер, уже достаточно освоившись на новом месте, заняла позицию возле кресла, на котором сидела Наталья.

— Я выясняла, — продолжала Берг. — Семен сидит в пятнадцатой камере в третьем корпусе. Его не допрашивали — там сейчас не до этого. Его держат заложником...

— Ненормальные! — констатировал профессор. — Будь тут папуасы или даже огнеземельцы, я пошел бы к их вождю и за полчаса договорился о чем угодно...

— К сожалению, здесь такой вариант не подходит, — спокойно заметил Лебедев. — Какие есть иные мнения?

— А если дать на лапу? — предложил молчавший все это время Казим-бек. — Господа большевички похуже голевских персонажей — берут направо и налево...

— Опасно, — чуть подумав, заметила Наталья. — Нельзя привлекать к Семену внимание. Если им заинтересуются... Ведь они и так ищут господина Лебедева.

— Есть способ, — внезапно заявил Арцеулов.

— Знаем, знаем, — взмахнул рукой профессор. — Предложите брать тюрьму, так сказать, на абордаж!

— Нечто в этом роде, — кивнул Ростислав. — Мне будут нужны два человека...

— Вас самого разыскивают, — покачал головой Лебедев. — Ваши портреты на каждом углу.

— На это я и рассчитываю, — спокойно заметил капитан. — Стопроцентный успех обещать не могу...

— Вы не можете обещать и один процент успеха, — махнул рукою Лебедев. — Вас арестуют прямо на улице.

— Совершенно верно.

Он постарался изложить свой план как можно короче и четче. Капитана слушали внимательно, но чем дальше, тем с большей долей сомнения.

— Очень смело, — наконец сказала Берг. — Но, боюсь, не получится.

— А вы знаете, господа, — внезапно заявил профессор. — При всем дилетантизме... Кое-что может выйти. Но с некоторыми поправками. Прошу слушать внимательно!..

ГЛАВА 4

Непускающая Стена

Пров Самсонович Чудов выглядел, прямо сказать, не лучшим образом. Голова, плотно обмотанная бинтами, изда- лека походила на тыкву, вдобавок повязки глушили голос, и вместо могучего баса из-под бинтов доносилось нечто весьма невнятное и неубедительное. В довершение всех бед один удар пришелся аккуратно пониже пояса, и теперь Прову Самсоновичу приходилось сидеть накренясь, дабы не тревожить травмированное место.

Впрочем, эти печальные обстоятельства не сбавили пыла начальника Иркутской ЧК. Сквозь бинты то и дело слышалось привычное: «Контра! Искоренить! Каленым железом!», а также куда более крепкие выражения.

Итак, Пров Самсонович бушевал в своем кабинете, куда попал сразу же после перевязки в госпитале. Рядом сидел немного смущенный Степа Косухин. Ему было стыдно, что красная гвардия Иркутска, и он в том числе, не смогли прийти на помощь вождю местных большевиков. Молчали- вый Венцлав, пристроившись в углу, что-то черкал в запис- ной книжке.

— Найду контру! — в очередной раз донеслось из-под бинтов. — Собственными руками на части разорву!

— Значит, там был один человек? — внезапно спросил товарищ Венцлав, не поднимая глаз от блокнота.

— Ну... один, — без всякого энтузиазма подтвердил Чудов. — Из темноты прыгнул, гад, а то бы я ему показал!

— Приметы помните?

— А хрен его помнит! — буркнул Чудов. — Дрался как черт, это помню... Черный полушубок у него был. Не иначе из этих...

— Черных гусар, — подсказал Степа.

— Во-во... — кивнула тыква. — Ну, вроде невысокий таковой. Кисти тонкие... Во! У него перстень на руке...

— Забавно, — прокомментировал Венцлав. — А ну-ка, товарищ Чудов, взгляните...

Он показал нечто нарисованное на листке блокнота. Пров Самсонович всмотрелся и охнул:

— Он и есть! Ну, товарищ Венцлав, и глаз у вас! Как же это вы...

Степа, не выдержав, тоже взглянул. Карандаш Венцлава изобразил красивое лицо с тонкими, явно дворянскими чертами, небольшим, брезгливо сжатым ртом и чуть узковатыми глазами.

— У, белая кость! — вырвалось у Степы, и он возненавидел неизвестного врага еще пуще.

— Поздравляю, Пров Самсонович, — в тоне Венцлава трудно было не заметить иронию. — Вы имели честь познакомиться с капитаном Арцеуловым. С тем самым Арцеуловым, который был послан Колчаком для связи с Ирманом.

«Операция «Владимир Мономах», — понял Степа. — Вот гад!»

— Оказывается, господин Арцеулов все-таки попал в Иркутск, — задумчиво проговорил Венцлав. — Интересно, очень интересно...

— Размножить! — донеслось из-под бинтов. — Размножить и объявить розыск!

Это, как понял Степа, относилось к столь удачному портрету белого гада Арцеулова.

— Да-да... — кивнул Венцлав. — Степан Иванович, решите...

И, не обращая внимания на булькающего и бубнящего Прова Самсоновича, он вывел Косухина в коридор и надежно прикрыл дверь.

— Мои люди еще не подошли, — Венцлав говорил тихо, стараясь, чтобы случайные посетители этого мрачного места ничего не услышали. — Вы можете к завтрашнему вечеру собрать десяток надежных товарищей?

— Так точно, — чуть подумав, ответил Степа. — Соберу своих, черемховцев...

— Лишь бы не пошел снег, — задумчиво проговорил Венцлав. — Давайте так... Завтра в десять вечера вы подходите к тому месту, где на товарища Чудова напал этот белый гад. Место помните?

Косухин кивнул.

— Не знаю, буду ли сам, но я пришлю туда собаку. Поищем след.

— Да какой там след? — удивился Степа. — Почти целый день прошел! Да и снег! Вот если бы сразу...

— А мы попробуем, — товарищ Венцлав мрачно усмехнулся. Степа взглянул на его лицо, и ему сразу же расхотелось спорить.

— Если повезет, собака доведет до места, где этот Арцелов скрылся. Ну а там уж...

— Да не беспокойтесь, — поспешил заверить Степа. — Не подкачаем!

Весь день Степа бегал по городу, заменяя временно бывшего из пролетарского строя товарища Чудова. Ночь прошла не лучше: со стороны Иннокентьевской уже слышались разрывы снарядов — это наступал Каппель. Приходилось решать уйму вопросов, то и дело ругаться с Федоровичем, организовывать новые отряды из сознательных пролетариев, которые отчего-то каждый раз оказывались недостаточно сознательными, да еще вдобавок выступать на митингах. На следующее утро Степа не выдержал и, воспользовавшись приглашением недорезанного врага революции Федоровича, уснул прямо в его кабинете.

Проснулся он уже ближе к полудню. Надо было ехать в депо, чтобы поторопить недостаточно сознательных железнодорожников с ремонтом бронепоезда. Уже накидывая полушубок, Степа вспомнил о словах Венцлава. Удалось поймать вечно спешившего Федоровича и договориться, что тот выделит к вечеру десяток бойцов из бывшего Степиного отряда. Довольный таким успехом, Косухин помчался в депо.

Вернулся он ближе к вечеру, усталый и голодный. Очень хотелось отдохнуть, но указанное время приближалось, и Степа, дождавшись обещанного отряда — Федорович прислал вместо десятка бойцов целых пятнадцать, — двинулся

к одной из привокзальных улиц, туда, где белая контра напала на дорогого товарища Чудова.

Место схватки уже успело покрыться легким снежком. Вокруг была масса следов, оставленных дружинниками и просто любопытными. Косухин пожал плечами — в затею с ищейкой верилось слабо. Между тем время подходило к девяти. Бойцы отряда, не понимавшие цели этой странной экспедиции, начали перешучиваться. Степа ждал, поглядывая по сторонам, но товарища Венцлава все не было.

Внезапно послышался легкий шорох. Из темноты прямо к ногам Косухина вынырнула огромная черная собака. На ней не было ни намордника, ни ошейника, и поначалу Степа слегка испугался. Собака внимательно посмотрела ему в глаза, затем неторопливо подбежала к месту схватки. Все разговоры разом стихли.

— Ух, здоровая! — прокомментировал один из бойцов. — Видать, из породистых...

— Нет такой породы, — авторитетно заметил кто-то.

— Видали? Глаза!

— Тише вы! — прикрикнул Степа. Он присмотрелся, заметив, что глаза собаки только что сверкали красным огнем. Собака сделала несколько кругов около места схватки, затем подняла огромную морду, как бы принюхиваясь, и вдруг завывала. Вой был долгий и какой-то странный. Степе вдруг почудилось, что он различает дикие непонятные слова...

Очевидно, это заметил не он один. Кто-то из бойцов, несмотря на пролетарское происхождение и боевые заслуги, начал тайком креститься. Косухин вдруг вспомнил мертвое лицо генерала Ирмана, и пальцы сами собой сложились в щепоть. Но не успел он поднести их ко лбу, как собака взглянула на него умными, злыми глазами и тихо зарычала. Рука замерла — перекреститься Степа так и не решился.

— Пошли отсюда, а? — предложил кто-то, но собака, вновь зарывав, подбежала прямо к Степе и мотнула огромной черной мордой. Косухин понял и дал команду двигаться.

Собака бежала быстро, почти не принюхиваясь. Лишь изредка она останавливалась — и то, как показалось Степе, не для того, чтобы отыскать пропавший след, а попросту поджидая не столь проворных бойцов. Это странное путешествие вначале проходило в полном молчании, затем языки постепенно развязались. Черемховцы, меряя валенками заледенелые улицы вечернего Иркутска, начали поддавать-

ся неизбежному скепсису. Косухин уже несколько раз выслушивал предположения, что именно ищет непонятная псина и советы не мешать ей в ее личной жизни. Но Степа, сам удивленный всем происходящим, одергивал шутников и приказывал не отставать.

Они прошли уже немало, как вдруг собака остановилась и замерла. Бойцы, окончательно пришедшие в веселое настроение, предположили, что здесь и должно состояться намеченное собачье радеву. Но странная собака внезапно повернула голову, блеснув огромными красными глазами, и негромко зарычала. Кто-то шепнул: «Ого!» Наступила тишина. Собака неторопливо перебежала улицу и остановилась у крыльца одного из домов.

Внезапно Косухин почувствовал — шутки кончились. Он махнул рукой. Один из бойцов неслышно пересек улицу и подобрался к крыльцу. Все замерли. Разведчик подождал минуту и с сомнением пожал плечами, но вдруг резко махнул рукой.

— Четверо к окнам! — распорядился Косухин. — Остальные за мной! Оружие к бою!

Они ворвались на крыльцо, вышибли легкую дверь и очутились в темной прихожей. Но дом не был пуст — из комнаты лился несильный свет лампы, слышался звук голосов. Внезапно из проема двери появилось чье-то испуганное лицо, тишину разорвал крик:

— Господа! Красные!

Дальнейшее Косухин помнил только отрывками. Они ворвались в комнаты, скрутив троих офицеров, пивших чай вместе со стариком — хозяином дома. Но большая часть постояльцев, забаррикадировавшаяся у входа в погреб, открыла бешеный огонь. Двое Степиных бойцов упали на месте. Косухин озлился и, припечатав всю компанию петровским загибом, швырнул гранату.

Взрыв самодельной бомбы, изготовленной в железно-дорожных мастерских Черемхова, был настолько силен, что бросил самого Степу на пол. С потолка сыпалась штукатурка, громко кричал смертельно раненный офицер, но битва была выиграна. Четверо, оборонявшие вход в погреб, легли на месте, а остальные, так и не успевшие выскочить, оказались в западне.

Подождав минуту, Косухин подошел к обгорелому люку, предложив выходить по одному и без оружия. В противном случае он обещал швырнуть вторую бомбу прямо в подвал.

Наступило молчание, затем раздались крепкие выражения, ударил выстрел, другой, третий. Косухин вновь выругался и взмахнул гранатой, как вдруг снизу все стихло и кто-то крикнул: «Сдаемся!»

Пленных выстроили у крыльца. Всего, не считая двоих тяжелораненых, в плен попали шестеро. Трое застрелились — это и были выстрелы, слышанные из люка.

Офицеры, пораженные неожиданностью нападения, растерянно поглядывали то на мрачного Степу, то на утрюмых черемховцев — гибель двух товарищей рассердила бойцов до последней степени. Косухин пару раз прошелся мимо неровной шеренги пленных, поглядел на испуганные злые лица и наконец заговорил.

Он напомнил белой сволочи, что они и так приговорены историей как лютые и опасные враги мирового пролетариата. Вдобавок они оказали сопротивление бойцам революции, что окончательно решает их судьбу.

Косухин выждал минуту, но ничего, кроме негромкой фразы о «красной гадине», не услышал. Это разозлило окончательно.

— В общем так, чердынь-калуга, — заключил он. — Кто мне расскажет, где сейчас полковник Лебедев или капитан Арцеулов, доживут, так и быть, до утра. Остальных сейчас положим. Ну, господа хорошие, какие есть мнения?

— Я... я... — внезапно заговорил один из офицеров. — Полковник Ревяко... Я знаю Арцеулова...

— Стыдитесь! — крикнул один из офицеров.

Степа махнул рукой, и Ревяко оттащили в сторону. Бойцы вскинули винтовки.

— Хоть помолиться дайте, сволочи! — крикнул кто-то.

— Нашим небось не давали! — процедил Косухин, который в этот вечер был особо зол на белую кость, и вскинул руку с револьвером. Залп вышел нестройный, но добивать никого не пришлось — стреляли почти в упор.

— Где Арцеулов? — Степа решил не тянуть с допросом, тем более трупы, лежавшие в нескольких шагах, поневоле приглашали к откровенности.

— Я... я все скажу... — бормотал Ревяко. — Он ушел... Его увел штабс-капитан Мережко...

— Мережко? — Косухин вдруг сообразил, что поторопился с расстрелом.

— Он еще в подвале... застрелился... Господин красный командир, не убивайте... Я знаю про полковника Лебедева... Он летчик. У него на самом деле другая фамилия...

— Сейчас как дам тебе за «господина», — пообещал Косухин, примериваясь к дергающейся скуле подполковника, но в последний момент сдержался. Бить пленных не полагалось — это Степа усвоил крепко.

— Увести. К товарищу Чудову, — кивнул он на пленного.

— А что с хозяином дома? — поинтересовался один из бойцов.

— В расход! — махнул рукой Степа. — Раз прятал контру, значит, знал, что делает...

— Так он же старик, — заикнулся один из дружинников. Косухин поглядел на трупы, уже начавшие каменеть на морозе, и сплюнул.

— Хрен с ним, тащи в тюрьму. Все равно шлепнут... Да, осмотрите дом — ну, там, оружие...

Пока бойцы производили обыск, Степа медленно прохаживался по переулку. Конечно, это был успех — целое гнездо контры накрыто и обезврежено, но ни лютого гада Арцеулова, ни таинственного Лебедева найти не удалось. Правда, этот трус Ревяко мог кое-что рассказать, но Степан рассчитывал все-таки на большее.

Внезапно он увидел собаку. Во время боя пес куда-то исчез, а теперь вновь появился.

— Ну что? — усмехнулся Степа. — Тушенки выдать, герой? А может, ты еще и Арцеулова выследишь?

Собака внимательно поглядела на Косухина и внезапно кивнула.

— Ты... — обомлел тот.

В глазах собаки вновь загорелись красные огоньки, она отбежала в сторону и оглянулась, как бы приглашая Степу за собой.

— Ну, пойдём, чердынь-калуга, — решил тот. Он передал команду одному из бойцов, велел собрать оружие и отвести пленного к Чудову. Собака нетерпеливо ждала и даже начала негромко рычать.

— Пошли, — вздохнул Косухин, доставая револьвер.

На этот раз собака бежала быстро, перепрыгивая через сугробы и ныряя в дыры в заборах. Косухин едва успевал за ней. Пару раз он призывал четвероногого сыщика к по-

рядку, но собака не слушала. Она уже не рычала, а тихо выла, похоже твердо взяв след.

Они выскочили в небольшой пустынный переулок, как вдруг собака остановилась. Но не по своей воле — словно кто-то невидимый поставил перед нею такой же невидимый заслон. Зверь визжал, крутился на месте, но чувствовалось, что дальше он не сможет сделать ни шагу.

— Эй, чего с тобой? — поинтересовался Степа, поводя револьвером из стороны в сторону. — Никого же нет...

Но собака, взвизгнув напоследок, отбежала назад, спрятавшись за спиной Косухина. И вдруг Степа, уже начинавший было привыкать к странным делам, творящимся в последнее время, замер и невольно протер глаза. Перед ним из крутящихся на ветру снежинок стал проступать человеческий силуэт. Это было уже слишком. Косухин слотнул, снова протер глаза, но серебристый силуэт сгустился, и Степа уже мог различать того, или, точнее, ту, что преградила дорогу.

Женщина... На ней была накидка, какие носили сестры милосердия. Лицо — странное, серебристое, как бы светящееся изнутри — было спокойным и, как почудилось Степе, очень грустным.

— Косухин, — тихий голос возник сам собой в голове Степы. — Степан, почему вы хотите смерти Ростиславу?

— Кому? — Степа решил перекреститься, но сообразил, что держит в руке револьвер.

— Ростиславу Арцеулову...

При звуке ненавистного имени Степа немного пришел в себя. Почувствовав, что револьвер в данном случае бесполезен, он сунул его в карман и прокашлялся.

— В общем так, чердынь-калуга, — решительно начал он. — Не знаю, как это у вас получается, но сразу говорю, — я вашего Арцеулова достану! И никакие фокусы не помогут...

— Вы связались с нечистью, Степан! Вы не боитесь погубить душу, потому что в нее не верите, но разве нечисть может помочь вашей революции?

— Какая-такая нечисть?! — хотел возмутиться Степа, но вспомнил то, что случилось у могилы Ирмана. Женщина, казалось, поняла его.

— Нам велено молиться за врагов. Я помолюсь за вас, Степан. И передайте вашему хозяину, чтобы он не слал больше оборотней — я не пропущу их.

Она подняла невесомую серебристую руку, осенив Степу широким крестом. Внезапно собака, жалобно завизжав, перекувыркнулась и бросилась прочь.

— Прощай, Степан... — Фигура женщины побледнела и стала исчезать. — Неси свой крест...

— Какой крест? — сбитый с толку и изрядно испуганный Косухин огляделся, но переулочек был пуст. Собака стигнула. Степа, будучи человеком добросовестным, сделал несколько шагов вслед за уходящими в сторону собачьими следами, но был вынужден остановиться — следы пропали, словно четвероногая тварь тоже растворилась в воздухе.

Косухин был встречен с триумфом. Товарищ Чудов по этому случаю даже слез со стула, попытавшись похлопать Косухина по плечу, для чего ему пришлось несколько раз подпрыгнуть. Правда, Степа, как парень честный, сразу же сообщил, что ни полковника Лебедева, ни врага трудового народа Арцеулова задержать не удалось. Но Пров Самсонович тут же прервал его:

— Не уйдут они, товарищ Косухин! Не уйдут от суровой мести пролетариата! А ты лихо их гнездо накрыл! Не сберегли свои мяса, кость белая! Этого Ревяко мы враз раскрутим — не таких раскалывали, не таких! Так что не ошибся я в тебе, Степан!

Товарищ Венцлав был более скуп на слова и, коротко поздравив Косухина, предложил пройти к нему. Кабинет Венцлава теперь находился рядом с обиталищем Прова Самсоновича.

— Садитесь, Степан Иванович, — предложил Венцлав. — Курить будете?

Степа с благодарностью угодился неплохой американской папиросой и выжидательно поглядел на хозяина кабинета.

— А теперь, Степан Иванович, — продолжал тот, — расскажите все, ничего не пропуская. Вы меня поняли?

— Понял, — тихо ответил Степа, сообразив, что товарищу Венцлаву известно даже то, чему был свидетелем один он...

Косухин рассказывал долго, время от времени путаясь и сбиваясь. Венцлав спокойно ждал, на его красном лице не было заметно никаких эмоций.

— Благодарю вас, Степан Иванович, — кивнул он нако-

нец. — Прежде всего, говорю сразу: ни в едином вашем слове не сомневаюсь и, более того, благодарен, что вы решились рассказать все.

— Значит, это все было? — встрепенулся Степа. — Эта баба... То есть женщина...

— Степан Иванович, — прервал его Венцлав, — я мог бы сказать вам, что вы переутомились и у вас была галлюцинация. Я мог бы, в конце концов, сказать, что мы используем новые научные методы следствия. Но вы умный человек, вы уже успели много увидеть. Я не хочу играть с вами в кошки-мышки.

— Значит, это правда, — не выдержал Косухин, — насчет нечисти...

На красном неподвижном лице Венцлава появилось нечто вроде усмешки.

— Вы с какого года в революционном движении, Степан Иванович?

— С шестнадцатого! — гордо сообщил Степа. — Первый раз еще при царе заарестовали...

— Ну вот... Вы были революционером, борцом за дело пролетариата и всех трудящихся. А как вас называли жандармы?

— Знамо как, — приосанился Степа. — Бунтовщиками! И даже шпионами немецкими...

— Вот видите... Православная церковь, которая, как вам известно, все века помогала угнетать народ, так же расправлялась со своими врагами и называла их ничуть не лучше.

— Ну... это ясно... — задумался Степа. — Выходит, вся эта, извините, нечисть и вправду существует? Значит, попы правы? А говорят, что Бога нет!

— Эх вы хватили! — рассмеялся Венцлав. — Да при чем тут Бог! Есть ли Он, нет ли — этого никто не знает. Просто в мире есть явления, которые не хотят или боятся замечать. Официальная церковь их преследовала. Более того, все это вполне объяснимо с научной точки зрения...

— А, тогда понятно, — несколько успокоился Косухин. — Если с научной... Но кого я все-таки видел? Призрак или что?

— Называйте это призраком, — пожал плечами Венцлав. — Я могу назвать это некробиотическим излучением. Подобные случаи известны уже сотни лет. Помню, однажды...

Венцлав не стал договаривать, покачал головой и замолк.

— А кто эта женщина? — поинтересовался Степа, в голове которого творился настоящий кавардак.

— Жена Арцеулова. Ее звали Ксения, — неохотно ответил Венцлав. — По-моему, вас что-то с ней связывало. Не пойму...

— Быть того не может! — возмутился Степа и, чуть помолчав, пробормотал: — Выходит, похоронил жену капитан! Красивая была женщина... Жалко, — добавил он неожиданно для себя.

— Ну, хватит! — Венцлав нахмурился и встал из-за стола. — Не раскисайте, красный командир Косухин! Если революции понадобится — вы будете сотрудничать даже с упырями.

— Упырей не бывает, — усмехнулся Косухин, решив, что товарищ Венцлав шутит. Тот не отозвался и, кивнув Степе, вышел из кабинета. Они спустились вниз, в тюремный двор, где толпилось несколько свободных от нарядов дружинников. Они разглядывали только что привезенные трупы расстрелянных Косухиным офицеров.

— Приведите этого... Ревяко, — распорядился Венцлав. Косухин козырнул и отправился в тюремный корпус.

Подполковнику Ревяко было совсем худо. Всю дорогу он умолял Степу не ставить его к стенке, обещая взамен все что угодно, вплоть до добровольного вступления в ряды РККА. Косухину было поначалу приятно видеть унижение матерого классового врага, но затем он вдруг представил, что в плен попал не проклятый беляк, а красный командир, и вот так же молит врага о жизни. Степу передернуло, и он, забыв, что пленных бить не полагается, двинул Ревяко в скулу, заметив: «Хоть бы застрелился, мразь!» Похоже, это добило подполковника, и во двор он вышел уже в состоянии, близком к полному затмению. При виде своих погибших товарищей, сваленных прямо на снег, его затрясло.

— Не надо... — заныл он, решив, что приходит его последний час.

— Успокойтесь, — веско произнес товарищ Венцлав, и Ревяко, к удивлению Степы, тут же затих. — Где штабс-капитан Мережко?

— Сейчас, сейчас... — забормотал Ревяко, обходя законченные трупы и склоняясь к лицу каждого покойника. — Не извольте беспокоиться...

— Чего нам беспокоиться? — вновь не выдержал Степа. — Вот тварь!

— Помолчите! — прервал Венцлав, и Косухин умолк. Голос командира легендарного 305-го ему не понравился.

— Вот! — почти радостно воскликнул подполковник, указывая на одно из тел. — Вот он, господа... простите... товарищи...

Венцлав быстро подошел и присел рядом с трупом, легко поводя рукой над мертвым лицом.

— Порядок, Степан Иванович, — мрачно усмехнулся он. — В полночь поговорим...

Косухин вспомнил генерала Ирмана, и ему вновь стало не по себе.

— Товарищ Венцлав... — решился он. — А как вы... ну, определили...

— Стрелял в сердце, — пожал плечами краснолицый. — Мозг цел... Ладно, займемся покуда живыми.

Он махнул рукой, и закаменелого от страха Ревяко повели в кабинет административного корпуса. Степа поглядел на мертвое лицо штабс-капитана, и ему стало совсем плохо. Штабс-капитан Мережко был красив и молод, его большие голубые глаза смотрели в никуда без страха. Было видно, что офицер не боялся умирать.

— Отвоевался парень, — Степа вздохнул. — И не знал, что все равно ему не уйти... Вот дурак, в висок выстрелил бы, что ли!

Последняя мысль пришла в голову Косухина совершенно неожиданно. Он вдруг понял, что не хочет, чтобы мертвый штабс-капитан отвечал на страшном допросе, который готовит ему Венцлав.

«Так он же вражина! Контра!» — подумал Степа, но понял, что даже с контрой так поступать нельзя. Он вздохнул и поплелся вслед за товарищем Венцлавом.

Когда он пришел, допрос был в самом разгаре. Венцлав, увидев Степу, кивнул ему на один из свободных стульев. Косухин присел и стал слушать.

К его удивлению, речь шла о каком-то перстне. Несколько успокоившись за свою шкуру, Ревяко подробно описывал двух черных змеек, монограмму из непонятных букв и даже попытался что-то нарисовать. Венцлав слушал, почти не прерывая. Наконец он удовлетворенно кивнул и откинулся на спинку стула.

— А теперь, будьте добры, о полковнике Лебедеве...

— Значит, так, господа, — Ревяко, похоже, уже вошел в азарт, и допрос начал доставлять ему какое-то извращенное удовольствие. — Я сам об этом Лебедеву услышал только... э-э-э... третьего дня. Капитан Арцеулов спросил о нем... Вернее, не так... Кто-то сказал, что этого Лебедева ищут. И тогда штабс-капитан Мережко сообщил, что Лебедев действительно служил в отделе генерала Ирмана, но у него на самом деле другая фамилия. И что он летчик. А затем Арцеулов о чем-то беседовал с Мережко, потом они ушли. Обрато Мережко вернулся один...

— Все рассказали? — спросил Венцлав, делая какие-то записи в блокноте.

— Все как есть! Честное слово дворянина! — Ревяко даже привстал и попытался перекреститься.

— Подумайте еще раз.

— Все! Все! — выдохнул подполковник. — Как на духу.

— Косухин! — Венцлав поднял глаза на Степу, и в его взгляде тот прочитал мрачную усмешку. — Отведите этого слюнтяя во двор и вышибите ему мозги...

— Так точно! — Степа с удовольствием схватил упирающегося Ревяко за шкуру и поволок из кабинета. Подполковник что-то кричал, обещал отдать жизнь за власть рабочих и крестьян, но Степа не слушал. Он вдруг подумал, что лютый вражина Арцеулов, которого они обкладывали, как волка, наверно, никогда бы не унизился до такого. И его не пришлось бы тащить к стенке, подгоняя ударами сапога.

Во дворе, увидев валявшиеся в снегу тела своих товарищей, подполковник рухнул на колени и завыл. Косухину вдруг стало по-настоящему страшно и противно. Он поднял упирающегося Ревяко за ворот и кинул прямо на трупы. Тот упал, с воплем приподнялся, и в ту же секунду Степа выстрелил прямо в перекошенное ужасом лицо.

Косухин подошел поближе и наклонился. Вопрос с подполковником был полностью решен. И вдруг, совсем рядом с мертвым Ревяко, он увидел застывшее тело штабс-капитана Мережко. Еще не очень соображая, что делает, Степа наклонился, посмотрев в мертвые голубые глаза погибшего офицера. Вдруг рука с револьвером сама дернулась, и Косухин аккуратно, стараясь не промазать, всадил пулю в ровно подстриженный висок штабс-капитана.

— Все, — выдохнул он и испуганно оглянулся. Впрочем,

охрана так ничего и не поняла — все были уверены, что товарищ Косухин произвел контрольный выстрел в голову врага революции белого гада Ревяко.

Все остальное Степа уже решил. Он поднялся в кабинет к товарищу Чудову и попросился на передовую. Пров Самсонович вначале было воспротивился, заявив, что ЧК важнее, чем всякие там действия на фронте, но Косухин вовремя напомнил вождю иркутских большевиков, что нельзя оставлять дело обороны города в недостойных руках тайного двурушника и потенциального предателя Федоровича. Этот аргумент, как Степа и ожидал, оказался неотразим. Пров Самсонович лично позвонил председателю Политцентра, заявив, что проверенный революционер Степан Косухин направляется в военный штаб Политцентра как представитель большевистского губкома.

Мрачный Федорович вручил Степе две пачки японских папирос и отправил его на станцию Иннокентьевскую, где уже шла перестрелка между отрядами Политцентра и авангардом Капшеля.

— Сколько времени? — спросил Казим-бек. Арцеулов взглянул было на висевшие в комнате часы-ходики, но вспомнил: они давно стоят. Вздыхнув, он полез в карман за своим «Буре».

— Без двадцати десять, — сообщил наконец он.

— Скорее бы... Ждать и догонять — хуже нет...

— Напрасно волнуетесь, поручик, — пожал плечами Ростислав, — перед боем лучше всего расслабиться. Обычно мы играли в преферанс...

— Никаких преферансов! — решительно заявил, входя в комнату, профессор Семирадский. — Интеллигентные молодые люди не должны сушить себе мозги подобной ерундой!

— Я не интеллигентный, — слабо усмехнулся Арцеулов. — Кажется, уже и таблицу умножения забыл.

— Вот именно! — взмахнул рукой профессор. — Одичание! Форменное одичание! Великий Плиний даже пешком не ходил, чтобы не тратить времени даром! Его несли на носилках, и он писал книгу! Вот-с!

— Я как-нибудь попытаюсь, — согласился капитан. — Глеб Иннокентьевич, вы все хорошо запомнили?

— Молодой человек! — Руки профессора вновь взметнулись вверх. — Кто-то очень умный — уж не Бисмарк ли? — сказал, что война слишком серьезное дело, чтобы ее поручать военным. Как-нибудь справлюсь... Если я вполне мог контактировать с дикарями и даже душевнобольными, то с этими господами (как вы их называете? — краснопузыми?) как-нибудь совладаю!

— Поймите же, Глеб Иннокентьевич, — вздохнул Ростислав, — это не дикари, к сожалению. Это враги. И, опять таки к сожалению, враги очень неглупые!

— Вздор! — отмахнулся профессор. — Вы так говорите, батенька, потому что сами больны.

— Вероятно. — За их короткое знакомство капитан слышал это уже не впервые. — Меа кульпа...

— То, что латынь не забыли, — это хорошо. А насчет болезни — напрасно не верите. Да поймите же! То, что происходит сейчас в России, — не революция, не гражданская война и даже не бунт. Это вспышка болезни! Эпидемия! Точнее, самая настоящая пандемия! Увы, я не врач... Будь я врачом, подсказал бы вам что-либо более конкретное...

— Пойдите, профессор, — Наталья Берг тоже вошла в комнату и вмешалась в разговор. — В Средние века бывали так называемые психические эпидемии...

— Именно, именно, — кивнул Семирадский.

— Но, позвольте, психическая эпидемия такого масштаба едва ли возможна. Ведь тогда, в Средние века, это было связано с перенаселенностью городов, низким образованием...

— Вздор! — взъярился профессор. — Ничего мы об этих эпидемиях толком не знаем! Сотни тысяч людей срываются и идут освобождать Гроб Господень! Это продолжается века полтора, потом стоп — и о Гробе Господнем забывают. А ведь его толком так никто и не освободил! Чем нынешняя ситуация отличается? Масштабом? На порядок выше — отличие не принципиальное...

— Вы думаете, Глеб Иннокентьевич, — вмешался Казим-бек, — если бы мы знали этот... ну... микроб, то могли бы справиться с красными без войны?

— Ну почему с красными! С болезнью, батенька! С болезнью! Ваши белые — такие же больные, как и красные, зеленые и... кто там еще есть? Но в принципе вы правы.

К сожалению, мы куда бессильны... Несколько нормальных людей среди миллионов сумасшедших ничего поделать не могут.

— Нет, могут, — твердо возразила Берг. — Мы можем поднять в воздух «Владимира Мономаха». Хотя бы это...

— Пойдите, господин Семирадский, — Арцеулов встал, пораженный неожиданной мыслью. — Если это действительно болезнь... Грандиозная эпидемия безумия... То не могли ли эту болезнь занести искусственно? Заразить?

— Нуте-с, нуте-с, — подбодрил профессор.

— Я вспоминаю войну... Не эту — германскую. Было страшно, тяжело, но люди оставались людьми! Да, в стране было много недовольных... Сам, признаться, был из их числа. Но никто не хотел крови! Даже после февраля, будь он проклят! Ведь Государь отрекся, чтобы избежать войны! И как все мы — идиоты! — славили эту Великую Бескровную! А потом — раз...

— В общем-то для армейского капитана неплохо, — снисходительно одобрил профессор. — К сожалению, вслед за вашим умозаключением должно последовать рассуждение о немецких шпионах или масонском заговоре. Я неплохо знаю своих германских коллег и встречал кое-кого из масонов... Поверьте мне, никто из них не ведает, как «заразить», если пользоваться вашим выражением, целую страну.

— А если кто-то все же знает? — совершенно серьезно заметила Берг. — Глеб Иннокентьевич, вы же сами сколько раз говорили о принципе скальпеля Оккама...

— Тогда этого господина... или господ... надлежит немедля истребить, — пожал плечами профессор. — Но перед этим выдать ему — или им — весь запас Нобелевских премий за столетие вперед.

— Вы сказали о принципе Оккама, сударыня, — Арцеулов вдруг вспомнил подзабытый уже разговор в поезде Правителя. — Знаете, один мой знакомый употребил это же выражение, доказывая, что у красных существует какое-то особое психическое оружие. Скажу сразу, я этому тогда не поверил, но, может быть, это логичнее, чем психическая эпидемия?

— Логичнее? — пожала плечами девушка. — Я — физик-прикладник, но тут что-то непохожее на науку. По-моему, это нечто древнее, знаете, как в легендах, — спрятанное зло, которое кто-то выпустил наружу...

— Ну-ну, Наталья Федоровна, — покачал головой профессор. — Я не возражаю против женской интуиции, но, по-моему, вы перечитали сказок из книги господина Афанасьева.

— Пора, — Арцеулов бросил взгляд на циферблат серебряного «Буре». — Будем собираться...

Разговоры разом стихли. Профессор деловито прошел в соседнюю комнату и начал укладывать заранее приготовленный мешок, что-то негромко напевая. Казим-бек также вышел, вернувшись с карабином и несколькими гранатами.

— Наталья Федоровна, — капитан повернулся к девушке, которая что-то колдовала в своем саквояже. — Вы готовы?

Та кивнула. Арцеулов секунду постоял, собираясь с мыслями, а затем стал не спеша собираться. Верный «бульдог» был спрятан в кобуру на левом боку, рядышком пристроен узкий обоюдоострый нож, не раз выручавший в рукопашной. Арцеулов накинул шинель и критически оглядел себя.

— Поручик, — обернулся он к Казим-беку, — попробуйте-ка меня обыскать.

— Слушаюсь. — Казим-бек, отложив карабин в сторону, начал добросовестно хлопать капитана по шинели. — Ничего не заметно, Ростислав Александрович. Правда, если заставят снять полушубок...

— До этого не дойдет, — усмехнулся Арцеулов. — Ну, я готов.

— Не забудьте самое главное, батенька, — из соседней комнаты выглянул профессор и протянул Арцеулову нечто небольшое, похожее на белый сверток плотной материи.

— Ах да, — Ростислав, повертев в руках сверток, пристроил его за поясом.

Точно такой же сверток был вручен Казим-беку.

— Пора одеваться, — сообщила Берг. — Я, кажется, все продумала.

— Сейчас, сейчас, сударыня, — откликнулся профессор, надевая выдавший виды тулуп. — Вы загримируете меня под вождя племени чероков?

Наталья не отозвалась. Разложив перед собой на столике несколько баночек с тушью, белилами и краской, она пробовала кисточки.

Тем временем Казим-бек надел уже виденную Арцеуловым доху, перепоясался пулеметной лентой и нацепил на рукав широкую красную повязку.

— По-моему, я и так хорош, — заметил он, взглянув в зеркало. — Может, обойдусь без грима?

— Не выдумывайте, Георгий, — строго заметила Берг. — Ваш пажеский корпус слишком заметен.

— Так я углем намажусь, — заикнулся было поручик, но был тут же усмирен и усажен на стул. Наталья взмахнула кисточкой и принялась наносить на добродушную физиономию Казим-бека еле заметные мазки.

— Я тоже готов, — сообщил профессор, входя в комнату. За плечами Глеба Иннокентьевича висел солдатский «сидор», над левым плечом грозно возвышалась винтовка с примкнутым штыком, за поясом торчали две гранаты. — Кажется, уже вхожу в роль, — заметил он, погладив рукоять гранаты. — Давненько, правда, не играл в любительских спектаклях.

— Говорить буду я, — предложил Казим-бек. — Я уж их жаргона насыщусь!

— Ерунда! — отмахнулся профессор. — В свое время я объяснялся с австралийцами, а это, поверьте, было не-сколько сложнее...

Между тем Наталья Берг последний раз взмахнула кисточкой над лицом поручика и отпустила его с миром. Георгий нерешительно посмотрелся в зеркало и только вздохнул.

— Нормально, коллега, — одобрил неунывающий профессор. — Теперь вы смотрите минимум лет на десять каторги!

Действительно, загримированный поручик смотрелся жутковато. Арцеулов оценил работу мадемуазель Берг, все же решив, что можно было не превращать симпатичного поручика в подобное исчадие.

— Прошу вас, профессор, — пригласила Наталья, вооружаясь свежей кисточкой.

— Ну-с, ну-с, — озабоченно бормотал Семирадский, усаживаясь на стул. — Все-таки, сударыня, пощадите старика. Я ведь когда-то был вашим оппонентом...

Берг только хмыкнула. Между тем в комнату вошел Лебедев и стал молча наблюдать за происходящим.

— Господин капитан, — наконец обратился он к Арцеулову. — Разрешите...

Ростислав кивнул, и они вышли в соседнюю комнату.

— Ростислав Александрович, — нерешительно начал полковник. — Вы, конечно, человек военный. И руководите

этой, так сказать, операцией... Но я все же просил бы...
Поймите, не могу оставаться здесь, когда все...

— Господин полковник, — вежливо, но твердо начал Арцеулов, стараясь не обидеть собеседника. — Вы поручили мне это дело. Я за него отвечаю. Позвольте мне самому принимать решение.

— Но вы берете с собой господина Семирадского! — возразил Лебедев. — Он старше меня. К тому же я все-таки тоже военный...

— Вы — руководитель нашей группы, — покачал головой Ростислав. — Именно вас я должен доставить на объект. Кроме того, вы же сами намекали относительно своего боевого опыта...

— Вот именно! — поддержал Арцеулова профессор Семирадский, появляясь в комнате с большим зеркалом в руках. — Если у кого и есть боевой опыт, то это у меня. Я ведь, между прочим, участвовал еще в англо-бурской вместе с господином Гучковым. И кроме того, Николай Иванович, чтобы поднять в небо «Владимир Мономах», нужны двое — вы и мадемуазель Берг. Мы — просто балласт... Кстати, господа, как вам моя внешность?

Нельзя сказать, чтобы профессор стал неузнаваем. Но в его облике, слегка преображенном гримом, появилась неожиданная свирепость. Вдобавок мадемуазель Берг обозначила Глебу Иннокентьевичу отчетливые монгольские скулы.

— Я бы вас в плен не брал, — одобрил Арцеулов. — Только не забывайте о том, что господа краснопузые обращаются друг к другу на «ты»...

— А у папуасов — три прошедших времени, — кивнул Семирадский. — Ну-с, по-моему, все готовы.

Перед выходом Арцеулов еще раз все проверил. Казимбек и профессор смотрелись действительно хоть куда — встретить их Ростислав в ином месте и в иное время, первым делом, несомненно, схватился бы за револьвер. Наталья Берг последний раз оглядела всех троих, а затем широко перекрестила каждого.

— Если не будем через два часа — уходите. — Арцеулов крепко пожал руку Лебедеву и девушке. — Постараемся вернуться в более полном составе...

— Господин профессор, — по тону полковника было за-

метно, что он едва сдерживает волнение. — Вы не перепутаете баллоны? Тот, который меньше...

— Сгинь, белая кость! — прорычал перевоплотившийся Семирадский. — Не учи победивший пролетарьят!

— С Богом, господа, — тихо произнес Лебедев и, резко повернувшись, вышел из комнаты.

Они шли по темной улице. Арцеулов шагал первым с заботливо связанными за спиной руками. Черный полушубок был расстегнут, теплая зимняя фуражка еле висела на левом ухе. Правда, веревки, опутавшие руки капитана, стягивались «хитрым» узлом, развязывавшимся от первого же рывка, но эта подробность была никак не заметна, особенно в темноте.

Казим-бек и профессор выглядели вполне достойно. Поручик сжимал в зубах потухшую папиросину и достаточно мелодично напевал «Яблочко». Его заgrimированное лицо в сумерках смотрелось страшновато. Но почтенный профессор Семирадский был вообще вне конкуренции — огромный трех свисал почти до бровей, борода воинственно топорщилась, а огромная винтовка с примкнутым штыком упиралась прямо между лопаток Ростислава. Профессор время от времени порывивал, пренебрежительно бросая: «Шевели ногами, контра!»

Первый патруль они встретили почти сразу — шагов через сто. Несколько уже успевших замерзнуть дружинников стали разглядывать странную компанию с нескрываемым интересом. Один из них — очевидно старший — нерешительно взглянул на грозного профессора и поинтересовался сутью дела.

— Отзынь! — рывкнул Семирадский, поведя штыком в сторону вопрошавшего. — Мы, раскудлыть-деревня, ведем врага революции белого гада Арцеулова!

— Поймали! — обрадовался старший и внимательно взгляделся в лицо капитана. Тот поспешил сделать приличествующую случаю мину.

— Ах, контра! — обрадовался дружинник. — Не убегай, гад! Товарищи, вам помощь нужна?

— А то! — рассудил профессор. — Дай-ка, браток, нам пару товарищей, чтоб вернее было.

— Есть! — козырнул вполне убежденный дружинник. Вскоре шествие, пополненное сразу четырьмя караульни-

ми, проследовало дальше. Следующий караул прошли еще легче — на этот раз пояснения давал увязавшийся с ними командир. Семирадский лишь порывкивал и потрясал винтовкой. Осмотрев плененного белого гада, очередные караульные поспешили увеличить эскорт и бодро зашагали по направлению к городской тюрьме.

По мере движения эскорт рос, и к воротам тюрьмы Арцеулова сопровождала толпа в полсотни дружинников. Профессор, окончательно почувствовав себя в роли вождя племени чероков, время от времени грозно покрикивал на добровольных помощников, приказывая то ускорить, то, напротив, замедлить шаг. Все его команды немедля выполнялись. Впрочем, триумфальное шествие было решительно остановлено караулом у тюремных ворот.

На вопрос «Кто идет!» раздался вопль двух десятков голосов, известивших о поимке лютого классового врага. Тюремная охрана немного опешила, затем начальник караула пришел в себя, предложив принять арестованного. Наступил решительный момент.

— То есть как это принять? — грозно спросил Семирадский, вздымая густую бородищу. — Ты, что ль, у меня эту контру принимать будешь? А ты кто такой есть?

Начальник караула попытался отрекомендоваться, но профессор не слушал.

— Видали, товарищи? — обратился он к окружавшей его толпе. — Мы, большевики, понимаешь, ловим эту контру, а охрана-то тут — эсеровская! Ишь, передавай им! Да они в одни ворота впустят — в другие выпустят!

Дружинники зашумели. Политцентру не верили, и слова профессора упали на явно благодатную почву. Растерявшийся начальник караула попытался сослаться на соглашение между большевиками и Политцентром, упомянув товарища Федоровича, но профессор был неумолим:

— Видали мы вашего Федоровича! Правда, товарищи? — Толпа согласно зашумела. — Ты вот что, тащи сюда самого товарища Чудова, вот тогда и разговор будет!

— Точно! Точно! — Идея Семирадского пришлась всем по вкусу. — А ну, зови сюда Чудова!

Караульные окончательно растерялись. В конце концов один из них стал звонить в административный корпус. Толпа, почувствовав, что дело пошло на лад, удовлетворенно гудела. Наконец калитка тюремных ворот отворилась, и в

проходе появился квадратного вида коротышка с забинтованной головой.

— Товарищ Чудов! — заорали обрадованные дружинники.

Пров Самсонович недоумевающе принялся разглядывать шумящую толпу, но тут вперед выступил Семирадский.

— Товарищ Чудов! — гаркнул он, поднося растопыренную пятерню к трезуху. — Докладывает комиссар особого красногвардейского отряда имени индийского пролетариата Петухов! Бойцами отряда задержан лютый враг революции капитан Арцеулов!

— А... Ага! — проревел Пров Самсонович и устремился к связанному Ростиславу. Минуты две он внимательно разглядывал его, а затем удовлетворенно крикнул: — Попался, контра! Не ушел! Спасибо, товарищи, за белого гада!

— Служим мировой революции! — нескладно проорала толпа.

— Пошли оформим, товарищ Петухов, — прогудел Чудов, приглашая Семирадского в караулку. Толпа повалила следом, но бдительный Казим-бек стал в дверях, недвусмысленно выставив перед собой карабин. Между тем в самой караулке оказались крайне довольный таким поворотом событий Пров Самсонович, пленный белый гад Арцеулов, величественный комиссар Семирадский-Петухов и двое караульных, с любопытством наблюдавшие за происходящим.

— Ты, товарищ, того, — обратился профессор к одному из караульных. — Посторожи-ка с той стороны, а то мало ли чего?

Караульный вопросительно взглянул на Чудова, но Пров Самсонович поспешил кивком одобрить столь своевременное распоряжение. Как только караульный вышел во внутренний двор и прикрыл дверь, Арцеулов и профессор переглянулись. Семирадский чуть заметно кивнул и стал развязывать свой «сидор».

— С боем взяли контру, — бодро комментировал он, — вот, изъяли при аресте...

— Молодцы, молодцы, — гудел, почти не слушая его, Чудов, что-то заполняя на большом бумажном бланке. — Теперь все расскажет, контра!

Между тем «контра» Арцеулов повел плечом, и Казим-бек, громко крикнув: «Так точно, товарищ Чудов», плотно

прикрыл внешнюю дверь. Теперь в караулке их было пятеро, включая часового.

— Вот... вот... — продолжал профессор, доставая из «сидора» нечто напоминающее небольшой пульверизатор. — Доказательство вещественное...

— Ишь! — заинтересовался Пров Самсонович, на миг отрываясь от бумаги. И в ту же секунду профессор дважды нажал на резиновую грушу. Тонкая струйка ударила в лицо Прова Самсоновича, он дернулся и замер. Арцеулов быстро поглядел на часового, но тот в эту секунду как раз смотрел в сторону.

Профессор взглянул на застывшего, словно статуя, Чудова, провел рукой перед его широко раскрытыми глазами. Похоже, он остался вполне удовлетворен опытом, поскольку прокашлялся и громко заявил:

— Вы слышите меня, товарищ Чудов?

— Да... — как-то странно, но отчетливо ответил тот. — Слушаю вас, товарищ...

— Вы должны слушать только меня! — повысил голос профессор.

— Так точно... Только вас...

Караульный, до которого наконец что-то дошло, стал медленно поднимать винтовку. В ту же секунду Арцеулов, отбросив уже ненужные веревки, легко взмахнул рукой. Узкий клинок, еле слышно просвистев в воздухе, вонзился прямо в горло солдату. Тот зашатался. Подбежавший Казим-бек аккуратно подхватил тело и осторожно уложил на пол.

— Звоните в третий корпус! — велел Семирадский зашедшему, словно истукан, Чудову. — Арестованного Богораза из пятнадцатой камеры сюда! Живо!

— Так точно! — кивнул неузнаваемый Пров Самсонович и взял трубку телефона.

Похоже, в третьем корпусе не сразу сообразили, в чем дело, и Семирадскому пришлось дважды подсказывать Прову Самсоновичу нужные слова. В конце концов на другом конце провода отреагировали, сообщив, что арестованный студент Богораз направляется в караульное помещение. Профессор, кивнув, забрал у одеревеневшего комиссара телефонную трубку, и тут же ладонь Арцеулова рубанула по загривку вождя иркутских большевиков. Чудов захрипел и рухнул на пол.

— Напрасно, батенька! — шепнул профессор, доставая из «сидора» тяжелый баллон с широким раструбом. — Он все равно ничего не сообразил бы...

— Что это за гадость? — поинтересовался Ростислав, не без брезгливости поглядывая на зловещие приготовления.

— Которая? — усмехнулся Семирадский, колдуя с тяжелым баллоном. — Та, что для господина Чудова, — специальный газ «Кикимора». В подобных случаях незаменим. А это, — он потряс баллоном, — обыкновенный хлор с углекислотой. Несмертельно, но очень невкусно...

За дверь, ведущей во двор, послышались шаги. Арцеулов кивнул, и Казим-бек занял позицию у входа. Профессор как ни в чем не бывало стал посередине караулки, закрывая собой поверженного Чудова.

Дверь открылась, на пороге вырос конвойный. За ним стоял невысокий худощавый молодой человек в очках, на лице которого было написано тоскливое равнодушие. За ними вырисовывались фигуры еще двоих солдат.

Первый конвоир удивленно посмотрел на Арцеулова, затем на лежавшего на полу неподвижного Чудова, его рот стал округляться, но в ту же секунду резкий удар приклада опрокинул его навзничь. Казим-бек быстро втащил молодого человека в очках внутрь караулки и захлопнул засов.

— Маски! — шепнул профессор. Арцеулов и Казим-бек выхватили из-за пояса белые пакеты и, развернув их, стали натягивать на головы резиновые респираторы. Профессор, уже умудрившийся, несмотря на бороду, нацепить жутковато выглядывшую маску, теперь натягивал такую же на пораженного и ничего не понимающего молодого человека. Для этого вначале пришлось снять с него очки, на что ушла пара лишних секунд. Между тем в дверь уже гремели прикладами.

Наконец последний респиратор занял свое место. Профессор поднял повыше большой баллон и крутанул кран. Послышалось шипение, помещение стало заполняться густым дымом. Белое облако за несколько секунд окутало караульную, дым пополз наружу, откуда послышались удивленные крики, затем кашель и отчаянные вопли. Удары прикладов стихли. Из-под респиратора профессора донеслось удовлетворенное гудение, после чего он подошел к внешней двери и спокойно открыл.

На улице царил паника. Люди падали, а некоторые, наи-

более сообразительные, бежали со всех ног подальше. Профессор, вновь что-то удовлетворенно прогудев, достал из «сидора» последний — третий — баллон. Это был большой керамический сосуд. Семирадский взвесил его в руке и метко швырнул прямо в реденую толпу.

— Газы! Газы, братва! — наконец сообразил кто-то из бывших фронтовиков. И вовремя — на месте упавшего сосуда клубился густой дым, быстро распространявшийся далеко по сторонам. Теперь уже даже самые стойкие из караульных предпочли спастись бегством. Путь был свободен.

Арцеулов выглянул наружу, кивнул и первым выскочил на улицу, сжимая в руках винтовку. За ним Семирадский и Казим-бек волокли освобожденного, который, похоже, до сих пор находился в состоянии полного транса. Впрочем, опасности не ожидалось. У ворот было пусто, не считая нескольких потерявших сознание дружинников. Густой дым, поднимавшийся к небу, создавал надежную завесу, и пули, которые начала посылать растерявшаяся охрана на вышках, летели в «молоко».

В ближайшем переулке Арцеулов, с наслаждением сдернув с лица газовую маску, глубоко вдохнул чистый морозный воздух.

— Ну и мерзость, господа, — с чувством произнес он, небрежно комкая уже ненужный респиратор.

— Помилуйте, Ростислав Александрович! — усмехнулся неунывающий Семирадский, в свою очередь снимая маску и пытаясь привести себя в более-менее приличный вид. — По-моему, сработано отменно. Не хуже, чем с папуасами...

— Наглotalся я этой дряни с фронта, — покачал головой Ростислав и повернулся к бывшему пленнику, который, в свою очередь освободившись от маски, неуверенно переступал с ноги на ногу, поддерживаемый Казим-беком. — Господин Богораз, насколько я понимаю?

— К вашим услугам, — неуверенно произнес бывший студент Петербургского университета, водружая на нос очки, заботливо поданные Семирадским. — По-моему, я все-таки успел хлебнуть хлора. Для моего бронхита это совершенно ни к чему...

— Эх вы, батенька! — хмыкнул профессор, иронически поглядывая на молодого человека. — Бронхит! Чудный сибирский воздух! Грех жаловаться!

— Вам хорошо говорить, Глеб Иннокентьевич, — скривился Богораз. — А у меня только что была инфлюэнца. Впрочем, господа, не могу не выразить признательности. Честно говоря, уже не верил... Вас прислал господин Ирман?

Арцеулов, а затем и Казим-бек представились и постарались ввести болезненного молодого человека в курс дел. Богораз кивнул, но не выявил особого интереса к происходящему. Похоже, собственный бронхит беспокоил его значительно больше.

Они быстро шли по пустым улицам, надеясь не наткнуться на вездесущие патрули.

— Кажется, оторвались, — удовлетворенно заметил Казим-бек и, несколько успокоенный, закинул карабин через плечо. — Подфартило...

— Наука, мододой человек! — наставительно заметил Семирадский. — Эту «Кикимору» разрабатывали целых три года. Смешно сказать, но ее думали использовать для лечения буйнопомешанных. Впрочем, где-то так оно и вышло...

Внезапно Арцеулов, шедший первым, заметил какой-то странный отблеск. Словно блеклый свет от дальних фонарей падал на невидимую преграду из толстого стекла. Он успел лишь удивиться, как вдруг почувствовал, что ствол винтовки упирается в нечто не пускающее вперед. Он попытался обойти страшное препятствие, но тщетно — что-то твердое и гладкое преграждало путь.

— Стена, господа, — растерянно произнес Казим-бек. — Однако...

— Обходим, — скомандовал Арцеулов, почувствовав неладное. — Быстро...

Они попытались свернуть назад, но первый же шаг оказался последним — странная прозрачная стена окружала их со всех сторон.

— Интересно, очень интересно... — бормотал пораженный профессор, щупая руками незримую преграду. — Похоже на термостойкое стекло... Но откуда?

— Сейчас нам объяснят, — невесело предположил Ростислав.

Он не ошибся. Из темноты медленно проступила высокая фигура в серой шинели. Незнакомец сделал пару шагов

вперед, всматриваясь в лица пленников, а затем удовлетворенно усмехнулся:

— С прибытием, господа! Ваша выдумка с хлором чрезвычайно остроумна. Надеюсь, вы, в свою очередь, оцените мою невинную шутку. Хочу сразу предупредить: не вздумайте стрелять — пули срикошуют в вас же...

Арцеулов всмотрелся в говорившего и вспомнил — этот человек уже пытался преградить ему путь на окраине Нижнеудинска. Краснолицый тоже узнал его:

— Приветствую вас, господин Арцеулов! С вашими друзьями я пока незнаком, но надеюсь, у нас еще будет время. Как я понимаю, передо мною почти весь экипаж «Владимира Мономаха»?

— Очень интересно, — тихо повторил Семирадский, продолжая ощупывать невидимую преграду. — Для папуасов неплохо, очень неплохо...

— Когда-то это называлось Непускающая Стена, — пояснил краснолицый. — В давние времена этим рассекали вражеское войско. Впрочем, это уже этнография... Господа, у вас есть выбор — или я зову сюда ораву товарища Чудова, или вы ведете меня к полковнику Лебедеву...

— Что вам нужно? — Арцеулов еще раз вспомнил их первую встречу — пустую улицу, странных собак с красными глазами, перстень... Серебряный перстень...

— Вы-то мне не нужны, господин Арцеулов, — пожал плечами краснолицый. — Впрочем, ваша ретивость ничем хорошим не кончится... Итак, я жду. Предупреждаю, если сюда подойдут ваши наглотавшиеся хлора знакомые, я ничего не смогу гарантировать...

Пленники переглянулись. Казим-бек растерянно пожал плечами, Богораз, похоже, вновь впал в нечто напоминающее прострацию, а хмурый профессор продолжал ощупывать Непускающую Стену, время от времени покачивая головой.

— Не старайтесь выбраться, господа, — посоветовал неизвестный. — Впрочем, если я вас не убедил, я могу сжать Стену. Вы будете вроде тараканов в янтаре...

«Перстень, — вновь вспомнил Арцеулов. — Тогда его испугались собаки... А что, если...»

Ростислав сжал правую руку в кулак и несильно ударил по Непускающей Стене. Рука отскочила от преграды, но не

сразу — похоже, перстень продавил на невидимой поверхности небольшое углубление.

Краснолицый тоже заметил это:

— Прекратите, Арцеулов! Иначе я вам оторву руку вместе с вашей игрушкой!

Но в голосе его Ростислав почувствовал беспокойство. Он взглянул на руку и поразился — холодное серебро светилось неярким белым огнем.

— Помоги, Господи! — прошептал капитан и ударил что есть силы. Он почувствовал, как преграда дрогнула. На миг рука словно завязла в невидимом горячем стекле, и вдруг все исчезло — проход стал свободен. Ростислав автоматически взглянул на перстень — тот горел, словно раскаленный, хотя рука не чувствовала жара.

В ту же секунду Казим-бек дернул стволом карабина. Выстрел в ночной темноте прозвучал неожиданно громко. Ткань на шинели краснолицего лопнула, и он чуть пошатнулся.

— Ага! — крикнул поручик, и вторая пуля вошла рядом. Незнакомец брезгливым жестом махнул рукой в воздухе, и Казим-бек, вздрогнув, выронил оружие.

— Вы объявили мне войну, — краснолицый пожал плечами, его надменное лицо чуть заметно скривилось. — Я не искал вашей смерти, господа. Но теперь вы умрете. И ты, мальчишка, — он бросил холодный жесткий взгляд на Казим-бека, — умрешь первым... Можете спрятать ваш перстень, господин Арцеулов, — в следующий раз он вас не спасет.

Казим-бек, тихо ругаясь, снова поднимал карабин, но оружие не понадобилось — улица была пуста, лишь мелкие снежинки кружились там, где только что стоял неизвестный.

— Что это было? — Казим-бек удивленно поглядел на Арцеулова, а затем на профессора. — Господа, объясните...

— Я уже видел его, — неохотно ответил Ростислав. — В первый раз я подумал, что это какой-то дрессировщик...

— Эраре гуманум эст, — Семирадский покачал головой, а затем решительно добавил: — Полагаю, однако, что путь свободен. Научный анализ отложим на утро...

Никто не спорил.

Голубые свастики

Отряд Степы Косухина отбил за день четыре атаки, но под вечер все же не выдержал и откатился за станцию. Взбешенный Степа лично уложил двоих паникеров, дал измученным дружинникам полчаса отдыха и вновь атаковал Иннокентьевскую. Каппелевцы, не ожидавшие контратаки, дрогнули и отошли за сопки. Ночью подошла подмога — несколько десятков эсеровских боевиков, присланных из штаба Политцентра, и Косухин, передав команду своему заместителю, с которым в горячке боя даже не успел познакомиться, лег спать, велел будить себя лишь в случае атаки белых гадов.

Очевидно, каппелевцы тоже выдохлись, поскольку Степе удалось поспать до утра. Его разбудил прибывший на позиции Федорович. Глава Политцентра был, как всегда, мрачен и сообщил, что станцию придется все же оставить — чехи требуют создания здесь нейтральной зоны. Косухин высказался по адресу проклятых легионеров, после чего они раскурили с Федоровичем свежую пачку папирос «Атаман».

— Ваш Чудов, похоже, подрастерялся, — неодобрительно заметил Федорович, затягиваясь крепким табаком.

— Но-но, — сразу же встрепенулся Степа, почувствовав кровную обиду за товарища по партии. — Вы не очень-то...

— Завтра чехи передают нам адмирала, — продолжал Федорович, не отреагировав на Степину реплику. — Я думал, что по крайней мере порядок в городе ваша организация способна обеспечить...

— А то! — согласился Косухин. — И правильно думали...

— Ваш товарищ Чудов уже несколько дней ловит каких-то Лебедева и Арцеулова. Вчера этот Арцеулов устроил налет на городскую тюрьму. В охране есть потери, один заключенный сбежал... Интересно, куда прикажете помещать Колчака?

— Во гады! — только и мог прокомментировать пораженный Степа.

Его ненависть к бяку Арцеулову выросла по крайней мере вдвое.

— Я говорил с вашим товарищем... как его... Венцла-

вом, — продолжал Федорович, очевидно всерьез обеспокоенный положением в городе. — Он обещал усилить охрану. К нему прибыл отряд из солдат его полка...

— Из полка Бессмертных Героев! — обрадовался Косухин. — Ну, теперь точно все будет в порядке!

— Надеюсь, — с сомнением заметил Федорович. — Вначале я не придавал поискам этих двух офицеров особого значения, но теперь, когда в город привозят Колчака... По-моему, это становится опасным. Товарищ Косухин, у меня нет к вам претензий как к командиру, но, может, вам стоит вернуться в город?

«Ишь ты, — хмуро подумал Степа. — Нет у него, понимаешь, претензий, эсер проклятый!»

Впрочем, он поймал себя на том, что похвала Федоровича пришлась все же по душе.

— Прикажете вернуться в город? — нелюбезно осведомился он. Федорович был, похоже, прав, но Степа никак не мог привыкнуть подчиняться какому-то эсеру.

— Да, возвращайтесь, — кивнул Федорович, не заметивший всей сложности косухинских переживаний. — Вы, кажется, уже успели накрыть несколько офицерских явок? Надеюсь, до завтра вы разберетесь с этими Лебедевым и... как его?

— Арцеуловым, — подсказал Степа. — Ниче, товарищ Федорович, я этого гада лично к стенке поставлю!..

К полудню Степа был уже в городе. Пров Самсонович после вчерашнего казуса был несколько не в себе. Очередная травма и несколько глотков газа, которые довелось вдохнуть ночью, стоили ему потери голоса. Пров Самсонович теперь не гудел басом, а больше шипел, иногда сбиваясь на сип.

— Обнаглели белые гады, товарищ Косухин, — сообщил он Степе и надолго замолчал. Было заметно, что мысли его двигаются медленнее обычного. Наконец, надумав что-то, решительно просипел: — Ты... эта... поймай их, товарищ Косухин! Всенепременно поймай!

Степа с сожалением поглядел на раненого льва революции, козырнул и отправился в соседний кабинет. Но там было пусто — товарищ Венцлав отсутствовал.

Командира 305-го полка Косухин нашел во дворе. Венцлав стоял перед строем каких-то незнакомых солдат в таких

же, как у него, серых шинелях. На рукавах краснели треугольные нашивки, на головах — высокие суконные шлемы со странным знаком — голубым крестом с изогнутыми краями. Степа, привыкший к своей красной звезде с плугом и молотом, поневоле удивился, заодно прикинув, что в таких шинелях бойцам будет на здешнем морозе холодно-вато. Незнакомые солдаты стояли ровно, как на смотре; красноватые, как у товарища Венцлава, лица были спокойны и равнодушны.

— Здравствуйте, товарищ Косухин! — Венцлав, козырнув Степе, кивнул на строй в серых шинелях: — Прошу знакомиться: бойцы моего полка. Пришли сегодня утром. Прорвались через тайгу.

«Ого!» — подумал Степа, по своему опыту знавший, что такое переход через зимнюю тайгу. Он подошел ближе к строю и, чувствуя неизбежное волнение — ведь перед ним были бойцы 305-го! — произнес:

— Здравствуйте, товарищи!

— Здра! — дружно и слаженно ответили бойцы, причем, как Степа успел заметить, даже не покосившись в его сторону. Косухину стало не по себе — бойцы отвечали непривычно, да и держались они в строю слишком ровно для отвыкших от дисциплины красноармейцев.

«Ишь, гвардия!» — подумал Косухин и доложил Венцлаву о разговоре с Федоровичем.

— Знаю, Степан Иванович, — кивнул Венцлав. — К тому времени, когда сюда привезут адмирала, с Арцеуловым мы покончим. Но Лебедева нужно взять живым... Запомните — только живым.

— Хоть бы знать, как он выглядит, — неуверенно заметил Степа. — И фамилию-то настоящую... Может, его и нет вообще, этого Лебедева?

— Думаете, Ирман соврал? — мрачно усмехнулся Венцлав, и Косухин вздрогнул, вспомнив страшную ночь у могилы генерала. — Нет, Степан Иванович, мертвые не лгут. Я приказал перерыть архивы военного министерства. Там многое пропало, но вдруг все же повезет... По городу идут сплошные обыски, но своих бойцов я держу в резерве. Они еще понадобятся...

Косухин не удержался и спросил о странном знаке на шлемах у бойцов 305-го.

— Свастика, — чуть улыбнулся Венцлав. — Знак бегущего огня... Введена приказом Реввоенсовета в некоторых

частях. Она мне нравится. Это очень древний знак, товарищ Косухин...

Степа, решив как-нибудь попозже расспросить товарища Венцлава об этом странном символе, поинтересовался о дальнейших приказаниях. Венцлав, подумав, велел Косухину проверить посты внешней охраны, а затем подождать его в караулке.

— Я бы в город лучше, — возразил Степа. — Потрусил бы буржуев... Глядишь, и накрыли бы, чердынь-калуга!

— Мы найдем их, Степан Иванович, — мрачно усмехнулся Венцлав. — И если не ошибаюсь, найдем скоро. Вот тогда вы и пригодитесь...

Косухин не стал спорить. Он некоторое время просидел в караулке, где, перекуривая, выслушал историю ночного нападения на тюрьму. Узнав, что белый гад Арцеулов затеял это ради освобождения студента-заложника, он чрезвычайно удивился. Расспросив охрану, он изумился еще более — оказывается, капитану был нужен тот самый очкарик, которого Косухин арестовал в доме на Троицкой. Степа вспомнил бедную девушку, которой он принес генеральскую кошку, и с сожалением подумал, что так и не забежал ее поведать. Впрочем, он успокоил себя тем, что завтра же выкроит время и занесет ей кое-что из пайковых продуктов.

— Студент-то, выходит, непростой, — рассудил Степа. — Газ, опять же... Вдобавок этот Лебедев — летчик. Но ведь «Владимир Мономах» — это золотой запас?

Косухин поневоле задумался. Конечно, летчик вполне мог пригодиться проклятым белякам — ведь товарищ Венцлав сказал, что тайник с золотом где-то недалеко. Собственно, и газ — оружие, выдуманное проклятыми империалистами, — мог быть использован для борьбы с победившим пролетариатом. Но вот зачем этому Лебедеву студент-очкарик с Троицкой? Значит, те, кого он, Косухин, забрал тогда во время ночного ареста, тоже могли бы быть связаны с операцией «Мономах»? И даже эта несчастная девушка?

Впрочем, Степан рассудил, что больная девушка здесь, вероятно, ни при чем, а вот относительно всего остального ему следует доложить товарищу Венцлаву, и желательно поскорее...

Он вышел из караулки и пошел искать командира 305-го. Однако того нигде не было. Косухин покрутился по двору и обратил внимание, что бойцы в серых шинелях — красно-

армейцы Полка Бессмертных героев — расположились тут же, прямо во дворе, несмотря на мороз и начавший падать снег. Они сидели на сваленных у стены бревнах, поставив винтовки в пирамиду. Сидели они странно — никто не курил и, насколько успел заметить Косухин, не разговаривал.

«Вот чудики!» — подумал Степа, подходя поближе.

Он не ошибся. Бойцы 305-го сидели молча, не двигаясь и даже не стряхивая снег, падавший на шинели и высокие шлемы со странным голубым знаком. Глаза у всех были широко открыты, но Степа заметил еще одну поразившую его особенность — эти глаза не моргали.

«Ну и странный народ!» — рассудил Косухин. Он стал рядом, попытавшись заговорить.

— Давно тут, товарищи? — Вопрос был глупый, поскольку Степа и так знал, что бессмертные герои прибыли сегодня утром. Впрочем, это не имело значения, поскольку никто не думал отвечать. Косухин потоптался еще минуту, решив было уходить, как вдруг обратил внимание на одного из красноармейцев. Высокий суконный шлем закрывал половину лица, но странный краснолицый парень показался знакомым. Степа всмотрелся.

— Федя! Княжко! Ты?!

Слова вырвались сами собой. Красноармеец никак не реагировал, и в ту же секунду Косухин обругал себя последними словами. Бред! Его друг, красный командир Федор Княжко, никак не мог быть здесь...

Федю ранило под Бугурусланом, и он умер на третий день от заражения крови. Комполка приказал похоронить красного командира Княжко в центре освобожденного от белых гадов города, но внезапно из самой столицы пришла телеграмма, что прах доблестного героя будет похоронен у стен Главной Крепости, рядом с павшими защитниками дела пролетариата. Федю уложили в цинковый гроб и отправили в специальном вагоне. Косухин провожал друга до станции, хорошо запомнив пустой товарный вагон и серый гроб с нелепыми цинковыми гирляндами.

— Извини, товарищ, обознался, — пробормотал Степа, хотя тот, кто был так похож на Федю, кажется, его даже не слышал. И вдруг взгляд Косухина упал на руку этого, похожего. Рука как рука, но на кисти синела небольшая татуировка. Степа был готов поклясться, что узнает буквы

«Ф.К.» — Княжко, по его рассказам, сделал эту наколку лет в двенадцать, когда служил в подмастерьях.

Косухин повернулся, и, стараясь не оглядываться, пошел прочь. Можно было, конечно, спросить о странном красноармейце у самого товарища Венцлава, но Степа вдруг понял, что делать этого не станет. Более того, ему почему-то совсем расхотелось докладывать о квартире на Троицкой. Степа представил себе, что товарищ Венцлав прикажет доставить сюда эту девушку. Если интересы революции требуют, чтобы даже мертвецы давали ответ, то заставить говорить бедную девушку, которая так горевала о пропавшей кошке, для Венцлава труда не составит.

Подумав некоторое время, Степа все же решил доложить о том, что было на Троицкой. В конце концов, странный красноармеец, так похожий на покойного друга, — это его, Косухина, личное дело. А вот борьба с белой сволочью, прячущей золотой запас Республики, — дело, можно сказать, общепролетарское.

Ждать Венцлава пришлось около часа. Он появился словно ниоткуда — во всяком случае, Степа, следивший за воротами, его пропустил. Венцлав быстрым шагом подошел к своим бойцам и что-то скомандовал, те тут же вскочили и стали разбирать винтовки. Когда Косухин подбежал к товарищу Венцлаву, бойцы уже стояли неподвижным строем, странные немигающие глаза смотрели прямо, а острия штыков торчали неправдоподобно ровно.

Степа быстро, глотая слова, рассказал о студенте-очкарике и о квартире на Троицкой. Он хотел сказать и о девушке, но в последнюю секунду все же не решился. Впрочем, Венцлав не особо заинтересовался:

— Я так и думал. Наверно, там, на Троицкой, у них была явка... Но это уже неважно. Мы их нашли, Степан Иванович..

— Правда? — обрадовался Степа.

— Да. Они, оказывается, совсем недалеко от вокзала, на Трегубовской. Там у них пара пулеметов...

— Разрешите... — начал было Косухин и осекся.

Товарищ Венцлав, поглядев на него со странной усмешкой, кивнул:

— Пойдемте, Степан Иванович. Познакомимся с госпо-

дином Лебедевым. Еще раз предупреждаю: его — только живым!

— А этого... Арцеулова? — осмелел Косухин. — Его, чердынь-калуга, тоже живьем?

— Его — как хотите, — вновь усмехнулся Венцлав и дал команду выдвигаться.

— Надо было уходить еще ночью, — негромко заметил Арцеулов, сидя у окна и поглядывая на улицу.

— Вы же видели Семена, — так же тихо ответила Наталья Берг, — он не мог идти... Ничего, уйдем, как стемнеет...

Арцеулов уже не первый час наблюдал из окна за обычно спокойной улицей, в который раз ругая себя за то, что не настоял на немедленном уходе из города. Под утро, вернувшись после столь удачной операции, все, включая даже неутомимого профессора, решили отдохнуть. К тому же освобожденный из большевистского узилища Семен Богораз совсем расклеился, заявив, что у него жар, и категорически отказавшись куда-либо идти. Время было потеряно, а наутро оказалось уже поздно — весь город был заполнен патрулями, и, как удалось выяснить выскочившему на разведку Казим-беку, вокруг шли повальные обыски. Оставалось уповать, что им повезет и на этот раз.

Семен Аскольдович Богораз сразу же не понравился Ростиславу. Дело было не только в том, что он явно был обузой отряду — со своей подлинной или выдуманной хворью. Этот тщедушный студент сразу поразил капитана холодным, законченным эгоизмом. Его почти не тронуло то, что знакомые и незнакомые люди — включая почтенного профессора — всерьез рисковали из-за него жизнью. Богораз воспринял свое освобождение как нечто само собой разумеющееся и даже упрекнул спасителей в том, что они излишне мешкали. Добравшись до квартиры, он выбрал единственную более-менее удобную кровать, на которой обычно спала Берг, укрылся одеялами и потребовал, чтобы никто его не беспокоил. Вначале Арцеулов принял его за обычного труса, каких он успел немало повидать, но потом понял, что худосочный юноша еще худшей породы — из тех, кто видит в мире лишь одного себя. Во всяком случае, так казалось капитану.

— Наталья Федоровна, — помолчав, вновь заговорил Ростислав. — Вчера я не хотел спрашивать... Но сегодня,

когда господин Богораз на свободе, может быть, мне расскажут суть дела? Я, конечно, обычный офицер, но тоже имею право знать, ради чего все это?

Берг ответила не сразу. Она некоторое время сидела неподвижно, глядя Шер. Кошка, признавшая новую хозяйку, тихо мурлыкала, совершенно не догадываясь о том, в какой омут ей довелось попасть. Наконец Наталья небрежно опустила кошку на пол, подошла к окну и, взглянув на заснеженную улицу, тихо ответила:

— Я уже говорила полковнику. Вы, конечно, имеете право знать все, Ростислав Александрович. Но господин Лебедев считает, что так будет безопаснее. Точнее, считает не он, а тот, кто отдал приказ. О проекте «Владимир Мономах» красные начинают догадываться. Если вы, к несчастью, попадете в плен, вам легче будет молчать. Впрочем, я не могу ничего рассказать, но могу сыграть в игру «да» и «нет».

И девушка чуть улыбнулась. Ростислав, поглядев на нее, подумал, что, если бы не очки, Наталья Берг, молодой ученый-физик, смотрелась бы весьма привлекательно.

— Это научный проект, — уверенно начал он. — Профессор Семирадский — один из его авторов?

Берг молча кивнула.

— Полковник Лебедев и поручик Казим-бек — летчики. Летчики-испытатели?

— Да, — вновь кивнула девушка. — Можно сказать и так.

— «Владимир Мономах» — новый тип аэроплана...

— Нет, — Берг покачала головой и вновь улыбнулась.

— Дирижабля? Или чего-то летающего, о чем я не догадываюсь?

— Остановимся на последнем.

— Господин Богораз — ученый, который отвечает за научную часть эксперимента. Насколько я понял, без него эксперимент не состоится...

Вновь последовал кивок.

— Этот эксперимент очень важен...

— Да, — Берг опять кивнула на этот раз решительно и резко. — Этот эксперимент очень важен, Ростислав Александрович. Настолько важен, что о его сути знают лишь трое — адмирал Колчак, профессор и господин Богораз.

— А вы? — поразился капитан. — А господин Лебедев?

— Нет, — вновь улыбнулась девушка, на этот раз, как

показалось капитану, чуть грустно. — Все мы должны лишь поднять «Владимир Мономах» в воздух. Так что я от вас, как видите, почти ничего не скрываю.

— О чем это вы, Наталья Федоровна? — поинтересовался Семирадский, появляясь в комнате с тяжелым ящиком, в котором Арцеулов не без изумления опознал цинк с пулеметными патронами. За ним вошел Казим-бек, волоча за собой «максим».

— Так-с, так-с, — продолжал профессор. — Папуасы танцуют боевой танец и острят топоры. Надо приготовить... Так какие тайны вы, сударыня, поверяли нашему Айвенго? Неужели сердечные? В таком случае, рад за вас...

— Нет, — ответил за девушку Арцеулов. — Я пытался проникнуть в секрет «Владимира Мономаха». Но Наталья Федоровна лишь милостиво согласилась подтвердить некоторые мои предположения...

— Да-с, дурацкие секреты, — кивнул профессор. — Дурацкие и ненужные, если подумать. Я был с самого начала за то, чтобы рассекретить «Мономах». Кстати, господин Витте был тоже за это... Но насколько я понимаю, вмешались военные. То ли великий князь Михаил Николаевич, то ли великий князь Александр Михайлович...

— Профессор... — остановила его Берг.

— А что? — удивился тот. — Я уже выдаю государственную тайну?

— Великий князь Александр Михайлович предлагал рассекретить «Мономах» после победы, — вмешался в разговор Казим-бек. — Когда он приезжал в... То есть когда мы с ним встречались... Он говорил, что сообщать о «Мономахе» во время войны опасно.

— Ну конечно, — хмыкнул профессор. — Господа папуасы начинают «Мономах» тротилом и кинут пряником на княжескую дачу!

— Наверно, — пожал плечами Казим-бек. — Мы же не засекречивали новые газы. Даже вашу «Кикимору»...

— Ну, «Кикимора» могла злодеям послужить, — не согласился Семирадский. — Но чем может?... Ладно, молчу, все равно господин Арцеулов обо всем в свое время узнает...

— Могу это обещать, — полковник Лебедев появился в дверях, неся с собою три винтовки и сумку с патронами. — Господин капитан, в случае удачи вы сможете увидеть все своими глазами. Если же нет... Тогда последний из нас, кто

останется, перед тем как спуститься в подвал, вам все пояснит. Поверьте, это будет недолго...

— В какой подвал? — удивился Арцеулов, помогавший Казим-беку устанавливать пулемет напротив одного из окон.

— Небольшой сюрприз для красных, — невесело усмехнулся полковник. — Здесь у нас в подвале емкость пудов на пятьсот. Я установил взрыватель и провел шнур Бикфорда. На всякий случай.

— Пятьсот пудов тротила! — поразился капитан. — Однако, господа...

— Это не тротил, — возразил полковник, деловито заряжая винтовки. — Это топливо для «Мономаха». Его не успели направить по назначению, и я приказал слить его в отопительный бак. Очень надеюсь, что все это не понадобится, но в случае чего никто из нашей группы не должен попасть к большевикам. Увы, господа...

— Господи... — тихо произнесла Берг.

— Ну-ну, сударыня! — бодро заметил Семирадский. — Поверьте, все обойдется. Господин Лебедев просто пленник долга. На самом деле здесь не опаснее, чем когда вы будете находиться в рубке.

— Да, конечно, — спокойно ответила Наталья. — Тем более у меня нет никакого желания попадать к господам пролетариям. Но, — тут она грустно улыбнулась, — если что-то начнется, я выпущу кошку. Она не проговорится...

Шер, не ведая, что решается ее кошачья судьба, оживленно бегала по комнате и даже пыталась играть концами пулеметных лент.

— В соседней комнате, той, что выходит во двор, мы установили еще один пулемет, — заметил полковник. — Господин Арцеулов, вы у нас здесь главный военный специалист, ждем ваших распоряжений...

— А какие тут распоряжения? — удивился Ростислав. — Если начнется, я и господин Казим-бек займемся пулеметами. Вы, господин полковник и господин профессор, — в резерве, госпожа Берг и господин Богораз — в подвал.

— Я умею стрелять, — заметила девушка. — Семен Аскольдович, между прочим, тоже...

— Кто, я? — В комнате появился заспанный Богораз, удивленно оглядывая грозные приготовления. — Вы же

знаете, Наталья Федоровна, мои нервы не выдерживают этих звуков... Мы что, господа, собираемся воевать?

— В некотором роде. — Арцеулов поглядел на нескладного интеллигента без особой приязни.

— Но, господа, вы же говорили, что все в порядке? — заволновался тот. — Мы же собирались уйти с темнотой...

— Нас могут найти раньше, — также лаконично пояснил Ростислав.

— Но ведь это ужасно! — воскликнул Богораз. — Господин полковник, вы же отвечаете за нашу безопасность!

— Я сделаю все, что возможно, Семен Аскольдович, — мягко ответил Лебедев.

— Нет, господа, это чудовищно! — Богораз всплеснул руками и рухнул на стул. — Ведь если мы погибнем, все сорвется!

Арцеулов удивился. Оказывается, студент Петербургского университета боится вовсе не за свою шкуру.

— Нет-нет, господа, — продолжал тот, — надо что-то придумать... Мы не можем погибать!

Ему никто не ответил. Семен вскочил со стула и забегал по комнате, натываясь на стулья.

— Если так, — наконец заявил он, — мы должны немедленно отпустить господина Арцеулова. Он не в нашей группе и не обязан рисковать жизнью.

Ростислав поразился еще больше.

— Действительно, Ростислав Александрович, — заметила Берг. — Вы и так сделали для нас все, что только могли. Вы переоденетесь, в конце концов, вас можно даже загримировать...

Арцеулов лишь пожал плечами. Обсуждать это предложение он не собирался. Капитан подошел к окну и бросил взгляд на привычную уже картину — двор, высокий забор, за которым видна такая же пустая улица. Внезапно он заметил серую тень, промелькнувшую по заснеженной мостовой. Ростислав всмотрелся — вторая тень пронеслась возле самого забора.

— Собаки, — наконец понял он, — возле самого дома...

— Ясное дело, батенька, — ничуть не удивился Семирадский. — Этих горемык бездомных сейчас в Иркутске полно. Одичали за войну.

В Иркутске, наверно, и в самом деле было полно бродячих собак, но Арцеулов почему-то встревожился. Он вспом-

нил других собак — таких же серых, с глазами, горящими красным огнем.

— Господа, — в конце концов решился он. — Я вам сейчас расскажу одну историю. Только очень прошу мне поверить...

— А что случилось, Ростислав Александрович? — встревожилась Берг.

— Я сейчас увидел собак. Конечно, собак здесь много, но...

Арцеулов старался рассказывать без лишних эмоций. Дойдя до эпизода с перстнем — о том, как и где он его нашел, капитан предпочел умолчать, — он вдруг подумал, что со стороны это может показаться бредом. Тем более его собеседники, люди науки, к подобным историям — Арцеулов был в этом уверен — относились с очевидным скепсисом. Его, впрочем, никто не перебивал, и Ростислав завершил рассказ при полном молчании.

— Вот... — он развел руками. — Дико это все, конечно, господа. Впрочем, вчерашняя история, которой многие из вас свидетели, пожалуй, еще нелепей. Вы, наверно, сейчас будете говорить о нервах и о воспаленном воображении...

— Да отчего же? — пожал плечами Казим-бек. — По моему, все логично — псы дрессированные, а вы их разогнали. Бог весть, может, ваш перстень их отчего-то напугал...

— Считается, что серебро отгоняет нечистую силу, — вскользь заметила Берг.

— Вот-с! — поднял палец Семирадский. — Прошу полюбоваться, господа! Наталья Федоровна Берг, блестящий физик-экспериментатор, начинает преподносить нам концепции господина Стокера! Замечательно! Упыри, господа! Лешие! Домовые! Стыдитесь, сударыня!

— Я согласна сгореть со стыда, — спокойно ответила девушка, — но только после того, Глеб Иннокентьевич, как вы сами объясните эту историю. А заодно и то, что случилось с вами ночью.

— Охотно-с! — кивнул профессор. — Итак, относительно собак я полностью согласен с мнением господина Казим-бека и Арцеулова. Собаки-ищейки, смею напомнить, применялись еще в допотопные времена. Что касаясь вашего перстня, молодой человек, то вы, вероятно, допустили типичную ошибку людей, не имеющих научного склада ума, — рассудили по принципу «после того — вследствие

того». Собак могло напугать вовсе не ваше кольцо, а что-то иное. Совпадение-с! Ну, а насчет вчерашнего смею предположить, что мы имели дело с какой-то очень ловкой — и новой! — научной выдумкой. Я лично считаю, что это было использование высокочастотных полей! Да-с!

— Господин Арцеулов, — внезапно подал голос молчавший все это время Богораз. — Можно на минуту ваш перстень?

Ростислав, сняв перстень, передал его студенту. Тот осторожно покрутил его, взвесил на ладони, затем отдал обратно:

— Благодарю вас... Господин профессор, прежде всего хочу напомнить вам один постулат Секста Эмпирика...

Тут он закашлялся. Семирадский несколько иронически поглядел на Семена, бормоча нечто вроде: «Нуте-с, нуте-с...»

— Секст Эмпирик писал, что в случае недостатка данных следует воздержаться от суждения. Я не присутствовал при случае, описанном только что господином Арцеуловым, но я был сегодня ночью при эпизоде, нам всем памятном. Конечно, я плохо помню детали. Глотнул газа, к тому же мой бронхит... Но я заметил следующее. Во-первых, перстень господина Арцеулова привлек внимание того странного господина, который пытался нас задержать...

— Ерунда! — не выдержал профессор. — Этот, как вы его назвали, господин, тоже начитался Стокера...

— Во-вторых, когда господин Арцеулов пытался разорвать это препятствие, мне показалось, что перстень светился...

— Обман зрения, — фыркнул профессор. — Или отсвет фонарей.

— Фонари были далеко. Сейчас я осмотрел перстень — обычное старое серебро очень высокой пробы. Оборудования у меня нет, но я почти уверен, что внутри у него нет никаких сюрпризов. Светиться он не может, но я склонен в данном случае верить своим глазам. Итак, мы имеем дело с чем-то, чего понять пока не можем. А значит, воздержимся от выводов...

Тут он снова закашлялся. Профессор не перебивал, но весь его вид выражал несогласие.

— И в-третьих, — заключил Семен. — Насколько мне известно, никакое поле не способно иметь твердость стекла. Вчера мы столкнулись с чем-то другим...

— С бесовским заговором! — охотно согласился Семирадский. — И вы туда же, Семен Аскольдович!

— А отчего нет? — вдруг подняла голову Берг. — Наши предки называли это «нечистой силой», но, может, что-то в самом деле существует?

— И это надежда российской науки! — профессор взмахнул руками и, возмущенно сопя, выскочил из комнаты.

— Мне не повезло, — внезапно заговорил Лебедев, слушавший этот долгий спор молча. — Я не видел ничего, а значит, могу судить лишь с чужих слов. Но вот что я придумал... Этой ночью вас могли задержать куда более простым способом, ни к полю, ни к нечистой силе отношения не имеющим.

— То есть? — голова профессора показалась в дверном проеме.

— Гипноз. Этот тип в шинели — сильный гипнотизер. Он внушил вам, что вокруг преграда. Кстати, это же касается стрельбы — пули господина поручика в него попросту не попадали.

— Ну уж нет! — возмутился Казим-бек. — Господин полковник, вы же знаете, как я стреляю! А там и десяти шагов не было...

— Это не так трудно, — заметил Лебедев. — Ну а перстень... Почему-то он действует на этого типа отрицательно. Достаточно легкого раздражения, чтобы разрушить силу гипноза...

— А что? — Арцеулов с интересом поглядел на перстень, а затем на Лебедева. — Господин полковник, по-моему, вы правы!

— Три вида истины! — прокомментировал Семирадский. — Научная, ненаучная и обывательская! Гипноз — типичное объяснение, когда других объяснений нет! Вот так-с...

— А собаки уже во дворе, — внезапно заметила Берг, выглянув на улицу.

— Черт! Неужели мы не закрыли калитку! — Арцеулов вскочил, выхватывая револьвер. — Я сейчас, господа...

— Погодите, господин капитан! — крикнул Казим-бек, вскакивая и хватаясь за винтовку, но Ростислав уже сбегал по лесенке, ведущей со второго этажа к сеним. Там было морозно, и он успел подумать, что зря не накинул полушубка.

Собаки и в самом деле были уже во дворе. При виде ка-

питана они тут же отбежали в сторону и беззвучно оскалились. Знакомые красноватые глаза недобро мерцали затаенным огнем.

— Гипноз, значит, — пробормотал Арцеулов, осторожно подходя к калитке. — Поглядим, какой тут гипноз...

К его удивлению, калитка была заперта. Арцеулов вспомнил высокий глухой забор, окружавший дом, и поневоле присвистнул. Как серые твари попали во двор, можно было только догадываться. Впрочем, размышления следовало отложить на более удобное время. Первой мыслью капитана было попросту перестрелять незваных гостей, но он тут же сообразил, что стрельба среди бела дня неизбежно привлечет внимание патрулей или соседей, которые вполне могут обратиться к властям. Оставалось попросту выгнать странных зверей. Арцеулов распахнул калитку и в ту же секунду почувствовал резкое движение воздуха, как будто рядом пронесся сильный порыв ветра. Он взглянул во двор и обомлел — собак не было. Не удержавшись Ростислав выглянул на улицу. Там тоже было пусто, лишь на снегу темнело несколько собачьих следов.

— Ну и ну! — Арцеулов, покачав головой, хотел было закрыть калитку, но внезапно ему показалось, что рядом кто-то стоит. Это было странно, поскольку секунду назад на улице не было ни души. Ростислав, еще не веря, повернул голову и вздрогнул. В глаза бросился зеленый цвет шинели и красные офицерские нашивки.

— Как дела, брат-воjak? — Странный чех стоял у самой калитки и улыбался. Правда, глаза, как и тогда, в Нижнеудинске, показались Ростиславу какими-то тусклыми и неподвижными.

— Здравствуйте, — выдохнул Арцеулов. — Заходите...

— Нет времени, брат-воjak, — чех вновь усмехнулся, но тут же лицо стало серьезным. — Вас нашли...

— Собаки?

— Это не собаки... — Лицо чеха дернулось, казалось, он хотел что-то добавить, но сдержался. — Вам не уйти, брат-воjak. Он уже знает...

«Кто это — он?» — мельком подумал Арцеулов, лихорадочно соображая, как действовать дальше.

— Ты можешь уйти один. У твоих товарищей своя судьба. Учти — им не грозит смерть. Смерть грозит тебе.

— Я не уйду... — Арцеулов хотел было объяснить, но по-

том решил, что это не имеет смысла. — Я не уйду, подпоручик...

— Хорошо, — кивнул легионер. — В подвале дома есть подземный ход. Он давно замурован, но кладка там новее и камни другие. Вы можете успеть. Спешите, они уже идут...

Арцеулов автоматически посмотрел на улицу, но не заметил ничего опасного. Он повернулся к странному чеху, чтобы спросить наконец, кто он такой и что все это значит, но спрашивать оказалось некого — там, где только что стоял странный подпоручик, было пусто, и даже снег, как оказалось капитану, был не смят.

Разбираться было некогда. Арцеулов захлопнул калитку, задвинул засов и поспешил в дом.

Его встретили тревожные вопросительные взгляды. Казим-бек уже возился с пулеметом, заправляя ленту.

— Вы видели? — не выдержал Арцеулов.

— Что? — недоуменно спросила Берг. — Мы ничего не заметили...

— Собаки... — Ростислав попытался объяснить, но слова не шли. — Калитка... Они исчезли...

— Странно, — заметил профессор. — Я наблюдал. Вы вышли во двор, собаки отбежали...

— Да-да, — кивнул капитан, — а потом...

— Я смотрел на вас, сударь, — продолжал Семирадский. — Вы открыли калитку... Я не заметил никаких собак.

— Я тоже, — согласилась Берг. — Я смотрела на вас, а затем собаки исчезли.

— Это не важно, — прервал ее Лебедев. — Что вы увидели на улице, господин Арцеулов? Вы там стояли минуты три...

— Я разговаривал... — хотел было пояснить очевидную истину Ростислав, но вдруг понял, что не все так просто. — Вы... Никого не видели рядом со мною?

— Вы были один, — немного растерялась Берг. — Вы постояли, поглядели по сторонам...

— Ладно, — капитан понял, что пересказывать эту странную историю (не менее странную, чем все, происшедшее с ним в последние дни) не имеет смысла. — Нас, похоже, обнаружили...

— Вы что-то видели? — уточнил Казим-бек.

— Да. Видел! — отрезал Арцеулов. — Господа, прошу занять позиции. Господин Казим-бек, вы идете ко второму

пулемету. Всех остальных прошу покуда перейти во внутренние комнаты.

— Я не уйду, — негромко возразил Лебедев. — Вы правильно намекали относительно моего боевого опыта. Я просто летчик, это верно... Но из винтовки стреляю не хуже Казим-бека.

— Господин полковник, можно вас на минуту?

Арцеулов отвел Лебедева в соседнюю комнату.

— Я не буду вас уговаривать, — начал он. — Вы старше меня по званию...

— Да, — кивнул полковник. — И я отвечаю за всю группу. Я не успел увести их из Иркутска...

— Я не о том, — прервал его капитан. — Слушайте... Очевидно, они окружают дом. До темноты нам не уйти, а это еще час-полтора...

— Я это понял, капитан, — по лицу Лебедева мелькнула невеселая улыбка. — Я не стратег, но это доступно и штатскому... Жаль, я не имею права просто сдать в плен нас всех. Может, большевики не тронули бы мадемуазель Берг...

— Погодите, — вновь перебил Арцеулов. — Вашу адскую машину мы всегда успеем использовать. Я о другом. Здесь, в подвале может быть подземный ход.

— Да, — так же невесело улыбнулся Лебедев. — И пара призраков... Это не готический замок, капитан.

— Там должна быть другая кладка, — упрямо продолжал Ростислав. — Более поздняя. Идите вниз и посмотрите. Простучите стены... В конце концов, мы ничего не теряем.

— Я не уйду, — покачал головой полковник. — Я буду вместе со всеми.

— Пока вы не нужны. Возьмите с собою этого юношу... Богораза. Простучите стены. Я вас прошу...

— Вы серьезно? — полковник недоуменно поглядел на Арцеулова. — Хорошо, капитан. Мы это сделаем, но тотчас же вернемся...

— Возьмите лом или что-нибудь потяжелее, — добавил Ростислав. Полковник кивнул и, кликнув Семена Аскольдовича, стал спускаться по лестнице.

В комнате между тем были заметны перемены. Профессор Семирадский притащил откуда-то несколько больших керамических емкостей и теперь заботливо расставлял их возле окон.

— Против папуасов? — усмехнулся Арцеулов.

— Да-с, — согласился Семирадский. — Дикари боятся огня, электрических фонарей и шума огнестрельного оружия.

— Боюсь, здесь понадобятся пулеметы, — заметил Казим-бек.

— Ну вот, и вы туда же, — покачал головой профессор. — Вы тоже стали смотреть на все происходящее как на войну...

— Это война, профессор, — твердо заявил Арцеулов, занимая наблюдательный пост у окна.

— С вами все ясно! Но, господин Казим-бек, вы ведь готовились все эти годы совсем для другого. И должны уже научиться смотреть правильно...

— А как тут смотреть? — удивился поручик. — Сейчас нас атакует противник...

— Не противник! Не противник, юноша! А, скажем, вырвавшиеся из сумасшедшего дома больные...

— Буйно помешанные, — уточнил Арцеулов.

— Именно так. Но нельзя же без крайней нужды применять против больных людей оружие! Жаль, у меня почти не осталось «Кикиморы»... Они бы у меня разом пришли в чувство! Ну ничего, подпустим хлорпикрину. Господа, не забудьте маски...

— Вот они, — прервала его Берг.

На улице послышался шум, около калитки затормозил грузовик, затем другой. Из кузова сразу же начали спрыгивать вооруженные парни в полушубках и шинелях.

— Самое время выпускать кошку, — усмехнулся Арцеулов, вновь почувствовав себя в привычной обстановке.

— Да, вы правы, — Берг подозвала ничего не подозревавшую Шер и вопросительно посмотрела на капитана.

— Сейчас, — кивнул тот, — я выпущу ее через дверь... Господин поручик!

— Да! — отозвался из соседней комнаты дежуривший у пулемета Казим-бек.

— Замените меня на минуту. Полезут через забор — стреляйте!

— Только, господа, — заволновался профессор. — Ведь это же люди, пусть и ненормальные!

— А что же делать, Глеб Иннокентьевич? — поинтересовался поручик, открывая окно и выдвигая пулемет.

— Ну, не знаю... Шапки у них сбивайте, что ли... А лучше подпустите поближе...

И он аккуратно поднял с полу заранее подготовленный керамический цилиндр.

К особняку на Трегубовской Пров Самсонович прибыл лично. Он проследил, чтобы дружинники заняли позиции вдоль забора, и приготовился командовать.

— Товарищ Чудов, они нам нужны живыми, — напомнил Венцлав, стоявший тут же.

— Живыми... Хрен бы им живыми, контра... — просипел Пров Самсонович и, вытащив из кобуры огромный морской бинокль, стал пристальной разглядывать дом.

— Ишь, пулемет выставили, гады! — через минуту добавил он. — А вы говорите — живыми! Давить эту контру!

— Не забывайте, у нас приказ! — негромко напомнил Венцлав.

— А что — приказ! — не выдержал Чудов. — Подумаешь, приказ! Научились там в столице приказывать, ровно как при старом режиме! Вот Белобородов на Урале приказа не сполнил — и порешил Романова! И я тоже дурных приказов сполнять не буду! Привезут завтра белого гада Колчака — лично порешу! Это по-нашему, по-большевистски!

— Плевать на Колчака, — дернул щекой Венцлав. — Но если мы не возьмем живым Лебедева, я вас тоже порешу — лично. По-большевистски!

Чудов мрачно поглядел на Венцлава, но предпочел смолчать. Дальнейший спор был прерван появлением запыхавшегося Степы Косухина. Насупившийся Пров Самсонович сделал вид, что не обращает на него внимания, а товарищ Венцлав улыбнулся уголками рта.

— Так что, разведал! — начал ободренный улыбкой начальства Степа. — С четырех сторон забор, окна на первом этаже забиты. Два пулемета, чердынь-калуга, — у главного входа и слева, там, где пустырь...

— Что предлагаете, товарищ Косухин? — поинтересовался Венцлав, — Только помните — живыми!

— А че? — пожал плечами Степа. — Бить по окнам, чтоб головы не подняли, а сами — к двери. Высадить — и вперед, чердынь-калуга!

— Стрелять пока не будем! — отрезал Венцлав.

— Как? — поразился Косухин. — Да они же нас...

— Ничего... Сейчас подойдут мои ребята.

— А чего ждать! — просипел Чудов, не желавший уступать чести поимки опасных врагов революции. — Тут и наших, сибирских, хватит! А ну-ка, товарищ Косухин, загляни-ка во двор...

— Как хотите, — Венцлав пожал плечами и отошел в сторону.

Степа тихо подтянулся и заглянул за забор. Двор был пуст, дом молчал, словно мертвый, но пулеметное дуло в окне не спеша двигалось. Косухину это очень не понравилось, но он решил продолжить наблюдение. И тут дверь на секунду приоткрылась, во двор выскочила худая пятнистая кошка.

— Ух ты! — ахнул Степа, узнавая подарок странной девушке, искавшей своего Шера. Вообще-то он не мог поручиться, что кошка именно та, но сходство было несомненным. От удивления Косухин позабыл о всякой осторожности — и напрасно. На втором этаже дернулось пулеметное рыло, и короткая очередь сбила со Степы шапку. Пришлось приземляться прямо в сухой колючий снег.

— Ах, они так, контры! — просипел товарищ Чудов и взмахнул ручищей: — Вперед, товарищи! Выжжем вражье гнездо!

К сожалению, потеря голоса сыграла с товарищем Чудовым дурную шутку — пламенный призыв был услышан далеко не всеми. Пришлось повторяться с прибавлением дополнительных словесных аргументов. Наконец дружинники, осознав свой революционный долг, без особой резвости стали перелезать через забор, с опаской поглядывая на пулемет.

Степа поднялся, помотал головой, сбрасывая залепивший волосы снег, и принялся искать шапку. Лишь найдя ее и нацепив на голову, Косухин сообразил, что атака, собственно, уже началась, а он остался в тылу. Стало стыдно. Степа хотел вместе со всеми лезть через забор, но тут его взгляд упал на калитку. Он подскочил к ней и дернул — калитка была заперта. Он собрался двинуть прикладом, как вдруг кто-то легко тронул его за плечо. Степа поднял глаза и увидел товарища Венцлава.

— Не спешите, Степан Иванович, — тонкие красные губы дернулись в усмешке. — Еще успеете...

— Так ведь... — начал было Косухин, но вдруг за забо-

ром что-то хлопнуло, зашипело, и в ту же секунду Венцлав схватил Степу за руку и потащил в сторону.

Вовремя! За забором поднялось негустое белесое облако, и улица огласилась хрипом и нечленораздельными воплями. Наконец воздух пронизал панический крик: «Братва! Газы!!!», и кашляющие, поминающие Бога и всех святых дружинники стали перелезать обратно через забор. Газ догонял их, крики усилились, кто-то, несмотря на приказ, пальнул по окнам, но вскоре штурмующих охватила полная паника.

Прову Самсоновичу пришлось хуже всех. Через забор его подсадили, а вот обратно пришлось выбираться самому. Товарищ Чудов, стараясь не вдыхать стелющуюся по воздуху мерзость, беспомощно прыгал у забора, пытаясь ухватиться за край, пока кто-то из дружинников не догадался открыть калитку и вытащить кашляющего и плачущего от рези в глазах вождя иркутских большевиков.

— Во гады! — только и мог прокомментировать Степа, глядя на эту картину с безопасного удаления. Он хотел было броситься на помощь товарищам, но рука Венцлава каждый раз удерживала его.

— Так погибнут же... — бормотал Косухин. — Газы, ядри их...

— Это не смертельно, — небрежно прокомментировал товарищ Венцлав. — Похоже, хлорпикрин. Мы имеем дело с гуманистами, Степан Иванович. Это забавно... Ладно, где наш главком?

Товарищ Чудов сидел прямо на снегу и плакал. Конечно, проливать слезу стойкому большевику, прошедшему каторги и тюрьмы, не полагалось, но Пров Самсонович мог утешать себя тем, что эти слезы есть не результат интеллигентских эмоций, а последствия отравления, полученного в героическом бою.

— Сжечь! Пушки сюда! — сипел Чудов. — У, проклятые угнетатели народа!

— Вы успокоились? — осведомился Венцлав. — Я могу звать своих людей?

— Нет! Нет! Партия не отступает! — Пров Самсонович кое-как встал и, грозно высморкавшись, погрозил врагу кулачищем, но потом все-таки выдохнул: — Ладно. Зовите...

— Степан Иванович, — предложил Венцлав, — сходите-ка куда парламентаром. Газ, кажется, уже рассеялся... Белый платок есть?

— Не ходи, товарищ Косухин... — начал было Чудов, но Венцлав, не обратив внимание, отвел Степу в сторону и принялся ему что-то объяснять.

— По-моему, господа папуасы не сунутся, — удовлетворенно заявил Семирадский, снимая газовую маску.

— Не думаю, — Арцеулов, не без удовольствия последовав его примеру, выглянул в окно. — Странно, они не стреляют...

— Мы им нужны живыми, — спокойно заметила Берг.

— Я? Не думаю, — так же спокойно возразил Ростислав и вдруг хмыкнул: — Господа! Белый флаг!

— Они капитулируют? — осведомился профессор, готовивший новый керамический цилиндр с неприятной начинкой.

— Думаю, еще нет, — предположил Арцеулов. — Впрочем, поглядим...

Над забором действительно мелькал белый платок, привязанный к острию штыка. Затем калитка несмело отворилась, и во двор вошел молодой парень в сером полушубке.

— Господа! — поразилась Берг. — Это же мой знакомый чекист...

— Желаете лично вести переговоры? — усмехнулся капитан и тут же скомандовал: — Все отойдите от окон! Разговаривать буду я.

Парень постоял у ворот, затем, убедившись, что платок на штыке был понят правильно, осмелел и подошел под самые окна.

— Эй, в доме! — крикнул он. — Покажитесь, стрелять не будем!

Арцеулов подошел к окну, став так, чтобы не искушать судьбу, — поближе к стене.

— Говорите!

Парень покрутил головой, наверно, пытаясь увидеть того, кто ему ответил. Затем поправил черную мохнатую шапку. Лицо его внезапно стало суровым.

— Значит, так, контра! От имени власти пролетариата предлагаю сдать. Всем сохраним жизнь, а кто лично не участвовал в войне, будет отпущен на свободу!

— Это все? — поинтересовался Арцеулов.

— Че, мало? — возмутился парень. — А нет — так руко-

водствуясь революционной законностью, чердынь-калуга! Слышите, беляки, — всем жизнь будет!

— И мне? — поневоле заинтересовался Ростислав.

— А ты кто таков будешь?

— Капитан Арцеулов!

— А ты покажись, Арцеулов! — помолчав секунду, предложил парень.

— Не надо, Ростислав Александрович, — быстро проговорила Берг, но капитан улыбнулся и встал так, чтобы его увидели снизу. Глаза парня сузились, он тоже улыбнулся и ощерил зубы:

— Я тебя запомнил, Арцеулов! Сдашься — ой, повезет тебе! Я большевистского слова не ломаю. А иначе — лично заколю гада...

— У вас все? — Ростислав понял, что вопрос исчерпан. — Можете уходить, через минуту будем стрелять.

— Бывай, контра! До скорого! — бросил парень и повернулся, чтобы уходить. Внезапно Берг подбежала к окну и, прежде чем капитан успел ее остановить, крикнула:

— Степан! Спасибо за кошку! Я ее выпустила, если что...

Договорить она не успела — Арцеулов оттащил ее от окна. Парень дернулся, быстро оглянулся, но, никого не увидев в окне, растерянно потоптался, а затем быстро зашагал к калитке.

— Вы что, Наталья Федоровна! — Арцеулов никак не мог успокоиться. — Да здесь же и тридцати саженой нет! Вас же за милую душу могли уложить!

— А вы сами?! — возмутилась девушка. — Я по крайней мере с этим чекистом знакома...

— Нашли знакомого! — буркнул капитан.

— А вы знаете, этот молодой человек забавен, — чуть подумав, ответила Берг. — Если бы он не был комиссаром, я бы сказала, что он очень мил. И кроме того, он присмотрит за кошкой. Она же может пропасть, если мы...

— Вот именно! Если мы! — припечатал Арцеулов.

— Полно, полно, — вмешался Семирадский. — Этот папуас и вправду недурен, если его почистить, научить пользоваться зубной щеткой...

Впрочем, профессор не успел изложить полный план перевоспитания папуаса. Послышались шаги, и в комнату вбежал Семен Богораз. Молодой ученый был весь в пыли и

цементной крошке, даже в волосах белели кусочки штукатурки.

— Семен Аскольдович, да что с вами? — Семирадский всплеснул руками, наблюдая надежду российской науки в подобном виде.

Вместо ответа Богораз закашлялся, махнул рукой и, не выдержав, присел прямо на пол.

— Ужасно, господа! Не выношу физической работы! У меня бронхит, а там столько пыли... Я не говорю уже о сырости...

— Нашли? — самым невежливым образом прервал эти излияния Ростислав, единственный из всех понимавший, в чем дело.

— Не знаю... Там какая-то дыра... Господин полковник пытается сейчас ее расширить...

— О чем вы, Семен? — обомлела Берг.

— В подвале может быть подземный ход, — быстро пояснил Арцеулов. — Наша помощь нужна?

— Нет, спасибо, — помотал головой Богораз. — У меня, конечно, бронхит, и вообще, это не занятие для ученого... Скажите, сколько у нас еще времени? Я пришел узнать...

Все переглянулись. Профессор выглянул в окно, сообщив, что особого движения не заметно.

— Надо спешить, — решил Арцеулов. — Вот что, господин профессор, Наталья Федоровна, оденьтесь и идите в подвал. Как только пробьете вход, зовите нас с поручиком...

— Ни за что, батенька! — возмутился Семирадский. — За кого вы меня принимаете? И вообще, у меня наше главное оружие...

— Мы справимся сами, Глеб Иннокентьевич, — успокоил его Арцеулов. — Спускайтесь вниз, прошу вас...

— Они обходят дом! — послышался голос Казим-бека. Капитан выглянул в окно — вдоль улицы выстраивалась цепь солдат в сером с винтовками наперевес.

— Вниз! — скомандовал Арцеулов, и в ту же секунду послышался звон бьющихся стекол — первые пули влетели в комнату. Капитан пригнулся и бросился к пулемету.

— Казим-бек! Вы живы?

— Жив! — донеслось из соседней комнаты. — Господин капитан, эти краснопузые стоят как на параде!

Ростислав оглянулся — в комнате никого не было. Он облегченно вздохнул и нажал гашетку.

Солдаты героического 305-го полка стояли ровной шеренгой посреди улицы, четко, как на учениях, посылая пули по проклятому дому. Внезапно из окна ударил пулемет, затем откуда-то сбоку послышалась еще одна очередь — заговорил второй «максим».

— Товарищ Венцлав! — не выдержал Степа. — Ведь ваши бойцы! Их же...

— Не волнуйтесь, товарищ Косухин, — прервал его комполка. — Лучше подумайте, не смогут ли беляки ускользнуть...

— Значит, так... — задумался Степа. — Из нижних окон не выберутся, да и со всех сторон наши... Никуда им не деться, товарищ Венцлав.

— Хорошо бы... Но на всякий случай пойдёмте поглядим...

Пулемет ударил вновь, и Косухин заметил, как пули прошли шинель одного из Бессмертных Героев. Зрелище было малоприятное, но привычное. Степа уже успел пожалеть парня, как вдруг с изумлением увидел, что тот, как ни в чем не бывало, перезаряжает винтовку и вновь спокойно прицеливается. Новая очередь ударила в грудь бойца, тот покачнулся, но руки с винтовкой не опустились...

— А-а... — только и мог проговорить Косухин, но товарищ Венцлав, словно и не заметив ничего, нетерпеливо кивнул и зашагал влево, туда, где за углом дома стрелял второй пулемет.

— Да что они, господин капитан, железные? — не выдержал Казим-бек.

— Не железные, поручик, — огрызнулся Арцеулов, тщательно целясь и нажимая на спуск. Он видел, как очередь полоснула по шеренге стреляющих, но никто из них даже не пошатнулся.

— Может, на них кольчуги? — крикнул Казим-бек. — Ничего не понимаю...

Арцеулов не отвечал. Он был тоже изрядно растерян и даже напуган. За годы войны приходилось видеть всякое, но чтобы очередь из «максима» не могла свалить человека с тридцати метров, он не видел и не слышал ни разу. Хотя нет, слышал — Полк Бессмертных Красных героев... Кольчуги, значит...

Капитан стиснул зубы и тщательно прицелился. На этот

раз он метил в голову одного из солдат. Пулемет застучал, красноармеец дернулся, но продолжал стоять.

— К черту! — Арцеулов на миг прикрыл глаза, пытаясь собраться с мыслями. Он не понимал, что это могло значить. Вспомнилась вчерашняя ночь, жуткая фигура в серой шинели, такой же, как на этих красноармейцах.

— Что с вами, господин капитан? — крикнул поручик.

— Все в порядке, — выдохнул Ростислав. — Казим-бек, готовьте бомбы!

— Есть! Думаете, бомбы их возьмут?

— Думаю... — Арцеулов придвинул поближе офицерскую сумку и стал не торопясь доставать гранаты. Из соседней комнаты все еще слышалась стрельба — Казим-бек посылал в неуязвимых красноармейцев очередь за очередью.

— Бросайте, поручик, — посоветовал Ростислав. — Пусть подойдут поближе...

— Да, здесь, кажется, наш вчерашний знакомый! — откликнулся Казим-бек. — Поглядим, какой он железный!..

Венцлав и Степа Косухин пробирались вдоль забора. Первый пулемет, тот, что стоял над входом, внезапно замолк.

— Никак срезали, — удовлетворенно заметил Косухин.

Венцлав на секунду замер, словно прислушиваясь, затем уверенно бросил:

— Нет, затаился. Ждет, когда подойдем ближе. Ничего, дождется...

— А этот все стреляет, — Косухин кивнул на окно комнаты, выходящей на пустырь. Пулеметчик как будто услышал его, и следующая очередь легла совсем рядом. Степа невольно пригнулся, но Венцлав даже не отреагировал, хотя пули просвистели совсем рядом.

— Товарищ Венцлав! — крикнул Косухин, падая на снег. Следующая очередь пустила фонтанчики совсем рядом с его головой.

— Вас что, смущает пулемет? — усмехнулся невозмутимый Венцлав. — А ну-ка погодите...

Он вновь замер, не обращая внимания на пули, свистевшие рядом. Одна из них, как показалось Степе, разорвала сукно на шинели комполка, но Венцлав даже не шелохнулся. Косухин сглотнул — еще две пули пропороли серое сукно...

— Товарищ... — прошептал он и замолчал.

— Все в порядке, Степан Иванович, — вновь усмехнулся Венцлав, поворачиваясь к Косухину. — Ладно, если вас так это все смущает...

«Ничего себе, «смущает»...» — только и мог подумать Степа.

— Вы же ранены, — пробормотал он. — Я же вижу...

— Я не ранен, Степан Иванович. Когда вы сами станете бойцом нашего полка, то поймете... Ну хорошо, пора закрутяться. Тем более, как я понимаю, там за пулеметом мой должник... Дайте-ка свой карабин.

Степан, стараясь не обращать внимания на пули, встал и протянул оружие Венцлаву. Тот передернул затвор, секунду-другую пристально поглядел в сторону невидимого за стальным щитом пулеметчика и затем, быстро подняв карабин, выстрелил навскидку. Пулемет замолчал. Степа замер и с минуту ждал, все еще не веря.

— Вставайте, — небрежно бросил Венцлав. — Этот готов.

— Казим-бек! — крикнул Ростислав. — Георгий, вы живы?

В соседней комнате было тихо, пулемет поручика молчал. Лишь пули, влетая через разбитые окна, с привычным свистом впились в штукатурку.

Арцеулов, пригибаясь, бросился к двери. Уже с порога он понял, что ничем помочь нельзя — поручик лежал на полу, прижимая руку к окровавленному горлу.

— Сейчас, сейчас, — бормотал Арцеулов, пытаясь оттащить Казим-бека в сторону от окна.

Поручик тихо застонал. Арцеулов нагнулся к белому, разом потерявшему все краски лицу молодого офицера и увидел, как губы Казим-бека дернулись, на них проступила кровавая пена. На миг открылись еще живые, полные боли глаза, губы снова дрогнули — Георгий пытался что-то сказать.

— Не удалось... — расслышал капитан. — Вам... удачи...

Голова поручика дернулась и застыла. Глаза вновь открылись, но неподвижный, холодный взгляд уже ничего не выражал. Казим-бек был мертв.

Арцеулов на миг застыл, словно не веря в случившееся, хотя уже не первый год терял товарищей и думал, что когда-нибудь сможет к этому привыкнуть. Затем он медленно

перекрестился и встал. Георгий Казим-бек свою войну закончил. Его, Арцеулова, война продолжалась.

Он выглянул в окно и увидел, что картина изменилась, — красноармейцы в серых шинелях не спеша перебирались через забор. Движения их были странными, немного замедленными, как будто они двигались по шею в воде. Впрочем, размышлять об этом не было времени. Арцеулов схватил связку гранат и, прижавшись к стене, стал ждать. Мельком подумалось об оставленных профессором керамических цилиндрах с хлорпикрином, но капитан понял: тех, кого не убивают пули, хлорпикрин не остановит.

Серые шинели заполнили двор и на минуту замешкались. Ростислав подумал, что штурмующие поступят по правилам и начнут атаковать дом со всех сторон — через входную дверь и через окна первого этажа. Окна были забиты, но сам капитан, будь он на их месте, поступил бы именно так. Но серые шинели решили, очевидно, не играть по правилам — десяток крепких ребят в странных высоких шлемах простучали сапогами по ступеням высокого деревянного крыльца и навалились на дверь. Ну что ж, тем лучше...

Дверь трещала. Арцеулов осторожно выглянул в окно, успев заметить странные голубые знаки на шлемах красноармейцев, и, в очередной раз удивившись, аккуратно кинул связку прямо в мешанину тел, ломившихся в дверь.

Он не ожидал, что взрыв будет таким сильным. Капитана бросило на пол, он перекатился по осколкам битого стекла, вскочил и, схватив новую гранату, выглянул в окно.

От крыльца почти ничего не осталось. На черной земле валялись горящие головешки рядом с дергающимися бесформенными кусками чего-то, бывшего секунду назад человеческими телами.

«Сколько я положил? — подумал капитан. — Пятерых? Нет, больше... Ну, это им за Казим-бека!»

Он выглянул в окно и поразился. Уцелевшие — а их было десятка два — стояли у самого крыльца, точно ожидая чего-то.

— Сдурели они, что ли? — Вторая связка так и просилась на улицу. Но вдруг, словно по неслышной команде, серые шинели стали окружать дом. Через секунду послышался треск отдираемых досок — штурмующие ломились в окна.

«Ну, все, — понял Арцеулов. — Теперь вниз... Если не успели — закроемся в погребе, дверь железная...»

Он сунул за пояс гранату, нырнул вниз по лестнице, почти сразу столкнувшись с Лебедевым.

— Мы пробили вход, скорее! — бросил полковник. — Где Георгий?

— Убит, — коротко ответил Арцеулов.

— Как?

Лебедев замер, и по его лицу Ростислав понял — полковник действительно никогда не был на войне.

Времени на разговоры не оставалось — в окна уже вваливались красноармейцы с голубыми знаками на шлемах. Арцеулов схватил Лебедева за руку и потащил к дверям подвала. Прежде чем захлопнуть их, капитан еще раз удовлетворенно отметил, что двери сработаны на совесть. Правда, пары гранат хватит и для них.

Арцеулов задвинул засов и перевел дыхание. В подвале было полутемно — горели две керосиновые лампы. В углу, окруженное грудой вывороченных кирпичей, чернело неширокое отверстие — как раз достаточное, чтобы пропустить человека...

— Где господин Казим-бек? — спросила Берг, стоявшая в стороне, у огромного металлического бака — очевидно, того самого, в котором был приготовлен страшный сюрприз. Профессор и Богораз были рядом, и вид их свидетельствовал, что мужам науки пришлось немало потрудиться на ниве труда физического.

— Господин Арцеулов сказал... — немного растерянно начал полковник, но так и не договорил.

— Господа! — резко, резче, чем хотел, перебил его Ростислав. — Поручик Казим-бек убит. В доме красные. Надо уходить...

Берг вскрикнула, профессор сурово нахмурился и прекрестился. Семен Богораз внешне никак не отреагировал и лишь чуть отшатнулся к кирпичной стене.

— Что с ходом, господа? — торопил Арцеулов. — Это ход?

— Извините, капитан, — Лебедев мотнул головой и глубоко вздохнул. — Просто я... Да, похоже на подземный ход. Я все приготовил, можно уходить...

За дверью подвала слышалось буханье сапог. Ростислав вновь удивился — пришельцы обыскивали дом молча.

«Немые, что ли?» — мелькнуло в голове, и тут в дверь подвала начали колотить чем-то тяжелым.

Лебедев кивнул, и Семен Богораз, с трудом волоча тяжелый баул, стал первым залазить в черное отверстие. За ним последовали Берг и профессор. Арцеулов подошел к пролому в стене, из которого несло ледяным холодом, и впросительно посмотрел на полковника. Тот не спеша разматывал катушку со шнуром Бикфорда.

— Идите, капитан. Я сам...

Сказано это было так, что Арцеулов тут же подчинился.

В проходе было темно, лишь впереди неясно мигал свет фонаря, который нес профессор. Ростислав прошел немного вперед и остановился, поджидая Лебедева. Тот появился через несколько секунд.

— Скорее, капитан, — шепнул он. — У нас две минуты. Надо успеть, это же керосин...

Арцеулов понял. Как только взрывное устройство сработает, огненное море охватит дом и устремится вслед за ними. Надо успеть уйти как можно дальше.

Они почти бежали. Намерзший на каменном полу лед скользил под ногами. Дважды Арцеулов чуть было не упал, но каждый раз крепкая рука полковника успевала его поддержать. Фонарь светил где-то совсем далеко и внезапно пропал. Арцеулов ускорил шаг, один раз все-таки умудрился упасть, но тут же вскочил и поспешил дальше. Через несколько секунд он понял, в чем дело, — впереди был поворот, и шедшие перед ними уже успели завернуть за угол.

— Это хорошо, — шепнул Лебедев. — Взрывная волна...

Арцеулов кивнул. Они успели добежать до поворота и свернуть за угол, когда земля дрогнула, затряслась, с потолка посыпался мелкий каменный сор, а из только что покинутого тоннеля пахнуло жаром и гарью...

Косухина спасло чудо. Он уже собирался вслед за товарищем Венцлавом и его бесстрашными бойцами ворваться в калитку и идти на штурм белогвардейского логова, как вдруг подбежавший дружинник потребовал его к товарищу Чудову.

Степа вначале хотел было послать вестового подальше, но затем решил, что такое анархическое поведение недостойно красного командира. Он угрюмо кивнул и поспешил

в соседний переулок, где расположил свой штаб товарищ Чудов.

Прову Самсоновичу полегчало. Правда, слезы все еще текли по его героическому лицу, но вождь иркутских большевиков, похоже, этого не замечал.

— Ну, товарищ Косухин, докладывай! — велел он. — А то оставил я вас без партийного руководства...

Степа, сбиваясь, пересказал ход событий.

— Это хорошо, товарищ Косухин, — рассудил Пров Самсонович. — Ты, это вот, принимай командование. Меня к Федоровичу кличут — чего-то чехи с Колчаком мудрят...

Вдали, у самого дома, рванула граната.

— Ишь, огрызаются! — прокомментировал Чудов. — Ниче, ниче, конец приходит гидре! Ты вот что, товарищ Косухин, за Венцлавом-то этим присматривай...

— То есть? — не понял Степа. — В каком смысле?

— Доложили мне давеча, будто он из дворян будет...

— Так ведь...

— Знаю, знаю, — кивнул Чудов. — Товарищ Ульянов-Ленин тоже из дворян. Да только этот Венцлав, говорят, из офицеров тоже. Я к тому... Лебедева возьмут, так ты его к нам волоки, ему не передавай...

Степа вздохнул. Товарищ Венцлав казался странным, если не сказать больше, но Косухин твердо верил, что Реввоенсовет знал, кого назначать командиром 305-го. В конце концов, то непонятное, чему он был свидетелем, могло быть той самой Военной Тайной, которая, как был убежден Степа, существует в каждой войне.

Увидя, что он колеблется, товарищ Чудов поспешил успокоить товарища по партии, добавив, что он, без сомнения, товарищу Венцлаву верит, как себе, но пленных потребовал в любом случае доставить лично Косухину и только к товарищу Чудову. На этом компромиссе и порешили, после чего Пров Самсонович закосолил к поджидавшему его автомобилю.

Степа простоял с полминуты, осмысливая услышанное. Затем он сообразил, что там, в доме, решается судьба важной операции, а он прохлаждается в глубоком тылу. Почувствовав вполне естественный стыд, Косухин схватил карабин и поспешил обратно. Он выскочил из переулка и уже хотел бежать прямо к калитке, как вдруг воздух дрогнул. Косухину почудилось, что очертания дома стали расплывчатыми, старый кирпичный особняк треснул, в проемы

плеснуло бешеное пламя. Все остальное делалось уже бессознательно — сработал фронтовой опыт, не однажды спасавший Степу. Он бросился в глубокий снег, головой в переулок, надеясь, что то, страшное, которое сейчас обрушится на всех вокруг, пронесется мимо.

Взрывная волна вбила его в снег, а грохот оглушил. Когда наконец наступила жуткая тишина, Степе показалось, что он совершенно оглох. Но вот стали доноситься взволнованные голоса, крики, кто-то позвал его по фамилии.

— Я же командир, — вспомнил Степа и медленно встал.

То, что увидел Косухин, оказалось даже страшнее, чем он ожидал. Дома не было — на его месте полыхал огромный костер, огонь охватил часть того, что только что было двором, горела деревянная ограда, снег на улице почернел, а местами, казалось, испарился. К горящему забору осторожно подбирались несколько уцелевших дружинников.

— Стой! Назад! — крикнул Степа.

Спешить было некуда. Белые гады сгорели, а славные бойцы Полка Бессмертных Красных героев и их командир товарищ Венцлав погибли смертью храбрых.

Косухин сделал знак дружинникам, чтобы те не подходили к полыхавшему огню, а сам осторожно стал подбираться поближе. От гигантского костра несло жаром, там что-то взрывалось и падало, как вдруг на фоне огня возникла, буквально вынырнув из него, страшная черная фигура. Кто-то высокий, в тлеющей шинели, спокойно выходил из огненного ада.

ГЛАВА 6

Погоня

В подземелье лютовал холод, ноги скользили по обледенелым камням, и время, казалось, остановилось. На самом деле они шли — вернее, почти бежали не более четверти часа.

— Стойте, — скомандовал наконец Лебедев. — Передохнем...

Профессор и Семен Богораз присели на свои баулы, а остальные остались стоять, боясь даже прислониться к дышащим холодом стенам.

— Господин Богораз, уступите девушке место, — предложил Арцеулов, заметив, что Наталью буквально шатает.

— Но я устал... — удивился Семен, но все-таки встал с баула.

— А я не устала, — попыталась улыбнуться Берг. — Я просто...

Она замолчала. Теперь тишину ничто не нарушало. Даже отдаленный гул и треск, доносившийся с той стороны, где был когда-то дом, постепенно стих.

— Да-с, — молвил наконец Семирадский. — Не смею спрашивать, куда ведет сей лаз...

— А правда, господин Арцеулов, — поддержал профессора Лебедев, — куда мы идем?

— Я не знаю, — растерялся Арцеулов. — Мне лишь сказали, что в подвале может быть ход...

— Насколько я помню, дом принадлежал какому-то золотопромышленнику, — заметил полковник. — Наверно, ход этот ему был не без надобности. Остается надеяться...

Ему никто не ответил. Через несколько минут Лебедев кивнул, и они пошли дальше. Впрочем, на этот раз путь был недолог — через несколько минут неяркий свет керосиновых ламп высветил мощную каменную кладку.

— Тупик, господа... — растерянно проговорил Богораз.

Профессор, несший одну из ламп, прошелся вдоль стены и хмыкнул — влево уходил еще один ход, поуже и пониже.

— А вот еще, — заметил Берг.

И действительно, точно такой же ход уходил вправо.

После недолгой дискуссии профессор лично отправился на разведку по левому тоннелю. Вернулся он минут через пять, доложив, что чуть дальше проход полностью завален. Рухнувшие камни покрылись льдом, и думать о том, чтобы прокопать дорогу, даже не стоило.

— Остается направо, — философски заметил Богораз. — Господа, а продукты-то мы захватили?

— Опасаетесь каннибализма? — хмыкнул профессор, но никто не поддержал невеселую шутку.

Правый проход тоже обещал сюрприз. Метров через двести он кончался несколькими ступеньками, которые вели к невысокой двери. Впрочем, от двери не осталось ничего — она оказалась надежно заложена кирпичами и даже покрыта сверху известкой.

Все молчали. Профессор, озабоченно покряхтев, осмотрел все углы, но все было бесполезно. Богораз обреченно

вздохнув, вновь уселся на баул. Берг растерянно посмотрела сначала на полковника, а затем на Арцеулова.

— Придется рискнуть, — пожал плечами Ростислав, доставая из сумки гранату. — Вела же эта дверь куда-то...

— Но здесь подземелье, — заметил полковник. — Осколки... ударная волна...

Арцеулов не ответил. Он подошел к замурованной двери и стал прикидывать, куда удобнее пристроить гранату. В конце концов он решил просто положить ее на пол у самого порога. Если кладка в один кирпич, этого будет вполне достаточно.

— Уходите, господа, — скомандовал он, — и подальше...

— Господин капитан, я сам, — решительно заявил Лебедев. — Вы и так рисковали достаточно.

— Вы сколько раз взрывали гранату? — усмехнулся Арцеулов.

— Я? — растерялся полковник. — Кажется, раза два. В училище. Но я помню — там есть капсюль и чека...

— И многое другое... Уводите людей, господин полковник.

Подождав несколько минут, Арцеулов снял тулуп, уложил его в проходе метрах в пятнадцати, чтобы не падать на заледенелый камень. Остальное было несложным — сорвать чеку и успеть за четыре секунды упасть на тулуп и прикрыть голову руками...

Когда грохот стих, капитан стряхнул с себя мелкий сор, рухнувший с потолка, накинул тулуп и оглянулся.

— Кажется, что-то есть! — крикнул он в темноту. — Прошу вас, господа!..

Товарищ Венцлав не спеша подошел к окаменевшему от изумления и ужаса Степе, скинул горящую шинель и то, что осталось от шапки, после чего коротко усмехнулся.

— Живы, товарищ Косухин?

— Я... я жив... — вконец растерялся Степа. — А... а... вы...

— Разве вы не слышали, что настоящие большевики не горят в огне? — вновь усмехнулся Венцлав, но усмешка тут же погасла. — Повезло... Жаль ребят. По-моему, никто не уцелел...

— К-какие будут приказания? — нашелся наконец Косухин.

— Соберите людей и осмотрите все вокруг. На всякий случай... Домом, вернее, воронкой займемся завтра. Я еще не все понял...

«А чего тут понимать-то?» — хотел возразить Степа, но дисциплинированно смолчал. Он собрал растерянных и оглушенных дружинников — четверо погибли и столько же было серьезно обожжено, — и отправил их на осмотр окрестностей. Сам он остался возле разрушенного дома и начал не спеша обходить его по периметру.

Что ж, Косухин мог быть удовлетворен. Акт пролетарского возмездия свершился — белогвардейская банда обратилась в пепел.

Погибли верные товарищи из 305-го, но Степа хорошо усвоил за свою недолгую жизнь — войны не бывает без потерь. Белогвардейский бандит Арцеулов вместе с загадочным полковником Лебедевым больше не будут вредить делу мировой революции. Правда, тайна «Владимира Мономаха» так и осталась тайной...

Впрочем, Косухина мало расстроило то, что увезенное беляками золото покуда не досталось Республике. В этом смысле Степан был и оставался большим оптимистом. Но все же что-то не давало покоя верному бойцу революции и уполномоченному Сиббюро.

«И чего они, дураки, не сдались! — вдруг подумал он. — Вот, чердынь-калуга, звери! Ну, Арцеулов этот, ясное дело, тот еще волчина. И Лебедев, похоже, того же поля ягода... Но студента зачем угробили? И девушку? Она же больная была! Вот зверье! Как она себя странно называла? Али-Эмете, кажется...»

Степе никак не верилось, что странной девушки, которая так беспокоилась о пропавшей кошке, уже нет. Он внезапно подумал, что, будь его воля, он и согласился бы отпустить эту банду на все четыре стороны — даже Лебедева и белого гада Арцеулова, — чтоб не погибла девушка. Правда, Косухин тут же осудил себя за эту оппортунистическую мысль, но все равно — на душе у Степы было мутно.

Внезапно он услышал мяуканье. Оглядевшись, он увидел кошку — ту самую генеральскую, которую он притащил в дом на Троицкой. Перепуганное животное жалось к рухнувшему забору, глядя на Степу безумными зелеными глазами.

«А ведь она за кошку просила», — вспомнил Косухин и подошел к несчастному зверьку. Кошка испуганно дерну-

лась, но Степа поймал ее и, отряхнув налипшие на пятнистую шерсть снег и грязь, сунул за ворот полушубка. Кошка пару раз мякнула и успокоилась.

— Как ее кличут-то? — стал вспоминать Степа. Как звали кошку он даже не спросил, а девушка называла пропавшего кота Шер. Значит, Шер, — имя, что ни говори, странное. И вся эта история, по мнению Степы, была тоже очень странной.

— Какой-то подвал, — заметил профессор, светя в пролом фонарем.

Он огляделся и смело шагнул вперед. Все остальные последовали за ним. Это действительно оказался подвал, уставленный какими-то ящиками и бочками. Здесь было тоже холодно, но этот холод не шел ни в какое сравнение с ледяным дыханием подземелья. Богораз тут же устроился у одного из ящиков, а остальные, менее склонные к философскому уединению, продолжали осматриваться.

— Лестница, господа! — воскликнул профессор. — Путь к цивилизации! Правда, дверь заперта...

— Не шумите, Глеб Иннокентьевич, — посоветовал полковник. — Там наверху люди.

— Ну, знаете! — возмутился Семирадский. — Только что Ростислав Александрович изволил целую бомбу оприходовать...

И, словно в ответ, ключ в замке еле различимой в темноте двери заскрипел. По команде полковника фонари были погашены, и вся группа недвижно застыла во мраке.

Ключ скрипел долго, наконец дверь растворилась, и в проеме показалась странная фигура в долгополой накидке с фонарем в руке. Фигура нерешительно постояла на пороге, а затем стала спускаться вниз. Как только неизвестный оказался рядом, Арцеулов неслышно проскользнул ему за спину и кашлянул.

— А! — дернулся долгополый, но его уже окружили со всех сторон. Фонари вновь зажглись, и перед ними предстал немолодой длинноволосый человек, о профессиональной принадлежности которого догадаться было несложно.

— Господи помилуй... — перекрестился длинноволосый, глядя полными ужаса глазами на незваных гостей. — Никак злодеи!

— Мы не злодеи, батюшка, — поспешил объясниться Лебедев. — Не бойтесь...

— Не батюшка я... Пономарь я церкви Святого Власия...

— Так мы в церковном подвале! — понял Арцеулов. — Господин полковник, где это?

Прежде чем ответить, полковник долго успокаивал перепуганного пономаря, для чего понадобилось показать не только дыру в стене подвала, но и офицерское удостоверение. Наконец пономарь немного оттаял.

— Слышал я взрыв, — вздохнул он. — И видел — огонь то до неба. И про ход тайный слышал. Давно его заложили, еще лет полста тому... Значит, спас вас Бог от оков антихристовых...

В конце концов пономарь пригласил неожиданных гостей подняться в церковь, в которой никого не было — в эти тревожные дни службу правили не каждый день. Во дворе уже темнело, и полковник решил двигаться дальше.

— Нам повезло, — пояснил он Арцеулову. — Мы не так далеко от вокзала. Чуть дальше у нас есть еще одна квартира. Часа два переждем, заберем вещи — и в путь...

— А далеко? — поинтересовался Ростислав. — Или это по-прежнему тайна?

— Сначала на Сайхен. Если удастся дня за четыре, то, думаю, успеем...

— Господин полковник, я не силен в здешней географии, — напомнил Ростислав.

— Сайхен... — Полковник помолчал. — Я вам покажу на карте, капитан. Когда мы доберемся туда, то сможем рассказать вам все. А пока я хочу попросить этого псаломщика, чтобы он заказал панихиду по Георгию...

— Вы давно знали господина Казим-бека?

— Три года. Он прошел полный курс подготовки и должен был лететь вместе со мной.

— Перед смертью он пожелал вам удачи. И сожалел, что не довелось самому...

— Да, — кивнул полковник. — Вы, конечно, мало знали Георгия. Вам не понять...

Арцеулов хотел возразить, что хорошо понимает, какво терять друзей, но промолчал. Ему вдруг стало ясно, что Лебедев и его странные товарищи — люди, действительно не бывавшие на войне, не ходившие в атаку, не хоронившие однополчан после боя. Берг, Семен Богораз и даже профессор, несмотря на его воспоминания об англо-бур-

ской войне, были людьми глубоко штатскими. Но и Лебедев, несмотря на полковничьи погоны, не походил на военного. Арцеулову приходилось встречать военных авиаторов, это были ребята лихие, но полковник был совершенно иным.

Наверно, Лебедев тоже ученый, решил в конце концов Арцеулов. Испытывал новые аэропланы в каком-нибудь исследовательском центре, и вот неожиданно-негаданно угодил в горящий Иркутск.

Вскоре стемнело. Убедившись, что на прилегавшей к церкви улице пусто и тихо, Лебедев дал команду. Они вышли наружу и, с удовольствием вдохнув чистый морозный воздух, быстро зашагали куда-то в глубь узких переулков. Шли недолго, где-то через полчаса Лебедев остановился перед резной, украшенной замысловатыми узорами калиткой, открыл замок и пригласил всех войти.

Дом был, как вначале показалось Арцеулову, пуст и брошен. Но когда полковник постучал в дверь условным стуком, перемежая, словно в азбуке Морзе, «тире» и «точку», дверь открыли. Хозяин — молодой бородач, — ничего не спрашивая, сразу же пригласил гостей в комнаты, пообещав поставить самовар. Полковник предупредил, что задержатся они недолго. Хозяин кивнул, сообщив, что все готово.

Что именно готово, Арцеулов понял часа через полтора, когда хозяин вывел из сарая запряженную тройку длинногривых красавцев-коней. В сани погрузили несколько мешков и баулов, после чего профессор Семирадский, к немалому удивлению капитана, взял в руки вожжи и предложил усаживаться. Хозяин открыл ворота и, поглядывая по сторонам, вывел тройку на улицу. Профессор перекрестился, проговорил: «Ну-с, ну-с, вспомним молодость» — и легко хлестнул вожжами.

Степа Косухин ночевал в караулке, и оттого ли, а может, под впечатлением вчерашних событий, его всю ночь мучили кошмары. Проснувшись, он начисто все забыл, лишь на душе осталось тяжелое и мрачное ощущение надвигающейся беды.

В кабинете Чудова царила великая суматоха. С часу на час чехи должны были передать Политцентру врага революции и наймита международного империализма адмирала Колчака, и Пров Самсонович, находившийся в приподня-

том настроении, отдавал последние указания. Бывший Верховный должен был содержаться в иркутской тюрьме под личным присмотром товарища Чудова, что наполняло широкую грудь вождя местных большевиков чувством законной пролетарской гордости. На Степу в этой суматохе он не обратил внимания. Косухин, сообразив, что в такой великий день всем не до него, вышел в коридор и тут же столкнулся с товарищем Венцлавом.

— Поедете встречать адмирала? — поинтересовался тот, и усмешка на его лице показалась Степе какой-то странной, словно конвоирование белого гада Колчака было делом пустым и никчемным.

— Нет, — честно признался Косухин. — Я... это...

— Пойдемте, Степан Иванович, — прервал его Венцлав, и усмешка с его лица мгновенно исчезла. — Пусть мертвые хоронят своих мертвецов...

— Что? — удивился Степа, но послушно проследовал за товарищем Венцлавом в его кабинет.

— Колчак — это вчерашний день, — пояснил свои странные слова Венцлав, усаживаясь за стол и кивая Косухину на один из стульев. — Да и в лучшие времена адмирал не представлял особого интереса. Правда, он очень толковый гляциолог...

Очевидно, вид у Степы стал совсем растерянный, поскольку Венцлав улыбнулся и пояснил:

— Это специалист по льдам, Степан Иванович... Впрочем, пусть с ним разбирается товарищ Чудов. Нам с вами надо кое-что обсудить. Прежде всего расскажите историю с кошкой...

Косухин особо не удивился. Он почему-то был уверен, что непонятная история рано или поздно выплывет наружу. Он не стал запираться и выложил все, от лихого налета на подозрительную квартиру, до того, как ему удалось пристроить кошку на тюремной кухне, предварительно уверив повара, что пятнистая Шер — отчаянный враг крыс.

— Берг... Берг... — проговорил Венцлав, вспоминая что-то. — Это очень известный физик. В последние годы появились любопытные публикации какого-то Н. Ф. Берга. Очевидно, это не какой-то, а какая-то...

— Но ведь она больная...

— Ваша Али-Эмете? — хмыкнул Венцлав. — Эта компания неплохо нас обставила. Я тоже хорош — прошляпил

Семена Богораза. А ведь он более чем известный математик...

— Товарищ Венцлав, — решил наконец Степа, — если эти гады прячут золото, зачем им математик, физик? Как-то странно...

— Поймете, поймете, Степан Иванович, — каким-то непонятым тоном пообещал Венцлав. — Все поймете, дайте срок... Ладно, оставим в покое кошку, тем более с ней все в порядке. Давайте-ка о другом. Допустим, эта группа все-таки спаслась...

— Да быть того не может, чердынь-калуга! — поразился Степа. — Там же такое...

— И все-таки допустим. Куда они могут направиться? Степе оставалось лишь развести руками.

— Я бы лично рванул из города, да подальше, — наконец предположил он. — Вон Капельград под боком...

— Да, Капель близко, — согласился Венцлав. — Степан Иванович, вы уже полгода здесь воюете... Что такое Сайхен?

— Гора, — уверенно ответил Косухин. — То есть горы. Ну, как его, хребет... Верст триста отсюда на запад.

— Горы... Мне принесли одну бумажку — раскопали все-таки... Этот Лебедев ездил куда-то на Сайхен. Что там есть у белых?

На минуту-другую Степа задумался.

— Лагерь какой-то, — вспомнил он. — Охранялся сильно, мы туда и не совались. Знаю, аэропланы туда летали...

— Аэропланы? — В голосе Венцлава послышалось такое, что Степа поневоле вскочил.

— Ну да, — растерянно подтвердил он. — Легкие, которые «Фарманы», и большие — «Илья Муромцы»...

— Разбираетесь в авиации?

— Немного, — кивнул Степа. — Брат летчиком был. Так что не спутаю...

Венцлав тоже встал и начал медленно прохаживаться из угла в угол. Степа смотрел на него немного удивленно, и наконец до него стало доходить.

— Значит, если они живы, чердынь-калуга, и доберутся до аэродрома...

— Конечно! — рубанул рукой Венцлав. — А там — ищи их! Вы знаете, на сколько летит «Илья Муромец»?

— До восьмисот верст, — кивнул Косухин, гордый, что

его знания могут пригодиться. — Можно и баки дополнительные поставить...

Венцлав, достав из ящика стола карту, стал ее разглядывать. Степа подошел поближе. Вдвоем они отыскивали горный хребет Сайхен, затем Косухин достаточно предположительно указал место авиабазы — читать карты он был не мастак.

— Уйдут, — бросил Венцлав и закусил губу. — Уйдут, товарищ Косухин! Там наших, считай, и нет — а вдогонку можем не успеть... Или успеем, а?

— Можно, — решительно заявил Степа. — Если наперерез. Они долиной поедут, по замерзшему болоту. Это если на лошадях... А я горами обойду.

— Зимой?

— Если на лыжах, дойду, — подтвердил Степа. — Да мне и до Сайхена идти не надо, я их, гадов, на полпути перехвачу. Места знакомые...

Венцлав минуту-другую молча смотрел на карту, затем постучал пальцами по столу и решительно кивнул:

— Хорошо. Подберите нескольких человек и будьте готовы к завтрашнему утру. Сегодня к вечеру я буду знать, живы они или нет. И если да... Попытайтесь перерезать им путь, а я тоже что-нибудь придумаю. Ну что, это поинтереснее конвоирования Колчака, Степан Иванович?

— Куда уж! А если я перехвачу их, тогда чего? Всех брать живыми?

— Как получится, — пожал плечами Венцлав. — Но Лебедева и эту Берг — уж будьте добры. Последнее будет вам, наверно, не так трудно...

Степан вспыхнул, но смолчал, поспешив покинуть ставший почему-то таким неудобным кабинет. В голове у Косухина все смешалось. Зачем белым гадам физики и математики? Куда это они могут летать? Неужели золото спрятано так далеко? Степа не первый месяц интересовался золотым эшелонном Верховного — на то было специальное указание Сиббюро — и точно знал, что золото, хранившееся вначале в сейфах Омского банка, было затем перегружено в два состава, неотступно следовавших за поездами адмирала. Он, конечно, верил в сообщение товарища Венцлава о спрятанном золоте, но картина складывалась более чем странная.

И уж совсем не мог понять Косухин, как белые гады могли уцелеть в огненном смерче. Правда, сам товарищ Венцлав... Но ведь дом был полностью окружен! В конце концов

Степан решил не думать об этом — все равно ничего толкового в голову не приходило.

Степа еще раз вспомнил места, через которые придется идти. Летом местность была непроходимой — страшные комариные топи отрезали путь на Сайхен. Но зимой местные кержаки свободно ездили через замерзшие болота на санях. Правда, если Лебедев и все, кто с ним, действительно решили ехать этим путем, то на лыжах догнать их невозможно. Впрочем, Степа и не рассчитывал на это. Он неплохо знал короткую дорогу через горы, по которой не раз ходил с повстанцами осенью. Она вела как раз к предгорьям Сайхена. И где-то там беглецов можно будет остановить.

Между тем в тюрьме стоял шум — товарищ Чудов с триумфом доставил с вокзала пленного адмирала и теперь водворял его в камеру смертников, в которой некогда сиживал сам. Это занятие настолько увлекло Прова Самсоновича, что подступиться к нему было совершенно невозможно. Впрочем, Степа и не пытался. Он искал Федоровича. Ему повезло — глава Политцентра был тут же, вместе с Чудовым доставлял адмирала в тюрьму.

Выслушав просьбу Косухина выделить пятерых человек из числа его черемховцев, Федорович вначале удивился, а затем решительно отказал, заявив, что сейчас в Иркутске каждый штык на счету. Пришлось рассказывать о полковнике Лебедеве, о белом гаде Арцеулове и о крайней революционной необходимости их поимки.

— Вы с ума сошли, товарищ Косухин! — решительно заявил вражина Федорович, выслушав план Степы. — Я сам знаю эти места. Погибнете ни за чих собачий! Вы что, юноша, в снегу ночевать будете?

На «юношу» Косухин смертельно обиделся, но ссориться не стал, пояснив оппортунисту эсеру, что знает по пути несколько сторожек и охотничьих домиков, а в крайнем случае переночует и у костра. Степе это было не впервой.

Федорович пожал плечами, обозвал Степу каким-то «бойскаутом», но в конце концов согласился, начертав на клочке бумаги соответствующий приказ. Довольный Степа хотел уже идти за ребятами, когда внезапно Федорович остановил его:

— Погодите, товарищ Косухин. Вы доверяете этому... как вы его называете, Венцлаву?

Степа возмутился. Правда, возмущение его было не совсем искренним. Венцлав с каждым днем все более казался если не подозрительным, то, по крайней мере, странным. Но не с эсеровским двурушником было обсуждать эти сугубо внутривнутрипартийные проблемы!

— Послушайте меня, — продолжал Федорович. — Здесь этого Венцлава помнят. Лет двадцать назад, в начале века, его искала полиция по всей Сибири.

Степа тут же почувствовал истинную гордость за товарища по партии. Выходит, еще в те давние времена товарищ Венцлав давал жару проклятому царизму!

— Его искали не за политику, — понял Степу вражина Федорович. — Он был разбойник, один из самых страшных во всей Сибири...

— Котовский был тоже разбойник, чердынь-калуга! — не сдавался Степа. — А сейчас на всей Украине первый красный кавалерист!

— Он не просто разбойник, — спокойно, но твердо перебил Федорович. — Он убивал людей и, говорят, съедал их вместе со своими бандитами. На него завели дело за то, что он выкапывал трупы на кладбище.

— Что?! — Степа тут же вспомнил генерала Ирмана.

— Представьте себе, его обвиняли в каких-то тайных культах, чуть ли не в жертвоприношениях... В общем, я очень удивился, когда наши союзники-большевики приняли его в партию и даже, кажется, поручали что-то важное...

— А может, это и не он был вовсе, — неуверенно заметил Косухин, настроение которого уже успело испортиться окончательно. — Мало ли Венцлавов?

— А он был не Венцлав. Звали его тогда Славка Волков. Да только он это — его уже несколько человек признали... Так что не верьте ему, товарищ Косухин. Говорят, тех, кто служил ему, Славка Волков опаивал каким-то зельем, и они забывали, кто они и откуда. Таких он посылал на верную смерть — они ведь ничего не боялись...

Степа, не став продолжать этот разговор, откозырял и пошел искать своих товарищей-черемховцев. Самое страшное, он верил каждому слову двурушника и уклониста Федоровича. Мертвый Ирман, странные красноармейцы с голубыми свастиками на шлемах, татуировка на руке того, кто так похож на Федю Княжко... Нет, это, конечно, не случайность и не военная тайна. Что ж, у красного командира Косухина оставался лишь один путь — вначале поймать бе-

лых гадов, если они действительно каким-то чудом не стогрели в доме на Трегубовской, а затем сообщить обо всем виденном в ЦК товарищу Троцкому или самому товарищу Ленину. Вожди революции разберутся!

Степа действовал быстро. Он собрал своих черемховцев, удалось найти только человек двадцать. От боевых товарищей Косухин ничего не утаил, рассказав о бежавших белых гадах и о том, куда и как придется идти, потом вызвал добровольцев. Согласилось человек десять. Из них Косухин выбрал пятерых, велел каждому достать лыжи и харчей дня на четыре, после чего быть готовыми к завтрашнему утру. Много людей брать не стоило — Косухин по опыту знал, что большой отряд в дороге не прокормить и не разместить на ночлег. Вшестером он был готов справиться с десятком матерых офицеров, а не только с Лебедевым, Арцеуловым и тремя физиками-химиками.

Ближе к вечеру его вызвал Венцлав. Выслушав короткий Степин доклад, он молча кивнул и усадил Косухина в автомобиль. Степа сразу же подумал, что они едут к руинам особняка, и не ошибся.

То, что Косухин увидел, было даже страшнее, чем он предполагал. Взрыв не просто разнес дом — на месте особняка оказалась большая воронка с почернелыми краями, в которой лениво копались два десятка дружинников. Степа подумал, что найти что-либо в этом хаосе будет невозможно, но тут же понял, что они не зря приехали сюда. Венцлав указал на прокопанную дружинниками черную нору.

— Вот так, — он жестко усмехнулся. — А вы говорили, Степан Иванович, что этого не может быть!

— Во дела! — Косухин, покрутив головой, осторожно заглянул в черное отверстие. — А куда он, чердынь-калуга, ведет?

— Там завал, — пожал плечами Венцлав. — Впрочем, это не важно. В любом случае я уверен, что их уже нет в городе. Так что надежда на вас, товарищ Косухин. Когда выступаете?

— Утром. Нас чехи подкинут верст двадцать, а там — на лыжи и вперед, чердынь его...

— Может, у Сайхена встретимся, — пообещал Венцлав, что почему-то очень не понравилось Степе. Впрочем, обсуждать это он ни с кем (тем более с товарищем Венцлавом) не собирался.

Рано утром, когда неяркое зимнее солнце еще только вставало над Иркутском, Степа привел своих людей на вокзал. Чехи, ставшие в последние дни очень предупредительными, усадили их в поезд, который шел в Нижнеудинск. Впрочем, так далеко Косухину было ни к чему. Минут через сорок он дал команду, и небольшой отряд сошел с медленно идущего состава. Степа придирчиво проверил снаряжение у каждого, осмотрел лыжи и даже крепления и наконец приказал выступать. Впереди были невысокие заснеженные горы, за горами большая долина, а за нею Сайхенский хребет.

Арцеулов не ездил на санях, наверно, с детства, когда ему приходилось бывать в деревне у дяди — известного адвоката, купившего небольшое имение в Калужской губернии. Имение, как рассказывали капитану, сожгли еще в 17-м, а дядя-адвокат умудрился летом 18-го подписать какой-то коллективный протест на имя начальника Петроградской «чеки» Урицкого, после чего исчез без следа. Но все равно, ехать в санях было приятно. Можно укрыться меховой полостью, подложить под голову полевую сумку и закрыть глаза. Только сейчас Ростислав понял, насколько он устал за все эти сумасшедшие дни.

Он не уснул — сознание фиксировало и конское ржание, и тихий разговор Натальи Берг с Богоразом о преимуществах какой-то баллистической траектории по сравнению со всеми прочими, и редкие реплики Лебедева, по которым Арцеулов сообразил, что полковник понимает в математических хитростях едва ли меньше, чем его ученые спутники. Ростиславу было хорошо и спокойно — можно хоть какое-то время не сжимать в руке винтовку, не оглядываться в поисках новой опасности, не подсчитывать секунды до взрыва гранаты. Он понимал, что это — только недолгая пауза, но был благодарен судьбе и за нее. В общем, несмотря ни на что, ему потрясающе везло. И самое странное во всем случившемся было то, что он до сих пор жив. Ростислав вдруг понял, что его шансы дожить до дня рождения несколько выросли. Впрочем, Арцеулов тут же одернул себя — впереди его ожидали едва ли меньшие сюрпризы, чем те, что остались за спиной.

«Интересно, — подумал Ростислав. — Успею ли я хоть что-то понять во всем этом? Перстень, этот странный чех,

красноглазые собаки, жуткий тип в серой шинели, странные солдаты с синими изогнутыми крестами на шлемах... И, наконец, проект «Мономах». Хорошо бы успеть...» Это будет, пожалуй, третье дело из тех, что осталось совершить в этой жизни — кроме необходимости дожить до февраля и смутной надежды на встречу с той краснопузой сволочью, которой он был обязан вернуть флягу...

Остановились они под утро в большом селе, название которого Арцеулов так и не узнал. Похоже, маршрут был подготовлен заранее — их ждали. Молчаливый хозяин поспешил завести коней во двор, и путешественники получили возможность передохнуть. Правда, время подгоняло, но до темноты двигаться дальше было нельзя — в селе хозяйничал повстанческий отряд. Повстанцев было немного, не больше двух десятков, да и заняты они были вполне мирным делом — дегустировали местный самогон. Однако Лебедев и Арцеулов, посоветовавшись, решили все же не рисковать. Полковник рассчитывал, что дальше начнутся мало-заселенные места, где можно будет нагнать упущенное.

Они расположились в комнате, которую предоставил им хозяин. Для верности Арцеулов запер дом изнутри, а сам, предложив всем отдохнуть, сел у двери, разложив поблизости весь имеющийся у них арсенал. Перепутанный хозяин спрятался в соседней комнате, а Ростислав, конфисковав у него полный кисет махорки, впервые за несколько дней получил возможность перекурить.

Кроме него, в их маленькой группе никто не курил. В эти горячие дни капитан и сам забыл о табаке, но теперь, вырвавшись из Иркутска, с удовольствием вертел одну «козью ногу» за другой, пуская густой сизый дым в потолок. За этим занятием его и застал профессор Семирадский.

— Не спится, Глеб Иннокентьевич? — поинтересовался Ростислав.

— Гм... — на миг задумался профессор. — Оно поспать не мешало б...

— Так спите! Я покараулю.

— Вздор! — махнул рукой Семирадский. — Полчаса подремал — и баста! Нельзя потакать вредным привычкам!

— Помилуйте! — поразился Ростислав. — Это сон-то вредная привычка? Знаете, посидишь двое суток в окопах без сна — иначе подумаешь.

— Воевать — тоже вредная привычка! — не сдавался

профессор. — Все это, батенька мой, вздор, как и ваше курение! Человек может спать два часа в сутки!

Спорить о вреде курения не хотелось. Между тем профессор не унимался:

— Современная молодежь подает пример всеобщего одичания, да-с! И вы, Ростислав Александрович, не во грех будет вам сказано...

— Да! — серьезно кивнул капитан. — Одичал!

— Вот-с! Еще хорошо, что вы это признаете! Ну скажите, Бога ради, зачем вас понесло на эту дурацкую войну? Только не говорите, что вы спасали Россию. Это я, знаете, слышал не раз.

Арцеулов задумался. Этот вопрос ему приходилось задавать и самому себе.

— Я профессиональный военный, профессор. Если кому воевать, то именно мне.

— А потом? Только не говорите, что вышли сокрушать большевиков!

— Потом? — удивился Ростислав. — Знаете, когда в конце 17-го офицеров стали рвать на части, то тут уж волей-неволей возьмешься за винтовку! Хотя бы из инстинкта самосохранения.

— Вот-с! — профессор поднял указательный палец. — Именно! Из инстинкта! Разум бездействует! Идет децивилизация человечества!

— Как вы сказали?

— Децивилизация! Сначала исчезает разница между современным человеком и папуасом, а затем между человеком и зверем! Царство инстинкта! Как сейчас стало модно говорить — подсознания! Знаете, я не удивлюсь, что скоро, к радости Натальи Федоровны, из всех щелей полезут лешие, домовые, упыри... Кто там еще имеется?

— Не верите в упырей? — улыбнулся капитан.

Профессор зарычал, но Арцеулов решил перейти в контрнаступление.

— А вы знаете, Глеб Иннокентьевич, мне приходилось читать, что в XVIII веке факты существования упырей были официально зарегистрированы.

— Ну да! В Трансильвании! — принял вызов профессор. — А приблизительно в то же время Сиянс Академия во Франции столь же официально постановила, что метеоритов не существует. Да-с! В метеориты не верят, зато верят в упырей! Я же говорил, что вы перечитали Стокера!

— Скажите, — решил капитан, — а как объяснить, если в человека попадает пуля, и не одна, а он продолжает не только жить, но даже и воевать?

— Это означает, — вздохнул Семирадский, — во-первых, что вы промахнулись. Во-вторых, на этом человеке была кольчуга или панцирь. В-третьих, вы забыли зарядить в патрон пулю. В-четвертых, произошел какой-то уникальный случай, требующий отдельного пояснения.

— Этих уникальных случаев вчера было приблизительно-но три десятка.

— Угу, угу, — кивнул профессор. — Взвод упырей. Хотите, я вам тоже расскажу занятную историю? Как раз в вашем вкусе. С упырями.

— Давайте, — согласился капитан, сворачивая новую «козью ногу». — По крайней мере, не усну.

— Не уснете. Это я выдумал не сам, а услышал от моего коллеги, господина... впрочем, неважно, он достаточно серьезный ученый. Так вот-с, лет так пятнадцать назад он по заданию Русского Географического общества проник на Тибет. Переоделся то ли ламой, то ли монахом буддийским...

— Такие поездки охотно финансировались разведывательным отделом Российского генштаба, — хмыкнул капитан.

— Возможно-с. К сожалению, очень многие привыкли путать грешное с праведным. Так вот, сей лама однажды попросился переночевать в одном тамошнем монастыре, то есть дацане. Попросился в момент печальный — там аккуратно собирались хоронить одного монаха. Ну-с, и пришлось ему наблюдать церемонию...

Профессор помолчал, погладил бороду и продолжил:

— Церемония невеселая, но для этнографа любопытная. Уложили покойничка посреди двора, остальные собрались вокруг, а настоятель — уж не знаю, как он у них называется, — стал в голове усопшего. Мой коллега думал, что он скажет спич. Ан нет — поднял сей настоятель руки и что-то стал бормотать невразумительное. И что вы думали? Покойничек открывает глаза...

— Что? — вздрогнул Ростислав.

— Вот-вот, я так же переспросил. Открывает, стало быть, глаза, затем садится, а потом, представьте себе, встает. И начинает этакий обход — причем идет своими ногами, правда, если верить моему коллеге, несколько косолапо...

Арцеулову вдруг вспомнились медленные и неуклюжие движения солдат в высоких шлемах.

— Ну-с, подходит к каждому монаху и кланяется ему. Прощается, стало быть. К моему коллеге тоже подошел. Тот, ясное дело, пережил не лучшие минуты. Говорит, глаза у этого господина были жуткие...

— Я думаю!

— Ну вот, обошел всех и прилег, на этот раз окончательно. Тем все и закончилось. И самое интересное, мой коллега уверяет, что данное происшествие было на самом деле.

— А вы как считаете?

— Я ничего не считаю, молодой человек, — усмехнулся профессор. — Я, в некотором роде, ученый. Не столь талантливый, конечно, как господин Богораз...

— А он что, талантлив? — перебил капитан.

— Исключительно! — подтвердил Глеб Иннокентьевич. — Весьма талантлив и прекрасно понимает, в чем долг ученого.

— А в чем?

— Заниматься наукой! — повысил голос профессор. — Наукой, а не бегать с изобретением господина Мосина, истребляя себе подобных, или, что еще хуже, заниматься политикой! Так вот, я — ученый. Я не видел этого случая своими глазами. Но пусть — своему коллеге я верю. Отбросим возможность розыгрыша, временного затмения разума или влияние горного воздуха. Пусть это факт. Но для науки мало одного факта! Нужен эксперимент! Много экспериментов, причем на разных объектах!

— Спасибо, не надо, — усмехнулся Арцеулов, представив себе то, о чем говорил Семирадский.

— А-а! — махнул рукой тот. — К анатомии в свое время тоже относились предвзято! Великий Везалий даже пострадал за это от тогдашних папуасов. Я не о том, Ростислав Александрович. Отдельные факты — это еще не наука. Даже много фактов — не наука. Сотни свидетелей видели в XVI веке под Парижем волка-людоеда размером с быка. Сотни! Но все равно, не вводить же на этом основании новый подвид Волк Каннибал Парижский!

— Бр-р-р, — разговор стал казаться Арцеулову несколько жутковатым. — А зачем вы мне рассказали про этот монастырь, Глеб Иннокентьевич?

— Ну вы же сами хотели чего-то такого... этакое, —

удивился профессор. — Я лишь попытался объяснить позицию исследователя. Семен Аскольдович — исключительно талантливого человека! Исключительного! Но с вашим перстнем он изволил увлечься. Как можно делать такие скоропалительные выводы? Требуется лаборатория, приборы. И лучше, чтобы таких перстней был не один, а минимум десятков...

— А все-таки, что вы скажете? — и Ростислав протянул перстень профессору.

Тот повертел его в руках, пожал плечами и вернул капитану:

— Это не Европа... И не XVIII век. Это, батенька мой, Азия, точнее, Урал, и лет этак на пятьсот-восемьсот раньше. А вот откуда конкретно — уж извините...

— Мне его велели не снимать, — внезапно признался Арцеулов.

— Так не снимайте, — согласился Семирадский. — Если он вам действительно помогает... Или вам кажется, что помогает... Отчего же нет?

Разговор запомнился Арцеулову. Ростислав понял, что не сможет ничего доказать. Какие уж тут эксперименты! Он вспомнил серых собак, окружавших его на безлюдной улице. Интересно, что сказал бы господин Семирадский, окажись он на его месте, о количестве экспериментов и числе объектов? И еще Арцеулов подумал о том, что если послать того мертвого монаха в бой и вручить ему винтовку, то пули из «максима» действительно не причинят такому вреда...

Выехали к вечеру, когда упившиеся повстанцы, немного побуйив, мирно уснули. Правда, хозяин предупредил, что ночная поездка может стать опасной из-за обнаглевших в эту зиму волков, но выбирать особо не приходилось.

На этот раз профессору не пришлось вспоминать свое умение править тройкой, а всем остальным — тесниться на узких санях. Неразговорчивый хозяин привел еще одну тройку, сам сел править. Вторая тройка оказалась под началом молодого, но такого же неразговорчивого парня; как понял Арцеулов — племянника хозяина. В результате разместились с комфортом — профессор составил компанию своим молодым коллегам, а Арцеулов оказался в одних санях с полковником.

Так ехали два дня. Миновав заснеженную низину — как объяснил полковник, замерзшее болото, — сани свер-

нули на ровную, хотя и весьма извилистую дорогу. Арцеулов удивился было, откуда в комариных топях взялась дорога, но Лебедев пояснил, что это замерзшая река со странным названием Китой. Им предстояло проехать по ее заледенелой поверхности почти до самых истоков, а затем свернуть к верховьям другой реки, на этот раз со знакомым, но таким непривычным в этих местах именем Ока.

Куда предстояло ехать дальше, полковник не стал уточнять. Вообще, он оказался крайне неразговорчивым спутником и почти всю дорогу молчал. Арцеулов еще понял бы, если б полковник использовал это время по-фронтовому — отдав дань Морфею, но Лебедев и не пытался заснуть. Он молчал, сосредоточенно глядя на дорогу, время от времени его губы сжимались в тонкую полоску, и Ростислав догадывался, что мысли его спутника далеки от веселья. Молчание скрашивалось лишь заунывной песней, которую время от времени принимался напевать возчик.

Ночевали в небольших деревнях, где было тихо и спокойно — эти места война обошла стороной. Хозяева ни о чем их не спрашивали, лишь каждый раз напоминали, что ездить в этих местах стало небезопасно по вине серых разбойников. Во второй деревне предупреждали особо настойчиво, и Арцеулов настоял на том, чтобы оружие было у всех под рукой. Волков — обыкновенных волков — Ростислав почему-то не боялся. Это было совсем не страшно по сравнению с тем, что приходилось видеть как на фронте, так и в Иркутске.

Местность постепенно стала меняться. Пустые прежде берега теперь были покрыты подступившим с далеких предгорий лиственничным лесом, холмы уступили место высоким сопкам, на вершинах которых среди светлой зелени лиственниц густо темнели кедровые рощи.

В конце концов Арцеулову удалось разговорить своего спутника. Он поинтересовался, где полковник изучал авиационную премудрость. Лебедев оживился и стал рассказывать, как еще до войны он, вместе с несколькими другими молодыми юнкерами, был направлен по личному приказу великого князя Александра Михайловича во Францию к знаменитому авиатору Блерио. Затем полковнику — тогда еще поручику — пришлось самому учить будущих летчиков в Качинской, а затем Гатчинской воздушных школах. Правда, о том, что было после, Лебедев отмалчивался. Он лишь кратко упомянул, что с 14-го года был направлен на

испытания новой техники. На фронт, по его словам, полковник приезжал лишь однажды — знакомил молодых летчиков с премудростями нового бомбардировщика «Илья Муромец». Арцеулов не стал расспрашивать, догадываясь, что в свое время ему доведется все узнать.

Косухин шел быстрым «финским» шагом — так ходить на лыжах его еще в детстве научил брат. Остальные — четверо дружинников — заметно отставали. Время от времени Степа приходилось останавливаться, поджидая товарищей. Теперь их было на одного меньше — молодой черемховец, имени которого Косухин даже не знал, в первый же день подвернул ногу, спускаясь с невысокого холма, и его пришлось отправить назад. Степа спешил — по его расчетам, у них оставалось три дня, чтобы выйти наперерез убегающим белякам.

Косухину казалось, что он рассчитал все точно. Если беляки действительно попытаются достичь Сайхена, им придется ехать по руслу замерзшего Китоя. Иной дороги для саней здесь нет. Правда, Лебедев и его группа могли попытаться пройти на лыжах, но Степа вспоминал девушку и хилого интеллигента в очках — нет, таким не пройти тайгой. Если Косухин не ошибался и недобитая контра все-таки ехала на санях, то в этом случае надо успеть достичь памятного еще по осенним боям места, где речка со знакомым названием Ока ныряет в неглубокое ущелье. Там негде разминуться, и беглецы неизбежно должны будут наткнуться на засаду. Степа помнил, что там стоит пустой дом — не то охотничий, не то просто брошенный хозяевами. Именно в нем обычно останавливались путники, и Косухин считал, что лучшего места для встречи не найти. Место называлось как-то странно, но как — он не мог вспомнить.

Степин план был хорош, но имел все же серьезный минус — ночевать приходилось прямо на снегу, согреваясь глотком спирта, конфискованного у иркутской буржуазии. Правда, один из бойцов заявил, что умеет разжигать костры даже на снегу, но в первую же ночь из этого ничего не вышло. Пришлось мерзнуть, и второй день они встретили уже без прежнего оптимизма. Степа, слушая, как за его спиной товарищи начинают ворчать, в конце концов плюнул и решил, что вторую ночь можно будет поспать в небольшой охотничьей избушке, которую он запомнил по од-

ному из рейдов. Правда, это было не совсем по пути. Надо было пройти еще не менее пяти верст, но ни Косухин, ни его маленький отряд не возражали против лишнего часа пути ради возможности заночевать под крышей.

Тут-то и случилась беда. Винават был сам Косухин. Конечно, к вечеру — а уже начинало смеркаться — все смертельно устали, дико хотелось спать, и уже как-то не думалось об опасности. Но все же Степа сплеховал, хотя и не сунулся «дуриком» к избе.

Один из бойцов аккуратно выглянул с опушки, пробежал почти к самому дому и, вернувшись, доложил, что ничего опасного нет. Правда, было видно, что парню не до рекогносцировки, да и тон не оставлял сомнений, что изучал он обстановку лишь кое-как, «вприглядку». Вот тут бы Степе и насторожиться, но он устал, ужасно хотелось под крышу, в тепло, да и глухие места не обещали особой опасности. И Косухин махнул рукой, разрешая идти на ночлег.

Уже у самой избы он заметил следы чьих-то лыж. Еще не поздно было что-нибудь придумать — хотя бы упасть прямо в глубокий сухой снег и послать вперед двоих под прикрытием трех стволов. Но в снег падать не хотелось, изба казалась такой близкой, доступной и мирной, и Степа так ничего и не решил.

А через несколько секунд было поздно. Как только черемховец, шедший первым, открыл дверь, прямо ему в грудь ударил выстрел, и тут же из двух окон по Степиному отряду началась бешеная пальба — били в упор, не жалея патронов.

Степа стоял у самого крыльца. Пуля сбила шапку, еще одна разорвала полушубок на боку, и Косухина спасло лишь то, что он мгновенно упал, перекатившись под самую стену, в мертвую зону. Правда, карабин он все-таки не выронил, но, падая, зачерпнул стволом снег, и оружие стало полностью бесполезным — при первом же выстреле ствол разорвет.

Косухин лежал под смолистой, пахнущей лесом бревенчатой стеной и лихорадочно рвал с пояса гранату. Краем глаза он видел, что один черемховец неподвижно лежит у крыльца, еще один упал — живой или нет, непонятно — чуть дальше, и отстреливаются только двое, которые залегли в снегу, посылая пулю за пулей в ответ на выстрелы из дома.

Наконец Степа сорвал с пояса гранату, попытался по-

вернуться, но тут же понял, что лыжа, которую он не успел сбросить с ноги — вторая освободилась сразу, — мешает сдвинуться в сторону. Тихо ругаясь, Косухин начал отстегивать непослушное крепление. Заледенелый металл не поддавался. Между тем краем уха Степа слышал, как замолкла одна из винтовок — теперь только один черемховец отвечал врагу.

Сбросив лыжу, он кинул быстрый взгляд на ближайшее окно, которое было совсем близко — протяни руку и достанешь, — сорвал чеку и, выждав две секунды, стиснул зубы и зашвырнул гранату в дом.

Рвануло почти сразу. Степа мгновенно вскочил и прижался к стене. В избе кто-то кричал, затем вновь ударил выстрел — правда, один и какой-то неуверенный. Косухин бросил последнюю гранату. Деревянные стены дрогнули, из окна плеснул черный дым, а затем все стихло.

Чуть шатаясь — взрыв все-таки немного оглушил, — Степа отошел от стены и оглянулся. То, что он увидел, оказалось даже хуже, чем он думал. Трое его ребят были мертвы. Двоих пули буквально изрешетили, в третьего попала одна, зато прямо в лоб. Живым оставался лишь Вася Шутов, давний, еще с сентября, знакомый, который прибыл в Иркутск из Читы. Вася был жив, он даже бодро встал, весь в снегу, но даже сквозь снег проступала темная кровь. Пули, как понял Степа, попали парню куда-то в бок. Косухин вынул револьвер и осторожно вошел в дом, хотя и понимал, что после двух гранат уцелеть там можно только чудом.

Да, в живых не оставалось никого. Их было четверо — в добротных офицерских полушубках с золотыми погонами. Очевидно, офицеры уходили через перевал, чтобы перейти долину Китоя и добраться до недалекой монгольской границы.

Трупы беляков они выбросили в снег, а погибших ребят сложили у стены — на большее сил уже не было. В доме оказались дрова, и Косухин, наскоро растопив печку, принялся осматривать раны своего последнего бойца. Бинты у него были, да и задело парня легко — навывлет, но Степа почти сразу понял, что Шутов дальше идти не сможет.

Дав хлебнуть раненому спирта, Косухин уложил его спать возле уютно горевшей печурки, а сам сел на раскошную лавку и стал размышлять.

Отряд он потерял. Рядом — в одном переходе — была деревня, и даже раненым Вася без труда туда доберется, но

дальше Косухину придется идти одному. На миг мелькнула мысль вернуться самому, но Степа обозвал себя трусом, решив об этом даже не думать. В случившемся виноват он один — в этом Косухин был уверен твердо. Он отвечал за отряд, отвечал за операцию, и теперь оставалось самому расхлебывать эту горькую кашу.

Степа еще раз вспомнил маршрут. До места встречи оставалось всего два перехода. Правда, требовалось спешить, и следующую ночевку придется делать прямо посреди леса. Можно сделать крюк, свернув в знакомую деревню, где жили мрачные кержаки-старообрядцы. Степа был там в октябре, и встречали его неплохо. Но в этом случае имелись все шансы опоздать — Лебедев и его группа успеют проскочить к селу Орлик, а оттуда до Сайхена всего один дневной переход. Итак, деревня отпадала, надо идти напрямик, чтобы к послезавтрашнему вечеру быть в нужном месте. Внезапно Степа вспомнил, как оно называется — Семен-Крест. Там действительно стоял большой крест, срубленный из почерневшей от времени сосны. В свое время проводник из местных что-то рассказывал Косухину об этом кресте, но память ничего не удержала. Впрочем, теперь это и не важно. Что ж, оставалось спешить к Семен-Кресту...

Еще только светало, а Степа уже собрался, попрощался с Шутовым, подробно объяснив, как добраться до села, и шагнул за порог.

Идти было нелегко. Полдня дорога шла на подъем, приходилось все время петлять между огромными лиственницами, вдобавок стали попадаться неглубокие, но с крутыми склонами овраги. Уже к полудню Степа устал, хотелось присесть, разжечь костер возле какого-нибудь старого рухнувшего дерева и часок-другой погреться, ни о чем не думая. Но время поджимало. Косухин лишь на несколько минут остановился, чтобы сжевать кусок хлеба с сушеным мясом и хлебнуть спирта, и пошел дальше, стараясь идти в одном темпе, экономя силы.

Уже начинало темнеть, когда Степа поднялся на вершину хребта. Здесь лес рос гуще, рядом с елями и лиственницами стали попадаться гигантские кедры, и идти стало совсем трудно. Эти места Косухин помнил плохо — он шел по солнцу, как когда-то учил его брат. Степа надеялся, что, пе-

ревалив хребет и выйдя в долину Оки, он найдет нужную дорогу — те места он помнил лучше.

Солнце спряталось за густыми кронами лиственниц, вокруг заструились сиреневые сумерки, и Косухин понял, что пора думать о ночлеге. Подходящую поляну он нашел быстро — она была небольшая, уютная, там лежали два огромных сухих дерева, то ли срубленные, то ли сами рухнувшие еще много лет назад. Деревья лежали удобно — почти рядом. Степа устроился в промежутке между старыми, покрытыми сухим мхом стволами и, наломав тонких веток, попытался разжечь костер. Получилось плохо. Косухин плеснул остатки спирта из фляги, и костер все-таки разгорелся. Сразу же стало веселее. Степа подкинул в огонь сучья потолще и, привалившись к одной из поваленных лиственниц, сжевал кусок сушеного мяса.

Сразу же захотелось спать. Степа нашел толстую ветку, которая, по его расчетам, должна гореть долго. Он решил вздремнуть часок, затем проснуться, снова подбросить дров и так продержаться до рассвета. Правда, костер грел плохо, жар уходил к холодному звездному небу. Приходилось то и дело подсаживаться прямо к огню, чтобы согреть хотя бы кончики пальцев.

В конце концов он укутался в полушубок, сунул руки в карманы и, надвинув шапку на самый нос, задремал. Сон накатил волной, почти мгновенно, Степа лишь успел подумать, сумеет ли проснуться, чтобы вовремя подкинуть дров.

Когда он открыл глаза, на поляне было светло. Степан удивился, но понял: взошла луна. В ее свете тени стали резкими, а снег начал мерцать маленькими разноцветными искорками. Костер погас, только несколько угольков дотлевали среди серой золы.

«Странно, — подумал Косухин. — Вроде и не холодно. Надо бы дровишек...»

Он легко вскочил, поразившись тому, что тело потеряло вес. Косухин сделал несколько шагов по чистому светящемуся снегу и вдруг застыл. Повернувшись, он шагнул еще раз — вновь замер: валенки не оставляли следов. Казалось, он скользит по тонкому насту, невесомый, словно сизый дымок от догорающих углей.

«Вот те на... А может, мне это все снится, чердынь-калу-

га?» — растерянно мелькнуло в сознании. Степа осторожно вернулся на место и присел у ствола.

Он попытался ощупать себя и даже ущипнуть, но понял, что не чувствует своего тела. Боли не ощущалось, стало тепло, дневная усталость исчезла без следа, будто ее и не было.

— Видать, сплю, — пробормотал Степа, но эта мысль ничуть не успокоила.

Вдруг он почувствовал, что у костра не один. Кто-то был совсем рядом. Степа не видел тени, даже не слышал дыхания, но чье-то присутствие не вызывало сомнений. Он почему-то не испугался и, не поднимая глаз, понял, кто навестил его этой ночью.

У догоревшего костра сидела женщина в коротком полушубке, подпоясанном офицерским ремнем, и в пушистой меховой шапке. Глаза были устремлены на умирающие угли, она молчала, и Степа не решался подать голоса. Он лишь отметил, что луна поднялась уже высоко, яркий свет заливал поляну, но ни он, ни его молчаливая гостья не отбрасывали тени.

«Сплю», — успокоил себя Степа, но тут же сообразил, что таких снов не бывает. Во всяком случае, с ним еще ничего подобного не случалось. Косухин кашлянул, пытаясь обратить на себя внимание, но женщина в полушубке по-прежнему смотрела, как тускнеет последний уголек.

Наконец он погас, и гостья медленно подняла голову, взглянув прямо в лицо Степе. Этой ночью она казалась еще красивее, чем в первый раз, когда ее серебристый призрак возник посреди ночной безлюдной улицы.

— Здравствуйте, Степан, — голос прозвучал тихо и ровно, словно доносился откуда-то издалека.

— Ну, здрастье, — вздохнул Степа. — Вы... кажется, Ксения Арцеулова?

— Мое имя вам назвал Венцлав? — Губы женщины чуть дрогнули, а глаза загорелись недобрым огнем. — Вы все-таки не послушались меня, Косухин! Венцлав губит всех — и тех, кто ему служит, тоже...

— Что? — дернулся Степа. — Но... чердынь-калуга, я же сплю! Вы мне снитесь!

Женщина медленно покачала головой, и Косухин испугался по-настоящему.

— Вы умираете, Степан. Костер погас слишком рано. Вы замерзаете, скоро холод дойдет до сердца...

Степа хотел возмутиться, но понял: все это — правда.

Он попытался вздохнуть, но сообразил, что сделать этого не может — воздух не проходит в легкие, хотя никакого неудобства от этого не чувствовалось.

— Ну а вы-то зачем здесь? — выговорил наконец он. — Вам-то что за радость? Полюбоваться пришли?

— Я — сестра милосердия, — так же тихо и почти без всякого выражения ответила Ксения. — Вернее, была... — Тут она усмехнулась, но одними губами, глаза оставались спокойными и холодными. — Не знаю почему, но ваши с Ростиславом судьбы как-то связаны. Мне не дано знать отчего... Но я не хочу, чтобы вы погибли. Я не могу помочь каждому, но вам — мне разрешили...

«Кто?» — подумал Степа, но так и не спросил. Он понял, что этот вопрос останется без ответа.

— Вы по-прежнему хотите убить Ростислава? — Женщина спросила об этом так спокойно, что Косухин даже поразился. Вопрос, несмотря на всю невероятность ситуации, его крепко задел.

— Я чего, убийца, чердынь-калуга? — разозлился он. — Ваш Ростислав — вражина! Такие, как он, всю Сибирь кровью залили! Видели бы вы...

— Я видела... Я видела, как белые убивали красных и как красные убивали белых. Когда я была жива, то никак не могла понять, откуда это безумие...

— А теперь — поняли? — зло поинтересовался Косухин.

— Да... Вам это тоже придется понять, Степан. И хорошо, если вы сумеете понять еще здесь, на этой земле. Впрочем, Венцлава вы уже видели...

— А чего — Венцлав?! — не особо уверенно возразил Степа. — Ну, ладно, похоже, гад он... Ничего, разберемся! Не я — так другой. И не таких к стенке ставили!

— Его не поставишь к стенке. Вы видели это сами, Косухин. Его смерть — не здесь...

— Он что — бес? — спросил Степа, подумав, что такой вопрос никак не приличествует истинному большевику-атеисту.

— Нет... Когда-то он тоже был человеком. Но не в этом дело, Степан.

— А в чем? — на этот раз вполне серьезно поинтересовался Косухин.

— Вы должны понять это сами. Я думала... Я надеялась, что это сможет сделать Ростислав. Но он один. Вы должны будете ему помочь...

Степа хотел возмутиться, но смолчал. Не объяснять же этой женщине, что революционный долг обязывает его пристрелить ее мужа, как собаку.

— Вот чего, — наконец проговорил он. — Вы, Ксения, меня за зверя не держите. Сидел бы ваш муж дома... Или шел бы к нам, в рабоче-крестьянскую! Был бы он мне сейчас первый друг-товарищ. В общем, чердынь-калуга, не знаю, чего будет дальше, но если не помру сейчас, все равно этих беляков достану! Бросят оружие — никого не трону. Скажите своему — сдастся, отведу в Иркутск, а там уж — как решат...

— Он не сдастся, — бесстрастно возразила Ксения. — Я не требую от вас никаких обещаний, Степан. На все воля Божья. Знаю лишь, что вы с ним встретитесь... А теперь — вставайте! Откройте глаза! Просыпайтесь, Степан!

Внезапно вокруг стало темно, и Степа почувствовал сильную боль. Он застонал, дернулся и с трудом открыл глаза. Он еще раз дернулся, боль стала почти невыносимой, но он все-таки встал и с наслаждением вдохнул ледяной колючий воздух.

Вокруг была ночь, луна зашла за тучи, и на остывшие угли костра падал легкий невесомый снег.

Во флаге, к счастью, оставался еще глоток спирта. Степа отхлебнул, сразу же стало легче, и он, сдерживая стон, стал собирать хворост. Надо было досидеть до утра.

ГЛАВА 7

Семен-Крест

До Сайхена оставалось три дня пути. Правда, добраться можно было и быстрее, но для этого требовалось ехать без ночевки. Люди бы выдержали, но лошади могли погибнуть, и лучше было не рисковать. Времени, как пояснил полковник Лебедев, было достаточно. Арцеулов не очень понял, что означает «достаточно», но спрашивать не стал. Военная служба приучила лишний раз не задумываться над далекой перспективой.

Утром, когда нужно было покидать очередное село, приютившееся как раз между верховьями Китоя и Оки, случилось неожиданное — возчики отказались ехать. Арце-

улов вскипел и схватился было за револьвер, но Лебедев удержал его, попытавшись объясниться. Дело оказалось все в тех же волках, о которых путешественники уже успели наслышаться. На этот раз это были уже не слухи — за последнюю неделю в селе погибли двое, причем однажды волки налетели среди бела дня. Старший возчик — немногословный кержак, с которым довелось познакомиться в первый же день путешествия, — заявил, что волки «не простые» и ехать дальше не просто опасно, а грех. Тут уж заинтересовался профессор Семирадский, вступив с кержаком в научную дискуссию, после чего стало ясно, что волки эти — какие-то особые, «февральские». Профессор восхитился такой фольклорной глубиной, а Арцеулову почему-то вспомнились красноглазые серые твари, которые стерегли его начиная с Нижнеудинска. Впрочем, большего о таинственных «февральских» хищниках узнать не удалось — Лебедев прервал дискуссию, решив, что дальше они поедут сами, а лошадей оставят в селе Орлик, последнем перед Сайхеном. Профессор обрадовался, заявив, что соскучился по вожжам, но возчик-кержак хмуро помотал головой, вновь посоветовав не искушать судьбу. Его племянник лишь испуганно моргал и воспринял разрешение вернуться в Иркутск с явным облегчением.

Ехать решили на одной тройке. Стало немного тесновато, зато хлопот ожидалось меньше. Ростислав тоже обрадовался — впервые за время путешествия можно было пообщаться с кем-нибудь, кроме молчаливого полковника.

Действительно, разговор завязался сразу. Арцеулов заинтересовался у профессора, что это за «февральские волки». Тот переадресовал вопрос к Берг, присовокупив, что если и занимался фольклором, то исключительно австралийским — и в молодости. Ростислав вопросительно взглянул на девушку. Та ответила не сразу.

— Это очень древнее предание, Ростислав Александрович. Когда-то считалось, что в мире борются два начала, два властелина — Белобог и Чернобог.

— Озирис и Сет, Ариман и Ахура-Мазда, Саваоф и Люцифер, — хмыкнул Семирадский. — Эх, Наталья Федоровна, матушка! А еще физик!

— Физику это легче понять, Глеб Иннокентьевич, — улыбнулась Берг. — Особенно после открытия положительных и отрицательных частиц. Но Белобог и Чернобог — звучит романтичнее, даже для физика... Так вот, гос-

пода, Чернобог был богом смерти, и его время было, естественно, зимой. Ну а самый холодный месяц — это февраль...

— Февраль в древности вообще не любят, — вступил в разговор Лебедев. — Римляне, по-моему, специально его сократили до 28 дней...

— А ваши римляне, Николай Иванович, были еще суевернее нас с вами, — вставил профессор и подхлестнул лошадей.

— Ну вот, — продолжала Берг. — Считалось, что февральские волки — это свита Чернобога. Они, в общем, не волки...

— Оборотни, — внезапно для самого себя произнес Арцеулов.

— Да... Чернобог посылает их перед собой. Они служат ему гонцами. А когда приходит весна, они возвращаются в царство смерти.

— Вы еще скажите, сударыня, что волков этих пуля не берет, — вновь хмыкнул профессор. — И еще про осино-вые колья...

— Между прочим, господа, осина в самом деле имеет интересные свойства, — внезапно заговорил Богораз, который, казалось, совсем не интересовался разговором. — Мне рассказывали. Там есть какой-то любопытный фермент...

— Против упырей, — хмыкнул профессор. — Ох, господа, эти увлечения современной молодежи до добра не доведут! Упырей обещать не могу, но невроз заработаете, как минимум...

— Успокойтесь, господа, — непонятно, в шутку или всерьез, проговорил Лебедев. — Сегодня по крайней мере нам обеспечен спокойный ночлег.

— А что это за село? — поинтересовался Арцеулов.

— Это не село. Это просто дом на берегу реки. Там жил какой-то раскольничий старец. В общем, думаю, там гонцы Чернобога нас не достанут.

— Там, кажется, стоит какой-то крест, — вспомнил Семирадский.

— Да, — кивнул полковник. — Это место так и называется — Семен-Крест.

— А почему — Семен? — спросила Берг. — Так звали старца?

— Возможно, — согласился Лебедев. — Переночуем, оттуда — к Орлику, ну а там до Сайхена совсем близко.

К Семен-Кресту Косухин вышел под вечер, позднее, чем рассчитывал. Идти было нелегко — в голове шумело, к лицу приливала кровь, а по всему телу расплзался озноб. Похоже, ночь у потухшего костра обошлась Степе недешево, но думать об этом покуда не приходилось. Косухин понимал, что иного выхода нет: не дойди он до Семен-Креста, следующую ночь под ледяным небом станет последней. Да и упускать белых гадов не хотелось — слишком многим уже пришлось заплатить. Итак, Степа, отбросив ненужные мысли в сторону, упрямо шел мимо мрачных кедров, то спускаясь в небольшие балки, то вновь карабкаясь по заснеженным склонам. Ноги уже не слушались, в висках скопилась тупая тягучая боль, но Косухин все шел и шел, лишь время от времени поглядывая на проступившее сквозь тучи солнце — если оно не обманывало, он шел правильно.

Под конец идти стало невмочь. Косухин хотел было кинуть карабин — у него оставался верный наган, — но тут же одернул себя; он один, а беляков — минимум четверо. Карабин он оставил и предпочел выбросить вещевой мешок — все равно, он или доберется до места и встретит беглецов, или к следующему утру ему уже ничего не будет нужно...

Семен-Крест открылся неожиданно — Степа взобрался на очередную горку, деревья расступились, и он увидел небольшую заснеженную долину, которую с двух сторон обступали крутые холмы, серебристую неровную ленту замерзшей Оки, а прямо внизу — маленький черный квадратик, рядом с которым Косухин с трудом разглядел тень креста. Все-таки он дошел...

Спускаясь, Степа старался разглядеть, нет ли кого у дома, но, сколько ни смотрел, все было тихо. Даже снег в долине лежал нетронутый. Очевидно, после ночного снегопада здесь никто не проезжал. Правда, и для Косухина снег был ни к чему — его следы могли тут же заметить. Поэтому, не доходя метров ста до избы, Степан остановился и стал размышлять.

Теперь уже было очевидно — дом пуст. Снег во дворе, у крыльца, у входа в сарай лежал чистый, нетронутый. Огромный черный крест стоял чуть в стороне, около него снег тоже был цел. Итак, он успел первым. Оставалось решить, как удобнее подобраться к избе.

Вначале Степа подумал было схорониться в стороне и подождать беглецов где-нибудь за деревом, но потом понял,

что попросту замерзнет. Он прикинул, что «гости» придут с востока, от верховьев Оки, и стал осторожно пробираться к дому с противоположной стороны, надеясь, что с дороги его следы будут незаметны.

Косухин пробрался к крыльцу, сбросил лыжи и осторожно запрыгнул на него, минуя ступеньки. Дверь, как он и ожидал, была не заперта. Степа постоял на пороге, осторожно вслушиваясь в тишину пустого жилища, но ничего подозрительного не услышал.

Можно было заходить.

Вначале Степа кинулся было к печке, но тут же обозвал себя дураком — дым из трубы заметят сразу. Он вздохнул, подышал в окоченевшие ладони, даже попрыгал, чтобы разошлась кровь в ногах, и решил, что пора готовиться. У него был карабин, наган и финский нож. Конечно, для такой встречи пригодилась бы и пара гранат — пугнуть контру, — но приходилось обходиться тем, что есть.

Он аккуратно зарядил карабин и положил его на лавку, подтянув ее к самой двери. Наган Косухин сунул за пояс и пристроился у небольшого окошка, которое выходило аккуратно в долину. И почти сразу же увидел маленькую темную точку. Еще не веря в удачу, он всмотрелся и понял, что ошибки нет — прямо по замерзшему руслу Оки мчалась тройка. Степа вдруг со страхом подумал, что беляки могут попросту проехать мимо. В этом случае оставалось лупить по беглецам из карабина, а этого делать не хотелось. Но тройка, подъехав чуть поближе, замедлила ход и начала сворачивать прямо к избе. У Косухина отлегло от сердца, он схватил карабин, еще раз проверил затвор и стал внимательно наблюдать.

Лошади остановились метрах в тридцати. Очевидно, беляки были тоже с опытом и просто так соваться в Степину засаду не собирались. Правда, уже темнело, и Косухин надеялся, что его следы на крыльце все-таки не заметят.

Из саней вышли четверо. Лиц было не разобрать, но гада Арцеулова Косухин приметил сразу. Трех мужчин он не знал, а четвертого — вернее, четвертую — узнавать было не нужно. Странная девушка из дома на Троицкой что-то говорила белому гаду, и Степе внезапно захотелось вышибить стекло и срезать проклятого беляка из «винтаря». Но Косухин сдержался и стал смотреть дальше. Пятый — молодой бородатый мужчина, похожий на попа, остался в

санях, а остальные о чем-то беседовали, показывая руками то на дом, то на сарай.

И тут Косухин сообразил: беляки могут сделать то, что двумя днями раньше не сообразил он сам — послать двоих к двери под прикрытием нескольких винтовок. В этом случае Степа, конечно, пропал. Но враги ошиблись так же, как и сам Косухин. Очевидно, их сбил с толку снег во дворе. Бородатый, перекинувшись словами с высоким, стоявшим рядом с Арцеуловым, повел лошадей к сараю, а остальные не торопясь пошли к крыльцу.

Теперь надо было выждать. Степа замер, закусил губу и стал считать секунды. Пять, шесть, семь... Четверо — девушка, Арцеулов, высокий и очкарик, которого Косухин тоже помнил по дому на Троицкой, — подошли метров на десять к дому и остановились. Высокий что-то сказал остальным и, повернувшись, пошел к сараю, куда бородатый уже заводил лошадей.

«Черт! — подумал Косухин. — Двое, значит, у сарая... У высокого, чердынь-калуга, карабин. Чего делать-то?»

Даже если он задержит сейчас этих троих у крыльца, остальные легко снимут его первой же пулей. Конечно, можно пристрелить кого-нибудь, хотя бы высокого, но Степа не знал, кто из них — тот самый Лебедев, которого нужно задержать. Косухин вновь чертыхнулся и увидел, что трое — Арцеулов, девушка и худой парень в очках — уже подходят к крыльцу. И тут Косухин понял, что должен делать. Ему стало заранее противно, но он знал: иного пути нет. Он еще раз прикинул расстояние и шагнул к двери.

«Гад я, чердынь-калуга!» — подумал вдруг Степа, но в следующую секунду думать было уже некогда — Косухин распахнул дверь и выскочил на крыльцо, сжимая карабин.

— А ну стой, контра! — гаркнул он, щелкая затвором. — Ни с места, а то враз девку порешу! Оружие на снег!

Он рассчитал точно — ствол карабина смотрел прямо в грудь той, что так убивалась по пропавшей кошке. Трое у крыльца замерли.

— И вы там! — продолжал Степа, обращаясь к тем, что были возле сарая. — Бросай оружие!

Беляки молчали, ошарашенные неожиданностью. Надо было спешить, пока никто не опомнился и не сообразил, что красный командир Косухин один против пятерых.

— Кидай оружие, говорю! — вновь гаркнул Степа. — А то всех постреляю, чердынь-калуга!

Его глаза встретились с бешеным взглядом Арцеулова, и Косухину стало не по себе. Он отвел глаза и тут же услышал испуганно-недоуменное:

— Степан, это вы?

Девушка его узнала. Степе стало вдруг стыдно. Он попытался думать о революционном долге, но легче не становилось.

«Если дернутся — в нее стрелять не буду», — твердо решил он.

— Сволочь! — Арцеулов медленно снял с плеча карабин и кинул его в снег.

— Давай-давай, контрик! — Косухину сразу же стало легче. — И револьвер тоже.

Револьвер упал рядом, тут же утонув в глубоком снегу.

«Так, — мелькнуло в голове у Косухина, — этот, в очках, похоже, не опасен. Значит, те двое...»

— А ну, вы, — продолжал он, — у сарая! Кидай винтара!..

Высокий, сняв карабин, бросил его, бородатый недоуменно пожал плечами и поднял руки.

— Валите сюда! — продолжал Степа, довольный, что дело пошло. — Да побыстрее, контрики, шевелись!

Двое переглянулись и медленно, увязая в снегу, двинулись в сторону крыльца. Внезапно Степа уловил какое-то движение и быстро перевел глаза на стоявших рядом. Вовремя — белый гад Арцеулов попытался сунуть руку за отворот полушубка.

— Ну, не балуй, беляк! — усмехнулся Косухин, приходя в хорошее настроение. — Мне тебя, гада, еще до трибунала довести надо!

Арцеулов дернулся, но замер. Степа рассчитал точно — беляк бросился бы, будь карабин направлен в грудь, но девушку он не мог подвергнуть опасности.

— Стой, стой, — подбодрил капитана Степан. — Померзни...

Сбоку слышались шаги — это подходили двое, бородатый и высокий. Степа, отведя глаза от Арцеулова, взглянул на них. Бородатый смотрел растерянно, вид его явно не внушал особых опасений, да и оружия, похоже, у него не было. Оставался высокий.

«Наверно, это и есть Лебедев, — понял Косухин. — Нука, покажись, полковник!»

Он взглянул в лицо тому, высокому, и вдруг почувствовал, что карабин валится из рук, а воздух застревает в горле.

— А-а... — только и мог проговорить он, медленно опускающая оружие, которое вдруг показалось совершенно ненужным и бессмысленным.

И в ту же секунду Арцеулов прыгнул. Он рухнул прямо на Степу, вцепился в карабин и, не разжимая пальцев, ударил Степу локтем в висок. Косухин захрипел, падая на колени, и закрыл глаза. Капитан отскочил в сторону — и дуло захваченного карабина уставилось на Косухина, завалившегося на бок.

— Не надо, Ростислав Александрович! — крикнула Берг, хватая его за руку.

— Жалеете красную сволочь? — процедил Арцеулов, неохотно опуская оружие.

— Не надо, капитан! — Лебедев подошел к лежащему на земле Степе и опустился рядом с ним на корточки. — Уберите оружие!

Его тон был какой-то странный: решительный и одновременно виноватый.

— Да что это вы, господа! — возмутился Арцеулов. — Чем вам дорог этот краснопузый, в конце концов? Вы что, его знаете?

— Да, знаю, — кивнул полковник. — Оставьте его, господин Арцеулов. Это мой брат.

— Что?! — в один голос ахнули Ростислав и стоявшая рядом Берг.

— Мой брат Степан, Степан Косухин. Моя настоящая фамилия Косухин, господа. Это мой младший брат...

— Этот решительный молодой человек? — удивленно произнес Семирадский, подходя к крыльцу и с явным интересом глядя на неподвижно лежавшего Степу. — Но вы ведь, помнится, говорили, Николай Иванович, что ваш брат — еще школьник?

— Вырос, значит, — ответил вместо полковника Арцеулов, вынимая у Степы из-за пояса револьвер и нож. — Помоему, этот молодой человек преследует нас достаточно последовательно. Видать, из-за родственных чувств...

— Прекратите, Ростислав Александрович, — перебила его Берг, осторожно щупая пульс на Степином запястье. — Что вы с ним сделали?

— Я?! — вновь возмутился капитан. — Ну знаете, сударыня, еще секунда — и он бы вас попросту пристрелил!

— Оставьте! — Девушка повернулась к спутникам: — Господин профессор, Семен Александрович, его надо внести в дом...

— Да-да, — подхватил Лебедев. — Конечно, господа. Извините, я просто немного подрастерялся...

— А я его тоже знаю, — удивленно произнес Богораз, до этого не проронивший ни звука. — Этот господин из чеки, помнится, был крайне невежлив...

Арцеулов отошел в сторону, делая вид, будто все происходившее его не касается. Он ограничился тем, что подобрал свое оружие и заглянул в избу, убедившись, что объявившийся родственник полковника Лебедева не привел с собой десяток краснопузых. Нельзя сказать, что случившееся поразило Арцеулова. В конце концов, почему у полковника не может быть младшего брата, которого занесло akurat к красным? Конечно, встреча посреди таежного моря была неожиданной, но за свою фронтовую жизнь Ростислав видел еще и не такое.

Покуда Степу, все еще не пришедшего в себя, втаскивали в дом, а затем заносили вещи, Арцеулов стоял у крыльца и курил «козью ногу», прикидывая, что делать с неожиданным пленником. Он уже понял: краснопузого не выведешь в расход. Но отпускать его капитан тоже не собирался — это значило немедленно «засветить» их маршрут, который и так находился под пристальным вниманием.

«Черт с ним! — решил в конце концов Арцеулов. — Пусть полковник решает сам! Связать бы этого родственника и бросить здесь, чтоб поумнел чуток...»

Степа пришел в себя, и первое, что он увидел, было лицо брата. Значит, ему не привиделось...

— Коля, — удивленно проговорил он, пытаясь пристать. — Коля, да ты же мертвый!

Николай улыбнулся и покачал головой. Косухин оглянулся и понял, что он лежит на лавке в избе, вокруг собралась странная компания, которую он выслеживал последние дни, и все происходящее, судя по всему, не сон.

— Я тебе все объясню, — сказал наконец брат. — Только ради Бога, Степан, почему ты решил, что я погиб?

— Так бумага же! — Степа встал, хлопнул себя по поясу и убедился, что револьвер у него забрали. Значит, он в плену...

— Какая бумага? — удивился Николай. — Вам должны были прислать уведомление, что я нахожусь в длительной командировке...

— Скажешь... командировке... Ты же пропал в Галиции, под Рава-Русской! Из разведки не вернулся, чердынь-калуга!

— Ничего не понимаю! — Полковник даже руками развел и удивленно поглядел на профессора. — Как они могли?

— Обыкновенно, — отозвался Семирадский. — Обеспечение секретности, сударь мой! Правда, не думал, что дойдет до такого...

— Какой ужас! — сообразила Берг. — Значит, вашей семье сообщили, что вы погибли, господин полковник?

— Выходит, так... — Лебедев был поражен не меньше Степы. — Я же писал! Мне сообщили, что мои письма доходят. И от тебя приветы передавали... Я еще удивлялся, Степа, что ты мне не пишешь...

— Ага, на тот свет, — вздохнул Косухин. — Слушай, Николай, так ты, выходит, полковник?

— Как видишь. А что, красным не полагается иметь родственников-офицеров?

Степа не ответил. Выходит, он гнался за этими интеллигентами зря! Нет, конечно, не зря, чердынь-калуга, брата нашел, да еще живого! Но ведь он не искал полковника Косухина. Ему нужен полковник Лебедев!

— Коля, — обратился он к брату, — объясни мне, чего тут творится? Мне нужен какой-то Лебедев, который золото увозит.

— Золото, молодой человек? — поразился Семирадский. — Похоже, вас в вашей чеке надули-с! Эка хватили!

— Лебедев — это я, Степа, — пояснил брат. — Я так значился в документах военного министерства. Только о каком золоте ты говоришь?

— Так ты — Лебедев? — Это открытие поразило Степу едва ли меньше, чем неожиданное появление сгнувшего брата. — Ты?! Так, значит, ты командуешь, чердынь-калуга, этим «Мономахом»!

— Ого, господин полковник! — заметил Арцеулов, входя в избу. — Все ваши тайны для краснопузых — секреты Полишинеля!

— Не понимаю, — пожал плечами Лебедев, — какое золото? Степа, «Владимир Мономах» — это научный проект!

— Ага, научный! — При виде белого гада Арцеулова

Степа вновь почувствовал себя на боевом посту. — Видел я вашу науку, чердынь-калуга! Сколько ребят живьем сгорело! А я думал, Коля, что ты самолеты испытывал! А ты, выходит, полковник Лебедев!

— Я испытывал самолеты, Степа. А насчет прочего... Наверно, пришло время нам объясниться.

Покуда ставили чай, Степа познакомился с остальными. Правда, Арцеулов не собирался подавать руки Степе, да тот и не стремился — они были, можно сказать, знакомы. Семен Богораз не произвел на Косухина особого впечатления — худосочного студента с Троицкой он вспомнил сразу, а вот профессор понравился, несмотря на очевидную иронию, с которой тот воспринимал скромную Степину личность.

Руку Натальи Берг Косухин пожимал с явной боязнью. Больше всего ему хотелось немедленно извиниться перед девушкой, объяснив, что он не собирался стрелять. Но слова как-то не клеились. Тем более Наталья не придавала столь драматическому эпизоду особого значения.

— Ну, хорошо, — начал полковник, когда процедура знакомства была закончена. — По-моему, мы действительно заигрались с этими тайнами. Честное слово, мне неудобно перед вами, Ростислав Александрович! Наверно, надо было рассказать вам о «Мономах» в первый же день. Но если бы вы знали, как все это обставлялось! Меня, как видите, даже переименовали...

— И даже похоронили, господин полковник, — вставил Арцеулов.

— Да... Степан, что тебе наплели о проекте «Мономах»? Если это, конечно, в свою очередь, не военная тайна.

— Да чего там! — буркнул Степа. — Сказали, что генерал Ирман вместе с полковником Лебедевым увезли куда-то часть золотого запаса. И что у вас пароль, этот... — Косухин напрягся и вспомнил: — «Рцы мыслете покой». Ну, буквы славянские...

— Да, «рцы мыслете покой», — кивнул полковник. — Р, М, П... Российская Междупланетная Программа.

— Как? — поразился Арцеулов. Степа вообще ничего не понял и недоуменно поглядел на брата.

— Программа эфирных полетов с использованием ракет, — не очень понятно для брата пояснил Николай Иванович.

— Поймите, поймите, господин полковник, — не вы-

держал Арцеулов. — Вы хотите сказать, что в России пытались создать ракету для эфирных полетов?

— Отчего же пытались, батенька? — ответил вместо Лебедева профессор. — Создали. Называется эта ракета «Владимир Мономах». И господин Лебедев, уж извините, Николай Иванович, буду называть вас по-старому, привок, — один из первых ее испытателей.

— Да ты чего, Коля, — обалдело спросил Косухин-младший, до которого наконец стало что-то доходить. — На Луну летал, да? Вот, чердынь-калуга...

— Нет, — улыбнулся старший. — На Луну не приходилось. Пока осваивали орбиту... Я летал вторым, в апреле 16-го. Первым был капитан Барятинский.

— Нет, давай по порядку, — попросил Степа. — Чего-то круто выходит...

— Постараюсь, — кивнул полковник. — Глеб Иннокентьевич, если я собоюсь, поправьте... Началось это, насколько я знаю, в начале 90-х по инициативе графа Витте.

— Ну не Витте и не графа, — тут же вмешался Семирадский. — Идея принадлежала господину Менделееву, а государю представлял проект тогдашний министр финансов Вышнеградский. Александр III сей проект благословил, и начались работы...

— Первый пуск был в мае 1909-го, — продолжал полковник. — Полет летчика-испытателя планировали на начало 13-го, к романовскому юбилею, но не успели. Тогда было несколько аварий, и решили не рисковать. В начале 14-го, когда стали готовить отряд испытателей, я был туда направлен. Официально считалось, что я преподаю в Качинской авиашколе. Ну, а потом война... В марте 16-го был первый пуск с испытателем на борту. Проект решили рассекретить после войны. Ну вот, пожалуй, и все...

— Сколько же вы были в эфире, господин полковник? — спросил Арцеулов, куда Степа переваривал услышанное.

— Сутки... Признаться, под конец стало невесело, — улыбнулся Лебедев. — Конечно, когда меня принимал государь, я уверил его, что полет доставил мне исключительное удовольствие. Правда, в какой-то степени так оно и было...

— Так тебя что, царь принимал, чердынь-калуга? — перебил его Степа, которого это обстоятельство поразило почему-то больше всего.

— Представь себе... Если тебе интересно, Степа, я был

награжден в виде исключения орденом Александра Невского. Кстати, нашему роду пожаловано наследственное дворянство, так что ты — дворянин, Степан. Поздравляю.

Косухин-младший не ответил. Это было уже чересчур.

— В семнадцатом наша группа распалась, — закончил рассказ полковник. — Не знаю, где сейчас Барятинский и все остальные...

— Мой дядя в Париже, — отозвалась Берг. — По-моему, там сейчас еще кое-кто из участников программы.

— Возможно, — кивнул Косухин-старший. — В мае 18-го Сибирское правительство начало собирать тех, кто остался в России и уцелел. Работы возобновились, на январь 20-го мы готовили новый старт. При адмирале программу стал курировать генерал Ирман. Мы должны были испытать новый корабль — «Владимир Мономах-2»...

— Но почему тогда... — начал было Степа, но осекся. Рассказывать о товарище Венцлаве не тянуло.

Однако брат его понял:

— Знаешь, Степа, для меня это тоже загадка. Тебе виднее, зачем большевикам наши скромные персоны.

— Ладно, — принялся рассуждать вслух Степа. — Ну, допустим, чердынь-калуга, золото — это для таких, как я, выдумали... Для дурачков. А остальное — это понятно. Эта... как ее... ракета — это же первое дело для войны!

— Молодой человек зрит в корень, — кивнул Семирадский. — Этого мы опасались с самого начала. Говорил я господину Менделееву, говорил!..

— Но ведь вся документация и так у большевиков, Степан, — возразила Берг. — Она хранилась в Петербурге, в Академии наук. Да и кое-кто из нашей группы сейчас работает у вас. Мы-то зачем?

— Выходит, и вы нужны, — пожал плечами Косухин. — Да и ракету оприходовать надо.

— Ракета может только одно — взлететь, — заметил старший брат. — Мы и собираемся ее запустить, для того чтобы испытать новый корабль. Специально для этого полета господа Семирадский и Богораз подготовили уникальную аппаратуру. Мы должны были лететь втроем, — Георгий, светлая ему память, ваш покорный слуга и... Впрочем, это покуда неясно и мне... Но в любом случае, зачем большевикам мешать запуску?

— Не знаю! — заметил Степа. — Значит, для порядку, базу вашу под контроль взять. Для нужд пролетариата...

— А вот это невозможно, Степан. База эфирных полей находится не в России. Большевикам покуда до нее не добраться. Она в Китае...

Степан стал думать дальше. Пока все складывалось логично, включая даже то, о чем брат смолчал, — об аэродроме на Сайхене. Вот, значит, куда они собирались лететь! Но почему товарищ Венцлав не сказал ему правды? Косухину было обидно — выходит, его, посланца Сиббюро ЦК, попросту дурили? И зачем, в самом деле, охотились на его брата, если это дело — чисто научное? Нет, что-то тут не так...

— Не сходится, братан, — заявил он наконец. — Что-то ты мне не до конца рассказываешь...

Он заметил, что при этих словах бородатый профессор и худосочный молодой человек переглянулись.

— Остальное ты увидишь сам, Степа, — ответил полковник. — Ты поедешь с нами...

— Господин полковник! — Арцеулов вскочил, возмущенно глядя то на Лебедева, то на Степу. — Вы что, намереваетесь взять с собой...

— Намереваюсь, — перебил его Лебедев. — А у вас есть другие предложения?

— Да он вас ночью зарежет!

«Вот тебя точно порешу», — хотел было отреагировать на это Степа, но смолчал — переругиваться с недобитой контрой было ниже его достоинства.

— Степан, вы нас зарежете? — улыбнулась Берг.

Степа смолчал и насупился. Резать, конечно, он никого не собирался. Косухин вдруг понял, что теперь у него будет возможность действительно все увидеть своими глазами. Особенно если брат прав и этот загадочный «Мономах» находится не в России. Выходит, в этом случае он не просто выполнит приказ, но и узнает то, что столько лет было величайшей тайной Империи! Узнает и сможет рассказать товарищам по пролетарской партии!

— Господин полковник! — Похоже, Арцеулов подумал о том же. — Прошу меня простить, но вы рассекречиваете проект! Красные будут все знать! Если вы не собираетесь подвергать своего брата пожизненному заключению...

— Не собираюсь, — улыбнулся полковник. — Я беру Степана с собой, во-первых, чтобы он не замерз здесь один. А во-вторых, чтобы его сумасшедшие комиссары не помешали запуску. Собственно, проекта больше нет. Мы запускаем второй «Мономах», и на этом наша миссия, к сожалению...

нию, заканчивается. Если у большевиков будет желание, они вполне могут продолжать работу.

— Это было бы забавно, — заметил Семирадский. — Папуасы запускают эфирный корабль. Боюсь, его распилят на зажигалки...

— Или начинают тротилом, — кивнул Лебедев.

— Это кто еще здесь папуас?! — не выдержал Степа. Так его еще не обзывали. — Если это так важно, чердынь-калуга, то обратились бы в Совнарком! Власть рабочих и крестьян, между прочим, на науку денег не жалеет!

В ответ послышался достаточно обидный смех. Смеялись все, даже невозмутимый Семен Богораз, который внешне не прислушивался к разговору, греясь у разгорающейся печки.

— Едва ли, Степан, — отсмеявшись, заметила Берг. — Не знаю, может, лет через сорок ваши комиссары поумнеют...

Степа смолчал, решив, что, поскольку попал в плен, пусть и в плен к собственному брату, он, красный командир Косухин, не должен терять достоинства. Пусть смеются, белая кость! Он свое дело сделает...

Между тем появился чай, и обстановка несколько разрядилась. Даже Степа оттаял и начал с интересом прислушиваться к очередным эскападам профессора, вспоминавшего о своем путешествии к дикарям Малаккского берега. Ему внимали с интересом все, кроме Семена Богораз, который равнодушно прихлебывал чай, думая о чем-то своем.

Арцеулов также слушал забавные рассказы Семирадского, но внутренне оставался собран, и мысль продолжала работать четко. Ситуация Ростиславу определенно не нравилась. Он еще раз понял, до чего его спутники далеки от происходящего в горячей, залитой кровью стране. Для них красный командир был неожиданным, но по-своему приятным гостем, с которым вполне можно выпить чаю и побеседовать о жизни. То, что по странному велению судьбы Косухин оказался родным братом полковника, еще более настраивало их на благодушный лад.

Арцеулов думал иначе. Может, он был бы и не против подобной идиллии, окажись Степан Косухин большевистским недоумком из мобилизованных, которых на фронте попросту переодевали в шинель с погонами, давали спирту и посылали в бой. Таким Косухин и показался вначале, когда агитировал их сдать на милость победившего проле-

тариата. Но теперь, сидя против всякого своего желания рядом с неожиданным пленником, капитан сообразил, что здорово ошибался. Из короткого рассказа Степы он понял, с каким упорством и бесстрашием этот краснопузый искал их посреди заледенелой тайги. Арцеулов даже достал карту, попытавшись прикинуть маршрут младшего Косухина, после чего лишь покачал головой. Надо было здорово ненавидеть врагов, чтобы идти почти наугад по их следам в тридцатиградусный мороз. Таких людей Ростислав уважал, а если это были враги, уважал, ненавидел и опасался.

Он смотрел, как Степа спокойно прихлебывает чай, перебрасывается с братом короткими, порой понятными им одним фразами, даже начинает изредка улыбаться, и понимал, что сейчас красный командир Косухин может быть опаснее, чем когда стоял на крыльце с карабином в руках. Арцеулову вдруг представилось, что бы сделал он сам, оказавшись волею судьбы на Степином месте, и ему стало не по себе. Капитан дал себе слово не спускать с краснопузого глаз. Даже если для этого понадобится не спать и эту ночь, и следующую. В бдительность своих спутников Ростислав верил слабо.

После чаю компания разошлась по углам. Профессор вместе с Богоразом и полковником стали что-то обсуждать над картой, Берг осталась сидеть у печки, поглядывая на огонь, а Степа присел на лавку и закрыл глаза — многодневная усталость давала о себе знать. Внезапно он почувствовал чье-то присутствие.

— Господин Косухин? — Наталья Берг незаметно для Степы уже успела подойти и присесть рядом. — Я вас ни от чего не отвлекла?

Степа ответил не сразу. К Берг после всего случившегося он и не знал, как относиться, к тому же «господином» бывать еще не приходилось.

— Нет... это... не отвлекли, Наталья Федоровна, — Косухин вовремя вспомнил имя-отчество девушки.

Берг рассмеялась.

— Слушайте, Степан, ну хоть вы не подражайте нашим ученым мужам и не именуите меня с «ичем»! Можно подумать, что я мадам Кюри и мне по меньшей мере семьдесят лет!

Степан не знал, кто такая мадам Кюри, но смысл сказанного до него вполне дошел.

— Тогда вы это... и меня господином не дразните... Наталья...

— Нет, Наталья — плохо, — покачала головой девушка. — Прямо Карамзин какой-то! На «Натали» не претендую, зовите Наташей. Тем более что, несмотря на иноземную фамилию, я коренная русачка. А вам как больше нравится — Степа или Степан?

— А никак, — осмелел Косухин. — «Степа» — как-то обидно, а «Степан»... Ну чего, Разин я, что ли?

— Тогда остановимся на «Косухине», — решила Берг. — По-моему, это очень современно. Так вот, Косухин, как там моя кошка?

— При кухне кошка, — сообщил Степа, благоразумно умолчав, что кухня эта — тюремная.

— Рада за нее, — кивнула девушка. — Не хотелось, чтобы эта бедолага разделила нашу судьбу. Я должна извиниться перед вами...

— За что? — удивился Степа.

— За Али-Эмете. Маскарад был, конечно, нелеп, но, честное слово, в ЧК мне нельзя было попадать. Еще повезло, что на квартиру налетели вы, а не ваш этот... Чудов. Он бы и Али-Эмете не помиловал.

Степа, вспомнив свой разговор с Провом Самсоновичем, вынужден был признать полную справедливость данного предположения.

— Вы меня тоже извините, Наташа. Я... Ну, в общем, я бы все равно не выстрелил. Некрасиво, конечно, чердынкалуга...

— Я не испугалась, — серьезно ответила Берг, и Степа ей почему-то сразу поверил. — Я знала, что в меня вы стрелять не будете...

— Ага, — согласно кивнул он, желая закончить этот малоприятный для него разговор. — Наташа, а вы тоже эта... ну, лететь собрались?

— К сожалению, нет. Я буду на земле, Косухин... Хотя, видит Бог, с удовольствием променяла бы свое место в рубке на право быть рядом с вашим братом. Если бы вы видели «Мономах»!

— А какой он? — заинтересовался Степа. — И вообще, Наташа, расскажите мне... ну... с самого начала.

— Постараюсь, — кивнула девушка. — Правда, скоро вы все сами увидите...

Перед сном Арцеулов хотел было предложить Лебедеву

связать пленного, но в последний момент так и не решился. Конечно, полковник откажет... Капитан улегся поудобнее, твердо решив не спать. Верный «бульдог» он положил рядом с собою, а сам лег поближе к двери, чтобы Степа не мог попросту прыгнуть на него и придушить, как это сделал бы на его месте сам Арцеулов.

Утро началось странно. Лошади вдруг заупрямились, они испуганно ржали, отказываясь впрягаться в сани. Выехать смогли только через час и то благодаря тому, что на помощь профессору пришел Степа. Семирадский лишь пожимал плечами, сетуя на потерю кучерской квалификации, но Степан задумался всерьез.

«Волков чувствуют...» — решил он наконец, но промолчал.

Ехали медленно. Лошади то и дело останавливались, прями ушами и испуганно дергались из стороны в сторону, норовя опрокинуть сани. Тут уж забеспокоились остальные, капитан на всякий случай предложил приготовить оружие и по возможности спешить. Встречаться с волками ночью посреди безмолвной мертвой тайги не хотелось даже такому храброму человеку, как Арцеулов.

Несмотря на все усилия, к Орлику — последнему селу перед Сайхеном — подъехали уже в сумерках. К удивлению всех, привыкших к спокойствию здешних забытых Богом и людьми мест, прямо у околицы их встретил вооруженный патруль. Косухин и Арцеулов невольно переглянулись, и рука капитана сама легла на затвор карабина. Но трое мужиков с охотничьими ружьями, поглядев на поздних гостей, безмолвно пропустили их. Полковник пожал плечами, велел ехать к одному из домов в центре села.

Встретил их очень высокий худой мужчина лет сорока с короткой, явно не крестьянской, бородкой. Да и по целым залежам книжек, которыми была завалена изба, становилось ясно, что они попали в гости к человеку образованному и, похоже, нездешнему.

— Он местный учитель, — сообщил Лебедев своим спутникам, куда хозяин помогал Семирадскому распрягать лошадей. — По-моему, из ссыльных. Мы у него уже останавливались.

Хозяин отрекомендовался Родионом Геннадиевичем. Услышав слово «ссыльный», Степа не преминул присмотреться к сельскому интеллигенту. Спрашивать о его поли-

тических симпатиях не хотелось, но среди кучи книг Степа сразу же заметил несколько томиков Кропоткина.

«Никак, анарх», — решил Косухин.

Анархистов Степа не любил, хотя среди них был сам товарищ Калаңдаришвили — знаменитый вождь сибирских повстанцев. Впрочем, «анархи» были все же получше, чем эсеры или всякие там меньшевики.

О политике, однако, не говорили. Правда, Арцеулов не преминул справиться о встреченном ими патруле, но ответ его откровенно озадачил.

— Волки, господа, — пояснил Родион Геннадиевич. — Признаться, такого здесь еще не было на моей памяти. В селе паника. Уже трое погибли, вчера волки налетели прямо днем...

— То-то лошади бесились! — понял Степа.

— Ничего, — махнул ручищей профессор. — В крайнем случае дойдем пешком! До Сайхена рукой подать.

— Два дня пути, если пешком, — задумался Лебедев. — Лишний день не беда. Правда, надо достать лыжи...

— Лыжи достанем, это несложно, — заметил хозяин и, помолчав, внезапно заговорил совсем другим тоном: — Господа, вам лучше остаться! Здешние жители не из пугливых, но такими я их еще не видел. А ведь кержаков трудно напугать. Они уверены, что это не просто волки...

— И вы туда же, коллега! — возмутился Семирадский. — Вы же учитель, материалист! Помилуйте, как можно в двадцатом веке пороть подобную, прошу прощения, ахинею! Февральские волки! Упыри! Оборотни! Призраки!

— Я не материалист, господин профессор, — негромко заметил Родион Геннадиевич, выждав момент, пока Семирадский переводил дух после очередной тирады.

— Как?! — чуть не подпрыгнул тот. — Простите, батенька, но вы же учитель! И, по-моему, извините, из политических!

— Не совсем так, — учитель неловко улыбнулся, будто лично провинился перед профессором. — Меня, собственно, сослали за религиозные убеждения...

— А, вы раскольник... или сектант, — Семирадский сразу же потерял интерес к собеседнику.

— Нет, — вновь улыбнулся тот. — Ни среди тех, ни среди этих не числюсь. Я, по глубокому убеждению бывших властей предрежащих, самый настоящий язычник.

— Что?! Папуасы! — вскричал Семирадский. — Ба-

тенька, бросьте нас разыгрывать! Вы еще скажите, что вы — волхв!

— Увы, — развел руками Родион Геннадиевич. — Хотя было бы забавно... Нет, все проще. Вы слышали о дхарах?

Все недоуменно переглянулись.

— Я слышал, — внезапно заявил Богораз. — В 1916 году в «Известиях Императорской Академии наук» была статья. Насколько я помню, дхары — древний народ неизвестного происхождения, который жил на севере Урала. У них, кажется, была своя письменность еще до русских... Извините, не помню подробностей.

— С этой письменности все и началось, — кивнул хозяин. — Я был народным учителем в селе Якша. Это в верховьях Печоры...

— Ну и глухомань, — с сочувствием заметил профессор. — Эк вас занесло!

— Родные места! Там еще живут остатки дхаров... Тогда, в начале века, я был, наверное, единственный дхар с незаконченным высшим образованием. Пытался рассказывать детям о нашей истории... У меня была неплохая коллекция образцов той самой письменности. В этом обвинить меня не могли, конечно... Зато прислали комиссию из синода. Тогда еще эти вопросы курировал сам господин Победоносцев. Вдобавок я составил письмо против планов нашего губернатора, который в порыве административного восторга хотел снести Дхори Арх — дхарское святилище. Ну, времена были тогда суровые, это было до 1905 года...

— Сочувствую, коллега, — на этот раз вполне серьезно промолвил профессор. — Но все же, насколько я понял, вашу эстафету поддержали? Кто-то же напечатал статью в «Известиях»...

— Это моя статья, — вновь улыбнулся Родион Геннадиевич. — К сожалению, дхарские древности больше никого не интересуют. Но я не об этом... Дхары еще не все забыли из своих древних знаний. И я, хотя учился в Петербургском университете, кое-что помню... Господа, сейчас в тайгу идти нельзя!

— Объяснитесь! — потребовал профессор. Все остальные сели поближе, почувствовав, что их хозяин не шутит.

— Не знаю, на каком языке с вами говорить, господа, — нерешительно начал учитель. — Я имею в виду не великий и могучий русский язык. Насколько я понял, вы люди науки... Будь вы мои соплеменники-дхары, я мог бы сказать,

что наступает ночь Гургунх-эра, когда ярты покидают ук-ривища, и что оборотни вышли в этом году слишком рано из своего логова в царстве Смерти, а вагры не боятся даже священного огня...

— Красиво... — тихо прошептала Берг и вздрогнула.

— Но на этом языке вы меня не поймете. Что ж, это можно перевести так: в силу не до конца ясных климатических и прочих особенностей нынешней зимы здешняя фауна внезапно стала проявлять несвойственные ей агрессивные наклонности, вдобавок не исключено появление некоторых очень редких явлений природы, пока необъяснимых до конца с точки зрения современной науки... Не ходите в тайгу, господа. Один из вас должен понимать, о чем я говорю...

— Если вы имеете в виду меня, коллега, то нет, — пожал плечами Семирадский. — Признаться, покорен вашим пассажем о — как бишь его? — Гургунх-эре, а также согласен с существованием неизученных природных явлений, но особой опасности все же не вижу.

— Во всяком случае, к опасности подхватить воспаление легких добавляется перспектива оказаться в желудке какого-нибудь канис люпус, — иронически, не без удовольствия отреагировал Богораз.

— Я имел в виду не вас, господа. Я обращаюсь к тому, кто носит Охс Вагре — Перстень Духов...

Только когда все вслед за хозяином поглядели на Арцеулова, капитан понял, что речь идет о нем.

— Помилуйте! — растерялся Ростислав. — Вообще-то это не совсем мой перстень. Вернее, совсем не мой... Странный перстень, признаться...

— Коллега, коллега, — предостерегающе заметил Семирадский. — Не идите неверным путем господина Богораза. Семен Аскольдович сложил уже целую сагу об этой безделушке...

— Не настаиваю, — улыбнулся Родион Геннадиевич, но на этот раз очень грустно. — Не знаю, откуда у вас перстень. Не смею утомлять ваш слух очередной языческой легендой... Впрочем, — тут его голос окреп, — господин... Арцеулов, кажется?

— К вашим услугам, сударь, — капитан встал и, не удержавшись, поглядел на черненьких извивающихся змеек, украшавших печатку. — Не откажусь от легенды. Даже языческой...

— Подойдите сюда!

Арцеулов шагнул к окну. Сквозь заиндевелое стекло тускло просвечивал ущербный месяц. Родион Геннадиевич секунду постоял, словно в нерешительности, а затем резко растворил раму. В избу ворвался ледяной ветер.

— Снимите перстень и посмотрите сквозь него на лунный свет! — Голос учителя прозвучал настолько властно, что капитан немедленно подчинился.

Вначале в круглом серебряном ободке был виден лишь белый холодный лунный диск с заметным ущербом на правом боку. Арцеулов хотел было прекратить этот нелепый опыт, но вдруг лунная поверхность затуманилась. Сквозь тусклую пелену засветились маленькие синие огоньки. Ростислав невольно ахнул, но тут огни пропали, пелена раздвинулась, вместо лунного диска он увидел странную темную пещеру, в дальнем углу которой тусклым огнем светилась невысокая ниша. В пещере стояли двое. Одного — себя — он узнал сразу, второго рассмотреть не успел: изображение вновь затуманилось, сверкнул синий огонь, и капитан невольно закрыл глаза. Вновь взглянув сквозь ободок перстня, он увидел лишь серебряный свет луны...

Родион Геннадиевич, не сказав ни слова, закрыл окно. Все молчали, не понимая, что, собственно говоря, произошло.

— Я был бы очень вам признателен, господа, если бы вы проводили ваши опыты с меньшим риском для здоровья присутствующих, — проговорил наконец Богораз и закашлялся. — Я совершенно запустил свой бронхит...

Ему никто не ответил. Арцеулов медленно надел перстень на палец и сел в сторонке.

— Вы... вы что-то увидели? — негромко поинтересовалась Берг.

— Н-не знаю, — честно ответил Ростислав. — Может, почудилось...

— А что сей опыт должен означать? — вмешался Семирадский, иронически поглядывая то на хозяина, то на капитана.

— По преданию, так можно увидеть будущее. Можете назвать это дхарским фольклором, господин профессор, — спокойно ответил учитель.

— А мне можно взглянуть? — заинтересовалась Берг.

— Нет, — покачал головой Родион Геннадиевич. — Это может увидеть только владелец Охс Вагре. И то не каждый.

Перстень высвечивает какой-то переломный момент будущего, от которого зависит судьба...

— Да-с, да-с, забавно, — снисходительно молвил Семирадский. — Но, несмотря на все это, рискну проявить материализм и умеренный оптимизм. Если наши иппосы завтра все-таки взбунтуются, голосую за пеший поход. Вот-с.

— Вы правы, Глеб Иннокентьевич, — поднял голову Лебедев, за весь разговор не проронивший ни слова. — О февральских волках судить не могу, но нам надо быть в Сайхене хотя бы послезавтра к вечеру. Мы идем в любом случае. Разве что... Степа, раз так, ты можешь остаться.

— Господин полковник! — воскликнул Арцеулов, но Лебедев остановил его повелительным жестом.

Степа молчал, как будто сказанное вовсе его не касалось. Он даже в сторону отвернулся, поглядывая то на мрачного Богораза, то на жизнерадостного профессора.

— Степан, — позвал брат. — Ты слышал меня?

— Не-а, — Косухин по-прежнему смотрел в сторону. — Не слышал...

— Я серьезно...

— А я нет, чердынь-калуга! Да и его благородие меня не отпустит...

И Степа соизволил взглянуть на мрачного Арцеулова. Тот нервно встал и отошел подальше, стараясь не смотреть на внешне спокойного и даже несколько беззаботного Косухина. Он понимал, что красный не уйдет и не бросит их. А значит, надо по-прежнему быть начеку.

После ужина Арцеулов отозвал Родиона Геннадиевича в сторону и рассказал о том, что увидел сквозь серебряный ободок перстня. Тот выслушал внимательно, но что-либо объяснить отказался.

— Я ведь не маг, господин Арцеулов. Просто вспомнил предание, а уж как сие толковать — вам, пожалуй, виднее... Почтенный господин Семирадский прав — все это лишь фольклор.

— Нет, — прервал его Ростислав. — Родион Геннадиевич, я, знаете, привык верить своим глазам. Не знаю насчет этого... Гургунх-эра, но кое-что увидеть довелось.

— Я тоже кое-что видел, — спокойно согласился учитель. — Вчера. И даже сегодня утром...

— Так объясните! Вы же что-то знаете!

— Не смогу... Мы действительно говорим на разных языках. Если бы вы могли мне просто поверить...

— Попытаюсь, — кивнул капитан. — Если что, сумею убедить полковника...

— Хорошо... — чуть подумав, согласился хозяин. — У меня три совета — знаете, совсем как в сказках... Волки — которые просто волки — думаю, вас не напугают. Но бойтесь тех, которые с красными глазами...

— Да... — хрипло ответил капитан. Учитель внимательно посмотрел на него и продолжил: — До Сайхена путь длинный, придется ночевать. Ночуйте где хотите, но не заходите в церковь Святого Ильи, хотя она как раз на поддороге. Лучше пройдите лишние десять верст.

— Церковь? Но почему?

— Она давно заброшена... Здешние жители боятся того места. Есть предание, что там служил какой-то расстрига или самосвят. Будете смеяться, господин Арцеулов?

— Нет... Не буду. А какой третий совет?

— Если у вас кто-нибудь, не дай Господь, погибнет...

Учитель замолчал, словно не решаясь закончить. Ростислав терпеливо ждал.

— Нет... Не стоит, — покачал головой хозяин. — А то вы примете меня за неизвестно что...

— И все-таки, — не сдавался Арцеулов. — Прошу вас...

— Хорошо... В этом случае сразу же отделите его голову от тела.

Как ни странно, услышанное почему-то совсем не поразило капитана.

— Я вас понял, — кивнул он. — Остается надеяться, что ваши советы нам все-таки не пригодятся...

— Дай-то Бог... — каким-то странным голосом ответил хозяин. Было видно, что он явно желает сказать еще о чем-то, но не решается.

— Вы что-то знаете? — понял Арцеулов. — Послушайте, я никому не буду говорить. Но я должен знать.

— Не уверен... Это не должен знать никто. Ну хорошо... Не скажу, но намекну. Вы ведь военный, господин Арцеулов. Вы должны знать, что иногда у человека можно заметить на лице... Не знаю, как это назвать... Такое выражение... Когда ему грозит опасность...

— Мы называли это Взгляд Ангела.

— Вы знаете это предание! — удивился учитель.

— У нас его знал каждый. Говорят, Ангел уже приходил к этому человеку, и в глазах у него запечатлелся взгляд Оттуда...

— Что-то вроде этого. Кое-кому из вашей группы грозит опасность. Очень большая опасность. Больше ничего говорить не буду, извините...

— Спасибо, — вздохнул Ростислав. — Не очень оптимистично, конечно. Впрочем, в любом случае благодарю вас.

Арцеулов долго не мог уснуть. Не то чтобы его до такой степени поразило услышанное. Капитан умел в подобные минуты заставить себя не думать о случившемся, отложив размышления до более удобного времени. Он просто запомнил все сказанное Родионом Геннадиевичем, решив по мере возможности следовать его советам. Что касаясь непонятной картины, увиденной сквозь ободок перстня, то Ростислав до конца не был уверен, что это не обман зрения. В общем, причина бессонницы была куда более прозаичной — Ростислав наблюдал за Косухиным. Он видел, что Степа, примостившийся в углу и укрывшийся с головой полушубком, не спит, хотя и старается лежать неподвижно и дышать ровно, словно спящий.

«Навязался на голову, краснопузый! — зло думал капитан, стараясь тоже не выдать своего бодрствования. — Шлепнуть бы его, и вопросов не было бы! Интересно, его начальники знали, что посылают этого Косухина на поимку родного брата? Если знали, то они или идиоты... Или очень даже умные. А что? Полковник не даст брата в обиду, господин краснопузый увидит и услышит все, что надо, а потом шлепнет меня, а остальных попросту сагитирует. Ведь это ученые, что им политика? Пообещает господин Троцкий миллиард на очередной «Мономах», и кто знает...»

Но, рассудив, Арцеулов вдруг понял, что не сможет, даже будь на то его воля, прикончить Косухина именно сейчас. Тогда, у избушки, — дело другое, тогда все было по-честному... В конце концов Ростислав решил, что попросту связал бы Степу, забрав полушубок, и оставил бы в этой деревне. Черт с ним, краснопузым, пусть дышит! Может, в следующий раз пощадит какого-нибудь офицера, все польза будет!..

Степа действительно не спал. Правда, он и не думал бегать или, к примеру, прирезать Арцеулова хозяйским хлебным ножом, который заметил еще за ужином. Косухин видел, что капитан не спит, но лишь усмехнулся. Пусть не спит, белая кость, все равно не уберезется, ежели чего! Но сейчас Косухину было не до капитана. Он почти не обратил внимания и на разговор с хозяином — все эти фольклорные предания, малопонятные намеки и ехидные реплики Семирадского были Степе малоинтересны. Правда, относительно волков он запомнил, пожалев, что у него забрали оружие. Случись чего, от серых сумеет отбиться разве что белый гад Арцеулов, а Степе останется лишь душить волков руками.

Впрочем, и о волках Степа размышлял как-то походя, без интереса. Степа думал о брате. В глубине души он никогда не верил, что Николай погиб, — он не видел брата мертвым, а расспросив знакомых летчиков, знал, что у летунов всякое бывает. Уже не первый год, таясь от всех, он ждал, что брат объявится откуда-нибудь из германского плена. Брат не погиб, но даже в страшном сне Косухин не ожидал, что встретит не вернувшегося из германского плена поручика, а белого полковника, за которым шла охота чуть ли не по всей Сибири. Правда, Николай уверял, что не воевал против красных и дня, но служил-то он все равно тем, с которыми уже не первый год сражался красный командир Косухин! Наука — вещь тоже классовая. Эту истину Степа усвоил еще с первого социал-демократического кружка на заводе.

Всего этого Косухину и так хватило бы за глаза, но был еще «Владимир Мономах», «эфирные полеты», которые, оказывается, совсем не то, что полеты на аэропланах и даже дирижаблях. Степан слабо мог представить себе те сотни верст, о которых говорила Берг, но от ее рассказа веяло жутью: его брат, его Коля, крутился вокруг Земли в какой-то стальной чушке среди дикого холода, темноты, да еще в «вакууме» — слово, которое Степа не понял, но запомнил.

«Спятели! — в очередной раз подумал Косухин. — Наука, чердынь-калуга! Собаку, что ль, запустили бы, если для науки нужно! Или кошку, опять же...»

Правда, то, что брат летал на этом «Мономахе», наполняло сердце Степы законной гордостью. Он вдруг подумал, что такого человека, как Николай, вполне могли бы запустить и первым, но этот Барятинский — небось знатного

рода, вот и сподобился... Не захотели великие князья запустить первым в «эфир» крестьянского сына!

В общем, мысли у Степы оказались несколько путанными. Твердо он знал лишь одно — брата не бросит и «Мономах» этот увидит. Уже засыпая, Косухин подумал, что пришлось бы делать, будь Николай обыкновенным беляком, пробиравшимся от гнева пролетариата в Монголию. Но вопрос этот оказался слишком сложен, и Степа забылся сном, так и не решив его.

ГЛАВА 8

Ночь Гургунх-эра

Наутро все оказалось хуже, чем думалось. По селу ходили разговоры, что волчьи следы опять видели у околицы, вдобавок домой не вернулся один из соседей, ездивший с сыном на дальнюю заимку. Лошади были в мыле, к ним было опасно даже подходить, а не то что пытаться запрячь в сани.

Впрочем, отступить было поздно. Родион Геннадиевич раздобыл где-то пять пар лыж — Степины догадались захватить с собой, — вещи распределили по «сидорам», и полковник приказал выступать. Учитель провожал их молча, не перекрестив на дорогу, и лицо у него было таким мрачным, что это заметил даже Степа.

«Ишь, чердынь-калуга, — неодобрительно подумал он. — Никак хоронит нас, анарх недорезанный!»

В лесу было тихо. Тучи за ночь разошлись, на небе неярко светило бледное зимнее солнце, ветер стих, идти было не просто легко, но и почти приятно. Почти — потому что слова о волках крепко засели у всех в головах; вдобавок Арцеулов имел две лишние заботы — следить за Степой и не забывать странные советы учителя-дхара.

Косухин шел впереди, рядом с братом — лесная дорога была широка и позволяла идти вдвоем плечо к плечу. Белый гад Арцеулов оказался в арьергарде, что Степана вполне устраивало — беляк был здесь определенно самым толковым и, если что, смог бы прикрыть остальных с тылу. Степа же надеялся на карабин брата, который, случись чего, поможет ему отразить атаку с фронта.

Волчьи следы увидели почти сразу. Их было много — и

на дороге, и в стороне, среди деревьев. Особенно часто встречались они на полянах; на одной из них, где на минуту остановились передохнуть, ночью побывало, по Степиным подсчетам, не меньше двух дюжин серых. Следы в основном попадались очень крупные, а некоторые оказались такого размера, что даже профессор удивленно качал головой.

— Слышь, Коля, — заметил Косухин, внимательно поглядывая по сторонам. — А чего это волки вами брезгают?

— Это как? — засмеялся старший брат, не ожидавший такой постановки вопроса.

— А так. Идете вы уже не первый день, так?

— Так, — кивнул полковник.

— О волках слышите каждый день. Так?

— Я тебя понял, — усмехнулся брат. — Мы о них слышим, но ни разу не видели. Ну, мало ли что? Нас все-таки пять человек, с тобой теперь шесть. Волки — они, говорят, умные...

— Ага, — хмыкнул Степа. — А я вот один шел, так даже следов не видел.

— Ты это к чему? — удивился Николай.

— А пес его ведает! Знаешь, будь это не волки, а... ну, беляки, например, я бы подумал, что нас попросту заманивают...

— Ну ты даешь! — вновь рассмеялся полковник. — Расскажи это профессору, будет забавно...

Степа не ответил. При зрелом размышлении собственная мысль показалась Косухину и в самом деле дикой и невероятной. Но, с другой стороны, будь он, к примеру, волчьим командиром — буде у волков таковые имеются, то поступил бы именно так. Как ни крути, а в результате они идут по лесу пешком, с двумя карабинами, а вокруг ни души: народ перепуган и сидит по избам или сторожит с ружьями околицы. Вдобавок никто из их группы врагов — то есть волков — в глаза не видел, а значит, потерял бдительность. В общем, засада выходила по всем правилам, если, конечно, волкам отчего-то были нужны именно они.

На обед остановились в маленькой пустой избушке с оторванной дверью, почти полностью занесенной снегом. Печь растопить даже не пытались — снег лежал не только на полу, но доставал до подоконников. Впрочем, никто особо не устал, напротив, все разгорелись и без особых проблем перекусили всухомятку. Лишь Семен Богораз в оче-

редной раз помянул свой бронхит, категорически отказавшись выпить причитавшийся ему глоток спирта.

— Неплохо прошли, — удовлетворенно заметил полковник, глядя на карту. — Пожалуй, заночуем у Святого Ильи. Холодно, конечно, зато все же крыша...

— Простите, господин полковник! — вскинулся Арцеулов, сразу же вспомнивший слова учителя.

— Это заброшенная церковь, — пояснил Лебедев. — Там пусто, ее бросили еще лет десять тому назад. Но нам, думаю, сойдет и она. Тем более ночевать больше негде.

— Господин полковник, а это не опасно? — не удержался капитан.

— Нечистой силы испугались, молодой человек? — тут же заинтересовался Семирадский. — Между прочим, в самую точку угадали — про здешнюю церковь такое рассказывают, что к ночи лучше не поминать.

— Я не про это, — Арцеулов невольно покраснел, почувствовав, что объясняться с профессором, да и со всеми прочими, будет нелегко. — Просто... Это идеальное место для засады!

— Для чьей засады? — полковник невольно взглянул на брата.

Косухин ничего не сказал и даже отвернулся. Ему стало не по себе — вспомнились слова товарища Венцлава об их будущей встрече у Сайхена. А ведь этот Арцеулов, того и гляди, прав...

— Полноте, батенька, — вмешался Семирадский несколько более примирительным тоном. — Едва ли нас господа комиссары догонят. Разве что на аэроплане...

Арцеулов и сам не думал, что краснопузыре сумеют каким-то образом пройти по зимней тайге из Иркутска им наперерез. Такое мог совершить только этот бешеный Косухин, но едва ли подобных фанатиков у большевиков избыток. Но мысль о засаде была хороша тем, что можно не поминать странные советы учителя.

— Извините, господин полковник, — настойчиво повторил он. — Я все же рискну настаивать. Кто бы нам ни встретился на пути, он эту церковь не обойдет. Лучше нам туда не сворачивать...

— Но нам негде ночевать! — растерянно ответил Лебедев и вновь взглянул на карту. — Тут была охотничья избашка верстах в восьми к западу, но ее, помнится, сожгли еще год назад. Сделаем так — подойдем и посмотрим...

— Лучше спросите у своего брата... — буркнул капитан. — Или позвольте мне. Допрос военнопленного не противоречит Гаагской конвенции.

— Ростислав Александрович! — не выдержала Берг, но капитан лишь упрямо мотнул головой.

— Я не намерен, господа, допрашивать родного брата, — спокойно и твердо ответил Лебедев. — Решено. Дойдем до места — увидим...

После этого разговора долгое время шли молча. Арцеулов был зол, причем не столько на неразговорчивого Косухина-младшего, сколько на самого себя. Он понял, что ничего не сможет объяснить своим скептическим спутникам. Арцеулов и сам ни за что не поверил бы подобной мистике, если б виденное им самим за последние дни не было, пожалуй, еще более невероятным. Красной засады он не особо боялся. Заглянув еще раз в карту, Ростислав прикинул, что у большевиков едва ли имелась физическая возможность обогнать их на пути к Сайхену. Разве что красные и в самом деле воспользовались аэропланом или дали радио какому-нибудь повстанческому отряду. Но ни в первое, ни во второе Арцеулову не верилось.

Между тем Степа, молча, с несколько насупленным видом скользивший «финским» шагом рядом с братом, думал о том же, хотя и с несколько иными выводами. В нечисть Косухин верил слабо. Виденное им в Иркутске не могло не заставить задуматься, но Степа, считавший себя истинным марксистом-материалистом, с легкой совестью относил все к достижениям науки или к природным явлениям, которые эта самая наука еще не познала. Беспокоило другое. Он не стал отвечать при всех ни на провокационный вопрос белого гада Арцеулова, ни на намек брата. Похоже, они не поверили в возможную засаду. Косухин же чем дальше, тем больше начинал беспокоиться.

Он знал то, чего не знали другие. Конечно, товарищ Чудов и местные дружинники не догонят отряд Лебедева. В Иркутске — это Степа тоже знал — имелись два «Фармана», но они находились в распоряжении уклониста и оппортуниста Федоровича, и едва ли такой головастый — хотя и откровенно не наш мужик — передаст аэропланы Чудову, оголив тем и без того слабую оборону. В повстанческое «радио», о котором думал Арцеулов, Степа не верил хотя бы потому, что по должности посланца Сиббюро не-

плохо знал расположения местных отрядов. Ни у Сайхена, ни в междуречье Китоя и Оки повстанцев не было.

Зато Косухин помнил о том, как Венцлав и его стран-ные бойцы с голубыми свастиками на шлемах прошли по ледяной тайге несколько сот верст. Прошли в легких шинелях и наверняка на голодном пайке. Конечно, даже бойцы 305-го, которых и пули не брали, все-таки не умели летать, но Степа не забыл слова Венцлава перед прощанием. Кроме того, Косухин хорошо запомнил жуткую красноглазую собаку — или волка, кто их разберет, — которая безошибочно вела его по ночному Иркутску. В общем, было над чем задуматься.

Степа помнил приказ и знал, что его брат, оказавшийся самим полковником Лебедевым, должен быть в интересах мирового пролетариата задержан. Значит, он, Косухин-младший, должен идти и помалкивать, тем более его ни о чем не спрашивают. Степа помнил, что всех присутствующих (кроме, естественно, Арцеулова) надлежит брать живыми. Значит, его брату, Наташе, профессору и хилому интеллигенту Богоразу ничего не грозит. Даже за беляка Арцеулова Степа был готов заступиться перед трибуналом — ведь капитан, как ни кинь, выполнял приказ в интересах науки.

Все было бы проще, не помни Степа о другом — о товарище Венцлаве. Командир 305-го знал правду с самого начала, но врал ему, Косухину, как малолетке. Степан не забыл страшную ночь у могилы Ирмана, застрелившегося штабс-капитана Мережко, которого он спас — спас ли? — от смертного допроса. Его брат может не захотеть отвечать Венцлаву. И тогда тот едва ли остановится перед своими «особыми» методами.

А самое главное, Косухин почти сразу сообразил, что группу, в которой он нежданно-негаданно очутился, вообще не имеет смысла задерживать. Ведь в любом случае ни Чудову, ни даже Венцлаву не достать до Китая, где находится «Мономах».

А раз так, куда надежнее просто попасть туда и увидеть все своими глазами. Если это в самом деле научный проект (а тут Степа верил брату), вреда для пролетарской революции не будет, а будет одна лишь польза, и немалая.

«Ну что, чердынь-калуга, — спросил сам себя Степа. — Сказать? Так ведь вроде измена выходит! Хотя какая измена...»

— Коля, — не вытерпел он. — Ты, эта...

Брат выжидательно повернул голову, Косухин вобрал в легкие побольше воздуха и резко выдохнул:

— В церковь не ходи... Ищут вас...

— Ты точно знаешь?

— Да ни черта я не знаю, чердынь-калуга, — огорчился Степа, уже жалея о сказанном. — Только не ходи, братан! В снегу переночуем, в конце концов, не помрем!

— Но ведь нас действительно не могли обогнать, тут профессор прав, — не особо уверенно возразил Лебедев.

— Да чего ваш профессор понимает! — окончательно расстроился Степа. — Найдут вас! Могут найти! Этот зверюга-капитан за карабин схватится — и положат вас всех рядком, без разбора! А мне чего потом делать, а?

— Ты же красный командир, — бледно улыбнулся Лебедев. — Ты же нас должен арестовать.

— А! — обиделся Степа и замолчал. Рассказывать брату о Венцлаве не хотелось — в такое сроду не поверишь.

Церковь открылась неожиданно — лесная дорога вывела на огромную поляну, посреди которой чернела небольшая церквушка, сложенная из почернелых от времени лиственниц. Рядом виднелись почти полностью утонувшие в снегу старые кресты заброшенного кладбища. При виде церкви маленький отряд немедленно остановился.

— Через час будет темнеть, — негромко заметил полковник. — Ваши предложения, господа?

Арцеулов не ответил, внимательно осматривая поляну. Человеческих следов он не заметил, только кое-где виднелись уже знакомые отпечатки волчьих лап.

— Снег шел два дня назад, — прикинул Семирадский, подумавший о том же. — Думаю, господа, если оставить версию о ведьмах на помеле...

— Они могли подойти с другой стороны, — Арцеулов говорил не очень уверенно, поскольку думал о другом. — Да и... вдруг здесь подземный ход!

— И пятнадцать человек на сундук мертвеца, — хмыкнул профессор.

— Жутковатое место, — внезапно заметила Берг. — Какая-то тишина здесь... странная, будто ненастоящая...

— Нервы, сударыня, вот что это! — наставительно за-

метил Семирадский. — Семен Аскольдович, вам тоже ведьмы мерещатся?

— Мне мерещится воспаление легких, — ворчливо ответил Богораз, в очередной раз кашляя. — Впрочем, господа, среди нас двое, можно сказать, профессиональных военных. Я в этих делах — пас...

Арцеулов и Косухин невольно переглянулись.

— У вас, кажется, есть бинокль, господин полковник, — заметил Арцеулов, машинально отмечая, что взгляд красного командира был какой-то странный, растерянный.

Полковник протянул Ростиславу цейсовский бинокль — и тот прильнул к окулярам.

Ничего особенного он не заметил. Увеличение лишь подтвердило уже увиденное — церквушка стояла, заметная снегом почти по самые окна, даже перед дверью намело немалый сугроб, возле которого ничего похожего на следы не было. Окна оказались заколочены досками, правда, в одном месте, ближе ко входу, несколько досок были сорваны. Капитан взгляделся внимательнее, — но перед окном никаких следов не обнаружил.

Он пожал плечами, подумал и неожиданно для себя протянул бинокль Косухину. Тот наблюдал долго, затем молча вернул «Цейс» брату.

— Ничего не увидел, — честно отрапортовал Арцеулов. — Но, господа... Может, не будем рисковать?

— Отчего же, батенька? — нетерпеливо возразил Семирадский. — Этак и вправду замерзнуть можно!

— Наш хозяин... Родион Геннадиевич, — решил наконец Арцеулов, — он не велел заходить сюда. Это место... Ну, плохое...

— Ага! — профессор произнес это таким тоном, что у капитана тут же пропала охота продолжать.

Между тем Степа лихорадочно соображал, вспоминая увиденное. Будь он на месте Венцлава — или любого другого командира, посланного наперерез беглецам, — лучшего места для засады не придумать. Правда, церковь казалась безлюдной... Степа подумал и твердо решил, что будь он командиром, то ни за что бы не сунулся сюда. Мало ли, что следов не видеть!

— Надо посмотреть с другой стороны... — проговорил он, взглянув на брата. — Там окна...

— Разрешите, господин полковник? — тут же отреагировал Арцеулов, не желавший отпускать краснопузого в

разведку. Лебедев подумал и молча кивнул. Арцеулов приложил руку к шапке и легко заскользил по опушке леса к дальнему концу поляны.

— По-моему, это лишнее, — продолжал возмущаться профессор. — Господа, это похоже на манию преследования, честное слово!

— Плохое место, — буркнул Степа, ни к кому не обращаясь. Странная церквушка нравилась ему все меньше и меньше.

Арцеулов вернулся минут через двадцать. За это время профессор успел произнести целую речь о вреде суеверий и об антинаучном мышлении современной молодежи. Ему никто не возражал, но и не поддерживал, если, конечно, не считать поддержкой надрывный кашель Семена Аскольдовича. Полковник ждал молча, время от времени поглядывая в бинокль. Косухин топтался рядом, посматривая то на брата, то на Наташу Берг. Та тоже не проронила ни слова, но выглядела, как заметил Степа, встревоженной. Наконец оказался Арцеулов, добросовестно объехавший поляну по периметру.

— Ни одного следа, — доложил он с несколько растерянным видом. — Сдаюсь, господа. Но... Не нравится мне все это!

Полковник кивнул и посмотрел на брата.

— Пес его знает, — пожал плечами Степа. — Может, и нет тут никого... Только место больно удобное. Могут окружить — и баста!

— Нас могут окружить просто в лесу, — резонно возразил профессор. — Здесь мы по крайней мере будем за стенами!

Спорить не приходилось. Полковник вновь кивнул и первым заскользил прямо через поляну. Степа попытался догнать брата, но Арцеулов, в свою очередь, прибавил скорость и занял место рядом с Лебедевым.

— Косухин, вам тоже это место не нравится? — Берг догнала Степу и оказалась рядом, отставая лишь на полшага.

— Не пойму я, Наташа, — честно ответил тот. — Вроде тихо все... Только чего-то не нравится, это вы в самую точку...

— Мне тоже, — согласилась девушка и невольно вздрогнула.

Косухин легко шел почти в затылок Арцеулову, пытаясь обмозговать свои сомнения. Ну, церковь как церковь, в

случае чего и отсидеться можно, тут этот профессор прав... Но что-то заставляло Косухина вновь и вновь поглядывать на приближавшиеся черные стены и забитые окна.

Нет, место определенно не нравилось. Будь он один или, к примеру, лишь с братом и даже с этим беляком-капитаном, точно бы ушел отсюда, пока не поздно, развел бы где-нибудь костер и перебеделовал ночь...

«А может, и поздно, — вдруг подумал он. — Вон окно-то открыто! Сидит там кто ни есть и целит в рабов Божьих...»

Неподалеку от входа полковник велел остановиться. Он кивнул Арцеулову, тот, пробравшись через высокий сугроб, подтянулся и заглянул в выбитое окно. Затем спрыгнул в снег и махнул рукой.

Первыми к двери подъехали Лебедев с профессором и стали утаптывать валенками глубокий снег. Арцеулов стоял рядом, с сомнением поглядывая на дверь. То, что он успел заметить, заглянув в окно, немного успокоило: в церкви было не просто пусто, но вдобавок пол занесло тонким слоем снега, попавшего через окно, и на этом белом ковре не было видно ни следочка.

— Стойте! — внезапно произнес Степа, когда снег у двери был утоптан, и полковник собирался потянуть за полуоторванную ручку. — Эта... Подождите...

— В чем дело, молодой человек? — хмыкнул Семирадский, уже предвкушавший вечерний отдых. — Вам был голос свыше?

— Не-а, — как можно спокойнее ответил Степа. — Тока эта... не спешите...

— А что там может быть, Степан? — удивился брат.

Косухин и сам не мог сказать толком, но в этот момент совершенно ясно понял, что входить внутрь опасно.

— Ну... эта... — попытался сообразить он. — Самострел могут приспособить. Веревку протянуть к курку... Или гранату подвесить...

«А ведь краснопузый прав, — тут же подумал Арцеулов. — Плохо, что я сам не сообразил».

Лебедев приказал отойти от дверей, Степа аккуратно потянул за ручку, тут же отпрыгнув в сторону и прижавшись к бревенчатой стене. Дверь со скрипом отворилась, так и оставшись висеть, чуть колеблясь на разошедшихся петлях. Ничего не случилось.

— Ну, хватит! — решительно заявил Семирадский. —

Будем считать, сегодня на нас всех напала нервная горячка! В знак посрамления суеверий вхожу первым!

— Стой, профессор! — закричал Степа, сам не понимая почему. — Не входи, чердынь!

Семирадский, не оглядываясь, помотал головой и перешагнул порог. Степа весь сжался и почему-то закрыл глаза. И тут же в уши ударил сухой короткий звук, затем еще и еще...

«Винтарь! — понял Косухин. — Ах ты, елы!..»

При первом же выстреле Арцеулов похолодел, сообразив, что они все-таки попались. Сорвав с плеча карабин, он оттолкнул полковника, стоявшего у самых дверей, и одним прыжком оказался внутри.

Вспышку третьего выстрела Ростислав успел заметить — били из-за алтаря. Четвертая пуля прошла над головой капитана, он упал на колени и тут же врезал прямо по вспышке. Он бил точно и расчетливо, остановившись лишь после того, как опустел магазин...

Невидимый враг не отвечал. В церкви вновь стало тихо, на белом снегу, покрывавшем пол, по-прежнему нельзя было заметить ни единого следа. Профессор лежал у входа ничком, и его поза сразу же не понравилась капитану. Еще на что-то надеясь, он перевернул тяжелое тело Глеба Иннокентьевича, хотел расстегнуть полушубок, но не стал этого делать.

Все было и так ясно — одна из пуль попала точно в горло, чуть ниже «адамова яблочка».

Арцеулов скрипнул зубами и стал аккуратно заряжать карабин. Тот, кто стрелял, мог и уцелеть, и капитан не хотел зря рисковать. Тем временем в церковь вошел Лебедев и тут же отшатнулся при виде мертвого тела.

— Погодите, господин полковник, — сморщился Арцеулов, щелкая затвором. — Я должен посмотреть...

Он взял оружие на изготовку и шагнул к алтарю. Если этот «кто-то» не носит железной брони, то сейчас он должен лежать там, за почернелыми ликами икон. Капитан знал, что едва ли мог промахнуться, впрочем, легче от этого не становилось. В случившемся был виноват прежде всего он. В этой компании интеллигентов он один понимал, что не все на войне определяется формальной логикой. Арцеулов не поверил этому ровному нетронутому снегу, но все же допустил, чтобы они сунулись в западню.

За алтарем было тихо, но Ростиславу показалось, что он

слышит чье-то хриловатое дыхание. Капитан сжал в руках карабин и ногой распахнул почерневшую резную дверцу.

Слабый неровный свет упал в дверной проем. На противоположной стороне темнели свежие пулевые отверстия, пахло порохом, но ни трупа, ни живого врага за алтарем не было.

— Спокойно, спокойно, — шептал Ростислав, осторожно оглядывая узкое тесное помещение. — Двери нет... люка нет... Да какой тут, к шуту, люк! Стоп, углы...

В углах лежала густая тень, но в этой тени человек, даже ребенок, спрятаться все же не мог. Арцеулов на всякий случай ткнул прикладом в один из углов, справа от себя, но металлическая прокладка лишь тупо ударилось о дерево.

— Все, сдаюсь! — безнадежно вздохнул капитан, на всякий случай делая шаг влево. И тут в черной глубине что-то шевельнулось. Арцеулов вскинул винтовку, но опоздал — нечто бесформенное, напоминающее сгусток темного тумана, пронеслось мимо него, обдав ледяным холодом. Ростислав бросился к резной дверце, но успел увидеть лишь серую тень, исчезающую в дверном проеме.

— Ах ты, чердынь! — Серую тварь Степа распознал тут же, как только в темном проеме алтаря мелькнули горевшие красным огнем глаза. Остальное случилось слишком быстро — собака (если, конечно, это была собака) молнией пронеслась к двери, проскользнув в полушаге от братьев. Еще не очень соображая, что делает, Косухин вырвал из рук полковника карабин и выстрелил навскидку. Серая тварь дернулась, но лишь ускорила бег.

Вторую пулю Косухин послал, уже прицелившись. Собака вновь дернулась, даже подпрыгнула, но, словно заговоренная, продолжала мчаться к опушке. Третью пулю Степа пожалел, сообразив, что свинец может пригодиться для тех, кто принимает его более всерьез. Он опустил оружие и нехотя повернулся.

Первое, что он увидел, — это ствол карабина, целившийся ему прямо в лицо. Палец Арцеулова лежал на спуске.

— А-а! — понял Степа. — Да ну вас...

Он не спеша отдал оружие брату и отошел в сторону.

— Господа, что происходит? — послышался голос Берг. Наташа стояла в стороне, пытаясь подойти, но Богораз не подпускал ее к дверям. — Что с Глебом Иннокентьевичем?

Ей никто не ответил. Лебедев взглянул на капитана, тот медленно покачал головой.

— Позвольте, господа! — на этот раз не выдержал и Богораз. — Это не мое дело, но, по-моему, нам всем грозит опасность!

— Это я виноват, — выдавил из себя полковник. — Надо уходить...

— Позвольте! — не унимался Семен Аскольдович. — Я вынужден присоединиться к вопросу Натальи Федоровны! Что с господином профессором?

— Убит, — без всякого выражения сообщил Арцеулов и, взглянув в сторону покинутой опушки добавил, — а уходить, похоже, поздно...

...Там, где только что не было ничего, кроме нетронутого снега и черных стволов лиственниц, теперь темнела ровная цепь. Собаки стояли недвижно, повернув морды к людям, зримо показывая невозможность отступления.

— В церковь! — скомандовал капитан. — Теперь уж, похоже, все равно...

При виде тела Семирадского Берг вскрикнула, а Богораз мрачно насупился и неловко перекрестился. Степа, заходивший последним, плотно прикрыл дверь и задвинул засов.

— И все-таки я не понимаю, — растерянно проговорил Лебедев. — Господин капитан! Здесь же никого нет. Не было... Кроме собаки...

«Это не собака», — хотел ответить Арцеулов, но промолчал. Объяснять было долго, да и едва ли ему поверят. Он подошел к окну, заглянув в щель между досками, — собаки стояли там же, не двигаясь.

— Теперь я поняла, Ростислав Александрович, о каких собаках вы говорили, — прошептала Берг. — Господи, какой ужас! Что же мы теперь будем делать... без Глеба Иннокентьевича?..

— Боюсь, что скоро мы будем ему завидовать, — сорвалось с языка у капитана, и он тут же пожалел о сказанном. Наташа отшатнулась, а Богораз втянул голову в плечи.

— Господин Арцеулов... Степа... — тихо проговорил полковник, поглядывая то на брата, то на мрачного насупившегося капитана. — Прекратите играть в красные-белые! Хотя бы на время, черт вас возьми! Речь ведь идет не только о наших с вами жизнях! Скажите, что нам делать?

— А я че? — спокойно ответил Косухин-младший, пожимая плечами. — Давай, братан, карабин, будем разбираться...

— Ни за что! — резко выдохнул Арцеулов. — Господин полковник, извините, но я не уверен, что ваш брат не с этими... этими...

— Дурак ты, капитан!.. — только и проговорил Степа, усаживаясь прямо на бревенчатый пол и поднимая воротник полушубка. Правда, он и сам не был уверен, как поступил бы на месте этого беляка. Или этот гад думает, что он отдаст Николая серым тварям?

— Отставить, капитан, — резко ответил Лебедев. — Вам должно быть стыдно за свои слова! В любом случае я старше вас по званию. Так что под мою ответственность... Степан, бери оружие!

— Так точно. Под вашу ответственность, — холодно ответил Ростислав, поворачиваясь к братьям спиной и вновь подходя к окну. Степа, криво усмехнувшись, медленным ленивым движением взял оружие, тут же вскочил и занял позицию у другого окна.

— Что делать мне, господа? — Полковник достал револьвер и провернул барабан, проверяя наличие патронов.

— Будете в резерве, господин полковник, — не оборачиваясь, ответил Арцеулов. — Займитесь Глебом Иннокентьевичем. И скажите господину Косухину, чтобы он выполнил мои приказы.

— Ага, — согласился Степа. — Рад стараться, твое благородие!..

Тело Семирадского уложили неподалеку от алтаря, накрыв полушубком, а в изголовье поставили найденный возле одной из икон огарок свечи. Берг стояла рядом и неслышно шептала молитву. Бледный, нахохлившийся Богораз пристроился чуть сбоку, его очки сбились к самому носу, и весь его вид напоминал скорее замерзшего и совершенно несчастного мальчишку-гимназиста, чем выдающегося молодого ученого.

— Без него мы ничего не сделаем, — наконец выговорил он, сглотнув. — Теперь уже все равно...

Берг покачала головой, но ничего не ответила и лишь погладила Семена по плечу.

Собаки по-прежнему не двигались. Со стороны это выглядело жутковато — псы застыли, словно нелепые страшные скульптуры, поставленные зачем-то вдоль опушки. Степа, стоявший возле окна, уже пару раз порывался взять

одну из них на мушку, но каждый раз сдерживал себя. Будь это даже обыкновенные волки, на всех все равно не хватит патронов.

Степа слышал, как Арцеулов подошел и стал рядом, заглядывая в проем, но не сдвинулся с места. Он вдруг заметил, что несколько собак задвигались, оглядываясь по сторонам, а затем отбежали влево и вправо, словно освобождая путь кому-то невидимому.

Ростислав тоже заметил это и понял, что обстановка — и без того невеселая — начинает меняться, причем едва ли в их пользу. Он неприязненно поглядел на Косухина, вновь подумав, как поведет себя краснопузый, если начнется приступ. Тем временем Степа начал медленно сдвигаться вправо и вскоре уже стоял перед оконным проемом, словно именно здесь было самое безопасное место.

«И не боится, — зло подумал Арцеулов. — А чего ему бояться, небось своих увидел!»

Тут Ростислав был не прав. Степа был храбр, но осторожен, и ни в коем случае не стал бы «подставляться» в такой неясной ситуации. Он и не собирался этого делать. Как и Арцеулов, он заметил странный маневр серых тварей, и вдруг его непреодолимо потянуло прямо к окну.

«Чего это я? — вяло подумал Косухин, но сил сопротивляться не было. Он как прикованный застыл, глядя на поляну, механически отмечая, что собаки, отбежав в стороны, вновь замерли как вкопанные. И тут в освободившемся промежутке воздух стал сгущаться, над сиреневым в закатном солнце снегом за клубился невысокий столбик тумана, сквозь который начало медленно проступать что-то темное. Степа испугался, поняв, что надо немедленно отодвинуться к безопасной стене, но невидимая сила по-прежнему прижимала его к оконному проему, подавляя волю и гася сознание.

«Сейчас знаки небось подавать начнет, — предположил капитан, вновь и вновь мысленно кроя солдатским трехэтажным излишнюю доверчивость полковника. — Хорошо б этого сейчас... из карабина...»

И вдруг его охватило чувство неведомой тревоги. Он удивился, не понимая, что могло еще случиться, но тут его правую руку пронзила боль — серебряный перстень внезапно сжался, сильно сдавив палец.

«А если...» — вдруг мелькнула и погасла короткая, тут же оборвавшаяся мысль. В то же мгновение Арцеулов рез-

ким движением сбил Косухина на пол и, не устояв на ногах, упал прямо на него. Пуля, слегка задев одну из досок, закрывающих окно, со свистом вошла в деревянную стену над алтарем. Ростислав тут же перекатился в сторону и вскочил. Степа тоже был уже на ногах, но теперь оба прижимались к стене, стараясь держаться подальше от окна.

«Как же так? — поразился капитан, осторожно выглядывая в узкую щель и тут же отшатываясь. — Выходит, в него свои били? Или не распознали?»

Степа подумал о том же. Правда, он удивился несколько меньше, вспомнив товарища Венцлава. Он прикинул, что гибель уполномоченного Сиббюро Косухина будет смотреться вполне естественно и лишних вопросов ни у кого не вызовет. И тогда уже некому будет сообщать товарищу Троцкому о том непонятном, что довелось увидеть в Иркутске, и не только в Иркутске.

«И про «Мономах» никто правды не скажет, — внезапно понял Степа. — Что ж это выходит? Измена?»

Впрочем, в эту минуту красного командира мучил и другой вопрос: должен ли он поблагодарить белого гада Арцеулова, или беляк обойдется? В конце концов Степа хмуро поглядел на капитана и процедил:

— Благодарствую, гражданин Арцеулов.

— Не за что, мсье Косухин, — ответ был выдержан в том же тоне.

— Степа! Ты не ранен? — Лебедев, неловко пригибаясь, тоже подошел к окну и теперь стоял рядом с братом.

Косухин не ответил. Он глядел в щель, пытаясь понять, что происходит на поляне. Арцеулов тоже глянул и тут же отшатнулся.

Столб тумана медленно двигался к церкви. Серые твари не спеша следовали за ним, ровно, словно соблюдая строй. Все происходило в полном молчании, будто кто-то, стоящий над всем этим, внезапно стер звук.

— Коля, назад! Иди назад! — вырвалось у Косухина.

— Но... — нерешительно проговорил полковник. — Что там?

— Гости, — ответил вместо Степы Арцеулов. — Господин полковник, прошу вас... И держите дверь под прицелом!

Лебедев, помешкав еще секунду, послушно отошел к алтарю, держа револьвер наготове.

— Косухин! Куст видите? — Арцеулов ткнул стволом в

небольшой, почти полностью засыпанный снегом кустик метрах в пятнадцати от двери. — Подойдут — бейте!

— Ага, — кивнул Степа, чувствуя, как азарт боя, хотя и почти безнадежного, начинает овладевать им. — Пусть эти... на пол...

— Господа! — крикнул капитан, оборачиваясь назад и прикидывая, где лучше укрыться от пуль. — Как только начнем стрелять, падайте на пол! Господин полковник, вы тоже! И держите дверь!

Собаки были уже близко, их красные глаза горели, а пасти весело скалились. Серые твари чуяли близкую победу. То, что казалось ключьями тумана, внезапно стало таять, растворяясь в наступающих сумерках.

«Или привиделось?» — удивленно подумал Степа и вдруг почувствовал, как ледяной холод, куда более страшный, чем уже привычный мороз, охватывает голову и кисти рук.

— Ах ты черт! — Из рук Арцеулова внезапно выпал карабин, он схватился за голову, пытаясь сдержать подступившую к вискам невыносимую боль. В ту же секунду рука полковника бессильно разжалась, и револьвер с глухим стуком упал на пол.

Степа пытался схватить упавший карабин, но заледеневшая ладонь не хотела сжиматься. Арцеулов тихо стонал, не в силах открыть глаза. И тут засов двери начал мелко дрожать и медленно пополз в сторону.

— Дверь... — безнадежно проговорил Степа. — Братан, дверь...

В эту секунду, как и в далеком детстве, ему вдруг показалось, что старший брат, такой сильный и смелый, никого и ничего не боящийся, обязательно поможет. Полковник, преодолевая охватившую его слабость, медленно встал, вновь сжимая в руке оружие.

— Не бойся, Степа, — лицо Лебедева стало спокойным, он даже попытался улыбнуться. — Я здесь...

Задвижка отошла в сторону, вывалилась из пазов и негромко ударилась о бревна, покрывавшие пол. Дверь за скрипела и начала медленно отворяться. Полковник не спеша поднял револьвер и нажал на курок. Сухо клацнул спуск, но патрон остался в стволе. Лебедев, чуть подумав, сунул револьвер в карман и шагнул вперед.

Дверь, скрипя, отворилась и повисла на перекошенных петлях. В четырехугольном проеме, на фоне сиреневого

снега, выросла высокая темная фигура в шинели и островерхом матерчатом шлеме.

— Что вам угодно? — голос полковника прозвучал неожиданно сильно и властно.

— Мне угодно войти, господин Лебедев, — высокий в шинели не спеша перешагнул порог и с интересом огляделся. — Господа, я не оригинален и не люблю стрельбы в упор. Надеюсь, вы будете благоразумны.

Он легко махнул рукой, и Арцеулов почувствовал, как боль отпускает его. Степа облегченно вздохнул и легко поднял с пола карабин.

— Можете считать меня парламентаром, — продолжал гость. — Позвольте представиться — Венцлав, командир 305-го полка Рабоче-крестьянской Красной армии...

— Слушаю вас, — полковник невольно оправил полушубок и отряхнул налипшие на него снежинки. — Чему обязан?

— Многому... — Венцлав неторопливо шагнул мимо Лебедева и бросил беглый взгляд на прижавшегося к стене Степу. — Вы неплохо защищались и еще лучше удирали. Я не в обиде, господа. Но игра кончилась, вы окружены, и теперь самое время выслушать мои условия...

Он бросил иронический взгляд на Арцеулова и очень внимательный, цепкий — на застывших возле мертвого тела профессора Берг и Богораза. В его глазах, как показалось Степе, сверкнул огонек злого удовлетворения.

— Итак, мои условия, господа. Прежде всего вы освобождаете пленного...

Венцлав вновь поглядел на Степу, и тому вдруг почему-то чрезвычайно не захотелось освобождаться.

— Далее, вы сдаете оружие и отправляетесь в Иркутск, а оттуда через некоторое время в столицу. Там вам предоставят возможность для научной работы. Никто из вас, включая господина Арцеулова, не будет подвергнут судебным или внесудебным репрессиям...

— Итак, охота за нами нужна, чтобы определить нас на службу? — резко бросила Берг. — Не скромничайте, господин Венцлав!

— Мне незачем скромничать, — спокойно ответил командир полка, внимательно глядя на девушку. — Моя цель не только в этом. «Мономах» не должен взлететь, сударыня!

«Выходит, он знал! — мелькнуло в голове у Степы, по-

сле чего его последние сомнения развеялись. — Все знал! Да что же это?»

Тем временем Арцеулов, не сводя глаз с краснолицего, незаметно сунул руку за отворот полушубка, где лежал «бульдог». Но в последний момент рука остановилась. Капитан вспомнил ночную улицу, выстрелы Казим-бека, а затем ровную шеренгу красноармейцев в высоких шлемах. Этого типа не берут пули... Зато ему очень не нравится перстень!

Ростислав осторожно поднял правую руку, прикидывая, что можно в этой ситуации сделать. Перстень способен испугать серых оборотней, пробивает Непускающую Стену. В старинных сказках перстнями заряжали ружья против Нечистого. Ну, что ж...

Капитан быстро снял кольцо, показавшееся ему необыкновенно тяжелым и холодным. Потом, взвесив его в руке, прикинул расстояние между собой и головой в суконном шлеме. Но он не успел — Венцлав резко повернулся, тонкая красная ладонь рассекла воздух, и выпавший из руки Ростислава перстень покатился по полу. Глаза краснолицего зло сверкнули, ладонь вновь мелькнула перед лицом в каком-то странном жесте.

— Я же говорил, что перстень вам больше не поможет! Сидите смирно, господин Арцеулов! Это в ваших интересах...

Он вновь отвернулся. Рука капитана метнулась к перстню, но пальцы лишь ударились о твердую невидимую преграду.

«Непускающая Стена, — вспомнил Арцеулов. — Ловко...»

Перстень лежал совсем рядом, но рука напрасно скользила по твердой, словно сталь, невидимой поверхности. Капитан, стараясь двигаться как можно тише, попытался добраться до перстня сбоку, но понял, что Непускающая Стена накрывает серебряный амулет, словно колпак. Похоже, краснолицый Венцлав знал, что делает...

Между тем на минуту-другую в церкви воцарилось молчание. Венцлав стоял неподвижно, заложив руки за спину и еле заметно покачиваясь с пятки на носок. Он ждал.

— Нам не о чем вести переговоры, — наконец ответил полковник. — Каждый из нас выполняет свое задание, господин Венцлав. Могу лишь удивиться, что власть большевиков ставит своей целью срыв важнейшего научного экспе-

римента. Боюсь, что слухи о вашем варварстве близки к истине. Что касаясь прочего, то мы намерены защищаться. Впрочем, я согласен отпустить господина Косухина, если, конечно, он сам захочет...

— Не-а, — перебил его Степа. — Я останусь...

— Бойтесь за брата? — Венцлав, резко повернувшись на каблуках, пристально поглядел на Косухина. — Так поговорите с ним, Степан Иванович!

— О чем? — Степе было страшно, но он взглянул на спокойное лицо брата и набрался смелости. — О генерале Ирмане, чердынь-калуга?! Или о собачках ваших?

— Товарищ Косухин, — в голосе Венцлава, внешне равнодушном, мелькнуло что-то похожее на тревогу. — Не забудьте, что существует понятие «измена». Я понимаю, что вы беспокоитесь за брата, но его жизнь зависит от вас. Может, вас не стоило вообще посылать на это задание, но настоящую фамилию господина Лебедева мы узнали только после вашего отбытия...

«А ведь он прикончит парня!» — вдруг отчетливо понял Арцеулов, и ему почему-то стало жаль Степу. Может, дело было не в самом Косухине, а в том человеке — да и человеке ли? — который требовал его выдачи. Ростислав взглянул на недоступный перстень и еле удержался от удивленного возгласа — серебро светилось. В затоплявших церковь сумерках свет казался ярким и очень резким, но его лучи бесильно отражались от невидимой преграды, создавая внутри нее светящуюся сферу. Ростислав протянул руку — Непускающая Стена, казалось, потеплела, но по-прежнему была неприступна.

— Итак, Степан Иванович? — поторопил Венцлав. — Я жду.

— Я остаюсь, — Степа отвернулся.

— Как хотите, — пожал плечами краснолицый. — В этом случае я в силу своих полномочий объявляю вас вне закона...

Внезапно он махнул в воздухе рукой, и полковник почувствовал, что его сковала неведомая сила, мешающая двинуть даже кончиком пальца. Венцлав усмехнулся тонкими ярко-красными губами. В следующую секунду у него в руке оказался револьвер. Ствол целил прямо в голову Степы.

«Падай, краснопузый!» — хотелось крикнуть Арцеулову, но голос застревал в горле, все тело охватила страшная слабость, а в виски вновь ударила боль.

— Господин Венцлав! — крикнул Лебедев, но палец краснолицего уже лежал на спусковом крючке.

— Убирайтесь в ад, Косухин! — процедил он, и щека его еле заметно дернулась.

Ударил выстрел, затем другой. Но стрелял не Венцлав. Он-то как раз и не успел выстрелить — пули пробили его кисть, и револьвер вывалился из разом повисшей руки. В ту же секунду Арцеулов почувствовал, как исчезли слабость и боль, а серебристое сияние, до этого запертое в тесной сфере, вырвалось на волю. Капитан схватил перстень и метнул его в краснолицего.

Удар пришлось по груди. Перстень, легко отскочив, упал на пол, и Арцеулову на миг показалось, что ничего так и не случилось. Но внезапно Венцлав зашатался, из горла вырвался хрип, а затем по серому сукну шинели проступили темные пятна. Запахло паленым. Венцлав дергался, пытаясь сбить левой рукой охватившее его пламя, но огонь разгорался, шинель пылала. Вспыхнул высокий суконный шлем, и через несколько секунд огонь охватил все его тело.

— О Господи! — прошептала Берг. Все остальные молчали, заворожено глядя на жуткое зрелище.

Кожа начала чернеть и отваливаться кусками. Венцлав по-прежнему стоял, но теперь обе руки висели неподвижно, затем тело зашаталось и с глухим неживым стуком рухнуло на пол. Внезапно огонь стих, все окуталось густым клубящимся дымом, который стал постепенно сгущаться, а затем потянулся к раскрытой двери. Через несколько секунд все было кончено — клочья тумана уползали в вечерние сумерки, а на полу остался лишь еле заметный след гари.

— Аминь, — хрипло проговорил Арцеулов, бросаясь к двери и закрывая засов.

Степа шумно вздохнул и передернул затвор карабина.

— Господа, а кто стрелял-то? — вдруг сообразил Ростислав, удивленно оглядываясь.

— Семен Аскольдович, — ответила Берг, и в ее голосе мелькнуло удивление.

— Совершенно неинтеллектуальное занятие! — Богораз, брезгливо поглядев на револьвер, небрежно сунул его в карман полушубка. — Если бы этот монстр не целился в господина Косухина...

— Спасибо, Семен! — откликнулся Степа. — Выходит, выручил...

— Оставьте, господин Косухин, — скривился студент, поправляя сползавшие на нос очки. — С такого расстояния не попасть в запястье...

— Вы прекрасно стреляете, господин Богораз, — возразил полковник. — Но почему вы стреляли в руку?

Семен Аскольдович пожал плечами:

— Покойный Казим-бек пытался стрелять в сердце, насколько вы помните — безрезультатно. Я решил попробовать перебить кость. Ведь кем бы ни был этот монстр — он не призрак, значит, кости его скелета состоят из такого же кальция, как и у нас, грешных. Впрочем, в научном отношении куда любопытнее его реакция на ваш перстень, господин Арцеулов...

— Обсудим потом, господа, — вмешался Лебедев. — При всей невероятности происходящего надо все-таки подумать о дальнейшем.

— Коля, погляди, — перебил его Косухин, кивая на окно. — Только осторожно, не подставляйся...

Полковник, подойдя ближе, выглянул наружу. Через минуту он покачал головой и медленно отошел назад.

Там, где только что темнела окружавшая церковь собачья свора, теперь стояла ровная цепь бойцов в высоких суконных шлемах.

— Вот, значит, что это за собаки! — негромко проговорил Арцеулов. — Теперь понятно, кто стрелял в господина Семирадского... Эх, гранат нет...

— Ваш перстень, Ростислав Александрович, — напомнила Берг. — Положите его у дверей.

Арцеулов тут же последовал этому совету, но затем огляделся и с сомнением покачал головой:

— Окна... Право, не знаю, господа. Остается по примеру господина Богоразы сокрушать им кости...

— Сколько их! — удивился Степа, пытаясь подсчитать темные силуэты. — Не меньше роты, чердынь-калуга!

— Странно. Они не двигаются, — заметил полковник. — Может, растерялись без этого Венцлава?

— Они ждут, — возразила Берг и вздрогнула. — Вы чувствуете, господа? Что-то происходит...

Все замолчали и прислушались, но в старой церкви ничего не изменилось. Лишь темнота медленно затопляла все вокруг, отчего и без того невеселая обстановка казалась еще более мрачной.

— Не бойсь, Наташа, — бодро ответил Степа. — Сейчас мы свечи сообразим...

Он зажег несколько уцелевших огарков, огонь осветил темные лики икон, но маленькие островки мерцающего света лишь сгустили навалившуюся мглу. Берг нашла еще один огарок и поставила у изголовья Семирадского, рядом с уже погасшим.

— Хорошо бы продержаться до утра, — ни к кому не обращаясь, проговорил Лебедев.

— Утром могут подойти новые, как говорит господин Богораз, монстры, — возразил Арцеулов. — Да и вряд ли они доставят нам подобное удовольствие...

— Похоже, перстень господина Арцеулова все-таки их сдерживает, — с некоторым интересом заметил Богораз. — Очень, очень любопытно...

— Они хотят нас взять изнутри, — заметила Берг, осторожно оглядываясь. — Господа, неужели вы не чувствуете?

— Да ну, Наташа! — бодро заявил Степа, подходя поближе к девушке. — Отобьемся, чердынь-калуга!

— Спасибо, Косухин, — улыбнулась Берг. — Ну, конечно, с вами я спокойна...

Арцеулов покосился на Степу, но промолчал. Он, конечно, понимал, что Степа говорит вовсе не то, что думает, да и самому ему было невесело. Он вдруг вспомнил совет их странного знакомого Родиона Геннадиевича.

Арцеулов поглядел на неподвижное тело Семирадского, еле видимое при слабом свете свечного огарка, и вздрогнул. Надо отделить голову от туловища. Но зачем?

Ростислав посмотрел на Лебедева, затем на застывшую рядом с телом профессора девушку, на почти незаметного в темноте Богораза. Нет, он не сможет предложить им такое. Гибель профессора и так была для них трагедией. Правда, оставался еще этот краснопузый...

Арцеулову не хотелось разговаривать со Степой, но он догадывался, что только Косухин может что-то понимать в происходящем. Капитан чуть поморщился и подошел к Степе. Тот удивленно оглянулся.

— Господин Косухин, давайте отойдем в сторону...

Степа молча подчинился. Они шагнули в темный угол и остановились рядом с холодной стеной.

— Господин Косухин, — повторил капитан. — Вы... догадываетесь, что нам грозит?

— Да подождут нас, чердынь-калуга, — недружелюбно ответил Степа, думавший об этом уже давно.

— Нет, я не об этом. Я имею в виду возможности этих... нелюдей.

— Не знаю... Пули их, чердынь-калуга, не берут...

— Послушайте, господин красный командир! — резко заметил Ростислав. — Наша жизнь здесь не стоит и гроша, и вы это понимаете не хуже меня. Мне на вас наплевать, вам на меня — тоже. Но здесь ваш брат, госпожа Берг и господин Богораз, который, между прочим, только что спас вам жизнь!

— Ты на сознательность не дави, беляк! — зло бросил Степа. — Я что, чердынь-калуга, совсем дурак, не понимаю, что ли? Только сделать мы ничего не можем...

— О чем вы? — тут же переспросил капитан, чувствуя, что Степа действительно что-то знает.

— Этот Венцлав может мертвяков поднимать, — неохотно проговорил Косухин. — Сам видел...

— Значит, правда... Господин Косухин, мне сказали...

Он не договорил. Внезапно по всей церкви пронесся тихий стон, шедший, казалось, из-под земли. Стены задрожали. Вначале дрожь была мелкой, почти незаметной, но затем послышался треск, заскрипели сдвинутые с места иконы, потом послышался глухой стук — одна из икон, сорвавшись с места, упала на пол.

— Господа, к центру! — скомандовал Лебедев. — Ближе!

Они стали прямо под куполом, держась плечом к плечу. Арцеулов и Степа загородили собой Наташу, стараясь, чтобы девушка была посередине. Церковь продолжала дрожать, но к стуку дерева прибавился какой-то новый звук, похожий на скрежет. Он доносился отовсюду — и сверху, и с боков, но более всего — из-под бревен пола. Казалось, чьи-то гигантские когти скребут из-под земли, пытаясь добраться до людей. Затем послышался стук — кто-то бил в стены, от чего зашатались и начали сходить с мест доски, закрывавшие окна.

— Похоже на землетрясение, — голос полковника оставался спокойным. — Господа, ваши предложения?

— Уходить надо, — бросил Арцеулов. — Лучше уж к этим псам...

— Посмотрите! — Рука Берг указывала куда-то в сторону, и вначале никто даже не понял, что случилось. Арцеулов лишь заметил какое-то странное движение там, где ле-

жало тело профессора. Он всмотрелся в темноту — полушубок, которым был накрыт Семирадский, медленно сползал в сторону.

— О Господи! — полковник перекрестился. — Что же это?

Полушубок дернулся и упал. Тело Семирадского билось об пол, мертвые руки упали вдоль тела, заочевенвшие пальцы начало сводить судорогой.

— Куда надо стрелять? — шепнул Арцеулов, склонившись к уху Степы.

— В голову, — Косухин сглотнул. — Только не знаю, поможет ли...

Мертвое тело продолжало биться, затем голова дернулась и начала медленно приподниматься. Берг тихо вскрикнула, но сдержалась, закрыв рот рукой. Богораз, растерянно сняв очки, протирал стекла, не очень доверяя собственным глазам. Арцеулов понял, что нужно действовать немедленно.

— Господа! Отойдите ближе к стене, — скомандовал он, доставая револьвер. — Наталья Федоровна, вам лучше отвернуться...

Мертвое тело профессора на миг застыло, затем руки со скрюченными пальцами стали медленно сгибаться в локтях. Мертвец уже не лежал, он полусидел, время от времени подаваясь вперед, словно какая-то неведомая сила поднимала его со смертного ложа.

— Что же это они делают? — прошептал полковник. — Степа, ты что-нибудь понимаешь?

Косухин не ответил. Вспомнилась страшная ночь на старом иркутском кладбище, мертвое лицо генерала Ирмана... Он поднял карабин и нерешительно поглядел на брата.

— Пойдите, Косухин, — рука Берг коснулась его плеча. — Может, Глеб Иннокентьевич жив... Ведь этого же... такого не бывает...

— К сожалению, бывает, — ответил вместо Степы капитан, вспомнив рассказ о тибетском монастыре. — Отойдите, господа, прошу вас!

Тело профессора уже сидело, затем мертвые руки мощно уперлись в почерневшие бревна пола, и покойник начал, чуть пошатываясь, вставать. На уже успевшем заочевенеть лице что-то вздрогнуло, затрепетали посиневшие веки, медленно открылись глаза. Это были не добродушные и всегда

ироничные глаза Семирадского — взгляд был тяжел и злобен, как будто кто-то другой смотрел через них на мир.

— Глеб Иннокентьевич! — растерянно произнес Богораз. — Если это вы...

— Подойдите сюда, Семен Аскольдович! — хриплым низким голосом ничем не напоминал профессорский, но Богораз, как замороженный, замер, а затем сделал шаг вперед.

— Семен! Куда? — Косухин потянул студента за рукав, но тот с неожиданной силой вырвался и шагнул к мертвецу. Побелевшие губы Семирадского дрогнули в нечеловеческой усмешке, скрюченные пальцы потянулись вперед. Богораз медленно, как будто через силу, сделал еще шаг. Мертвец, чуть покачиваясь, наклонился вперед, почти доставая кончиками пальцев до горла Семена.

— Господин полковник! — крикнул Арцеулов. — Держите же его!

Опомнившийся Лебедев, схватив Богоразу за плечи, резко дернул на себя. Скрюченные руки мертвеца рванулись вперед, но поймали лишь пустоту. И тут Арцеулов выстрелил. Промахнуться даже в полутьме было невозможно — пуля вошла прямо в лоб покойного, страшные глаза на миг закрылись, но в следующее мгновение мертвец вновь скривил губы в ухмылке и, бросив полный ненависти взгляд на капитана, шагнул вперед. Лебедев попытался загородить дорогу, но тяжелая рука с невиданной силой ударила его в плечо, отбросив в сторону.

— Профессор! — крикнула Берг, пытаясь заслонить собой Богоразу. Мертвец медленно надвигался, держа полусогнутые руки перед собой, словно ощупывая воздух. Вторая пуля вошла в висок, но покойник даже не вздрогнул.

Степа незаметно подкрался сбоку и что есть силы ударил прикладом по шее мертвого, но рука со скрюченными пальцами с неожиданной ловкостью перехватила оружие и сильным движением чуть было не вырвала его. Степа вцепился в карабин и несколько секунд пытался удержать его, чувствуя, что вот-вот холодная рука мертвеца завладеет оружием. Арцеулов чертыхнулся — он не мог стрелять, опасаясь влить пулю в голову Косухина. Наконец Степа изловчился и резко дернул карабин, вырвав его из мертвой хватки, но не удержался и сам упал на пол. Мертвый профессор, тут же потеряв к нему всякий интерес, бросился вперед. Его движения изменились — они стали заметно быстрее и точнее, словно к покойнику прибывали силы.

Наташа закричала, пытаясь оттолкнуть мертвеца и одновременно прикрывая собой замершего и словно онемевшего Богораза. Еще одна пуля, выпущенная из «бульдога», вошла в затылок, но покойник вновь не отреагировал и лишь негромко зарычал, словно предчувствуя победу. Огромные руки легли на плечи девушки, а затем медленно поползли к ее горлу.

Арцеулов и Лебедев растерянно стояли сзади, сжимая револьверы в руках. Стрелять они не могли — пули, не причинявшие вреда мертвецу, непременно попали бы в Наташу. Степа уже успел встать, карабин он держал по-прежнему в руках, но тоже не стрелял, лихорадочно пытаясь найти выход.

Руки мертвеца сомкнулись на горле Берг, она захрипела, пытаясь из последних сил оттолкнуть холодное закамневшее тело. Арцеулов одним прыжком оказался рядом, схватил покойника за руку, пытаясь разжать скрюченную кисть. Впрочем, это было все равно что сдвинуть каменную статую — мертвец даже не двинулся с места, лишь из пробитого пулей горла вновь донеслось хрипкое рычание.

— Братан! — внезапно крикнул Косухин. — Коля, кинь мне нож!

Секунду-другую Лебедев непонимающе глядел на брата, затем быстро сунул руку за отворот полушубка и выхватил спрятанный там широкий нож. В тусклом свете догорающих свечей мелькнуло гладкое блестящее лезвие. Косухин ловко перехватил оружие на лету и бросился к мертвецу. Подскочив сзади, он быстро, почти не целясь, вонзил лезвие туда, где у живого бьется сердце.

Мертвые руки разжались, тяжелое тело зашаталось и упало навзничь. Нож Степа выхватить не успел, еле сообразив отскочить в сторону. Глаза мертвеца закрылись, но тело продолжало жить своей странной жизнью, оно билось и подергивалось, пытаясь сдвинуться с места. Острие ножа начало медленно выползать из груди, пробив грудную клетку насквозь.

— Наталья Федоровна, вы живы? — Арцеулов подхватил едва стоящую на ногах Берг и помог ей присесть на брошенный Лебедевым полушубок.

— Да... — тихо проговорила девушка. — Руки у него... как лед...

— Господа, — растерянно произнес Богораз, удивленно

моргая, словно пробудившись от глубокого сна. — Что здесь было? Я ничего не помню...

— Потом, — коротко ответил Лебедев. — Степа! Что там за дверью?

— Ах да! — Косухин подскочил к окну, выглянул и тут же отшатнулся. Прямо на него глядело еле различимое в темноте неподвижное лицо — те, кто окружали церковь, подошли совсем близко, но стояли по-прежнему недвижно, не пытаясь войти. Что-то сдерживало их — или серебряный перстень, лежавший у порога, или еще что-то, ведомое лишь им и их хозяину.

— Они тут! — крикнул Степа. — Че делать будем?

— Пока ничего, — устало ответил полковник. — У меня в рюкзаке фляга со спиртом, достань. Хлебнем по глотку!..

Тело профессора вновь накрыли полушубком. Оно продолжало подрагивать, но все тише и тише, словно неведомая сила уходила, даруя мертвецу долгожданный покой. Спирт пришелся кстати — горячее тепло побежало по жилам, и в головах немного прояснилось.

— Странно, — наконец проговорил Богораз, несколько минут о чем-то напряженно размышлявший. — Я был, похоже, загипнотизирован...

— Что же тут странного? — удивился Арцеулов.

— Вообще-то я не поддаюсь гипнозу... Наталья Федоровна, мне очень совестно. Право, вы напрасно рисковали из-за меня жизнью!

— Оставьте, Семен Аскольдович! — резко ответила девушка. — Неужели вы не понимаете, что им были нужны прежде всего вы?..

— Но почему господин Богораз? — удивился Арцеулов.

— «Мономах» не должен взлететь, — негромко, без всякого выражения повторила Берг слова Венцлава. — После смерти профессора Семен Аскольдович последний, кто разбирается в научной программе полета. Понятно теперь, почему первая пуля предназначалась Глебу Иннокентьевичу...

— Слушай, Семен, — достаточно невежливо обратился Степа к вновь впавшему в раздумье Богоразу. — Ты это тогда насчет руки... ну, костей... неплохо сообразил. А теперь стреляли в голову — и ничего...

— А почему вы решили, что нужно стрелять в голо-

ву? — спокойно осведомился Богораз, как будто речь шла о рутинном научном эксперименте.

— Семен Аскольдович, может, не надо об этом? — перебил его полковник. — Госпоже Берг плохо...

— Нет, спасибо, — слабо улыбнулась девушка. — Мне лучше. Кроме того, мы, ученые, как известно, люди ненормальные. Впрочем, Николай Иванович, когда у вас при заходе на посадку не сработал двигатель, вы предпочли не диктовать по радио завещание, а целый час описывали помолку.

— Ракета могла не вернуться, — пожал плечами Лебедев. — В этом случае программа была бы сорвана, а эти подробности могли помочь.

— Коля, а как ты... ну... вернулся? — испуганно спросил Косухин.

— Часа через два двигатель удалось починить. Наталья Федоровна, а вы откуда это знаете?

— Я читала ваш отчет, — вновь улыбнулась Берг. — Я ведь теперь... Ладно, не будем об этом. Вернемся к нашим жутким подробностям.

— Ну, мне этот Венцлав... — Степа замялся, но затем все же решился и вкратце рассказал о поведении краснолицего и о страшном «допросе» на кладбище.

— Степа... — растерянно проговорил полковник. — И ты служишь этим... этим нелюдям?

— Да при чем здесь Венцлав?! — взвился Косухин. — То есть при чем, но...

Степа сник и замолчал.

— Не надо, Николай Иванович, — проговорила Берг и легко погладила Степу по плечу. — Не забывайте, что я обязана вашему брату жизнью. Если бы он не догадался удалить этого... в сердце...

— Я подумал, — нерешительно начал Косухин. — Ну вот Семен говорил, что они не призраки... Значит, он должен как-то двигаться, ну, кровь, стало быть... А если в сердце...

Степа окончательно запутался и замолк.

— Из вас получится неплохой естествоиспытатель, господин Косухин, — кивнул Богораз. — Вы рассудили верно. А что касается мозга... Мне кажется, что мозг должен оставаться нетронутым, если этому Венцлаву нужно поговорить с... ну, не знаю, как назвать... А вот теми, кого вы видели, и Глебом Иннокентьевичем, похоже, управляли со сто-

роны. В таком случае мозг не нужен, во всяком случае, не все его области. Извините, господа, я плохо соображаю, к тому же я наверняка заработал воспаление легких...

Богоразу дали хлебнуть спирту, после чего он немного успокоился. Между тем Арцеулов, которого тема беседы не привела в хорошее расположение духа, уже несколько раз выглядывал в окно. Особых перемен он не заметил — недвижимые фигуры в высоких шлемах стояли почти вплотную к церкви, но не двигались с места, как будто чего-то ожидали...

— Господин полковник, — Ростислав еще раз заглянул в окно и бросил озабоченный взгляд на дверную задвижку. — Покуда у нас есть время, надо что-то придумать.

— Может, подождем до утра? — предложила Берг. — При свете солнца эти твари потеряют свою силу...

— Едва ли, — поморщился капитан. — Вспомните Иркутск. Да и утром к ним может подойти подмога. Похоже, нас просто караулят.

— Все-таки подождем, — решил полковник. — Мы не прорвемся, капитан. Нас слишком мало...

В церкви воцарилось молчание. Было слышно, как поскрипывает какая-то потревоженная балка, вдали еле слышно шумели кроны лиственниц, изредка среди пустого мертвого леса раздавался крик какой-то ночной птицы. Последний огарок уже начал мигать, и Степа соорудил из обломков доски подобие факела. Старое дерево горело плохо, но все же неровный мигающий свет позволял хоть что-то увидеть среди подступавшей тьмы. Внезапно тишину пререзал жуткий скрежет. Кто-то — или что-то — пытался расшатать бревна пола.

— Спокойно, господа, — Лебедев достал револьвер, знаком велел всем отойти от опасного места. — Похоже, снова началось...

Скрежет повторился, затем в пол стали чем-то бить. Удары были невероятной силы, словно кто-то лупил из неведомого подземелья огромным молотом. Дерево трещало, во все стороны летела щепа, и вдруг одно из бревен выгнулось и с грохотом выскочило из пазов.

— Если кто появится — стреляйте! — велел полковник. Арцеулов и Степа, держа оружие наготове, ждали, напряженно глядя в образовавшуюся в полу глубокую черную щель.

Удары прекратились, в глубине что-то зашуршало, и над

черным отверстием показалась рука. Степа, заранее полуживший палец на спусковой крючок, невольно отшатнулся — то, что появилось из тьмы, не было рукой человека. Она была темного, черно-зеленого цвета — огромная, покрытая толстыми витыми жилами, с маленькой, почти круглой ладонью, из которой торчали шесть растопыренных пальцев с длинными изогнутыми на концах когтями.

Рука нащупала край соседнего бревна, резко рванула его, послышался жуткий, ни на что не похожий вой, а затем из провала вылезла вторая шестипалая конечность. Кто-то невидимый сильными рывками пытался выломать бревно.

Арцеулов выстрелил, но пуля, легко скользнув по черной кисти, рикошетом отлетела в сторону. Вой послышался снова, и невидимый враг стал расшатывать бревно с удвоенной силой.

Арцеулов оглянулся в поисках выхода, но понял, что уходить некуда. Их враг знал, что делал, — плотное кольцо окружало церковь снаружи, а кто-то невидимый, но грозный был готов ворваться изнутри. В голове мелькнула и погасла мысль о капитуляции. Сам капитан не собирался сдаваться, но помнил о девушке и вечно хворающем студенте, которые не должны были погибать на этой войне. Впрочем, подумав секунду-другую, Ростислав понял, что тем нелюдям, кто охотился за ними, живыми сдаваться нельзя. И мертвыми, добавил он мысленно.

Степа Косухин не думал о смерти. Он тоже не привык сдаваться и втайне мечтал дожить если не до полного коммунизма — светлого будущего всего человечества, — то по крайней мере до освобождения Сибири от белых гадов. Теперь, когда из ниоткуда нежданно-негаданно появился сгинувший навеки брат, Степе совсем расхотелось погибать. К тому же он представлял свою смерть где-нибудь в чистом поле, впереди атакующей цепи красноармейцев, и пропадать в мерзкой западне от рук — или лап — неизвестно чего, он не собирался. В голове сам собой сложился план — выйти наружу и, отстреливаясь во все стороны из четырех стволов, уходить из лесу. Почему-то Косухин был уверен, что стрелять в них не станут. Ну, а если вновь появятся красноглазые твари, то белый гад Арцеулов может воспользоваться своей серебристой цацкой.

Он уже хотел было изложить свой план брату, как вдруг второе бревно, не выдержав нажима огромных рук, поддалось, с треском вырвалось из пазов и отлетело в сторону,

отброшенное могучим ударом. Из провала вновь послышался леденящий душу вой, затем из-под земли стала медленно вырастать огромная, вдвое больше человеческой, голова с торчащей густой щетиной на макушке, острыми маленькими ушами и мощными надбровными дугами, под которыми зеленым цветом горели выпуклые глаза.

— Добро пожаловать! — пробормотал капитан, прицеливаясь прямо в глядевшее на него круглое зеленое око.

Но выстрелить он не успел. Внезапно что-то изменилось. Издали донесся непонятный звук, слегка напоминающий свист. Он был почти не слышен — скорее угадывался по чуть заметной вибрации воздуха. Повевало легким ветром, затем свист повторился, страшная голова дрогнула, зеленые глаза засветились ненавистью и страхом, и в то же мгновение страшный гость исчез. Он сгинул так внезапно, что никто не успел даже заметить, когда он пропал в черном провале.

Степа подбежал к окну, каким-то чутьем догадываясь, что перемены произошли и здесь. Он не ошибся — там, где только что темнела шеренга в островерхих шлемах, было пусто. Враги исчезли...

Несколько минут все молчали, постепенно приходя в себя. Степа разыскал в одном из углов пару огарков, и в церкви стало немного светлее. Арцеулов достал пачку махорки и стал сворачивать «козью ногу», Косухин же извлек пачку японских папирос.

Ростислав покосился на давно не куренные папиросы, но гордость не позволяла угоститься у красного командира. Махорка сыпалась из неудачно свернутой самокрутки, приводя капитана в бешенство. Наконец он бросил недокуренную «козью ногу» и тут только сообразил, что дымящийся аппетитной папиросой Степа как ни в чем не бывало держит на коленях карабин.

— Косухин, отдайте оружие, — скучным голосом произнес Арцеулов и на всякий случай нащупал в кармане «бульдог».

Степа внешне не отреагировал, но в душе обиделся и, не желая ругаться с врагом революции, отвернулся.

— Ростислав Александрович, — вмешалась Берг. — Ну что вы, право!

— Он военнопленный, — все тем же скучным голосом пояснил капитан и встал. Косухин затоптал окурки и тоже лениво поднялся, держа карабин за цевье.

— Степан! — негромко произнес Лебедев. Косухин покосился на брата, хотел было сплюнуть, но сдержался и аккуратно поставил карабин в противоположный угол. Арцеулов удовлетворенно хмыкнул и стал смотреть в окно.

— Надо уходить, — заметил полковник. — Пока они не вернулись.

— Опасно, — пожал плечами Арцеулов. — Это может быть ловушкой.

— Не знаю... — неуверенно проговорил Лебедев. — Честно говоря, я в этом мало понимаю...

Арцеулов продолжал внимательно наблюдать. На поляне стало светлее — над горизонтом поднималась ущербная луна. В ее неярком свете можно было разглядеть ровный строй лиственниц на противоположной стороне поляны, засыпанные снегом кресты старого кладбища и множество следов — человеческих и звериных, покрывших пространство вокруг церкви. Внезапно в дальнем углу поляны капитан заметил какое-то движение. Через минуту он понял, что не ошибся — кто-то шел по дороге, шел быстро, легко скользя по снегу на лыжах.

— К нам гости, — проговорил Арцеулов, заряжая оружие. — Кажется, перерыв закончился.

— Так же, карабин можно брать? — обиженным голосом поинтересовался Степа и, не дожидаясь ответа, тоже подошел к окну.

Человек, шедший на лыжах, был один. Он быстро вышел на поляну, секунду постоял, а затем тем же легким шагом заскользил к церкви.

— Не стрелять, — приказал Лебедев. — Подождем немного.

Капитана и самого не тянуло нажимать спусковой крючок. Одного — будь это человек или даже не человек — он не боялся. Да и этот лыжник был не похож на врага.

Лыжник был уже совсем близко. Теперь можно было разобрать, что он очень высокого роста, в полушубке и большой мохнатой шапке, с охотничьей двустволкой за плечами. Подойдя к самой двери, гость остановился и стал снимать лыжи.

— Пойдите, пойдите, — проговорил Арцеулов, всматриваясь. — Да ведь это наш хозяин!

— Родион Геннадиевич? — удивился полковник. — Странно...

— Точно, — уверенно кивнул капитан. — В таком случае, господа, я открою дверь.

Ему никто не возразил. Через несколько секунд дверь скрипнула, и поздний гость шагнул за порог. Хотя свет догоравшего факела и прилепленных у алтаря свечных огарков был слаб, сразу же стало ясно, что Арцеулов не ошибся. Родион Геннадиевич, ссыльный учитель, стоял на пороге и, сняв лохматую шапку, не спеша осматривал церковь.

— К сожалению, я опоздал, господа, — негромко и печально произнес он. — Мне надо было поторопиться. А лучше всего пойти с вами...

Ему не ответили. Учитель еще минуту постоял на пороге, затем подошел к телу Семирадского, откинул полушубок и перекрестился.

— Мы рады вас видеть, — наконец заговорил полковник. — Но, Родион Геннадиевич, здесь очень опасно...

— Знаю, — кивнул тот. — И предупреждал одного из вас. Впрочем, я так и думал, что мне не поверят. Я не должен был вмешиваться, наверно, но меня попросили... У некоторых из вас есть надежные заступники.

— Кого вы имеете в виду? — недоуменно поинтересовался полковник.

Дхар не ответил, а Арцеулов вдруг вспомнил странного чешского офицера — и Ксению. Мысль эта показалась ему дикой, но ничего другого в голову не приходило.

— Не буду спрашивать о том, что здесь было, — продолжал Родион Геннадиевич. — Жаль господина профессора, но он сам шел навстречу судьбе... Я пришел сказать, чтобы вы отдохнули до утра. Те, кто вас преследовал, ушли, по крайней мере до завтра. Так что, господин Арцеулов, можете забрать свой перстень с порога. Вы поступили правильно, но лучше, если бы вы последовали моим советам...

— Родион Геннадиевич, — перебила его Берг, — может, хоть вы объясните нам! Что здесь было?

— Нет, — покачал головой учитель. — Боюсь, вы не поймете. Что с того, если я скажу, что ваши враги прислали сюда стаю мхэру-цхоров, а затем напустили на вас Подземную Смерть — Гургунх-эра? Вы все видели сами и можете назвать это теми словами, которые вам понятны.

— Мы убили их главного, — сказал Арцеулов и вкратце рассказал о краснолицем Венцлаве.

Дхар медленно покачал головой.

— Тот, кто назвал себя Венцлавом, не сгинет от огня.

Он лишь сбросил свою мертвую плоть и вскоре вернется. Впрочем, думаю, до Сайхена вы доберетесь спокойно...

— А собаки... или волки, или что это там было? — спросил полковник.

— Я отогнал их, — чуть улыбнулся учитель. — То, что я сделал, спугнуло и Подземную Смерть, что рвалась к вам из-под земли. Признаться, и сам не очень верил, что поможет, но как видите...

— Родион Геннадиевич, — заговорил молчавший все это время Богораз, — вы нас очень обяжете, если все-таки объяснитесь. Вашего главного оппонента, к сожалению, нет в живых, а мы выслушаем вас с куда большим доверием, чем сутки назад. Уж поверьте.

— Ну, хорошо, — кивнул Родион Геннадиевич. — Все объяснить не смогу, но хотя бы это... Я не просто фольклорист. Мои предки были дхармэ... По-русски что-то вроде волхвов. Я потомок великого Рхас-дхармэ, который вручал Черный меч самому Ранхаю, сыну Фроата. Кое-что рассказывал мне дед. Мы — дхары, не боялись всей этой нечисти... В отличие от вас — асхаров...

— Асхары — это русские? — поинтересовалась Берг.

— Нет. Асхары — это люди. Хомо сапиенс, так сказать. Конечно, после Петербургского университета начинаешь иначе смотреть на многое. Долгое время то, что передал мне дед, казалось лишь фольклором. Я ведь и писал об этом... Дед передал мне Главное Заклятие дхармэ. Против него не устоят ни оборотни, ни люди. Извините, господа, за несколько несвоевременную лекцию из области древнедхарской мифологии...

— Постойте, постойте, товарищ, — не удержался Степа. — Ну, про чертей да про ведьм нам с Колей... то есть с господином полковником, тоже бабка рассказывала. Тока вы все-таки больше на человека смахиваете. Ну, на этого... асхара, стало быть...

— Вы хотели ответа? Я ответил. Впрочем, ваша бабка могла рассказывать и о нас. Асхары называли нас чугами или чугайстрами...

— Погодите, — вмешалась Берг. — Чугайстры — это что-то вроде леших?

— Да, — кивнул Родион Геннадиевич. — Хотя дхары, естественно, ничего общего с фольклорными лешими не имеют. Во всяком случае, я еще не слышал о лешем с высшим образованием. Впрочем, господа, это все не ко време-

ни. Сейчас вам надо отдохнуть, а перед рассветом — уходите. Я покараулю...

Берг пыталась продолжить расспросы, да и остальные были не прочь поговорить с живым человеком после ночного кошмара, но Лебедев приказал отдыхать. До рассвета было еще несколько часов, и требовалось поспать перед завтрашним переходом. Несмотря на уверения учителя, что он сам будет на страже, Арцеулов решил обязательно выставить посты и вызвался лично караулить первый час. Втайне он надеялся еще что-нибудь узнать от Родиона Геннадиевича, но тот твердо, хоть и вежливо пресек все попытки капитана. Пришлось сидеть молча при тусклом лунном свете, проникавшем в церковь через щели в окнах, и утешаться самокруткой из осточертевшей махры.

Они вышли на рассвете. Родион Геннадиевич обещал позаботиться о похоронах профессора и пожелал всем удачи. Впрочем, его глаза, как успел заметить Арцеулов, оставались тревожны и невеселы.

ГЛАВА 9

«Илья Муромец»

К Сайхену подошли около полудня. Степа сразу узнал невысокую гору, на которой торчала сторожевая вышка. В этих местах он уже бывал с повстанческим отрядом и помнил, что за горкой, надежно защищенная тремя линиями постов, находится колчаковская военная база. Пару месяцев назад он лично наблюдал за кружившимися над нею аэропланами, составляя план диверсии, которую так и не удалось осуществить.

Берг также бывала в этих местах, а что касается Бого-раза, то студент держался совершенно невозмутимо, не проявляя ни малейших признаков удивления или интереса. В общем, всерьез заинтересовался увиденным лишь Арцеулов. Он слышал о какой-то тайной авиабазе, подчинявшейся лишь Верховному, но не был уверен, шла ли речь действительно о Сайхене.

Он первым заметил то, на что не обратили внимание ни полковник, ни его штатские спутники, — вышка была пуста. Караульных не оказалось и у подножия горы. Тут уж

всерьез забеспокоился Лебедев — первая линия постов была брошена.

Они поднялись на гору, где нашли пустые заснеженные окопы — вторую линию постов. Здесь тоже не было ни души, и Степа с запоздалым сожалением подумал о том, что теперь неприступный Сайхен можно брать голыми руками.

Только на самой вершине полковник несколько успокоился — внизу лежал четкий четырехугольник аэродрома, на котором темнели силуэты нескольких аэропланов. Рядом, на высшей мачте, развевался трехцветный флаг.

— Кажется, пришли, — вздохнул Лебедев. — Слава Богу...

Их заметили уже у самого летного поля. Это был даже не патруль — просто какой-то офицер в белом полушубке наткнулся на них и тут же схватился за револьвер. К счастью, Лебедев вовремя узнал его, и тот, успокоенный и обрадованный, побежал звать начальство.

Их встретил пожилой бородатый полковник, показавшийся Степе чем-то похожим на покойного Ирмана. Полковник был начальником Особой авиационной части «Сайхен». Гостей пригласили в небольшой, жарко натопленный дом, где накормили обедом. После обеда Богораз немедленно задремал, а все остальные сели рядом с начальником базы и стали слушать его разговор с Лебедевым.

Случилось то, о чем уже догадывались Арцеулов, Степа, да и сам полковник. Гарнизон базы, узнав по радио об отречении Адмирала, разбежался. Остались лишь офицеры, уходить которым было некуда, да десятка полтора нижних чинов. С большим трудом удавалось держать взлетное поле чистым от снега. Караулить базу было фактически некому, и полковник давно уже собирался уходить с офицерами в близкую Монголию, но не мог, так как ждал группу Лебедева. Теперь же он был искренне рад не только тому, что сможет наконец выполнить приказ, но и возможности поскорее покинуть ставшую такой опасной страну.

— Мой самолет в порядке? — первым делом спросил Лебедев. — Заправлен?

Полковник успокоил его, сообщив, что «Илья Муромец», на котором прилетел Лебедев, не только в полном порядке, но и регулярно прогревается, чтобы не заклинило моторы.

— Улетаем через час, — кивнул Лебедев. — Распорядитесь все подготовить. После этого можете уходить. Базу уничтожить, аэроплан сжечь.

Полковник подтвердил, что все понял правильно, и поспешил выполнить приказ. Путешественники остались одни.

— Николай, слушай, — Косухин мрачно поглядел на брата, а затем перевел взгляд на Арцеулова. — Ну, наука, ладно... А зачем аэродром уничтожать? Ведь народное добро...

Арцеулов лишь зло усмехнулся. Лебедев минуту помолчал, затем негромко ответил:

— У меня есть приказ, Степа. Это военная база и военные аэропланы. К тому же твой Венцлав или кто-нибудь еще не сможет вылететь нам вслед.

На «твоего Венцлава» Степа обиделся и замолк. Полковник достал из планшета карту и расстелил ее на столе:

— Господа, настало время решать. Я, Наталья Федоровна и господин Богораз улетаем. Вы, господин Арцеулов, и ты, Степа, можете решать сами.

— Я лечу с вами, — тут же ответил капитан. Степа недоверчиво поглядел на него, но смолчал.

— Хорошо, — кивнул полковник. — В этом случае объясню ситуацию. Мы летим на Особый объект «Челкель» в Западном Китае. Это неподалеку от Яркенд-Дарьи. Вот смотрите...

Красный карандаш ткнулся в карту, в синюю извилистую линию, изображавшую неведомую им Яркенд-Дарью, в маленький неровный кружок, оказавшийся озером Челкель. Все невольно удивились.

— Господин полковник, но ведь это очень далеко! Как же мы сможем долететь? — Арцеулов невольно поглядел на масштаб карты и покачал головой. — Здесь же тысячи две километров!

— Две тысячи триста, — кивнул полковник. — Неблизко, конечно. Но я летал, и не однажды. Мы полетим на «Муромце»...

— Это... — стал вспоминать Степа. — Он может лететь до тысячи километров, да? Но ведь все равно не долетим!

— «Илья Муромец» может пролететь и больше тысячи, Степа. Такого аэроплана еще нет ни у кого в мире. Четыре мотора, по двести двадцать лошадиных сил! Но нам не нужно будет устанавливать рекорды. В Монголии мы сядем и заправимся. Вот здесь, в Бодомган-хурэ...

Красный карандаш указал на маленький кружочек по-

среди желтого пятна, обозначавшего бескрайние степи Внешней Монголии.

— До Бодомган-хурэ тысяча километров. Пойдем на высоте около тысячи метров, это оптимально. Кстати, нам будет помогать холод...

— Я, кажется, понял, — заметил Арцеулов. — Вторым принцип термодинамики!

— Да, открытие господина Нерста, закон кпд теплового двигателя. При низких температурах он выше, значит, нам будет легче добираться. А от Бодомган-хурэ до Челкея тысяча триста километров или чуть-чуть больше. В общем, лет десять назад это был бы рекорд, а теперь, господа, ничего особенного. Тем более по сравнению с «Мономахом»! Плохо лишь, что придется лететь самому. Вообще-то нужен второй пилот, и я рассчитывал на Казим-бека...

— Но ведь здесь есть летчики? — удивился Арцеулов.

— Не имею права. И не только в силу приказа, но и потому, что это слишком опасно. Этот полет — мое дело. Ничего, долетим...

— Так у нас есть второй пилот, Николай Иванович, — раздался сонный голос Богораза. Студент неуверенно протирал очки, мигая красными от недосыпа глазами.

— Вы имеете в виду себя? — улыбнулся полковник.

— Себя? — удивился Богораз. — Вообще-то я летал на «Фарманах», но в такой ситуации не рискну. Зато среди нас есть человек, прошедший полный курс полетов на «Муромце»...

— Семен Аскольдович! — Берг смущенно взглянула на Богораза, а затем на пораженного услышанным Степу. — По-моему, в Качинской школе вы делали бóльшие успехи, чем я.

— Постойте, постойте, — Лебедев встал и начал растерянно тереть лоб. — Вы учились в Качинской авиашколе?

— Почти весь шестнадцатый год, — подтвердила Берг. — Как раз там мы узнали о вашем полете. Господин Богораз прошел полную подготовку на легких аэропланах, а я предпчла бомбовозы. Я летала на «Святогоре» и «Муромце»...

— Сколько же вам было тогда лет?

— Целых восемнадцать, — засмеялась Берг. — Родители не отпускали, пришлось ехать якобы на лечение в Коктебель...

— Я, кажется, понимаю, — после некоторого молчания

проговорил Лебедев. — Вы учились в Каче... А потом в Можайске?

— Только три месяца, — коротко ответила девушка.

Полковник кивнул и больше на эту тему не заговаривал. И Степа, и Арцеулов знали о знаменитой на всю Россию авиационной школе в Каче, но чему учили в Можайске, не имели никакого понятия.

— Господин Богораз, значит, это вы должны лететь летчиком-исследователем? — Лебедев резко повернулся к студенту. Тот снял очки, покрутил в руках и вновь надел на нос.

— Во всяком случае, меня к этому готовили, — наконец произнес он. — Правда, не представляю, как я буду лететь с моим бронхитом...

— Черт знает что! — не выдержал полковник. — Много не понимаю в разлюбезном отечестве, но временами начинает казаться, что все вокруг спятили! Сначала мне сообщают, что намечается испытание принципиально нового эфирного корабля. Затем выясняется, что будет проведен научный эксперимент, для чего будет послан летчик-исследователь. Вдобавок красным почему-то требуется сорвать запуск! И самое любопытное, что я ничего не знаю ни о новом корабле — мне даже не дали его как следует осмотреть! — ни об эксперименте, ни об экипаже!

— Я тоже не знаю, — спокойно ответила Берг. — Может, Семен Аскольдович нам что-нибудь объяснит, если, конечно, он вправе.

— Я? — удивился Богораз. — Не понимаю, что тут необычного. К вашему кораблю я отношения не имею, а что касается эксперимента, то речь идет об испытании системы эфирной связи. А насчет экипажа — тут, по-моему, обыкновенная российская расхлябанность. Вместо того чтобы подготовить летчика, лететь предложили мне или господину Семирадскому. Я, конечно, понимаю, что такое долг ученого, но в этой истории мне, честное слово, приходится выступать как лицу комическому...

Все это было сказано вполне убедительно. Во всяком случае, Арцеулов поверил, с сожалением поглядев на нескладного худого студента, который был менее всего похож на героя-первооткрывателя эфира. Но Степе тон Богораз показался каким-то нарочитым. Тем более нелепый Семен Аскольдович, несмотря на свой кашель, очки и вечные жалобы, при случае недурно стрелял навскидку, окончил Ка-

чинскую школу да еще учился в этом самом Можайске, где, как сообразил Косухин, и готовили экипаж «Мономаха».

«Ой, не простой студент, — подумал Степа. — А ведь таким придурком казался! Так ведь и Наташа, помнится, все кошку искала».

Беседа прекратилась. Богораз вновь впал в обычную апатию, Степа и капитан задумались, пытаясь, каждый по-своему, осмыслить услышанное. Берг разложила перед собой карту предстоящего полета и углубилась в ее изучение. Полковник, сославшись на необходимость взглянуть на аэроплан, вышел.

— Так я еще не летала, — внезапно проговорила Берг. — Семен Аскольдович, это будет почище, чем когда мы с вами летели из Пишпека.

— А-а, — вяло отозвался Богораз. — Надеюсь, такой болтанки все же не будет. Я не выдержу.

— Так вы уже были там, в этом Челкеле? — удивился Ростислав.

— Конечно, — улыбнулась девушка. — Мы были там два раза. Просто оба раза мы разминулись с господином Лебедевым...

Косухин промолчал, но мысль о том, что разминулись они с его братом далеко не случайно, все же посетила его. Похоже, кавалера ордена Александра Невского не особо посвящали в детали проекта. И Степа вдруг подумал, что у страшного Венцлава могут быть резоны не допустить старта «Мономаха»...

Где-то через полчаса вернулся Лебедев и пригласил всех на летное поле. Там было уже все готово — огромный «Муромец» стоял на расчищенной от снега полосе, а трое механиков заканчивали что-то подтягивать и довинчивать в его механическом нутре.

— Хорош, а? — не удержался полковник, похлопывая по обшивке борта. — Сколько ни летал, а лучше «Муромца» машины не видел! Представляете, господа, семнадцать лет назад братья Райт продержались в воздухе всего три минуты! Их аппарат не мог поднять и средних размеров чемодан! Если бы тогда кто-то сказал, что через несколько лет аэроплан будет поднимать до двух тонн нагрузки и лететь до полусуток без посадки, никто бы просто не поверил!

— Коля, за штурвал дашь подержаться, а? — непонятно в шутку или всерьез попросил Косухин.

Лебедев легко щелкнул брата по лбу, и оба рассмеялись.

Арцеулов с некоторым удивлением поглядел на обычно спокойного и сдержанного полковника. Здесь, на летном поле, Лебедев стал совсем другим. Летчик был снова в родной стихии, там, где мог рассчитывать на свои силы и опыт. Капитан же, знавший и умевший все, что нужно на войне, рядом с многотонной машиной, которая унесет их за тысячи верст, почувствовал себя снова мальчишкой, впервые увидевшим аэроплан во время показательного полета знаменитого Уточкина над городским ипподромом.

— Это серийный «Муромец»? — поинтересовалась Берг.

— Это моя машина, — не без гордости ответил полковник. — Кое-что я усовершенствовал... Впрочем, не будем терять времени, прошу всех на борт!..

Кабина «Муромца» показалась Арцеулову огромной — здесь свободно могли разместиться все пятеро. Степа, уже бывавший на борту бомбардировщика, лишь завистливо вздохнул, взглянув на недоступный штурвал. Богораз, не проявивший ни малейшего интереса, тут же отправился в хвост, заявив, чтобы его не будили без крайней необходимости. Берг быстро, но внимательно осмотрел кабину, задавала полковнику несколько непонятных для остальных вопросов, указывая на какие-то приборы. Тот столь же непонятно ответил, употребив запомнившееся Степе странное слово «гирокомпас». Затем полковник показал на лежащие рядом с приборной доской летные шлемы, от которых тянулись тонкие длинные проводки:

— Наталья Федоровна, вы с этим знакомы?

Берг, молча кивнув, быстро надела шлем.

— Внутренний телефон, — пояснил Лебедев. — Можно разговаривать в полете. Там, в салоне, тоже есть гнезда, так что можете беседовать. К сожалению, не успели сделать шлемофоны на беспроводной связи...

— Интересно, — наконец выговорил Арцеулов. — Господин полковник, а нам можно во время полета...

Он не договорил, но выразительно кивнул на кабину.

— Вы, наверно, сговорились со Степаном, — усмехнулся Лебедев. — К сожалению, господин капитан, здесь может находиться только экипаж. Так что придется удовлетвориться салоном. Я постарался, чтобы там было как можно удобнее...

В большом салоне, занимавшем почти всю хвостовую часть, было действительно уютно. Кроме нескольких розеток для переговорных устройств, там имелись четыре откидные койки, запас одеял и даже стопка детективов о похождениях бесстрашного Ника Картера, а также трактат Аристотеля «Метерологика» с оборванной политушкой. На одной из коек уже устроился Богораз, намеревавшийся предаться Морфею.

Ни Степе, ни Арцеулову спать не хотелось. Косухин пару раз летал на самолетах, но это были старые «Ньюпоры», похожие больше на мотоцикл с неумело приклеенными крыльями, чем на настоящий аэроплан. Арцеулову летать вообще не доводилось, и он испытывал странное чувство — то ли любопытство, то ли легкий страх.

Капитан откинул койку и уселся поудобнее, закутав ноги в одеяло — холод в кабине стоял невероятный. Степа покосился на Арцеулова и сел в стороне. Вскоре в проеме двери показалась Берг.

— Меня выгнали! — сообщила она. — Ваш брат, Косухин, настоящий деспот.

Она присела рядом со Степой, накинула одеяло и поглядела в сторону Арцеулова.

— Ростислав Александрович, если вы не намерены подражать господину Богоразу, то прошу к нам.

Арцеулов хотел было гордо отказаться, но потом махнул рукой и присел рядом с девушкой. Та протянула своим спутникам по шлему и показала на розетку переговорного устройства. Степа тут же натянул шлем и начал приспособивать проводки. Арцеулов поколебался и последовал его примеру.

— Готовы? — Высокая фигура Лебедева появилась в дверях кабины. — Через минуту взлетаем.

— Николай Иванович, не забудьте нас, — заявила Берг. — В конце концов, вам же нужен штурман!

— Ладно, часа через два можете меня сменить... Ну, с Богом!

Обрадованная Наташа легко ткнула локтем Степу, и тот черно позавидовал девушке, которой позволено сесть за штурвал «Муромца». Арцеулов лишь вздохнул, подумав, не грозит ли ему страшная «воздушная болезнь», о которой наслышался от летчиков. Очень не хотелось терять лицо в подобной компании...

Загудели моторы, корпус самолета завибрировал, затем

гул усилился, покрывая все иные звуки. Все поспешили застегнуть шлемы. Моторы ревели, и с непривычки казалось, что в этом грохоте нельзя пробыть и минуты.

— Почему не взлетаем? — завопил Степа в шлемофон.

— Не кричите, Косухин, — послышался голос Берг. — Это же телефон, вас и так слышно. Говорите нормально...

— А-а... — Степе стало неловко за свою необразованность.

— Моторы прогреваются, — пояснила девушка. — Сейчас зима, требуется больше времени. Зимой вообще летать опаснее...

Моторы продолжали реветь, затем их звук изменился, стал ровнее и четче, и самолет тронулся с места. За иллюминатором замелькали силуэты деревянных домиков, заснеженные деревья у края летного поля, далекие вершины Сайхенского хребта. Машина набирала ход, ее слегка трянуло.

— Взлетели, — прокомментировала Берг. — Ну, как самочувствие, господа?

— Самое то, — констатировал Степа.

Арцеулов ответил не сразу. В первую минуту ему стало не по себе, в животе появилась странная пустота, к горлу подкатил неприятный комок.

— Хорошо, — неуверенно проговорил он. — А... В какую сторону мы летим?

— Курс зюйд-вест, — сообщила девушка. — Минут через двадцать пересечем границу Внешней Монголии...

Арцеулов вспомнил Нижнеудинск и разговоры в поезде Верховного. Тогда Монголия казалась чем-то недоступным, каким-то Беловодьем за тридевять земель. Но, выходит, можно и так — двадцать минут, и постылая Совдепия, бывшая Великая Россия будет уже в прошлом. Ему уже не раз приходилось думать о том, как он будет покидать родину, если, конечно, сумеет вырваться из ее негостеприимных объятий. Почему-то чаще всего Ростиславу представлялся пароход, реже — узкая тропка в густой тайге, но он никогда не думал, что его эмиграция начнется с густого рева моторов и бесконечного белого пространства под крылом.

Самолет набирал высоту. Вершины Сайхена ушли вниз, почти сливаясь с зеленым океаном тайги. Горы быстро кончились, их сменили невысокие поросшие лесом холмы, тянувшиеся вдаль насколько хватало глаз. Затем вдали мелькнул край огромного замерзшего озера.

— Байкал? — спросил Степа и тут же понял, что сморозил что-то не то.

— Двойка по географии, Косухин, — усмехнулась Наташа. — Байкал на востоке, а это озеро Хубсугул. Между прочим, где-то здесь граница...

«Вот и попал за кордон, — удовлетворенно подумал Степа, которого не мучил эмигрантский комплекс. — Как ни крути, а пофартило. Живым бы вернуться, чердынь-калуга!»

— Ну, господа, чем займемся? — поинтересовалась Берг. — Предлагаю не соблазняться Ником Картером, а побеседовать... Или сыграть.

— А карты есть? — простодушно поинтересовался Степа.

— Косухин! Порядочные девушки не играют в карты! Как вам не стыдно! — Тон Наташи нельзя было назвать серьезным, но Степе все-таки стало стыдно.

— А во что играть-то?

— Ну, в «Барыня прислала сто рублей». Знаете такую игру? Или почитайте нам кого-нибудь из пролетарских поэтов. Этого... Демьяна Голого.

— Бедного, — без особой нужды уточнил Косухин и немало насупил.

— Наталья Федоровна, а может, вы нам что-нибудь почитаете? — пришел на помощь Степе Арцеулов. Слушать Демьяна Бедного в исполнении краснопузого Косухина он не собирался ни в коем случае.

— Я никогда не запоминала стихи, что стоило мне постоянных неприятностей на уроках словесности. Наверно, именно поэтому я занялась физикой. Хотя постойте, я что-то помню из Некрасова. Что-то про лошадку, которая тянет в гору кабриолет...

Арцеулов рассмеялся, а бедный Степа стал добросовестно припоминать известные ему стихи поэта-демократа.

— Расскажите нам о «Мономахе», — внезапно предложил Арцеулов.

— О «Мономахе»? — удивилась девушка. — Но что именно? Вы же скоро сами все увидите.

— Ну хотя бы почему мы летим так далеко. Неужели нельзя запускать эфирные корабли откуда-нибудь поближе?

— Это скучно, — решительно заявила Берг. — Впрочем, если вас тянет на столь пресную материю... Все достаточно

просто — чем ближе к экватору, тем запуск эффективнее, да и топлива требуется меньше. Идея пришла, кажется, самому Дмитрию Ивановичу Менделееву. Подробностей не помню, но на коронацию Государя приехал какой-то китайский принц, и тогда же был подписан договор. В секретной статье китайцы разрешали нам построить полигон в западном Синьцзяне и отдали нам эту территорию в аренду. На пятьдесят лет, кажется...

— Неглупо, — согласился Арцеулов. — Подальше от родных осин. Похоже, господин Менделеев предусмотрел все, даже смуту. А китайцы?

— Что китайцы? — не поняла Берг.

— Договор соблюдают? У них ведь сейчас тоже война. Как бы их большевички не позарились на «Мономах».

— Не знаю... В Синьцзяне действуют войска братьев Мо. Покуда они вели себя вполне корректно...

Упоминание о китайских большевиках весьма заинтересовало Степу. Рассуждая о «Мономахе», он как-то забыл о главном факторе всемирной революции — о международной солидарности трудящегося пролетариата. Правда, в чисто практическом плане Степа не был уверен в некоторых важных подробностях, в частности, существует ли в Китае пролетариат вместе с большевистской партией, а также должен ли он, красный командир Косухин, защищать, буде придется, полигон в Челкеле от неизвестных ему братьев Мо или, напротив, помогать им...

Арцеулов, естественно, не догадывался о Степиных сомнениях, но и без того думал о нем не самым благоприятным образом. Дело было не только в алогичности происходящего — краснопузый летит на секретнейший объект Империи. К этому капитан как-то притерпелся. Но к такому глобальному обстоятельству прибавилась мелочь, хотя и существенная. Арцеулову давно уже не нравилось странное панибратство молодого ученого Натальи Федоровны Берг с чумазым красноармейцем.

Кровь потомственного дворянина Арцеулова вскипала при одной мысли о чем-то подобном, но приходилось держать язык за зубами. Внезапно до Ростислава дошло, что Степа — не просто краснопузая сволочь. Как ни крути, он — брат героя и вдобавок волею Государя — такой же дворянин, как и сам Арцеулов. От этой мысли Ростиславу стало совсем худо. В конце концов Арцеулов бросил на

красного командира мрачный взгляд и взялся за детектив о Нике Картере. Степа, почесав затылок, принялся листать «Метерологику» Аристотеля.

Часа через полтора Берг молча встала и направилась в сторону кабины. Степа последовал за ней, надеясь хоть краем глаза взглянуть на рубку бомбардировщика в полете. То, что он увидел, поначалу ошеломило — сквозь прозрачный колпак кабины открывалось огромное белое пространство, освещенное неяркими лучами зимнего солнца. Лишь кое-где темнели какие-то странные пятна, похожие на пучки желтоватой травы. Присмотревшись, Степа сообразил, что это островки тайги, постепенно отступавшей на остающийся за кормой север. Зрелище было захватывающим, и Степа, забыв, что зашел на секунду, замер у пустого кресла штурмана, вглядываясь в манящую белую даль.

Между тем Берг подошла к замершему у штурвала полковнику, надела свободный шлем и что-то проговорила, указывая на циферблат часов на приборной доске. Лебедев вначале, похоже, не соглашался, затем кивнул, что-то показывая на лежавшей рядом карте полета, и встал, уступив Наташе место. Та села поудобнее, скользнула глазами по приборам и спокойно положила тонкие руки на штурвал. Степа желчно позавидовал, но тут сильная рука брата увлекла его обратно в салон.

Степа хотел упросить Николая разрешить ему побыть в рубке, но тот ткнул его кулаком в бок и лег на койку, велел разбудить себя через пару часов. Косухин махнул рукой и улегся на откидную койку, набросив поверх тулупа пару одеял.

Он проснулся, когда за иллюминаторами уже начинало темнеть. На соседней койке спала Наташа, чуть дальше давил на массу белый гад Арцеулов, а напротив него, к крайнему Степиному удивлению, лежал брат. В голове тут же мелькнула дикая мысль о брошенном штурвале, но Косухин тут же сообразил, что к чему, — койка Богораза была пуста.

Степа встал и поспешил в рубку, желая поглядеть на гнилого интеллигента в очках за штурвалом «Муромца». Теперь пространство за стеклами кабины уже не казалось белым. Оно потемнело, откуда-то слева наполнила черная тень, и последние солнечные лучи не в силах были помочь увидеть подробности того, что лежало внизу. Степа вдруг

понял, что вскоре лететь придется в полной темноте, и немало испугался. Сразу же подумалось, что хилый интеллигент за штурвалом того и гляди наломает дров. Косухин взглянул на пилотское кресло и поневоле удивился.

Поначалу он даже не узнал Богораза. На лице немощного студента почему-то не было очков, да и лицо то ли из-за затоплявших кабину сумерек, то ли по какой-то другой причине стало иным. У рта, казавшегося раньше каким-то безвольным, легли неожиданно резкие складки, холодным ровным блеском горели глаза, уже не прятавшиеся за нелепыми стеклышками, а главное, совсем неузнаваемым стало выражение лица. Встреть Косухин такого Богораза в Иркутске, он бы отнесся к нему с куда большей серьезностью. Семен Аскольдович теперь ничем не напоминал нелепого студента с бронхитом. Степа еще раз поглядел на твердую фигуру в пилотском кресле, на сильные руки, лежавшие на штурвале, и почему-то вспомнил белого гада Арцеулова.

«Да какой он, к чертям собачьим, студент! — внезапно сообразил Косухин. — Они же здесь все дурака валяют! Капшелевец, да и только!»

Он натянул на голову шлем с переговорным устройством и плюхнулся в свободное кресло. Богораз наконец-таки заметил его, и, как показалось Степе, слегка подмигнул. Теперь странный студент почему-то напомнил ему брата.

— Не спится, господин Косухин? — даже голос Богораза стал другим — жестким и чуть насмешливым.

Степа не знал, что ответить. Наконец, преодолев странную робость, поинтересовался, что будет, когда зайдет солнце.

— Пойдем по компасу. — Богораз сообщил это небрежно, будто только и делал, что летал на бомбардировщиках в полной темноте.

— А-а, ну да, — кивнул Степа. — Семен... Аскольдович! (Называть Богораза только по имени он не решился.) Можно мне... за штурвал...

Богораз коротко рассмеялся — такого смеха Степа от него ни разу не слышал, отстегнул ремни и встал, кивнув Косухину на кресло. Тот, еще не веря, поспешил туда и что есть силы ухватил еще теплый штурвал.

— Спокойно, Степан Иванович... руки не напрягайте, спину чуть ровнее... Вот так...

Степа послушно выполнил указание и, еще не веря, что сам ведет самолет, взглянул вниз. Под колпаком рубки

мелькнул невысокий холм, блеснуло в закатном солнце извилистое русло замерзшей реки, а дальше потянулась ровная заснеженная степь.

— Чуть левее, — командовал Богораз. — Еще... Хорошо...

Степа еще с минуту понаслаждался невероятным ощущением полета, вздохнул и освободил кресло. Семен Аскольдович легко хлопнул его по плечу и вновь сел за штурвал. Косухин покачал головой и поплелся обратно.

Когда он проснулся, в салоне неярко горели лампы, за иллюминаторами стояла черная ночь, а в гудении моторов слышалось что-то новое, словно огромной машине стало не хватать воздуха. Никто не спал. Богораз и девушка сидели на одной койке, о чем-то беседуя. Арцеулова же в салоне не было.

— Что случилось? — поинтересовался Степа, надев шлем.

— Пока еще ничего... — спокойно сообщил Богораз. — Правда, я окончательно простудился.

И он весьма натурально кашлянул.

Косухин проигнорировал последние слова и вопросительно поглядел на Берг.

— Господин Арцеулов упрямился за штурвал, — улыбнулась девушка и без всякого перехода добавила: — Бодомган не отвечает.

— Ага! — отозвался Степа не без оттенка удовольствия, но тут до него дошло. — То есть как это... не отвечает?

— Не знаю, — пожала плечами Наташа. — Мы вызывали по радио... Боюсь, у них что-то случилось.

Степа вскочил, накинул полушубок и поспешил в кабину, но на полпути встретился с возвратившимся оттуда Арцеуловым. Тот поглядел на Степу так, что Косухину расхотелось куда-либо идти, и надел шлем. Степа поспешил последовать его примеру.

— Мы над Бодомганом, — сообщил капитан. — Огней нет. Полковник будет садиться... Наталья Федоровна, он вас зовет...

Берг кивнула и встала. Степа поглядел на девушку и не решительно поднялся.

— Сидите, Степан Иванович, — остановил его Богораз. — Там вы ничем не поможете.

— Но... как мы сядем? — совсем растерялся Степа.

— Снежный покров невелик. Если взлетная полоса не занята, сесть можно. К счастью, луна уже взошла...

Самолет внезапно изменил курс и стал снижаться, а затем начал описывать круг. Степа и Арцеулов поглядели на невозмутимого Богораза.

— Заходим на посадку, — прокомментировал тот. — Ладно, загляну-ка и я...

Он пружинисто встал и быстро прошел в пилотскую кабину. Ростислав и Косухин, не сговариваясь, пошли за ним.

За колпаком кабины было темным-темно, лишь над горизонтом слабо светил лунный серп. Под колесами машины мелькала белая, в темных разрывах, степь. Внезапно внизу показались несколько одноэтажных домиков, какие-то сараи и решетчатая вышка.

Машина сделала еще круг, полковник сжал губы и чуть двинул штурвалом. «Муромец» взревел моторами и резко пошел на снижение.

— Арцеулов! — донеслось сквозь шум мотора. Капитан на секунду замешкался и надел шлем. — Капитан, уведите мальчишку и не пускайте его в кабину! Как поняли?

— Так точно, — Арцеулов снял шлем и кивнул Косухину. Тот хотел было заартачиться, но поймал взгляд брата и покорно пошел, конвоируемый капитаном. Пройдя несколько шагов, он остановился.

— Нет! — крикнул он сквозь рев двигателей. — Я вернусь!

— Прекратите! — закричал в ответ Арцеулов, потянув упировавшегося Степу в салон. Тот поспешил надеть на голову шлем.

— Косухин, не выдумывайте, — осадил его капитан, тоже подключившись к внутреннему телефону. — Мы с вами там только мешаем.

— Да не мешаем мы, чердынь-калуга! — возмутился Степа. — Просто если гробанемся, те, кто в хвосте, могут уцелеть... Будто я маленький, не понимаю...

Арцеулов не знал этой очевидной авиационной истины. Он взглянул на растерянного и возмущенного Косухина и внезапно подумал, что краснопузый ему чем-то симпатичен. Не то чтобы очень, но в эту минуту Ростислав его прекрасно понимал.

— Успокойтесь, — произнес он по возможности вежливее. — Ваш брат — превосходный летчик. Все будет в порядке, вот увидите.

Степа ничего не ответил и стал глядеть в иллюминатор. Дверь в рубку отворилась, и на пороге появилась Берг.

— Меня выгнали, — сообщила та. — По-моему, это дискриминация слабого пола. Мы садимся, господа...

Самолет мчал уже над самой землей. Арцеулов видел, как с каждым мгновением приближается ровная, покрытая сухой травой степь. Снега, как он заметил, почти не было — только местами мелькали небольшие пятна.

Легкий толчок возвестил о том, что многотонная машина коснулась взлетной полосы. Почти сразу же самолет стал подрагивать, резко бросаясь из стороны в сторону. Это продолжалось несколько долгих минут. Наконец «Муромец» замедлил ход и не спеша, как бы неохотно, остановился.

Их встретила тишина. Даже ветра не было слышно. Вокруг лежала тьма, не горело ни огонька, и здания аэродрома еле проглядывали сквозь черноту ночи.

— Не понимаю, — растерянно произнес полковник. — Куда все исчезли?

— Надо взять оружие. — Арцеулов почувствовал себя вновь в привычной обстановке. — Господин полковник, что нам здесь надо?

— Горючее... Надо заправиться, капитан. Это российская авиабаза еще с тринадцатого года. Месяц назад здесь все было в полном порядке...

— Месяц назад еще не пал Иркутск. — Ростислав поспешил достать из машины оба карабина.

Впрочем, оружие им не понадобилось. Огромный аэродром был пуст. В заброшенных домах остались забытые вещи, двери складов были открыты настежь, а сорванный трехцветный флаг лежал неподалеку от поваленной мачты. Похоже, аэродром попросту бросили.

В одном из складов удалось найти несколько бочек с бензином. Полковник завел моторы и подрулил прямо к складу, после чего пришлось долго возиться с намертво запаянными бочками. Лишь через несколько часов удалось заправить баки, — правда, теперь все, включая Берг, благоухали бензином и маслом, перепачкав не только рукавицы, но и полушубки.

— Отдохнем? — не выдержала Наташа, кивая на казавшийся теперь таким гостеприимным салон «Муромца».

— Да, конечно, — кивнул полковник. — Отдыхайте, господа...

— Коля, мы прямо сейчас взлетим? Ночь же! — поразился Степа.

— Ничего, — улыбнулся Лебедев. — Авось не заблудимся! Я бы и сам предпочел дождаться рассвета, но барометр мне не нравится...

— А че с ним? — удивился Косухин, слабо разбирающийся в барометрах.

— Падает, — коротко ответил полковник и кивнув на люк, предложил: — Прошу, господа. Взлетаем...

Оказавшись в салоне, Степа поспешил забраться на койку. Вновь захотелось спать — сказывалось напряжение последних нескольких дней.

Его разбудила Берг. В кабине было уже светло. В лучах утреннего солнца лицо девушки показалось Степе утомленным и немного растерянным.

— Ну и спите же вы, Косухин!

— А... ну да... — смутился он. — А вы не спали, Наташа?

— Немного... Мы менялись за штурвалом. Осталось часа два...

— Ух ты, хорошо! — обрадовался Степа, но девушка вздохнула и покачала головой:

— Впереди облачный фронт. Это плохо, Косухин. Очень плохо...

Слово «фронт» было более чем понятно. Правда, фронт назывался обычно Восточным или Западным, куда следовало регулярно посылать лучших товарищей-коммунистов. О существовании облачного фронта Степа до сего дня не подозревал, но сразу же почувствовал серьезность момента. Он вскочил и, несмотря на возражения девушки, поспешил в кабину.

Под колпаком машины тянулась ровная желтая степь, покрытая невысокими холмами. Мелькнуло что-то маленькое, похожее на каплю странной формы, и Степа с трудом сообразил, что это юрта. Впрочем, незнакомый пейзаж почти не заинтересовал Косухина — он смотрел на небо.

Оно было обычным, бледным, а совсем высоко плыли маленькие, похожие на рыбок, облака. Но впереди, у самого горизонта, темнело что-то напоминающее серо-желтую башню, опускающуюся почти до самой земли. Эта «башня» была еще далеко, но с каждой секундой росла, словно раз-

ворачиваясь и раздуваясь. Лебедев заметил брата и что-то сказал. Степа поспешил надеть шлем.

— Выспался? — повторил брат и, не дожидаясь ответа, бросил: — Давай обратно! Пристегнись, в салоне есть ремни. И другим скажи.

— Ага, — кивнул Степа, хотя слово «пристегнись» ему совсем не понравилось. — Коля, а нельзя этот... фронт... ну, обойти? Или выше подняться?

Брат коротко рассмеялся и покачал головой:

— Мало топлива. Боюсь, не долетим. А выше мы просто не потянем. Какой потолок у «Муромца», помнишь?

— Ну... километра два.

— Совершенно верно. А тут раза в три повыше. Так что дуй отсюда и не мешай, ясно?

— Чего уж, — обиделся Степа и пошел обратно в салон.

Он даже не стал надевать шлема — разговаривать ни с кем не хотелось. Оставалось прилечь на койку.

Степа, естественно, не собирался спать, но внезапно его сморило. То есть даже не сморило, просто кто-то опустился перед ним темную завесу, и Косухин начал проваливаться словно в пропасть. Он долго падал в бесконечную черноту, и вдруг все вновь переменялось. Перед ним засверкал желтоватый свет, темная завеса лопнула и разлетелась в клочья. Косухин увидел себя на какой-то каменистой площадке между двумя уродливыми, источенными ветром скалами. Под ногами хрустели мелкие камешки, а во рту он внезапно ощутил неприятный привкус крови.

Степа поразились реальности сна — в том, что он спит, сомнений не было, — и тут увидел «Муромец». Аэроплан был совсем рядом, шагах в двадцати. Косухин с интересом взгляделся и ахнул.

Кабины у самолета не было. Она исчезла, сжатая почти в гармошку. «Муромец» стоял, накренившись и уткнувшись носом в скалу. Один из моторов — крайний на левом крыле, — обгорел и дымился, по корпусу прошли глубокие трещины. Рядом с открытым люком лежало несколько вещей мешков, к которым был прислонен карабин. Косухин посмотрел направо и с облегчением вздохнул — он увидел самого себя. Тот, другой Степа, стоял рядом с Берг и Бого-разом, чуть дальше он заметил Арцеулова с перевязанной головой, брата почему-то не было. Степа взгляделся пристальнее и похолодел — все четверо стояли у невысокого могильного холма, рядом валялись две лопаты, а поверх на-

спех набросанной серо-желтой земли лежал черный летный шлем.

— Фу ты, бред, — подумал растерянный и перепуганный Степа. — Ну и сон, чердынь-калуга!

И тут Косухин почувствовал, что он не один. Рядом стояла женщина в платье сестры милосердия, которую Степа уже встречал, если, конечно, это можно назвать встречей.

— Ксения... вы... — начал было он, но не договорил и нерешительно умолк. Женщина, глядевшая на него — стоявшего у могилы, — медленно повернула голову:

— Мне очень жаль, Степан. Я могла бы что-то сделать на земле, но в небесах нет опоры. Даже таким, как я...

«Это сон, черт его побери!» — хотел было заявить Степа, но почему-то смолчал. Женщина, похоже, поняла и чуть заметно покачала головой.

— Чего ж делать-то? — растерянно пробормотал Косухин. — Ксения, ну помогите же! Ведь Николай... За что же его?..

— Подумайте сами, Степан. Ростислав и вы воюете между собой, но погибает ваш брат. Выходит, вы и воюете для того, чтобы погибали такие, как он. Я не могу вам помочь. Но вы когда-то спасли Ростислава, попросите его. Пусть отдаст перстень вашему брату, пока вы в воздухе. Прощайте...

Внезапно перед глазами закружились какие-то черные клочья, затем все погрузилось во тьму, и тут сильный толчок чуть не сбросил Степу с койки.

— А! — дернулся он, открывая глаза. Самолет вновь швырнуло, он заглянул в иллюминатор, увидев что-то темно-серое, клубящееся, исходящее каплями влаги, покрывшими толстое стекло.

Берг что-то прокричала, но Степа ничего не услышал сквозь шум моторов. Он огляделся — Богораза в салоне не было, а капитан сидел на своей койке, листая Ника Картера. Степа поспешил надеть шлем.

— Ну и нервы у вас, Косухин! — сказала Берг веселым тоном, хотя в голосе чувствовалась какая-то неестественная напряженность. — Спице тут, словно на сеновале! Когда снова будете ложиться, на всякий случай наденьте парашют... Хороши джентльмены — бросили даму одну!

— Сморило, — пробормотал Степа, не зная, верить или не верить тому, что только что увидел во сне. Он поглядел на Арцеулова — беляк углубился в книженцию, очевидно

желая отвлечься от происходящего. На пальце его правой руки тускло блестел перстень.

«Не поверит же, гад!» — безнадежно подумал Косухин, но все же встал и, едва не упав при следующем толчке, подсел к капитану.

Арцеулов его не заметил. Степа подключил проводки шлема в ближайшую розетку и кашлянул. Капитан поднял голову, не без удивления поглядев на Степу.

— Ты... эта... поговорить надо, — начал Косухин.

— Слушаю вас, господин красный командир. — Тон беляка не обещал ничего доброго, но Степа все же решился:

— Ты, Арцеулов, в сны веришь?

— Что? — поразился Ростислав. Разговаривать с краснопузым было не о чем, а такой вопрос и вовсе показался дурацким. Он уже хотел было съязвить что-нибудь подходящее к случаю и закончить ненужную беседу, но взглянул на растерянное лицо Косухина и сдержался. Он вдруг вспомнил свой сон в Нижнеудинске. Интересно, что этот красный имеет в виду?

— Не очень, — признался капитан, заметив, что при этих словах Степа растерялся еще более, и вдруг понял: краснопузый и не думает шутить. Внезапно стало тревожно.

— Чем я могу помочь? — спросил он совсем не то, что вначале собирался.

— Перстень... Отдай брату. Пока мы не сели...

Арцеулов удивился еще более, автоматически взглянул на черных эмеек на массивной печатке. В словах Косухина была логика. В отличие от Степы, Арцеулов прекрасно знал, что такое атмосферный фронт. Лебедев, сидевший за штурвалом аэроплана, сейчас, как никогда, нуждался в удаче. И если перстень в самом деле может помочь...

Внезапно вспомнились слова странного чеха. «Никогда не снимай перстня...» Но ведь он снимал перстень тогда, в церкви, чтобы не пустить нелюдей за порог?

«А ведь если что, перстень и мне самому пригодится», — мелькнула вполне резонная мысль, но капитан уже встал, снял шлем и решительно направился в кабину. Степа вскочил и пошел следом.

Полковник Лебедев был внешне совершенно спокоен. Даже его широкие кисти не держали штурвал, а, казалось, лишь лежали на нем. Только сжатые губы и маленькая кап-

ля пота, стекавшая по лицу, выдавали его чувства. Богораз сидел в соседнем кресле, очки исчезли, серые глаза смотрели строго, почти сурово, губы изредка шевелились — студент что-то говорил Лебедеву, а тот чуть заметно кивал, не отводя глаз от того, что было за стеклом кабины.

Там клубилась тьма, у которой не было ни верха ни низа, по стеклу текла вода, и было просто непонятно, как эти двое могут находить в таком месиве дорогу.

Лебедев оглянулся, увидел непрошенных гостей и мотнул головой. Все было ясно и без слов, но Арцеулов твердо подошел к приборной доске, взял свободный шлем и что-то сказал полковнику.

Степа видел, как брат удивленно поднял брови, затем нахмурился и произнес что-то резкое. Арцеулов вновь заговорил, затем повернулся, кивнул на Степу и снял с пальца перстень. Брат тоже оглянулся, и вдруг его лицо изменилось, на миг смягчившись улыбкой. Полковник успокаивающе кивнул Степе и надел перстень на безымянный палец.

Арцеулов тут же отошел к двери и поманил Степу. Косухин вздохнул и уже собрался было уходить, как вдруг что-то изменилось. Мгла перед колаком кабины поредела, где-то вверху мелькнул клочок голубого неба, и тут серая завеса разорвалась. Сквозь мокрые стекла кабины стала видна желтая неровная поверхность земли, мелькнуло русло высохшей реки, но это продолжалось не больше минуты. Громадная туча, еще темнее и больше прежней, надвигалась с юга. Ее неровные края шевелились, казалось, она дышала, мерно и глубоко, и этот нечеловеческий ритм таил в себе что-то неведомое и жуткое.

Степа и Арцеулов замерли, глядя на приближавшуюся с каждым мигом темно-серую громаду. Внезапно им показалось, что туча стала прозрачной, как будто засветился экран гигантского синематографа. На этом экране, чуть подсвеченное странным, неземным огнем, стало проступать гигантское лицо, занимая почти полнеба. Обозначились неясные контуры, проступил тонкий брезгливо сжатый рот, резкие скулы и чуть прищуренные бесцветные глаза. Степа и капитан невольно переглянулись — не узнать того, с кем им обоим уже приходилось встречаться, было невозможно.

Косухин взглянул на брата и понял: тот тоже видит. Руки, прежде лежавшие спокойно, теперь впились в штурвал, а вся фигура как бы сжалась, чувствуя неведомую опас-

ность. Богораз откинулся в кресле, закусил губу, а серые глаза, казалось, превратились в щелки.

Страшное лицо росло, теперь оно занимало почти все небо, и вдруг ярко-красные губы призрака дернулись. Не было слышно ни звука, но Косухину показалось, что в голове его медленно начинает звучать хрипый голос, произносящий непонятные слова. Степа скосил глаза на Арцеулова, и заметил, что тот быстро перекрестился. Хриплые слова продолжали звучать, и Косухину почудилось, что он различает что-то странно знакомое:

«Бааль зебуб... бааль зебуб...»

Внезапно захотелось тоже осенить себя крестом, но Степа одолел это недостойное большевика желание и лишь сердито нахмурился. В ушах раздался злой хрипый смех, и в ту же секунду лицо сгнуло, а на стекла кабины обрушился мокрый шквал. Аэроплан резко кинуло влево, Арцеулов едва удержался на ногах, а Степу бросило на стенку кабины. «Муромец» вновь трянуло, и самолет стал заваливаться на левое крыло. Полковник быстро взглянул туда, что-то быстро сказал в шлемофон, и невозмутимое лицо Богоразу внезапно стало пепельным. Арцеулов и Косухин невольно поглядели туда же и сквозь мокрую пелену разглядели клубы черного дыма.

— Левый мотор!

Степа вспомнил свой сон и похолодел. Арцеулов, еще не понимавший, что случилось, тоже почувствовал беду. Вновь, уже не в первый раз за время полета, капитан остро осознал свое бессилие. Он, водивший цепи в штыковую, не боявшийся вставать в полный рост на большевистские пулеметы, был теперь бессилен и слаб, как ребенок.

Полковник что-то сказал Богоразу, тот отрицательно покачал головой, но Лебедев, нахмурившись, вновь отдал команду. Студент отстегнул ремень и резко встал. Полковник оглянулся и вновь недвусмысленно кивнул на дверь. «К черту! — подумал Арцеулов. — Не уйду!»

Степа подумал приблизительно то же самое, но Богораз, с неожиданной для его худой фигуры силой, схватил Косухина за плечи и буквально выкинул из кабины. Арцеулов резко пожал плечами и предпочел отступить сам.

В салоне Семен Аскольдович тут же подошел к сжавшейся на койке Берг и показал ей на висевшие рядом ремни. Та быстро кивнула и стала нервными движениями за-

стегивать их на груди. Богораз кивнул в ответ, проверил крепление и повернулся к остальным.

Ни Ростислав, ни Косухин никогда не имели дела с ремнями безопасности, и дело шло туго. Самолет продолжал заваливаться влево, в салоне запахло гарью, а мгла за иллюминаторами стала пузыриться чем-то черным и липким. Студент быстрыми движениями помог обоим справиться с ремнями, после чего ловко проскользнул к своей койке и пристегнулся сам.

— Что случилось? — прозвучал в наушниках взволнованный голос девушки. — Что-то с мотором?

— Что-то с маслом, — скучным голосом ответил Богораз. — Пустяки, Наталья Федоровна...

Ни Степа, ни Арцеулов не стали разуверять Наташу. Девушка быстро взглянула в левый иллюминатор, сквозь который были хорошо видны клочья дыма, и невесело улыбнулась. Косухин хотел сказать что-то ободряющее, но говорить было нечего.

Гул моторов стал другим — неровным, как бы неуверенным. Аэроплан уже не мчал, а полз сквозь липкие тучи.

«Какой уж тут перстень! — невесело подумал Степа. — Гробанемся за милую душу, и костей ворон не соберет...»

Вновь вспомнился странный сон, и тут Косухин внезапно подумал о том, на что вначале не обратил внимания. Ксения сказала, что он спас ее мужа, этого белого гада. Странно, Косухин мог поручиться, что чем-чем, а спасением колчаковских офицеров никогда не занимался.

«Ладно, — решил он. — Мало ли чего причудится! Во сне того и гляди корешем самому Колчаку станешь, чердынь-калуга...»

Между тем самолет дернулся и начал медленно выпрямляться. Тут же к горлу подкатил комок, а в животе стало холодно и пусто.

— Полковник выключил правый мотор, — негромко произнесла Берг, прислушиваясь. — Семен, что там внизу?

— Степь... — неуверенно проговорил Богораз. — Точнее, полупустыня. В общем, ровно, но иногда встречаются скалы...

Косухин вновь вспомнил свой сон — накренившийся «Муромец», ткнувшийся носом в желтую скалу.

— Помогите нам, Господи, — тихо проговорила девушка. — Косухин, помолитесь за меня...

Степа удивленно поднял брови и хотел было сообщить

о своем непробиваемом атеизме, но смолчал. Это было бы явно не ко времени.

Самолет вновь закачал, он резко накренился, затем выпрямился. Моторы уже не гудели, а хрипели — неровно и прерывисто. К гулу прибавился свист — «Муромец» падал. Казалось, воздух, до этого столь послушный и гостеприимный, отказывается теперь держать тяжелую ношу.

Степа не удержался и, дотянувшись до иллюминатора, выглянул. Земля была совсем рядом — желтая, неровная, покрытая источенными ветром камнями. Он уже видел это. Косухин закрыл глаза и вдруг подумал о брате. Николай был за штурвалом, и ему нечем помочь...

«Господи! — вдруг прошептал Степа, напрочь забыв про идеи единственного верного на земле учения. — Господи, помоги рабу твоему Николаю! У меня же больше никого нет, Господи!..»

— Внимание! — вдруг резко произнес Богораз. — Держитесь!

И тут самолет ударило. Удар был слабый, всех лишь подбросило на сиденьях, но через секунду машину вновь тряхнуло, на этот раз сильнее. Послышался страшный треск, со звоном разлетелось стекло одного из иллюминаторов, аэроплан резко бросило в сторону — и тут-то «Муромец» ударило уже по-настоящему.

Обшивка треснула, слышался грохот срывавшегося с места оборудования, людей подкинуло вверх, но ремни держали. Косухин успел подумать, что удалось отделаться легким испугом, и тут вновь слышался треск, удар невиданной силы обрушился на салон...

Косухину повезло. Он слегка прикусил губу (кровь тут же потекла в рот), вдобавок ударился головой, но не сильно — войлок обшивки смягчил удар. Уже через секунду он открыл глаза и понял, что жив.

Салон смяло почти в гармошку, по корпусу прошли глубокие сквозные трещины, на полу блестели выбитые стекла, но все внутри салона, как показалось Степе, уцелели. Богораз сидел на койке, бессильно откинувшись назад. Богораз уже пришел в себя и с очумелым видом мотал головой. Косухин поглядел туда, где было место белого гада Арцеулова и вдруг увидел, что капитана нет, лишь обрывки ремней бессильно покачивались, свисая со стены.

«Ого! — только и подумал Степа — Не повезло бяляку!»

И тут же мысль о брате заставила рвануть застежку ремня. Косухин вскочил и увидел Арцеулова — капитан лежал в углу, лицо залито кровью, а голова бессильно застыла, откинувшись назад.

«А ведь он перстень снял!» — мелькнуло в сознании, но Степа решил заняться беяком позже. Чуть покачиваясь, он сделал шаг в сторону кабины, краем глаза заметив, что девушка открыла глаза и испуганно смотрит в разбитый салон.

«Потом, потом!» — подумал Степа и тут же увидел брата.

Николай стоял в дверях, на лице — прямо под старым шрамом, — краснел глубокий порез, шлем с оборванными проводками сбился набок, но полковник улыбался.

— С прибытием, господа! Мягкой посадки не получилось, но чертовски рад, что мы все-таки сели...

— Взаимно, — без особых эмоций отозвался Богораз, выпутываясь из ремней. — Самолет — полностью?

— Почти что вдребезги. Сейчас поглядите сами...

Степа стоял, не говоря ни слова и понимая лишь одно — брат жив. И все они живы, а значит, нечего верить дурацким снам. И тут он вспомнил о перстне — и об Арцеулове.

— Братан, — проговорил он, кивнув туда, где лежало тело капитана. — Тащи аптеку...

— Ах черт! — Полковник мельком взглянул на Арцеулова и скрылся в кабине. Косухин подошел к раненому и осторожно приподнял ему голову. Рука тут же испачкалась кровью. Арцеулов застонал, но Степа почти сразу успокоился — капитан жив и, кажется, ранен несерьезно.

— Что с Ростиславом Александровичем? — Берг подошла сзади и неуверенно дотронулась до бледного, заляпанного кровью лба.

— Ниче! — уверенно заявил Степа. — Башкой долбанулся, беяк! Сейчас перевяжем...

— Разрешите? — Богораз чуть потеснил Косухина и присел рядом.

— Ты, Семен, в медицине кумекаешь? — недоверчиво поинтересовался Степа.

— Немного, — проговорил студент, думая, похоже, всем о другом. — Надеюсь, сотрясения нет... Ага, бинты!

Он взял принесенную полковником коробку с медикаментами, кивнул Косухину, чтобы тот помог, и начал быстро и умело перевязывать раненого.

— Что с ним? — повторила Берг. — Кости целы?

— Порядок, — невозмутимо заметил Богораз, бинтуя голову. — И как это ремни не выдержали, не понимаю?..

Арцеулов открыл глаза и тут же почувствовал боль. Болела голова, во рту скопилась густая соленая кровь, ныла ушибленная спина, но он был жив. Эта мысль доставила ему мгновенное удовлетворение. Правда, настроение тут же испортилось — прямо перед ним сидел на корточках краснопузый Косухин и нахально ухмылялся.

— Ну чего, жив, беляк? — Вопрос был чисто риторический, и Ростислав решил не отвечать. Наглая физиономия Косухина его раздражала, он не особо понимал, чему тот улыбается — тому, что Арцеулов жив, или зрелищу валяющегося на полу кабины офицера Российской армии.

— Капитан, как вы? — Физиономия Косухина исчезла, и над Арцеуловым склонился Лебедев.

— Благодарю... Кажется, ушибся, — разговаривать было трудно, болела челюсть, но капитан чувствовал, что вполне может двигаться. Он привстал и, оглядевшись, покачал головой.

— Да, крепко досталось, — понял его полковник. — Вы еще кабину не видели... Встать сможете?

Арцеулов кивнул и через секунду уже был на ногах. Голова продолжала болеть, кровь сочилась через бинты, но в остальном все постепенно приходило в норму.

— Все из машины, — распорядился Лебедев. — Баки, конечно, пустые, но от греха подальше...

Когда они заглянули в кабину, то невольно замерли, а Берг не удержалась от громкого вдоха — кабины не было. Грязно-желтая скала буквально вдавилась внутрь самолета, разнеся фонарь, приборную доску и задержавшись в каком-то сантиметре от пилотского кресла.

— Да, неплохо, — прокомментировал полковник. — Ваш перстень помог, капитан!

Арцеулов не стал спорить, хотя мысль показалось просто нелепой.

Вокруг бессильно ткнувшегося в скалу самолета простиралась желтая бесснежная степь, абсолютно голая, если не считать множества больших и малых каменных глыб, таких же желтых, занесенных легкой летучей пылью.

— Николай Иванович, как же вы сели? — поразилась Берг. — Здесь и «Фарману»-то негде...

Остальные молча оглядывались, поражаясь тому, как полковнику удалось посадить многотонный «Муромец». Лебедев чуть развел руками:

— К сожалению, все-таки гробанул машину. В общем, двойка... Наверно, если бы не ваш перстень, господин Арцеулов...

Он вновь улыбнулся и протянул серебряный амулет капитану.

— Это не перстень, — уверенно произнес Ростислав. — Нас спасли вы, господин полковник...

— Полноте, — чуть скривился Лебедев. — Мне бы в Каче за такую посадку... Хорошо еще, что мы почти прилетели. Степа, да что с тобой?

Косухин стоял как замороженный, не в силах сдвинуться с места. Все, что он видел во сне, теперь было наяву — разбитый самолет у желто-серой скалы, дымящийся почерневший мотор, унылая каменистая степь. Все — кроме одного. Никто не лежал в могиле.

— Ниче, братан, — выдавил из себя Косухин. — Закурить бы...

Он несмело взглянул на вражину Арцеулова. Тот усмехнулся не без злорадства и протянул Степе кисет с махоркой.

Постепенно все пришли в себя. Полковник разостлал прямо на земле полетную карту и вместе с Богоразом стал внимательно вглядываться в неясные для непосвященных пометки.

— Чуток не долетели, — наконец заявил он. — Как раз перемахнули Яркенд-Дарью. До ночи не доберемся, но завтра к полудню как раз... Это будет...

— Девятнадцатое января, — подсказал Арцеулов. — Похоже, успеваем...

Перекусив, начали собирать вещи. К счастью, в машине оказался изрядный неприкосновенный запас, продуктов должно было хватить на двое-трое суток. Снега не было, и валенки пришлось сменить на унты. Оружие взяли с собой — до Челкея путь неблизок.

Шли не спеша. Полет всех вымотал. Под ногами то и дело попадались камни, которые приходилось обходить или перешагивать. Вокруг тянулся все тот же пейзаж — желтая

ровная степь, покрытая изветрившимися скалами. Справа открылась небольшая, почти пересохшая речушка.

— Яркенд, — пояснил полковник. — Нам еще повезло, что сейчас зима. Ведь слева от нас — Такла-Макан.

Арцеулов кивнул — географию в гимназических пределах он еще помнил. Степа же недоуменно покосился на бескрайнюю степь, вопросительно взглянув на брата.

— Пустыня, — пояснил тот. — И довольно страшная, почище наших Каракумов. Летом туда вообще лучше не соваться — барханы до трехсот метров. Да еще двигаются. Представляешь?

Степа такого представить не мог, но ему поневоле стало не по себе.

— Говорят, там много древних городов, — добавила Берг. — Сейчас их не найти — засыпаны песком...

— А чьи это были города? — поинтересовался Арцеулов, с любопытством поглядывая налево, где лежала загадочная пустыня.

— Не знаю... Это было очень давно, еще до монголов. Говорят, здесь до сих пор появляются призраки...

— Конница Гэсэр-хана, — внезапно произнес Богораз.

— Да, — кивнула Берг и замолчала.

Все, даже Лебедев, немедленно заинтересовались, потребовав от студента объяснений. Он недоуменно развел руками:

— Ну, господа, я же не фольклорист! Какой-то очередной народный герой, тибетский кажется. Или монгольский... Владыка десяти стран света, искоренитель десяти зол, побеждал всяких чудищ, где-то здесь, например, прикончил людоеда Лубсана. Естественно, чародей... Иногда появляется из глубины Такла-Макана со своими нукерами. То ли карать зло, то ли его творить, уж не знаю.

— А ты его видел? — тут же спросил Степа, чувствуя, что равнодушный тон студента явно напускной.

— Я? — без особой охоты откликнулся Богораз. — Видел. Ну всадники как всадники...

Несмотря на всеобщий интерес, студент решительно заявил, что ровным счетом ничего не понимает ни в привидениях, ни в кавалерии, и от дальнейших пояснений отказался. Полковник лишь посмеялся. Берг внешне никак не реагировала на эту байку, а Арцеулов вдруг почему-то поверил. Ему даже показалось, что где-то там, у горизонта,

беззвучно промелькнул полупрозрачный силуэт гигантского всадника...

Степа в призраков не верил, но еще раз подумал, что странный студент с вечным бронхитом явно не прост. Здесь, в степи, Богораз вновь напялил на нос нелепые очки, то и дело надрывно кашлял, поминая свою болячку, но Косухин помнил, каким был Семен за штурвалом самолета.

«Ишь, дурака валяет, — вновь подумал Степа. — Бронхит у него! Призраков, понимаешь, видел! Эх, не раскусил я его тогда, на Троицкой...»

Они шли до самого вечера, держась вдоль русла Яркенда. Как объяснил полковник, река вскоре свернет налево, к озеру Челкель, куда они и добирались.

Идти становилось труднее. Степь взгорбилась высокими холмами, твердую сухую землю то и дело сменяли островки вязкого песка, и по-прежнему всюду лежали камни — их было много, словно кто-то специально постарался сделать эти места как можно менее уютными.

— Пожалуй, хватит, — заявил Лебедев, когда они подошли к подножию большого пологого холма. — Станем здесь...

Место, действительно, оказалось удобным. Река была рядом, а на склоне холма чудом уцелели несколько сухих деревьев, вполне пригодных для костра. Полковник назвал этих представителей здешней флоры диковинным словом «тограк», но сухие колючие ветки горели не хуже березовых, у костра сразу же стало уютно. Лебедев пустил по кругу прихваченную из самолета флягу со спиртом. Пару дней назад, среди мертвой ледяной тайги, обжигающая жидкость лишь немного бодрила, прогоняя усталость, но здесь спирт ударил в голову, расслабляя нервы и рассеивая мрачные воспоминания.

Арцеулов сел поближе к огню, засунув руки в карманы полушубка. Хотелось курить, но лень было крутить «козью ногу». На холмы опускался тихий беззвучный вечер, языки огня весело плясали, вздымаясь к черному, покрытому звездной пылью небу. Ростиславу стало хорошо, как давно уже не бывало. Казалось, все страшное уже позади, кончилась проклятая война, и он сидит с дружной компанией старых приятелей, выехавших на увлекательную прогулку на берег загадочной реки. Даже краснопузый Косухин, не поленившийся свернуть гигантскую самокрутку и удовлетворенно пускавший в звездное небо кольца сизого дыма, вне-

запно показался не смертным врагом, по дикому недоразумению оказавшимся в составе секретнейшей экспедиции, а обыкновенным симпатичным парнем, немного забавным, но смелым и надежным, который не струсит и не предаст в минуту опасности.

Но Арцеулов не позволял себе долго предаваться благодушным мечтаниям. Его война не кончилась, и самое главное еще впереди. Рядом с ним был не славный парень Степа, а опасный умный враг, который выполнял свое задание, не жалея жизни — своей, а если понадобится, и их жизнью тоже. Капитан вдруг подумал, что если бы не дикая случайность и Косухин не оказался братом полковника, он застрелил бы его здесь же, у этого костра. Застрелил бы не из слепой ненависти — такой ненависти к Степе Арцеулов уже не чувствовал, — а по жестокой логике войны. Он представил себе мертвого Косухина, лежавшего здесь, на склоне холма, и внезапно для самого себя обрадовался, что краснопузый и сегодня окажется в живых.

Степа же не ведал о мрачных размышлениях Арцеулова. Ему было просто хорошо. Он жив, брат — в чье воскресение он никак не мог поверить, как раньше не верил в гибель, — был рядом, а остальное могло подождать до утра...

Берг внезапно рассмеялась и, взвесив в руке фляжку со спиртом, из которой только что отхлебнула, покачала головой:

— Какая экзотика! Воспитанная девушка из хорошей семьи хлещет спирт в компании трех подозрительных мужчин! Ужас, господа!

— А кого из нас вы не посчитали? — поинтересовался Арцеулов.

— Не вас, — вновь рассмеялась Наташа. — Вы, Ростислав Александрович, с вашим вечно мрачным видом немного напоминаете корсиканского разбойника. Я не посчитала господина полковника. Во-первых, потому, что он остается джентльменом даже в пустыне, а во-вторых, всегда благоговела перед кавалерами ордена Александра Невского...

Лебедев чуть смутился, хотя всем было понятно, что девушка шутит. Даже Арцеулову подобное корсиканское сравнение не показалось обидным. Наверно, со стороны он действительно не выглядит особым оптимистом. Между тем девушка передала флягу Степе и вновь покачала головой:

— Представляю, что бы сказал Гастон...

Заметив, что мужчины едва заметно переглянулись, она поспешила уточнить:

— Это мой жених, господа. Гастон Сен-Луи. Хороший физик и очень воспитанный человек. Он работает у мадам Кюри в Париже...

— А! — неопределенно произнес Богораз, похоже имея некоторые сомнения то ли по поводу таланта, то ли по поводу воспитанности упомянутого Гастона.

— Как же он вас отпустил? — удивился Арцеулов. — Я бы на его месте не рискнул.

Берг не ответила, лишь вновь усмехнулась, на этот раз не очень весело. У костра повисло молчание.

«Так у нее жених, чердынь-калуга! — растерялся Степа, но тут же пришел в себя. — А чего нет, в самом деле? Только этот беляк прав — куда было ее отпускать в такие гиблые места! Сам бы, что ли, поехал, этот Гастон!»

Жених мадмуазель Берг отчего-то представился ему хлипким мерзким типом совершенно буржуйского вида и в очках. Вроде Богораза, только хуже. Семен Аскольдович, по крайней мере, был здесь, а не в Париже...

Когда все собрались спать, Арцеулов настоял, чтобы выставить дежурство. Пустыня — пустыней, а капитан не любил быть застигнутым врасплох. Он остался сторожить первым и, когда тьма сгустилась до угольной черноты, вдруг заметил прямо над холмом легкое, чуть мерцающее сияние. Не выдержав, он растолкал Лебедева, но тот улыбнулся и велел ни о чем не беспокоиться.

Рано утром, наскоро перекусив, они стали подниматься на холм. Капитан хотел расспросить полковника о том, что видел ночью, но на вершине понял, что в этом уже нет нужды. Прямо перед глазами блеснула голубая даль озера, а за ним в ярких солнечных лучах отсвечивали серебром огромные, различимые даже за несколько верст решетчатые конструкции. Посреди них возвышалось что-то высокое с острым, выкрашенным в ярко-красный цвет навершием, похожее на невероятных размеров карандаш, поставленный острием в зенит. Чуть дальше должно было различить небольшие домики и длинные продолговатые здания, обнесенные почти незаметной с такого расстояния оградой.

— Прошу, господа! Челкель, — голос полковника невольно дрогнул. Все, даже бывавшие здесь Богораз и Берг,

остановились, молча разглядывая то, что вполне могло показаться просто невероятным миражем, возникшим среди скалистой пустыни.

— Господин полковник — это ракета? — спросил Арцеулов, поражаясь размерам серебристого «карандаша».

— «Мономах» — кивнул Лебедев. — Здорово смотрится, правда? Эх, жаль, вы не видели — пять лет назад здесь стояло три ракеты. Это уже последняя... Степа, нравится?

— Ага, — выдохнул Косухин. — И это все... взлетит, да?

— Ну, не все, — рассмеялся Лебедев. — Взлетит ракета. Рядом — фермы обслуживания, чуть дальше склады, городок... Ну, пошли...

Они двинулись вдоль берега Челкея и начали постепенно приближаться к полигону. Серебряный «карандаш» медленно рос. Арцеулов прикинул, во сколько раз ракета выше, к примеру, Александровской колонны, — и лишь покачал головой. Косухин, Александровскую колонну не видевший, во все глаза глядел на невиданное диво.

— Наташа, — наконец не выдержал он, — и это все, ну... взлетит в этот... эфир?

— Я же вам рассказывала, Косухин, — улыбнулась девушка. — Это называется «ракетный поезд». Там как бы три «вагона» — три ракеты, одна за другой. Нижняя вначале толкает верхние, потом там выгорает топливо. Ну, помните?..

— Ага, — сообразил Косухин. — И в этот эфир попадает то, красное?

Он указал на верхнюю часть ракеты.

— Это и есть эфирный корабль, — кивнул шедший впереди полковник. — Эфирный корабль «Владимир Мономах-2».

— И ты там будешь? Ну, внутри?

— Да, — коротко ответил Лебедев. — Надеюсь...

Они прошли еще несколько километров. «Мономах» занимал теперь почти полнеба. Можно было уже разглядеть небольшую городок, расположенный правее от стартовой площадки, высокий каменный забор и вышки охраны.

— «Сколько же тут их будет? — стал смекать Степа, рассматривая продолговатые здания, походившие на казармы. — Батальон? Пожалуй, даже больше...»

Арцеулов подумал приблизительно о том же, наметанным взглядом отметив внушительный вид оборонительных сооружений. Полигон стоял посреди ровной степи, лишь

частично прикрытый озером, но подойти к нему было не так легко. Особенно если часть подходов, к примеру, заминировать. Ростислав поделился своими мыслями с Лебедевым, и тот подтвердил, что так оно и есть, а посему с дороги лучше не сходить. Дорога, насколько он помнил, была безопасна и охранялась патрулями...

Первый патруль они увидели верстах в трех от вышек охраны. Четверо всадников в длинных серых шинелях выехали из-за ближайшего холма и, чуть постояв, рысью направились прямо к ним. Короткие кавалерийские карабины смотрели на гостей.

Им было предложено остановиться и бросить оружие. Лебедев представился и хотел показать свои документы, но приказ был тут же повторен, причем самым категорическим тоном. Пришлось подчиниться. Правда, всадники ограничились тем, что забрали карабин, не поинтересовавшись, имеют ли путешественники еще что-либо в запасе. Арцеулова и Степу это сразу же насторожило. Красный командир Косухин мысленно обозвал патрульных раззявами, поскольку действуют они явно спустя рукава, а капитан заметил то, что ускользнуло от Степы, — среди патрульных не было офицера.

Когда узкая, едва заметная среди камней дорога перевалила через очередной бугор, всем стало понятно, что сюрпризы далеко не кончились. Прямо перед ними, за большими железными воротами, стояло двухэтажное здание из желтого камня, рядом с которым высилась мачта с развевающимся по ветру флагом. Флаг был красный.

ГЛАВА 10

Челкель

Отступать было некуда — навстречу от ворот спешили еще несколько солдат, держа наперевес уже не карабины, а трехлинейки с примкнутыми штыками. Полковник и Ростислав невольно переглянулись, но Лебедев, поняв немой вопрос Арцеулова, покачал головой. Действительно, сопротивляться было бессмысленно. Степа же недоуменно оглядывался, пытаясь осмыслить неожиданное зрелище. Значит, покуда его братан ездил в Иркутск да собирал господ

интеллигентов, тут кое-что переменялось. И хотя зрелище родного флага должно было настроить красного командира на оптимистический лад, он почему-то насторожился и решил быть начеку.

Их остановили у ворот. Солдаты перекинулись несколькими словами с патрульным, а затем направились прямо к ним. Впереди шел невысокий унтер с повязкой дежурного на рукаве.

— Кто такие, граждане? — поинтересовался он, поднося руку к фуражке.

Николай Иванович шагнул вперед:

— Полковник Лебедев. Со мною группа специалистов. Что у вас тут случилось?

Он достал из кармана летной куртки какие-то бумаги и протянул унтеру. Тот поглядел на них, потом на полковника, о чем-то пошептался с одним из солдат, а затем опять козырнул:

— Здравия желаю, господин полковник! Извините, сразу не узнал. Пройдемте в штаб...

— Какой штаб? — удивился Лебедев. — Мне нужно к генералу Боярышникову!

— Генерала нет. Пройдемте, граждане...

Пришлось вновь подчиниться, хотя Арцеулова так и тянуло достать «бульдог» и объяснить «гражданам», как нужно обращаться с офицером. Степа же глядел на солдат с явным недоверием — в январе 20-го обращение «граждане» уже начинало выходить из употребления. Во всяком случае, слово звучало не особо по-большевистски.

Они прошли через ворота и направились к двухэтажному зданию, возле которого слонялись без дела десятка два солдат с оружием, принявших тут же с любопытством разглядывать гостей. Ни одного офицера — это уже заметили все — тут тоже не оказалось, и происходящее мало напоминало налаженный порядок военной части.

В здании, где также были лишь солдаты и унтера, причем все с оружием, гостей отвели на второй этаж, в комнату, на двери которой красовалась небрежно выполненная на клочке бумаги надпись: «Революционный штаб авиаотряда Челкель».

За дверью стоял густой сизый дым от горевших самокруток, сразу показавшийся Степе родным и привычным. За большим столом находилось несколько солдат и унтер-офицеров, а в углу верхом на стуле пристроился единствен-

ный офицер-прапорщик в погонах, но с красной повязкой на рукаве. При виде вошедших все встали, а некоторые даже попытались отдать честь.

— Кто у вас здесь старший? — спросил Лебедев таким тоном, что Степа даже удивился.

— Фельдфебель Гаврилов, — представился один из сидевших за столом. — Начальник штаба. Это — члены штаба, ваше... то есть гражданин полковник. Здравствуйте, Николай Иванович. Вы меня, может, помните?..

— А, Гаврилов... — всмотрелся Лебедев. — Здравствуйте. Вы, кажется, из команды обслуживания? Слушайте, что у вас произошло?

— Пока ничего трагичного, господин полковник, — ответил вместо Гаврилова прапорщик с красной повязкой. — Разрешите представиться — прапорщик Остроумов. Гражданин, здесь женщина, уступите место...

Один из унтеров тут же уступил свой стул, другой был предоглашен полковнику. Берг кивнула и села, с интересом оглядывая присутствующих. Полковник садиться не стал и лишь облокотился на спинку стула.

— Гарнизон особого авиаотряда Челкель, узнав об отречении Колчака, постановил перейти на сторону советской власти, — продолжал прапорщик. — На общем митинге был избран штаб для временного руководства отрядом и полигоном. Гражданин Гаврилов — начальник, я его заместитель...

— А где остальные? — не выдержал Лебедев. — Где офицеры, техники?

— Часть техников перешла на нашу сторону. Что касается офицеров, то мои коллеги проявили совершенно бессмысленный консерватизм...

Арцеулов скрипнул зубами: он хорошо помнил семнадцатый год и то, что делала солдатня с проявившими консерватизм людьми в золотых погонах. Похоже, Лебедев подумал о том же.

— К счастью, обошлось без жертв, — рассеял их опасения Остроумов. — Командующий отрядом генерал Боярышников бежал, а остальные забаррикадировались в бункере на полигоне. Мы ведем переговоры, но пока безуспешно. Мы не хотим крови, господин полковник...

«Либералишки, — прокомментировал про себя Степа. — Эсеровщиной попахивает».

Впрочем, он и сам был не против такого развития собы-

тий. В конце концов, война действительно кончалась, а советская власть, как известно, всегда отличалась пролетарским гуманизмом.

— Позвольте, — растерянно произнес полковник. — Но ведь на завтра... в крайнем случае, на послезавтра назначен запуск «Мономаха»!

— Так точно! — подтвердил фельдфебель Гаврилов. — Только, гражданин полковник, тут такая петрушка... Вы не подумайте, мы ведь все добровольцы, так что понимаем... «Мономах» мы чуть не год готовили. Только такое дело получается...

Он замялся, а затем предложил выпить чаю. Никто, даже Арцеулов, не возражал. Чай был разлит в жестяные кружки, откуда-то появились ржаные сухари, а из соседней комнаты были принесены недостающие стулья. В дверь то и дело просовывались любопытные физиономии, но Гаврилов каждый раз решительно приказывал не мешать.

Хлебнув чаю — чай был незнакомый, желтый, — фельдфебель начал рассказ, время от времени дополняемый репликами Остроумова и членов штаба. Почти сразу стало ясно, что положение действительно очень непростое.

После бегства генерала Боярышникова революционный штаб постановил обратиться по радио к Совету народных комиссаров с просьбой прислать уполномоченного для передачи Челкеля в ведение Республики. Покуда же было решено продолжить подготовку к старту, ввиду того, что Совреспублика должна быть заинтересована в продолжении столь важных научных исследований. Однако большинство офицеров заперлось в бункер и пригрозило взорвать полигон, если их попытаются выкурить силой.

Переговоры ничего не дали. Ни столица, ни Иркутск не отвечали, хотя радио было несколько раз продублировано. Работы на стартовой площадке, естественно, остановились. Это было еще не главной бедой — подготовка почти завершена, оставалось лишь доделать некоторые мелочи, но два дня назад обстановка резко обострилась. Отряды генерала Мо, все предыдущие месяцы строго сохранявшие нейтралитет, внезапно подошли с юга, блокировав путь на город Яркенд и отрезав Челкель от российского Туркестана. Генерал Мо через парламентаря приказал в трехдневный срок передать ему полигон со всем имуществом, в противном случае обещая начать штурм. Уходить было некуда — единственная дорога вдоль Такла-Макана, по которой и

прошла группа Лебедева, вела в глубь Китая, вдобавок войска братьев Мо перехватывали ее, к счастью значительно восточнее. Оборона базы была способна какое-то время сдерживать атакующих, тем более те покуда не имели артиллерии, но запасы боеприпасов хранились в бункере, где держали оборону офицеры. Штаб обещал генералу Мо дать ответ на третий день, надеясь за это время получить распоряжение из столицы или, в крайнем случае, прорываться через пустыню на запад.

— Ерунда какая-то, — не выдержал Арцеулов. — Наши время митинговать, господа! Если вам наплевать на полигон, подумали бы о собственной шкуре, прежде чем на офицеров охотиться!

Ему довольно обидчиво ответили, что никакого зла на офицеров не держат, поскольку здешние офицеры — тоже добровольцы, вдобавок люди образованные и культурные. Более того, штаб готов всячески ходатайствовать перед Соввластью, чтобы разрешить офицерам вновь приступить к своим обязанностям и успешно завершить запуск, а после, если потребуется, защищать Челкель. Однако офицеры штабу не верят и считают бунтовщиками, не желая идти на переговоры.

Путешественники переглянулись. Лебедев был явно растерян, Арцеулов шипел от злости, Берг о чем-то лихорадочно размышляла, лишь Богораз и Степа казались невозмутимыми. О чем думал Семен Аскольдович, так и осталось тайной, а Степа, дожевывая сухарь и аккуратно поставив на стол пустую кружку, оправил полушубок и решительно встал. Взоры всех, кто был в комнате, немедленно обратились на него.

— Ну вот чего, мужики, — с достоинством начал Косухин. — Поговорили — и будя. А теперь слушай меня...

Он достал из кармана гимнастерки тонкий лист пергаментной бумаги, окрашенной огромной синей печатью Сиббюро, и положил его на стол:

— Я, стало быть, Степан Косухин, представитель Сибирского бюро ЦК. Что такое Сиббюро, слышали, товарищи?

Удостоверение обошло всех присутствующих и было возвращено при почтительном молчании. Похоже, о Сиббюро были наслышаны даже здесь.

— Так вот, — удовлетворенно продолжал Косухин, чувствуя, что начинает овладевать ситуацией. — Полномочий

у меня на три ваши авиаотряда хватает, а посему объявляю себя комиссаром Челкея. Возражения есть?

Возражений не последовало. Члены штаба растерянно и даже с некоторым испугом смотрели на пришедшего прямо из Такла-Макана посланца грозного Сиббюро. Брат глядел на Степу чуть прищурившись, начиная что-то понимать. Если кто и был в бешенстве, так это, конечно, Арцеулов. Ростислав вновь ощущал себя лишним и бесполезным, как на борту «Муромца». Он понимал, что если кто сможет разобратся в нелепой ситуации и опасной обстановке, то это, без сомнения, не он, а этот краснопузый. И капитан вдруг почувствовал нечто вроде зависти.

— Возражений нет, — констатировал Степа. — А распоряжения такие... Караулы выставлены?

— Так точно, гражданин комиссар, — поспешил доложить Гаврилов.

— Товарищ комиссар, — внушительно поправил Степа. — Хреновые у вас караулы, можно хоть пулемет пронести... Значит, охранять базу как зеницу ока, потому она теперь собственность трудового народа. Это понятно?

Члены штаба согласно зашумели. Выражение «собственность трудового народа» им понравилось.

— Подготовку к этому... старту, ввиду его научного значения для дела мирового пролетариата, будем продолжать. А для этого посылаем делегацию в бункер. Пойдут гражданин полковник Лебедев и другие граждане ученые. Договоримся так: офицеры сдают бункер и возвращаются к своим обязанностям. Оружие им оставить ввиду военной обстановки. Штаб будет руководить обороной. Вопросы?

— Они могут не согласиться, товарищ Косухин, — заметил один из членов штаба. — Боятся...

— Ниче, — заявил Степа, взглянув на мрачного Арцеулова. — А мы их попросим...

Предложение было принято, и члены штаба стали совещаться о составе делегации. Путешественники получили возможность обменяться несколькими фразами.

— Вы молодец, Косухин, — решительно заявила Берг. — Я бы вас даже поцеловала, но вы слишком небритый...

— Думаешь, они будут тебя слушать, Степан? — Лебедев настороженно поглядывал на шумевших солдат. — Ты это хорошо, конечно, придумал, спасибо. Но, боюсь, мы не договоримся...

— Ниче, Николай, — спокойно ответил Степа; завора-

чивая гарнизонную «козью ногу». — Уж как-нибудь... Они здесь непуганые...

Полковник не понял и удивленно посмотрел на брата. Арцеулов же, услышав краем уха последнюю фразу, тоже сперва удивился, а потом сообразил. Краснопузый прав — гарнизон Челкеля не участвовал в смуте. Здесь не знали, как поднимать восстание, идти на штурм и провозглашать совдепы. Все, на что хватало здешней солдатни, — это поднять красную тряпку над казармой и потребовать подчинения большевистскому правительству. И даже в этом чувствовалась логика — Челкель подчинялся российским властям, а другой власти в стране, после отречения адмирала, уже не было. Неудивительно, что на Степу с мандатом Сиббюро здесь смотрели не как на пленного партизана, а как на полномочного посланца грозной Совдепии.

Косухин, несмотря на внешнюю уверенность, сам был в некоторой растерянности от своей наглости. Ни о чем подобном он вначале не думал, но, слушая нестройную толпу «штабных», понял, что дела не будет. Слишком много Степа насмотрелся на всякого рода митинги, после которых полки бросали позиции, на выбранные «штабы» и «комитеты», тянувшие в разные стороны. Оставалось одно — рискнуть. Тем более это была единственная возможность помочь брату.

Между тем штаб выбрал делегацию, куда вошел, естественно, фельдфебель Гаврилов и прапорщик с красной повязкой. Посоветовавшись со Степой, Лебедев решил взять всех остальных, кроме самого Косухина — новоиспеченный комиссар решил, не тратя времени, начать организацию власти. Арцеулов вначале тоже решил остаться — угаривать осажденных офицеров не тянуло, — но потом понял, что полковник прав. Ведь именно он получил приказ адмирала.

Перед бункером — мощным, врубленным в каменистую землю сооружением, — лежали мешки с песком, между которыми торчало дуло «максима». Впрочем, делегацию подпустили к самому входу. Вначале командовавший заслоном поручик встретил пришедших достаточно сурово, но, увидев Лебедева, очень обрадовался и постеснялся, позвонив куда-то по телефону, пропустить всех внутрь.

Их тут же окружила толпа офицеров. Полковника узна-

ли и начали закидывать вопросами, главным из которых был один — что им всем теперь делать. Арцеулов, молча наблюдавший за происходящим, заметил, что кое-кто здесь знаком и с Богоразом, а некоторые явно знали Берг. И так, и тут к гостям с «большой земли» отнеслись как к последней инстанции.

Наконец офицеры успокоились и, собравшись в большом подземном зале, освещенном огромными желтоватыми лампами, устроили нечто вроде общего собрания. Старшим здесь был молодой полковник, заменивший бежавшего командующего. Арцеулова поразило, что офицеры выглядят куда более нерешительными, чем недавно виденная им солдатня. Впрочем, это было понятно — офицеры полигона были большей частью техниками, никогда не воевавшими и не знавшими строевой службы. Они привыкли к спокойной работе с нижними чинами и теперь просто не знали, что делать.

Вначале говорил Лебедев, затем пришлось выступить и Арцеулову. Капитан кратко рассказал о последнем приказе Верховного, для верности продемонстрировав письмо с подписью адмирала. Это прозвучало убедительно, но офицеры по-прежнему не знали, как этот приказ выполнять. Восставших боялись. Капитан понял, что многие тоже не прочь перейти на сторону совдепов, но «по всей форме», с присылкой полномочной комиссии, которая бы приняла этот важнейший для страны объект.

Тогда слово вновь взял Лебедев. Он предложил уже известный компромисс — офицеры возвращаются на объект и вместе во всеми готовят «Мономах» к пуску. «Революционный штаб» занимается лишь солдатскими нуждами, а также руководит обороной полигона. После пуска «Мономаха» гарнизон запрашивает большевиков об условиях передачи объекта, а все желающие уходят на запад — к Анненкову или на север к Семенову. В случае наступления китайцев — держать оборону, а затем взрывать объект и прорываться в Туркестан.

Арцеулов больше не вмешивался в обсуждение. Он присел в сторонке, почти не интересуясь происходящим. Сам бы капитан ни за что не вступил в соглашение с бунтующей солдатней, но сейчас, он это хорошо понимал, иного выхода нет. Только так можно будет выполнить приказ адмирала и завершить проект «Мономах». А через сутки

все закончится, и можно просто уйти — сдаваться совдепам Ростислав не собирался.

Офицеры начали колебаться и в конце концов решили позвать Степу, о прибытии которого уже успели узнать. Косухин явился суровый, продемонстрировал свой мандат и веско обещал от имени большевистской власти полную неприкосновенность тем, кто будет выполнять его приказы. Офицеры смотрели на Степу с абсолютно растерянным видом — ранее ни одного комиссара встречать им не приходилось. Кто-то заикнулся было о гарантиях, но Косухин так поглядел на вопрошающего, что тот предпочел не настаивать.

В конце концов офицеры согласились. Баррикада у входа в бункер была разобрана, и осажденные стали выбираться наружу, нерешительно оглядываясь. Ничего страшного не произошло — часть солдат уже была на границе полигона, укрепляя линию обороны, а остальные ждали приказа, чтобы вместе с офицерами готовиться к пуску «Мономаха». Степа, убедившись, что все идет в нужном направлении, забрал с собою наиболее решительных членов революционного штаба и направился туда, где мог заняться знакомым делом — копать окопы и пристреливать пулеметные точки. Полковник, Берг и Семен Аскольдович вместе с офицерами и техниками двинулись на полигон, а оставшийся не у дел Арцеулов нашел свободную койку в одном из офицерских домиков и завалился спать, рассудив, что толку от него все равно куда нет.

Ростислава разбудили поздно вечером — Лебедев занял его офицерский бункер. Полковник был там не один — с ним находился как всегда невозмутимый Богораз в черном, испачканном маслом комбинезоне. Лебедев был возбужден — дело продвигалось успешно, и к завтрашнему утру корабль будет готов к пуску. Правда, он мельком заметил, что одна важная проблема по-прежнему не решена. Арцеулов попытался переспросить, но полковник предложил подождать Берг.

Девушка пришла где-то через час. Она сообщила, что занималась «рубкой управления» (как понял Ростислав, пунктом, откуда производится запуск). Наташа и Лебедев переглянулись, после чего полковник предложил выйти погулять на свежем воздухе.

Они прошли на полигон и стали у подножия «Мономаха». Вблизи ракета поражала — нижнее основание имело не менее двух десятков метров в диаметре, а вершина — красный конус, внутри которого находился эфирный корабль, — была почти неразличима, теряясь в подступавших сумерках. Ракету окружали многочисленные решетчатые фермы, по которым проходили трубопроводы, лифты для экипажа и обслуживающего персонала, системы контроля. Лебедев сообщил, что уже успел осмотреть новый корабль, и кое-что его весьма удивило. Говоря это, полковник как бы невзначай поглядел на Богораза, но тот никак не отреагировал. Тогда Лебедев огляделся, убедившись, что поблизости никого нет, и начал:

— Господа, мне надо с вами посоветоваться. Ракета готова к запуску, и к полудню мы могли бы начать. Господин Богораз проверил новое оборудование и тоже готов...

— Так в чем же проблема? — удивился Арцеулов. — По-моему, ваш брат, надо отдать ему должное, сумел укротить здешних бунтарей...

— Проблема не в этом. Мы сделали все, что могли, но корабль запустить невозможно...

— То есть? — удивился Арцеулов.

— Вспомните, Ростислав Александрович, что говорил вам Колчак?

— Пойдите, пойдите, — напрягся капитан. — К двадцатому... то есть к завтрашнему числу... Ага, Руководитель проекта! Но его же нет!

— К сожалению... Без него я не имею права давать команду на запуск.

— Помилуйте, господин полковник, — грустно улыбнулся Ростислав. — В нашем положении нелепо ждать каких-то указаний! По мне, так ждать никого не нужно, а то еще дождемся... Господа китайцы под боком, а то того и гляди Венцлав пожалует...

— Я бы и не ждал, — кивнул полковник. — Но тут есть одна деталь...

— Ракета не может стартовать, — пояснила Берг. — В рубке управления заблокирована система зажигания. Там стоит шифр...

— Какой шифр? — удивился Арцеулов.

— Вроде сейфового, только посложнее. Этот шифр должен знать Руководитель проекта.

— А кто он, этот Руководитель?

— Я его не знаю, — покачал головой Лебедев. — Кажется, с ним был знаком господин Семирадский, но мне он ничего не успел сказать. Руководитель должен прибыть завтра к полудню и привезти с собой письменный приказ адмирала на запуск. Кроме того, он должен назвать шифр системы зажигания...

— Ясно, — кивнул Арцеулов. — А если его не будет?

— Подождем пару дней, — нерешительно заметил полковник. — Правда, долго ждать нельзя — день пуска связан с положением Земли относительно Солнца, и потом стартовать просто опасно...

— У нас еще будет три дня, — заметил молчавший все это время Богораз. — Если мы задержимся даже на сутки, есть риск не выйти на нужную орбиту...

— Ясно, — чуть подумав, заявил Арцеулов. — Господин полковник, боюсь, проблема не только в астрономии. Полигон блокирован, и если китайцы будут наступать...

Он не договорил, но все и так было ясно. Полковник кивнул, и они зашагали обратно. Внезапно из темноты вынырнула невысокая фигура с карабином за плечом.

— Косухин! — первым узнала неизвестного Берг. — Где вы пропадали? У вас такой воинственный вид...

— Ага, — кивнул Степа, — какой есть... Че, братан, готова твоя ракета?

— Готова, — коротко сообщил Лебедев, не желая вдаваться в подробности.

— Ну тогда поторопиться надо, — озабоченно заметил Степа. — Я только что с восточного участка. Худо дело...

— Что там? — встревожился полковник.

— Значит, так, — Косухин свернул самокрутку и с удовольствием затыкнулся. — Окопы мы привели в божеский вид, пулеметы поставили. В общем, чердынь-калуга, можно держаться... Два раза китайцы парламентаров слали — чтоб, мол, сдавались. Их там полка два, не меньше...

— День еще продержимся?

— Больше продержались бы, — вздохнул Косухин, пускающая кольцо дыма. — Позиция неплохая. Да только... Пушки они подвезли — батареи четыре, трехдвоймовки. Похоже, завтра начнут... А у нас, кроме пулеметов, — ничего.

Полковник и Арцеулов переглянулись. Капитан подумал, что ему следовало не валяться на койке, а тоже быть на позициях. Впрочем, краснопузому Косухину можно дове-

рять. В любом случае неполный батальон не сможет долго продержаться против двух полков с трехдюймовками.

— Надо готовиться к эвакуации, — помолчав, решил Лебедев. — Если завтра к полудню не прибедет Руководитель, ждем до вечера — и уходим на запад. Мне сказали, что у нас есть проводники. Дня через три выйдем к границе. Жаль, если «Мономах» придется взорвать...

— До вечера не продержимся, — покачал головой Степа. — Если они утром начнут, то к полудню будут здесь. Даже если мы задержим их на второй линии, они смогут раздолбать полигон. Закатят трехдюймовки на горку, и амба...

— Николай Иванович, — встревоженно проговорила Берг, — что же нам делать? Я не смогу включить зажигание. Семен Аскольдович, что же вы молчите?

— А? Что? — встрепенулса Богораз. — Помилуйте, Наталья Федоровна, мне-то откуда знать? И вообще, у меня голова прямо раскалывается. Давление, не иначе. Здесь такой ветер!..

Степа покосился на студента, едва удержавшись, чтобы не высказаться. Порой Богораз становился невыносим. Берг сверкнула глазами, но тоже смолчала и повернулась к Степе:

— Косухин, выручите нас! Я знаю, вы сможете! Придумайте что-нибудь! Ростислав Александрович, а вы? Да что же вы все молчите?

— Наталья Федоровна, — Арцеулов выпрямился, стараясь говорить как можно увереннее и спокойнее, — ручаюсь вам, что ни один волос не упадет с вашей головы...

— Да при чем здесь я! Об этом мог бы позаботиться Гастон, но он предпочел остаться в Париже... Помогите нам завершить проект! Ведь это будет просто нечестно! Георгий и Глеб Иннокентьевич погибли... Неужели все зря?

— Вы вот чего... — не очень уверенно начал Степа. — Я завтра утром что-нибудь соображу. С китайцами этими... Может, продержимся до полудня. А уж потом — не знаю... Так что к полудню надо вам управиться — а то всех накроют...

— К полудню, — задумчиво повторил полковник. — Хорошо, Степан, мы попробуем.

Ночь Степа провел на позициях у костра, рядом со своими новыми товарищами. Пришлось отвечать на десятки самых разных вопросов. Солдаты служили здесь уже четвер-

тый год, и о том, что творилось в России, знали лишь из коротких радиogramм, иногда приходивших в Челкель, да из неясных слухов, передаваемых китайцами. В конце концов Степа, собрав вокруг себя всех, кто не был на посту, принялся рассказывать о боях на Восточном фронте, о том, как вместе с повстанцами громил гарнизоны белого гада Колчака, о восставшем Иркутске и двурешниках-чехах. Его слушали, раскрыв рты, а когда Косухин пытался расспрашивать о стартах эфирных ракет, ему отвечали нехотя, как о вещах хорошо известных и даже поднадоевших. Для обитателей Челкеля это была привычная рутина. Старшего Косухина — здесь его тоже называли Лебедевым — помнили и относились к полковнику с большой симпатией, как и к другим летчикам-испытателям. Степа вновь почувствовал гордость за брата — все-таки не у каждого красного командира старший брат испытывает такую невиданную вещь, как эфирные корабли.

Наутро вновь явились парламентареры, требуя, чтобы их допустили на полигон. Степа решительно отказал, решив тянуть время, и потребовал, чтобы на переговоры явился кто-нибудь постарше званием. Китайцы ушли, обещав вернуться через час, а еще через полчаса явился вестовой от Лебедева — полковник приглашал Степу на полигон.

Брата он нашел возле бункера. Полковник был не один — рядом стоял Богораз в непременных очках и с совершенно сонным выражением лица. Было похоже, что ни он, ни Лебедев в эту ночь не сомкнули глаз.

Косухин вкратце рассказал о положении на позициях, брат кивнул и сообщил, что ракета готова к пуску. Степан обрадовался, но Лебедев оставался явно чем-то обеспокоен.

— Утром мы получили радио, — наконец сказал он. — Приказано приостановить работы и ждать Руководителя проекта. Он уже вылетел.

— А кто этот... Руководитель? — удивился ничего не ведавший Степа.

Полковник коротко рассказал то, что было известно ему самому. Степан помрачнел:

— Так, значит, этот Руководитель от Колчака... А тебе, выходит, не доверяют?

— Да почему же, Степа! Доверяют. Но я ведь обыкновенный летчик, мне и не положено знать шифр запуска. Раньше Руководитель прибывал заранее, но теперь сам видишь, какие дела...

— Дела, дела! — Степу это совсем не успокоило. — Он может отменить запуск?

— Да что ты! Отменять запуск? Ведь его столько готовили! Правда, непонятно, зачем приостанавливать работы... Ну ничего, мы все закончили. В полдень — старт!

Из бункера вышла Берг. Вид у нее тоже был невыспавшийся и немного встревоженный.

— Николай Иванович, рубка управления готова. Кроме системы зажигания, конечно... А, здравствуйте, Косухин! Не смотрите, у меня кошмарный вид...

— Ну чего там кошмарный... — смутился Степа.

Внезапно где-то на краю летного поля завывла сирена. Все невольно оглянулись. От небольшого домика, где располагался наблюдательный пункт, к ним спешил офицер.

— Господин полковник! — крикнул он, подбрасывая руку к козырьку фуражки. — С востока аэроплан...

— Это он, — кивнул Лебедев. — Пойдемте, господа...

Они прошли к летному полю и остановились у края. Известие о приближавшемся аэроплане уже успело распространиться по базе, поскольку к ним тут же подошли несколько офицеров во главе с молодым полковником, исполнявшим обязанности начальника объекта. От солдатских казарм спешили трое членов «революционного штаба».

Самолет появился неожиданно, вынырнув откуда-то из-за холмов, и резко пошел на снижение. Все ахнули, но тот, кто был за штурвалом, уверенно направил машину прямо на свободную взлетную полосу.

— Лихо он это! — пробормотал Лебедев. — Я бы не рискнул...

Аэроплан — Степа уже успел узнать в нем знакомую модель «Фармана» — коснулся колесами земли и побежал по полосе, постепенно замедляя ход. Ожидавшие переглянулись и направились к центру поля. В последний момент к ним присоединился Арцеулов, который все это время был в рубке управления, осматривая неведомую ему доселе технику.

«Фарман» остановился, но колпак кабины оставался закрытым. Только когда Лебедев и те, кто его сопровождали, подошли совсем близко, козырек в верхней части кабины откинулся, и на землю легко прыгнул невысокий человек в летном комбинезоне. Все с интересом отметили, что таинственный Руководитель прилетел сам, без пилота.

Неизвестный снял большие летные очки и перчатки с

широкими раструбами. Лебедев подождал несколько секунд, а затем вскинул руку к летному шлему и представился.

— Здравствуйте, полковник, — голос прилетевшего был спокоен и тверд. — С вами, кажется, господин Богораз? Здравствуйте, Семен Аскольдович. Здравствуйте, господа!

Степа внимательно наблюдал за гостем, но ничего особенного не заметил. Лицо у того было самым обыкновенным, совершенно невыразительным, лишь небольшие светлые глаза смотрели строго и решительно.

«Глаза приметные, чердынь-калуга, — мелькнуло в голове у Косухина. — Вроде как... Точно...»

Спутать было трудно — у Руководителя проекта были такие же светлые глаза, как у командира легендарного Полка Бессмертных Красных героев.

«Ну и чего? — рассудил Степа. — Мало ли у кого глаза похожи?»

Но все же беспокойство, овладевшее им уже давно, лишь усилилось.

Арцеулов глядел на Руководителя проекта без особых эмоций. Он лишь мельком отметил, что этот человек совершенно не похож на офицера. «Штафирок», которые лезут командовать военными, капитан не любил. И тут взгляд таинственного гостя скользнул по Арцеулову, на мгновение задержавшись на его правой руке.

«Перстень, — понял капитан. — Он заметил перстень! Но откуда ему знать? Вот черт...»

Между тем Руководитель проекта велел отойти всем, кроме Лебедева и Богораза. Полковник — начальник объекта и кто-то из членов «штаба» пробовали возразить, но тот оставался непреклонен. Пришлось подчиниться. Правда, Степа стал так, чтобы краем уха слышать разговор. Арцеулов и Берг пристроились рядом.

— Я, кажется, успел вовремя, господа, — начал гость, внимательно глядя то на полковника, то на студента. — Вы приостановили работы?

— Простите... Я бы хотел ознакомиться с вашими полномочиями, господин...

Лебедев выжидательно замолк, но Руководитель не понял намека. Он промолчал, а затем достал из нагрудного кармана сложенную вчетверо бумагу:

— Прошу вас, Николай Иванович...

Лебедев внимательно прочитал документ, затем пере-

дал его Богоразу. Тот взглянул на него лишь мельком и пожал плечами.

— Господин капитан! — внезапно позвал Лебедев.

Арцеулов поспешил подойти.

— Ростислав Александрович, вы помните руку Верховного?

Арцеулов взял в руки бумагу и стал читать. Почерком, очень похожим на хорошо знакомый ему почерк адмирала, сообщалось, что «предъявитель сего» является Руководителем проекта «Владимир Мономах» и что все его приказы обязательны к исполнению. Внизу стояла подпись «Александр Колчак».

— Почерк похож, — кивнул Арцеулов. — Правда, почему-то нет фамилии предъявителя. Кроме того, обычно такие документы печатались на бланке...

— Благодарю вас, капитан, — кивнул Лебедев, быстро переглянувшись с Богоразом. — Мы слушаем вас, господин Руководитель проекта...

Тот быстро поглядел сначала на невозмутимого студента, затем на полковника и начал:

— Господа, в силу имеющихся у меня полномочий я приказываю отменить старт «Мономаха» и передать полигон под контроль местных властей...

— Но почему? — поразился Лебедев. — К старту все готово!

— Это приказ. Я не обязан отчитываться перед вами...

— Понятно, — неопределенно проговорил полковник и хотел что-то добавить, но его опередил Степа.

— Здравия желаю, господин хороший, — Косухин по всем правилам отдал честь, хмыкнув прямо в лицо гостю. — Дозвольте представиться — комиссар авиабазы Косухин. Дайте-ка мне ваш документик...

— Ваш брат уже осмотрел его, Степан Иванович, — спокойно ответил неизвестный.

Степа на мгновенье оторопел. Значит, этот тип знает его? Но откуда?

— Ага, — кивнул он. — Ну, документик — это дело пятое... Только дозвольте спросить — откуда вы, такой хороший, прилетели? Уж не из России ли?

— Из России, — отрезал неизвестный. — Что вас еще интересует?

— Да многое. Ежели из России, значит, прямо на «Фармане» — и оттуда?

— А какое это имеет значение? — Голос Руководителя был по-прежнему спокоен, но его тон чем-то неуловимо изменился.

— Мой брат имеет в виду, что дальность вашего аэроплана — не больше двухсот километров, — вступил в разговор полковник. — Вы летели с востока. Интересно все же, откуда?

— Во-во, и я о том же, — кивнул довольный таким оборотом Степа.

Арцеулов уловил суть разговора, расстегнул кобуру и шагнул вперед.

— Это еще не все, Степан, — усмехнулся полковник. — В этой бумаге нет условного знака, да и составлена она, как верно отметил Ростислав Александрович, не по форме. Иногда наша российская бюрократия бывает бесполезна.

— Документ составлялся в последний момент, — все с тем же спокойствием ответил неизвестный. — Я летел с секретной авиабазы. Если хотите, объясню вам все подробнее...

— Кроме одного, милостивый государь, — перебил его Богораз. — Я знаю Руководителя проекта. Настоящего, естественно...

— Господин полковник, разрешите? — Арцеулов достал револьвер и поглядел на Лебедева. Степа снял с плеча карабин и тоже посмотрел на брата.

— Есть еще одна проверка, — Берг тоже подошла поближе, с интересом рассматривая неизвестного. — Если этот господин знает шифр системы зажигания...

— Хорошо, — кивнул тот, кто называл себя Руководителем проекта. — Придется кое-что объяснить. Господин Лебедев, я должен поговорить с вами наедине...

— Ни за что! — решительно возразил Степа. Все остальные промолчали, но вид у них был вполне недвусмысленный.

Неизвестный усмехнулся и кивнул:

— Ладно... Может, так будет лучше. Господа, вас обманули. И прежде всего вас, господин Лебедев.

— То есть? — удивился полковник. — В каком смысле, позвольте узнать?

— Вам сказали, что запуск «Мономаха» преследует научные цели, что это испытание нового типа корабля... Так?

Полковник молча кивнул, все остальные удивленно переглянулись.

— Вас обманули, — повторил человек в летной куртке. — Это не научный проект. Старт «Мономаха-2» преследует военные цели...

— Что? — вырвалось у Берг. Остальные промолчали, но было похоже, что новость никого не оставила равнодушным. Лишь Богораз оставался совершенно невозмутим.

— Вы были на борту корабля. Вас не поразила та аппаратура, которая там находится? Вы не задумывались, зачем она нужна?

— Там действительно есть аппаратура, — согласился Лебедев. — Но ни пушек, ни пулеметов, смею вас уверить, не имеется...

— Есть оружие и похуже. Вас заставляют участвовать в очень опасном эксперименте, который в случае удачи на много лет продлит эту войну...

«Ах ты, чердынь-калута! — мелькнуло в голове у Степы. — Тогда все понятно! Вот дела-то... А я хорош!»

— Все равно не понимаю, — упрямо мотнул головой полковник. — Насколько мне объяснил господин Богораз, на «Мономахе» установлен двигатель нового типа и система связи...

— И это все, что он вам объяснил? — поинтересовался гость, и в голосе его послышалась нескрываемая ирония. — И ничего не сказал о планете под названием Тускула и о так называемом проекте «Надежда»?

— Да он вам голову морочит! — не выдержал Арцеулов. — Какая еще планета, господин полковник! Семен Аскольдович, а вы что молчите?

— Планета Тускула находится у небольшой желтой звезды примерно в двадцати световых годах от Земли, — спокойно ответил Богораз, снимая свои нелепые очки. — Она была открыта перед войной академиком Глазенапом благодаря совершенно новой аппаратуре, получившей название «Пространственный луч». По некоторым характеристикам Тускула очень напоминает Землю...

— Вы мне ничего не говорили об этом, господин Богораз, — растерянно прервал его полковник. — Но в любом случае... Разве полет имеет военные цели?

— Нет, конечно! — усмехнулся студент. — Война тут совершенно ни при чем. Правда, здесь затронута кое-что другое... Я так и знал, что кое-кто из них попробует помешать запуску...

«Из кого это — из них?» — подумал Степа. Услышав о

неизвестной планете, которая вдобавок находится где-то в диком далеке, он совершенно успокоился. Происками бело-гвардейцев тут явно не пахло.

— «Мономах» не должен взлететь, — решительно произнес неизвестный, и Степа (да и не он один) тут же вспомнил слова Венцлава.

— У вас все? — спокойно поинтересовался Лебедев. — Если все, то вынужден вас покинуть. Запуск состоится через четыре часа.

— Вы не посмеете! — резко бросил гость. — Товарищ Косухин, я передаю вам приказ Реввоенсовета — вы должны помешать пуску!

— Эге! — заинтересовался Степа. — Так вы, товарищ, прошу прощения, от Реввоенсовета или все-таки от Колчака?

— Я прибыл из столицы, — быстро заговорил неизвестный. — Белогвардейцы готовят себе убежище на Тускуле. Вы должны им помешать. Если они запустят «Мономах», пролетарская революция будет под угрозой...

— Убежище? — Степа плохо знал астрономию, равно как прочие науки, но не любил, когда из него делали дурака. — Так ведь ракеты, товарищ, не знаю как вас, только до этой, как ее, орбиты и летают. Какое уж тут убежище!

— Да, «Мономах» выше не поднимется. Точнее, не мог подняться, если бы не то, что придумали профессор Семиградский и профессор Богораз...

«Профессор? — поразился Степа. — Так он же студент, чердынь-калуга!»

— На «Мономахе» установлен новый двигатель, системы «Пространственный луч». Он способен искривить пространство и доставить корабль прямо к Тускуле...

— Чего-чего? — Степа уже совершенно ничего не понимал. Впрочем, как и все остальные, кроме по-прежнему спокойного и невозмутимого Богораз.

— Вы выполните приказ? — Глаза неизвестного встретились с глазами Косухина, и Степа вдруг почувствовал, как все вокруг начинает плыть, а он словно растворяется в холодном воздухе.

— Косухин! — Ладонь Арцеулова легла ему на плечо, и Степа тут же пришел в себя. Руки сами собой жали карабин, и ствол дернулся прямо в сторону гостя. В ту же секунду неизвестный выхватил что-то напоминающее пистолет, но с коротким и очень широким дулом, и направил оружие

на Богораза. Но выстрела не последовало — Арцеулов уже стоял между ним и студентом.

Лицо неизвестного дернулось:

— Вы думаете, ваш перстень вновь поможет вам, капитан?

Короткий ствол вздрогнул, но в ту же секунду Косухин двинул по руке, державшей оружие, прикладом. Странный пистолет упал на землю, а ствол карабина смотрел человеку в летной куртке прямо в лицо.

— Напрасно, господа... — Неизвестный отступил на шаг, на губах его мелькнула недобрая улыбка. — Вы еще не понимаете, с какой силой пробуете тягаться. Могу лишь обещать, что вы все умрете. И умрете плохой смертью. Тускула вам не поможет, прощайте...

— Ладно, ладно, — проговорил Косухин, не любивший, когда ему грозят, но тут фигуру неизвестного окутал радужный туман, сверкнуло яркое холодное пламя, и человек исчез. Там, где он стоял, остались лишь несколько кристалликов льда. Туман рассеялся, и только стоявший на взлетной полосе самолет напоминал, что случившееся — не сон и не галлюцинация.

— Помните собак? — Арцеулов первый пришел в себя. — Похоже, он из этих... Господин полковник, нам надо спешить.

— Да, — кивнул Лебедев. — Конечно... Не понимаю, что он тут наговорил. Но, господа, что делать? Ведь шифр системы зажигания нам по-прежнему неизвестен?

— Да, странно, — кивнула Берг. — Зачем этот таинственный джентльмен соблазнял моего Косухина, когда мы все равно не сможем запустить «Мономах»?

Степа зарделся, поймал негодующий взгляд Арцеулова и смутился окончательно.

— Это не проблема, Наталья Федоровна, — спокойным равнодушным голосом откликнулся Богораз, вновь надевая очки. — Шифр я знаю... Пойдемте, господа, времени мало...

Он повернулся, чтобы уходить, но его тут же обступили.

— Позвольте, Семен Аскольдович! — растерянно проговорил полковник — начальник объекта. — Так это вы... Руководитель?

— Какое это имеет значение? — дернул плечом Богораз. — Сейчас несколько не ко времени играть в эти игры.

— Игры? — обиделся молодой полковник. — Семен Ас-

кольдович, я человек военный. Приказ на старт «Мономах» может отдать лишь Руководитель проекта.

— О Господи! — Богораз, тоскливо вздохнув, пошарил в кармане и достал сложенный вчетверо носовой платок. — Если это прогладить утюгом, то там вы найдете нечто вроде верительных грамот. По-моему, глупость редкая...

Офицеры, а также члены «революционного штаба» начали разглядывать абсолютно белый кусок материи, покуда полковник не пресек их любопытство и бережно спрятал странное удостоверение.

— Я пошел, господа, — Богораз поправил свои нелепые очки и зашагал в сторону бункера.

— У нас есть утюг? — спросил, ни к кому не обращаясь, начальник базы, а затем махнул рукой и направился вслед за Богоразом. Все остальные, возбужденно переговариваясь, последовали за ним.

Степа прибавил ходу и догнал Семена Аскольдовича. Тот даже не повернул головы.

— Слышь, Семен... э-э-э, Аскольдович, — нерешительно начал Косухин.

— Что, Степан Иванович, хотите меня арестовать? — На лице странного студента мелькнуло что-то похожее на ироническую усмешку.

— Ну скажешь! — обиделся Степа. — А между прочим, ты хорош — валяя дурака. Очки эти дурацкие...

— Очки? — вновь усмехнулся Богораз. — Ах да!..

Он сдернул с носа бесполезные стеклышки и сунул в карман.

— Остались с детства... Лет в пять что-то пошаливало зрение. А насчет валяния дурака — так ведь это у вас, Степан Иванович, называется конспирацией. Как сами видите, вещь небесполезная...

— А чего тебе конспирировать? — удивился Степа. — Если ты в самом деле против советской власти...

— Как? — Богораз даже приостановился. — Ох, Степан Иванович, далась вам эта советская власть! Да вашим рабочим и крестьянам покуда чихать на «Мономах» и эфирные полеты! Эта самая власть тут ни при чем. А вот господин Венцаев и те, кто за ним стоят... Тут бы я на вашем месте заинтересовался. Интересно, чем им мешает проект «Надежда»?

— Так это правда? — поразился Степа.

— Что правда?

— Ну, эта... Тускула... «Пространственный луч»... И на счет убежища...

Богораз бросил на Косухина внимательный взгляд и медленно, словно нехотя, заговорил:

— Это правда, Степан Иванович. Благодаря изобретению господина Семирадского и моего однокурсника Александра Тернема система «Пространственный луч» позволяет достигать очень отдаленных объектов без всяких эфирных ракет. Сейчас на Тускуле имеется небольшая колония наших соотечественников. К сожалению, по причинам, о которых лучше знает Венцлав, связь с ними прервалась. Поэтому мы решили поднять «Мономах» на орбиту, а затем благодаря «Пространственному лучу» перебросить его к Тускуле. На борту корабля имеется аппаратура, которая позволит наладить постоянный мост между Тускулой и Землей, чтобы уже не зависеть от всяких, скажем так, случайностей. А вот почему это не нравится кое-кому из ваших упырей, не знаю...

— Да чего там, упырей... — пробормотал Степа, и тут до него дошло: — Так, значит, Николай... он не вернется, да?

— Почему не вернется? Просто полет займет не пару суток, а несколько месяцев по земному времени. Когда мы установим аппаратуру на Тускуле, он сможет вернуться совершенно безопасно и даже с комфортом... Да, чтобы не забыть, о нас вы сможете узнать у дяди Натальи Федоровны — Карла Берга, он сейчас в Париже... У вас есть еще вопросы?

— А... ты действительно профессор? — ляпнул Степа, поскольку ничего больше в голову не приходило.

— По нашим российским меркам — нет, — пожал плечами Семен Аскольдович. — Профессора мне присудили в Геттингене два года назад. Ладно, Степан Иванович, скажу вам напоследок вот что... В руководстве вашей большевистской партии имеется какая-то непонятная группа, которая связана с типами, подобными Венцлаву. Похоже, они и заварили эту кашу. Зачем и как — покуда не знаю. Имейте в виду, может пригодиться...

Степа хотел продолжать разговор, но Богораз, кивнув, стал спускаться в бункер.

Степа в растерянности переминался с ноги на ногу, когда его окружили несколько офицеров и членов «штаба». Вначале он даже не понял, что от него хотят, и с трудом со-

образил, что гарнизон Челкея ждет распоряжений своего комиссара.

— Господин Лебедев дал приказ держать оборону до полудня, — говорил начальник объекта. — Как только «Мономах» стартует, надо немедленно уходить. Мы подготовили несколько грузовых авто с провиантом...

— Да... эта... — вздохнул Косухин приходя в себя. — Давай карту...

Карту расстелили прямо на земле, и Степа начал вникать в диспозицию. Вскоре он убедился, что офицеры Челкея вполне разобрались и без него. План молодого полковника был прост и удачен. Сразу же после запуска «Мономаха» весь состав службы обеспечения полигона на грузовиках уходит на юго-запад, к небольшому ущелью, где можно быстро организовать оборону. Те же, кто находится на позициях, будут отступать на юг, обходя полигон. Возле ущелья оба отряда соединяются и начинают рейд к туркестанской границе.

— Годится, — согласился Степа. — А на полигоне — никого не оставим?

— Нет... — растерялся полковник. — По-моему, нет... Я, правда, не знаю относительно тех, кто будет в рубке управления...

Степа велел готовить грузовики, отправил офицеров, не занятых подготовкой к запуску, на позиции, а сам поспешил к брату. Лебедев был возле рубки, рядом с ним стояла Берг.

— Степа! — обрадовался он. — Я уже боялся, что не увидимся. Мне пора готовиться.

— Ага, — кивнул Косухин. — Николай, Наташа, после запуска на полигоне никого не останется? Все успеют уйти?

Полковник и девушка быстро переглянулись.

— Мне придется остаться, Косухин, — чуть помолчав, ответила Берг. — Пока «Мономах» не вышел на орбиту, мне придется держать связь. Так что я вас догоню...

— Так, значит, эта... — помрачнел Степа. — А кроме вас, Наташа, некому?

— Увы, некому, — рассмеялась девушка. — Вот такая я незаменимая! Цените, Косухин!

— Ладно, — мотнул головой Степа, — придумаем чего... Ну, значит, пора мне, а то того гляди полезут.

— Ну что, Степан, — Лебедев взял брата за плечи, и, ус-

мехнувшись, легко дернул за ухо. — Веди себя хорошо, слушай старших... А главное, Степка, постарайся остаться в живых, ладно?

— Да чего ты, в самом деле, — Косухин смутился и отвел глаза. — Ты сам... эта... не геройствуй. Обойдемся без второго ордена. И хоть весточку дай, когда вернешься...

— Париж, рю Гош Матье, 15, Карл Берг. Иной связи покуда нет. Постараюсь вернуться побыстрее, Степа. Так что сам не геройствуй. Если предложат делать мировую революцию где-нибудь в Сенегале, откажись... Хотя бы до моего возвращения...

— Ага, — кивнул Косухин. Очень хотелось обнять брата, но он не решался. Николай засмеялся, щелкнул его по лбу, а затем наклонился и быстро поцеловал в щеку.

— Я пошел, Степка. Ни пуха тебе...

— К черту, — механически ответил Косухин и, проводив брата взглядом, повернулся и зашагал обратно. Внезапно он услышал шаги сзади. Его догоняла Берг.

— Косухин, а со мной вы не хотите прощаться?

— А мы не прощаемся, — пожал плечами Степа, — нам еще в Синьцзян топать...

— И все-таки, — голос Берг внезапно дрогнул. — На всякий случай...

— Еще чего! — буркнул Косухин. — Какой такой случай?! Увидимся...

Он ускорил шаг и вскоре догнал группу офицеров и солдат, спешивших к грузовому авто. Степа взглянул на гигантский серебристый силуэт замершего на стартовой площадке «Мономах» и полез в кузов.

ГЛАВА 11

«Мономах»

Арцеулов томился. Ему совершенно нечего было делать, и он в который раз почувствовал себя ненужным и бесполезным. Ростислав уже успел обойти стартовую площадку, поднялся на лифте на одну из ферм, окружавших «Мономах», тщательно осмотрел рубку управления. Ракета поразила его своими размерами. Рядом с нею было просто страшно находиться, и капитан никак не мог представить себе, что эта громадина поднимется в небо. Рубка — не-

большой вырубленный в склоне холма бункер — сверкала сотнями лампочек. На пульте управления тускло светились непонятные Ростиславу приборы, что-то гудело и даже жужжало. Здесь было тоже не до него — Богораз устанавливал длинную цифровую комбинацию на большой металлической плите, похожей на банковский сейф, а несколько офицеров-техников зачарованно следили за его движениями. В конце концов Арцеулов обругал себя дезертиром и, проверив патроны в двух своих револьверах, решил направиться на позиции под начало краснопузого комиссара Косухина. Но сделать этого не успел. Начальник объекта, остановив его, поинтересовался, понимает ли он что-нибудь в подрывном деле.

Еще на германской капитан — тогда еще подпоручик — закончил специальные курсы подрывников, поэтому охотно вызвался помочь. Арцеулову выделили унтера и нескольких солдат, поручив его вниманию главные объекты — склады с топливом и боеприпасами, лаборатории и саму рубку. Заряды были установлены там уже давно, а капитану следовало проверить их готовность и, если требовалось, исправить возможные огрехи.

Арцеулов обрадовался, что и для него нашлась работа. Она оказалась нетрудной — проверить контакты электрических взрывателей, но заняла много времени. Приходилось шагать от одного объекта к другому, делая каждый раз по полверсты и более. Наконец, когда солнце уже стояло высоко, все было закончено. Заряды проверены, все провода сведены к главному взрывателю, находившемуся в небольшом домике в ста метрах от рубки управления. Капитан лично проверил контакты, запер обитую железом дверь и поспешил к «Мономаху».

Возле ракеты стояла небольшая группа офицеров и техников, окружая двоих людей в странных, похожих на водолазные скафандры костюмах. Полковник был спокоен и даже улыбался, а Семен Аскольдович казался почему-то хмурым и неразговорчивым.

— Ну что, капитан, — усмехнулся Лебедев, увидев Арцеулова. — Пожелайте мне удачи!

— Счастливо вам, господин полковник! Счастливо, Семен Аскольдович! — Арцеулов тоже попытался улыбнуться, пожмая руки в огромных тяжелых перчатках. — Значит, все-таки не зря? «Рцы, мыслете, покой»...

— Да, — кивнул Лебедев, и лицо его стало серьезным. —

Не зря, Ростислав Александрович. Жаль Георгия, он ведь должен был лететь вместе с нами. И профессора жаль. Этот полет, как я понял, — его заслуга...

Полковник стал прощаться с Берг, уточняя, как лучше им встретиться у ее дяди в Париже, как вдруг взгляд Арцеулова скользнул по серебряной печатке с извивающимися змеями. Перстень Ксении, приносящий удачу... Как говорил странный учитель — Охс Вагре, дхарский Перстень Духов. Он, капитан Арцеулов, свое дело сделал, и удача ему не понадобится. Ему не надо прорезать атмосферу в тесной кабине, плыть по черному безмолвию эфира, а потом неведомым и непонятным путем добираться до далекой планеты Тускула, которая, оказывается, так похожа на Землю...

«Никогда не снимай...» — вновь вспомнились слова чешского подпоручика, но рука уже потянулась к перстню.

— Возьмите, господин полковник. На счастье.

Лебедев оживленно повертел в руках тяжелую серебряную безделушку и, отрицательно покачав головой, хотел вернуть ее капитану.

— Вернете потом, — решительно заявил Ростислав. — Когда вернетесь, Николай Иванович... Я вас прошу!

Он вдруг понял, что полковнику этот талисман сейчас будет куда нужнее. И что он, Арцеулов, поступает правильно.

Лебедев развел руками и, шутя, попытался надеть перстень на перчатку. Ростислав покачал головой — пальцы перчатки были толще человеческих раза в два, но вдруг обомлел — маленький серебряный обруч легко наделся на средний палец и застыл, как влитой. Полковник попытался его снять, но так и не сумел.

— Хорошо, — перчатка с перстнем поднялась вверх в прощальном приветствии. — Верну в Париже, капитан. До свиданья! Счастливо всем, господа!

Он еще раз махнул провожающим и шагнул к лифту. Внезапно Богораз повернулся к Арцеулову, протянул руку и тихо проговорил:

— Берг останется одна, Ростислав Александрович. Не бросайте ее...

— Не волнуйтесь, — капитан пожал жесткую перчатку, Богораз кивнул и, махнув на прощание, повернулся, чтобы идти к открытой кабине лифта.

Руководитель старта — немолодой бородатый подполковник — приказал всем уходить в бункер. Арцеулов еще раз оглянулся на опустевшее пространство у подножия «Мономаха», проводил взглядом взлетевший вверх по решетчатым фермам лифт и тут же подумал о Берг. Девушки рядом не было. Вспомнив, что ее место — в кресле рубки управления, Ростислав подождал, пока провожающие проследовали к главному бункеру, и направился вслед за ними.

Его пропустили, думая, что капитан еще не закончил свои взрывные дела. В рубке было людно. Напротив огромного пульта, посреди которого светилось толстое стекло, открывавшее вид на застывшую в ожидании ракету, в глубоких удобных креслах сидели несколько техников, лихорадочно щелкая многочисленными переключателями и кнопками. Наташа устроилась посредине возле большого динамика, над которым светилась одинокая синяя лампа.

Арцеулов не стал мешать и присел на свободное кресло.

— Внимание, господа, — негромко произнесла Берг. — Начинаем...

Синяя лампочка несколько раз мигнула, Наташа щелкнула каким-то рычажком, и в динамике послышался ровный механический шум.

— «Мономах», «Мономах», — голос девушки оставался спокойным, хотя лицо побледнело, а лоб прорезала тонкая резкая морщинка. — Как слышите?

— Я «Мономах», — загредел в рубке усиленный динамиком голос Лебедева. — Мы на борту. Люк задраен. Начинаем подключать скафандры. Сколько у нас времени?

— Девятнадцать минут, — Берг мельком взглянула на какие-то табло и кивнула. — Все по графику...

И почти сразу же за толстым стеклом беззвучно вспыхнул столб пламени. Земля дрогнула, через несколько секунд послышался оглушительный грохот.

«Снаряд! — первым понял Арцеулов. — Они начали обстрел!»

— «Мономах!» — крикнула Берг. — Вы слышите? У вас все в порядке?

— Действуем по графику, — ответил спокойный голос Лебедева. — Что происходит, Наталья Федоровна?

— Генерал Мо начал обстрел. Снаряд разорвался рядом с рубкой...

Ее голос заглушил грохот второго разрыва — на этот

раз снаряд упал неподалеку от решетчатой фермы, закрывающей нижнюю часть ракеты.

«Целят в «Мономах», — Арцеулов стиснул зубы. — Вот сволочи!»

Третий снаряд упал далеко в стороне, попав в невысокое бетонное сооружение. В то же мгновение над плоской железной крышей вспучилось кипящее желтое пламя, ввысь ударил столб черного дыма, и земля мелко задрожала.

«Топливохранилище, — вспомнил капитан, лично проверявший там взрыватели за полчаса до этого. — Ловко угадали!»

— «Мономах», что у вас? — негромко проговорила Берг. Было заметно, что каждое слово она произносит буквально через силу. Не дождавшись ответа, девушка повторила вопрос, быстро провела рукой по лицу, а затем достала очки. Ростислав удивился: Наташа второй раз на его памяти надевала их, первый был еще в Иркутске, когда он пришел на Троицкую...

— Все нормально, — раздался в динамике немного раздраженный голос Богораза. — Наталья Федоровна, не дергайте нас!..

— Извините, Семен Аскольдович. — Девушка откинулась на спинку кресла, и почти тут же очередной снаряд ударил совсем рядом с рубкой. На мгновение часть ламп погасла, выключилось освещение, а с потолка посыпалась цементная пыль.

«У них что, снаряды с глазами?» — поразился Арцеулов, вскакивая со своего места и оглядываясь. Но его помощь не понадобилась — все, сидевшие у пульта, не пострадали; через секунду загорелся свет, и люди вновь занялись делом.

— Как вы там? — послышался голос полковника. — Не задело?

— Немного, — Берг даже улыбнулась, стряхивая с волос мелкие кусочки штукатурки. — Осталось десять минут...

— Вас понял, подключение заканчиваем. Проверьте...

Берг взглянула на какие-то непонятные Арцеулову верньеры, щелкнула переключателем, а затем повернулась к одному из техников. Тот, взглянув на горевшее перед ним табло, кивнул.

— Все в порядке, — сообщила Берг в микрофон. — Все системы работают... Восемь минут...

Следующие два снаряда взорвались почти одновременно — первый угодил прямо в казарму, второй упал возле самой ракеты. Берг вздрогнула, быстро сняла очки и принялась яростно их протирать, продолжая следить за пультом.

— У нас не включается подача кислорода, — слышался голос полковника. — Проверьте, Наталья Федоровна...

— Сейчас... — Девушка быстро перещелкнула какой-то тумблер, взглянула на вспыхнувшую лампочку, затем вновь щелкнула переключателем. — Должно включиться. Попробуйте еще раз, Николай Иванович...

Следующий снаряд упал где-то далеко, и на отдаленный разрыв никто даже не среагировал. Похоже, к обстрелу начинали привыкать.

— Все в порядке, «Мономах», осталось пять минут...

Теперь снаряды падали совсем близко. Один разнес небольшое строение метрах в трехстах от ракеты, второй взорвался за рубкой. Свет на мгновение погас, затем снова загорелся. Кто-то не выдержал и закурил. Арцеулов достал кيسет и нож, но сдержался — оставалось совсем немного времени, можно потерпеть...

— Три минуты, — сообщила Берг. — «Мономах», вы готовы? Начинаю отсчет...

— У нас все готово, — подтвердил Лебедев. — С Богом!

Берг включила очередной тумблер. На панели управления загорелась очередная лампа, на этот раз зеленая. На небольшом табло начали выскакивать цифры в убывающей последовательности: 175... 174... 173...

Обстрел на какое-то время прекратился. Арцеулов облегченно вздохнул и достал собственные часы. На циферблате серебряного «Буре» было без двух минут полдень.

— Включаю системы зажигания, — негромко проговорила девушка, поворачивая какой-то тумблер. Через мгновение в нижней части ракеты из огромных сопел ударили фонтанчики огня. Послышался низкий мощный гул. На табло по-прежнему выскакивали цифры: 63... 62... 61...

— Минута, — почти крикнула девушка. — Система зажигания работает! «Мономах», как у вас?

— Полный порядок, — на этот раз ответил Семен Аскольдович. — Наталья Федоровна, вы кнопки не перепутаете?

Трудно было понять по тону, шутит ли Богораз или говорит всерьез. Впрочем, Берг, лучше других знавшая странного студента, усмехнулась и стала быстро переключать ка-

кие-то тумблеры, отчего зеленая лампа погасла, а на смену ей зажглась красная. Гул двигателей усилился, языки пламени теперь достигали земли. Бетон стартовой площадки почернел и начал дымиться. 20... 19... 18... — отсчитывало табло.

И тут вновь ударили невидимые пушки. На этот раз они били часто, словно боясь не успеть. Цепь разрывов прошла по полигону, один снаряд задел решетчатую ферму, и Арцеулову показалось, что громада «Мономаха» еле заметно содрогнулась.

10... 9... 8... Ростислав ждал, что девушка и в самом деле будет нажимать на какую-то кнопку, но она достала из маленького шкафчика длинный плоский ключ и осторожно вставила в гнездо, скрытое между двумя тускло мигающими лампами.

— Зажигание, — громко сказала она и резко повернула ключ. В уши ударил грохот. Из сопел ракеты хлынуло темное, густое пламя, нижняя часть «Мономаха» начала окутываться белым паром. Огромный корпус ракеты дрогнул.

— Есть! — слышался еле различимый сквозь шум голос Лебедева. — Движемся!

Сквозь облако пара было заметно, как «Мономах» медленно, как бы нехотя, приподнялся и словно повис, не решаясь расставаться с землей. Но струи огня ударили гуще, и ракета, окутанная струями пара, стала неторопливо подниматься ввысь. Казалось, она росла — гигантский дымящийся столб пламени делал ее еще выше. Земля гудела, стены рубки мелко подрагивали, лампы на пульте мигали, словно передавая какой-то неведомый сигнал.

— Старт прошел нормально, — прокричала Берг в микрофон. — Счастливо, «Мономах»!

— Счастливо, Земля! — слышался слабый, еле различимый сквозь грохот голос Лебедева. — До встречи!

— Счастливо! — донесся голос Богораза. — Мы обязательно вернемся! Мы...

Грохот заглушил его слова. Ракета уже была высоко. Сквозь толстое стекло можно было видеть лишь объятую огнем и дымом стартовую площадку. Берг, придвинув окуляр перископа, продолжала наблюдать, что-то быстро записывая на клочке бумаги. Перископов в рубке оказалось несколько, и участники пуска теперь имели возможность видеть уходящую в небо ракету.

Арцеулову перископа, естественно, не досталось. Он

хотел выскочить наружу, но сдержался. Для праздного любопытства времени не оставалось.

— Поздравляю, господа, — Берг улыбнулась и спрятала уже ненужные очки. — Кажется, удалось...

Все зашумели, бородатый подполковник — руководитель старта — поцеловал девушке руку, остальные окружили Наташу, что-то возбужденно говоря. Впрочем, в наступившем шуме что-либо уловить было трудно.

Арцеулову и самому хотелось подойти поближе, поздравить Наташу и всех остальных, но разрыв очередного снаряда тут же вернул его к реальности.

— Господа! — крикнул он. На мгновение в рубке воцарилась тишина. — Полигон под обстрелом. Предлагаю немедленно начать эвакуацию!

— Да-да, — закивал подполковник, как-то странно взглянув на Берг. — Надо собираться, господа! Нас ждет грузовое авто...

— Уходите, — продолжал Арцеулов. — Через несколько минут я взрываю объект...

— Меня не надо, — Берг улыбнулась, но улыбка вышла невеселой.

— Наталья Федоровна, — удивился капитан, — надо уходить! Нас ждут. Все в порядке, «Мономах» взлетел...

— Я останусь... — Берг покачала головой и перевела взгляд на мигающие огоньки и на табло, где лампочка высвечивала какие-то цифры. — Я должна убедиться, что «Мономах» вышел на орбиту. Если что, я смогу им помочь...

— А-а... Сколько понадобится времени? — Арцеулов взглянул на часы, прикинул расстояние между полигоном и позициями, которые до полудня должен защищать красный командир Косухин, и понял, что у них есть едва ли полчаса.

— Минут двадцать... Может, больше... Уходите, Ростислав Александрович, я все равно остаюсь...

— Ладно, — Арцеулов повернулся к подполковнику, растерянно посматривавшему то на него, то на светящийся лампочками пульт. — Уходите, господа. У вас еще остался какой-нибудь транспорт?

— Мотоциклет, — сообщил кто-то из техников. — Я могу подогнать его к выходу.

— Хорошо. Уходите. Ждите нас с мадемуазель Берг до... часу дня. Если нет — значит, не судьба...

— Я останусь, — решительно заявил бородатый подпол-

ковник. Некоторые из офицеров согласно кивнули, но другие стали переглядываться, поглядывая в сторону выхода.

Надо было что-то решать. Арцеулов оглянулся на Берг, по-прежнему не отрывавшую глаз от пульта, и отозвал подполковника в сторону:

— Уводите людей, господин подполковник. Здесь вы уже ничем не поможете. Против китайского полка ваши люди не продержатся и минуты.

— Понимаю, — тихо ответил офицер, стараясь, чтобы не услышала девушка. — Но я считал бы бесчестным, господин капитан...

— А за своих людей вы разве не отвечаете? Уходите, мы вас догоним...

Подполковник подумал, затем кивнул и приказал всем уходить. Через минуту в рубке остались только Ростислав и Наташа.

— Вы что, вообразили себя Ланцелотом? — поинтересовалась девушка, не поворачивая головы.

— Представьте себе, — капитан принялся не спеша сворачивать самокрутку. — А вы принимали меня за кого-то другого?

— Не задавайтесь, — Берг на мгновение обернулась, и Ростислав заметил, что от прежнего волнения на ее лице не осталось и следа. — Вы даже на Дон Кихота не тянете, Ростислав Александрович, — слишком мрачны...

— Зато ваш Косухин — весельчак! — ляпнул капитан.

— Мой Косухин, — мечтательно повторила девушка и рассмеялась. — Господи, какие вы все еще мальчишки!..

Арцеулов, невнятно пробормотав о желании покурить на свежем воздухе, поспешил подняться наверх.

У рубки было пусто и тихо. Обстрел прекратился, над полигоном повисла звенящая, почти невероятная тишина. Внезапно где-то совсем рядом послышался стук металла. Капитан резко оглянулся и увидел бородатого подполковника — тот сидел на корточках возле пулемета, без особого успеха пытаясь вставить ленту.

— Я отправил всех на авто, — сообщил он, уловив взгляд Арцеулова. — Господин капитан, вы не поможете? Честно говоря, я не занимался этим делом еще с училища...

Арцеулов вздохнул и пошел к пулемету, прикидывая, где лучше будет его установить.

Позиция Косухину сразу же не понравилась. Кто-то, организовавший оборону полигона, явно дал маху, проведя линию окопов прямо перед грядой невысоких холмов. В результате китайцы оказались в явном преимуществе, имея возможность обстреливать защитников Челкеля с высот.

Степа не терял времени, приказав установить под покровом ночи несколько рядов мин, оставив — на всякий случай — лишь неширокий проход, обозначенный ветками. Именно по этому проходу аккуратно пробирались парламентареры — двое солдат в серых шинелях с меховым воротником и офицер в такой же шинели, но с большими красными петлицами и в меховом кепи. Офицер — командир батальона — сносно говорил по-русски, и Косухин имел возможность кое-что понять помимо повторявшегося каждый раз требования сдать полигон.

Генерал Мо не спешил. Степе даже показалось, что китайский милитарист — а этот Мо явно из их числа — вообще не желает связываться с русскими, ограничиваясь лишь формальным выполнением приказа. А может, генерал просто не желал терять своих людей, ожидая, покуда защитники Челкеля уйдут сами.

Степа не унывал. Он поставил к пулеметам членов «штаба» и троих офицеров-фронтовиков, раздал подвезенные с полигона гранаты и, чтобы не дать личному составу расхолодиться, велел углублять траншеи и рыть «лисий норы» на случай обстрела. Время шло, китайцы молчали, Косухин приказал всем укрыться в окопах, — и вовремя. Что-то грохнуло, затем еще, и на позиции обрушились первые снаряды.

Кое-кто сплеховал. Несколько солдат выскочили наружу и тут же были скошены осколками очередного взрыва. Кто-то завопил, и над окопами пронеслась хорошо знакомая Косухину бессмысленная и страшная фраза: «Братва! Окружают!»

Их, конечно, не окружали, но китайская батарея стреляла точно и метко. Часть снарядов проносилась высоко над головой, и Степа понял, что еще одна батарея начала обстрел полигона.

Косухин разослал по окопам всех членов «штаба» и троих обстрелянных офицеров, надеясь погасить панику. Удалось это лишь частично. Снаряды продолжали рваться, то и дело поражая солдат, и даже для опытных фронтовиков положение выглядело далеко не блестящим. Впрочем, срабо-

тал инстинкт самосохранения — из окопов уже никто не выскакивал, лица ожесточились, и кое-кто уже стал постреливать из трехлинеек в сторону невидимого противника.

Обстрел начал понемногу стихать. Косухин обрадовался, но, вновь выглянув из траншеи, увидел, что положение изменилось — китайцы быстро и деловито занимали позиции прямо по гребню холмов. Теперь окопы были под прицелом вражеских пулеметов, а выкурить неприятеля оттуда не представлялось возможным.

Степа, устав ругаться и агитировать, присел в траншею и задымил «козьей ногой». Здесь его и нашел фельдфебель Гаврилов. Председатель «революционного штаба» был изрядно напуган и поспешил сообщить, что уже без пяти минут двенадцать, а значит, пора начинать эвакуацию. Слово «эвакуация» было произнесено особо выразительно.

Косухин взглянул на вождя здешних революционеров так, что тот мгновенно прикусил язык. Будь это, к примеру, где-нибудь под Черемховом, Степа предпочел бы не заниматься педагогикой, а уложить «напоминальщика» на месте. Но случай был особый, и Косухин напомнил, что им предстоит держаться до самого запуска «Мономаха», а все паникеры будут, как и положено в подобных случаях, отправлены напрямиком «в штаб Духонина».

Гаврилов не понял, и Степе довелось уделить минутку другой истории славных событий 17-го года, после чего он, вняв просьбе фельдфебеля, согласился взглянуть на карту.

В план приходилось вносить коррективы. В отряде было десятка полтора раненых. Их грузили в авто, стоявшее в овраге. Гаврилов, не без сожаления взглянув на желтую поверхность карты, предложил Степе как комиссару уходить на машине, дабы вовремя — слово «вовремя» было выделено особо — успеть к месту встречи и пресечь возможные эксцессы со стороны офицеров.

Косухин хотел популярно объяснить бестолковому фельдфебелю, где место комиссара при отступлении, но очередной разрыв снаряда обильно посыпал их сухим красноватым песком, и читать политграмоту расстелось. Он приказал фельдфебелю лично прикрывать отступление отряда. Вести людей должен был один из офицеров-фронтвиков, а с ранеными на место встречи Степа велел отправить прапорщика Остроумова. На вопрос, где он собирается находиться сам, Косухин отвечать не собирался.

Разобравшись с ранеными, Степа хотел было пройтись

по окопам, дабы лично подбодрить народ и укоротить паникеров, как вдруг сообразил, что уже полдень. Часов у Степы не было, и он хотел спросить у одного из офицеров, вошедшего поблизости с непослушной пулеметной лентой, который час, как вдруг почувствовал, что земля начала мелко дрожать. В первую секунду подумалось об очередном обстреле, но затем откуда-то сзади донесся низкий протяжный гул.

«Мономах»!

Забыв об опасности, Степа высунулся из окопа и обомлел. Стройный силуэт ракеты был окутан паром, воздух дрожал, и ракета, казалось, расплывается в неярком зимнем небе. Потом сверкнуло пламя, и Косухин вдруг понял, что там сейчас находится его брат. Испугаться Степа не успел — «Мономах» дрогнул и медленно начал подниматься над окружавшими его стальными фермами.

Стрельба стихла, все покрыл грохот работающих двигателей. Теперь уже весь отряд, — кто выглядывая из окопов, кто даже выскочив на бруствер, — смотрел на величественно поднимавшегося ввысь серебристого гиганта. Степа оглянулся: китайцы, забыв о противнике, тоже глядели на полигон.

«Мономах» уже стоял, он поднимался над землей, из сопел било невыносимо яркое пламя. Ракета уносилась ввысь. Кто-то крикнул «ура!», крик подхватили, солдаты, забыв обо всем, размахивали винтовками, слышались беспорядочные выстрелы в воздух. Сзади слышался ответный крик — китайцы махали руками, кто-то даже подкидывал вверх шапку с меховой опушкой.

Там, где только что была ракета, теперь клубился дым, в небе расплывался яркий белый след, ведущий прямо в зенит. То, что было минуту назад стройной серебристой громадиной, превратилось в еле заметную искру, тающую в белесом пространстве...

«Счастливо, братан...» — подумал Степа и оглянулся. Солдаты прыгивали обратно в окопы, возбужденно переговариваясь, кое-кто уже надевал вещевые мешки и закидывал за плечо винтовки. Степа поглядел на китайцев, деловито занимавших позицию, и понял, что для него самое трудное только начинается.

К нему спешил Гаврилов, а вместе с фельдфебелем еще с полдесятка возбужденных солдат.

— Комиссар! Надо уходить! Пора!

В голосе фельдфебеля еще чувствовалось возбуждение от увиденного, но сквозь него уже проступал страх.

Солдаты поддержали начальника «революционного штаба» радостным гулом. Степа покачал головой и достал наган. Крики немедленно стихли.

— Значит, так, чердынь-калуга! На полигоне еще остались люди. Будем держаться, пока сможем. Вопросы?

Вопросов не было, но многие смотрели на Степу так, что он не пожалел о заранее приготовленном оружии. Один из солдат двинулся прямо на Косухина, что-то злобно бормоча. Степа выстрелил навскидку — с солдата слетела шапка, и он испуганно присел, бросив оружие.

— Назад! — рывкнул Косухин, и все послушно попятись. — Кто побежит — пристрелю! Ясно?

Теперь уже действительно все стало ясно. Ворчащие солдаты разошлись по местам, Гаврилов куда-то пропал, и Степа вновь занял место у бойницы.

Не успели солдаты немного прийти в себя и занять позиции, как к Степе подошел один из офицеров-фронтовиков — худой штабс-капитан с солдатским Георгием.

— Господин комиссар, разрешите?

Степа механически отметил совершенно нелепое обращение, но протестовать не стал, почувствовав, что офицер подошел не зря.

— Прошу не считать меня паникером, господин комиссар, — негромко продолжал штабс-капитан. — Но, по-моему, нас обходят...

Степа не стал задавать приличествующих случаю вопросов типа: «Панику поднимаешь, шкура офицерская?» Он оглянулся и коротко бросил: «Продолжайте».

— С севера, там где озеро, — минные поля. Уже минут пятнадцать там что-то взрывается. Вначале думал, снаряды, но потом понял: мины. Они расчищают проход.

— Так, — кивнул Степа, удивляясь лишь, отчего китайцы не сделали этого раньше. О подобной возможности он подумал сразу и очень надеялся, что неведомый ему генерал Мо по своей ограниченной классовой сущности окажется несообразительным. Как оказалось, надеялся зря.

— Минут пять назад разрывы стихли, — закончил офицер. — Вы, как я понял, воевали, господин комиссар, так что оценивайте сами...

— Через сколько времени они будут здесь? — Степа

вдруг сообразил, что китайцы, скорее всего, двинутся прямо на беззащитный полигон.

— Минут через десять. Может, даже меньше. Разрешите идти?

Степа кивнул, думая уже о другом. Через несколько минут отряд будет отрезан со всех сторон. Тем, кто на полигоне, помочь уже нечем. Степа подумал о Берг, понадеявшись, что у тех, кто остался в рубке, будет какой-нибудь транспорт, чтобы успеть вырваться.

«А если нет? — вдруг подумал Косухин. — Если Наташе еще нельзя уходить? Она ведь говорила, что будет ждать, пока «Мономах» на эту, чердынью ее, орбиту не вытянет!..»

— Подготовиться к отходу! — крикнул Степа, хлопая себя по карманам в поисках патронов. У него был карабин, две обоймы и револьвер. На короткий бой хватит, а на большее он не рассчитывал.

Приказа, похоже, ждали. Вещевые мешки были уже за плечами, солдаты привычно разбивались по взводам, откуда-то вынырнул Гаврилов, но, увидев Степу, поспешил пристроиться там, где ему велено, в арьергарде.

Косухин отправил Остроумова к грузовику, приказав немедленно уезжать на условленное место встречи, напомнил офицерам и членам «штаба» маршрут, который они и без него знали, и вдруг понял, что сам уходить не должен. Там, где еще недавно стоял «Мономах», оставались люди, которых он не смог защитить. Там была Наташа. Степа медлил, солдаты нетерпеливо поглядывали то на него, то на Гаврилова, и вдруг по траншее прошелестело: «Обошли!» Косухин выглянул из окопа и увидел, как с севера, отрезая путь на полигон, быстро движется ровная густая цепь. Времени на размышления не оставалось.

Степа скомандовал отход, а сам отошел в боковой ход сообщения, пропуская пробежавших мимо него солдат. О нем не забыли — несколько рядовых и все офицеры окликали его, советуя поторопиться, но Косухин лишь кивал, продолжая ждать. По окопу проскочил последний — арьергардный — взвод, и в ход сообщения заглянула испуганная физиономия Гаврилова.

— Товарищ комиссар! Скорее! — Мыслями председатель штаба был уже где-нибудь верстах в двадцати отсюда, а может, и на границе с русским Туркестаном.

— Уходите, товарищ Гаврилов, — как можно суше произнес Степа. — Я догоню. Мне на полигон надо...

— А-а... — протянул фельдфебель, но вступать в разговор не стал, решив, что комиссарам положено совершать нелепые, но героические поступки. Через минуту топот тяжелых сапог затих, наступила тишина.

«Все, — понял Степа, — теперь пора...»

Он быстро, чтоб не заметили раньше времени, выглянул из окопа. Китайцы на холмах по-прежнему не двигались, похоже еще не сообразив, что отряд покинул позицию. Те, кто шел от озера, уже разворачивались, окружая полигон. На Степу никто не обращал внимания.

— Айда! — Косухин скинул шинель, схватил карабин за цевье и выскочил из окопа. Он ожидал выстрелов в спину, но китайцы молчали, очевидно не принимая одинокого русского за достойную цель. Степа вздохнул, пожалев, что на нем тяжелые унты, а не что-либо более подходящее, и рванул туда, где виднелась окутанная легким, уже почти незаметным дымком стартовая площадка.

ГЛАВА 12

При попытке к бегству

Пулемет поставили прямо перед входом в рубку управления. Место было удобное — простреливалось не только пространство перед бункером, но и подходы к домику, где находился главный взрыватель. В случае крайней опасности Арцеулов надеялся под прикрытием пулемета успеть проскочить туда и повернуть черную рукоятку, соединяющую электрическую цепь.

Правда, его напарник — пожилой подполковник, которого, как выяснилось, звали Сергей Георгиевич, едва ли смог бы как следует распорядиться цинком патронов. О пулемете он имел чисто теоретическое представление. Как понял Ростислав, подполковник уже около двадцати лет занимался вопросами радиосвязи, начав работать еще с самим Поповым. С тринадцатого года Сергей Георгиевич был на Челкеле, руководя сооружением сердца полигона — рубки управления. О фронтовой прозе, включая зарядку лент в «максим», ему узнать не довелось.

Капитан с удовольствием расспросил бы своего нового знакомого о Челкеле и «Мономахе», но пришлось вместо

этого проводить занятие, посвященное обязанностям второго номера пулеметного расчета. Правда, техническое образование и опыт помогали — Сергей Георгиевич схватывал на лету. Лишь на минуту Арцеулов отлучился, спустившись в рубку. Берг сидела у светящегося огоньками пульта и, не отрывая глаз, следила за табло, на котором высвечивалась странная неровная линия. На вопрос Ростислава она лишь кивнула, коротко бросив: «Еще нет».

Итак, приходилось ждать. Более того, Ростислав догадывался о простой вещи — даже если все пройдет удачно, на мотоцикле подполковника смогут уехать лишь двое. Так что в любом случае спешить было некуда...

Закончив разъяснения и проведя короткую проверку усвоенных знаний, капитан, удовлетворенно вздохнув, посадил Сергея Георгиевича за пулемет, а сам решил совершить небольшую рекогносцировку. Он прошел полсотни метров в сторону почерневшей от огня стартовой площадки и огляделся.

Полигон был пуст и тих. Эта тишина сразу же не понравилась Арцеулову — весь его опыт говорил, что подобное затишье кончается быстро и далеко не лучшим образом. Он настроил взятый у полковника бинокль, бросив взгляд на север, где проход со стороны озера оставался незащищенным, и тут же опустил тяжелый «цейс». Бинокль уже не был нужен — даже невооруженным глазом можно было заметить цепь, наступавшую с той самой стороны, откуда они вчера сами добирались до Челкеля. Итак, уйти они не успеют. Оставалось минут десять, столько же можно будет продержаться за пулеметом, ну а там — как выйдет...

Капитан поглядел на восток, но там было тихо. Похоже, краснопузый Косухин все-таки задержал генерала Мо. Арцеулов повернулся, чтобы идти к пулемету, как вдруг заметил бегущего прямо к нему человека. Бегущий, насколько смог заметить капитан, был без шинели, зато с карабином, который он то держал в руке, то, на мгновение остановившись, закидывал за плечи. Бежал он явно издалека, силы были, похоже, на исходе.

«Наш, с позиций, — понял Ростислав. — Но зачем? Ведь они должны отступать на юг! Интересно, кто это?»

Человек пробежал еще полсотни метров, остановился, глотнул воздуха и вновь упрямо, чуть пошатываясь на ходу, побежал дальше. Капитан отметил, что карабина незнако-

мец не бросает, одобрительно кивнул и вдруг понял, что узнает его. Даже странно, что Ростислав не признал сразу — а если и не узнал, то вполне мог догадаться.

Косухин бежал легко. Ему ничего не стоило пробежать несколько километров, а затем прыгнуть в окоп и лупить по врагу из «винтаря».

Правда, теперь на нем были непривычные и немного не по размеру унты, а за плечами — бессонная ночь. Впрочем, Степа старался не обращать на это внимания — на счету была каждая секунда. Подойди китайцы чуть ближе, его попросту могут срезать с первого же выстрела. Кроме того, если он опоздает, его безрассудный поступок вообще не будет иметь смысла.

У Степы был свой маленький секрет, помогавший в подобных трудных случаях. Он начинал думать о чем-то постороннем. Сразу становилось легче — ноги выбирали не только путь, но и ритм, в котором надо передвигаться. Если бы не карабин, который после первого же километра стал казаться сделанным из чугуна, дистанция до пусковой площадки «Мономаха» не представлялась особо трудной.

Сердце билось часто, но ровно, перед глазами мелькали желтые проплешины, поросшие тонкой высохшей травой, а Степа думал совсем о другом. Он еще раз прикинул свой нехитрый план — забрать Наташу и всех, кто оставался с нею, и немедленно уходить на юг, на условленное место встречи. Ну а если он все-таки не успеет или появится у рубки одновременно с китайцами, то план остается прежним, с одной только поправкой — он сам будет в заслоне и покажет китайским белогвардейцам кое-что из опыта российской революции.

Затем Степа подумал о брате, сообразив, что едва ли сможет узнать, чем завершился полет. Странный адрес в Париже он запомнил с ходу, но как добраться туда, да еще одному, без помощи Рабоче-Крестьянской Красной армии, Косухин представлял слабо. Вдобавок оставалось непонятным, почему сведения о «Мономахе» должен первым получить этот Карл Берг, когда, если верить рассказам его племянницы, эфирные ракеты садятся где-нибудь в степи, а отнюдь не в столице буржуазной Франции. Степа в очередной раз пожалел, что не расспросил брата, решив первым делом поговорить об этом с Наташей. Тем более станови-

лось ясно, что в соревновании по бегу он явно опередил солдат генерала Мо и финиширует у рубки управления первым.

Арцеулова Степа узнал сразу и в первую секунду здорово перепугался, представив себе, как белый гад лихо, навскидку срезает его выстрелом из «бульдога». Впрочем, ни поворачивать, ни замедлять ход Косухин не собирался — гордость не позволяла, — да и укрыться в степи негде.

Арцеулов с бесстрастным лицом наблюдал за приближавшимся Степой, прикидывая, какого черта надо здесь краснопузому. Мелькнула мысль, что комиссар Челкея решил поквитаться с ним напоследок, для чего и тащит с собой карабин, без которого бежать гораздо удобнее. Мысль была нелепой, но придумать что-либо более подходящее Арцеулов никак не мог. Разве что Степа решил зачем-то лично предупредить о приближающихся китайцах, но это, пожалуй, еще более нелепо...

Шагах в пяти от капитана Степа затормозил, скинул с плеча карабин и едва устоял на ногах — длинная дистанция явно давала о себе знать. Он вспомнил советы брата и начал медленно делать круговые движения левой рукой — правая держала карабин, — стараясь дышать через нос.

— Сразу не останавливайтесь, — посоветовал Арцеулов, мгновенно входя в роль ротного командира, обучающего новобранцев. — Несколько шагов вперед... Медленно... Не дышите ртом... Вот так...

Степа отчаянно махнул свободной рукой — говорить он еще не мог и ткнул стволом карабина в сторону приближавшихся солдат в серых шинелях.

— Вижу, — не особенно дружелюбно откликнулся Ростислав. — Кой черт вас принес, господин комиссар? Почему вы не с вашими инсургентами?

— Наташа... — наконец смог выговорить Косухин. — Она... здесь?

«Пристрелить его, что ли? — подумал Арцеулов. — Но ведь сюда прибежал, краснопузый! Не побоялся...»

— Наталья Федоровна, — имя-отчество капитан выделил особо, — сейчас в рубке управления и просит не беспокоить... Мотайте отсюда, Косухин. Бегаете вы хорошо, еще успеете.

— А пошел ты, бяка! — беззлобно ответил Степа и,

вскинув карабин на плечо, зашагал прямо к рубке. Арцеулов хотел крикнуть «стой», но сдержался и двинулся следом.

Впрочем, они дошли только до пулемета, возле которого сидел в полной боевой готовности Сергей Георгиевич. Он удивленно поглядел на появившегося неизвестно откуда страшного посланца большевиков и открыл рот, чтобы высказать свое недоумение, но не успел. Послышались легкие шаги, на пороге бункера появилась Берг. Она улыбалась.

— «Мономах» на орбите, господа! — крикнула она и тут только заметила Степу. — Косухин!.. Вы-то откуда?

— Наталья Федоровна, можно уходить? — перебил Арцеулов, бросив быстрый взгляд на приближавшихся китайцев.

— Да... Я вообще-то закончила. Николай Иванович передает всем привет и... Но мне надо выключить аппаратуру...

— Выключу сам, — усмехнулся Арцеулов. — Все туда, быстро!

Он ткнул стволом револьвера в направлении домика, где был установлен взрыватель.

— Но... — начала было девушка.

— Да бегите же! — крикнул капитан. Очевидно, его голос прозвучал вполне убедительно. Берг схватила Степу за руку, они помчались к зловещей будке. Подполковник тоже попытался сделать несколько шагов, но нерешительно остановился.

— Мотоциклет...

— Заводите его — и туда! — распорядился Арцеулов. — Да побыстрее! Догоняйте!

Он еще раз измерил расстояние до приближающихся китайцев и быстро, по-спринтерски, бросился вслед за убежавшими. И почти сразу ударили сухие хлопки выстрелов...

Бежать под пулями было неприятно, но привычно. Ростислав сделал несколько зигзагов, не давая врагу прицелиться, и с удовлетворением отметил, что краснопузый, продолжая держать девушку за руку, последовал его примеру. Пара пуль просвистела мимо ушей, еще одна чуть не сбила шапку с бегущего впереди Степы, но домик был уже рядом. Косухин и Наташа влетели внутрь, через пару секунд к ним присоединился Ростислав.

— Дверь! — крикнул он, но тут же одернул себя. — Где этот подполковник, язви его...

Он выглянул в маленькое зарешеченное окошко и уви-

дел, что Сергей Георгиевич возится с мотоциклетом. Машина трещала, но не заводилась. Наконец мотор заработал, подполковник неловко взобрался на сиденье и тронулся с места.

— Скорее, Сергей Георгиевич! — крикнул Ростислав. Мотоциклист, похоже, услышав, дал газу. Оставалось метров двадцать, но тут вновь ударил залп. Мотоцикл, резко дернувшись, завалился набок.

Берг вскрикнула. Машина перевернулась и замерла, лишь переднее колесо продолжало бессмысленно вращаться. Подполковник лежал неподвижно, и его поза не оставляла ни малейших сомнений в том, что произошло. Капитан подумал было выскочить наружу, но еще несколько пуль ударились в стену, и Арцеулов захлопнул обитую железом дверь.

— Все, — произнес он как можно спокойнее. — Теперь — прощальный салют...

Он подошел к взрывателю и положил пальцы на черную рукоять.

— Не надо! — крикнул Косухин. — Зачем, чердынь-калуга?

— Смена караула, — мрачно усмехнулся капитан. — Шиш получают китаезы вместо русского полигона! Не хнычьте, красный командир!

Рукоять повернулась легко. Маленький домик дрогнул...

— Прощай, Челкель, — тихо проговорила Берг. — Господи, как жалко!..

Степе тоже было жалко Челкея. Он так и не понял, в чем состоит интерес мировой революции — в том, чтобы сохранить полигон, даже отдав его китайским белогвардейцам, или в том, чтобы пустить все в небо, превратив пусковую площадку, рубку, склады и лаборатории в клубы рвущегося к небу дыма. Арцеулов же глядел на дело рук своих не без удовольствия, даже пожалев, что в оставшейся так далеко России не удалось сделать то же со всем, что досталось большевикам. Но в глубине души и ему было жаль Челкея. Может, надо было поступить как-нибудь по-другому, но думать об этом уже поздно.

Китайцы, пораженные и оглушенные рвущимися со всех сторон зарядами, залегли, время от времени беспорядочно стреляя в сторону домика. Капитан уже подумал вы-

скочить к мотоциклу, но издалека донеслась резкая короткая команда, солдаты вскочили и побежали вперед.

— Дайте карабин, Косухин! — крикнул Ростислав, прикидывая, как бы срезать кого-нибудь из офицеров. Но различить их было трудно — на всех надеты шинели с меховыми воротниками и странные меховые шапки с коротким козырьком.

Он протянул руку, но Степа отодвинулся подальше.

— Карабин! Черт вас подери, Косухин!

— Остынь, беляк, — буркнул Степа. — А Наташу куда? Порешат ведь!

Арцеулов резко выдохнул воздух и скрипнул зубами. Он должен был сообразить сам. Открой он стрельбу, едва ли их станут брать живыми. На себя и краснопузого Ростиславу было наплевать, но с ними Берг, и рисковать не следовало, покуда имелся хоть один шанс.

— Ладно, — нехотя проговорил он, — подождем...

Китайцы окружили домик. Стрельба прекратилась, несколько прикладов ударили в дверь. Железная обивка выдержала. Китайцы что-то кричали, заглядывая в окна, а затем все неожиданно стихло.

— Я... не хочу... — прошептала Берг, в ее руке появился револьвер. — Косухин, ну придумайте что-нибудь!

Степа хотел было сказать что-нибудь ободряющее, но слова не шли. Внезапно за дверью послышался резкий высокий голос, произнесший какую-то длинную фразу. Сразу же другой голос — такой же непривычный, — начал выкрикивать узнаваемые, хотя и искаженные чужим выговором слова:

— Офицер армия Чжунго... приказывать... скласть оружие... гарантировать жизнь... хорошее обращение... Повторять...

— У вас есть белый флаг, комиссар? — зло проговорил Арцеулов, вертя в руках бесполезный револьвер. Мелькнула и пропала мысль о самоубийстве — если Наташа попадет в плен одна, ей будет еще хуже.

— Господа, — растерянно проговорила девушка, — может... лучше не сдаваться? Я... Не знаю...

Она со страхом посмотрела на револьвер и начала подносить его к виску. В ту же секунду рука Степы вырвала оружие, и Берг неподвижно застыла. Косухин встал и подошел к двери.

— Эй вы! — крикнул он, прерывая переводчика. — Я комиссар Челкея Косухин! Слышите меня?

Воцарилась тишина. Степа отбросил засов и резко открыл дверь.

— Кто тут у вас старший? А ну выходи!

Тон был достаточно внушительный. Солдаты невольно попятились, переводчик что-то залопотал, и вперед вышел невысокий китаец в такой же форме, как и остальные, но с широкими синими нашивками. Он что-то быстро проговорил.

— Генерал Мо... приказывать... брать всех живыми... Сдавайте оружие, господин комиссар... — старался переводчик.

— Что значит «сдавайте оружие»?! — возмутился Косухин, входя в кураж. — Это российский военный объект, а значит, собственность Республики Советов! По какому, чердынь-калуга, праву?

Переводчик что-то пробормотал, офицер бесстрастно поглядел на Степу и вновь заговорил. Переводчик поспешил растолковать:

— Приказ... генерал Мо... Гарантировать жизнь и возвращения в Россия...

— У, бестии!.. — Степа оглянулся, как можно веселее кивнул замершей в испуге девушке и бросил карабин под ноги солдат. Туда же полетели револьвер и обе обоймы.

Двое китайцев тут же схватили Степу за руки, а третий быстро, но решительно обыскал его, после чего Косухина отпустили.

— Хорошо, комиссар! — сообщил переводчик. — Остальные...

Берг нерешительно шагнула за порог. Двое солдат тут же направились к ней, но Степа крикнул: «А ну назад!», и те нерешительно остановились. Офицер усмехнулся и заговорил снова:

— Русская девушка... давать слово... нет оружия...

— Нет у меня оружия, — грустно улыбнулась Берг. — Безоговорочная капитуляция...

Офицер услышал перевод, вновь усмехнулся и поднес руку к козырьку шапки. Берг оставили в покое, она тут же подошла к Степе и прислонилась к его плечу. Между тем Арцеулов не выходил.

— Вылазь, бяка! — крикнул Степа, но капитан не ответил. Китайцы переглянулись, подняли винтовки.

Арцеулов стоял, прижавшись к стене. Может, впервые за всю жизнь он был в растерянности. Будь здесь красные, капитан не сомневался бы ни секунды — патронов в обоих револьверах хватало, а как велит долг поступать с последней пулей, сомнений не было. Но тут были не краснопузые, а какие-то китайцы, к тому же Ростислав не знал, как они поступят с девушкой, окажи он сопротивление. Арцеулов без всякой симпатии подумал о Степе, поспешившим капитулировать, но тут же понял: тот поступил верно. В конце концов он, капитан Арцеулов, выполнил свой долг, а если китайцы не сдержат слово, то на душе его по крайней мере не будет лишнего греха. К тому же, если говорить честно, Ростиславу очень не хотелось умирать.

Он бросил на пол оба револьвера и нож, чтобы не сдавать оружие врагу и, набрав побольше воздуха, шагнул за порог. Ничего страшного не случилось. Его обыскали, забрали офицерскую книжку и оставили в покое.

Солдаты осмотрели домик, после чего офицер вежливо приложил руку к козырьку.

— Вы есть... временно интернированные... какие имеются просьбы?..

— Папирос дайте! — потребовал Косухин, не дослушав переводчика. Офицер вручил Степе пачку папирос с изображением дракона, после чего им было предложено следовать за караулом. Спорить не приходилось, и все трое медленно зашагали к стоявшей в отдалении полусожженной казарме.

Их поместили в одной из уцелевших комнат, но втроем им пришлось пробыть всего несколько минут. Все тот же офицер вежливо пригласил Берг пройти с ним, после чего дверь заперли, и Степа с Арцеуловым остались одни. Вначале они не особо волновались, решив, что девушку вызвали на допрос, но ни через час, ни к вечеру Наташа не вернулась. Степа пытался протестовать, но караульные были немы и лишь один раз отворили дверь, вручив арестованному по миске совершенно несъедобной каши из какого-то странного пшена и по кружке желтого ароматного чая.

Ни Косухин, ни Арцеулов не разговаривали. Беседовать было не о чем, к тому же Степа медленно сочинял длинную речь, которую он собирался произнести, буде попадет на

допрос, а заодно прикидывал, как лучше вести революционную агитацию при полном незнании китайского языка.

Ростислава эти проблемы не мучили. Он почему-то успокоился. В конце концов, им сделано все, что в человеческих силах. Бороться было не с кем, да и незачем. Беспокоила судьба Берг, но об этом он решил спросить на неизбежном допросе.

Их действительно вызвали, причем обоих сразу. В небольшой комнате первого этажа Степу и Арцеулова ждали уже знакомый им переводчик и какой-то офицер, принявшийся задавать обычные в таких случаях вопросы. Единственным отличием в этой стандартной процедуре было то, что заполняемый офицером протокол выглядел странно — это был длинный лист бумаги, на котором выстраивались сверху вниз цепочки затейливых иероглифов.

Узнав фамилии, звания и должности, китаец долго писал, время о времени переспрашивая переводчика, а затем замолчал, словно чего-то ожидая.

Косухин уже собрался произнести заготовленную речь, как вдруг дверь отворилась, и в комнату вошел высокий офицер в такой же форме, как и у всех остальных, но с маленькой серебряной медалью на груди. При виде его китайцы вскочили, Арцеулов и Степа переглянулись и тоже встали. Высокий движением головы выслал обоих китайцев из комнаты и неторопливо сел за стол.

— Присаживайтесь, господа — произнес он почти без акцента. — Разрешите представиться — генерал Мо, командующий Синьцзянским военным округом. Ваши фамилии мне известны, так что обойдемся без лишних формальностей. У вас есть жалобы на обращение?

— А то! — пришел в себя Степа. — А по какому, собственно, праву нас заарестовали? Здесь советский объект, чердынь-калуга. Я, эта... протестую!

— Ваш протест отклонен, господин комиссар. Это территория суверенного Китая, к тому же мы не признаем большевистской власти...

— Ах так! — взъярился Степа. — А договор?! Ваш же этот... принц его подписал! Это российская территория, а значит, советская! И насчет большевиков — поостереглись бы. А то не ровен час...

— Вы хорошо информированы, Степан Иванович, — кивнул генерал. — Согласно договору, подписанному покойным господином Ли Хунчжаном в 1896 году, террито-

рия возле озера Челкель передана в аренду России на пятьдесят лет. Все эти годы мы честно придерживались договоренности.

— Это называется честно? — поразился Степа.

— Да, — кивнул Мо. — Именно так. Несмотря на то, что ни правительство в Бейпине, ни власти Кантона не признают ни белых, ни большевиков...

— Ах, не признают!

Степа наконец-то получил возможность высказаться. Сначала он проинформировал генерала по поводу сущности китайского милитаризма и белогвардейщины, представителем которых генерал Мо непосредственно являлся. Вслед за этим Косухин поделился своими соображениями по поводу мощи победоносной Рабоче-крестьянской Красной армии, руководимой Львом Революции товарищем Троцким. И наконец, последовала короткая, но яркая картина неизбежного, по мнению Степы, будущего, когда беднейшее крестьянство Китая в союзе с китайским пролетариатом и при помощи вышеупомянутой непобедимой Рабоче-крестьянской окончательно разберется с местными буржуями и помещиками, а уж заодно и с их наймитами, включая, естественно, и командующих военным округами.

Арцеулову эта речь, несмотря на явно чуждую классовую направленность, неожиданно понравилась. Он даже слегка испугался за краснопузого. Впрочем, генерал слушал совершенно спокойно и даже время от времени кивал.

— Благодарю вас, господин Косухин, — заявил он, когда раскрасневшийся Степа наконец умолк. — Вы были весьма откровенны. Что ж, откровенность за откровенность. Я мог бы, конечно, заявить, что я военный и выполняю приказы, и, между прочим, это чистая правда. Но я не хотел бы оставлять вас в явном заблуждении... Итак, мы не трогали Челкель. Более того, проводимые там научные эксперименты — о них мы, естественно, осведомлены — приводили нас в восхищение. Поэтому мы вполне благопринятно реагировали на просьбы Колчака, связанные с их осуществлением, и даже обеспечивали внешнее кольцо охраны. Ведь места здесь опасные. Но Колчак отрекся. Единственной реальной властью в России осталась власть Совета народных комиссаров, как вы только что верно указали, господин Косухин...

Он чуть иронично поглядел на Степу. Тот нахмурился и отвернулся.

— ...Итак, мы ждали распоряжений вашего руководства по поводу Челкея. Они последовали быстро и были достаточно неожиданны. Для меня, во всяком случае. Их суть вам уже ясна...

— Большевики приказали уничтожить Челкель? — переспросил Арцеулов, хотя и так все было ясно.

— Именно уничтожить, господин капитан. Честно говоря, я не хотел заниматься подобным делом и несколько затянул исполнение приказа. Но вчера вечером он был продублирован, причем самым решительным образом. Не знаю уж, как господа большевики сумели надавить на наше правительство. Я и так выполнил приказ лишь частично — помешать запуску «Мономаха» я не смог, да и не хотел. Полигон же уничтожили вы сами. Вероятно, господин Косухин, ваше руководство держало вас в неведении по поводу этих планов...

«Венцлав, — вспомнил Степа. — Но ведь переговоры с китайцами вел не Венцлав, а наверняка кто-то повыше. Вот дела!..»

— Теперь — второе... — Мо несколько секунд помолчал, а затем продолжил: — Вы поступили разумно, сложив оружие. Мои подчиненные обещали вам отправку на Родину и делали это по моему приказу...

Он вновь замолчал, как бы не решаясь продолжать. Впрочем, кое-что Степа и Арцеулов уже начинали понимать.

— Они пошутили? — поинтересовался капитан. — Или это вы шутки шутите?

— Я не шучу. Я не мог предвидеть, что все трое, попавшие в плен, то есть, точнее сказать, интернированные, оказались в том списке, который я получил сегодня утром. Вы были крайне неосторожны, господа...

— Что будет с госпожой Берг? — перебил Арцеулов.

— С ней как раз ничего страшного. Завтра утром за ней прибудет аэроплан, а о дальнейшем меня не информировали. Речь не о ней, речь о вас...

— Интересно получается, — вновь прервал его Ростислав. — Я — офицер русской, то есть белой армии. Господин Косухин — красный командир, а этот ваш приказ — один на всех?

— Да, — кивнул Мо. — Разве что лично у вас мне приказано изъять какой-то серебряный перстень. Впрочем, я

не мародер и заниматься этим в любом случае не собираюсь...

Тут уж Косухин не выдержал и недоуменно покрутил головой. Арцеулов лишь усмехнулся — выходит, он распорядился перстнем более чем разумно. В том, кто стоял за этим приказом, сомневаться не приходилось.

— Я сожалею, господа — проговорил генерал, вставая. — Все, что я мог, это поставить вас в известность о том, что знаю сам. Вам виднее, господин Косухин, отчего ваши руководители так, а не иначе, распорядились вашей судьбой...

— Когда... — начал было Арцеулов, но не договорил.

Впрочем, генерал понял:

— Часов через шесть. Перед рассветом... Прощайте.

Он встал, резко кивнул и вышел из комнаты.

— Забавно, — пробормотал Ростислав, хотя ничего забавного в происходящем, пожалуй, и не было.

Их заперли в комнатухе на первом этаже. В разбитое окно дуло, и Степа, оставшийся без полушубка, начал изрядно мерзнуть. Это не особо беспокоило красного командира. Не обращая внимания на холод, Косухин присел на разбитый табурет, сунул руки в карманы и застыл, о чем-то напряженно размышляя.

Арцеулову табурета не досталось, и он медленно ходил из угла в угол, чтобы не замерзнуть.

«Забавно, — вновь повторил капитан столь неподходящее слово, правда, на этот раз не вслух, а про себя. — Похоже, придется помирать вместе с этим краснопузым. Что ж, приказ адмирала я выполнил, а вот со всем остальным вышла неувязка...»

До дня рождения оставалась пара недель, но теперь этот небольшой срок воспринимался уже чисто теоретически. С красными капитан тоже не успел расквитаться полной мерой, и уже, пожалуй, не доведется. Вдобавок еще оставалась фляжка с шустовским коньяком, которую он так и не вернет хозяину...

Ростислав хлопнул себя по поясу — фляжка была на месте. Странно, он умудрился не потерять ее, несмотря на невероятные события последних недель.

— Их обманули! — вдруг громко произнес Степа. Арцеулов остановился и не без удивления посмотрел на него.

— Обманули! — решительно повторил Косухин. — То-

варищей Ленина и Троцкого! Семен прав — банда, вроде этого Венцлава...

Арцеулов не стал спорить, хотя в его глазах все большевики были одной большой бандой.

— Надо бежать, чердынь-калуга! — продолжал Степа, вынимая замерзшие руки из карманов и ожесточенно массируя покрасневшие пальцы. — Надо добратсья до столицы и все рассказать!

Он взглянул на зарешеченное оконце, потом на дверь, за которой толпились караульные, и вздохнул.

— Про что рассказать? — без особого интереса поинтересовался капитан. — Про Венцлава и про собачек?

— И про это! — Косухин вскочил, подышал в холодные ладони и вновь сунул руки в карманы. В голове мелькали самые невероятные планы побега, хотя Степа, конечно, понимал, что бежать едва ли удастся. Косухин не боялся рассвета и того, что должно произойти с ним. Его душила злость. Он должен сообщить в ЦК. И о Венцлаве, и о 305-м полке, и о том, кто был так похож на Федю Княжко. Он должен рассказать и о Челкеле, и об эфирных полетах — ведь это важнейшее научное открытие, такое нужное для диктатуры пролетариата! И он должен помочь Наташе Берг...

— Ее... куда-то отправляют, значит... — произнес он неуверенно.

Арцеулов понял.

— Да... Похоже, в ней заинтересованы больше, чем в нас с вами. Надеюсь, ничего плохого Наталье Федоровне не сделают...

— Нужно ее освободить! — решительно заявил Степа. — Ах ты, чердынь!..

Он вновь плюхнулся на табуретку и замер. Арцеулов невесело усмехнулся, выдохнул воздух — перед лицом тут же за клубилась струйка пара — и решительно достал флягу.

— Косухин, выпить хотите?

— Не, — помотал головой занятый своими мыслями Степа. — Для храбрости пусть гимназисты пьют! Обойдемся...

Капитан открутил металлическую пробку, взвесил в руке тяжелую флягу и пожал плечами.

— Как хотите. Только вы, Косухин, уже синий. Еще подумают, что вы и вправду струсили...

— А! — Степа взяв фляжку, плеснул коньяк в кружку из-под чая. — Это чего? Не водка?

— Это шустовский коньяк, господин комиссар! — Арцеулов несколько даже обиделся. — Если вы, конечно, знаете, что такое коньяк...

— Чего уж... пивали... — на этот раз обиделся Степа и, проглотив содержимое кружки залпом, вернул флягу капитану.

Коньяк действительно пришелся к месту. Арцеулов с удовольствием выпил, но не залпом, как неотесанный Степа, а маленькими глоточками, смакуя, после чего вновь проглотил емкость Косухину.

— Хороша фляжка! — одобрил Степа, порозовевший и даже слегка воспрявший духом. — Вроде моей. Была у меня такая, посеял где-то...

Арцеулов пропустил эти слова мимо ушей. Мало ли кто и почему теряет такие полезные вещи, как, например, фляга!

— Точно как моя, — продолжал Степа, наливая в кружку новую порцию. — А посеял я ее, помнится, в начале мая, стало быть, прошлого года, аккуратно на реке Белой. Когда мы Каппеля лупили...

— Это еще кто кого лупил! — начал было Арцеулов, но тут же осекся: — На Белой? Вы там воевали?

— А как же! — тут же загордился Степа. — За Белую мне сам товарищ Троцкий орден вручал! А фляжку жаль... Я ведь даже ее пометил, чтоб не сперли...

— Буквы «С. К.»? — Ростислав почувствовал, как холодеет. — Там, у горлышка...

— Да... «С.К.» — Степан Косухин, — Степа расстегнул чехол.

Последовал удивленный свист:

— Вот это да! Во, чердынь-калуга, никак она! Где ты ее нашел, гражданин Арцеулов?

— Я ее не находил, — стараясь быть спокойным, ответил капитан.

— Ну это ты брось! Как же не находил, когда я ее посеял...

— Вы ее не теряли... — Ростиславу хотелось закричать, схватить краснопузого за горло, но он сдержался. — Вы отдали ее раненому... умирающему офицеру. Он хотел пить... Помните?

Степа задумался.

— Не, — заявил он. — Не помню. Какому еще офицеру? Еще чего...

— Это было на самом берегу Белой. Там была еще женщина в форме прапорщика. Вы сорвали с нее погоны и орден... Георгиевский крест... Вы хотели застрелить раненого, но она упростила вас...

— Да, ерунда! — махнул рукой Косухин. — Какая женщина...

И тут он замолчал. Вспомнилось красивое женское лицо, сверкающий снег, умирающие угли костра... Затем то же лицо — а рядом ткнувшийся в желтую скалу аэроплан, и он сам возле свежей могилы, на которой лежит черный летный шлем... «Вы когда-то спасли Ростислава...» Ксения Арцеулова!

Он испуганно взгляделся в напряженное лицо офицера, но вспомнить так и не смог. Тогда, на Белой, они не выходили из боев две недели, и все смешалось в какой-то страшный кровавый клубок...

— Никак это ты был, беляк? — выговорил он наконец.

— Вспомнил, краснопузый? — У Арцеулова дернулась щека, он заговорил тихо, почти шепотом: — Вспомнил?

— Нет. Не помню, — спокойно ответил Степа. — Жена-то твоя... Ее Ксенией звали, да?

— Откуда знаешь? — Арцеулов взял себя в руки. — От Венцлава, что ли?

— От Венцлава...

Ростислав кивнул. Выходит, те, кто охотился за ним и за его товарищами, узнали даже это. Узнали и не поленились вести переговоры с Бэйпином, чтобы генерал Мо забрал у него дхарский перстень. Впрочем, это было уже не так важно. Арцеулов попытался вспомнить жуткого монстра, что надвигался на него сквозь кровавое море. И лицо, которое он успел заметить в минуту просветления. Нет, он не узнавал Косухина. Наверно, и этот краснопузый не запомнил его, не придав значения тому, что оставил флягу с водой умирающему офицеру...

Итак, фляга все-таки вернулась к хозяину. Правда, вернулась не так, как надеялся капитан. Косухина нельзя было пугнуть до полусмерти, а затем одарить шустовским коньяком и отпустить, надавав по шее. Краснопузый Косухин, потомственный дворянин и брат отважного летчика-испытателя Николая Ивановича Лебедева, умрет вместе с ним, Арцеуловым, через несколько часов, перед рассветом...

Вспомнился сон, странный сон, привидевшийся в Нижнеудинске. Тогда Ксения сказала, что ему поможет тот, кто

уже сделал ему добро, желая зла. Что ж, в этом сон сбылся. Если бы не краснопузый, едва ли «Мономах» сумел бы подняться в холодное зимнее небо. Арцеулову внезапно захотелось все рассказать этому парню, которого он уже устал ненавидеть, — и про Ксению, и про приказ Верховного, и про то невероятное, что пришлось увидеть. Но он сдержался: ни к чему. Ни ему, ни Степе эти тайны уже не понадобятся.

Они допили коньяк, Арцеулов пытался отдать флягу Степе, но тот отмахнулся и, свернувшись калачиком, лег прямо на холодный пол, решив подремать часок-другой. Ростислав, не желая мешать, сел на освободившийся табурет и стал молча смотреть в окошко, за которым сверкала звездами далекое недоступное небо. Степа что-то бормотал во сне, съезживаясь в комок. Арцеулов снял с плеч полушубок и укрыл красного командира, а сам достал из пачки с драконом папирозину и щелкнул зажигалкой.

За ними пришли в начале седьмого, когда на востоке только начинало белеть. Степа мгновенно проснулся, удивленно взглянул на полушубок и молча отдал его капитану. Арцеулов накинул одежду на плечи и даже не стал застегивать крючки. Ни он, ни Степа, ни те, кто пришли за ними, не сказали ни слова.

Полигон казался бесконечным, и Степа, несмотря на попытки заставить себя думать о неизбежной победе мировой революции, успел изрядно замерзнуть. О революции, несмотря на все усилия, не думалось. Вспоминался брат, смеющаяся Наташа Берг, трехцветная генеральская кошка и почему-то Семен Богораз. Арцеулов не думал ни о чем — на душе было пусто и черно.

На северном краю полигона, немного в стороне от дороги, по которой они пришли в Челкель, их ждали несколько человек. Среди них Арцеулов сразу же узнал генерала Мо и мрачно усмехнулся.

Генерал подошел к ним, несколько секунд смотрел, не говоря ни слова, затем что-то коротко приказал. Один из конвойных снял шинель и накинул ее на плечи продрогшего Степы.

— Господа, — голос Мо был спокоен и бесстрастен. —

В приказе сообщается, что вы должны погибнуть при попытке к бегству. Я не могу нарушить приказ. Единственное, что могу сделать, — выполнить его буквально. Эта тропинка ведет к небольшому ущелью. Спрятаться там негде, а сходить с тропы нельзя — мины. У вас есть два часа, затем я пошлю погоню. Если вы верите в Бога Христа или в других богов, может, они помогут вам... Прощайте.

Он резко повернулся и пошел в сторону полигона. Свита потянулась за ним, остались лишь трое конвоиров. Они о чем-то переговаривались между собой, после чего один, с нашивками офицера, вынул револьвер и лениво кивнул на почти незаметную в темноте тропу.

Несколько минут они ждали выстрелов в спину, но сзади было тихо — генерал Мо держал слово. Метров двести прошли молча, после чего остановились, чтобы перевести дух.

— А вы ведь неверующий, Косухин? — поинтересовался капитан, вспомнив слова китайца.

— Не-а, — Степан явно не уловил иронии. — Неверующий... Ну чего, беляк, прогуляемся напоследок?

— Придется, — кивнул Арцеулов и внезапно протянул Степе руку: — Меня зовут Ростислав...

— Степан... — Косухин пожал тонкую сильную ладонь капитана, вздохнул и поправил шинель. — Ну чего, пошли, что ли, Ростислав...

Арцеулов кивнул, застегнул полушубок и молча зашагал по тропе. Степан на мгновение задержался, оглянулся на оставшийся за спиной полигон, покачал головой и шагнул следом. Арцеулов шел быстро, и, чтобы догнать его, Степе пришлось пробежать несколько метров. Поравнявшись с капитаном, Косухин сбавил ход и пошел рядом, почти плечом к плечу.

...Двое мужчин уходили все дальше и дальше по узкой, терявшейся среди камней и песка тропе, пока не исчезли в предрассветной мгле.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

1993 г.

СТРАЖ РАНЫ

РОМАН

ГЛАВА 1

Тривиум

Тропа тянулась вдоль невысоких холмов, почти незаметных в густой темноте, затопившей землю. Лишь далеко впереди, у самого горизонта, слегка белела узкая полоска — там медленно, не спеша, проступал ранний зимний рассвет. Идти было трудно — тьма скрывала повороты, вдобавок под ноги то и дело попадались мелкие острые камни. Ко всему донимал холод — в эти предрассветные часы он казался особо нестерпимым.

Шли молча — Косухин чуть впереди, пряча мерзнущие руки в карманы китайской шинели и натянув черную мохнатую шапку почти на самый нос. Арцеулов немного отставал. Холод, так донимавший Степу, был более милостив к капитану — в очередной раз спасал «гусарский» полушубок. Зато внезапно разболелась голова. Боль была столь резкой и сильной, что Ростислава зашатало. О холоде он сразу забыл — в висках стучала кровь, черные волны накатывали откуда-то со стороны затылка, и теперь каждый шаг требовал немалых усилий. С полчаса капитан держался, но затем стал заметно отставать от быстрого Степы. Пару раз Арцеулов хотел предложить небольшой перекур, но сдерживался, не желая показывать слабость.

— Ч-черт! — выразительно произнес Степа, угодив ногой в яму. — Чего это они тут, чердынь-калуга, огурцы сажали?

— Не поминайте, — поморщился Арцеулов, останавливаясь и прикладывая к пульсирующей болью голове ледяную ладонь. — Они не огурцы сажали, Степан. Здесь же мины были. Это называется разминирование.

— Точно, — Степа осторожно отошел подальше от зло-

вещей ямки. — Вот зараза!. Че, капитан, передохнем? Курить будешь?

Рука Косухина привычно полезла за пачкой папирос, но Ростислав покачал головой.

— Ты чего? — удивился Степан.

— Не хочу... — сквозь зубы произнес капитан. — Голова... Болит немного.

— Ах ты! — пачка отправилась обратно в карман шинели. — Это ж тебя в самолете! Эх, надо было повязку сместить!

— Надо было...

За последние сутки Арцеулов напрочь забыл и о ране, и о повязке — было просто не до того. Боль вынырнула неожиданно, разом напомнив о неровном гудении моторов, о мелькавшей под иллюминатором желтой земле и о страшном ударе.

— Здорово тебя тогда... — похоже, Косухин подумал о том же. — Вот притча! Идти-то сможешь?

— Да... Только передохну немного. Давайте-ка сообразим... Идем мы уже около часа. Прошли версты четыре...

— Пять, — прикинул Степа. — Быстро шли...

— Насколько я помню карту, впереди вроде горная гряда. Невысокая...

— Этот Мо говорил про какое-то ущелье, — кивнул Косухин, вспоминая слова генерала. — Только эта дорога... Ведь мины кругом!

— Придется рискнуть, — пожал плечами Арцеулов, — не ждать же, когда нас нагонят...

— Это точно! Если б не мины, я б прямо сейчас свернул в степь. Там, глядишь, и встретили б кого подходящего...

— Местный пролетариат, — в тон продолжил капитан, чувствуя, что голову начинает отпускать. Сразу появились силы для обычной иронии.

— Или трудовое крестьянство, — невозмутимо парировал Степа. — Собрали бы, чердынь-калуга, отряд, врезали б по этим белякам, а потом пошли Наташу выручать...

Капитан не ответил и лишь покачал головой. Красный командир Косухин явно не собирался погибать среди этих холмов. Во всяком случае, для человека, которому осталось жить едва ли более часа, он рассуждал довольно оптимистично.

— Пошли! — вздохнул Арцеулов, удовлетворенно чув-

ствуя, как боль исчезла без следа, оставив лишь едва заметную слабость. — А то и вправду догонят...

Теперь они вновь шли рядом, плечом к плечу. Шли быстро — предрассветный холод заставлял двигаться изо всех сил. Разговаривать не тянуло, все было и так ясно.

Арцеулов внезапно подумал, что в очередной раз ошибся, причем нелепо и глупо. Он был готов — или почти готов — погибнуть, недотянув даже до 10 февраля — собственного двадцатипятилетия, — но эта странная и жуткая прогулка по ночной пустыне показалась унижительной. Да, он ошибся. Там, на полигоне, надо было просто послать косягозого окопным трехэтажным и встретить залп как полагается офицеру русской армии — грудью. А теперь он должен бежать, как загнанный заяц, прислушиваясь к топоту копыт за спиной и ожидая пули в затылок. И все это ради удовольствия пожить пару лишних часов в обществе краснопузого Косухина...

Капитан взглянул на мрачного сосредоточенного Степу, уверенно мерявшего шагами узкую тропу, и в душе колыхнулась привычная злость: «Жизнелюб! Этот смерти ждать не будет!»

Арцеулов отвернулся. Внезапно вспомнился жуткий эпизод из читанного в детстве романа о шуанах Вандеи. Благородные бойцы с гидрой революции связывали пленным федератам руки, надевали на шею горящий фонарь и пускали в темноту, чтобы потренироваться в стрельбе. Приблизительно то же, но на этот раз уже не в книге, а на глазах у капитана, проделывали марковцы во время осенних боев 18-го на Кубани. Правда, обходились без фонаря и в основном не стреляли, а рубили с наскока. Арцеулова перевернуло — сходство было разительным, только что руки им оставили свободными. Ростислав вновь взглянул на Степу, но красный командир по-прежнему сосредоточенно шагал по тропинке, не подозревая о мрачных мыслях капитана.

«Жизнелюб!» — вновь подумал Арцеулов, но на этот раз с определенной долей зависти.

Степа действительно не подозревал о том, что заботило капитана, а если б ему довелось узнать об этом, весьма бы удивился. Он и вправду был оптимистом. К этому вынуждал характер, а главное — сам дух единственно верного учения товарища Маркса. Косухин давно уже понял, что его долг, как и долг всех его сверстников — лечь костями в рос-

сийскую — или какую иную, как придется, — землю, дабы из праха выросли будущие поколения, которым и доведется жить при коммунизме. А значит, смерть за дело мировой революции есть не только долг, но и своего рода обряд, в некотором роде — праздник.

Впрочем, это была теория — а на практике, которой тоже хватало, смерть уже не раз дышала в Степин затылок. Два раза его ставили к стенке, причем один раз к настоящей — кирпичной и очень сырой. Эту сырость, обжигающую спину, Степа запомнил крепко. И каждый раз, несмотря на отмеченное белым гадом Арцеуловым жизнелюбие, Косухин держался твердо и даже нагло. Он помнил слова комиссара Чапаевской Митьки Фурманова, с которым несколько раз сталкивался на Белой: «Доведется подышать — подыхай агитационно». В общем, Степа труса не праздновал. Но теперь, когда можно было либо без хлопот помереть прямо у кромки взлетного поля Челкея или идти по неведомой тропе сквозь предрассветную мглу, Косухин не сомневался ни секунды, твердо зная, что помереть все-прежде всего успеет, а лишние пара часов жизни — это шанс, которым попросту нельзя пренебрегать. Короче, Косухин погибать не собирался, и под его черной мохнатой шапкой роились планы, один замысловатее другого. Пока же надо было идти — и Степа шел.

Светало. Восток белел, тьма отступала назад к оставленному ими Челкею, промозглый холод был уже не столь заметен, а у самого горизонта разгоралась еле приметная красная полоса. Холмы, едва заметные ночью, теперь были видны во всех подробностях — одинаковые, с голыми, неприветливыми склонами, на которых лишь кое-где торчали высохшие клочья прошлогодней травы.

Когда они в очередной раз остановились перекурить, Арцеулов как бы ненароком взглянул на часы и слегка при-
вистнул.

— Половина восьмого! Полчаса у нас еще есть... Интересно, что там впереди?

Глазастый Степа всмотрелся и неопределенно пожал плечами:

— Гора... Или две... Надо бы поднажать, чердынь-калуга! А вдруг повезет? Эх, если б не мины!

— Здесь их, наверное, уже нет, — предположил Арце-

улов, прикидывая пройденное расстояние. — Едва ли оборона полигона тянулась так далеко.

— Точно! Так что, ежели чего, сворачиваем за холмы — и ищи нас!

— Найдут! — поморщился Арцеулов. — Холмы невысокие. Пара конных патрулей — и баста! Нет, надо к горам. Генерал не зря говорил про ущелье...

— Ага, не зря! — хмыкнул Косухин. — Он тебе подскажет! Ладно, чего там! Увидим...

Солнце уже успело наполовину вынырнуть из-за горизонта, когда они добрались до подножия ближайшей горы. Невысокая горная цепь едва возвышалась над вершинами окрестных холмов. Склоны были покрыты сухим колючим кустарником, произрастававшим между большими, изъеденными ветром камнями.

Внезапно Степа остановился, упал на тропинку и приложил ухо к земле. Встав, он машинально отряхнул шинель и неохотно проговорил:

— Скачут... Версты за полторы. Рысью идут — не спешат...

— Быстрее! — скомандовал Арцеулов. — Вперед.

Тропа начала сворачивать влево, огибая пологий склон. Идти стало труднее — дорога шла вверх, вдобавок камни по пути встречались теперь заметно чаще. Арцеулов внезапно почувствовал, что боль вновь возвращается. Пришлось закусить губу, чтобы не дать вырваться невольному стону.

Косухин, казалось, занятый исключительно дорогой, внезапно что-то почувствовал и, остановившись, вопросительно взглянул на капитана. Тот отрицательно помотал головой — задерживаться было явно не ко времени. К счастью, боль отступила быстро — почти сразу, как они поднялись вверх и оказались у небольшого перекрестка.

— Так, — растерянно произнес Степа, оглядывая окрестности. — Ну, и куда теперь?

Арцеулов вытер проступивший на лбу пот — боль не прошла даром.

— Тривиум, — пробормотал он.

— Чего? — вяло отреагировал Степа.

— Перекресток трех дорог, — пробормотал Ростислав.

Мудреное латинское словцо было употреблено всуе. Дело было и так ясное — тропинка раздваивалась. Одна до-

рога тянулась дальше, к подножию следующей горы, теряясь за склоном. Другая — резко сворачивала вправо и шла куда-то вниз.

— Если генерал говорил правду об ущелье, то это направо, — решил Ростислав. — Рискнем?

— Ущелье... — с сомнением заметил Косухин. — Эх, не верю я этой контре! Ладно, все одно, в степь не уйдешь — нагонят...

Он решительно кивнул и свернул направо, Ростислав поспешил за ним по тропе, которая шла вниз, делая резкие повороты. Внезапно отвесные склоны расступились, и открылось глубокое ущелье, тянущееся куда-то вдаль, к югу. Степа на миг задержался, окидывая взором увиденное. Затем неодобрительно бросил:

— Попались, чердынь-калуга! Не скроешься.

Тут он оказался прав. Тропа шла между двух склонов, становившихся чем дальше, тем отвеснее. Скрыться было действительно негде, — даже если бы удалось подняться выше, беглецов легко было заметить и снять первыми же выстрелами. Арцеулов молчал, но взгляд его не отрывался от склонов — капитан искал выход.

— Генерал говорил о том, что нам должен помочь Бог. Нет, не так... Мо сказал: «Если вы верите в Бога Христа или в других богов, то они помогут вам...» Если мы верим... Что он имел в виду?

— Гляди! — внезапно крикнул Степа, останавливаясь и указывая куда-то вправо, на узкую тропу, ответвляющуюся от основной дороги. Она уходила вверх по склону, петляя между острых камней причудливой формы.

— Снова тривиум, — негромко, самому себе, проговорил Арцеулов. — Если мы верим в Бога...

— Ты чего? — не понял Косухин. — Погляди — какая-то дыра! Пещера вроде...

— Это не пещера, — всмотревшись, покачал головой Ростислав.

Действительно, то, что они видели, не было похоже на обычную пещеру. Тропинка, забравшись сажен на сто вверх по склону, пропадала у ровного четырехугольного отверстия, высеченного в скале. Снизу было трудно разглядеть подробности, но капитан все же заметил четко обозначенный порог и что-то похожее на грубо выбитое изображение над входом.

— Храм! — вдруг осенило его. — Если мы верим в Бога Христа или других богов...

— Да при чем здесь... — возмутился Степа и осекся. — А ведь верно... Выходит, не зря говорил... Ну чего, рискнем, твое благородие?..

Арцеулов прислушался. Где-то сзади, возле невидимого за поворотом тропы входа в ущелье, послышался стук копыт. Рассуждать было некогда.

— Наверх! — решил он. — В любом случае — есть шанс отсидеться.

Степа не спорил. Встречать врагов на верхнем краю почти отвесной тропы ему нравилось больше, чем бежать от них по ущелью. К тому же, убежать удалось бы совсем недалеко.

Арцеулов взбирался первым. Тропа стала почти отвесной. Приходилось время от времени цепляться руками за камни, и капитан боялся, что новый приступ боли заставит его остановиться. Но боль исчезла, в голове стало чисто и ясно, и даже сил, казалось, прибавилось. Ростислав поднимался быстро, опередив чертыхавшегося Степу на добрый десяток сажен. У Косухина дело не ладилось — пару раз камни вырывались из-под ног, да и вообще, лазить по горам он не умел и не любил.

Тропа, свернув вправо, внезапно кончилась, выведя на небольшую ровную площадку. Арцеулов с удовольствием остановился, переводя дух, затем поглядел вниз.

Оставленное ими ущелье было пустым и безлюдным, но откуда-то слева, где находился первый перекресток, слышались голоса и негромкое лошадиное ржание. Капитан поглядел направо — ущелье тянулось дальше версты на три, но затем резко обрывалось, упираясь в отвесный склон. Выходит, впереди тупик.

На площадку вылез недовольный и слегка запыхавшийся Степан. Он отряхнул с рук сухую холодную пыль и тоже поглядел вниз. Слева послышался стук копыт.

— Присядь! — скомандовал Арцеулов, но Степа и сам сообразил, опускаясь на корточки. И вовремя — в ущелье въезжал патруль. Их было пятеро, в уже хорошо знакомых шинелях с меховыми воротниками. За плечами у всадников болтались короткие кавалерийские карабины.

— Эх, заметят! — прошептал Степа. — Приметная тропа!

— Впереди тупик, — заметил капитан, кивая направо.

Степа поглядел туда, где ущелье упиралось в гору, и вздохнул.

— Винтарь бы... Я бы тут роту задержал!

· Действительно, позиция была превосходной, но с голыми руками оборонять ее все же затруднительно.

— Пошли-ка в пещеру! — подумав, рассудил Косухин. — Чего тут глаза мозолить?

Арцеулов, согласно кивнув, повернулся к черному провалу.

Они не ошиблись. Когда-то тут находился храм. Четырехугольник входа был аккуратно врезан в скалу. Неизвестные строители даже обозначили по бокам что-то похожее на две массивные колонны, на которых когда-то были выбиты надписи. Над входом, как заметил Ростислав еще с тропы, находилось изображение всадника, протягивавшего к небу правую руку. Правда, и надписи, и всадник — все было разбито до неузнаваемости. Чьи-то руки позаботились о том, чтобы редкие гости не могли догадаться, каким богам поклонялись в этом пустынном месте.

— Вроде Егория, — неуверенно заметил Степа, вглядываясь в разбитое изображение. — Только копыта чего-то нет...

— Непохоже, — покачал головой капитан. — Да и откуда тут быть христианскому храму? Это же Китай!

— А кто его знает? — не согласился Косухин. — Слышал я, что и здесь христиане имеются...

Он еще раз взглянул на всадника и стал подниматься по ступенькам. Их было семь, причем верхняя оказалась почти полностью разбита, а сквозь остальные прошли глубокие трещины. Секунда — и Степа скрылся в темном проходе. Арцеулов последовал за ним, но перед этим не удержался и вновь посмотрел вниз. То, что он заметил, ему совершенно не понравилось — патруль остановился, и солдаты, о чем-то споря, указывали на идущую вверх тропу.

Ростислав ждал темноты, но внутри было светлее, чем могло показаться. Конечно, ни одного окна в небольшом помещении, высеченном в скале, не было, но утренний свет, попадавший через входное отверстие, позволял увидеть все подробности.

Итак, храм был невелик. Он оказался почти квадратным, с неожиданно высокими сводами. Стены когда-то покрыва-

ли глубоко врезанные надписи, но и здесь все было разбито и уничтожено. Справа находилась горизонтальная ниша, когда-то закрывавшаяся плитой, но теперь вскрытая и пустая. Такая же ниша, только вертикальная, напоминающая дверь, была прямо перед входом, там, где у христианских церквей находится алтарь. Возле этой ниши угадывались остатки каких-то изображений, но здесь руки разрушителей поработали особенно тщательно.

«На церковь не похоже, — мелькнуло в голове у капитана. — Да и на мечеть тоже... Если бы мечеть, изображений не было бы. Может, буддисты? Но тогда в алтарной части должен стоять Будда. Разве что с нишей понятно — кто-то тут явно лежал...»

Он хотел поделиться своими соображениями с Косухиным, но тот внезапно замер, а затем осторожно дернул капитана за рукав, кивая в угол. Арцеулов поглядел и вздрогнул — оказывается, они были в храме не одни.

Человек сидел в углу на корточках, расположившись на чем-то, напоминающем то ли вытертый ковер, то ли старый халат. Он сидел неподвижно, лишь по легкому движению склоненной головы можно было догадаться, что это живой человек, а не каменная скульптура. На плечи была наброшена то ли шуба странного покроя, то ли опять-таки халат, голову венчала темная остроконечная шапка. По всему чувствовалось, что человек очень стар.

Степа, кашлянув, решительно произнес: «Здрасьте...» Человек в остроконечной шапке кивнул, но не поднял головы.

Внезапно сзади послышались резкие гортанные голоса — патрульные взбирались по тропинке.

— Эх ты! — прошептал Степа. — Ну чего делать-то, чердынь-калуга? Хоть бы наган был!

— Придется выйти, — решил Арцеулов. — Останемся — старика могут прикончить вместе с нами...

Степа затравленно оглянулся. Выходить под пули не хотелось, но он понимал: беяк абсолютно прав. Подставлять под пули странного монаха не следовало.

— Выходит, погуляли! — вздохнул Степа. — Нет. Отгуляли... — поправился он.

Возразить было нечего.

Арцеулов еще раз окинул взглядом храм, надеясь на

чудо, но выхода не было... «Если вы верите в Бога Христа или в других богов...» Ростислав грустно усмехнулся.

Степа не думал о столь высоких материях. Он лихорадочно осматривался, соображая, что предпринять. Могильную нишу он заметил сразу, прикинув, что можно там спрятаться, подождать, покуда преследователи войдут, а там уж как повезет. Вероятно, он так бы и поступил, но рисковать чужой жизнью не хотелось. Конечно, смертей на своем недолгом веку Косухин повидал немало, даже с избытком, но в этой чужой стране он вдруг понял, что происходящее — это и его личное дело. В том, что его, Степана Косухина, комиссара Челкея и уполномоченного Сиббюро, пристрелят при попытке к бегству, странный старик в остроконечной шапке не виноват.

Косухин вздохнул и повернулся к выходу, как вдруг откуда-то сзади послышался негромкий голос. Степа оглянулся — старик смотрел прямо на них и что-то говорил. Затем он поднял тонкую худую руку и сделал какой-то знак, словно приглашая остаться.

— Пора нам, дедушка! — вздохнул Косухин. — Так что извиняемся за беспокойство.

— Да, — кивнул Арцеулов. — Извините, что помешали.

Старик покачал головой, а затем вновь взмахнул рукой, на этот раз резко и повелительно. Сомневаться не приходилось — он подзывал их поближе. Ростислав и Косухин неуверенно переглянулись.

«Может, у них тут убежище?» — подумалось капитану.

У входа уже слышались голоса. Капитан, решив, что выходить все равно поздно, потянул Степу за рукав шинели. Старик кивнул, и они присели рядом с ним. Почти тут же в храме стало темнее — двое солдат, держа карабины на изготовку, вошли внутрь.

Беглецы замерли, стараясь не дышать. Старик оставался абсолютно спокойным, казалось, потеряв всякий интерес к происходящему. На тонких серых губах его проступила улыбка.

Между тем солдаты, бегло осмотревшись, нерешительно стояли посреди храма, негромко переговариваясь. Затем один из них подошел ко входу и что-то крикнул. Снизу донесся ответный крик.

«Неужели не заметили? — поразился Арцеулов. — Нет, тут что-то не так...»

Очевидно, повинуясь приказу, солдаты вновь стали осматривать храм. Один из них заглянул в боковую нишу, и даже ткнул в нее для верности прикладом. Другой остановился в полушаге от застывшего Косухина. Секунду постояв, он крикнул, оглянувшись на своего товарища, затем пожал плечами и шагнул к выходу. Тот еще минуту постоял, затем тоже пожал плечами и стал спускаться. Шум шагов замер вдали, затем послышались голоса — солдаты о чем-то спорили, — и вновь все стихло.

— Фу, — выдохнул Степа. — Слепые они, что ли? Вообще-то хорошо, что слепые.

Послышался негромкий смех — смеялся старик. Степа и Арцеулов внезапно сообразили, что он понимает по-русски.

— Дедушка, — негромко, все еще боясь говорить в полный голос, начал Косухин. — Ты эта... чего? То есть кто?

Старик что-то сказал, но слова были совершенно непонятны.

— На каком это он? — переспросил Степа на всякий случай. — На китайском?

— Я не знаю китайского, — усмехнулся Арцеулов. — Да и на китайца он не похож...

Действительно, лицо старика ничуть не походило на раскосые физиономии солдат генерала Мо. Оно было необычным. Годы наложили свой след — на лбу и под глазами легли глубокие морщины, непогода и солнце покрыли лицо темным, коричневым загаром, но было заметно, что в молодости этот человек был красив.

«Нет, не русский, конечно, — подумал Арцеулов. — Может, таджик? Или перс?»

Воображение Степы не шло дальше татарина, но на татарина этот человек совсем не походил.

— Мы не понимаем, дедушка, — заметил Степа, выслушав новую фразу, обращенную, несомненно, к ним.

Старик взглянул на него, как показалось, с явным сочувствием, словно на больного, затем вздохнул и достал откуда-то из-под одежды большую круглую чашу. Холодно блеснул металл — чаша была серебряной, по бокам и днищу тянулись изображения двух драконов с перепончатыми крыльями. Затем откуда-то появился небольшой глиняный сосуд, напоминающий обыкновенный кухонный горшок, но с длинным горлом.

— Чего это он? — поинтересовался Степа.

Арцеулов промолчал, соображая, где он мог видеть подобное изображение. Дракон походил на рисунки на китайских вазах, но все же был каким-то другим.

Между тем старик, открыв сосуд, налил в чашу, как казалось, обыкновенную воду — совершенно прозрачную и чистую. Степа, облизнув пересохшие губы, подумал, что и в самом деле хлебнул бы глоток-другой, но вдруг замер. Ему показалось, что драконы на стенках чаши зашевелились. Косухин хотел протереть глаза, но сообразил, что драконы, конечно, и не думали двигаться — на то они и серебряные. Двигалась вода. Она начала медленно, но затем все быстрее кружиться, словно в чаше образовался маленький, но сильный водоворот. Затем прямо со дна прыгнул пузырек, другой... Через минуту вода в чаше кипела.

Арцеулов покачал головой, подумав, что хорошо бы позвать Семена Богораза. Самому Ростиславу с его юнкерским училищем понять подобные вещи было явно не по плечу.

Вода кипела пару минут, затем ее цвет стал меняться. Из прозрачной она постепенно стала розовой, потом красной, а еще через минуту — бурой. Кипение продолжалось, пузыри яростно лопались, и Степа вдруг сообразил, что старик держит серебряную чашу в руке. Сам бы он на подобное едва ли решился.

Старик, казалось, понял его мысли, вновь сочувственно улыбнулся и осторожно поставил чашу на каменный пол. Кипение тут же прекратилось, и вода начала медленно светлеть. Через пару минут она вновь стала чистой и прозрачной. Старик удовлетворенно кивнул, поднес чашу к губам и, не торопясь, отхлебнул. Затем худая, покрытая вечным загаром рука протянула ее Степе. Тот осторожно подхватил тяжелую серебряную вещь и вновь удивился — чаша была абсолютно холодной. Старик взглянул на него и что-то проговорил.

— Пить, что ли? — понял Косухин. — Так ведь... Да ладно!

Он решился и сделал глоток. Обыкновенная вода, вкусная и свежая, словно только из колодца, причем совершенно холодная.

Осмелев, Косухин сделал еще один глоток, затем протянул чашу Арцеулову. Тот выпил, не задумываясь, и вернул чашу хозяину.

— А ничего! — заметил Степа. — Хотя, по здешнему холоду, я бы лучше спирту...

— Сейчас согреешься, воин...

Степа замер — это сказал старик. Сказал, как и раньше, на своем незнакомом языке, но теперь Косухин понимал каждое слово. По разом застывшему лицу Арцеулова стало ясно, что он тоже понял сказанное.

— Сейчас согреешься, — повторил старик. — Это сома дэви.

Степе действительно стало жарко, но не от воды, а от всего происходящего. Между тем Арцеулов вновь пытался вспомнить — слово «сома» показалось знакомым.

— Я думал, мы пойдем друг друга и без этого, — продолжал старик. — Но вы были слишком невнимательны...

— Так ведь... — начал Степа, но старик перебил его:

— Знаю. Те, что искали вашей смерти, были тоже невнимательны. Вы разучились смотреть и слушать. Это, наверное, плохо...

По бледным губам вновь скользнула улыбка.

Несколько секунд все молчали. Наконец, Арцеулов решился:

— Кто вы?

Он хотел добавить «сударь», но сообразил — это обращение никак не к месту. Впрочем, называть незнакомца «дедушкой» по примеру бесцеремонного Степы он тоже не решился.

— Я тот, кто послан встретить вас, — чуть помолчав, ответил старик. — Думал, вы догадались... Вы спешите, воины, и не успеваете даже подумать...

— Да чего тут думать!.. — решительно отреагировал Степа, но продолжать не стал.

— Подумайте, — вновь улыбнулся старик, но на этот раз его улыбка была печальной.

Степе как-то не думалось. На представителя китайской секции Коминтерна старик никак не походил, а больше встречать в этой далекой стране красного командира Косухина было, пожалуй, некому.

Арцеулов тоже не стал размышлять. Невеселая улыбка старика подсказала ответ:

— То есть... Нам что — конец?

— Я пришел встретить вас. Ваш путь закончен. Вы прошли его до последнего шага...

— Как это? — не сообразил Косухин, но вдруг понял и испуганно замолчал.

— Вас сторожат у тропы. Скоро они поднимутся наверх, и на этот раз будут более внимательны...

— И что? — тихо поинтересовался Степа. — Ничего сделать нельзя? Ну, спрятаться там?

— Вам незачем прятаться. Вы уже пришли...

Арцеулов молчал. Спрашивать было не о чем — он все понял. Много раз капитану представлялось, как это случится, но подобного он не ожидал. Впрочем, Ростислав подумал, что, наверное, никто не представляет, как произойдет такая встреча...

— А... вы всех так встречаете? — любопытство не оставляло Косухина даже в этой ситуации.

— Не всех...

Издали, со стороны дороги, сухо прогремел выстрел. «Сигнал подают», — автоматически отметило сознание Арцеулова. То, что еще несколько минут назад воспринималось как чуть ли не самое важное в жизни, теперь стало далеким и неинтересным.

Степа между тем напряженно размышлял. Непробиваемый атеизм все же не отучил его сверяться с реальностью. Пещера, странный старик — все это было вполне реально, как и смерть, поджидавшая совсем рядом. Но все же Степа чувствовал — главное еще не сказано. Старик явно что-то недоговаривает.

— Вот что, товарищ, — на этот раз «дедушка» стал «товарищем». — Вы бы это... досказали. Чтобы все сразу... А то непонятно что-то...

— Что вам непонятно, Степан? — поинтересовался старик.

На свое имя Косухин не реагировал. Мало ли откуда здесь могут знать комиссара Челкеля?

— Все непонятно. Если нам и вправду крышка, так обычно и без таких... встречающих... обходится. Видел уж, знаю...

— Хорошо, объясню, — старик вздохнул, но без всякого раздражения, словно разговаривал с ребенком. — Вы прошли путь до конца. Но это был не ваш путь, Степан, и не ваш, Ростислав. Вы сбились с дороги, хотя и не по своей воле.

— Ага! — напрягся Степа. — Это, значит, мы сюда по ошибке попали?

— Не по ошибке. Это не так легко объяснить. Представьте, вы плывете по реке. Внезапно начинается буря, вас уносит в море, и вы попадаете совсем не туда, куда рассчитывали...

— Значит, мы не должны были заниматься «Мономахом»? — вмешался Арцеулов. Почему-то он понял, что старик знает и об этом.

— А вы подумайте! — старик уже не улыбался, его небольшие серые глаза смотрели по-молодому остро и решительно. — Собирались ли вы еще месяц назад сокрушать покой небес? Приходило ли вам в голову, что такое возможно? Да и возможно ли это вообще?

— Стоп, — мотнул головой Косухин. — Значит, по порядку. Ясное дело, не собирались. Но то что возможно — это уж, извините. Сами видели...

— Вы видели много невозможного. Точнее, смотрели, но видели ли — не знаю. Наверно, вы меня не поймете. Просто поверьте — то, что случилось — это и была буря, сбившая вас с пути. Ваши пути закончились не так, как должны были. И меня послали вас встречать. Могу лишь сказать — не бойтесь. Все страшное уже позади.

Этого говорить, вероятно, не следовало. Даже Арцеулов, несмотря на овладевшую им апатию, почувствовал нечто вроде обиды. Степа же буквально вскипел.

— Вот чего, батя! — новое обращение соответствовало тону. — За политбеседу спасибо, но я лучше пойду наружу. Глядишь, перед смертью прихвачу с собой другого-третьего! Наслушался я этой поповщины!

Старик покачал головой:

— Вам уже ничего не сделать, Степан. Вам незачем даже ждать пулю. Вот...

Он легко взмахнул рукой. И в то же мгновение вокруг что-то начало меняться. Стало теплее, повеяло весенним ветром, откуда-то донесся легкий запах цветущего сада. Внезапно каменная ниша за спиной у старика засветилась легким, еле заметным светом. Камень, в котором она была вырублена, стал светлеть, исчезать, превращаясь в золотистый туман, закрывавший проход.

— Дверь открыта, — бесстрастно произнес старик. — Входите! Отбросьте сомнения. Многие жаждут, но не многие удостоиваются этого. Вы заслужили — входите!

Арцеулов вспомнил, что уже видел это сквозь серебряный перстень, сквозь льющщийся из ночной темноты лун-

ный свет. Светящаяся дверь в темной пещере. Только тогда — в видении — он стоял у прохода. И рядом был кто-то, кого он тогда не узнал.

— Нет! — это отрубил Степа. — Спасибо, батя, но я уж здесь останусь.

Старик махнул ладонью, и все исчезло. Вместо золотистого тумана вновь проступил грубый камень. Повеяло привычным зимним морозом.

— Чего же вы хотите? — в голосе старика чувствовалось удивление.

— Понять, — ответил Арцеулов. — Вы говорили о пути, который мы должны были пройти. Что вы имели в виду?

— Не жалеете о нем. Он был не лучше и не хуже, чем у тысяч ваших сверстников. Он никогда не привел бы вас к этой двери.

— Это как? — вмешался Косухин. — Все мы, прошу прощения, там будем.

— Не все. Большинству придется много раз проходить путь, прежде чем они заслужат право войти сюда.

Косухин был сбит с толку. Отреагировал капитан:

— И все-таки. Вы говорили о том, что нам было суждено...

— Хорошо. Вы хотите знать об этом? Что ж, сейчас вы вспомните то, что должно было произойти. Вспоминайте!

«Это как?» — подумал недоверчивый Степа, но тут же перед его глазами ясно встала картина — он, вместе с другими, провожает на хорошо знакомом черемховском вокзале отряд повстанцев, направляющийся в восставший Иркутск. Косухин стал вспоминать, кого же отправили на помощь к товарищу Чудову, и вдруг сообразил — тогда, в начале января, в Иркутск уезжал он сам, Косухин. Он удивился, но тут увидел другую картину — он входит в Иркутск, но не в памятный ему, зимний, а в теплый, весенний, и под его латаными сапогами хлюпают мартовские лужи.

А затем он увидел себя в эшелоне, мчащемся через тайгу. Мелькнул перед глазами силуэт Казанского вокзала, а потом он вспомнил себя, но уже немного другого, в новенькой командирской форме, стоящим впереди шеренги таких же молодых командиров, и товарищ Троцкий, пламенный Лев Революции, вручает ему орден, но не тот, сданный в особый отдел Сиббюро, а новенький, и на его рукаве краснеет широкая нашивка.

А дальше воспоминания — ясные и четкие, словно все

это действительно происходило, — нахлынули разом. Косухин увидел себя в густой толпе, запрудившей Главную площадь Столицы. Стояла ночь, горели костры, и на душе было горько и тревожно. Он успел заметить у себя в руках большой венок из еловых веток с черно-красными лентами, на которых было что-то написано свежей серебрянкой.

Затем перед глазами поплыли совершенно незнакомые картины — далекий край — но не Сибирь, а что-то совсем другое. Тысячи людей с тачками и лопатами запрудили гигантскую долину, а вдали — контуры чего-то огромного, что-то сооружается здесь. Он, Косухин, в странной, явно буржуйского вида, шляпе, что-то объясняет небольшой толпе внимательно слушающих людей. Он слышит свою собственную фразу о каком-то пятилетнем плане, который они должны выполнить почему-то всенепременно в три года, и о товарище Сталине, которому он должен послать телеграмму.

Степа не успел даже удивиться, а воспоминания унесли его дальше. Он увидел молодую девушку в красном платке и с тетрадь под мышкой, а затем сообразил, что зовут ее Валентина, и он обвенчался с нею, — то есть не обвенчался, а «расписался» — как раз на пролетарский праздник Первого мая. Затем — он держал в руках маленького пацаненка, который был похож на него самого, а пацаненка звали Николаем в честь пропавшего без вести на Германской брата-летчика. А воспоминания мчались дальше. Неведомый край и огромная стройка сменились тихим кабинетом с зашторенными окнами. Перед Степаном на большом красном ковре менялись люди с бледными перепутанными лицами, и Степа вдруг понял, что эти люди боятся его, бывшего красного командира, и эта мысль показалась ему жуткой и одновременно приятной.

Потом он был в другом кабинете, и невысокий человек со скрюченной левой рукой курил трубку и что-то объяснял, а он, Косухин, согласно кивал, отвечая на все: «Так точно! Слушаюсь...» И это было не обидно, а тоже почему-то приятно.

Валентина, встречавшая его поздними вечерами, когда огромная машина доставляла его домой в сопровождении молчаливых парней с лазоревыми петлицами, теперь уже не носила нелепой красной косынки. На ее быстро повзрослевшем лице появились небольшие железные очки, совсем как у Семена Богоразы, а Николай Косухин-младший, на-

против, носил что-то похожее на красную косынку на худой мальчишеской шее. Впрочем, сына он видел редко, и все чаще машина доставляла его домой под утро.

А потом пришел страх. Он сочился повсюду — из стен кабинета, от портретов того, с дымящейся трубкой, плавал в глазах жены, вместе с которой он ночью, стараясь не шуметь, сжигал какие-то фотографии с дарственными надписями, чьи-то письма... Страх парализовал все чувства, и Степа вдруг понял, что так страшно ему никогда не было ни на фронте, ни даже в заброшенной церкви, когда когтистая лапа рвала доски пола.

И наконец, случилось то, о чем вещал страх. Молодые крепкие ребята с лазоревыми петлицами — уж не те ли, что сопровождали его каждый вечер, — крутили Косухину руки прямо в его огромном кабинете, а затем воспоминания затянуло красным — он лежал на грязном холодном полу, ощущая только одно — боль. Нечеловеческую боль в разбитом теле, боль в душе оттого, что где-то рядом в такой же камере избивают его жену. В ушах прозвучали слова какого-то мордастого с лазоревыми петлицами, который говорил о невозможном — что Коля Косухин-младший отрекается от отца-изменника и просит того, с трубкой, чтобы он разрешил ему взять другую фамилию. А в конце была стенка. Такая, возле которой ему уже приходилось стоять. Но теперь он не стоял, а лежал. Последнее, что он видел, были не вспышки выстрелов, несущих, наконец, покой, а мелькание кованых прикладов, которые раз за разом опускались на его голову, пока, наконец, не пришла спасительная тьма...

Косухин сцепил зубы, глядя невидящими глазами на спокойное лицо старика, на разбитый рельеф над алтарной нишей. Он вдруг сообразил, что когда-то это было изображение огромной птицы с распростертыми крыльями...

— Будьте вы прокляты!.. — слова вырвались сами собой, и Степа закрыл глаза. Возле губ оказалась чаша с водой, или «сомой», как называл ее старик — и от первого же глотка стало легче...

Ростислав с удивлением поглядел на замершего, закусившего губу Степу. Такого Косухина он еще не видел. А между тем Ростислава тянуло немедленно поделиться —

хотя бы с этим краснопузым — тем, что довелось увидеть — или вспомнить — самому.

Вначале капитан тоже увидел вокзал, но не черемховский, а нижеудинский. Он стоял неподалеку от станции вместе с группой офицеров рядом с суровым и решительным Любшиным. Полковник держал в руке карту и что-то объяснял, показывая на зеленые пятна бесконечной тайги, тянущейся до самой монгольской границы.

Потом он шел, отстреливался, снова шел, читал отходную над телами лежащих в глубоком снегу товарищей. Снова шел — и наконец увидел яркое весеннее солнце. Он был на борту огромного парохода, уносившего его по водам спокойного зеленого моря куда-то вдаль, на душе было печально и одновременно спокойно.

Затем был огромный город — Арцеулов почему-то сразу понял, что это Париж, хотя ни разу там не бывал. Он стоял в типографии, вычитывая верстку газеты. Мелькнула маленькая комната с окнами на глухую кирпичную стену, затем собрание его товарищей — здесь был Любшин и многие другие, которых он сразу узнал. На стене висел портрет государя с черной лентой, и полковник читал обращение генерала Кутепова, который возглавлял какой-то РОВС.

Затем снова потянулись дни в типографии, но с каждым разом добираться туда становилось все труднее. В руках у Ростислава появилась тяжелая трость, на которую приходилось опираться. Собрания офицеров становились все реже, а потом он увидел себя на старинном кладбище возле свежей могилы. На рукаве была траурная повязка, он говорил речь, а вокруг стояли его товарищи в старых мундирах со странно глядевшимися здесь сверкающими крестами.

И вдруг Ростислав ощутил давно забытое чувство — ненависть. Он ненавидел — но не комиссаров, оставшихся где-то далеко, а других — в темно-зеленых касках, которые шли по улицам Парижа. Он услышал незнакомое слово «боши», а затем воспоминания перенесли его в темный, освещенный керосиновой лампой подвал. Арцеулов стоял у деревянного стола, возле которого сгрудились молчаливые молодые люди в беретах, и он объяснял им устройство ручного пулемета. При этом Ростислав злился на свой корявый французский и на проклятую болезнь, которая не дает ему пойти с этими ребятами туда, в ночь, где идет война.

Потом были те же улицы и вновь — незнакомые солда-

ты, но уже в другой форме, — и к этим солдатам Арцеулов чувствовал явную симпатию. Ему вручали медаль. Вручал худой, огромного роста человек, все называли его «генерал», хотя он был не генералом, а, как помнил Ростислав, президентом этой страны.

И тут воспоминания сузились до размеров комнаты, но уже другой, чуть большей. За окнами зеленел лес. Арцеулов сидел в странном уродливом кресле, которое могло двигаться, зато не мог двигаться он сам. Правда, это почему-то не пугало. К нему заходили гости — и молодые, и старые, которых он помнил молодыми. На столе лежала книга, на титульном листе которой он мог прочитать свою фамилию. Но чаще всего он смотрел не в окно, не на стол, заваленный рукописями, а в большой странный ящик, на котором мелькали, сменяясь, сначала черно-белые, а затем и цветные картинки. Ростислав увидел «Мономах» — то есть не «Мономах», а другой, похожий, корабль, — прорывающийся сквозь тучи пара в безоблачное небо — и почему-то чувствовалась гордость, как будто и там, в несбывшейся жизни, он имел какое-то отношение к эфирным полетам. Затем на экране сменялись страшные картины горящих деревьев со странными круглыми домиками, мелькали раскошенные лица, объятые ужасом, и Арцеулов сердито хмурился.

А потом он вдруг поглядел на свои руки и поразился — это были руки мумии. Ростислав сообразил, что он очень стар...

...Бесконечные дни сливались в один, подступало пугающее безразличие, и вдруг, прорывая его, по цветному экрану замелькали новые кадры — огромные, невиданные боевые машины шли по улицам почти забытой им Столицы, и над башнями реяли его, Арцеулова, трехцветные флаги. И наконец он почувствовал слезы на своем худом, почти уже недвижимом лице — над огромным зданием, над гигантским куполом вместо проклятой красной тряпки поднимается русский флаг, который почему-то теперь называли «триколором»...

Значит, он победил! Они все победили — те, кто погиб еще в 17-м, кто шел в Ледяной поход, отстреливался на высоких обрывах Камы, замерзал на Иртыше и Оби... Они победили! Перед глазами мелькнул запруженный людьми аэровокзал, затем за огромным подернутым морозной дымкой иллюминатором проплыли непередаваемой белизны

облака... И все кончилось. Кончилось, но осталось главное. Ростислав понял — не зря. Жаль, что он не увидит этого. Но он узнал — а это куда важнее.

Степа постепенно приходил в себя. Он не то что успокоился, просто увиденное было слишком страшным, настолько непохожим на его мечты, что сознание отвергало, отбрасывало подобный исход. Косухин вспомнил светящуюся золотым туманом дверь. Дверь — куда? В рай?

— Вы видели, — мягко произнес старик. — Надеюсь, вы теперь все поняли...

— Кажется, да... — кивнул Арцеулов. Степа по-прежнему молчал. Он-то как раз ничего почти и не понял. Ясно одно — впереди что-то страшное. И не только для него и его близких. Что-то страшное случится с тысячами, может, с миллионами, что-то произойдет с тем делом, за которое они все воевали. Но что?

Косухин одернул себя. Почему, собственно, случится? Страхное уже началось, уже происходит. Венцлав, серые оборотни, 305-й Бессмертный, генерал Ирман, профессор Семирадский. Мало? Но ведь это видел он один, а таких, как он, тысячи и тысячи. И если сложить...

Да, уйти за эту дверь просто. Расхлебывать будут другие. Других будут забивать прикладами, бросать в огромные черные машины с зашторенными окнами...

И тут Степа вспомнил о Наташе. Конечно, он тут рассуждает, а девушку куда-то увезли, и помочь ей некому! Этот беляк небось уже крылышки примеряет...

— Ладно, батя, — решительно заявил он, вставая и отряхивая шинель. — За Ростислава говорить не буду, он, чай, не маленький. Только вот чего: говоришь, у нас какие-то заслуги имеются?

Старик кивнул.

— Ну тогда вот что... — Степа помолчал, собираясь с мыслями. — У меня еще тут дела есть. Вы бы, эта, вывели меня отсюда, раз уж всяким фокусам обучены. Ну, а там уж как выйдет...

— Неужели у вас такие важные дела, Степан? Если вы сейчас уйдете, дверь может никогда не открыться.

— А чего я там не видел?! — осмелел Косухин. — Райские яблочки, чердынь-калута?

Старик покачал головой. Степа, почуввав слабинку, стал жать дальше:

— И заодно, батя, раз уж ваша контора все знает, подскажи, где Наталья Берг. Она...

— Знаю, — кивнул старик. — Та, о которой ты беспокоишься, скоро попадет в монастырь Шекар-Гомп. Это далеко. Ты не дойдешь один, даже если я помогу.

— Почему один? — Арцеулов тоже встал. — Я с ним...

— Вам незачем идти, Ростислав! — удивился старик. — Вы уже сделали все, что могли...

— Пойду, — мотнул головой Арцеулов. — Помогите, если можете...

Наступило молчание. Внизу вновь треснул выстрел, раздался крик, а затем застучали копыта. Старик сидел неподвижно, беззвучно шевеля бледными губами. Наконец, он поднял глаза.

— Вы просите слишком о многом. Тот, кто послал меня встретить вас, строг. Все имеет свою цену...

— Что мы должны сделать? — подхватил капитан.

— Это вы поймете сами. Но это будет трудно. Куда труднее, чем запускать в небо творенья суетного ума. Ни я, ни тот, кто послал меня, не смогут помочь...

— Ладно! — перебил Косухин. — Это уж как выйдет. Так чего надо?

— Поймете сами, — повторил старик. — В этом и будет ваша задача — понять, а потом сделать...

— Непонятно что-то, — почесал затылок Степа. — Вы бы яснее...

— Я сказал то, что мне было велено...

— А, так вы, батя, подневольный? Тогда, может, нам с вашим старшим поговорить?

— С кем? — старик посмотрел на Степу с удивлением, даже с испугом. — Кого вы имеете в виду, Степан?

— Старшего или главного — кто там у вас? — упрямо повторил Косухин. — Пусть он и объяснит. А то тянете, тянете...

— Вы понимаете, о чем просите?

— А то! Чего тут не понимать?

— Хорошо, — кивнул старик. — Я передам ваши слова. Вы странные люди — отказались от того, чего другие не могут добиться ни за золото, ни за кровь. Может, люди становятся другими? Идите, не бойтесь. Вас встретят и проведут...

Ростислав и Степа переглянулись, все еще не веря.

— Идите, — повторил старик. — Но не забывайте — вы в долгу. Прощайте!..

У самого порога Ростислав оглянулся — старик сидел неподвижно, глаза его были закрыты, и капитану внезапно показалось, что перед ним не человек, а каменная скульптура, покрытая пылью и мелкой каменной крошкой, веками падавшей со стен.

На площадку выбрались как можно осторожнее. Степа, пригнувшись, заглянул в ущелье.

— Стоят, гады! Трое. Карабины наготове, чердынь-калуга!

— Подождем, — отозвался капитан. — Вдруг старик правду сказал...

Шли минуты, но в ущелье все оставалось по-прежнему. Китайцы явно скучали, но уходить не собирались.

— Вот язва, — вздохнул Косухин. — Слушай, Ростислав, раз ты образованный, то давай, пока время есть, объясняй. Только без этого...

— Без мистики? — улыбнулся Арцеулов. — Попробую, если смогу. Тут, на Востоке, есть всякие секты. Говорят, они могут еще и не такое. Глаза отвести — это и всякий гипнотизер сумеет...

— А дверь? — нетерпеливо перебил Степа.

Ростислав пожал плечами. Косухин посмотрел на него недоверчиво, а затем уверенно заявил:

— Темнил он, вот что! Видал, как заерзал, когда я про главного сказал? Эх, дурят нас...

Ростислав хотел возразить, но тут вдали ударил выстрел, затем еще один. Послышались крики. Не стовариваясь, Степа и Арцеулов взглянули вниз. Китайцы уже не стояли — они мчались что есть духу, подстегивая лошадей к выходу из ущелья. А следом за ними, подымая тонкую белесую пыль, неся небольшой конный отряд — человек пятнадцать, впереди которых скакал на огромном белом коне всадник в красном халате. Поравнявшись с храмом, всадник на мгновенье задержался, привстал на стременах и что-то крикнул, глядя наверх.

— Кажется, за нами, — заметил Арцеулов. — Ну чего, рискнем?

— По радио он их вызвал, что ли? — неодобрительно заметил Степа. — Придется рискнуть. Сектанты, говоришь?..

Он вздохнул и первым начал спускаться вниз, в ущелье.

ГЛАВА 2

Командир Джор

Внизу их ждал весь отряд. Всадников было даже больше, чем казалось вначале, — не менее двух десятков. Привычный глаз Арцеулова тут же отметил, что кони у отряда превосходные, ухоженные и сытые, а отлично подогнанная сбруя блестит начищенным серебром. А вот одежда явно подкачала — всадники были одеты по большей части в настоящую рвань — старые, потерявшие всякий вид шинели без погон, порванные во многих местах ватные халаты или столь же ветхие полушубки. Под огромными лохматыми шапками весело скалились косоглазые физиономии, лица были небриты, некоторые, постарше, щеголяли большими черными бородами.

«Разбойники», — констатировал Степа, естественно не вслух. Оружие, которым были увешаны пришельцы, не располагало к подобной откровенности.

Человек в красном халате — единственный, одетый не просто аккуратно, но даже богато — тронул пятками бока своего белого жеребца и подъехал ближе. На сверкающем золотом поясе висела такая же, блестящая золотом, сабля, на голове чуть косо сидела соболья шапка, загорелую руку украшали перстни. Молодое лицо командира было спокойно, узкие глаза смотрели без удивления, словно всадник давно уже ждал этой встречи.

Степа хотел было сказать обычное «здрасьте», но передумал и четко, словно на параде, приложив руку к шапке, отчеканил:

— Красный командир Степан Косухин!

— Капитан Арцеулов! — Ростислав тоже решил не ударить лицом в грязь.

Всадник в красном приветственно взмахнул правой ру-

кой, на запястье которой болталась богато украшенная камча — короткая нагайка. Он произнес несколько слов на гортанном непонятном языке и выжидательно поглядел на Косухина и его спутника.

— Эх, чердынь... — вздохнул Степа, в который раз чувствуя недостаток образования. Арцеулов подумал о том же и хотел обратиться к всаднику по-немецки, но услышал знакомый голос:

— Джор-баши приветствует вас, братья-вояки. Он спрашивает, не изменились ли ваши планы...

Арцеулов не то чтобы изумился — изумляться он как-то разучился, но все же увидеть чешского подпоручика здесь, у Такла-Макана, он не рассчитывал. Чех был все тот же — в зеленой шинели, легкой, не по сезону, фуражке с длинным козырьком. Лицо улыбалось, но глаза, как и прежде, казались холодными и какими-то тусклыми. В отличие от всех прочих, у него не было оружия, лишь у пояса болтался короткий нож.

— Наши планы не изменились, — ответил Арцеулов. — Нам надо в Шекар-Гомп... Здравствуйте, подпоручик!

Чех вновь улыбнулся и что-то сказал командиру. Тот кивнул и, обратившись к своим всадникам, прокричал несколько коротких резких фраз. В ответ те разом вскрикнули, подняв оружие — кто саблю, а кто карабин — над головой.

— Джор-баши говорит, что вы смелые люди. Его батыры приветствуют вас. Садитесь на коней.

К ним подвели коней — серого для капитана и рыжего для Степы. Забираясь в седло, Арцеулов вдруг вспомнил, что не видел в отряде ни одной лошади без всадника. Впрочем, он мог их попросту не заметить. Косухин, не обучавшийся выездке в юнкерском училище, чувствовал себя еще более неуверенно. Но боялся он напрасно — то ли конь попался хороший, то ли у Степы был прирожденный талант. В седле сиделось крепко, и Косухин понял, что не упадет.

Джор-баши, пнув коня каблуком, крикнул, и отряд тронулся с места. Ехали почему-то не в сторону дороги, а обратно — в глухой тупик. Впрочем, спорить не приходилось.

— Командир велел передать, что до Шекар-Гомпа долгий путь. — Чех скакал рядом с Арцеуловым, придерживая рвавшегося вперед норовистого коня.

— За день доедем?

Чех засмеялся:

— Джор-баши сказал, что не сможет довести вас к самому монастырю, но там останется немного, и мы объясним, как добраться. Еще Джор сказал, что с радостью пошел бы с вами, но тот, кто приказывает ему, велел передать, что это ваш путь.

Арцеулов кивнул, хотя понял далеко не все. Он поглядел на чеха, автоматически отметив прекрасную посадку, отличавшую опытного кавалериста, и вдруг в голову пришла неожиданная мысль. Он придержал своего серого, чтобы поравняться со Степой.

Косухин ездить верхом не умел. Не то чтобы совершенно, но в красную кавалерию его бы определенно не взяли. Приходилось напрягать все силы, чтобы не очень отставать от остальных.

— Степан, — окликнул Арцеулов. — Как вы?

— Не хуже, чем у товарища Думенко, — бодро ответил Косухин, правда несколько сдавленным голосом.

Капитан не слышал об отважном красном кавалеристе, но понял.

— Чеха видели? — спросил он, стараясь, чтобы его никто, кроме Степы, не услышал.

— Подпоручика? Ага. Навидался я таких еще на Волге... А что, знакомый?

— Знакомый...

Итак, подпоручика видел не только он. Значит, галлюцинация тут ни при чем...

— Странный он, — заметил Степа, — лицо какое-то... И глаза...

Он не стал уточнять, что лицо чеха напоминало ему другое — генерала Ирмана.

Впрочем, у Косухина хватало проблем и без странного подпоручика.

— Слушай, Ростислав, а все-таки дверь...

— А что — дверь?

— А то... — Степа вздохнул. Он и сам не понимал, зачем заводит этот разговор. Наверное, ждал, что впавший в поповщину и мистику белый гад и интеллигент Арцеулов заведет шарманку про рай с адом. Тогда — из здорового смысла противоречия — Степа сумеет убедить в противоположном если не Арцеулова, то хотя бы самого себя.

— Не знаю, — чуть подумав, ответил капитан. — Может, это убежище. Вроде монастыря...

— Ага, убежище... — разочарованно протянул Степа. — А чего тогда ты не захотел войти? Пересидели бы...

— Береженого Бог бережет, — вполне искренне усмехнулся капитан. Делиться своими соображениями Ростислав не спешил.

— Бережет, значит... — Степа, насупившись, стал смотреть на дорогу. Он чувствовал — капитан темнит, и на душе становилось еще тревожнее. Многое довелось повидать Косухину за последние годы, еще больше — за несколько этих январских дней, но все более или менее вкладывалось в эластичные рамки материалистического учения. А вот дверь не вкладывалась. Не доведись Степе видеть своими глазами, как таяла серая скала, открывая светящийся золотистым туманом проход, он бы охотно поверил — отчего бы и нет? — в замаскированный подземный монастырь. Но Косухин все видел, а своим чувствам он привык доверять. И теперь на душе было смутно и тревожно. Светящаяся золотом дверь окончательно смутила стойкого большевика-ленинца Косухина.

Увидев, что Степа погрузился в раздумья, Арцеулов решил заняться единственно возможным видом деятельности — наблюдением. Его серый конь скакал ровно, казалось, не нуждаясь ни в узде, ни в понуканиях. Можно было не спеша, не привлекая излишнего внимания, осмотреться.

Отряд шел рысью. Всадники негромко переговаривались на непонятном языке, командир скакал впереди. Все на первый взгляд вполне естественно, если, конечно, не считать самого появления неожиданных спасителей. Однако Арцеулов чувствовал: происходит нечто не совсем обычное.

Прежде всего, удивила дорога. Капитан хорошо помнил, что от входа до конца ущелья, то есть до высокой горы с крутыми склонами, было версты три. Ущелье никуда не вело, и он подумал, что отряд находился где-то поблизости и появился, следуя незримому приказу старика. Значит, скакать они могли не далее противоположного конца ущелья — в какое-нибудь тайное убежище, либо — к незаметной на расстоянии тропинке, идущей через гору. Но минуты шли за минутами, а гора не только не приближалась, а как будто даже удалялась. Оставалось уповать на оптический обман или мираж. В конце концов, Джор-баши знал,

куда вести отряд. Все это так, но капитан хорошо помнил карту. Ущелье на ней вообще не обозначено, да и горы казались на крупномасштабной карте маленьким пятнышком, сразу же за ними начиналась бесплодная ширь Такла-Макана, но они ехали уже достаточно долго, а пустыни все не было.

Арцеулов был уже готов обвинить во всем нерадивых картографов, но хватало и прочих мелочей.

К примеру, пыль. Капитан хорошо запомнил, как пылили всадники, когда он увидел их с площадки возле храма. Он еще удивился, почему ярко-красный халат командира выглядит таким новым и чистым. Теперь же, когда дорога была под ногами, никакой пыли Ростислав не заметил, хотя дорога оставалась все той же.

И скакали они, признаться, как-то странно. Кони шли рысью ровно, не спотыкаясь, хотя на дороге, вернее, на обыкновенной тропе, было полно камней. Между тем толчков капитан не чувствовал. Даже будь его конь — как и все прочие — привычен к подобным дорогам, все равно они скакали как-то уж очень спокойно. На шее коня Ростислав не заметил ни капли пота, животное дышало спокойно, словно шло шагом, а не рысью.

Ростислав, всмотревшись, увидел, как копыта его коня ступают в пыль. Он заметил даже легкие — слишком легкие — следы, но так и не смог увидеть, чтобы копыто коснулось земли. Казалось, конские ноги проплывают в каком-то миллиметре от дороги и, если присмотреться, движутся медленнее, чем можно было ожидать.

Ростислав хотел поделиться своими сомнениями со Степой, но передумал. Краснопузый, похоже, всерьез задумался над тем, что довелось увидеть в пещере, почти не обращая внимания на происходящее. Еще одна странность — Ростислав видел, как неопытный Степа излишне рвет удила, но конь на это никак не реагирует. А таких коней капитан еще не встречал.

Можно было, конечно, спросить у чеха, но Ростислав понял, что не сможет правильно сформулировать вопрос. Поэтому он предпочел продолжить наблюдение.

Через полчаса он убедился, что не ошибается. Ущелье становилось шире, гора, закрывавшая выход, отступила вдаль и теперь едва виднелась на горизонте. Капитан, покачивая головой, вспомнил слова старика о том, насколько они

невнимательны. «Вы смотрели, но не видели...» Что ж, попытаемся увидеть...

Арцеулов почти отпустил поводья — конь, похоже, в них и не нуждался — и сделал то, чего никак не следовало делать всаднику, идущему рысью, — прикрыл глаза. Ничего, казалось, не изменилось, конь рысил дальше, не уклоняясь ни влево, ни вправо, но Ростислав вдруг понял, что наминает ему эта странная скачка. Теперь, когда он не видел ни дороги, ни ущелья, чувства подсказали — конь не скакал, он скорее плыл, но не в воде, а по чему-то более мягкому, податливому, обтекавшему со всех сторон...

Капитан открыл глаза — все стало по-прежнему, но теперь он верил своим ощущениям, а не тому, что перед глазами. Еще раз прикрыв глаза, он убедился — конь действительно плыл. Во всяком случае, его копыта не касались земли...

Открывая глаза, Арцеулов чуть задержал веки полуприкрытыми, и вдруг он понял, что сквозь них видит не ущелье и привычную дорогу, а нечто совсем другое. Перед глазами поплыло что-то огромное, светло-желтое, внезапнохватило дух, и капитану показалось, что он вновь оказался в кабине «Муромца».

Он открыл глаза — надоевшее ущелье продолжало неторопливо расширяться, гора, которая словно убегала от них, таяла на горизонте. Но Арцеулов уже не верил. Итак, открытыми глазами ничего не увидишь; ну что ж...

Он вновь прикрыл веки, но не полностью, оставляя узкую щелочку, как раз, чтобы можно было что-то увидеть. Вначале показалось, что он попросту ошибся. Но Ростислав попытался вновь, взглянул налево, направо — и уже не сомневался...

...Конские копыта действительно не касались земли. Арцеулов не ошибся — они не скакали, а плыли. Только не по воде — воды здесь не было и в помине. Они плыли по воздуху, и вокруг не было ничего, кроме светло-голубого зимнего неба.

Земля осталась далеко внизу. Вернее, не земля, а огромная серо-желтая пустыня, то ровная как стол, то горбившаяся гигантскими барханами. Вспомнился рассказ Лебедева — Такла-Макан, сердце Азии, страшная, непроходимая ни зимой, ни летом пустыня, песчаный ад, по которому передвигаются трехсотметровые барханы — и призраки...

Земля-пустыня была далеко, словно они вновь летели в «Муромце», но Арцеулову показалось, что, несмотря на медленные, неторопливые движения коней, они мчатся с гигантской, невероятной скоростью. И, самое невероятное, — если в этом видении могло быть что-то вероятное, — капитану почудилось, что и он, и все окружающие сами стали огромными, под стать небу и пустыне...

Тех, кто скакал рядом, капитан не смог разглядеть — все-таки через полуприкрытые веки наблюдать было затруднительно. Лишь на долю секунды показалось, что он увидел руку одного из всадников. Вернее, не руку — желтым цветом, в тон далеким пескам, светилась под солнцем твердая, высушенная ветром и временем кость.

...Капитан, судорожно вцепившись в поводья, открыл глаза. Слава Богу, долина никуда не исчезла, они продолжали рысить по бесконечной дороге. Можно было перевести дух, перекреститься и уверенно сказать самому себе спасительное: «Померещилось...»

Часа через полтора скакавший впереди Джор-баши поднял правую руку. Отряд, следуя команде, придержал лошадей. Командир огляделся и шагом направил белого скакуна к подножию горы. Всадники стали спешиваться, кто-то побежал к ближайшим зарослям сухого кустарника за дровами, а кто-то снимал с седла кожаный бурдюк с водой. Намечался отдых — и чай.

Соскочив с коня и поведив его, как и полагалось, несколько минут, Арцеулов поразился, как мало устал. «Интересно, сколько мы проскакали?» — мелькнуло в голове. Кажется, они прорысили по ущелью верст двадцать. А если считать по тому, что мерещилось...

Степа, отпустив коня отдыхать, уселся прямо на землю, по-прежнему хмурый и задумчивый. Молча достав пачку, он выдал Арцеулову предпоследнюю папиросину, согнул «гармошкой» доставшуюся ему последнюю и так же молча стал пускать кольца дыма в бесстрастное небо.

Арцеулов, настроение которого несмотря ни на что почему-то заметно улучшилось, был готов в очередной раз доставить себе удовольствие и пояснить в адрес краснопузого, но вид у Степы казался слишком уж не располагающим. Поэтому капитан начал иначе:

— Все о двери думаете, Степан?

Косухин молча кивнул, хотя думал он в этот момент совсем о другом.

— Ну и как? — продолжал между тем Арцеулов. — Посоветовались с Марксом?

— Ага, — Степа хотел было ограничиться этим исчерпывающим ответом, но внезапно его охватила злость — и на себя, и на недобитого контрика, а еще больше на то, что Косухин не мог обозначить каким-либо внятным словом:

— Хочешь, Ростислав, порадую?

Капитан вопросительно поглядел на Степу.

— Не знаю, чего ты там увидел, а вот мне старик накрутил, будто большим начальником стану...

— Поздравляю!

— Слушай дальше, беляк...

И Степа, сам не понимая зачем, как мог, рассказал белому гаду Арцеулову все: и про орден, и про стройку, и про сухорукого с трубкой, и про приклады, падающие на его расprostертое на полу тело...

— Вот так... — выдохнул он, и сразу же стало легче. — Ну чего, белая кость, порадовался?

— Нет, — иногда Арцеулов умел отвечать столь же односложно.

— Врешь, — скривился Косухин. — Знаю вас, беляков...

— Плохо знаете...

Между тем гадящие воины Джор-баши уже возились возле горящего костерка, на котором грелся котелок с водой. Арцеулов вспомнил, что после всех неприятностей лишился не только оружия, но и кружки с котелком.

— А ты чего увидел? — поинтересовался Степа. — Небось, как наших к стенке ставишь? То-то, гляжу, веселый.

Арцеулов хотел ответить резко, но, взглянув на Степу, несколько снизил тон:

— По-моему, господин Косухин, судя по вашим словам, с вами разобрались не наши, а как раз ваши. Революция — это свинья, которая жрет своих детей...

— Сам придумал?

— Нет, это не я. Это Камилл Демулен, тот, что Бастилию штурмовал. Так что меня не вините. Поищите среди ваших, как их там — Венцадов, что ли? Помнится, он уже хотел вас благословить. А видел я немного... Будто ухожу через тайгу, затем живу в Париже, потом воюю — но не с вами, ну а под конец сажу в кресле и смотрю... — Арцеулов не знал, как

назвать странный ящик, по экрану которого бежали изображения, и неуверенно закончил: — ...синема.

Он хотел добавить про русский флаг, который будут называть «триколором», но почему-то промолчал.

— Буржуй, — вздохнул Степа. — И жизнь у тебя будет буржуйская.

— Должна была быть, — уточнил Арцеулов. — Если верить тому, что нам старик нагадал. Должна — но уже не будет. И у вас будет как-то по-другому. Так что, может, все к лучшему.

— Не будет, думаешь?

— Неужели вы не поняли, Степан? — оживился Арцеулов. — Это же... ну, помните, — тривиум? Перекресток трех дорог?

— Ну... А при чем тут это?

— Там, в пещере, сошлись три наши дороги. Та, которая, должна быть — обыкновенная. Та, что у нас вышла на самом деле — из-за «Мономаха». И та, что началась теперь...

Внезапно Арцеулов смутился. Получилось как-то слишком поэтично, а в присутствии краснопузого Ростислав старался придерживаться военно-полевого лексикона. Но Степа явно заинтересовался:

— Погоди, Ростислав. А ты, эта... не усложняешь? Ведь это все одно и то же?

— Нет. Если бы не «Мономах», если бы нам обоим не приказали прибыть в Иркутск, то, наверное, все случилось бы так, как мы увидели. Вы бы не встретили брата, я бы ушел в Монголию, если б не замерз по дороге...

— Но почему три, а не две? — Степа напряженно размышлял, забыв, что давно уже уклонился от впитавшегося в кровь марксистского понимания действительности. — Ведь то, что мы здесь, — это ведь тоже из-за «Мономаха»?

— А вы подумайте, Степан! История с «Мономахом» кончилась тем, что попавших в плен капитана Арцеулова и краскома Косухина вывели в расход при попытке к бегству...

— Не-а, — уверенно заявил Степа. — Ты, интеллигент, не путай. Как это нас в расход вывели, когда мы живы?

— А почему? Вы, например, сможете объяснить вашему Чудову? Загнали нас с вами в пещеру, зашли с винтовками, обыскали... и не заметили? Так бывает?

Степа молчал. На фронте случалось всякое, но контрик прав — объясняться, если придется, будет затруднительно. Сам бы он в такую байку не поверил.

— Наша жизнь понадобилась, — заключил капитан. — Кому-то понадобилось, чтобы мы жили дальше. Вопреки логике...

— Да при чем тут логика! Только вот кому мы оказались, чердынь-калуга, нужны? Тем, что за той дверью, что ли?

Арцеулов лишь пожал плечами.

— Дверь эта... Слушай, Ростислав, ну а все-таки, чего там? Чего нам обещали?

— Вы же в детстве ходили в церковь, — непонятно, в шутку или всерьез, ответил капитан. — Там такие вещи, как правило, объясняют.

— Ага! — взъярился Степа. — Объясняют! Рай там, да? Каждому по перу вставляют и эту... арфу в зубы? Слышал, как же!

— Так в чем дело? Сия версия вас не устраивает?

— Нет! Ты, Ростислав, меня, как пролетария, видать, за дурика держишь!

— Я же предположил, что там попросту вход в монастырь, — примирительно заметил Ростислав, которому совсем не хотелось ссориться.

— Брось! — махнул рукою Степа. — Не монастырь там! Только в рай-ад я тоже не верю. Там что-то другое! Заглянуть бы... Только, сдается мне, обратного ходу оттуда нет...

Арцеулов не без удивления поглядел на расфилософствовавшегося пролетария. Сам он пришел к такому же выводу.

— О чем спорите, братья-вояки? — чех подошел незаметно и присел рядом, держа в руке дымящийся котелок. — Чай будете?

От предложения никто не отказался. Подпоручик вручил каждому по жестяной солдатской кружке, отчего оба почувствовали себя почти уютно. Правда, чай показался с первого взгляда каким-то подозрительным, но выбирать не приходилось. Степа храбро глотнул и тут же замер с открытым ртом.

— Аг-х-х... Это чего, чай?

Арцеулов, подносивший кружку ко рту, на всякий случай решил подождать.

Чех рассмеялся, храбро хлебнув прямо из котелка:

— Смелее, братья-вояки. Это монгольский чай. Он зеленый, с солью, мукой и бараньим жиром.

Звучало не очень обнадеживающе, но в конце концов обе кружки были опустошены, а храбрый Степа попросил добавки. Пить, в общем-то, было можно, хотя на чай это вареву походило менее всего.

Вскоре прозвучал приказ, и конники стали собираться. Между тем Арцеулов, воспользовавшись тем, что задумавшийся Степа перестал обращать на него внимание, уже несколько раз пробовал посмотреть на все происходящее по-своему, через прищуренные веки. Но ничего не выходило. Лишь однажды показалось, что он видит вместо долины ровную степь — или пустыню, — а вдали возвышается огромная, странной формы, скала. Капитан нагнулся и взял в руку несколько вывороченных грудок серой сухой земли. Земля на ощупь была самой обыкновенной, но, сжав ее в руке, Ростислав на миг почувствовал что-то иное — словно вместо твердых земляных комков он сжимает в ладони горсть просыпающегося сквозь пальцы холодного песка...

Перед тем как тронуться с места, Арцеулов, не утерпев, посоветовал Степе разок поглядеть вокруг сквозь полуприкрытые веки. Косухин лишь покрутил головой, восприняв слова капитана как результат контузии.

Отряд уже стоял наготове, ожидая команды, когда Джор-баши внезапно привстал на стременах, прислушиваясь к чему-то, что-то сказал ближайшим всадниками, а после подозвал к себе чеха. Они проговорили не дольше минуты, а затем подпоручик подъехал к Арцеулову:

— Джор-баши велел передать, что по дороге нас попытаются задержать. Если будет бой — держитесь сзади, ведь у вас нет оружия.

— Так дайте нам винтари, чердынь-калута! — вмешался Степа. — Мы чего, стрелять не умеем?

— Командир Джор отвечает за вас. Не спеши, брат-вояк! Еще успеешь пострелять...

Джор-баши крикнул, взмахнул камчой, и отряд тронулся с места. Арцеулов, оказавшийся между чехом и Степой, устроился поудобнее в седле и прикрыл глаза.

...В глаза ударило что-то желтое, и Ростислав понял, что видит песчаный бархан. Он был совсем рядом, прямо под копытами коня, но они уже плыли по воздуху, и лишь из-

редка подковы касались песчаной вершины. Отряд поднялся выше, барханы — и этот, и соседний — стали уменьшаться, сливаясь с бесконечным желтым пространством. Капитану показалось, что чем выше отряд уходил в небо, тем больше становились всадники, словно вырастая на глазах.

Его окликнул чех. Капитан, открыв глаза, убедился, что они едут все той же долиной, уходящей все дальше на юг. Гора, прежде закрывавшая путь, исчезла без следа.

— Не засни, брат-вояк! — повторил чех. — С коня упадешь!

Арцеулов кивнул и вдруг представил себе, как падает с коня, но не на близкую серую землю, а в голубой океан над мертвой желтой пустыней.

— А что, подпоручик? Долго падать?

Чех взглянул ему прямо в глаза, и Арцеулову на миг стало страшно от этого пристального немигающего взгляда.

— Ты же все понимаешь, брат-вояк, — чех говорил без улыбки, твердо и даже сурово. — Не сходи с коня, пока не скажет командир Джор...

Арцеулов и не думал спорить. Того, что он увидел и узнал, было вполне достаточно для первого раза.

Косухин не забирался мыслями так далеко. Он прикидывал, где бы раздобыть оружие, дабы не оказаться у стен загадочного монастыря беззащитным, а заодно что им — вместе с Наташей, если повезет — делать дальше. Тут наступала полнейшая неясность, и Степа лишний раз обругал себя за недостаточный интерес к географии, а заодно к лекциям о международном положении в странах зарубежной Азии.

О таинственной двери он заставил себя не думать. Вместо этого Степа стал мысленно составлять докладную руководителю Сиббюро товарищу Смирнову. Докладная получилась безразмерная, а разделы о «Мономахе» выходили вообще какими-то несуразными.

О Венцлаве Косухин решил ничего не писать и даже не говорить до того момента, пока лично не прибудет в Столицу и не попадет на прием к товарищу Троцкому. Мелькнула мысль пробиться к самому Вождю, но Степа отогнал ее —

даже в мыслях он не решался беспокоить того, кто на своих плечах несет всю неимоверную тяжесть Мировой Революции.

Выстрелы ударили неожиданно. Арцеулов и Степа успели лишь вскинуться, всматриваясь вперед, а всадники, следуя неслышной команде, уже перестраивались, прикрывая капитана и красного командира от тех, кто поджидал в засаде.

Их было не менее полусотни — оборванных, в грязных халатах, зато с новенькими английскими винтовками. Большинство заняли позиции за камнями у одного из склонов, а некоторые, наиболее смелые, расположились прямо на дороге, стреляя с колена. Пули свистели совсем рядом, но пока пролетали мимо.

— Эх, винтарь бы!.. — Степа даже закусил губу, чувствуя свое бессилие. Отсиживаться за чужими спинами красный командир Косухин не любил и никогда себе не позволял. Но делать было нечего, и Степа сжался в седле, затравленно поглядывая по сторонам.

Арцеулов даже не удивился. Он ждал чего-то подобного. Отряд сбавил ход, перестраиваясь из колонны в лаву, и Ростислав прикрыл глаза...

Пустыня кончилась. Перед ними была гигантская горная цепь. Громадные черные пики, голые, с пятнами снега по бокам, были совсем рядом, а чуть дальше, у горизонта, почти до самого небосвода высились неимоверной высоты вершины, затянутые белесым туманом. Никаких бандитов в рваных халатах — на краю скал ровной цепью стояли черные фигуры с какими-то странными головами, размахивая в воздухе чем-то вроде длинных изогнутых мечей. Ростислав всмотрелся и невольно вздрогнул — это были не люди. На них не было одежды, вместо пальцев торчали суставчатые отростки с кривыми черными когтями, пасти скалились многозубой ухмылкой, а головы казались странными, потому что подобные украшения на лбу полагалось иметь только тем, кого не велено поминать в церкви. Правда, на чертей нелюди тоже не походили — рога были длинные, изогнутые, словно у виденных на иллюстрациях к Брему индийских буйволов.

«Бред!» — пронеслось в голове. Арцеулов поспешил открыть глаза и тут же нагнулся почти к самой конской гриве — новый залп был выпущен почти в упор. Бандиты в халатах перебежками наступали, причем было заметно, что они бьют прицельно как раз туда, где находились капитан и Степа.

«Пусть стреляют! — Ростислав осенил себя крестом. — Лучше от пули, чем в зубы к тем...»

Джор-баши что-то крикнул, и отряд рванул вперед, переходя с рыси в галоп. Арцеулов ударил коня каблуком в бок — скакун заржал и помчался стрелой. Рядом летел на своем рыжем Степа — его не мучили жуткие видения, и капитан поневоле ему позавидовал. Лучше думать, что прорываешься под пулями на полном скаку, чем представлять, что с каждой секундой приближаются зловещие пасти с острыми клыками, красным огнем горят немигающие круглые глаза...

Никто из всадников не стрелял. Только несколько из тех, кто был ближе к командиру, выхватили сабли. Сам Джор-баши не доставал оружия, он сидел в седле ровно, словно пули были неспособны его задеть. На красивом спокойном лице не отражалось ничего, будто Джор не видел опасности или слишком презирал ее...

Враги не уходили. Те, что оставались на флангах, продолжали огонь, а стоявшие на дороге упали на землю и пытались стрелять лежа. Пули по-прежнему свистели, пролетая мимо, словно отряд был заговорен. Еще секунда — и конь Джора, мчавшегося первым, разорвет бандитский строй...

...В последний момент Ростислав не удержался и на миг прикрыл глаза. Черные чудища были уже совсем рядом, они подпрыгивали, пытаясь достать всадников кривыми мечами, но каждый раз отскакивали, не нанося им вреда. Красные глаза бешено сверкали, из пастей капала пена, но было ясно, что всадники Джор-баши прорвутся — у врагов явно не хватало силы. Белый конь Джор-баши взлетел чуть повыше и ударил копытами первого демона...

Ростислав открыл глаза — бандит в рваном халате валялся в пыли, бросив винтовку, остальные бежали прочь, а конная лава уходила дальше, казалось, недоступная ни стали, ни свинцу. Прогремели еще несколько выстрелов —

стреляли вдогон, растерянно и беспорядочно, а затем наступила тишина, нарушаемая лишь стуком копыт.

— Прорвались, — облегченно вздохнул Арцеулов, поглядев на Степу. Косухин понял, по лицу его скользнула мимолетная улыбка, но тут же исчезла — красный командир все еще переживал свою недостойную роль в этой скоротечной схватке. Война приучила к оружию, без винтовки Степан чувствовал себя не просто беззащитным, но и чуть ли не голым.

Отряд вновь перешел на рысь. Погони не боялись, более того, Арцеулов заметил еще одну странность, понятную опытному фронтовику — через минуту после боя бойцы мгновенно успокоились, никто не переговаривался, не шутил, как будто вообще ничего не случилось. Конечно, это можно списать на восточную невозмутимость...

Косухин, не интересовавшийся вопросами военной психологии, отметил лишь отсутствие потерь. Немного поразмыслив, он отнес это к низкому уровню стрелковой подготовки местных бандитов. Эта мысль немного успокоила и даже наполнила некоторой гордостью — сам бы он по подобным мишеням не промахнулся.

Где-то через пару часов отряд вновь остановился. В этом месте долина вновь сузилась, горы подступили к самой дороге. Конники спешили и, наломав сушняка, принялись варить плов.

Покуда котел кипел, Косухин и Арцеулов сидели в сторонке, дымя самокрутками из тех крошек, которые удалось наскрести по карманам. Говорить было не о чем, разве что о близкой перспективе остаться без курева. Об этом и толковали.

Плов получился горячим и жирным. Для беглецов, последний раз обедавших сутки назад, экзотическое блюдо показалось верхом местной гастрономии. Сразу же потянуло вздремнуть, но времени не было. Джор-баши отдал команду, и отряд вскочил в седла.

На этот раз ехали гораздо медленнее. Похоже, командир чего-то опасался — трое всадников были высланы в дозор, остальные держали наготове винтовки. Степу так и тянуло попросить оружие, но он не решался, не особо ясно представляя себе свой статус в этом странном отряде. Арцеулов и сам бы попросил винтовку, но перед глазами

вновь вставали черные чудища с изогнутыми рогами, и верная «трехлинейка» уже перестала казаться надежным оружием.

Следующая засада встретилась часа через полтора, когда бледное зимнее солнце уже начало клониться к западу. Где-то вдали ударила пулеметная очередь. Через минуту показались мчавшиеся что есть духу дозорные, и Джор-баши остановил отряд. Дозорные что-то прокричали, указывая на выступ скалы, нависавшей над ущельем. Слов было не разобрать, но все было ясно и так: за скалой засел пулеметчик. Капитан взглянул на Степу, тот почесал затылок и нерешительно поглядел по сторонам. Ростислав понял, но покачал головой: место для засады выбрано с толком, и обойти неизвестного противника было нелегко.

На спокойном лице Джора мелькнула легкая, чуть презрительная улыбка. Он что-то сказал бойцам, те дружно рассмеялись, после чего последовала команда. Четверо спешили, передав коней товарищам, выслушали недолгие наставления командира, отправились по еле заметной тропе, ведущей наверх, и вскоре пропали среди камней.

Джор-баши подождал с четверть часа, а затем вновь скомандовал, и отряд шагом двинулся вперед. Неугомонный Степа сунулся было в первый ряд, но его тут же оттеснили. Бойцы держали винтовки на изготовку, настороженно поглядывая наверх.

Как только послышалась первая очередь, стволы ударили залпом. Пулеметчик на мгновение утих, но затем вновь послал очередь, взметнувшую пыль перед конем Джора. Белый скакун даже не дрогнул. Бойцы, дав еще залп, стали рассредоточиваться, не забывая при этом прикрывать Степу и капитана.

— Да чего это они?! — наконец не выдержал Косухин. — Да кто ж так, чердынь-калуга, воюет?

— Ваши предложения, фельдмаршал? — невозмутимо поинтересовался Арцеулов.

— А чего? — в пылу боя Степа даже не отреагировал на «фельдмаршала». — Это ж каждый унтер знает! Соскочить на землю, да за лошадей, да прицельным огнем!

— Не вздумайте слазить с коня! — на этот раз вполне серьезно заявил капитан.

— Сам знаю! Еще за труса примут!

Впрочем, Косухин знал далеко не все. Арцеулов прищурил глаза и чуть было не отшатнулся. Ущелье вновь исчезло. Отряд стоял, тесно сбившись на маленькой каменной площадке между двумя гигантскими пропастями. Прямо над ними нависала покрытая снегом гора, небо было не светло-голубым, а почти синим, вдали, казалось, значительно ниже, чем стояли всадники, проплывали, задевая за уступы скал, бледные рваные облака. Ростислав понял, что они забрались на невероятную высоту, и удивился, почему до сих пор не чувствует недостатка воздуха.

Впрочем, все эти детали запоминались как-то сами собой. Арцеулов смотрел вперед, туда, где засада. Конечно, никакого пулеметчика не было — на заснеженном склоне разместился громадный великан, такой же черный, как уже виденные ранее рогатые твари. Трудно сказать, насколько он был велик — расстояние скрадывало истинные размеры, но ясно, что такое чудовище способно вышибить всадника из седла одним щелчком.

Ростислав всматривался, мельком отметив, что ему уже не нужно так сильно прикрывать веки. Великан был черен, но круглые глаза горели желтым огнем, из пасти то и дело выскакивал длинный ярко-красный язык, расщепленный на конце, словно у гадюки. Огромные шестипалые конечности вцепились в каменные выступы, удерживая громадное туловище на склоне. Голова — круглая, с большими продолговатыми ушами — лежала прямо на плечах, шеи у чудовища не было, зато на спине топорщилось что-то похожее на гребень.

«Экий экспонат!» — успел подумать Ростислав, и тут великан вздохнул. Длинный узкий язык пламени метнулся вперед, лизнув край скалы, на которой стояли всадники. И тут же конники Джора вскинули винтовки — нет, не винтовки, а луки, — и десяток стрел понесся вверх. Великан махнул когтистой лапищей, закрывая морду, две стрелы вонзились в предплечье, и по горам пронесся громкий тоскливый рев.

— Вы слышали? — Арцеулов, открыв глаза, повернулся к Степе.

— Чего? Ну, стреляет, гад. А что?

Объясняться было некогда, да и Степа все равно бы не поверил.

Пулеметчик вновь смолк, но всадники не двигались. Капитан обернулся, прикинув, что будь он на месте команди-

ра, то оставил бы сейчас пятерых для прикрытия, а с остальными попытался бы прорваться дальше. Правда, все это касалось лишь пулеметчика. Тактика боя с огнедышащими великанами в юнкерском училище не преподавалась.

— Эх, прорываться надо, чердынь-калуга! — похоже, Степа пришел к тому же выводу. Арцеулов кивнул и вновь попытался увидеть то, другое...

...Великан был там же, красная пасть недобро скалилась, огромная ушастая голова нерешительно поворачивалась то влево, то вправо. Очевидно, чудище было чем-то обеспокоено. И тут, откуда-то сбоку, взвилась стрела, и великан заревел, пораженный в бок...

— Эй! — капитан открыл глаза и услышал стрельбу. Стреляли откуда-то со скалы, совсем неподалеку от пулеметчика.

— Молодец командир, чердынь его! — прокомментировал довольный Косухин. — Он же своих в обход послал! Ну, сейчас будет дело!

И действительно, всадники стали перестраиваться, явно готовясь к прорыву. Джор оглянулся, крикнул, и отряд стрелой понесся по ущелью. Где-то наверху по-прежнему гремела стрельба, но пули неслись в другую сторону — тот, кто был в засаде, отбивался от бойцов, подобранных к его убежищу в скалах.

Через несколько минут четверо всадников, держа оседланных коней на поводу, отстали, очевидно, чтобы дождаться своих. Остальные, во главе с Джором, поехали дальше, вновь перейдя на спокойную рысь.

Вскоре вновь остановились, правда, чаю не варили и держались настороже. Похоже, остановка нужна была лишь для того, чтобы подождать остальных и дать отдых коням.

Косухин страдал — табак, включая последние крошки из карманов, кончился. Косухин огляделся, с изрядным пессимизмом отметив, что никто из бойцов Джор не курит. Поразмывшая минуту, Степа направился к одиноко сидевшему в стороне чеху.

— Слышь, товарищ, — нерешительно начал он, — у тебя того... ну, табачку...

Чех улыбнулся, шарил в кармане зеленой шинели и достал нераспечатанную пачку папирос «Атаман» с портре-

том врага трудового народа Семенова, выполненным в три краски. При виде знакомых папирос Степа оттаял.

— Спасибо, браток! Я это... две штуки возьму. Для капитана...

— Бери все, брат-воjak! — вновь улыбнулся чех. — У меня еще есть, кури...

Обрадованный Косухин еще раз поблагодарил и не мог удержаться от следующего вопроса, на этот раз куда более серьезного:

— Ты, товарищ, видать, из чехвойска?

— Был, — на этот раз на лице подпоручика не было улыбки. — До... как это по-русски... апреля прошлого года. Можно сказать, отвоевался, брат-воjak.

— Так чего ты здесь? Ехал бы домой, отдышал, чердынь-калута!

— Отдохну, — так же серьезно кивнул чех, — но сначала нужно помочь другу. Ведь мы должны помогать друзьям, правда?

— Правда, — кивнул Степа. Чех ему явно понравился. — А кем ты до войны был?

— Никем, — подпоручик улыбнулся, но как-то грустно. — Гимназистом. Из старшего класса призвали. В пятнадцатом...

Их глаза случайно встретились, и вдруг Степе стало страшно. Нет, он не ошибся — такой взгляд он уже видел. Видел — и не забудет до конца дней...

Чех, казалось, понял:

— Ничего, брат-воjak! Всяко в жизни бывает...

Косухин кивнул и быстро отошел в сторону.

Арцеулов, все еще переживавший последний бой — и тот, который видел Степа, и тот, что видел только он, — закурил почти без всякого удовольствия и лишь потом догадался поблагодарить Степу за папиросы.

— У чеха взял, — пояснил Косухин, не вникая в подробности. — Хороший, видать, парень.

Арцеулов согласно кивнул. Ему было что рассказать о загадочном подпоручике, но сейчас это казалось не вовремя и не к месту...

Вскоре послышался топот копыт, и показались отставшие. Косухин, пересчитавший всадников, с удовлетворением отметил, что и в этой схватке отряд не понес потерь. Его доверие к командиру Джору заметно выросло.

...Солнце клонилось к горизонту, а они все еще ехали по бесконечной долине. Даже слабо разбиравшийся в географии Косухин начал понемногу удивляться. Арцеулов уже не сомневался. Теперь, когда солнце понемногу садилось и дневной свет мерк, ему уже не надо было зажимать глаза. Достаточно чуть прищуриться, и перед глазами вставали горы — гигантские, покрытые мощными ледниками. Лед искрился в лучах уходящего солнца то синим, то зеленым огнем, внизу чернели скалы, а над всем этим нависало темно-синее, невероятной красоты небо, по которому летели гигантские всадники...

«Карту бы! — в очередной раз подумал капитан. — Это же какие за Такла-Маканом должны быть горы?»

Впрочем, в подобных пределах Арцеулов географию знал, но ответ был слишком пугающим и невероятным. На такое расстояние их не перенес бы даже «Илья Муромец» с полными баками. Оставалось ждать, чем завершится их невероятное путешествие...

Солнце уже коснулось горизонта, заметно похолодало, в воздухе изредка слышался далекий птичий крик, а отряд все ехал. Кони шли ровно, словно только что стояли в стойлах, а не рысили весь день по каменистой дороге. Впрочем, Степа и Ростислав тоже не ощущали особой усталости. Конечно, ночное путешествие и дневная скачка оставили свой след, но оба чувствовали себя достаточно бодро.

«Нервы, — рассудил капитан. — Потом отпустит — и свалюсь».

Степа подумал не о нервах, а о ногах, которые начинали потихоньку ныть с непривычки заодно с поясницей. Можно было опасаться, что передвигаться на своих двоих после всего станет несколько затруднительно.

...Крик прозвучал неожиданно, когда вокруг стояла звенящая предзакатная тишина, и даже птицы стихли, уступая свои дневные владения ночи. Кричал один из дозорных, карьером гоня коня к Джору. Остальные мчались следом, сжимая в руках винтовки.

— Видал? — прокомментировал Степа. — Снова нарвались! Джор-то...

Он не договорил, но Ростислав понял. На этот раз командир воспринял опасность куда серьезнее. Он внимательно выслушал дозорных, и даже на расстоянии было заметно,

как помрачнело его лицо. Джор повернулся к бойцам и что-то проговорил. В ответ послышались недовольные голоса, но Джор-баши повторил приказ, на этот раз громче и резче, и всадники начали поворачивать коней.

— Да чего это он!.. — Косухин был явно озадачен.

Отъехали недалеко — метров на сорок, затем остановились. Бойцы стали снимать с плеч винтовки. Между тем Джор стоял на прежнем месте, стоял ровно, неподвижно, винтовка лежала на шее его белого коня.

Послышался странный клекочущий звук, вначале еле слышный, затем все более заметный и громкий. Арцеулов и Степа переглянулись.

— Чердынь его! — протянул Косухин. — Аэроплан... Во, влипли!

Ошибиться было трудно — этих звуков они наслышались за последние дни. Мотор уже гремел, и вот из-за ближайшей горы вынырнул черный силуэт аэроплана. Машина с ревом пронеслась над всадниками, развернулась и сгнула в темнеющем небе.

— На разворот пошел, — Степа облизнул потрескавшиеся от ветра губы. — Ну, сейчас врежет, гад!

Арцеулов молчал. Он чуть прикрыл веки — с каждым разом это становилось все проще. Ущелье пропало, вместо него вновь выросли чудовищной высоты заснеженные пики. Они стояли на одной из вершин, вокруг сверкал синеватый лед, и солнце, исчезавшее в промежутке между двух гор, казалось огромным. Лед под копытами был чист, без единого следа, и Ростислав без всякого удивления заметил, что никто из всадников не отбрасывает тени...

...Мотора он не услышал — лишь какой-то резкий свист. Что-то черное понеслось на них прямо со стороны исчезавшего за горами солнца. То, что мчалось, и в самом деле походило на аэроплан, но чем ближе, тем яснее видны были медленно движущиеся кожистые крылья, длинная изогнутая шея и огромная голова с небольшими рожками и высоким гребнем. Пасть чудища была раскрыта, глаза горели ровным синим огнем, а из-под открытого чешуей брюха свисали когтистые лапы, покрытые темной бугристой кожей. Крылатая смерть летела почти беззвучно, только негромкий свист продолжал звучать, и от этого свиста дикой болью взорвалась голова и во рту стало сухо.

Крылатый змей летел прямо на сгрудившихся всадни-

ков, лениво поводя крыльями. Когтистые лапы начали сжиматься, синий огонь в глазах разгорался. Пасть раскрылась, и оттуда повеяло не огнем, как в старых сказках, а могильным холодом. Казалось, вновь вокруг встали деревянные стены старой церкви, и нечеловеческая рука рвет доски пола...

Кони тревожно заржали, переступая с ноги на ногу, и только натянутые уздечки удерживали их на месте. Лишь белый скакун Джора стоял как влитой, не двигаясь и, казалось, не дыша. Командир Джор медленно выпрямился в седле и поднял правую руку к закатному солнцу.

И тут Арцеулов вспомнил: он уже видел такое. Всадник, застывший в седле, с поднятой к небу рукой. Чьи-то руки пытались уничтожить барельеф над входом в храм, но не узнать было трудно.

В руках Джора появилось ружье, до этого лежавшее поперек холки коня. Нет, не ружье — гибкий белый лук, на тетиве уже была наготове стрела, левая рука застыла в воздухе, а правая начала не спеша оттягиваться к уху...

...Чудовище ускорило свой полет, крылья забились, словно змей почуял опасность. Вновь дохнула черная пасть, и мертвый холод стал невыносим. Но Джор по-прежнему не двигался, стрела замерла, готовясь к полету...

У Ростислава перехватило дыхание. Казалось, он уже видел и это — всадник на белом коне, в остроконечной монгольской шапке, с натянутым тугим луком на фоне уходящего за горы солнца. И смерть, несущаяся навстречу...

Змей вновь раскрыл пасть, глаза полыхнули белым пламенем, и в тот же миг стрела сорвалась с тетивы. Дохнуло холодом, и Арцеулов невольно закрыл глаза...

— Ну, парень! — ахнул Степа, от возбуждения дергая капитана за плечо. — Попал! Попал! Из винтаря срезал! Ну, чердынь-калуга, дает!

Арцеулов открыл глаза. Командир Джор ленивым движением закидывал винтовку за спину, а аэроплан, неуверенно дергаясь и пуская тонкую струйку черного дыма, уходил куда-то за скалы.

— В мотор попал, точно! — продолжал комментировать пораженный Косухин. — Ну, глаз-алмаз!

— Да, — капитан кивнул. В горле пересохло, хотелось пить, и он вдруг впервые подумал, что с его психикой не все в порядке. Господи, да какой тут змей?! Просто Джор-

баши попал как раз в моторную часть машины — дело редкое, но, в общем-то, вполне реальное. Правда, аэропланы в здешних местах — вещь, пожалуй, еще более редкая, чем чудища с кожистыми крыльями.

На этот раз в путь тронулись не сразу. Несколько конников съездили вперед, вероятно, на разведку, и лишь затем отряд поскакал дальше. Степа, пораженный лихим выстрелом Джора, не мог прийти в себя, еще и еще раз переживая увиденное. Арцеулов молчал — то, что довелось увидеть ему, обсуждать было невозможно. Во всяком случае, не с краснопузым Косухиным, которому вполне хватило и зрелища подбитого аэроплана.

А затем, когда от солнца, исчезающего за горизонтом, остался лишь тонкий красный серп, на долину упал туман. Он появился как-то сразу, почти мгновенно. Тут же все исчезло, и можно было разглядеть лишь спину едущего впереди.

Настроение сразу упало, в особенности у Степы, чья шинель одинаково плохо предохраняла как от холода, так и от сырости. Косухин вначале терпел, а затем принялся негромко чертыхаться и даже намекает на привал с обязательным костром. Арцеулов надвинул шапку на лоб, запахнул полушубок и старался ни о чем не думать. Чувство было странным — вокруг все словно исчезло, он оказался один на один с почти сплошной серой пеленой, в которой сгинул мир — и выдуманный, и реальный. Пару раз он не прикрывал веки, но ничего, кроме темноты и тумана, увидеть не смог...

Так они ехали еще часа полтора. Капитан еще раз поразился выносливости коней. В любом случае, даже если все им виденное — результат переутомления или контузии, они ехали почти с самого утра.

Наконец они перешли с рыси на шаг. Сквозь туман мелькнуло что-то черное, большое. Капитан подумал, что его странные видения продолжают, но удивленный возглас Степы показал — на этот раз все было по-настоящему. Похоже, они подъехали к какой-то горе, не маленькой, похожей на холм, какие они встречали у Челкея, а настоящей, подобной тем, над которыми летели в белесом зимнем небе гигантские всадники.

— Скоро будем! — чех оказался рядом, кивнув Арцеулову. Тот кивнул в ответ, сообразив, что начинает различать окружающее. Туман редел, сквозь него проступало то, что раньше скрывалось за серой стеной.

Да, здесь были горы. Ущелье кончилось, они ехали по каменистой равнине мимо темных крутых склонов, уходящих куда-то в небо. Горы были слева и справа, и, что самое удивительное, они были сзади, словно виденное ими целый день ущелье действительно оказалось иллюзией. Солнце уже зашло, окрестности заливала темнота, но сквозь нее можно было различить громадные неровные силуэты, закрывавшие весь горизонт. Всюду лежал снег — и под копытами коней, и на склонах, и на далеких вершинах, которые угадывались за ночной тьмой.

Арцеулов молчал, притих и Степа, который воспринял перемену спокойнее, чем можно было ожидать. За последние дни красному командиру Косухину довелось повидать столько нового и непривычного, непредставимого в обычной жизни, что открывшиеся за туманом горы поразили, но не удивили. О том, каким образом отряд сумел прибыть сюда, Степа пока не задумывался — не ко времени.

Отряд добрался до небольшой площадки возле почти отвесного, уходящего ввысь склона. Она была засыпана свежим, девственно чистым снегом, лишь несколько огромных валунов чернели по краям, да в дальнем углу сквозь вечерний сумрак угадывался черный вход в какую-то пещеру. Справа склон разрывало русло небольшой горной речки. По краям смерзся лед, в центре его не было; вода, с шипением падая с небольшого водопада, уходила куда-то влево, теряясь во тьме.

Джор-баши отдал команду, и всадники остановились.

— Приехали! — Чех, подъехав поближе, кивнул на пещеру. — Там переночуете, братья.

— А-а-а... — сразу же засомневался Степа. — А, эта... ну, потом?

— Идите вдоль реки. Шекар-Гомп в трех днях пути...

Арцеулов поглядел на шумящую реку, пожал плечами и соскочил с коня. Степа последовал его примеру, правда, вышло у него не столь ловко, и он чуть было не упал прямо в снег. Чех подождал, пока они слезут, затем снял с седла вещевой мешок:

— Держите! На три дня должно хватить.

— Спасибо, браток! — Косухин, подхватив мешок, поспешил закинуть его за спину. — Нам бы, товарищ... ну, хоть бы один ствол...

Чех не ответил, и Степа понял — оружия им не дадут.

Арцеулов поправил шапку и шагнул к Джору, неподвижно сидевшему на своем белом скакуне. Косухин поспешил следом. Джор-баши взглянул на них, по тонким губам скользнула легкая улыбка. Степа поспешил приложить руку к своей черной мохнатой шапке и отчеканил:

— Товарищ Джор! От имени командования рабоче-крестьянской Красной армии позвольте поблагодарить вас и в вашем лице...

Косухин сбился и неуверенно закончил:

— Ну, в общем, спасибо...

Джор поглядел на Степу, вновь улыбнулся и внезапно протянул большую сильную ладонь.

— Большое спасибо, господин Джор! — Арцеулов секунду подождал, еще раз вспомнив то, о чем когда-то рассказывал Богораз, и негромко добавил: — Спасибо, хан Гэсэр...

Лицо всадника на белом коне на миг стало серьезным, почти суровым, затем он кивнул Ростиславу и подал ему руку. Они уже хотели уходить, когда командир, немного подумав, снял с пояса что-то похожее на пастуший рожок и протянул его Ростиславу.

— Это эвэр-бурэ, монгольский рожок, — перевел чех. — Командир Джор говорит, что если ты потрубишь в него, тебе помогут...

Рож был небольшим, изогнутым, гладким, почти без украшений. Лишь по краям шел простой врезной орнамент в форме переплетающихся ромбов.

— Спасибо, — повторил Арцеулов, пристраивая подарок за поясом.

Всадник на белом коне поднял руку, прощаясь, остальные что-то прокричали, чех улыбнулся и взял двумя пальцами под козырек. Отряд рванул прямо с места в галоп и помчался обратно к подножию соседней горы.

Несколько минут оба молчали, наконец Косухин, шумно вздохнув, снял мешок с плеча.

— Ну чего, беляк, кажись, живем?.. А славные они ребята.

— Да, славные...

Степа еще раз вздохнул и начал деловито протаптывать дорожку к черному провалу пещеры. Арцеулов поглядел вслед уходящему отряду, подождал, пока темнота не сомкнется за последним всадником, и пошел следом. Но что-то заставило его оглянуться.

Ночь вступала в свои права, тьма покрыла вершины гор, лишь в ясном безлунном небе ослепительно ярко, по-зимнему, горели звезды. И вдруг Ростислав замер — прямо по небу, закрывая созвездия, неслышно скользили тени. Он присмотрелся. Сомнений не было — небесные всадники уходили вдаль, все выше, пока не исчезли среди бесстрастно мерцавших звезд.

ГЛАВА 3

Черные полушубки

В небольшой пещерке, где с трудом могли разместиться трое-четверо, кто-то оставил дрова и даже несколько клочьев старого ветхого шелка, вероятно, для растопки. Косухин уже хлопотал у очажка, сложенного из грубо обтесанных камней. Через минуту костер горел, рождая тени, дрожавшие на неровных холодных стенах.

В мешке оказались несколько банок американской тушенки и английского сгущенного молока, рис, бульонные кубики и несколько пачек все тех же папирос «Атаман». Вдобавок там были еще котелок, тяжелая фляга, две кружки, ложки и два коротких ножа.

— Во ребята! — покачал головой Степа, но затем, подумав, вздохнул: — Эх, винтарь бы! Ножички-то...

— Жду распоряжений, — напомнил о себе Арцеулов, не желая бездельничать.

Степа на миг задумался.

— Ну, эта... воды в котелок набери. Ну и погляди дровишек. А то и до утра не хватит.

Вопрос с водой решил просто — речка рядом. А вот дров не оказалось вообще. Вероятно, в пещеру их привезли издалека.

— Плохо дело, — прокомментировал Степа. — Этак в следующий раз в снегу ночевать придется, чердынь-калуга!..

— Не исключено, — Арцеулов постепенно приходил в

себя, голова вновь работала. — Поэтому рис сварим сейчас, чтобы потом можно было есть всухомятку. Что там во фляге? Спирт?

Во фляге действительно оказался спирт. Открыли тушенку, плеснули спирту в кружки, и жизнь стала казаться даже привлекательной. Перекусив, Степа закурил и пустился в разговор:

— Значит, так, — начал он, закутываясь в шинель и придвигаясь к огню. — Первое дело — от смерти ушли. Это хорошо?

Он подумал и кивнул:

— Это очень даже хорошо. Затем узнали, где Наташа. Ну и, можно сказать, почти что доставили нас. Видать, и вправду везет...

Арцеулову не хотелось разубеждать впавшего в излишний оптимизм краснопузого, но пришлось:

— Вы, Степан, не спешите. Дороги к Шекар-Гомпу мы, в общем, не знаем. Еды мало: три дня пути в горах — это еще вилами по воде. А в этом монастыре может быть целый батальон охраны...

Про батальон Степа заводиться не стал — не ко времени, а вот насчет прочего не преминул:

— Ты, Ростислав, свой классовый пессимизм к делу не приплетай! Чего мы тут, дров с харчами не найдем? Раз эта пещера имеется, значит, чердынь-калуга, есть и другие!

— А в каждой — по дюжине братьев-разбойников. Между прочим, неизвестно, чьи мы дрова палим. Того и гляди, хозяева заявятся. А у нас лишь два ножа.

— Ну, значит, спать по очереди будем, — не особо уверенно отреагировал Косухин. — Оружия нет, это плохо... Ну а насчет того, где мы, так тут дело ясное...

— Ну-с? — капитану было весьма любопытно услышать Степины соображения по части географии вообще и их путешествия в частности.

— Значит, так, — начал Косухин, хмурия лоб и собираясь с мыслями. — Ехали мы на юг, это я по солнцу определил. Прошли эдак верст пятьдесят — не меньше. Значит, пустыню пересекли и сейчас где-то на другом краю. Жаль, карты нет...

Арцеулов невольно усмехнулся. Возможно, он и сам бы рассуждал подобным образом, если бы не пришлось увидеть летящих над горами всадников. Рассказывать об этом

Степе было ни к чему, поэтому пришлось заходить с другого конца:

— Карту-то я помню, Степан. Между прочим, мы ехали не на юг, а на юго-запад — это я тоже по солнцу. Ехали быстро, это верно... Только Такла-Макан даже в самой узкой части куда шире, чем пятьдесят верст. Да и гор там таких нет.

— Это ты просто забыл. От контузии, — возразил Косухин, но уже без особой уверенности.

— К тому же готов спорить, что сейчас мы на высоте не менее километра. А может, и более.

Степа взглянул недоуменно, капитан пояснил:

— Дышать труднее. Да и вода кипит по-другому — видишь? Так что спешить не будем, спим по очереди, а продукты экономим. Вопросы?

Степа немного скис и даже подумал, что командир Джор мог бы доставить их прямо к Шекар-Гомпу. Три дня пути без крова, дров и оружия сразу же показались не такой уж легкой прогулкой.

— А если Наташи в этом Шекар-Гомпе и нет? — вдруг подумал он вслух и даже растерялся. — А может, нам эти... уж не знаю, кто они, — просто соврали?

Арцеулов на мгновение тоже подрастерялся от такого предположения, но быстро пришел в себя:

— Покуда они нам не ввали, Степан. Зачем им нас обманывать?

— Ну... В засаду заманить. Хотя какая тут к черту засада, сто раз пристрелить бы успели.

Степа, немного успокоившись, стал поудобней устраиваться у гаснувшего костра, попросившись караулить во вторую смену. Арцеулов не возражал — спать, несмотря на сумасшедший день, покуда не хотелось.

Косухин заснул мгновенно, закутавшись в шинель и положив под голову пустой мешок. Арцеулов сел у входа, чуть сбоку, чтобы видеть площадку возле пещеры, а самому оставаться в темноте. Впрочем, вокруг было спокойно, стояла мертвая, неправдоподобная тишина, слышалось лишь потрескивание умирающих углей в очаге и тихое дыхание Косухина.

Арцеулов опасался, что ночной холод будет невыносим, но с удивлением почувствовал, что не замерзает. То ли по-

лушубок выручал, то ли дрова попались на диво жаркие, то ли — мелькнула неожиданная мысль — они попали в места с совсем другим, непривычным климатом. Во всяком случае, Ростиславу не было холодно, он даже расстегнул верхний крючок «гусарского» полушубка и перестал подкидывать дрова в очаг.

Здесь, в спокойном сумраке, у тлеющих ровным огнем углей, хорошо думалось. Впервые за много дней можно было порассуждать о том, что в его положении можно назвать перспективой.

Итак, ему удалось вырваться из сибирского ада. Теперь будущее становилось яснее, поход в Шекар-Гомп, несмотря на все трудности и обязательный — и столь уже привычный — смертельный риск, казался последним испытанием. Если они с краснопузым Косухиным уцелеют да еще непонятым пока образом вызволят Наташу Берг, остается только добраться до ближайшего порта, откуда корабль увезет его по зеленому весеннему морю в далекую Францию, где можно просто жить, смотреть в окошко комнаты на кирпичную стену, почитать эмигрантские газеты и ждать, покуда в далеком, чудовищно далеком будущем умирающий старик увидит на экране непонятого чудного устройства поднимающийся над огромным куполом трехцветный флаг...

Это было искушение, не сравнимое ни с чем. В семнадцатом Арцеулов мог не уезжать на Дон, скрыться у родственников в Твери, варить гуталин, а то и пойти на советскую службу. Весной 19-го мог сослаться на ранения и попроситься в тыл, поближе к океану, — и теперь разглядывать разноцветных медуз у японских берегов. Тогда он выдержал — и вновь шел туда, где и должен быть русский офицер.

Выходило так, что теперь он, наконец, имеет право на покой. Он отвоевался — как сказал бы краснопузый Степа — и может спокойно катить под парижские каштаны. И вся его будущая жизнь — возможно, долгая и по-своему счастливая — станет лишь бесконечным эпилогом к тому, чем он жил в эти страшные годы. А может, наоборот — Смута будет казаться коротким эпизодом молодости, когда Ростислав нелепо и ненужно рисковал жизнью, такой бесконечно дорогой и единственной.

Взгляд капитана упал на спокойное и оттого очень молодое и даже красивое лицо спящего Косухина, и он вне-

запно подумал, что станет делать потомственный дворянин Степа, буде они вырвутся к зеленому морю и уютной каюте. Краснопузый тоже воевал с семнадцатого, и ему не обещано долгой жизни под галльским небом. Уговорить его кинуть всю эту дурь с коммунией и вместе выращивать шампиньоны? Арцеулов улыбнулся, заранее представив себе буйную реакцию неугомонного фанатика-коммуниста. Нет, Степа поедет обратно делать мировую революцию, чтобы упасть где-нибудь под пулями или — если видение не лгало — в неведомом застенке под ударами прикладов...

Ростиславу стало стыдно. Он вдруг понял одну из причин — не главную ли? — их поражения. Эта причина была перед ним — краснопузый Степа, отважный командир рабоче-крестьянской Красной армии. Арцеулов подумал, что будет, если такого посадить за парту, как следует подучить и снова послать в бой. Что ж, он знал ответ — Ростислав вспомнил полковника Лебедева. И тогда красные действительно будут идти от победы к победе, в небо взлетит новый «Мономах», но уже советский, и, кто знает, не сбудется ли безумный бред о всемирной Совдепии.

Что же он, капитан Ростислав Арцеулов, ветеран Германской и «первопроходчик», может сделать, чтобы этого не случилось? И Арцеулов невольно вздрогнул от беспощадной логики ответа — умереть. Вернуться в Россию, найти тех, последних, кто еще сражается, и воевать до конца. Парижа не будет, не будет ничего, но он сделает все, что сможет. Его нынешняя одиссея — не эпилог, а только передышка...

Ростислав подумал, что, если следовать логике до конца, он должен, выбравшись из этих ледяных гор, позаботиться о том, чтобы большевистский фанатик не добрался до своих. Такой Степа мог стоять целой роты и...

...И — ничего. Арцеулов обозвал себя Степиным словечком «интеллигент» и даже обрадовался. Там, у Семена Креста, он мог просто задушить Степу — руками. Но теперь им идти вместе до самого зеленого моря, чтобы двинуть друг другу в челюсть на прощанье, а может — кто знает, — обняться и разойтись навсегда. Его рука уже никогда не поднимется на брата полковника Лебедева, на красного командира, когда-то не пожалевшего воды для умирающего беляка. И слава Богу, — подумал он с облегчением. Он будет убивать большевиков до конца, но этому не суждено погибнуть от его руки.

— Ты чего меня не разбудил? — Степа протирал за-
спанные глаза, приподнимаясь со своего спартанского
ложа. — Мы ж договаривались по два часа дежурить?

Арцеулов взглянул на часы — Косухин был точен, он
спал два часа и три минуты.

— Мне сон был, — возвестил Степа, надевая шинель.

— Лето снилось?

— Не-а, чего-то важное. Только я забыл. Помню, про-
снуться велели...

— Вам бы, Степан, разводящим в карауле быть, — ус-
мехнулся капитан. — А я тут замечтался.

— Небось о лете? — добродушно поинтересовался Ко-
сухин.

— Вроде того, — охотно согласился Арцеулов, подумав,
что сказал бы Степа, узнав его подлинные мысли. — Ладно,
если чего — будите...

— Если чего, — вздохнул Степа, усаживаясь на пригре-
тое Арцеуловым место. — Оружия, чердынь-калуга, все
равно нет! Хоть бы дубину какую!..

Степа осмотрел остаток дров, но поленья были корот-
кие, тонкие и узловатые. Ничего похожего на хорошее ду-
бовое полено не нашлось, и Косухин ограничился тем, что
положил нож под правую руку.

...Арцеулов, укрытый теплым полушубком, заснул поч-
ти сразу, а Степа, запахнув шинель, закурил, поглядывая то
на гаснущие угли, то на унылый вид, открывающийся из
пещеры.

Он тоже не сказал всей правды. Сна он действительно
не помнил, зато не забыл чьи-то слова, сказанные перед са-
мым пробуждением. Их он запомнил хорошо, как и го-
лос — сильный, хотя и негромкий:

— Ты хотел говорить со мной, Степан? Просыпайся и
жди...

Конечно, во сне может привидеться всякое, но Косу-
хин, несмотря на твердую убежденность в материальности
мира, почему-то был уверен, что приснилось это неспроста.
Впрочем, вспомнив читанную когда-то в порядке обяза-
тельного самообразования брошюрку, Косухин рассудил,
что сон есть продукт деятельности головного, то есть его
собственного, мозга. Ничего удивительного, что ему снятся
события, похожие на правду. Он твердо помнил из брошю-

ры, что возможности этого самого головного мозга до конца покуда не изучены, а значит, вполне вероятно и даже логично, что многое из кажущегося ему чуть ли не чудесным есть попросту явления, наукой доселе не понятые. Например, отчего бы его собственному мозгу не предупреждать Степу об опасности или о прочих неожиданностях.

На том Степа и успокоился. В конце концов, если во сне ему было предупреждение, то тем лучше. Он готов и поговорить. Косухин не чувствовал угрозы, но на всякий случай пододвинул нож поближе.

Впрочем, покуда все было тихо, горы молчали, а ночной воздух, казалось, слегка звенел. Очаг погас, Степа подкинул несколько поленьев, хотя холода, несмотря на рыбий мех шинели, не чувствовал. Огонь разгорелся, и Косухину стало веселее.

Он взглянул на с головой укрывшегося тулупом капитана, озабоченно подумав, что с беляком надо будет что-то делать. Ростислава следовало немедленно отправить в госпиталь. Косухин навидался контузий и знал, что тогда в самолете капитану досталось крепко. Затем ему, Степе, придется походить по коридорам ЦК, дабы выписать недорезанному белогвардейцу надежную справку. Амнистия — амнистией, а Степа хорошо знал, на что способны славные ребята из ЧК. После всего этого Арцеулова следовало устроить на работу, дабы гнилой интеллигент не умер с голоду или не направился с револьвером на большую дорогу. В общем, дело предстояло хлопотное, да еще на фоне общих экономических трудностей и проблем мировой революции.

«А вдруг его опять воевать потянет?» — подумал было Степа, но тут же решил, что Арцеулов хоть и белый гад, но не дурак и не псих, а значит, с него вполне должно хватить суровых уроков классовой борьбы. Защищать белое дело, да еще на третьем году советской власти, по мнению Степы, могли лишь люди не только без совести, но и без головы.

В общем, это была еще одна забота, не говоря уже о том, что впереди намечалось нечто вообще труднопредставимое — найти чертов монастырь и вызволить оттуда Наташу. Шекар-Гомп представлялся Степе, мало знакомому с восточной спецификой, чем-то вроде виденных им православных монастырей, где обитали мракобесы-монахи в черных балахонах. У ворот монастыря Степа представлял себе всенепременно пару пулеметов, а то и пушку. На боль-

шее фантазии не хватало, но и этого вполне достаточно против двух ножей.

Степа вновь, в который раз, стал думать о том, как худо в незнакомом месте без оружия, как вдруг его словно что-то подтолкнуло. Он выглянул наружу и замер — огромный темный силуэт загородил проход. Он был четко виден на фоне белого снега, и этот снег, как показалось Косухину, внезапно стал светиться, словно в ту страшную ночь, когда он замерзал у погасшего костра в междуречье Оки и Китоя. Рука Косухина скользнула по рукоятке бесполезного ножа, затем перед глазами вспыхнул невыносимо яркий свет, и Степа невольно зажмурился.

— Мир тебе, Степан...

Степа открыл глаза и с огромным облегчением понял, что все, или почти все, ему почудилось. Снег был самым обычным, а перед входом стоял обыкновенный, среднего роста человек в странном плаще и почему-то с непокрытой головой.

— Фу ты! — вздохнул Косухин. Ничего страшного не произошло. Вероятно, монах, который помог им у Челкеля, передал своим здешним знакомым, чтобы их с Арцеуловым встретили.

— Здравствуйте, — вымолвил он, наконец, вставая. — Заходите! Мы тут дрова, эта... ну, попалили в общем...

Человек кивнул, вошел в пещеру и присел к очагу, протянув к огню ладони. Руки его были большие и, как отметил глазастый Степа, с крепкими рабочими мозолями. Шапки на незнакомце действительно не было, правда длинные волосы, падавшие почти до плеч, вероятно, смягчали холод. Лица того, кто грелся у огня, Косухин не разглядел.

— Это... вы тут живете, да? — продолжал он, чувствуя, что придется отчитываться за не вовремя сожженные дрова.

— Я знал, что вы придете. Дров не жалейте, они — для вас. Ты хотел поговорить, Степан?

— Я? — удивился тот.

Человек отошел от огня, присев рядом с Косухиным. Неяркое пламя наконец позволило увидеть его лицо. Ничего особенно Степа не приметил, — обычное лицо, правда не русское, но и не восточное. Незнакомец был немолод, хотя кожа оставалась чистой, без морщин. Глаза казались темными и очень большими. По-русски он говорил правильно, с каким-то еле заметным незнакомым выговором.

— Ты хотел поговорить со старшим.

Косухин вспомнил.

— А вы... — начал он нерешительно.

— Я слушаю тебя...

— Ну-у... — начал Степа. — Как бы эта... Прежде всего спасибо, что выручили. Тут уж, конечно, одного спасибо мало, так, ежели чего, скажите.

— Вы — ты и Ростислав — просили о помощи и нуждались в ней. Тут говорить не о чем. В этих местах есть пословица: сделай добро — и брось в пропасть...

— А з-зачем?

— Это значит, что не стоит говорить об этом, — на лице незнакомца промелькнула улыбка. — Ты хотел узнать, что вам предстоит?

Косухин кивнул.

— Что непонятно тебе, Степан? Что ты должен добрат-ся до места, где держат в плену твоего друга, и помочь ему? Это понятно?

Степа вновь кивнул.

— Что ты должен помогать в пути всем, кто в этом нуждается, даже рискуя жизнью, как рисковали, помогая тебе? Это тоже понятно?

Спорить не приходилось.

— Что тебе надо не просто спасти Наталью Берг от участи, которая, может, страшнее смерти, но и узнать, кто они, несущие погибель и страх? Что происходит в их логове, в чем их сила?

— Это... конечно, — согласился Степа. — Я и сам...

Он хотел было сказать, что давно уже собирался рассказать обо всем в Столице, добраться до товарища Троцкого и вывести всех гадов на чистую воду, но не решился. Получалось, будто он хвалится, а хвалиться-то пока нечем.

— Тогда тебе все понятно, Степан. Пойти, помочь — и узнать. А дальше — решай сам. Если решишь, что беда невелика, то пусть все идет своим чередом. Если же нет — думай...

«А чего тут думать!» — хотел по привычке произнести Степа, но осекся.

— Ты должен решить сам. Это важно. И прежде всего — для тебя.

— Это для всего народа важно! — возразил Косухин,

почувствовав в речи собеседника нотки интеллигентского индивидуализма.

— Отчего ты говоришь от имени народа? — поинтересовался незнакомец, и в голосе его прозвучало то ли осуждение, то ли насмешка.

— Ну... я воюю за него, — нашелся Степа. — А ежели надо — и голову положу...

— Не ты один...

Сказано это было настолько веско, хотя и самым спокойным тоном, что Косухин сник. Человек минуту помолчал, а затем повторил:

— Истинно говорю тебе: это важно для тебя самого.

Степу так и тянуло почесать затылок, что обычно сопровождало размышлению, но он сдержался, ограничившись тем, что потер лоб. И тут он сообразил, что незнакомец, чьи дрова они жгли и в чьем убежище отдыхали, вероятно, голоден.

— Вы... эта... — начал он. — Поужинаем, а то вы...

— Ты поделился со мной огнем, — улыбнулся гость. — Иногда это важнее, чем преломить хлеб. Я не голоден, Степан...

Он замолчал. В голове у Косухина творилось нечто совершенно невразумительное, но гость уже уходил.

— Мы поговорили обо всем, Степан. Обо всем — кроме одного. За труды положена награда. Чего хочешь ты?

— Я? — поразился Косухин. Награды он был согласен получать лишь от имени трудового народа.

— За все положена награда, — твердо повторил незнакомец. — Все имеет свою цену.

— Это у вас имеет! — огрызнулся Степа, вспомнив все свое недовольство от уроков Закона Божьего в заводской школе. — Это у вас за чечевичную похлебку чего-то там отдают...

— У нас? — искренне удивился гость.

— Ну-у... Я к тому, что мне не надо...

— Подумай, Степан...

— А, ладно! — решился Косухин. — Там, у старика, что нас прятал, дверь есть. Интересно было бы туда заглянуть. Только чтоб обратно вернуться!

— Не ведаешь, о чем просишь, — покачал головой незнакомец. — Но да будет так... Прощай, и, если будет неведомо, проси помощи — тебе помогут.

— У кого?

— Ты просил помощи возле тела Ирмана. Просил, когда падал самолет. Тебе помогли...

Косухину стало жарко. «Откуда?» — мелькнуло в голове, и вдруг его охватило странное чувство, похожее на стыд.

— Я... ну, в общем, в Бога не верю...

— Не лукавь сам с собою, Степан. Мы еще увидимся...
Прощай...

Степа, все еще пораженный, едва кивнул в ответ, почему-то ожидая, что его гость исчезнет в столбе пламени или воспарит в небо. Но незнакомец, секунду постояв на пороге, быстрым шагом направился куда-то вправо, как раз туда, где лежала тропинка на Шекар-Гомп. И почти тут же звезды стали гаснуть, а из налетевшей тучи пошел густой пушистый снег.

— Что, уже утро?

Арцеулов выбрался из-под тулупа, недоуменно глядя то на Степана, то на розовеющее небо.

— Кажись... — вяло ответил Косухин. Он и сам не заметил, как просидел остаток ночи, ни о чем не думая и глядя на медленно падавший снег. Под самое утро снег перестал. И почти сразу же начало светать. Площадка перед пещерой стала гладкой и ровной, снег скрыл тропинку, протоптанную вечером, и следы ночного гостя, уходящие к ручью.

— Почему вы меня не разбудили? — Арцеулов был явно недоволен. Высыпаться за чужой счет он не считал возможным.

— Спать не хотелось, — столь же вяло ответствовал Степа. — Ты лучше, Ростислав, кипятку сообрази... Пора идти.

Капитан хотел по привычке вступить в перепалку, но поглядел на Степу и решил не встречать. Он с удовольствием умылся снегом и стал разводиться огонь, сожалея, что в подаренном мешке не оказалось немного чайной заварки.

Тропу нашли сразу. Она тянулась вдоль ручья, прижимаясь к отвесной черной стене, поднимающейся сколько было глаз вверх на невероятную высоту. Ручей — или небольшая речка — протекал в глубокой узкой расщелине, а тропа тянулась как раз между ним и стеною. Она была неширокой — едва ли больше полутора метров — и вдобавок

завалена снегом. В общем, идти было трудно, да и опасно, зато можно не бояться потерять дорогу, к тому же тропа вела точно на юг.

Степа взвалил мешок с продуктами на плечи и уверенно пошел вперед, протаптывая тропинку. На протесты Арцеулова он обозвал его контуженым, а на повторные призывы предложил меняться через каждый час. С этим и двинулись, Косухин шел не быстро, но уверенно, оставляя после себя ровный след. Снег был достаточно глубоким, но не твердым, вдобавок потеплело, и даже косухинская шинель вполне защищала от холода. Гора прикрывала от ветра, было совершенно тихо, лишь шумела речушка, да изредка откуда-то издали доносились отзвуки, похожие на разрывы снарядов. Впрочем, Арцеулов, кое-что читавший о горах, сразу же предположил, что это дальше эхо лавин, падавших с вершин в ущелья. По просьбе Косухина он кратко объяснил, что такое лавина, после чего Степа стал время от времени не без опаски поглядывать вверх.

Разговаривали мало, больше молчали, тем более говорить, двигаясь гуськом по узкой тропе, не особо удобно. Арцеулов, старясь ступать след в след, думал, где доведется ночевать следующую ночь, за сколько дней удастся дойти до Шекар-Гомпа и как действовать дальше, имея лишь по короткому ножу, годному только для открывания консервов. Арцеулов начал понимать, что эта затея может выйти весьма трудной. Ему очень захотелось, чтобы здесь оказались те, кого он оставил еще весной 19-го, — друзья по Ледяному походу, с которыми они шли по такому же снегу, поддерживая друг друга, волоча казавшиеся такими тяжелыми винтовки и подсумки с патронами. Ростислав вспомнил спокойного, всегда собранного и решительного капитана Корфа — их ротного, фронтового разведчика с двумя Аннами и Владимиром, всегда веселого и отважного Андрея Орловского и давнего, еще с семнадцатого года, приятеля — князя Ухтомского. Арцеулов подумал, что вместе с Виктором Ухтомским он взял бы Шекар-Гомп играючи. Во всяком случае, это едва ли труднее, чем то, что приходилось делать между Ростовом и Екатеринодаром.

Капитан усмехнулся, вспомнив, как на ночевке в Усть-Лабинской, после трех дней тяжелых боев с бригадой балтийских моряков, они отсыпались, а затем откуда-то появилась гитара, и его заставили играть всю ночь. Тогда, под утро, он написал, вернее сымпровизировал песню, где глав-

ным героем выступал Андрей Орловский, который в ту ночь был почему-то неожиданно мрачен и неразговорчив. «Не падайте духом, поручик Орловский...» Позже эту песню пели другие, и вместо Орловского часто выступали иные персонажи, особенно если фамилия вкладывалась в строку. Почему-то чаще всего упоминали Ухтомского — Виктор, аристократ чистых кровей, неистово храбрый и ненормально честный, был всеобщим любимцем...

Ростислав вновь усмехнулся, но на этот раз невесело. Прошло больше года, и Бог весть кто из них, его друзей по Ледяному анабазису, еще жив. Армии Деникина — Арцеулов узнал это перед самой нижеудинской катастрофой — бежали к Новороссийску, спасти их могло лишь чудо, а чуда на этой земле встречались все реже...

Последний раз Арцеулов брал в руки гитару в Омске, когда нашел Ксению, и они отмечали встречу на квартире у ее тетки. С тех пор, а особенно после Екатеринбургского госпиталя, играть было некогда и не для кого. «Интересно, — мелькнула уже совершенно нелепая мысль, — играет ли краснопузый Степа на гитаре, или «товарищам» полагаются лишь балалайка?» Капитан с мстительным ехидством представил себе красного командира Косухина с балалайкой и всенепременно в лаптях. Картинка вышла на славу.

Степу заботило другое. Вначале он мысленно ругал последними словами тропу, которая оказалась не только узкой, но и неровной, вдобавок скользкой. Затем удалось войти в темп, дело пошло легче, и можно было задуматься о некоторых более абстрактных вещах. Косухин еще раз вспомнил свой разговор с ночным гостем и остался весьма недоволен.

Прежде всего он поступил не по-товарищески и не разбудил капитана. Теперь он даже не решался рассказать о ночном происшествии. Арцеулов может не поверить, а кроме того, таинственный гость приходил именно к нему. Подумав, Косухин решил, что вел разговор неверно. Следовало, конечно, быть вежливым и благодарным, но зато побольше слушать и поменьше болтать. Собственные речи Степа обозвал «излияниями», а выходку насчет загадочной двери вообще счел неуместной. Этак его, железного большевика-ленинца, примут неизвестно за кого. Косухин вспомнил слова подзабытого товарища Чудова о собственной политической незрелости, оценив их куда более самокритично. И вообще, здесь, вероятно, нужен не он, а другой товарищ,

куда более опытный и надежный. Косухин вспомнил давнего друга-приятеля еще по октябрю 17-го, Кольку Лунина, теперь, по слухам, комиссарившего где-то на юге. Тот, даром что моложе Степы, точно сообразил бы, что к чему. Недаром Косухину, несмотря на орден и давний партийный стаж, никогда не поручали больше батальона, а Лунин, как говорили, уже комиссарил в дивизии. Степа вздохнул, выбросив пораженческие мысли из головы. Николаю сейчас тоже небось нелегко на деникинских фронтах!

Часа через полтора Арцеулов после нескольких напоминаний все-таки добился права перейти в авангард. И тут же пожалел — идти первым оказалось куда труднее. Сразу же занули ноги, а в затылке начал пульсировать маленький, но неприятный очажок боли. Конечно, Ростислав не подал и виду, но когда, наконец, два часа истекли, занял свое прежнее место с тайным удовольствием. Это путешествие было явно не по его силам.

После полудня остановились под большим каменным «козырьком», нависающим над тропой, и наскоро перекусили вареным рисом, запив скудный обед глотком спирта из фляги. На этот раз спирт почему-то подействовал плохо, особенно на капитана. Боль сразу же усилилась, выросла, весь затылок, казалось, онемел.

Под вечер оба устали, причем Ростислав еле волок ставшие невероятно тяжелыми ноги. За несколько часов оба не сказали ни слова — не было сил. Тропа начала карабкаться на подъем, и идти стало еще труднее. Поэтому при первых же признаках ранних сумерек было решено искать ночлег. Искать приходилось тут же, на тропе, поскольку ни вправо, где шумела речка, ни влево, где тянулся обрыв, свернуть было нельзя. Время шло, а ничего подходящего не встречалось. Наконец, когда уже почти стемнело, шедший первым Косухин заметил слева в черной скале большую расщелину. Она была высокой, но очень узкой. С трудом удалось устроиться обоим, и то не лежа, а полусидя. Дров не было и в помине, поэтому о костре не приходилось и думать. Поужинали все тем же рисом и холодной тушенкой, запили спиртом, и сразу же потянуло на сон. Но Степа, несмотря на то, что глаза уже слипались, настоял на том, чтобы заняться повязкой.

Косухин аккуратно промыл рану спиртом, после чего

постарался забинтовать ее заново, используя относительно чистые куски. Капитан терпел молча, хоть боль временами была почти невыносимой. Степа с видом опытного лекаря констатировал, что рана скоро заживет. Несмотря на весь оптимизм, Косухин явно чего-то не договаривал, и это «что-то» было понятно капитану: сорванная кожа болела, но настоящая боль таилась внутри, и тут ни спирт, ни Степина перевязка помочь не могли.

Арцеулов заснул сразу, а Косухин, еще раз оглядев окрестности, решил, что выставлять посты бессмысленно. Все равно защищаться нечем, а убегать некуда. Уже засыпая, Степа озабоченно подумал о том, что придется делать, буде беляк действительно свалится и не сможет идти дальше.

«А он бы со мной что сделал? — мелькнула подленькая мысль. — Небось кинул бы и еще посмеялся, недорезанный!..»

Степа немного поразмыслил и вдруг понял — Арцеулов не бросил бы его.

Стало даже нехорошо, и Косухин обозвал себя крепким словом. Мало ли вообще, кто и что сделал бы! Он, Косухин, отвечает прежде всего за себя, а значит, нечего прятаться за других. Правда, продуктов было в обрез, а тащить на себе капитана он далеко не сможет...

«Значит, загнемся оба! — зло подумал Степа. — Так тому и быть, чердынь-калуга!»

Затем он обозвал себя паникером и тоже уснул.

К счастью, утром оба проснулись отдохнувшими, и мрачные мысли сразу же улетучились. Сквозь тучи проступило солнце, дорога пошла вниз, идти сразу же стало веселее. Вдобавок тропа стала расширяться, и уже часа через полтора стало возможно идти плечом к плечу.

Время от времени тропа внезапно расширялась, переходя в небольшую площадку, чтобы затем вновь сузиться, нырнув за очередной поворот. Впрочем, общее направление на юг не менялось, и нетерпеливый Степа стал требовать от получившего за народный счет образование Арцеулова определения координат.

— Вы же сами говорили, — улыбнулся капитан, не желая покуда делиться своими соображениями, — с Джордом мы проехали верст пятьдесят, вчера прошли еще десять.

— А горы? Ты же говорил, за Такла-Маканом таких гор нет?

— Хорошо, — вздохнул Арцеулов, — хотите знать мое мнение — слушайте: Мы, судя по всему, на Тибете. Не ручаюсь, но, если ехать от Челкеля на юг, других гор по пути нет.

— Ну так чего молчал? — возмутился Косухин.

— Сколько, говорите, мы проехали с Джором? Верст пятьдесят?

— Ну, пятьдесят...

— Значит, километров семьдесят-восемьдесят... Все бы ничего, но от Такла-Макана до Тибета несколько тысяч верст. Не верите?

— Тебе верю... А вот карты врут! — буркнул Степа. — Эх, встретить бы кого да расспросить...

— Ваши слова — да Богу в уши, — внезапно заметил капитан. — Стойте!

Он первым заметил то, что пропустил Степа, излишне увлекшийся проблемами географии. За очередным поворотом открывалась площадка, на этот раз значительно крупнее, чем прежние. Гора в этом месте выгибалась почти ровным полукругом, и на пологом склоне можно было разглядеть что-то напоминающее издали серые кубики.

Ростислав и Степа остановились возле поворота, пытаясь рассмотреть странные сооружения, прилепившиеся к склону. Очевидно, это было поселение. Правда, таких домов Степа никогда не видел — небольшие, почти квадратные, сложенные из какого-то серого камня.

— На Кавказе почти такие же, — прокомментировал Арцеулов. — Ну, не совсем такие, но похожи. Только тихо что-то...

— И дыма нет, — согласился Степа. — Зимой в деревне дым всегда будет. Никак засада?..

— Это место нам все равно не обойти. Рискнем?..

Решили рискнуть. Подойдя ближе, к тому месту, где от основной дороги шла тропка наверх, к каменным домикам, остановились. Ничего подозрительного — тропка засыпана снегом, скрывшим чьи-то следы, которые вели наверх.

— Снег шел позавчера, — заметил капитан. — Выходит, с тех пор не ходили...

— Церковь вспомни, — посоветовал Косухин. — Там тоже снег шел и следов не было.

— Там были собачьи. А здесь и собака не пробежала. В любом случае, я за то, чтобы подняться.

Косухин скривился, но возражать не стал.

Это действительно была деревня — небольшое поселение из десятка почти одинаковых квадратных домиков. Жило здесь никак не больше полусотни неведомого народу, но теперь вокруг было пусто, ни одна живая душа не встречала неожиданных гостей.

Живых душ действительно не осталось, но на улице и в нескольких домах лежали трупы — уже закоченелые, мерзлые, засыпанные свежим снегом, который намело через открытые двери. Всего насчитали с десяток мертвецов — две женщины, ребенок и семеро мужчин. Руки одного из них сжимали странной формы ружье с длинным стволом, заканчивающимся раструбом. Все погибшие были невысокого роста, желтолицые, с маленькими раскосыми глазами.

— На китайцев не похожи, — заметил наконец Степа, молча осматривавший невеселую картину. — Да, видел я такое! Собак — и тех перебили. Видать, разбойники...

— В домах почти ничего не взято, — с сомнением проговорил Ростислав. — Похоже, остальных куда-то утнали, а эти сопротивлялись. Я там рис нашел — надо будет захватить. Им он уже ни к чему...

— Ага, — кивнул Степа и вздохнул. — А все одно неловко. Вроде как грабим. Вот ружье...

С большим трудом удалось извлечь оружие из закоченелых рук убитого. К разочарованию Степы, ружье оказалось совершенно незнакомой конструкции — не только ствол раструбом, но и в казенной части стоял какой-то совершенно непонятный механизм. Стреляло оно, судя по мешочку, найденному на поясе мертвеца, черным порохом. Еще в одном мешочке был запас самодельных свинцовых пуль.

— Тю! — вымолвил Косухин. — Оружие, чердынь-калута, времен Ивана Грозного. Вот притча!

— У нас в Туркестане такое ружье называется карамультик, — пояснил капитан. — Вы совершенно правы, Степан, это кремневое оружие. У нас в училище такая штука хранилась в музее. Смотрите!

Он довольно ловко показал, как действует кремень, затем зарядил ружье и протянул Степе:

— Держите, господин красный командир! Будете меня охранять, чтобы не скрылся.

Степа протянул руку к карамультуку, но поглядел на иронически улыбавшегося капитана и хмыкнул:

— Не-а, ты, беляк, сам эту штуку потащишь! Хватит с меня и мешка.

— А убегу?

— А куда ты денешься?! Сам стреляй из своего... как его там?

— Карамультука...

— Во-во... Вот если маузер найдешь, тогда точно отберу.

Капитан, не став спорить, закинул карамультук за спину и аккуратно спрятал мешочки с порохом и пулями. Кремневое ружье вовсе не было безобидной хлопущкой, как, судя по всему, решил Косухин. Ростислав знал, что из подобного антиквариата можно уложить человека шагов за двадцать пять, а в горах ничего иного и не требуется. Пули же у карамультука были не в пример современным — чуть ли не со сливу величиной. Так что красный командир Косухин остался с мечтой о маузере, а интеллигент Арцеулов наконец-то получил в руки оружие. Ружье приятно оттягивало плечо, Ростислав сразу же почувствовал себя здоровым и сильным. Его жизнь вновь получила цену...

Оставаться среди пустых домов и засыпанных снегом трупов не тянуло. В мешок уложили немного найденного риса и полупустую жестяную банку с китайским чаем. В одном из домиков, совершенно пустом, с разбитой и сорванной с петель дверью, Арцеулов обнаружил на земляном полу большую рыжую шубу. Вернее, она была большой для ее прежнего хозяина, который не достигал Ростиславу и до плеча. Для него же это скорее был добротный полушубок.

— Держите, Степан, — предложил Арцеулов. — Это будет лучше шинели.

Косухин вначале отнекивался, не желая брать чужое, но потом, рассудив, что теплые вещи нужны живым, переоделся. Вид у него стал весьма живописным — лохматая шуба, доходившая до колен, удачно сочеталась с черной шапкой. Там же, в пустом домике, удалось разыскать две пары рукавиц.

— В общем, ничё, — рассудил Косухин, — извините, ребята! — крикнул он, обращаясь к мертвым разбитым окнам. — Мы, эта... Не от жадности...

Капитан перекрестился и негромко прочитал заупокой-

ную молитву. Смерть, кружившая по России, казалось, черным вихрем пронеслась вслед за ними через границу и теперь сопровождала среди этих дальних гор.

— Тех не меньше взвода было, — рассудил Косухин, когда мертвое селение скрылось за поворотом и тропа стала прежней — узкой, так что и плечам тесно.

— И вооружены они кое-чем поновее, чем кремневые ружья, — добавил капитан. — Я видел гильзы. По-моему, это японские семизарядки. «Арисака», кажется...

— Видел такие, — кивнул Степа. — Точно бьют, заразы! Навидался я ваших япошек. Наприглашали!

— Я навидался ваших венгров, немцев и китайцев. Зрелище столь же мерзкое. Впрочем, ваши жидки из ЧК ничуть не лучше...

— Ах ты... — задохнулся возмущением Степа. — Семит... То есть антисемит, чердынь-калуга! Наши венгры и прочие — это не интервенты, а эти... интернационалисты, то есть интернаци... Ну, в общем, за народное дело! Темный ты, Ростислав, а еще интеллигент!

— Куда уж мне... А ваши собачки-оборотни — тоже за народное дело? А Венцлав — из интернационалистов?

Степа засопел носом, но смолчал, не желая отвечать на провокационный выпад. С Венцлавом он разберется. И не этому недорезанному судить о неизбежных ошибках, возникающих в трудном деле борьбы за Мировую Революцию.

Арцеулов видел, что припек-таки краснопузого, и это доставило ему некоторое удовольствие. В последнее время Степа стал излишне задаваться.

«Пусть подумает, — решил капитан. — Это и пролетариям иногда полезно...»

Он хотел было добавить жару, припомнив кое-что из виденного в Иркутске — ну, хотя бы чудо-богатыря товарища Чудова, — как вдруг, вздрогнув, схватил Степу за руку.

— Голоса! Впереди...

Степа прислушался — где-то далеко, но все же не очень, в полукилометре от силы, кто-то разговаривал. Точнее, переговаривались несколько голосов. Даже не переговаривались, а ругались, чуть ли не кричали.

Арцеулов неторопливо снял с плеча карамультук. Оба ускорили шаг, внимательно поглядывая на пустую, покры-

тую снегом тропу. Кто бы ни был там, впереди, здесь он не проходил. А это уже становилось интересно...

Голоса смолкли, но через несколько минут раздалась вновь — громкие, сердитые и очень недобрые. Послышался крик. Там, совсем уж недалеко, что-то явно происходило...

Тропа резко сузилась, так что и одному пройти трудно, но затем резко пошла вширь, подведя к очередному повороту. Крики слышались совсем рядом. Степа рванулся вперед, но Арцеулов, твердо отстранив его, внимательно осмотрел затвор карамультука и выглянул первым.

За поворотом была каменная площадка, каких они уже немало повстречали на пути. Правда, тут имелось кое-что новое — влево шла еще одна тропа, нырявшая в узкое ущелье. Впрочем, эти важные подробности Арцеулов заметил походя, рассматривая то, что происходило в нескольких метрах, как раз возле входа в ущелье...

На земле валялось несколько мешков, какие-то вещи и брошенный прямо в снег карабин. Возле вещей толпились пятеро невысоких, но крепких парней в одинаковых серых полушубках и шапках с меховым козырьком. Двое держали оружие на изготовку и, весело посмеиваясь, наблюдали за тем, чем занимались их товарищи. А те, уже без всякого смеха, а, напротив, с руганью и криками, что есть силы били еще одного — шестого, — худого высокого парня в меховой куртке нараспашку. Шапка лежала рядом, тут же в снегу торчал нож, похоже, только что выбитый из рук.

Парень отбивался как мог. Его пару раз сбивали в снег, но он откатывался в сторону, вскакивал и успевал врезаться одному из нападавших в челюсть или в грудь, прежде чем снова упасть. Те, что пытались с ним расправиться, сердились и снова бросались на парня. Когда тот вновь упал, один из нападавших замахнулся ногой, но тут же рухнул в снег, сбитый ловкой подсечкой.

— Дает! — шепнул Косухин. — Ну чего, капитан, пошли?

Арцеулов помолчал, оценивая ситуацию. Тех, с оружием, пятеро. У парня нет даже ножа, значит, можно рассчитывать лишь на собственную ловкость и на карамультук...

— Ты чего? — возмутился Степа. — Их же пятеро на одного...

Ростислав не ответил и, быстрым движением расстег-

нув полушубок, скинул его в снег. Затем передал ружье Косухину и сжал в руке нож.

— Первого, кто поднимет оружие!

Между тем обстановка изменилась. Один из тех, кто стоял в стороне и посмеивался, вдруг стал очень серьезным и что-то громко крикнул. Трое, избивавшие парня в куртке, отскочили в сторону, оставив жертву лежащей в снегу. Тот, кто отдал приказ, лениво поднял ствол карабина. Парень успел вскочить, но тут же замер, увидев направленный на него ствол. Косоглазое лицо дернулось в злобной ухмылке, палец лег на спусковой крючок...

...И послышался грохот. Карамультик, нацеленный Степой, окутался черным дымом. Косоглазый рухнул в снег — пуля угодила точно в висок. Другой, в таком же сером полушубке, попытался обернуться, но, захрипев, начал сползать в снег — Арцеулов уже был рядом и вынимал из его бока окровавленный нож. Один из оставшихся, не успев выхватить оружие, кинулся на капитана, но получил резкий удар в грудь, бросивший его навзничь.

Парень в куртке, сообразив, что пришла подмога, кинулся на ближайшего косоглазого и повалил его в снег, вцепившись в горло. Пятый — последний — дернул из-за пояса револьвер, но подоспевший Степа обрушил на его голову приклад. Бандит в сером мягко ткнулся лицом в труп своего товарища. Сцепившийся со своей недавней жертвой тип сумел вырваться и подхватить с земли карабин, но хлопнул сухой короткий выстрел, и Арцеулов сунул за пояс трофейный револьвер. Дело было сделано.

Степа первым делом бросил верно послужившее ружье и закинул за плечо новенькую винтовку. Теперь и он почувствовал себя прежним — уверенным и сильным. Арцеулов ткнул носком унта лежащего в снегу косоглазого, которого оглушил удар затылком об лед, и без особых сантиментов добил его выстрелом в голову. После чего, оглядев место побоища, слегка поморщился и направился надевать сброшенный полушубок.

— Сэнкью, бойз! — произнес спасенный, весело улыбаясь и вытирая снегом окровавленное лицо. Досталось парню крепко, но оптимизма он, похоже, не потерял.

Степа понял, что его благодарят, и промычал в ответ что-то неопределенное.

— Амэрикэн? — продолжал между тем парень.

— А! — сообразил Косухин. — Никак нет, браток, не оттуда.

Парень с интересом прислушался, вновь улыбнулся и неуверенно проговорил:

— То... пан поляк?

— Вот, чердынь-калуга, непонятливый. Русские мы!

— Шердынь... — удивленно пробормотал парень, затем его лицо прояснилось, и он четко, почти без акцента, произнес: — Спасибо, товарищ!

— Вот это дело! — обрадовался Косухин. — Это по-нашему! Видал, Ростислав, понимает!

— Вы американец? — заинтересовался Арцеулов, успевший накинуть полушубок и теперь поправлявший ремень.

— О, йес! — охотно согласился неизвестный. — А'м Тэд Валюженич, Джонсвилл, Индиана стэйт. Бат... бойз, д'ю андестэнд Инглиш?

— Немного, — ответил Ростислав по-английски. — Похоже, мистер Валюженич, у вас были некоторые проблемы?

— О, да! И я могу лишь поблагодарить Творца, что он занес таких решительных русских парней в самую жуткую дыру на Тибете!

— Значит, все-таки Тибет... — проговорил Арцеулов и еле заметно нахмурился.

ГЛАВА 4

Убежище

Тэд Валюженич верил Богу, американской Конституции, законам природы и — отчасти — президенту Вильсону. Во всех остальных вопросах он оставался ярым скептиком, каким и положено быть молодому ученому в двадцать два года.

Предок Тэда — люблинский маршалок Тадеуш Валюженич — прибыл в Штаты еще в конце XVIII века. С тех пор Валюженичи считали себя истинными янки, а от польских предков оставили лишь несколько пергаментов с давними королевскими привилегиями, а также имена Тадеуш и Криштоф, которые получали старшие в семье. Так младший Тадеуш — Тэд — получил свое имя, а Крисом — Криштофом — был его отец, известный филолог-медиевист, в

последние годы работавший по приглашению Британской Королевской Академии наук в одном из английских университетов. Тэда, не желая создавать ему тепличные условия, отец отправил в Сорбонну, посылая ему денег, которых как раз хватало на квартиру в пригороде и на чашку кофе по утрам. Поучившись год и вдоволь наслушавшись о миннезанге и трубадурах, Тэд в конце концов взбунтовался и перевелся на отделение археологии, что больше подходило к его живой натуре. Отец воспринял решение своего отпрыска кисло, но ограничился лишь урезанием ежемесячной субсидии, так что утренняя чашка кофе отпала сама собой.

Впрочем, Валюженич-младший не унывал и уже через полгода добился именной стипендии и места лаборанта в отделе молодого, но уже знаменитого профессора Луи Робера. Тэду помогли поистине сизифово трудолюбие, а также знание языков. Отец, готовя свое чадо в филологии, заставлял его учить не только язык предков — польский, но и древние языки заодно с современными европейскими. Польский Тэд как следует так и не выучил, по-русски, как выяснилось, мог понимать лишь с пятого на десятое; зато досконально знал древнегреческий, а за последний год увлекся восточными языками — от суахили до наречия тибетских бхотов.

На Тибет Валюженич попал отчасти из-за бхотов, чьими древностями серьезно заинтересовался, а отчасти из-за своего приятеля Шарля Карно. Молодой аспирант, потомок знаменитого математика и генерала Революции, Шарль был аспирантом у Робера и на свои средства организовал экспедицию по центральному Тибету, дабы обследовать несколько малоизвестных буддийских монастырей. Профессор Робер лишь покачал головой, узнав о безумном замысле своих учеников, но в конце концов благословил, вручив письма во все возможные официальные и научные учреждения Китая и Британской Индии.

Валюженич вместе с Карно, наняв нескольких проводников, три месяца ездили по глухим закоулкам Тибета, перезнакомились с десятками бритоголовых мудрецов в оранжевых одеяниях и сумели правдами, а больше неправдами собрать большую коллекцию тибетской старины. Ближе к зиме, когда даже самые смелые проводники опасались вести экспедицию дальше, Шарль Карно решил во что бы то ни стало добраться до главной святыни бхотов — монастыря

Шекар-Гомп. Местные власти предупреждали, что возле Шекар-Гомпа небезопасно — там объявились какие-то вооруженные отряды, захватившие монастырь и нападавшие на окрестные селения. Карно был готов рискнуть, и Валюженич, естественно, тоже.

Все уже было готово, но в начале декабря Шарль внезапно заболел. Он пролежал в горячке три недели, затем начал поправляться, но ни о какой дальнейшей поездке, да еще зимой, не могло быть и речи. Тогда Тэд решил рискнуть сам. Тут даже Карно испугался, попытавшись не пустить друга в эту авантюру, но Валюженич был тверд. Он, истинный янки, воспринимал случившееся как вызов. Непокорный сын профессора был готов вызов принять, и в начале января, оставив Шарля под присмотром нескольких соотечественников-французов, нанял проводников и отправился в путь.

Вначале все шло наилучшим образом. По дороге Тэд завернул в несколько монастырей, которые не были даже отмечены на карте, и коллекция древних рукописей и реликвий заметно пополнилась. Осталось добраться до Шекар-Гомпа. Но тут начались трудности. В последнем селении, встретившемся на пути, проводники, поговорив с местным старостой, категорически отказались идти дальше. Уговоры не помогли, проводники были готовы даже вернуть аванс, что для тибетцев являлось делом невиданным. Они объясняли, что хозяин ада Шинджа вместе со своей подругой Лхамо, сев на своих призрачных коней, выбрались на землю как раз у Шекар-Гомпа. Монахи оттуда бежали, а слуги ада разорили монастырь, превратив его в свою обитель.

Тэд Валюженич не верил в хозяина ада Шинджу. Убедившись, что суеверия в этом далеком от западной цивилизации крае излишне сильны, он решил ехать сам, надеясь нанять проводника по дороге. Тем более путь до Шекар-Гомпа несложен — дорога была прямой и достаточно удобной, естественно, по местным меркам. Из-за зимы и отсутствия корма он решил не связываться с лошадьми, наняв огромного черного яка. Три дня пути прошли нормально. До Шекар-Гомпа оставалось не больше двух, но тут случилось изрядная неприятность: як, которого Тэд прозвал Вильгельмом за скверный нрав, оборвал ночью упряжь и сбежал. Возвращаться из-за козней норовистой скотины не хотелось, и Тэд, взвалив вещи на спину, пошел пешком.

Его встретили как раз у перекрестка. Пятеро солдат не стали ни о чем спрашивать, не поинтересовались документами, а сразу, забрав у растерявшегося Тэда оружие, принялись лупить его, словно полисмены нашкодившего пьяницу. Валюженич вспыхнул и дал сдачи. Дрался он действительно неплохо, но у косоглазых в одинаковых серых полушубках были винтовки, и дело приняло скверный оборот. Тэд это понимал и уже был готов к худшему, когда из-за скалы прогремел Степин карамультук.

Арцеулов предложил тут же убраться подальше от места схватки. Валюженич выразил полное согласие.

Трупы, по совету Степы, скинули прямо в пропасть, где шумела речка, туда же полетело лишнее оружие, снег был заново утоптан и даже кое-где присыпан, чтобы скрыть пятна крови. Критически оглядев место побоища, Косухин решил, что полностью скрыть случившееся не удалось, но следопытам, буде таковые явятся, придется изрядно повозиться. После этого он взвалил на спину мешок и выразил согласие идти дальше.

Дальше — означало к Шекар-Гомпу. Никто не предложил поворачивать назад, хотя было ясно, что главные проблемы впереди. Зато теперь у каждого имелось по карабину и револьверу, достаточно продуктов и целых две фляги со спиртом. С таким снаряжением, по мнению всех троих, можно было без страха атаковать целых три Шекар-Гомпа, обороняемых всем воинством царя ада.

Тропа стала настолько широкой, что по ней можно было идти втроем. Впрочем, шли не плечом к плечу, а уступом — Арцеулов и Тэд рядом, Степа — чуть позади. Такую позицию Косухин избрал сознательно. Беляк и свалившийся как снег на голову американец пустились в беседу на неведомом Степе английском языке, и гордый Косухин предпочел чуток отстать, дабы не делать умное лицо, не понимая ровным счетом ни черта. Сначала рассказывал Валюженич — громко, жестикулируя обеими руками, потом стал говорить Арцеулов, очень спокойно и, как показалось Степе, тщательно подбирая слова.

Так оно и было. Выслушав рассказ американца, Ростислав почувствовал себя в некотором затруднении. О многом, например о «Мономахе», вести речь он не считал возможным, а путешествие в отряде Джор-баши выглядело на-

столько странным, что о нем лучше было вообще умолчать. В конце концов, капитан избрал золотую середину, отчего их с Косухиным история приобрела вполне благопристойный вид. Оба они оказались военными служащими российской военной базы в Китае, название и местоположение которой он предпочел не уточнять, попавшими в плен и оказавшимися после дальних странствий на Тибете.

Американец выслушал внимательно, затем его взгляд скользнул по торчавшему из-за пояса капитана рогу — подарку Джора, — после чего Тэд произнес «Оу!» и воздержался от комментариев.

Степе было обидно, что Арцеулов, пользуясь своим буржуйским образованием, отсек от него их нового знакомого. Но тут Валюженич, оглянувшись, что-то спросил у Ростислава, после чего, оставив капитана, сместился чуть назад.

— Мистер Косухин... — начал он торжественно.

— Да чего там! Степа я... Степан, — подобрел тот.

— Оу? Сте-пан... Стив! Велл?

— А чё? — Имя «Стив» неожиданно понравилось.

— Стив! Я вери бардзо... плохо... русски. Бат... але... хчу ще един раз высловить вам...

— Да ну! — совершенно смягчился Степа. — Чего там, Тэд! Сегодня я, завтра — ты... Ростислав, переведи, будь добр, что поговорка есть: сделай добро и брось его в пропасть...

Арцеулов, удивленно поглядев на Степу, перевел, после чего американец улыбнулся и что-то заговорил в ответ, на этот раз уже по-английски.

— Тэд говорит, что он слышал эту поговорку, — перевел капитан. — Только он слышал ее в Ираке. Она звучит так: «Сделай добро — и брось в реку Тигр». Степан, а вы где ее узнали?

— Ха! — только и ответил Степа, довольный произведенным эффектом.

Теперь уже все трое пошли рядом. Пользуясь этим, Ростислав пересказал Степе историю студента-археолога.

Между тем Косухину пришла в голову какая-то важная мысль. Что-то существенное они упустили, когда, скинув трупы бандитов в пропасть, двинулись дальше. Что-то важное.

Тут его осенило...

— Мужики! — он даже остановился от того, насколько

важным и очевидным было то, что он понял. — Вы эта... ко-соглазых помните?

Арцеулов перевел вопрос. Между тем Степан продолжал:

— Коней у них не было. Так? И даже этих... ну, яков. Как же они туда попали? Не в снегу же ночевали?

Капитан быстро переводил. Тэд сразу стал серьезным.

— Я шел по другой тропе, чем вы, ребята, но ни одного такого там не было. Значит, они пришли с другой стороны!

— Во! — кивнул Степа, выслушав перевод. — Мы таких тоже не видели. Значит, кубло у них впереди — больше нигде. И близко, иначе они пешком бы не ходили. А мы топаем себе.

Наступило молчание, после чего Арцеулов покачал головой, негромко заметив: «Кретин!» Затем пояснил:

— Это я кретин, господа. Для кадрового офицера не сообразить такое «дважды два» — позор. Косухин, передаю вам командование и перевожусь обратно в юнкера.

— Брось, Ростислав, — соизволил смилостивиться Косухин. — Это мы по горячке. Я тоже хорош, когда только понял! Но чего делать-то?

Тэд, слушавший разговор очень внимательно, похоже, что-то понял и достал из вещевого мешка свернутую карту.

— Вот это дело! — обрадовался Степа. — Давай, капитан, рули!

Они прошли к ближайшему углублению в скале, где можно было расположиться поудобнее, и развернули карту.

Косухин, честно говоря, мало что понял, зато Арцеулов буквально впился глазами в бумажный лист. Наконец-то можно не бродить с завязанными глазами!

Карта была Ростиславу незнакома. Если бы не надпись, он бы едва ли сообразил, что это Тибет. Ни одного известного Арцеулову объекта на ней не оказалось. Впрочем, Тэд тут же показал тропу, по которой они шли, и речку, вьющуюся рядом. Впереди, не так уж и далеко, была обозначена долина, где стоял нарисованный от руки крестик.

— Шекар-Гомп, — пояснил Валюженич.

Он добавил, что карта составлена лет пятнадцать назад английской военно-топографической экспедицией.

— Худо дело, — заметил через некоторое время Арцеулов. — Другой дороги-то нет. Степан, смотрите...

Он показал тропу, речку и монастырь впереди. Степа

покрутил головой, разглядывая нависавшие над ними скалы и пропасть по другую сторону тропы, и почесал затылок:

— Вот, чердынь-калуга! И вправду. А пост-то где-то рядом. Пора ему уже быть...

Валюженич переспросил капитана, а затем заметил:

— Я не военный, ребята, но думаю, пора где-нибудь спрятаться и подождать до темноты.

Капитан был того же мнения, но Степа посчитал нужным прежде как следует разведать местность. Решили все же двинуться вперед в поисках подходящего убежища. Теперь шли осторожно, всматриваясь в каждый поворот тропы. Тэд первым заметил удобную площадку, на которую вполне можно было забраться снизу. Первым влез Степа, подав американцу ствол карабина, но тот, гибкий, словно кошка, взлетел наверх без посторонней помощи.

— Вас почти не видно, — оценил убежище капитан, оставшийся на тропе. — Степан, я пойду посмотрю, что там. Сидите тихо...

— А чего ты? — по привычке начал Степа, но Ростислав взял карабин на изготовку и зашагал вперед.

— Мистер Арцеулов? — поинтересовался Тэд.

Косухину пришло на ум мудреное словцо:

— Он... это... рекогносцировка!

— Оу, велл! Хи из брэйв бой!

— Ну вот, опять по-своему чешешь! — огорчился Косухин. — Ты лучше, Тэд, расскажи, за какую ты платформу? Ну, за революцию? За коммунизм?

— Оу! — понял Валюженич. — Но, но! Революшен — из крейзи хорс оф прогресс! Эволюшн онли...

— Значит, и ты буржуй, — вздохнул Степа, — капиталист...

— Ка-пи-та-лист... — задумчиво повторил Тэд. — Оу! Рокфеллер, Морган, Херст? Но, но! Но капиталист, Стив! А'м сайнтист. Онли сайнс, йе!

Степа хотел было вернуть обязательное «чего?», но сдержался.

— Значит, ты, Тэд, не за капитализм, а за этот «сайнс»? А чего это?

Валюженич задумался:

— Сайнс. Это есть... Математик, кэмистри, хистори, физик... Сайнс!

— А! — дошло до Косухина. — Наука, значит! Так нау-

ка, друг Тэд, штука тоже классовая! Эх, темнота-интеллигенты, навязались, чердынь-калуга, на мою голову! Ну да ладно... Так ты этот, историк?

— О, йе! Хистори... Бат эспешли акэолоджи...

— А это чего?

— Оу! — Валюженич тут же загорелся. — Пан не разумет по-польски?..

— Да ты чеши, — предложил Косухин. — Авось, чердынь-калуга, соображу.

Тэд кивнул и начал излагать суть мудреной науки «акэолоджи», используя дикий англо-польский суржик, а более всего — язык жестов, который для Степы оказался наиболее доходчивым.

...Между тем Арцеулов быстро шел по тропе, стараясь держаться ближе к левому краю, чтобы успеть прижаться в случае необходимости к скале. Ему до сих пор было стыдно, что он, кадровый офицер, воевавший не первый год, прокололся на такой очевидной ерунде, как расположение вражеского поста. Хорошо еще, что краснопузый вовремя сообразил, а то бы попались теплыми! Ростислав еще раз подумал, что Степа, ежели его умыть и как следует обучить, мог бы стать толковым офицером.

И тут он оборвал себя. Косухин и так был офицером — командиром этой самой «рачьей-собачьей», будь она проклята, Красной армии! Хотя Ростислав всегда старался оценивать врагов по достоинству, все же до недавнего времени «рачья и собачья» оставалась для него сборищем дегенератов под командой хитрого жидка Лейбы Бронштейна. Теперь приходилось менять оценки. Очевидно, таких, как Степа, там немало, раз их, белых, все-таки выкинули за Байкал. И это было обиднее всего. Нормальные русские ребята, с головой и совестью, лупили в хвост и в гриву таких же нормальных! Получалась форменная ерунда.

«Интересно, если бы мне с Косухиным пришлось вести переговоры, договорились бы? — мелькнула уже совершенно безумная мысль. — А почему бы и нет? Договорились бы! Тогда какого же черта?!»

Внезапно Ростиславу вспомнились уже подзабытые разговоры в поезде Верховного и позже — в компании покойного Семирадского. Озверение, децивилизация, потеря человеческого облика, психическое оружие, превращение

нормальных людей в волчью стаю... Не поверишь, конечно, но как тогда объяснить все это? Не классовой же борьбой господина Маркса, будь он проклят!

Арцеулов помотал головой — думать об этом не время. Шестое чувство, редко подводившее на фронте, подсказывало — враг рядом, а значит, надо сбавить ход и шагать как можно тише, прижимаясь к самой скале.

Солдат возник внезапно. Он был в сером полушубке, как и те, которые напали на Валюженича, на плече болтался карабин, только у этого к карабину был примкнут блестящий на неярком январском солнце штык — в полном соответствии с уставом караульной службы.

Солдат стоял прямо посреди тропы. Вернее, тропы там как раз и не было — она оказалась перегороженной невысокой, приблизительно в метр, каменной кладкой. У стены оставался проход как раз для одного человека. Солдат стоял на другой стороне, посматривая в сторону текущей на дне пропасти речки. Именно поэтому он не заметил капитана, что дало Ростиславу возможность отступить на несколько шагов и замереть, сжимая оружие в руках...

Итак, тропу охраняли, и охраняли грамотно. Арцеулов взглянул наверх, на скалу — нет, сюда не забраться, пост не обойти. Слева пропасть, значит, остается в лоб...

Ростислав осторожно шагнул вперед, чтобы рассмотреть заставу.

Солдат был один, но сзади, под прикрытием скалы, должен находиться пост — человека два-три, а то и больше. Днем подойти невозможно. Этого, в сером, легко снять первым же выстрелом, но остальные успеют занять оборону, позвать подмогу. Конечно, можно попытаться ночью...

Арцеулов еще раз, стараясь не шуметь, выглянул, заметив то, что пропустил вначале, — над каменной стенкой был укреплен большой электрический фонарь, провода от которого тянулись куда-то за скалу. Ну конечно! Ночью здесь будет светлее, чем днем, подобраться незамеченными едва ли удастся...

Оставалось одно — атака. За свою фронтовую жизнь капитан брал крепости и посложнее, но этот пост — лишь первый. Бесшумно пробиться не получится, значит, их будут ждать. И тут уж деваться будет некуда...

Ростислав скрипнул зубами, чувствуя собственное бес-
силие.

— Спокойно, паникер! — приказал он сам себе. — Спо-
койно...

И тут же похолодел — чья-то рука коснулась его плеча...

Прикосновение было легким, еле заметным. Мелькнула
мысль, что паршивец Степа решил над ним подшутить, но
это было невозможно хотя бы потому, что Арцеулов непре-
менно услышал бы Степины шаги. Оставалось уповать на
то, что его все же коснулись ладонью, а не приставили к за-
тылку холодный ствол...

Ростислав медленно, не делая резких движений, начал
оборачиваться. Перед глазами мелькнуло что-то желтое.
Он перевел дыхание и тут же увидел человека. Он был дей-
ствительно в желтом — в чем-то, напоминающем плащ или
балахон. Росту невысокого, лицо смуглое, с раскосыми тем-
ными глазами, а непокрытая голова отчего-то бритая.

Человек в желтом смотрел на Ростислава молча, не ми-
гая, затем в уголках тонких бесцветных губ мелькнула
улыбка. Худая костлявая рука сделала приглашающий
жест. Арцеулов, кивнув, шагнул вслед за неизвестным. Он
вдруг понял — этот человек не желает ему зла.

Они отошли на несколько шагов, так, чтобы часовой не
мог их заметить, а затем худая смуглая рука указала вперед,
сделав характерный рубящий жест. Арцеулов вновь кив-
нул — ему показывали, что тропа надежно перекрыта. Затем
рука указала на Арцеулова, и неизвестный поднял вверх
один палец.

Ростислав задумался, сообразил и поднял в ответ три
пальца — его спрашивали, один ли он. Теперь кивнул не-
знакомец, показав назад. Еще не веря в удачу, Арцеулов
знаками пытался пояснить, что им нужно обойти пост, но
человек в желтом балахоне прервал его, вновь показав на
тропу. Капитан минуту подумал, а затем решился и пошел
обратно, на всякий случай не выпуская из рук карабин. Не-
знакомец, словно тень, шел рядом, время от времени бро-
сая на Арцеулова короткие взгляды, словно пытаясь уви-
деть что-то очень важное...

Между тем Косухин и Валюженич совместными уси-
лиями разобрались в сущности мудреной науки «акэолод-
жи». Степа уже знал, что Тэд занимается поисками каких-
то загадочных «артефактов», причем ищет их как на земле,
так и под землей, если надо, — с риском для собственной

головы. Один из «артефактов» Тэд даже продемонстрировал, достав из мешка тщательно завернутую в полотно рукопись на непонятном твердом материале. Косухин осторожно потрогал край манускрипта и долго не мог понять разъяснений Валюженича, пока тот не произнес «Му!», продемонстрировав пару рожек над собственным лбом. До Степы наконец дошло, он внимательно осмотрел пергамент и даже высказал собственное мнение, что это не «Му», а скорее «Бе-е-е».

Тэд как раз прятал рукопись обратно в мешок, когда Степа толкнул его в плечо и схватил карабин. По тропе возвращался Арцеулов, но не один, а с каким-то желтым и бритым...

Капитан сделал успокаивающий жест, но Косухин, сжимая оружие в руках, уже соскользнул с уступа на тропу. Тип в желтом балахоне Степе отчего-то сразу не понравился. Правда, в последний момент Тэд успел произнести свое обычное «Оу!» и добавить «Монк!», однако ясности это не внесло.

— Впереди пост, — сообщил капитан, кивая на тропу. — Днем не пройти. Вот, встретил...

Неизвестный внимательно поглядел на Степу, сложил ладони на груди и быстро поклонился.

— Здрасьте, — сдержанно отреагировал Косухин. — И чего дальше?

Арцеулов хотел пояснить, но тут вниз спустился Тэд, волоча с собой мешки. Он шлепнулся на тропу, вскочил и подошел прямо к незнакомцу. К удивлению остальных, Валюженич тоже сложил ладони на груди, поклонился и заговорил на каком-то непонятном языке. Монах поклонился в ответ, некоторое время внимательно слушал, затем заговорил сам.

Арцеулов и Степа слушали, не понимая, уловив лишь знакомое слово «Шекар-Гомп». Очевидно, речь шла о монастыре.

— Это буддийский монах, — заявил наконец Тэд. — Его зовут Цронцангамбо...

— Как? — поразился Арцеулов.

— Цронцангамбо. Так звали знаменитого тибетского короля, который правил в VII веке и ввел здесь буддизм. Цронцангамбо был монахом в Шекар-Гомпе...

— Мужики! — не выдержал Степа. — Я ж не понимаю ни фига!

Ростислав быстро перевел, правда имени монаха повторить не решился.

— Сейчас монастырь захвачен какими-то разбойниками, — продолжал Валюженич. — Они там что-то делают... я не понял, что именно. В общем, он приглашает нас с собой. У них там какое-то убежище...

— Вот еще! — вскинулся Степа. — А чего это он такой добрый? Чего это он решил помочь?

Тэд перевел вопрос. Монах улыбнулся — одними уголками губ — а затем четко и ясно произнес: «Хан Гэсэр!»

— Оу! — воскликнул Тэд.

Степа и Арцеулов переглянулись.

— Хан Гэсэр! — повторил монах и указал на рог, торчавший за поясом у капитана.

— Ошибся, батя! — покачал головой Степа. — Это нам командир Джор подарил.

Монах, услышав имя Джор, кивнул.

Валюженич переспросил что-то у Арцеулова, тот ответил, затем повернулся к Косухину:

— Монах считает нас посланцами Гэсэр-хана. Помните, Богораз рассказывал...

— Ну... Но это же сказки! А Джор...

— Джор — настоящее имя Гэсэра. Тэд говорит, что «Гэсэр» — титул, вроде «кесаря»...

Для Косухина все это было излишне сложно, но он решил не спорить.

...По тропинке шли вчетвером — монах и Арцеулов впереди, Степа и Тэд — чуть сзади. Валюженич то и дело произносил «Оу!», о чем-то напряженно размышляя. Степа был настороже и даже снял карабин с предохранителя.

До поста оставалось метров сорок, когда Цронцангамбо остановился, жестом дав понять, что они прибыли на место. Арцеулов удивленно осмотрелся — сзади шумела речка, а впереди — неприступная скала. Монах вновь улыбнулся, затем положил ладонь на небольшую выемку в каменном утесе. В то же мгновение сквозь камень зазмеилась трещина, и огромный валун без звука отъехал в сторону, открывая низкий темный проход.

— Чердынъ его! — только и смог произнести Косухин. — Ну, дают!

Остальные не могли вымолвить и этого. Брови Тэда по-

ползли вверх, и он чуть слышно присвистнул. Арцеулов лишь вздохнул.

Монах полюбовался произведенным эффектом, а затем указал на вход.

— Ну что, красный командир, — усмехнулся капитан, — рискнем?

— А чего? — Степе не хотелось показать себя трусом. — А с удовольствием! Как, Тэд?

Валуженич подмигнул Степе, показал большой палец и первым шагнул через высокий каменный порог. Монах подождал, покуда все войдут, затем достал из-за камней старинную масляную лампу, зажег ее, после чего вновь прикоснулся к каменной двери. Огромная глыба бесшумно закрыла проход. Все четверо оказались в узком каменном туннеле, освещаемом неярким светом горящего масла...

Сначала шли по ступенькам — Арцеулов насчитал их двенадцать, а затем туннель пошел ровно, понемногу расширяясь. Стало заметно теплее. Из глубин горы шел поток теплого воздуха. Косухин уже не удивлялся балахону монаха — здесь и вправду можно ходить без полушубка.

— Оу! — внезапно произнес Тэд, останавливаясь и глядя куда-то в сторону.

Все остановились. Цронцангамбо что-то негромко произнес и поднес лампу поближе. Тут уж и Степа не смог удержать удивленного возгласа, а Ростислав выдохнул воздух и быстро перекрестился.

В каменной стене зияла ниша. Небольшая — не выше полутора метров, и неглубокая. Ничего необычного в этом каменном углублении не было, если бы не то, что находилось в нем.

Там был человек. Неяркий свет лампы позволял увидеть лишь лицо с закрытыми глазами — лицо старика, покрытое множеством морщин. Человек сидел, сложив руки на груди, на нем не было ничего, кроме небольшой набедренной повязки. Монах поднес лампу поближе. Свет упал на худое изможденное тело с выпиравшими сквозь коричневую пергаментную кожу ребрами...

— Мумия? — то ли спросил, то ли просто констатировал Арцеулов.

Тэд спросил у монаха, тот что-то веско и почти торжественно произнес, поднеся свободную левую руку ко лбу.

— Я не понял, ребята, — растерянным тоном заметил

Валюженич. — В общем, это их бывший настоятель. Но он не мертвый...

Ростислав быстро перевел, после чего Степа потребовал уточнения.

— Он не мертвый, — подтвердил Тэд. — Он вроде как ждет и будет ждать еще пятьдесят лет. Это не мумия, кладбище находится в самом монастыре...

Монах некоторое время подождал, затем кивнул и пошел дальше. Через некоторое время свет лампы упал еще на одну нишу, откуда смотрело такое же морщинистое лицо с закрытыми глазами.

— Фу ты! — Степу передернуло, он повернулся к Арцеулову. — Слышь, спроси Тэда. Он ведь этот... акэолоджи.

Арцеулов перевел вопрос. Валюженич задумался, затем стал что-то говорить. Ростислав переводил:

— Тэд говорит, что в Индии есть мудрецы-факиры, которые могут несколько лет быть в трансе. Ну, в общем, как мертвые. А потом их можно разбудить. Правда, они могут так пробыть лишь год-два...

— Факиры! — Косухина это не убедило. Он встречал факиров лишь в цирке. Но цирк — это одно, а иссохшие тела в нишах — совсем другое...

Через несколько минут они увидели впереди неяркий свет. Вскоре под ногами вновь оказались ступеньки, но вели они уже не вверх, а вниз.

Открылся небольшой зал, скупо освещенный несколькими масляными лампами. Он был непонятной формы, полукруглый ближе к входу и переходящий в правильный квадрат в противоположном конце. В самом углу, освещенный маленькими лампадками, сидел тихо улыбающийся Будда странного темно-желтого цвета. Больше никаких изображений не было, за исключением небольшого барельефа на одной из стен, почти незаметного в полумраке. В зал вели три входа — один, по которому провели гостей, и два — по бокам.

При виде Будды Тэд произнес негромкое «Оу!» и кивнул Арцеулову, приглашая его оценить увиденное. Ростислав вначале не понял, но внимательный Косухин отреагировал тут же:

— Чердынь-калуга! Да ведь он золотой!

Арцеулов прикинул, сколько может стоить этот бурхан в его мире, и грустно улыбнулся. Сейчас эти пуды золота были совершенно ни к чему.

Цронцангамбо провел гостей к центру зала и усадил на небольшое возвышение. Здесь было тепло. Все сняли шапки, а Степа поспешил расстегнуть свою лохматую шубу. Монах поглядел на гостей, кивнул и удалился.

Несколько секунд все молчали, затем Степа, шумно вздохнув, достал пачку папирос.

— Спрячьте, — посоветовал Арцеулов. — Мы вроде как в храме.

Степа не стал спорить, но папиросы не спрятал, а положил рядом.

— Интересно, ребята, — заговорил Валуженич, как следует осмотревшись. — Это, очевидно, тайное монастырское убежище. Я уже бывал в таких. Здесь обычно прячут сокровища, реликвии, иногда мумии. Впрочем, тех, в нишах, вы уже видели.

— Слышь, Тэд, — поинтересовался Косухин, когда Ростислав перевел слова американца, — а по-какому ты с ним говоришь?

— Это бхоты, — пояснил Тэд. — Их еще называют «боты», но «бхоты» — правильнее. Я как раз изучал их наречие перед отъездом. Акцент у меня, конечно, дикий, но, в общем, мы друг друга понимаем...

— А бхоты — они, вообще, кто?

— Оу! Маленький народ или даже племя, живут в западном Тибете, в общем, ничем не знамениты. Насколько я знаю, Шекар-Гомп — их единственный известный монастырь. Построили его, по-моему, еще в VII веке.

— Двенадцать веков! Чердын-калуга!

Послышался легкий шорох. В зал входили четверо монахов, похожих на Цронцангамбо, только трое были постарше, а один — очень молодой, почти мальчик. Сам Цронцангамбо вошел последним, неся большой фонарь, горевший розоватым светом.

Гости встали. Монахи поклонились все тем же — сложенными на груди руками — поклоном, после чего Цронцангамбо жестом пригласил всех встать. Наступила тишина.

— Эта... здарсьте, — не выдержал Косухин. — От имени трудового пролетариата России приветствую тибетских товарищей!

Получилось неплохо. Правда, кисло улыбнувшийся Арцеулов и не подумал перевести это витиеватое приветствие, но монахи вежливо кивнули. Один из них — самый

старший — взглянул на Степу очень внимательно, и взгляд его стал на мгновение решительным и жестким.

«А ведь понимает, — сообразил Степа. — Надо его запомнить, чердынь!..»

Заговорил Тэд. Он произнес несколько вежливых слов, похоже, просто поздоровался, затем, указывая на каждого, назвал имена гостей и, судя по слову «Раша», попытался объяснить, кто они и как сюда попали. О себе он сказал совсем коротко, зато достал из вещмешка большой документ с многочисленными печатями и показал монахам. Очевидно, это были его верительные грамоты.

Документ изучали долго, впятером, после чего вернули его Тэду. Вновь наступила пауза, затем слово взял Цронцангамбо. Он говорил медленно, чуть нараспев, делая долгие перерывы, чтобы Тэд успел перевести Арцеулову, а тот — пересказать Степе.

— Я приветствую наших гостей. Приветствую ученого брата из далекой Америки, обратившего свои познания на изучение самого важного в мире — сокровищ учения Будды. Приветствую вас, братья из России. Мы чтим Будду Христа, просветившегося сотни лет назад в этих краях...

Он промолчал, а затем продолжил:

— В Шекар-Гомпе всегда были рады гостям. К сожалению, вы пришли в тяжелый час. Нашего монастыря больше нет. Мы — пятеро — последние монахи Шекар-Гомпа, а я, недостойный брат Цронцангамбо, — его последний настоятель...

...Много веков назад Царь Света Кунтузампо победил злую ведьму Бранг Сринмо и низверг ее на землю. Ее застывшее тело, окаменев, стало тем, что теперь называют Тибет. Люди забыли об этом, а между тем злая ведьма еще жива. Под каменной кожей струится голубая кровь, а в нескольких местах, где стрелы Кунтузампо пробили кожу насквозь, эта кровь кипит и испаряется, уходя потоком голубого света в небеса...

Тэд переводил холодно, бесстрастно, его глаза превратились в щелки, а рука с карандашом делала быстрые стенографические записи в блокноте. Арцеулов старался передавать речь монаха как можно более поэтично, но его труды пропадали зря — с самого начала Косухин стал еле заметно кривиться. Только положение гостя могло заставить его слушать эту явную поповщину. Степа хотел было сказать капитану, чтоб тот не тратил силы на перевод, но

решил погодить, надеясь, что настоятель перейдет от сказок к чему-то более современному.

— ...Возле одной из ран в теле Бранг Сринмо и был построен Шекар-Гомп — Страж Раны. Здесь хранился Запретный Талисман, оставшийся после боя Кунтузампо со слугами ада — нараками...

— Оу! — не выдержал Тэд. — Талисман?

Монах еле заметно улыбнулся:

— Ни я, ни мои предшественники никогда не видели Запретный Талисман. Он замурован в подземелье, и над ним произнесены девять заклятий. Правда, по преданиям, — это спекшаяся кровь царя ада Ямы, называемого также Шинджа. Если кровь ведьмы — голубая, то кровь Ямы — темно-красная, почти черная. Она запекалась в виде большого камня, похожего на тот, который в вашем мире именуется «рубин».

— Ого! — не выдержал Степа, мельком взглянув на золотого Будду в конце зала. — А большой этот... талисман?

Валоженич перевел. Монах поглядел на Косухина и улыбнулся, как будто разговаривая с ребенком:

— Большой. В древности те, кто его видел, называли этот камень «Голова Слона».

Косухин пару раз видел слонов в разъездных цирках, поэтому сразу же оценил сказанное...

— Сотни лет мы жили мирно, храня то, что нам было завещано еще отцом Падмасмбхатвой, который повелел основать Шекар-Гомп. Беда случилась недавно...

Тэд внезапно замолчал, став что-то черкать в блокноте, а затем, попросив монаха подождать, обратился к Арцеулову:

— Я что-то не понимаю, Ростислав. Он использует какие-то архаические термины. Кто-то на них напал...

— Давайте задавать вопросы, — предложил капитан. — Спросите: на них напали солдаты в серых полушубках?

Монах выслушал перевод и покачал головой.

— Странно, — заметил Тэд. — Если я правильно понял, он говорит, что на них напал сам Бог Яма, хозяин здешней преисподней, он же Шинджа, он же Чойгел. Это страшное чудовище, сидит в окружении жутких демонов, вокруг пляшут скелеты...

— А они его видели? — поинтересовался материалист Косухин. — Чтобы с этими... демонами?

— Говорит, что видели. Что иначе никто бы не решился

ворваться в монастырь — даже здешние бандиты чтят его и обходят стороной...

— Ладно, господа, — вмешался Арцеулов, — давайте все же выслушаем. Итак, на них напал этот Яма...

— Яма что-то сделал с Запретным Талисманом. Я не могу понять... Вроде бы он набрался сил от раны в теле этой ведьмы...

— Ты про серых спроси, — не выдержал Косухин, — которые с карабинами...

— Потом Яма позвал своих нараков — демонов в черном — и поставил их охранять Запретный Талисман. С его помощью он оживил... нет, тут какое-то другое слово... в общем, призвал мертвецов-варда и каких-то Потерявших Разум... Ребята, я не все понимаю, тут такая сложная терминология...

— Так, — Арцеулов остановил жестом Степу, который собирался вставить очередную реплику. — Эти, Потерявшие Разум, — люди?

— Да, это люди. Насколько я понял, это как раз те, в серых полушубках. Большая их часть — бывшие местные разбойники, которых Яма лишил разума с помощью этого рубина. Он их одел в серые полушубки и поставил охранять монастырь снаружи...

— Ага, внешняя охрана, — удовлетворенно заметил Косухин. — Теперь понятно — ненормальные в сером. А внутри?

— Внутри эти нарака. Они в черном. Нарака прибыли издалека, и некоторые похожи... я правда, не уверен... на европейцев. У них есть общий знак — колесо солнца, но перевернутое наоборот...

Цронцангамбо кивнул молодому монаху. Тот достал из складок желтого одеяния что-то небольшое, показавшееся Степе и Арцеулову очень знакомым. Приглядевшись, они переглянулись — на худой ладони монаха лежал знак голубой свастики.

— Это они носят на шапках, — подтвердил Тэд. — Ну а варда, насколько я понял, нечто вроде рабов. Они там что-то строят. Все, ребята, я отключаюсь...

— Спасибо, Тэд, — кивнул Арцеулов. — Поблагодарите хозяев за приют и скажите, что мы постараемся попасть в Шекар-Гомп и узнать, что к чему.

— Они так и поняли. Ребята, они считают нас посланца-

ми Гэсэра и думают, что он прислал нас по их просьбе. Вон там... на стене...

Он что-то сказал монахам. Один из них взял фонарь и поднес к барельефу, до этого почти незаметному в темноте. Колеблющийся свет сделал изображение почти живым — всадник на огромном, остановленном на скаку коне натягивал лук, целясь в невидимого врага...

Монахи встали, один из них кивнул гостям, приглашая с собой. Их провели коридором, где за деревянной дверью находилась небольшая комната с тремя деревянными низкими ложами, покрытыми мягкими шерстяными одеялами. На стене горели лампы, в углу стоял большой глиняный сосуд с водой.

— Сейчас нам принесут поесть, — сообщил Тэд. — В общем, отдохнем...

Обед оказался весьма скуден — небольшое блюдо вареного риса и странный, темный чай, пахнущий неведомыми травами. Как только монахи удалились, Валуженич достал из вещевого мешка пару банок консервов, и настроение у всех тут же поднялось. Глоток спирта его еще более улучшил, а после обеда Степа и капитан не выдержали и закурили.

— Ну и язык у попа! — вымолвил Степа, с удовольствием затягиваясь и пытаясь пустить дым кольцом. — Нет чтобы, чердынь-калута, все ясно обсказать — кто напал, сколько их. Тоже мне, демоны!..

— Он говорит тем языком, каким привык, — пожал плечами Ростислав. — Но свастикку вы видели?

— Видел. Вот зараза! Неужели и здесь эти...

— Бессмертные Красные герои? Знаете, не удивлюсь. Ведь почему-то сюда прислали именно нас...

— Вот... Цо паны мовят? — вмешался Валуженич, внимательно слушавший их разговор. — Ай дон'т... Не разумею... В общем, материал для статьи по бхотскому фольклору я уже собрал, а теперь, ребята, может быть, поговорим откровенно?

— В каком смысле? — поинтересовался Арцеулов, сразу же став серьезным.

— В самом прямом, парни! Прежде всего, давайте договоримся: мы сейчас в одной команде, так?

— Ясное дело, — согласился Степа.

— То пан згоден... Добже... Если мы в одной команде, то давайте не будем прятать карт. Неужели вы думаете, парни,

я не понял, кто из вас максималист, то есть большевик, а кто белый? Я, конечно, читаю газеты не каждый день, но все-таки...

Арцеулов и Степа переглянулись — крыть было нечем.

— Вы оба только что из России. Возможно, вы и в самом деле были на каком-то объекте в Западном Китае — не спорю. Но как и, главное, зачем вы попали сюда? Что вам нужно в Шекар-Гомпе? Я задал не слишком много вопросов?

— Да нет, в самый раз, — вздохнул Степа. — Ростислав, ну чего нам ему рассказать?

Арцеулов промолчал. Конечно, они были с Валюженичем «в одной команде», но как рассказать американскому парню то, что привело их сюда?

— Тогда еще пара вопросов, — продолжал Валюженич. — Вернее, один, но большой. Каким образом двое русских парней — один большевик, а другой — монархист — стали посланцами Гэсэр-хана?

— Вы не преувеличиваете? — усмехнулся Арцеулов.

— Оу! Возможно. Сделаем скидку на мифологическое сознание здешних монахов. Только, ребята, у меня тоже есть глаза.

И Тэд указал на рог, подаренный Джором, который Арцеулов, сняв полушубок, положил рядом с карабином.

— Это эвэр-буре, монгольский рожок, который принадлежал Гэсэру, или, по крайней мере, его точная копия. Изображения этого рога известны уже сотни лет, но место хранения до сих пор не было найдено. По легенде, он был похоронен вместе с Гэсэром или попал — тоже вместе с ним — на небо. Говорили, что если потрубить в него, Гэсэр тут же придет на помощь или пришлет своих слуг...

— Ладно, — кивнул Арцеулов. — Правда, не уверен, что это будет понятнее, чем история про владыку ада Яму. В общем, начнем с конца. Мы хотим попасть в Шекар-Гомп, чтобы выручить нашу общую знакомую, Наталью Федоровну Берг...

Слушая голос капитана, рассказывающего по-английски Тэду их странную историю, Степа прикинул, что будь он на месте Валюженича, то едва ли поверил и половине. И тут же вспомнил, что сам посчитал рассказ монаха сказкой...

...Выслушав Арцеулова, Тэд даже не произнес свое

обычное «Оу!». Американец был серьезен, с лица исчезла улыбка, он словно стал на много лет старше.

— Самое странное, что я верю вам, Ростислав, — заметил он чуть погодя. — И не только потому, что совпадают некоторые мелочи. Например, я слышал о господине Семирадском. В молодости он действительно всерьез занимался этнографией. Но это не главное...

— Вы считаете, что такое не выдумаете? — усмехнулся капитан.

— В некотором роде... Но рог Гэсэра! Это поразительно. Вы хоть представляете, сколько он будет стоить на аукционе?

— И представлять не собираюсь, — пожал плечами Арцеулов. — Мне дал его Джор, значит, я должен буду вернуть его. Может, этот Джор — потомок Гэсэра?

— Оу! — заинтересовался Тэд. — Вполне логично!..

Рассказывая об их с Косухиным приключениях, Арцеулов все же постарался описать путешествие в отряде Джор как можно более естественно. Теперь, когда прошло несколько дней, он и сам уже не очень верил в летящих всадников...

В комнате неслышно появился один из монахов, держа в руке небольшое блюдо, уставленное глиняными чашечками и коробочками. Поклонившись, он подошел к капитану и легко коснулся повязки.

— О, медсин! — понял Валюженич.

Монах промыл рану, смазав ее какими-то душистыми мазями, и осторожно перевязал тонким полотном. Ростислав почувствовал, как боль исчезает, словно растворяясь и оставляя после себя лишь легкое жжение.

Прошло два часа. Степа уже успел вздремнуть, проснуться и даже соскучиться. Ему было неудобно в четырех стенах без окон, к тому же не хотелось терять времени.

— Тэд, кликните там кого-нибудь! — предложил он. — Пора и делом, чердынь-калуга, заняться...

— Вот? Цо? — сосредоточился Валюженич. — Оу, ю а райт! Мистер Арцеулов?

— Да, — кивнул капитан, преодолевая естественное

желание просто лечь и проспять часов десять подряд. — Надо взглянуть на монастырь...

На зов явился сам Цронцангамбо. Выслушав Валюженича, он, молча кивнув, жестом пригласил всех следовать за ним.

Они прошли темным коридором, свернув куда-то в сторону. Коридор перешел в лестницу, каменные ступени которой вели вниз. Было темно, но фонарь, который нес монах, позволял найти дорогу. Лестница кончилась, они оказались на небольшой площадке.

Цронцангамбо подошел к стене и не спеша снял большой щит темного металла, висевший посередине. Сразу стало светло — лучи закатного солнца проникли через четырехугольное окно, выходящее наружу. Оно было закрыто не стеклом, а чем-то другим, похожим на цельный кристалл хрусталя, только очень прозрачного, почти не искажавшего перспективу.

— Шекар-Гомп, — негромко произнес монах.

Прямо за окном начинался склон, который вел в огромную котловину с пологими краями. Слева от него находилась небольшая равнина, скорее просто площадка, ровная, словно созданная человеческими руками. Прямо на высокой, с чуть покатою вершиной горе стояли несколько квадратных домиков, окруженных высокой стеной. Рядом возвышались две серые башни, высокие, но кажущиеся издалека не больше спички. Справа, в некотором отдалении, стояло еще несколько домов.

Но не это бросалось в глаза. Небольшие строения Шекар-Гомпа терялись на фоне того, что происходило в котловине. Левая часть горы попросту исчезла, словно срезанная сверху донизу, и теперь там чернел огромный провал, ведущий, казалось, в самые недра. Рядом скучились десятки странных механизмов, похожих на портовые краны, только значительно больше и мощнее. Внутри черного отверстия можно было заметить металлические фермы и толстые трубы, уходящие с поверхности в глубину. Место строительства ограждал высокий забор из металлических секций. По углам торчали вышки, на которых чернели прожектора.

Левее, на выровненной то ли природой, то ли руками человека площадке стояли несколько одинаковых одноэтажных построек, длинных и ровных, между которыми были

оставлены широкие проходы. Это место было также огорожено, на углах стояли вышки с такими же черными прожекторами.

Сзади, за монастырем, тоже что-то сооружалось, были видны три невысокие трубы над белым многоэтажным зданием, верхние этажи которого только строились.

Справа, за группой небольших домиков, стоявших за монастырской оградой, можно было заметить еще одну ровную площадку, аккуратно очищенную от снега. За нею тянулись серые, похожие на ангары сооружения.

Всюду были люди. Они не суетились в беспорядке, а двигались, словно муравьи в муравейнике, где давно и прочно отлажен порядок. От ворот, за которыми стояли продолговатые дома-бараки, к стройке тянулась огромная колонна, по бокам которой шагали несколько человек в одежде иного — темного — цвета. Возле входа в монастырь, у ворот и рядом, у входа в домики, стояли группы людей, тоже в темном, надежно прикрывая вершину горы. Отряд таких же людей в темном двигался из ворот монастыря куда-то вправо, в сторону дороги. В воздухе промелькнула легкая тень, затем над площадкой блеснул серебристый цвет обшивки, и через несколько секунд небольшой моноплан уже катился по взлетной полосе...

Над монастырскими крышами и над домиками, стоявшими правее, торчали изогнутые металлические конструкции, а над всем этим ровно и неподвижно, застыв в холодном зимнем воздухе, висел серебристый азростат с номером «3» на боку...

Косухин хотел было произнести «чердынь-калуга», но сдержался. Любимое словечко явно не соответствовало тому, что пришлось увидеть. Арцеулов смотрел, не отрываясь, лицо его становилось все более мрачным. Первым заговорил Тэд:

— Ребята, скажу сразу, это не мой профиль. Я шел сюда искать древние рукописи и записывать легенды. Зато теперь я понял, что здесь ищите вы...

— Сила, — констатировал, наконец, Степа, найдя подходящее слово. — Что же это такое? Ростислав, чего молчать, это же по твоей части.

— Не совсем, — негромко ответил капитан, не отрывая взгляда от окна. — Мне это больше напоминает Челкель. Сюда бы господина Богораза...

Вновь наступило молчание. Тэд, достав свой блокнот,

начал набрасывать план того, что открывалось из окна. Монах стоял в стороне, лицо его было бесстрастно, глаза, не мигая, смотрели на монастырь.

— В общем, так, — решил Арцеулов. — До захода солнца время еще есть. Будем наблюдать. Тэд, спросите его — это окно можно заметить снаружи?

Валюженич перевел вопрос. Цронцангамбо улыбнулся и покачал головой, после чего, поклонившись, неслышно скрылся в темноте.

Вначале наблюдали молча. Затем, когда в долине уже начало темнеть, Арцеулов расправил затекшие плечи, медленно прошелся мимо окна и повернулся к Степе:

— Ну что, господин красный командир, обменяемся впечатлениями?

— Пуцай Тэд вначале скажет, — усмехнулся Косухин. — У него глаз, как я погляжу, острый...

Валюженич, когда капитан перевел ему Степины слова, пожал плечами:

— Ребята, это действительно не по моему профилю. Не буду делать великое открытие, что здесь идет какая-то стройка, причем на самом современном уровне. О'кей, теперь будет, что сказать тем, кто считает Тибет задворками цивилизации.

— Ну, а все-таки, — настаивал капитан.

— Ну... — Валюженич на миг задумался. — Основное строительство ведется внутри горы. Кстати, такие механизмы я видел у нас, в Калифорнии. Насколько я помню, такие подъемные краны могут поднять несколько десятков тонн... Там, внутри, под монастырем, что-то монтируют, очевидно, очень крупное. Строители живут слева, в бараках, их неплохо охраняют. Справа, на горе, аэродром. Над крышами — очень мощные радиоантенны...

— А говорите, не по профилю, — усмехнулся Арцеулов. — Могу лишь добавить, что сзади, судя по всему, строится энергетическая станция, только не пойму, на каком виде топлива. Ангары у аэродрома очень крупные, так что там могут быть эллинги для дирижаблей... Я ничего не упустил, Степан?

— Да чего? — чуть пожал плечами Косухин. — Все верно. Охраняют те, которые в черном. Как там их — демоны, что ли?

— Нараки.

— Во-во. Видно плохо, но, похоже, у них такие же семизарядки, как и у тех в сером. А вот серых я не заметил, они, кажись, только во внешнем кольце, сюда их не пускают. Квартируют черные в монастыре, а справа, в домиках, живет какое-то начальство. На вышках пулеметы, у входа в монастырь — тоже. Пулеметы наши — «максимы»...

— «Максим» — английский пулемет, Степан, — поправил Арцеулов. — Ну что ж, на обитель бога Ямы не очень похоже, а вот на какой-то сверхсекретный военный объект — очень даже...

— О'кей, — кивнул Тэд. — Только кому он здесь понадобился?

— Голубым свастикам. Степан, вы там красного флага не разглядели?

— Не было там флага! — обиделся Степа. — И свастика — еще не примета.

— Вот как? — уронил капитан.

Лично он не сомневался. Те, кого представлял Венцлав, похоже, обосновались и здесь, на глухой окраине Тибета.

Степа тоже понимал, что голубые свастики — не случайное совпадение, но признавать это уж больно не хотелось. Вдруг Шекар-Гомп — тайная революционная база на Тибете, создаваемая для нужд Мировой Революции. Выходит, он приведет сюда беляка и раскроет, может, самый главный пролетарский секрет?

— А ну его! — буркнул Косухин, настроение которого заметно испортилось. — Пошли отсюда!..

Арцеулов внимательно посмотрел на Степана, но спорить не стал. Тэд тоже согласился, критически взглянул на составленный им план и захлопнул блокнот. Словно услышав их мысли, из темноты появился один из монахов, неся в руке фонарь, и, поклонившись, закрыл окно бронзовым щитом.

...Им принесли ужин. Ели молча, думая каждый о своем. Арцеулов размышлял о том, что господа большевички не так примитивны, как казалось. Похоже, Шекар-Гомп — нечто вроде большевистского аналога Челкея. Правда, на полигон для эфирных кораблей он никак не походил, но в том, что тут готовили что-то крупное и связанное с наукой, сомнений не было. Недаром им понадобилась Наташа Берг!

О царе ада Яме Ростислав всерьез не задумывался, лишь отметив, что для охраны Шекар-Гомпа наверняка используют тех же странных типов, которые атаковали дом на Трегубовской, возможно, из того же 305-го полка.

Капитан решил отложить все проблемы на завтра и, опустившись на деревянное ложе, почти мгновенно погрузился в глубокий сон без сновидений...

Как только дыхание капитана стало ровным и спокойным, Степа открыл глаза. Он бросил беглый взгляд на слабо освещенную масляной лампой комнату — Ростислав и Тэд спали. Косухин тихо, словно кошка, встал, оделся и взял стоявший в углу карабин. Впрочем, немного подумав, он оставил оружие, ограничившись тем, что сунул за пояс нож.

Степа неслышно пробрался к двери, но затем остановился. Уходить, не попрощавшись, показалось все же невежливым. Взгляд упал на лежавший у постели Тэда блокнот, из которого торчал карандаш. Косухин минуту подумал, а затем написал на пустой коробке из-под папирос:

«Ростислав Александрович!

Жди меня до завтра вечера. Не вернусь — лучше уходи, сам не суйся. Ежели чего — то кланяйся от меня брату, Косухин».

Получилось вполне убедительно. Степа положил коробку перед кроватью капитана и вышел, тихо прикрыв дверь.

Вначале Косухин и не думал действовать в одиночку. Ему нравились слова Валюженича о «команде», к тому же он понимал, что трое смогут куда больше, чем один. Но пара часов, проведенных у окна, заставили его решиться.

Степа сообразил, что караульная служба здесь поставлена неплохо. Пробраться незамеченными, да еще втроем, скорее всего, невозможно. Значит, идти надо одному — и не тайно. В запасе у Косухина были опыт, реакция, изрядная наглость — и удостоверение представителя Сиббюро, лежавшее в нагрудном кармане рубашки.

Степа решил рискнуть. Дорогу в помещение с окном он запомнил хорошо, и через несколько минут был уже там.

В комнате было абсолютно темно и тихо. Но, прислушавшись, Косухин заметил, что из угла доносится чье-то тихое дыхание. Он замер.

— Эй! Кто тут?

Вспыхнул огонь, осветивший старое, покрытое глибо-

кими морщинами лицо. Косухин обрадовался, узнав монаха, который, как показалось, отреагировал на русскую речь.

— Эй, батя! — позвал Степан. — Ты, эта... поговорим...

Монах зажег фонарь, который держал под рукой, и не спеша подошел ближе. Лицо его было бесстрастно и спокойно, но темные раскосые глаза смотрели с любопытством и, казалось, с одобрением.

— По-русски понимаешь, батя?

Монах кивнул.

— А говорить можешь?

Старый монах, показав рукой куда-то вверх, сделал жест, словно запечатывая себе уста.

— Ну ладно, — нетерпеливо зашептал Косухин. — Понимаешь — и хорошо... Мне... эта... надо отсюда выйти. Тут выход есть?

Монах снова кивнул, затем опять указал рукой вверх.

— Да нет, я не с Луны, — не понял Косухин. — Мне в Шекар-Гомп надо.

Взгляд монаха стал холодным и жестким, он поклонился Степе, затем достал из-под одежды что-то небольшое, сверкнувшее в тусклом свете фонаря старым серебром.

Это был небольшой нож, вернее, стилет из литого серебра. Он показался Косухину необыкновенно тяжелым. Подумалось, что под серебряной поверхностью находится что-то иное — свинец, а то и ртуть.

— Ну, ладно, — снисходительно улыбнулся Степа. — Это, значит, против нечистой силы?

Дождавшись очередного кивка, он спрятал стилет в левый унт. Оружие было скорее забавным, чем грозным, но Косухин решил не отказываться от подарка. Между тем монах подошел к стене и нажал на что-то, скрытое под ее поверхностью. Зазмеилась трещина, камень начал отъезжать в сторону. Пахнуло холодом. Косухин поежился и вышел наружу. Здесь была темень — скала бросала густую тень, но совсем близко, всего в нескольких десятках метров, снег блестел: Шекар-Гомп включил свои прожектора, заливавшие окрестности мертвенно-белым светом.

Монах тоже вышел наружу, не обращая внимания на мороз и снежинки, падавшие на его бритую голову. Он смотрел на Степу, а затем показал ему какую-то точку в скале, рядом со входом. Косухин сообразил, что это место включения механизма, который сдвигает камень с места.

— Ну, в общем, пошел я... — нерешительно произнес он.

Монах поднял руку в благословляющем жесте, затем вновь показал вверх, в холодное темное небо.

— Не-а, — невесело усмехнулся Степа. — Не оттуда я. И ходу мне туда, по вашим, по поповским законам, нету, потому как убеждений я марксистских...

Но старый монах вновь упрямо показал на небо, затем его рука повелительным жестом метнулась к Шекар-Гомпу, и в глазах полыхнул гнев...

...Дверь закрылась, и Степа остался один под мелким бесшумно падавшим снегом. Надо было идти. Косухин засунул руки в карманы и быстро зашагал к монастырю.

ГЛАВА 5

Шекар-Гомп

Днем Шекар-Гомп не произвел на Косухина особого впечатления. Конечно, он оценил масштаб того, что разворачивалось в котловине возле монастыря. Чувствовалась огромная мощь человеческой техники, вгрызавшейся в недра горы. Но, в общем, все это было не бог весть как интересно по сравнению с Челкелем. Не хватало серебристой стрелы «Мономаха», которая сразу придавала происходящему особый смысл. Шекар-Гомп прятал свои тайны глубоко под землей. Степа чувствовал нечто вроде любопытства — и не более.

Но теперь, ночью, он понял, что ошибся. Лучи мощных прожекторов заливали окрестности, не оставляя ни единой тени. Четче, чем при неярком свете зимнего дня, вырисовывались ровные ряды бараков, неспешно двигавшиеся возле взрезанной тверди горы гигантские подъемные краны, ровные трубы чего-то неведомого, сооружавшегося за монастырем. Сам Шекар-Гомп и вершина холма тонули во тьме, словно огромное черное пятно посреди ослепительного, но мертвенно-холодного света. Казалось, лучи прожекторов не в силах прорвать завесу тьмы, сгустившейся на вершине и затопившей серые домики за высокой оградой. Со стороны горы доносился ровный тихий гул, показавшийся Степе мрачным и даже зловещим.

Да, теперь Шекар-Гомп смотрелся иначе, Косухин

вспомнил то, что пришло на ум при первом взгляде на монастырь: «Сила!»

Сила, неведомая ему, правила здесь, сила собралась в черный сгусток на вершине, и он, красный командир Степан Косухин, должен идти туда, чтобы выполнить задуманное. Идти в одиночку.

Тень кончилась. Степа шагнул на ярко освещенный прожекторами склон. Стало неуютно, но Косухин заставил себя держаться как можно более ровно, идти неспешно и даже вынул руки из карманов.

В общем, затея была безумная, но не безумнее того, что уже приходилось совершать за последние два года. Степа видел, как без боя сдавались целые города — достаточно кому-то не испугаться и настоять на своем. Он помнил Челкель. В том, что «Мономах» ушел в небо, есть и его, Косухина, заслуга.

Наверное, Ростислав на него обидится. То есть даже не обидится, а посчитает невесть кем, чуть ли не сообщником этих, со свастиками. Это обидно, но Степа считал, что должен быть выше обывательских обид. Силу, угнездившуюся в Шекар-Гомпе, не сокрушить ни вдвоем, ни втроем. Значит, надо было действовать по-другому. Кроме того, странный гость, приходивший к ним ночью, велел именно ему, Косухину, разузнать, что творится здесь. Выходит, как ни кинь, он поступает верно...

Степа прошел уже саженой триста по ровному чистому снегу, но, похоже, никто не обращал на него внимания. Справа темнели огражденные высоким забором бараки. На вышках торчали охранники, но никто из них покуда Степой не заинтересовался. Молчал и монастырь, словно появление незваного гостя было здесь делом обычным и вполне допустимым.

Косухин начал опасаться, что его расчеты ошибочны. А что, если его просто срежут пулеметной очередью с ближайшей вышки? Это показалось настолько реальным, что на миг Косухину стало холодно, но он сцепил зубы и продолжил путь, держа курс прямо на монастырь. Нет, не должны! Он представлял себе тех, кто сейчас — в этом Степа был абсолютно уверен — следит за ним с вышек, почти неразличимых в темноте монастырских стен. Он идет открыто, не прячась, не пытаясь перебраться через ограду. Значит, он должен вызвать по крайней мере любопытство.

К тому же Степа один, а значит, те, кто охранял монастырь, могли его не опасаться.

Издали по-прежнему доносился гул от работающих машин. Можно было уже разобрать, что гул идет со стороны стройки, но не от подъемных кранов — они поднимали свои решетчатые шеи почти бесшумно, — а откуда-то из-под земли, из потревоженных недр. Степе даже показалось, что гудят не моторы, а нечто совсем иное, куда более мощное и невиданное. Впрочем, Косухин не стал предаваться догадкам. Его вдруг поразила еще одна неожиданная мысль. Весь его расчет строился на том, что его должны встретить люди — хорошие, плохие, но люди. А что, если здесь лишь те, кого он уже видел в Иркутске и потом, в тайге? Арцелов называл их оборотнями. Он сам — славными бойцами 305-го полка. Вспомнились страшные неживые глаза, неуклюжие, немного медлительные движения. Перед глазами встало странное неузнаваемое лицо Феди Княжко...

Нет, тут должны быть и другие! Кто-то командует «этими» — подходящее слово никак не приходило на язык. Там, в Иркутске, был товарищ Венцлав, с которым по крайней мере можно говорить, как с человеком. Или почти как с человеком...

Косухин заставлял себя не сбавлять темпа. Все равно сворачивать поздно. Склон горы был совсем рядом. Степа мог уже рассмотреть длинный ряд вырубленных в скале ступеней. Подниматься в Шекар-Гомп предстояло долго, и каждый гость был превосходно виден сверху, со стороны ворот.

Степа начал подумывать, не стоит ли остановиться возле самой лестницы и подождать, как вдруг показалось, что откуда-то донесся порыв ледяного ветра. На миг перехватило дыхание. Сердце сжалось, и в то же мгновение Косухин понял — ветер тут совершенно ни при чем. Из темноты вынырнули серые тени. Секунда — и три огромных пса окружили Степу, молчаливо скалясь и сверкая красноватыми глазами. Косухин замер. Собаки — или волки, понять трудно, — тоже остановились, отрезая путь к отступлению.

— Ну, привет! — выдохнул Степа. — Давно, чердынь-калуга, не виделись...

Он понял — за ним давно следили и не вмешивались потому, что он шел туда, куда его привели бы и так — ко входу в Шекар-Гомп. А вот теперь ему велено подождать.

Люди появились внезапно. Степа не понял откуда — то ли из тени, лежавшей на горе, то ли откуда-то со стороны. Косухин взглянул в лицо первому, кто подошел к нему, и облегченно вздохнул — лицо самое обыкновенное, человеческое, к тому же косоглазое, такое же, как у монахов или тех типов в серых полушубках. У этих были такие же японские винтовки, только полушубки черные, почти как «гусарский» наряд Арцеулова.

«Тоже мне, демоны! — мелькнула успокоительная мысль. — Видать, эти монахи со страху ума лишились...»

Солдаты в черном секунду выждали, затем винтовки дрогнули, через мгновение четыре ствола смотрели Степе в грудь. Так и подмывало поднять руки, но Косухин решил рискнуть.

— Но-но! — спокойно произнес он, расправив плечи. — Старшего, живо!

Он был почти уверен, что его не поймут, но рассчитывал на тон. Стволы винтовок нерешительно заплывали в воздухе, затем один из солдат неуверенно, по слогам произнес:

— Кы-то та-кой?

— Представитель Сиббюро! — хмуро ответил Косухин и медленно, чтобы не испугать охранников, полез в нагрудный карман. Солдаты ждали. Степа достал удостоверение, но показывать его не стал, махнул бумагой в воздухе и повторил:

— Старшего, говорю, давай! Да с переводчиком, если по-русски не понимаете.

«Чердынь-калуга» он произносить не стал. На всякий случай...

Типы в черном нерешительно смотрели на бумагу. Наконец, один из них, вероятно старший, что-то коротко бросил остальным. Винтовки опустились, один из солдат повернулся и быстро зашагал куда-то в сторону, скрывшись в густой тени. Наступило молчание.

Степа стоял спокойно, стараясь незаметно рассмотреть своих охранников. Обыкновенные азиаты, вероятно, такие же бхоты, как и все прочие. Полушубки теплые, сидят ладно, на ногах какие-то странные сапоги с меховыми отворотами, на шапках хорошо знакомый Степе знак. Только сейчас, в мертвенном свете прожекторов, свастики казались не голубыми, а черными...

Косухин хотел уже завязать разговор, как вдруг из тени

вынырнул солдат в черном вместе с кем-то другим, в таком же полушубке, но без винтовки. Косухин взгляделся — лицо у этого человека было русское.

— Предъявите мандат... — голос прозвучал тускло, невыразительно. Казалось, неизвестному совершенно неинтересно, каким это образом человека из России занесло сюда. Он хотел посмотреть документ — и только.

Степа, приняв как можно более независимый вид, протянул бумагу. Тот, кто говорил по-русски, рассматривал ее долго, затем сложил, но не вернул, а сунул в карман:

— Слушаю вас, товарищ Косухин...

— Мне старший нужен, — упрямо проговорил Степа. — Ему и скажу...

— Это сверхсекретный объект, — голос оставался таким же невыразительным, словно мертвым. — Здесь ваши полномочия недействительны.

— А то! — искренне возмутился Косухин. — Ты чего, браток, не знаешь, что такое Сиббюро? Я даже командира дивизии могу снять и вот этой самой рукой порешить! Ежели я тут — значит, надо!

Все это было некоторым преувеличением, но звучало убедительно. Человек, говоривший по-русски, минуту простоял молча, затем бросил:

— Хорошо. Сдайте оружие.

— Держи! — Косухин отдал нож, торчавший за поясом. О стилете, спрятанном в унте, он предпочел умолчать.

Тот, кто говорил с ним, кивнул солдатам, и они принялись обыскивать Степу, правда, без особого пыла и, в общем, неумело. Будь на то Степина воля, он пронес бы не только стилет, но и наган.

— Пошли...

Собаки куда-то исчезли. Солдаты закинули винтовки на плечи и двинулись влево. Степа с достоинством проследовал за ними, стараясь на всякий случай запомнить дорогу.

Они прошли метров двадцать, нырнули в тень, и старший — тот, кто говорил с ним, — резко махнул рукой. Блеснул свет, часть склона отъехала в сторону, открывая замаскированный вход.

«Это мы уже видели, — подумал Косухин. — Надо было сразу догадаться».

Но он ошибся. В убежище, где жили монахи, проход был узким и освещался огнем масляных ламп. Здесь он ка-

зался раза в два шире и был залит электрическим светом. По стенам змеились толстые кабели, то и дело попадались какие-то щитки, сигнальные лампочки и отверстия для вентиляции.

«Этого и на Челкеле нет, — прикинул Степа, с уважением осматривая внутренность тоннеля. — Да, сила!..»

Они прошли метров сто и попали в небольшой зал, где было несколько дверей, закрытых металлическими плитами. Степана подвели к одной из них. Старший вновь сделал знак, металлическая плита разъехалась на две половины, открыв небольшую освещенную кабину. Степа шагнул первым, вслед за ним вошел один из солдат и тот, кто говорил по-русски. Металлические двери опять съехали, и Косухин почувствовал, что кабина поехала вверх.

Лицо того, кто был старшим, оказалось совсем рядом, и Косухин получил возможность рассмотреть то, что пропустил раньше. Прежде всего, на шапке неизвестного была не свастика, а обыкновенная красная звезда с плугом и молотом. Во-вторых, на лице у человека оказался шрам — пуля, распоров левую щеку, ушла к виску.

«Повезло мужику! — мелькнула мысль. — Не помер!»

И тут глаза неизвестного в упор взглянули на Косухина, и Степа почувствовал, как по коже ползут незванные мурашки. Он узнал этот взгляд — мертвый, неподвижный, абсолютно ничего не выражающий. Так смотрел Федя Княжко. Такой взгляд был у Ирмана, у мертвого Семирадского...

«Значит, и тут! Нараки... Кажись, попался...»

Косухин на миг прикрыл глаза, но затем заставил себя смотреть. Выходит, монахи не ошиблись — внутренняя охрана действительно состоит из тех, кого они называли «демонами». Ошиблись они в одном — у «демонов»-нараков на шапках были не свастики, а красные звезды...

Кабина остановилась, отворились двери, и человек с мертвыми глазами кивнул Степе, приглашая выйти. Косухин шагнул наружу и оказался в широком коридоре. На этот раз он находился не в недрах горы — стены были самые обычные, покрытые белой штукатуркой, а в конце коридора он заметил небольшое окно.

«Выходит, наверх поднялись... Ну и ладно!»

Они прошли мимо нескольких запертых дверей, а затем остановились у одной, тоже закрытой. Над нею горела большая лампа, по бокам стояли солдаты в черном с винтовками, но уже не с японскими, а с обычными трехлиней-

ками. Косухин, подходя, заметил, что в коридоре холодно, как на улице. Похоже, тех, кто обитал здесь, холод вполне устраивал.

Первым вошел неизвестный со шрамом. Затем дверь открылась, он появился на пороге и кивнул Косухину. Степа вздохнул и переступил порог.

Он ожидал увидеть приемную, такую же, как в солидных столичных учреждениях — с обязательным секретарем и ожидающими посетителями. Но за дверью оказалась небольшая комната с одним окном, выходящим куда-то в ночь. Слева стоял стол, на котором чернели три телефона, около него сгрудились несколько стульев, а на одной из стен чуть косо висел большой портрет Карла Маркса. В общем, все это походило на кабинет секретаря укома, в котором только что окончилось совещание.

Все это Косухин заметил мельком, походя. Его интересовал тот, главный, который здесь обитал. Он стоял около стола, глядя не на Степу, а в окно, хотя там, кроме ночной мглы, подсвеченной прожекторами, ничего увидеть было нельзя.

Тот, кто стоял у стола, был невысок, носил черную куртку, на носу сверкало небольшое пенсне, а с подбородка свисал клочок неаккуратно подстриженной бороды. Черные густые волосы слегка вились, в них серебрились белые пряди.

Степа остановился на пороге, сопровождающий козырнул и вышел. Наступило молчание, которое Косухин не спешил прерывать обязательным вежливым покашливанием. Эти секунды он решил использовать для того, чтобы лучше рассмотреть этого кудрявого, с бородой.

Почему-то Косухину показалось, что он уже встречал этого человека. Правда, где и как — вспомнить не удавалось.

Кудрявый медленно повернул голову. На Косухина глянули темные матовые глаза.

Он знал этого человека. Его знали все — Якова Гольдина по кличке «товарищ Сергей». Молодой, всего на десять лет старше Косухина, член Центрального Комитета, Гольдин с лета 17-го руководил аппаратом ЦК. Несколько раз Косухин слышал на митингах его резкие, горячие выступления, а один раз «товарищ Сергей» даже принимал его вместе с группой молодых красных командиров перед поездкой на фронт.

Гольдина знали в партии, уважали, некоторые даже любили. Поговаривали, что Вождь начал посматривать на молодого руководителя с настороженностью — слишком быстро «товарищ Сергей» осваивался на высшем партийном посту. Этим провокационным слухам Степа, конечно, не верил, но догадывался, что у Гольдина много врагов.

Итак, встреча была не первой, но Косухин никак не мог на нее надеяться. Хотя бы потому, что в марте 19-го, перед самой поездкой на Восточный фронт, он видел «товарища Сергея» в последний раз. Яков Гольдин лежал в деревянном, обшитом красным кумачом гробу, и красный командир Косухин вместе с другими делегатами партийного съезда провожал руководителя ЦК в его последнее жилище у стен Главной Крепости. Только тогда на желтом старом лице «товарища Сергея» не было пенсне, а волосы были черные, без всякого намека на седину...

«Что ж это? — пронеслось в голове, но тут же пришел ответ: — Это правда». Венцав говорил: ради победы революции придется сотрудничать и с упырями. Тогда Степа решил, что командир 305-го шутит...

— Здравствуйте, Косухин, — голос Гольдина остался прежним, лишь стал чуть ниже, и в нем чувствовалась легкая хрипотца. — Кажется, мы виделись летом 18-го?

— Так точно, — деревянно отбарабанил Степа.

— Вы были на Восточном фронте? Кто вас рекомендовал в Сиббюро?

— Товарищ Смирнов. — Косухин постепенно приходил в себя. Главное, серебряный стилет на месте, в левом унте.

— Хорошо... — Стеклышки пенсне блеснули, желтоватая маленькая рука перебросила с места на место какую-то бумагу. Всмотревшись, Степа узнал свое удостоверение. — Как попали сюда?

— А на аэроплане, — врать Косухин не любил, но уж ежели врать — так на полную катушку. — Генерал Мо подкинул. С Челкея.

— Так... Как вы прошли внешнее кольцо охраны?

— А проще репы! — Степа позволил себе даже усмехнуться. — Бдительности у местных товарищей не хватает! Подтянуть бы надо...

— Вы правы. Бхотская красная армия еще очень молодая. Но поскольку мы здесь находимся по приглашению правительства Тибетской Бхотской Трудовой Коммуны...

«Ого!» — подумал Степа.

— ...То мы, естественно, вынуждены доверить им некоторые не столь важные участки. Мы ведь здесь недавно — всего полгода. Кто вам поручил заниматься Челкелем?

— Товарищ Венцлав.

— Кто? — удивление в голосе Гольдина было неподдельным, и Степа, вспомнив рассказ вражины-Федоровича, спешно добавил: — Ну, Волков...

— А-а, Всеслав... Столица о вашей миссии ничего не знает.

— Знает... — Косухин блефовал, но делать было нечего. — Только дело-то секретное...

— Допустим. Ну, слушаю вас...

— Ну, это... — Косухин сосредоточился, чтобы точно воспроизвести заранее подготовленную речь. — По приказу, значит, товарища Венцлава, то есть Волкова, занимался поимкой группы белого бандита полковника Лебедева. Накрыл их аккурат на Челкеле. Там как раз местный комитет восстание начал...

— И вы стали комиссаром полигона. Знаю, — короткая бородка нетерпеливо дернулась.

— Ну так чего? — искренне обиделся Степа. — Раз знаете... Налетели китайцы, хотели к стенке, чердынь-калуга, поставить. Пока разбирались, Мо, который командующий этим... Синьцзянским округом, отправил Наталью Берг сюда...

— Ну и что? — коротко бросил Гольдин. Тон его не обещал ничего хорошего.

В обычной ситуации Степе стоило бы задуматься о своей партийной карьере. Но тут терять было нечего.

— Как что, товарищ Гольдин? У меня приказ! Я должен эту Берг доставить в Иркутск. И точка!

— Странно... — решительный тон Степы, похоже, произвел некоторое впечатление, и голос «товарища Сергея» стал немного мягче. — Похоже, Косухин, здесь какая-то накладка. О Берг мы получили распоряжение из Столицы. Она нужна здесь. Впрочем, я велел дать радиogramму, думаю, ответ будет скоро...

Косухин похолодел. Ну конечно, здесь должна быть радиосвязь! Вон какие железки на крышах торчат! Этого Степин план не предусматривал. Он вдруг подумал, что у него есть еще шанс. Сейчас, прямо здесь, признаться товарищу Гольдину во всем. Конечно, его арестуют, очевидно, турнут

из партии. Но он честно примет все, что ему положено, и попросится на фронт...

И тут перед его глазами встало лицо Феди Княжко. Его пошлют на фронт — в составе легендарного 305-го. Или еще какого-нибудь легендарного. И тогда у него не будет желания нарушать приказы. У него уже не будет никаких желаний...

Матовые темные глаза Гольдина взглянули прямо на Степана, он встретил этот взгляд спокойно — уже привык. Значит, во имя революции он должен не только отдать жизнь — на фронте или потом — под ударами прикладов в застенке. Он еще должен сотрудничать с этими, которых вроде бы и не бывает! И, очевидно, для полной победы, должен стать одним из них! Нет, этого не может требовать от него партия! Революцию делают живые ради живых!

Дверь в кабинет отворилась. Вошел все тот же — со шрамом, неся в руке сложенную вдвое бумагу. Косухин понял, что развязка близится. Он присел на стул, рука скользнула к голенищу унта...

Гольдин взял бумагу, развернул, и через минуту его глаза удивленно взглянули на Степу. Косухин понял — у него осталось две-три секунды, прежде чем тот, кого похоронили в марте 19-го, отдаст приказ...

Серебряный стилет был уже в руке, и Степа вновь почувствовал его неожиданную тяжесть. Тот, со шрамом, стоял совсем рядом. Косухин прыгнул, сбил его с ног подсечкой и через мгновение был возле стола. Мертвые глаза «товарища Сергея» все еще глядели удивленно, желтые руки дернулись, но Косухин что есть силы толкнул стол от себя, прямо на Гольдина. Стол поддался неожиданно легко, прижав того к стене. Правой рукой, державшей стилет, Косухин полоснул по проводам телефонов. Они не поддались, и Степа попросту выдернул их из розетки. Еще миг — и удостоверение уже в кармане шубы. Тип со шрамом вставал, в руке тускло блестела сталь нагана. Косухин толкнул его еще раз и бросился к двери. Пришла мысль о караульных с мосинскими трехлинейками, но рассуждать было поздно. Дверь отворилась. Степа бросился вперед, туда, где окно. За спиной послышался характерный звук — охрана скидывала винтовки, но еще пара секунд у Косухина была в за-

пасе. Окно в конце коридора, он может успеть до первого выстрела...

Слева послышался странный звук. Степа, скосив на бегу глаза, увидел, как в стене отворяется дверца. Из кабины, точно такой же, в которой привезли его самого, выходил какой-то косоглазый в черном полушубке. Решение пришло внезапно. Косухин, резко повернувшись, рубанул бхота ребром ладони по горлу и успел вскочить в кабину за полсекунды до того, как стальные дверцы захлопнулись. Ударил выстрел, другой — но пули скользнули по металлу.

В кабине было светло и пусто. На какое-то мгновение появилось ощущение покоя и безопасности. На стене было несколько кнопок, одна под другой. Косухин уже протянул руку, чтобы нажать нижнюю, но тут же сообразил, что внизу его уже ждут. Значит... Кнопки казались совершенно одинаковыми, но одна была чуть более затертой, ее явно нажимали чаще. Степа услышал еще один выстрел, уже совсем рядом, за стальной дверью, и, нажав кнопку, с удовлетворением почувствовав, как кабина мягко тронулась с места.

Все происходящее никак не укладывалось в первоначальный замысел — Степу раскусили слишком рано. Оставалось искать выход и заодно, по возможности, увидеть еще кое-что. Его послали узнать — что ж, он попытается!..

Кабина остановилась, двери разъехались, и Косухин выскочил в темный коридор. Здесь было не так холодно, и Степа понял, что находится под землей. Редкие лампы освещали длинный пустой проход, который шел, похоже, в сторону монастырского двора, проходя под ним, и вел куда-то дальше, откуда доносился негромкий гул. Степа обернулся — сзади тупик. Особого выбора, в общем, не было. Можно было попытаться вновь вызвать кабину и поехать на другой этаж, но там могла ждать охрана. К тому же Степе стало интересно. Если те, кто работает здесь, чаще всего бывают на этом этаже, значит, самое важное должно находиться тут. Косухин оглянулся, расстегнул шубу, пристроил стилет за ремнем, перетягивавшим гимнастерку, и пошел вперед, туда, где слышался гул.

Стены были голые, каменные, без следа штукатурки. По всему заметно, что работы на этом этаже еще идут, и то, что он видит, — лишь черновой набросок того, что здесь на-

мечается. Дверей ни слева, ни справа не было. Мелькнуло темное отверстие. Степа заглянул туда и понял, что перед ним грубо вырубленное в скале помещение, еще незаконченное, без двери и освещения.

Гул постепенно усиливался. Впереди, где кончался коридор, мелькнул синий отблеск. Вначале Косухину показалось, что это светит фонарь, но уже через некоторое время он понял, что ошибся — синий свет, заливавший коридор, шел откуда-то снаружи, из чего-то большого, находившегося дальше. Косухин ускорил шаги. Он почти бежал, отмечая то слева, то справа такие же вырубленные в скале, но еще не оборудованные комнаты. Синий свет был уже близко, гудение стало мощным, басовитым, справа мелькнула дверь, на этот раз настоящая, перед дверью кто-то стоял. Но рассуждать некогда — переливающаяся пульсирующая синева была уже совсем рядом. Коридор расступился, и Степа оказался на большой ровной площадке.

Первое, что он увидел, — это огромный зал, вырубленный в скале. Зал был многоугольным, в него вело несколько высоких арок, под одной из которых Степа и находился. Впрочем, если зал и был чем-нибудь интересен сам по себе, то лишь размерами. Он был пуст, каменные стены казались удручающе голыми, лишь возле арок имелись следы каких-то каменных изображений. Впрочем, теперь их невозможно было распознать — они оказались стесанными до основания и даже грубо покрашенными черным.

В общем, в самом зале смотреть было почти не на что. Зато посередине, там, где площадка заканчивалась ровным круглым провалом, находилось то, что заставило Косухина затаить дыхание. Синий свет, точнее, темно-голубой с еле заметными зеленоватыми отливами шел отсюда. Там, где начинался провал, в центре зала из-под земли поднималась ввысь огромная светящаяся колонна. Она была громадной — не менее сорока саженей в диаметре, густой и, казалось, неподвижной. Но это было лишь первое мимолетное впечатление. На самом деле синий свет шел мощным густым потоком, еле заметно вибрируя, колеблясь и распространяя вокруг себя легкое свечение, напоминающее раду-гу. Голубая колонна исчезала где-то вверху. Присмотревшись, Косухин заметил что-то, напоминающее огромный колпак, грубо склепанный из светлого металла. Из-под земли шел ровный гул, воздух был свеж и чист, и Степе показа-

лось, что он чувствует резкий, но приятный запах. Запах был странным и непривычным, и Степа вдруг подумал, что так могут пахнуть камни.

...Косухин стоял, не в силах оторвать глаз от голубой колонны, провожая взглядом бесконечные волны холодного огня, вырывающегося из недр и исчезающего в высоте. Значит, именно это монах называл кровью окаменевшей ведьмы! Нет, это никак не походило на кровь. Голубой свет был холоден и чист, в нем чувствовалось что-то далекое, чуждое, не связанное ни с людьми, ни с их нелепыми легендами...

Постепенно глаза стали различать некоторые подробности. Вдали, на другом конце зала, стояла огромная решетчатая конструкция, немного напоминавшая то, что Степа видел на Челкеле. Похоже, ее только начинали монтировать. Косухин решил, что ее собираются пододвинуть вплотную к идущему из-под земли свету, соединив каменную поверхность пола с почти неразличимым отсюда колпаком из светлого металла. Голубой свет как бы пытались загнать в ловушку, и эта мысль показалась Степе почему-то неприятной, чуть ли не кощунственной...

Итак, он увидел то, что скрывает Шекар-Гомп. Кипящая кровь Бранг Сринмо... Видимо, именно это привлекло сюда тех, кто захватил монастырь. Голубой свет почему-то понадобился тем, кто носит свастики — тоже голубые. Мелькнула мысль, что совпадение тоже могло быть неслучайным...

Голос прозвучал неожиданно. Щелкнул затвор, и Степа запоздало вспомнил о типе, которого видел у дверей. Он слишком увлекся — и влип. Оборачиваться было поздно, и Косухин рухнул на холодный каменный пол, опередив пулю на доли секунды. Шапка смягчила удар, но в голове загудело, перед глазами поплыли желтые пятна. Степа все же нашел в себе силы откатиться в сторону и вскочить. Солдат в черной куртке был рядом, зрачок ствола смотрел Косухину в лицо. Степа резко дернулся в сторону, вновь опередив выстрел, а затем бросился вперед, стараясь перехватить винтовку за цевье. Это удалось, но вырвать оружие он не сумел — солдат держал его крепко. Степа дернул винтовку еще раз, перед глазами мелькнуло красноватое скуластое лицо с холодными остановившимися глазами, и тут огромная ледяная пятерня легла на горло. Степа захрипел, рва-

нулся, но скуластый, одной рукой продолжая держать винтовку, другой неторопливо, но сильно сжимал Степино горло. Мертвые, затянутые пеленой зрачки взглянули прямо в лицо.

Степа выпустил винтовку, попытался отодрать холодную ладонь, но единственное, что удалось — это немного ослабить хватку. Боль затопила сознание, рука скользнула вниз, задев рукоятку стилета. Уже без всякой надежды, просто машинально, Косухин выхватил стилет и несильно, косо полоснул им по руке врага. Острый металл оставил неглубокую узкую рану, но из-под красноватой кожи выступила не кровь, а что-то, похожее на черную пузырящуюся пену. Косухину даже показалось, что из раны за клубился легкий бурый дым. Скуластый дрогнул и разжал хватку. Косухин машинально сделал шаг назад, вобрал в легкие побольше воздуха, а затем прыгнул на врага, целя стилетом в шею.

Он не промахнулся — металл вошел как раз возле сонной артерии. Скуластый вновь дернулся, сильным движением отбросил Степу в сторону, попытался сделать шаг, но, пошатнувшись, схватился руками за торчащий в шею стилет и тяжело рухнул на каменный пол. Дрогнули в последних конвульсиях ноги, послышался хрип — и тело замерло.

— Фу ты!.. — Косухин перевел дыхание, не без опаски подошел к труп, вынул стилет из раны и оглянулся. Вокруг — и на площадке, и дальше, возле недостроенной металлической фермы — по-прежнему было пусто и спокойно. Оставался коридор. Степа хотел оглянуться, но шея запыла, и он стал массировать ее, пытаясь восстановить кровообращение...

— Косухин, сюда! — голос прозвучал неожиданно. Степа, забыв о ноющей шее, резко обернулся — под аркой, которая вела в коридор, стояла Наташа Берг — такая же, какой он видел ее в последний раз в Челкеле, в том же белом полушубке, только на лице ее было, казалось, что-то не так. Присмотревшись, Косухин понял — под правым глазом у девушки красовался внушительного вида синяк.

— Степан, скорее же!

Косухин вздохнул, мотнул головой и подбежал к девушке. Та схватила его за руку и потащила куда-то влево, вдоль каменной стены. Степа, еще не вполне осознав происходящее, молча подчинился.

— Наталья Федоровна! — из-под арки выскочил какой-то толстячок в расстегнутом «интеллигентском» пальто и шапке-пирожке. — Куда вы? Это... это опасно, матушка!

— Ну вас! — огрызнулась Берг на ходу и повернулась к Степе. — Косухин, вы-то здесь откуда?

— Да я... это... — начал все еще не пришедший в себя Степа, но девушка прервала его:

— Я была рядом, в комнате возле арки. Если вы в самом деле такой рыцарь, могли бы вначале заглянуть ко мне, прежде чем затевать драку...

Степа вздохнул — он представлял себе встречу с Наташей несколько иначе. Между тем девушка, продолжая держать Косухина за руку, быстро провела его к следующему входу, оглянулась и втащила под арку, ведущую в коридор.

— Я... — вновь заговорил Степа. — Это... здравствуйте, Наташа!

— Здравствуйте, Косухин! — Берг улыбнулась и быстро поцеловала Степу в щеку. — Вас что, тоже сюда притащили?

— Нет, я...

— Пойдемте!

Они шагнули вперед, и темень окружила их со всех сторон. Под ногами хрустели небольшие камешки, шуршала потревоженная пыль. Похоже, коридор был давно заброшен.

— Я... это... сам... за вами, — формулировка вышла не особо четкой, но Берг понял.

— Господи, Косухин! Вы добирались из Челкеля?

— Ну да! Надо же было вас...

— Ростислав жив? С вами?

— Ага...

Берг на секунду остановилась, внимательно вгляделась в темноту и покачала головой.

— Сумасшедшие мальчишки! Ростислав ладно, он хоть Дюма начитался, а вы-то? Косухин, вы хоть догадываетесь, куда сунулись?

— Догадываюсь...

— Ну, тогда...

Девушка не договорила и, продолжая держать Степу за руку, потащила его дальше по темному коридору.

— Сюда они не суются. Не понимаю почему, но, похоже, побаиваются. Наше с вами счастье, что здесь еще ничего не готово! Даже сигнализация... Видите, я в этом дурац-

ком тулупе — в лаборатории холодно, как на улице. Впрочем, им-то тепло ни к чему...

Они прошли еще метров сто. Темнота стала крошечной, но Берг то и дело останавливалась, словно надеясь что-то увидеть.

— Куда мы? — осмелился поинтересоваться Степа.

— Косухин, вы гуляете с девушкой. Вам этого недостаточно? — Берг вновь остановилась, в темноте вспыхнула спичка. — Тут где-то должен быть вход. Посмотрите.

Степа оглянулся, но ничего, кроме серых неровных стен и засыпанного мелкими камешками пола, не заметил.

— Значит, чуть дальше... Я ведь здесь тоже не теряла времени, Косухин. Пролит, как и полагается, горькие слезы вместе с другими бедолагами, я попыталась изучить этот гадючник... Или морг, это точнее...

— У вас это... что-то с лицом...

— Так вы дипломатично называете мой изящный фонарь? Это еще на Челкеле. Один косоглазый посчитал, что я излишне интересуюсь местом моей будущей командировки... Попросту выглядывала в иллюминатор аэроплана... Стойте...

Наташа остановилась и вновь чиркнула спичкой. Слева показалась дверь, вернее, темный проход, над которым было выбито странное лицо с прикрытыми, словно во сне, глазами. Странность заключалась в том, что глаза было три — третий находился прямо на лбу. Каменные губы кривились в невеселой улыбке.

— Хорош! — вздохнула Наташа. — Здесь все такое... Так вот, мой коллега, тот, что выскочил вслед за нами... Кстати, очень неплохой физик-теоретик, из Киева, кажется... Он вообще не из героев, как вы заметили, но однажды... Ну что, рискнем, Степан?

Степа пожал плечами и первым шагнул в проход. Там оказалось еще темнее, воздух был сух и наполнен пылью. Косухин прислушался — тишина была мертвая, но где-то вдали ему почудился легкий шорох. Он нерешительно остановился.

— Пойдемте, Косухин. Что бы тут ни было — все лучше, чем в компании ваших краснолицых...

— Почему моих? — обиделся Степа.

— Ах, уже не ваших, господин красный командир? Тем лучше...

Они прошли несколько шагов. Протянутая рука Степы уткнулась в стену. Зажженная спичка высветила небольшую, совершенно пустую комнату, в одном из углов которой виднелась еще одна дверь, скорее лаз — небольшой, едва ли больше метра высотой.

— Теперь надо подумать... Косухин, у вас есть папиросы?

Степа похлопал себя по карманам. К счастью, курево он не забыл. Они закурили, присев прямо на каменный пол. Наташа глубоко затянулась и вздохнула:

— Это ужасно, Степан! Курю, как крючник... К счастью, папиросами нас снабжают... Ну вот, доскажу. Этот мой коллега как-то был вызван наверх, к какому-то здешнему обер-упырю. Такой кудрявый, в пенсне.

— Гольдин...

— Ну да из этих... Гольдиных... Обсуждали монтаж главной установки — ну вы видели, там уже установили несущую ферму... Так вот, ему показали план нижних этажей. Память у него абсолютная, он этот план запомнил и перечертил. Оказалось, что в соседнем коридоре, как раз в этом, есть несколько помещений, одно из которых вроде бы выводит наружу. Я считала шаги, по-моему, мы не промахнулись.

— Вы думали бежать?

— Думали... — огонек осветил невеселую улыбку. — Конечно, думали! Но, во-первых, мои, так сказать, коллеги смертельно напуганы. Вы же сами видели, даже сейчас никто не решился. В общем, они правы — нам показывали, что здесь бывает с теми, кого ловят...

— А что?

— Не надо... И так невесело. Ну а во-вторых, мало выйти из монастыря. Вокруг охрана, насколько я поняла, в два эшелона. Дальше — горы, местные жители или перебиты, или выселены, к тому же зима...

— Да, — кивнул Степа, затаптывая унтом окурки. — Видели, чердынь-калуга. Хуже колчаковцев!..

— Сравнили, Косухин! Остальное понятно. Наш страж отправился вас ловить, я человек любопытный — выглянула. Признаться, успела испугаться, но вы его здорово... Я, честно говоря, думала, что их берет лишь осиноый кол...

— Да при чем здесь кол! — поморщился Степа, вставая. — Значит, надо туда?

Он кивнул в сторону неразличимого в темноте лаза.

— Вероятно. Терять нам нечего. Живой им в руки я больше попадать не собираюсь, да и вам не советую. Револьвер хоть у вас есть?

— Есть, — пробормотал Косухин, холодея. Оружия, кроме серебряного стилета, у него не было. С запоздалым сожалением он подумал о винтовке, которую оставил у трупа на площадке.

— Ну, пошли. Могу пойти первой, чтобы придать вам храбрости.

Степа, мягко отстранив Наташу, осторожно протиснулся в лаз.

— Ну-ка, поглядим, что за пещера Лейхтвейса... — Берг зажгла спичку. Неяркий огонек на мгновение осветил помещение. Здесь также было пусто, в противоположной стене чернела еще одна дверь, но уже повыше, по бокам стояли короткие каменные лежанки. В последний миг, перед тем как спичка погасла, Косухин успел заметить на стенке что-то напоминающее масляный фонарь, которым пользовались монахи.

— Наташа, зажгите еще спичку! Тут, кажется...

Это был действительно фонарь, и даже заправленный маслом. Через минуту, после третьей спички, он загорелся, осветив помещение неровным розоватым огнем.

— Вовремя, — заметила Берг. — А то у меня уже кончился коробок. Пока нам везет...

Степа шагнул к следующей двери, держа фонарь повыше. Темнота чуть расступилась, и в ту же минуту Берг вскрикнула — прямо поперек прохода лежал высохший труп. Череп в ошметках сгнившей кожи смотрел прямо на незваных гостей.

Косухину тоже стало не по себе, но отступить он не собирался. Он уже занес ногу, чтобы переступить через мертвеца, но передумал и аккуратно обошел его, держа фонарь над головой. Кажется, они попали из огня да в полымя.

Трупы — высохшие, почти без кожи, и просто скелеты лежали вдоль стен. Некоторые, впрочем, были устроены чуть поудобней, они сидели, причем возле двоих даже стояли большие чаши. На противоположной стене, где чернел проход, прямо над ним было выбито такое же лицо, как и в коридоре — трехглазое, с закрытыми веками и невеселой улыбкой на тонких губах.

— Видать, кладбище, — как можно спокойнее заметил Степа, вспомнив слова монаха.

— Вы правы, Степан, — девушка уже пришла в себя. — Это обыкновенные честные мертвецы, которые не желают никому зла. Наверное, поэтому те, другие, не любят это место...

Минуту они стояли в нерешительности, осматривая склеп. Да, похоже, это и есть старое кладбище Шекар-Гомпа. На некоторых телах уцелели обрывки желтых плащей, а на высоких черепахах можно было различить коротко остриженные волосы.

— Простите, — негромко проговорила Берг. — Мы не хотели тревожить вас...

Косухин хотел перекреститься, но сдержался и осторожно шагнул к следующей двери. Он ожидал увидеть что-либо столь же невеселое, но комната вначале показалась ему пустой. Правда, это было лишь первое впечатление. Когда фонарь осветил ее, стало ясно, что это тоже склеп. Но похоронен здесь был лишь кто-то один.

Этот неизвестный лежал на небольшом возвышении слева от входа. Сразу же стало понятно — это не монах. Высохшее тело покрывали почерневшие остатки когда-то роскошного плаща, в ногах лежал изъеденный ржавчиной меч, вынутый из богато украшенных ножен, чуть ниже находилось то, что осталось от лука и кожаного колчана. Лицо покойного прикрывала маска из тусклого золота.

— Какой-то воин, — предположила Берг. — Смотрите, Степан, здесь барельеф. Наверное, это он...

Степа поднес лампу поближе. На большом, на всю стену, барельефе был изображен всадник в острой монгольской шапке. В левой руке он держал лук, а правую поднимал к небу. Изображение было старым, руки мастера не везде точными, но Степа сразу же узнал всадника — точно такой же был изваян возле входа в пещерный храм, где их встретил странный старик. Косухин всмотрелся в барельеф, и ему показалось, что он видел всадника не только там. Что-то знакомое было в повелительном жесте руки, в гордой, надменно поднятой голове и даже в фигуре замершего в напряжении коня...

...Свет фонаря упал на золотую маску, и Степа тихо охнул:

— Командир Джор...

— Что вы сказали? — удивилась девушка.

— Н-ничего, — пробормотал Косухин. — Это я так...

Золотой лик был спокоен, в неровном свете фонаря казалось, что недвижимые губы слегка улыбаются. Степа вздохнул и тихо отошел от мертвого тела. Надо искать выход. Косухин обошел все углы, но в комнате ничего, кроме двух каменных лежанок, не было.

— Тупик, — проговорила Наташа, — не может быть... Косухин, здесь по плану есть проход! Господи, ну ищите же!

Косухин вновь обошел небольшую комнату. Стены, высеченные в скале, гладко отесаны, на них нет даже следов двери или прохода. Пол каменный, ровный. Оставалось осмотреть потолок.

Внезапно где-то поблизости, со стороны оставленного ими коридора, послышались резкие злые голоса. Кто-то крикнул, раздались ответные крики, а затем чей-то резкий голос позвал: «Сюда!»

— Быстро, это они! — прошептал Косухин. — Вот, чердынь...

— Они не должны войти сюда, — отозвалась Берг. — Я уверена, Косухин! Иначе они не оставили бы здесь все это...

Степа не был в этом столь уверен, а посему продолжал внимательно осматривать потолок. Увы, и потолок был обыкновенным, каменным, вырубленным в цельной скале.

Крики в коридоре стихли, послышался резкий, пронзительный голос, в котором мало что оставалось от человеческого:

— Косухин! Берг! Немедленно выходите и сдавайтесь! Повторяю! Косухин! Берг...

— Вот щас прямо, — пробормотал Степа, продолжая внимательно осматривать склеп. — Наташа, а где должен быть этот проход?

Берг огляделась по сторонам и на минуту задумалась.

— Н-не помню... Кажется... Нет, забыла. Вроде бы на юг...

— Где б этот юг, чердынь-калута, найти!

Между тем голоса в коридоре начали что-то громко обсуждать, затем кто-то, как показалось Степе, уже им виденный и слышанный, заговорил, спокойно, даже мягко. Слова, видимо усиленные каким-то устройством, звучали отчетливо, как будто говоривший находился рядом:

— Степан Иванович! Наталья Федоровна! Прятаться не

имеет смысла. Вся эта средневековая мистика вам не поможет. Через несколько минут мы просто взломаем стену...

— Значит, через дверь тебе, зараза, не пройти! — хмыкнул Косухин. — Наташа, а чего это они своих бхотов не пошлют? Они хоть люди.

— Бхоты боятся. Ищите, Степан! Тут должен быть проход! Обязательно! Знаете, как-то очень не хочется превращаться в краснолицую вампиршу со стеклянными глазами...

— ...К сожалению, в этом случае мы не сможем вам помочь, — в той же мягкой, почти доброжелательной манере продолжал голос. — То, что войдет сюда, не остановится, пока не доберется до вас. Это будет весьма незстетично, поверьте... И поспешите — у вас осталось всего несколько минут...

— Спасибо, что сказал, — отреагировал Степа, думая совсем о другом. Выбор невелик: четыре стены, пол и потолок. Стена, где был проход в комнату, наполненную мумиями, отпадала. Две стены были совершенно ровными, высеченными в скале. Потолок было не так легко разглядеть, но Косухин здраво рассудил, что строители едва ли стали пробивать там проход. Проход нужен для того, чтобы им можно было воспользоваться быстро и без помощи лестницы. Оставался пол и одна из стен, находящаяся за возвышением, на котором лежал мертвец в золотой маске.

Степа осторожно обошел высохшее тело воина, чье запечатленное в золоте лицо так напоминало Джора, и стал внимательно рассматривать барельеф. Света было мало, приходилось то и дело перемещать фонарь.

Мягкий голос смолк, послышались крики, затем все вновь смолкло. И тут вдали послышался негромкий, но гулкий звук, словно что-то огромное упало на каменный пол коридора. Звук повторился, затем еще — кто-то шел, его шаги с каждой секундой слышались все громче и громче. Это не были шаги человека или зверя. Что-то, нетерпеливо прибивавшееся из глубин подземелья, ступало мерно, с тяжелым механическим грохотом, словно по коридору двигалась ожившая каменная глыба.

— Косухин... — девушка повернулась к Степе. — Вы... вы слышите?

— А чего? — пожал плечами тот, не отрывая глаз от барельефа. — Они ж обещали! Сейчас, гад, стену крушить будет... Вот, кажись, нашел!

Через весь рельеф, в правой его части, сверху до низу тянулась тонкая, словно паутинка, трещина. Косухин легко дотронулся до края, затем надавил посильнее — камень не двинулся.

Страшные шаги гремели уже совсем близко. Послышалось сиплое дыхание — казалось, в коридоре работает небольшая паровая машина. Впрочем, сходство было невелико — в тяжелом протяжном вздохе слышалось какое-то неясное бормотание, угрожающее и одновременно чем-то напоминающее плач...

Степа, стиснув зубы, сосредоточился на барельефе. Лампа начала чадить, масло кончалось, и приходилось спешить. В центральной части, изображающей всадника, ничего, похожего на трещину, нет. Оставалось осмотреть левую часть, находившуюся в головах покойного...

Шаги стихли. Несколько секунд стояла мертвая стылая тишина. Человеческие голоса замерли, люди словно исчезли. А может, внезапно подумал Косухин, те, кто в коридоре, и вправду попрятались. То, что пришло на подмогу, испугало даже преследователей.

Первый удар был несильный, мягкий, словно в стену стукнули чем-то гуттаперчевым. Косухин лишь усмехнулся, не отрывая глаз от шероховатого камня, но тут же последовал второй удар — страшный, всесокрушающий. Послышался грохот, запахло пылью — стена, ведущая в первое помещение, не выдержала.

Наташа перекрестилась и, подойдя к стене с барельефом, стала рядом с Косухиным. Новый удар — и вновь грохот рухнувших камней. Что-то с шумом завозилось, слышались тяжкие шаги — то, что сокрушило стену, вошло в первое помещение. Берг вздохнула и положила руку на Степино плечо.

— Ага! — вновь произнес Косухин, на этот раз вполне довольный результатами поисков. — А вот и вторая...

Действительно, в левой части барельефа удалось найти вторую ровную и тонкую трещину.

— Да здесь попросту плита! — резюмировал Степа. — Не иначе, на шарнире. Ежели справа не открывается, то...

...Новый удар был еще сильнее предыдущих. Воздух наполнился пылью. Сквозь грохот рухнувших камней вновь послышались шаги, уже совсем рядом. То, что крушило камень, было в соседнем помещении, и сиплое дыхание, мощное и ритмичное, доносилось сквозь проход...

Степа надавил на правую часть плиты с барельефом. Вначале ничего не произошло. Косухин испугался всерьез, но стиснул зубы, негромко выругался и надавил вновь, уже со всей силы. И тут же трещина-паутинка стала глубоким провалом — плита начала поддаваться.

— А ну-ка, Наташа, вместе...

Совместными усилиями трещина превратилась в щель, куда можно было просунуть руку.

— Еще раз!

И тут скала задрожала. С потолка посыпались мелкие камешки, воздух наполнился пылью, глухо звякнул потревоженный меч в ногах мертвеца. Второй удар, еще сильнее — но стена выдержала. Казалось, что-то еще, не только камень, сдерживает неведомую силу.

— Ничего, Степан, — Берг улыбнулась и погладила Косухина по небритой щеке. — Давайте еще попробуем...

— Ага... Три-четыре!

Проход стал шире. Наташа даже попробовала в него протиснуться, но отступила и с сожалением покачала головой. Косухин кивнул, и они вновь надавили на плиту. Медленно, сантиметр за сантиметром, отверстие росло...

И тут последовал новый удар — третий. Казалось, по всему склепу прошел вздох — стена рухнула. По потолку зазмеились трещины, во рту скрипела пыль, но плита наконец-то поддалась. Косухин жестом остановил Наташу, пытавшуюся заглянуть в открывшийся узкий проход, и, просунув туда лампу, заглянул сам. Неяркий огонек осветил темный низкий коридор.

— Пошли!

Берг нырнула в проход. Степа подождал еще секунду и, не выдержав, оглянулся. В стене была проломлена огромная дыра, сквозь которую можно было заметить что-то темное, светящееся неярким зеленоватым огнем. Огромный бесформенный отросток — не рука, даже не звериная лапа — просунулся в склеп. Косухину показалось, что он увидел надвигающееся из тьмы круглое немигающее око, горевшее красным огнем. Медлить не стоило. Косухин скользнул в коридор и надавил на плиту с другой стороны, пытаясь закрыть проход.

— Скорее! — торопила Берг. Но Степа все же добился своего — плита поддалась и с легким скрипом стала на место. И тут же, заглушенные камнем, послышались тяж-

кие шаги — нечто, не торопясь, спокойно и властно входило в склеп...

— Побежали!

Косухин крепко взял девушку за руку, повыше поднял гаснувший фонарь, и они двинулись вперед. Коридор — или тоннель — был хотя и низким, но ровным. В воздухе чувствовалась не затхлость подземелья, а зимняя холодная свежесть — очевидно, выход был недалеко. Они успели отбежать метров двадцать, когда за спиной послышался шум. Это не были столь знакомые уже удары, крушившие скалу. Скорее, это напоминало вой — низкий, тоскливый, полный страха и даже отчаяния.

— Оно не может проломить стену! — поняла Берг, на секунду останавливаясь.

— Кишка тонка! — прокомментировал Косухин. — Вот, чердынь, а плита-то тонкая!

— Что-то его не пускает...

Степа не ответил — перед глазами встала золотая маска.

«Да ну, — одернул себя он, — этак скоро в леших верить начну!»

Вдали вновь послышался вой, еле слышный, уходящий. Коридор внезапно расширился, пахнуло ледяным ветром, и тут лампа, давно уже мигавшая и чадившая, погасла. Наступила кромешная тьма. Пришлось на минуту остановиться. Наташа вздохнула, прижалась к Степе.

— Ну, вы чего! — неуверенно проговорил тот. — Мы ж считай уже на свободе!

— Нервы, Косухин... Вы же слышали, что у барышень имеются нервы? Даже у физиков...

— Ага, конечно, — согласился Степа. — Ну чего, двинули?

Берг крепко взяла Косухина за руку, и они пошли дальше, благо пол был ровным, а тоннель вел прямо, не сворачивая. Холод становился все заметнее, и Косухин начал подумывать о том, что им следует делать, когда проход вынырнет на поверхность.

Вообще-то, план ясен — спуститься в котловину, нырнуть в спасительную тень, затем добраться до замаскированного входа в убежище. Но сделать это не так легко. Без сомнения, все «черные», да и «серые», подняты по тревоге. И тут Степе пришла в голову простая, но страшная мысль — у хозяев монастыря имеется план, и они знают об этом тоннеле! Им незачем бежать вслед за Косухиным и Наташей

по темному проходу. Достаточно поставить пост у входа — и слегка подождать.

— Косухин! Здесь тупик! — Берг ощупала рукой внезапно появившееся препятствие и растерянно остановилась. — Но почему? Ведь по плану...

— Знаю я эти планы! — неодобрительно заметил Степа, шаря рукой по холодной стене. — Нет, Наташа, тут не тупик. Чуете, как дует? А ну, давайте-ка спички!

Первая же спичка прояснила дело. Тоннель расходился надвое — широкий коридор вел направо, а узкий и низкий, едва в человеческий рост — налево.

— Странно, — Наташа зажгла вторую спичку, удивленно оглядывая неожиданный перекресток, — этого на плане нет...

— Тривиум, — Косухин вспомнил выражение Арцеулова, и ему захотелось блеснуть ученостью.

— Ито, фратере, — вздохнула Берг. — Кво вадере?

К своему крайнему удивлению, Косухин понял.

— А щас, — задумался он, — Наташа, давайте вместе. Вы ж ученая...

— Как вы любите говорить — «ага». Увы, Косухин, если это и физика, то весьма дурная...

— Я о чем, — продолжал Степа, — ну, два хода. Один лучше, другой хуже. Какой из них на плане?

— Наверное, тот, который лучше...

— И я о том. Вон, из широкого как дует! Тут выход совсем близко. А из узкого, чердынь-калуга, еле-еле...

— Я вас поняла, — кивнула девушка. — Вы умница! Жаль, у вас нет невесты, я бы вас у нее отбила...

Степа только вздохнул.

Проход был неудобен — и без того невысокий потолок постепенно еще более понижался. Уже через полсотни шагов пришлось идти, нагибая головы. Но на это не обращали внимания — свежий морозный ветерок становился все ощутимее. На душе повеселело. Через несколько минут Косухин настолько осмелел, что предложил остановиться и перекурить.

— Последняя спичка, — сообщила Наташа, прикуривая и передавая огонек Степе. — Что-то мы с вами начинаем шиковать. Ладно, если нас все-таки поймают, спички будут уже ни к чему... Косухин, я все-таки не поняла, как вы оказались здесь? Меня везли на самолете чуть ли не сутки...

— То есть как? — поразился Степа. — Хотя... Ну, мы день ехали, три дня шли...

— Это Тибет! От Синьцзяна — несколько тысяч верст... Косухин, а может, это не вы вовсе?

Степа поперхнулся дымом. Наташа, конечно, шутила, но в ее голосе мелькнуло что-то, похожее на тревогу.

— Пуцай Ростислав объяснит! — решительно заявил Косухин. — Он у нас интеллигент. Или Тэда спросим — он вообще чуть ли не профессор, вроде Богораза.

— А Тэд — это кто?..

Говорили уже на ходу. В туннеле становилось все холоднее. Косухин ожидал, что впереди мелькнет свет — он помнил, что склон котлована залит лучами прожекторов. Но впереди было темно, и Степа вновь начал тревожиться.

— Ну, Тэд... Он этот... акэолоджи... Из Индиана стэйт... Девушка рассмеялась:

— За это время вы умудрились выучить не только латынь, но и английский! Вы полиглот, Косухин! Стойте, что это?

Действительно, впереди мелькнула слабая полоска света. Косухин прошептал: «Т-с-с!» — и тихо, стараясь ступать как можно легче, прошел дальше. Да, впереди был свет — желтоватый, неживой свет прожекторов, но какой-то странный, очень слабый.

— Ух ты! — в лицо Степе ударил морозный ветер, и он остановился. Тоннель кончился, но перед ними был не склон, а небольшая ложбинка, почти полностью прикрытая огромным валуном, который закрывал вход, надежно маскируя его от непрошенных глаз.

ГЛАВА 6

Шанс

— Где это мы? — Наташа подошла к выходу и осторожно выглянула.

— Там же, — вздохнул Степа. — Недалеко, чердынь, ушли...

Ложбина находилась на склоне горы, правее лестницы, ведущей к Шекар-Гомпу, как раз между нею и бараками за высоким забором. Место было заброшенное, но буквально в десятке метров тень обрывалась и начиналось широкое,

освещенное прожекторами пространство. Косухин прикинул — до скал, в которых находилось тайное убежище, не менее полукилометра. Правда, несмотря на свои опасения, Степа не заметил особой активности. Кроме обычных часовых на вышках и патрулей возле лестницы и дальше — у входа на аэродром, в котловине никого не было — ни «черных», ни «серых».

— Надо уходить, Косухин, — озабоченно заметила Берг. — Они скоро сообразят...

— Сейчас...

Получалось, как ни крути, скверно. Их, конечно, заметят. Если не пустят в ход пулеметы — натравят погоню. С другой стороны, оставаться опасно — хозяева Шекар-Гомпа быстро разберутся в несложном ребусе с двумя выходами.

Степа еще раз оглядел ложбину. Вышки, часовые, пост у лестницы... И вдруг пришла в голову простая до одури мысль — он вспомнил подзабытый устав караульной службы. Бросят ли «черные» свои посты, чтобы погнаться за беглецами? Выходило — не должны. Даже стрелять будут лишь в крайнем случае. Те, в монастыре, ничего не сообщили внешней охране о случившемся — во избежание лишних разговоров. Степа, прослуживший в РККА два года, был в этом вполне уверен. Значит, пока те, на постах, будут кричать в телефонные трубки да прикидывать, не провокация ли это, чтобы оголить охрану...

— Наташа, нам надо прямо. Вон скала, видите?

— Да... — кивнула девушка. — А что там?

— Потом... Сейчас выходим, идем спокойно, не бежим. Только... у меня... ну, просьба, что ли.

— Поцеловать вас для храбрости? — усмехнулась девушка.

Степа сник.

— Извините, Косухин, — покачала головой Наташа. — Мой язык давно пора укоротить. Знаю, но не могу сдержаться. Я вас слушаю...

— Сейчас мы пойдем. Ну, в общем... Надо, пока мы не дошли, чтобы вы меня слушались. Ну, если я скажу...

— Так точно, мой генерал, — девушка вскинула два пальца к шапке и засмеялась. — Извините, Степан. Обещаю. Я все же в какой-то мере ценю свою жизнь, а тем более вашу...

— Берите... — Степа протянул девушке стилет, — будете держать в руке. У меня револьвер, — добавил он, боясь, что Наташа, как обычно, начнет возражать. Но та лишь кивнула. — Если чего — бейте. Они... Ну, эти нелюди... Кажись, такого боятся. Ну, пошли...

Девушка тихо проговорила «С Богом!», быстро перекрестилась и взяла Степу под руку.

— Нет, — покачал головой Косухин. — Идите вперед. А я чуток сзади. Вроде как конвоир. Эх, винтарь бы!..

Они вышли из-за камня и неторопливо двинулись вниз, но не прямо к спасительным скалам, а чуть левее. Издалека, как прикинул Степа, можно подумать, что он ведет девушку к лагерным воротам. Особого плана у Косухина не было, да и быть не могло. Тут могла помочь наглость. Ведь окажись он на месте того же Гольдина, то был бы уверен, что беглецы побоятся сунуться прямо под прожектора...

Метров сто прошли спокойно. Ворота и вышки над высоким забором приблизились, можно было уже разглядеть часовых в черных полушубках, спокойно стоявших на постах.

— А тут чего, строители живут? — поинтересовался Степа.

— Вроде бы... Я тут не была, да и работают они не в монастыре.

— А где?

— Как я поняла, где-то под ним. Ниже, чем подземелья. Что-то роют. Через пару лет здесь будет такое — куда там Челкелю!

— Оно и видно, — вздохнул Степа. Внезапно со стороны центрального поста — того, что у ворот — раздался крик. Слов было не разобрать, но смысл не вызывал сомнений — им велели остановиться.

— Вот, чердынь... — Косухин оглянулся. Темная громада Шекар-Гомпа была спокойна. Похоже, их все еще искали по подземельям. Крик повторился.

— Стойте!

Наташа взглянула удивленно, но подчинилась. Из калитки вышли двое солдат в черном, небрежно закидывая за плечи карабины.

— Ждем, — велел Степа. — Когда подойдут, я, это... ну, кашляну. Бейте левого. Лучше — в горло.

Девушка кивнула и закусила губу. Минуты тянулись бесконечно. Косухин еще раз оглянулся — монастырь мол-

чал. Они находились в зоне ответственности охраны лагеря, и те, кто охранял лестницу, не спешили вмешиваться.

Солдаты были уже близко. Степа всмотрелся и вздохнул с явным облегчением — обыкновенные косоглазые, низкорослые, со смуглыми лицами. Шли они вразвалку, даже не снимая карабинов с плеч. Похоже, беглецы их особо не заинтересовали.

«Давай, давай! — мысленно подбодрил Косухин. — Шевели ногами, служба!»

Не доходя двух метров, солдаты остановились. Один из них, очевидно, старший, не спеша снял карабин с плеча и что-то произнес.

— А чего? — спокойно отреагировал Косухин, доставая все то же удостоверение Сиббюро.

Солдат протянул руку, но Степа не сдвинулся с места.

«Карабин со штыком, — в голове у Косухина окончательно сложился нехитрый план. — Это хорошо, чердынь... Ну, давай!»

Косоглазый повторил приказ, но уже громче, а затем, не выдержав, шагнул вперед. Степа спокойно отдал бумагу, искоса поглядывая на второго бхота. Старший несколько секунд смотрел на удостоверение, затем подозвал второго солдата. Тот тоже заглянул в бумагу. Косухин шагнул вперед и самым спокойным тоном произнес:

— Да чего вы, ребята?

Солдаты подняли на него удивленные глаза, и в ту же секунду Степа негромко кашлянул.

Тускло блеснуло серебро. Солдат, стоявший слева, захрипел и начал оседать на землю. Штык второго карабина дернулся. Но Косухин изо всей силы врезал «своему» солдату в челюсть. Бил он крепко — бхот рухнул на спину, а карабин был уже в руках у Степы. Косоглазый дернулся, пытаясь встать. Косухин резко нагнулся, штык с легким хрустом вонзился солдату в грудь.

— Винтарь! Винтарь бери! — крикнул Степа, передергивая затвор.

— Что? — секунду девушка непонимающе глядела на Косухина, затем, сообразив, подняла с земли оружие.

— Проектора! — командовал Степа. — Видишь? Левый, у вышки?

— Да! — Берг деловито щелкнула затвором.

— Бей!

Стрелял Косухин неплохо, но сейчас спешил, и первые две пули ушли в «молоко». Раздался выстрел Наташи — и угловой прожектор погас.

— Годится! — одобрил Степа. — Теперь центральный, у ворот!

Сам он, ругая себя «мазилой», прицелился тщательнее, но вновь промахнулся. И тут нехотя, лениво ударил пулемет. Пули щелкнули по камням саженья в пяти от беглецов.

Ругаясь вполголоса, Косухин заставил себя на миг забыть обо всем, кроме прицела и слепящего ока прожектора. Спокойнее, красный командир, спокойнее! Еще одна очередь взрыхла редкий снег уже ближе — но тут палец Косухина мягко надавил на спусковой крючок, и прожектор погас.

Вновь ударил пулемет, на этот раз сзади, со стороны монастыря. Шекар-Гомп опомнился и вступил в бой. Но тут сухо хлопнул карабин Наташи. Свет третьего прожектора мигнул и пропал, погрузив дно котлована во тьму. Только справа, возле входа на аэродром, было по-прежнему светло. Вновь ударили пулеметы, но уже вслепую. Пули ушли далеко в сторону.

— Побежали! — Степа схватил девушку за руку, и они бросились вперед, к скалам. Бежать было нелегко — мешали карабины. Сзади гремели выстрелы, темноту пронизывали отсветы трассирующих пуль, но враги стреляли, явно не видя цели. Луч одного из прожекторов метнулся по склону, нащупывая беглецов, но прошел мимо.

— Я... Стойте, Степан! — Берг остановилась, тяжело переводя дыхание. — Я сейчас...

Степа оглянулся. Теперь уже два прожектора шарили по дну котловины, но пока без толку. Стрельба утихла. Со стороны ворот и от лестницы, ведущей к монастырю, бежали черные фигурки, но они были еще далеко. Косухин прикинул расстояние — до скал оставалось метров двести.

— Скорее, Наташа...

Девушка кивнула и, чуть пошатываясь, сделала шаг.

— Я... что-то с сердцем... Бегите, Косухин...

Степа не ответил, вдруг заметив то, отчего стало действительно не по себе. Со стороны ворот, обгоняя бегущих солдат, к ним неслись легкие темные тени.

«Собаки... или волки, чердынь их! Кажись, попались...»

Он еще раз оглянулся — скалы были недалеко.

— Бегите, Косухин, — повторила девушка, — я...

Степа забрал у Наташи винтовку, аккуратно положил оружие на каменистую землю и сильно, не размахиваясь, ударил девушку по лицу. Наташа дернулась и негромко вскрикнула.

— К скалам! Бегом! Поняла, интеллигентка?

— Да! — в глазах Наташи плавал страх.

Косухину на мгновение стало не по себе, но отступить было нельзя:

— Беги!

Наташа быстро кивнула и побежала, Косухин, вздохнув, передернул затвор. Чтобы добежать, девушке понадобится минут пять. Или даже чуть больше...

Девушка бежала неровно, чуть пошатываясь и спотыкаясь. «Добежит, — попытался успокоить себя Косухин. — Чердын, она же не знает, где вход!..»

Оставалось надеяться, что темнота поможет Наташе скрыться, а те, кто находится в убежище, не спят и помогут. Впрочем, сейчас Степе пора было подумать о другом.

Он вскинул винтовку и стал всматриваться в приближающиеся тени. Темнота, скрывавшая беглецов, мешала прицелиться. И тут в глаза ударил яркий свет — луч прожектора наконец-таки поймал его. Секунда — и второй прожектор направил свой свет на Косухина. Степа зажмурил глаза, чтобы не ослепнуть, упал и перекатился в сторону, на мгновение оказавшись в спасительной темноте. Он успел вскинуть карабин, надеясь разбить хотя бы один из прожекторов, но тут в глаза вновь ударил свет, и Косухин опустил бесполезную винтовку.

«Почему не стреляют? — и тут же пришел ответ. — Живым хотят, гады! А у меня и стилета нет... Ладно...»

Глаза немного привыкли к свету. Степа встал и поднял карабин. Он уже знал, что стрелять в оборотней бессмысленно, но вес оружия успокаивал.

Первая собака — огромная, куда больше тех, что уже приходилось видеть, — вынырнула из темноты и молча бросилась на Степу, пытаясь допрыгнуть и вцепиться в горло. Косухин был начеку — штык ударил зверю в грудь, скользя по крепким ребрам. Собака, сверкнув красными глазами, отпрыгнула в сторону.

Из темноты возник второй пес и тоже попытался прыг-

нуть, но в последнюю секунду передумал и, уклонившись от штыка, отбежал в сторону. Сзади послышался шорох, Степа обернулся и успел ударить штыком в живот еще одному псу, пытавшемуся прыгнуть на спину. И в тот же миг свет погас. На мгновение Степа ослеп, а когда глаза стали привыкать, заметил что-то странное. Собаки — и те три, что уже успели подбежать, и остальные, которые были уже совсем близко, — падают на землю, пытаясь перекувыркнуться. Косухин решил, что ему мерещится, помотал головой и окаменел — там, где была первая собака, вставало с земли нечто, напоминающее человека — высокое, выше Степы, с длинными кривыми руками. Но это был не человек — узкая, почти волчья голова сидела на плечах, спина странно горбилась, тело покрывала густая шерсть. Степа не успел даже испугаться — когтистые пальцы потянулись к горлу, он ударил прикладом, отступил на шаг, и тут на голову обрушилось что-то тяжелое. Перед глазами вспыхнул огонь, на миг стало больно — и наступила тьма.

Арцеулов спал тревожно. Короткие, странные сны сменяли друг друга. Снилось война — уже далекая, германская, и эта, страшная, казавшаяся во сне еще более нечеловеческой, бессмысленной. Он увидел заснеженное поле, обгорелые хаты на окраине брошенной станицы. Мелькнули лица Орловского, Корфа, убитого под Екатеринодаром Мити Завалишина. И тут, заслоняя других, появился знакомый силуэт в короткой, не по росту, шинели с косо висевшим солдатским «Георгием». Из-под теплой зимней фуражки насмешливо сверкнули серые глаза:

— Отдыхаешь, Ростислав?

Виктор Ухтомский стоял, опираясь на винтовку, и на левой щеке краснела знакомая отметина, полученная в бою под Невинномысском.

— Виктор! — капитан обрадовался, краешком сознания понимая, что это сон.

— Мы увидимся, правда? — непонятно было, спрашивает князь или говорит утвердительно. Арцеулов не нашелся, что ответить.

— Я сейчас далеко, Виктор...

— Знаю...

— Я выберусь. Найду тебя и всех наших...

— Меня не найдешь, — князь усмехнулся, на раненой

щеке стала медленно проступать большая капля крови. — Тебе скажут, что я пропал без вести под Каховкой. Это будет через полгода...

— Не болтай ерунды!

Виктор покачал головой:

— Это решат без нас. Мы ведь офицеры, Слава! Но не хорони меня. Мы увидимся. Только очень не скоро... Ты меня дождись...

— Дождусь, — даже во сне капитан сообразил, что Виктора уже давно может не быть в живых.

Похоже, князь понял:

— Нормально, гвардия! Как там ты про меня придумал? Не падайте духом...

— ...поручик Ухтомский, — одними губами проговорил капитан, и вдруг лицо Виктора исчезло. В ушах прогремел резкий голос генерала Маркова:

— Ар-рцеулов! Пр-респите цар-рствие Небесное!

...Ростислав открыл глаза и мгновенно привстал. Рука по фронтовой привычке сжала лежавший рядом трофейный револьвер. В комнате все было спокойно, разве что немного душно — отсутствие вентиляции давало о себе знать. Фонарь светил теплым розовым огоньком, Тэд спал, положив ладони под щеку, и чему-то улыбался, отчего его лицо казалось совсем юным. Косухина в комнате не было.

Поначалу этот факт был воспринят Арцеуловым вполне спокойно. Возможно, краснопузого потянуло перекурить. Капитан и сам был не прочь выкурить папиросину. Рука потянулась к лежавшей на виду пачке, вторая — привычно нащупала зажигалку в кармане полущубка. Но перекурить Ростиславу в этот раз так и не удалось. Взгляд упал на неровные пляшущие буквы, нацарапанные карандашом по твердому картону. Еще не понимая, но почуяв неладное, капитан поднес пачку к свету...

...Первое, что почувствовал Арцеулов, — это обиду. Обыкновенную человеческую обиду. Краснопузый не должен был так поступать! Это, в конце концов, просто не товарищески! Не говоря уже о том, что соваться в монастырь без разведки, да еще и без оружия — Степин карабин был на месте, — да еще считай со смертным приговором в кармане...

И тут на смену обиде пришел страх. Да, красный командир проштрафился. Его вполне могут поставить к стенке — хотя бы за Челкель. И поэтому краснопузый мог попытаться

ся загладить вину — откупиться. Хотя бы его, Арцеулова, головой — для начала...

Рука вновь сжала револьвер, глаза уже начали искать сидор с продуктами. Капитан накинул на плечи полушубок, вскочил и замер.

Страх прошел, его сменил стыд. Ростиславу представилось, что не Степа, а он сам решился на безумную вылазку, а проснувшийся Косухин вдруг решает, что беляк решил сдать беглого представителя Сиббюро и тем заслужить прощение. Капитан взглянул на часы — начало четвертого. До монастыря спокойного ходу минут двадцать, значит, за это время их с Тэдом успели бы давно арестовать — даже если перед этим требовалось время для большевистского митинга с вынесением резолюции. Значит, в Степином послании правда, он где-то там, в Шекар-Гомпе, если, конечно, еще жив.

Еще ничего не решив, капитан быстро оделся, застегнул свой «гусарский» полушубок и проверил оружие. В любом случае досыпать до утра он не собирался, равно как и сидеть и ждать, чем все кончится. Мелькнула мысль самому попытаться подобраться поближе к монастырю, но рассудок тут же ее отбросил — заберут сразу же, если не срежут из пулемета. Прямо в лоб не подойдешь, а обходных путей Арцеулов не знал. Косухин, по крайней мере, мог попытаться сойти за своего. Этого преимущества капитан был лишен.

Оставалось одно — добраться до помещения с «окошком», прорезанным в скале, и наблюдать.

Ростислав обежал взглядом комнату в поисках чего-нибудь нужного, что он мог забыть, закинул оружие за плечо и повернулся, чтобы идти.

— Оу, война?

Тэд сидел, протирая глаза, но в руке уже держал карабин. Похоже, студент умел соображать быстро.

— Идите за мной.

Объясняться было некогда. Арцеулов быстро прошел по коридору, спустился по ступенькам и почти вбежал в помещение, откуда они наблюдали за монастырем. Первое, что он заметил, — «окошко». Оно было открыто, в углу горела небольшая лампа, скорее даже лампадка, а рядом с окном сидел один из монахов. Услышав шаги, он встал и быстро поклонился.

— Добрый вечер, вернее, утро, — заторопился Ростислав. — Как бы это спросить... Тэд, где вы там?

— Почти здесь! — послышалось в ответ. Американец уже спускался по лестнице.

Монах поглядел на капитана, затем молча указал на монастырь.

— Наш товарищ... — неуверенно начал Арцеулов. — Косухин. Он...

Монах быстро кивнул, вновь указав худой загорелой рукой на темневший на горе Шекар-Гомп. Капитана это немного успокоило. Значит, Косухин придумал все это не один. Может, монах подсказал Степе что-то дельное...

— Что случилось, Ростислав? На нас напали? Где Стив? — Валюженич скатился по ступенькам, зацепился за одну из них носком наполовину надетого унта и чуть не упал.

— Он в... монастыре, — капитан никак не мог вспомнить, как будет «монастырь» по-английски. — Идите сюда, Тэд!..

Валюженич тоже было обиделся на Степу, но рассудил, что лично с него, Тадеуша, толку в разведке мало, а Стив, похоже, настоящий герой. Предложение подежурить до утра было принято с восторгом. Американец заявил, что выспался на месяц вперед и вообще начинает скучать. Тэд пристроился у окна и стал внимательно рассматривать пустую, освещенную прожекторами котловину.

Арцеулов между тем наблюдал за монахом. Тот спокойно ждал, пока шумный янки замолчит, затем, встав, поманил Арцеулова за собой. Неяркий свет лампадки осветил неровный участок стены. Рука молчаливого монаха легла на один из выступающих камней. Послышался легкий скрип, в открывшуюся щель пахнуло ледяным морозом. Монах вновь кивнул и опять нажал на камень — щель исчезла.

— Спасибо, — понял Арцеулов. — Святой отец, вы понимаете по-русски?..

Монах чуть заметно улыбнулся.

— У него... у Косухина... Есть хотя бы шанс?

Улыбка исчезла с худого, покрытого глубокими морщинами лица. Темные глаза взглянули пристально, монах сложил руки в поклоне и шагнул в темноту.

— Что он вам протелепатировал? — поинтересовался Валюженич, продолжая глядеть в окно.

— Ничего... Что там у вас?

— Оу, я мало что понимаю в ночной жизни военного объекта. Но по-моему, только что сменили караул у ворот...

— А по-моему, вам не впервой влипать в подобные истории, — заметил Арцеулов, присаживаясь рядом с Тэдом.

— Ну, это смотря в какие... Археология — вообще наука специфическая. Великий Ботта как-то сказал, что нормальный график работы археолога — копать днем и отстреливаться по ночам. Остальное время уходит на написание отчета...

— Наверное, поэтому ваш отец и не хотел, чтобы вы жили по подобному графику, — предположил капитан.

— А-а! Старик сам в молодости копал Ниневию и привез с собой две пули в предплечье. Одну удалили, вторая до сих пор там... Ростислав, видите?

...Мимо подножия горы прошло несколько солдат. Откуда-то из тени появились две темные фигурки и стали не спеша двигаться в сторону лагерных ворот...

— Это в лагерь, — рассудил капитан. — Интересно, откуда они вышли? Наверное, там тоже проход в скале.

— О подземельях Шекар-Гомпа я слышал еще в Кампале. Между прочим, по слухам, там похоронен Гэсэр-хан...

— Вот как? — встрепенулся капитан; перед глазами встало красивое, чуть надменное лицо командира Джора.

— Это уже седьмая могила Гэсэра, о которой я слышал, — засмеялся американец. — Знаете, это как в Средние века. В Кельне хранились мощи Иоанна Крестителя-младенца, в Аахене его же — тридцатилетнего, а в Аутсбурге — посмертные останки Иоанна и топор, которым ему отрубили голову.

— Выдумали?

— Это не я. Кто-то из протестантских публицистов, чуть ли не сам Меланхтон... Смотрите, кажется, их встречают...

— Да, похоже, смена караула... — Арцеулов, заметив, как навстречу двоим, шедшим к лагерным воротам, вышли солдаты, потерял к ним всякий интерес. Правда, буде ожидание затянется, не грех составить график смены караулов и заодно набросать их маршруты на плане. Подобные данные иногда бывают полезными.

...Выстрелов они не услышали. Просто внезапно что-то изменилось. Капитан вначале так и не понял, что именно, но затем, когда, мигнув, погас второй прожектор, сообразил:

— Тэд! Видели!

— Оу! Они, кажется, перешли на режим экономии электроэнергии!

— Нет-нет! Скорее! Карабин не забудьте!

Рука несколько раз без толку ударила по камню, прежде чем спрятанный в глубине скалы механизм сработал и вход начал медленно открываться. И тут же в уши ударил сухой треск выстрелов.

Они выбежали наружу. Котловина, только что залитая бледным электрическим огнем, теперь утонула в темноте, откуда неслись выстрелы. Затем со стороны аэродрома дернулся луч прожектора, начал неуверенно ползти по склону...

— Они там... — Арцеулов, закусив губу, на секунду задумался. — Тэд, вы меня слышите?

— Жду приказа!

— Приказ такой. Стойте у входа и бейте по каждому, кто подойдет, кроме меня или Степана. Причем бейте в голову или в сердце, ну, в общем, чтоб наверняка...

— Оу, понял, но у меня нет серебряных пуль... А вы?

Ростислав, не ответив, нырнул в темноту, пытаясь сообразить, в каком направлении идет стрельба. Лучи прожекторов, шарившие по темному дну котловины, скрестились, высветив какие-то фигуры, но затем все вновь исчезло. Стрельба прекратилась.

Капитан остановился, не зная, что делать. И тут в нескольких шагах от него кто-то пробежал, следом мелькнула густая черная тень. Послышался крик. Арцеулов взял карабин наперевес и бросился на голос.

...Кто-то лежал на земле, закрыв голову руками, а огромный черный пес наклонился, пытаясь достать до горла упавшего. Стрелять не хотелось, Арцеулов сообразил, что эту тварь пули могут и не брать. Он выпрямился — и со всей силы обрушил приклад на заросший густой шерстью загривок...

Собака упала молча, задние лапы дернулись, пасть оскалилась, но дело было сделано — удар перебил позвоночник. Арцеулов наклонился над тем, кто лежал на земле.

— Степан?

Но он уже видел — это не Косухин. На лежавшем была не лохматая Степина шуба, а белый полушубок, показавшийся очень знакомым.

— Ростислав... Александрович... там... Косухин... он...

— Наташа! — ахнул капитан, помогая девушке встать.

Берг помотала головой:

— Я сама... Степа...

Ростислав взгляделся в темноту и вдруг услышал топот множества ног. Это были не собаки — к скалам со стороны лагерных ворот и от аэродрома бежали десятки людей. Уже были видны темные силуэты, приближавшиеся ровным, почти как на учении, строем...

Будь Ростислав один, он бы, пожалуй, остался, стал на одно колено и потратил бы на бестий все обоймы, лежавшие в кармане полушубка. Это помогло бы сравнять счет в его незаконченной дуэли с большевиками, а заодно поспособствовало встрече с эгоистом Косухиным, который твердо решил умереть первым. Но рядом была Наташа, а у входа караулил розовощекий археолог из штата Индиана...

— Уходим... — капитан, взяв девушку за плечи, потащил ее к скале. Наташа что-то бормотала, но Ростислав не слушал — надо было успеть. Голоса за спиной были уже совсем близко. Капитан четко расслышал команды, которые отдавал гортанный голос на непонятном языке, но тут прозвучало удивленное «Оу!», и через несколько секунд каменная глыба с легким скрипом стала на место.

Девушка была почти без сознания. По лестнице уже спускались монахи, Валюженич им что-то объяснял, показывая то на Арцеулова, то на вход, а Ростислав все смотрел в окно, на темный склон, по которому время от времени проползали щупальца прожекторов. Где-то там остался Косухин. Итак, пока он спал и видел геройские сны, Степа, красный командир и потомственный дворянин, проник каким-то чудом в Шекар-Гомп и нашел Наташу. Нашел, вырвал ее из лап нелюдей и остался там... Ему, герою Ледяного похода, досталась легкая прогулка по склону котловины.

Наташу отнесли в комнату. Цронцангамбо помазал виски девушки какой-то мазью, издававшей легкий терпкий запах. Девушка застонала, но монах провел рукой над ее

головой и что-то зашептал. Лицо Берг стало спокойным, через минуту послышалось тихое ровное дыхание. Наташа спала.

— Они говорят, что к утру с мадемуазель все будет в порядке, — прокомментировал Тэд. — Просто обморок и что-то... не знаю, как перевести, вроде упадка сил... Ростислав, а как же Стив?

— Не знаю, — выдавил из себя капитан, — может, он все же вырвался. Надо подежурить у входа...

— Оу! — охотно согласился американец. — Конечно! Стив — он не такой парень, чтобы пропасть...

Они дежурили остаток ночи, по два часа, как и положено по уставу караульной службы. Но Шекар-Гомп молчал. В котловине, теперь уже не светлой, а полутемной, настала тишина, затем из-за гор медленно выплыло холодное зимнее солнце, и от лагерных ворот в сторону черного провала потянулись длинные вереницы тех, кого монахи называли «варда». Начался еще один день странной жизни бывшего монастыря. Степа не вернулся.

В девять утра Арцеулов взглянул на часы, затем на ненавистный монастырь, покачал головой и поплелся обратно. Ждать бессмысленно, разве что хозяева Шекар-Гомпа согласятся отпустить Косухина подобру-поздорову. А на это особой надежды не было.

Еще с порога Ростислав услышал голоса: Наташин, негромкий, напряженный, и Тэда, который скорее не разговаривал, а время от времени отпускал удивленные реплики.

— Проснулись, Наталья Федоровна? — Арцеулов попытался улыбнуться. — Вижу, вы уже познакомились с мистером Валюженичем.

— Да. И даже нашли с ним общих знакомых. Париж — город маленький... Ростислав Александрович, я знаю — это почти невозможно... Но все-таки — помогите Степану! И не только потому, что он помог нам на Челкеле, а этой ночью спас одну нервную особу. Просто в некоторых случаях люди обязаны помогать друг другу. Белые они, зеленые, красные — все равно...

— Я понимаю, Наталья Федоровна, — кивнул Арцеулов.

— Нет, не понимаете. Шекар-Гомп не просто очередная большевистская выдумка. Это... это не просто страшно. Тут даже нет подходящих слов. В общем, человеку там делать

нечего... Не хочу даже думать, что эти нелюди могут сделать со Степаном...

— Хорошо, — капитан нахмурился, вспомнив страшное лицо мертвого Семирадского. — Наталья Федоровна, постарайтесь как можно подробнее рассказать, что такое Шекар-Гомп. Мы должны найти какой-то ключик...

— Оу! — вмешался Тэд. — То... Пани, панове... Если можно, говорить по-английски...

— Извините, мистер Валюженич, — кивнула Наташа. — Подробнее... Подробнее, господа, не получится. Я почти что ничего не видела. Нас держали в домике возле аэродрома и каждый день водили на нижние этажи, где была оборудована временная лаборатория...

— Нас? — не понял капитан.

— Так... — задумалась Берг. — По порядку... Мы — это группа сотрудников здешней лаборатории. Все, как и я, пленные, но большинство попало в Шекар-Гомп из самой России. В основном физики, но есть и химики, и даже психолог. Их три группы, человек по семь. Насколько я знаю, скоро должно прибыть пополнение, и весьма значительное... Две группы, в том числе и моя, жили, как я уже сказала, под охраной этих «черных» возле аэродрома. Третья — там, кажется, шесть человек — находится в самом монастыре. Я их видела только раз — и больше не хочу. Они... ну, в общем, как неживые. Вроде здешней охраны, какие-то автоматы...

— Мадемуазель Берг, — не выдержал Тэд, — Ростислав мне уже говорил о каких-то ходячих мертвецах, упырях, оборотнях. Я думал, это все же некоторое преувеличение. Так сказать, фигуральное выражение, люди с поврежденной психикой...

— Не знаю, — чуть подумав, ответила Наташа. — Я не биолог. Холодные, как лед, руки, неживые глаза, в случае ранения кровь не течет... И необычайная сила...

— Оу, зомби! — воскликнул Валюженич. — В детстве я зачитывался Карлом Меем...

— Я тоже... Часть из них и вправду похожа на зомби — двигаются, как марионетки, почти не разговаривают, в общем, механизмы, которые выполняют команды...

— Бессмертные Красные Герои, — кивнул Арцеулов.

— Да. Тут такие во внутренней охране — и тоже с голубой свастикой, причем большинство — вполне европеои-

ды... Но есть и другие. Люди как люди — только руки холодные и глаза на свет не реагируют... Один такой беседовал со мною...

— Вроде Венцлава, — вновь вставил капитан.

— Вроде господина Венцлава, — согласилась Наташа. — Эти, похоже, и командуют. Есть тут и обыкновенные бандиты, из местных. Вы их, господа, видели.

— Мадемуазель Наташа, — вмешался Валюженич, — извините за патологоанатомическое любопытство... Местные монахи говорят, что в монастыре работают «варда», или «барда», если на общетибетском наречии. Так здесь называют местных зомби...

— На стройке работают обычные люди, — покачала головой Наташа. — То есть не обычные, но все-таки люди. Я видела их — они пробивают дополнительные тоннели на нижних ярусах подземелий. Это местные, по-моему, из соседних селений. Правда, они тоже странные — как будто накурились опиума.

— Вполне возможно, — пожал плечами Ростислав.

— Может быть... но мой коллега по несчастью — тот самый психолог... Он, кажется, из Казани, работал в знаменитой тюремной лечебнице... Так вот, он уверял, что наркотики тут ни при чем. Что тут нечто иное... В общем, из-за этого господа большевики и заинтересовались Шекар-Гомпом...

Наташа помолчала, затем закурила, но после нескольких затяжек закашлялась и бросила папиросу.

— Извините, господа... В общем, так... Шекар-Гомп, как вы уже, кажется, знаете, построен на том месте, где находится «рана», пробитая копьём местного бога в теле какой-то бабы-яги...

— Бранг Сринмо, — подсказал Тэд. — Мадемуазель Наташа, это не совсем баба-яга. Баба-яга — персонаж славянского фольклора...

— Догадываюсь, — невольно улыбнулась девушка. — Так вот, с точки зрения физики эта «рана» — открытый источник неизвестного излучения. Мы называем его «Синий свет». Его исследованием наша группа как раз и занимается. Оно необыкновенной силы, напротив глушит радиоволны, но для человека относительно нейтрально, даже несколько тонизирует, но не более...

— Наверное, потому монахи и поставили здесь монастырь, — заметил Арцеулов.

— Очевидно... К тому же излучение очень красиво: темный подземный зал — и огромная светящаяся колонна. Но это разве что для туристов... В Шекар-Гомпе хранилась еще одна реликвия, на этот раз не столь безопасная...

— «Голова Слона», — вспомнил Тэд. — Рубин!

— Это не рубин. Я видела эту вещь. По-моему, это вообще не камень — огромная неровная призма, действительно похожая на рубин. Но твердость совсем другая, другие оптические свойства. И главное — внутри есть какой-то источник энергии. Что это — не знаю. Им как раз занимаются те, как вы говорите, зомби, а нас подпускали лишь посмотреть. Вообще, этот «рубин» похож на что-то искусственное. В темноте он светится, причем свет меняется. У людей начинает болеть голова и даже бывают галлюцинации...

— Великолепный объект для местных шаманов, — усмехнулся Тэд.

— Так, наверное, и было. Пока кому-то, похоже, еще в древности, не пришло в голову пропустить «Синий свет» через призму «Головы Слона». В этом, похоже, вся штука...

— И что получается? — поинтересовался Арцеулов. — Усиление энергии?

— Да. Излучение становится очень сильным, стабильным, меняет свет на темно-оранжевый, но главное — резко меняются свойства. И вот тут людям надо держаться подальше. Самое меньшее — они теряют память и становятся просто куклами...

— «Потерявшие разум», — вспомнил Арцеулов.

— Те, которые работают на стройке, как раз из них. Впрочем, часть охранников — тоже, но на них воздействовали как-то иначе. Волю они сохранили, но психика подверглась сильным изменениям. Но это, в общем, мелочи...

— Оу! — удивился Валюженич. — Если это мелочи!...

— Я не уверена... Но мне говорили, что в определенное время это «оранжевое» излучение способно превратить любого человека в такого, как Венцлав, превратить мертвого — в зомби... Говорят даже, что человек может изменить физический облик, превратиться в демона, чудище, уж не знаю во что...

— Это, положим, фантазии, — пожал плечами Ростислав. — В конце концов, и без этого дело скверное...

— Конечно, — Берг вновь закурила и вновь, сделав пару затяжек, бросила папиросу. — Хватит и того, что есть.

Между прочим, говорят, что какими-то заклинаниями можно вызвать из «Головы Слона» злых духов, которые там обитают. И что именно эти духи — настоящие хозяева Шекар-Гомпа...

— Оу, фольклор! — Валюженич, схватив записную книжку, начал делать карандашом стенографические пометки.

— Ну, тут проще, — Арцеулов зло скривился. — Со здешними хозяевами я знаком не первый год. Мы на них ходили в штывы еще под Ростовом. Вот уж не думал, что эта сволочь дотянется даже до Тибета!

— У меня был странный разговор, — чуть помолчав, заметила Берг. — На второй день, как меня сюда доставили. Меня отвели в темную комнату — наверное, чтобы я не видела лица собеседника! Нас не представили, впрочем, меня он знал. Сам он, как можно догадаться, или самый главный, или представляет здесь самого главного. Между прочим, голос знакомый. Этой ночью, в подземелье... Да, кажется... — Девушка замолчала, потом кивнула, похоже, что-то вспомнив. — Говорил он со мной недолго и достаточно вежливо. Посоветовал, как он сказал, вникнуть в работу и добавил, что по сложности она превосходит проект «Владимир Мономах». Тут я не удержалась и проявила интеллигентскую смелость. Что-то съязвила по адресу господ большевиков...

Наташа помолчала и щелкнула пальцами:

— Это трудно передать. Он засмеялся — очень искренне и совсем не зло. А потом сказал нечто вроде... Нет, я запомнила точно: «Натаалья Федоровна, голубушка, не обращайтесь внимания на идиотов. Когда вы едите рокфор, то не думаете о плесени, которая сей сыр сотворила. Мы счистим плесень, и для этого нужен Шекар-Гомп».

— Ого! — Арцеулов не знал, что и думать. — А может, он просто... ну, в доверие входил?

— Нет! Я же говорю, это трудно передать. Самое страшное, в этот момент я ему поверила. Мне даже показалось, что ему, этому неизвестному, приятно поговорить со мной о том, что «плесень» будет вычищена. словно ему не с кем поделиться своими планами...

— Очередной Сен-Симон, — то ли в шутку, то ли всерьез заметил Тэд. — Сен-Симон и Лучи Смерти, которые превращаются в Лучи Счастья. Если я напишу об этом рассказ,

его напечатает разве что наша газета «Пух и прах Индианы». Столичные такого не печатают...

— Да, вы правы, — согласился Ростислав. — Читателям это будет неинтересно, а врачи запретят нас... ну хотя бы в ту самую Казанскую лечебницу. Впрочем, до этой лечебницы надо еще дожить. Вопрос в другом — чем мы можем помочь Степану. Наталья Федоровна, как можно незаметно попасть в монастырь?

— Мы с Косухиным прошли подземным тоннелем. Они — новые хозяева — о нем не знали. Но теперь тоннель, понятно, перекрыт. Иных путей я не знаю... Тем более после вчерашнего они увеличат охрану...

— Уже увеличили, — кивнул капитан. — Не исключаю даже, что они попытаются найти наше убежище. Господа, я военный... Если передо мной поставят задачу попасть в Шекар-Гомп — я доберусь. Один шанс из ста, но доберусь. Но вот где искать Степана?

— Не знаю, — чуть подумав, ответила Берг. — В Шекар-Гомпе огромные подземелья, много этажей. Я была только на одном. К тому же охрана...

— И все-таки придется рискнуть.

— Но, господа, — вмешался Тэд, — почему бы не спросить об этом здешних монахов? Уж они-то должны знать!

С Цронцангамбо удалось увидеться лишь днем. Он пришел вместе с другим монахом, помоложе, чтобы сменить Арцеулову повязку. Мазь подействовала — рана затянулась, боль больше не возвращалась. Поблагодарив монаха, Ростислав попросил Тэда спросить у Цронцангамбо о том, как лучше попасть в монастырь. Тот ответил тут же:

— Никак. Тот, кто ушел сегодня ночью, совершил чудо. Великий Гэсэр знал, кого посылать в Шекар-Гомп. Но чудеса не повторяются дважды.

— Мы должны помочь Стиву! — настаивал Валуженич.

— Да... — перебил монах. — Все утро я спрашивал совета. Я молился и ждал, и когда уже отчаялся, мне ответили...

Он помолчал, а затем взглянул Тэду прямо в глаза:

— Переведи своим друзьям. Мы не должны помогать тому, кого ты назвал Стивом. Посланец Гэсэра выполнил свой долг. Его путь окончен...

Валуженич, сбиваясь и запинаясь, перевел. Арцеулов

скрипнул зубами и медленно встал, недобро глядя на монаха.

— Его путь окончен, — повторил тот. — Мне велели передать — не пытайтесь помочь тому, кто некогда получил в долг, а теперь его отдал...

— Как? — не понял капитан.

— Ваш друг просил у Того, чью волю я узнал сегодня, не торопить его душу на пути в Неведомое. Он хотел завершить два дела — спасти ту, что теперь вместе с вами, и узнать тайну Шекар-Гомпа. Он сделал это...

Цронцангамбо поклонился и медленно вышел из комнаты. Минуту все молчали. Тэд ерошил густые волосы, о чем-то усиленно размышляя. Берг смотрела куда-то в сторону, а затем негромко заговорила по-русски.

— Ростислав, надо идти сегодня же ночью, иначе можем опоздать. Пусть этот мальчик заснет...

Валюженич замер, затем поглядел на Наташу, перевел взгляд на Арцеулова и невесело усмехнулся. Было ясно — он понял.

— Тэд... — начал Ростислав.

— Да, Тэд... — похоже, американец хотел вспылить, но сдержался, заговорив медленно, почти равнодушно. — Тэд годится на то, чтобы служить переводчиком и охранять вход от бродячих собак... Ребята, все, что можно было высказать о моей скромной персоне, уже высказывали — хотя бы мой уважаемый отец. Но сейчас вы, похоже, не понимаете правил игры...

Теперь Валюженич говорил уже иначе — твердо и даже сурово:

— Ростислав, вы военный, и, наверное, хороший военный. Но в монастырь вам не проникнуть, и вы решили героически умереть. Как я понимаю, чтобы вас не мучила знаменитая русская совесть. Вы, мадемуазель Наташа, тоже решили умереть — за компанию. А мальчика Тэда оставляете для продолжения образования в Сорбонне... Наверное, мне и вправду следует почитать Достоевского...

Арцеулов и Берг хотели возразить, но Валюженич резко махнул рукой:

— Мы, американцы, — индивидуалисты. Каждый думает прежде всего о себе — и это правда. Но есть другое правило — джентльмен должен помогать джентльмену. Помогать, пани и панове! Когда человек болен, вы зовете врача, а не пехотного генерала. Сейчас вам нужен специалист...

— Извините, Тэд, — улыбнулась Наташа. — Я вас поняла, можете не продолжать, но как нам может помочь ваша археология?..

— Вы можете дать слово, что будете со мною откровенны?

— Ну, Тэд, — нетерпеливо бросил Арцеулов, — ну, извините нас...

— Ладно... Я пошел. Надо поговорить с Цронцангамбо. Между прочим, кое-что могу посоветовать сразу. Мистер Арцеулов, у вас есть вещь, которая нам обязательно пригодится.

Арцеулов бросил взгляд на стоявшие в углу карабины.

— Нет, — усмехнулся американец, — это лекарство для другого случая. Я имею в виду рог Гэсэра. Но не спешите, я должен кое-что узнать. Не смею командовать, но я бы продолжил наблюдение за монастырем...

— Да, — кивнул Арцеулов, вставая, — вы правы. Пойду на пост, а вы, Наташа, покуда отдыхайте. Будем меняться...

...Девушка кивнула, и по ее взгляду Ростислав понял, что она почувствовала то же, что и он. Слова Валюженича пробудили то, чему, казалось, нет места у стен Шекар-Гомпа, — надежду.

ГЛАВА 7

Искушение

Степа очнулся в полной темноте, застонав от нахлынувшей боли — ныла ссадина на голове, болело ушибленное плечо и неизвестно когда ударенное колено. Вначале даже показалось, что он ранен, и ранен серьезно. Но, справившись с первым болевым приступом, Косухин глубоко вздохнул и сообразил, что, в общем-то, дешево отделался. Его, похоже, даже не оглушили как следует — просто оглушили, притащили и бросили куда-то на твердый и холодный каменный пол. А вот куда именно — понять трудно. В помещении не было окон. К счастью, ни рук, ни ног Косухину не связали. Он смог обследовать свое узилище, быстро определив, что оно небольшое, квадратное, имеет мощную железную дверь с широкой щелью внизу, из которой сильно дуло. Отчего-то показалось, что тут все же несколько те-

плее, чем можно было ожидать от каменного мешка. Возможно, он находится глубоко под землей.

Итак, руки-ноги целы, голова вновь работала, значит, о полной капитуляции речь вести рано. Впрочем, Степа не собирался признавать поражение в любом случае, но между «не признавать» и «не быть» имелась все же разница. К счастью, в данном случае враги допустили, с точки зрения Косухина, серьезную ошибку: оставили его в живых, да еще дали время на размышление. А это уже кое-что.

Итак, он в плену. Пощады ожидать не приходилось, оставалось надеяться на чудо. Хотя бы на то, что классовый враг капитан Арцеулов вместе с классово чуждым и столь же классово безграмотным Тэдом каким-то образом вызволят его отсюда. Правда, шансов мало. Вернее, нет совсем. Ему помогли мандат и наглость, но второй раз такие вещи не проходят. Разве что Наташа что-нибудь подскажет...

Наташа!

Косухин, вскочив, забегал по темной камере, натываясь на дышавшие холодом стены. Здесь ее давно нет, значит, оставался шанс, что ее все-таки не поймали. У девушки было несколько минут, чтобы добежать до скал. Если проклятый беляк не вздумал этой ночью как следует выспаться...

Степа помассировал зудящие кисти, вдруг сообразив, что чувствует под пальцами следы веревок. Похоже, он был связан, но затем его почему-то развязали. И Косухин на миг почувствовал нечто вроде обиды. Выходит, он не вызывал у здешних упырей особых опасений. Степа был несколько уязвлен.

Он присел на пол, приблизительно на то место, где и лежал — почти напротив входа — и задумался. Умирать было не только жалко, но и обидно. Он ведь сумел многое узнать. Теперь можно смело идти на доклад к товарищу Троцкому. Это уже не слухи и не байки про красноглазых собак. В тибетских горах строится крайне подозрительный объект, причем такими силами, связываться с которыми настоящим большевикам-ленинцам просто нельзя. Эти силы спекулируют на священных идеях Революции и заодно обманывают и эксплуатируют трудовой бхотский народ. К тому же эти научные эксперименты очень опасны...

Косухин вспомнил своего ночного гостя, которого пригласил погреться у догорающего очага. Его собеседник говорил, что Косухин сам должен решить, оставить ли все как

есть или вмешаться. Теперь Степа твердо знал — в Шекар-Гомпе таится опасность. Правда, здесь, в камере, его знания бесполезны...

...Рука скользнула по полу и вдруг наткнулась на что-то странное. Степа пошарил рукой вокруг себя, удивился и наконец понял — и поразился еще более. Возле него лежали веревки — добротные крепкие веревки, которыми вполне можно было связать не то что Степу, но и средних размеров медведя. Решив, что это просто памятка, оставшаяся от какого-то бедолаги, Степа все же ощупал веревки, прикидывая, нельзя ли их как-то использовать, и вдруг сообразил, что веревки не развязаны — узлы на месте — а разрезаны или разрублены...

...И тут он понял. Этими веревками связывали не того, кто сидел тут раньше, и уж, конечно, не медведя. Этими веревками был связан он сам, Степа Косухин! К нему отнеслись с полной серьезностью, стянув руки и ноги так, что запястья ныли до сих пор, но почему-то раздумали и разрезали путы.

Выходило что-то несуразное. Но тут Косухину пришло в голову, что несуразности нет никакой, просто у его врагов что-то не сработало. Кто-то сумел, пользуясь темнотой, рассечь веревки.

Пораженный догадкой, Косухин начал шарить по полу, надеясь, что неведомый друг оставил что-нибудь еще. На револьвер, конечно, Степа не надеялся, но чем черт не шутит! Рука задела несколько мелких камешков, старую, раздавленную сапогом спичку, и вдруг...

...Вначале Косухин не понял. «Это» показалось тяжелым и бесформенным, просто куском железа, к тому же изрядно проржавевшего. Ладонь ощупала неровный старый металл, коснулась все еще сохранявшего следы отточки острия и легла на удобную косяную рукоять.

Меч...

В старом ржавом оружии было что-то знакомое. Степа закрыл глаза, попытавшись представить себе, как меч выглядит при свете, — и вспомнил...

...Он уже видел этот ржавый клинок. Совсем недавно, в подземном склепе... Перед глазами встала золотая маска с еле заметной улыбкой в уголках тонких губ...

Итак, кто-то взял меч из склепа, перерезал веревки и оставил оружие в камере. Конечно, револьвер был бы более к месту, но Степа вспомнил — пули на этих выродков

не действуют. А вот меча — как и серебряного перстня — они почему-то опасаются. Недаром то, что рушило стены, так и не переступило через кости воина в золотой маске!

Косухин вскочил, сжал в руке меч и попытался — весьма неумело — провести несколько фехтовальных приемов. Меч — не стilet, его не спрятать, но этого и не требовалось. Степа жив, не ранен и даже вооружен, а значит, камера превращалась в крепость.

...Ждать пришлось долго. Косухину это уже успело надоесть, и он чуть не задремал, но вовремя удержался. Спать опасно — могут взять «теплым». Оставалось сидеть у стены, положить оружие рядом, и время от времени вставать, дабы согреться...

Наконец, слышались шаги. Степа услышал их издали — тяжелые, мерные — и поспешил лечь на пол. Меч был в руке. Косухин лишь повернулся, чтобы оружие не заметили с порога.

В замке заскрипело, дверь стала медленно отворяться. Ударил свет — не мигающий огонек масляной лампы, а мощный луч электрического фонаря. В камеру входили двое. Первый — обыкновенный косоглазый в черном полушубке, а вот второй... Наверное, Степа испугался бы, если бы азарт близкого боя не заглушил все иные чувства. Лицо второго — высокого, крепкого — когда-то было русским. Когда-то — потому что теперь лица не было. Не было нижней челюсти — она оказалась полностью снесена. В свете фонаря страшно щерилось несколько уцелевших зубов над открытой черной гортанью. От носа осталась едва половина, сквозь порванную кожу проглядывала желтая кость. Глаза были на месте, но без век и, как показалось, без зрачков...

Тюремщики не торопясь вошли в камеру, бегло огляделись, затем косоглазый с фонарем кивнул второму — страшному. Тот, беззвучно кивнув в ответ, стал наклоняться к Косухину. Косоглазый стоял рядом и светил. Огромные руки тянулись к Степе, стало страшно, но Косухин выждал миг, и лишь затем рука с мечом дернулась. Скрюченные кисти бессильно разжались — удар пришелся прямо в черный зев. То, что когда-то было человеком, зашаталось и с грохотом рухнуло на пол. Степа был уже на ногах. Его интересовал фонарь. Он перехватил руку косоглазого и взмахнул мечом. Ударить не пришлось — «черный» взвизгнул и бро-

сил ся нау тек. Фонарь — большой, тяжелый, с яркой белой лампой — остался у Степы. Хлопнула дверь — косоглазый успел закрыть камеру и теперь спешил запереть замок.

Степа перевел луч фонаря на неподвижное тело. Глаза закатились, пожелтевшие белки не двигались. То, что лежало на полу, стало походить на обыкновенного изуродованного войной мертвеца. Косухин вздохнул, пальцы сами собой сложились в щепоть, и красный командир поднес руку ко лбу. Но креститься не стал, в последний миг расценив это как слабость. Бога нет — Степа привык в это верить. Оставалось рассчитывать только на себя. Так, по крайней мере, честнее...

Фонарь был поставлен у стены, прямо перед дверью. Сам Степа сел в темноте, чтобы оставаться невидимым. Сдерживая страх, он обыскал тяжелое холодное тело, но никакого оружия не обнаружил. Впрочем, меч — а при свете Косухин убедился, что это действительно меч, — оказался вполне к месту. Первый бой выигран, оставалось ждать продолжения.

Новые гости появились вскоре. Шаги протопали — шло явно несколько человек — и замерли у входа, затем послышался резкий, нечеловеческий голос, уже звучавший в подземелье:

— Косухин! Прекратите сопротивление и сдавайтесь! Повторяю...

— Ага, сейчас и сразу! — не выдержал Степа.

Голос замолчал, но тут заговорил другой, тоже знакомый:

— Товарищ Косухин! Говорит особый уполномоченный ЦК Гольдин. Это недоразумение! Сейчас мы войдем в камеру, и я вам все объясню...

— Давай, — согласился Степа, которого такой оборот вполне устраивал.

— Мы откроем дверь, и вы выбросите оружие...

— Какое оружие? — с наивозможнейшей наивностью поинтересовался Косухин. — Эта железяка?

За дверью помолчали. Затем Гольдин вновь заговорил, но на этот раз в его голосе не чувствовалось решительности:

— В ваши руки попала опасная вещь, товарищ Косухин. Вы даже не понимаете...

Степа действительно не понимал, а потому охотно продолжил переговоры:

— Вот чего, товарищ Гольдин. Вы дверь откроете, а я в стороне сяду. Вот и поговорим. Вам чего, эта железка не по нутру?

— Это так называемый меч Гэсэра. На самом деле это не меч. Это опасный предмет...

«А вот за это спасибо», — подумал Степа.

— Косухин! — заговорил первый голос зло и нетерпеливо. — Мы ломаем стену! Вы уже знаете, что это нетрудно...

— Давай! — вновь кивнул Степа, чувствуя, что там, за стеной, блефуют.

Действительно, стену никто ломать не стал, вместо этого послышался голос Гольдина:

— Товарищ Косухин, повторяю — это недоразумение...

— Ага! — не выдержал Степа. — Точно, чердынь-калуга! Недоразумение! Мертвяков в бой посылаете, псов всяких ненормальных...

Он хотел упомянуть о Венцлаве, но вместо этого закончил:

— Да вы и сами, товарищ Гольдин, как здесь оказались?

— Я нахожусь там, где нужно революции и партии...

На миг Степе показалось, что он попросту спятил, но тут перед глазами встала далекая, почти уже забытая Столица, еловые венки у красного гроба, большой портрет с черным крепом...

— Партия, между прочим, вас в живых не числит, — рубанул Степа, которому стало страшно и одновременно противно. — Вы, товарищ Гольдин, либо самозванец, либо уж не знаю...

— Я выполняю особое задание. Моя смерть была инсценировкой...

«А вдруг правда?» — подумал Косухин. Вновь вспомнилось желтое восковое лицо в гробу — спокойное, без пенсне, с чуть приоткрытыми глазами...

— Я буду здесь, — тихо, но решительно заявил он. — Лучше с голоду помру! Сам я в ваш мертвецкий полк не запишусь...

— Обойдемся без твоего согласия, Косухин! — это был вновь первый, злой и нетерпеливый голос. — Ты предатель и негодяй! Тебе долго придется служить у нас в 305-м, чтобы загладить вину. А твою Берг мы на дне морском съедем...

«Наташа-то на свободе!» — обрадовался Косухин и почти совершенно успокоился.

— Ага, попробуй! Между прочим, кто из нас предатель — еще разберутся. Революции, говорите, это нужно...

За дверью негромко переговаривались, затем вновь слышались шаги — кто-то уходил, кто-то остался. Очевидно, будут брать измором — значит, надо быть начеку. И тут он услышал стон.

Стон доносился с порога, где неподвижно лежало страшное, изуродованное тело. То, что даже не напоминало человека, лежало в той же позе, но кое-что изменилось. Мертвые белые глаза стали другими — обычными, человеческими, в них плавала боль...

— Браток... — голоса из изуродованной гортани было почти не разобрать. — Браток, где я?

— А... а кто ты? — выдавил из себя Косухин, на всякий случай держа меч наготове.

— Не помню, браток... Ранило... Я... у беляков?

— Да, — Степа сглотнул. — Вроде как в плену.

— Ах ты... — послышался стон, сменившийся хрипом. — Помираю, видать! Больно...

По неподвижному телу пробежала дрожь, ноги дернулись, в горле вновь захрипело. Косухин с ужасом глядел на то, что когда-то было человеком. Вновь вспомнилось странное, неузнаваемое лицо Феди Княжко...

— Вспомнил! — голос внезапно стал ясным, почти что человеческим. — Ты вот что, браток, передай... Передай товарищу Киквидзе...

Голос смолк, глаза стали закатываться, тело дернулось и застыло. Степа сидел, сжавшись в комок, боясь даже пошевелиться. Он помнил, кто такой товарищ Киквидзе. Легендарный командир 16-й стрелковой был смертельно ранен под Царицыном. Случилось это в январе 19-го, ровно год назад. Тот, кто пришел в себя в подземелье Шекар-Гомпа, числил своего комдива в живых. Если бы здесь лежал Федя Княжко, то он бы, наверное, спросил его, взят ли наконец Бугуруслан...

— Сволочи! — прошептал Степа, еще раз пожалев, что, скорее всего, не сумеет сообщить в Столицу обо всем этом. И это было обидно...

Рука полезла в карман за папиросами, но там оказалось

пусто. Значит, и покурить не удастся... Косухин сел поудобнее, уменьшил мощность фонаря наполовину и стал ждать...

...Он думал, что услышит шаги, но голос прозвучал внезапно, как будто говоривший все время простоял за дверью:

— Степан Иванович! У вас нет настроения побеседовать?

Он уже слышал этот голос. Совсем недавно тот, кто желал пообщаться, уговаривал их с Наташей сдаться. Но Степа слышал этот голос и раньше и теперь вспомнил где. Тогда этот голос не был столь спокоен и благодушен — на Челкеле, когда «Руководитель Проекта» передавал ему, Косухину, приказ Реввоенсовета. Но теперь Косухин понял, что слышал этого человека и прежде. Правда, голос был немного другим, чуть измененным, да и выглядел говоривший совсем иначе, чем на Челкеле. Но Степа не мог ошибиться и принялся напрягать память, надеясь вспомнить...

— Вы не возражаете? — продолжал голос. — Тогда я войду. Выключите, пожалуйста, фонарь...

— Не-а! — встрепенулся Степа. — Я уж с вами беседовал, чердынь-калуга! Вы, кажись, на Реввоенсовет ссылались? Так пусть со мною кто-то из ихних говорит. Со здешними как-то нет охоты...

— Вас не устраивает товарищ Гольдин? Он же секретарь ЦК!

— Ага, — только и ответил Косухин, не желая вдаваться в подробности.

— Степан Иванович, знаете, я не люблю напрягать голос. Придется убедить вас иначе...

В ту же секунду фонарь погас. Степа вскочил с места — кто-то шагнул в камеру. Дверь при этом — Степа был уверен — и не думала открываться.

— Можете спрятать свой антиквариат, — голос звучал теперь совсем рядом. — Да-да, я о мече, который так напугал здешних товарищей. Архизабавно, правда? Я не стал их переубеждать — из педагогических соображений... Присядьте...

Тон говорившего был настолько властным, и, главное, голос показался таким знакомым, что Косухин покорно сел.

— Я хочу вступить в переговоры, Степан Иванович. И не

потому, что вас нельзя отсюда выкурить. Это как раз очень просто, и для этого не надо ломать стены. Дело в другом...

Неизвестный замолчал. Между тем Степа лихорадочно пытался вспомнить, где слышал этот голос. Но память не срабатывала, словно кто-то поставил непроходимую за-слонку.

— Здешние товарищи воспринимают вас весьма неадекватно...

— Как?

— Принимают вас за какого-то духа-мстителя Шекар-Гомпа. Забавно, весьма забавно...

Похоже, это слово очень нравилось говорившему.

— Я опять-таки не стал никого разубеждать. В руках тех, кто здесь служит, имеется огромная сила. Вы, сами того не желая, послужите неплохой остраткой — чтоб не зазнавались. Вы хоть сами не считаете себя духом-мстителем?

Степа решил было не отвечать на провокационный вопрос, но не сдержался:

— А чё? Все лучше, чем мертвяком ходячим из этого, чердынь, легендарного...

— Ну-ну! — подзадорил голос.

— А вы Гольдина как, выкапывали или сам выбрался? А из людоедов у вас только Венцлав или другие найдутся? И собачки ваши...

— Собачки не понравились? — неизвестный хмыкнул, но тут же голос стал суровым и жестким. — Товарищ Косухин, как вы считаете, кто главный враг нашей Революции?

— Мировой капитал, — отбарабанил Степа, даже не сообразив, что время для политбеседы выбрано не самое подходящее.

— Нет... Это вы говорите бойцам перед атакой. Подумайте. Поверьте, самое время.

Насчет последнего Косухин не поверил, но все же задумался:

— Ну, это... Мы, стало быть, враги всего прежнего порядка жизни. И хотим создать новый...

— Да...

Слово прозвучало настолько весомо и тяжело, что Степа испуганно замолчал.

— Ни меня, ни вас не устраивает прежний порядок жизни. А что было и есть его основой, Степан Иванович? Что мы должны сокрушить прежде всего?

К своему немалому удивлению, Косухин и впрямь заинтересовался:

— Ну, страх, наверное. Люди боятся... Голода боятся, начальства... Ну, эта, безработицы...

— Верно. А вы действительно неглупы, командир Косухин! Тогда сделайте еще один шаг — и поймете. Что лежит в основе любого страха? Чего боятся люди больше всего?

— Смерти... — негромко проговорил Степа, и ему стало не по себе от этой простой мысли, — смерти...

— Да. Смерть — основа всего существующего порядка. Смерть — вот что мешает и будет мешать людям. Именно смерть — наш враг. Мы не говорим это на митингах, но, кажется, многие уже начинают понимать... Не будет никакой победы, никакого великого будущего, если мы не уничтожим смерть...

Сказано это было веско, но что-то помешало Степе поверить до конца.

— Ну, ладно... Но ведь, это... Партия и собирается... Больницы там, здравоохранение...

Посылался смех — злой и оттого очень обидный.

— А чего? — взъярился Степа. — К попам, что ль, обращаться? Они-то вечную жизнь и обещают, чердынь-калуга!

Вновь смех, на этот раз вполне добродушный:

— Степан Иванович, ваша атеистическая девственность просто прелестна! Вы хоть Библию читали?

— Читал, — буркнул Косухин. Сказанное он не понял до конца, но здорово обиделся.

— Тогда вспомните. Смерть — не результат чумы или испанки. Люди получили ее вместе с проклятием. Был такой достаточно известный эпизод...

— Да не морочьте голову! — Степа чувствовал — его не просто морочат. От него чего-то хотят, чего-то серьезного. Недаром этот, со знакомым голосом, так распелся! — Вы еще вспомните про этот сад, как его?

— Эдемский, — охотно подсказал голос.

— Во-во, чердынь-калуга! Эдемский... Адам, Ева и этот... архангел с мечом в зубах... Вы мне лучше про Венцлава расскажите. Или мне рассказать?

— Про товарища Венцлава вам лучше никому не рассказывать. А по поводу всего остального, вы, кажется, кое-что поняли. Мы еще не можем победить нашего врага до конца. Но даже те, кто пал его жертвой, теперь служат нашему делу. Вас это так пугает?

— Не пугает... — Косухин хотел было высказаться на всю катушку, но сдержался, постаравшись сформулировать то, что давно уже приходило на ум. — Только вот чего... Неправильно это! Мертвые — они сами по себе. Уроды всякие, нечисть да нелюдь... Нечего им среди людей делать!

— Так говорят священники, — прервал его невидимый собеседник. — Они — наши враги, товарищ Косухин. Они — слуги нашего Главного Врага, того, кто придумал смерть.

— Как? — не понял Степа, несколько даже обомлев. — Ведь Бога-то нет!

— Бога? Бога — нет...

Сказано это было таким тоном, что Косухину, несмотря на привычность этих слов, стало страшно. Только сейчас он понял, что означает эта очевидная для каждого большевика истина. Бога нет, зато есть Венцлав, есть Шекар-Гомп с его нелюдями, есть этот, говорящий из темноты... Степу в чем-то обманывали, более того, приводили к чему-то страшному. Куда более страшному, чем если б колчаковские контрразведчики выпытывали сведения об иркутском подполье...

— Вы вот чего, — заговорил он наконец, — говорите, чего надо. Не верю я вам. Не насчет Бога — Бога-то нет...

— Его нет, Степан Иванович, — согласился неизвестный, на этот раз вполне спокойным тоном. — Но есть те, кто служит нашему врагу, те, кто помогал вам с того момента, как вы получили приказ помешать пуску «Мономаха». Кто спасал вас, давал советы.... Кто даже здесь умудрился подкинуть этот старинный сувенир. Они столь же реальны, как Венцлав или ваши любимые собаки. Кстати, это не собаки, вы плохо разбираетесь в биологии... Главное — все, кто помогал вам, — враги нашего дела...

Степа ничего не ответил. Выходит, врагами были не только белый гад Арцеулов, Наташа Берг и его брат, но и старик в пещере, командир Джор, монахи в тайном убежище... И тот, кто беседовал с ним у догорающего очага...

— Я дал вам немного порезвиться. Но сейчас вас схватят и выбьют из вас все. Потом вы встанете в строй и наденете шлем с голубой свастикой. Бывают мстительные натуры — вас, например, могут заставить расстрелять Наталью Берг или вашего брата — и вы это сделаете. Это тоже своеобразная педагогика, товарищ Косухин. Вы уже поняли — вас не спасет ничто, даже если разобьете голову о стену.

Мне служат все — и живые и мертвые... Вспомните господина Семирадского...

Косухина словно обожгло. Перед глазами встал Глеб Иннокентьевич — веселый, добрый и умный, такой, каким Степе не стать никогда, даже если сто лет учиться. И тот же Семирадский — мертвый, неузнаваемый, сжимающий пальцы на горле Наташи. И Косухин почувствовал не ужас, а ненависть.

— Не все, — отрезал он. — Иначе б вы со мной так не беседовали.

— А вы логик, товарищ Косухин! Но вы все-таки ошибаетесь. Я могу заставить — или убедить — каждого. И лучше, если вы поможете мне живой.

— А вам какая разница? — Степа внезапно почувствовал какую-то слабость в самодовольных рассуждениях неизвестного. Будь он всесилен, то просто раздавил бы Степу одним щелчком и даже не оглянулся...

— Пока те, которых мы вырываем из власти нашего врага, могут не все. Вернее, не все из них. Мне нужна ваша помощь — и ваша память. Я хочу пройтись по всей цепочке — в обратном порядке. Мне надо точно знать, где и кто помогал вам, кто беседовал, что обещал. Поймите, это куда важнее, чем раскрыть заговор белогвардейцев. Все имеет свою цену — я обещаю вам жизнь...

— Ага, — без всякого энтузиазма отреагировал Степа.

— Напрасно не верите. Я плачу за помощь — и плачу щедро. Вам простят измену — а ведь вы изменник, Степан Иванович, и вы это прекрасно знаете. Я не трону вашего брата и, если это вам так важно, оставлю в покое Наталью Берг. Но остальных я хочу получить. Они — враги. Вы это поймете — потом, когда я смогу рассказать вам больше, чем сейчас. Некоторых вы вообще не должны жалеть — хотя бы белого бандита Арцеулова, который вас так очаровал...

— А чего — Арцеулов? — Степа даже не обиделся. — Сами ж говорите — обычный беляк. Их у Каппеля целые батальоны. А вы — почти что Бог!..

— Не смейте! — резко оборвал неизвестный. — Не говорите о том, чего не понимаете и никогда не поймете! Что же до Арцеулова... иногда и обыкновенный смертный — муха, комар, инфузория — становится оружием врага...

«Ага! — сообразил Степа. — Да тебе, выходит, Ростислав поперек горла! Да что же это за шайка такая? В чеку бы их всех с их философией! Мировой капитал не враг, а

контуженный беяк — опасней всей Антанты! Эх, до Столицы добраться бы!»

— Решайте, Степан Иванович, — спокойно и даже доброжелательно произнес тот, кто говорил из темноты. — У всех бывают ошибки. Но не все могут расплатиться так дешево...

— А давайте так. Пусть меня трибунал судит. Настоящий, который в РСФСР. Ежели я и вправду, чердынь-калуга, изменник, пусть к стенке ставят. Руководствуясь революционной законностью. Имею я на это право?

— Нет, не имеете. Единственное ваше право сейчас — принять верное решение...

Степа молчал. Если он примет это «верное решение», то, возможно, его и в самом деле не тронут. В конце концов, невелика он птица, красный командир Степан Косухин. Он останется жив, не превратится в нелюдя с мертвыми глазами и, может быть, еще протянет сколько ему положено — чтобы упасть на каменный пол под ударами прикладов...

— Я вижу, вы смущены, Степан Иванович, — голос незнакомца стал мягким, словно обволакивающим. — Думаете, что придется предавать тех, кто вам помогал. А вы посмотрите на это иначе. Считайте, что вы — красный разведчик, посланный с опасной миссией. Вы раскрыли заговор врагов революции. Они — враги. Поверьте в это, и все станет на свои места...

Это было заманчиво. Он, Косухин, — не затравленный беглец и предатель, а отважный разведчик. Может, ему дадут орден. Еще один — как он и видел в своем странном видении. Черт с ними, с остальными, тем более, что и Бога-то нет... Интересно, почему этот, сладкоголосый, спросил его о Библии? Степа был плохо знаком с Писанием, но в памяти стало проступать что-то, слышанное еще от бабушки, вразумлявшей внука долгими зимними вечерами. Тот, который был Плотником, ушел зачем-то в пустыню. И подступил к Нему...

— Решайте, Степан Иванович, — голос был по-прежнему мягок, но в нем чувствовалось нетерпение. — Время идет...

Степа легко, по-кошачьи, подобрал ноги, готовясь к прыжку. Рука сжала костяную рукоять клинка. Незвестный должен быть рядом, в трех-четырех шагах...

— Решили, Степан Иванович?

— Да! — Степа вдруг стало легко и спокойно, словно все трудности оставались уже позади.

— Рад за вас. Поверьте, вы не...

— Изыди! — Косухин прыгнул, целя клинком туда, откуда шел голос. Он не промахнулся, но темноту озарила вспышка, и железо бессильно царапнуло о камень. В ту же секунду вспыхнул фонарь.

Камера была пуста. На стене белела свежая зарубина, а в руке осталась лишь рукоять — обломки ржавого железа лежали тут же на полу. Степа, вздохнув, осторожно положил костяную рукоять рядом. Взгляд упал на мертвое тело возле двери. Косухин охнул — на каменном полу, широко разбросав желтые, уже успевшие потемнеть кости, лежал скелет; изуродованный череп весело скалился беззубым ртом...

И тут камера дрогнула. Ударил ледяной холод. Косухину показалось, что он сходит с ума — стены поплыли, словно камень начал таять. Пол пошел невысокими волнами, потолок накренился, а холодный воздух стал густ и горяч. Передняя стена мягко выгнулась вовнутрь, словно была из воска, камень тек, плавился — и внезапно лопнул. В прореху ворвалась чернота. Свет погас, невидимые клещи сжали голову. Степа крикнул, но чернота хлынула в горло, а затем пол вырвался из-под ног и куда-то пропал, открывая ледяную холодную бездну.

Арцеулов сидел возле смотрового окошка и, не отрываясь, наблюдал за монастырем. Записная книжка Валюженича лежала рядом, открытая на странице с грубо вычерченным планом Шекар-Гомпа. Был третий час дня.

Валюженич забежал лишь однажды и вновь исчез, даже не сказав своего обычного «Оу!». Берг, желавшую вместе с капитаном наблюдать за неприступной твердыней, Ростислав еле уговорил поспать — после всего случившегося девушка чувствовала себя слабой и разбитой. Итак, Арцеулов вел наблюдение. Дело было привычным. Впервые за последние несколько дней капитан чувствовал себя уверенно. Перед ним был объект, которым следовало овладеть. Оставалось произвести разведку и принять адекватное решение. Неравенство сил не особо смущало. Он, как и краснопузый Степа, хорошо знал, как иногда захватывают самые неприступные крепости. Правда, если Косухин больше по-

лагался на смелость и наглость, то капитан предпочитал выдержку и точный расчет.

За несколько часов Арцеулов неплохо изучил все подходы к монастырю и систему охраны. Вчера вечером она показалась совершенной, но теперь, понаблюдав как следует, капитан оценил ее более скептически. Хозяева Шекар-Гомпа полагались больше на количество солдат, чем на военную науку. С утра не менее сотни косоглазых с карабинами растянулись цепочкой вдоль подножия Шекар-Гомпа, образуя еще один заслон. Сделано это было неумело. Будь у капитана хотя бы рота, он попытал бы счастья. Но у Арцеулова был лишь нестроевой археолог Тэд и несколько монахов в желтых балахонах. Оставалось наблюдать и делать выводы.

Капитан внимательно взглянул на вычерченный и уже много раз исправленный план, а затем перевел взгляд на монастырь. Косухина, если он, конечно, жив, держат в подземелье. Именно там «черные» собрали главные силы. Капитан в сотый раз оглядел ставший таким знакомым вид: лагерь, вышки охраны, огромный котлован, в котором копошились фигурки рабочих, лестница, ведущая в монастырь, домики справа, аэродром со стоящими там двумя легкими бипланами. Глаз отметил новую деталь — аэростат наблюдения с номером «три» медленно опускался.

Тэд появился внезапно. Он устало улыбнулся и присел рядом, вопросительно кивнув на окошко. Арцеулов покачал головой — решение покуда не созрело. Валюженич потер щеку.

— Трудные попались парни... Таких переговоров я не вел уже давно. В последний раз пришлось уговаривать настоятеля возле самой Кампалы подарить нам с Шарлем рукопись девятого века. Ну, в общем, так...

Он помолчал, собираясь с мыслями, и заговорил, громко и сурово, без тени обычной улыбки:

— Они уверены, что Стива не спасти. Вначале я думал, они просто испугались. Они, конечно, испугались, но все же не настолько, чтобы бежать. Ведь Стив мог... то есть не мог, конечно, но они могли подумать... Если он сообщит, где вход, нас всех накроют...

— Он не скажет, — резко перебил Арцеулов с непонятно откуда взявшейся уверенностью.

— Да... Они это тоже поняли. Но сами монахи помочь не могут — они не смеют никому причинить зла, даже в мыслях. Я спрашивал их о каком-нибудь подземном ходе...

— И что?

— Увы... Убежище так и задумано, чтобы из монастыря сюда не добраться. Кроме того, они действительно считают, что Стива незачем вырывать. Он, мол, выполнил все, что можно, и теперь его ожидает нирвана...

— Странная философия, — сдерживаясь, проговорил Арцеулов.

— Восток... Они верят в судьбу. Кроме того, для них смерть — лишь очередное перевоплощение. Итак, под землей туда не добраться, поверху — как думаете?

— Можно... — задумался капитан. — Я бы взялся. Но нам очень нужен хотя бы один человек внутри. Если бы он только вывел Степана наружу!

— О'кей! Понял. Кстати, узнал насчет вашего рога. Я все-таки археолог, а мы — все сплошь мистики....

Ростислав улыбнулся — мысль показалась неожиданной.

— Не удивляйтесь. Возиться с мумиями, кладами, заклипаниями! Да и сама наша работа, когда все зависит от Его Величества Случая... Я подумал, не сможет ли этот рожок сыграть ту же роль, что и духовые инструменты в известной кампании по взятию Иерихона. Помнится, у еврейских парней сработало...

Арцеулов взглянул на подарок Джор-баши, лежавший тут же, рядом, и вновь улыбнулся, на этот раз невесело.

— Я же говорю, Ростислав, мы, археологи, — мистики. Увы, должен вас разочаровать...

— Не подействует? — вполне серьезно поинтересовался капитан.

— Нет. Точнее, не откроет нам путь в Шекар-Гомп, что, в общем, логично. Будь все так просто, Гэсэр не стал бы посылать в Шекар-Гомп разведку. Ему стоило приехать и протрубить пару раз...

Арцеулов хотел вернуть Тэда с небес на землю, но вспомнил то, что виделось ему за время пути. Крылатый змей, дышащий ледяным ветром, и всадник, застывший на белом коне с луком в руках...

— Зато внутри Шекар-Гомпа, если мы туда проникнем, ваш эвэр-бурэ будет как раз к месту. Там вы можете позвать на помощь...

— Эх, Тэд!

— Ладно... Тогда резюме — помогать нам не будут. Они — не будут.

— То есть? — не понял капитан. — Вы говорите, они — не будут. А кто тогда?

— Оу, Ростислав, — Валуженич усмехнулся, и оттого его лицо сразу же помолодело. — Сейчас вы обвините меня в очередном — как это говорят у вас в России? — уклоне в фольклористику. Между прочим, два часа уговаривал мистера Цронцангамбо. И, представьте себе, уговорил... Я бы советовал вам тоже поприсутствовать — хотя бы ради тибетской экзотики. Вы слышали о здешних таинствах?

Капитан вспомнил рассказ покойного профессора.

— Надеюсь, вы не заставите меня наблюдать прогулку покойника?

— Оу, вы слышали об этом обряде? И даже видели его?

— Нечто в этом роде, — распространяться Ростиславу не хотелось.

— Тогда вас нечем удивить. Правда, все будет куда менее жутко. Пойдемте...

Капитан бросил взгляд на монастырь. Все по-прежнему, только воздушный шар был уже возле самой земли. «Черные» возились с какими-то большими баллонами, вероятно, готовясь дозаправить аэростат газом — гелием или водородом...

— Пойдемте, — поторопил Тэд. — Представление устраивают специально для нас. Между прочим, я пригрозил мистеру Цронцангамбо гневом Гэсэра. По-моему, это был решающий аргумент.

— Ох, Тэд! — капитан встал и стал подниматься по лестнице. Валуженич заспешил следом. Проходя мимо небольшой комнатки, ставшей на эти дни их пристанищем, Арцеулов на мгновение заглянул внутрь. Наташа спала, розовый свет горящего масла освещал ее строгое, напряженное даже во сне лицо...

Они вошли в зал, где в нише загадочно улыбался золотой Будда. Все монахи были уже на месте, сидя полукругом и держа в руках нечто, показавшееся Арцеулову неведомым оружием. Но, присмотревшись, капитан увидел, что это, конечно, не оружие, которого не было в этом зале. Двое монахов держали в руках небольшие барабаны, один — странное колесо, похожее на трещотку, а сам Цронцангамбо, сидевший посередине, грел на небольшой жаровне нечто чер-

ное в большой глиняной чаше. Только шестой монах сидел совершенно неподвижно и лишь улыбался, опустив веки.

И тут Арцеулов вздрогнул — этот, шестой, был здесь лишним. Монахов в убежище пятеро — это он знал точно. Все на месте — Цронцангамбо, старик, понимавший по-русски, молодой монах-послушник и двое остальных, похожих друг на друга, словно братья. Откуда взялся еще один?

Валуженич мягко надавил на плечо капитана, предлагая садиться, Арцеулов присел как раз напротив настоятеля и нового, неизвестно откуда взявшегося монаха. Вначале Ростислав взглянул на черную, остро пахнущую жидкость, кипевшую в чаше, затем перевел глаза на бесстрастное смуглое лицо Цронцангамбо и наконец посмотрел на неизвестного. Глаза сразу же отметили нечто непривычное — на голову монаха была наброшена тонкая, напоминающая кисею ткань, скрывавшая черты лица. Несмотря на это, что-то знакомое почудилось в неподвижной позе монаха. Чуть опущенная голова, скрюченные руки, легкая улыбка...

Как только Арцеулов сел, старательно скрестив ноги — вышло это у него не особенно ловко, — Цронцангамбо медленно обвел всех долгим спокойным взглядом и кивнул.

Тут же заговорили барабаны — негромко, ритмично и глухо. Монах, державший колесо, стал вращать его, что-то заунывно бормоча. Остальные начали вторить, покачивая головами в такт. Молчали лишь Цронцангамбо и неизвестный монах, сидевший по-прежнему ровно, ни разу не шелохнувшись. В голове у Арцеулова мелькнула догадка. Он повернулся к Тэду, но с удивлением заметил, что американец покачивается в такт барабанному рокоту, а побледневшие губы парня шевелятся, повторяя слова молитвы. На миг капитану стало жутко, но тут рука Валуженича легко сжала его локоть. Арцеулов немного успокоился и стал наблюдать дальше.

Барабанный бой усилился, монахи уже не говорили, а пели, и в их ровном слитном хоре Ростислав уловил слово «мане». Наконец, до него дошли слова молитвы, бесчисленное количество раз повторяемой монахами:

— О мане падме хум... О мане падме хум...

— О мане падме хум! — неожиданно для самого себя повторил Арцеулов, и в эту секунду Цронцангамбо быстрым движением сбросил покрывало с головы сидевшего рядом с ним монаха. На Ростислава взглянуло серо-желтое иссохшее лицо с полуприкрытыми глазами. Губы искривились в

легкой улыбке, отчего сидевший стал внезапно похож на Будду, но не на молодого, отлитого в золоте, а постаревшего после многих лет молитв и аскезы. Сомнений не было — рядом с Цронцангамбо сидел тот, кого Арцеулов уже видел в нише темного прохода. Бывший настоятель монастыря, неведомой силой задержавший течение своей жизни, чтобы провести полвека в тайном убежище. Высохшая мумия, в которой якобы еще теплится жизнь...

Арцеулов вспомнил рассказ Семирадского и похолодел. Сейчас Цронцангамбо велит мертвецу встать, худое тело неловко распрямит окаменевшие мышцы, откроются бессмысленные пустые глаза, и мертвец двинется, ведомый неведомой магией...

«Господи, зачем?» — капитан ощутил желание немедленно уйти, чтоб не присутствовать при некромантии.

Арцеулов и в прежние годы не увлекался оккультизмом, а события последних дней окончательно отбили всякий интерес к подобным зрелищам. Ростислав вновь взглянул на Тэда, на этот раз удивленно и недоумевающе. В ответ последовал легкий кивок — Валуженич продолжал повторять слова молитвы, казалось, ни на что не реагируя, но его рука вновь стиснула локоть капитана.

— О мане падме хум! О мане падме хум! — монахи вновь и вновь повторяли священные слова, барабаны рокотали, крутилось странное колесо. Только сейчас Ростислав заметил, что желтая поверхность его покрытия странными, похожими то ли на змеек, то ли на жучков, знаками. Черная жидкость в чаше кипела. Цронцангамбо осторожно отставил глиняный сосуд в сторону и кинул в огонь жаровни щепотку чего-то серого, похожего издали на порох. Пламя вспыхнуло, по залу поплыл резкий одуряющий аромат. Капитану показалось, что стены сдвинулись, стало темнее, а голоса монахов загремели, заглушая барабаны. И вдруг, совершенно внезапно, все стихло. В первую секунду тишина была оглушающей. Но тут Цронцангамбо, вновь кивнув, осторожно поднял чашу с каменного пола. Ростислав удивился еще больше — Валуженич медленно встал, провел сложенными ладонями перед лицом, поклонился, а затем стал громко, нараспев произносить непонятные, диковинно звучащие слова. Вначале капитану показалось, что американец впал в транс, но он заметил, что в левой руке Тэд держит листок из блокнота с карандашными каракулями, вре-

мя от времени заглядывая туда. Арцеулов успокоился — с Валюженичем все было в порядке. Голос американца звучал все громче, монахи, сначала незаметно, а затем все ответственнее, начали кивать в ответ.

Наконец Тэд, сделав секундную паузу, выкрикнул короткое странное слово:

— Орхо!

— Орхо! — эхом откликнулись монахи. Арцеулов поймал себя на том, что тоже повторил заклинание, хотя и не вслух, а лишь мысленно.

Тэд на миг перевел взгляд на капитана, и тот заметил, что глаза американца блестят от возбуждения. Наверное, Валюженич и впрямь чувствовал себя на высоте. Не каждому студенту Сорбонны удастся поучаствовать в тайном обряде бхотов! Арцеулов невольно усмехнулся, но усмешка тут же замерла на его губах. Тот, кто сидел рядом с Цронцангамбо, шевельнулся.

Ростислав ждал чего-то подобного, но зрелище оказалось страшнее, чем он думал. Дрожь побежала по неподвижному телу, бесцветные губы слегка шевельнулись, затрепетали веки. Арцеулов закусил губу, ожидая увидеть мертвые неподвижные глаза, но внезапно охнул, почувствовав облегчение и даже радость. Глаза медленно раскрылись, но их взгляд был чист и ясен — взгляд живого человека, немолодого, много пожившего, но, без сомнения, такого же обычного, как и все, сидевшие рядом с ним.

Цронцангамбо, подняв чашу, поднес ее к губам проснувшегося. Тот с явным усилием сделал глоток, по телу вновь прокатилась дрожь, и тут руки, до этого неподвижно скрещенные на груди, шевельнулись. Монах взял чашу из рук Цронцангамбо и сам поднес ее ко рту. Пил он медленно. С каждым глотком исчезали остатки оцепенения, кожа теряла неприятный серый цвет, тонкие серые губы стали наливаться краской. Наконец, монах осторожно поставил чашу рядом с собой, улыбнулся и поклонился окружающим.

Ростислав почему-то ожидал, что теперь все должны вскочить, закричать или по крайней мере как-то выразить свои чувства. Но монахи молча поклонились в ответ, а затем, следуя быстрому жесту Цронцангамбо, встали и, собрав свой магический скарб, по одному вышли из зала. Теперь

их осталось четверо — если не считать золотого Будду, безмятежно улыбавшегося за спиной возвращенного к жизни.

Монах расправил плечи, провел рукой по лбу, а затем заговорил. Голос был самым обыкновенным, только очень тихим. Цронцангамбо что-то сказал в ответ, монах кивнул, а затем с улыбкой поглядел на Валюженича и Арцеулова.

— Он просит нас подойти поближе, — шепнул Тэд.

Арцеулов встал и с некоторой робостью шагнул вперед, нерешительно остановившись возле догоравшей жаровни. Монах кивнул. Ростислав понял и присел рядом. Валюженич пристроился тут же, скрестив ноги по-турецки.

Вновь послышался тихий голос, на этот раз обращенный уже непосредственно к Арцеулову. Тот взглянул на Валюженича.

— Его зовут Цонхава. Он просит вас, Ростислав, быть внимательным и слушать его слова. Не понимаю почему...

Но Арцеулов уже понял. Он вспомнил пещеру и старика, напоившего их напитком под названием «сома». Они должны быть внимательны, чтобы видеть и слышать...

Ростислав заставил себя сосредоточиться, представив, что вокруг нет ничего — ни зала с улыбающимся Буддой, ни тех, кто сидел рядом. Слова звучали глухо, непонятно, но вдруг он почувствовал, вернее, услышал, как кто-то сказал по-русски:

— Я вижу, ты уже начинаешь понимать, воин...

Арцеулов хотел оглянуться в поисках неведомого переводчика, но тут же понял. Никто не переводил, просто слова, сказанные на чужом языке, отразились в его сознании.

— Да, кажется... — неуверенно проговорил он, почему-то надеясь, что Цонхава поймет его. — Здравствуйте!

— Мир тебе, посланец Гэсэра. Я не ждал столь быстрого возвращения в круги скорби, но тебе нужна помощь...

— Оу, Ростислав! Вы понимаете по-бхотски? — шепнул пораженный Валюженич. Объясняться было некогда. Капитан, кивнув Тэду, вновь заговорил:

— Господин Цонхава, мне, честное слово, неудобно. Я не посланец Гэсэр-хана, но мне и моим друзьям действительно нужна помощь...

— Ростислав, я не понимаю! — растерянный Тэд напряженно вслушивался в малознакомые русские слова. — Как вам это удастся?

Цонхава с улыбкой взглянул на нарушителей его покоя и покачал головой:

— Ты, кто вызвал меня... Как зовут тебя, чужестранец?

— Тэд... — Валюженич запнулся, — Тадеуш, если точно...

— Та-де-уш, — монах повторил по слогам незнакомое имя. — Ты молод, но смел, знаешь язык бхотов и не боишься преступить порог недоступного. В тебе чувствуется древняя кровь, очень древняя...

— Оу, мои предки стали дворянами еще в XV веке! — американец был явно польщен. — Я, вернее, мои предки из Великопольши...

— Я не о том, — перебил монах. — Не о званиях и правах, которые даются людям другими людьми... Но не будем сейчас об этом. Ты нетерпелив, Тадеуш. Твой спутник — посланец Гэсэра — уже понял, что требуется. Не спеши. Слушай — и думай...

— Я не... — начал вновь Арцеулов, но осекся. — Ну, в общем, меня зовут Ростислав...

— Мир тебе, Ростислав. Не будем спорить о словах. Считаться посланцем Небесного Всадника почетно. Те, кто называет тебя так, совсем не обязательно считают, что ты лично знаком с царевичем Джором, умершим тысячи лет назад...

Монах взглянул на сидевшего рядом с ним Цронцангамбо; тот еле заметно улыбнулся в ответ.

— Я из России, — быстро заговорил Арцеулов. — Я офицер...

— Вижу, Ростислав, — губы монаха вновь улыбнулись, но глаза оставались спокойными и грустными. — Ты воин, и тебя занесла сюда война. Я постараюсь говорить на твоём языке — не на русском, это, как видишь, не требуется, а на том, что тебе понятнее. Кто-то искал твоей смерти, и ты бежал сюда, в наши горы...

— Нет... — поспешил уточнить капитан. — То есть не совсем так... Враги взяли в плен моего спутника. Ему нужна помощь...

— Оу, мистер Арцеулов, — воскликнул Тэд, внимательно вслушивавшийся в речь капитана. — Неужели я научился понимать по-русски?!

Монахи улыбнулись, и Тэд смущенно замолк.

— Слушай внимательно, Тадеуш, — кивнул Цонхва. — У тебя слишком горячая кровь, ты всегда спешишь. Слушай — и не торопись...

— Я, наверное, начал не с того, — капитан взглянул на молчаливого Цронцангамбо и решил: — Господин Цонхва-

ва, то, что случилось со мною и моими товарищами, лишь частность. Случилось нечто худшее. Шекар-Гомп захвачен. Там сейчас какие-то бандиты, некроманты, оборотни...

— Мы еще успеем поговорить об этом, — нарушил молчание Цронцангамбо. Арцеулов отметил, что он понял слова настоятеля, сказанные по-бхотски, хотя и не так явно, как речь Цонхавы. Казалось, голос Цронцангамбо доносится откуда-то издалека.

— Шекар-Гомп... — медленно повторил Цонхава. — Значит, беда все-таки случилась! Ростислав, вы знаете, что скрывает монастырь?

— Ну, ведьму... — нерешительно начал капитан, — которую ранили... И она...

Тут он заметил, что Цонхава беззвучно смеется. Цронцангамбо тоже улыбнулся, но, как показалось Арцеулову, немного смущенно.

— Спасибо тебе, Ростислав, что ты пытаешься говорить со мною на моем языке, — отсмеявшись, заговорил Цонхава, — но не будем о Бранг Сринмо и запекшейся крови царя ада Ямы. В недрах под Шекар-Гомпом спрятана страшная сила. Сама по себе она не опасна, но ее можно использовать во зло. За горами, в земле поклоняющихся богам Тримути, есть сказание о божественном оружии, которое получил царевич Арджуна...

— Оу, «Бхагавадгита»! — не выдержал Тэд, слушавший речь монаха с приоткрытым от волнения ртом. — Война с Пандавами!

— Да, война с Пандавами... Ты неплохо знаком с нашей историей, Тадеуш. Под Шекар-Гомпом спрятана смерть. Но, к счастью, его создатели позаботились, чтобы никто не смог овладеть ею. На Земле нет средств, чтобы вернуть оружие царевича Арджуны...

— На Земле? А на других планетах? — быстро спросил Арцеулов, вспомнив о «Мономахе».

— Там — есть. И, возможно, опасность ближе, чем кажется... Но то, что спрятано под Шекар-Гомпом, можно использовать иначе. К сожалению, наши предки не уничтожили средство, способное вызывать беду. И даже хранили его в самом Шекар-Гомпе.

— Рубин «Голова Слона»! — понял Тэд. — Кровь бога Ямы!

— Да. Его привезли издалека. О нем говорят странные вещи... Я не о царе ада. Вы, люди чужой земли, где поклоня-

ются другим богам, лишь посмеетесь таким басням. Но камень, который ты, Тадеуш, назвал рубином, — вовсе не камень. Он не сотворен природой, но не создавался и людьми...

— Брат, — перебил Цронцангамбо, — наши гости не готовы к тому, чтобы осознать истину...

— Мы тоже... Не буду продолжать, но подумайте над моими словами. «Голову Слона» можно использовать, чтобы усилить и исказить то, что вырывается из недр горы. Это оружие не убивает, но может сотворить кое-что похуже смерти... Значит, Шекар-Гомп в руках врагов. Вы разбудили меня поздно...

Он повернул голову к Цронцангамбо, и тот, несмотря на всю невозмутимость, явно смутился:

— Все случилось слишком быстро, брат. Мы не ждали нападения. Погибли все, я увел лишь четверых...

— Враги не должны были войти в Шекар-Гомп. Если это все-таки случилось, значит, теми, кто напал на монастырь, предводительствует некто, знающий больше, чем все мы. А это знание недоступно человеку. Да, меня разбудили слишком поздно... Я хочу узнать вашу историю, Ростислав и Тадеуш. Расскажите по очереди. Говорите коротко и не бойтесь произносить непонятные мне слова. Я пойму...

История Тэда не заняла много времени. Цонхава слушал ее, слегка улыбаясь. Арцеулов поймал себя на мысли, что монах слегка посмеивается над молодым археологом. Но при первых же словах капитана улыбка исчезла с лица Цонхавы. Он слушал молча, не перебивая, но глаза его с каждой минутой смотрели все мрачнее.

— Гордыня людей заплонила землю — и земля наполнилась кровью. Теперь людская гордыня не щадит и небеса... Я верю, Ростислав, что те, кто создавал «Мономах», думали о людском благе, но за ними могут пойти другие... Впрочем, на земле происходит нечто худшее. Хранители Шекар-Гомпа успокоились слишком рано — и проглядели зло... Но не будем об этом. Твой спутник, как я понял, из вражеской армии?

— Это не имеет значения, — твердо ответил Арцеулов. — Здесь у нас общие враги.

— Он, наверное, смел и умен. Впрочем, ему повезло. Через короткое время, когда силы зла освоятся в монастыре, даже ему не проникнуть в Шекар-Гомп. И, возможно,

даже мне. Но пока, думаю, не поздно. Ты что-то хотел сказать, брат?

Последнее относилось к Цронцангамбо. Монах взглянул на Цонхава, затем на Арцеулова и неохотно проговорил:

— Брат, мы нарушаем волю Небес. Их спутник выполнил все, что ему велено. Его ждет иная награда, большая, чем можем предложить мы или кто-либо на земле...

— А что скажешь ты? — Цонхава повернулся к Тэду.

Валюженич не думал и секунды:

— Оу, мистер Цонхава, когда-то мои предки воевали против татар и казаков. Никто из них не бросил бы товарища в беде. У нас в штате Индиана таким не подадут руку и выкидывают из салунов. Стив спас мне жизнь — о чем еще говорить?

— А как же воля Небес? — улыбнулся монах. Похоже, слова Валюженича пришли к нему по душе.

— А разве все, что делается, не делается по высшей воле? — внезапно спросил Арцеулов. — И то, что мы хотим спасти Степана, — разве в этом нет руки того, что у нас называют Провидением?

Брови Цронцангамбо поползли вверх. Цонхава вновь засмеялся:

— Каждый видит Небеса по-своему. Для вас лицо Бога — пока лишь лицо воина. Да будет так, всему свое время... Сказанного довольно. Сейчас я поговорю с вашей спутницей. Надо понять, что успели сделать с монастырем захватчики. А ты, Ростислав, подумай, что будешь делать, когда мы найдем твоего товарища. Важно не только войти, но и выйти. Приготовься рассказать мне свой план и не бойся говорить на языке воинов — я пойму...

Монах встал и, отведав руку Цронцангамбо, пытавшегося помочь, подошел к бурхану Будды и низко поклонился. Затем, кивнув Тэду, безошибочно направился к проходу, который вел в комнату, где была Наташа. Валюженич понял и поспешил следом. Арцеулов и Цронцангамбо остались в зале.

— Вы, я вижу, недовольны, — заметил капитан, взглянув на нахмуренного монаха.

— Я не смею быть недовольным, — ответил тот. — Но теперь начнется война. Нам придется покинуть это убежище, а может, и этот мир... Тебе не понять меня, воин. Хотя мы теперь стали понимать друг друга, мы все равно говорим на разных языках.

Арцеулов, откланявшись, отправился на свой наблюдательный пункт. Снаружи уже темнело, вот-вот должны были загореться прожектора, но пока в котловине стоял серый сумрак. Особых перемен не было. Поставные в черных полушубках на месте, охранники ведут очередную колонну из лагеря к котловану, на аэродроме появился еще один биплан. Баллоны с газом возле аэростата исчезли. Очевидно, заправка закончилась, и теперь возле корзины наблюдателя, которую мощные канаты удерживали у земли, стояла лишь одинокий часовой...

— Оу, Ростислав, вы здесь? Я так и думал, — Тэд появился неожиданно и присел рядом, возбужденно потирая ладонью то лоб, то вихрастый затылок. — О'кей, кажется, этот парень знает, что делает. Представляете, он за пару минут сумел научить мадемуазель Берг своему эсперанто...

— Это не эсперанто, — усмехнулся капитан, отвечая по-английски. Здесь, когда монаха не было рядом, американец опять потерял удивительную способность, которую только что обрел.

— Знаю, — кивнул Валюженич. — Это почище эсперанто. У нас мистер Цонхава смог бы сделать потрясающий бизнес... Да что там бизнес! Будь у меня под рукой несколько хеттских или этрусских текстов!.. Нобелевскую премию мы бы поделили пополам, нет, я отдал бы ему три четверти...

Арцеулов не выдержал и рассмеялся. Американец не терялся ни при каких обстоятельствах.

— Тэд, лучше расскажите, каким это образом вы превратились в шамана и воскресителя умерших?

— Оу! — Валюженич даже потерял руки от возбуждения. — Это был класс! Понимаете, Ростислав, я уже видел таких, как мистер Цонхава. Это умеют йоги и факиры в Индии, да и на Тибете я встречал таких. Обычно в это состояние впадают лишь самые способные и знающие из монахов.

— Зачем? — удивился капитан.

— Ну, если я вам скажу, что они желают пообщаться с местными небесными боссами, вы сочтете меня мистиком. Скажем, они желают отдохнуть от земной дребедени и привести мысли в порядок. Способ не из худших, между прочим. Я слышал, что такая летаргия лечит все болезни, даже рак... Ну, вот я и подумал, что кто-нибудь из местных «спящих» может нам помочь. Когда мистер Цронцангамбо опять сослался на волю небес, не желая помогать Стиву, я

потребовал, именем Гэсэра, естественно, чтобы они спросили мнение предыдущего настоятеля. Им-то и оказался мистер Цонхава. Нынешний не решился брать ответственность на себя в таком деле, и я вызвался провести обряд лично. По-моему, вышло неплохо...

— Он поможет нам пробраться в Шекар-Гомп? — Ростислав все это время поглядывал на монастырь, вокруг которого только что загорелись прожектора.

— Да. Но нам придется тут же уйти, не возвращаясь в убежище. На этом настаивает Цронцангамбо — парень боится, что его команду отсюда выкурят. В чем-то он прав... Ростислав, ты у нас главный...

— Я? — хмыкнул капитан. — Главным себя чувствует обычно мистер Косухин, а в его отсутствие — мадемуазель Берг. За ними идете вы...

— О'кей, я оценил... — с самым серьезным видом кивнул американец. — Поэтому на правах второго заместителя главного босса хочу узнать у военного специалиста — что делать, если нам все же удастся попасть в монастырь и найти Стива? Я глядел на карту. Отсюда лишь один путь — обратно. Рискну предположить, это знаем не только мы...

— Вот как? — вновь хмыкнул Арцеулов. — А я-то думал, что нас, убедившись, какие мы крутые ребята, отпустят и дадут сэндвич на дорогу... Путь есть, Тэд, но кому-то придется чертовски рискнуть... Не меньше, чем тем, кто пойдет в монастырь.

— Меня устраивают оба варианта, — кивнул Валюженнич. — Расскажите?

— Да. Смотрите, Тэд...

И капитан повернулся к залитой прожекторами котловине, над которой темнела мрачная громада Шекар-Гомпа.

ГЛАВА 8

Тропа Света

На этот раз о Степе позаботились основательно. Когда Косухин очнулся, его руки украшали стальные «браслеты», каждый из которых был приклепан к длинной железной цепи. Степа лежал на полу, но уже не каменном, а бетонном, цепи тянулись куда-то вверх, исчезая под потолком.

Все это Косухин увидел мельком, открыв и тут же закрыв глаза. Хотелось выждать еще пару минут, чтобы прийти в себя и собраться с силами. Но не вышло.

— Очухался, сволочь! — сказано было вполне по-русски, и тут же тяжелый сапог ударил Степа в грудь.

Удар был от души — Косухин на миг задохнулся от боли. Второй удар пришелся в живот, но Степа уже был готов. Он резко отодвинулся в сторону, схватился за сапог обеими руками и что есть силы рванул. Тот, кому сапог принадлежал, явно ждал от Косухина чего-то другого, поскольку без всякого сопротивления грузно рухнул на пол. Степан решил было на этом успокоиться, но его охватила злость. В цепи, значит, куете, гады!

Не открывая даже глаз — ни к чему, — он безошибочно нащупал горло врага и ловко завернул цепь, ведущую от левой руки, вокруг шеи. Оставалось как следует дернуть, что Степа и сделал. Послышался хрип.

— Хватит, Косухин!

Это произнес кто-то другой, стоявший совсем рядом. Степа подумал, отпустил цепь и открыл глаза.

На полу рядом с ним валялся мордастый парень в темно-синих галифе и новенькой, такой же темно-синей гимнастерке. Он был без сознания — очевидно, сил у Степана еще хватало. Рядом стоял другой, повыше, в таких же гимнастерке и галифе и с тонким хлыстом в руках.

— Вставайте, поговорим...

Мордастый парень открыл глаза, увидел Косухина и начал отползать в сторону. Степа хмыкнул и встал, расправляя затекшие руки. Цепи зазвенели, но пока не мешали, свободно стелясь по полу.

Тип с хлыстом прошелся взад-вперед, затем резко повернулся. И тут Косухин обомлел, хотя вроде бы навидался за последние дни всякого.

Прежде всего, на этом, неизвестном, была маска. Большая, из тонкого темного шелка, закрывавшая почти все лицо. Были видны лишь глаза, черные курчавые волосы и такая же черная короткая борода. Маска — это само по себе как-то странно, но самым странным было то, что там, где находились прорези для глаз, кожа незнакомца была тоже черной, даже веки и складки под глазами.

«Негр, что ли?» — подумал Косухин, несколько раз видевший негров в цирке, во время чемпионатов французской борьбы. Встречались, хотя и редко, уроженцы Черной

Африки и среди красноармейцев. Но Степа заметил еще одну странность. Тонкий шелк не мог скрыть чего-то необычного, чего на обыкновенном, даже негритянском лице не бывает. Похоже, все лицо неизвестного поросло густой короткой шерстью. Косухин невольно взглянул на руки — но на них были перчатки.

— Можешь называть меня Анубис, — продолжал тип в маске. — Давно хотел взглянуть на тебя, Косухин, покуда ты живой. На мертвого-то я еще насмотрюсь...

Степа узнал этот голос. Именно Анубис приказывал им с Наташей сдаваться. Голос было трудно спутать — резкий, какой-то механический, совсем не похожий на характерную речь Гольдина или на мягкий баритон того, кто заходил к нему в камеру.

«Чего это он в маске? — любопытство не оставляло Косухина даже в подобных ситуациях. — Обгорел? Вон и руки, чердын-калуга...»

— Сейчас будешь отвечать на вопросы, — продолжал тот, кто назвал себя Анубисом. — Четко и ясно. Первый же неверный ответ или заминка — и тебе станет больно. Очень больно, Косухин...

Сказано это было без всякой угрозы — просто как констатация факта.

Степа хотел ответить, но сдержался. Говорить не о чем, а силы стоило экономить.

Анубис поглядел куда-то вверх и щелкнул пальцами. Что-то зашумело, как будто заработал небольшой мотор, и Степины цепи поползли наверх. Через минуту Косухин уже почти висел, едва касаясь пола носками унтов.

Тип в маске еще раз щелкнул пальцами. Мордатый парень, до этого жавшийся где-то в углу, взял с пола ведро воды и облил Косухина с головы до ног, после чего принялся опутывать его тонкими проводками.

— Это для верности, — пояснил Анубис. — Физику в школе учил, Косухин?

Степа молчал, помня старое правило подпольщика, которому учили его и которому он учил других. На допросе нельзя говорить ни о чем. Даже о том, чему учился в школе. Первый же ответ станет соблазном для второго, уже не столь невинного. И остановиться будет трудно...

— Сейчас через тебя будут пропускать электроток, — продолжал Анубис. — Умереть ты не умрешь, но больно бу-

дет до невозможности. Вода — прекрасный проводник тока. Знаешь, что такое проводник, Косухин?

Степа закрыл глаза. О попытках током он слышал — среди повстанцев рассказывали и не такое. Вначале не верилось — Степа привык воспринимать электричество, как явление чисто прогрессивное, необходимое для освещения улиц и домов будущего Города Солнца, который им всем предстоит построить...

— Итак, запомни, Косухин. Правильный ответ — тока не будет. Неправильный — пожалеешь. И учти, ты умрешь не скоро. Сердце у тебя здоровое, мы проверяли... Готов?

«Молчать, — приказал себе Косухин. — Вот теперь — молчать».

— Язык прикусил? Итак: фамилия, имя, отчество...

Степа приоткрыл глаза. Анубис стоял рядом, щелкая хлыстом по носку до блеска начищенного сапога. Мордатый уселся за столик в углу и склонился над листом бумаги, готовясь записывать.

— Оглох, что ли? Фамилия, имя, отчество?

Степа молчал. Конечно, можно было ответить на этот чисто протокольный вопрос, как и на многие другие, пытаясь выиграть время. Можно попытаться сплести историю — внешне правдивую, которая заставит Анубиса прервать допрос, чтобы проверить его показания — а это выигранные минуты или даже часы. Но Косухин, несмотря на свои двадцать два года, уже знал многое. Знал и то, что эти спасительные на первый взгляд увертки ведут всегда к одному — человек в конце концов начинает говорить правду. Молчать все же лучше. Хотя и страшнее.

Первый удар тока показался оглушительным. Боль пронизала все тело от пальцев вытянутых рук до пяток. Дыхание перехватило, сердце на миг перестало биться.

— Повторяю: фамилия, имя, отчество...

«Молчать!» — вновь приказал себе Степа, и тут новый удар обрушился на него, он чуть было не застонал, но сдержался и закусил губу. Стонать тоже нельзя. Особенно в самом начале, когда еще есть силы.

...Он не терял сознания. После нескольких ударов, когда перед глазами уже плыло оранжевое море, кто-то, очевидно, все тот же мордатый, вновь облил Степу водой, и сознание немного прояснилось. По подбородку текла

кровь — когда он успел прокусить губу, Косухин уже не помнил. Глаз он не открывал — так было легче.

— Чего молчишь, дурак? — в голосе Анубиса звенела насмешка, но Степе показалось, что тон стал менее уверенным. — Косухин, Степан Иванович, 1897 года рождения, из крестьян — трудно повторить? Итак, фамилия?

«Молчать!..» — повторил Степа и вдруг сообразил, у кого лицо покрыто шерстью, а на руках приходится носить перчатки, чтобы скрыть когти. Правда, у Анубиса ни рогов, ни хвоста не имелось. Обыкновенный гад, вроде тех, что пытали его друзей в колчаковской контрразведке. Корчит из себя!.. Анубис, чердынь-калуга!

Опять боль — и все мысли исчезли. В глазах стало темно, и на мгновение показалось, что он теряет сознание. Это было спасением — хотя бы на время. Анубис, казалось, понял его:

— Не надейся, Косухин. От тока сознания не теряют. Будешь мучиться, пока не изжаришься. Ну что, поговорим?

— Молчать... — Степа уже не понимал, что говорит вслух, — молчать...

Что-то слегка задело по лицу — боли он не почувствовал, вернее, эта боль не шла ни в какое сравнение с той, настоящей. Лишь потом Косухин сообразил — палач в маске ударил его хлыстом. Еще удар, в глазах вспыхнул желтый огонь, и Степа с какой-то неведомой ясностью почувствовал — следующего удара сердце не выдержит. Но цепи внезапно ослабли. Косухин рухнул на пол, и на него вновь плеснули ведро воды.

— Дурак... — услышал он медленно-сकुчающий голос Анубиса. — Все равно заговоришь, сволочь...

Косухин, услышав стон, удивился, затем понял — стонет он сам. Терять контроль было нельзя, и Степа постарался собрать остаток сил. Все-таки у них сорвалось! Каждая минута — выигрыш для Наташи и для белого гада, который получит свой пропуск к зеленому морю. Проще, конечно, умереть — сразу, чтобы не испытывать дальнейшего. Но даже сейчас умирать Косухину не хотелось. Он вдруг почему-то поверил, что все-таки выкрутится.

— А может, просто спятил?

— Если б спятил — пел бы птичкой!

— Но вы же обещали?

— Хотите сами попробовать?

Голоса доносились, как сквозь вату, но Степа узнал того, кто говорил с Анубисом. Гольдин... Пришел полюбоваться, упырь!.. Между тем секретарь ЦК гнул свое:

— Я всегда говорил, что не в восторге от ваших методов...

— Прикажете поить его чаем с лимоном?

— Нет. Но если он умрет, мы ничего не узнаем...

Степа насторожился. То, что сказал Гольдин, в общем, понятно, но Косухин все время помнил о Венцлаве и его полночных допросах. Мелькнула надежда — эти такого не умеют! Как бы подтверждая его слова, Гольдин негромко бросил:

— Сам не захотел. Поручил нам, а мы... Вот, кстати, ответ из Иркутска...

— Вот как? — в голосе Анубиса сквозило явное удивление. — Не понимаю...

— А вы и не должны понимать. Зовите Гонжабова. Если что — рискнем попробовать его способ...

— Ради этого мальчишки?

Гольдин не ответил, и через секунду хлопнула дверь. Косухин чуть приоткрыл глаза. Анубис был в комнате один. Он стоял у столика, где белели листы ненаписанного протокола, и читал какую-то бумагу. Момент был удачный. Будь у Степы немного сил, он бы рискнул — несмотря на цепи — достать Анубиса. Но каждый мускул, каждая клетка тела были заполнены болью. Оставалось одно — думать, тем более голова вновь стала ясной, и мысли отливались одна за другой — четкие и логичные.

«Сам», который «не захотел», поручив палаческую работу этим гадам, вероятно, тот самый сладкоголосый любитель политбесед. Гонжабов — что-то неизвестное и, похоже, не лучше Анубиса. А вот из Иркутска, видать, подал весточку товарищ Чудов. Интересно, что там могло быть такого удивительного? Заступается, что ли? Мысль показалось почему-то забавной. Сюда бы Прова Самсоновича — вот бы мужик скис!

— А ты большой человек, Косухин! — хмыкнул Анубис — Слава Волков за тебя заступается. Советует не превращать в марионетку. Чем ты его очаровал?

Выходит, из Иркутска отозвался не Пров Самсонович, а сам товарищ Венцлав! Вначале Степа не очень понял насчет марионетки, потом сообразил. «Марионетки» — слав-

ные бойцы 305-го с бессмысленным взглядом, без речи. Страшные мертвые куклы. Выходит, есть и другие — вроде Гольдина. Он им нужен таким...

— Все, вставай!

Степа никак не отреагировал. Внезапно цепи зашевелились и поползли вверх, приподнимая непослушное тело. Двигаться было больно, но Косухин все-таки заставил себя приподняться. Цепи ползли, и наконец его руки вновь были подтянуты к потолку. Правда, теперь Степа мог стоять — это было все же чуть легче, чем прежде.

— Смотри на меня, сволочь!

По лицу вновь ударил хлыст, стало больно и противно, и Косухин открыл глаза. Лицо в маске было рядом. Степа машинально отметил то, что как-то упустил раньше: губы Анубиса были тоже совершенно черные, а нос какой-то странный — приплюснутый и круглый.

«Во урод! Даже со своими, чердынь-калуга, в маске ходит!»

Мысль эта доставила Степе некоторое удовлетворение, и он заставил себя улыбнуться.

— Ха, ты, я вижу, повеселел! — Анубис покачал своей страшной головой и сплюнул. — Ничего, сейчас с тобой побеседует Гонжабов. Вы с ним споетесь — он вроде тебя, такой же псих...

Отвечать было нечего, и Степа по-прежнему молчал, отстраненно соображая, что может придумать неизвестный ему Гонжабов. К счастью, сознание отказывалось, вероятно, из инстинкта самосохранения, давать ответ. Оставалось ждать.

В дверь постучали, Анубис крикнул: «Входи!» — и на пороге показался невысокий, очень молоденький косоглазый в ладно подогнанной темно-синей форме. На голове была фуражка с голубой свастикой, на груди Степа с изумлением заметил орден Боевого Красного Знамени РСФСР.

— Входите, товарищ Гонжабов, — повторил Анубис, поворачиваясь к орденоносцу и небрежно кивая.

— Товалищ начальник особого отдела! Класноалмеец Гонжабов по вашему пликазу плибыл!

Звучало смешно, но смеяться не хотелось. От невысокого худого паренька веяло чем-то зловещим — и куда более страшным, чем от верзилы Анубиса.

— Знакомься, Гонжабов. Это товарищ Косухин, тот самый. Очень несговорчивый... А это товарищ Гонжабов, —

Анубис повернулся к Степе. — А знаешь, Косухин, за что у него орден? За Шекар-Гомп! Если б не он, мы бы не взяли монастырь. Его недостаточно сознательные родители отдали в монастырь, но он проявил классовое чутье. Между прочим, комсомолец. Мечтает вступить в партию. Может, ты ему дашь рекомендацию, Косухин? Ведь ты же представитель Сиббюро?

Степа хотел крикнуть, чтобы эта сволочь не смела упоминать его партию, но сдержался. Нет, с такими надо молчать...

Между тем Гонжабов, с интересом поглядев на растянутого на цепях Степу, улыбнулся:

— Здравствуй, Косухин, — на этот раз «р» прозвучало на славу. — Как там поживает отец мой Цронцангамбо? Я хочу его увидеть. Я соскучился, Косухин!

«Отец!» — в первую секунду Степа поразился, но потом вспомнил, что монахи так называют старших. И все же слова Гонжабова прозвучали зловеще. Косоглазый между тем продолжал:

— Я очень соскучился по отцу моему Цлонцангамбо, — с «р» вышла явная промашка. — Ты ведь знаком с ним, Косухин, плавда? Иначе ты бы не попал в монастыль... Отец Цлонцангамбо обидел меня, своего сына. Он меня проклял! — «р» зазвучало вновь. — Проклял, Косухин, и назвал меня «Нарак-цэмпо». Это имя злого духа, Косухин, очень злого. Я не обиделся, я ведь его сын. Но я хочу его видеть... И ты отведешь меня к нему, Косухин, плавда?

Гонжабов по-прежнему улыбался, его маленькие глазки внимательно осматривали Степу, словно оценивая. Между тем Анубис потоптался минуту, затем кивнул и направился к двери, буркнув нечто вроде: «Позовешь, если чего». Гонжабов даже не оглянулся:

— Он не хочет смотлеть, Косухин. Даже он, пледставляешь? По-моему, он думает, что я в самом деле Нарак-цэмпо.

Болтовня бывшего монаха стала раздражать. Косухин вдруг заметил, что Гонжабов стоит совсем рядом. Упускать случай ногой грешно. Степа сцепил зубы и что есть силы двинул ногой.

Он почти не промахнулся — худосочный заморыш упал, откатившись на добрую сажень в сторону. Впрочем, он тут же встал, и улыбка его стала еще шире.

— Ай-яй-яй, Косухин! Нехолосо... Но я не обиделся, не

бойся. Сегодня я не могу обижаться — ведь я должен холо-со тебя узнать. Я должен полюбить тебя, Косухин...

«На понт берет, чердынь-калуга! — окончательно уверился Степа. — Пугает, косорылый... Эх, если б не цепи, показал бы я ему любовь, аж с первого взгляда...»

Гонжабов еще пару минут походил вокруг Степы, однако более не приближаясь, затем вздохнул:

— Ну, будем начинать, Косухин. Ты уже увидел всякие чудеса — но это не чудеса. Здесь умеют делать из людей варда — это несложно... А вот такое ты видел? Смотри!

Гонжабов легко взмахнул рукой. И вдруг Степа почувствовал страшный удар, обрушившийся из пустоты. Он помотал головой, хлебнул воздуха и изумленно раскрыл глаза. Гонжабов смеялся:

— Я мог бы забить тебя до смелти — даже не коснувшись. А вот еще — смотли!

Он вытянул вперед ладонь и резко провел ею по воздуху. Степа почувствовал острую боль — гимнастерка на груди лопнула, из глубокого пореза хлынула кровь.

— Я могу вырвать твое сердце, Косухин!

Все «р» были на своих местах, и Степа успел подумать, что эта нелепая речь — чистое притворство.

Еще один взмах — и кровь засочилась из шеи.

— Я мог бы отрезать тебе голову, Косухин! Но я сделаю иначе... Но, может, ты решил заговорить?

И тут Степа почувствовал, что начинает сдавать. Он подумал было, что стоит сделать попытку — пообещать косо-глазому что угодно, а там... Но тут же оборвал себя — нет, именно так сдаются. Они здесь умные, наверное, и не таких, как он, заставляли признаваться. Лучше — молчать...

— Ну, ладно. Тогда я покажу тебе кое-что еще. Хочешь говорить — говори. Но поторопись, Косухин. Ты ведь просто человек, и даже не монах, как мой отец Цронцангамбо...

Гонжабов отошел на шаг, медленно вытянул правую руку и стал еле заметными движениями водить ладонью вверх-вниз. Боль возникла снова, но на этот раз прямо против сердца. Казалось, что-то тупое и тяжелое медленно проламывает ребра, вонзаясь в грудную клетку. Степа, не держав, взглянул — кровь сочилась из пореза, но там, где сейчас была боль, кожа оставалась нетронутой.

— Смотри, смотри, Косухин! — Гонжабов по-прежнему улыбался, но в уголках его губ запеклась пена. — А лучше говори! Все говори... Сейчас я дотронусь до сердца...

Дыхание перехватило. Пульс замер, затем забился неровно, часто. Боль теперь была внутри, где-то около сердца, а невидимое лезвие вонзалось все глубже. Гонжабов не спеша повернул ладонь, и стало еще хуже — словно клинок провернули в ране.

— Надумал, Косухин? Нет? Ну, продолжим...

То, невидимое и страшное, что было в груди, внезапно собралось воедино, и в следующую секунду Степа ощутил, как это невидимое охватывает его сердце. В глазах зарыбило, кровь уже не стучала, а била словно молотом, страх начал затоплять сознание, мешая думать...

— Я держу твое сердце, Косухин! Сейчас я сожму руку...

«Нет!» — хотел закричать Степа, но последним усилием воли сдержался. Тело исчезло — осталось лишь неровно бившееся сердце и то, что готово было сжаться и остановить его. Тело вновь напряглось, дернулось — но уже без участия сознания.

— Говори, Косухин, говори...

— Господи!.. — губы прошептали это беззвучно. Он почувствовал, что проваливается в темноту...

...Боль не исчезла, но куда-то ушла, оставшись, как и тело, где-то далеко в стороне. Здесь же было тихо и очень светло.

— Дохожу, — понял Косухин и открыл глаза. То, что он увидел, поначалу испугало — пепельное, залитое кровью лицо со слипшимися от пота волосами и чуть подергивающимися веками. Степа подумал, кто этот бедолага, и вдруг понял — это он сам. Косухин испугался еще больше — и отступил на шаг. Он был по-прежнему в камере. Гонжабов стоял посередине, застыв в ожидании, а он — другой — бесильно висел на цепях, откинув голову назад. Боль ушла — вернее, почти ушла, оставшись где-то вдалеке, в самом глухом углу.

Степан больше не удивлялся. Боль исчезла. Он вновь почувствовал силу, краешком сознания понимая, что это не может быть правдой. Он — настоящий — висел рядом, прикованный и полумертвый. Но разбираться было некогда. Лицо Гонжабова, теперь уже не улыбающееся, а искаженное злостью, передернулось, пальцы вытянутой руки сжались, словно бывший монах пытался что-то раздавить. И тут Косухин ударил — резко, что было сил. Удар пришелся по

руке, Гонжабов дернулся, изумленно обернулся, и Степа ударил вновь — ребром ладони по сонной артерии. Он еще успел заметить, как косоглазый начинает валиться на пол, усмехнулся — и все исчезло. Перед глазами стало темно, вернулась боль, и он ощутил наконец свое тело: холодный пот на лбу, засыхающую кровь на груди и на шее, затекшие руки. Но сейчас ему было явно легче. Через секунду он сообразил — боль в груди исчезла, сердце билось хотя и быстро, но ровно и четко. Косухин глубоко вздохнул и открыл глаза...

...В камере кое-что изменилось. Гонжабов сидел на полу, прислонившись к стене. С лица напрочь исчезло самоуверенное выражение, да и в целом вид его был не из лучших.

«Кто же его так? — подумал Косухин, вспоминая, что видел в бреду. — Не я же, в самом деле! А хорошо, чердынькалуга!» У двери стояли Анубис и Гольдин, о чем-то негромко разговаривая. Наконец Анубис кивнул своей жуткой головой, буркнув:

— Придется. Вот с кем не хотелось бы связываться!

Гольдин пожал плечами и молча вышел. Анубис кивнул кому-то за дверью. Тотчас появился мордатый парень в синей гимнастерке и молча вытащил все еще не очухавшегося Гонжабова в коридор. Анубис покачал головой, а затем поглядел куда-то вверх и щелкнул пальцами. Степа почувствовал, как цепи начинают опускаться. Он попытался сесть, но сил не оставалось. Косухин лег на пол, стараясь не двигаться, чтобы не тревожить полное боли тело.

Появился все тот же мордатый, так же молча снял со Степиных рук стальные браслеты и принялся отматывать проводки.

— Ну, все, Косухин, — Анубис подошел поближе, с интересом рассматривая неподвижно лежавшего Степу. — Готовься!.. А здорово ты его! Правильно, а то слишком задаваться стал... У тебя орден за что?

— За Белую, — внезапно для себя ответил Степан. — Апрель 19-го...

— Ну вот, — казалось, палач не заметил, что жертва начала говорить. Похоже, это его уже не заботило. — А товарищ Гонжабов получил свой за то, что впустил нашу боевую группу в монастырь. Так что ты молодец, правильно его вырубил. Как это тебе удалось?

На этот раз Косухин смолчал. Не только из принципа, но и потому, что и сам толком не понимал. Не верить же тому, что видел в бреду!

— Ну и вид у тебя, Косухин! — Анубис покачал своей черной головой. — Выпить хочешь? Напоследок...

— Хочу, — хрипло ответил Степа и попытался приподняться.

Анубис отошел к столу. Что-то булькнуло. Через минуту он вручил Косухину большую кружку с чем-то желтым. Степа хлебнул, охнул и удивился:

— Коньяк, чердынь-калуга! Шустовский...

— Шустовский... — согласился Анубис, чуть помолчав. — А ты непростой парень, Косухин. Коньяки, выходит, различаешь! А еще из крестьян!

Степа не стал пояснять, откуда помнит вкус шустовского коньяка. Теперь солнечный напиток окончательно ассоциировался у него с близкой смертью. Пил Степа медленно, вспомнив, как это делал белый гад Арцеулов, с удовлетворением чувствуя, как с каждым глотком ему становится легче. Он сумел приподняться, сесть и даже пригладить мокрые спутанные волосы.

— Еще чего хочешь? — поинтересовался Анубис. — Давай, не стесняйся — положено.

— Умыться, — Степа потрогал запекшуюся на лице кровь и сморщился. — И папиросу.

Мордатый парень принес ведро воды и полотенце. Кое-как смыв кровь, Косухин закурил папиросу неведомой ему марки — очень крепкую, с темным табаком. Перед глазами все поплыло, он почувствовал, как дрожат руки.

— Не спеши! — подбодрил Анубис. — Докуривай, подождут. Да, крепок ты, красный командир! Теперь понятно, почему Слава Волков за тебя просил. Сам, дурень, виноват. С тобою ведь Главный говорил! Неужели не убедил?

— Не-а, — спокойно ответил Косухин. Похоже, тот, кто беседовал с ним в темной камере — действительно главный в этой банде. Жаль, уже не придется узнать побольше об этом сладкоголосом...

— Против кого прешь, Косухин? Против главного проекта революции! Да ты просто дурак!

— Заткнись! — не выдержал Степа. — При чем тут революция?

— Вот недоумок! — Анубис даже засмеялся. — Да на

кой черт нам твои Сиббюро и вшивые повстанцы с берданками?! Нам нужна сила! Понял? Сила! А здесь будет центр — Око Силы! Уразумел?

«Око Силы... — повторил про себя Косухин. — Вот оно, значит, что...»

— А может, плюнешь на свою дурь, а, красный командир? Еще не поздно. Сдай всех этих гадов — и я сам за тебя буду Главного просить. Нам такие, как ты, нужны живыми... Ну так чего?

— А пошел ты!.. — с удовольствием выговорил Степа, кидая окурок. — Колом бы всех вас осиновым!

...Вошли двое, в такой же темно-синей форме, и, подняв Косухина с пола, потащили из камеры. Он хотел осмотреться, но его тут же успокоили сильным и точным ударом по голове, а затем уложили на носилки, накрыв чем-то тяжелым и темным. Покуда его несли, Степа никак не мог понять, что в происходящем ему кажется странным. И, наконец, сообразил — его несли ногами вперед, словно красног командира Косухина уже не было в живых.

...Носилки долго несли куда-то вверх по лестнице, затем пахло холодом, — очевидно, они выбрались на поверхность. Носилки качнуло — те, кто их нес, переступали высокий порог. Наконец Степа почувствовал, как его спина коснулась чего-то твердого.

Он хотел пошевелиться, но тут покрывало сдернули, и вокруг груди крест-накрест легли толстые веревки. Послышались торопливые шаги. Похоже, парни в синем старались не задерживаться в этом месте. Косухин остался один.

Он попытался приподняться. Вевевки мешали, да и мышцы слушались плохо, но кое-что удалось увидеть. Он лежал в большом полутемном зале, освещенном двумя светильниками, горевшими по углам. Они были не электрическими, а обычными, масляными. В тусклом свете можно было различить, что стены зала когда-то покрывали барельефы, но, как и повсюду, где бывал Косухин в последнее время, чьи-то руки тщательно выровняли поверхность камня.

Возвышение, куда его положили, находилось как раз в центре зала. Внезапно Степа сообразил, что начинает замечать еще один источник света. Прямо перед ним, шагах в двадцати, что-то горело неярким, едва различимым красным огоньком. Вначале этот свет был почти незаметен, но с

каждой минутой становился все ярче. Вскоре Косухин понял: прямо перед ним, на большом квадратном возвышении, находился огромный, светящийся неровным красным огнем камень странной неправильной формы. Свет становился все ярче, вскоре темнота отступила к углам, и Косухин смог подробно рассмотреть гигантский кристалл, грубо обработанный человеческими руками. Красный свет рос, сгущался. Внутри него стали проступать ярко-белые пятнышки, напоминающие глаза.

— «Голова Слона», — вспомнил Степа. — Вот, значит, и увидел!..

— Хорошо! — Арцеулов встал, бросил еще один взгляд на исчерченную пометками карту Шекар-Гомпа и кивнул. — Быть посему...

План он «обсуждал» уже в третий раз. Сначала с Тэдом, затем с Цонхавой и, наконец, сейчас — в присутствии Наташи, Валуженича, Цонхавы и Цронцангамбо. Присутствовал и молчаливый монах, понимавший по-русски, но он, как и следовало ожидать, не проронил ни слова.

— Мне трудно судить, — поджал губы Цронцангамбо. — Я далек от забот войны... Если что и поможет — то это рог Гэсэра. Его силы не прогонят врагов — но отвлекут...

Настоятель говорил по-бхотски, но Арцеулов и Берг обходились без переводчика — странное искусство Цонхавы действовало по-прежнему.

— Я хочу сказать... — Цронцангамбо на секунду запнулся, — если вас постигнет беда, я открою вход в убежище. Но это не спасет вас и погубит тех, кто доверился мне. Да будет воля Неба...

— Понимаю, — вновь кивнул Арцеулов. — Мы не будем подвергать риску убежище, святой отец...

Он хотел добавить, что имеет иное мнение по поводу рожка, по-прежнему торчавшего у него за поясом, и готов оставить его у монахов, чтобы реликвия не пропала, но сдержался. Здесь они с Цронцангамбо действительно говорили на разных языках.

— Не будем мешать, — настоятель встал, кивнув старику-монаху. — Мы еще встретимся перед вашим уходом...

Монахи вышли, лишь Цонхава остался сидеть, о чем-то размышляя. Берг и Ростислав переглянулись.

— Господин Цонхава, — начал капитан, — вы пока не сказали главного...

— Главное сказано... — монах чуть заметно улыбнулся. — Ты ведь сам все решил, воин.

— Да, но ничего из этого не получится, если мы не попадем в Шекар-Гомп. А я еще не знаю — как...

Монах вновь улыбнулся:

— Не думай о мелком, Ростислав. Я обещаю, что вы попадете туда. Думай о бое — и пусть других мыслей у тебя не останется...

Арцеулов немного успокоился, подумав о каком-то не известном никому, кроме Цонхавы, подземном тоннеле между убежищем и монастырем. В конце концов, такое вполне возможно.

Ростислав взглянул на часы. Монах понял:

— Не буду мешать. Встретимся в святилище. Я буду ждать...

Он встал, поклонился и шагнул за порог.

— Нам пора, босс? — нетерпеливо поинтересовался Тэд.

— Да... Проверьте оружие.

Каждый взял по карабину, карманы полушубков были набиты патронами.

— Ножи...

Валюженич засунул за пояс трофейный нож. Берг покачала головой.

— Вот. Это дал мне Степан... — на ее ладони оказался серебряный стилет.

Валюженич тут же схватил его и принялся рассматривать.

— Оу! — произнес он наконец. — Артефакт! На аукционе за него неплохо заплатят. Китайская работа, по-моему, династия Мин...

— Главное, что он действует на этих нелюдей, — кивнула Берг, забирая оружие. — Ну, я готова, господа...

Арцеулов еще раз окинул взглядом их временное убежище, показавшееся внезапно таким уютным и безопасным:

— Что ж, с Богом... Тэд, все помните?

— О'кей, фельдмаршал! Сиж у входа, наблюдаю. Как только...

— Хорошо, — прервал его капитан. — Пошли...

Они прошли темным коридором, оказавшись в зале, где

Валюженич не так давно столь удачно исполнял роль шамана. Теперь здесь было пусто, лишь в центре неподвижно сидел Цонхава. При виде вошедших он встал.

— Мы готовы, — сообщил Арцеулов. — Куда нам идти?

— Не спешите. Время есть, — монах устало повел головой. — Я размышлял... Как сказал бы брат Цронцангамбо — беседовал с теми, кто хранит нас, недостойных...

— Оу! — не выдержал Тэд. — Наверху наш замысел не одобрили?

— Не мне судить о высшей воле, Тадеуш. По-моему, «там», если пользоваться твоими словами, смотрят на вас, как на детей, которые думают остановить ураган, строя стену из камыша. Брат Цронцангамбо мудр... Но вы не ищете мудрости, и, может, сейчас не время. Мы никуда не пойдём — добраться до Шекар-Гомпа можно и отсюда...

При этих словах Арцеулов окончательно уверился в существовании секретного тоннеля, а непоседливый Тэд принял за вертеть головой, пытаясь найти тайную дверь или люк. Лишь Наташа оставалась внешне совершенно спокойной и даже, казалось, не слушала, о чем говорит старик.

Ростислав хотел переспросить, но тут из темного прохода выступили молчаливые фигуры в желтых одеждах — последние монахи Шекар-Гомпа медленно проходили мимо них и, так же молча поклонившись, исчезали в другой двери. Монах, шедший последним, чуть задержался и жестом отозвал Валюженича в сторону. Тот поспешил подойти. Монах улыбнулся и показал ему четыре пальца.

Брови Тэда поползли вверх. Старик вновь улыбнулся, указав на него, Арцеулова, Берг, а затем кивнул в сторону Шекар-Гомпа.

— Оу! — понял археолог. — Конечно! Нас четверо...

Монах кивнул, а затем достал из-за пояса маленький кожаный мешочек и вручил Валюженичу.

— Оу, сувенир! — обрадовался тот. — Спасибо... Что бы вам тоже подарить...

Монах покачал головой. Валюженич, полный любопытства, хотел было заглянуть в мешочек, но старый монах вновь покачал головой, на этот раз твердо и решительно, сделав рукой труднопередаваемый, но понятный жест.

— О'кей! — понял Тэд. — Сувенир рассмотрим вместе со Стивом...

Монах одобрительно кивнул и, поклонившись, исчез в проходе. Тем временем Цонхава о чем-то переговаривался

с настоятелем. Наконец, Цронцангамбо кивнул и повернулся к Арцеулову и Берг:

— Желаю вам успеха. Я буду молиться за вас... Не судите меня строго — у каждого своя ноша. Вас заботит судьба друга, мне приходится думать об ином. И это не только судьба последних монахов Шекар-Гомпа. Борьба лишь начинается, и не вам, не мне и не брату Цонхаве закончить ее... Мир вам, посланцы Гэсэра...

Настоятель, не дожидаясь ответа, исчез в темноте.

— Мы готовы, господин Цонхава, — повторил Арцеулов.

Монах, не отвечая, подошел к одной из стен — на вид совершенно ровной и гладкой — и остановился в двух шагах, казалось, внимательно ее рассматривая. Затем медленно поднял руки ладонями вперед и стал негромко произносить короткие резкие слова.

— Я не понял, — шепнул Валюженич, пытавшийся разобрать слышанное. — Это, кажется, не по-бхотски...

Арцеулов тоже заметил, что либо утратил способность понимать речь Цонхавы, либо тот и в самом деле говорил на каком-то ином языке. Ростислав вспомнил совет монаха и внимательно прислушался. Вначале речь оставалась непонятной, но внезапно в сознании промелькнуло:

— Открываю... Тропу... Света...

— Тропа Света! — прошептала Наташа, которая тоже попыталась вслушаться, похоже, с большим успехом. — Он говорит, что просит Небо открыть Тропу...

Руки монаха еле заметно дрогнули, и тут произошло нечто странное. Стена, точнее, ее часть начинала бледнеть. Камень словно таял, оплывая ровным молочным свечением. Через несколько минут четко обозначился проход — высокая дверь, заполненная легким клубящимся молочным туманом.

— Оу! — прокомментировал Валюженич. — Этого не умел и мистер Гудини!

Цонхава подождал еще несколько секунд, затем опустил руки и повернулся к остальным:

— Если вы поняли, что я говорил, то уже знаете — это «Тропа Света». Нам не нужны подземные ходы — Тропа Света выведет, куда пожелаете. В общем, это несложно. К счастью, те, кто сейчас в монастыре, еще не научились такому. К счастью — иначе мы бы не прошли, а вот они лег-

ко попали бы в убежище... Этот путь ведет как раз туда, куда вы хотели. Вы готовы?

Все переглянулись. Арцеулов обернулся к девушке:

— Наталья Федоровна?

Берг молча кивнула в ответ, ее руки сжимали карабин, глаза, не отрываясь, смотрели в молочную пелену.

— Тэд? Все поняли?

— Йе! — Валюженич поднял вверх два пальца, изображая знак «виктори». — Жду сигнала, босс!

— Мы готовы! — капитан обернулся к монаху. Цонхава мгновение помолчал, а затем вновь поднял руки:

— Я открываю путь... Да пребудет с вами Тот, в Кого вы верите и Кто оберегает вас!

— Спасибо! С Богом!..

В тот же миг молочный туман исчез. В пустом темном проходе показалась грубо побеленная стена коридора, освещенная синеватым светом. Ростислав кивнул Берг и быстро прошел вперед. Наташа в последний раз оглянулась, поймала спокойную, немного печальную улыбку Цонхавы и последовала за Арцеуловым. Проход оказался коротким — не длиннее двух шагов. Как только девушка вступила на темный пол коридора, проход за ее спиной вновь засветился молочным светом. Там, где только что находилась дверь, теперь была лишь глухая стена — каменная стена Шекар-Гомпа.

— Неужели мы в монастыре? — все еще не веря, покачал головой Арцеулов, осматривая длинный пустой коридор, освещенный одинаковыми синеватыми лампами.

— Да, — шепотом ответила Берг и вздрогнула. — Я была здесь. Это как раз то место. Нам направо...

Арцеулов, наконец, поверил, что это не сон и не розыгрыш. Пришла пора действовать. Он вскинул карабин и, стараясь ступать тише, направился туда, куда указала Наташа. Девушка последовала за ним.

Буквально через несколько шагов капитан остановился. Коридор расширялся, образуя небольшую площадку, куда сходились несколько тоннелей. Там тоже было пусто, но в стене имелась приоткрытая дверь, обитая железом, возле которой топтался часовой в темно-синей форме и фуражке со свастикой.

— Аппаратная, — шепнула Берг. — Здесь главный распределительный щит...

Арцеулов кивнул, прикинув расстояние до часового. Предстояло пройти — или пробежать — шагов десять. Тот, кто охранял комнату, вполне мог заметить нападавших. Берг поняла и вскинула карабин к плечу.

Капитан мгновение размышлял. Он еще раз смерил расстояние, а потом взглянул на часового. Он ожидал увидеть красномордого, с мертвыми глазами, но перед ним был обыкновенный косоглазый, очевидно, бхот. Ростислав решил и осторожно шагнул вперед. Часовой смотрел в другую сторону. Капитан сделал еще два шага — и тут косоглазый начал медленно поворачиваться. Рука Арцеулова нырнула в карман. Миг — и новенький патрон, описав дугу, со стуком упал возле самой двери. Часовой дернулся, повернулся, пытаясь выяснить причину шума, затем вновь развернулся к проходу — и лишь негромко охнул. Нож вошел в горло мягко и беззвучно — как в масло...

Арцеулов подхватил падающее тело и кивнул Наташе. Через секунду Берг была рядом. Повинуясь беззвучной команде, она встала рядом со стальной дверью. Капитан секунду подождал, оглянулся — и дернул за массивную металлическую ручку.

...Большая комната. На стене — огромный щит, на котором мигают сотни лампочек, торчат рычажки, краснеют кнопки. Рядом двое — «синий», в фуражке со свастикой, и некто в белом халате, на который наброшено серое пальто. При виде незваных гостей «синий» выхватил пистолет — и тут же пуля, выпущенная из карабина капитана, вошла ему в сердце. Тот, что в халате, вскрикнул, рука потянулась к какому-то рычагу, но крик оборвался — вторая пуля, на этот раз выпущенная Наташей, вошла в затылок...

— Пошумели... — Арцеулов скривился и хотел было направиться к щиту, но внезапно обернулся — и вовремя. Тот, чье сердце он прострелил, медленно, пошатываясь, шел к нему, протягивая руки со скрюченными пальцами. Капитан вновь выстрелил — и снова не промахнулся, но мертвец продолжал идти, пустые глаза с широко расширенными зрачками глядели с холодной ненавистью, в уголках посиневшего рта выступила пена.

Арцеулов невольно отступил, держа карабин на изготовку, но не стрелял. Уже не в первый раз привычное ору-

жие было бессильно. Руки со скрюченными пальцами уже тянулись к горлу, капитан приготовился бить прикладом — но тут послышался хрип. Враг неподвижно застыл — в его спине торчал стилет. Берг стояла рядом, крепко сжимая рукоять. Страшные руки дернулись, плетью повисая вдоль тела, из раны за клубился легкий дым, глаза закатились — и нелюдь грузно упал на бетонный пол.

— Фу-у! — Арцеулов покачал головой, осторожно обходя недвижимое тело. — Ну, спасибо, Наталья Федоровна!

— Не за что, — девушка была уже у щита, внимательно рассматривая панели. — Идите к двери, Ростислав Александрович. Я уж сама...

Капитан нерешительно поглядел на Наташу и послушно встал у входа, держа оружие наготове. Между тем Берг закончила осмотр и удовлетворенно кивнула:

— Все ясно. Гашу с двух выстрелов...

— Может, лучше просто выключить? — осторожно предложил Арцеулов. — Мы и так нашумели...

Берг усмехнулась.

— Выключим — могут включить. А так — я им сожгу все. Если повезет — даже резервную цепь. И вообще, кто из нас физик-экспериментатор?

Карабин сухо ударил свинцом, затем еще — и девушка спокойно закинула оружие за спину. В первое мгновение ничего не случилось. Потом с треском лопнула одна лампочка, следом — целый десяток, резко запахло горячей проводкой. Над пультом взлетели синие искры — взрыв, еще один, — и все погрузилось во мрак...

— Не задело? — голос Берг был спокоен. — Люблю такие эффекты! Раз в полгода обязательно сжигаю всю аппаратуру. Посветите, пожалуйста...

Вспыхнул фонарь — прекрасный американский фонарь из арсенала мистера Валюженича, — и девушка осторожно пробралась ко входу, стараясь не наступать на замершее неподалеку от двери тело охранника.

— Порядок? — шепнул капитан, вслушиваясь в темноту. В коридоре было тихо, но где-то вдали слышались крики, ругань. Сухо ударил выстрел.

— Денек провозят, — прокомментировала Берг. — Главного специалиста я уложила. Того, в пальто...

— Вы его знали?

— Немного. Он был в другой группе... Все, можем идти...

Арцеулов шагнул в коридор и направился к одному из проходов, подсвечивая фонарем.

— Сюда? — переспросил он, остановившись у входа в узкий коридор с неровным сводом.

— Да... Господин Цонхава уверен, что Косухин сейчас в храме... Свет... Лучше идти в темноте...

Капитан щелкнул выключателем, и они быстро пошли по коридору. Вокруг по-прежнему было тихо, но вдали шум усиливался, вновь ударил выстрел, послышался топот множества ног.

— У них есть резервная сеть? — Арцеулов обернулся к девушке, чье дыхание слышалось рядом.

— Если и есть, то слабая. Их станция еще не готова, работают лишь два генератора. В любом случае, на прожектора не хватит...

— Да, господин Косухин подал хорошую идею, — кивнул Арцеулов. — ...А вдруг эти... демоны... видят в темноте?

Послышался смех:

— Тогда им не нужна была бы вся эта иллюминация. Да и в охране полно местных — эти уж точно не совы... Тише, кажется, здесь...

Они остановились. Впереди мелькнул луч света — там горел электрический фонарь. Капитан осторожно выглянул — коридор кончался, впереди еще одна площадка и дверь, на этот раз не стальная, а бронзовая, покрытая непонятными изображениями. У двери трое — двое с карабинами, в фуражках, и третий — высокий, с непокрытой головой, которая в ярком свете фонаря показалась какой-то необычной. Сам фонарь — большой, с мощным аккумулятором, стоял на столике справа от двери.

— Это здесь? — прошептал Ростислав, коснувшись губами Наташиного уха.

Та вздрогнула:

— Щекотно!.. С детства боюсь... Цонхава считает, что здесь. Тут они хранят рубин. Почему-то он уверен, что Степана будут держать в храме...

— Тогда рискнем!..

Лежать было неудобно, связали его на совесть, но Степа все-таки мог время от времени поднимать голову.

Такого камня он еще не встречал — Косухин видел драгоценности лишь в коробках и ящиках, и то однажды — ко-

гда конвоировал секретный груз из Казанского банка в Столицу. Но там камешки были мелкие, хотя и красивые, а тут — нечто громадное, куда больше, чем голова настоящего слона, виденного Косухиным в цирке.

И главное — камень светился. Вначале реалист- Степа искал какой-то спрятанный в стене фонарь или лампу, но потом понял — «Голова Слона» светилась сама. Красный свет шел изнутри, с каждой минутой усиливаясь и становясь ярче. Собственно, он не был красным — скорее красно-фиолетовым. К тому же в глубине то и дело загорались голубые и белые огни, и тогда рубин действительно начинал походить на голову многоглазого зверя. Неровный переливающийся свет завораживал, одновременно пугая.

«Во штука, чердынь-калуга! — думал Степа, разглядывая медленно разгоравшийся красный огонь. — Такой бы камень — да на нужды революции! Тут бы на целое войско хватило, ежели продать...»

Впрочем, подобная мысль показалась ему слишком торгашеской. Вспомнились слова монаха о том, что это не рубин и вообще не камень, да и создан как-то странно — не природой, но и не человеком...

Внезапно Косухин услышал какой-то звук. Он удивился, прислушался и удивился еще более — играла музыка. Звук был немного резкий и одновременно заунывный, но в целом очень красивый. Вначале еле слышная, музыка крепла, заполняя темный храм. И вдруг Косухин почувствовал — стало теплее. Он вдохнул полной грудью — и испугался. Воздух был вязким, плотным, вливаясь в легкие, как жидкое масло.

Музыка уже гремела. Послышались резкие, повелительные ноты, и тут внутри огромного кристалла сквозь фиолетово-красное марево проступил темный силуэт. Мгновенье постояв, он неторопливо отделился от кристалла и шагнул вниз. На его месте был уже другой; минута — и этот, другой, тоже был внизу. Одна за другой темные фигуры спускались в зал, выстраивались в две шеренги, образуя широкий проход и постепенно продвигаясь к месту, где лежал Степа. Он хотел рассмотреть странных гостей, но это никак не удавалось — темные фигуры при пристальном взгляде начинали расплываться, таять в плотном густом воздухе. Степа заметил только, что они мало напоминают людей. Руки и ноги были на месте, но большие приплюснутые головы росли прямо из плеч, спины странно сутулились, а на

месте лиц было что-то вообще непонятное, не похожее ни на человеческий лик, ни на звериную морду. Постепенно живой коридор начал смыкаться, образуя полукруг, в центре которого лежал связанный Косухин. Камень уже не светился — он кипел огнем, языки пламени вырывались наружу из-под неровных граней, в воздухе повеяло гарью...

«Ждут кого-то, — сообразил Косухин и тут же понял. — Да, видать, они за мной!..»

Музыка на минуту стала тише. Послышался отдаленный звук десятков труб, пламя в камне забилося, стало белым, и тут сквозь пламя начала проступать высокая бледная фигура. Рост определить было трудно, но этот, вышедший последним, казался великаном. Огромные узловатые руки застыли у пояса. Круглая голова не спеша поворачивалась из стороны в сторону. Странный гость кого-то искал.

И тут Степа, не отрывавший взгляда от кристалла, понял: тот, кто стоял перед ним, вовсе не бел. Это была не белизна, а невыносимо яркий свет раскаленного добела металла. Пахло жаром. Огромная нога ступила вниз с возвышения, а голова посмотрела прямо на Степу.

То, что явилось из камня, сошло вниз. Сияние стало меркнуть, сменяясь красным цветом, затем начало чернеть. Теперь перед возвышением, где лежал связанный Косухин, громоздилась огромная темная фигура, такая же бесформенная, как и молчаливые караульные по бокам, только там, где у людей бывают глаза, светились красные огоньки — но не два, а три...

Музыка стихла. Огоньки смотрели прямо на Степу, и он почувствовал, как по телу медленно разливается холод. Косухин попытался дернуться, но веревки держали крепко, холод сковывал ослабевшее тело, мешая двигаться. Нечто, стоявшее уже совсем близко, медленно приподняло огромную шестипалую лапу. Степа увидел, как темная маска спадает с трехглазого лица, а из-под нее проступает бородатая ширококоротая личина, похожая на жуткую клоунскую маску. Огоньки глаз горели торжеством, клыкастый рот весело скалился. Шестипалая лапа тянулась к Степе, она была уже прямо над сердцем, в кроваво-красном свете рубина тускло сверкнули неровные чешуйки, толстые и твердые, словно выточенные из камня...

«Вот мерзота, чердынь!..» — пронеслось в сознании. Холод накатил волной, сердце замерло — и тут где-то далеко, на самом краю земли, резко прозвучал звук рога.

Постовые стояли ровно, изредка переминаясь с ноги на ногу. Третий — высокий, со странной, не похожей на человеческую, головой — кивнул и исчез в глубине одного из проходов.

— Пора! — шепнул капитан.

Один из часовых успел вскинуть карабин. Ростислав выстрелил в упор, резко перевел ствол, но опустил оружие. Пуля, выпущенная из Наташиного карабина, уложила второго на месте. Путь был свободен. Арцеулов оглянулся, убедившись, что выстрелы не привлекли внимания, а затем рванул тяжелую, обитую металлом дверь.

В глаза ударил красный мигающий свет. Капитану показалось, что в зале пожар, но он тут же понял, что ошибся.

— Рубин! — шепнула Берг. — Где же Степан?..

— Осторожно!

Черные тени метнулись к ним. Ростислав еле успел закрыть собой девушку, выставив перед собой ствол карабина. Мельком он успел заметить странную черную фигуру, склонившуюся над кем-то, неподвижно лежавшим на возвышении в центре зала.

— Там Косухин! — Берг тоже увидела, но отвечать было некогда. Что-то черное, извивающееся уже тянулось к ним. Палец Арцеулובה нажал на спусковой крючок, но оружие молчало. Он перехватил карабин, пытаясь ударить прикладом, но что-то вцепилось в ствол и цевье, потянув оружие на себя. Краем глаза Ростислав заметил, как Наташа машет перед собой серебряным стилетом, не подпуская тянувшиеся со всех сторон то ли лапы, то ли щупальца.

И тут, казалось, совсем не к месту, Арцеулов вспомнил о подарке Джор-баши. Если эвэр-бурэ и вправду мог помочь, то лучшего момента не найти. Рывок — и карабин упал на каменный пол. Темное щупальце уже тянулось к горлу, и Ростислав, понимая, что терять уже, в сущности, нечего, выхватил из-за пояса рожок и резко дунул в него.

Трубить он не умел. В юнкерском училище время от времени приходилось играть побудку, но давние навыки успели забыться. Тем внезапней оказался звук — долгий, сильный, неожиданно яркий. Арцеулов вдохнул побольше воздуха и затрубил вновью. Звук рога наполнил храм, гулко отозвалось эхо — и наступила мертвая тишина.

Затем послышался тихий стон. Тени сбились в неровную кучу вокруг громадного черного силуэта, словно в по-

исках защиты. Капитан подхватил упавшее оружие, щелкнул затвором и замер.

Вначале показалось, что у самого камня, по-прежнему светящегося красно-фиолетовыми отблесками, вспыхнул фонтан ярко-белого огня. Свет рубина, мигнув, начал быстро темнеть. Белый огонь вырос, закрутился смерчем и медленно двинулся прямо на бесформенную толпу черных теней. Темный комок распался, что-то, напомилавшее уродливые человеческие фигуры, стало исчезать, разбегаясь влево и вправо, а огромная тень внезапно приобрела контуры, становясь похожей на черного медведя, вставшего на задние лапы. В передней лапе чудища мелькнуло что-то, напоминающее огромные многозубые вилы, и тут светящийся смерч дрогнул. Белая пелена разорвалась, перед черным гигантом мелькнула высокая фигура в ярко-рыжем халате и с такой же рыжей бородой. Виденье продолжалось не более секунды — светящийся смерч вновь сомкнулся и обрушился на черного. Арцеулов успел заметить острое лезвие меча, сверкнувшее семью серебряными звездами...

...Белый смерч крутился, обволакивая черную тень, пахнуло жаром — и вдруг все исчезло. По огромному залу вновь пронесся тихий стон, огромный кристалл последний раз мигнул фиолетовым отблеском и погас, сгинули черные тени, а столб белого света метнулся к дверям и прошел прямо сквозь них, обдав капитана и девушку сухим жаром...

— Слава Богу, — прошептала Берг. — Чуть не задело... Вроде шаровой молнии...

Ростислав на миг удивился, но потом понял — Наташа не увидела ничего. Все случившееся для нее было лишь яркой вспышкой электрических разрядов. Впрочем, обменяться мнениями можно было и потом — Берг уже спешила туда, где на небольшом возвышении неподвижно лежало человеческое тело.

— Степа! — девушка притронулась к мертвенно-бледному лицу Косухину и испуганно отдернула руку. — Он... он... Ростислав...

— Спокойно! — теперь капитан знал, что делать. Ружок — подарок Джора — был уже за поясом, карабин — закинут за спину, а рука держала холодное запястье Косухина, нащупывая пульс. — Он жив, Наталья Федоровна... Вы меня слышите?

— Да, — кивнула Берг, приходя в себя. — Слышу...

— Я понесу Степана. Вы — стреляйте в каждого, кого увидите. Куда идти — помните?

— Да... Из храма — направо. Потом знаю...

Арцеулов кивнул, взмахом ножа перерезая веревки, опутавшие Степино тело, и взвалил неподвижного Косухина на плечи. Степа тихо застонал.

«Стонет — значит живой!» — удовлетворенно подумал капитан и быстрым шагом направился к двери. Берг шла чуть позади, держа оружие наготове, но черная пустота зала молчала.

За дверью по-прежнему горел фонарь. Неподвижные тела часовых отбрасывали огромные уродливые тени. Арцеулов оглянулся и повернул направо.

— Стойте!

Голос был резкий и хриплый. Берг обернулась, выставив вперед оружие, но стрелять не стала. Тот, кто обратился к ним, был уже не способен причинить зло.

Человек сидел чуть в стороне, прислонившись к стене. Одной рукой он опирался об пол, чтобы не упасть, другой — поддерживал голову. Сквозь пальцы текла кровь — в свете фонаря она казалась абсолютно черной.

— Стойте, посланцы Гэсэра...

Человек на миг отнял руку. Берг вскрикнула — под рукой было то, что никак не походило на человеческое лицо. Черная шерсть облепляла плоскую личину, из пасти выглядывали желтые клыки, на макушке торчали острые волчьи уши. Все заливала кровь — она сочилась из разрубленного черепа, капала на синюю гимнастерку. Можно было лишь удивляться, что говоривший еще жив. Арцеулов вспомнил — это тот, кто разговаривал с постовыми. Теперь ясно, почему он показался непохожим на человека...

— Передайте Джору... — голос перешел в хрип, послышался тяжелый вздох, — Цхон, сын Цагана Гэрту, перед смертью проклинает его и называет трусом. Он не посмел виться сюда и послал этого шута Пэнь Гуаня...

— Кто вы? — спросила ничего не понимающая Берг.

— Здесь меня звали Анубис. Ваш друг, думаю, запомнит меня...

Арцеулов потянул Наташу за руку.

— Бегите... — послышалось вслед. — Око Силы все равно найдет вас...

Коридор был темен, но идти оказалось нетрудно — пол ровный и к тому же вел немного под уклон. Арцеулов нес Степу без особого труда — казалось, на его плечах не крепкий двадцатидвухлетний парень, а десятилетний ребенок.

— Сейчас выход, — шепнула Берг. — Я пойду первой...

Она обогнала Арцеулова и почти побежала, держа оружие наготове. Впереди возникло светлое пятно — горел фонарь. Мелькнула чья-то фигура, послышался крик — и Берг выстрелила. Голос стих, девушка бросилась вперед, и тут из темноты ударил ответный выстрел. Пуля просвистела совсем близко, задев Наташины волосы.

— Стойте! — Арцеулов осторожно уложил Степу на пол, прислонив его голову к стене, и через секунду был уже рядом с девушкой. Вновь ударил выстрел. Капитан сорвал с плеча карабин и выстрелил в ответ, целя по вспышке. Наступило молчание.

— Идем? — Берг вопросительно взглянула на Арцеулова, но тот, покачав головой, тихо поставил карабин к стене и, выхватив нож, гибким движением бросился вперед. Послышался крик, что-то упало, Наташа поспешила на шум, но опоздала. Арцеулов уже вставал, вытирая лезвие о черный полушубок лежавшего на земле часового.

— Все, — он вздохнул, переводя дыхание. — Это второй... Пойдемте...

Путь был свободен — фонарь освещал два неподвижных тела и приоткрытую дверь, откуда веяло холодом.

За дверью была ночь. Котловина Шекар-Гомпа выглядела необычно — в ней было темно, только возле лагерных ворот и у въезда на летное поле светили небольшие фонари.

— Порядок, — удовлетворенно заметил капитан. — Сорвали этой нечисти иллюминацию! Нам направо?

— Лестница — направо. Но вы хотели...

— Помню...

Арцеулов вновь взвалил Степу на плечи и быстро, насколько позволяла ноша, направился налево, где светили редкие огни аэродрома. Берг шла сзади, оглядываясь по сторонам. Где-то совсем близко слышались крики, но здесь, у стены монастыря, было пусто. Очевидно, этой дорогой давно никто не ходил — охрана пользовалась более удобным путем через нижние тоннели.

Аэродром открылся внезапно — большое четырехугольное поле, обычно белое от света прожекторов, но сей-

час темное, с еле различимыми силуэтами застывших во тьме аэропланов. Вдали проступал ряд ангаров, возле которых суетились какие-то тени.

Внезапно Степа что-то пробормотал и дернулся. Капитан остановился и осторожно опустил тело Косухина на землю.

Ресницы дрогнули, открылись удивленные, непонимающие глаза.

— Как дела, красный командир? — Арцеулов старался говорить как можно увереннее, с оттенком обычной иронии.

— Я чего... не помер? — Степин голос был необычен — слабый, растерянный, какой-то детский.

— Косухин! — Берг опустилась рядом и осторожно приподняла Степину голову.

Степа узнал Наташу, улыбнулся, но тут его лицо внезапно стало серьезным, он попытался приподняться, застоял и вопросительно поглядел на капитана.

— Мы у стены монастыря, — пояснил тот. — Идти сможете?

Косухин кивнул, попытался встать, но вновь, застонав, уронил голову:

— Все болит, чердынь-калуга!.. Доконали, гады...

— Попытайтесь, — капитан постарался говорить строго, помня одно — надо спешить. Сантименты можно оставить на потом.

Косухин послушно кивнул, сжал губы и медленно, опираясь на руку Ростислава, встал.

— Порядок, — попытался улыбнуться он, но тут же скривился. — Губа болит, чердынь-калуга... Прокусил...

Арцеулов сунул Степе револьвер и указал на лежавшее у подножия горы летное поле.

— Бить по команде, — велел он, передергивая затвор карабина. — Лучше всего по аэропланам.

— Ага, — Степа уже вполне освоился и привычно прокручивал барабан револьвера. Берг молча вскинула оружие, целясь.

— Не попадем, зато пошумим. Огонь!

Выстрелы разорвали темноту. Арцеулов выпускал пулю за пулей, рядом гремел Степин револьвер. Наташа стреляла реже, целясь тщательно, словно в тире. Над одним из аэропланов вспыхнуло яркое пламя.

— Попала, — деловито заметила Берг, перезаряжая оружие.

Над летным полем слышались крики. Нестройно ударили ответные выстрелы, наконец вспыхнул прожектор — неярко, вполсилы. Луч упал на монастырскую стену и не спеша пополз вниз...

— Уходим, — велел капитан. — Теперь к лестнице — и вниз!

У стены по-прежнему не было ни души. Зато позади, у аэродрома, шум все усиливался, гремели винтовочные выстрелы, и, наконец, мерно заговорил пулемет. Арцеулов усмехнулся — его замысел сработал. Логика тех, кто охранял Шекар-Гомп, была очевидна. Узнав, что на монастырь напали, те, кто командует здесь, первым делом должны подумать об аэродроме: захват аэроплана — наиболее верный способ уйти из этого каменного мешка. Арцеулов не без удовольствия подыграл противнику и теперь, покуда «черные» и «серые» сбегались на защиту уцелевших аэропланов, вел свою группу вниз, туда, где находилась его настоящая цель...

На лестнице тоже никого не было. Ступени оказались старые, разбитые, вдобавок Косухин, несмотря на все усилия, едва мог стоять на ногах, и Арцеулову приходилось то и дело поддерживать его, не давая упасть.

Когда до подножия оставалось с полсотни ступенек, путь преградила темная фигура. Неуверенный голос спросил по-русски: «Кто идет?»

— Архангельск! — крикнул Арцеулов первое, что пришло в голову. — Отзыв?

Часовой замаялся — уверенность капитана на мгновение сбила его с толку. Впрочем, подумать ему не дали. Не желая стрелять, Арцеулов двинул прикладом, затем точно и сильно ударил еще раз — по голове упавшего. Тело в черном полушубке дернулось и застыло.

Внизу, по ровной, чуть пологой поверхности котловины, мелькали чьи-то тени, слышались голоса — и на русском, и на каком-то ином, незнакомом языке. На беглецов не обратили внимания. Очевидно, охрана все еще считала, что враги пытаются прорваться на летное поле, и срочно собирала силы для обороны. Цель была уже близка — темный, едва

заметный в ночном сумраке силуэт огромного аэростата, удерживаемого у земли несколькими прочными канатами.

Возле корзины стоял одинокий часовой, лениво посматривая по сторонам. Арцеулов жестом велел группе остановиться и тихо свистнул. Часовой вздрогнул, послышался ответный свист, и беглецы увидели веселую физиономию Тэда Валюженича:

— Оу! Бойз! Тэкси вэйтс фо ю!

— Олл райт, Тэд, — Арцеулов толкнул Степу к корзине. Косухин pokrutil от удивления головой, но Валюженич, приговаривая «Велл, Стив, велл!», уже тащил его по узкой лестнице наверх. Арцеулов оглянулся на темную громаду монастыря:

— Око Силы, значит! А все-таки мы справились...

— Оу, Ростислав, скорее! — торопил Валюженич. Берг была уже в корзине, держа наготове топорик. Другой был в руках у Тэда. Арцеулов кивнул и быстро забрался по лестнице наверх. Он перевалился через край корзины, и в ту же секунду топоры ударили по канатам, удерживавшим аэростат. Корзина дернулась. Еще удар, еще — и освобожденный от пут гигант бесшумно взмыл в черное холодное небо.

ГЛАВА 9

Морадабад

В корзине, рассчитанной на двоих, оказалось тесно. Кроме четверых беглецов, там было оружие, какие-то приборы и несколько вещевых мешков.

— Тэд, как вы умудрились притащить все это сюда? — поразился капитан, устраивая потерявшего последние силы Косухина возле борта — положить его было негде.

— Оу, я был похож на дромадера, — засмеялся Валюженич. — Но не мог же я бросить находки — Шарль не простил бы!

— Господа, — вмешалась Берг. — Степан раздет. У нас есть, что на него накинуть?

— Оу! — Тэд вынул из-под кучи мешков свою шубу, шапку и рукавицы. — Я похожу в обновке...

Косухин не сопротивлялся, покорно дал надеть на себя шубу, выпил полкружки спирта и тут же задремал. Между

тем аэростат был уже высоко. Сильный ветер нес его в сторону от Шекар-Гомпа, и внизу было уже не разглядеть ничего, кроме неясных очертаний безмолвных гор. Монастырь остался где-то позади, словно его и не было, словно он был лишь страшным сном, из тех, что иногда снятся перед рассветом.

— О'кей! — Валюженич порылся в одном из мешков и достал две банки с яркими этикетками. — Мясо с бобами! Стива разбудим?

— Пусть спит, — покачал головой Арцеулов, — ему досталось... Наталья Федоровна, с вами все в порядке?

— В полном, — усмехнулась Берг. — Вернусь в Париж — устрою истерику сразу за все месяцы, и пусть Гастон приводит меня в чувство... Что со Степаном?

— По-моему, кости целы... — неуверенно начал капитан.

— Там, в храме, похоже, нас пытались отравить газами, — перебила девушка. — Помните — какие-то руки, чудища... Наверное, Косухин наглotalся...

— Да... — Арцеулов не собирался разубеждать Наташу. В конце концов, версия о газах выглядела несколько более убедительно, чем легенды о царе ада Яме и его бесах. И тут Ростислав вспомнил странные слова того, кто назвал себя Анубисом.

— Тэд, — обратился он к американцу, который с аппетитом уничтожал свою долю консервов. — Кто такой Цаган Гэрту?

— Оу! Экзамен по мифологии? — откликнулся Валюженич, отправляя пустую банку за борт. — Это из мифа о Гэсэре. Цаган Гэрту — прозвище, а не имя. «Цаган Гэрту» — «Хан Белой Юрты». На самом деле его звали Гуркар, он весьма серьезно домогался невесты Гэсэра, некоей мадемуазель Другмо. История длинная, но кончилась для Цаган Гэрту печально.

— У него был сын? — Берг тоже вспомнила странный разговор в коридоре.

— Оу, не знаю. Наверно... Это ведь легенда!

Арцеулов спросил об Анубисе. Американец покачал головой:

— Предупреждаю, Ростислав, это последний вопрос на сегодня. Мечтаю на время забыть о богах, героях, ведьмах

и вурдалаках... Анубис — древнеегипетский бог — человек с черной собачьей головой... Впрочем, в средневековье «Анубис» было именем одного из бесов. Встречается в ранних текстах о докторе Фаусте... А что?

Капитан переглянулся с девушкой. Та усмехнулась:

— Так назвал себя один из местных типов. Он обвинил Гэсэра в трусости...

— Он не оригинален. Гэсэр — не просто богатырь, он — трикстер. Колдовство, хитрость, ловля души врага... Гуркара он убил, превратившись в маленького мальчишку, чтобы проникнуть в замок... Господа, вижу, Шекар-Гомп подействовал на вас весьма серьезно. Проблемы вендетты потомков Цаган-Гэрту в данном случае интересуют меня лишь во вторую очередь...

— А что — в первую? — полюбопытствовала Берг.

— Ну... Хотя бы — куда мы летим, и чем все это кончится...

Арцеулов выглянул из корзины. Тьма сгустилась. Небо было покрыто низкими тучами, которые шли почти вровень с азростатом. Стало сыро. Далекая земля почти сгнула, скрывшись в серой дымке...

— Нас несет на юго-восток, — заметила Наташа. — Точнее, на юго-юго-восток. Высота нормальная, так что в горы не врежемся...

— Юго-восток... — Валюженич задумался. — Значит, мы оставляем океан справа и попадаем напрямиком в Индию?

— Ну, не напрямиком. Если ветер не изменится, мы пройдем как раз над западным Непалом.

Валюженич опасливо поглядел в черную пропасть, над которой неслышно неслись азростат, и слегка поежился.

— Насколько я помню, этой штуковиной невозможно управлять. Остается положиться на Мистера Творца...

— Есть гайдроп, — пожала плечами Берг. — Мы всегда сможем снизиться. А вообще-то, помощь Того, Кого вы упомянули, была бы к месту.

Степа проснулся от холода. Он вздрогнул, разлепил глаза и недоуменно огляделся. Рядом, положив голову ему на плечо, спала Наташа. Чуть дальше, приваленный какими-то мешками, дремал белый гад Арцеулов, Тэд стоял спиной, разглядывая нечто, известное лишь ему одному, в большой черный бинокль.

— Бр-р-р... — Косухин осторожно, чтобы не задеть Наташу, потянулся, сразу же почувствовав ноющую боль во всем теле. — Где это мы, чердынь-калуга?

— Оу, гуд монин, Стив! — американец опустил бинокль и весело улыбнулся. — Хау д'ю ду?

И тут Степа вспомнил... Монастырь, Анубис в черной маске, наглая усмешка Гонжабова, красно-фиолетовое пламя в черноте храма...

Наташа открыла глаза и покачала головой:

— Ну и вид у вас, Косухин! Впрочем, у меня, наверное, не лучше... Гуд монин, Тэд!

Степа был несколько смущен, но затем рассудил, что вид у него действительно не из самых удачных. Он приподнялся и поглядел вниз:

— Ух ты! Чердынь его калуга! Во забрались!

Солнце уже взошло. Аэростат летел над огромным плоскогорьем, окруженным высокими, в снежных шапках, пиками. Все окутывал легкий белый туман. Воздух был чист и свеж, но дышалось трудно — чувствовалась огромная высота.

Полюбовавшись с минуту горной панорамой, Косухин задумался о вещах более земных. И так, он жив, свободен и вдобавок — на высоте в несколько верст, повыше, чем когда летел на «Муромце». Аэростат он узнал сразу и оценил выдумку капитана. Здесь, на свежем воздухе, в лучах утреннего солнца, вчерашние видения показались бредом. Он вспомнил, как стрелял из револьвера по темному четырехугольнику аэродрома, затем, ковыляя, спускался вниз по монастырской лестнице... Все вставало на свои места...

Арцеулов проснулся и предложил умыться. С этим вышла заминка — воды на борту не оказалось. Степа воспринял это известие стоически, тем более неунывающий Тэд сообщил о наличии целой фляги спирта. Берг покачала головой:

— К счастью, у нас нет не только воды, но и зеркала. Иначе мне стоило бы надеть чадру. Даже физику с такой физиономией лучше не показываться на людях... Ну и вид у нас у всех, мальчики!

Спорить не приходилось.

— Ничё! — оптимистично рассудил Степа. — Заживет. Вот чего, мужики, расскажите-ка, чего вчера было?

Рассказ занял все утро с перерывом на завтрак. Рассказывал Арцеулов, то и дело останавливаясь, чтобы перевести Тэду неясные тому выражения. Но все заметили, что Валюженич стал понимать по-русски куда больше, чем прежде. Уроки Цонхавы не прошли бесследно.

Услыхав о предсмертном проклятии Анубиса, Косухин лишь мрачно усмехнулся. Выходит, нелюдь допрыгался! Оставалось пожалеть, что рядом не оказалось «комсомольца» Гонжабова...

— Вот почему вы спрашивали меня о Цаган Гэрту! — понял Тэд. — По-моему, у этого Анубиса был обычный сдвиг на мистической почве...

Ни Арцеулов, ни Берг не стали возражать, хотя они помнили то, о чем не знал Валюженич, — плоскую шерстистую морду с острыми волчьими ушами и черную кровь, льющуюся на каменный пол.

— А господин Пэнь Гуань тут вообще ни при чем. Никакой он не шут, как выразился мистер Анубис, а весьма почтенный бог, правда китайский, — констатировал Тэд, — ведет судьбами людей, гоняет бесов и имеет знаменитый на всю Поднебесную меч с семью серебряными звездами... По-моему, эти типы в Шекар-Гомпе излишне вошли в образ...

Арцеулов не стал спорить, хотя ясно помнил семь серебряных звезд, сверкнувших в сумраке храма. Сейчас, при ясном солнце, говорить об этом не тянуло.

— Сюда бы Богораза! — Наташа задумалась. — Ну, в общем, в качестве рабочей гипотезы... Они хотели, чтобы мой Косухин, если пользоваться выражением Ростислава Александровича...

При этих словах Степа и Арцеулов несколько смутились.

— Чтобы мой Косухин им о чем-то поведал... Хотя бы о тайнике, где мы все прятались. Возможно, «Рубин», который вовсе не рубин, может концентрировать какие-то соединения, лучи... уж не знаю что... Неудивительно, что всем нам начали мерещиться лешие с русалками. Вы ведь видели всякую жуть, Косухин?

— Ага, — согласился Степа. — Всякие черные, потом этот... с граблями вместо рук...

— Ну, вот видите... Наверное, в древности с помощью этого «Рубина» могли проводить жуткие обряды, дабы держать в руках паству. Этак можно кого угодно свести с ума!.. Теперь ваш талисман, Ростислав Александрович...

Наташа осторожно взяла в руки подарок Джора, достала откуда-то свои очки в металлической оправе и принялась внимательно разглядывать рожок.

— Эх, сюда бы Семена Аскольдовича! — повторила она, снимая очки и возвращая эвэр-бурэ капитану. — Похоже, частота звука этого рожка каким-то образом резонирует с «Рубином» и прерывает реакцию. Причем достаточно бурно — чуть ли не с шаровой молнией. Очевидно, Анубису как раз и досталось одним из разрядов. Впрочем, если вам больше по душе версия про царя ада Яму и врага бесов Пэнь Гуаня...

Никто не спорил. Тэду, скептику и логику, версия пришлась по душе, а Арцеулов и Степа предпочли промолчать. То, что видели они, казалось слишком невероятным. В конце концов, гипотеза Берг, плохо или хорошо, но объясняла случившееся.

Степа был немногословен, говоря о допросе. Показалось нескромным вдаваться в подробности, да и не для Наташиных ушей они были. Зато Анубиса, Гонжабова, Гольдина и того, кто говорил с ним в темной камере, он постарался описать как можно точнее.

— Философ! — зло заметил Арцеулов, выслушав пересказанные Косухиным рассуждения неизвестного. — Мне бы этого борца со смертью! До ближайшей стенки доводить бы не стал...

— А повернул он ловко! — покачала головой Берг. — Выходит, наш главный враг — смерть, и Тот, Кто смерть придумал...

— Оу! — заинтересовался Валуженич. — Я не силен в догматике, но этот неизвестный господин намекал на Мистера Творца? Не ново! По-моему, что-то подобное утверждали катары...

— Но ведь он говорил, что Бога-то нет, — возразил Степа, когда капитан, как мог, объяснил, кто такие катары. — Не, пусть Реввоенсовет разбирается! Чего это они на Тибете развели поповщину! Эх, жаль, вас всех, ребята, нельзя как свидетелей доставить.

— Спасибо, Степан, уважили! — скривился Арцеулов. — Мой вам совет — если у вас все же хватит дурасти вернуться обратно в Большевизию — молчите о Шекар-Гомпе. Даже если будут ставить к стенке. В любом случае это безопаснее.

На «дурость» Степа обиделся, но слова недорезанного беляка заставили задуматься. Конечно, и мысли не могло быть о том, что, он красный командир Степан Косухин, не вернется в РСФСР, не станет в строй своих товарищей, добывающих капиталистическую гидру. Но стенка, упомянутая капитаном, вполне могла стать реальностью. Оставалось одно — сразу же, не ожидая ареста, добраться до Столицы — и в Главную Крепость, к товарищу Троцкому. Или, — впервые подумал он, напрямик к Вождю! Дело слишком важное — и слишком страшное. А там — пусть арестовывают. Он свое дело сделает!..

...Плоскогорье кончилось, оборвавшись огромной пропастью, за которой стали подниматься заснеженные громады, одна выше другой. Теперь аэростат шел над самыми вершинами. Пару раз казалось, что высоты не хватит и наполненный гелием баллон врежется в гору. Арцеулов, к негоднованию и испугу Тэда, хотел отправить за борт всю коллекцию «артефактов», чтобы облегчить корзину, но как-то обошлось. Аэростат прошел в каком-то десятке метров от голой, покрытой голубоватым ровным льдом вершины, на которой одиноко торчал черный скалистый выступ. Внизу, на заснеженном склоне, промелькнул серый контур монастырских башен, отдаленно похожих на Шекар-Гомп. Затем вновь пропасть — узкая, черная — и новая гора, к счастью, пониже предыдущей...

Внезапно Косухин почувствовал знакомый соленый привкус. Он провел ладонью по лицу, и пальцы тотчас окрасились красным.

— Оу, Стив? — обеспокоенно отреагировал Валюженич.

— Да ничё, — Степа уже сообразил, в чем дело, и успокоился. — Это из носа...

— Мы на большой высоте, — заметил Арцеулов. — Может, снизимся, Наталья Федоровна?

Берг внимательно изучала карту, взятую у запасливого Тэда, то и дело сверяясь с компасом.

— Географа из меня не выйдет, — наконец заявила она, — но если очень приблизительно...

Она еще раз поглядела на карту, а затем выглянула наружу, где под корзиной аэростата медленно проплывали поросшие темно-зеленым лесом склоны. Мелькнуло узкое

ущелье, на дне которого угадывалась синяя неровная полоска реки.

— Должно быть, пересекли хребет Нагтибба. Мы где-то в верховьях Ганга...

— Далеко от индийской границы? — поинтересовался практичный Арцеулов.

— Если я не ошибаюсь, мы ее уже пересекли. Мы в Британской Индии, господа! Поздравляю!

— Оу! — обрадовался Валюженич, разобравший знакомое слово. — О'кей! Вандефул!

Степа при этом известии присвистнул — до Индии он добраться и не мечтал. В голове забродили слышанные в детстве рассказы о слонах, обезьянах и местных эксплуататорах, которых называют «раджи». Впрочем, были воспоминания и поновее. Меньше чем год назад, аккуратно после боев на Белой, перед ними, командирами Восточного фронта, выступал сам Лев Революции. Товарищ Троцкий сообщил, что Реввоенсовет принял решение помочь братскому индийскому народу в деле борьбы с колониальным игом и местными кровопийцами-раджами. Для этого в Туркестане, по решению Коминтерна, уже создана Индийская Коммунистическая партия и объявлен набор в индийскую Красную Армию, в которую войдут индийцы-добровольцы из числа работавших в России, а также все желающие. Помнится, кто-то, из соседней бригады, записался в эту Индийскую Красную и был направлен для переподготовки в Казань. Степа даже вспомнил фамилию главного индийского коммуниста — товарища Шафика, о котором Лев Революции говорил, как об испытанном бойце за дело пролетариата.

Тогда, после Белой, когда от Степиного батальона оставалась едва ли рота полного состава, а впереди стояли недобитые полчища Адмирала, планы освобождения пролетариата Индии были восприняты без достаточного энтузиазма, как далекая перспектива. Каково же было удивление представителя Сиббюро Косухина, когда на таежной заимке под Черемхово он познакомился с «Батей» — легендарным Нестором Каландаришвили, который без всяких обиняков сообщил, что именно ему, вождю партизан Восточной Сибири, поручено Реввоенсоветом возглавить поход через Гималаи. «Батя» даже обзавелся хинди-русским словарем и держал при себе ординарца-индуса, служившего до войны официантом в Чите.

Итак, перед Степой была не просто далекая таинственная страна — перед ним лежало будущее поле битвы с британским империализмом. Косухин ощутил себя не беглецом, а разведчиком, более того — полпредом Красной Армии, и стал прикидывать, где найти местных представителей Коминтерна и какую он, Степа, может принести пользу в деле индийской революции.

Мысли Арцеулова, не подозревавшего, в каких горных высях витает краснопузый Степа, были куда более конкретны и прозаичны. Он вспомнил, что документов у них — кроме Тэда — нет и в помине. После посадки их, скорее всего, арестуют, а добраться до русского консула — ежели таковой здесь вообще имеется — будет трудно по самой простой причине — денег ни у него, ни у остальных нет ни гроша.

Горы стали заметно ниже. Солнце засветило ярче, воздух окутался теплой голубой дымкой, между серо-коричневыми отрогами стали мелькать ярко-зеленые пятна долин.

— Летим до Дели? — Берг заглянула в карту.

— Хорошо бы... — согласился капитан, — но боюсь загадывать. Как бы местные власти не приняли нас за воздушных шпионов...

В дело вмешался Тэд, уловивший слово «Дели». Выяснив, в чем дело, он заявил, что документов у него хватит на всех четверых. В крайнем случае он обратится к консулу самой великой, демократичной и золотозапасной державы мира, и гордый мистер Джон Буль вынужден будет разжать свои челюсти...

Ветер крепчал. Аэростат мчал быстро, по-прежнему на огромной высоте. Горы исчезли. Внизу простирались невысокие холмы, окруженные ровными четырехугольниками полей. То и дело попадались темные пятнышки деревень. Становилось заметно теплее, и осмелевший Тэд даже растегнул полушубок. Перекусив в очередной раз — последними консервами из неприкосновенного запаса, — решили поспать, так как обстановка не вызывала опасений.

Разбудила всех Берг. В голосе девушки чувствовалась тревога. Аэростат снижался. Заходящее солнце ярко освещало уже близкую землю, темные пятнышки выросли, рас-

павшись на десятки маленьких точек-домиков, окруженных изумрудно-зелеными квадратами полей. Мелькали ровные стрелки дорог и темно-синие рукава оросительных каналов. Стало ясно — перспектива попасть в Дели откладывается. Берг предположила, что на большой высоте давление гелия оказалось чрезмерным, и обшивка аэростата не выдержала. С Наташей не спорили — технические подробности были не так важны.

Степа то и дело заглядывал за борт, вспоминая недавний полет на «Муромце». Тогда под крыльями так же мелькала земля, правда, не зеленые поля, а желтая, покрытая скалами степь. Но в кабине «Муромца» был брат, который знал, как сажать аэропланы даже в подобных ситуациях. Теперь же оставалось надеяться только на везение.

Арцеулов, напротив, принял случившееся с поразившим его спокойствием. Перспектива вынужденной посадки показалась сущим пустяком по сравнению с тем, что довелось пережить. И он вновь стал строить планы на ближайшее будущее — хотя бы на перспективу встречи с российским консулом.

Берг держалась внешне невозмутимо, лишь время от времени поглядывала на компас, хотя в этом и не было особой необходимости. Тэд продолжал улыбаться, но затих, стараясь не глядеть вниз.

Теперь аэростат уже не спускался, а почти падал. Внизу была небольшая деревенька, мелькали фигурки местных жителей, сбежавшихся поглядеть на редкое зрелище. Ростислав, вспомнив все, читанное в детстве у Жюль Верна, предложил облегчить корзину. С ним не спорили — за борт полетело оружие, патроны и даже полушубки. Степа схватился было за вещевой мешок, где хранились Тэдовы «артефакты», но американец, возопив, прижал мешок к груди, поклявшись на польско-английском суржике, что находки будут выброшены лишь вместе с ним. Но даже после того, как из корзины были выброшены инструменты, приборы наблюдения и почти все вещи самого Тэда, положение почти не изменилось. Аэростат, казалось, заколебался, но затем дрогнул и вновь пошел на снижение. Оставалось ждать неизбежного...

...Деревенька исчезла. Замелькали вершины густо-зеленых деревьев, но лес быстро кончился. Вновь заблестела

поверхность залитых водой чек — рисовых полей; затем — изумрудная зелень сухих участков, промелькнула тонкая линия канала — и тут аэростат дрогнул и, заметно накренившись, рухнул вниз. Корзину ударило о землю, вновь подбросило вверх, впереди сверкнула ровная поверхность небольшого пруда, и через секунду аэростат с глухим вздохом мягко врезался в воду...

Беглецам повезло. Они упали совсем рядом с берегом, кроме того, серебристая туша баллона не накрыла корзину, грузно осев рядом. Никто даже не ушибся, лишь Валюженича вышвырнуло за борт, и он без крика погрузился в воду.

Степа пришел в себя первым и с криком: «Держись, Тэд!» стал срывать с ног унты, готовясь прыгать, но из-за борта послышалось успокоительное «О'кей», и мокрый, но живой Валюженич ухватился руками за край корзины.

Им повезло еще раз — берег оказался недалеко, глубина была по плечи. Корзина начала наполняться водой. Вода была ледяная — об этом Тэд сообщил сразу же, но выбирать не приходилось. Арцеулов, вспомнив фронтовой опыт, скинул верхнюю одежду, связал ее в тук и спокойно спустился за борт, не забыв захватить «артефакты» Валюженича. Степа последовал его примеру, предложив Наташе немного обождать, покуда они не отыщут брод, чтобы доставить девушку на берег, не подвергая риску простуды. Но Берг хладнокровно пожала плечами и последовала примеру мужчин. Тэд, не потерявший присутствия духа, вернулся в тонущую кабину, успев забрать остаток вещей, в том числе забытые Степой унты.

Берег был низкий, пришлось забираться выше, чтобы найти более-менее ровное место. К счастью, остатки спирта во флаге уцелели. Их хватило не только чтобы хлебнуть по глотку, но и для наскоро собранных сучьев. Вскоре ранние сумерки осветил огонь костра, от мокрых вещей повалил пар, и все, одевшись, принялись закутывать клацающего зубами Валюженича в уцелевшее одеяло. Степа предложил промокшему американцу свою одежду, но тот мужественно отказался, заявив, что у него и так «ноу проблем».

Костер горел весело, бросая отблески на подступившие к небольшой полянке странного вида раскидистые деревья с тонкими длинными иглами. Вдали громко перекликались птицы, и проголодавшаяся компания начала подумывать о ночлеге.

Согревшийся Тэд, похожий в одеяле на вождя краснокожих, предложил оставить все вопросы на завтра и лечь спать. Предложение было принято, но осуществить его так и не удалось. Послышались шаги, голоса. Свет костра упал на смуглые лица в белых тюрбанах — сквозь прибрежные заросли продиралось несколько невысоких мужчин в широких светло-серых одеждах в сопровождении важного вида усача в большой чалме и зеленом френче. В руках усатого грозно поблескивала винтовка, остальные сжимали в руках длинные деревянные палки. Увидев незваных гостей, усач и его команда нерешительно остановились.

— Спокойно! — негромко произнес Арцеулов, вставая. — Я поговорю...

Но его опередил Тэд. Быстро развязав свой мешок, он извлек оттуда внушительный сверток, в котором оказалась кипа бумаг, украшенных разноцветными печатями. При виде наряженного в одеяло американца усач обомлел, и Тэд поспешил представиться, продемонстрировав оказавшийся среди бумаг американский паспорт. Затем последовал внушительного вида документ из внешнеполитического департамента Франции с просьбой к британским властям об оказании помощи научной экспедиции. Валюженич уже доставал следующую бумагу, когда усатый господин в чалме умоляюще поднял руки и заговорил.

Он оказался деревенским полицейским с экзотическим именем Лал Дас. Старания Тэда пропали даром — читать он не умел, а слова «научная экспедиция» и даже священное для Тэда «акэолоджи», вероятно, слышал первый раз в жизни. Впрочем, главное Лал Дас уловил и вежливо предложил господам иностранцам — тут путешественники впервые услышали известное из книжек слово «сахиб» — проследовать в деревню.

Предложение, сделанное в вежливой, но решительной форме, пришлось принять.

Костер загасили, и процессия, предводительствуемая серьезным, хотя и не до конца пришедшим в себя полицейским, проследовала по узкой тропинке к деревне.

Саму деревню рассмотреть не удалось. Их завели в небольшой, странного вида дом — то ли деревянный, то ли сплетенный из веток и чего-то, напоминающего засохшие лианы, — и оставили в покое.

Раскурив остаток чудом не промокших папирос, реши-

ли ложиться спать, тем более что любезные хозяева оставили в хижине целый ворох одеял. Все заснули мгновенно, лишь Арцеулов долго стоял у входа, глядя на далекие перемигивающиеся звезды, непривычно большие и яркие. И так, он в Индии. Осознать это было трудно — неполный месяц назад он видел из окна купе заснеженный Нижнеудинск, и даже Монголия казалась чем-то недоступным, страной за тридевять земель. Ростиславу вдруг захотелось рассказать кому-нибудь из друзей о том, куда его занесло, — хотя бы Ухтомскому, чей дядя четверть века назад бывал в Индии с цесаревичем Николаем. «Вот бы удивился князь», — подумал капитан, но тут же грустно усмехнулся. Бог весть, где сейчас Ухтомский! Ростислав помнил свой странный сон, и теперь, когда самое страшное осталось позади, внезапно понял, что не выполнил все до конца. Совсем рядом было море — то самое, теплое, зеленое, но капитан уже знал, что поплывет не в обещанную ему Францию, а обратно в Россию. Туда, где ждали его друзья — ждали и сражались. Он еще не оплатил свой счет. Более того, счет вырос — ведь раньше Ростислав не знал о Шекар-Гомпе.

А Косухину приснился брат. Степа вначале обрадовался, затем немного растерялся. Таким Николая он никогда не видел. На Косухине-старшем была пышная парадная форма, на дорогом мундирном сукне сверкали ордена, на боку красовалась сабля в золоченых ножнах. Он хотел было спросить Колю, почему это он так вырядился, но брат лишь озабоченно покачал головой и, достав расческу, принялся, как это было в далеком детстве, расчесывать Степу, пытаясь привести в порядок его давно не стриженные кудри. Потом Николай подвел его к зеркалу. Степа взглянул — и еще более удивился. На нем тоже был мундир, но какой-то другой — строгий, с узкими погонами с красным кантом, а на груди, на муаровых лентах, пятнами крови темнели два ордена Красного Знамени. Степа вдруг понял — их с братом ждут, и от встречи этой зависит очень многое. Но тут все исчезло, и Косухин увидел Наташу Берг. Косухин вновь обрадовался, но девушка взглянула на него сухо, не узнавая, и что-то в ее глазах показалось Степе странным, даже страшным. И вдруг он понял — Наташины глаза стали пустыми и мертвыми, как у тех, кого он навидался в Иркутске и в Шекар-Гомпе.

Утро началось с удивленного вопля Тэда. Все вскочили, Ростислав привычно схватился за пояс, где раньше всегда висел револьвер. Но Валюженич уже пришел в себя, достаточно уверенно заявив, что попросту увидел во сне, как проваливается на экзамене по древнегреческому. При этом выражение его физиономии оставалось несколько обалделым, а руки рылись во внутренностях мешка с «артефактами». Степа чертыхнулся, решив высказаться по поводу нервной интеллигенции, но тут в хижину просунулась смутная рожа в чалме, и Лал Дас церемонно пожелал пленникам доброго утра.

Возле хижины уже толпились полицейские в такой же светло-зеленой форме, в чалмах и при оружии, причем у одного из них на боку имелась грозного вида сабля, ножны которой волочились по земле. Как оказалось, на помощь Лал Дасу прибыло подкрепление. Лал Дас пояснил, что говорил по телефону — слово «телефон» было произнесено со всем возможным пиететом — с начальством в Морадабаде и от одного начальства получил строжайший приказ немедленно доставить задержанных в указанный город.

Покуда Лал Дас бегал распорядиться по поводу повозок — до Морадабада было километров двадцать, — Арцелулов предложил обсудить один важный вопрос. В городе им придется иметь дело не с Лалом Дасом и его деревенскими коллегами, а с настоящими хозяевами этих краев — англичанами. А с ними предстоит объясняться всерьез.

— Оу! — отмахнулся Тэд. — Нет проблем! Вы, то есть мы — экспедиция, вернее, отряд научной экспедиции археологического департамента Сорбонны! У меня есть разрешение на наем рабочих. Наши документы потерялись при переправе через горную реку. В конце концов, я обращаюсь к консулу и дам телеграмму в Париж...

— А аэростат? — улыбнулась Наташа.

Тут уж Тэду пришлось задуматься.

— А чё! — вмешался Степа. — Да, чердынь-калуга! Попали в плен к разбойникам, ну и это... убежали...

— Разбойники на аэростатах. Пираты голубого океана, — невозмутимо прокомментировал капитан.

Косухин обиженно засопел.

— Нет проблем! — вновь заявил Валюженич. — Мой друг, мистер Карно, решил провести воздушную разведку Тибета, для чего и арендовал аэростат...

— За воздушную разведку Тибета вы схлопочете от британского правительства лет десять каторги, — вздохнул Арцеулов. — Тэд, это не годится, поверьте.

На этот раз обиженно засопел Валюженич.

— Позвольте, господа, — вмешалась Берг, — представьте себе, что мы летели не от Шекар-Гомпа, а от... ну хотя бы от Челкея. Попали в плен к генералу Мо и бежали, как верно указал Степан Иванович.

Косухин гордо поднял голову.

— Ремиз, — покачал головой капитан. — У Тэда бумаги на тибетскую экспедицию. Придется сказать часть правды — мы попали в плен. В какой-то монастырь, где у нас забрали документы. Там гнездо бандитов — их в Китае сейчас не счесть. Мистер Валюженич нас выручил, — ну а дальше по уже известному сценарию. Карты у нас нет — забрали. Тэд, сожгите карту...

Валюженич задумался, затем со вздохом сунул карту в догорающий очаг.

— И еще, — вел далее Ростислав, — Наталье Федоровне незачем скрывать свою личность, а вот вам, Степан, придется на время забыть о ваших любимых Марксе-Ленине-Бронштейне. Британцы будут не в восторге, узнав, что в Индию прибыли трое русских. У них давний страх перед казаками на берегах Ганга. Но если один из них окажется агентом Коминтерна...

— Нет проблем, — для Валюженича в это утро проблем, похоже, не существовало. — Стив, вы скажете, что вы белый офицер... Ну, лейтенант.

— Поручик; — поправил Арцеулов. — Правда, если вам, Степан, предпочтительнее быть полковником...

Степа заупрямился:

— Ну это, чердынь-калуга... Пусть хоть рядовым... Или унтером...

— Никаких унтеров, господин комиссар! — хмыкнул капитан, которого подобная перспектива начала забавлять. — Тут вам не Совдепия! Тут чины ценят. Вы станете не просто поручиком Косухиным, а дворянином Косухиным, братом известного русского летчика Николая Косухина-Лебедева. Я что-то перепутал?

Степа молчал — проклятый беляк явно глумился, пользуясь моментом, а ответить было нечего.

— Мы сошьем вам форму, Косухин, — добавила масла в

огонь Берг. — А потом мы пойдем на бал к местному губернатору, вы пригласите меня на вальс и преподнесете корзину цветов...

Степа чувствовал себя несчастным и затюканным. Он хотел гордо бросить в лицо своим мучителям страшное слово «интеллигенты», но в последний момент сообразил, что это лишь еще более позабавит их. Корзина цветов его особенно возмутила, хотя почему именно, он так и не понял.

Запыхавшийся Лал Дас сообщил, что повозки для «сахибов» поданы. Это оказались две обыкновенные телеги на высоких колесах, покрытые сверху небольшим навесом, наподобие тента. Вместо лошадей были впряжены мелкие, но крепкие с виду длиннорогие быки.

Вначале ехали молча. Разговора не выходило. Даже Тэд, обычно не переносивший молчания, тоже замкнулся и лишь кидал недовольные взгляды на полицейских. Наконец, он не выдержал:

— То... мистер Ростислав. Я... не мочь казать по-английски... Паны жандармы розумеют...

Он секунду помолчал, вспоминая полузабытый язык предков, затем продолжил:

— То... коли мы быть в... не буду именовать обитель. Там естем един святой ойтец — ён не розмовляем... Ю андестэнд ми?

— Помню, — шепотом подтвердил капитан. — Старый монах, который, кажется, понимает по-русски...

— Так... Коли вы отпрапляться, я вас чекам... Чекам поки сгасне сяиво электричнэ. Та перед цим той святой ойтец подарував нам презент. На спомин...

Валюженич покопался в своих вещах и достал небольшой замшевый мешочек.

— Тоди я навить не... як то... А'в дон'т син... Я чекав вас. И забув. Токи цього ранку я щось шукав — и натрапыв. От...

Он аккуратно вытряхнул мешочек. Свет утреннего солнца заиграл сине-фиолетовым отливом — на ладони Тэда лежали четыре больших прозрачных камня.

— О Господи! — только и прошептал Арцеулов.

— Я реагував тако ж — то вы чули зранку, — усмехнулся Валюженич. — То е сапфиры. Ён, пан святой ойтец, рахував — нас четверо — то камней стойко ж. Кожному — по одному...

Арцеулов ошеломленно молчал. О деньгах он подумал

как раз утром, накануне отъезда, прикинув, можно ли в этих краях как-нибудь подзаработать, хотя бы грузчиком.

— Як то достанушь до Дели, — закончил Тэд. — То там найду, як то... джэвелэ... Нам усем выставить грошей до века Мафусаилова...

— Стойте, Тэд, — Арцеулов отогнал радужные видения, мысль вновь заработала четко и спокойно. — Нам дали камни не для того, чтобы мы прожили безбедно до старости. Это оружие, Тэд! Такое же оружие, как винтовка. Понимаете?

Валуженич задумался, затем кивнул:

— Пан мае рацию!..

Морадабад оказался белым, двухэтажным, с полупустыми улицами, на которых можно было встретить лишь деревянные повозки, а также редких в эти часы пешеходов. Пахло провинцией, такой же глухой, как и поминаемые Косухиным Чердынь с Калугой. Правда, в северных палестинах не попадались перебежавшие прямо через улицу обезьяны и странные, чем-то похожие на пинии, деревья. На этом экзотика исчерпывалась. Совершенно обычным оказалось и учреждение, куда их доставили — полицейское управление — или скорее участок, — как две капли воды напоминавшее уже позабытые околотки Империи. Только стражи порядка щеголяли здесь в белых чалмах да вместо покойного Николая на стене кабинета красовался король Георг, впрочем, весьма с Николаем схожий.

Их ждал худой загорелый англичанин в фуражке с высокой тульей, в монокле и тоже с усами, хотя и не в пример меньшими, чем у его подчиненных. Он представился, произнеся фамилию настолько невнятно, что никак нельзя было понять, «Джонс» ли он, «Джойс» или «Джоунз».

Лейтенант Джонс-Джойс-Джоунз достал несколько листов бумаги, аккуратно разложил их на столе и скучным голосом поинтересовался, кто они и по какому праву нарушили границы Индо-Британской империи.

Валуженич изложил условленную версию событий. Офицер кивнул, словно ничего иного и не ожидал, записал услышанное на бумагу, а затем предложил предъявить имеющиеся документы.

Бумаги Тэда он изучал долго, но потом кивнул, на этот раз вполне удовлетворенно, и поглядел на остальных. Берг

достала сложенную вчетверо бумаженцию, увидев которую англичанин произнес «Оу!» не хуже самого Валюженича. Степе и Арцеулову пришлось хуже — документов у них не было. Джонс-Джойс-Джоунз нахмурился, затем задумался и, наконец, выдал резюме.

Из его слов все, кроме не понимавшего по-английски Степы, узнали, что их появление вызвало в Британской Индии изрядный шум. Администрация в Дели проявила немалую заинтересованность, поручив Джонсу-Джойсу-Джоунзу провести тщательное расследование на предмет возможной опасности для британских интересов. Ввиду этого он, Джонс-Джойс-Джоунз, вынужден задержать всех четверых впредь до завершения предварительного расследования и возможного приезда комиссии из Дели. Впрочем, он согласен перевести задержанных под домашний арест под залог в сто фунтов стерлингов за каждого.

Валюженич тут же заявил, что требует немедленного свидания с американским консулом в Дели, иначе мистер Ллойд-Джордж будет иметь дело лично с мистером Вильсоном, который не оставляет американских парней без защиты.

Офицер воспринял слова Тэда совершенно спокойно, но предложил послать телеграмму консулу из Морадабада. Остальное решит сам консул — и власти в Дели.

Тэду пришлось согласиться на этот вариант. Вдобавок выяснилось, что долларов Валюженича в пересчете на фунты хватает как раз на полтора человека. Англичанин вновь подумал, на этот раз значительно дольше, и, наконец, предложил отсрочку в три дня. Это время задержанные могут жить в городе, но под охраной полиции. Отеля в Морадабаде не оказалось, если не считать утонувшего в грязи постоянного двора на базаре, и по совету одного из полицейских — местного уроженца — пришлось снять домик-развалюху, где не было окон, а дверь закрывалась лишь изнутри. Впрочем, эти подробности были не важны. Тэд, вдохновленный близким приездом консула-избавителя, отправился с одним из полицейских на базар, откуда притащил огромный вьюк, где были одеяла, плащи из серой тонкой шерсти и запас провизии на неделю. Полицейские пристроились за дверью, и путешественники смогли наконец впервые за много дней отдохнуть под почти настоящей крышей. Спешить было некуда — жизнь брала тайм-аут.

...Консул прибыл назавтра ближе к вечеру. Он оказался толстым, широкоплечим и необыкновенно энергичным. Представившись, он долго тряс руку каждому, а затем увел с собою Валюженича и беседовал с тем больше часа, после чего решительно направился в полицию, заявив, что американское правительство не оставит их в беде. Вернулся он скоро, весьма рассерженный, обругал Джонса-Джойса-Джоунза и пообещал ввести против Британской Индии торговые санкции. Очевидно, здесь, в твердыне английских владений, влияние всесильной Америки ощущалось не в полной мере. Впрочем, консул обещал сегодня же вернуться в Дели, чтобы, как он выразился, «принять меры».

Перед отъездом, по просьбе Берг, Тэд сообщил консулу лондонский адрес, где жили ее коллеги, которые могли поручиться за Наташу перед британским правительством. Сама Берг в тот же день дала телеграмму в Париж, своему дяде Карлу Бергу.

Итак, все возможное было сделано, оставалось ждать. Тэд решил использовать это время с толком, предложив обследовать город, равно как и его окрестности. Неугомонный «акэолоджи» уже успел узнать, что в самом Морадабаде есть уникальный храм девятого века, а в окрестностях — заброшенные развалины чего-то еще более древнего. Полицейские, приставленные к ним, за небольшую мзду обещали сопровождать «сахибов» как по городу, так и за его пределами. Обрадованный Тэд предложил наутро отправиться в путь, но встретил понимание лишь со стороны Наташи.

По этой программе они действовали два следующих дня. Степа и Арцеулов почти не выходили из домика — Косухин спал, а Ростислав молча сидел на пороге и смотрел на пустую пыльную улицу, по которой изредка проходили смуглые индусы или пробегали маленькие любопытные обезьянки. Впрочем, ни на тех, ни на других капитан не обращал внимания. Впервые за много недель у него появилось время, чтобы подумать. Здесь, в этой пыльной индийской дыре, все случившееся с ним казалось странным и даже нереальным. Ростиславу несколько раз приходила в голову шальная мысль, что ему попросту все померещилось — и Иркутск, и путешествие по ледяной тайге, и полет на «Муромце», не говоря уже о том, необыкновенном и странном, что случилось после. Хотелось попросту забыть —

и думать о будущем, но Арцеулов чувствовал, что в его истории наступал не финал, а небольшой перерыв. И он не ошибся.

На третий день Тэд и Наташа отправились на очередную прогулку. На этот раз Валюженич решил осмотреть какую-то древнюю гробницу, для чего приобрел на базаре средних размеров кирку — точнее, кетмень, а Наташу вооружил толстой тетрадью и карандашом для, как пояснил он, ведения археологического дневника. Их сопровождал полицейский, которому было поручено нести кетмень и запас провизии. Арцеулов и Степа остались в хижине. Степа, выкурив очередную папиросину, пожаловался на самочувствие и улегся спать, а капитан, взяв начатую пачку, сел на пороге. Он успел прикончить первую папиросу, когда увидел, что к дому не торопясь приближается гость, причем не индус, а европеец. Арцеулов встал. Перед ним, без сомнения, был военный, но в штатском светлом плаще, кепи и с коротким стеком. Капитан ждал. Незнакомец подошел поближе, улыбнулся и подбросил руку к козырьку. Прodelано все было с легкостью, даже изящно, но серые глаза гостя взглянули на капитана твердо и строго.

— Добрый день, — произнес Арцеулов по-английски. Гость кивнул, секунду помолчал и ответил, но не по-английски, а по-русски, чисто и правильно:

— Здравствуйте, господин Арцеулов. Ростислав Александрович, насколько я помню?

— Да, — в первую секунду капитан подумал, что перед ним его соотечественник, но затем сообразил: гость в плаще и кепи — все-таки англичанин. Слишком правильно он выговаривал слова, гласные звучали как-то непривычно — глухо и отрывисто.

Гость небрежно прислонил стек к порогу и сел рядом с капитаном.

— Насколько я знаю, мистер Валюженич и госпожа Берг решили осмотреть гробницу Шах-Мансура. А вас древности не интересуют?

— Нет, — сухо ответил капитан, — простите, с кем имею честь?

Англичанин усмехнулся.

— Судя по всему, я — именно тот человек, которому

придется решать вашу судьбу, Ростислав Александрович. Я в таком же звании, как и вы, но именно мне поручили ваше дело. Вы не будете возражать?

ГЛАВА 10

«Владимир беспокоится»

— Вы из полиции? — спросил капитан, догадываясь, что к полиции его гость отношения не имеет.

Англичанин улыбнулся, покачал головой и достал большой серебряный портсигар. Он тщательно выбирал сигару, наконец, найдя понравившуюся ему, откусил кончик и долго прикуривал.

— Я, конечно, не из полиции, — ответил он. — Я представляю другую службу. И эта другая служба крайне заинтересована вашим делом...

Он затянулся сигарой, выпустив изо рта серию красивых трепещущих колец.

— Между прочим, еще три дня назад я был в Афганистане. И занимался там, как вы можете догадаться, не только осмотром достопримечательностей. Но меня вызвали — и послали именно к вам. Из этого вы можете сделать вывод, насколько служба Его Величества заинтересовалась вашим неожиданным визитом... Впрочем, забыл представиться: Генри Фиц-Рой, числюсь в метеорологическом отделе, но занимаюсь не только погодой. Сделаем так. Сначала расскажу я, а потом вы...

Он выпустил в воздух новую серию колец и на секунду задумался.

— Компетентная служба Его Величества получает странное донесение. Граница Британской Индии нарушена. В этом нет пока ничего особенного. Правда, нарушена достаточно оригинальным образом — по воздуху. Будь это в Европе — удивляться нечего, но ваш аэроплан прилетел со стороны Гималаев. Этим, в конце концов, могли бы заняться военные власти... Но вот состав вашей группы...

Он покачал головой:

— Мистер Валюженич особых сомнений не вызывает, но с ним пребывают трое русских. Двое — вы и мистер Косухин, по вашим словам, офицеры белой армии. Вот это

уже любопытно. Насколько я знаю, армия Колчака воевала несколько севернее Гималаев. Но это еще не все. С вами прибыла мадемуазель Берг. Она предъявила документ из Российской Академии Наук о том, что она выполняет важное научное задание.

Арцеулов вспомнил бумагу, которую Берг показывала в полиции, с запозданием подумав, что девушке стоило посоветоваться с ним.

— В Лондоне знают, кто такая мадемуазель Берг, равно как и ее дядя, живущий сейчас в Париже. Итак, молодая и талантливая сотрудница одной из секретнейших лабораторий бывшей Российской империи оказывается в компании двух русских офицеров и американского археолога. Как прикажете это понимать? Прежде чем поговорить с нею, я решил побеседовать с вами и с господином Косухиным. Впрочем, о нем особый разговор...

— А? Чего? — из дверей выглянула заспанная физиономия Степы.

Англичанин вежливо привстал.

— Господин Косухин? Степан Иванович?

Степа бросил быстрый взгляд на Фиц-Роя, затем на Арцеулова и внезапно стал серьезным:

— Ну да... Здравствуйте, стало быть.

Англичанин представился, правда не упомянув ни о звании, ни о «метеорологическом» ведомстве. Впрочем, Степа был человеком, выдавшим виды, а посему лишь кивнул, поприветвав минуту, чтобы умыться.

— А он действительно Косухин? — вдруг спросил Фиц-Рой, покуда Степа плескался, приводя физиономию в относительный порядок. Вопрос показался Арцеулову несколько странным.

— Конечно, господин Фиц-Рой!

Англичанин улыбнулся и покачал головой:

— Вы его давно знаете, Ростислав Александрович?

— Ну... Недели две..

Появился Степа, умытый и даже причесанный. Гость если и застал его врасплох, то только в первую секунду.

Из какой службы может быть этот тип в штатском, Косухин сообразил сразу.

— Я беседовал с господином капитаном о том, какое впечатление произвела ваша посадка, — начал Фиц-Рой, когда Степа уселся рядом и с достоинством закурил папиросу, от-

казавшись от сигары, предложенной «метеорологом», — и даже успел заметить, что с вами, Степан Иванович, предстоит особый разговор...

Он замолчал и выжидательно поглядел на Степу. Тому стало немного не по себе.

— Итак, вы действительно Косухин?

Степа хотел было рубануть: «Да кто же еще, чердынь-калута!», но вспомнил свою «легенду» и с достоинством ответил: «Так точно». Получилось неплохо, даже Арцеулов одобрил тон — сухой и слегка обиженный. Фиц-Рой порылся во внутреннем кармане, достав оттуда пакет из плотной бумаги. В пакете оказалась фотография на твердом паспорту с золотым обрезаем.

— Не соблаговолите ли, Степан Иванович, — трудное русское слово Фиц-Рой произнес точно, тщательно выговаривая буквы. — Кого из э-э-э... персонажей этого фото вы можете узнать?

Арцеулов бросил беглый взгляд на снимок. И тут же вздрогнул — среди нескольких офицеров он увидел человека, которого не с кем было спутать. Человека, лицо которого так походило на лицо его кузена, чей портрет они видели в полицейском участке...

Степа, естественно, тоже узнал Государя. Первая мысль была вполне большевистская: «Издавается, гад!» Но что-то заставило смолчать и еще раз взглянуть на фото, на этот раз внимательнее. Рядом с Царем Кровавым стояли офицеры, один к одному — белая кость, в орденах да лентах. У Косухина аж дух перехватило от возмущения, но он и виду не подал, всматриваясь в лица. Рядом с Императором, подпирая его мощным плечом, высилась крепкая фигура. Лицо наполовину скрывала черная борода, темные глаза смотрели сурово и твердо. Косухин похолодел, узнав генерала Ирмана. А по другую сторону от душителя революции... Степе стало жарко — куда же он смотрел, чердынь-калута! — брат Коля в таком же роскошном мундире, как и остальные! Николай улыбался, его тезка — царь-кровопиец — тоже, и у всех остальных на снимке настроение было, похоже, не из худших.

Степа тут же вспомнил свой недавний сон. Тогда он увидел брата именно таким — в мундире, с орденами, вдобавок спешившего на какую-то важную встречу. Уж не на эту ли?

Косухин хорошо помнил рассказы Николая, а потому почти не сомневался.

— Знакомое фото, господин Фиц-Рой. Если не ошибаюсь, 16-й год. Моему брату Государь Император (слова эти Степа буквально выдал из себя) вручает орден...

Степин тон вновь понравился Арцеулову. «Государь Император» прозвучало даже с чувством.

— Олл райт, Степан Иванович, — по лицу Фиц-Роя промелькнула улыбка. — Не смею спрашивать, кто из... э-э-э... запечатленных здесь ваш брат...

— Слева, — сухо вставил Степа, подразумевая — от царя.

— ...Но не соблаговолите ли назвать других ваших знакомых...

— Генерал Ирман. Он справа.

— А еще? Одного вы должны знать.

— Разрешите, — Косухин вовремя вспомнил это интеллигентское слово и вновь взял снимок. Нет, никого больше он не узнавал. Лица как лица — типичные классовые враги.

Степа заставил себя сосредоточиться. Если бы он, красный командир Косухин, был действительно офицером, более того, связанным с проектом «Мономах», то он должен знать... Ну хотя бы того, о котором говорил брат, — князя Барятинского, которого первым послали в этот самый «эфир». Где же он должен быть на снимке?

В первом ряду кроме Николая Кровавого, старшего Косухина и генерала Ирмана было еще двое. Рядом с Ирманом стоял немолодой офицер, явно не из летчиков, а вот рядом с братом... Степа лишь вздохнул — если и бывают эти самые аристократы, то этот явно из них. Высокий, чернобровый, длинноногий, с вежливым, но каким-то скучающим выражением на лице.

— Князь Барятинский, конечно, — Степа попытался пожать плечами как можно изящнее. — Рядом с моим братом...

— Хорошо, — удовлетворенным тоном заметил англичанин, пряча снимок. — Причину награждения вашего брата, вы, конечно, назовете?

Арцеулов напрягся — тут Степа мог оплошать. Но Косухин, смерив англичанина высокомерным — откуда только такой и взялся! — взглядом, спокойно ответил: «Нет».

— Почему?

И тут Степа превзошел самого себя. Он вспомнил, как вели себя на допросах офицеры — белая кость, голубая кровь. А, чердынь-калуга, причину ему!

— Я давал присягу! Как и вы, господин Фиц-Рой!

«Браво, краснопузый! — подумал Арцеулов и тут же добавил: — Ну и сволочь!»

— Понял вас, — помолчав, кивнул Фиц-Рой. — В таком случае, прошу изложить обстоятельства вашего появления в Западном Китае. Прошу отнестись к моему вопросу со всей серьезностью.

«У, пристал!» — подумал Степа и уже собрался было изложить их «легенду», но тут же спохватился. Ведь он же офицер, чердынь-калуга!

— Здесь присутствует мой командир, — как можно официальнее отчеканил он. — Вам, должно быть, знакомо слово... субординация, господин Фиц-Рой?

Интеллигентское словечко Степа чуть было не забыл, но вовремя вспомнил. Небольшая пауза добавила его фразе дополнительную убедительность. Даже Фиц-Рой чуть смутился:

— Прошу прощения, Степан Иванович. В таком случае, мне остается попросить рассказать об этом вас, господин капитан.

Арцеулов кивнул. Он решил не ударить лицом в грязь и заговорил в Степиной манере — сухо, с достоинством.

— В начале января я получил личный приказ Верховного прибыть в Иркутск и помочь вывезти оттуда госпожу Берг. В самом Иркутске ей помогал скрываться поручик Косухин, который получил такой приказ от генерала Ирмана, к тому времени уже покойного. Приказ мы выполнили и доставили госпожу Берг на один из аэродромов, после чего, согласно ее указанию, полетели на юг. За штурвалом был поручик Казим-бек. Он погиб при вынужденной посадке.

— Итак, вы прибыли в Челкель... — нетерпеливо проговорил англичанин.

— Мы прибыли на одну из баз в Западном Китае, — невозмутимо поправил Арцеулов. — К сожалению, она уже была захвачена войсками командующего Синьцзянским округом генерала Мо. Мы улетели буквально под выстрелами... Через несколько часов мы сделали вынужденную по-

садку. Где именно — не знаю, сбились с курса. Почти сразу же были взяты в плен, откуда вскоре бежали...

Англичанин чуть подумав, кивнул:

— Будем считать, что вы меня убедили. Итак, вас взяли в плен...

— Да, местные, тибетцы в черных полушубках. Нас заперли в какой-то хижине, там мы и встретили мистера Валу женича. Ночью нам удалось бежать. Мы пробрались по тропе на юг и там наткнулись на какой-то монастырь...

Англичанин замер, стараясь не пропустить ни одного слова.

— Монастырь хорошо охраняли, — невозмутимым тоном продолжал капитан, — но ночью там что-то случилось, погасли прожектора, и мы сумели захватить азростат. Остальное вам известно.

— Вы... не были в самом Шекар-Гомпе?

— Где? — вполне натурально удивился Арцеулов.

— В этом монастыре... Впрочем, если бы вы попали туда, то едва ли вырвались бы живыми... Скажите, вы запомнили хоть что-то? Я имею в виду систему охраны, сооружения...

— Кое-что запомнил, — капитан чуть не усмехнулся, но сдержался, готовясь выбросить свой главный козырь. — Собогаволите выдать лист бумаги и карандаш...

По той скорости, с какой англичанин выдирает листок из блокнота, было ясно, что он клюнул. Арцеулов не торопясь разложил бумагу и тщательно нарисовал все, что видел из окошка монастырского тайника — монастырь на горе, аэродром, бараки, окруженные проволокой, строящуюся электрическую станцию, черный котлован и даже указал расположение прожекторов. Нарисовав, он показал схему Степе и тот с важным видом внес пару незначительных поправок.

На этот раз от флегматичности Фиц-Роя не осталось и следа. Он буквально впился глазами в рисунок и несколько минут молчал, то и дело кивая и покачивая головой. Наконец, он тщательно спрятал схему.

— Я благодарю вас, господа, за то, что вы сочли возможным поделиться такой важной информацией. Поверьте, вы не раскаетесь. Это очень поможет нам, Королевским Вооруженным силам, разобраться с этими бандитами...

— Так это действительно бандиты? — наивно поинтересовался капитан.

— Я неточно выразился, извините. Конечно, это не просто бандиты. Вначале мы думали, что это мятежники, вос-

ставшие против нашего контроля над Западным Тибетом. Вице-король послал туда роту, затем батальон... Никто не вернулся — ни один человек...

Фиц-Рой встал, вежливо поклонился и, пообещав зайти через несколько дней, отбыл. Некоторое время Степа и капитан сидели молча, глядя ему вслед, пока наконец Косухин не выдержал и с чувством произнес:

— У, раскудрить в христа, в богородицу, в крест животворящий! Чуть язык, чердынь-калуга, не обломал! «Соблаговолите!» Тыфу, интеллигенты! К стенке бы вас всех!

Арцеулов невольно рассмеялся:

— А я уже было подумал, что вы потихоньку набираетесь культуры...

Степа свирепо воззрился на белого гада, но потом не выдержал и тоже рассмеялся.

Два дня их не беспокоили. Каждый день Валуженич навещался на телеграф, но консул советовал ждать и не предпринимать ничего без его ведома. Тэд поначалу сник, но затем снова воспрял духом и продолжил свои прогулки по городу и его окрестностям. Как-то складывалось, что на эти прогулки он приглашал исключительно Берг. Каждый раз, получив от американца предложение осмотреть очередную гробницу, Наташа искоса поглядывала на Степу, тот смущался под ее насмешливым взглядом и отворачивался. Ростислав и Косухин остались предоставленными сами себе. Они обошли весь городишко, который запомнился лишь вездесущими обезьянками, худыми беспризорными коровами и большим полуразрушенным храмом Шивы, стоявшим в самом центре. На базаре, в одной из лавок, Арцеулов на мелочь, одолженную у Тэда, купил несколько дешевых изданий Киплинга. Степа, с тоской взглянув на неведомый ему латинский шрифт, без всякой надежды поинтересовался, нет ли чего почитать по-русски. Увы, как и следовало ожидать, русских книжек в Морадабаде не нашлось. С тем и вернулись.

Степа затосковал.

— Хорошо тебе, буржую! — буркнул он, с завистью глядя на схватившего книжку Арцеулова. — Выучили на народные деньги! Хотя бы рассказал, про что там...

— «Книга Джунглей», — спокойно отреагировал Ростислав.

слав. — Там говорится о маленьком мальчике, которого воспитали волки. Его звали Маугли...

Выслушав краткий пересказ истории волчьего приемыша, Степа заинтересовался. Впрочем, сказка Киплинга навела его на совершенно неожиданные ассоциации — вспоминались серые твари с красными глазами, мохнатые лапы, тянущиеся к нему из темноты... Повесть о Маугли стала представляться чем-то зловещим и мрачным. Степа махнул рукой и, хмуро взглянув на вновь взявшегося за Киплинга Арцеулова, внезапно предложил:

— Слышь, буржуй, давай — кто кого поборет.

— Французская борьба? — отозвался Ростислав, не отрываясь от приключений Маугли.

— Ага, — зловеще протянул Степа, предвкушая грядущее удовольствие. Французской борьбой он всегда увлекался, к тому же его сослуживец, Василий Ломов (он же Осман Хаджи, чемпион мира и Васильевского острова), показал Косухину пару недурных приемов.

Арцеулов хмыкнул и внезапно вскочил — резко, пружиристо. Гимнастерка полетела на пол.

— До пояса, — предупредил капитан, и в глазах его мелькнул веселый огонек.

— Знамо! — с достоинством ответил Косухин, тоже снимая рубашку. — Ну, чего? Три, четыре...

С первой же минуты Арцеулов понял, что попал на сильного противника. Он пару раз увернулся, попытался захватить Степину руку, но Косухин усмехнулся и внезапно схватил Арцеулова за пояс. Последовал коронный прием Васи Ломова — и бяк очутился на земле.

— То-то! — Косухин вдруг вспомнил, как лихо капитан умеет драться, и в голову ему пришла неожиданная мысль. — Слышь, Ростислав, покажи, как ты это... ну, рuckами...

Арцеулов понял:

— Этому нас в юнкерском учили. Полезная штука...

Он поднялся, отряхнул с рук пыль и, подождав, покуда утихнет ноющая спина, предложил:

— Нападайте. Не бойтесь, бейте чем попало.

— Зашибу, — предупредил Степа, который и сам был мастер подражаться.

Капитан кивнул, и Степа бросился в бой. Ему показалось, что удар в челюсть вместе с подножкой уже достигли цели, как вдруг почувствовал, что его отрывают от земли,

крутят — секунда — и он уже валяется на полу, а к шее приставлена ладонь.

— И по сонной артерии, — спокойно прокомментировал капитан.

— Еще! — потребовал Степа — и получил еще.

После четвертого раза Степа помотал головой и лаконично потребовал:

— А научи!

— Это оружие, красный командир, — усмехнулся капитан. — Между прочим, секретное... Ладно. Пару синяков заранее обещаю... Смотрите!..

Предсказание насчет синяков сбылось вполне. Впрочем, один — под левым глазом — заработал сам Арцеулов — Степа оказался способным учеником. Вид у них обоих был столь недвусмысленен, что вернувшиеся из очередного похода Тэд с Наташей обомлели, и американец мог со всем основанием произнести свое неперемненное «Оу!».

Между тем сегодняшний осмотр мечети Бабура был не совсем обычным. Осматривали они ее не вдвоем, как вероятно планировалось, а втроем. Третьим оказался вежливый и интеллигентный англичанин, носивший красивую аристократическую фамилию Фиц-Рой...

— По-моему, мы не сбились, — заметила Берг, — хотя расспрашивал... допрашивал — поправилась она, — он более чем профессионально.

— Я молчал, как пограничник у индейского столба пыток, — добавил Тэд. — Похоже, они действительно боятся этих в Шекар-Гомпе... Так и тянуло рассказать ему про наш номер с мистером Цонхавой.

На следующее утро мистер Джонс-Джойс-Джоунз лично посетил пленников и вручил несколько телеграмм. Одна была от американского консула, в которой мистер Валюженич заверялся в том, что его вопрос будет решен положительно. Другая — от Карла Берга из Парижа, а третья — из Королевской Академии наук, в которой британским властям в Индии разъяснялось, кто такая Наталья Берг. И как итог всего, еще одна телеграмма — от самого вице-короля, в которой сообщалось, что американский подданный мистер Валюженич и «гость британской Индии» мисс Берг с этого

дня свободны и вольны покинуть Морадабад в любое время. По поводу мистера Косухина и мистера Арцеулова никаких распоряжений не последовало.

— Надо ехать в Дели, — заявила Берг, когда англичанин удалился. — Иначе, господа, у вас есть шанс застрять тут надолго. И мой Косухин окончательно одичает.

— Там нет русского консула, — возразил капитан, не отреагировав на «моего Косухина».

— Мистер Фиц-Рой сообщил, что в Дели до войны была русская колония. Там должен быть кто-то, кто имеет выходы на местных чиновников.

— Оу! — оживился Тэд. — Мисс Наташа, поехали завтра же! Из Дели мы завернем в Агру, я покажу вам Тадж-Махал...

Вечером, когда Валюженич, ложившийся, как правило, с первыми сумерками, уже видел третий сон, Наташа достала телеграмму от дяди и, развернув, протянула Арцеулову.

— Понятно, — чуть помолчав, проговорил тот и, отвечая на немой вопрос Степы, перевел:

«Немедленно возвращайся в Париж. Владимир беспокоится. Карл Берг».

— Какой Владимир? — вначале не сообразил Степа.

Наташа улыбнулась:

— Если бы меня спросил об этом мистер Фиц-Рой, то я бы ответила, что это мой жених. Вам же, Косухин, учитывая родство наших душ, признаюсь, что этот Владимир для меня куда дороже, чем жених...

— «Мономах»! — Степа наконец сообразил и тут же спохватился: — Так что же это? Никак Николай вернулся!

— Может быть. В любом случае, если бы не ваша горькая арестантская доля и не полное отсутствие как фунтов, так и стерлингов, то я бы уже завтра ехала к ближайшей пристани.

— Дело не в деньгах, — Арцеулов решил завтра поговорить с Валюженичем о сапфирах. — Не знаю, как господин Косухин, а я считаю, что «Мономах» важнее, чем наши проблемы.

— Да ясно, чердынь-калуга! — поддержал Степа. — Ведь если Коля вернулся, это же...

— Я вас не брошу, господа, — спокойно заметила Наташа. — Не буду напоминать о двух джентльменах, которые ради одной истерички — синего чулка сунули головы буквально в ад... Но это просто непорядочно.

— Погодите... — Арцеулов, до этого молчавший, еще раз перечитал телеграмму. — По-моему, тут сказано не совсем то. Если бы господин полковник и господин Богораз вернулись, ваш дядя мог так и сообщить — скажем, «Владимир вернулся». Тут сказано иначе... Наталья Федоровна, в этой аппаратуре, о которой говорил Семен Аскольдович, могут быть сбои? Может, без вас «Пространственный луч» не удастся наладить? Ведь в телеграмме сказано «Владимир беспокоится»...

— Ах ты... — до Степы дошло. — И чего же тогда?

— Завтра поезжайте в Дели, — решил Арцеулов. — Берите билет на ближайший пароход и вместе с Тэдом возвращайтесь в Париж. Если удастся найти кого-нибудь из русской колонии, кто бы мог нам помочь, — тем лучше. Ведь с нами ничего не случится, Наталья Федоровна. В конце концов, мы просто удерем — вдвоем легче...

Валуженича и Наташи не было четыре дня. Чтобы не давать волю беспокойству, Арцеулов всерьез занялся со Степой изучением боевых приемов. Косухин учился быстро: реакция у него была отличная, глаз — острый, а злости, столь необходимой в любой драке, — хоть отбавляй. Когда Косухин овладел наиболее простыми ударами и захватами, Арцеулов попросил одного из полицейских, наблюдавших за обучением с нескрываемым интересом, достать где-нибудь обыкновенный табурет — мебели в хижине по индийскому обычаю не было. Когда табурет — старый и колченогий — был доставлен, Ростислав показал, что можно сделать с его помощью. Косухин получил еще один синяк, а пораженный полицейский убежал и вернулся с самим Джонсом-Джойсом-Джоунзом. лейтенант вначале молча наблюдал, затем не вытерпел и сбросил мундир, предупредив, что и сам обучался совершенно секретной новинке, которую называют «джиу-джитсу». Косухина он победил вчистую, но Арцеулов оказался крепким орешком. Получив в свою очередь синяк, англичанин пожал соперникам руки и пригласил их домой, в маленький аккуратный домик, где полицейский вел свою холостяцкую жизнь. Пришлось опустошить бутылку виски, закусывая чем-то настолько пряным, что пить хотелось еще целые сутки...

Валюженич и Берг вернулись под вечер. Наташу было не узнать — изящное шерстяное пальто, новенькая шляпка, в руках — роскошная сумочка из выделанной кожи. Валюженич был в новом костюме, плаще и шляпе, которая смотрелась на нем несколько странно. Вдобавок Тэд волок большой чемодан и два огромных пакета.

Степа лишь моргал, когда из чемоданов и пакетов извлекались предметы буржуйской роскоши — два новых костюма, рубашки, ботинки и даже бритвенные станки «Жилетт». Вдобавок ничего не понимавшего Косухина тут же заставили переодеться, побриться и причесаться. В конце концов Берг, руководившая экзекуцией, осталась довольна, заявив, что теперь она все-таки примет приглашение Степы на бал к губернатору, где ее, само собой, будет ждать корзина с цветами. Кончилось это тем, что Степа снял с себя буржуйские тряпки, переделся в свое привычное облачение и напрочь отказался обсуждать подобные мещанские проблемы.

— Мы взяли билеты на пароход из Бомбея, — сообщила Наташа, когда все наконец успокоились и расселись на циновках возле очага. — Чтобы успеть, надо уезжать завтра...

— Хорошо, — кивнул невозмутимый Арцеулов. Степа тоже одобрил, хотя на душе вдруг стало тоскливо.

— Я бы не согласилась, — продолжала Берг. — Но буквально в первый же день нам повезло. Нам удалось найти... Вернее, Тэду удалось найти одного нашего земляка. Его фамилия Ингвар. Николай Константинович Ингвар.

Степе эта странная фамилия ничего не говорила, а Ростислав встрепенулся:

— Простите — Ингвар? Художник Ингвар? Так он в Индии?

— Да, уже четвертый год. Его здесь неплохо знают, и он обещал помочь. По-моему, ему можно верить. Он лично знаком не только с губернатором провинции, но и с вице-королем, у него неплохие связи в Лондоне. Господин Ингвар обещал держать меня и Тэда в курсе дел — я дала ему мой парижский адрес. А может... Может, мне все-таки не ехать, Косухин?

Степа от неожиданности вздрогнул. Он вдруг понял, как хорошо было бы, если бы Наташа осталась. Но ведь девушка спешила в Париж не просто для встречи с дядей! Быть может, от нее зависит, сумеет ли его брат вернуться

из черного небытия, куда унесла его окутанная дымом стрела «Мономаха»...

— Вы... поезжайте, Наташа, — вздохнул он. — Я это... лучше сам в Париж приеду...

Тем временем Тэд достал из чемодана пару бутылок шотландского виски и бутылку чего-то французского, белого — для Наташи, чем и был отмечен последний совместный ужин.

Перед сном Валюженич вручил Арцеулову пачку денег, чековую книжку и один сапфир. Как оказалось, Тэд продал лишь свой камень и один из тех, которые дал ему Ростислав. Все равно — денег оказалось столько, что Арцеулов лишь покачал головой и решил куда ничего не говорить Степе.

...Валюженич, как обычно, заснул рано, а остальным не спалось. Наташа уже успела рассказать, как найти ее в Париже, и даже подробно обрисовала своего дядю, который представлялся Степе типичным буржуем с плакатов РОСТА.

Косухин в свою очередь изложил давно продуманный план. Россия была напрочь отрезана от морей блокадой. Положение могло показаться безнадежным — но не Степе. Из редких британских газет, иногда покупаемых Ростиславом, Косухин усвоил, что товарищи из НКИДа не теряют времени даром и уже заключили временное — до скорой победы Мировой Коммунистической — перемирие с Эстонией. Появилось «окно», достаточное, чтоб добраться до Европы — хотя бы до Марселя, заехать в Париж, а оттуда — напрямик в Ревель.

Берг план одобрила. Арцеулов тоже не возражал. Он знал — здесь их с краснопузым дороги разойдутся.

Степа заснул, а Берг и Ростислав все еще сидели, докуривая последние папиросы. Внезапно Наташа, о чем-то долго размышлявшая, подняла голову.

— Ростислав Александрович...

— Что-нибудь случилось? — осторожно спросил капитан.

— Да... То есть нет... В общем, мне почему-то не нравится эта поездка. Если со мной что-то случится...

— Да что это вам в голову взбрело! — возмутился Арцеулов.

— В Париже есть еще один человек, знающий о «Мономахе». Он может помочь. Фамилия вам знакома — Богораз.

Аскольд Феоктистович Богораз, генерал-лейтенант. Это отец Семена. Правда, адреса я не знаю. По-моему, он жил где-то в центре, чуть ли не на Монпарнасе...

— Наталья Федоровна, да что может случиться? — капитан всерьез забеспокоился.

— Не знаю. Наш семейный врач обязательно сослался бы на девичьи нервы. Моя покойная матушка решила бы, что это от моей беспутной жизни среди одичавших мужчин, а Семен Аскольдович просто поглумился бы. Впрочем, один факт заинтересовал бы даже его...

Наташа затянулась и резким движением затушила папиросу, бросив окурок в очаг.

— Никто, понимаете, Ростислав Александрович, никто и ни при каких обстоятельствах не имеет права разглашать название проекта «Владимир Мономах»! Этому меня научили крепко. И если мой дядя в телеграмме позволяет себе намек на «Владимира» — тут что-то не так... В общем, если бы телеграмма была не от дяди, я бы, скорее всего, осталась с вами и вытащила бы моего Косухина на бал к губернатору... — Внезапно она засмеялась: — Ну вот, болтаю о всякой пинкертоновщине! А между тем мне, как воспитанной девушке, полагается сегодня думать совсем о другом. Правда, воспитанной девушке не положено делиться такими вещами с посторонними мужчинами, но вы, Ростислав Александрович, у нас вроде старшего в семье...

Арцеулов даже и не думал обижаться. Он вдрут понял, что где-то так оно и есть.

— В общем, мистер Валуженич сделал мне вчера предложение — руки, сердца и прав гражданки Северо-Американских Соединенных Штатов. Мы были в Агре и как раз выходили из Тадж-Махала. Тэд что-то излагал о той бедной даме, ради которой гробница и была выстроена... В общем, со стороны все это выглядело достаточно inferнально, вполне в стиле наших походов.

— Что мне сказать? — растерялся Ростислав. — Разве что спросить о мсье Гастоне?

— О Гастоне? — Берг искренне удивилась. — Ах да, конечно. Знаете, когда Гастон мне делал предложение, то не преминул заметить, что для него наука всегда останется на первом месте. И что он из древней семьи с устоявшимися традициями, которые я должна буду соблюдать. Впрочем, он неплохой человек...

— Но в Сибирь с вами не поехал.

— Не поехал. Хотя я надеялась. С парижской частью программы вполне справился бы дядя. Впрочем, я не о Гастоне...

— Вы ждали другого предложения? — не сдержался Ростислав и ненароком поглядел на мирно дремлющего Степу. Берг перехватила его взгляд и покачала головой:

— Не ждала. К сожалению. Правда, я слабо представляю себя в роли комиссарши. Придется носить кожаную куртку, маузер и ругаться, как извозчик. Даже для меня это перебор.

Наутро прощались. Арцеулов и Степа проводили уезжающих на маленькую аккуратную железнодорожную станцию. Тэд был весел, заставлял Степу в десятый раз повторять свои парижский и — на всякий случай — американский адреса. А Арцеулову рассказал, как найти в Англии, точнее, в Шотландии его почтенного батюшку. Валюженич-старший работал уже третий год в Абердине, в тамошнем знаменитом университете, по приглашению своего коллеги и друга Вильяма Рамзея.

Наташа молчала и старалась улыбаться. Степе она пожала руку, а Ростислава на прощанье обняла и чмокнула в щеку.

Поезд тронулся. Капитан и красный командир еще долго стояли на опустевшем перроне. Возвращаться в свое уютное пристанище не тянуло, тем более их там никто не ждал, кроме вездесущих полицейских, которые ненавязчиво сопровождали их до самого вокзала.

Несколько дней их никто не беспокоил. Лейтенант Джонс-Джойс-Джоунз укатил куда-то в глушь, где в одной из деревень произошло ритуальное убийство. Как подозревали власти, там не обошлось без запрещенной секты тугов — поклонников страшной богини Кали. Из Дели новостей не было. Лишь однажды пришла телеграмма из Бомбея — Наташа и Тэд сообщали, что благополучно добрались до порта и через час отплывают.

Однажды утром Арцеулов пролистывал купленную им накануне газету и внезапно охнул. Степа вопросительно поглядел на капитана:

— Ты чего?

— Сволочи... — негромко произнес Арцеулов. — Господи, какие сволочи!

Он бросил газету и нервно закурил. Степа с недоумением глядел на разволновавшегося беляка.

— Они... ваши... расстреляли Адмирала. Без суда! Этот ваш Чудов... Знал бы — порешил бы еще тогда!

— Колчака разменяли? — вскинулся Степа. — Ну так, чердынь-калуга, чего еще с ним делать было? Ты, беляк, хоть знаешь, чего ваши творили в Сибири? Знаешь? Небось когда всю Центросибирь в Олекминской тайге порубали — о суде не думали. А там были ребята получше вашего Колчака! И когда в Куломзине, чердынь-калуга, стреляли каждого десятого! А как целыми уездами пороли? Да твои беляки — зверье, бешеные псы, чердынь-калуга! Похуже всяких оборотней. На вас крови — броненосцы пускать можно, поплывут!

— Я воевал, — сдерживаясь, ответил капитан, — воевал на фронте. Между прочим, защищал народ от ваших Венцлавов, Анубисов и прочей нечисти...

— Защищал! А ты народ спросил? Знаешь, как народ к вашей белой кости относится? Ты бы Маркса лучше почитал, Ростислав. Или товарища Ленина. Это называется классовая борьба...

— Я читал Маркса, Степан. И, наверно, побольше вашего. Интересовался по молодости лет. Но скажите от себя — не от этого бухгалтера — зачем вам нужна эта война?

— То есть? — не понял Степа. — Мы защищаем, чердынь-калуга, завоевания пролетарской революции от таких, как ты, недобитков! Мы для чего власть в России брали, а? Потому что Вильгельм приказал? Или погулять решили, чердынь-калуга, как Стенька Разин?

Арцеулов усмехнулся. Он вполне допускал оба эти варианта.

— Не лыбься, беляк! — отрезал Степа. — Власть мы брали для построения всемирной Коммунии! И Россия только плацдарм, понял? А плацдарм, сам знаешь, нужно чистить. РСФСР должна стать крепостью — кто не с нами, эта, тот против нас!

— Вот что я вам скажу, господин красный командир. Кому-то здорово надо отвлечь внимание. А лучший отвлекающий фактор — это война. Ваши же пропагандисты, помните, трезвонили, что Государь начал в 14-м войну, чтобы отвлечь народ от всякой там классовой борьбы.

— А ты, я вижу, совсем марксистом заделался, — Косу-

хину стало весело. — Да посуди ты, интеллигент, от чего нам народ отвлекать?

— От тех, кто пришел к власти, — внезапно даже для самого себя проговорил Ростислав. — От ваших Венцлавов, Анубисов, прочей нечисти и от тех, кто повыше.

Косухин хотел возмутиться, но вспомнил холодное желтое лицо товарища Гольдина. И того, второго, с мягким медовым голосом.

— Поэтому вам нужна война. Заодно она позволит многое спрятать — тех же славных бойцов 305-го. В мирное время на них обратили бы внимание, правда? И заодно перебить наших, тех, кто поумнее, да и ваших. Война все спишет! А потом те, кто это придумал, будут строить не всемирную Коммунию, а то, что они задумали на самом деле. Задумали — да вам не сказали!

— Во даешь! — восхитился Степа. — И кто ж они, эти придумщики? Может, лешие с домовыми? Вон как ты все к собачкам красноглазым подводишь!

— Кажется, перед самой войной я купил книжку, — усмехнулся в ответ Ростислав. — Автор — какой-то Богданов. Этаким российский Уэлс! Сей Богданов пишет, что революционеры планеты Земля тесно связаны со своими коллегами на Марсе. И, стало быть, помогают друг другу...

— Смеяться можно? — Косухин вздохнул. — Не какой-то Богданов, а Александр Александрович, старый партиец, большевик... Книжка «Красная Звезда» называется, написана для пропаганды идей революции среди молодежи, понятно? Читал я ее — ничего, интересная.

— Не нравится марсианская версия? Знаете, мне тоже. Есть такой принцип — «скальпель Оккама». Он гласит, что наиболее вероятное объяснение — самое простое. Поэтому все ваши тайны здесь, на Земле. И, похоже, вы сами уже увидели кое-что в Шекар-Гомпе!

На этот раз Косухин промолчал.

Весь следующий день Арцеулов был молчалив, вяло реагируя на попытки Косухина завязать разговор. Степа решил, что перегнул в споре палку и обидел беляка-интеллигента. Он хотел обидеться в ответ, но как-то не выходило. Степа понял, что ему совсем не хочется ссориться с белым гадом. Эта мысль его окончательно расстроила.

Вечером Арцеулов неожиданно предложил выпить. Степа не стал возражать, и они распили бутылку гадкого местного пойла, закусывая холодным вареным рисом. После второй кружки Косухин, сломав большевистскую гордость, попытался объясниться, но Ростислав не поддержал разговор.

Косухин ошибался. Капитан и не думал обижаться на его эскапады. Просто этот день — обычный февральский денек — был для Ростислава особенным. Ему исполнилось двадцать пять — возраст, до которого он совсем недавно и не надеялся дотянуть. А если и надеялся, то думал, что встретит его где-нибудь в окопах за Байкалом, на таежной тропе или в подвале «чеки». Он мог представить все что угодно, кроме этого: Индия, забытый Богом городишко с обезьянками на пыльных улицах и нахальный краснопузый, с которым приходится делить крышу. Степе он ничего не сказал, сам не понимая почему. Может, не хотелось выслушивать поздравления от имени Реввоенсовета с обещанием при первом же случае подарить собрание сочинений Бронштейна. А может, просто настроение было неподходящим — юбилей не радовал. Позади — фронт, впереди — тоже фронт, где придется выводить в расход таких же вот твердокаменных, как краснопузый Степа, с которым его кто-то умело развел по две стороны пропасти, расколовшей Россию...

Наутро по городу разнесся слух, что всемогущий хозяин Морабада — лейтенант Джонс-Джойс-Джоунз, — наконец, вернулся, причем вернулся не один.

ГЛАВА 11

Ингвар

Их позвали в полицейский участок, и Косухин с Арцеуловым вновь смогли полюбоваться портретом короля Георга. Джонс-Джойс-Джоунз был суров и озабочен. Впрочем, он встретил их не как арестованных, а скорее как старых приятелей, пожаловавшись, что ему достался не округ, а болото с гадюками, с которыми, по мнению лейтенанта, легче найти общий язык, чем с индусами. Командировка не прибавила полицейскому жизненного оптимизма. Впрочем,

его слушали вполуха. Косухин — оттого, что не понимал по-английски, а капитана заинтересовал человек, сидевший в комнате. С первого взгляда было ясно, что он не имеет никакого отношения к полиции Его Величества. Не англичанин, не индус — сильный, широкоплечий, с небольшой русой бородой, в которой поблескивали серебряные пряди, одетый по-дорожному, как одеваются богатые путешественники. Его не смущало то обстоятельство, что он пребывает в стенах полицейского участка, напротив, ему явно было интересно поглядывать на многочисленные инструкции, облепившие стены, на портреты разыскиваемых, и он время от времени бросал взгляд то на Косухина, то на капитана. В больших голубых глазах светилось любопытство и, как показалось Арцеулову, сочувствие.

Наконец лейтенант сообразил, что заговорился, и перешел к делу. Оказалось, что по ходу расследования Джонсу-Джойсу-Джоунзу пришлось завернуть в Дели, в департамент внутренних дел Англо-Индийской империи, и там он встретил господина, который как раз собирался в Морадабад. Господин Ингвар оказался не только соотечественником его подопечных и известным во всем мире художником, но и ученым, большим знатоком Индии, который обещал помочь лейтенанту в деле, заварившемся в его беспокойном округе.

— Ингвар Николай Константинович, — голос художника был глуховатым, но сильным, а пожатие широкой кисти — весьма ощутимым. — Извините, что несколько задержался, господа. Ваше дело потребовало встречи с вице-королем, а потом господин Джоунз попросил меня заехать в одну из деревень...

Они вышли из участка, оставив лейтенанта писать отчет. Как пояснил господин Ингвар, лейтенанту Джоунзу — того звали именно Джоунз, а не Джонс или Джойс — придется с этим делом повозиться.

— Меня почему-то принимают за знатока Индии, — негромко рассказывал художник. — Англичане — вообще странные люди. Иностранцев они не любят и даже не очень уважают. Кажется, у них есть пословица, что иностранцем быть неприлично, но одновременно они считают, что в их отечестве нет настоящих специалистов, и оных следует звать из-за кордона. Все равно, будь это врачи, композиторы или специалисты по Индии. Меня местные власти причисляют к последним, хотя в Дели или Бомбее можно найти

знатоков получше. Но нет худа без добра — благодаря этому сам вице-король охотно выслушал мою просьбу, и мне легче выступать в роли ходатая по вашим делам.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Арцеулов. — Вы, наверно, человек занятый; а тут мы — на вашу голову...

— Отнюдь, — усмехнулся Ингвар. — Не буду упоминать разные вечные истины о помощи ближним — они сейчас не в чести, но я ведь художник. А художнику просто необходимо знакомиться с новыми людьми и новыми странами. Признаться, ваше появление в Индии на борту аэростата уже становится настоящей легендой. Лет через двадцать о вас будут говорить как о каких-нибудь посланцах Гэсэрхана...

— А-а... — растерялся Степа. Поймав взгляд Арцеулова, он обозвал себя дураком и замолчал. Ростислав поспешил перевести разговор на другую тему, поинтересовавшись, чего желает от художника мистер Джоунз.

— Это как раз к вопросу об иностранцах. В Дели почему-то посчитали, что мои скромные знания об индийских обычаях и культурах могут пригодиться в том расследовании, которое ведется сейчас в морабадабском округе.

— Поклонники богини Кали?

— Я вижу, вы уже осведомлены. Дело, признаться, темное, и я не знаю, чем смогу помочь...

— А эта... Кали, кто такая? — осмелился поинтересоваться Степа, опасавшийся проронить лишнее слово.

— Может, вначале поговорим о ваших делах? — улыбнулся художник. — Это интереснее, чем ритуальные убийства, ходячие мертвецы и тому подобное.

Между тем они добрались до скромного жилища, где коротали свои дни пленники.

— Я вижу, вы не очень бедствуете, господа, — заметил художник. — Редкий случай для русских эмигрантов. Так вот, о ваших делах... Вопрос оказался сложнее, чем я думал вначале. Сейчас в Индии несколько десятков русских, в основном цивилизных. К появлению иностранных военных англичане относятся с опаской, к тому же вы появились весьма оригинальным способом. Но не это главное...

Он помолчал, затянулся папиросой и продолжил:

— К счастью, за шпионов вас не принимают, а это уже немало. Но в Дели почему-то уверены, что вы знаете какой-то важный секрет. Я беседовал с одним офицером — капитаном Фиц-Роем. Вы его, кажется, знаете?

— Который из контрразведки? — не удержался Степа.

— Который из контрразведки. Он мне сказал прямо, что в интересах Британии задержать вас подольше, а еще лучше — перевести в метрополию. На мои замечания по поводу вашей невинности сей господин процитировал Петра Великого о том, что нужда — выше добродетели.

Арцеулов и Степа переглянулись. Ингвар вызывал доверие, к тому же он имел право знать, кому помогает.

— Хорошо, — кивнул Арцеулов. — Мы вам расскажем то, о чем не сообщил мистер Валюженич. Прежде всего, нам, пожалуй, придется представиться заново.

Он выжидательно поглядел на Степу. Тот кивнул — быть белым поручиком ему уже успело надоеть.

— Я действительно капитан Арцеулов. А вот господин Косухин...

— Косухин Степан Иванович, — бодро продолжил Степа. — Красный командир, представитель Сиббюро ЦК РКП(б) по Иркутской губернии. Большевик...

Последнее слово он произнес неуверенно. Все-таки Николай Константинович был явным интеллигентом. Ингвар улыбнулся:

— Вот оно что!.. Очень приятно! Знаете, в первый раз встречаю настоящего большевика. Смута застала меня уже за границей. Могу лишь выразить некоторое удивление таким бело-красным десантом на Индостане.

Арцеулов хмыкнул и тут же посерьезнел. Предстояло вновь, в очередной раз, пересказать их странную историю. На этот раз он решил говорить обо всем.

...Художник слушал, не прерывая, лишь время от времени что-то черкал в большом блокноте. Сначала рассказывал капитан, но затем включился Косухин, которому в первый раз захотелось поведать о своих злоключениях в Шекар-Гомпе. Тут же Ингвар отложил блокнот, большие кисти сжали трость, губы искривила невеселая гримаса.

— Шекар-Гомп, — проговорил он, когда выговорившийся Степа умолк. — Страж Раны... Вот оно что, господа! Об этом монастыре ходили слухи, самые разные. Говорили, что Цронцангамбо и его монахи убиты какими-то разбойниками... Неудивительно, что мистер Фиц-Рой так вами заинтересовался. Вы ему ничего не рассказывали?

Капитан в двух словах пояснил, что именно они сообщили англичанину.

— Да, об этом лучше молчать. Пока, по крайней мере. И я бы вам советовал, господин Косухин, не возвращаться в РСФСР. Едва ли о вас забудут так быстро...

Степа не отреагировал на подобное провокационное заявление. Свой долг он понимал правильно и прятаться по всяким Индиям да Франциям не собирался.

— Я должен подумать, — сказал наконец художник. — Единственное, что я вспомнил, — это предание о рубине «Голова Слона». Вы пересказали его верно. Могу добавить, что я встречал в связи с ним имя настоятеля Шекар-Гомпа Цонхавы. Именно Цонхава убедил других настоятелей и самого далай-ламу не трогать «Голову Слона» и навеки оставить ее замурованной в подземелье монастыря. Правда, этот Цонхава жил в XVII веке...

Арцеулов и Степа переглянулись.

— Ну, а ваши дела решим куда так. Я договорился, что вы можете покинуть Морадабад и переехать в Дели...

Ростислав и Косухин вновь переглянулись, но на этот раз весьма удовлетворенно.

— ...Под мое честное слово. Думаю, вас в конце концов отпустят, а в Дели будет не так скучно. Госпожа Берг и мистер Валюженич будут связываться с вами через меня — по моему делийскому адресу. Посмотрите Дели — вы ведь там еще не бывали?

— Да где уж нам! — согласился Косухин. — Спасибо, Николай Константинович, эта... выручили...

— Пока еще нет, — покачал головой художник. — Меня очень просили помочь местным властям в деле с поклонниками Кали. Хотя, признаться, не представляю чем. Тут скорее нужен Пинкертон, чем специалист по культам.

Степа не удержался и вновь попросил художника рассказать о богине Кали. Тот покачал головой:

— После всего, что вам довелось пережить, молодой человек, сия история не произведет на вас особого впечатления. В любой популярной литературе по мифологии вы прочтете, что богиня Кали — жена бога Шивы. Выглядит она достаточно зловеще: черная, о четырех руках, в каждой — то нож, то отрубленная голова, а вокруг шеи — ожерелье из черепов...

— Страшилки! — пренебрежительно заметил реалист

Степа. — Такие сказки детишки по ночам рассказывают, чтоб не спать!

— Не спорю, обычный мифологический персонаж. К сожалению, с этой абсолютно вымышленной дамой связаны вполне реальные события, о которых в любом случае детям рассказывать нельзя...

— Я что-то читал, — заметил капитан. — Какие-то поклонники Кали — туги, кажется. Они организовали ритуальные убийства...

— Да. От их рук погибли, судя по всему, сотни тысяч индусов. Может, и больше — жертвы просто исчезали, и находили их редко. Англичане борются с этим злом уже больше века, и довольно успешно. Но в последние годы среди поклонников Кали распространяется слух, что приближается ночь Брахмы...

Сообразив, что его собеседники не столь знакомы с индийской мифологией, Ингвар на минуту задумался:

— Постараюсь попроще. У индусов есть свое учение о конце света, но довольно своеобразное. Он у них наступает после долгой эпохи — кальпы. Сама эпоха — это День Брахмы, а то безвременье, которое следует за нею, — Ночь. Подсчеты велись издавна, и могу с явным оптимизмом констатировать, что ближайший конец света недалек...

Степа ухмыльнулся. Поповским рассказням он не верил. Арцеулов же слушал с немалым интересом — среди его довоенных знакомых немало говорилось об индийских тайнах, о необычных открытиях госпожи Блаватской и о Свете, который придет с Востока.

— Недавно среди поклонников Кали пошли странные слухи. Будто подсчеты неверны, и ближайшая Ночь Брахмы настанет не через энное количество тысяч лет, как ожидалось, а буквально на днях — через несколько лет. Это будет не просто очередная смена Дня и Ночи, а так называемая Махапралая — Великое Уничтожение мира. Будто его предвестники уже действуют на севере — на Тибете, в Непале и, между прочим, у нас в России. Кстати, в этой связи упоминают и Шекар-Гомп — он ведь считался именно Стражем... Ну-с, а богиня Кали как раз и обязана по долгу своей службы готовить мир к гибели — окутать тьмой, наводить ужас и так далее. А значит, и господа туги активизировались... Все это я уже поведал господину Джоунзу, но сей достойный представитель британской короны желает моей конкретной помощи. А вот тут я, как говорится, пас...

— А чего ему надо? — удивился Степа. — Он же, чердынь-калуга, полицейский, пусть и ловит этих... тугов.

— Он их ловит. Как раз вчера задержал одного весьма подозрительного типа, судя по всему, руководителя всех тугов дельийской провинции. Этакое местного Распутина. Если бы он признался...

— Ну, это не проблема, — неожиданно для самого себя заметил Арцеулов.

— Точно, — поддержал его Степа. — Будь я на фронте, чердынь-калуга!

— Господа, господа! — покачал головой художник. — Вы, к счастью, не на фронте. Здесь британские законы, презумпция невиновности и «хабеас корпус акт». Вы можете лишь вежливо допрашивать этого мерзавца, даже зная, что он лично убил во славу Кали несколько сот человек...

— Во гад! — бурно отреагировал Степа.

— Если желаете, завтра я попрошу лейтенанта продемонстрировать вам этого господина. Зовут его Рам Сингх. Полобуетесь, хотя ничего приятного не обещаю...

На прощанье Ингвар подарил Степе и Арцеулову их портреты — вернее, небольшие карандашные наброски, — которые успел сделать во время разговора. Рука у художника была твердой и точной — Арцеулов лишь покачал головой, а горячий Степа был в полном восторге, втайне мечтая о том, что сможет в ближайшее время показать портрет брату, товарищам по партизанскому отряду и — Наташе. Оставалось надеяться на будущее, и Косухин постарался спрятать рисунок как можно надежнее.

Наутро посыльный вызвал Арцеулова и Степу в участок, где намечался допрос задержанного. Ростислав шел без особой охоты — убийц в этой жизни он уже успел навидаться. Степе тоже было противно, но он испытывал странное любопытство. Слуга мрачной Кали как-то не вписывался в привычную картину мира. С одной стороны, он был представителем борющегося против колонизаторов народа Индии. С другой — типичным представителем местных мракобесов, которые отвлекали своими сектантскими действиями индийский народ от классовой борьбы. Слова Ингвара о Распутине задела Степу, и он ожидал увидеть нечто грозное и страшное, непременно с огромной черной бородой и горящими глазами.

Косухина ждало разочарование. Лейтенант Джоунз

пригласил их в кабинет, где уже находились Ингвар, местный полицейский, выполнявший обязанности секретаря, и сам арестованный — низенький худенький человечек, действительно с бородой, но не черной, а какой-то пегой, с подслеповатыми бегающими глазками и несколько перекошенным ртом. Вид у господина Рам Сингха был действительно вполне уголовным, но, с точки зрения Степы, поклонник Кали не «тянул» больше, чем на мелкого карманника.

— Вот-с, господа, полюбуйте, — предложил Ингвар, когда завершились взаимные приветствия, — мистер Рам Сингх уверяет, что он обыкновенный возчик, развозит товар в лавки и ни о какой богине Кали не знает...

Арестованный, услышав свое имя, закивал головой и стал что-то быстро говорить. Он изъяснялся на хинди, и ни Степа, ни Арцеулов ничего не поняли. Капитан взглянул на ободранного недомерка и усомнился — все-таки тайный жрец Кали должен хоть чем-то выделяться среди тысяч оборванцев. И вдруг Ростислав заметил взгляд — быстрый, испуганный, брошенный Рам Сингхом на кого-то — на кого именно, капитан вначале не понял. Он присмотрелся, заметив странную особенность — губы индуса продолжали шевелиться в скороговорке, но глаза жили своей жизнью. Рам Сингх о чем-то напряженно думал, произнося слова оправдания автоматически, как произносят привычную молитву. И тут новый взгляд — злой, ненавидящий. На этот раз Арцеулов понял, на кого смотрит индус. Понял — и удивился. Рам Сингх, тайный убийца и вождь убийц, смотрел на красного командира Степу Косухина.

Сам Степа нимало не подозревал об этом. Он слушал пояснения господина Ингвара, переводившего рассказ лейтенанта. Оказывается, Рам Сингх был давно на подозрении у полиции. После его приезда в том или ином селе исчезали люди, но недавно его почти что поймали «на горячем» — в соседней деревне пропал сын старосты. В ночь его исчезновения Рам Сингха видели возле дома, где жил юноша.

Теперь уже Арцеулов не сомневался — тут, если, конечно, Рам Сингх действительно был тутом, смертельно испуган, но боится не полиции, а именно Степы. Это было более чем странно, и капитан решил попробовать то, чему учил его Цонхава.

«Слушай внимательно, — приказал он себе. — Слушай...»

Вначале быстрая, почти бессвязная речь индуса казалась по-прежнему тарабарщиной, но внезапно стали понятны отдельные, пока неясные слова:

— Бедный... дети... целый день... за что, господа...

Догадаться было нетрудно — Рам Сингх жаловался на нищету и просил «господ», то есть, конечно, «сахибов», отпустить его подобру-поздорову. Арцеулов заставил себя слушать внимательнее, и наконец речь индуса стала четкой и понятной:

— За что, господа, за что? Рам Сингх — бедный извозчик из честной семьи! Мои предки чтили Шиву, чтили Вишну, мы знать не знали никакой Кали...

Но глаза — подслеповатые глаза Рам Сингха — все чаще смотрели на Степу, смотрели неожиданно зорко и внимательно. Казалось, не хватает какой-то мелочи, чтобы индус не выдержал и сбросил маску. Ростислав решил рискнуть.

— Косухин!

Степа удивленно оглянулся. Уж слишком голос капитана был резок.

— Степан, сделайте то, что я скажу. Вопросы потом, хорошо?

Косухин весьма удивился, но решил не спорить. Стало даже любопытно, что задумал беляк.

— Посмотрите на этого типа, — велел капитан. — Смотрите прямо в глаза!

Косухин подчинился и тут же похолодел — настолько взгляд индуса был страшен и полон ненависти. Рам Сингх отшатнулся, худая рука дернулась, словно индус пытался закрыть ею выдававшие его глаза.

— Не отводите взгляд! — продолжал Арцеулов. — Теперь шаг вперед, медленно! Еще шаг!

И тут Рам Сингх не выдержал. Он вскочил. Личина невинно арестованного возчика из честной семьи мгновенно исчезла. Комнату прорезал хриплый крик:

— Кали-ма-а! Кали-ма-а! Кали-ма-а!

Лейтенант бросился к арестованному, секретарь на секунду оцепенел, но, сообразив, схватил ручку, а Ингвар замер, с изумлением глядя на бесновавшегося индуса. Рам Сингх продолжал кричать, его голос четко отпечатывался в

сознании Арцеулова, словно кто-то невидимый давал точный синхронный перевод:

— Кали-ма-а! Будь ты проклят, Северный Демон! Возвращайся в свои горы, где светит твой Рубин Смерти! Уходи — здесь ты не хозяин! Здесь хозяин я — Рам Сингх, великий жрец Кали и ее раб! Здесь только я служу ей!

Пораженный Степа, который не понял ни одного слова, пожал плечами и отошел в сторону, подальше от греха. Рам Сингх, упав на пол, забился в корчах, повторяя «Кали-ма-а!» и проклиная неведомого Северного Демона, пришедшего к нему в образе красного командира. Лейтенант позвал на помощь, и трое усатых полицейских принялись приводить арестованного в чувство.

— Поразительно, — бормотал Ингвар, когда они втроем покидали участок, — почему-то он принял вас, Степан Иванович, за посланца какого-то бога. Я не очень понял — он говорил так быстро...

Арцеулов, который расслышал слова о Рубине Смерти, не стал уточнять. Он и сам мало что понимал в случившемся. Степа — тот вообще был смертельно обижен. Его, посланца партии, сначала принимают за белого офицера — с этим он был готов временно смириться из конспиративных соображений, — а теперь, выходит, за какого-то демона. Это было обидно, а главное — несправедливо.

Вечером Ингвар побывал у лейтенанта Джоунза и узнал новости. Рам Сингх пришел в себя после припадка и во всем признался. Он лишь просил оградить его — верного слугу Кали — от страшного Северного Демона, на лице которого запечатлелся отблеск Рубина Смерти...

— Помните, вы рассказывали о «Голове Слона»? — добавил художник. — Наверное, это излучение оставило след, и Рам Сингх сумел его заметить... Конечно, для нашего лейтенанта все это останется загадкой. Впрочем, он доволен и так — Рам Сингх признался, так что, думаю, мы с вами завтра же сможем уехать в Дели. Боюсь, после этого случая меня окончательно признают экспертом по религиозным вопросам, хотя я, как вы могли заметить, здесь абсолютно ни при чем...

Перед сном, когда нехитрый скарб путешественников

был уже собран, Степа долго о чем-то думал, а затем нерешительно обратился к капитану:

— Слышь, Ростислав, ты это... Чего этот Сингх на меня взъелся? У меня чё — лицо такое?..

— Да, не повезло вам, Степан, — мрачным тоном подхватил Арцеулов. — Не повезло! Скоро третий глаз прорежется... Будете знать, как в большевиках ходить!

— Да иди ты! Я с ним по-серьезному... — Степа обиделся и даже немного растерялся. Он уже немало наслушался по своему адресу от неосознательных граждан РСФСР, которые еще не в полной мере прониклись идеями единственно верного учения. На «разбойника», «душегуба» и «немецкого агента» Косухин научился реагировать правильно, но демоном его покуда никто не величал. И вот на тебе — причем не где-нибудь, а в Индии, в стране, на которую партия возлагает особые надежды в деле построения мировой Коммунии! Хорош же из него, Степы, полпред Коминтерна!

«Мучайся, мучайся, краснопузый», — злорадно подумал Ростислав. Конечно, на физиономии Степы, кроме многочисленных синяков и царапин, не было ничего inferнального. Но капитан был вполне согласен с господином Ингваром. Очевидно, излучение «Головы Слона» не прошло бесследно. Жрец Кали каким-то образом сумел его почувствовать, чем изрядно смутил себя самого, а заодно и красного командира. Осталось узнать, не оказало ли излучение какого-нибудь более существенного воздействия, но об этом судить было сложно...

Наутро Николай Константинович зашел к ним уже с дорожным баулом — он собирался на станцию, чтобы вместе со своими подопечными ехать в Дели. Впрочем, до поезда оставалось еще больше двух часов. Можно было не спеша перекурить и побеседовать. Ингвар, не бывший в России уже несколько лет, был не прочь расспросить Степу и Арцеулова, чтобы узнать новости сразу из двух источников — «красного» и «белого».

Косухин, почувствовав себя в привычной роли, принялся разъяснять заблудившемуся вдали от родины интеллигенту смысл грандиозных преобразований, которые начала Партия в бывшей Тюрьме Народов. Специально для Николая Константиновича он припомнил то, что прочитал в «Правде» как раз перед поездкой в Сибирь — о создании под эгидой оплота революционной культуры Пролеткульта особых школ по обязательному обучению юных пролета-

риев живописи и скульптуре, а также о создании решением Реввоенсовета в каждой дивизии кружков по изучению сольфеджио. Слово «сольфеджио» Степа выучил еще тогда, чтобы в дальнейшем использовать для агитации.

Ингвар был действительно сражен. Он растерянно переспросил, всех ли юных пролетариев будут учить живописи. Получив категорический ответ: «Всех!», лишь покрутил головой, сраженный, видимо, масштабами социалистических преобразований. Вдгон Степа рассказал о строительстве нового важного центра — петроградского крематория, где будут наглядно демонстрировать новый большевистский подход к культуре захоронения. Теперь окончивших свой трудовой путь пролетариев можно будет утилизировать в двадцать пять раз быстрее, чем прежде. Цифру «двадцать пять» Степа также выучил для последующей агитации, и она произвела явный эффект.

Крематорий стал последней каплей. Ингвар вздохнул и откровенно признался, что отстал от быстро мчащейся вперед жизни. Косухину оставалось лишь успокоить растерявшегося перед величием Революции интеллигента, указав на новые горизонты, открывшиеся в нынешнее время для художников — пролетариев кисти; в том числе — оформленные массовых празднеств и «Окна РОСТА».

Ингвар растерянно развел руками, признавая свою отсталость в данном важном вопросе, но Арцеулов, наблюдавший эту сцену со стороны, не мог не заметить усмешки, промелькнувшей на лице художника. Она не была злой — Ингвару определенно нравился молодой комиссар, агитировавший его на создание пропагандистских лубков на тему разгрома Колчака или экономии керосина.

— Да-с, — подытожил Ингвар. — Явно отстал от жизни, господа. Признаюсь, господин Косухин, в последние годы у меня имел место явный, выражаясь современным языком, уклон. Все, знаете, Индия или Тибет, предания здешних...

— ...мракобесов, — подсказал Степа.

— И иные недостаточно идейно выраженные занятия...

Он протянул небольшой портретик Степы, который успел набросать между делом. Красный командир Косухин был изображен отчего-то в гусарском кивере и с кинжалом в зубах. Все синяки и царапины на Степиной физиономии были зафиксированы с величайшей точностью.

— Спасибо, Николай Константинович! — Косухин и не

думал обижаться. — Вы эта... прямо как наши товарищи из РОСТА... Ну, чисто Каледин вышел!

Ингвар поклонился, пообещав по возвращении в Россию немедленно записаться в загадочное РОСТА.

Между тем Арцеулов, укладывавший то немногое, что еще осталось из их имущества, внезапно наткнулся на вещь, о которой уже начал забывать.

— Господин Ингвар, — обратился он к художнику, — я рассказывал вам об этом. Взгляните...

И он протянул собеседнику эвэр-бурэ, подарок командира Джора. Художник осторожно взял рог в руки и поднес к свету.

— Господин Валюженич говорил, что это — точная копия рога Гэсэра, — наконец, проговорил он. — Признаться, не уверен. В разных источниках я видел изображения трех типов этого рога. К тому же ваш выглядит как-то очень ново. Впрочем...

Он достал блокнот и стал быстро набрасывать изображение рога. Глаза его прищурились, карандаш летал, словно наделенный своей отдельной жизнью. Рог на бумаге, как успел заметить любопытный Степа, получался как настоящий, даже с тенью.

— Постараюсь где-нибудь использовать, — Ингвар тщательно сравнивал рисунок с оригиналом. — Вам, господа, перешлю вашу часть гонорара, ежели, конечно, найдется покупатель на всю эту мистику... В Дели я покажу вам портрет Гэсэра...

— Ух ты!.. — только и мог вымолвить Степа.

— Не портрет, конечно, — рассмеялся своей оговорке Ингвар. — Просто картина. Я попытался изобразить Гэсэрхана, каким его описывают легенды — на белом коне, с луком в руках, в тот момент, когда он прицеливается во врага...

Арцеулов вспомнил свое странное видение — командир Джор, рука, оттягивающая тетиву — и черная тень, дышавшая могильным холодом...

— Я бы хотел у вас спросить, господин Ингвар, — начал он, неуверенно взглянув на художника, наносившего последние черточки на рисунок.

— Да? — откликнулся тот. — Говорите, вы мне не мешаете.

— Я бы хотел узнать... Как вы можете объяснить то, что с нами произошло?

— Вы имеете в виду революцию, войну или что-то иное? — голос художника прозвучал неожиданно жестко и сурово.

— Не знаю... наверное, и это тоже. Но хотя бы то, что мы видели... Ведь как ни крути — этого не может быть. То есть не должно быть! Всякая нечисть, нежить... Это мертвецкое гнездо Шекар-Гомп! Все эти Венцавы, Анубисы...

— Боюсь, вы обратились не по адресу, — спокойно ответил Ингвар. — Я — художник, который увлекся Востоком, начитался легенд, и не больше. Ваш коллега, уверен, объяснит вам куда быстрее и доходчивее.

— А то! — не удержался Степа. — Ты, Ростислав, как был бяляк, бяляком и остался. Нечего Революцию путать со всякой мерзостью!

— Все-таки мерзостью? — как бы ненароком переспросил Ингвар.

— Да! — рубанул Косухин. — Мерзостью, это точно! Я себе это так вижу — какие-то гады, которые примазались к нашему большевистскому делу, готовят заговор. Они созвали всяких ученых-интеллигентов, чердынь его, научились, как этих нараков воскрешать, создали чертов 305-й полк, а теперь готовят себе кубло в Шекар-Гомпе! Ничего, доберемся и до них!

— Но кто же они, эти мерзавцы?

— Выясним, — угрюмо пообещал Степа, — не иначе, из попутчиков-интеллигентов, которым диктатура пролетарская не по нутру...

— Ох уж эти интеллигенты! — согласился Ингвар. — Вам эта версия не по душе, Ростислав Александрович?

— Мне ее уже излагали, — капитан уклонился от комментариев. — Ну а все-таки, Николай Константинович, что вы скажете?

— Я не политик, не историк и даже не специалист по марксизму и этому, прости Господи, историческому материализму... Давайте я вам расскажу одно предание. Как раз тибетское. Сейчас все это становится модным. Запад всем надоел — подавай Восток...

— Блаватская, — вспомнил Арцеулов.

— Ну, госпожа Блаватская — явление относительно безвредное. Сейчас пошли другие, покруче. Ищут на Востоке чуть ли не марсиан. Скоро, вот увидите, напишут такое, что куда там господину Уэллсу! Да-с, ничего не подела-

есть — мода... А это предание — настоящее и довольно редкое... Мне рассказали его в одном монастыре неподалеку от Лхасы. Тот, кто мне его рассказывал — настоятель монастыря, — уверял, что оно было записано где-то в XVII веке, но на самом деле значительно старше... Ну-с, постараюсь быть ближе к тексту...

Ингвар помолчал, затем вновь заговорил — медленно, немного нараспев, негромким глуховатым голосом:

— Когда был создан мир, он был похож на шатер с восемью шестью, полог которого образовывало Небо. Небосвод вращался вокруг центра мира, где находилась великая гора Кайлас. Эта гора пронизывала мир снизу доверху — от мира подземного, где скрывались духи ада, через мир людей в небеса, где обитали боги-хранители Лха. Их много, и не всем им есть дело до мира людей. Но Великий Лха, Отец Бытия, пожалел людей и послал своих сыновей, чтобы они охраняли их, помогали в бедах...

...Их было четверо, сыновей Великого Лха: Лха Белых Небес, Лха Живого Света, Лха Внутреннего Покоя, но самым могучим был Лха Старший Брат, имени которого время не сохранило.

Отец Бытия, посылая их в мир людей, велел не вмешиваться в людские распри и в людскую суету. Люди должны сами определять свою судьбу — хорошо ли, плохо, но сами, без подсказки и приказа. Лха должны были следить за тем, чтобы угроза из Внешнего Мира, находящегося за пределами Шатра с восемью шестью, не изменила людской жизни, и чтобы поддерживалось в нерушимости главное равновесие нашего мира — равновесие между Жизнью и Смертью, между теми, кто живет, и теми, кто превратился в духов-цхун...

Ингвар на минуту замолчал, закрыв глаза, словно вспоминая слышанное, затем продолжил:

— Сыновья выполняли приказ Отца Бытия. Но шли годы, века, тысячелетия, а люди, предоставленные сами себе, оставались прежними, коснели в нищете и невежестве, неспособные к лучшей жизни. И тогда Лха Старший Брат сказал братьям: «Не будем ждать больше. Мы должны помочь людям стать лучше и счастливее». Братья, помня приказ Отца, не захотели нарушить Высшую волю. Опасаясь, что Лха Старший Брат сам нарушит ее, они оградили мир золотой стеной и поставили вдоль этой стены демонов-яки...

...Лха Старший Брат был бессилён перейти золотую стену. Но жажда помочь людям была сильнее запрета, и он начал искать способ. Лха был мудр и видел, что люди не поверят ни ему, ни его слугам, они слишком темны и порочны. Поэтому он решил найти себе помощников в другом мире, мире духов-цхун...

Цхун — неприкаянные души — когда-то свободно бродили среди живых, наводя ужас и неся смерть. Но много веков назад сын Лха Белого Света по имени Ньятицэнпо, дух-птица, спустился с порога небес и запер двери могил. И вот теперь Лха Старший Брат решился открыть эти двери и, создав войска из духов-цхун, установить среди людей справедливость и мир. Он знал, многие погибли в войне и хаосе, но надеялся, что уцелевшие заживут счастливо...

И вот запоры отворились, раскрылась дверь в подземное царство Владыки Шинджи, и войско мертвых выступило в поход. Три брата Лха видели беду, но ничем не могли помочь — им было запрещено вмешиваться, и раз они не смогли предотвратить войну, им оставалось лишь наблюдать за нею, по-прежнему карауля золотую стену, чтобы никто не проник в Мир-Шатер из Внешних миров...

— Ничего себе, чердын-калуга, благодетель! — возмутился Степа, не переносивший подобных поповских баек. — Напустил мертвяков, чтоб помочь людям! Ну, придумали!

— Лха Старший Брат хотел помочь людям, — негромко ответил художник. — Он видел, что живые люди полны страха и суеверий и сами не способны освободиться. Когда война будет окончена, он надеется опять запереть духов-цхун в их могилах... А пока они нужны ему — ведь мертвые не знают страха и сомнений...

— Где-то я уже подобное слышал, — заметил Арцелов. — Был некий персонаж, чей-то любимец, который возомнил о себе слишком много, взбунтовался — и был отправлен ко всякой нечисти. Он тоже хотел, как там, Косухин? «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем...»

— Давай, давай, беляк, — хмуро отреагировал Степа. — Глумись!

— История о Светоносном немного иная, — возразил Ингвар. — Люцифер восстал против Бога — и поэтому обречен. В этом поучительность христианской легенды — ни сила, ни ум бунтаря не помогут ему, ведь он посвящает на Творца, на Владыку! А тут, господа, на мой взгляд, иное...

Вы ведь заметили — наш мир, шатер о восьми опорах, с точки зрения Большого Мира — лишь закуток, чуть ли не пыльный угол. Лха, даже Лха Отец Бытия — вовсе не всемогущие боги. Поэтому никакого предопределения нет, напротив! Младшие братья, насколько я понимаю, не могут вмешаться, даже если люди попросту погибнут, не выдержав подобного, с позволения сказать, эксперимента...

— Сказки все это! — решительно заявил Косухин. — Байки!

— Вы так не любите сказки? — улыбнулся художник.

— Нет, чего... Сказки — люблю. Только эта сказка неправильная!

— Там не хватает комиссара? — любопытствовал Арцеулов.

— Это на тебя комиссара не хватает, беляк! — огрызнулся Степа. — А в сказке нескладно как-то выходит. То эти братья мир стерегут, чтобы никто не вмешивался, то, когда братец ихний напустил всякую нечисть, отсиживают, вроде как я — не я...

— Да, не очень логично, — согласился Николай Константинович. — Но главная мысль, наверное, в том, что эти духи-цхун уже действуют среди людей. Это уже людские проблемы, которые люди обязаны решать сами...

— А вот это верно! — удовлетворенно констатировал Косухин. — Как бишь в твоей любимой, Ростислав: «Никто не даст нам избавленья?..»

— Добьемся мы освобожденья своею левою ногой, — кивнул капитан. — Бедный Евгений Потье! Писал песню для мирных анархистов, и надо же, к кому попала! Аккурат к духу-цху...

— Во, понеслась, — скривился Степа. — Вы напрасно, господин Ингвар, этому несознательному сказки рассказываете. Теперь он всюду духов видеть будет! На свечи в церквях все деньги истратит. А еще образованный!

— Значит, никто не даст нам избавленья? — художник с интересом поглядел на Степу. — И вы не верите ни в чью помощь? И никогда не просили помочь?

«Еще чего!» — хотел было горделиво заявить Степа — и осекся. Это было неправдой — он просил о помощи тогда, когда никто из миллионов людей не смог бы помочь — у могилы Ирмана, в падающем «Муромце» и совсем недавно, когда комсомолец Гонжабов вырывал у него сердце. Просил — и... И ему помогали...

— Если и чего... — хмуро начал Степа, замолк и, наконец, рубанул: — То от несознательности и темноты, чердынь-калуга! Задурили народ! Ничё, скоро пролетариат пообразованней вашего будет...

— Не спорю, не спорю, — согласился Ингвар. — С победившим пролетариатом лучше не вести дискуссию. Однако же, господа, пора...

Уже уходя, Ростислав невольно оглянулся на неказистый домик, который они покидали, и покидали навсегда. Казалось, жалеть не о чем — их плен в забытом Богом Морадабаде кончался, — но что-то мешало уходить отсюда с легким сердцем. Эта лачуга стала первым безопасным пристанищем за многие недели, а то и месяцы, где не грозила смерть, где не надо ночью выставлять караулы и быть ежесекундно готовыми вступить в бой. Кто знает, когда в следующий раз судьба подарит им такую же иллюзию мирной жизни, которую он, Арцеулов, навек потерял на Родине?..

Степа не оглядывался — он спешил вперед, в загадочный Дели — цитадель британского колониализма и, одновременно, он был уверен, — центр борьбы индийского пролетариата. О покинутом скромном приюте красный командир не жалел — его жизнь только набирала обороты, впереди была далекая дорога, которую следовало пройти, чтобы наконец вернуться в первую в мире страну победившей Революции и стать плечом к плечу с товарищами по Партии. Он спешил и не понимал, чего ждет этот контуженный беляк у входа в покосившуюся развалюху.

Ингвар стоял молча, никого не торопя. Казалось, художник понимает Ростислава, а может, видит то, что способен заметить лишь его взгляд — странного чужака, занесенного бурей в индийскую глушь и теперь никак не решавшегося покинуть свой временный приют. Ингвар не стал доставать блокнот, но его спокойные серые глаза не отрываясь смотрели на двух непонятных соотечественников, таких разных и в то же время в чем-то очень сходных...

В конце концов Арцеулов, вняв ироничному покашливанию Степы, мысленно сказал: «Прощай» и, повернувшись, зашагал, не оглядываясь, по пустой в этот час улице. Впереди лежал еще немалый путь, в конце которого было теплое зеленое море, когда-то нагаданное ему, — и Россия.

Желтый плащ

...Зеленое море Ростислав увидел не скоро — только через два месяца, когда на индийскую землю пришла весна, показавшаяся явившимся с севера странникам настоящим летом. На редких деревьях шумных делийских улиц распускались невиданной красоты соцветия, воздух стал настолько тепл, что пришлось забыть не только о купленных в феврале плащах, но даже о пиджаках. Впереди было еще более жаркое лето с его непременно многомесячными дождями, но ни Степе, ни Арцеулову увидеть его не довелось. Страна чудес — древняя и таинственная Индия, она же бесправная колония гнивающего британского империализма — навек осталась для них землей мягкого тепла и яркого весеннего солнца.

Эти месяцы они провели по-разному, хотя жили по-прежнему вместе — в небольшой квартирке, снятой по совету Ингвара в европейской части Дели. Сам художник пробыл в городе недолго, уехав куда-то на север, где готовилась его очередная экспедиция в Гималаи. Впрочем, он регулярно присылал телеграммы и пару раз наведывался в Дели, рассказывая о своих грандиозных планах по изучению неведомой для европейцев горной страны, а заодно о том, как продвигается дело двух русских, занесенных войной в самое сердце Британской Индии.

С последним дело продвигалось трудно. Их не отпускали — вежливо, чисто по-британски, с многочисленными отговорками и уверениями в наилучших чувствах. Никто их не допрашивал и даже, на первый взгляд, не следил за ними. Впрочем, заметить слежку на переполненных делийских улицах практически невозможно, да они и не пытались. Единственным ограничением было условие, с самого начала поставленное Ингваром. Ростислав и Степа не должны — под честное слово — покидать Дели.

Слово это соблюдалось строго. Не только Арцеуловым, который вообще серьезно относился к слову русского офицера и дворянина, но даже Косухиным, усвоившим великую большевистскую истину о том, что мораль — категория классовая и к Революции, как таковой, не приложимая. Но в данном случае речь шла не о Революции, а о поручив-

шемся за них художнике. Красный командир не желал подводить политически неразвитого, но такого симпатичного интеллигента, который вдобавок рисует не хуже, а в чем-то даже и лучше, чем художники из любимой Степиной фронтальной газеты «В ружье!».

Картины Ингвара они посмотрели сразу же по приезде, навестив художника в его делийской мастерской. Арцеулов, помнивший работы Николая Константиновича еще по довоенным выставкам, был поражен — он не ожидал такого. На холстах громоздились огромные, невиданной высоты горы, у заброшенных храмов расцветали странные раскидистые деревья, молчаливые мудрецы застыли в покое у кромки искрящихся на солнце вечных снегов. А главное — краски, цвета, которые невозможно представить тому, кто не бывал за неровной стеной самых высоких в мире гор. Казалось, на холстах оживает уже виденное Арцеуловым — и сердце его дрогнуло.

Гэсэр-хан оказался совсем не похожим на командира Джора, но Ростислава этонисколько не огорчило. Огромный всадник в остроконечной монгольской шапке натягивал тетиву на фоне кроваво-красного неба. Гэсэр — победитель зла и вечная надежда тех, кто нуждался в защите...

Степа осматривал картины с открытым ртом, даже не замечая этого, явно несолидного для представителя Сиббюро обстоятельства. Он то и дело сглатывал слюну, а когда довольный произведенным впечатлением художник поинтересовался его мнением, Степа чуть было не выговорил то, что давно лезло на язык: «Ну, батя, даешь!», но спохватился и, впервые назвав Николая Константиновича «товарищем», заявил, что данные картины имеют огромную художественную ценность для победившего пролетариата, а потому для них нужно создать «народный музей» — выражение, очень понравившееся самому Степе, — а «товарищу Ингвару» присвоить, соответственно, звание «народного художника».

Ингвар посмеялся над подобным предложением, хотя и невесело — о музее думать не приходилось, картины шли на продажу. Когда они покидали мастерскую, художник неожиданно предложил Степе и Арцеулову любую картину на выбор, как подарок по случаю их странного знакомства. Арцеулов на мгновение даже задохнулся от восторга, сразу же подумав о Гэсэр-хане. Но реальность тут же отрезвила. Он ехал туда, где музам надлежало молчать, да и это было

бы слишком нескромно — Ингвар и так сделал для них немало.

Степа реагировал куда спокойнее, обстоятельно разъяснив «товарищу Ингвару», что большевики выступают против частной собственности на произведения искусства. А потому он, Степан Косухин, не имеет права даже думать о владении картиной, место которой исключительно в «народном музее». При этом он взглянул на особо полюбившийся ему горный пейзаж и вздохнул.

Ингвар уехал, взяв предварительно с Косухина еще одно обещание — не заниматься политикой. Степа дал это обещание, скрепя сердце, но делать было нечего. Впрочем, в первые дни они просто осматривали огромный город — скученные кварталы Шахджеханабада, многочисленные руины и не менее многочисленные храмы. Юркие мальчишки, поднаторевшие в искусстве гидов, провели их на вершину знаменитого красного минарета Кутб-Минар, показали великую Жемчужную Мечеть императора Аурангзеба, поводили по закоулкам белокупольной Соборной мечети. Несколько раз Степа и Арцеулов прошлись по роскошно отстроенным кварталам нового Дели и даже пообедали, благо средства покуда позволяли, в знаменитом ресторане «Могол».

Осмотр можно было продолжать еще долго, но Степа взбунтовался, заявив, что уже сыт памятниками местного мракобесия и монументами колониальной экспансии. После этого Ростиславу пришлось ходить по Дели уже в одиночестве, но вскоре интерес пропал и у него. Вокруг все было слишком чужим, Арцеулов впервые понял, что ностальгия — это действительно болезнь. И сделать с этим ничего было нельзя — русская колония в Дели, и без того немногочисленная, за годы войны разъехалась, и даже в здешних библиотеках нельзя было найти русскую книжку. Оставалось читать британские газеты, выискивая среди вороха пестрых новостей короткие сообщения о событиях на далекой Родине.

Косухина он видал лишь вечерами, а иногда и раз в несколько суток. Степе было не до ностальгии — он наконец-то нашел себе дело. Миллионный Дели ничем не напоминал замшелый Морадабад, и красный командир с головой окунулся в местную жизнь. Правда, слово, данное Ингвару,

он с трудом, но сдержал, да и незнание хинди и английского сильно мешало. Но можно было ходить, слушать, смотреть — и думать.

А думать приходилось часто — уж больно виденное на улицах и площадях Дели не походило на то, чему его учили. Степа ожидал, что он найдет здесь если не сплоченную партию индийских большевиков, то хотя бы отчаянных революционеров-бомбистов, готовых положить свои молодые индийские жизни за освобождение родной земли. Косухин ждал баррикад и стачек — а находил совсем другое. Между тем, по большевистскому Степиному разумению, время баррикад в Индии уже наступило. По всему Дели повторяли одно и то же название — «Амритсар». Это слово было на слуху в уличной толпе, красовалось на плакатах, пестрело в газетных заголовках и в неровных строчках листовок. Даже не знавшему никаких языков, кроме языка победившего пролетариата, Степе было ясно, что «Амритсар» — что-то очень важное и очень серьезное.

Помог Арцеулов — он и сам встречал это слово в прочитываемых ежедневно газетных статьях.

...В пенджабском городе Амритсаре доблестный британский генерал О'Дайер расстрелял безоружную демонстрацию, уложив на мостовую более тысячи человек и запретив оказывать помощь сотням раненых. Случилось это за несколько месяцев до прибытия Степы и Арцеулова в Индию, но все это время в Пенджабе сохранялось военное положение, и только сейчас подробности стали просачиваться в прессу. Вызванный для отчета в Лондон О'Дайер был награжден почетным золотым оружием с бриллиантами.

Арцеулов, и сам не восторгавшийся подобным героизмом против безоружной толпы, постарался пересказать Косухину то, что прочел в газетах — что среди демонстрантов были провокаторы, что губернатора просто ввели в заблуждение угрозой бунта и погромов. Но Степа не слушал. Значит, великие вожди Революции правы — даже здесь, вдали от бестолковой российской жизни, цивилизованные британцы ведут себя не лучше романовских держиморд! И Степа ждал баррикад.

Но баррикад не было. Сквозь мешанину непонятных слов Косухин улавливал название какого-то «Индийского Конгресса», который призывал всех индусов воздерживать

ваться от насилия и протестовать мирно. Люди собирались, шумели — и расходились. В одной из листовок, принесенных Степой после очередного похода по бурлящим улицам, содержалось совершенно бессмысленное, по мнению Косухина, предложение — не покупать британских товаров, что, по мысли какого-то Ганди, не иначе местного Федоровича, должно было разом подорвать британский империализм. Впрочем, подумав, Степа отверг подобное сравнение. Вражина Федорович хоть и был из уклонистов уклонист, но все же имел твердую руку, и когда бросал бомбу, то редко промахивался. А вот Ганди... Нет, индийский пролетариат и вкупе с ним трудовое крестьянство явно еще не доросли до Степиного уровня! Косухин махнул рукой — и захотел обратно в Россию.

Но с этим было трудно. Ингвар, заехавший в Дели в середине марта, лишь неопределенно развел руками, посоветовав ждать. Трудность была не только в том, чтобы уехать. Ни у Степы, ни у капитана не осталось ни единого клочка бумаги с печатью, а без документов нечего было и думать о том, чтобы доехать до Европы...

Горячий Косухин уже стал подумывать о побеге. Смущало лишь одно — слово, данное художнику. Да и куда бежать — было неясно, разве что пересечь весь Индостан, перейти персидскую границу и пробираться на север. Даже для Степы такое путешествие казалось фантастичным.

Арцеулов, подумав несколько дней, однажды утром, ничего не сказав Косухину, убежавшему послушать уклониста Ганди, надел пиджак — для пущей солидности — и направился в канцелярию вице-короля. Сам вице-король его, конечно, не принял, да капитан на это и не надеялся. Зато ему достаточно быстро организовали встречу с пожилым и весьма респектабельным английским чиновником, который был сед, упитан и покрыт «вечным» колониальным загаром.

Англичанин оказался вполне осведомлен о деле «мистера Арцеулова и мистера Косухина». Он доброжелательно улыбнулся, сообщив, что вопрос решается и когда-нибудь, в конце концов, вероятно, будет решен.

Капитан сдержался, попросив уточнить, но англичанин лишь развел руками и пояснил, что это все, что он может сказать как официальное лицо.

Намек был понят, и Ростислав поинтересовался, что загорелый толстяк может сообщить ему неофициально. Англичанин вновь улыбнулся, а затем вполне искренним тоном поинтересовался, куда, собственно, спешить двоим русским? Насколько он, толстяк, осведомлен, они располагают определенными средствами, не бедствуют — а значит, ничто не мешает им пожить несколько месяцев вдали от ставшей такой негостеприимной отчизны.

В этом, конечно, был свой резон. Арцеулов невольно задумался, а толстяк, вновь подчеркнув, что говорит в данный момент как лицо исключительно частное, заметил, что у британских властей тоже есть свой резон. Никто не считает двух российских офицеров, занесенных войной в Индию, шпионами. Более того, британские власти сочувствуют борцам против большевизма, но... Но у всех имеются личные обстоятельства — семьи, служебное положение, будущая пенсия, — и никто не желает брать на себя ответственность разрешить «мистеру Арцеулову и мистеру Косухину» покинуть Индию. Мало ли что может решить Лондон! К тому же некоторые служащие (тут капитан вспомнил господина Фиц-Роя) до сих пор уверены, что русские являются носителями некоей чрезвычайно важной информации...

Оставалось поблагодарить за откровенность и откланяться, но что-то задержало Арцеулова. Он еще раз посмотрел на уютно устроившегося в кресле толстяка, казалось, воплотившего в себе ненавистную всем нормальным людям канцелярскую мудрость — и заметил то, на что не обратил внимания вначале. На левой щеке англичанина белел шрам, вместо двух пальцев правой руки, мизинца и безымянного, торчали короткие обрубки, а на зеленом кителе сверкал скромный знак военного ордена. Когда-то будущий чинуша-бюрократ знал иные времена. И капитан, с бесцеремонностью фронтовика указав на искаленную кисть, затем на орден, спросил — «где?».

Лицо толстяка изменилось, как-то сразу помолодев, стало суровым и жестким. Он произнес одно слово: «Кабул» — и капитан вспомнил стихи Киплинга о городе Кабуле на реке Кабул, в которой тонет британский эскадрон, а уцелевшие выхватывают сабли и мчатся в горящий мятежом город...

И Ростислав сказал англичанину то, что говорить не собирался. Что он поедет из Индии не в Париж и не в Нью-Йорк, чтобы обжиться на чужой земле и мучиться нос-

тальяей. Он поспешит в Россию. В Крыму, на последнем клочке свободной русской земли, генерал Врангель собирает тех, кто не боится еще раз, может, в последний, попытаться остановить красный Апокалипсис. И что ему, капитану Арцеулову, собственно больше незачем жить на этой земле, и если искалеченный на афганской войне англичанин — офицер и дворянин, то он должен понять.

Толстяк долго молчал, а затем совершенно спокойным тоном поинтересовался, такого же ли мнения господин Косухин? Тут Арцеулову на миг стало жарко. Да, красный командир Косухин того же мнения — он спешит в Россию, в ряды Рачьей и Собачьей, будь она трижды проклята, Красной Хам-армии! Сказать об этом британцу? Конечно, Степу не расстреляют, но господин иерусалимский барон Лейба Бронштейн долго не увидит в своем кагале одного из далеко не последних красных командиров.

Был еще один резон — уже без всяких бронштейнов. Арцеулов не верил, что те, кто пытался убить Степу под Иркутском и в Шекар-Гомпе, оставят парня в покое. В красной Рэсэфэсээрии дворянина Косухина, комиссара Челкеля, ничего хорошего не ожидало. Достаточно сейчас, сию минуту, сказать несколько слов — и Степан останется в живых. Конечно, британская каталажка — не сахар, но не помрет же он там! Посидит — может, поумнеет...

Да, в этом был резон. Все логично и правильно, но капитан вспомнил, как тащил краснопузого по коридорам Шекар-Гомпа, как еще раньше Степа, ворча и ругаясь, перевязывал ему рану, как их вели по черному ночному Челкелю косоглазые конвоиры... Нет, теперь красный командир Косухин не подпадал под логику столь уважаемой им самим классовой борьбы. Дворянин не мог предать дворянина — и офицера. Пусть даже это будет трижды краснопузый...

Капитан спокойно, даже с достоинством, объяснил англичанину, что его спутник, Степан Иванович Косухин, не менее его спешит на фронт. И он готов ручаться за это словом дворянина. Это было правдой, потому что лишь тюремные решетки не удержали бы Степу от желания примкнуть к ордам Лейбы Бронштейна...

Англичанин кивнул, а затем, вновь подчеркнув, что говорит в данном случае как частное лицо, заметил, что бюрократия наряду с очевидными недостатками имеет и определенные преимущества. Например, будь у мистера Арце-

улова и у мистера Косухина документы, лучше всего российские заграничные паспорта, у британских властей не останется формальных оснований не выпускать их за пределы Англо-Индийской империи. И он почти уверен, что им удастся спокойно взять билеты на пароход.

Предваряя неизбежный вопрос, он пояснил, что паспорта выдавал российский консул, который вот уже год как покинул Индию. Зато в Бомбее проживает член консульской миссии по фамилии фон Денике, который работает в торговой фирме «Керал Ист»...

Британец помолчал и добавил, что, конечно, фон Денике, который вдобавок по паспорту швейцарец, не имеет права выдавать заграничные паспорта. Но у него — совершенно случайно — могут храниться бланки паспортов, уже подписанные консулом. И он — тоже совершенно случайно — может уступить их за соответствующую мзду. А чтобы эта мзда была действительно соответствующей, достаточно намекнуть, что за этот год он уже дважды проделал эту операцию. Для таких целей лучше всего нанять юриста — и не англичанина, а индуса...

Капитан слушал, стараясь не пропускать ни слова, и лишь осмелился поинтересоваться, не удивятся ли британские власти, что он и его спутник получают паспорта, подписанные консулом, уже год как покинувшим Индию. Толстяк пожал плечами, пояснив, что паспорта могли быть выписаны хоть пять лет назад. Во всяком случае, чиновников вряд ли заинтересуют подобные мелочи...

Арцеулов попытался благодарить, но толстяк тут же оборвал его, заявив, что не сделал ничего хорошего. Напротив, он совершил грех, помогая двум молодым людям отправиться практически на верную смерть. Взгляд капитана скользнул по его изувеченной кисти, англичанин нахмурился и спрятал руку за спину...

...Ростислав не стал тратить времени. В самом центре Дели, на одной из небольших улочек, он нашел маленькую юридическую контору, хозяин которой — молодой индийский юрист, только что приехавший из Европы и явно не обремененный клиентами, — охотно и даже с некоторым азартом взялся устроить это дело...

Пользуясь тем, что оказался в центре города, Ростислав зашел в ювелирную лавку, попросив оценить сапфир — тот, что еще не был продан. Ювелир — худой старик-ин-

дус — долго разглядывал камень, назвал цену, оказавшуюся даже выше, чем предполагал капитан, а затем, не выдержав, спросил, откуда этот камень у уважаемого гостя. Конечно, он, ювелир, понимает всю бестактность этого вопроса, но дело в том, что этот камень необычный. Сам по себе он очень хорош — настоящий цейлонский, сильного и чистого цвета и неплохой огранки, но еще более любопытна его история. Таких сапфиров было сто. Более трехсот лет назад они были специально собраны для того, чтобы один из императоров-моголов мог заплатить выкуп за своего сына, попавшего в плен к северным варварам. Эти сапфиры получили название «Камней Спасения».

Капитан ограничился тем, что сообщил старику часть правды — он привез камень из Тибета. Сапфир продавать не стал — деньги еще оставались, а кроме того, судьбу последнего камня должен решать не только он, но и краснопузый Косухин.

... Степа заявился домой — то есть в их маленькую квартиру — вечером. Он был возбужден и несколько помят. Как оказалось, неутомный большевик побывал на огромном митинге, собранном Индийским Конгрессом. Народу там была тьма-тьмуша, вдобавок под конец вмешалась полиция и устроила давку, в которой Степе и досталось. Впрочем, на подобные мелочи Косухин не обращал внимания. Сегодня он, наконец, увидел того самого Ганди, о котором столько говорили и писали, называя «Махатмой» и считая чуть ли не Карлом Марксом.

О самом Ганди Степа запомнил лишь, что тот был худ и имел большие оттопыренные уши. Вождь говорил на хинди, и Степа сообразил лишь то, что речь шла о каком-то «сварадже». Но заинтересовало Косухина не это, а то, как тысячи индусов смотрели на этого неказистого смуглого человека, ушастого, с бритой головой, одетого в какое-то подобие старого одеяла. Так на его памяти не смотрели ни на кого — ни на товарища Троцкого, ни даже на самого Вождя. И Степа подумал о том, какая польза была бы Революции, призви этот ушастый не к какому-то «свараджу», а к ясному и недвусмысленному вооруженному восстанию.

Арцеулов лишь удивился Степиной кровожадности и окончательно разочаровал его, пояснив, что «сварадж» — это кампания мирного неповиновения, включая отказ от

сотрудничества с англичанами и бойкот иностранных товаров. Косухин вздохнул и понял, что местные большевики, буде они тут все же имеются, явно упускают контроль над народными массами. Вдобавок его изрядно расстраивало одно неприятное обстоятельство. На митинге индийские товарищи сторонились его, вероятно, из-за буржуйских тряпок, которые Степа надел по настоянию белого гада Арцеулова. Более того, его пару раз больно пнули, называя почему-то «инглизом».

Капитан посочувствовал Степе, посоветовав в следующий раз прийти на митинг в одеяле, предварительно обрив голову. Ни о паспорте, ни о камне Ростислав решил покуда не говорить. Степа с его мировыми проблемами мог не оценить подобных житейских мелочей.

Через пару дней приехал Ингвар. Художник был весел, возбужден и много рассказывал о подготовке путешествия в Гималаи. Он привез новый альбом рисунков, и Степа с Ростиславом могли полюбоваться памятными им горами в белых снежных шапках. Арцеулов улучил момент и поведал Николаю Константиновичу о совете толстяка-англичанина. Ингвар подумал и заметил, что подобное жульничество может оказаться результативнее, чем все его хлопоты. В любом случае, хуже от этой попытки не станет.

Среди прочего, художник принес им письмо, которое нашел в своей почте, скопившейся за время отсутствия. Письмо с пометкой «для мистера Арцеулова и мистера Косухина» было прислано из Парижа. Писал Тэд.

За эти два месяца Ростислав и Степа получили три телеграммы. Первая была из Марсея, подписанная «Наташа и Тэд», в которой сообщалось, что пароход «Дон» благополучно доставил путешественников во Францию. Вторая, подписанная так же, была уже из Парижа. Берг и Валюженич послали ее прямо с вокзального почтамта. И, наконец, третья была от Тэда, который сообщал, что сдал Наташу с рук на руки ее любимому дяде, а сам на некоторое время едет в Англию.

И вот, наконец, письмо. Как только Ингвар, пригласив своих подопечных в ближайшее время зайти к нему поужинать, откланялся, нетерпеливый Степа разорвал конверт и уткнулся носом в исписанные неровным почерком листки. Арцеулов, уверенный, что Валюженич пишет по-

английски, терпеливо ждал, куда безграмотный комиссаришка прибегнет к его помощи. Но Степа, к его величайшему изумлению, спокойно дочитал письмо до конца, произнес «гм-м» и передал листки Арцеулову.

Ларчик открывался просто — Валюженич писал по-русски. В первых же строчках Тэд особо оговаривал это обстоятельство, признавшись, что прибегает к помощи словаря, но в дальнейшем обещает не делать и этого. Слог хромал, да и ошибок не счесть, но зато написано было вполне понятно даже для неученого Степы.

Американец сообщал, что встретился с Шарлем Карно, который не мог не изумиться рассказу своего приятеля. Сам Карно, так и не выздоровев окончательно, был вынужден вернуться во Францию, не завершив экспедиции. Оба они получили втык (Тэд написал «удары под самый затылок») от профессора Робера, который, впрочем, тут же накинулся на привезенные «артефакты». Отец, Валюженич-старший, обозвал сына придурком (Тэд передал это как «почти дураком»), пообещав полностью снять высылаемую дотацию. В общем, насквозь обруганный, но довольный, Тэд приступил к прерванным занятиям, уже успел заскучать при такой спокойной жизни и звал «мистера Арцеулова и Стива» в Париж...

...О Наташе в письме не было ни слова. Арцеулов перечитал его еще раз — Валюженич писал лишь о себе. И это было странно...

Ясное дело, Косухин тоже обратил на это внимание. Он, правда, поделился с Ростиславом несколько успокоившим его соображением, что, будь с Наташей что-то не так, Тэд непременно сообщил бы. Арцеулов вполне с этим согласился, отметив про себя, что, вероятно, предложение, сделанное горячим американцем у Тадж-Махала, не нашло отклика — и бедняга Тэд предпочел ничего не сообщать об этом...

Но все же в глубине души шевельнулось какое-то неопределенное подозрение. В конце концов Валюженич мог просто написать одну фразу, что Наташа жива, здорова и шлет всем приветы. Но этой фразы не было. Арцеулов вспомнил Наташины сомнения перед отъездом — и встревожился еще больше. Впрочем, делиться с Косухиным своими опасениями он не стал — все равно здесь, за тысячи верст от Парижа, ничего нового узнать было нельзя.

Несколько дней прошло для Арцеулова в томительном ожидании. Степе было легче. Он продолжал бегать по митингам, на одном из которых ему феноменально повезло: он встретил пожилого индуса, работавшего несколько лет в России и — плохо ли, хорошо ли — знавшего русский язык. Степа воспрял. Новый его знакомый оказался «конгрессистом», то есть типичным буржуазным либералом, зато он сообщил, что в Дели действительно имеются несколько молодых людей, которые читают давно уже непопулярного и ничего не понимавшего в индийских делах немецкого экономиста Маркса. Большого Степе не требовалось, и уже на следующий день он свел знакомство с худым интеллигентного вида очкариком, носившим странную для Степиного уха фамилию Ранадиве.

Ранадиве действительно читал Маркса, но во всем остальном вышла осечка. Молодой индус, недавно приехавший из Англии, где учился в Оксфорде, ни слова не понимал по-русски. Правда, такие понятия, как «Красная Армия», «товарищ Ленин», «коммунизм» и «даешь!», были ясны без перевода, но результат от горячей речи коммуниста Косухина был обескураживающим. Товарищ Ранадиве приложил палец к губам, испуганно оглянулся и произнес также вполне понятное слово «полис». Лишь после больших трудов Степа смог убедить излишне пугливого выпускника Оксфорда познакомить страшного посланца Коминтерна с другими «товарищами».

Встреча с «товарищами» была намечена на вечер следующего дня. Степа составил краткий англо-русский словарь, куда с помощью Арцеулова внес такие совершенно необходимые термины, как «пролетарская революция», «экспроприация экспроприаторов», «всеобщее вооружение трудящихся» и даже «продразверстка». Правда, ехидный Ростислав постарался подобрать наиболее подходящие эквиваленты для подобного людоедского жаргона, переведя «продразверстку», как «грабеж», а «пролетарскую революцию» — как «бунт оборванцев». Наивный Степа, не ведая об очередной буржуйской провокации, старательно зубрил эти столь необходимые каждому агитатору и столь близкие его сердцу слова...

Уже вечерело, и Косухин начал собираться, когда слышались быстрые шаги и в комнату вошел капитан. Степа взглянул на него с некоторым удивлением — вид у Арцеулова был какой-то особенный. Заметив Степин взгляд, Рос-

тислав усмехнулся и не торопясь достал из внутреннего кармана пиджака пакет из плотной бумаги.

— Можно ехать, — сообщил он, с удовольствием затягиваясь купленной по этому случаю дорогой сигарой. — Это паспорта, господин Косухин. Сегодня я зарегистрировал их в канцелярии губернатора...

— Во, чердынъ!.. — Степа бросился к столу, схватил пакет и извлек оттуда две книжечки в твердой обложке с обязательными старорежимными орлами.

Арцеулов не без удовольствия поведал Степе историю со швейцарским гражданином фон Денике. Затем достал сапфир и положил его рядом с паспортами, рассказав о подарке старого монаха и сообщив, что сей камень принадлежит исключительно краснопузому Степе.

Сапфир буквально добил Косухина. Он оторопело глядел то на возвращавшие им свободу книжечки в твердой обложке, то на переливающийся васильковым светом камень.

— Ну ты даешь, Ростислав! — проговорил наконец он. — Чего ж ты мне раньше не сказал, чердынъ-калуга?

— Вы же занимались проблемами свараджа, господин уполномоченный Сиббюро! — хмыкнул довольный произведенным эффектом капитан. — Я решил вас не отвлекать...

— Значит, так... — Степа уже успел переварить новость и был готов давать распоряжения. — Заказываем билеты из этого, как его, Бомбея. Я узнавал, там пароходов больше всего ходит. Плыдем до Марсея, а там в Париж. Пристрою тебя, интеллигента, и в Ревель...

— Слушаюсь, господин комиссар, — покорно кивнул капитан. — Я уже заказал вам билет. Как раз из Бомбея. Пароход «Маргарита», отходит через четыре дня.

— Это хорошо, — милостиво одобрил Степа. — Как раз успею... Да, и к товарищу Ингвару надо будет заглянуть — попрощаться. А камень покуда, чердынъ-калуга, продавать не будем...

И тут до него дошло. Беяк сказал не «билеты», а «билет»!

— Я не еду в Марсель, — спокойно пояснил Арцеулов. — Я плыву в тот же день, но на час позже — в Стамбул.

— Вот, чердынъ!.. — поразился Степа. — Да чего ты там не видел? Там же сейчас война, в этой Турции! Товарищ Кемаль лупит проклятых интервентов...

— Я едва ли встречу с господином Кемалем, — скривился Арцеулов. — Из Стамбула я поеду в Варну, а оттуда домой...

— То есть? Ты, эта, не спеши, Ростислав. Вот кончится война, будет амнистия, тогда и вернешься. Посиди покуда в Париже да книжки почитай...

— Плевал я на вашу хамскую амнистию! — рубанул капитан. — Я еду в Россию, господин Косухин! Генерал Врангель собирает в Крыму тех, у кого еще остались совесть и честь! Теперь ясно, краснопузый?

И тут только до Степы дошло. Вначале он потерял дар речи, а затем выдохнул: «Сволочь!»

Арцеулов не отреагировал. Почему-то в голосе Степы он почувствовал не ненависть, а что-то совсем другое. А Косухин уже бушевал:

— Ты... ты... гад белый! Что, не навоевался?! Крови мало народной пролил, да? Да я тебя лучше своей рукой положу, беляка! Чего выдумал!

Арцеулов не отвечал, поймав себя на странной мысли, что ничуть на Степу не обижается, как будто этот чумазный парень имеет законное право ругать его, словно нашкодившего гимназиста.

— Да там же самое зверье собирается! — продолжал кричать Степа. — Они же гады, убийцы! Мало им крови! Что, не навоевался, интеллигент?

Степа вобрал побольше воздуха и прибавил нечто, совсем уж не вязавшееся с предыдущим:

— Да тебя же там убьют, Ростислав! Понимаешь, чердынь-калуга, — убьют!

Махнув безнадежно рукой, красный командир Косухин замолчал и отвернулся к стене.

— Степан, давайте не ссориться, — Арцеулов говорил спокойно, и это давалось ему без всякого труда. Он действительно не хотел ссориться напоследок.

— А я что, с тобой — мирился? — отгрызнулся Степа, не оборачиваясь. — Вражиной был, вражиной и остался! Я думал, что ты хоть сейчас чего-то понял...

— Понял? После Иркутска? После Челкея? После того, как ваши комиссары пытали вас током? Что я должен был понять? Только то, что ваша банда оказалась еще страшнее, чем все мы думали! И там, в Крыму, мои товарищи пытаются сделать хоть что-то. А я должен отсиживаться в Париже?

— Да побьют вас всех! — Степа резко обернулся, лицо его исказилось болью. — Понимаешь, Ростислав, вам всем крышка! Всем вам — умным, образованным, воспитанным — конец! Штык в брюхо, чердынь-калуга, и амба, в штаб Духонина! Ну, если тебе и всем твоим так не нравится социализм, то мотайте куда-нибудь в Аргентину. Авось отсидитесь там пару лет, пока Мировая не начнется... А вы — опять, как псы цепные...

— Вы можете считать меня белым гадом, Степан, но трусом даже вы меня не назовете. И мои друзья — не трусы. Ни Виктор Ухтомский, ни Андрей Орловский, ни Михаил Корф. На кого мы должны оставлять Россию? На вашего Венцлава и его упырей?

— С ними сами разберемся, — буркнул Степа, но в голосе его не было уверенности.

— Не разберетесь, командир Косухин. И если кто рискует, то это вы! У меня будет оружие, меня будет защищать целая армия. А вас — уж не знаю...

— Пожалел волк кобылу.

— Ну, извините... Ладно, убеждать вас не собираюсь, но попытайтесь представить. Если бы в Крыму сейчас оборонялись не белые, а красные, и шансов бы не было, вы бы поехали в Париж?

— Сравнил, беляк!

— Да вот уж сравнил. Ладно, в любом случае... У нас с вами остались кое-какие общие дела. Прежде всего...

Арцеулов, как мог, изложил Степе то, что говорила ему Берг, правда, не сказав о наивном американце и его предложении. Потом упомянул о генерале Аскольде Богоразе, напоследок посоветовал сразу не ехать к Карлу Бергу и вообще не очень афишировать свое пребывание в столице Франции.

Затем капитан положил на стол бланк заказа на пароходный билет, объяснил, где его следует выкупить, и приложил к нему небольшую пачку денег — половину того, что оставалось после продажи одного из сапфиров. Степа слушал молча, закусив губу, и было даже непонятно, слышит ли он то, что говорит капитан.

Когда Арцеулов умолк, Степа лег на койку и отвернулся к стене, напрочь забыв о встрече с индийскими «товарищами» и о своей миссии полпреда Мировой Революции. Арцеулов пожал плечами и вышел прогуляться по вечернему Дели, понимая, что дальнейшего разговора не будет.

Наутро капитан обнаружил, что койка Степы пуста, все вещи исчезли, а на пустом столе лежит записка, поверх которой равнодушно сверкает фиолетовыми гранями «Камень Спасения».

Степа писал в совершенно непривычной для него манере, вежливо, даже почти без грамматических ошибок. Он уведомлял «гражданина Арцеулова», что впредь не желает иметь с ним никаких дел, но, поскольку вынужден воспользоваться предложенными деньгами, а также будучи должен «гражданину Арцеулову» за эти месяцы, оставляет камень в счет оплаты долга. Подпись отсутствовала, более того, записка была перечеркнута крест-накрест, но новой Степа почему-то не написал, лишь нацарапал сверху короткую фразу: «Шел бы ты, Слава, к черту!»

Арцеулов невесело усмехнулся. Первый раз за эти месяцы его называли так, как когда-то в детстве. Первый и, наверное, последний.

С Ингваром он простился в тот же вечер, перед поездом, увозившим капитана в Бомбей. Оказывается, Косухин уже успел забежать к художнику, поблагодарить и заодно пригласить в революционную Россию. Правда, как сообщил не без усмешки Ингвар, красный командир посоветовал ему ехать не сразу, а чуток погодя, когда победивший пролетариат, покончив с контрреволюционной гидрой, будет готов к более полному восприятию картин художника. В РОСТА Степа поступать Николаю Константиновичу уже не советовал, то ли забыв, то ли передумав.

Перед тем как расстаться, Арцеулов достал сапфир и передал его Ингвару. Предваряя возражения, он заявил, что вовсе не собирается таким образом отблагодарить художника за его заботы о двух русских эмигрантах. Он передает камень для того, чтобы Николай Константинович мог продолжить свои гималайские экспедиции — и заодно рассказал услышанную от ювелира историю сапфира.

Ингвар долго разглядывал камень, и отблеск кристалла странно отражался в его глазах. Наконец он покачал головой и вернул его капитану.

— Он будет вам нужнее, — заявил художник, не слушая протестов Ростислава. — Даже если бы вы просто ехали в эмиграцию, он бы не дал вам умереть с голоду. Но вы едете на фронт...

— И его закопают вместе со мною после первого же боя, — сухо отрезал капитан.

— Может быть, — спокойно согласился художник. — Но может случиться и так, что этот камень спасет вам жизнь. Ведь это же «Камень Спасения»...

— Вы верите в эту мистику?

— Ну, я же недаром увлекаюсь Востоком... Знаете, мне почему-то кажется, что тот, кто подарил камни — старый монах, — знал, ЧТО именно отдает вам. Ведь благодаря им вы сумели прожить в чужой стране и теперь возвращаетесь на Родину. Не спешите расставаться с сапфиром, Ростислав Александрович. К тому же ваш друг оставил этот камень именно вам...

— Мой друг? — Арцеулов недоуменно поглядел на художника, с трудом соображая, что речь идет не о ком-нибудь, а о краснопузом Степе.

— Да, ваш друг. Который сам не свой от того, что вы едете, как он считает, на верную смерть. Не пренебрегайте его даром.

— Он сам рискует больше моего, — неожиданно для самого себя произнес Арцеулов. — Ему нельзя сейчас возвращаться в Россию!

— Как и вам, Ростислав Александрович. Лучше всего, если бы вы оба поработали вместе со мною. Ведь мы занимаемся куда более важным делом, чем та мерзость, которую вы зовете войной.

— «Красота спасет мир», — цитата прозвучала без особого почтения.

Художник грустно улыбнулся:

— Да, конечно, «эйне колонне марширен, битте колонне марширен...». Красота не спасет мир, вы правы. Но культура — это единственное, что может объединить людей. Все остальное лишь разделяет — политика, религия, экономика... Мне кажется, когда-то в Индии это понимали. Поэтому я здесь, а не в Париже или не в Таврии, хотя, поверьте, стреляю я недурственно. Жаль только вас, честных и умных — белых, красных и всех прочих цветов...

— Мы защищаем культуру, — возразил Арцеулов. — Ту самую культуру, которая должна спасти мир. Иначе господа комиссары доберутся и сюда...

— Защищаете... Культура не нужна мертвым, Ростислав Александрович. У мертвых другие интересы. У них — Ше-

кар-Гомп... Боюсь, Око Силы еще напомнит о себе. И тогда действительно понадобятся защитники.

— Я готов, — кивнул Арцеулов. — И не один я...

— Дай-то Бог... Но, боюсь, слишком многих уже нет, а теперь и вы с вашим другом едете убивать. И дай-то Бог вам не встретиться на поле боя. А войско Лха Старшего Брата растет, и, может, через какое-то время господа комиссары, о которых вы изволили упомянуть, покажутся вам сущими агнцами по сравнению с теми, для кого они мостят дорогу...

Уезжал Ростислав с тяжелым сердцем. Вроде бы он делал все правильно. Он выполнил приказ Адмирала. Он помог выручить Наташу Берг из логова упырей в Шекар-Гомпе. И теперь он, капитан русской армии, возвращается на последний клочок русской земли, чтобы встретить там свою судьбу. Он рассчитался почти со всеми долгами, даже умудрился дожить до собственного двадцатипятилетия и отметить юбилей в компании краснопузого, который еще совсем недавно ловил его по всему Иркутску. Оставался лишь долг большевикам — и Арцеулов ехал в Таврию отдавать его...

Но что-то было не так. Уже ночью, когда экспресс, мягко покачиваясь на рельсах, подъезжал к Бомбею, Ростислав сообразил, что мешает ему. Тогда, в поезде Верховного, он, казалось, подумал обо всем. Но в те дни он не знал еще о Шекар-Гомпе, об Оке Силы, о Лха Старшем Брате. Он и сейчас не понимал почти ничего — но он что-то видел, что-то успел заметить. И если через несколько недель, месяцев или даже лет он упадет посреди белесой крымской степи, эти знания пропадут вместе с ним. А все остальные могут сообразить, что к чему, слишком поздно, когда то, что собирается сейчас среди заснеженных гор, обрушится с их вершин на весь мир.

Его жизнь не имела особого значения — не больше, чем жизни тысяч его товарищей. Но о Шекар-Гомпе знал лишь он. Он, и еще трое. И может, это требовало от него, Ростислава Арцеулова, чего-либо иного, чем просто возвращения на безнадежный фронт... Но менять что-либо было поздно.

...Яркое солнце заливало утренний Бомбей, у пирсов толпились огромные — белые, серые, черные — пароходы, билет лежал в кармане, и оставалось лишь одно — поднять-

ся по трапу и сказать «прощай» этой прекрасной стране, которую он так и не сумел хоть сколько-нибудь узнать. До отплытия оставалось совсем немного. Ростислав стоял неподалеку от трапа, провожая глазами вереницу пассажиров, поднимавшихся на борт огромного лайнера «Фламинго». Где-то неподалеку отправлялась «Маргарита», на которой плыл краснопузый Степа. Он не пришел, впрочем, и Ростислав не собирался разыскивать Косухина. Ругаться не хотелось, а говорить было не о чем...

...Внезапно он почувствовал взгляд. Это бывало с Ростиславом нечасто, но в таких случаях он не ошибался. Кто-то смотрел на него. Арцеулов ощутил странную тревогу, хотя вроде бы опасаться до самого отъезда было нечего. Он обернулся.

В глаза бросилась яркая желтая ткань — плащ, который носили буддийские монахи. Их было здесь много, но Ростислав сразу понял — это не случайная встреча, хотя он и не думал когда-либо вновь увидеть этого человека.

— Господин Цронцангамбо?

Монах сложил руки на груди, поклонился и медленно заговорил. В первую секунду Ростислав растерялся, но затем заставил себя сосредоточиться:

«Что-то случилось... Слушай... Слушай внимательно...»

Контакт налачился быстро. Уже через минуту Ростислав стал разбирать отдельные слова:

— Спешил... брат Цонхава... Надо...

— Погодите, — остановил его капитан. — Я сейчас...

Монах на минуту замолчал, а затем заговорил вновь, и на этот раз смысл сказанного четко отпечатывался в сознании:

— Да пребудет с вами мир, Ростислав. Рад, что нашел вас. Я очень спешил, но от Шекар-Гомпа было трудно добраться. Я шел пешком...

— Что-то случилось? — перебил его Арцеулов. — Они обнаружили убежище?

— Нет. Это покуда не в их силах, но монастырь теперь защищен куда лучше. Даже брату Цонхаве не проникнуть туда. Боюсь, нам скоро придется уходить. Брат Цонхава велел предупредить...

Он замолчал, переводя дух. Арцеулов успел сообразить, что Цронцангамбо шел пешком от самого Шекар-Гомпа. Шел, чтобы предупредить. И ему стало стыдно, что он когда-то обвинял монаха в излишнем благоразумии.

— Брат Цонхава говорил с духами. Никто из нас не умеет так разговаривать с духами, как он. Вам, людям Запада, это, наверное, кажется странным...

— Нет, нет! — Арцеулов вдруг понял, что и в самом деле верит монаху. Люди Востока разговаривают с духами. Люди Запада называют это предчувствием или интуицией...

— Он говорит, что вам четверым грозит опасность. Гораздо большая, чем он думал раньше. Кого-то из вас ждет предательство и смерть. А может, и то, что хуже смерти. Кого — духи не смогли объяснить. Учти это, Ростислав, и сообщи своим друзьям. Прощай...

Цронцангамбо поклонился и, прежде чем капитан успел сказать хоть слово, исчез в толпе. Ростислав растерянно оглянулся. Надо задержать монаха и расспросить подробнее. Надо бежать к трапу «Маргариты» и ловить там дурака Степу, которого он не имел права отпускать в Совдепию на растерзание упырям Венцлава. Надо узнать, что случилось с Наташей, почему молчит Тэд...

Заревел гудок, Арцеулов взглянул на часы и понял, что опоздал — «Маргарита» отчалила, унося Степу в Марсель, и ему не успеть. Трап уже снимали. Арцеулов еще раз оглянулся — но монах исчез, и капитан стал медленно подниматься вверх.

...За бортом плескалась зеленая вода — то самое теплое весеннее море, которое было обещано ему. Он плыл на пароходе, словно осуществились давние детские сны о дальних рейсах к незнакомым берегам. «Фламинго» отходил от пирса, медленно проходя мимо огромных кораблей, ждущих своего часа — часа отплытия. В памяти скользнули строчки подзабытого за военные годы, но когда-то любимого поэта — о кораблях, заякоривших бухту, принесших с собой мечту о далеком Океане. Но Ростислав не думал о том, что впереди. Там все ясно — фронт и последний клочок родной земли, который ему суждено защищать. Арцеулов смотрел на берег, на уходящую от него навсегда Индию, и ему вдруг почудилось, что над белыми бомбейскими домами, над зелеными пальмами и острыми крышами храмов, над обычной суетой огромного порта неслышно проступают ледяные вершины, среди которых чернеют четкие силуэты монастырских башен. И легкий морской ветерок

внезапно показался Ростиславу ледяным, как будто мертвое дыхание Шекар-Гомпа настигло его даже здесь...

...Толпа теснилась на медленно удалявшейся пристани. Арцеулов долго всматривался, надеясь разглядеть желтый монашеский плащ, но тщетно — берег исчезал, становился серой неясной полосой, которой тоже предстояло сгинуть, уступив место равнодушной зелени морского простора.

КОНЕЦ ВТОРОЙ КНИГИ

1993 г.

НЕСУЩИЙ СВЕТ

РОМАН

орячий воздух струился над недвижимым морем, серая дымка заволакивала горизонт, но город был уже виден. Огромный, белый, он спускался с неровной гряды поросших тусклой зеленью холмов и сбегал к еле заметной кромке берега, утыкаясь в огромные волнорезы, в темные громады доков и бесчисленные причалы, над которыми горбились уродливые силуэты подъемных кранов. Город, казалось, дышал: еле заметный вначале, ровный гул усиливался с каждой минутой, и уже можно было различить в нем несмолкаемую переключку паровозных гудков и резкий вой портовой сирены.

— Марсель, мистер Косухин.

Степа Косухин, не оглядываясь на соседа — высокого толстого англичанина, так и просившегося на агитационный плакат, посвященный разоблачению происков мирового империализма, — кивнул, затем достал пачку нестерпимо дорогих папирос, купленных в буфете, и с отворачиванием закурил.

Папиросы Степе не нравились. Он заплатил бы втрое дороже за хорошо знакомые ему «Атаман» или «Дюшес» и даже за пачку обыкновенной пайковой махорки. Но махорки в буфете не оказалось, равно как и всего прочего: на борту «Маргариты» такого не курили. Курильщики могли выбирать между дюжиной сортов дорогих толстенных сигар и не менее дорогими папиросами, которые приходилось брать за неимением прочего.

Степа злился. Проклятый беляк, зануда, интеллигент и недобитая контра Ростислав Арцеулов, покупая ему билет на «Маргариту», подсунул красному командиру Косухину изрядную свинью. На сам пароход жаловаться не приходи-

лось: он был хоть и не нов, но красив, быстроходен, содержался командой в изрядной чистоте и вдобавок шел строго по расписанию. Все б ничего, но интеллигент Арцеулов, вероятно из звериной злобы к пролетариату и его достойному представителю — члену РКП(б) с 1917 года Косухину, приобрел Степе билет не в демократическом и общедоступном третьем классе, не в респектабельно-буржуазном втором и даже не в откровенно буржуйском первом. Недобитый колчаковец купил билет в классе «люкс». В горячке сборов Степа, простая душа, не обратил на эти тонкости внимания, но вскоре понял, во что втравил его контуженый белогвардеец.

Не успел Степа вступить на борт «Маргариты» и предъявить билет, как его приветствовал лично капитан — настоящий морской волк из детской книжки: старый, с седыми усами и в ослепительно белом кителе. Косухин вначале испугался, решив, что британское правительство передумало отпускать его из пределов Англо-Индийской империи. Но все оказалось проще: капитан приветствовал своего уважаемого пассажира «мистера Косухина» на борту «Маргариты». Дабы Степа ничего не спутал, молодой офицер в таком же белом кителе поспешил изложить сказанное капитаном на вполне приличном русском языке. Косухин пробормотал: «Сэнкью» — и попытался исчезнуть в глубине корабельных лабиринтов, но не тут-то было. Тот же молодой офицер вручил «мистеру Косухину» большую корзину, из которой нагло выглядывала бутылка буржуйского вина «Шампанское» и большой букет отчаянно пахнущих цветов. Это оказалось подарком от пароходной компании, полагавшимся пассажиру класса «люкс». Даже после этого Степу не отпустили, а отвели в его каюту, которая оказалась целой квартирой из двух помещений с роскошной мебелью, персидским ковром и даже канарейкой в клетке. Корабельный лакей, которого, как выяснилось, здесь называли «стюард», показал ему апартаменты и на ломаном русском языке предложил канарейку убрать и заменить попугаем. Тут уж Косухин не выдержал и потребовал оставить в покое канарейку, а заодно и его самого.

Ясное дело, неприятности на этом не кончились. Завтрак и ужин ему приносили прямо в каюту, а обедать приходилось в салоне, причем Степино место оказалось через один стул от самого капитана. Рядом с Косухиным, вероятно вполне преднамеренно, был усажен тот самый русско-

ворящий помощник, дабы развлекать знатного гостя непринужденной беседой на родном ему языке.

Весь рейс Косухин чувствовал себя отвратительно. Это ощущение было каким-то двойственным. Красный командир люто ненавидел всю окружавшую его буржуйско-мещанскую роскошь, которая, несомненно, в полном соответствии с учением Маркса, базировалась на эксплуатации человека человеком. Вместе с тем самокритичный Степа был вынужден признать, что потребителем этой ненужной и вредной нормальному трудовому человеку роскоши является не абстрактный буржуй, помещик или оторвавшийся от народа интеллигент, а он сам — кавалер ордена боевого Красного Знамени РСФСР и представитель Сиббюро ЦК. Получалось, что Косухин должен был питать классовую ненависть к себе самому, что окончательно портило настроение.

С соседями — такими же сверхбуржуями, обитавшими в каютах «люкс», Косухин из принципа (а равно как из разумной осторожности) не общался. Пассажиры попроще — первого и второго класса, вежливо раскланивались, но не более. Немного придя в себя, Степа рассудил, что недобитый белый гад Арцеулов поступил абсолютно верно — плыть классом «люкс» куда более безопасно, чем в пролетарском третьем. В буржуазном обществе, как твердо усвоил Степа, закон всегда на стороне богатых, а значит, подозрений у вездесущей полиции будет меньше. Собственно, никакой опасности он покуда не чувствовал и после нескольких дней плавания отбросил настороженность, научился вежливо отвечать на приветствия пассажиров и начал скучать.

Дело было труднопоправимым. На пароходе играли в бильярд, в карты и даже — как понял Степа, полулегально — в рулетку. Рулетку он отбросил сразу. В карты, благодаря фронтовому опыту, он был не прочь перекинуться разок-другой, но джентльмены и леди играли в такие сложные и непонятные игры, что привыкший к «очку» и «железке» Степа решил не рисковать. Оставалось набивать руку на бильярде, чем Косухин и занимался в нескончаемо долгие вечера после ужина. Правда, на корабле имелась библиотека, но книжки там были на каких угодно языках, кроме русского. Единственно, что обнаружил там Косухин, — это свежий, вышедший в прошлом году в Лондоне, альбом Николая Ингвара. Некоторые из картин были уже знакомы, и

Степа часами просиживал на палубе, разглядывая странные, ни на что не похожие, работы художника. Одна из скучающих дам попыталась вовлечь Косухина в искусствоведческую беседу, но говорила она по-французски, вдобавок излишне громко. Степа ограничился тем, что сходил в каюту и достал из чемодана несколько рисунков, подаренных Николаем Константиновичем. Увидев их, дама обомлела, произнесла: «О-о!» — и поспешила отстать, почтительно поглядев на таинственного русского миллионера — ценителя современной живописи.

Итак, «Маргарита» подходила к Марселю. Степа стоял на верхней палубе и глядел на надвигающийся берег. Пароход отклонился вправо, а затем резко повернул влево, на запад, обходя огромный искусственный мол. Пора было собирать вещи и подумать о дальнейшем.

Впрочем, все, что можно, Степа уже успел предусмотреть. Для этого не потребовалось ни малейших усилий. За несколько дней до того, как на горизонте показался Марсель, русскоговорящий помощник капитана специально зашел к «мистеру Косухину», дабы узнать, чем пароходная компания может услужить своему уважаемому пассажиру. Вначале Степа решил проявить бдительность и отказаться от всяких услуг, но затем представил себя на марсельской пристани, в чужом городе, вдобавок без малейшего знания французского языка и решился. Узнав, что «мистеру Косухину» необходимо в Париж, причем как можно быстрее, помощник капитана сообщил, что закажет по радио билет, который доставят прямо на пристань, где «мистера Косухина» будет ждать такси, дабы отвезти его аккуратно на вокзал. Осмелевший Степа попросил помочь составить телеграмму Валюженичу. Помощник капитана помог и в этом, так что теперь особых забот у Степы не оставалось, по крайней мере до Парижа.

Марселя он так и не увидел. У трапа Косухина встретил юркий молодой буржуй в клетчатом костюме, оказавшийся агентом железнодорожной компании, вручил ему билет и усадил в такси. Надо было спешить: поезд отходил через полчаса.

Степа пришел в себя только в купе. За окном уже мелькали белые аккуратные домики марсельских предместий, с вершин окрестных холмов потянуло вечерним холодком,

колеса равнодушно отстукивали километр за километром, а Косухин все не мог поверить, что земля, по которой несет его чистый, новенький, не в пример российским, поезд, — та самая Франция, о которой он столько слышал и побывать в которой мог надеяться только в составе Красной армии, несущей освобождение пролетариям всех стран. Все это было для Степы слишком — Синьцзян, Тибет, Индия, бескрайний зеленый океан — и теперь Франция. Косухин подумал, что едва ли товарищ Смирнов, руководитель Сиббюро, посылавший Степу в иркутскую тайгу, одобрит его маршрут. Косухин еще раз перебрал пункты своего плана: встретиться с Тэдом, заехать на улицу Гош-Матье к Карлу Бергу и, если удастся, встретиться с Наташей. Впрочем, о Наташе Степа старался вспоминать как можно реже. Он знал, что где-то по Парижу бродит поганец и трус Гастон Сен-Луи — законный Наташин жених, да и ему самому надо спешить домой, в Россию, где Степу давно уже, вероятно, сочли пропавшим без вести, если не чего хуже. Но, конечно, не это было главным. Главное — это повидаться с братом, если, конечно, таинственный «Пространственный луч» не подвел и полковник Лебедев, командир эфирного корабля «Владимир Мономах-2», сумел вернуться с неведомой Тускулы на родную землю. Большого Степе и не надо — увидеть Николая, узнать, что все у него в порядке, и вернуться в Россию.

Он проснулся ночью — мгновенно, словно от толчка. Было жарко. Степа поспешил вытереть вспотевший лоб и испуганно оглянулся. В купе было пусто. Попутчики сошли еще вечером, в Гренобле, колеса поезда продолжали деловито стучать, но страх не проходил. Косухин включил ночник — маленькую лампочку у изголовья, сел на койку и закурил. Внезапно сквозь теплынь майской ночи повеяло холодом, словно ледяной ветер коснулся разгоряченной кожи. Степа вскочил, еще раз оглядел пустое купе — и обозвал себя паникером. Конечно, никого в купе нет, а есть лишь разыгравшиеся, словно у какого-нибудь интеллигента, нервы. Косухин покачал головой и без всякого удовольствия взглянул на свою небритую физиономию, отразившуюся в роскошном, в полный рост, зеркале.

— Хорош, чердынь-калуга! — пробормотал Степа, покачал головой — и замер.

Все было по-прежнему. Он стоял посреди купе, под ногами стучали колеса, тускло горел ночник, а из зеркала на него глядело отражение. Долю секунды Степан пытался понять, что произошло, затем наконец сообразил и похолодел: изображение в зеркале было другое. Вместо его ничем не примечательной физиономии откуда-то из глубины проступало иное — тоже знакомое, виденное не раз — лицо необыкновенно красивой женщины, чье имя ему впервые назвал командир легендарного 305-го товарищ Венцлав. Только теперь Ксения Арцеулова была одета не в полушубок, как тогда, у гаснущего таежного костра, а в новенькую черную офицерскую форму и на ее мундире сверкал серебром Георгиевский крест.

Степа сглотнул и осторожно шагнул вперед, очутившись у самого зеркала. Лицо Ксении не изменилось, серые глаза смотрели прямо, и от этого взгляда Косухину стало не по себе.

— Здравствуйте... — прошептал он, но лицо женщины осталось недвижимым, даже глаза, как успел заметить Косухин, ни разу не дрогнули. Степа на миг зажмурился — а когда вновь взглянул, лицо женщины уже исчезло, словно все виденное попросту померещилось.

— Фу-ты... — успел лишь выдохнуть Косухин, но тут же вновь замер. Зеркало было пустым. Он сам — Степан Косухин — в нем не отражался.

Степа бросился вперед, чуть не ткнувшись в стекло лбом, но гладкая поверхность отражала лишь пустое купе с горящим ночником. И тут, откуда-то из глубины, стало медленно проступать чье-то лицо. Степа закусил губу и заставил себя не двигаться. Лицо было мужским — и тоже знакомым. На Косухина смотрел профессор Семирадский — почти такой же, каким Степа помнил его при жизни, только глаза Глеба Иннокентьевича, обычно веселые и беспокойные, были теперь странно недвижны и тусклы. И тут Косухин начал что-то понимать.

— Что... что случилось? — прошептал он, словно те, за зеркалом, могли его услышать. Лицо Семирадского дрогнуло и начало на глазах меняться. Волосы и борода потемнели, густые брови сдвинулись к переносице, и Косухину показалось, что он вновь стоит на лютом январском морозе посреди старого кладбища. Сквозь зеркало на него смотрел генерал Ирман — такой же, каким видел его Степа в по-

следний раз, и даже на бородатом лице, казалось, лежали все те же нетающие снежинки.

— Что... случилось? — еле слышно повторил Косухин, но Ирман не ответил.

Мертвое бородатое лицо начало медленно исчезать, растворяясь в полумраке...

Еще мгновение зеркало оставалось пугающе пустым, а затем не успел Степа и моргнуть, как там появилось то, чему и надлежало быть, — его собственное растерянное и бледное лицо со взъерошенными волосами и закушенной нижней губой. Степа отшатнулся и без сил опустился на край койки.

— Ну все, пора к фельдшеру! — проговорил он вслух, надеясь, что звук собственного голоса немного подбодрит. Отчасти это помогло. Косухин вновь раскурил потухшую папиросу и заставил себя докурить ее до конца, поглядывая в темное окно.

Уже не впервые Степан замечал, что с ним определенно не все в порядке. Привыкший к ясности разум отказывался воспринимать такое. Проще всего было приписать все непонятное, творившееся в последние месяцы, чему-то вполне материальному — последствию ранений или какой-нибудь перенесенной на ногах контузии, подобно той, что свалила Арцеулова. В конце концов, не исключались и презираемые Степой нервы, ибо, как к ним ни относиться, но имелись они не только у барышень, но и у красных командиров. Сейчас, в пустом купе, ему попросту могло померещиться. Можно было забыть и по возвращении отправиться в медицинскую часть.

Пусть так — зато все остальное было на самом деле, и тут уже никакой врач не мог помочь. Мертвый Ирман, ночь в заброшенной церкви, старик в пещере, командир Джор — все это было. Был и Шекар-Гомп — тело еще помнило удары тока, а перед глазами то и дело вспыхивал странный, жуткий и одновременно зовущий свет гигантского рубина. Значит, надо исходить из реальности, как ни противилось этому все Степино естество.

«А если так? — вновь и вновь соображал Косухин. — Если я действительно видел... Ксения, Семирадский, Ирман... Зачем?»

Ответ был один. Они — по своей либо по чьей-то иной воле — приходили о чем-то сообщить. Сообщить — или

предупредить... И очень жаль, что на большее Степа фантазия была неспособна...

Степа лег, выключил ночник и, усилием воли заставив себя ни о чем не думать, заснул мертвым сном без сновидений.

Утро было ярким, за окном уже мелькали протянувшиеся на многие километры парижские пригороды, и Косухин поспешил привести себя в порядок. У него будет время подумать обо всем. Сейчас — Париж!

Толпа запрудила перрон, но Валюженича он узнал сразу. Тэд, наряженный в совершенно буржуйского вида клетчатый костюм с розаном в петлице, стоял рядом с каким-то пухлым коротышкой и, вытянув худую шею, всматривался через поблескивающие стекляшки очков в окна тормозящего состава. Степа радостно рассмеялся и помахал ему сквозь открытое окно. Валюженич заметил, подпрыгнул от неожиданности и устремился к дверям, возле которых уже толпились встречавшие.

— Оу! Стив! Ай эм... то есть... Глэд... Бардзо... — американец беспомощно пытался составить приветственную фразу сразу на трех языках, хлопая Степу по спине и кривя в радостной усмешке физиономию. Наконец он выдохнул воздух и произнес:

— Товарищ Косухин! Позвольте... э-э-э... витать тебя в Париже — метрополи оф будущей мировой революция!

— Вот это хорошо! — солидно одобрил Степа. — Ну, привет, акэолоджи! Как ты тут, среди буржуев, не закис?

Между тем оказавшийся тут же пухлый толстячок уже тянул на себя Степин чемодан. Тэд помог отнять чемодан у сопротивлявшегося Косухина и кивнул:

— Стив, это есть май френд Шарль Карно — потомственный пролетарий.

Степа с изумлением взглянул на «потомственного пролетария», но коротышка Шарль улыбался столь весело, что Косухин решил покуда не углубляться в классовые проблемы, крепко пожал маленькую ладошку «пролетария», после чего все трое стали продираться через толпу к подземному переходу.

— Шарль не понимает по-русски, — сообщил между тем Тэд. — Зовсим не понимает, бат добже знает латыну, грецьку та чайниш.

Степа с уважением поглядел на знавшего загадочный «чайниш» Шарля, тогда как тот, сообразив в чем дело, закивал и наконец уверенно произнес:

— Это... это не есть важно.

Степа взглянул на «пролетария» Шарля с удивлением, но уточнять не стал. Между тем, пройдя бесконечными лабиринтами, они вынырнули на гигантскую привокзальную площадь, где народу оказалось не меньше, чем на перроне, вдобавок тут же стояли, ожидая пассажиров, долгие ряды разнообразных авто. Шарль огляделся, затем уверенно кивнул в сторону чуть ли не самого роскошного из всех — большого белого автомобиля, возле которого суетился шофер, крепкий малый в кожаном пиджаке и таком же картузе.

«Хорош пролетарий!» — усмехнулся Степа, покуда его чемодан размещали в багажнике, а его самого, словно последнего буржуа, усаживали на скрипевшее свежей кожей заднее сиденье. Убедившись, что все расселись, Карно произнес: «Огюстен!» — и шофер, даже не спрашивая адреса, осторожно тронул машину с места.

— То, Стив, як я нау спик рашен, то есть по-русски? — не без гордости поинтересовался Валюженич.

— Ничего, чердынь-калуга, — осторожно ответил Степа, стараясь не охладить лингвистический пыл приятеля. — Ну, еще чуток подучишь.

— Это не есть важно, Степан, — вновь повторил Карно и пристально взглянул в глаза Косухину.

— Бат вай, чердынь-калуга? — от удивления Степа перешел на иноземную речь, щедро расходуя немногие известные ему английские слова (французских он покуда подсобрать не успел).

— Стив, ты помнишь мистера Цонхава? — ответил вместо Карно Тэд. — Мы разговлялы...

— Не помню, — вздохнул Косухин. — Я же тогда в Шеккар-Гомпе был! Мне Славка рассказывал. Так то мистер Цонхава, Тэд!

— Сома дэви! — внезапно произнес Карно, а затем заговорил по-французски, медленно, словно приглашая Степу вслушаться. Косухин вздрогнул. В памяти всплыли слова старика в пещере — тогда они с Ростиславом действительно смогли... Он заставил себя сосредоточиться, вслушиваясь в совершенно непонятную ему французскую речь, и вот, словно откуда-то издалека, к нему стали приходить слова, медленно проступал смысл слышанного.

— Слушай, слушай внимательно, Степан, — говорил Карно. — Я тоже был приобщен к этому ритуалу. Сом дэви — напиток бога, и это не самое великое из того, что мы теперь с тобой можем.

— К-кажется... я это... понимаю, — проговорил удивленный Степа. Шарль улыбнулся, кивнул и тут же отбросил всякую важность.

— Ну в таком случае, как говорит наш друг Тадеуш — о'кей! Мы сможем с тобой общаться без всяких переводчиков, Степан. Нужно лишь каждый раз немного сосредоточиться.

— А, это... ну... на каком языке говоришь — все равно?

— Насколько я знаю — да. Впрочем, сома дэви способна на большее.

— Ой, ребята, давайте о другом, — вмешался Тэд. Теперь он говорил по-французски, но понимать Степе было куда проще, чем расшифровывать его обычный русско-польско-английский суржик. — Шарль, Стив никогда не был в Париже!

— Да, конечно, — усмехнулся Карно и, обернувшись к шоферу, бросил: — Огюстен, в центр...

Около часу, а то и больше, Косухина возили по Парижу, представляя немного растерявшемуся от обилия впечатлений красному командиру все чудеса столицы мира. Степа лишь неуверенно повторял вслед за Шарлем: Л'Арк Триомф, Сакрэ-Кёр, Ситэ, Нотр-Дам... Тур д'Эфель добила его окончательно, и Степа впервые осознал хорошо известные ему слова Карла Маркса о том, что капитализм двинул вперед человечество невиданными ранее темпами, — и тут же желчно позавидовал. В пролетарской столице ничего похожего покуда не было — и не намечалось. Наконец они пообедали втроем в уютном кафе, которое, как пояснил Шарль, находится в районе Монпарнас и где вечерами бывают какие-то неведомые Степе знаменитые художники.

Слово «Монпарнас» крепко засело у Косухина в голове, и только к концу обеда, когда половой, которого здесь положено было именовать «гарсон» или «гар», подавал буржуйский напиток «кофе глясе», он вспомнил. Где-то здесь, на Монпарнасе, живет генерал-лейтенант Аскольд Богораз, отец вечно кашлявшего притворщика Семена.

— Сейчас приглашаю заехать ко мне, — заявил Шарль, покуда они курили черные, незнакомые Степе папиросы «Голуаз». — Передохнем, а там надо разработать для Сте-

пана программу. Лувр, Мэзон д'Инвалид... Да, Версаль, конечно.

— Погодь, Шарль, — остановил его Косухин. — Ты это... У меня здесь дело...

— Да (то есть, конечно, «йе!»), — подтвердил Валюженич, но при этом посмотрел на Степу как-то странно.

— Ну, дело делом, а Версаль посмотреть надо! — безапелляционно заявил Шарль. — Там, Степан, французские короли жили.

— Ах, короли! — Классовое чутье наконец-то проснулось, и Косухин с подозрением воззрился на пухлого самоуверенного Карно. — Слышь, Шарль, а чего это тебя Стив пролетарием назвал? Да еще потомственным?

Карно и Валюженич удивленно переглянулись.

— Оу! — сообразил Тэд. — Стив, я перепутал! Этот жаргон... Я хотел сказать, что Шарль — из семьи потомственных революционеров.

Это было ничуть не лучше, скорее наоборот.

— Его прапрадед был командующим армией Французской революции. Лазарь Карно работал вместе с Робеспьером.

О Робеспьере Степа, конечно, слышал и воззрился на Шарля с явным уважением.

— Да, он был кем-то вроде Троцкого, — кивнул Карно. — Кое-кто до сих пор не может простить нашей семье, что Лазарь Карно голосовал за казнь короля. Моего деда убили за это...

— Ты что! — Степа сочувственно покачал головой. — Во гады! А дед твой, он кто — тоже революционер был?

— Сади Карно был Президентом Французской республики, — пояснил Валюженич, после чего у Степы отпала всякая охота расспрашивать дальше. Шарль, показавшийся ему вначале похожим на обычного бакалейщика, вызывал теперь совсем иные чувства.

— Ладно, — прервал молчание Карно. — Поехали все же ко мне. Мой отец слышан о тебе, Степан, и будет рад познакомиться. Не волнуйся — он не президент Франции. Он всего лишь сенатор.

С точки зрения Степы это было ничуть не легче, но он вежливо промолчал.

— Мы найдем к тебе завтра, Шарль, — заявил Валюженич, вставая. — Сейчас у нас со Стивом есть важное дело. Ты не обижайся.

— Ну конечно! Сейчас вы будете разглядывать находки из Шекар-Гомпа, которые не показывали мне! — непонятно всерьез или в шутку обиделся Карно. — Я всегда знал, что американцы бесцеремонны, а русские — те же американцы, только голодные и небритые...

Тэд проигнорировал эту шовинистическую реплику, после чего Шарль распрощался и укатил вместе с молчаливым Огюстеном, категорическим тоном заявив, что ждет их завтра к пяти.

— Он хороший парень, — заметил Валюженич, когда роскошная машина скрылась в одном из узких монпарнаских переулков. — Немного воображает...

— Наверно, хороший, — не стал спорить Косухин, а затем не без злорадства добавил: — Вот его бы в Шекар-Гомп!..

— Он прекрасно дерется. Между прочим, он уже собирался ехать мне на выручку, но я вовремя дал телеграмму из Морадабада... Кстати, экспедицию он организовал на свои средства.

— Ясное дело — буржуй! — с пониманием кивнул Степа. — Ладно, Тэд, рассказывай...

Валюженич вновь взглянул на Степу как-то странно и нерешительно проговорил:

— Понимаешь, Стив, тут что-то случилось...

— Как? — обомлел Степа. — Чего ж ты молчал! С кем случилось? С Наташей?

— Ну... В общем, я по порядку.

Валюженич начал рассказ, но Степа то и дело был вынужден останавливать приятеля. Понимать Тэда стало почему-то сложно. Смысл слов еле доходил до Степы, приходилось просить, чтобы Валюженич повторил то одно, то другое. Похоже, без Шарля Карно таинственная сила, позволявшая разбирать чужую речь, сразу ослабла.

— Я ведь не пил сома дэви, — пояснил Валюженич. — Тут нужен тот, кто овладел этой силой — как мистер Цонхава или Шарль — он недаром занимается Тибетом...

Наконец Степа как-то приспособился, и смысл сказанного стал вновь понятен. Тэд прямо с вокзала доставил Наташу на улицу Гош-Матье и сдал с рук в руки господину Карлу Бергу. Они договорились увидеться с девушкой на следующий день. Он позвонил — но Наташа к телефону не подошла. Тэду сообщили, что девушка внезапно заболела. Валюженич попытался узнать подробности, но трубку по-

весили. Он так и не смог дозвониться и поехал на улицу Гош-Матье, чтобы поговорить с Бергом. В дом его не пустили, сообщив, что Наташа действительно тяжело больна. Приступ какой-то странной болезни свалил ее в первую же ночь после приезда в Париж.

— Я не писал вам, — вздохнул Валюженич. — Вы были с Ростиславом далеко. Помочь — ничем бы не помогли...

— Ну, так что с ней? — торопил приятеля Косухин. — Наташа... выздоровела?..

— Выздоровела... — как-то неуверенно ответил Тэд и внезапно чуть не крикнул: — Стив, она ничего не помнит! Понимаешь — ничего! Амнезия!

— Что? — Косухин подумал было, что он вообще перестал понимать Тэда. Тот напрягся и медленно заговорил по-русски:

— Амнезия — то колы человек все забывать. Травма мозкова, то... понимаешь?

— Да говори по-английски! — прервал Косухин. — Только медленно, я пойму.

— У нее было что-то вроде воспаления мозга. Врачи говорят, что это результат нервного потрясения. Когда Наташа пришла в себя, то забыла все, что было с ней за последний год, после того как она уехала из Парижа. Сейчас она здорова — но меня не помнит. Я говорил с ней...

Тэд замолчал. Косухин пытался осмыслить услышанное. Значит, амнезия... Он где-то слышал уже о подобном, но какая-то странность была в том, что рассказывал Валюженич. В самом Шекар-Гомпе и позже, в Индии, Наташа была спокойна и даже временами весела — куда веселее самого Степы. Если бы с ней и вправду было что-то не в порядке, это заметили бы сразу в Индии или на пароходе, куда они с Тэдом плыли во Францию.

— Меня просили не видеться с нею, — закончил Валюженич. — Я видел ее потом пару раз издали — вместе с этим Сен-Луи...

Тон, которым было произнесено имя Наташиного жениха, был настолько недвусмысленным, что Степа взглянул на Тэда — и понял если не все, то многое. В душе шевельнулось какое-то неведомое ему доселе малоприятное чувство, но Косухин заставил себя думать о другом:

— Тэд, а... ну... врачи... Может, эту, чердынь-калуга, амнезию можно вылечить?

Валюженич не ответил и лишь выразительно пожал плечами.

— Вот так, Стив, — проговорил он наконец. — Прежде чем ты поедешь к господину Бергу, ты должен это узнать. Меня просили передать всем, кто был с Наташей эти месяцы, чтоб они ничего не говорили ей о случившемся. Врачи считают, что это опасно...

Косухин не ответил. Значит, Наташа все забыла! И Иркутск, и кошку Шер, и штурм дома на Трегубовской, и серых тварей, обступивших старую церковь. Забыла взлетевшую в небо стрелу «Мономаха», забыла Шекар-Гомп, Индию... Это казалось невероятным и страшным.

— Наверное, ее психика не выдержала, — тихо заметил Тэд. — Знаешь, Стив, я подумал — может, это и к лучшему... Для нее, — добавил он как-то неуверенно.

— Психика, чердынь-калуга! Искалечили человека!.. — буркнул Степа и вновь умолк, не желая покуда углубляться в обсуждение этой новой, неожиданной беды. — Ладно, я понял. Ну, не то чтобы понял... Тэд, а этот Карл Берг — как он тебе?

— Оу, мистер Берг — серьезный человек! Он показался мне каким-то мрачным. Ну, это неудивительно, ведь Наташа — его племянница...

— Серьезный, — автоматически повторил Степа. — Стив, а о Николае... О моем брате. Ты... Ты не спрашивал?

— Я хотел, но затем вспомнил все эти ваши игры в секретность. В конце концов, это не моя тайна.

— Да, — кивнул Степа, вставая. — Ты прав. Сам спрощу.

Косухин хотел было ехать на улицу Гош-Матье сразу, но Тэд уговорил его подождать. Берг, по его словам, днем обычно уезжал куда-то по своим научным делам, и застать его можно лишь по вечерам. В конце концов Степа согласился, Тэд поймал такси, и они отправились куда-то на левый берег Сены, где в небольшой квартирке на шестом этаже огромного нового дома обитал Валюженич.

Квартира Тэда была забита книгами, разбросанными там и сям исписанными листами бумаги и, разумеется, всяческими «артефактами», от уже знакомых Степе тибетских рукописей на пергаменте до обратившегося в ржавчину старинного оружия и даже чучела крокодила, выкрашеного отчего-то в желтый цвет. Чучело оказалось с берегов Го-

лубого Нила и использовалось, как пояснил археолог, в ритуальных целях. Особенно много было в квартире всяких идолов, в основном мелких, но, как правило, весьма жутковатого вида.

В угол были свалены несколько кирок разного типа и размера, две лопаты и дюжина ножей. Все это показывалось Степе с соответствующими комментариями. Косухин качал головой и напряженно думал, является ли эта самая наука «акэолоджи» полезной для мирового пролетариата, или бедняга Тэд по классовой несознательности посвятил жизнь очередной буржуйской глупости.

Все это, вместе с питием какого-то особого, по словам Валюженича, кофе, присланного ему прямиком из южной Абиссинии, заняло время до вечера. Уже начало смеркаться, когда Степан и Валюженич покинули обиталище студента Сорбонны. Косухин, несмотря на уговоры Тэда, решил ехать к Бергу сам. Он резонно рассудил, что в присутствии американца говорить о делах секретных, связанных с проектом «Мономах», таинственный Наташин дядя попросту не станет.

В конце концов Валюженич сунул Степе несколько десятифранковых бумажек и, вырвав из блокнота листок, аккуратно написал по-французски два адреса — Карла Берга и собственный, дабы Степа мог показать их таксистам. Ясное дело, пользоваться необычным даром в присутствии посторонних не стоило, и Косухин решил общаться в городе, как и полагалось иностранцу, жестами и мимикой. Валюженич вновь поймал такси, Косухин смело бросил «бон суар» в ответ на приветствие шофера и сунул тому бумажку с адресом Берга.

Улица Гош-Матье оказалась явно не из тех, на которых жили парижские пролетарии. Она почти полностью была застроена двух- и трехэтажными особняками с решетчатыми металлическими оградами, из-за которых выглядывали зеленые кроны высоких деревьев. Дом, в котором обитал Карл Берг, был им всем под стать — двухэтажный, с нешироким фасадом, узкими, под старину, окнами и высоким крыльцом. К удивлению Косухина, в окнах не было света, хотя в соседних домах горело электричество.

Отпустив авто, Степа секунду постоял в нерешительности у крыльца. Он вдруг подумал, что полностью безору-

жен и суется к неведомому ему Бергу без всякой разведки (не считать же разведкой визит сюда мало что разузнавшего Тэда!). Он еще раз внимательно оглядел улицу: она была малолюдна, редкие прохожие не обращали на Степу никакого внимания. Он мотнул головой, отгоняя странную нерешительность, взбежал по ступенькам и уже поднял руку к электрическому звонку, как вдруг странная волна холода охватила его. Руки онемели, кровь застучала в висках, и тихий, еле уловимый голос позвал его:

— Косухин... Косухин... Ты пришел, Косухин...

Степа отдернул руку, быстро оглянулся, но на улице ничего не изменилось. Дом был тих и спокоен. Степан потер ладонью лицо, вновь оглянулся и решительно нажал кнопку звонка.

— Барышня, чердынь-калуга! — пробормотал он, справляясь с недостойной красного командира слабостью. — Нервы, вишь, разгулялись!

Дверь долго не открывали. Степа хотел позвонить вновь, но внезапно створка распахнулась и на пороге возник человек в черном смокинге. Пустые холодные глаза уставились на Степу без всякого выражения, безразличный голос произнес: «Мсье?»

— Я... Мне к господину Бергу, — рубанул Косухин, решив, что здесь должны понимать по-русски.

Человек в смокинге не двигался. Степа машинально окинул взглядом крепкую фигуру, заметив, что одежда незнакомца на левом боку подозрительно оттопыривается.

— Передайте — я Степан Иванович Косухин, — вновь заговорил он, с сожалением подумав, что, кроме расчески, иного средства защиты с собой не захватил.

Дверь закрылась. Потянулись минуты ожидания. У Степы мелькнула недостойная мысль попросту улизнуть, пока есть еще время. Конечно, он не дал этой мысли разгуляться и дождался, пока дверь вновь отворилась. Тип в смокинге окинул гостя все тем же равнодушным взглядом пустых глаз и произнес:

— Заходите, сударь.

На этот раз неизвестный говорил по-русски.

Степа вошел, оказавшись в полутемной прихожей, завешенной почти неразличимыми в полумраке картинами. Он шагнул вперед и заметил, что из темноты появился еще один силуэт. Второй тип был похож как две капли воды на первого: тот же смокинг, тот же равнодушный взгляд, тот

же револьвер на боку, разве что ростом повыше и в плечах пошире.

— Прошу за мной, сударь, — проговорил первый тип и направился куда-то в глубь дома. Степа с самым невозмутимым видом последовал за ним. Второй неизвестный в смокинге пристроился сзади.

В коридоре было темно, но откуда-то сбоку лился неяркий свет. Идти приходилось с осторожностью, чтобы не наткнуться на какие-то странные комоды и шкафы, загромождавшие проход. Лакей в черном стал подниматься по лестнице, ведущей на второй этаж. Второй тип в смокинге не отставал. Косухин чувствовал себя не особо уверенно, успокаивая себя тем, что в каждом доме свои порядки. Может, этот Берг боится налетчиков.

Поднявшись по лестнице, Степа вновь очутился в коридоре, таком же полутемном, и наконец оказался перед высокой дверью. Первый лакей неслышно приоткрыл ее и кивнул:

— Проходите, сударь. Вас ждут...

В комнате было темно, хотя и не так, как в коридоре: в окно лился неяркий вечерний свет. У окна стоял огромный стол, слева и справа застыли, поблескивая стеклами, высокие, до потолка, шкафы, скрывавшие ряды книг с богатыми сверкавшими золотом корешками, на полу лежала медвежья шкура.

Стол был заставлен странного вида приборами, о назначении которых Степа не мог и догадываться. Тут же лежал большой старинный фолиант, раскрытый приблизительно посередине.

Берг стоял у окна, казалось, не обращая на Степу никакого внимания. Косухин не смутился и воспользовался выпавшей минутой, чтобы получше разглядеть Наташиного родственника. Прежде всего поразил его рост — Карл Берг оказался высок, на голову выше Степы. Но огромный рост почти не ощущался: плечи Берга были широки, тело налито силой. Он был скорее не высок, а огромен, одним своим присутствием подавляя тех, кто находился рядом. На Берге была такой же черный смокинг, как и на других обитателях дома, правда спрятанного оружия Косухин не заметил.

Наконец господин Берг соизволил оглянуться. Лицо его, контрастируя с импозантной фигурой, показалось странно невыразительным и очень бледным, словно Наташин дядя страдал малокровием или пользовался пудрой. Черные —

от природы или казавшиеся такими в полумраке — глаза глядели спокойно и без малейшего удивления.

— Господин Косухин! Прошу садиться. Чем могу служить?

Голос у Берга оказался под стать фигуре — громкий, бабовитый, и даже негромкий тон не мог скрыть его мощи...

— Я... — начал было Степа, присаживаясь на высокий, с резной спинкой стул.

— Вы, насколько я знаю, знакомый Натальи Федоровны, — прервал его Берг таким же внешне равнодушным тоном, — как сообщил мне господин Валуженич, вы были вместе с нею в Индии... Я благодарен вам, сударь, за внимание, но должен сообщить, что Наталья Федоровна нездорова. Поэтому ваш визит представляется излишним. Вас она не помнит, а лишние напоминания о пережитых ею страданиях будут, по мнению врачей, ей не на пользу...

Косухин сидел, сжавшись в комок. Берг подавлял, его огромная фигура нависала над Степой, и Косухин чувствовал себя крайне неудобно, словно и в самом деле в чем-то провинился.

— Поэтому, сударь, еще раз благодарю за внимание к нашей семье и на этом прошу завершить вас визит.

— Ну, это я понял, — Степан наконец-то собрался с силами и встал. — Только у меня к вам еще одно дело...

Берг никак не реагировал, всем своим видом показывая, что пребывание Степы в его кабинете и так затянулось.

— Какое же дело, сударь? — Теперь голос звучал громче, и в нем чувствовалось раздражение.

— Рцы, мыслете, покой, — рубанул Косухин, вспомнив странный пароль, который когда-то услышал на ледяном холоде посреди утонувшего во тьме кладбища. — Я по поводу «Мономаха»...

Берг секунду-другую молчал, затем медленно опустился в огромное кресло. Черные глаза смотрели на Степу не мигая, но в этом взгляде по-прежнему не чувствовалось ничего, даже легкого любопытства.

— Какое отношение, сударь, все это имеет ко мне?

— Я брат полковника Лебедева.

Черные глаза на миг вспыхнули, но в них и теперь не было любопытства — в них горел гнев.

— Значит, вы — Косухин, комиссар Челкеля? Забавно...

«Интересно, а за кого он меня раньше принимал? —

удивился Степа. — Ведь я же, чердынь-калуга, сразу пред- ставился?»

— В таком случае попрошу вас немедленно покинуть этот дом. Я не приемлю теории и практики господ больше- виков. Вы и вам подобные — хуже чумы. Уходите!

— Я уйду! — Степан старался говорить как можно спо- койнее, но теперь уже проняло и его. — Но сначала вы со- общите мне, господин Берг, что случилось с моим братом.

— У меня нет сведений о полковнике Лебедеве, — тихо и как-то устало проговорил Берг. — Ни он, ни господин Бо- гораз не выходили на связь. Тускула молчит. Это все, что я могу вам сообщить...

Степе показалось, что в комнате внезапно стало совсем темно. Николай не вернулся! Случилось что-то страшное. Что именно, не хотелось и думать.

— Хотя и не разделяю ваших политических симпатий, все же считаю своим долгом выразить свое сочувствие. На- деюсь все же, что господин Лебедев еще выйдет на связь и вы сможете встретиться с братом...

Тон сочувствия был ледяным, и Степе стало еще тяже- лее. Берг стоял у стола, огромные руки легли на раскрытую страницу древней книги, и тут Косухин вздрогнул: на ука- зательном пальце Берга тускло сверкнул большой тяжелый перстень, которого он вначале не заметил. Похоже, хозя- ин дома уловил его взгляд — рука с перстнем исчезла за спиной.

Впрочем, эту мелочь Косухин заметил лишь мимохо- дом. Он все еще не мог осознать случившегося — брат не вернулся.

— Я... хочу... Я вам не верю! — наконец не выдержал Степа. — У вас должна быть система связи! Этот... «Про- странственный луч»! Вы должны знать, что случилось с «Мономахом»!

— Я не обязан отвечать на подобные вопросы, но, если настаиваете, объясню. Связь с «Мономахом» велась с зем- ли — с полигона Челкель. Из того, что мне успела расска- зать Наталья Федоровна, я понял, что рубка управления взорвана и связь, естественно, прервалась. Установка, о ко- торой вы упомянули, должна заработать в случае благопо- лучного прибытия «Мономаха» на Тускулу. Одно из двух: или господин Богоразу не удалось наладить ее, или случи- лось нечто худшее. Нам с вами, господин Косухин, остается лишь ждать.

— Ладно, — Степа мотнул головой. — Я буду ждать. А сейчас я хочу видеть Наташу... Наталью Федоровну. Я должен увидеть, что с ней все в порядке.

— Я уже говорил вам, сударь...

— А я уже слышал! Я ничего не буду это... напоминать. Познакомьте нас, будто я ваш гость, и все. Я хочу увидеть, что она здесь и жива.

Берг на мгновение задумался, затем нажал кнопку вмонтированного в крышку стола электрического звонка. Дверь кабинета бесшумно растворилась, и на пороге возник тип в смокинге.

— Где сейчас Наталья Федоровна?

— Они с господином Сен-Луи собираются в театр.

— Пригласите...

Косухин повернулся к двери и замер. Минута, другая — и вот в коридоре послышались быстрые шаги. Во рту у Степы пересохло. Секунда — и Наташа уже была в кабинете. На ней оказалось роскошное вечернее платье, на шее сверкало большими камнями колье. Девушка ничуть не походила на ту, с которой Степа пробирался черными подземельями Шекар-Гомпа. Встреть он раньше такую — то и не оглянулся бы. Обычная дворяночка, каких Степа, в силу своего классового чутья, не выносил.

— Что случилось, дядя? Добрый вечер, сударь. Извините, не заметила...

Последнее, естественно, относилось к Степе. Сказано это было так, словно в кабинете Карла Берга появился новый предмет мебели.

Между тем в кабинет вслед за Наташей вошел еще один субъект: невысокий брюнет с пухлым брюшком и уже весьма заметной проплешиной. Вид у него был сонный и одновременно высокомерный, особенно после того как его взгляд упал на Косухина. Очевидно, брюнету с пухлым брюшком явно не доставила удовольствия перспектива знакомства с каким-то Степой.

— Прошу знакомиться, господа, — спокойно, но с еле заметной иронией бросил Берг. — Господин Косухин, наш гость из Большевизии. Моя племянница Наталья Федоровна. Гастон де Сен-Луи, ее жених.

— Вы из России? — Наташа поглядела на Степу с искренним любопытством и протянула ладонь, которую тот нерешительно пожал. — Вы, наверное, офицер? Мой дядя телефонировал каким-то офицерам.

Степан сглотнул, не зная, что ответить. Между тем мсье де Сен-Луи с явной неохотой протянул руку, затем подумал мгновение — и Косухин внезапно сообразил, что ему протягивают для рукопожатия два пальца.

— Гастон! — Наташа, похоже, и сама заметила это, но Сен-Луи лишь улыбнулся, окинув Степу с ног до головы взглядом, в значении которого трудно усомниться.

Кровь ударила в голову. Косухин протянул руку — и подал Гастону один палец. Тот дернулся — и убрал руку, затем что-то шепнул Наташе. Та нерешительно кивнула:

— Господин Косухин... Дядя... Извините, мы спешим.

Степа по-прежнему молчал. Сил хватило лишь на то, чтобы кивнуть в ответ. Уже в дверях Наташа оглянулась. Взгляд девушки скользнул по комнате и на миг остановился на Степе. Косухин вздрогнул: если Наташа действительно собиралась в театр, то настроение ее было не из самых подходящих: в ее глазах он прочел страх, такой, какого не видел даже в подземном склепе Шекар-Гомпа, когда в лицо им дышала смерть. Впрочем, он мог и ошибиться, ведь девушка смотрела на него лишь какой-то миг.

Подождав, покада стихнут шаги в коридоре, Берг выглянул в окно, а затем повернулся к гостю:

— Итак, вы убедились. Наталья Федоровна здорова, но совершенно не помнит ни вас, ни того, что было в последние месяцы. Я еще раз прошу не напоминать ей об этом и лучше всего оставить ее в покое. Если будут новости о господине Лебедеве, я вас извещу.

«Интересно, чердынь-калуга, как это он меня известит? — подумал Степа, покада молчаливый лакей в смокинге провожал его к выходу. — Он ведь и адрес-то мой не спросил! Вот гад!»

То, что господин Берг не говорил всей правды, было ясно. Он, конечно, знал, кто такой Степа, с самого начала. Знал о Челкеле и о Шекар-Гомпе, иначе бы не стал беседовать с ним о «Мономахе».

Впрочем, трезво рассуждать Степа покада был не в силах. Пропал Николай, и по сравнению с этим даже поганая рожа талантливого физика Гастона де Сен-Луи казалась обстоятельством абсолютным второстепенным.

И еще одна мысль не давала покоя. Какая-то мелочь, на которую он вначале не обратил внимания. Степа перебрал

еще раз подробности встречи в полутемном кабинете — и тут его осенило. Перстень! Перстень на руке Берга! Большой серебряный перстень, который так похож на тот, что был у Арцеулова! Но ведь Слава дал его брату перед стартом! Правда, Степа видел этот перстень лишь секунду, не больше, но зачем тогда Бергу так поспешно его прятать?

...Стемнело. Улица Гош-Матье была почти пустынна. Степа, плохо знавший местность, с трудом вспомнил, откуда подъехал такси, и побрел в ту сторону, надеясь выйти на более людную магистраль и там поймать авто, чтобы добраться до квартиры Валюженича. Он шел медленно, не обращая внимания на то, что происходило вокруг. Внезапно его внимание привлек смех: на тротуаре, возле большого черного автомобиля, стояло четверо совершенно буржуйского вида молодых людей, о чем-то болтая, точнее перебрасываясь фразами на непонятном Степе французском языке. Похоже, у этой компании было превосходное настроение. Когда Косухин поравнялся с ними, один из четверки ленивым движением достал из кармана большой портсигар, вынул папироску и хлопнул себя по карману, вероятно, в поисках спичек. На лице у буржуя появилось легкое разочарование, но тут его взгляд упал на Степу. Курильщик сделал жест, понятный всем вдыхающим никотиновый дым без всякого перевода. Косухин вздохнул и полез в карман за спичками. Когда он поднес огонек к папиросе, то внезапно заметил взгляд одного из четверки. Тут тоже не требовалось перевода. Степа резко отпрянул назад, но было поздно: курильщик отбросил папиросу и его ладонь метнулась прямо к Степину горлу. Косухин успел взмахнуть рукой, пытаясь задержать удар, но тут кто-то из стоявших рядом выбросил вперед руку с кастетом.

«Как мальчишку взяли!» — мелькнула последняя мысль, и все исчезло.

ГЛАВА 2

Святыни логров

Вначале он услышал гул мотора и почувствовал легкий запах бензина. Болела голова, а кисти, стиснутые наручниками, затекли и ныли. Степа понял, что сидит на заднем си-

день авто, стиснутый с двух боков и лишенный всякой способности к сопротивлению. Ноги, правда, были свободны, но в данном положении они годились лишь на то, чтобы наступить кому-либо из похитителей на мозоль.

— Поручик, он жив?

— К сожалению. Эти большевистские паскуды живучи словно кошки.

— И все-таки — проверьте пульс.

Говорили, естественно, не на французском, а на самом обыкновенном русском языке, и Косухин горько пожалел, что напрочь потерял столь необходимую бойцу мировой революции классовую бдительность. Выходит, покуда он глазел на Л'Арк Триумф да на Тур д'Эфель, белые гады не теряли времени. Степе стало не страшно, а стыдно.

Чья-то рука легко сжала запястье.

— Как у младенца, господин капитан. Не понимаю, зачем мы с ним возимся?

— Вы на фронте тоже обсуждали приказы, поручик?

— По-моему, он уже пришел в себя, — уверенно предположил третий голос. — Взгляните господа — веки дергаются.

«Ах ты, чердынь-калуга!» — еще раз пожалел о своей неосторожности Степа, но, ясное дело, жалеть было уже поздно.

— Вы совершенно правы, — констатировал тот, кого называли капитаном. — Господин чекист, можете не притворяться.

Косухин никак не реагировал, и тут кто-то сильно ударил его по лицу.

— Прекратите, поручик! — Голос внезапно стал злым и резким. — Не смейте бить пленного!

— Но, господин капитан!

— Немедленно извинитесь! — Тон явно не допускал возражений. Тот, кого называли поручиком, недовольно пробормотал:

— Прошу прощения, господин чекист.

Играть в прятки было бессмысленно, и Степа открыл глаза. Он не ошибся. Его везли в том самом черном автомобиле, двое молодых людей в штатском сидели рядом с ним на заднем сиденье, еще двое, включая шофера, на переднем. Шторки на окнах салона оказались опущены, но сквозь переднее стекло можно было увидеть освещенную фарами дорогу, вдоль которой мелькали выхваченные неровным

светом силуэты деревьев. И так, его вывезли из Парижа. Кто и зачем — особых сомнений по этому поводу не оставалось.

— Очухались, Ваше комиссарское превосходительство? — спросил поручик, сидевший, как выяснилось, слева. Он был молод, даже моложе Степы, но его юное лицо пересекал глубокий рваный рубец.

Косухин решил не реагировать.

— Ничего, у генерала разговорится, — заметил тот, что был за рулем. — Господин капитан, разрешите мне его лично ликвидировать. Должок имеется...

— Это не ко мне, Сергей, — капитан, сидевший справа, был, похоже, не склонен одобрить эту идею. — Никогда не занимался... ликвидацией.

— Тогда выдадим этому типу револьвер и устроим тегаскую дуэль, — предложил тот, кто сидел рядом с шофером. — Извините, Виктор, но это ваше чистоплюйство...

Разговор был не из веселых, но Степа заставил себя думать о другом. Эта четверка — явные беляки, видать, еще совсем недавно воевавшие против трудового народа где-нибудь на Дону или за Байкалом. Действовали они не по своему усмотрению, а по приказу какого-то неведомого генерала, к которому его, Косухина, и везут. А генерал, и сомневаться в этом нелепо, действовал не без подсказки господина Карла Берга. Все становилось на свои места. Косухин вспомнил полный ужаса взгляд Наташи. Девушка явно что-то знала, и ее странная фраза об офицерах теперь не казалась неуместной.

Авто резко свернуло в лес, прокатилось сотню метров по узкой просеке и выехало на поляну. Блеснул свет фар — еще один автомобиль стоял неподалеку, очевидно, дожидаясь встречи.

— Аскольд Феоктистович ждет, — констатировал капитан, когда черная машина затормозила. — Поспешим.

Степа мельком отметил, что столь редкое имя-отчество, вероятно, принадлежит тому самому генералу. Ему почудилось что-то знакомое, но соображать было некогда — Степу вытащили из машины и потащили вперед, навстречу выходящему из другого автомобиля высокому худому совершенно лысому старику. Впрочем, разглядеть внешность генерала было трудно — мешал свет горящих фар, бивший прямо в глаза.

— Вижу, — резкий сухой голос оборвал начавшего

было докладывать капитана. — Вы уверены, что не ошиблись?

— Его документы, Ваше превосходительство... — Капитан передал Степин паспорт старику. Тот, не читая, сунул выданную в Бомбее «липу» в карман:

— Ладно, времени мало, господа. Мешок и веревки захватили?

— Так точно!

Вероятно, захватили не только мешок и веревки, но и несколько кирпичей. А может, поблизости имелось достаточно подручного материала, чтобы упокоить Степу на дне ближайшей речки.

— Что он говорил, капитан? — Вопрос был задан небрежно, явно для проформы.

— Ничего, Ваше превосходительство.

— То есть? — Генерал, уже готовившийся уходить, резко обернулся. — Капитан, вы уверены, что не отправите на тот свет случайного прохожего?

— Да русский он! — вмешался поручик, с нетерпением переминавшийся с ноги на ногу. — Я этих комиссаришек за версту чую!

Генерал подошел поближе и взглянул Степе в лицо. Косухин не преминул усмехнуться, но усмешка тут же погасла: тот, кто смотрел на него, внезапно показался кем-то знакомым. Степа видел этого лысого генерала впервые, но голос, холодные серые глаза, даже эта брезгливая гримаса...

— Господин чекист, мои люди не ошиблись? — В голосе звенела нескрываемая ирония. Вероятно, генерал тоже чуял комиссаров: если не за версту, то за два шага — всене-пременно.

— Ошиблись, — буркнул Косухин. — В Чрезвычайной Комиссии не состоял. — И, подумав, что это может звучать как просьба о пощаде, поспешил добавить: — А вот теперь жалею.

Генерал усмехнулся, и вдруг Степе показалось, что перед ним другое лицо, столь знакомое и памятное. В голове словно блеснула молния. Генерал, живущий в Париже по имени Аскольд Феоктистович! Аскольд Феоктистович Богораз!

— Хорошо, — кивнул старик. — Можете приступать, господа!

— А погоду, Превосходительство, — Степа вновь заставил себя улыбнуться. — А как же это... последнее желание?

— Резонно, — кивнул генерал. — Как обычно — папиросу? Или желаете «Интернационал» исполнить?

Косухин проигнорировал и тон, и содержание сказанного. Если это действительно Богораз-старший...

— Вы, Аскольд Феокистович, когда Семена увидите, то расскажите ему, как меня, чердынь-калуга, кончили. Ему интересно будет.

— Что? — Глаза генерала сузились, и Косухин понял, что не ошибся. — Что вы сказали, молодой человек?

— А вы плохо слышите? Могу повторить, чердынь...

— Не дерзите! — Генерал подошел совсем близко, голос его упал почти до шепота. — Что... ты... комиссарская шкура... знаешь о моем сыне?

— А вам-то что? — Косухин пожал плечами. — Просто расскажите Семену. Он ведь все-таки Руководитель Проекта!..

Генерал отшатнулся и медленно обвел глазами стоявших рядом молодых людей.

— Кого вы мне привезли, господа?

— Но, господин генерал...

— Дайте его документы!

— Они у вас, Ваше...

— Ах да...

Богораз-старший вынул из кармана Степин паспорт. Кто-то из офицеров поспешил включить фонарик.

— Косухин Степан Иванович... Дворянин... Русское консульство в Бомбее... Косухин! Пойдите!..

Генерал несколько секунд о чем-то думал, затем вновь поглядел на Степу. На этот раз на его лице было заметно крайнее удивление. Впрочем, это слово в данном случае звучало чересчур слабо.

— Степан Иванович Косухин!.. Господин Косухин, какое вы имеете отношение к полковнику Лебедеву?

— А у нас отчества одинаковые, — буркнул Степа.

— Я бы просил вас отвечать серьезно!..

— А я чё — несерьезно? Я-то вас сразу узнал — больно на Семена похожи. А если вы действительно занимались «Мономахом»...

— Молчите! — резко прервал его Богораз и обернулся. — Снимите наручники, господа. И оставьте нас вдвоем.

Через минуту руки Косухина были свободны. Офицеры отошли к машине. Степа с Богоразом-старшим остались посреди поляны.

— Вы с ума сошли, молодой человек! Название программы остается секретным!

— Ну да, конечно... — хмыкнул, не удержавшись, Степа. — «Владимир» беспокоится...

— Вы и о телеграмме знаете? Да, господин Берг совершил непростительную ошибку. Но это не освобождает нас от соблюдения тайны.

Он замолчал, а затем полез в карман за папиросой. Генерал, как оказалось, курил те самые черные «Голуаз», которые Степа уже успел распробовать.

— А мне можно? — не удержался он. Курить после всего пережитого хотелось до невозможности.

— Прошу вас, молодой человек... Итак, насколько я понял, вы младший брат господина Лебедева. И если я не ошибаюсь, были в Индии вместе с госпожой Берг?

— Не ошибаетесь.

— Вы осведомлены о программе... Странно, вашей фамилии я не видел в списках. Впрочем, сейчас это не важно. Господин Косухин, что вы знаете о Семене?

Вопрос был поставлен слишком широко, и Косухин не преминул отозваться:

— У Семена Аскольдовича очки с обыкновенными стеклышками. И он здорово аэропланы умеет водить.

На лице Богораза вновь мелькнула усмешка — на этот раз не ироничная, а обыкновенная — добрая и даже немного растерянная:

— Да, вы правы. Но я имел в виду другое. Семен... жив?

Тут уже растерялся Степа. Жив ли улетевший куда-то в эфир Богораз-младший, он и сам был не прочь узнать.

— Когда я видел его в последний раз, Семен был жив-здоров, — ответ прозвучал осторожно, зато вполне точно.

— Вы видели его в Омске? Или в Иркутске?

— Я его не только там видел, — Косухин старался теперь отвечать как можно деликатнее, дабы сразу же не проговориться о том, как он в действительности познакомился с генеральским сыном. — Последний раз мы виделись на Челкеле.

— Что? Вы были на Челкеле? Но ведь полигон взорван и запуск не состоялся! Насколько мне известно, Семен даже не добрался туда.

Тут же Степа удивился всерьез. Похоже, Карл Берг не только ему не спешил сообщать всей правды.

— «Мономах» взлетел, Аскольд Феоктистович. Ваш сын

улетел на нем вместе с Колей... С полковником Лебедевым. Насколько я знаю, они вышли на эту...

— Орбиту... — тихо подсказал Богораз. — Вы сами видели запуск?

— Да, я сам видел.

Перед глазами вновь встала холодная зимняя степь — и окутанная дымом серебристая стрела, медленно поднимавшаяся вверх в облаках белого пара...

— Не понимаю... — негромко, обращаясь лишь к самому себе, проговорил генерал. — Не понимаю... Почему же мне...

Впрочем, что он имел в виду, было ясно и без особых комментариев.

— А вы у господина Берга спросите, — предложил Степа. — Я вот, чердынь-калуга, попробовал.

— Берг... — повторил генерал. — Он позвонил мне и сообщил, что в Париж прибыл агент ВЧК, который собирает информацию о «Мономахе». Велел устранить его, то есть вас, немедленно... Но... он ведь знал, кто вы?

Степа даже не стал отвечать.

— Да, — решительно кивнул Богораз. — Это уже мое дело. Если Берг действительно предатель... А сейчас я приношу вам, господин Косухин, мои глубочайшие извинения. Надеюсь, мои офицеры не были с вами излишне... навязчивы...

— В самый раз, господин генерал, — Степа почувствовал, что перспектива близкого контакта с заранее припасенным мешком начинает отодвигаться. И вдруг он решил. В конце концов, Богораз-старший показался ему ничуть не глупее своего отпрыска.

— Только... Аскольд Феоктистович... Господин Берг не очень ошибся. Я, правда, в чеке не состою, но я действительно красный...

— Что? — В серых глазах на миг сверкнуло изумление. — Вы? Брат полковника Лебедева? Но тогда как же... Что вы делали на Челкеле?

— Я был комиссаром Челкеля...

Слово было сказано. Оставалось ждать, не переоценил ли Степа старшего Богораза.

— Комиссар эфирного полигона... — генерал покачал головой. — Вы хотите сказать, что красные... большевики организовали... или помогали организовать запуск «Мономаха»?

Косухину очень хотелось рубануть: «А как же!» — но он предпочел все же сказать правду.

— Не красные. Я помогал. Ну, правда, я больше не в окопах. Там китайцы...

Вышло не особо понятно, но Богораз, похоже, что-то уловил.

— Хорошо. Мы еще с вами встретимся, и тогда вы расскажете подробнее. А сейчас еще раз о главном. Мне предстоит сегодня кое с кем побеседовать. Итак, вы знаете точно, что «Владимир Мономах-2» был запущен...

— Двадцатого января.

— Пуск прошел успешно, эфирный корабль вышел на орбиту. На нем улетели мой сын и Николай Иванович. На корабле была смонтирована установка «Пространственный луч».

— Да.

— После этого полигон был взорван, а вы с госпожой Берг добрались до Индии...

Косухин кивнул, хотя в том, что сказал генерал, была лишь часть правды. Но о Страже Раны говорить не следовало.

— Потом с Натальей Федоровной приключается эта странная болезнь, ее дядя уверяет, что пуск сорван, а все участники операции пропали без вести... Да, а что с господином Казим-беком?

— Он погиб, — коротко ответил Степан, и перед глазами вновь встал дом на Трегубовской и ровная шеренга бойцов с голубыми свастиками на шапках.

— Жаль Георгия! А вы не встречали господина Семирадского?..

— Убили его, — неохотно ответил Степа. О смерти Глеба Иннокентьевича говорить особенно не хотелось.

— Господи, упокой его душу... — генерал медленно перекрестился. — Мы познакомились с Глебом еще когда он был студентом, а я — юнкером. О генерале Ирмане не спрашиваю — мне уже сообщили. Да, мы заплатили дорого... Постойте, Степан Иванович, но, если корабль стартовал, почему не выходит на связь Тускула?

Степа промолчал. Отвечать было нечего.

— Мы отвезем вас обратно, — генерал жестом указал офицерам на машину, а сам кивнул Косухину и зашагал к своему авто. — Вы где квартируете?..

— Я... — Степа замялся, говорить о Валюжениче он не хотел. — Ну, у одного знакомого. Студента...

— Студента? Пойдите... — генерал замер и медленно повернулся к Степе. — А часом, этого студента не Валюженич зовут? Американский поляк, археолог, учится в Сорбонне, недавно приехал из Индии?

— А-а... — только и мог отреагировать Косухин.

— Забавно, Степан Иванович! Берг сообщил, что этот студент — американский разведчик, который собирается чуть ли не завербовать Наталью Федоровну. Мне было велено следить за ним и по первому же приказу — убрать. Ладно, сделаем так. Я отвожу вас к Валюженичу: его адрес мне известен. Бергу сообщу, что вы ликвидированы. Завтра рано утром вы и господин Валюженич должны уехать из Парижа. Дня на три. А там — посмотрим!..

Тэд уже начал волноваться, но, увидев Степана, мгновенно успокоился и потащил его ужинать, сообщив, что ради приезда гостя он приготовил семейное блюдо — бигос по-польски. Косухин, решив не портить Валюженичу аппетита, проглотил тарелку этой экзотической пищи, оказавшейся необыкновенно пряной и соленой, а затем, как бы случайно, поинтересовался, нет ли у Тэда дел подальше от Парижа. Тот даже не удивился.

— Оу, Стив! То я... То моя праця наукова, розумешь. Ну, как-то...

В этом вопросе требовалась полная ясность, и Степа сосредоточился, вспоминая советы старика. Он должен быть внимательным и забыть обо всем. Он должен лишь слушать Тэда. Но то, что так просто выходило у проклятого беляка Арцеулова и потомственного буржуя Шарля, никак не получалось у Степы.

— То цо сталось? — забеспокоился Валюженич. — То невже я мовлю надто непонятно?..

— Ты, Тэд, не волнуйся... — Внезапно появилась неведомая ранее уверенность, и Косухин понял, что он добился своего. — Я просто это... хочу научиться. Ты говори...

— Оу, тут ты прав, Стив! — Валюженич заговорил по-английски, и Степа с облегчением вздохнул: он снова начал понимать. — Я и сам хочу попробовать. Ведь, говорят, этому можно научиться и без сома дэви.

— Ну так что с твоей этой, працей науковой?

— Оу, Стив, тут такое дело! Кажется, есть такое русское слово «запарка»?

— Имеется, — согласился Степа. — Чё, с учебой зарез?

— Не совсем, но, в общем, что-то близко. Я ездил на Тибет с Шарлем, пропустил чуть ли не год, и мсье Робер того и гляди выкинет меня за безделье. Экзамены я сдал, но мне надо срочно закончить семестровую работу по археологии. Я бы ее за неделю написал, но у меня не хватает материала. Надо как раз съездить в Бриньоган. Это в Бретани — на западе. Там в местном музее есть некоторые уникальные экспонаты. Ну и еще кое-что... Если бы не твоя телеграмма, я был бы уже там.

Тут же был принесен атлас, и Степа получил возможность ознакомиться с местоположением полуострова Бретань и маленького городка Бриньогана, приютившегося на самом берегу Атлантического океана. Косухин прикинул расстояние и рассудил, что от Парижа до Бретани и вправду недалеко.

— Дня за три управимся? — как бы между прочим поинтересовался он.

— Ну (Тэд, естественно, сказал «vell»), если постараться... Стив, а что случилось? Ведь ты же еще не посмотрел Париж. К тому же здесь Наташа... То есть хочу сказать, что здесь господин Берг.

— Да, это точно... — Косухин помолчал, стараясь подобрать слова поубедительнее. — Тэд, ты это... ну, доверяешь мне?

Валюженич даже обиделся:

— Ты же знаешь, Стив, что я, как потомок великопольских шляхтичей и американских янки, испытываю биологическую ненависть к русским, а особенно к большевикам и более всего к красному офицеру Косухину, который однажды спас одного молодого дурака на Тибете.

— Ты, Стив, это... не надо. Знаешь, не люблю, чердынькалуга, говорить об этом, но я ведь батальоном командовал. У меня таких, как ты, пятьсот ребят было.

Валюженич на миг задумался, а затем заговорил уже совершенно иным тоном:

— Извини, Стив. Я, кажется, действительно дурак. В общем, жду приказаний, мой бригадир. Вопросы, как я понимаю, задавать не следует?

— Потом вопросы. В этом, чердынь его... Бриньогане. Завтра утром выехать сможем?

— Ну конечно. С вокзала позвоню Шарлю...

— Не надо, — Косухин резонно рассудил, что оглашать их маршрут следует как можно меньше.

— Но, Стив! Если мы с тобой исчезнем, Шарль мобилизует своего отца-сенатора, а тот — всю французскую полицию вместе с Сюртэ женераль и Вторым бюро Генштаба!

— Ладно. Но скажи ему, чтоб помалкивал. И вот еще. У тебя, ну... оружие имеется?

— Откуда? Я ведь мирный обыватель!

Произнеся эту фразу, Валюженич как-то странно подмигнул, а затем извлек из шкафа замотанный в тряпки револьвер и несколько обойм. За этим последовал кинжал в ножнах и кастет. Косухин лишь усмехнулся. На что-то подобное он и надеялся.

— В общем, молчу и подчиняюсь, — заключил Валюженич. — О визите к Бергу, о котором ты так ничего и не сказал, спрашивать, как я понял, не следует.

Косухин лишь молча кивнул. Бог весть как отреагировал бы Тэд, расскажи он все, что приключилось с ним сегодня. Главное сейчас — ненадолго уехать, чтобы те, кто наблюдал за ними, потеряли след. А там видно будет.

Тэд поднял Косухина в половине шестого. Он, похоже, спал еще меньше: рюкзак был уже собран, у порога лежали две аккуратно завернутые в мешковину кирки, а вычищенный револьвер уложен в кобуру и тут же вручен довольному Степе. Кинжал и кастет Валюженич пристроил у себя за поясом. Последней была уложена большая карта Бретани с каким-то пометками и пухлая тетрадь, в которой, как пояснил Валюженич, он делал рабочие записи. Проблема была лишь с деньгами: у студента они оказались на исходе. Но Степа тут же нашел выход: его фунтов стерлингов хватило бы на десять таких поездок. Поменять фунты решили в банке города Ванна, где как раз следовало делать пересадку.

Пока такси мчало их на вокзал, Косухин прикинул, что для поездки в обыкновенный провинциальный музей кирки, в общем, не нужны, но не стал заострять на этом внимания.

С вокзала Валюженич позвонил в особняк Карно, разбудил видевшего сладкий сон Шарля и кратко проинформировал его о происходящем. Тот вначале пробовал было задавать вопросы, но затем капитулировал, пообещав молчать словно рыба и ничего не предпринимать.

Поезд был полупустым. В купе второго класса Тэд и Косухин оказались вдвоем, и Валюженич предложил тут же лечь спать. По его словам, наука «акэолоджи» требует умения спать в любое время дня и ночи, дабы в нужный момент быть готовым действовать в полную силу. Степа одобрил правила сей мудреной науки. Сначала он хотел предложить дежурить по очереди, но затем рассудил, что, случись чего, это не поможет. Валюженич немедленно уснул, а Степа еще долго не спал, глядя на мелькавшие за окном деревеньки, на добротные дома, крытые красным шифером, и в очередной раз жалел о том, что его знакомство с Францией складывается так неудачно. Даже рассказать оставшимся в России друзьям-товарищам, и прежде всего, конечно, давнему приятелю Кольке Лунину, будет, считай, нечего. Разве что обрисовать забавную сценку на лесной поляне, когда Степу чуть было не сунули в мешок с кирпичами. Правда, за подобными впечатлениями можно не ехать так далеко.

После полудня пообедали в вагоне-ресторане, и отошпавшийся Тэд решил ввести своего недостаточно подкованного в науку «акэолоджи» друга в курс дел. Степа приготовился слушать: о Берге говорить рано, а кроме того, ему и в самом деле было любопытно. При всем презрении к вредному сословию интеллигентов, красный командир Косухин уважал науку, которая, как известно, приблизит светлое будущее всего человечества. Для начала Валюженич попытался объяснить Степе название своей семестровой работы. На этом рассказ замер и надолго, ибо Валюженич писал на тему: «Атрибутация памятников Псевдоартуровского круга на примере Бретани». Тут уж не помогали ни мимика, ни скудный Тэдов запас русских слов.

— Ты бы попроще! — в конце концов взмолился Косухин, мысленно ругая проклятый царизм, не давший ему возможности получить должное образование. Слово «атрибутация» его особо пугало.

— Ну, Стив! — Валюженич вздохнул и начал говорить помедленнее, чтобы Степа сумел не только понять, но и осмыслить услышанное. — В Западной Европе бытуют легенды о короле Артуре. Он жил давно и правил королевством, которое называлось Логрис. Этот Логрис, по одним данным, находился в Англии, но по более древним — во Франции, в Бретани. Пока понятно?

— Валяй дальше, — покуда и вправду было понятно.

— В Средние века Артура очень почитали. В Бретани

было много мест, которые легенды связывали с его именем. В церквях и в частных домах хранилось много артефактов, которые якобы относились к Артуру и его рыцарям. Конечно, все эти вещи — более поздние, но очень интересно, как в Средние века люди себе представляли Артура и все, что с ним связано.

— Ага, стой! — Кое-что начало доходить. — А ты описываешь эти, чердынь-калуга, артефакты.

— Оу йе! Конечно! Это позволит изучить развитие артуровской легенды. Ведь среди этих артефактов — оружие, украшения, даже одежда. Значит, мы можем представить, как люди тогда воспринимали Артура и все королевство Логрис.

— Ну, это я понял. — Все оказалось даже проще, чем Степа думал. — Ты, значит, едешь по музеям...

— Я уже почти все сделал. Вот только Бриньоган остался — там музей очень старый, создан еще при Людовике XVI.

— Угу-угу, — Степа сделал вид, что поверил, а затем внезапно, как это делалось при допросах пленных, рубанул: — А кирками ты, Тэд, решил чего, в витринах музейных ковыряться?..

— Кирки... — растерялся Валюженич. — Понимаешь, Стив, для нас, археологов, инструмент очень важен. Настоящую археологическую кирку в провинции найти трудно. Лопаты достать можно, а вот кирку я обычно беру с собой...

Он затих, потом вздохнул и начал рассказывать о главном.

За эти пару месяцев Валюженич объездил почти всю Бретань — и не зря. Он работал не только в музеях, но и в библиотеках и архивах, среди которых встречались и незнакомые его коллегам. В одном из них Тэду удалось найти рукопись XII века, в которой совсем по-другому рассказывалась история Логриса.

— Понимаешь, Стив, во всех легендах логры — это обыкновенные люди. А в этой рукописи я прочитал, что они — трикстеры, то есть могут менять свой облик. Пришли они откуда-то с востока, а затем, после смерти Артура, вернулись назад. Настоящее название их — дэрги. Там даже приводится несколько заклинаний на языке дэргов — я их переписал, — это, похоже, действительно какой-то древний язык. В общем, эти логры-дэрги какое-то время повелевали обычными людьми, причем творили настоящие чудеса. Во

всех легендах об Артуре сказано, что он смог вытащить впаянный в камень меч одной рукой.

— Ну мало ли чего, чердынь-калуга, рассказывают! — пожал плечами реалист Степа.

— Йе, конечно! Но что интересно — я рассказывал об этих дэргах шефу — мсье Роберу, и тот показал мне выписку из одной византийской рукописи, где говорилось о том же, только дэрги там назывались «дарами». Значит, эту легенду знали и в Византии!

— Дары! — что-то знакомое промелькнуло в памяти. Степа где-то уже это слышал, правда, не обратив тогда особого внимания. Валюженич продолжал с увлечением рассказывать о том, насколько его находка позволит изменить всю историю складывания легенд артуровского цикла, но Косухин не слушал:

«Вспоминай, — приказал он себе. — Дэрги — необычные люди, вернее, совсем не люди. Они способны творить чудеса... Да! Они способны творить чудеса, разгонять оборотней, у них есть какие-то амулеты, и о них написал статью один ссыльный учитель!»

— Родион Геннадьевич! Ну конечно!

Тэд удивленно умолк, а Степа медленно, чтобы не сбиться, стал пересказывать все, что сумел вспомнить: об учителе-дхаре из таежного села, в поселке Якша на Урале, где живут потомки дхаров и молятся возле какого-то Дхори Арха, о Перстне Духов, которых Родион Геннадьевич называл «вагры»...

Валюженич слушал с открытым ртом, затем судорожными движениями выхватил блокнот и начал набрасывать понятные лишь ему стенографические значки. Наконец он перевел дух:

— Стив! Что ж ты молчал! Это же!.. Это же...

— Да откуда мне было знать, что это, чердынь-калуга, тебе интересно? — вполне резонно возразил Степа. — Ну, легенды... Ты же сам говоришь, что эти дэрги пришли с востока.

Он как раз к месту вспомнил, что Родион Геннадьевич что-то говорил о своей статье, которая была издана в... И тут память наконец отказала. Косухин лишь сообщил, что статья напечатана в каком-то журнале, имевшем отношение к Академии наук.

— Оу, так это, наверно, «Известия Императорской Академии наук»! — Тэд сделал пометку в блокноте. — У нас в

библиотеке есть все комплекты, пересмотрю за час! Хорошо, что я научился немного читать по-русски! Ну, Стив!

Косухин, впрочем, не числил за собой особых заслуг. Дары-дэрги — пользы и особого толку в этих сказках он не видел. К тому же куда ничего не было сказано о кирках, о чем он не преминул намекнуть Тэду. Тот вздохнул:

— Оу, Стив, ты заставляешь меня признаваться в покушении на закон. Если меня задержат, то получу на всю катушку.

Тут уже Степе стало интересно. Валуженич вновь вздохнул и продолжил рассказ.

В этой же рукописи он прочел о том, что логры-дэрги владели четырьмя священными реликвиями, которые они привезли с востока. Эти реликвии, вернее таившаяся в них сила, позволяли дэргам удерживать власть над людьми. Первая из них — знаменитый меч, который позже принадлежал Артуру.

— В поздних рукописях его называли «Эскалибур», — втолковывал Тэд, — но в этой книге он назван просто Темный Меч. Он давал силу поражать врагов на расстоянии.

Косухин согласился, что подобное оружие вполне могло бы пригодиться и в двадцатом веке.

— Потом — знаменитое кольцо Артура, перстень, заклинавший духов...

И тут Степа вздрогнул. Серебряный Охс Вагрэ — Перстень Духов! Кольцо, которое носил Арцеулов, о котором спорили Богораз и Семирадский! Кольцо, которое привиделось Степе на руке Берга!

— А какой он, этот перстень? — осторожно спросил он.

— Оу, перстень Артура описан весьма подробно. Он серебряный с большим белым камнем. Этот камень может менять цвет.

— Ясно... — описание явно не подходило. На перстне Арцеулова никаких камней нет — лишь массивная серебряная печатка с двумя змейками.

— Кольцо и меч последние логры унесли с собой на восток. По легенде, у них была еще одна, самая главная, реликвия — корона, вернее Венец Логров. Этот Венец был на голове Артура и давал ему способность предвидеть будущее и знать о прошлом.

— Так ты его, чердынь-калуга, выкопать решил? — усмехнулся Косухин. — Ну, даешь, «акзолджи»!

— Венец Логров был разбит во время последней битвы

Артура с Мордредом. Его осколки пропали бесследно. Но у дэргов оставалась четвертая реликвия — ножны...

Валюженич открыл блокнот и показал Степе рисунок:

— Я срисовал с рукописи. Эти ножны якобы защищали их владельцев от любого оружия. Перед последней битвой их похитили у Артура, поэтому он не был защищен и получил смертельную рану. В Бретани в музеях хранятся две пары таких ножен — конечно, все более поздние. Кстати, такие ножны должны быть в музее Бриньогана.

— Так это же подделки! — разочарованно протянул Косухин. — Вот если бы знать, где настоящие...

— Если б знать... — согласился Валюженич и, внезапно склонившись к самому уху Степы, прошептал: — Я знаю! Я знаю, где настоящие, Стив! В рукописи сказано! Там даже рисунок места, где они спрятаны! Понимаешь?

— Ну, это еще бабушка надвое сказала! — усмехнулся недоверчивый Косухин. — Да с этого самого XII века могло ничего не уцелеть!

— Уцелело, Стив! Я проверял! Это церковь святого Иринея неподалеку от Бриньогана! Она разрушена в годы революции, но стены и фундамент уцелели, понимаешь? Там сейчас пусто, развалины! Ну, в общем, ты понял.

— А закон причем?

— Ну, вести раскопки без разрешения нельзя. Кроме того, все найденное принадлежит государству, а мне, признаться, не хочется отдавать эти ножны. Хотя бы первое время. Стив, я буду копать сам. Ты останешься в городе.

— Вот еще, чердынь! — возмутился Степа. — За кого ты меня, Тэд, принимаешь? К тому же ты две кирки взял.

— Ну... Думал нанять кого-нибудь из местных. Им бы неприятность не грозила — отвечаю я.

— Вот именно, — кивнул Косухин. — Нет, Тэд, ты точно — гнилой интеллигент. Ладно, поищем твои ножны. И это все?

— Мало? — усмехнулся Валюженич. — В общем, все. В рукописи еще сказано, что, потеряв реликвии, логры лишились части своей силы и были покорены людьми. Но что сила вернется к ним, если удастся собрать все четыре реликвии вместе...

— Сказки! — зевнул Степа. — И тебе, Тэд, за эту бузу деньги платят? Я б на это и гроша, чердынь-калуга, не дал, разве что когда коммунизм настанет и всем будет по потребностям.

На это несознательный Валюженич заявил, что ждать придется слишком долго, и Степе пришлось пуститься в длительные разъяснения по поводу основных теоретических положений единственно верного учения. Тэд безропотно слушал, но Косухин остался все же недоволен: полностью переубедить Валюженича, воспитанного на антинародной доктрине индивидуализма и прагматизма, не удалось.

До Ванна добрались лишь к вечеру. Пришлось заночевать в привокзальном отеле, потратив последние деньги. Поезд до Бриньогана уходил утром, к тому же приходилось ждать, куда откроется банк.

С банком чуть было не вышла неувязка. Когда забывший о бдительности Степа вывалил на стол перед кассиром пачку фунтов стерлингов, у того на лице появилось такое выражение, что Косухин мигом почуял опасность. Вероятно, пачки фунтов не каждый день приносили в этот заштатный банк, обслуживавший корабельщиков и окрестных фермеров. Положение спас Валюженич, вернее, его американский паспорт. Лицо кассира мигом приняло совсем иное выражение, фунты были разменяны на франки, а Косухин еще раз обругал себя за беспечность.

По пути на вокзал, воспользовавшись часом свободного времени, Тэд завернул к серой громаде Ваннского замка. Здесь был музей. Правда, осмотреть его не пришлось (времени было мало), но Валюженич провел Степу вдоль огромных стен, показав полуразрушенные башни и старинные, обитые проржавевым железом ворота. Тэд сыпал именами герцогов бретонских, которые творили в этих стенах свои феодальные безобразия, а Косухин лишь качал головой, прикидывая, что взять такой замок мудрено даже сегодня, разве что с помощью батареи тяжелых гаубиц. Напоследок американец поведал Степе историю какого-то Робера д'Артуа, который сей замок штурмовал и здесь же нашел свою смерть. Поскольку Степа по вине проклятого царизма не сумел приобрести необходимые сведения об истории Средних веков, Валюженич вкратце рассказал ему об этом самом Робере д'Артуа, который, оказывается, был авантюристом, спровоцировавшим Столетнюю войну. Узнав об этом, Косухин рассудил, что печальный финал этого милитариста более чем закономерен.

В Ванне оставалось еще много любопытного, во всяком

случае если верить Тэду, но надо было спешить на поезд. В вагоне оказалось полным-полно фермеров, ехавших с Ваннской весенней ярмарки, и путешественники забились в угол купе, стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Впрочем, их соседи были заняты своими разговорами, разве что то и дело стремились угостить Тэда и Степу местным «кальвадосом», который оказался на поверку жуткой кислятиной.

В Бриньоган поезд пришел после полудня. Подождав, покуда высыпавшие из поезда фермеры разойдутся, Валюженич предложил Степе пройтись к морю и наметить дальнейший план действий. Здесь, на пустынном берегу, где под ногами скрипел белый песок, сушились на кольях старые рыбацкие сети и замерли вытащенные на берег черные баркасы, в этот час было безлюдно. Погода испортилась. Дул холодный ветер, небо покрылось тяжелыми тучами, по серой поверхности моря одна за одной шли высокие, в гребешках пены волны.

— Не похоже на Индийский океан! — поежился от холодного ветра Валюженич. — А вообще-то хорошо. Люблю море!

— Вроде Балтики, — рассудил Степа. — Невесело здесь, чердынь-калуга!

— Оу, это замечательные места, Стив! Здесь высаживались викинги Эриха Рыжего, готовясь к бою с дружиной бретонского герцога Иоанна! Представляешь?

— Не-а, не представляю, — улыбнулся Степа. — Я ведь, Тэд, неученый совсем. Хорошо тебе — выучишься, станешь этим самым «акэолоджи». Толку, правда, с вас, интеллигентов!

Валюженич тоже усмехнулся:

— А нас, американцев, еще называют прагматиками! Ничего, Стив, кончится ваша дурацкая война, я прижму своего папашу, а Шарль — своего, и мы определим тебя в Сорбонну. Ну, если захочешь — в Кембридж.

— Куда, чердынь-калуга? Не, товарищ акэолоджи, у меня дела. Пока во всем мире Коммунию не построим!..

— Стив! Слушай, да это же сказки! — не выдержал Валюженич. — Ты же умный человек! Как можно верить в эту эсхатологию?

— Во, слова выучил, — покачал головою Степа. — Это не сказки, Стив. Просто за это надо дорого заплатить.

— Догадываюсь чем. Если, к примеру, головой Ростислава и твоей — то я не согласен. Своей, кстати, тоже.

Степа не стал вступать в эту бесплодную дискуссию. Он хорошо знал, что чаще всего гибнут как раз те, кто вовсе не собирается отдавать жизнь. Но эту очевидную истину развивать не тянуло.

— Ладно, Тэд. Тут нас вроде никто не слышит. Так вот чего было с мной в Париже. Только не перебивай, а то соблюсь.

Валюженич слушал Степин рассказ молча, лишь качая головой. На его подвижном лице то и дело появлялась гримаса то ли удивления, то ли крайнего возмущения.

— Знаешь, Стив, — не выдержал он наконец. — Ты настоящий дикарь. Полинезиец, мумба-юмба, в крайнем случае — зулус!

— Благодарствую, — степенно ответил Косухин.

— Мы же в цивилизованной стране, а не на Тибете! Надо было немедленно заявить в полицию! Там бы этого генерала мигом познакомили с соответствующими статьями уголовного кодекса!

— Не надо, — негромко, но уверенно возразил Степан. — Обойдемся без полиции!

— Ну, знаешь ли! Мешок с кирпичами... А может, тебе этого Богораза жалко? Слушай, ты вообще за белых или за красных?

— За красных. Разве в Богоразе дело? Вот Берг этот...

— Йе, тут ты прав. Слушай, а ты это кольцо разглядел?

Валюженич, как это часто случалось, сумел ухватить главное. Но Степа не был уверен. Почему Бергу не иметь такое же кольцо? Может, подобный перстень — какой-нибудь опознавательный знак программы «Мономах», нечто вроде пароля? Но тревога не уходила.

Они вернулись на вокзал, забрали из камеры хранения рюкзак и кирки и двинулись в город, но успели лишь пересечь маленькую привокзальную площадь, как послышалось фырканье, и из ближайшего переулка, распугивая непривычных к таким впечатлениям местных лошадей, выкатил небольшой ярко-красный спортивный автомобиль. Степа хотел было на всякий случай ускорить шаг, но Валюженич жестом остановил его и что-то пробормотал.

— Что? Ты чего? — не понял Косухин.

— Как говорят в детективных романах, я так и знал. Ладно, пошли встречать.

Недоумевающий Степа проверил прикрепленный у пояса револьвер, но тут же все разъяснилось. Дверца красного авто открылась, и оттуда выскочил Шарль Карно в зеленой военной куртке, но без погон.

— О-ля-ля! Где вас носит? — воскликнул он самым недовольным тоном. — Тадеуш, я уже был в музее и завернул в местный отель! Что я должен был подумать? И вообще, с твоей стороны — это последнее свинство! Мы же договорились ехать вместе!

Впрочем, встретив потерявшихся было приятелей, Карно быстро успокоился и сообщил, что он сам, равно как и его персональный автомобиль, в их полном распоряжении, тем более что до развалин церкви святого Ириней придется добираться километров двадцать, а такси в этих диких местах не водятся. Косухин вздохнул — похоже, тайная экспедиция Тэда была вовсе не такой уж тайной.

Автомобиль вновь фыркнул, чихнул и бодро покатил по вымощенной булыжником улице. Бриньоган был двухэтажным: большие каменные, крытые бурой черепицей дома, казалось, успели пережить не одно столетие. Люди встречались редко, небольшой, под деревянным навесом, рынок был пуст, лишь время от времени по брусчатке мостовой проезжали велосипедисты или крестьянские повозки.

— Провинция! — прокомментировал Карно. — Живой музей. Уверен, что половина здешних обитателей уверена, что Францией до сих пор правят Бурбоны. Мой предок посылал в эти места не одну карательную экспедицию, да все без толку.

Косухин с пониманием поглядел на Шарля. Что такое карательная экспедиция, объяснять не требовалось. Карно уловил его взгляд:

— Да, Степан, здесь жили самые отчаянные контрреволюционеры — белые, прямо как у вас. У меня, признаться, душа кипит. Самое шуанское гнездо! Эх, сюда хотя бы одну «адскую колонну» генерала Россиньоля!

Впрочем, Бриньоган на этот раз избежал участи, которую обещал ему потомственный революционер. Автомобиль, изрядно распулав лошадей и удивив редких прохожих, затормозил у похожего на все остальные двухэтажного дома, где размещался местный музей. Появление трех путешественников вызвало настоящий фурор. Пожилой директор, узнав, что к нему приехали из Парижа, да еще из Сорбонны, потащил гостей в свой кабинет, угостил их все

тем же «кальвадосом» и сообщил, что весь музей в их полном распоряжении.

Валуженич тут же устремился в кладовку, носившую научное название «фонды», а Шарль и Косухин прошлись по второму этажу, где была представлена основная экспозиция. Вид старинных доспехов, прялок и потемневших от времени распятий вызвал у Степы смертную тоску. Карно не настаивал, он сам видал и не такое. Он потребовал предоставить им отдельную комнату и кофейник, что было мигом исполнено. Затем неугомонный Карно заварил кофе, а сам удалился, вскоре вернувшись с огромной, обтянутой в потемневшую от времени кожу, книгой.

— Взял на время из экспозиции, — сообщил он. — Это «Хроника Бретани» XIII века — самое ценное, что имеется в здешнем сарае. Покуда Тадеуш будет мучиться своей ерундой, займись делом.

Он осторожно раскрыл медные застёжки и со скрипом приоткрыл обложку.

— Просто преступление, что это находится не в библиотеке Сорбонны, — заметил Карно, перелистав несколько толстых пергаментных страниц. — Здесь ее того и гляди отдадут сапожнику! Смотри, Степан.

Косухин без особого интереса поглядел на ровные ряды аккуратно выписанных черными чернилами букв, на красную киноварь заглавий и на странные, не похожие ни на что, рисунки.

— Это про войну? — поинтересовался он на всякий случай.

— Угу. Почитать хочешь?

Косухин лишь улыбнулся. Но Шарль, глотнув кофе, подвинул стул поближе.

— Я хотел показать тебе одну вещь. Помнишь, я говорил тебе, что сома дэви дает человеку больше, чем умение понимать без переводчика. Смотри сюда. Просто разглядывай текст. Только внимательно.

Степа недоверчиво стал всматриваться. Буквы были занятные, но совершенно незнакомые. Латинский шрифт под пером переписчика был искажен до полной неузнаваемости. Косухин добросовестно вглядывался минуту-другую и уже хотел отдать рукопись Шарлю, когда в голове внезапно промелькнула странная фраза: «Многих порази...» Он вздрогнул, стал медленно водить пальцем по строке, и странный далекий голос начал подсказывать ему:

— «Пришли в лето Господне 983-е безбожные язычники-даны и взяли аббатство святого Лаврентия, могилы вскрывши и живых многих порази. И поднял герцог Пьер свое знамя над главным донжоном Ванна...»

Степа закрыл глаза. В ушах шумело. Он вновь открыл глаза, бросил взгляд на пожелтевший лист пергамента и вздохнул.

— Что, получается? — нетерпеливо поинтересовался Карно. — Получается, Степан?

— «Поднял этот... герцог свое знамя над главным... как его... донжоном Ванна...» — неуверенно повторил Степа.

— «...и созвал рыцарей храбрых и вассалов их, и двинулся на данов в третий день после Троицы...» — подхватил Карно, глядя в книгу. — Теперь понял?

— Это на французском, что ли? — жалобно спросил Косухин. Такое даже для него было несколько чересчур.

— Хуже, Степан. Это испорченная средневековая латынь. Ее даже специалисты читают с пятого на десятое. Это что! Я позавчера взял хеттский текст. Его вообще никто никогда еще не переводил. И вот, пожалуйста, узнал о каком-то Табарне, который ходил войной на город Цальпу и захватил быков и три колесницы. Жаль, никто не поверит. Пока, по крайней мере. Больше покуда не читай — устанешь с привычки.

Но Степа и не собирался знакомиться с рукописью дальше. Впечатлений хватало и так. То, что он умел теперь, было поразительно — но совершенно бесполезно. На что ему, командиру Рабоче-крестьянской Красной армии, умение читать этот архивный хлам? Это для Шарля, ну и для Валюженича, конечно, тоже.

— Голова не болит? — поинтересовался Карно, заметив его состояние. — У меня сперва дико болела. Ничего, Степан, это только начало. Я уверен, что смогу еще больше. Представь, беру старое письмо — и начинаю разговаривать с автором! Уверен, это получится.

— Свихнешься, — констатировал Степа, но Карно лишь рассмеялся.

— Может быть. Паду жертвой науки. Во всяком случае, это нужнее для человечества, чем сгинуть где-нибудь у вас в Таврии во время штыковой.

Степа был настолько под впечатлением от случившегося — что даже не нашел в себе сил кинуться на защиту столь нагло попираемых пролетарских идеалов. Стало страшно:

он боялся Шарля и еще больше — себя. Странный дар он получил в заброшенном храме, когда пил из холодной серебряной чаши.

Валюженич появился часа через три. Он бросил на стол тетрадку, хлебнул холодного кофе и удовлетворенно проговорил:

— Две кольчуги, ожерелье, ножны и обломки меча. Все — не старше XII века. Ну, теперь порядок. Скучали? Шарль, ты что, за «Хронику» взялся?

— Перелистал, — небрежно заметил Карно. — Мы со Степой картинку разглядывали. Ну что, можно ехать?

— Да. Я как бы ненароком спросил — там сейчас пусто. Церковь обследовали года два назад, но лишь сняли план и сфотографировали. Думаю, мой визит не вызовет удивления.

— Если не засветимся, — согласился Карно, вставая. — Поехали, Степан. Как говорится: «Вперед, сыны отчизны милой, мгновенье настает...»

Косухин вяло, без всякого интереса поплелся вслед за оживленными, решительными археологами. Предстоящая поездка ему почему-то окончательно разонравилась. Книга еще ничего, а вот если Карно вздумает поговорить с какой-нибудь каменной статуей!..

...Авто быстро проехало через весь город и помчалось по пустынной дороге. Слева и справа виднелись небольшие поля, на которых колосилась невысокая, только начинавшая желтеть озимая пшеница. Затем поля кончились и потянулись пастбища, по которым бродили упитанные бретонские буренки. Земля была неровной, то и дело она горбилась небольшими холмами, там и сям громоздились серые валуны. Все это было под стать безрадостной погоде и поневоле наводило на невеселые мысли.

Впрочем, Карно и Тэд не обращали на природу ни малейшего внимания. Вначале Шарль долго язвил Валюженича, обвиняя его в научном эгоизме и нетоварищеском поведении. Вдобавок он ярко нарисовал картину неизбежного путешествия бросивших его приятелей на старой крестьянской подводе, которая всенепременно опрокинула бы их в кювет. Валюженич отшучивался, хотя и вынужден был при-

знать неизбежные преимущества автомобильного транспорта. Затем оба приятеля пустились в рассуждения о святом Иринее, к церкви которого они направлялись, и Карно принялся рассказывать о каком-то Овернском Клирике, написавшем уникальное жизнеописание святого.

Степа всю дорогу молчал и лишь время от времени оглядывался назад. Дорога была пуста, и Косухин постепенно успокоился. Но береженого, как известно, бог бережет, и Степа на всякий случай вынул револьвер и еще раз проверил оружие.

Наконец, где-то через час, автомобиль нырнул в лес, а затем остановился.

— Здесь, — заметил Валюженич, разглядывая карту. — Где-то рядом с дорогой.

Они посоветовались еще с минуту, затем Карно медленно поехал вдоль кромки леса. Внезапно стена высоких деревьев оборвалась.

— Ага, поворот! — обрадовался Шарль. — Ну, рискнем.

Автомобиль свернул на узкую лесную просеку. На этот раз ехали недолго. Деревья поредели, и перед глазами предстала большая поляна, в глубине которой темнел силуэт полуразрушенной церкви. Трава обступила стены и тянулась выше, покрыв рухнувшие своды и давно пустые проемы окон. Возле разбитого купола выросло несколько молодых деревьев.

— Она! — удовлетворенно кивнул Карно. — Романский стиль. Построена в X веке, разрушена коллегами моего прапрадедушки в годы войны с шуанами. Насколько я знаю, здешний священник прятал самого Фротто. Этому негодяю в тот раз удалось уйти, но попа гильотинировали тут же — перед входом.

Валюженич кивнул, хотя думал явно о другом:

— Мы спрячем машину вон за теми деревьями. У нас часа два до темноты. Ну что, мы еще можем отказаться.

— Ставлю на голосование, — Карно обернулся к Степе. — Я — за то, чтобы попытаться. Ты, Степан?

Косухин пожал плечами:

— Раз уж ехали, чердынь-калуга!..

— Почти единогласно. Командуй, Тадеуш!

— Йе! — Нерешительность Валюженича разом исчезла. — Стив, бери рюкзак, пошли! Шарль, прячь машину и забери ключ — на всякий случай. Ну, вперед!

Трава доходила до колен. Под ноги то и дело лезли кам-

ни, когда-то рухнувшие с церковных стен. Приходилось идти осторожно, рассчитывая каждый шаг. Сзади послышалась ругань: догонявший их Карно оступись и теперь поминал святого Иринейя не самыми теплыми словами.

Вход — дверь без створок и несколько ступенек — сохранился, но внутри уже почти ничего не напоминало о храме. Там тоже росла трава, громоздились кучи покрытых мхом камней. Свет, падавший через пустые окна и пробитую крышу, освещал картину полного хаоса и запустения.

— Вот поработали тут! — Карно догнал приятелей и покачал головой, оглядывая то, что было когда-то церковью. — Скульптуры и то разбили! Неудивительно, что здесь никто не бывает.

Стены были действительно пусты. Лишь одинокий ангел, случайно пощаженный временем и людьми, грустно посматривал на пришельцев, выглядывая из невысокой ниши.

Валюженич остановился прямо под куполом и открыл тетрадку, где была начерчена мудреная схема. Несколько минут он осматривался, затем показал что-то Шарлю, тот кивнул, после чего Тэд закрыл тетрадку:

— О'кей, джентльмены. Стена возле алтаря, три шага на запад... Пошли.

Он решительно сунул тетрадку под мышку и направился прямо к груде поросших травой камней. Из рюкзака были извлечены складной метр и компас, после чего Тэд принялся за какие-то сложные измерения.

— Шеф убил бы нас за такую профанацию археологии, — заметил Карно, деловито расчехляя кирки.

— Йе, самому стыдно. Но что поделаешь?

— А как это... Ну, по науке копать надо? — осмелился спросить Степа.

В ответ послышался дружный смех:

— Оу, Стив, рассказать — испугаешься! Ладно, кажется, здесь.

Тэд решительно ткнул ботинком в мощную каменную стену:

— Чуток придется подрить — полметра, не больше. Кладка сухая, так что пойдет. Ну, начали?

Шарль уже снял свою зеленую куртку и, засучив рукава, держал кирку наперевес. Второй киркой овладел Степа, не желавший оставаться в стороне. Мелькнула мысль вы-

ставить пост, но тут же пропала: в этой глуши бояться вроде нечего и некого.

Валюженич руководил. На носу грозно блистали стеклышки очков, а в голосе неожиданно прорезался командирский металл:

— Шарль, покажи Стиву, как надо копать. Это же кирка, а не мотыга! Сначала — яма. Шарль, копай вдоль стены!

— Не учи ученого. — Пухлый буржуй Карно, к удивлению Степы, орудовал киркой быстро и красиво. — Тадеуш, а ты уверен, что мы найдем что-нибудь стоящее?

— Конечно, не уверен. Но ведь тут нужна система! Сто раз ошибешься, на сто первый — повезет... Стив, не нарывай много земли, ударил раз-другой — и отбрасывай...

Косухин старался. Лопатой он был орудовать мастак, а вот с киркой сталкиваться почти не приходилось. Впрочем, яма углублялась быстро, уже начали проступать засыпанные землей камни кладки — темные от влаги, с проросшими сквозь щели белыми корнями травы. Через некоторое время Валюженич сменил Шарля.

— Тадеуш, мы забыли о главном! — сообщил Карно, с удивлением закуривая и пуская сизые кольца дыма. — Надо было сперва прочесть молитву. Этот Ириной был великим борцом с нечистью, так что можешь представить, сколько ее сюда набежало, когда храм разрушили.

Валюженич только хмыкнул. Яма уже напоминала настоящую могилу. Тэд покачал головой и провел киркой черту, показывая, что выкопанное следует расширить.

— Все вы, американцы, безбожники! — продолжал изгаляться Карно. — Тебе, Тадеуш, с такими мыслями никогда не найти реликвии Артура.

— Ты еще про Грааль скажи, — подзадорил его Валюженич, соскребая киркой налипшую на кладку землю.

— А что? У меня появились по этому поводу неплохие мысли...

Карно затоптал окурок и сменил Степу, который поспешил также достать курево.

— Мужики, а что такое Грааль? — не преминул поинтересоваться он.

В ответ вновь послышался смех.

— Еще один граалист, — хмыкнул Карно. — Грааль — это древняя святыня. Считают, что это то ли чаша с кровью Христа, то ли драгоценный камень. Артур и его рыцари только и занимались тем, что его искали.

— Ты упрощаешь, Шарль, — заметил Валюженич.

— О-ля-ля! Это я упрощаю? Это твои любимые средневековые трубадуры навывдумывали бог весть что. Во-первых, Грааль не чаша и не камень, а святилище логров. Во-вторых, он не был тайной для всех. Просто путь туда знали лишь посвященные. Там, похоже, был действительно какой-то священный камень...

— О'кей, а в-третьих, выбрасывай землю. Все, займемся кладкой...

Теперь кирки били глухо, слышался неприятный скрип — камни поддавались с трудом. Степа попытался прийти на помощь, но археологи дружно его отогнали. Наконец первый камень был выворочен.

— Промазали, — сообщил Карно, ткнув киркой в отверстие. — Там продолжается кладка. Какой берем, слева или справа?

— Справа, — решил Валюженич, и кирки заскрипели снова.

Между тем в разрушенной церкви начало заметно темнеть — майский день клонился к закату. Тени густели, и Степе вдруг стало тревожно. Вспомнилась другая церковь — но не каменная, а деревянная, засыпанная снегом. Там тоже было темно, лишь горели огарки свечей, и такие же черные тени напозлази из углов. Косухин поспешил выругать себя за увлечение мистикой и элементарную трусость. В конце концов, это была Франция, и Венцлав со своими оборотнями далеко. А бояться темноты для красного командира попросту стыдно.

— Есть... — Валюженич поддел киркой шатающийся камень и легко отпрыгнул в сторону. Карно не утерпел и тут же сунул в отверстие кирку.

— Пусто! — крикнул он. — Здесь пустота! Тадеуш, ты — гений!

— Оу, Стив, ты слышал! — Валюженич, достав из рюкзака фонарик, осветил в темное отверстие. — Шарль, надо снять еще один камень.

Карно застонал от нетерпения. Две кирки впились в серый известняк, и со следующим камнем было покончено еще быстрее, чем с его предшественником.

— Могила? Тадеуш, это погребение? — нетерпеливо вопрошал Шарль. — Ну, что это?

— Для могилы слишком мало места. — Тэд светил фонариком, не подпуская Карно, так и норовившего сунуть в от-

верстие руки. — Хотя... Какой-то сосуд... Красноватая глина... И что-то продолговатое... Отстань, Шарль, я зарисую. Лучше посвети.

Карно буквально стонал, но Валюженич достал карандаш и начал добросовестно рисовать в тетради то, что высветил луч фонаря. Между тем в церкви уже почти стемнело, только сквозь разбитый купол и верхние окна еще сочился неяркий серый свет.

— Я, кажется, знаю, — наконец заявил Тэд. — Это все-таки могила, Шарль. Бретонский обычай.

При слове «могила» Степу вдруг передернуло, и он машинально ощупал спрятанный за поясом револьвер.

— Это что? — удивился Карно. — Постой, это когда тело сначала закапывали на несколько лет в землю, а потом кости складывали в сосуд.

— Пять баллов и зачет у шефа. Да, обычай с времен крестовых походов. Ладно, вроде зафиксировал. Стив, хочешь лично вытащить эти бесценные артефакты?

От такого предложения Косухину внезапно стало не по себе. Никакого желания он не ощутил, но отказываться было стыдно. Он вздохнул и неожиданно для себя перекрестился. Оглядевшись, он с удовлетворением понял, что этот недостойный большевика поступок никем не замечен, и, вновь вздохнув, полез в яму.

— Сначала — сосуд, — велел Валюженич.

Сосуд оказался широким, приплюснутым сверху горшком, накрытым крышкой. Очевидно, в нем была трещина, поскольку глина стала прямо под руками распадаться и Степа еле успел поставить находку на землю. Сквозь распавшиеся стенки тускло засветилось под лучом фонаря что-то желтое...

— Так и есть, — кивнул Валюженич. — Кости. Интересно, в таких погребениях почти никогда не находят черепов. То ли они хоронили их отдельно, то ли...

— Степан, давай дальше, — Карно явно сгорал от нетерпения.

Следующий предмет показался неровным на ощупь, и Косухин никак не мог сообразить, что это может быть. И лишь когда луч фонарика осветил находку, стало ясно, что он держит в руках кожаные ножны, покрытые позеленевшими медными украшениями. В ножнах был меч, вернее, все, что от него осталось, — потрескавшаяся костяная рукоять с позеленевшим медным крестом.

Карно покачал головой и произнес по-французски какую-то непонятную фразу. Заметив, что Косухин его не понял, он медленно повторил:

— «И это все? Да как же это так? Поднялся занавес, а я все ждал бесплодно!» Это из Бодлера, Степан. Был такой пролетарский поэт.

— Хорошо, фиксируем, — Валюженич уже вооружился карандашом и открыл тетрадку. — В тайнике найден меч в ножнах. Ножны кожаные, с металлическими накладками. Рукоять меча костяная. Сохранность — неудовлетворительная. Меч можно предварительно датировать второй половиной XI века...

— Седьмой тип по классификации Шаррона, — кивнул Карно. — В общем, труха. Сдадим в наш музей — первокурсникам показывать. Ну как, Степан, нравится?

Но Косухин не отвечал. Вот уже несколько минут он напряженно вслушивался.

Сомнения не было — где-то неподалеку работал автомобильный мотор.

ГЛАВА 3

Предательство

— Стив, что случилось? — поинтересовался было Валюженич, но тут же замер. — Черт, влипли! Не иначе лесник или жандармы! Стив, закинь кирки подальше! Пошли отсюда!

— Постой, я выясню в чем дело. — Карно накинул куртку и отряхнул землю с ботинок. — Тэд, ты взял с собой разрешение на разведку?

— О'кей, с этим у нас все в порядке. Только бы не заметили меч.

— Спрячь. Я поговорю с ними — задержу на пару минут...

Карно быстро пошел к еле заметному в наступившей темноте выходу. Тут только Степан начал что-то соображать.

— Шарль! — крикнул он. — Вернись! Не ходи!

Но Карно, не слушая его, уже ловко пробирался по каменным завалам.

— Ничего, если жандармы. Шарль им заморочит голо-

ву. — Валюженич, сунув находки между камней, начал быстро закидывать яму. — Стив, помоги!

К счастью, камней под руками было более чем достаточно, и вскоре черное отверстие исчезло под их грудой. Теперь в царившем в храме сумраке заметить следы работы было трудно.

— Кирки спрятали, — бормотал Валюженич. — О'кей, Стив, мы студенты Сорбонны, обследуем старинные церкви... Ну надо же, в таком глухом месте и наткнуться!..

Косухин не слушал. Он не верил в подобные случайности, и револьвер был уже давно извлечен из кобуры. Шум мотора стих, настала тишина, затем послышались шаги. В проеме двери мелькнули темные силуэты. Степа пристроился за камнем поудобнее и взвел курок.

— Господин Косухин! Не вздумайте стрелять!

Степа похолодел. Ни лесник, ни местные жандармы не стали бы кричать по-русски...

— У нас ваш приятель! — продолжал неизвестный. — После первого же выстрела мы прострелим ему голову. Сдавайтесь, господин Косухин!

— Там Шарль! — наконец-то сообразил Тэд. — Стив, что нам делать?

— Ничего. — Степа встал и передал Валюженичу револьвер. Придумывать и в самом деле было нечего.

— Я здесь! — крикнул он в темноту. — Я сдаюсь!

Темные фигуры вошли в церковь. Прибывшие чертыхались, перебираясь через каменные завалы. Косухин быстро пересчитал — в храм вошли пятеро.

— Где Шарль? — кивнул он, надеясь выиграть время. Если Карно не с ними...

В тот же момент вспыхнул фонарик. Луч метнулся по серым стенам, а затем осветил троих, пробиравшихся через очередную грудку камней. Один из этих троих был Карно — растерянный, с наручниками на запястьях. Его поддерживали под локти двое. Фонарик почти сразу же погас, но большего и не требовалось. Первого Степа узнал сразу — он был в том же черном смокинге, в котором встречал Косухина в особняке Берга. А вторым — и это уже была в некотором роде неожиданность — оказался Гастон де Сен-Луи собственной персоной.

«Значит, попались!» — на душе стало тяжело, в мозгу металась обрывки мыслей, но никакого выхода Степа не

видел. Отсюда не убежать. У тех четверых — оружие и Шарль, который не должен погибнуть из-за него, Косухина.

— Сюда! — приказал голос из темноты. — Нам нужны вы, господин Косухин. Ваших друзей мы отпустим...

Степа понимал — верить этим типам нельзя, но выбрать было не из чего. Он шепнул Тэду: «Прячься» — и медленно пошел вперед. Валюженич на миг замешкался и вдруг, одним прыжком догнав Косухина, зашагал рядом. Краем глаза Степа заметил, что американец держит в руках свою никому уже не нужную находку — ржавый меч в потрепавшихся кожаных ножнах.

— Тэд! Назад! — вновь шепнул он, но было поздно. Луч фонаря ударил в лицо.

— Скажите своему другу, чтоб он отошел, — вновь прозвучал голос, но Валюженич не реагировал. — Ладно, господа. Как угодно.

— Тэд! — крикнул Косухин, но Валюженич усмехнулся и положил руку на Степину плечо.

— Господин Косухин! — В голосе говорившего звучала неприкрытая издевка. — Господин Берг велел найти вас, чтобы сообщить о вашем брате.

— Что? — Степа рванулся вперед, но рука Валюженича удержала его на месте. — Где Николай, гады? Что с ним?

— Отправляйся к нему, красная сволочь!

У Степы на миг перехватило дыхание. В темноте щелкнули курки, и тут Валюженич, по-прежнему крепко державший Косухина за плечи, поднял перед собой меч, словно пытаясь заслонить себя и Степана от пуль. Из темноты послышался смех, луч фонарика вновь ударил Косухину прямо в глаза и тьму прорезали вспышки выстрелов.

Степа почувствовал, что падает. В первый миг он ничего не соображал, а потом понял, что жив, лежит на земле, а в правую руку ему суют рукоять револьвера.

— Стив, о'кей? — шепнул Валюженич. Степа удивленно вздохнул, затем опомнился и замер.

— Готовы? — послышалось невдалеке.

— Да, оба. Я бил комиссару прямо в сердце.

— Но все-таки проверьте. По-моему, этого американца только ранило...

В темноте заскрипели шаги, и через минуту над замершими Степой и Тэдом склонились две фигуры в черных смокингах.

— Не шевелятся. Ладно, пуцу контрольный — в голову.

И в ту же секунду Степа резко перевернулся и, почти не целясь, нажал на курок. Выстрел, второй — и два тела глухо ударились о землю.

— Что случилось, господа?

«Третий, — подумал Степа. — Всего было четверо — и Шарль».

Тут же вспыхнул фонарь. Луч света растерянно рванулся из стороны в сторону и наконец замер, наткнувшись на трупы. Косухин выстрелил вновь, навскидку — фонарь дернулся и упал на землю.

— Шарль! — заорал Валюженич, подхватывая один из револьверов, лежавших рядом с трупами и вглядываясь в темноту. Там послышалась возня, затем кто-то крикнул, и наконец раздался голос Карно:

— Ребята, я держу его! Скорее!

Косухин включил фонарь: Шарль Карно лежал на земле, прижав Гастона скованными руками. Рядом неподвижно застыл еще один — третий — труп в черном смокинге.

— О'кей! — Валюженич уже бежал вперед, но тут Сен-Луи дернулся, отбросил Шарля в сторону и, спотыкаясь, побежал к выходу. Карно вскочил, но его противник был уже далеко.

— Наручники, смерть Господня! — Карно выругался и беспомощно оглянулся. Степа уже был рядом.

— Давай руки!

Шарль поднял скованные руки вверх, и Косухин одним выстрелом разбил цепочку. Карно хлопнул Степу по плечу и подобрал лежавший на земле револьвер убитого.

— Скорее! Он уходит! — Валюженич был уже у входа.

— Стой! — Степа вовремя вспомнил, что из всех троих лишь он имеет фронтовой опыт. — Стой, Тэд, там может быть засада, чердынь его!

Валюженич поспешно остановился. Вскоре все трое уже стояли у входа, прижавшись к дышавшей сыростью стене.

— Сколько их может быть? — бормотал Карно. — Я видел два автомобиля...

— Подождем. — Косухин перевел дыхание и быстро перезарядил револьвер. — Никто не ранен?

— Мне только по уху съездили, — с готовностью сообщил Карно. — Но как вы, ребята, живы, до сих пор не пойму! В упор же били, сволочи!

— Видать, промазали, — ничего иного придумать Степа не мог. — Руки у них не оттуда росли. Тэд, ты не ранен?

— Рубашку порвал, когда падал, — Валюженич вздохнул и добавил: — Жалко, новая.

— Постой, постой... Чего ж мы это с тобой упали?

— Это ты упал, Стив. Как только они стали стрелять, я толкнул тебя и упал сам.

— Молодец, — оценил Степа. — Но как они в нас промазали? Ума не приложу!..

— Потом объясню. — Валюженич осторожно выглянул и тут же отдернул голову. — Вторая смена, господа.

— Сколько их? — Степа уже занимал позицию, пристраивая оружие поудобнее.

— Кажется, один. Но не тот, что убежал...

Потянулись томительные секунды. И вот где-то послышались тяжелые гулкие шаги, словно у того, кто подбирался к ним, была чугунная обувь. В просвете двери появился силуэт. Это был действительно не Гастон: тот, кто стоял у входа, казался повыше ростом и явно шире в плечах. Голова сидела низко, будто у пришедшего из темноты не было шеи.

— Парламентер, — предположил Карно, но пришедший медленно повернул голову и сделал шаг туда, откуда слышался голос.

В тот же миг ударили револьверы. Воздух наполнился кислым запахом сгоревшего пороха. Выстрелы били почти в упор, но странный гость медленно, не торопясь двигался навстречу.

Степа, закусил губу и тщательно прицелился прямо в голову врага. Он видел, как в темноте сверкнула искра — словно пуля ударилась о камень. Темная фигура медленно, не спеша двигалась вперед.

— Уходим! — Косухин мгновенно оценил обстановку. Он уже помнил такое: пули не брали тех, кто окружал дом на Трегубовской. Пули не брали Венцлава.

Все трое отбежали назад, к алтарю. Темная фигура медленно двинулась им вслед.

— Оу, упырь! Стив, ты мне что-то об этом рассказывал! — Тэд был не напуган, скорее изумлен. Косухин не ответил, и тут Карно включил фонарик. Степа тотчас вырвал его из рук неосторожного археолога, но секунды, пока свет бил в лицо непрошеного гостя, вполне хватило.

— Это не упырь, — спокойно констатировал Карно. — Ребята, боюсь, мы пропали.

Это был действительно не упырь. Собственно, упырей

никто из них не видел. Правда, Степа мог немало рассказать о солдатах легендарного 305-го, но то, что стояло перед ними, никогда не было человеком. Фонарик высветил не лицо, а грубую маску из чего-то твердого, похожего на плотную глину. Вместо глаз темнели две маленькие щели, все тело было тоже словно вылепленное из глины — неуклюжее, громоздкое, со свежими следами рикошетивших от твердой поверхности пуль.

— Стив, что нам делать? — Валюженич нерешительно вертел в руке револьвер. Другая по-прежнему сжимала меч.

— Не знаю, — честно признался Степа. — Пули его, гада, не берут. Попробуем обойти — он, чердынь-калуга, еле ползет.

Истукан действительно двигался медленно, но чутко следил за своими противниками, неплохо ориентируясь в темноте. Возможно, он приберегал про запас и нечто более опасное. Кроме того, Косухин с запозданием сообразил, что те, кто посылал это чудище в церковь, сейчас ждут у входа и встретят убегающих выстрелами в упор.

Вероятно, Валюженич подумал о том же. Секунду-другую он о чем-то размышлял, а затем произнес: «О'кей!» — и отдал Косухину револьвер.

— Ты чего? — Степа поглядел сначала на американца, потом на приближавшееся существо, преодолевшее последнюю перед алтарем кучу камней. Тэд не отвечал. Степа услышал тихий шепот — Валюженич что-то негромко говорил, казалось, не обращая ни к кому. Затем он выпрямился, поднял меч, не вынимая его из ножен, и шагнул вперед.

Косухин не успел его удержать. Карно вскрикнул и выстрелил. Пуля скользнула по голове страшного гостя и рикошетом отлетела к стене.

— Тэд, назад! — Но Валюженич уже стоял рядом с монстром. Руки с мечом были подняты на уровне глаз. Тот, кто искал их смерти, внезапно замер.

— Ваде ретро! Ин номини Деи! — Голос Валюженича стал тяжелым и густым, словно молодой американец за секунду стал старше на много лет. Темный силуэт, стоявший рядом с ним, дернулся и замер. Наступила тишина.

Степа вскинул револьвер, но тут же опустил оружие. Стрелять нельзя: Валюженич закрывал собой врага, да и пули не наносили тому вреда. Или — мелькнула запоздалая мысль — они просто не знали, куда именно следует целиться.

Секунды тянулись одна за другой. И вот послышался хриплый звук — монстр медленно поднимал руки. Короткие толстые пальцы растопырились, словно пытаясь вырвать меч. Но Валюженич стоял неподвижно, словно тоже став камнем. Руки монстра уже почти коснулись меча, и вдруг Косухину показалось, что в храм ударила молния — меч вспыхнул невыносимо ярким голубым светом. На миг стало видно словно днем. Голубой огонь осветил церковь, повеяло озоном, будто действительно началась гроза. И тут же все пропало. Степа видел, что американец качнулся, но устоял, а с монстром что-то случилось: он попятился, нерешительно задвигал головой и вдруг повернулся.

— Тэд! Уходи! — не выдержал Карно. Но Валюженич по-прежнему стоял, держа в руках меч, словно не в силах сдвинуться с места.

Чудовище уходило. Теперь оно двигалось иначе — быстрее, чем раньше, неровно, спотыкаясь почти на каждом шагу. Карно и Степа переглянулись. Нетерпеливый Шарль показал вперед, но Косухин отрицательно покачал головой. Этот бой вел Тэд, и ему виднее, как поступать.

Прошло несколько томительных минут. Тишину нарушал только звук тяжелых шагов — страшный гость уходил, даже не пытаясь обернуться. Что-то знакомое вспомнилось Косухину. Конечно, он уже видел нечто похожее. Тогда они тоже были в церкви, и Ростислав кинул серебряный перстень в краснолицего Венцлава...

Наконец черный силуэт исчез за порогом. Валюженич медленно опустил меч. Через несколько секунд Степа и Шарль уже были рядом.

— О'кей, — американец аккуратно положил меч на землю, а сам без сил присел на ближайший камень. — Стив, я, кажется, нарушил воинскую дисциплину. Но ведь этот цирковой персонаж надо было как-то задержать...

— Ты прочел заклятие от нечистой силы? — Карно возбужденно потер руки.

— Йе, но это, конечно, не главное. Я подумал... Стив, ты спрашиваешь, почему в нас не попали пули?

— Ну... да.

— Конечно, они могли и промахнуться. Теоретически. Но, в общем, шансов у нас не было. И тут я подумал, что один шанс у нас все-таки есть. Если эти ножны — настоящие...

— Ножны от меча Артура? — не выдержал Карно.

— Да, если ножны логрские, тогда они защитят нас. Когда пули в нас не попали, я был уже почти уверен. Не знаю как, но помогло и на этот раз...

— Потом, — перебил его Степа. — Похоже, еще не конец. К двери!

Валуженич кивнул и встал. Косухин сунул ему револьвер, и они поспешили ко входу. Выглядывать покуда было опасно. Степа занял прежнюю позицию — возле стены. Он прислушался — снаружи стояла тишина.

Внезапно сзади вспыхнул свет. Карно, включив фонарик, что-то пытался найти между лежавшими на полу камнями.

— Шарль, — позвал Валуженич, но Карно лишь pokrutil головой, продолжая свои поиски. Внезапно он вскочил, подпрыгнул, воскликнул нечто вроде «оп-ля!» и поспешил к приятелям.

— Нашел! Там, где стояло это чучело...

Он вновь включил фонарик и раскрыл ладонь. Свет упал на два маленьких осколка.

— В него попали пули! — Карно говорил так быстро, что Степа с трудом его понимал. — Понимаете, теперь я отнесу это в лабораторию, и мы узнаем из какого теста слепили нашего приятеля. По-моему, это все-таки глина...

— Тише! — Косухин поднял руку. Послышалось гудение мотора.

— Укатили, — шепнул Шарль, когда шум медленно стих. — Похоже, обратно, в Бриньоган. Но у них был второй автомобиль...

— Подождем, — решил Степа. — Мало ли что, чердынькалута...

Они прождали с полчаса, но возле церкви все молчало, лишь изредка доносился шум ночного леса. В конце концов Косухин решил рискнуть, и они вышли наружу.

Возле церкви было пусто. Рядом с автомобилем Карно стоял другой, тоже небольшой, но черный. В авто никого не было, передняя дверца распахнута настежь, а на траве лежала монтировка.

— Порядок! Целая, — сообщил Карно, осмотрев свою машину.

— Пора уходить, — рассудил Валуженич. — Да, набрались впечатлений, джентльмены!..

Возвращаться в темную, пахнущую порохом и смертью церковь не хотелось, но надо было спешить. Валуже-

нич аккуратно собрал находки, замотав меч в свою порванную рубашку. Тем временем Карно забрал кирки и бегло осмотрел весь храм, чтобы чего-либо не забыть. К трупам решили не прикасаться. Шарль предложил проверить у них документы, но Степа запретил. Ему и так было ясно, кто их ночные гости.

— Остается помолиться святому Иринею, — заключил Шарль, когда они покидали храм. — Не подвел старик — защитил. Но, кровь Христова! Кто мне объяснит, кому мы могли понадобиться? Неужели конкуренты-граалисты?

— Я объясню, — пообещал Степа. — Но после, ладно?

Карно вывел машину на шоссе. Поскольку их враги вернулись в Бриньоган, Шарль предложил ехать в противоположную сторону, чтобы через Ренн и Ле-Ман вернуться в Париж. Ему не возражали, всем хотелось поскорее убраться из этого жуткого места.

— Стив, а что эти бандиты сказали о твоём брате? — поинтересовался Валюженич, когда авто повернуло на юго-запад и помчалось прочь от леса. — Я не понял...

— Я тоже... это... Не понял, — медленно, пересиливая себя, ответил Косухин. Он не мог и не хотел говорить на эту тему. Сомнений не было — Берг велел передать, что Николая нет в живых.

Степа вновь вспомнил о перстне на руке Берга, а затем вдруг в памяти всплыло увиденное в зеркале, когда поезд мчал его в Париж. Они приходили к нему — Ксения, Семирадский, Ирман. Приходили, чтобы предупредить об опасности — теперь уже ясно какой. Или... Или чтоб поведать о брате!..

Берг! Он знал все! И, возможно, не просто знал. Почему-то Наташиному дяде надо было убрать всех, кто имел отношение к старту «Мономаха». Наташа потеряла память, за Степой и Валюженичем охотились... А Николай — он ведь должен был выйти на связь именно через лабораторию Берга!

Между тем Карно требовал немедленного и точного отчета, дабы узнать, по какому поводу его, законопослушного французского гражданина, решили прикончить прямо во время осмотра исторической достопримечательности.

Валюженич взглянул на Степу, и тот, как мог, удовлетворил любопытство Шарля. Естественно, о «Мономахе»

Косухин не сказал ни слова. Наташин дядя предстал в облике озверелого белогвардейца, каким он в действительности и являлся. Правда, эта версия никак не объясняла стремления расквитаться с далеким от идей большевизма Валюженичем, но Карно додумал все сам:

— Это все тот парень, Гастон. Наш Тадеуш, похоже, излишне желал продолжать знакомство с мадемуазель Натали. Типичные нравы парижских апашей! Ну, ребята, вы и влипли!

Ни Тэд, ни Косухин не стали возражать, тем более мсье де Сен-Луи не вызывал у них ни малейших симпатий.

— Жаль, что его не пристрелили! — заключил несентиментальный Карно. — Эх, знал бы — не выпустил! У него такие противные потные руки!..

Авто мчало по пустынной дороге. Слева и справа мелькали силуэты высоких старых деревьев, росших у обочины, и Степе внезапно дико захотелось спать. Он знал за собой эту особенность. С ног валило чаще всего после боя, особенно когда приходилось ходить в штыковую.

Под утро въехали в Ренн. Тут уж не выдержал даже неутомимый Карно, и они остановились в первом же небольшом отеле. Отоспавшись, решили ехать дальше, но сперва Шарль позвонил в Париж отцу — и, как выяснилось, вовремя. Сенатор Карно, обеспокоенный странным вояжем сына, уже успел протелеграфировать в Бриньоган и готовился заявить в жандармерию. Успокоив отца, Шарль сообщил, что они вернутся в Париж послезавтра.

Ехали не спеша, а в Ле-Мане сделали дневку, причем Степа был отконвоирован в здешний собор, где послушал лекцию об особенностях французской готики. От посещения музея он все-таки отбился и предпочел просто погулять по городу, втайне надеясь, что хотя бы здесь, в пролетарской Франции, удастся встретить товарищей по партии. Но, вероятно, население Ле-Мана еще недостаточно восприняло самые передовые идеи: в городе, как удалось выяснить, преобладала изначально реакционная католическая партия, а слабую оппозицию ей составляли вовсе не коммунисты, а какие-то мелкотравчатые радикалы. Степе стало скучно, очень захотелось домой. Наблюдения последних

месяцев не обнадеживали: ни стонущая под колониальным игом Индия, ни Франция — родина Коммуны — не спешили под знамена Мировой революции. И это было очень обидно.

В Париж вернулись ранним утром: из Шартра, где была последняя ночевка, выехали после полуночи. Осторожность была нелишней. Кроме Берга и его бандитов, следовало опасаться бдительной французской полиции. Старинный меч, заботливо укутанный в рубашку Тэда, еще мог сойти за музейный экспонат, но три револьвера вызвали бы лишние и совершенно ненужные вопросы. Счастливо избежав знакомства с дорожной жандармерией, автомобиль нырнул в лабиринт парижских улиц, и через полчаса Шарль затормозил возле дома, где обитал Валюженич.

— Ну вот, Стив, съездили, — усмехнулся Тэд, когда красный автомобиль скрылся за поворотом. — А я-то думал, что после Тибета меня ожидают здесь скука и воспоминания...

— Ты уж извини, Тэд, — виновато вздохнул Степа. — Втянул я тебя, чердынь-калуга!

— Оу, Стив! По-моему, у нас в этом деле равные пакеты акций. Если кого и втянули, так это Шарля, но он, кажется, не в обиде. Ладно, кажется, наступает тайм-аут.

Косухин не совсем понял, что такое «тайм-аут», но уже был готов согласиться с приятелем, как вдруг замер и схватил американца за руку. Из подъезда, куда они собирались зайти, вышел человек. Конечно, в этом не было ничего удивительного, но это оказался не обычный парижанин, спешащий на службу. Его лицо Степа узнал сразу: молодое, красивое, с глубоким шрамом на щеке. Человек был в штатском, но Степа помнил, что тогда, ночью, его называли поручиком.

— Что? — не понял Валюженич. — Опять?

Ответить Степа не успел. Поручик подошел к ним, вытянул руки по швам и щелкнул каблуками:

— Доброе утро, господа. С прибытием.

Говорил он, естественно, по-русски. Валюженич, что-то сообразив, чуть подался назад, рука легла на пояс, где был спрятан трофейный револьвер. Косухин криво усмехнулся:

— Стало быть, здрасьте, господин поручик. Мешок, что ли, привезли?

Тот покачал головой:

— Прошу извинить, господин Косухин. Не за мешок, тут я выполнял приказ. Я вел себя с вами грубо, но мне сказали, что вы чекист. Я воевал с красными с октября 17-го...

— Оу! — наконец начал понимать Валюженич. — Цивил во? Эгэн?

— Я от генерала Богораза, — продолжал поручик. — Мы дежуриим возле вашего дома, господин Валюженич. Творится что-то непонятное. Его превосходительство приказал тут же доложить о вашем появлении. Прошу быть осторожными и не открывать посторонним двери.

— Бат... Вот хэппинед? — От удивления Валюженич растерял весь свой запас русских слов.

— Генерал просил вас не выходить из квартиры, — ответил офицер на неплохом английском. — Говорят, господин Берг куда-то уезжал. Вчера он вернулся — и снова пропал... Извините, господа, должен позвонить генералу.

Поручик вновь щелкнул каблуками, повернулся и исчез за углом.

— Последуем разумному совету, — рассудил Валюженич. — Вот тебе и тайм-аут!..

Из квартиры решили не выходить. Тэд лишь сбежал в ближайшее кафе и принес бутерброды, после чего одним движением скинул со стола все бумаги вкупе с полудюжиной книг и аккуратно положил на него свою находку. При дневном свете меч смотрелся совершенно непрезентабельно — костяная рукоять побурела и растрескалась, окислившаяся медь распадалась при малейшем прикосновении, а кожаное покрытие ножен, казалось, вот-вот лопнет и рассыплется на мелкие лоскутья.

— Стив, делай что хочешь, но меня не трогай, — распорядился американец, поудобнее усаживаясь за столом и вооружаясь скальпелем и лупой. — На полке слева — несколько книг про короля Артура. Газеты в прихожей. Все, начинаю...

Косухин, опасливо поглядев на нырнувшего с головою в науку приятеля, пролистал газеты, которые были, само собой, на французском языке, а затем стал разглядывать книжки. Они оказались на разных, неведомых Степе языках, зато можно было рассматривать картинки. Они были разные, но очень красивые, хотя и далекие от привычного Косухину пролетарского реализма. Там были изображены мужчины в железных доспехах — очевидно, эксплуатато-

ры-феодалы — и женщины в странных, тоже явно не пролетарских, платьях. Простому народу внимание не уделялось, лишь кое-где на заднем плане изображались представители трудового крестьянства, пашущие землю или пасущие мелкий рогатый скот. Работали они явно не на себя, а все на тех же разодетых феодалов, и Косухин мысленно возмущался вечно царящей в мире социальной несправедливостью.

На одной из картинок, цветной, в полный лист, была изображена битва. Тут уже стало интереснее. Впрочем, воевали феодалы как-то странно — без всякого порядка, не как регулярная армия, а как разбойничья шайка, без строя и правил. На большом поле, неподалеку от крепости с острыми зубцами башен, скучилась толпа всадников в доспехах, рубивших друг друга длинными мечами. На земле лежали убитые и раненые. Косухин задумался о том, что надо иметь немалую дурь, дабы прорубить мечом остальные латы. Очевидно, физическая подготовка феодалов была поставлена грамотно.

В центре, на белом в яблоках коне, был изображен феодал в роскошных, изукрашенных явно на нетрудовые доходы, доспехах. По маленькой короне, укрепленной на шлеме с глухим забралом, Степа догадался, что это король. Монарху, судя по всему, приходилось нелегко: его окружало несколько врагов, еще один метил ему прямо в спину. Вокруг лежали трое рыцарей, свидетельствуя, что неизвестный Косухину король был мастак по части рукопашного боя. Степа уже собирался перевернуть страницу, мысленно осудив реакционные нравы феодальной знати, как вдруг его внимание привлекла не замеченная ранее деталь. В руках король держал меч, и от этого меча исходило серебристое сияние. Такое же сияние окутывало золотой венеч на шлеме, черные ножны и большой перстень, надетый прямо на железную перчатку.

Косухин прикрыл глаза, вспомнив серебристую вспышку посреди разрушенной церкви. Одно воспоминание сменилось другим — и перед глазами предстала иная церковь, тонкий слой снега на бревенчатом полу и свечение, исходившее от перстня, который уронил Ростислав...

— Это Артур. — От голоса Вальженича Степа вздрогнул. Похоже, он просидел над странной картинкой достаточно долго. — Любопытное издание Мэллори. Тут интересные комментарии. Вот, смотри, Стив...

Валуженич, перелистав несколько страниц, медленно прочел вслух:

— По некоторым ранним свидетельствам, Мерлин, уходя из пределов этого мира предсказал гибель логров, заявив: «Вы не смогли быть ангелами, но и людьми пробудете недолго — быть вам бесами»...

— И чего тут интересного? — услышав подобную поповщину, Степа сразу потерял интерес к книге. — Я уже, чердынь-калуга, с одним лешим беседовал, который с незаконченным высшим образованием.

— Шарль бы это оценил, — засмеялся американец. — Он из этих слов вывел бы целую теорию... Ладно, прагматик, пошли посмотрим. Кажется, я что-то нашел.

Он подвел Степу к столу, на котором лежал меч, и взял в руки скальпель.

— Меч превратился в труху, — прокомментировал он. — Карно прав — ничего интересного. Думаю, его даже вынуть не удастся. А вот ножны... Гляди...

Он аккуратно провел скальпелем, счищая тонкий слой ветхой кожи. Затем Степе была вручена лупа. Косухин повертел в руках хитрое буржуйское изобретение, принаравливая стекло к глазам, а затем всмотрелся.

Вблизи кожаное покрытие ножен гляделось еще хуже. По сути, от него остались лишь чешуйки, каким-то образом еще державшиеся на основе. Но тут взгляд упал на очищенное Тэдом место, и Косухин замер от удивления: из-под черных лохмотьев проглядывал ровный блестящий слой металла.

— Так это ж серебро, чердынь-калуга! — не удержался он.

— Прوماхнулся, мой генерал. Серебро окисляется — здесь была бы симпатичная розовая патина. Не знаю что это, Стив. Похоже, сплав, но такого сплава я не встречал. Кстати, металлурги Средневековья его тоже не знали. Ладно, хватит самодеятельности, сдам в лабораторию — поглядим...

— Так оно из-за этого светилось? — вновь вспомнился перстень, который носил Арцеулов.

— Следуя логике — из-за этого. Так что, мистер материал, никакой мистики. Не удивлюсь, если эта штука может не только светиться и отклонять пули...

Косухин задумался и даже начал тереть лоб, что свидетельствовало о высшем мозговом напряжении. Получалось

и вправду складно. Выходит, эти логры кое-что понимали в защитном вооружении!

— Там, в книжке, где этот, как его, Артур... Так у него тоже меч светится, и ножны...

— А также кольцо и венец, — кивнул Тэд. — Я заметил, Стив. Четыре великие реликвии логров — или дэргов, если верить тому, что я прочел. Ну и, конечно, Грааль... — Валюженич рассмеялся.

— Ты чего? — удивился Степа.

— Да так. Просто, Стив, такая удача выпадет раз в жизни. Если даже это и не ножны от Эскалибура, то все равно — что-то потрясающее. Правда, мне за них могут и голову оторвать, но посмертно обязательно запишут в анналы археологии...

— Ты сначала этот Грааль найди, — прервал Степа излишне расхваставшегося приятеля.

— Оу, если верить теории Шарля, его, скорее всего, уже нашли, только не распознали. Понимаешь, Стив, Артур был не чистый логр — метис, незаконный сын, и поэтому он не владел высшей мудростью. Правда, священные реликвии он захватил, но главное святилище — Грааль — было ему недоступно. Его охраняли настоящие логры — Анфор-тас и его рыцари...

— А помедленнее можно? — взмолился Степа.

— Оу, извини! Поэтому Артур и посылал своих рыцарей на поиски Грааля. Никто из них не добрался, кроме Персиваля, который, по мнению Шарля, был чистым логром. Ну а сам Грааль, возможно, обыкновенный каменный круг, каких в Бретани или на западе Англии до сих пор сколько угодно. Дело не в камнях, а в тех, кто умеет ими пользоваться... Потом Артур погиб, реликвии частично пропали — частично были спрятаны. По некоторым источникам, логры ушли в леса и там одичали...

— А когда, чердынь-калуга, они соберут все эти побрякушки вместе, тогда и наступит конец света, — удовлетворенно подытожил Степа. — Ну и поповщину ты развел, Тэд! А еще образованный.

— Это не я. Это все Шарль, — не обиделся Валюженич. — И речь идет не об Апокалипсисе, а о возрождении логров, которые снова смогут стать...

— Ангелами, чердынь-калуга, — Степа скривился. — Ох, Тэд, ну и сору у тебя в башке!

Валюженич лишь усмехнулся и вновь подсел к столу,

начисто забыв, что находку следует отдать специалистам. Вероятно, соблазн самому разгадать тайну был слишком велик.

После шести, когда Степа и Тэд подумывали спуститься в кафе и перекусить, в дверь позвонили. Валюженич отправился открывать, но Степа жестом остановил его, проверил револьвер и показал Тэду, чтоб тот шел не по центру коридора, а вдоль стены. Косухин где-то слышал, что для военного нет хуже ситуации, когда приходится произносить: «А этого не ожидал!»

— Кто? — поинтересовался Валюженич.

— Женераль Богораз! — сообщил гость. Степа кивнул, и американец открыл дверь.

Генерал был в поношенном штатском костюме и модном кепи. Револьвер был спрятан умело, обнаружить его мог только опытный Степин глаз.

— Здравствуйте, господа! — Аскольд Феоктистович перешел на русский. — Степан Иванович, познакомьте нас.

Процедура знакомства не заняла много времени. Генерал отказался пройти в комнату и сразу приступил к делу:

— Степан Иванович, мы едем к Бергу. Пора выяснить, что там у него происходит. Вы присоединитесь?

— Ясное дело! — Степа сунул револьвер за пояс и застегнул пиджак. — Тэд, я пошел.

— Оу, то пан киде своего приятеля? То пан дума, цо я э-э-э... отпускать пана одного? — Валюженич покачал головой и стал у двери, загораживая выход.

— Там нужны военные, — Богораз поглядел на необстрелянного штафирку весьма недоверчиво. — Господин Валюженич, мы доставим вам вашего друга в целости и сохранности.

— После того, как вы чуть было не прикончили Стива? — Валюженич для убедительности перешел на французский. — Я не собираюсь участвовать в боевых действиях, но думаю, присутствие американского гражданина умерит ваши политические эмоции. К тому же мне хотелось быть уверенным, что эта акция не затронет мадемуазель Наташу.

— Как хотите, — сухо ответил Богораз. — Будет весьма жаль, если с гражданином Северо-Американских Штатов случится какая-нибудь неприятность. Мы едем не на прогулку.

— Догадываюсь, — кивнул Тэд, всем своим видом показывая, что дискуссия окончена. Генерал неодобрительно взглянул на американца, но больше возражать не стал.

Внизу их ждал памятный Степе автомобиль. Кроме шофера, в нем было еще одно знакомое лицо — капитан, которого его товарищи называли Виктором. Шофер никак не реагировал на новых пассажиров, а Виктор поздоровался с Косухиным самым дружеским образом, как будто они вместе только что побывали на пикнике.

Авто тронулось с места, Богораз, кратко сообщив офицерам, что «господа Косухин и Валуженич» примут участие в операции, стал рассказывать.

Сразу после того, как Степу чудом не отправили на дно Сены, за Бергом было установлено наблюдение. Целый день обитатели особняка на улице Гош-Матье вели себя обычно. Берг не выходил из дому, Наташа и Гастон съездили в институт Кюри, где оба работали, а вечером сходили на выступление труппы Дягилева. Но уже на следующее утро шофер Берга — один из крепких парней в смокинге — подогнал к особняку автомобиль-фургон, в который погрузили какой-то ящик. Еще один автомобиль — небольшой, на котором часто ездила Наташа, — был послан Бергом куда-то в центр города, где ему удалось оторваться от наблюдения, но вскоре вернулся, после чего в оба автомобиля уселись Берг, Гастон и пятеро людей из obsługi особняка — все с оружием. Автомобили проехали через центр, где оторвались от наблюдения и скрылись.

Берг вернулся через два дня, но уже на одном автомобиле: второе авто и трое охранников куда-то исчезли. Берг, Сен-Луи и двое оставшихся с трудом втащили ящик в дом, при этом было заметно, что Гастон сильно хромал...

...Степа и Валуженич переглянулись. Где надо искать брошенный автомобиль и троих в черных смокингах, они догадывались. Косухина вдобавок тешила мысль, что талантливый ученый Гастон де Сен-Луи все-таки не отделался легким испугом...

Больше никто из особняка не выходил, но на следующий день Берга и Гастона видели в центре Парижа. Очевидно, они воспользовались запасным выходом, о котором люди Богоразы не знали. Сейчас в особняке тихо, ставни закрыты, на телефонные звонки никто не отвечает.

— Так, значит... — Степа секунду-другую размышлял, стоит ли кое-что рассказать генералу, но в конце концов решил. — Мы тоже кое-что видели. Дело было так...

Он вкратце поведал о путешествии в Бриньоган, опустив некоторые подробности. Богоразу ни к чему знать о поисках логрской реликвии, а заодно и о страшилище, которое напустил на них Берг. Эти сведения Косухин решил приберечь для себя.

— Догадываюсь, как вас выследили, — кивнул генерал, внимательно выслушав Степин рассказ. — Вам двоим, похоже, удалось от них оторваться, но вас подвел ваш приятель.

— Они выследили Шарля? — не выдержал Валуженич. — Но, господин генерал, за нашей машиной никто не ехал! Дорога была пуста, мы проверяли!

Богораз усмехнулся:

— Мы здесь тоже не в игрушки играем. Кто-нибудь из людей Берга прикрепил к авто вашего приятеля небольшое устройство — этакий радиомаячок. Господин Берг — мастер на подобные изобретения.

Косухин и Тэд вновь переглянулись. Недооценивать Берга явно не стоило. Радиомаяк — это еще, похоже, не самое опасное.

— Ладно! — Генерал рубанул ладонью по воздуху. — Сейчас мы во всем разберемся. Если это недоразумение, все будет выяснено. Если Берг все же предатель, то что ж... Особняк штурмовать не будем, но ничего хорошего ему не обещаю. Мы тоже кое-что умеем...

На улице Гош-Матье было пустынно, лишь редкие прохожие не спеша шли по своим делам. Возле дома Берга стоял автомобиль. Как только авто генерала затормозило, из стоявшей машины вышел знакомый Степе поручик со шрамом.

— Все тихо, Ваше превосходительство, — доложил он, подойдя к авто генерала. — Из дому никто не выходил, свет не зажигали.

— Хорошо, — Богораз решительно распахнул дверцу. — Начинаем. Прошу господ штатских выполнять мои указания.

Валуженич понял намек, но дисциплинированно смолчал.

— Все остаются в машине, — продолжал генерал. —

Степан Иванович, не желаете рискнуть? По-моему, у вас есть на это право.

Косухин кивнул и вышел из машины.

— Я решил не крутить. — Богораз поправил спрятанный револьвер, бегло осмотрел Степу и улыбнулся. — Оружие прячете профессионально, одобряю... Спросим Берга сразу — чтоб не увиливал. Если он друг — пусть все объяснит. Ну а если нет... Как я понимаю, вам уже приходилось отступать под выстрелами?

— Да...

Они пересекли улицу, поднялись по ступенькам. Генерал позвонил в дверь, затем огляделся и кивнул Степе. Тот понял и стал справа от двери — в этом случае выстрелы не должны его задеть. Богораз стал слева.

Прошла минута, другая. Косухин подумал уже, что Богораз прикажет ломать замок, но внезапно дверь отворилась. Степа подался назад и тут же замер. На пороге стояла Наташа.

— Господин... Косухин, я не ошибаюсь? — В ее голосе чувствовалось удивление. Тут она обернулась и увидела генерала:

— Аскольд Феоктистович! Слава богу! Я так волнуюсь... Вы не знаете, где дядя?

Богораз и Степа невольно переглянулись.

— Они с Гастоном куда-то уехали, — растерянно продолжала девушка. — Я в доме одна... Как хорошо, что вы заглянули!..

— Разрешите войти? — Генерал оглянулся и кивнул своим людям.

Офицеры вышли из машины и быстро направились к крыльцу. Сзади шел Валюженич, при виде которого Наташа удивленно поглядела на генерала:

— Аскольд Феоктистович...

— Мы все объясним, — Богораз успокоительно кивнул, и растерянная Наташа повела гостей внутрь дома. Они прошли в большую гостиную, обставленную скромно, но богато. На стенах висели странные, на Степин вкус, картины — черные и красные многоугольники, помещенные прямо на негрунтованном холсте. Косухин вспомнил, что знаком с самим Ингваром, который не чета этим мазилам, и мысленно возгордился.

— Присядем, — генерал кивнул, и все трое устроились в глубоких креслах, обитых темной тканью. — Наталья Фе-

доровна, я вынужден вам сообщить, что мы все попали в...
гм-м-м... достаточно сложное положение...

— Что-нибудь с дядей? — Наташа испуганно поглядела на Богораза, затем на Степу. — Или с Гастоном? Знаете, с того вечера, как здесь появились вы, господин Косухин, я почувствовала: что-то случилось...

— Расскажите нам все...

Наташа нерешительно взглянула на Степу. Богораз понял:

— Степан Иванович осведомлен о наших делах. Он брат полковника Лебедева.

— Правда? — Наташа изумленно взглянула на Степу, и тому стало не по себе. Он вспомнил заснеженный Иркутск, пустую комнату — и девушку, закутанную в шаль, просящую его, красного командира, найти ее пропавшую кошку...

— Вы — брат господина Лебедева? Тогда я горжусь, что познакомилась с вами. Как жалко, что я ни разу не встретила Николая Ивановича...

...Перед глазами у Степы встала холодная степь, костер у подножия поросшего сухими колючками холма и Наташа, сидящая рядом с Николаем...

— Но тогда я ничего не понимаю... — девушка вдруг рассмеялась. — Аскольд Феокистович, наверное, у меня до сих пор что-то не в порядке с психикой! Несколько дней назад я слышала, как дядя велел вам ликвидировать господина Косухина! Я даже, признаюсь, пыталась предупредить...

...Степа вспомнил испуганный взгляд Наташи и ее намек об «офицерах». Значит, ему не показалось...

— Вы поступили верно, — спокойно ответил Богораз. — А мы были введены в заблуждение. Что было потом?..

— Потом... — Глаза Наташи блеснули. — Потом вы позвонили, и я поняла, что нашего гостя уже нет в живых. Если бы я не знала вас столько лет и если бы вы не занимали такое место в программе, я бы пошла в полицию...

— Наталья Федоровна, мы просто ошиблись, — мягко остановил ее Богораз.

— А если бы не ошиблись? Если бы господин Косухин действительно был чекистом?

Генерал ответил не сразу.

— Я отвечаю за безопасность программы, — наконец проговорил он. — И за вашу безопасность тоже... Что было дальше?

— Потом все было спокойно, дядя работал в лаборато-

рии. Но ближе к вечеру ему позвонили, и он вдруг приказал Гастону собираться. Затем он забрал всех людей и куда-то уехал... Вчера утром вернулся — и снова куда-то ушел, ничего не объяснив. У Гастона что-то случилось с ногой... Они очень спешили. Сутки я была одна. Хотела выйти, но заметила, что за домом следят...

— Это были мои люди, — кивнул генерал. — Вы не знаете, куда мог уехать ваш дядя?

— Не знаю... И совершенно не понимаю, почему от меня что-то скрывают...

Наташа замолчала. Богораз немного подумал, а затем поинтересовался, словно продолжая прежний разговор:

— Наталья Федоровна, Тускула на связь не выходила?

— Нет... — девушка недоуменно поглядела на генерала. — Ведь «Мономах» не взлетел, и связь не восстановлена. Дядя пытался что-то сделать, но пока безрезультатно...

...Степа вспомнил взволнованную Наташу возле входа в рубку управления и окутанную паром серебристую стрелу, уходящую в небо. Неужели можно это забыть?

— Вы... — он хотел сказать «Наташа», но вовремя одернул себя. — Наталья Федоровна, совсем... ну, это... ничего не помните?

— К сожалению, — тон ответа был сухим. — Врачи обещают постепенное восстановление, но пока я помню лишь, как уезжала в Россию, а потом — клинику в Париже. Я знаю, меня привез во Францию господин Валюженич — он такой... такой... — Наташа внезапно улыбнулась. — Ну, в общем, не похожий на других...

— Да уж, не Гастон, чердынь-калуга! — не выдержал Степа. Генерал укоризненно поглядел на него. Наташа побледнела:

— Я бы просила вас, сударь, в нашем доме не говорить в таком тоне о моем женихе. Господин де Сен-Луи — выдающийся ученый и не вам чета!

«Да уж конечно!» — отпарировал Степа, но не вслух, а про себя. Похоже, Наташа действительно ничего не знала. Ни о том, что случилось с нею за последний год, ни о том, чем занимался мсье де Сен-Луи в свободное от работы время.

— Ваше превосходительство! — На пороге стоял капитан. — Мы осмотрели дом. Пусто. Только дверь в подвальное помещение закрыта.

— Могли бы поверить мне на слово, — вздохнула Наташа. — Это дверь в лабораторию. Там замок с шифром.

— У меня есть допуск, вы знаете, — Богораз встал и кивнул Степе. — Откройте, Наталья Федоровна.

— Но... Там же установка «Пространственный луч»!

— Тем более. Следует взглянуть.

Наташа некоторое время молчала, словно собиралась возразить, но затем резко встала и, не сказав ни слова, вышла из комнаты. Остальные последовали за ней. Прямо за дверью девушка наткнулась на Валюженича. Тот отшатнулся, нерешительно пробормотав: «Гуд ивнинг...» Наташа невольно улыбнулась и снисходительно ответила: «Добрый вечер, сударь».

— Стив, я тут все осмотрел! — Валюженич поравнялся с Косухиным и быстро заговорил по-английски. Степа, не ожидавший этого, сперва ничего не понял, но затем собрался с мыслями, и постепенно слова приятеля стали приобретать смысл: — Этот Берг — отчаянный коллекционер! Здесь у него столько артефактов!.. Он, наверное, ухлопал на них уйму денег!

— Да, видать, что не пролетарий, чердынь-калуга! — согласился Косухин. — Эх, в Чеку бы его, к товарищу Чудову!

Мысль была хороша — в Чека Бергу самое место, но и товарищу Чудову пришлось бы изрядно повозиться с подобным вражиной.

Они спустились в подвал и очутились перед большой, из кованой стали, дверью.

— Отойдите, — велела Наташа. — Я наберу шифр.

Через минуту дверь медленно отворилась.

— Всем оставаться на местах, — генерал обернулся и кивнул Степе. — Мы войдем вместе с господином Косухиным.

— Но вы же знаете правила... — начала девушка. — Там установка...

Генерал не ответил и, вновь кивнув Степе, перешагнул порог. Косухин задержался: дверь внезапно привлекла его внимание.

— Чердынь-калуга! — не удержался он. — А дверь чего — изнутри закрывается?

— Конечно, — удивилась девушка. — Дядя всегда запирается, когда работает.

Богораз, бывший уже за порогом, обернулся и всмотрелся:

— А все-таки странно, Наталья Федоровна. Насколько я понимаю, даже если дверь заперта на шифровой замок, ее можно открыть изнутри, причем — смотрите — простым поворотом рукоятки...

Наташа лишь развела руками, похоже, не придав этой детали особого значения. Но Косухин поневоле задумался. Чтобы закрываться в лаборатории, Бергу вполне достаточно поставить на дверь стальной засов. Хитрое устройство замка явно предназначалось для того, чтобы открывать дверь изнутри, после того как ее по всем правилам заперли снаружи. Причем открывать одним движением руки...

— Господин Косухин, заходите, — вновь позвал Богораз. Степа поневоле почувствовал некоторую робость, но храбро перешагнул порог.

Он никогда не бывал, если не считать Шекар-Гомпа, в научных лабораториях, но почему-то представлял их именно так: масса приборов, мигающие лампочки и, конечно, пуды всякой научной писанины, без которой интеллигенты не могут прожить и дня.

Помещение было большим, квадратным, пол сверкал свежим кафелем, а стены были выкрашены в ровный серый цвет. Косухин почему-то ожидал увидеть хотя бы один портрет — какого-нибудь уважаемого интеллигента с пышной бородой или, на худой конец, Николая II. Он знал, что все образованные обожают портреты. Но стены были пусты, за исключением нескольких наскоро прикрепленных листов ватмана, расчерченных каким-то схемами и графиками.

Около стены, находившейся прямо против входа, стояло три стола. На одном, как и ожидал Степа, были навалены какие-то приборы, другой горбился от тяжести папок с бумагами, а вот третий был отчего-то девственно чист. На нем приютилась лампа под зеленым абажуром, из чего даже неопытный следователь мог вывести, что именно здесь работал Берг. Но сейчас на столе не лежало ни одной бумажки, массивные ящики были наполовину выдвинуты и, как убедился Степа, пусты.

То, что было справа, показалось Косухину куда более интересным. Почти всю стену занимало нечто вроде огромного металлического шкафа, по всей поверхности которого размещалось столько лампочек, верньеров и кнопок, что Степа оказался полностью удовлетворен увиденным. Похоже, этот железный шкаф и был здесь самой важной вещью.

Слева от него на стене размещался рубильник, рядом стояла большая электрическая печь. Справа же находилась вделанная в стену ниша в человеческий рост, над которой были укреплены несколько лампочек. Внутри ее покрывал тусклый светлый металл. Ниша была пуста, но внутри Степа заметил что-то, напоминающее следы гари.

Приглядевшись внимательнее, Косухин сообразил, что и в самом металлическом шкафу — очевидно главной детали «Пространственного луча» — что-то не так. Прежде всего, ни одна из лампочек не горела, а стрелки бессильно склонились к нулям. Но это еще можно понять, а вот то, что в некоторых местах установки металл оказался снятым, отчего оказались обнажены голые искривленные проводки, а вместо некоторых приборов зияли черные отверстия, говорило о явном беспорядке.

Похоже, Богораз заметил это сразу. Когда Степа вошел, он был уже возле установки и методично разглядывал блок за блоком. По тому, как сразу напряглось его обычно невозмутимое лицо, Косухин сообразил: с «Пространственным лучом» что-то действительно не так.

— Установка размонтирована... — Наташа прямо с порога увидела случившееся, и в ее голосе прозвучало крайнее изумление. — Господи, кто это сделал?

Она подбежала к генералу, и они принялись осматривать приборы уже вдвоем.

Степа, решив не мешать, отошел в сторону. Конечно, будь у него образование получше, он не преминул бы изучить всю здешнюю машинерию для нужд мировой революции. Но проклятый царизм лишил его такой возможности, не пустив в созданную лишь для дворян и буржуев высшую школу, посему Косухин решил действовать иначе. Через минуту он был уже возле стола с бумагами и держал в руках верхнюю папку.

Увы, и тут вышла загвоздка. Писано было не по-русски, а если и по-русски, то вперемешку с какими-то цифрами. Понятных слов немного: «поэтому», «значит», «а также» — а потом новые ряды цифр. Встречались и чертежи — но уж больно мудреные.

— Разобрались, молодой человек? — генерал тоже подошел к столу, в его голосе звучала знакомая ирония. Степе даже показалось, что он слышит голос хитрого притворщика Семена. Похоже, и отец, и его отпрыск горазды шутить над пролетариатом.

— Нет, конечно, — Косухин ответил неожиданно серьезно, как никогда бы не стал отвечать Семену Аскольдовичу. — Я ведь необразованный, господин генерал. Четыре класса...

Очевидно, Богораз что-то понял, его тон сразу изменился:

— Не хотел вас обидеть, господин Косухин. Но можете не стараться, это не те бумаги. Они не имеют прямого отношения к лаборатории.

— Это старые дядины черновики. — Наташа быстро перебрала папки и растерянно поглядела на своих спутников. — И черновики Гастона... Зачем дядя их сюда принес?

— Какие бумаги пропали? — генерал уже все понял и тоже положил ненужные папки на место. Теперь он смотрел не по сторонам, а под ноги, о чем-то напряженно размышляя.

— Все... — голос девушки упал почти до шепота. — Лабораторный журнал, рабочие записи, наблюдения за работой установки. Пропала рукопись профессора Глазенапа — мы ею все время пользовались. И даже письма господина Семирадского. И все чертежи...

— Вы заметили пепел в печи?

— Да...

— Значит, установка размонтирована, основные приборы сняты, а документация увезена или уничтожена... Наталья Федоровна, вы понимаете, что произошло?

— Лаборатории «Пространственного луча» больше нет. — Наташа справилась с волнением, и слова прозвучали ровно и бесстрастно. — Наверное, мне полагается теперь застрелиться. Не знаю, что случилось, но я была обязана это предотвратить.

— Полно, Наталья Федоровна, — генерал вздохнул, в глазах его промелькнуло странное выражение — усталости и даже отчаяния. — Я верю, что вы ничего не знали... Мы все доверяли господину Бергу. Увы, теперь уже поздно...

— Вы думаете, это дядя? Но зачем? Ведь это же не восстановить за десять лет!

Наташа пошатнулась, еле устояла на ногах и бессильно опустилась на пододвинутый Богоразом стул.

И тут только до Степы дошел смысл случившегося. Он еще раз оглядел разоренную лабораторию, бледного, не похожего на себя Богоразу, Наташу, уткнувшуюся лицом в сцепленные руки, и к горлу подступило удушье.

— Значит, теперь... — он хотел сказать о брате, но язык не повернулся. — Те, кто на Тускуле? Они...

— Мне очень жаль, — генерал говорил медленно, слова подбирались с трудом. — Это единственная установка «Пространственного луча» — вторая была в Пулкове под Петербургом, но она демонтирована еще в 17-м. Если Семен... Семен Аскольдович не смонтирует установку на Тускуле, то...

Он не стал договаривать, но все и так было ясно.

— А он... Ну, Семен Аскольдович, имеет эти... запчастиста?..

— Нет... Мой сын... — голос Богораза оборвался, ему пришлось начать снова: — Аппаратура, которая была на борту «Мономаха», рассчитана лишь на создание простого приемного устройства. Но я знаю Семена. Он сумеет, я верю... Но может пройти не один год....

Косухин вспомнил сумерки за стеклами кабины, желтую степь под крыльями «Муромца» и Богораза-младшего, уверенно державшего штурвал. Запомнилось лицо — неузнаваемое, без дурацких фальшивых очков, с неожиданными складками у рта казавшегося раньше безвольным человеком.

И Степа вдруг поверил, что Семен сумеет что-нибудь придумать. Если, конечно, — этого говорить при генерале не следовало — Руководитель Проекта жив. Сам Степа почему-то верил в это. Может, потому, что больше верить было не во что...

— Наталья Федоровна, — генерал, похоже, принял какое-то решение, тон его вновь стал спокойным и деловым. — Покиньте лабораторию.

— Все? — грустно улыбнулась Наташа. — Я отстранена от программы?

— Не выдумывайте. Но здесь может быть что-то неожиданное. Например, адская машина. Я осмотрю все сам...

— Не-а, — покачал головой Косухин, почувствовав, что хоть здесь его фронтовой опыт может пригодиться. — Вдвоем осмотрим. Я хоть гимназий и не кончал, но эту, чердынь-калуга, петрушку немного знаю...

Наташа вышла в коридор. Генерал прикрыл стальную дверь, и они принялись внимательно осматривать все углы. Богораз занялся левой стеной, где была установка, Степе досталась правая.

Здесь, в сущности, ничего не было. Стоял маленький

столлик, на котором была водружена чугунная пепельница, торчали две розетки, а на стене висели замеченные еще с порога листы ватмана. Ничего опасного обнаружить не удалось, но Степа еще и еще раз внимательно осматривал и ощупывал все, что могло показаться подозрительным. Но ни столлик, ни пепельница, ни розетки не представляли опасности. Тогда Косухин переключился на стену. Белые листы с графиками не привлекали вначале его внимания, но он вспомнил то, чему сам учил молодых партизан, и аккуратно снял листы ватмана со стены. Не то, чтобы им тут не место, но выглядели они уж как-то подозрительно ново, словно повесили эти схемы и диаграммы в самый последний момент. Теперь надо было осмотреть ту часть стены, которую эти схемы закрывали...

— Вы что-то нашли?

— Вот... — Косухин не без гордости указал на то, что скрывала бумага, — тонкие, еле заметные щели, образующие ровный четырехугольный контур.

— Ого! Дверь! — Богораз осторожно постучал пальцем по поверхности — стена издала гулкий глухой звук. — Да тут фанерная перегородка! Просто, но в исполнении удачно...

Да, это была дверь, или скорее ниша, прикрытая аккуратно выкрашенным в цвет стены листом фанеры. Осмотрев его и не найдя ничего вызывавшего опасения, решили рискнуть. Фанера снялась легко. Генерал отставил лист в сторону и покачал головой:

— Да-с, однако... Взгляните-ка...

Ниша в человеческий рост, похожая на ту, что находилась на противоположной стене. Но эта, в отличие от первой, вовсе не была пустой...

...Прямо на незваных гостей глядела уже знакомая Степе глиняная личина. Теперь, в ярком электрическом свете, она казалась не страшной, а скорее нелепой: грубые черты, отдаленно напоминавшие человеческое лицо, узкие пустые щели вместо глаз. Огромная голова сидела прямо на квадратных плечах, подобия рук застыли вдоль грубо слепоного туловища, покоившегося на толстых ногах. Кукла — странная, несуразная, со свежими отметинами от пуль...

Богораз осторожно постучал пальцами по поверхности:

— Глина... Нет, скорее камень, но какой-то странный... Вот уж не думал, что Берг собирает идолов! Как вы думаете, Степан Иванович, зачем этот урод в лаборатории?

— А вроде талисмана, чердынь-калуга, на счастье, — рассказывать о том, что было в заброшенной церкви близ Бриньогана, покуда не следовало.

— Чушь какая-то, — Богораз покачал головой и поставил лист фанеры на место. — Не будем ничего говорить Наталье Федоровне. Хватит с нее на сегодня...

Степа не стал возражать, но мысль все время возвращалась к одному и тому же: дверь закроют, но ее можно будет отворить изнутри одним движением руки — или того, что заменяло руки этому монстру.

...Когда стальная дверь скрыла разоренную лабораторию, все поднялись наверх. Изрядно соскучившийся Валюженич попытался было рассказать Степе об увиденных им здесь «артефактах», но Косухин остановил его. Дело еще не кончено. Он подошел к Богоразу, который о чем-то говорил с Наташей.

— Нет, я не уеду, — девушка отвечала резко и холодно. — Дядя велел мне оставаться в доме. Поверьте, я здесь в полной безопасности...

Степа сразу же понял, в чем дело. Наташа отказывалась уезжать и оставалась в этом проклятом доме наедине с затаившимся монстром. Правда, уже сутки она была здесь одна, но тогда никто не заходил в лабораторию...

Генерал, ничего не знавший о том, что он принял за идола, все же продолжал настаивать.

— Не уеду! — решительно повторила девушка. — Надеюсь, вы не будете применять силу?

— Не буду... — Богораз помолчал. — Но я оставляю своих людей. Двое будут на улице в автомобиле, а двое — в самом доме.

Наташа передернула плечами:

— По-моему, это называется домашний арест. В таком случае, я сама выберу себе конвоиров. Господин Косухин, смею я вас просить об этом одолжении?

— Но... — начал было генерал.

— Бойтесь, что меня завербуют в Чека? — Наташа улыбнулась, но глаза оставались строгими и холодными. — Вы уж извините меня, Аскольд Феоктистович, но брату полковника Лебедева я доверяю больше, чем вашим, так сказать, специалистам...

— Одного мало, — покачал головой Богораз.

— Оу, я готов! — Валюженич уже был рядом. Наташа вновь улыбнулась, но на этот раз вполне искренне. Тэд еле заметно покраснел.

— Надеюсь, господин Валюженич сможет отличить револьвер от зубочистки, — генерал вздохнул и покачал головой: — Ладно, как хотите, но наружную охрану я беру на себя...

... Степа и Валюженич переглянулись. Косухина тянуло рассказать, что пришлось увидеть в лаборатории, но надо было выждать. Между тем генерал, поговорив с Наташей, отозвал своих людей в сторону и отдал им какие-то распоряжения. Застучали каблуки — и через минуту в доме остались лишь четверо: Наташа, двое ее добровольных охранников и генерал.

— Подъеду утром, — Богораз неодобрительно взглянул на улыбавшегося Валюженича, затем перевел взгляд на Степу. — Господин Косухин, надеюсь на вас!..

ГЛАВА 4

Александр Михайлович

Степа тщательно запер входную дверь и довольно покачал головой: входные засовы можно было сокрушить разве что из пушки.

— Черный ход заперт, — подсказала Наташа. — Я проверяла. Господа, извините, что я проявила некоторый деспотизм, но не хотелось оставаться в компании с этими башибузуками. Еще раз благодарю, хотя все это совершенно напрасно: в дом не войти, к тому же всегда можно вызвать полицию... Ладно, пойду приготовлю что-нибудь на ужин. Господа, какое вино вы предпочитаете к рыбе?

Косухин только вздохнул, но Тэд, которому Наташа повторила вопрос по-французски, встрепенулся и заявил, что не отказался бы от шамбертена. Степа вспомнил, как они пили с Наташей неразбавленный спирт, и поневоле усмехнулся.

— То дуже добже, — возбужденно заговорил Валюженич, когда девушка, извинившись, оставила их одних. — То мы можем... рассказать, так? Наташа... то она мае все знать...

Тэд был, конечно, прав, но Косухин вспомнил о том, что слышал от самого Валюженича.

— Нет, нельзя. Ей же врачи запрещают, чердынь-калуга!

— То... — американец даже растерялся. — То цо нам робить?

— Шамбертенем баловаться! Ты слушай сюда, Тэд...

И Степа быстро, чтобы успеть до возвращения Наташи, рассказал то, что увидел в нише, закрытой листом фанеры.

— Оу, той глиняный хлоп здесь! — Тэд озабоченно нахмурился и похлопал рукой по револьверу. — То... какой наш план?

— Подумаем... — ничего связного в голову покуда не приходило. Случись что, револьверы будут бесполезны. Оставалась надежда на то, что монстр двигается медленно и вдобавок с таким шумом, что можно будет сориентироваться заблаговременно.

За ужином действительно была какая-то неизвестная Степе рыба и вино в высоких тонких бутылках, показавшееся Косухину жуткой кислотой. Он почти все время молчал, предоставив Тэду инициативу расхваливать кулинарное мастерство хозяйки и вести с Наташей долгий разговор о преимуществах разных сортов французских вин. Беседа велась, естественно, тоже на французском, и Косухин сразу же почувствовал себя неуютно. Когда они с Наташей бежали по черным коридорам Шекар-Гомпа, никто не интересовался тонкостями вин и его умением вести светскую беседу. Здесь же Степа сразу становился «серой костью», его можно было взять в телохранители и даже посадить за стол, но не больше.

После ужина перешли в гостиную, и беседа продолжилась. Насколько удалось понять Степе, Наташа и Валюженич теперь говорили об искусстве. Тут уж Косухин окончательно скис и лишь молча курил папиросу за папиросой.

— Вы все молчите, господин Косухин, — Наташа, прервав беседу об импрессионистах, наконец-то обратила внимание на своего гостя. — Вот господину Валюженичу очень нравится Моне...

— Мне Ингвар нравится, — выложил Степа весь свой запас знаний о живописи.

— Ингвар? — на лице девушки отразилось удивление. —
Постойте... А вы... Вы, значит, тоже приехали из Индии?

Степа пожал плечами. Даже если бы не запрет врачей, он едва ли стал бы рассказывать Наташе о том, что было. Да и зачем? Эта девица-белоручка, рассуждающая о сортах вин и о живописи, ничем не напоминала прежнюю Наташу.

— И мы, значит, с вами уже были знакомы?

— Да так, немного...

Наташа внимательно посмотрела на него, и в ее глазах мелькнуло странное выражение. Казалось, девушка пытается что-то вспомнить. Но это длилось лишь какой-то миг — и все исчезло. Наташа вновь улыбнулась и заговорила с Тэдом по-французски.

...Степа решил не обращать внимания. Прежней Наташи уже нет, но его попросили охранять племянницу господина Берга, и он должен выполнять свой долг. Извинившись как можно вежливее, Степа попросил разрешения осмотреть второй этаж, где находились жилые комнаты.

Осмотр его удовлетворил. Спальня Наташи выходила не непосредственно в коридор, а соединялась с ним через маленькую комнату, в которой стояли диван и пара кресел. Лучшего места для сторожевого поста не придумать. Дверь в коридор была массивной и закрывалась на засов.

— Полно, господин Косухин! — Наташа наблюдала за его стараниями с легкой, еле заметной иронией. — Поверьте, если бы мне что-либо угрожало, я бы тут же уехала. Я ведь ужасная трусиха! Ну что мне может угрожать в запертом пустом доме, да еще с двумя офицерами господина Богораза под окнами?

Степа лишь вздохнул.

— Лучше ложитесь спать, господа. Утром я вас разбуду, и вы сможете доложить генералу, что честно выполнили свой долг. В соседней комнате есть еще один диван.

— Оу, конечно! — Валюженич согласно кивнул, украдкой взглянув в сторону Косухина. — Мы лишь пожелаем нашей прекрасной хозяйке спокойной ночи...

Наташа улыбнулась, произнесла «бон нуи» и уже взялась за ручку дверей, но нерешительно остановилась.

— Господин Косухин, можно вас на минуточку?

Тэд несколько удивился, но понимающе кивнул и вышел в коридор, заявив, что еще раз проверит входную дверь.

— Степан Иванович, — девушка мгновенно помолчала, а затем решительно подняла голову. — Я знаю, я больна. Но женщины все-таки наблюдательны... Скажите честно, в Индии... мы с вами были не просто знакомыми?

— Ну мы это... — слов не находилось. — Ну, общались...

— Мы познакомились в Индии? Или... еще где-нибудь?

Степа не знал, что и ответить.

— Ясно. Вам тоже велели не беспокоить тихо помешанную. Хорошо, ну а как мы познакомились, вы можете сказать?

— Да просто, Наташа, — не выдержал Косухин. — Я пришел арестовывать вас и Семена. А вы сказали, что вас зовут Али-Эмете...

— Как? — в глазах мелькнуло изумление, затем на лице девушки появилась улыбка: — Значит, я жертва ЧК? Или вы шутите?

— Ну, шучу... — Степа окончательно смутился и выругал себя за несдержанность. — Да это... ну, в общем...

— Не смею настаивать, господин Косухин. Можете считать, что выполнили свой долг по отношению к моему здоровью и уберегли от отрицательных эмоций... Скажите, а я вас тоже называла по имени?

— По фамилии, — честно ответил Степа, ощущая себя явно не в своей тарелке. Врачи врачами, а он никак не мог понять, отчего от Наташи надо скрывать правду. Едва ли это лучший способ лечения этой загадочной амнезии.

— В таком случае спокойной ночи, Косухин, — в голосе девушки звучала явная обида. Степа вздохнул и в самых расстроенных чувствах опустился в кресло. Ощущал он себя не просто неловко, а, можно сказать, по-дурацки.

— ...О'кей, я все проверил, — сообщил Тэд, входя в комнату и тоже садясь в кресло. — Двери закрыты, привидений в коридоре не заметил, вход в лабораторию почти что замурован... Я выглядывал в окно: машина мистера Богораза стоит на противоположной стороне улицы и в ней, кажется, двое его людей.

Валюженич говорил по-английски, но Степе теперь не требовалось особых усилий, чтобы понять приятеля. Похоже, Косухин уже вполне овладел полученным им странным даром. Правда, это касалось лишь Тэда — чтоб понять остальных, приходилось напрягать все внимание.

— Заодно позвонил Шарлю, чтобы он не поднял на ноги парижскую жандармерию, — продолжал Тэд. — Пришлось сказать, что мы пошли с тобой в оперу, а то б не отвязался... О'кей, мой бригадир, жду распоряжений...

— А чего? — пожал плечами Степа. — Сиди в кресле — и все. Можешь поспать, я тебя потом разбуджу.

— Оу, фельдмаршал, рядовые не имеют права ознакомиться с диспозицией?

— Имеют, — вяло проговорил Косухин.

— Так чего ты боишься? Скажу честно, мне в этом доме не по себе, но не думаю, чтобы Берг послал бандитов прикончить собственную племянницу.

Степа задумался:

— Мне вот чего кажется. Этот Берг, чердынь его, и сам перепугался. Представляю, что рассказал ему этот сморчок... ну, Гастон который. В общем, он решил выждать, но дом все же оставить под охраной.

— Ты имеешь в виду это чудище в подвале?

— Ага. По-моему, это какая-то хитрая машина...

— Ну ясно, что не крокодил! Только зачем делать эту машину из глины?

Косухин пожал плечами:

— Это ты у Берга, чердынь-калуга, спроси. В общем, он мог приказать этому, как его, идолу, действовать, если кто-то войдет в лабораторию. Ведь теперь ясно, что Берг изменил своим...

— Или он управляет им на расстоянии, что столь же логично, — в тоне Валюженича чувствовалось явное сомнение. — Не знаю, Стив. Насчет этого артефакта я не специалист. Но оставлять Наташу в пустом доме, конечно, не следовало. Кстати, ты все-таки ей что-нибудь сообщил?

— Не-а, — Степа замолчал, не желая разговаривать на эту тему. Валюженич внимательно взглянул на него и раскрыл принесенную с собой книгу в богатом кожаном переплете.

Косухину читать было нечего, оставалось либо рассуждать, либо попросту заснуть. Но на последнее Степа не имел права, и он принялся еще раз анализировать обстановку. Вроде все предусмотрено. Через окно к Наташе не добраться: на улице дежурят офицеры Богораза. Дверь в коридор заперта на засов, вдобавок у них два револьвера. Правда, оставался монстр в подвале, но Косухин был уверен, что

услышит его тяжелые шаги издалека. Итак, тут все в относительном порядке...

Тэд все-таки задремал, уронив книгу на пол. Будить его Степа не стал, решив посторожить пару часов, а уж потом поспать самому. Было тихо, спокойно — и очень скучно. Книга, взятая Валюженичем, оказалась без картинок, а папиросы угрожающе подходили к концу. Каждые полчаса где-то в соседней комнате еле слышно били часы — и больше ничего не происходило.

Наконец Степа разбудил Валюженича и решил подремать сам. Смущенный тем, что заснул, американец обещал отныне не смыкать глаз и тут же вынул револьвер, пристроив его прямо на коленях. Косухин покачал головой, велел поставить оружие на предохранитель — от греха подалее — и тут же уснул. Как ни странно, во сне время тянулось столь же медленно. Он снова слышал бой часов, но почему-то уже не издали, а совсем рядом, будто они находились теперь прямо над головой. Степа даже слышал стук маятника. Вначале негромкий, он становился все четче, и в его мерном звуке почему-то сквозила угроза. Косухин вдруг почувствовал себя слабым и бессильным перед тем, что надвигалось откуда-то из темных глубин пустого зловещего дома. Надвигалось медленно, неотвратно, и Степе уже казалось, что он слышит далекий зловещий хохот...

— Стив! — Косухин мгновенно проснулся и выхватил револьвер. В комнате все было по-прежнему. Он прислушался: вдали четырежды негромко пробили часы.

— Извини, что разбудил, — Валюженич говорил как-то неуверенно, чуть ли не виновато.

— Что-нибудь услышал?

— Нет, покой, как в гробнице. Но, понимаешь, Стив... Ну, в общем, мне стало не по себе... Наверно, меня нельзя посылать на фронт...

Валюженич и вправду выглядел не самым лучшим образом.

— Это на тебя этот дом действует, — рассудил Степа. — Правильно, что разбудил, мне тоже всякая ерунда снилась...

— Я чувствую себя как-то... Знаешь, у писателя Эдгара По есть один рассказ, — Тэд нервно рассмеялся. — Про одного джентльмена с расшатанными нервами. Ему все казалось, что умершая сестра очнулась в гробу и медленно идет прямо к нему...

— Это ты брось! — от возмущения Косухин чуть не по-

давился дымом. — Надо меньше книжек дурацких, чердынь-калуга, читать! Горького почитал бы, это писатель нормальный, пролетарский. А то свихнешься...

Валюженич неуверенно улыбнулся и вдруг вскочил с кресла.

— Стив, там что-то происходит! Надо разбудить Наташу!

Тревога Тэда передалась Косухину. Он встал и вновь прислушался, но вокруг царил мертвая тишина. Он хотел было успокоить Валюженича, но вдруг почувствовал знакомый холодок в спине. Опасность рядом — сомнений не было...

Он обернулся к двери, затем усмехнулся, чтобы приободрить Тэда, и почувствовал, как холод охватывает все тело. Степа стиснул зубы, справляясь с паникой, и тут из коридора донесся глухой странный звук, словно кто-то тяжело вздохнул.

— Дверь под прицел! — успел крикнуть Степа и тут же послышался треск: нечеловеческой силы удар обрушился на деревянные створки. Засов выдержал, но обе половинки треснули, с притолоки посыпалась штукатурка, по всему дому пронеслась легкая дрожь. Косухин успел взвести курок — и тут новый удар отбросил в сторону сорванный засов, дверь рухнула, и свет лампы упал на то, что стояло за нею.

Глиняная маска теперь не казалась бесстрашной. Грубо вылепленные губы слегка кривились, в черных глазницах светился красноватый огонь. Огромные конечности с растопыренными пальцами протянуты вперед, словно готовясь схватить жертву.

«Как же так, чердынь-калуга?» — успел подумать Степа, лихорадочно прикидывая, куда лучше стрелять.

— Ту зе айз! — крикнул Тэд. Степа понял и прицелился в горящий красным огнем глаз. Выстрелить он не успел — глиняное тело дрогнуло, и чудище медленно вошло в комнату.

Монстр ступал бесшумно. Это было странно, но на удивление не оставалось времени. Сухо ударил выстрел — пуля из револьвера Валюженича прочертила едва заметную полосу на личине чудовища. Монстр не дрогнул! — глаза вспыхнули огнем, и огромная фигура стала двигаться прямо на Тэда.

И тут Степа понял, в чем дело. Монстр не шел — он, казалось, плыл, едва касаясь пола. Глиняные ноги еле двигались, словно идол стоял на невидимом транспортере. В движениях чудища появилась странная легкость, и у Степы вдруг мелькнула мысль, что это никакая не машина. В глазах горела осмысленная глубокая ненависть — монстр знал, что делает, он видел своих врагов и был готов уничтожить их.

Чудовище сделало новый шаг и легко переместилось в центр комнаты, чуть повернувшись к Тэду. Степа понял — американца загоняли в угол. Вновь ударил револьвер. Глиняные руки шевельнулись, медленно смыкаясь.

— Что случилось? — в дверях спальни стояла Наташа, успевшая накинуть легкий китайский халат, украшенный извивающимися драконами.

— Наташа, назад! — Косухин дернул револьвером, но стрелять не стал. В небольшой комнате рикошет опасен, а пуля ничем не может повредить глиняному затылку. Монстр наступал на Валюженича, а тот уже уткнулся лопатками в стену, стараясь уклониться от тянущихся к горлу глиняных клешней.

Тэд погибнет! Похоже, они здорово недооценили своего ночного знакомого. Тогда, в церкви, глиняный урод не спешил демонстрировать все, на что способен.

Степа прикинул расстояние, поглубже вдохнул воздух и кинулся вперед, пытаясь обойти монстра слева. Глиняная рука дернулась, но Косухин все же успел поднырнуть под нее и через мгновение стоял рядом с Тэдом. Прямо на Степу глядел горящий маленький глаз. Чудище оценивало нового противника, еще секунда — и оно успеет прижать их обоих к стене. Еще одна секунда... Косухин поднял револьвер и поднес его вплотную к правому глазу глиняной твари. Ударил выстрел. Монстр даже не шевельнулся, но дело было сделано — там, где только что горел красный огонь, стало черно и пусто.

— Йе! — Валюженич дважды выстрелил, промахнулся и выстрелил вновь. Глиняная рука рассекла воздух, Тэд резко наклонился и отскочил в сторону. Монстр замер, прислушиваясь. Видеть он уже не мог — третья пуля Тэда попала в цель.

— Господа! Скорее в комнату! — Наташа быстро разобралась в ситуации и широко растворила дверь в спальню. — Я открою окно!

Это слышали не только люди. Слепленное чудище среагировало мгновенно. Одна рука ударила туда, где стоял Степа, вторая поднялась, загораживая дорогу. Косухина спасла лишь реакция, он упал на пол, перекатился и вновь вскочил на ноги.

— Тэд! Сюда!

Валюженич бросился вдоль стены, пытаясь обойти монстра справа. Тот обернулся, рука вновь взметнулась в воздух, но американец успел раньше. Миг — и он был уже в дверях. Степа подождал, пока Тэд войдет, и заскочил сам, захлопнув створку перед самым носом врага.

— Скорее, в окно! — Наташа резким движением распахнула раму. Пахнуло предутренней свежестью, и Степа успел подумать, что зимой пришлось бы выбивать окно, а возиться со стеклом он никогда не любил. Сильный удар потряс комнату — ослепленный монстр пытался выбить дверь спальни, но попал в стену.

— Тэд, ты первый!

Валюженич на мгновенье замешкался. Новый удар, на этот раз более точный — и дверь распахнулась. Монстр стоял на пороге, готовясь ворваться в комнату.

— Давай, Тэд! — Степа стал посреди комнаты, готовясь задержать страшилище. Американец уже был на подоконнике, еще секунда — и он, опустившись на вытянутых руках, мягко спрыгнул на газон.

— Наташа! Прыгай!

Девушка попыталась забраться на подоконник, но монстр опередил ее. С неожиданной ловкостью он мягко заскользил по полу и, толкнув Косухина, очутился рядом с Наташей. Девушка отшатнулась — глиняное чудище отрезало ее от окна.

Степа сунул за пояс ненужный револьвер. Стрелять нет смысла, а обойти монстра невозможно: даже слепой, он чувствовал каждое движение в комнате. Наташа отошла к стене и резким движением пододвинула кресло, пытаясь загородиться от врага. Тщетно: миг — и кресло с треском ударилось в стену, глиняные клешни потянулись вперед, пытаясь нащупать горло жертвы.

Степа стиснул зубы. Он еще раз оглядел комнату: монстр стоял, загораживая окно, очутившись между Косухиным и девушкой. Еще секунда — и Наташе не спастись. Выбирать не приходилось — Степа нагнулся и резко дернул ковер, в который тяжело упирались ноги чудища.

Монстр загреб руками, пытаясь сохранить равновесие, но не удержался и с грохотом, потрясшим дом, рухнул на пол.

— Наташа! — Но девушка уже и сама успела оценить обстановку. Перепрыгнув через лежавшее на полу страшилище, она одним движением оказалась на подоконнике и, не мешкая ни мгновения, прыгнула вниз.

— Стив! Где ты? — донесся с улицы голос Валюженича. Степа бросился к окну. Монстр уже вставал неожиданно ловко для его громоздкого тела, почти не касаясь руками пола. Медлить не следовало. Прыжок — и Косухин был уже на подоконнике. Внизу он заметил бегущих к дому людей генерала. Наташа и Валюженич стояли чуть в стороне, американец возбужденно махал руками.

За спиной послышался шум. Краем глаза Косухин заметил тянущуюся к нему клешню, на миг почувствовал обесиливающий страх, но превозмог себя и прыгнул.

Газон оказался мягким, и Степа лишь слегка ушиб ногу. Валюженич помог ему встать.

— Господа, что случилось? — поручик со шрамом стоял рядом, растерянно глядя на своих подопечных. Второй, незнакомый Степе, офицер уже успел вытащить револьвер.

— Оу! — воскликнул Тэд и указал вверх.

— О господи! — поручик перекрестился. Монстр стоял у окна, внимательно вслушиваясь в то, что происходило внизу. Пустые незрячие глаза в свете уличных фонарей смотрелись особенно жутко.

— Наташа... Наталья Федоровна, у вас это... все в порядке? — запоздало поинтересовался Степа.

— Спасибо, я даже не ушиблась, — девушка не казалась испуганной, скорее — до предела удивленной. — Кстати, можете называть меня по имени, у вас это получается более ловко, Косухин... Господа, — обратилась она ко всем остальным. — Мне крайне неудобно. Не понимаю, что случилось с Бриареем...

— Простите? — поручик нерешительно взглянул на неподвижную фигуру, застывшую на фоне окна. — Вы имеете в виду... этого, сударыня?

Девушка неожиданно рассмеялась:

— Это же машина! Автомат! Дядя купил его на одном аукционе. Старинный автомат, очень простой, сделан в XVI веке, кажется, в Германии.

«Ничего себе машина, чердынь-калуга!» — пронеслось

в голове у Степы. Он вспомнил ловкие движения монстра, красный огонь маленьких глаз, и ему стало не по себе.

— Мы назвали его Бриареем, — продолжала девушка. — Он выполняет самые простые команды, может прислуживать за столом... Не понимаю, что с ним случилось! Он обычно такой забавный...

— Оу, йе! — не выдержал Тэд и невольно взглянул вверх. Окно опустело — страшная личина исчезла.

— Не понимаю... — Наташа пожала плечами. — В последнее время у нас творится что-то странное. Я никогда не думала, что Бриарей может действовать без команды! Но ведь, кроме нас, в доме никого не было!

— Значит, этот истукан взбунтовался, — второй офицер, постарше, с заметной сединой на висках, удивленно покачал головой. — Прямо чудище Франкенштейна...

— Нелепо, — вздохнула Наташа. — Мы, кажется, его повредили, хотя, конечно, — она улыбнулась, — не могу в этом никого винить. Спасибо, господа, вы лишили парижские газеты очередной сенсации — девушки, задушенной монстром...

Она протянула Валюженичу руку, затем ее ладонь неожиданно легла на Степино плечо:

— Косухин, мне почему-то кажется, что вы выручаете меня не в первый раз. У вас это удачно вышло. Или вы долго тренировались?

Степа смутился и не нашелся что ответить.

— Сударыня... господа, — прервал их беседу поручик. — Прощу в машину. В дом, как я понимаю, возвращаться не стоит...

Наташа пыталась возражать, доказывая, что сумеет укротить сбившегося с пути истинного Бриарея, но ее стражи были единодушны. Поручик категорически заявил, что отвечает за жизнь мадемуазель Берг и в этих условиях считает необходимым немедленно отвезти ее к генералу. Степа и Валюженич не стали спорить: по сравнению с только что покинутым домом у Богораза в любом случае будет безопаснее.

Генерал действительно жил в центре, в районе Монпарнаса. Косухин и Тэд проводили девушку до подъезда, послушали, как поручик объясняется с удивленной консьержкой, и решили, что их миссия на сегодня окончена. Оставалось поймать такси и вернуться в показавшуюся сразу такой уютной квартирку, которую снимал Валюженич.

Утром их навестил Карно. Он заявил, что профессор Робер вне себя и требует немедленно доставить в лабораторию лентя и прогульщика Валуженича. Тэд беззаботно улыбнулся и предложил Степе съездить вместе с ними, пообещав, что, кроме самого профессора, в их лаборатории не ожидается никаких чудовищ. Степа охотно согласился: после вчерашней ночи хотелось хоть ненадолго очутиться среди нормальной жизни, где не надо ежесекундно ждать смерти и держать оружие наготове. Но повидать грозного Робера не удалось. Они уже собирались усаживаться в красное авто Шарля, когда к дому подкатил другой, столь же знакомый автомобиль, и капитан, которого звали Виктором, пригласил Степу к генералу.

Как ни плохо Косухин знал Париж, но сразу же заметил, что они едут не в сторону Монпарнаса. Капитан, узнав, что беспокоит Степу, сообщил, что беседа состоится в другом месте.

Авто проехало через весь центр, и Степа вновь сумел увидеть уже знакомую л'Арк Триомф и полюбоваться творением инженера Эйфеля. Увы, у него вновь не было возможности увидеть все это вблизи. Прекрасный Париж оставался для него городом за стеклом автомобиля. А в следующий раз Косухин надеялся побывать здесь лишь в составе Рабоче-крестьянской Красной армии, если французскому пролетариату понадобится братская помощь.

Они поднялись на третий этаж большого богатого дома с вежливым консьержем и коврами на лестницах. В дверях посетителей встретил молодой человек в штатском, но с неизменной военной выправкой. Он не сказал ни слова, внимательно осмотрел гостей и кивнул Степе. Сопровождающие остались за дверью.

— Вас ждут, прошу... — это были единственные слова, которые пришлось услышать Косухину, покуда он шел по огромной прихожей, увешанной акварелями и разными дорогими безделушками. Здесь явно жили не те, кто зарабатывает хлеб трудовыми мозолями. Косухин невольно сжался, готовясь к чему-то неприятному. Он уже бывал в таких квартирах, хотя, конечно, не парижских. Но в те квартиры он врвался с оружием, когда брал города или очищал их от белой сволочи. Здесь же он был гостем — и хорошо, если гостем.

Сопровождающий отворил высокую белую дверь, и Степа оказался в большой гостиной. Здесь также висели картины, но уже не акварели, а полотна, писанные маслом, — портреты и морские пейзажи. Люстра сверкала хрусталем, ноги тонули в ворсе персидского ковра. Шторы были задвинуты, и в комнате царил полумрак, мешавший разглядеть тех, кто здесь собрался. Впрочем, Наташу и Богораза Степа узнал, едва переступив порог. При его появлении генерал встал.

— Господин Косухин!

Тон не вызывал сомнений — Богораз рапортовал, как рапортуют самому высокому начальству. Степе стало интересно — он все-таки попал в самое сердце программы «Монумах»!

Его любопытство было тут же удовлетворено. Из кресла, стоявшего у окна, встал высокий чернородый мужчина на дорогом, явно сшитом на заказ, костюме: крепкий, подтянутый — типичная «офицерская кость».

— Здравствуйте, Степан Иванович! — рука, протянутая Степе, была широкой и сильной, и Косухин почувствовал к этому человеку неожиданную симпатию. Может, причиной было лицо — широкое, открытое, с выразительными темными глазами, сразу почему-то показавшееся очень знакомым. В темных волосах и бороде серебрилась седина. Человеку было явно за пятьдесят, хотя выглядел он значительно моложе.

— Меня зовут Александр Михайлович, — хозяин квартиры тоже внимательно осматривал гостя. — А вы похожи на брата!

— Ну... да, — оттаял Степа. — Здравствуйте...

— Александр Михайлович руководит всей программой эфирных полетов, — негромко произнес Богораз, и Косухин вновь напрягся. Вот, значит, кто посылал серебряные стрелы в небо!

Александр Михайлович улыбнулся:

— Я рад видеть комиссара Челкея. С частью присутствующих вы уже знакомы... Прошу...

Он не успел договорить. Из кресла, стоявшего в затемненном углу, резко вскочил высокий — еще выше хозяина дома — молодой человек и быстрыми резкими шагами подошел к гостю. Щелкнули каблук:

— Андрей Константинович Барятинский. Здравствуйте, Степан!

Князь Барятинский выглядел именно таким, каким запомнил его Степа по фотографии: породистый аристократ давней чистой крови, тонконосый, изящный и одновременно жилистый, — прирожденный победитель, живущий в каком-то особом мире, где не могло быть места Косухину. Степа вновь, как когда-то, желчно позавидовал и одновременно разозлился. Именно этого, с голубой кровью, отправили первым в эфирный рейс, чтобы князь, а не крестьянский сын навек вошел в историю.

— Николай мне часто говорил о вас. — Барятинский, не подозревавший о Степиных размышлениях, энергично, по-спортивному пожал гостю руку.

Косухин заставил себя улыбнуться. Здесь он не имеет права на эмоции.

Хозяин дома усадил Степу в свободное кресло как раз между собой и Барятинским. Сразу стало ясно, что Александр Михайлович и князь Андрей здесь главные. Наташа держалась поодаль, а генерал Богораз вообще старался лишний раз не обращать на себя внимания. Впрочем, ни Барятинский, ни гостеприимный хозяин никак не подчеркивали свое превосходство. Этого не требовалось: их первенство не нуждалось в утверждении, оно было явным, изначально, и не могло быть даже поставлено под сомнение.

Александр Михайлович выждал минуту. Очевидно, пауза была знаком, и все замолчали. Пользуясь этим, Косухин еще раз бросил взгляд на хозяина. Да, этот человек привык властвовать, и это получалось у него без малейшего труда. Смущало бдительного Степу не это — ему приходилось видеть больших начальников. Беспокоило странное сходство виденного им впервые чернобородого с кем-то хорошо знакомым. Но память почему-то отказывала, и Косухин недольно вздохнул.

— Наталья Федоровна... Господа... — привыкший повелевать голос был ровен и спокоен. — Комиссия Российской Империи по эфирным полетам продолжает работу. Все вы знаете причину сегодняшней нашей встречи. Нам нужно многое решить. Но вначале предлагаю заслушать господина Косухина. Степан Иванович, прошу вас...

Косухин был не готов выступать в подобном обществе. Конечно, будь Степан на заседании иной комиссии, например Сиббюро ЦК, он знал бы, как и что докладывать. Здесь же приходилось быть осторожным и одновременно не хотелось выглядеть неотесанным неучем, ставшим случай-

ным свидетелем великих событий. Тут хорошо знали Николая, а Косухин не хотел подводить брата.

Он уже хотел начать в своей обычной манере: «Ну, это, значит...» — но понял: так говорить не следует. Белая кость, похоже, впервые встречается с настоящим большевиком, и он не может позволить, чтобы на холеных лицах этих господ мелькала снисходительная улыбка.

— Расскажите вначале о себе, Степан, — внезапно предложил Барятинский. Степа вздрогнул, но тут же успокоился. Похоже, им действительно интересно. Что ж...

— Мне двадцать два года. Закончил заводскую школу — четыре класса. Потом слесарил... В партию вступил в сентябре 17-го...

В какую именно — Степан пояснять не стал. Белая кость и сама догадается...

— На фронт ушел в ноябре, после юнкерского бунта. Командир роты, потом — батальона. С осени 19-го — на подпольной работе в Сибири...

Его слушали внимательно. Краем глаза Косухин заметил, как щелками сузились глаза Богораза. Во взгляде Наташи, напротив, был замечен явный интерес, словно Степан был не из РСФСР, а с планеты Марс. Барятинский смотрел на живого большевика даже одобрительно, как будто борьба за дело мирового пролетариата была редким, изысканным видом спорта. Лицо хозяина дома оставалось приветливым, но темные глаза говорили о привычном выработанном долгими годами внимании. Для такого человека не существовало мелочей, и даже биография красного командира Косухина была ему необходима для дела, которым он руководил.

Степа хотел было упомянуть о товарище Чудове, но внезапно вспомнил то, что рассказывал Ростислав.

— В начале января этого года капитан Арцеулов получил приказ от Колчака прибыть в Иркутск и найти генерала Ирмана. Он должен был передать ему пароль...

Косухин и сам удивлялся, откуда взялась у него странная, без всякой «чердын-калуги», интеллигентская манера изъясняться. Может, он наслушался людей, с которыми пришлось разговаривать в последние месяцы, а может, потому то, что он много раз пересказывал сам себе эту историю, готовясь к неизбежному отчету в красной Столице.

Степа не скрывал ничего. Он спокойно, будто находился среди товарищей по партии, поведал, как брал Семена

Богораза, как осаждал дом на Трегубовской, как пузырился липким жарким пламенем огненный гриб, плавя затвердевший январский наст. И так же спокойно он говорил о том, что слышал от других: об упавшем возле умолкшего пулемета Казим-беке, о подземном ходе, ведущем в старую часовню, и о пустой холодной тайге, по которой уходили беглецы.

Только одно оставалось под запретом — Венцлав и все связанное с командиром 305-го. Это не его тайна. О Венцлаве он расскажет лишь в Столице...

С остальным оказалось проще. Он коротко рассказал, как погиб Семирадский, а дальше уже почти нечего было скрывать. Степа заговорил о полете на «Муромце», о том, как менялись за штурвалом Николай, Наташа и хныкающий студент Богораз, и заметил, что девушка смотрит на него изумленно, а в глазах генерала блеснула затаенная гордость.

Те, кто были здесь главными, слушали невозмутимо. Лишь однажды лицо Александра Михайловича дрогнуло — когда Косухин упомянул о красном флаге над Челкелем и о том, как бросил на стол свое удостоверение, принимая комиссарство над полигоном...

Кое о чем Степа все же умолчал, не став говорить о полете того, кто пытался предъявить фальшивый приказ Адмирала. С этим следовало разобраться самому. Как и с тем, что рассказал перед отлетом Богораз.

— В полдень, двадцатого, «Мономах» взлетел... — Косухин помолчал, словно вновь увидев желтую степь и медленно уходящую в небо ракету. — Полигон был взорван... Ну, вот и все...

Это, конечно, не было «все». Но о том, что случилось после, Степан говорить не собирался.

В комнате воцарилось молчание. Никто не спешил задавать вопросы или высказываться: похоже, у присутствующих было о чем поразмышлять.

— Благодарю вас, Степан Иванович, — хозяин дома говорил медленно, словно продолжая раздумывать. — Насколько я понимаю, это все, что вы имеете право нам рассказать.

— Да, — спокойно подтвердил Степа. — Это — все...

— Значит, потом вы добрались до Индии, — то ли спросил, то ли просто констатировал Богораз. — По дороге познакомились с господином Валюженичем...

Степа пожал плечами. Рассказывать о Тэде значило начать разговор о Шекар-Гомпе.

— Да, — вновь кивнул Александр Михайлович. — Степан Иванович, насколько я могу догадываться, ваши действия будут иметь для вас определенные последствия, если вы вернетесь к большевикам.

— Что вы имеете в виду, Александр Михайлович? — прервала его Берг.

— Да то, что господина Косухина поставят к стенке, — усмехнулся Богораз.

— Однако, — это было первое, что произнес Барятинский. — Боюсь, эти сапожники никогда не станут джентльменами...

Косухин хранил молчание, хотя был вынужден признать, что Богораз-старший близок к истине. Ведь, кроме Челкея, за ним еще числился Шекар-Гомп...

— Господа, прошу внимания, — короткая фраза хозяйки дома мгновенно восстановила тишину. — К этому мы, возможно, вернемся. А сейчас, может, господину Косухину будет угодно ответить на вопросы? У меня они уже есть, причем целых два.

— У меня их сто, — решительно заявила Наташа. — Косухин, мне вас заранее жалко!..

Степа отвечал больше двух часов. Вернее, пытался отвечать — больше всего всех интересовали мудреные технические подробности. Тут уж было не до гладкости речи. Косухин заикался на каждом слове, сбивался, а кое-что пытался показать на пальцах. Но это никого не смущало. Берг что-то строчила в блокноте, Барятинский одобрительно кивал и время от времени подсказывал — причем всегда удачно. Степа и сам удивлялся, как многое успел запомнить. Впрочем, кое-что его ставило в тупик. Например, вопросы о погоде на эфирном полигоне, о том, какая температура в кабине «Мономаха» и какого цвета скафандр брата. Наташу особо интересовало, что делала она сама. К сожалению, Степы не было в рубке, и он мог лишь посоветовать найти и расспросить Арцеулова. И тут же прикусил язык: недобитый беляк помнил не только это...

— Хватит, господа! — слова Александра Михайловича вновь водворили тишину. — Степан Иванович, мы вам очень благодарны. Если не возражаете, то я резервирую еще одну встречу с вами. А пока сделаем перерыв. Прошу всех в гостиную — обедаем!..

Обедали, естественно, на белой скатерти, со служанкой в накрахмаленной наколке и с полным буржуйским набором блюд. Спиртного, правда, не было. Косухин понял: люди собирались работать.

После обеда Александр Михайлович отозвал его в сторону.

— Господин Косухин, сейчас у нас будет разговор о Берге. Мне бы хотелось, чтоб вы присутствовали, но в этом случае вам придется дать слово. От вашего молчания может зависеть жизнь здесь присутствующих...

Степа хотел уйти, но вспомнил о брате.

— Я понял, — кивнул он. — Я буду молчать.

«Честное слово» не было произнесено, но Александр Михайлович спокойно кивнул, показывая, что вопрос решен. Вначале Степа подумал об интеллигентском легковесии, но потом понял, что дело в ином. Его собеседник за свою жизнь успел изучить людей. Большевик Степа не представлял для него загадки. И вновь странное сходство — неведомо с кем — поразило Косухина. Это сходство вдруг показалось ему тревожным, даже страшным...

На этот раз докладывал Богораз. Впрочем, обо всем сказанном Косухину уже было известно. Его лишь попросили кое-что добавить по поводу ночного происшествия.

— Я уже говорила! — Наташа, не дослушав Степу до конца, нервно развела руками. — Это какая-то ерунда! Бриарей — простая игрушка! Дядя мне подробно объяснял устройство — он немногим сложнее музыкальной шкатулки...

— А вы сами разглядывали его, так сказать, потроха? — поинтересовался Богораз.

— Нет... Но я верю дяде! Это просто образец средневековой механики...

— «Артефакт», — вспомнил Степа словечко Тэда. Ничего себе, музыкальная шкатулка!

— Все это не важно, — Александр Михайлович поднял руку, прекращая разговор о странном поведении заводной игрушки. — Важно другое...

— Да, — поддержал Барятинский. — Главное, что Берг — предатель...

— Князь! — Наташа протестующе вздернула подбородок. — Я... я просила бы...

— Извините, сударыня, — в легкомысленном голосе Барятинского вдруг прорезался холодный металл. — Он

скрыл от всех правду о «Мономахе». Он пытался ликвидировать господина Косухина — единственного свидетеля, уничтожил лабораторию... Не решусь утверждать, но ваша болезнь, Наталья Федоровна, тоже может быть вызвана не только нервным срывом...

— Нет, — Наташин голос оборвался, она заговорила почти шепотом. — Дядя занимался «Мономахом» больше двадцати лет! Он отдал проекту все, вы же знаете... Это какое-то недоразумение, его обманули...

Никто не возразил, но было ясно, что остальные смотрят на поведение Карла Берга иначе.

Степе хотелось как-то поддержать девушку, но он знал, что должен выяснить правду.

— Наталья Федоровна... Наташа... — Девушка подняла голову. — У вашего дяди есть перстень... серебряный...

Берг удивилась:

— Конечно. Очень красивый перстень. Дядя купил его незадолго до моего возвращения. Вы думаете, что это имеет какое-нибудь значение?

— Ну... это... — слова вновь не выговаривались. — Какой он?

— Большой, массивный, из серебра с примесью какого-то иного, более тяжелого металла. На печатке два маленьких алмаза и изображение головы Горгоны...

— А не змейки? — вырвалось у Степы.

— Нет, я точно помню. Стилизованная голова Горгоны, по-моему, работа прошлого века...

...Ниточка оборвалась. Перстень был другой. Но тревога не проходила: издали он был неотличим от того, что носил Арцеулов. Но не верить Наташе нельзя...

— Не будем спешить, — резюмировал Александр Михайлович. — Мы все знаем заслуги господина Берга. Будем надеяться... — он смолк. — Да, будем все же надеяться, что это какое-то страшное недоразумение. Впрочем, у нас будет время поговорить об этом. Как и о том, как связаться с Тускулой...

Косухин понял — надежды больше нет. Брат, если он и жив, находится где-то в невообразимой дали, и даже эти люди, знающие и умеющие, казалось, все на свете, не могут помочь...

— А ведь сегодня юбилей, — внезапно улыбнулся Александр Михайлович... — Помните, господа?

— Пойдите... — Барятинский что-то подсчитывал. — До дня первого запуска «Мономах» еще пять дней.

— Я не об этом, — покачал головой хозяин дома. — Впрочем, этот юбилей никогда не отмечался. Я сам узнал о нем случайно — от своего покойного брата. А ведь это событие имеет отношение и к вам, князь...

Он замолчал, затем заговорил вновь, в голосе его звучала гордость и одновременно грусть:

— В этот день мой дядя, Константин Николаевич, подписал приказ о создании лаборатории по изучению ракетного движения. Начальником лаборатории был назначен его адъютант — Сергей Барятинский, ваш дед, Андрей Константинович. Так начался «Мономах». Это было ровно шестьдесят лет назад...

— Я и не знал! — Барятинский удивленно развел руками. — Дед мне ничего не говорил. Я думал, что «Мономах» — идея Дмитрия Ивановича Менделеева...

— Господин Менделеев обосновал практическую сторону программы и разработал проект строительства эфирного полигона. Он подал идею Александру III. Но работы велись раньше...

Александр Михайлович встал и медленно подошел к окну.

— Все началось после больших маневров на Балтике, когда были испытаны противокорабельные ракеты системы Конгрева. Константин Николаевич обратился в Академию наук, предложив создать лабораторию для изучения возможности научного применения ракет. По семейным преданиям, ему еще в детстве подарили китайскую книгу, где рассказывалось о мудреце Ли Цзе, который построил ракету и улетел на ней в Небесный Дворец бога Лэй Гуна. Признаться, в Академии наук к этой идее отнеслись без всякого энтузиазма. Но ваш дед, Андрей Константинович, был человеком упорным, впрочем, как и мой дядя. Через пять лет в Кронштадте состоялось первое испытание ракетного двигателя — конечно, еще порохового...

Он замолчал и не спеша прошелся по комнате. Было заметно, что эта история волнует его:

— Когда-нибудь об этом еще напишут... Я занялся проектом в 1911 году, тогда же, когда мы начали готовить первых авиаторов. Мы рассчитывали, что с 1920 года сможем

запустить по два «Мономах» в год. А потом появилась Тускула... Мы просто не успели...

Косухин слушал молча и чувствовал себя как-то неудобно. Конечно, с проклятым режимом царизма надо было кончать, но жаль, что программу «Мономах» не удалось завершить. Всемирная Коммуния без эфирных полетов показала ему какой-то неполной, даже примитивной...

— За сколько времени можно восстановить?.. — Богораз не договорил, но все поняли.

— Полигон и выпуск ракет — лет за пять, — пожал плечами Александр Михайлович. — Но для этого должна работать промышленность, лаборатории... Работы требуют огромных затрат. Не говорю уже о том, что надо заново собирать научные кадры. Если большевики займутся этим сейчас, то у них уйдет на все лет двадцать...

— Жаль, что вы не пустили меня на фронт, — генерал говорил внешне спокойно, но в голосе дышала ненависть. — Они... эти... уничтожили все! Даже то, о чем не имели никакого представления! Вандалы!

Степа вскипел. Наука — наукой, но слушать такое он не мог. Александр Михайлович покачал головой:

— В том, что случилось, виноваты и мы. Мы ведь уже говорили об этом, Аскольд Феокистович. Большевики пришли уже на руины... К тому же они знали о «Мономахе», так ведь, Степан Иванович?

Косухин от неожиданности вскочил. Перед глазами встало жуткое красноватое лицо Венцлава. Да, он знал. Знали и другие — те, что пытались сорвать старт...

— Об этом нам не говорили... — Слова прозвучали не особенно убедительно, и Степа не выдержал: — О «Мономахе», кажется, знали в Столице, но почему-то... То есть это держалось в тайне...

— Естественно, — Брятинский дернул в усмешке тонкие губы. — Иначе таким, как вы, Степан, пришлось бы многое объяснять... Между прочим, кто-то из большевистского руководства собирает всех, кто работал над «Мономахом». Интересно, для чего?

Степа знал ответ. Для того, чтобы построить Шекар-Гомп, — и, конечно, не только для этого. Да, ему и его товарищам ничего не объяснили. Что ж, теперь он, Степа Косухин, добьется, чтобы им все-таки сообщили правду!..

На прощание Александр Михайлович крепко пожал Степе руку, повторив, что надеется еще раз увидеться в ближайшее время. Генерал Богораз проводил Косухина до подъезда, где терпеливо ждал черный автомобиль.

— А вы понравились Его императорскому Высочеству, — генерал покачал головой; в его голосе звучало явное удивление.

— К-кому?! — оторопел Степа. — Какому высочеству? Богораз усмехнулся:

— Неужели так и не догадались? Александр Михайлович — дядя Государя. Перед встречей с вами мы договорились не употреблять в разговоре титулов, чтоб, так сказать, не смущать гостя...

В словах генерала звучала злая ирония, но Косухин не обратил на это никакого внимания. Великий князь Александр Михайлович! Вот, значит, почему его лицо казалось таким знакомым! Ведь портретов Николая Кровавого Степа посмотрелся за свою жизнь более чем достаточно.

...Всю дорогу Косухин молчал, глядя на мелькавшие за стеклами авто оживленные парижские улицы. Ему было не по себе. Он, конечно, и раньше догадывался, что «Мономахом» руководят не крестьянские дети, как его брат, и даже не профессора, вроде покойного Семирадского. Это была государственная программа Империи, и неудивительно, что ее возглавил тот, кто создал русскую авиацию и руководил перевооружением флота после Цусимы, — великий князь Александр Михайлович, о котором большевик Косухин, конечно, был наслышан. Самое ужасное, что Александр Михайлович тоже понравился красному командиру Степе. Косухин понимал, что обязан ненавидеть все это романовское отродье, шайку, три столетия сосавшую кровь у простого народа. Еще год назад Степа почел бы за честь лично поставить этого царского дядю к стенке, как товарищ Юровский в Екатеринбурге разобрался с его племянником, а товарищ Чудов отправил под ангарский лед кровавого Адмирала. Но теперь все выходило не так просто. Получалось, что великий князь не пил народную кровь, вернее, не только занимался этим привычным ему делом, но еще и строил самолеты, отправляя таких, как его брат, учиться летать в Парижскую авиашколу и руководил эфирными полетами. Выходит, сокрушая прогнивший царский

режим, большевик Косухин и его товарищи по партии уничтожили и все это! А что же строилось взамен? Косухин привычно ответил: коммунизм — светлое будущее всего человечества! Но откуда-то из глубин памяти пришел иной ответ: нет, они строили Шекар-Гомп — Око Силы!..

...Тэд был дома, причем не один, а вместе с Карно. Вид у обоих был веселый — похоже, визит к страшному профессору Роберу прошел не так уж и плохо. При виде Степы оба удивленно смолкли. Косухин слышал, как его о чем-то спрашивают, сначала по-французски, затем — на ломаном русском, но отвечать не было сил. В конце концов Тэд что-то сообразил; Степу усадили в кресло, и Карно стал совать ему какую-то таблетку.

— Не надо, — Косухин отмахнулся. — Спасибо, ребята... Я посижу...

— Стив, может, выпьешь? — американец вспомнил наконец об универсальном средстве для улучшения настроения и притащил пузатую бутылку с золотой пробкой. Степа наконец-то усмехнулся и выдохнул:

— Спасибо... Ребята, помогите отсюда уехать! До Ревеля, там я сам. Только чтоб вторым классом, а лучше третьим...

Прятели переглянулись.

— Нет проблем! — американец кивнул с несколько излишним оптимизмом и неуверенно взглянул на Шарля. — А может, все-таки...

— Мне надо домой, — твердо проговорил Косухин и, увидев, что его слова вызвали почему-то еще большую растерянность, упрямо повторил:

— Домой... Мне надо домой, ребята!..

Из Парижа Степа уехал через три дня. Особых проблем и в самом деле не оказалось. Полученный в Бомбее паспорт был действителен, деньги имелись, а пароходы по Балтике ходили исправно. Косухин заказал билет на лайнер «Эссекс», который делал остановку в Гавре, а оттуда шел до Стокгольма через Ревель. К величайшему облегчению Степы, плыть ему предстояло вторым классом.

Все эти три дня Косухин безропотно выполнял все, что придумали Валуженич и Шарль, решившие приобщить его к цивилизации. Косухина водили по музеям, показывали

Париж с Эйфелевой башни и даже по настоянию Карно прокатили в Версаль. Степа подчинялся беспрекословно и даже пытался что-то запомнить, но в голове творилось нечто странное. Все это происходило как будто не с ним.

Наконец он понял. Там, в России, его ждала определенность — та самая определенность, которую он напрочь утратил в последнее время. Там не придется ничего решать — его дело выполнять приказы, вести в атаку красноармейцев, чтобы скорее кончить войну. О мировой революции Косухин уже почему-то не думал. Степа знал лишь, что ему надо вернуться, рассказать все, что он увидел, — а там пусть белый гад Арцеулов ставит его к первой же стенке. Разве что хотелось поговорить с Ростиславом напоследок — или хотя бы покурить вместе. Об ином варианте он не думал — Степа вдруг понял, что сам расстрелять Славку уже не сможет.

Неугомонный Тэд уговорил его заехать к профессору Роберу. Косухин, помня разговоры приятелей, ожидал встретить жуткое чудовище, евшее поедом бедных студентов. Но Робер оказался молодым, не старше тридцати, застенчивым интеллигентом, встретившим Степу необыкновенно любезно и показавшим такие любопытные «артефакты», что Косухин поневоле заинтересовался. Чуть подумав, выждав когда они остались вдвоем, он отдал профессору почти все свои франки, рассудив, что после Ревеля они будут ему совершенно ни к чему. Ошеломленный профессор принялся было возражать, но Степа внушительно заявил, что представляет большевистский фонд помощи археологам. Трудно сказать, поверил ли мсье Робер, но забирать деньги назад Косухин категорически отказался.

Наташу он так и не увидел и был даже рад: с этой Наташей встречаться не хотелось.

А с Александром Михайловичем Степа все же встретился. За день до отъезда Карно уговорил его заехать в гости. После Лувра и Версаля особняк семьи Карно не мог поразить Косухина, хотя жил потомок знаменитого революционера явно не по-пролетарски. Косухину был торжественно показан портрет великого Лазаря Карно, который, как оказалось, был не только руководителем революционных армий, но и знаменитым математиком. Затем Степу заставили продегустировать какие-то отчаянно редкие вина из семей-

ного погребца, и наконец Шарль, как-то странно взглянув на Степу, сообщил, что с ним желает поговорить его отец — сенатор Карно.

Отказываться было неудобно, хотя Косухин не представлял, зачем он мог понадобиться этому столпу буржуазной власти. Шарль проводил Степу в кабинет, сам же войти отказался, сообщив, что отец немного говорит по-русски и Степан сумеет разобраться во всем сам.

Степа действительно все понял, причем сразу же как переступил порог. Сенатор Карно — худой мрачный, чем то похожий на портрет своего знаменитого предка, и в самом деле сносно изъяснялся по-русски. И дело, по которому он пригласил Косухина, тут же разъяснилось, поскольку сенатор Карно был в кабинете не один. Присутствовал еще один гость. Великий князь Александр Михайлович сидел возле камина, просматривая какую-то старинную книгу, и увидев большевика Степу, приветливо улыбнулся.

Карно приветствовал гостя по-русски, а затем заговорил медленно, стараясь точно подобрать слова. Он сообщил, что рад познакомиться с другом своего сына. По счастью случайности, мсье Косухин оказался знакомым не только Шарля, но и одного его давнего друга...

Александр Михайлович вновь улыбнулся, и Степа окончательно убедился, что встреча спланирована заранее.

— Я узнал также... — Карно-старший запнулся, затем нерешительно выговорил: — обстоятельство... — он вновь замолк и взглянул на сидящего у камина гостя.

— Степан Иванович, — великий князь встал, — вам нельзя возвращаться в Россию. Вам не простят...

«Ну вот еще, чердынь-калуга!» — хотел было привычно возразить Косухин, но в горле внезапно пересохло. Степа понял: это правда. Ему не простят.

— Пусть ваши политические взгляды останутся вашим личным делом, — великий князь говорил спокойно, но веско, как человек, привыкший распоряжаться людскими судьбами. — Никто не требует, чтобы вы отказались от веры в учение господина Маркса. Но «Мономаха» вам не простят...

— Думаю... — вновь заговорил Карно-старший, — с видом на жительство особых, э-э-э... проблем не предвидится... Как и с работой... Все это ненадолго, — Александр Михайлович подошел совсем близко и слегка коснулся Степанного плеча широкой сильной ладонью. — Мы все равны

продолжим работу, пусть и в эмиграции. Мы сможем вместе работать над «Мономахом»...

— Это с четырьмя-то классами! — наконец выдал из себя Степа и тут же спохватился. Ему предлагают измену, а он говорит о такой ерунде!

— Это... не проблема тоже, — покачал головой Карно. — В Париже можно учиться...

— А также в Кембридже, Нью-Йорке или Буэнос-Айресе, — кивнул Александр Михайлович. — Мы еще не знаем, где будет наш новый центр. Вы еще все успеете, Степан Иванович. Работа займет долгие годы, мы все уйдем — а «Мономаху» нужна новая смена...

Тут наконец до Косухина дошло окончательно, и на мгновение его охватила привычная классовая ярость. Ему, большевику и красному командиру, предлагают дезертирство! Хуже, ему предлагают предательство! Эх, расчердынькалуга, кем же ты стал, Степка Косухин, если эта белая кость думает, что купит тебя за какой-то там Кембридж!

Но злость тут же погасла, и на смену ей пришла тихая окончательная ясность. Эти двое немолодых людей — русский и француз — просто хотят спасти ему жизнь. Спасти от того, что ждет его дома — в отечестве пролетарской революции. Спасти его так же, как они с Ростиславом, не думая о классовой сущности, спасали Валуженича, а он, Степа, шел в Шекар-Гомп выручать Наташу. И как потом выручали его самого.

— Я... понимаю... — Косухин заговорил трудно, выдавливая непослушные слова. — Спасибо... Но мне надо вернуться...

— Умереть не всегда подвиг. Иногда надо жить, — слова великого князя прозвучали твердо. Степа вновь понял, что Александр Михайлович прав.

Его собеседники ждали, но Косухин уже знал, что ответит.

— Я не все вам рассказал... — слова вырвались сами собой. — Потом, после Челкея, я... это, ну... Мне надо вернуться в Столицу и все доложить!

— Кому? — печально улыбнулся великий князь.

— Товарищу Троцкому! Товарищу Ленину! Они не знают!

— Значит, вы увидели еще что-то, — Александр Михайлович покачал головой: — Удивляюсь одному — как вы еще

живы? Теперь ясно, почему Наталья Федоровна все забыла... Вернее, почему ее заставили забыть...

— Но... Может, вы, мсье Косухин, не будете спешить? — заговорил сенатор. — Подождите — месяц, может, год...

Это был тоже выход. Побывать здесь, попытаться связаться с придурком Арцеуловым и вытащить его с этой проклятой войны...

...Но Степа понял, что и это не выход. Шекар-Гомп растет с каждым днем. Что-то страшное клубится в самом сердце Революции. Медлить нельзя.

Его больше не уговаривали. Похоже, его собеседники тоже что-то поняли. Косухин коротко простился и, не отвечая на вопросы Шарля, вышел на улицу. На душе внезапно стало спокойно: он окончательно решил, а значит, был свободен.

Прощались вечером на перроне вокзала, где Косухина ждал поезд до Гавра. Все старались казаться веселыми — и сам Косухин, и Тэд, и Карно, который все совал Степе свою визитную карточку, заказанную, по его словам, специально для этого случая. Степа не возражал, записал адрес Валюженича и даже адрес его отца в Абердине. Но Косухин знал, что писать не сможет, а ему самому посылать письма некуда: постоянного адреса у него не было уже четвертый год. В последний момент, вспомнив, он назвал Тэду адрес единственного человека, который мог помочь связаться с ним, — Николая Лунина, да и то при условии, что Коля жив и вернулся в Столицу...

...Поезд нырнул в затопившие вокзал вечерние сумерки, привычно застучали колеса. Все было кончено. Оставалось добраться домой, а там уж — увидим, какая у него, Степана Косухина, выйдет фортуна.

Через неделю он был уже в Ревеле. За время путешествия Степа тщательно продумал свой будущий доклад в комиссии Сиббюро. Версия выстраивалась четко: он попал в плен к белым гадам под Иркутском, его вывезли в Китай, а там с помощью товарища Джора и его славного партизанского отряда он сумел добраться до Индии. Паспорт и деньги ему достали, само собой, индийские большевики — лучшие сыны страдающего под колониальным игом великого

народа. Маршрут через Париж тоже не вызывал сомнений — он был самым коротким...

Другой свой доклад Степа также продумал. Но он предназначался для других ушей. Косухин решил сразу же попроситься на прием к товарищу Троцкому — а там уж рассказать обо всем...

Следовало предусмотреть все мелочи. Адреса и визитную карточку Шарля он уничтожил, револьвер оставил у Тэда. Вызывал сомнения лишь его странный паспорт; и Степа пожалел, что не сумел сохранить удостоверения уполномоченного Сиббюро. Теперь, когда он приближался к границе, оно оказалось бы весьма кстати...

В Ревеле, где на каждом шагу звучала русская речь, Косухин решил вначале договориться с кишевшими тут контрабандистами и перейти границу нелегально. Это было безопаснее: он мог сразу же уехать в Столицу и явиться в ЦК. Но, подумав, Степа решил, что это все-таки неправильно. Он не шпион и не эмигрант — он красный командир, и нелегальный переход границы может вызвать ненужные подозрения.

Степа добрался до Нарвы и вышел к первому же пограничному посту. Молодые ребята в высоких суконных шлемах, таких же, какие носили бойцы 305-го, но с привычными звездами, недоуменно осмотрели его паспорт и позвали находившегося тут же уполномоченного ВЧК.

Его ни о чем не спрашивали и отвезли в Псков. Два дня Степа скучал в одиночке местной тюрьмы, куда его не вызвали на допрос. Молодой чекист, похоже, принял его за белогвардейского шпиона, предложив тут же покаяться, обещая от имени советской власти проявить в этом случае снисхождение. Косухин терпеливо выслушал, а затем четко и спокойно назвал свою фамилию, номер партийного билета и фамилию товарища Смирнова. Глаза молодого чекиста чуть не вылезли на лоб от удивления, и Степе пришлось все это дважды повторить, куда пораженныйследователь не занес сказанное в протокол.

Конечно же, его и не думали отпускать, но чекист заверил, что телеграмма будет немедленно отправлена в Столицу. Несколько дней Степу не трогали, кормить стали полущи и ежедневно приносили газеты. Косухин прочитывал «Правду» и «Красноармейца» от корки до корки, с радо-

стью ощущая себя дома. Тюремные стены не смущали: все должно было скоро выясниться.

Все действительно выяснилось, причем скорее, чем он думал. Уже на третий день после допроса, ближе к вечеру, дверь камеры открылась, и на пороге появился все тот же чекист. На этот раз он назвал Степу «товарищем», лихо подбросил руку к козырьку и сообщил, что Степин вопрос решен. Косухин подумал было, что пришла телеграмма из Сиббюро, но следователь сказал, что за Степой приехал специальный представитель из Столицы с чрезвычайным мандатом.

На мгновенье Косухин почувствовал нечто вроде гордости. Все-таки его не забыли! Он одернул пиджак, провел рукой по отросшей за эти дни щетине, жалея, что нет времени привести себя в порядок, и проследовал в тюремную канцелярию.

За деревянным столом сидел человек в командирской шинели с большими красными звездами в петлицах. Увидев Косухина, он пружинисто встал и затушил в пепельнице папиросу.

— Здравствуйте, Степан Иванович!

Косухин хотел было ответить, но застыл на месте, не в силах сказать даже слова. Перед ним стоял Венцав.

ГЛАВА 5

Александровск

Над городом стлалось черное облако дыма, сквозь которое то и дело прорывались вспышки взрывов. Александровск горел. Штурмовые колонны ворвались в город с рассветом, а сейчас был полдень, бешеное июльское солнце заливало степь, и многочасовой грохот боя стал настолько привычен, что уже не воспринимался сознанием.

Арцеулов опустил бинокль и передернул плечами. Он до сих пор не привык наблюдать бой издалека, каждый раз ощущая себя дезертиром. Там гибли его товарищи, а он, подполковник Русской армии, прохлаждается на командном пункте. Порой это становилось невыносимо.

— Скучаешь, Слава? — генерал Тургул опустил бинокль и не торопясь достал портсигар. — Брось! Через пару часов посмотрим все вблизи. Комиссары уже выдыхаются...

— Ну и нервы у тебя, Антошка! — Когда вблизи не было подчиненных, генерал-майор Антон Васильевич Тургул, командир легендарной Дроздовской дивизии, был для Арцеулова по-прежнему «Антошкой», впрочем, как и он, специальный представитель Ставки Главкома, — просто Славой.

— В штыки тянет? — улыбнулся Тургул. — Имей в виду, не будешь слушаться, сообщу Барону, и тебя запрут в санаторий. Ты его знаешь!

Арцеулов улыбнулся в ответ, но улыбка вышла грустной. В боях ему, как и иным представителям Главкомандующего, участвовать запрещалось. Его дело — присутствовать, и он присутствовал, честно пытаясь даже в этой дурацкой должности делать что-либо полезное. Но выходило плохо. Все вообще шло как-то не так.

Арцеулов почувствовал это сразу, как только болгарский пароход высадил его у Графской пристани. Его тут же арестовали и, не спрашивая ничего, отконвоировали в ближайший рavelин, где им занялась контрразведка.

Никакие объяснения не помогали. Его рассказ о том, что он тот самый бывший поручик Арцеулов, посланный весной 19-го со специальной миссией в Сибирь, вызвал лишь ленивую ухмылку вместе с предложением не дурить и говорить правду. Когда Ростислав пытался повысить голос, его назвали «большевистской сволочью» и бросили в одиночный карцер.

Деньги у него конфисковали в первый же день. К счастью, сапфир, словно предчувствуя беду, он еще на пароходе успел зашить в подкладку пиджака — и потом не раз хвалил себя за предусмотрительность.

В карцере было время подумать. Ростислав внезапно сообразил, что крепкие ребята из контрразведки абсолютно не заинтересованы выяснить истину. Вполне достаточно того, что подозрительный гость с паспортом, выданным в Бомбее, будет списан в расход как очередной большевистский шпион. Впрочем, возможен и другой выход — в первый же день ему намекнули: за весьма солидную сумму Ростислава могут признать больным и отправить в госпиталь. Насколько он понимал, это была обычная практика: из госпиталя легче освободиться.

На следующем допросе Арцеулов заявил, что желает дать показания, но лишь кому-либо из высших чинов богоугодного заведения, где его держат. Как ни странно, это подействовало. Через час его привели в кабинет полковника с забавной фамилией Нога. На этот раз его выслушали внимательнее. Впрочем, Нога ему тоже не поверил и без особого интереса предложил назвать кого-либо из офицеров Русской армии, которые могли бы засвидетельствовать его, Ростислава, подозрительную личность.

И тут Арцеулов впервые понял, что ему придется нелегко. К Адмиралу его и Гришина-Алмазова отправлял лично Деникин — но бывший главнокомандующий Вооруженными силами Юга России еще в марте покинул негостеприимный Крым. При их разговоре присутствовал генерал Романовский, но бывшего заместителя Верховного не так давно застрелили в Стамбуле. Были и те, вместе с кем он воевал. Но ни Маркова, ни Дроздовского уже не было в живых, погиб и Гришин-Алмазов. Оставались просто фронтовые товарищи. Волнуясь, Арцеулов стал называть фамилию за фамилией. Нога, кивая, записывал, но вид его был настолько недоверчивым, что Ростислав понял: это едва ли поможет.

Все оказалось еще хуже. Дней через пять Ростислав был вновь вызван к полковнику, и тот откровенно предложил ему не водить контрразведку за нос. Когда Арцеулов попытался узнать о судьбе своего запроса, то Нога молча протянул ему список.

Из его товарищей не уцелел никто. Ротный — капитан Корф — уже в чине полковника пропал без вести, выполняя секретное задание командования. Офицеры его взвода погибли еще в 19-м, а совсем недавно, в марте, умер от тифа Андрей Орловский.

Князь Ухтомский, на встречу с которым он надеялся больше всего, так и не попал в Крым. Его часть была отрезана под Новороссийском и отступила куда-то к грузинской границе.

У Арцеулова была безумная мысль попроситься на встречу с самим Врангелем — барон мог его помнить, но он понял: в этом ему откажут.

Итак, не оставалось никого. Прошел всего год — и он вернулся на кладбище. Даже хуже — никто уже не скажет, где, в каких местах от Тулы до Симферополя находятся могилы его товарищей.

Полковник Нога, внимательно наблюдавший за ним, внезапно изменил тон. Похоже, лицо Ростислава сказало ему больше, чем все слова. Подумав, он предложил назвать кого-либо из офицеров других частей, которые могли бы помнить Арцеулова.

И тут блеснула надежда. Он же хорошо знал ребят из отряда Дроздовского! Он был знаком с самим Дроздовским, но того уже нет в живых. Ростислав назвал капитана Туцевича, с которым был знаком еще с 16-го. Полковник Нога покачал головой: Туцевич, успевший стать полковником и командиром артиллерийского дивизиона, убит prošлым летом.

Арцеулов стал лихорадочно вспоминать. Он неплохо знал еще двоих: капитана Макарова и поручика Тургула. Нет, кажется, Тургул тоже успел к весне 19-го стать капитаном и даже получить батальон. Ростислав хотел назвать Макарова, но вспомнил: того перевели в штаб Май-Маевского, а значит, его тоже могло не быть в Крыму. И он назвал Тургула.

Брови полковника поползли вверх. Он заявил, что капитана Тургула не знает, а что касается его превосходительства генерала Тургула, то запрос сделать можно, если, конечно, Арцеулов знаком именно с ним.

В первую секунду Ростислав стал вспоминать, не было ли у Антошки Тургула дяди генерала, но потом решил, что терять ему совершенно нечего. Тем более выяснилось, что и Антошку и загадочного генерала зовут одинаково — Антоном Васильевичем.

...Через три дня дверь его камеры распахнулась и появился Антошка — веселый, как всегда, подтянутый, в лихо заломленной на затылок — по примеру покойного Дроздовского — фуражке. Год назад они не были особо близки, но Антошка, похоже, явно радовался встрече. Они обнялись, и Тургул потащил его из камеры. Какие-то тюремные крысы пытались толковать о нарушенном порядке и о бумагах, которые должно заполнить. Внезапно лицо Антошки изменилось, он рыкнул — и контрразведчиков сдуло ветром. И тут только Арцеулов заметил, что на Антошке не обычный офицерский китель, а щегольская форма дорогого сукна. А еще через несколько минут он узнал то, что добило окончательно: Антошка, то есть, конечно, Антон Ва-

сильевич, не просто генерал, которых в Крыму и так окопалось достаточно. Бывший поручик командовал лучшей дивизией белой армии — Дроздовской.

С этой минуты жизнь пошла совершенно иначе. В тот же день, едва дав Арцеулову привести себя в порядок после узилища, его доставили напрямик к главнокомандующему. Оказывается, Врангель помнил и Арцеулова, и задание, с которым отправляли его к Адмиралу. Ростислав сразу же получил выговор за то, что не решился обратиться прямо к главному, а затем Врангель слушал его больше двух часов. Арцеулов понимал, что его рассказ уже не имеет никакой практической ценности. Все, ради чего его посылали через фронт, погибло вместе с Колчаком. Но барону было, похуже, просто интересно. Ростислав был единственным, кто сумел добраться к Колчаку — и вернуться. Врангель слушал его не перебивая, как слушают сказку или древний миф о героях.

...Из кабинета Врангеля Ростислав вышел уже подполковником. Поскольку документов у него не оставалось, он мог легко стать и генералом — барон верил на слово. Конечно, подобная мысль даже не приходила в голову, но кое-какие выводы Арцеулов уже успел сделать. Здесь, в Крыму, очень легко отправляли людей в контрразведку — и так же легко повышали в чинах. Оставалось узнать, как здесь воюют.

Тургул обещал ему должность заместителя командира полка — и не простого, а Первого Офицерского, лучшего в дивизии. Иного желать просто невозможно, и Ростислав заранее обрадовался. Оставался пустяк, чистая формальность — пройти через армейских эскулапов, дабы получить справку, без которой здесь, как, впрочем, и всюду, дела не делались. Ростислав с легким сердцем зашел в центральный севастопольский госпиталь — и был признан полностью негодным к службе.

Это был конец. Напрасно он доказывал, шумел, пытался поднимать гирю и стоять на руках. Врачи были неумолимы, а когда он в отчаянии бросился к Тургулу, тот выслушал сочувственно, но с медициной посоветовал не шутить.

Через несколько дней Арцеулов попал на прием к какому-то столичному светилу, занесенному военным ветром в Симферополь. И тут уж ему самому стало не до шуток. Све-

тило говорило долго, сыпало латинскими терминами, но главное Ростислав уловил сразу. Его фронтовые контузии были не в счет — с этим на третий год войны успели свыкнуться. То, из-за чего его не пускали на фронт в Сибири, здесь бы не помешало. Но дело было в другом — у него оказалась черепная травма — свежая, обширная, поразившая почти треть мозга.

Арцеулов вспомнил: падающий «Муромец», лопнувшие ремни и страшный удар, после чего все стало черно. «Никогда не снимай перстня!» Тогда он не послушал совета, отдал перстень Лебедеву — и тот остался невредим. В памяти всплыло давнее видение: он, прикованный к креслу, смотрит на глухую стену неведомого ему парижского дома...

Он не выдержал и принялся расспрашивать. Светило долго отнекивалось, но затем все-таки разговорилось. После травмы у Арцеулова должны были начаться приступы слабости, временная потеря координации и сильная, невыносимая боль...

...Все это было. Ростислав вспомнил дорогу от Челкея, переход к монастырю — дни, когда казалось, что он попросту не дойдет, свалится и останется навсегда под чужим холодным небом, если, конечно, краснопузый Косухин не потащит его дальше в приступе внеклассового великодушия...

Светило подтвердило — так и должно было начинаться. А еще через несколько дней, в крайнем случае недель, Ростислава ждал полный паралич. То, что этого до сих пор не случилось, явилось для петроградского светила величайшей и абсолютно неразрешимой научной загадкой...

...Но Арцеулов знал то, о чем никому не рассказывал здесь, в Крыму. Тайное убежище, монахи в оранжевых плащах и Цронцангамбо, лечивший его какими-то пахучими мазями. Тогда боль и слабость отступили. Позже, в Индии, почти ничего не напоминало о травме. Другое дело, насколько долго будут действовать эти загадочные снадобья.

...Единственное, чего он добился, — это должности офицера по особым поручениям при штабе главкома. Месяц Арцеулова держали в тылу, посылая инспектировать склады, пока наконец он не выбил право ездить на фронт. Конечно, это было абсолютно не то. Арцеулов ехал в Крым не инспектировать — он ехал воевать, и очень скоро его посетило первое сомнение.

Может, Ростиславу все-таки стоило остаться в Индии и вместе с Ингваром организовывать экспедиции в Гималаи. А может, и эта мысль посещала его все чаще, надо было ехать в Париж, чтобы краснопузый дурак Степка не остался там один...

...Он не выдержал и написал Валюженичу, сообщив свой симферопольский адрес. Ответа не было, и тревога росла. Ростислав вспомнил последний разговор с Наташей, странную телеграмму от Карла Берга и еще более странное молчание Тэда и девушки. Конечно, американец мог уехать, забыть — но Наташа должна помнить.

В свободное время, которого здесь оказалось слишком много, Арцеулов забегал в библиотеки: и в симферопольскую городскую, и в знаменитую севастопольскую, основанную адмиралом Лазаревым. Там он нашел немало статей Семирадского, пару публикаций Семена Богораза и массу работ, напечатанных Бергами — Карлом и Федором, отцом Наташи. Были и Наташины статьи, но прочитать их, равно как и все прочие, Ростислав так и не смог. Физика и высшая математика — от этого он полностью отвык за фронтовые годы.

Перелистав «Известия Императорской Академии наук», Арцеулов нашел статью Родиона Геннадьевича, который оказался не простым учителем, а почетным доктором Стокгольмского университета. Вероятно, бывший ссыльный, фамилия которого, как выяснилось, была Соломатин, рассказал своим случайным гостям далеко не все. Статья называлась «Предварительный анализ древнедхарской письменности на основании памятников Северного Урала». Решив, что это таки не математика и не теория частиц, Ростислав решил ее основательно проштудировать, но не успел. Барон отправил его под Александровск, где Дроздовская дивизия насмерть схватилась с 13-й армией бывшего поручика Уборевича.

День клонился к закату, но грохот канонады не стихал. Напротив, он становился слышнее, словно бой приближался к тому месту, где на командном пункте ждал донесений Тургул. Арцеулов то и дело поглядывал на товарища — лицо Антошки оставалось невозмутимым, даже веселым, но гла-

за выдавали скрытое беспокойство. Что-то складывалось не так.

— Антон Васильевич, я съезжу, — Арцеулов обращался с этой просьбой уже в третий раз. Как и прежде, Тургул лишь посмеивался, грозя санаторием, но в его веселости уже чувствовались неуверенность и тревога. Ростислав видел, что Тургул и сам готов немедленно мчаться в Александровск, где сражались «дрозды», но заставляет себя ждать.

Было уже около семи, когда адъютант позвал Тургула к телефону. Антошка отсутствовал долго, а вернувшись, бросил уже без всякой улыбки:

— Сглазил! Нас вышибли из центра и гонят дальше! Я послал туда полк Колтышева... Слушай, у Барона есть сведения о красных резервах?

— К Александровску идет 2-я Конная Миронова...

— Знаю! Они еще далеко. Объявилась свежая красная дивизия. Там, оказывается, есть ударный полк — 256-й имени Парижской Коммуны. Они опрокинули наш Первый Офицерский, представляешь?

— Ого! — Арцеулов покачал головой. — А кто командир?

— В дивизии — еще не выяснили, а полком командует какой-то Косухин. Говорят, бывший офицер. Вот бы кого достать!..

Тургул скрипнул зубами. Ростислав знал: офицеров, служивших у красных, здесь в плен не брали...

...Арцеулов вновь вскинул бинокль, хотя рассмотреть хоть что-нибудь в дымящемся мареве было невозможно. Интересно, есть у краснопузого Степы родственники-офицеры, кроме брата? Впрочем, Степина фамилия не из редких, в отличие от его собственной. Да и то на всю Таврию гремело имя красного летчика Константина Арцеулова, что стало предметом частых язвительных шуточек сослуживцев Ростислава.

Еще полчаса прошло в молчании. Подполковник знал: Тургул отправил в бой всех, кроме начштаба, которого в атаку посылать не принято, и его самого. Там, в Александровске, наступал момент, когда обе стороны теряли силы, и судьбу сражения могла решить свежая рота. Но к красным спешили резервы, а у Тургула оставался лишь один батальон — Особый Офицерский.

Адъютант что-то доложил Тургулу, тот кивком отпустил его, минуту подумал и повернулся к Арцеулову:

— Нас прижали к южной окраине. Колтышев ранен, Володю Манштейна отрезали, он где-то в центре. Связь прервана. Я вывожу батальон.

— Антон, разреши! — Арцеулов знал, что Тургул не может уйти с командного пункта. Генерал ждал подкреплений — бой в самом разгаре.

— Слава, ты же знаешь!..

— Ваше превосходительство! — Арцеулов стал по стойке «смирно» и рубанул по-уставному: — Даю слово офицера, что вышибу красных и продержусь в городе до рассвета!

— Господин подполковник, — грустно улыбнулся Тургул, — этого, к сожалению, недостаточно. Надо продержаться до десяти утра. На подходе бригада Морозова. Но к ним идет Вторая Конная. Тут уж — кто успеет первым...

— Я понял. Разреши...

Тургул секунду подумал:

— С богом, Ростислав. Вышиби этого Косухина! Далеко не забирайся, в центре много каменных зданий — зацепись за них...

— Так точно, — Арцеулов подбросил руку к козырьку новенькой фуражки и зло улыбнулся. Он не знал, доживет ли до рассвета, но в любом случае Степиному однофамильцу придется туго.

На южную окраину батальон ворвался без выстрелов. Кололи штыками — «дрозды» из Особого батальона были сплошь ветераны, еще с Ясского похода. Красные, уже уверенные в победе, дрогнули и покатались по горящим улицам к центру. Ростислав не стал дробить силы, а бросил батальон вдоль главной улицы, надеясь, что части дивизии успеют прийти в себя и присоединятся к нему. Так и вышло. Дивизия вновь разворачивалась, словно и не было многочасового боя. «Дрозды» атаковали молча, экономя патроны и не давая врагу опомниться. Арцеулов шел впереди батальона с потухшей папиросой в зубах и трехлинейкой наперевес. Фуражку еще в начале боя сбила пуля. Ростислав не стал ее искать, радуясь, что вечерняя прохлада овеивает разгоряченную голову. Дико хотелось пить, но на это можно не обращать внимания. Наконец-то он воевал — и это был

горький праздник, поминки по тем, кого Арцеулов оставил в далекой Сибири и здесь — от Одессы до излучины Дона.

Центр горел, но в нескольких массивных кирпичных зданиях, о назначении которых догадаться было совершенно невозможно, красные все же сумели удержаться. В упор ударили пулеметы. Арцеулов помянул большой Петровский загиб, выплюнул окурочек и бросил «дроздов» к ближайшему из домов — огромному, с толстенными стенами, похожему на старинный купеческий склад. Красные поставили там несколько пулеметов, выглядывавших из узких маленьких окон, и упорно прижимали наступающих к брусчатке. Один пулемет удалось «погасить», и «дрозды» ворвались внутрь. Арцеулов оказался в большом помещении, где валялись несколько трупов и брошенные винтовки, но дальше ходу не было. Внутренняя дверь простреливалась: красные успели поставить еще один пулемет, а в маленькое окошко, больше похожее на крысиный лаз, нельзя было просунуть даже гранату.

Ростислав решил не лезть на рожон и отправил роту в обход. Вскоре ему доложили, что склад удалось окружить, но дальше красные не пускали. Надо было остановиться и подумать — впереди целая ночь.

Здесь же, в отбитом у красных помещении склада, Арцеулов развернул карту. Среди офицеров оказался один местный уроженец, и с его помощью подполковник сумел разобраться в путанице улочек. В общем, он выполнил задачу. Полностью центр отбить не удалось, но батальон вместе с присоединившимися к нему «дроздами» из других частей занял неплохие позиции.

Арцеулов, послав донесение Антошке, приказал закрепиться. Сам он решил оставаться на складе. В случае артобстрела здесь безопаснее, а к красному соседству было не привыкать. Напротив внутренней двери поставили «гочки», раненых унесли в тыл, и наступил момент для первого перекура.

В помещении склада вместе с Арцеуловым расположились десятка два офицеров. Ростислав достал папиросы, подавая пример. Он внезапно усмехнулся: точно так же в коротком промежутке между боями они перекуривали на окраине Екатеринодара. Там тоже были какие-то склады, которые приходилось брать с боем. Папиросами угощал генерал Марков: они у него не переводились, к радости страдающих без табака «добровольцев».

— Господа, огоньку не найдется?

Вопрос повис в воздухе. Курильщики растерянно хлопывали себя по карманам, но — редкая вещь — ни у кого не оказалось ни спичек, ни зажигалки. Ростислав с сожалением вспомнил, что отдал свой коробок Тургулу. Выходить не хотелось: можно поймать шальную пулю.

— У красных попросить, что ли?

Нелепое предложение вызвало смех, но затем один из офицеров — молодой поручик с солдатским «Георгием» на груди осторожно подошел к слуховому окошку, подмигнул остальным и прокричал:

— Эй, краснопузые! Спичек не будет?

— А повежливее можно? — донеслось в ответ. Поручик удивился, но, подумав, предпринял новую попытку:

— Господа красноармейцы! Не соблаговолите ли одолжить спички? Взываем к солидарности курильщиков!

На этот раз засмеялись за стеной. Послышался легкий стук — коробок упал на пол, к нему тут же потянулись не-терпеливые руки. Красные не оплошали: по яркой наклейке кто-то успел сделать карандашную надпись: «Травитесь, беляки!»

— Вернуть не забудьте! — донеслось из-за стены. После того как сизый дым пополз под потолок, Арцеулов лично переправил надпись, заменив «беляки» на «товарищи», и отправил спички обратно, не забыв прибавить: «Сэнк ю».

— Дон'т менш ит! — донеслось в ответ.

— Ого! — Кто-то из офицеров заинтересовался уже всерьез. Да, красные уже были не те, что в 18-м!

— Наверно, курсанты, — предположил все тот же поручик. — Выучились, сволочи!

— Эй, краснопузые, откуда будете?

Ответа не ждали, но из-за стены прозвучало твердо и веско:

— 256-й имени Парижской Коммуны!

«Дрозды» стали переглядываться. Значит, здесь те, кто разбил Первый Офицерский! Лица недобро улыбались — если бы не кирпичная стена и не пулемет у прохода, тамошним курильщикам пришлось бы не сладко.

— А где ваш Косухин? — Красного командира за эти сутки уже успели дружно возненавидеть.

— А на что он вам? В плен собрались, недобитые?

Там, за стеной, хорошего настроения явно не теряли.

— Да нам поговорить бы... — офицеры переглядыва-

лись. Граната в окошко не пролазила, но можно просто пальнуть из винтовки.

Невидимые собеседники замолчали. Настала тишина, лишь где-то далеко, за несколько улиц, шла ленивая перестрелка. Арцеулов автоматически отметил, что патронов у красных, похоже, в обрез.

— Ну я Косухин! — Голос прозвучал спокойно, с явной насмешкой: — Чего надо, чердынь-калуга?

Ростислав похолодел. Разведка ошиблась: командир 256-го — не из бывших офицеров. Господи, но почему так? Оставалось надеяться, что это все-таки совпадение. Вдруг у краснопузых есть другой Косухин с такой же «чердынь-калугой»?

Он не выдержал, жестом остановил собиравшихся высказаться на полную катушку офицеров и осторожно подошел к окошку.

— Степан?

За стеной молчали. Арцеулов хотел уже отойти и все забыть, но внезапно вновь послышался знакомый голос:

— Чё, Ростислав, никак ты? Еще не расстреляли?

Тон и слова были под стать обстановке, но Арцеулову почему-то показалось, что где-то самым краешком в голосе Степы прозвучала радость. Из холода Ростислава бросило в жар. Теперь уже сомнений не оставалось.

— Сдавайся, краснопузый! — крикнул он первое, что пришло на ум, просто желая еще на минуту затянуть разговор. — Мы вас окружили!

— Это кто кого окружил, чердынь-калуга! — Степа засмеялся как можно обиднее. — Ладно, возьму тебя в плен — поговорим!

Ростислав отошел в сторону. Сердце бешено билось, в голове появилась знакомая слабость. Значит, они все-таки встретились! Господи, но как нелепо! Хотя, с другой стороны, оба спешили на фронт. И оба успели...

— Вы его знаете, господин подполковник? — В тоне спрашивающего прозвучало уважение и одновременно страх, словно Арцеулов был знаком не с красным командиром, а с самим Вельзевулом.

— Немного, — Арцеулов отвечал, даже не думая. — Довелось...

— Опасный?

— Куда уж опаснее...

Входить в подробности не хотелось. Не то чтобы зна-

комство с командиром 256-го полка могло как-то скомпрометировать — такое за годы Смуты встречалось сплошь и рядом. Но то, что связывало его с Косухиным, оглашению не подлежало. И не только потому, что за некоторые их общие дела можно заплатить головой...

Арцеулов заставил себя думать о другом. Красные не просто перекуривают. У них тоже приказ; и едва ли красноармейцы 256-го намерены всю ночь мирно отдыхать.

Подумав, Арцеулов послал гонца в штаб с требованием патронов, а сам приказал батальону готовиться к бою. И вовремя.

Красные атаквали, как только стемнело. «Дрозды» отбили три атаки подряд, чуть было не захватили весь центр, но к красным подошла подмога, и теперь уж дроздовцы едва сумели удержаться на прежних позициях. Спасали выучка, многолетний опыт, а также то, что Арцеулов до последнего момента держал в резерве два свежих взвода. Когда краснопузые уже валили по главной улице, разрезая батальон надвое, подполковник бросил офицеров в штыки — и бойцы полка имени Парижской Коммуны вновь отступили.

К полуночи стрельба стихла. Вместо патронов Тургул прислал с вестовым записку, сообщая, что бригада Морозова на подходе и будет в Александровске еще до рассвета.

В помещении склада все оставалось без перемен. Правда, никто уже не думал переговариваться — и те, и другие смертельно устали.

Когда часы показали половину второго, Арцеулов, до этого ежеминутно ждавший атаки, разрешил «дроздам» спать, естественно, посменно, выставив караулы. Красные молчали. Они тоже не могли наступать без патронов и резервов. Оставалось ждать, кто подоспеет первым — командир Миронов или командир Донской бригады Морозов.

В темном, освещенном неровным светом керосиновой лампы помещении склада все спали. Лишь дежурный расчет у «гочкиса» вглядывался в черный дверной проем. Арцеулову не спалось. Маленькое окошко притягивало. Ростислав представил, что там, за стеной, комполка Косухин тоже не спит. Арцеулов быстро оглянулся и, осторожно перешагивая через спящих, подошел к черному отверстию. Там было тихо. Он хотел окликнуть Степу, но внезапно сам услышал негромкое:

— Ростислав, эй! Ты там?

— Тут я! — Кровь застучала в висках, хотя, казалось, волноваться нечего. Встретились бывшие приятели — нынешние враги. Такое бывало, и не раз, и не два...

— Я тебя третий раз выкликаю, чердынь-калуга! Спишь, что ли, капитан?

— Подполковник! — Арцеулов поневоле усмехнулся.

— Все одно, я тебя главнее... Ну чё, бяляк, тебя твои не тронули?

— Неделю продержали, — вновь усмехнулся Ростислав. — Чуть за шпионаж не расстреляли.

— Ага! Меня тоже. Своим рассказал?

— Нет! — Ни Барону, ни остальным Ростислав ничего не сказал ни о «Мономахе», ни о тибетском монастыре. Под крымским небом его история выглядела слишком невероятной...

— И я тоже, стало быть... — Арцеулов услышал тяжелый вздох. Вспомнилось, что дурак Степка собирался бухнуть все тайны разом на стол красному Наполеону товарищу Троцкому.

— Правильно сделали, Степан! Сами сообразили?

— Да где там сам, чердынь-калуга!.. Ладно, от Валюженича письмо получил?

— Нет, — Ростислав забеспокоился. — Степан, что было в Париже? Вы встретили брата?

— Потом... Тэд напишет... В том перстне, ну, который... Две змейки, точно?

— Да-да... Но почему...

— Все, бывай, кадет! Скажи своим, чтоб мотали отсюда — щас двинем...

«Щас двинем». Раздумывать не приходилось. Арцеулов отскочил от черного окошка и оглянулся. Его офицеры спали, даже пулеметный расчет сморило: несколько часов боя прошли недаром.

— Тревога!

«Дроздов» не требовалось предупреждать дважды. Несколько секунд — и все были на ногах, сжимая винтовки и вопросительно глядя на Арцеулова.

За стеной было тихо. Даже излишне тихо. Ростислав знал, что порою означает такая тишина. Жестом он указал на выход. В глазах офицеров мелькнуло удивление, но дисциплина превозмогла — один за другим «Дрозды», стараясь не шуметь, выскочили на улицу. Арцеулов уходил послед-

ним. Он уже стоял в проходе, когда из внутренней двери вылетело нечто темное, с грохотом упавшее на пол.

Ростислав успел отскочить и прижаться к стене. Взрыв потряс здание. Опоздай они на минуту, и связка гранат, заботливо припасенная красными на подобный случай, разнесла бы всех в клочья.

— К бою! — вокруг уже гремело, на улице слышалось гудение моторов, а откуда-то издали доносилось еле слышное конское ржание. Объяснений не требовалось: авангард Второй Конной Миронова был в городе.

«Дроздов» выручила ночь, а также узкие, загроможденные битым камнем улицы. Красные не могли развернуться, и Арцеулов смог продержаться еще полчаса. Первый броневик подбили сразу, и бронированная туша закупорила проход. «Дрозды» повеселели. Ростислав уже подумывал о контратаке, когда внезапно стрельба раздалась со всех сторон — из соседних улиц, сзади, даже с крыш. 256-й полк взял батальон в кольцо.

«Дрозды» заняли круговую оборону, огрызаясь из нескольких пулеметов. Сам Арцеулов с трофейным «льюисом» устроился на первом этаже горящего дома, решив никуда не уходить. В конце концов, здесь ничуть не опаснее, чем в степи, где уже гуляют сабли мироновцев. По крайней мере, был шанс получить пулю в грудь, а не в спину.

Под утро стрельба немного стихла. К батальону Арцеулова пробилась остатки Первого Офицерского во главе с заместителем Тургула — одноруким Володей Манштейном. Тот, в запарке боя не узнав Ростислава, именовал его отчего-то «капитаном» и подтвердил его решение держаться до подхода морозовцев. Иного выхода, собственно, не было: на прорыв они уже опоздали.

Морозовцы подошли к половине восьмого. Им удалось отбросить слабый авангард Миронова и ворваться в город. Весы вновь заколебались, но уже через час с юга донеслась стрельба — к Александровску шла лучшая дивизия Русской армии — Корниловская...

Арцеулов оставался в городе. Когда 256-й полк, отстреливаясь и огрызаясь, отступил, он не выдержал и заглянул туда, где провел вечер. Взрыв разворотил все. Кирпичные стены змеились трещинами, а чей-то забытый котелок расплющило и превратило осколками в сито. Ростислав покачал головой: в эту ночь смерть еще раз прошла мимо. Но отвел ее не случай, вернее — этот случай имел вполне кон-

кретное имя. И сквозь страшную усталость внезапно просочился стыд. Он не желал подобного подарка. Тем более от проклятого краснопузого — потомственного дворянина Степы.

Тургул долго качал головой, грозил санаторием, а затем пожал руку и заявил, что составит особый рапорт, дабы Ростиславу дали наконец полковника и разные нижние чины перестали бы путать звания. Присутствующий при этом Манштейн, узнавший наконец Арцеулова, то и дело порывался извиняться, но Тургул лишь зловеще похохатывал, грозя разжаловать Володю за непочитание чинов.

Ростислав упросил Антошку никому не сообщать о его участии в бою, опасаясь, что Барон вообще перестанет пускаться на фронт. Слухи о случившемся в Александровске уже дошли до Тургула. Он несколько раз с интересом взглянул на приятеля, а затем, как бы случайно, спросил: правда ли, что тот чуть не взял в плен красного командира Косухина.

— Нет, — врать Антошке не хотелось. — Только поговорили...

— Так он из офицеров?

— Нет, — чуть помолчав, ответил Ростислав. — Он слесарь.

...Врангеля в Симферополе не было, и Арцеулов поехал в Джанкой. Главнокомандующий выслушал его невнимательно: он сам только что вернулся из-под Каховки, где высадился красный десант. Радоваться было нечему: Александровск взят, но дальше ни Тургулу, ни корниловцам продвинуться не удалось. Фронт стал...

В конце разговора Главком поинтересовался, не желает ли Арцеулов съездить под Мелитополь: там тоже было жарко. Ростислав замаялся. Ему было стыдно, но он не решался сказать «да». После той ночи в Александровске что-то сломалось в душе. Сам бой был не страшнее тех, что случались раньше, не страшнее Екатеринодара и Камы. Но случилось нечто непредусмотренное: краснопузый Косухин сыграл не по правилам. Между боями враги разговаривали, такое случалось, но предупреждать об атаке нельзя, просто невозможно. А Степа сделал это, решив выручить случайного приятеля, теща свой пробудившийся классовый гуманизм.

В конце концов, комиссары берут верх, и в перспективе для них нет особой разницы, прибавится в Париже одним инвалидом-эмигрантом или нет.

Тогда, в апреле 19-го, Косухин уже выручил его. Но на реке Белой речь шла об умирающем, которому Степа не пожалел флягу с водой. Теперь же...

Пауза затянулась. Барон, понявший Арцеулова по-своему, кивнул и согласился, что подполковнику, без сомнения, следует отдохнуть. Только тут Ростислав решился возразить, но Врангель был непреклонен, велел ему ехать в Севастополь и ждать распоряжений. В глазах командующего Арцеулов прочитал сочувствие к тяжелобольному, и ему стало не просто стыдно, а еще и невыносимо плохо.

Уже в поезде, ночью, когда сон не шел и он курил папиросу за папиросой в холодном гремящем тамбуре, Ростиславу вспомнилось давнее, уже позабытое правило. Врага отпускали, взяв с него слово не воевать — или до конца войны, или год-другой, или просто на этом участке фронта. Никакого слова «он Степану, естественно, не давал, но он принял его условия, послушав совета и не оставшись на верную смерть среди выщербленных осколками стен.

В Севастополе Ростислава ждало письмо от Тэда. Вернее, это оказался целый пакет (Валюженич любил писать основательно). Послание было напечатано на машинке, вдобавок Тэд приписал еще пару страниц своим чудовищным почерком. К счастью, послание было на английском, и Ростиславу не пришлось продирааться сквозь дебри Тэдова польско-русско-американского воляпюка...

Ростислав прочитал письмо дважды, полюбовался аккуратно вычерченными схемами церкви святого Ириней и дома Карла Берга, а также присланной фотографией. На фото улыбающийся Тэд и хмурый Степа были запечатлены на фоне Версальских фонтанов. Арцеулов аккуратно разорвал письмо на мелкие кусочки и сжег их в пепельнице. Фото решил оставить — оно было не подписано, и никто, включая фронтовую контрразведку, не сможет догадаться, кто были изображенные на нем двое молодых людей в костюмах по последней парижской моде...

Потом он долго курил, стараясь не давать воли чувствам

и привести нахлынувшие мысли в относительный порядок. Теперь он ощущал не только стыд, но и бессилие. Он наконец понял, что не давало ему покоя с первой же минуты приезда в Крым, в армию Барона. Арцеулов ошибся. Стараясь утнаться за второстепенным, он упустил главное...

Оставалось два выхода. Первый — немедленно подать прошение об увольнении в отставку и ехать в Париж. Второй — оставаться здесь и ждать — то ли случайной пули, то ли подкачки...

В этот вечер он долго гулял по севастопольским улицам. Город поражал: здесь почти ничего не напоминало о войне. Лощенные тыловики прогуливали дам по Большой Морской и Историческому бульвару, посещали рестораны, где за ужин выкладывали сумму, равную месячному окладу офицера, и откровенно обсуждали, чем займутся в случае эвакуации. На тыловую сволочь Арцеулов старался не смотреть. Это было нелегко: Севастополь гулял, веселился и даже пускал фейерверки.

Когда стемнело, Арцеулов завернул в небольшой ресторан неподалеку от Графской пристани. Деньги куда были. Он почти не тратил жалованья, к тому же контрразведка после нескольких напоминаний вернула ему конфискованные фунты. Ростиславу повезло: его усадили за спрятанный в углу столик, откуда не было видно зала и даже визгливый шум оркестра доносился не так явственно. Официант, заметив опытным взглядом пачку фунтов в бумажнике посетителя, извернулся и принес бутылку довоенной «Смирновской». Пить Арцеулову строго запрещалось, но в этот вечер настроение было настолько мерзким, что он пренебрег наказом эскулапов. Хмель не брал — привычные фронтовые нормы были куда круче...

...Ресторан гудел. Осипшая певица выводила новинку сезона — популярную на весь Крым песню про гимназистку седьмого класса, слышались утробный гогот и пьяные вопли. Нет, под Александровском было все же проще. Не надо думать о том, что защищают они не Россию, а тыловых шкур и наглых спекулянтов, которые ничуть не лучше господ большевиков. Те, по крайней мере, не изображают из себя защитников Отечества... Арцеулов подумал, что Степа — изрядная сволочь. Ему не надо было предупредить об атаке — и все бы уже кончилось. А еще лучше, если б красный командир Косухин все-таки пристрелил его на бе-

регу Белой. Тогда умирать было легко: впереди маячила Столица и смерть казалась такой простой и нужной...

— Не думай об этом, брат-воjak! — Знакомый голос прозвучал неожиданно, словно отвечая его мыслям. — Там для таких, как мы, нет покоя...

Чешский подпоручик сидел за столом, держа в руке пустой прозрачный бокал. Лицо его было таким же, как и раньше, — спокойным, приветливым, и так же странно смотрели пустые неживые глаза. Даже шинель оставалась прежней — зеленой, поношенной. Сейчас, вблизи, можно было увидеть несколько сквозных прожженных дыр: на боку, на животе и одну, самую большую, — напротив сердца...

— Это вы!.. Здравствуйте, поручик!

Страха не было. Неожиданная встреча внезапно показалась желанной.

— Подпоручик, — чех улыбнулся. — Поручика мне дать не успели, брат-воjak...

Арцеулов молчал. В Нижнеудинске, в Иркутске и даже позже, после Челкея, он мог еще сомневаться, то теперь знал, с кем имеет дело. Непонятно лишь — почему. Он ведь никогда прежде не встречал этого улыбчивого чеха.

— Нужно отдавать долги, — ответ прозвучал спокойно, чех аккуратно поставил на скатерть пустой бокал. — Я тебе должен, Ростислав.

— Но... Вы уже выручали меня, и не раз! Разве ваш долг...

— Нет... Наш расчет впереди... Не будем об этом, брат-воjak. Если ты хочешь поговорить, то тебя ждут.

— Где? — Арцеулов весь сжался, боясь поверить. Значит, о нем вспомнили! Его не списали в отставку!

— Возле Албата, немного южнее, есть деревня. Неподалеку от нее — пещерный город. Тебя будут ждать там послезавтра, перед заходом солнца. Будь осторожен, брат-воjak... Прощай...

Чех кивнул, встал и не спеша направился к выходу. Арцеулов, не выдержав, взглянул из своего закутка: подпоручик спокойно шел по кишевшему публикой залу. Никто, казалось, не замечал неожиданного посетителя, но, странное дело, люди расступались, испуганно оглядываясь, на лицах проступало недоумение и страх, словно в жаркую летнюю ночь внезапно повеяло могильным холодом. Музыка смолкла. Оркестранты удивленно переглядывались, но

никто не решался взяться за инструмент. Чех спокойно прошел к выходу, оглянулся и помахал Ростиславу рукой. В тот же миг по залу прошелестел облегченный вздох, нестройно грянул оркестр, и веселье, хотя и медленно, натужно, вступило в свои права.

Арцеулов улыбнулся. Наверное, молодой чех, так и не успевший получить нашивки поручика, тоже не любил тыловых крыс.

ГЛАВА 6

Приказ

До Албата Арцеулов добрался спокойно: поезд довез до Сюрени, а там удалось подсесть на попутную татарскую арбу. Но, уже подъезжая к селу, Ростислав понял, что дальнейший путь не будет гладким. Возле околицы стоял патруль, который не только проверил документы, но и в самой категоричной форме направил Ростислава в какой-то «штаб».

«Штаб» находился в маленьком глинобитном здании местной школы. Серьезный молодой капитан вновь проверил документы, а затем потребовал от Ростислава пояснений: кто он и зачем прибыл в особую зону. Арцеулов чуть было не брякнул о желании изучить местные памятники старины, но вовремя понял, что лучше не рисковать. Оставалось принять обиженный вид и потребовать встречи с «начальством».

«Начальством» оказался хмурый полковник, которого Арцеулов несколько раз встречал в штабе Барона. Он представился: фамилия его была Выграну, он руководил особым отрядом по борьбе с повстанцами. Удостоверение, подписанное Врангелем, тут же уладило вопрос о лояльности неожиданного гостя, но пропустить Арцеулова дальше полковник решительно отказался.

Как оказалось, дело было серьезным. Вернее, оно казалось серьезным чинам штаба, которые командировали особый отряд в Албат. Ловили капитана Макарова.

Макаров, Павел Васильевич, бывший офицер Феодосийского полка, был тем самым давним знакомым Арцеулова, сослаться на которого помешала чистая случайность. Теперь Ростислав мог считать, что ему крупно повезло.

Признайся он в контрразведке, что знает Макарова, дело могло обернуться так скверно, что не помог бы и Тургул.

В чем был виновен Пашка Макаров, которого Арцеулов помнил как отчаянного сплетника, выпивоху и картежника, точно никто не знал. Утверждали, что еще зимой он был арестован, бежал из тюрьмы и перекинулся к «зеленым», возглавив одну из самых опасных банд. Арцеулов знал, как разговаривать с такими, как Выграну. Самым спокойным тоном Ростислав поинтересовался, известна ли полковнику занимаемая им должность. Получив утвердительный ответ, он предложил Выграну еще раз прочитать его удостоверение, где имелся непробиваемый пункт о том, что «предъявитель сего» имеет право бывать в любом пункте расположения Русской армии, в тылу и на фронте, а также требовать от военных и гражданских властей всяческой помощи.

Выграну, пожав плечами, попросил не считать его клиническим идиотом, а решить простую задачку. Пустил бы он, подполковник Арцеулов, залетного штабного чина прямо через линию фронта, в жаждущие лапы краснопузых? Как подразумевалось, клиническим идиотизмом страдал в этом случае отнюдь не полковник Выграну. Вдобавок командир особого отряда сообщил, что его люди в данный момент отнюдь не наступают, а совсем наоборот. «Зеленые» вчера спустились с гор, оседлав южную дорогу — как раз ту, которая нужна Ростиславу.

Арцеулов вспомнил предупреждение чеха. Да, приходилось быть осторожным...

Выграну немного подумал и предложил «господину представителю Ставки» — несуществующий титул подкреплялся самым язвительным тоном — принять участие в атаке на село, которая намечается в самое ближайшее время. Если она удастся, штабной подполковник может отправляться дальше один. Под собственную, естественно, ответственность.

Выбирать не приходилось. Арцеулову одолжили коня — крепкого каракового жеребца с буйным нравом, и он с нетерпением стал ждать команды. Выступили после полудня. Ехали медленно, опасаясь засады, но узкая дорога с глубокими колеями, оставленными колесами татарских повозок, была пуста.

В село ворвались с налету, с криком, гиканьем и даже с надрывным «ура», переположившим одуревших от зноя собак. Испуганные татары выглядывали из-за калиток, пыта-

ясь отгадать причину неожиданного нашествия. Ни Макарова, ни его людей в селе не оказалось. Какие-то неизвестные в форме приезжали за продуктами прошлой ночью — вот и все, что удалось узнать.

Арцеулов мысленно уже посмеивался над бдительным полковником, но Выграну был невозмутим. Солдаты окружили село и начали обыск. Ростислав удивился бессмысленной настырности полковника, но внезапно возле одного из домов послышалась пальба. Опытное ухо уловило: стреляли из «гочкиса». Выграну выругался и дал шпоры коню. Солдаты, держа карабины на изготовку, уже оцепляли дом.

Им достались трупы — двое в военной форме, старой, определенно с чужого плеча, — а также винтовки, «гочкис» и полдюжета ручных бомб. Арцеулов понял — шутки кончились. «Зеленые» не были фантазией перепуганного штаба. Впрочем, отступить было поздно.

Он вышел из села в шесть вечера, рассчитывая добрать-ся до пещерного города засветло. Карта была с собой — надежная, довоенная, за поясом привычно висел наган, вдобавок Ростислав прихватил с собой одну из трофейных винтовок. На него смотрели странно: так глядят на сумасшедших — или на покойников.

Нужную тропу Ростислав нашел быстро. Вокруг было тихо и спокойно, невысокие деревья с маленькими жесткими листьями словно скорчились от невыносимой жары; над пеленой леса молчаливо вздымались серые неприступные вершины. Казалось просто невозможным, что этот край, созданный для воскресных пикников и туристских походов, таит в себе опасность. Но расслабляться было нельзя. В дорожной пыли то и дело встречались отпечатки сапог, несколько раз попадались пустые гильзы, а однажды под ногами оказалась полная обойма от мосинской трехлинейки, потерянная каким-то растяпой. Вероятно, «зеленые» были здесь ночью, а теперь спрятались где-то в чаще.

Тропинка вилась вдоль горного склона, медленно взбираясь наверх. Вокруг по-прежнему не было ни души, но чувство опасности росло. Вдруг Арцеулов подумал, что чешский подпоручик мог предупреждать его вовсе не о повстанческой засаде. Вполне возможно, его стерегут и другие — те, кого он навидался на далеком Востоке.

Врагов выдала тень: черная, выросшая в эти предзакат-

ные часы, она лежала на тропинке. Ростислав мгновенно замер, ствол винтовки уже смотрел в сторону врага, а глаза привычно отмечали каждую деталь. Стерегут минимум двое, не очень опытные, иначе не оплошали б с тенью...

Арцеулов быстро оглянулся. Сзади спокойно, тропа пуста, есть шанс отступить. Но уходить еще опаснее: тропинка в этом месте шла ровно, первый же случайный взгляд обнаружил бы беглеца. Остается одно — сойти с тропы, прямо в негустой крымский лес.

Ростислав шел осторожно, стараясь не задеть тонкие высокие ветки. Любой звук мог выдать, приходилось ступать мягко, на носок. Расчет был прост: обойти засаду лесом и вновь выйти на тропу. То и дело приходилось останавливаться, но каждый раз тревога была ложной: те, что сторожили тропу, оказались невнимательными. Несколько раз до Арцеулова доносились их голоса: дозорные спокойно переговаривались, и подполковник еще раз подумал, что имеет дело с необстрелянной шайкой.

Засаду он обошел. Впереди мелькнул просвет — и в тот же момент Арцеулов рухнул на землю, стараясь не хрустнуть случайной веткой. Увы, он свернул слишком рано — или слишком поздно.

Перед ним была поляна — небольшая, прилипшая к склону высокой горы. Горел костер. Пламя лизало большой черный котел, вокруг сгрудились десятка два крепких ребят, чуть дальше темнели силуэты спрятанных за деревьями лошадей, а неподалеку, в аккуратной пирамиде, стояли винтовки. Итак, Выграну не ошибся. «Зеленые» и вправду были здесь. В первую секунду Ростислав почувствовал вполне понятный испуг, затем — раздражение и наконец — злость. Этих грабителей и дезертиров можно взять играючи. Будь у него хотя бы отделение, нет, хотя бы пятеро дроздовцев, он показал бы этому Макарову! Особенно взбесили его винтовки. Проголодавшиеся разбойники оставили их в пирамиде, воображая, похоже, что поступают по уставу! Повезло же им, что подполковник Арцеулов здесь один и не имеет задачи разобраться с этими неумехами!

Оставалось повернуть обратно, пройти лесом полсотни метров и вновь выйти на тропу. Ростислав презрительно усмехнулся и собрался еще уходить, как вдруг замер.

На поляне появилось еще трое. При виде их компания у костра смолкла. От общей группы отделился один, тут же подскочивший к пришедшим. Его выслушали, после чего

все трое, о чем-то коротко переговорив, медленно, легкой походкой разошлись в разные стороны.

Это был кто-то другой. Тут уж не пахло дилетантизмом. Арцеулову вдруг подумалось, что компания болванов у ко-стра — лишь прикрыtie. Нехитрая обманка для тех, кто не уважает дилетантов и не прочь покончить с ними одним ударом. А эти, настоящие, держат свои силы где-то в стороне, готовые ударить каждую минуту. Их не выдаст тень — они будут бить первыми.

Один из пришедших прошел совсем близко, направляясь как раз туда, куда собирался Ростислав — по тропе вправо. Арцеулов затаил дыхание, стараясь получше рассмотреть врага. Аккуратная форма, странный нарукавный знак, фуражка... Шедший внезапно остановился, повернул голову — и Ростислава обдало холодом. На фуражке не было привычной красной пентаграммы, там голубел свернувшийся паучок — эмалевая свастика...

Арцеулов подождал, покада стихнут легкие шаги, и только тогда перевел дыхание. Его предупреждали не зря. В этих лесах водились не только одуревшие от страха и водки дезертиры. Что-то знакомое увиделось в уверенных, но каких-то излишне плавных движениях, слишком ровно были развернуты плечи... Нелюди Венцлава! И случайно ли они оказались тут именно сегодня?

Он отошел в глубь леса. Сердце лихорадочно билось, ладони, сжимавшие винтовку, скользили от пота.

Внезапно над головой пронеслась тень. Арцеулов мгновенно присел, вскинув винтовку, но тут же облегченно вздохнул. Птица. Необычно большой для здешних гор орел. Наверное, он вылетел в поисках добычи, чуя приближающуюся ночь.

Тень исчезла, затем появилась вновь. Птица кружила совсем низко, казалось, задевая крыльями верхушки деревьев. И Ростислав вдруг понял, что это тоже — неспроста. Орел искал его, нашел и теперь не улетал, словно желая что-то передать человеку.

Арцеулов вспомнил — орел был похож... Да, он чем-то напоминал изображение на барельефе в пещере у Челкея. Опять случайность? Ростислав решил. Осторожно оглянувшись, он сделал первый шаг туда, куда вел его странный посланец.

Идти приходилось медленно, стараясь не шуметь, но орел, словно понимая, то возвращался, показывая, что не

бросает человека, то вновь, медленно покачивая крыльями, уносился куда-то на юг, показывая направление. Лес становился все гуще. Ветки уже успели в нескольких местах порвать плотную ткань кителя, на лице кровили свежие царапины, но Ростислав упорно пробирался дальше. Конца пути не было видно, по спине струился пот, а винтовка стала казаться свинцовой. Мелькнула нелепая мысль о ловушке и тут же пропала. Какая уж тут ловушка! Достаточно было просто перекрыть тропу...

И тут в лицо пахнуло свежим ветром. Арцеулов, отодвинув колючие ветки какого-то особо вязкого куста, увидел, что лес кончился. Перед ним был каменистый склон, вверх по которому висала еле заметная козья тропа.

Он огляделся. Вокруг было тихо и спокойно. Те, кто стерег путь, остались далеко позади. Орел вновь снизился, а затем резко взмыл вверх над тропой.

Взбираться было неожиданно легко. В затылок не целились винтовки солдат генерала Мо, под ногами не скользил тибетский лед. Первые несколько десятков метров тропа шла круто, затем внезапно перевалила через гребень, и Ростислав невольно остановился. Прямо над ним чернели вырубленные в скале окна, вверх вели каменные ступени. Пещерный город... Ростислав вспомнил название — Тэпе-Кале — Замок Вершины. Те, кто строил его несколько веков назад, свое дело знали. Подполковник подумал, что и сейчас, со взводом солдат и двумя пулеметами, он готов держаться здесь даже против батальона — лишь бы хватило воды...

Солнце уходило за гору, и Ростислав поспешил. Тропа кончилась, под ногами мелькали каменные ступени, черные окна медленно приближались. Внезапно Арцеулов сообразил, что Тэпе-Кале велик, и он не знает точного места встречи. Впрочем, присмотревшись, он успокоился: вход был один, а значит, разминуться не придется...

Заря уже угасала, когда он, наконец, приблизился к темному отверстию дверного проема, откуда несло сыростью и тленом. Мелькнула — в который раз — мысль о засаде, но Ростислав лишь усмехнулся. Деваться все равно некуда. Он оглянулся на потемневшие в сумерках кроны деревьев, на блеснувшую вдали у самого горизонта серебристую полоску моря и шагнул за порог.

Здесь не было так темно, как казалось снаружи. Из окон падал рассеянный закатный свет. Влево и вправо шли вырубленные в скале галереи, ведущие вглубь. А впереди было то, что когда-то служило храмом или часовней. Вырубленная в скале алтарная ниша, черные неглубокие провалы на месте древних могил, остатки фресок... Что-то знакомое бросилось в глаза: рядом с алтарем на стене был когда-то изображен всадник. Время и люди не пощадили фреску, но можно было разглядеть белую масть коня и руку человека, поднятую к небу. Конечно, и это могло быть совпадением: командир Джор, поднимающий руку к закатному солнцу, Гэсэр с картины Ингвара — и этот всадник. Рука потянулась к полевой сумке, где, аккуратно замотанный в ткань, лежал эвэр-бурэ — подарок Джоры...

— Сейчас он вам не понадобится, Ростислав... — знакомый голос, говоривший на неизвестном, но понятном языке. Арцеулов резко оглянулся: старик сидел рядом с алтарем, пристроившись на чем-то, напоминающем старый коврик. Одет он был так же, как и тогда, на Челкеле, но вместо остроконечной шапки на голове была полосатая, чем-то напоминающая талаф накидка.

— Здравствуйте...

— Здравствуйте, Ростислав. Вижу, желание поговорить у вас сильнее того, что принято называть здоровым смыслом. И даже сильнее страха.

На «здоровый смысл» Арцеулов не отреагировал — старик явно шутил, — а вот слова о страхе заставили насторожиться.

— Те, внизу, искали именно меня?

Легкая улыбка мелькнула по обожженному солнцем морщинистому лицу:

— Еще нет. Они просто насторожены. Ну а дальнейшее будет зависеть от нашего разговора...

Ростислав уложил плащ-палатку на камень и присел, не зная с чего начать. Старик тоже молчал, затем на его лице мелькнула улыбка:

— Я рад, что вы поняли меня сразу. Вижу, вы научились вниманию. Это вам понадобится...

— Если что? — Повод для разговора появился. — Если мы с вами договоримся? Что вы хотите предложить?

— Мы? — В тихом голосе прозвучало искреннее удивление. — Тому, кто послал меня сюда, все видится иначе...

«Тому, кто послал меня сюда»... Следовало, конечно, уточнить, но Ростислав понял: ему не ответят.

— Понимаете... Я в трудном... нелепом положении...

— Нет, Ростислав. То, что происходит с вами, нельзя называть нелепым. Просто вам приходится начинать все сначала...

Почему сначала? Не собирается же он переходить к краснопузым?

— Вы научились быть внимательным к другим, но не к себе, Ростислав. Вспомните: ваш путь должен был кончиться в пещере возле Челкея. Но попросили отсрочки. И вы помните почему.

Да, это правда. Он хотел помочь Наташе Берг и, если уцелеет, вернуться в Россию. Вернуться, чтобы вновь пойти на фронт...

— Но разве все уже кончилось? Войне конца не видно, а я даже не ранен...

— Разве вы думали довоевать до победы?

Нет, о победе уже не думалось. Ростислав отдавал себе отчет, зачем возвращается. Расплатиться с красными — и остаться навсегда в родной земле.

— Недавно был бой... Ваш последний бой, Ростислав!

Он понял. Там, в горящем Александровске, и ждало его неизбежное. Об этом он и думал: встретить смерть в бою, среди товарищей, чтобы в лицо ударил огонь случайной гранаты — или целой связки, брошенной из темного прохода...

— И этот путь вы прошли до конца, — кивнул старик. — Ваша война закончена.

— Но... я ведь жив?!

Морщинистое лицо вновь прорезала усмешка. Смех не был злым, скорее сочувственным.

— Вы живы. Вашу судьбу изменил тот, кто имел на это право.

— Вы... имеете в виду того, кто послал вас сюда?

Старик покачал головой:

— Не ищите так далеко. Вспомните того, кто сделал это, ведь мы оба его хорошо знаем...

Арцеулов даже задохнулся от волнения. Это было уже чересчур. Чумазый Степка Косухин в роли вершителя судеб! Конечно, он, по доброте или по глупости, предупредил его той ночью, но старик имел в виду явно не это.

— Ваш друг имел на это право, — повторил старик. — Ему многое позволено, ибо платить придется дорого...

— О чем вы?

Ответа не было. Арцеулов постарался на время забыть о недобитом большевике, который так нагло влез в его жизнь. Имеет право, значит! Ладно, сейчас речь не об этом...

— Я хотел бы что-то сделать сам... Помочь вам...

— Мы не нуждаемся в помощи. В помощи нуждаетесь вы сами. Но я понял вас, Ростислав. Значит, вы уже не хотите убивать ваших соотечественников только за то, что они воюют под красным флагом?

Вопрос был поставлен слишком резко. О таком Арцеулову думать еще не приходилось.

— Дело не в этом... Наверное, вы правы, я отвоевался. Конечно, можно уехать... Но я хочу другого... Красных я ненавижу, но еще больше ненавижу тех, с синими свастиками. Вот их я готов убивать до последней секунды! Но мне хочется вначале узнать, что стоит за этим? Почему все это началось? Там, в Шекар-Гомпе...

Он не стал договаривать — слов не хватало. Старик немного подождал и кивнул:

— Я понял. Твой друг рассудил так же — но сделал это раньше. Он уже выбрал свой путь — до конца.

Ростислав невольно скривился. Выходит, краснопузый с его четырьмя классами и здесь сообразил первым!

— Вам не сделать того, что предстоит Степану. Но вы сможете другое. На этом пути чаще всего приходится идти в одиночку...

— Согласен. Когда прикажете приступать?

Старик покачал головой:

— Подумайте. На этом пути вам тоже придется идти до конца. И тут уже не поможет никто.

Теперь усмехнулся Арцеулов. Уж этим его не испугать!

— Вы, Ростислав, не бойтесь смерти. Вернее, вам кажется, что не бойтесь. Но, может быть, пожертвовать придется большим — готовы ли вы?

В этих словах Ростислав почувствовал что-то жуткое, надчеловеческое. Что же еще от него потребуют? Арцеулов верил в бессмертие души. Неужели и это? Нет, они не имеют права!..

И тут откуда-то из глубины памяти всплыли слова о тех, кто не побоится погубить душу. Тот, Кто приходил на землю, не зря упомянул об этом...

— Я согласен, — повторил он.

— Остается поговорить о награде. За все полагается воздаяние — и за дурное, и за доброе...

— Этому как-то не обучен, — усмешка вышла горькой. — Не привык торговаться... А что, господин Косухин уже запросил свое?

— Да... — ответ прозвучал ровно и холодно.

Ростиславу стало любопытно. Интересно, на чем сторговались с краснопузым? За мешок с воблой? За вагон червонцев для большевистского казначейства? Или... за «Монмах», начиненный тротилом?

Старик прав: все имеет свою цену. Иначе они, белые, были бы просто клубом самоубийц. Их цена высока — спасение России. За это он тоже готов заплатить — всем...

И тут вспомнилось услышанное от монахов в оранжевых балахонах. Огонь Арджуны! Оружие победы, спрятанное в подземельях Шекар-Гомпа! Он сделает все — и поучит то, что уничтожило воинство Кауравов. И тогда он сожжет Большевизию. Дотла! Не останется даже бродячих собак, чтобы выть на развалинах Смольного...

Ростислав ничего не успел сказать. Его взгляд встретился с глазами старика. Говорить ничего не требовалось — старик понимал, и Арцеулову стало страшно. Большевики превратили Россию в развалины. Он готов сжечь то, что еще уцелело...

— Я... — короткое слово выговорилось с трудом. — Мне ничего не надо. Я лишь хочу все узнать. Пусть перед смертью, за миг — но узнать.

— Все? — В голосе старика было удивление.

— Пусть не все... Но я хочу понять...

— Хорошо. Вы поймете, Ростислав...

— Жду распоряжений... — самое трудное позади, осталось привычное — ждать приказа.

— Разве они нужны вам?

— Понимаете, я офицер, — говорить со штатским о таких вещах было непросто. — Привык получать приказы и выполнять их.

— Есть еще третья обязанность — думать, — по бледным губам скользнула улыбка. — Хорошо, пусть будет так... Слушайте...

Старик заговорил медленно, немного нараспев, словно не отдавал приказ, а читал древнее заклинание:

— Рука вождя укажет путь, рассказ друга — место...

Старый дом, хранящий мудрость... Полнолуние... в полночь тень передаст тайну. Одному не унести, половину спасет спасший тебя. Зови его ночью — он придет... Вокруг смерть... подарок выручит и защитит... Воспользуйся тайной или храни ее для того, кто сделает это вместо тебя...

Память у Арцеулова была отменной. Правда, он привык получать приказы иного рода, но выслушал странные слова с невозмутимым видом и без запинки повторил их, пока еще не вдумываясь в смысл.

— У вас еще будет время обдумать, — кивнул старик. — Сейчас ночь, оставайтесь здесь, утром опасность отступит. Мы не увидимся больше, Ростислав, — ни в мире этом, ни в мире ином. Прощайте...

Последние слова прозвучали еле слышно. Темнота уже затопила мертвый город, и, когда Арцеулов щелкнул зажигалкой, неровный свет подтвердил то, о чем он уже догадался: в заброшенной часовне он остался один...

Ростислав медленно перекрестился. Странное чувство покоя охватило его, словно главное уже сделано, и остались лишь охвстки, не стоящие трудов.

Он вышел наружу и, сев на быстро холодеющем пороге, закурил, поглядывая на залитый светом восходящей луны лес, окружавший гору. Луна была почти полной. Ростислав прикинул, что до полнолуния осталось дня три, максимум — четыре...

Это было первое надежное звено. Остальное еще предстояло осмыслить. Собственно, приказ казался немногим сложнее тех, которые приходилось читать перед атакой. «Рука вождя» — Барон скоро отправит его туда, где он встретится с каким-то хорошим знакомым. Там следует спросить про загадочный дом — то ли музей, то ли библиотеку. Все прочее было непонятно: тень, тайна, которую вдобавок следует поделить пополам. Правда, с подарком он разобрался сразу и порадовался, что рог Джор-баши всегда под рукой...

...И еще одно он понял сразу. Тем, кто поможет, должен стать не кто иной, как краснопузый пролетарий Степа. Приказы следовало выполнять, а значит, требовалось невозможное — каким-то образом связаться с командиром 256-го большевистского полка. В голове забродили совершенно непеправильные мысли о неведомых курьерах, которых следовало переправить через линию фронта, и Арцеулов понял: на сегодня хватит. Уже засыпая, он пожалел, что не спросил про

своего крылатого проводника. Впрочем, он вдруг понял, что ответом на его вопрос была бы все та же молчаливая улыбка...

...Утром его разбудили выстрелы. Выглянув из сумерек мертвого города, Арцеулов заметил выезжавших из леса кавалеристов с шашками наголо. Он присмотрелся и узнал солдат полковника Выграну.

Врангеля он встретил на перроне севастопольского вокзала. Главнокомандующий был неожиданно мрачен и никак не отреагировал на просьбу Арцеулова отправить его на фронт. Но, уже прощаясь, Барон вдруг попросил Ростислава задержаться, предложить отправиться в 1-й корпус к генералу Кутепову. Под Токмаком красные бешено огрызались, то и дело переходя в контрнаступление, и командующий желал получить сведения из первых рук.

Ростислав воспринял приказ совершенно спокойно. Здесь, в привычной тишине штабного кабинета, странные слова, услышанные в Тэпе-Кале, казались просто сном. Врангель отправлял его к Кутепову, следуя неожиданному порыву. У Слащева в Крымском корпусе или у генерала Писарева — везде было трудно, его командировка в Токмак — чистая случайность. Где уж тут «рука вождя»!

На всякий случай Арцеулов зашел в оперативный отдел и взял свежую сводку. За последний день красные дважды переходили в наступление. Разведка отмечала подход свежих сил, в том числе появление на левом фланге корпуса 256-го красного полка, переброшенного из-под Александровска...

В висках застучала кровь, но Ростислав заставил себя успокоиться. Нет ничего удивительного и в этом — на войне бывали совпадения и покруче. На всякий случай это следовало запомнить. Левый фланг... Он взглянул на карту. Части корпуса зацепились за Малую Белозерку. В Большой Белозерке уже красные. Значит, Степа где-то там.

Кутепов его не узнал. Это не удивило: Ростислава с трудом узнавали даже те, кто ходил в более близких приятелях. Впрочем, генералу было не до свалившегося на голову офицера из штаба. Арцеулов и сам не желал мешать командиру корпуса, а посему сразу же попросил направить его

туда, где бы он не смог помешать, а, напротив, принес какую-нибудь пользу. В глазах генерала мелькнуло что-то, похожее на благодарность, он взглянул на карту и уже совсем иным тоном предложил Ростиславу посетить части, прикрывавшие Малую Белозерку. Красные явно готовили удар, и лишняя пара глаз была бы к месту...

Это было третьим совпадением, но Арцеулов понял, что совпадение тут ни при чем. Те, кто рассчитывал на него, каким-то невероятным образом знали все заранее. И теперь от него зависело, чтобы не сплеховать. Он проверил по календарю — до полнолуния оставалось два дня...

...Ростислав не стал брать в штабе корпуса авто и предпочел коня — на этот раз белого в яблоках со смирным, несколько флегматичным нравом. В Сибири почти не приходилось ездить верхом, зато в Таврии юнкерская выучка пригодилась. Арцеулов примкнул к резервному эскадрону, спешившему на левый фланг, и к вечеру уже въезжал в большое, разбросанное среди выжженной солнцем степи село.

Штаб боевого участка был тут же, в простой мазанке неподалеку от церкви. Ростислав входил туда с тайной надеждой сразу же увидеть кого-то из старых друзей, ведь пока все предсказанное сбывалось.

Но знакомых лиц он не увидел. Ни командовавший участком пожилой полковник, ни его офицеры никогда прежде не встречались Арцеулову. Его приезд, как и следовало ожидать, никого не обрадовал. Полковник, только что назначенный сюда, пытался разместить свои немногочисленные силы для прикрытия огромного фронта, проходившего по голой степи. К тому же в ближнем тылу шевелились махновцы, а Упыря, как звали «батьку» в Таврии, боялись даже больше, чем красных.

Арцеулов чувствовал себя явно не на месте. Полковник отдавал приказы, то и дело поглядывая на гостя из штаба. Ощущение было не из приятных: Ростислав только мешал. Впрочем, он пересилил себя и досидел до конца совещания, решив, что по долгу службы обязан знать обстановку.

Вмешиваться он, естественно, не стал и лишь попросил разрешения посетить передовые позиции. Полковник, обрадовавшись, что на некоторое время избавится от непрошеного гостя, посетовал на невозможность лично сопроводить гостя и послал за каким-то штабс-капитаном, дабы тот проводил Арцеулова на позиции. Фамилия офицера

внезапно показалась знакомой, но Ростислав вспомнил, что тот, о ком он подумал, давно уже отвоевал свое.

Через несколько минут в хату вошел невысокий худой штабс-капитан с короткой бородкой. Вид у него был явно недовольный. Впрочем, мало кого могла прельстить роль чичероне при заезде штабном чине. Он собрался доложить, небрежно подбросив ладонь к козырьку, и тут их глаза встретились...

Память не подвела. Подвели слухи: многих на памяти Арцеулова хоронили по нескольку раз. Выходит, и здесь, к счастью, вышла ошибка.

— Андреич! Вы!

— Ростислав? Ну, знаете!..

В Марковском полку их роты сражались рядом. Поручик Арцеулов был взводным в роте капитана Корфа. Соседней ротой командовал бывший приват-доцент Харьковского императорского университета штабс-капитан Пташников. Они расстались в Донбассе: Ростислав попал в госпиталь, а рота Пташникова, по слухам, полностью полегла при штурме Горловки.

Штабс-капитану было за тридцать, и молодые офицеры называли его не по имени, а по отчеству. Владимир Андреевич Пташников ходил в «Андреичах», нисколько не сетуя на нарушение субординации. Впрочем, всех остальных, включая самого Маркова, он сам называл не по уставу. Арцеулов был для него Ростиславом, а порой и просто Славиком.

Сообразив, что офицеры знакомы, полковник с видом явного облегчения поспешил распрощаться. Арцеулов и штабс-капитан вышли на улицу.

— Постойте, Славик... Я вообще-то верю в привидения, но даже в этом случае вы должны пугать людей где-нибудь на Енисее...

Арцеулов рассмеялся. Приятно все же иногда чувствовать себя живым! В двух словах он поведал о своихключениях. Пташников покачал головой:

— Экий вояж! Когда нас отсюда вышибут, не пропадете — заработаете на мемуарах... А подполковника в Индии получили?

Сам Пташников оставался по-прежнему штабс-капитаном и ничуть этим не тяготился, заявив, что привык к сво-

им погоням, к тому же скоро все это не будет иметь ни малейшего значения.

— Но вы-то, Славик! Ну ладно, обошли всю Азию, но вы — и штаб! По-моему, это противоестественно!

— Самому противно, — честно признался Арцеулов, прекрасно помня, как относился к штабным. — Не по своей воле, ей-богу! Лучше скажите, кто из наших еще остался? Я, кажется, помню всю вашу роту.

— Никого, Ростислав, — ответ прозвучал спокойно и грустно. — Я — последний. Всех похоронил, представляете... Сейчас набрали желторотиков из Симферополя и пленных краснопузых — вот и воюй!

Куда-либо ехать расхотелось. Андреич, несмотря на доцентское прошлое, воевал с пятнадцатого года, и на его слова можно было положиться. Ростислав, достав карту, уточнил некоторые детали: обстановка была вполне понятна. Пташников пожал плечами:

— Хуже чем под Екатеринодаром. Там хоть можно было верить, что солдаты не побегут при первом выстреле. Красные — еще ладно, а вот если появится Батька Упырь со своими тачанками... Еще не встречались?

Арцеулов покачал головой. С махновцами, о которых он был слышан еще в Сибири, воевать не приходилось.

— Ваше счастье. Я познакомился с ними под Волноватой, почти год назад. Удовольствие — ниже среднего. Воюют как боги... Или как дьяволы, уж не знаю...

Пташников предложил расположиться на ночь в его хозяйстве: рота стояла на северной околице. За столом сидели долго, вспоминая Ростов, марш к Екатеринодару, блуждания по кубанской степи. Теперь это казалось страшной сказкой или, может, легендой.

— Мы продули, — Пташников говорил спокойно, но в голосе звенела боль. — Знаете, Ростислав, я часто думал: почему? Дело ведь не в господах пейзажах и нашей дурацкой привычке хвататься за шомпол. Краснопузые ведут себя не умнее...

Арцеулов невольно вспомнил слова полковника Любшина, странные рассуждения Семирадского и свои собственные беседы с неумытым комиссаром Степой.

— Им помогают... — он пожалел о вырвавшихся словах, но тут же повторил: — Им кто-то помогает, Андреич! Мне кажется, Смуту вообще задумали не большевики: у них на это ума бы не хватило...

— Вы о жидо-масонах? — скривился штабс-капитан. — Славик, вы же интеллигентный человек! Масоны — это...

Арцеулов покорно выслушал лекцию о масонах — доцентские привычки еще чувствовались у бывалого фронтовика. Ростислава подмывало рассказать о Бессмертных красных героях, а еще больше — о монастыре в горах Тибета. Но говорить об этом не следовало: бывший приват-доцент не поверит. В таврийских степях ему самому порою казалось, что все виденное — сон, вернее — ночной кошмар.

— Андреич, вы, кажется, историк? — поинтересовался Арцеулов, желая сменить тему.

— Помилуйте, Славик! Вчера сообразил, что забыл даже дату битвы при Грюнвальде...

— Вы профессора Валуженича знаете? Он американец...

— Крис? — Штабс-капитан удивленно моргнул. — С каких это пор, милостивый государь, вы стали интересоваться проблемами классической и романо-германской филологии?

— Я познакомился с его сыном. Он археолог, студент Сорбонны.

— Крис и сам когда-то недурно копал... Вы что, Славик, за это время успели увлечься благороднейшей из наук?

— Усвоил понятие «артефакт», — улыбнулся Арцеулов. — А вы, Андреич, больше этим не интересуетесь?

Пташников грустно покачал головой:

— Это только Государь Император Александр III в бытность свою наследником мог во время турецкой войны баловаться раскопками — в перерыве между боями. Где уж нам!.. Да и места тут не особо интересные. Пара скифских курганов, их раскопали еще при Мельгунове. А так — бронза, печенеги...

Арцеулов улыбнулся — штабс-капитан, похоже, не забыл того, чем увлекался в университете. Во всяком случае, будущее поле боя он изучил не только с точки зрения ротного командира. Ростислав вспомнил: «Старый дом, хранящий мудрость»...

— Здесь раньше был какой-то музей, — не особо уверенно заметил он. — Или библиотека...

— В Белозерке? Да господь с вами, батенька! Глушь страшная, грамотных — трое на сотню. Безбаховку — и ту разграбили.

Странное название резануло слух. Значит, здесь была какая-то Безбаховка...

— Ничего там уже нет! Это бывшее имение Вейсбахов. Господа пейзажи перекурили по-своему — вот и Безбаховка. У старого графа был там конный завод, маслобойня, опытная станция — все спалили! Дом, говорят, цел, но все, что можно, вынесли. А там была такая библиотека! Леопольд фон Вейсбах собирал всякие раритеты, особенно увлекался древними надписями...

— Где это?

Безбаховка оказалась небольшим хутором посреди степи километрах в пятнадцати от Малой Белозерки.

— Ездить не советую, — покачал головой бывший приват-доцент. — Во-первых, ничего там уже нет, даже склепы разграбили. Во-вторых, там фронт. Красные в нескольких верстах, да еще Батка... Я бы туда с батальоном не сунулся.

Ночью не спалось. Арцеулову предлагали заночевать в хате, но он предпочел сеновал: здесь никого не было, черное небо нависало над самой головой, ярко светил мертвенный лунный диск. Итак, завтра он должен быть в Безбаховке. Интересно, кто ждет его там — в старом поруганном доме? Да и ждет ли?

Накатили сомнения — не в первый раз и не во второй. На Тэпе-Кале он верил каждому слову старика. Но в спокойном Севастополе и здесь, на линии огня, случившееся казалось если не сном, то глупым розыгрышем. Какие могут быть тайны среди голой степи, по которой гуляют махновские тачанки!

Правда, покуда все сбывалось. Его вылазка в заброшенное имение — если, конечно, он все же решится — немногим опаснее любой разведки. Кутепов — и тот похвалит. Штабная крыса, не побоявшаяся провести рекогносцировку... И то, что ночью, — тоже правильно. Не днем же гарцевать на виду у красных разъездов! Даже если все происходящее — просто последствие контузии, он разведает обстановку, а заодно поглядит, не осталось ли чего-нибудь интересного в заброшенном имении...

Ехать следовало завтра, как стемнеет. Никакой возможности связаться с краснопузым Косухиным у Ростислава не оставалось. Вновь вспомнились слова странного приказа. «Позови его ночью — он придет». Ночь оставалась единст-

венная — эта. Как он может позвать Степана? Выйти на ближайший курган и во всю глотку воззвать к командиру 256-го полка, назначая randevu в Безбаховке?

Арцеулов представил себя на кургане, орущего в ночной тьме, и ему стало смешно. Можно еще открыть огонь из трехлинейки — азбукой Морзе. Правда, краснопузый с его четырьмя классами азбуки Морзе наверняка не знает...

Наконец пришел сон. Что-то странное виделось Ростиславу: серые силуэты в отсветах луны, пустая зала с косо висевшими старинными портретами. И тут перед ним встал Косухин — в окровавленном разорванном френче: неживые глаза смотрели пристально, не мигая...

Ростислав проснулся, перевел дух и закурил. Вокруг царила ночь, издали доносилось лошадиное ржание, а где-то совсем далеко короткими очередями строчил пулемет.

Он должен позвать Степана. Позвать, пока не кончилась ночь. До Косухина не докричишься, не пошлешь телеграмму. Но старик почему-то верил, что это возможно. Ростислав вспомнил пещеру возле Челкеля, серебряную чашу... Сомы Дэви...

Ростислав уже не удивлялся, что легко понимает незнакомую речь. Надо лишь сконцентрировать внимание, и слова сами собой становились понятными. Но, может, он способен на большее? «Позови его ночью...»

Ростислав лег на спину, закрыл глаза и представил себе лицо Косухина, каким запомнил его в последний раз, — злое, недовольное и одновременно растерянное. Нет, не так: сейчас, когда нет боев, красный командир, наверное, спит...

Воображение нарисовало лицо Степана с закрытыми глазами, чуть улыбающееся (во сне краснопузый почему-то всегда улыбался). А теперь... Ростислав представил, как мысленно переносится туда сквозь черную ночь. Он сейчас рядом со Степой. Он должен в это поверить — хотя бы на минуту.

— Степан! — Он произнес это мысленно, про себя, а затем повторил вслух: — Степан, проснись!

Во сне он мог не говорить краснопузому «вы».

Лицо спящего не изменилось, и на миг Арцеулов ощутил всю нелепость совершаемого. Но привычка доводить все до конца пересилила:

— Косухин! Хватит спать!

Сонная улыбка исчезла, веки дрогнули, на Ростислава взглянули одурелые глаза. Губы шевельнулись.

— Ты... ты чего?

Внезапно, без всякого на то основания, Арцеулову увиделось, что Степина рука сложилась в персть: краснопузый явно собирался перекреститься.

— Да ты же атеист! Вот чудила!

Рука, коснувшись лба, дрогнула, почудились далекие еле слышные слова:

— Ты что, Слава? Ты это... умер, да?

Арцеулову стало страшно. Если это игра воображения, то выходит слишком реально. Впрочем, можно проверить.

— Почему ты спрашивал о перстне?

— Да... это... У Берга такой же... Только там нет змейки, а голова, как ее, чердынь, Горгоны...

И тут Ростислав сообразил, что это уже не шутки. Он заторопился:

— Степан, завтра к одиннадцати вечера приезжай в Безбаховку. Я там буду один. Ты мне нужен, понял?

Лицо Косухина вдруг стало расплываться, но слух уловил далекое:

— Да ты, беляк, сначала скажи, ты жив?

Интересно, как Степа воспринимал его самого? Если, конечно, все виденное не результат разгулявшегося воображения.

— Я жив. Помнишь старика в пещере? Приезжай...

Внезапно в глазах вспыхнул белый огонь, и все исчезло. Ростислав перевел дух и взглянул на бесстрастно мерцавшие звезды. В голове пульсировала кровь, в ушах шумело, и Арцеулов понял, сколько сил стоил ему этот воображаемый разговор. Что ж, он попытался. Ростислав грустно улыбнулся: как просто было бы жить, умей люди разговаривать вот так, сквозь черную ночную пустоту. Интересно, почему воображение подсказало ему какую-то голову Горгоны?..

Весь день Арцеулов был на позициях. Конечно, удар большевики в этот день, защитникам Белозерки пришлось бы туго. Но бывший поручик Уборевич медлил, и срочно переброшенные батальоны резерва сумели перекрыть наиболее угрожаемые участки. Правда, конницы у красных было по-прежнему больше, да еще где-то поблизости крутился Махно. На махновцев управы не было, с ними в белой армии умел управляться лишь генерал Слащев, да и то при торопливом превосходстве сил...

Похоже, полковник оценил энергию присланного к нему штабника, поскольку пригласил Арцеулова к ужину, а узнав, что перед ним не просто офицер по особым поручениям, а «первоходчик», стал смотреть на Ростислава совсем иначе. Тосты следовали за тостами, и Арцеулову приходилось прилагать героические усилия, чтобы не пить.

В начале одиннадцатого он распрощался, сославшись на усталость. Конь был уже готов, к седлу приторочен карабин, а в вещевом мешке припасены две бомбы. Можно ехать...

Пароль Ростислав знал, и посты пропустили его беспрепятственно. Выехав за околицу, он в последний раз взглянул на карту. Маршрут он запомнил и теперь решил поспешить. Ориентироваться было нетрудно (язык созвездий он выучил еще в детстве), к тому же над горизонтом вставала огромная красноватая луна. Полнолуние...

В степи было свежо. Резкий крик ночных птиц нарушал тишину, а откуда-то с запада, со стороны Токмака, доносились дальние отзвуки канонады. Но здесь было спокойно, белый в яблоках конь ровно перебирал точеными ногами, и уже через час на горизонте, вынырнув из-за высокого кургана, появилось небольшое темное пятно. Мертвенный свет луны высветил острые вершины тополей, густые кроны старинного парка и серые контуры утонувшего среди деревьев дома. Ростислав был у цели.

По дороге ему встретились черные остовы деревянных строений. Что-то здесь горело, но горело давно, и на пепелище успела вырасти трава. Наверно, это и был конный завод старого графа, уничтоженный еще в начале Смуты. Арцеулов невольно насторожился, но никто — ни человек, ни тень — не потревожил его в пути. Кованые ворота усадьбы были сорваны с петель, когда-то роскошная аллея темнела рядами уродливых пней. Парк погиб, вырубленный и сожженный. Чуть в стороне Арцеулов заметил небольшую часовню. Не удержавшись, он подъехал ближе: лунный свет сквозь выбитые окна падал на сорванные могильные плиты — все, что осталось от усыпальницы Вейсбахов...

Возле самого крыльца Ростислав спешился и неторопливо двинулся вперед, держа коня на поводу. Он не опоздал, было около одиннадцати. Успей он связаться с Косухиным наяву, а не в воображении, краснопузый уже ждал

бы — либо прислал бы сюда пару взводов для поимки опасного врага трудового народа. Черные выбитые окна дома молчали, в саду Ростислав не заметил ни души, но он по опыту знал, как обманчива эта тишина. Арцеулов не волновался. Будь здесь красноармейский разъезд или махновская засада, ему все равно не уйти.

Внезапно его белый в яблоках вскинул голову и заржал, ловя воздух мягкими ноздрями. И тут же, совсем рядом, послышалось ответное ржание — чья-то кобыла была спрятана где-то в густых деревьях, окружавших дом...

Карабин мгновенно оказался в руках. Секунда — и Ростислав отскочил в сторону, вслушиваясь в обманчивую тишину. Если здесь все-таки засада, сейчас враги должны себя обнаружить: не глухие же они в самом деле! Ржание послышалось вновь, и тут откуда-то со стороны мертвой часовни донесся звук шагов. Арцеулов удивился: неизвестный шел спокойно, словно не ждал для себя беды.

Шаги прозвучали возле крыльца, и лунный свет упал на человеческую фигуру. Перед ним был враг: высокий конический шлем, прозванный «богатыркой», считался последней новинкой в красных частях. Секунда — и неизвестный уже был на прицеле.

Человек в «богатырке» прошел мимо крыльца и стал приближаться к тому месту, где был привязан белый в яблоках. Конь еще раз заржал, красноармеец внимательно вслушался и зашагал быстрее.

Арцеулов положил палец на спусковой крючок, но спешить не стал. Этот, в суконном шлеме, казался странно знакомым. Но этого не могло быть! Таких совпадений не бывает!

— Эй, беляк! Хватит прятаться, чердынь-калуга!

ГЛАВА 7

Полнолуние

Красный командир Косухин стоял освещенный серебристым светом луны и внимательно прислушивался. Карабин висел за спиной, рука сжимала тяжелый маузер — осторожности Степа не терял. Арцеулов переступил с ноги на ногу — и Косухин тут же резко повернулся. Свет упал на

лицо, и Ростислав поразился. Казалось, Косухин успел постареть на много лет. Резкие складки рассекли щеки, на лбу обозначились морщины. Степа вполне мог сойти за тридцатилетнего, побитого жизнью человека, а не за молодого парня, которому было еле-еле за двадцать. Мертвенный лунный свет сыграл невеселую шутку с красным командиром, добавив непрошенные годы.

— Да ладно, Арцеулов, чего прячешься? — В голосе Косухина слышалось нетерпение и почему-то страх.

Ростислав закинул ненужный карабин за плечо:

— Добрый вечер, Степан!

И тут же ствол маузера резко рванулся: оружие смотрело прямо в лицо:

— А ну погодь!.. Стой, где стоишь, чердынь-калута!

Уж чего, а этого Арцеулов не ожидал. Он даже не успел обидеться — он растерялся. Конечно, Степан — командир «рачье-собачьей», но все же...

— Ты, Ростислав, погодь... — повторил Степа. — Ты... это, скажи сначала...

И тут Арцеулов понял: классовая бдительность здесь ни при чем.

— Со мной все в порядке. Я — живой. Перекреститься, что ли, чтоб поверили?

Ствол маузера дрогнул, Косухин с силой провел рукой по лицу:

— Извиняй, подполковник. Напугал ты меня. То ночью являешься... То сейчас, словно привидение, чердынь-калута!

— Это луна! — Арцеулов облегченно вздохнул и даже засмеялся. — У вас тоже вид, признаться...

Смех окончательно успокоил Степу. Его рука оказалась горячей — Арцеулов успел почувствовать бешеное биение пульса.

— Извиняй, — Степа долго доставал пачку папирос и несколько раз щелкал непослушной зажигалкой. — Знаешь, увидел тебя вчера ночью!.. Ведь чего я подумал?..

— Жалко стало? — не удержался, чтоб не съязвить, Ростислав.

— А, иди ты! Насмотрелся тут...

Арцеулову вдруг представилось, что он сам увидел ночью что-то подобное — призрак, назначавший свидание в заброшенном имении! Но ведь Косухин пришел — не побоялся...

— Вы один?

Степа дернул плечами:

— Еле сбег! Тут наступление на носу...

Он сбился, сообразив, что сболтнул лишнее. Ростислав совсем развеселился. Перепуганный Степа как-то не вязался с образом вершителя людских судеб. Нормальный парень, симпатичный, только краснопузый...

— Вы меня уже второй раз предупреждаете. Помните, в Александровске, перед атакой? Если бы не вы, Степан, то сегодня сюда точно заглянуло бы привидение.

— В Александровске? — Косухин затоптал окурок и пожал плечами. — Ты, Ростислав, не путай. Ничего я тебя не предупреждал! Померещилось тебе...

Странно, Степа явно не лукавил. Похоже, он просто забыл — как забыл о фляге воды, когда-то оставленной на берегу Белой.

— Я получил письмо от Валюженича. Правда, не все понял. Что с Наташей? И при чем тут перстень?..

Они не спеша направились к крыльцу. Арцеулов щелкнул зажигалкой, освещая циферблат. До полуночи время еще было.

Степа рассказывал неохотно, словно что-то его сдерживало. Арцеулов слушал молча, лишь иногда покачивая головой.

— Жалко Наталью Федоровну, — Ростислав невольно вздохнул. — Может, врачи все же помогут? Ведь амнезию лечат!

— Может...

Прозвучало невесело. Арцеулов не стал переспрашивать, пытаясь осмыслить услышанное. Итак, краснопузый доложил о «Мономахе». Значит, приказ, полученный от Адмирала, выполнен — не странно ли? — не им, а все тем же Степой. Истории с перстнем Ростислав не придавал особого значения, решив, что у Косухина разыгрались нервы. Мало ли на свете похожих безделушек! А в Бриаррея и вовсе не поверил, но смолчал, не желая обижать краснопузого. Арцеулов знал: во время боя порой мерещится нечто совершенно несусветное.

— Значит, своим не рассказали?

— Не рассказал, — Степа вздохнул. — Так... ну, получилось...

Арцеулов решил не уточнять. Косухин поступил правильно, и не стоило доискиваться подробностей.

— Ты думаешь, я трус, чердынь-калуга? — Степа резко

повернулся, в голосе прозвучала боль. — Думаешь, струсил, да?

— Не думаю. — Ладонь Арцеулова мягко коснулась Стёпиного плеча. — Вы поступили абсолютно верно. Признаться, я опасался другого...

— Они же все знали! — Косухин дернул плечом. — Принимаешь, все знали!

Расспрашивать не тянуло. Чтоб замять разговор, Ростислав в двух словах сообщил о том, как пытался поговорить с ним прошлой ночью.

— Ну, я теперь понял, — кивнул Косухин. — Сома дэви! Мне Карно так и говорил, что мы теперь можем всякие фокусы устраивать.

— Это не фокусы, Степан.

— Вижу, что не фокусы. Ладно, ты чего меня сюда вызвал? Дело у тебя в Безбаховке, что ли?

Теперь уже предстояло думать Ростиславу. Заодно можно было и кое-что уточнить.

— Старика помните? В пещере у Челкеля?

— Так ты его встретил? — Косухин, хмыкнув, недоверчиво взглянул на Арцеулова. — Откуда ж он здесь взялся?

— Значит, вы его больше не видели?

— Откуда? Скажешь еще!

Все стало ясно. Никто Степану ничего не поручал. Или бестолковый Косухин попросту ничего не понял.

— В полночь нам должны передать что-то важное, — про «ть» и все прочее он решил не говорить. — Помому, это как-то касается Шекар-Гомпа.

Степа никак не реагировал, и Арцеулов поспешил добавить:

— Старик посоветовал нам разделить то, что получим, на две части...

— Ага, — кивнул Степа, — чтоб сохранней было... Обдурили тебя, интеллигент! Дом — пустой, я его за вечер весь облазил. Все вынесли. Только книжки валяются, да и те все оборванные — раскурили, чердынь... И ни души...

— Посмотрим. Скоро полночь. Степан, а почему вы не верите? После того, что с нами было!

— А что было? Или ты во все эти призраки веришь?

— А вы считаете, что все это — таинственные явления, объясняемые с научной точки зрения? — усмехнулся Арцеулов. — И Шекар-Гомп тоже? И собачки ваши?

— Они не мои! — Косухин говорил зло, и Ростиславу

подумалось, что его приятель сам не верит своим словам. — Шекар-Гомп — это научный центр! А собаки — это, ну... опыты... Биология, язвы его!.. И призраки — это всего лишь излучение... как его... некробиотическое...

— А Венцлав — старый большевик с дореволюционным стажем, — кивнул Арцеулов. — Степан, что они с вами сделали?

Косухин не ответил, но Ростиславу стало ясно: с красным командиром что-то не так. Правда, лунный свет обманул — внешность у Степы осталась такой, как раньше — он и не думал стареть. Но прежнего задиристого Косухина уже не было. Казалось, Степу лишили сил: он уже не наступал, агитируя за «чердынь-калуга, мировую революцию», а лишь устало отругивался, причем не своими, а явно чужими словами.

— Пора. — Арцеулов вновь щелкнул зажигалкой. Стрелки подбирались к двенадцати. — Оружие не прячьте...

— Да нет там никого! — Степа послушно достал маузер. — Ладно, раз уж приехали...

Тяжелая дверь со скрипом отворилась. В доме стояла мертвая тишина. Лунный свет падал на ободранные стены, обломки мебели на полу, на голые рамы, висевшие среди обрывков обоев. Прямо перед ними начинались широкие ступени мраморной лестницы.

— Это на второй этаж, — сообщил Косухин. — Пусто там...

И в то же мгновение появился свет: не серебристый отсвет луны — огонь был теплый, трепещущий, он шел откуда-то сверху, медленно приближаясь. Степа шумно вздохнул и поднял маузер.

— Спокойно... — Арцеулов щелкнул затвором карабина.

Свет становился ярче — горели свечи, и Ростислав успел сообразить, что тот, кто спускается к ним, наверняка несет с собой подсвечник. И тут блеснули огоньки — из темноты не спеша выплыла высокая фигура, державшая в руке большой старинный канделябр.

— Ах ты! — Косухин резко выдохнул. — Пусто ж было!..

Человек не спеша спускался. Теперь уже можно было хорошо рассмотреть его — худого старика в роскошном темном халате. Длинное, гладко выбритое лицо было спокойно и невозмутимо. Но — странное дело — в огромной прихожей, где отчетливо слышен любой звук, шаги неизвестного были неразличимы, словно он ступал по толстому

ковру. Ростислав присмотрелся. То ли неровный отсвет свечей сыграл с ним шутку, то ли зрение пошаливало, но Арцеулову показалось, что ноги незнакомца ступают, не касаясь каменных ступеней...

Человек спустился по лестнице и медленно поднял канделябр, всматриваясь в лица гостей. Косухин не выдержал и кашлянул.

— Добрый вечер, сударь! — Арцеулов поздоровался самым спокойным тоном, словно завернул на огонек к давнему знакомому.

— Здравсьте! — добавил от себя Степа.

Худое старческое лицо оставалось невозмутимым. Короткий вежливый кивок — и незнакомец, медленно повернувшись, вновь ступил на лестницу.

— Эй, товарищ! — позвал Степа, но старик уже перешагнул через ступеньки. Шел он ровно, плавно и как-то неестественно. Присмотревшись, Арцеулов понял: ноги ступали твердо, но чуть-чуть не доставали до ступеней, словно незнакомец шел по какой-то другой лестнице, не видимой глазу.

— За ним! — Рассуждать было некогда. Их встретили — и скоро все должно было разъясниться.

Старик поднимался по лестнице по-прежнему молча. Канделябр ровно горел в его руке, пламя свечей стояло неподвижно, словно не чувствуя движения воздуха.

Косухин думал о другом. Похоже, появление незнакомца в пустом доме до сих пор смущало его.

— Все ж осмотрел! — вздохнул он и неуверенно прибавил: — Стало быть, через черный ход... Да откуда — пусто же кругом!

Арцеулов вспомнил о разоренном склепе, застывшем в холодных лунных лучах, но промолчал.

Второй этаж был темен. Лестница выходила в коридор, и черноту прогонял лишь неровный огонь свечей. Здесь также все было разбито, обои лохмотьями свисали со стен, но несколько картин — старинных, потемневших от времени портретов — все еще смотрели из позолоченных рам. Ростислав вспомнил свой сон — и стало не по себе...

Высокая фигура двигалась беззвучно, ровно светил огонь свечей, и казалось, коридор никогда не кончится. Но вот, не доходя нескольких метров до высоких белых дверей в торце прохода, провожатый остановился и шагнул налево.

— Библиотека там, — шепнул всезнающий Степа. — А направо — кабинет...

Двери были сорваны. На полу желтели страницы разорванных книг, но большинство полок и шкафов были пусты. То, что собирали хозяева усадьбы долгие десятилетия, пропало навсегда. Ростислав скрипнул зубами: он так и не смог привыкнуть к таким картинам. Впрочем, могло быть и хуже — здесь хоть стены уцелели.

Старик поставил подсвечник на стол и оглянулся. Лицо было по-прежнему спокойно, но в глазах светились гордость и одновременно страдание. Худая рука указала на одну из полок, почти пустую, на которой сиротливо лежали два золоченых тома Полного Свода законов.

— Так чего нам, товарищ... книжки брать? — не удержался Косухин.

Рука вновь повелительно указала на пустую полку, затем старик подошел к огромному шкафу и достал толстую старинную книгу. Зашелестели листы; рука разгладила один из них, костлявый палец на миг задержался на цифре, обозначавшей страницу. Незнакомец кивнул и повернулся, чтобы уйти.

— Постойте! — Арцеулов ожидал объяснений. — Что нам делать? .

Но старик уже уходил. Он шел не обратно, в коридор, а налево, где темнела еще одна дверь, из-за которой пробивался серебристый лунный свет. На мгновение темный силуэт закрыл его, и незнакомец исчез.

— Эй, товарищ! — Степа сорвался с места и поспешил следом. Вернулся он через минуту, и вид у него был весьма растерянный.

— Пропал, чердынь-калуга! Ход там в стене, что ли?

Арцеулов улыбнулся. Красный командир Косухин всегда предпочитал научные объяснения.

— Слушай, чего нам делать-то? — Степа обошел всю библиотеку и озадаченно потер лоб. — Книжки, что ль, искать?

Ростислав не ответил: следовало подумать. «В полночь тень передаст тайну». Но эту тайну следовало еще отыскать.

Косухин добросовестно перетряс оба тома Свода законов и без всякого почтения швырнул их на пол:

— Это нам без надобности, чердынь-калуга! Отменено именем революции...

— Стена, — негромко подсказал Ростислав. Косухин за-

мер от удивления, затем хлопнул себя по лбу и осторожно простучал деревянную обшивку.

— Пустота! — удовлетворенно сообщил он. — Ну, Слава, ты голова! А я, дурень, за книжки взялся!

Арцеулов достал из-за пояса большой саперный тесак и вставил лезвие в узкую щель. Пришлось повозиться. Наконец плотная доска скрипнула и поддалась.

— Ну-ка, беляк, тащи свечи! — распорядился вошедший в азарт Степа. — Сейчас увидим... А пыли, пыли-то!..

За стеной оказалась глубокая ниша. Пыль покрывала темную поверхность металла.

— Сейф! — прошептал пораженный Косухин. — Добро буржуйское! Не увезли в Париж, сволочи! Ростислав, бомбы есть?

— Остыньте, комиссар! — Арцеулов отстранил Степу и начал внимательно осматривать находку. Вделанный в кирпичную стену сейф был невелик, но крепок, и даже граната не взяла бы надежный металл.

— Цифровой замок, — Арцеулов постучал ногтем по металлу. — Здесь рукоятки, надо поставить четыре цифры...

— Это и ежу ясно, чердынь-калуга! — обиделся Косухин. — Навидался я сейфов! Эх, до утра вертеть придется!

— Книга, — вновь подсказал Ростислав. Степа вначале не понял, а затем подскочил к столу и осторожно поднял огромный том.

— Не закрывайте! — Арцеулов был уже рядом, неся подсвечник.

Старинный готический шрифт, широкие поля, странные завитушки вверху и внизу... Давно, очень давно напечатана эта уже никому не нужная книга.

— Ну и буквы! — возмутился Степа, добросовестно изучая непонятный текст. — Выдумали, буржуи...

Нет, содержание старинной книги явно ни при чем. Арцеулов постарался вспомнить еще раз: рука старика открывает книгу, затем палец скользит по странице...

— Какой номер? — Он постарался, чтобы голос звучал спокойно: не хотелось спугнуть удачу. — Степан, номер страницы? Сколько цифр?

— 1269-я... Четыре цифры... — Косухин помотал головой и вздохнул. — Слышь, Ростислав, ну чего ты такой умный? Даже противно!

— А нечего у красных служить! Сами наберете, любитель сокровищ? Только набирайте, начиная с первой, по порядку...

Дверцу решили открывать осторожно, но ничего и не случилось — замок клацнул и тяжелый металл стал медленно поддаваться. Косухин уже стоял наготове, держа подсвечник.

Вначале Ростиславу показалось, что в сейфе пусто. Но, присмотревшись, он увидел что-то плоское, похожее на небольшую книгу. Он кивнул. Степа нетерпеливо сунул руку, затем выпрямился и разочарованно выдохнул:

— Тю, деревяшки! Ну, чердынь-калуга, обдурили!

Находку положили на стол. Свет упал на сложенные в стопку деревянные таблички. Арцеулов всмотрелся:

— Буквы... Здесь что-то написано!

Деревянная поверхность табличек изрезана рядами странных, ни на что не похожих знаков. Их было много, они теснились по всей поверхности, обрываясь у самого края.

Табличек оказалось четыре, одна из них — самая маленькая — расколота на три части.

— Наука! — констатировал Степа то ли уважительно, то ли с оттенком снисхождения. — Это для Тэда. Артефакт...

Арцеулов был тоже немного разочарован. Впрочем, смысл находки ясен: надпись надо прочесть. «Воспользуйся тайной — или храни ее для того, кто сделает это вместо тебя»...

— А вот еще! — Степа вновь заглянул в сейф. — Каме-нюка какая-то...

На Степиной ладони лежал плоский камень в форме круга, чуть оббитый с боков. Похоже, когда-то он был обшит металлом, но чьи-то руки ободрали окантовку.

— Драгоценный? — Тон Косухина был настолько искренен, что Ростиславу вновь стало весело. Камень был внешне обычным — серым, с гладко полированной поверхностью. Он осторожно провел ладонью — рука почувствовала холод, Арцеулов уже хотел передать камень Степе, но вдруг замер. Гладкая поверхность потемнела, по коже заструилась ровная сильная энергия. Он отдернул руку — ладонь занемела.

— Степан! Вы слышите меня?

Косухин, все еще изучавший пустой сейф, вздохнул и повернулся.

— Нам пора уходить. Здесь опасно оставаться...

— Ага, точно, — кивнул Косухин и скривился. — До утра вернуться надо, а то комиссар измену припишет... Ладно, забирай эту ерунду... Как раз для Тэда...

Арцеулов аккуратно сложил таблички, жалея, что не захватил с собой ничего подходящего, чтобы завернуть находку. Рука взялась за странный камень, и тут он вспомнил. «Одному не унести, половину спасет спасший тебя»...

— Степа, возьмите камень, — решение пришло внезапно. Конечно, надписи на табличках — это важно, но в камне было что-то особенное.

— На память? — удивился Степа. — Эх, если б сапфир был!

Ростислав усмехнулся: Камень Спасения был надежно зашит в подкладке френча.

— Косухин!.. Этот камень — не простой, понимаете? Его нужно сохранить. Даже если меня убьют...

— Типун тебе! — Степа фыркнул. — Можешь не уговаривать — надо, так возьму.

Он аккуратно спрятал камень в полевую сумку.

— Храните его у себя. Если что — передайте этому своему приятелю — Лунину, если не ошибаюсь. У меня есть его адрес.

— Ага, Коля Луин... Он сейчас комиссар в Стальной дивизии. Ладно, понял. Камень тебе отдать?

Арцеулов постарался сообразить. Война! Между ними вновь будет линия фронта!

— Сделаем так... Храните его у себя — скажем, год. Если я не появлюсь — перешлите камень Валуженичу. Только расскажите ему все...

— Понял! — Косухин задумался и покачал головой. — Ну а если я... не появлюсь, чердынь-калуга, — камень перешлют Кольке Лунину. Я напишу ему — он тебе отдаст. Только не говори, что ты бяляк: он вашего брата на дых не переносит...

Они вышли на крыльцо, и Арцеулов с удовольствием вдохнул свежий ночной воздух. Степа нетерпеливо переминался с ноги на ногу:

— Ну, пора мне... Здорово, что увиделись! А то поехали со мной, чердынь-калуга! У меня помощник тоже из ваших, из офицеров, но такой дурень! Послужишь с полгода, потом получишь полк, а то и дивизию!

Арцеулов невольно засмеялся: Степино предложение не обидело — скорее привело в хорошее настроение:

— Нет, Степан. Присягу один раз дают. Так что достою до конца... Это вы бы подумали! Служить этим Венцлавам...

Косухин зло дернул головой:

— Я, беляк, служу делу трудового народа! С Венцлавом разберусь — дай срок! А не я — так другие! Ладно, видать, не столкнемся...

Арцеулов не ответил. Спорить со Степой о трудовом народе не хотелось, а с Венцлавом Косухину не управиться. Во всяком случае, одному.

— Вот чего, Ростислав, — Косухин заговорил тихо, не поднимая глаз. — Если ты такой несознательный... Поезжай в Париж, найди генерала Богораза (у Тэда адрес есть). Он тебя сведет с вашим главным — этим... князем Александром. Они «Мономахом» занимаются, ты им нужен будешь. Только сейчас уезжай. Учти, Крым возьмем — пленных не будет...

— Понял, — в эту секунду Косухин показался ему совсем взрослым, куда старше его самого. — Спасибо, Степан. Только я не уеду. Выживу — останусь в России и найду вас... Обещайте, что без меня вы ничего не будете делать. И никому не говорите о Шекар-Гомпе. Вдвоем нам будет легче. Хорошо?

Степа секунду помолчал, затем кивнул и пожал Ростиславу руку. На этот раз его ладонь была холодна, как лед.

— Бывай, интеллигент!.. Хоть в бой не суйся, чердынькалута: пуля — дура. Эх, чему вас учили, образованных!..

Степа махнул рукой и не оглядываясь шагнул в темноту. Через минуту послышалось лошадиное ржание и удаляющийся топот копыт...

Арцеулов вздохнул и направился туда, где был привязан его белый в яблоках. Все кончилось. Краснопузый Степа уехал командовать своим 256-м полком, и он вновь оставался один.

Таблички, аккуратно завернутые в сменную рубашку, были уложены в вещевой мешок. Бомбы Арцеулов прицепил к поясу — на всякий случай. Оставалось взглянуть на карту.

Ростислав пустил коня рысью и — что делать вообще-то не полагалось — закурил, перебирая в памяти события этой

ночи. С табличками он решил не медлить, сразу же снять копии, а заодно показать Андреичу. Правда, об этом думалось как-то вскользь. Арцеулов никак не мог забыть Степу. С красным командиром что-то не так.

Ростислав многое понял из недоговоренного. Степана арестовали и велели молчать. Похоже, все им виденное считалось у красных высшей государственной тайной. «Они же все знали!» Сам Арцеулов не сомневался в этом ни секунды. Бедняга Косухин! Умный же парень, но повелся на своей мировой революции и бесплатной вобле!

Что ж, так даже лучше. Пусть они оставят Косухина в покое. Он найдет Степу, а там уж бог рассудит... Бывший марковец и фанатик-краснопузый вместе, пожалуй, могут стоять роты...

Меланхоличный жеребец равнодушно перебирал ногами. Мерная езда постепенно начинала убаюкивать. Захотелось спать — давняя фронтовая привычка использовать каждую минуту между боями. Арцеулов встряхнул головой: не хватало еще заснуть прямо в седле! И тут же понял, что рано успокоился.

Вокруг все спокойно, даже дальняя канонада стихла, лунный свет заливал степь, но что-то было определено не так. Прежде всего, он не узнавал местности. Вначале Ростислав решил, что задремал и немного сбился с дороги. Лихорадочно обернувшись, он стал искать примеченные вечером ориентиры. Нет, он не мог сбиться! Звезды не обманывали, он ехал верно. Изменилась сама степь.

Земля стала неровной. Луна освещала резкие стрелки оврагов, взгорбившиеся холмы и полоску леса у самого горизонта. Неведомым образом он заехал совершенно не туда! Арцеулов чертыхнулся, остановил коня и полез за картой. Ему было стыдно. Заблудиться на ровном месте, с картой, компасом, при безоблачном звездном небе!

И тут Ростислав почувствовал опасность. Это тоже была привычка, еще с германской. По спине волнами прошла дрожь, застучало в висках, а где-то под сердцем словно открылась смертельная пустота. Он еще раз оглянулся: странный пейзаж, освещенный мертвенным серебристым сиянием, казалось, был безмятежен. К черту! Арцеулов привык верить своим чувствам. Он соскочил с коня, и тут внезапно повеяло холодом. Ростислав не успел даже схватиться за наган — черная птица пронеслась над самой головой и пропала в лунном свете. Заржал конь, словно чуя беду.

Правильнее всего вскочить в седло и мчаться без оглядки. Но куда? Карта была уже развернута, он щелкнул зажигалкой и стал лихорадочно рассматривать мелькавшие перед глазами топографические значки. Нет, ничего понять нельзя! Конь вновь заржал, рванулся и попытался стать на дыбы. В глазах животного плавал ужас, удила покрылись пеной.

«Волки?» — мысль была нелепой. Волков в Таврии почти что не осталось, тем более летом они не нападают на людей...

Конь бился, и Ростислав понял, что не удержит обезумевшего белого. Оставалось снять с седла вещевой мешок и карабин. Коня он отпустил — и животное рвануло куда-то за холмы, но уже через пару минут вернулось, словно ожидая защиты у человека. Присмотревшись, Арцеулов заметил, что белого в яблоках бьет крупная дрожь.

Позиция была никудышной: склон кургана — за спиной, — но все же лучше, чем в чистом поле. У него был карабин с несколькими обоймами, две ручные бомбы и наган. Вполне хватит, чтобы подороже продать жизнь.

Но врагов не было. Конь немного успокоился и теперь покорно стоял рядом — правда, не даваясь в руки. Арцеулов внимательно осматривал белесую степь. Верхушки колосьев высокой травы недвижно застыли в лунном свете, и Ростислав вновь вспомнил свой вчерашний сон. И тут что-то изменилось. Вначале он не мог сообразить, потом понял: издали, от ровной полоски леса, накатывалось странное облако. Туман, совершенно невозможный в такую сухую ночь, надвигался с огромной скоростью, словно белые волны хлора, которые пускали германцы в далеком 15-м...

Уходить было некуда. Правда, туман опасен лишь сыростью, но за белесой дымкой могли скрываться враги. Он даже не успеет перезарядить карабин...

Луна начала меркнуть: белые клочья заволакивали небосвод. Туман наполнил отовсюду, со всех сторон. Похолодало, но в воздухе по-прежнему не было сырости, словно перед ним не облако пара, а что-то совсем другое. Арцеулов всерьез подумал о газе и даже вдохнул поглубже воздух. Но отравы не чувствовалось, лишь откуда-то еле заметно донесся запах гнили...

Лунный свет погас. Туман накрыл Арцеулова, разом отрезав от всего мира. Он не был густым — сквозь плену тускло проглядывал контур лунного диска, можно разгля-

деть склон кургана и степь на сотню метров кругом. Оставалось ждать. Если это всего-навсего неожиданный туман, он скоро рассеется и можно будет поискать дорогу...

И тут вновь по спине пробежали мурашки. Сквозь пелену промелькнула тень...

Ростислав всматривался в туман. Сердце билось резкими толчками, и ощущение смертельной опасности нарастало с каждой секундой. Хотелось щелкнуть затвором и послать в белесое облако пулю за пулей — просто так, чтобы не чувствовать собственного бессилия. Конечно, это невозможно: патронов — в обрез, а обнаруживать себя раньше времени опасно. Минуты текли за минутами, и тут он увидел еще один силуэт, затем третий, четвертый...

Конечно, это не волки. Перед Ростиславом были двуногие. Поразила одна странность: фигуры двигались не на него и не мимо. Неизвестные бежали вдоль кургана, по огромному кругу, скрываясь в тумане и вновь возникая из него. Бежали как-то странно, но разглядеть подробности было трудно.

На минуту темные силуэты исчезли. Ростислав подумал, что неизвестные отправились своей дорогой. Но тут луна на миг выглянула из тумана, и Арцеулов понял, что ошибся. Враги — о друзьях в такую ночь не думалось — оставались здесь. Их было много, черных силуэтов, выстроившихся ровной цепью вокруг кургана. Они не стояли — фигуры двигались, бежали по кругу, образуя живое кольцо.

Луна исчезла. Туман вновь надвинулся. Враги оставались невидимыми, что лишь усиливало тревогу. Конь снова заржал, ударил копытами и помчался вперед. Через несколько секунд ржание послышалось вновь, белый в яблоках вернулся. Теперь он не убегал, а испуганно топтался на месте. Конь уже не ржал — он, казалось, кричал, умоляя о помощи. Арцеулов скрипнул зубами, но помочь было нечем. Он вновь взгляделся в туман, чертыхнулся и понял, что надо отступать. Вершина кургана была за спиной. Ростислав закинул за спину карабин, подхватил вещевой мешок и стал быстро подниматься.

С вершины было видно лучше. Туман вновь ненадолго поредел, и лунный свет упал на застывшую в молчании степь.

Враги не ушли. Они были близко — ровный круг черных фигур, мерно и быстро бегущих вокруг кургана. Точнее, это не был круг — неизвестные бежали по кривой, по-

степенно сужавшейся, чтобы сойтись как раз у подножия. Что-то знакомое вдруг вспомнилось Ростиславу. Он не видел такого, но читал: так бежали бесы в дантовом аду...

Теперь сквозь неистовое ржание коня до Арцеулова доносился иной звук — низкий и тихий вой. Запах гнили усилился, а холод начинал пробираться до костей.

Ростислав вскинул карабин, но сдержался. Черных фигур слишком много — не меньше сотни. Пока они просто бежали — мерно, не зная усталости, медленно сужая петлю.

Он не ошибся: те, кто подступал к нему из тумана, бежали как-то странно. Движения были медленны, черные фигуры словно зависали в воздухе, прежде чем коснуться земли. Ростислав понял: это не люди...

Враги были еще далеко, к тому же мешал туман, но кое-что Арцеулов уже мог разглядеть. Удлиненные головы почти без шеи, руки, достающие до колен, горбатые спины. Но это не главное — нечеловеческими казались движения, позы, даже наклон головы. Во всем этом было что-то чужое и одновременно как будто знакомое, уже виденное...

Вой стал громче. Черные силуэты задвигались быстрее, цепочка стала заметно приближаться. Кривая, по которой двигались твари, смыкалась.

Вновь заржал конь. Животное было в пене, оно билось, не находя выхода, и вдруг галопом устремилось вперед, прямо на бегущие тени.

Арцеулов затаил дыхание. Конь несся как стрела, но внезапно, не доскакав нескольких шагов до мерно бежавших тварей, неистово заржал и отпрыгнул в сторону. Те, казалось, не обратили ни малейшего внимания, продолжая бесконечный бег. Конь секунду постоял и вновь бросился вперед, напролом. Серые тени были уже рядом, и тут жеребец прыгнул, надеясь перелететь через строй врагов. Тщетно — копыта бессильно ударили по воздуху, и тут со всех концов к жеребцу потянулись руки — нет, не руки — мохнатые когтистые лапы. Вновь послышалось ржание, но уже полное боли и отчаяния. Арцеулов видел, как от бегущей шеренги отделилось несколько тварей. Ржание перешло в тоскливый, почти человеческий крик и оборвалось. Остальные продолжали свой бег, подбираясь все ближе к подножию кургана.

Теперь сомнений не было. Арцеулов вскинул карабин и аккуратно прицелился прямо в темную кучу, копошившуюся над упавшим конем. Выстрел прозвучал неожидан-

но громко. Ответом был дружный вой. Твари еще более ускорили бег, и сквозь туман Ростислав уже мог разглядеть обращенные к небу глаза, горевшие желтым огнем. На миг вновь выглянула луна, и он увидел их — лохматых, с узловатыми кривыми ногами, с головами, напоминающими волчьими. Но тут вновь нахлынул туман, и Ростислав так и не понял, сумел ли он разглядеть своих врагов или просто разгулялись нервы...

Тоскливый вой не прекращался, становясь все громче. В ушах звенело. Арцеулов вновь выстрелил. Ему показалось, что одна из фигур упала, но тут же вскочила и побежала дальше. Круг смыкался, теперь твари бежали тесно, почти касаясь друг друга. Еще несколько пуль — одна из серых теней исчезла, но остальные продолжали свой мерный бег...

Ростислав рванул с пояса гранату, и тут же застыл. Откуда-то донесся вой — но не тоскливый, а грозный, полный силы и вызова. На миг твари стихли, а затем завывали сами, но уже вразнойбой. В их голосах слышалась радость и одновременно страх. Что-то приближалось из тумана. Арцеулов понял: серые твари — лишь загонщики, а главный охотник еще в пути.

И тут он увидел это. Что-то огромное, бесформенное приближалось к кургану. Черное, похожее на ползущую по земле тучу, оно, казалось, плыло над травой, но мерный топот свидетельствовал, что враг ступал по земле, сотрясая все вокруг. Волосы на голове зашевелились. Арцеулов не боялся Венцлава и его псов, испытывая лишь омерзение к нелюдям. Даже эти волкоголовые страшили только численностью — сто на одного. С гранатами он взялся бы справиться с дюжиной — и не дрогнул. Но то, что мерно шагало сквозь туман, не имело ничего общего с миром людей. Громадное, выше самых высоких деревьев, оно куталось во тьму, еще более черную, чем ночь, неторопливо приближаясь к добыче. Ничто — ни оружие, ни крестное знамение не в силах задержать этот неспешный ход.

Проклятые твари уже крутились возле самого подножия кургана, взвизгивая и сверкая желтыми глазами. Арцеулов не смотрел на них — он ждал, всматриваясь в темноту. Черное пятно, скрывавшее того, кто пришел за ним, приближалось с каждой секундой. От шагов дрожала земля, твари истошно выли, и Ростислав чувствовал себя муравьем, которого сейчас разотрут по сухой траве. Он не был го-

тов к такому. Арцеулов согласен был схватиться в последнем бою с краснопузыми, с бандитами Упыря, даже с тварями Венцлава. Но боя не будет — его сомнет, раздавит сила, привыкшая расправляться не с людьми, а с кем-то куда более мощным. И в такой поединке у бывшего марковца шансов нет...

Старик предупреждал: «Вокруг — смерть... подарок выручит и защитит...» Да, смерть рядом. Арцеулов бросил бесполезный карабин и, подумав, положил рядом гранату. Еще минута — и он просто сорвет чеку. Значит, напрасно Степан поил его водой на Белой и спасал среди руин Александровска. Как говорят господа матросы, амба...

Он вновь подумал о «подарке». Рука сама собой полезла в полевую сумку, но Арцеулов так и не решился достать рожок. Это казалось смешным: древняя, патриархальная магия, рассчитанная на отражение внезапного налета или ночных страхов, — и то, что двигалось к нему. Силы слишком неравны.

Внезапно бесконечный бег вокруг кургана прекратился. Твари замерли, словно готовясь к нападению. Грозные шаги подбирались все ближе, черные пятна тьмы стали редеть, сквозь них начали обозначаться смутные, колышущиеся контуры. Ослепительно белый свет ударил из темного облака, словно у того, что двигалось к кургану, открылся громадный светящийся глаз. Но, странное дело, Арцеулову показалось, что белое око не испускает свет, напротив. То, что светилось среди черноты, словно втягивало свет в себя, желая выпить его, оставив лишь беспросветную тьму...

Твари у подножия кургана зашевелились. Вначале Ростиславу показалось, что они вот-вот ринутся в атаку, но затем он понял: предстоит иное. Враги быстро перемещались влево и вправо, освобождая широкий проход. Загонщики выполнили свою работу, настал час охотника.

«Вокруг — смерть... подарок выручит и защитит». Арцеулов вновь расстегнул сумку и нащупал рог. В спасение он не верил, но привычка выполнять приказы превозмогла. Пусть не думают, что он потерял голову от страха. Может, и не плохо, что последним звуком, который ему придется услышать, будет зов рога Гэсэра...

Арцеулов решился. Миг — и рожок уже в руках. Послышался громкий испуганный визг: серые твари вопили, указывая на него когтистыми лапами. Другие, отбегая на-

зад, оглядывались на надвигающуюся смерть, словно прося поспешить.

Вновь блеснула надежда. Выходит, и на эту мразь есть управа! Ростислав приложил эвэр-бурэ к губам и резко заструбил. Наступила тишина. Враги застыли, и вот где-то совсем близко прозвучал ответ: ровно и чисто пропела боевая труба...

Послышался свист и резкий конский топот. Белое око погасло, клочья тьмы сгустились, словно пытаясь защитить исполинского охотника. Косматые твари отбежали назад, испуганно переключаясь. Вновь пропела труба. Стена тумана поредела. Откуда-то с запада налетел сильный теплый ветер, разгоняя белую мглу. Ярко вспыхнул диск луны — серебристый свет упал на неподвижно застывшую сухую траву вокруг кургана. Страшные загонщики исчезли, пропав в редеющей туманной мгле. Топот усиливался, вновь послышался дружный, с переливами свист, а затем чей-то сильный хриловатый голос прокричал:

— Гей, хлопцы! А ну, робы грязь!

Из-за кургана вылетели всадники. Их было шестеро — крепких хлопцев в смушковых шапках и богатых кафтанах. Под луной сверкали вынутые из ножен сабли, породистые кони приплясывали и нетерпеливо ржали.

«Махновцы», — пронеслось в голове, но страха не было. В эту минуту Арцеулов был рад и махновцам.

Трое всадников повернули коней и бросились прямо на отступающую стену тумана. Ростислав видел, как тает белая пелена, как распадается на части страшный черный силуэт, исчезая без следа.

Трое других остановили коней у подножия кургана. Арцеулов медленно подобрал карабин и начал спускаться.

Двое всадников были молоды. Из-под смушковых шапок улыбались безусые лица, кафтаны были расстегнуты, лунный свет падал на дорожную сбрую. Третий, в котором Арцеулов сразу же угадал командира, был явно постарше. Длинные усы побило проседью, из-под шапки свисал седой чуб. Одет всадник был просто — куда беднее, чем его хлопцы, — но из-за туго затянутого кушака золотой отделкой сверкали старинные пистолы, а на рукояти кривой турецкой сабли тускло поблескивали самоцветы.

— Здоров будь, хлопче! — Голос казался хриплым, низким, в нем звучали добродушие и легкая насмешка. — Ще живой?

— Здравствуйте... — ухо привычно отметило малороссийский говор. Значит, все-таки махновцы или какой-нибудь из бесчисленных повстанческих отрядов, бродивших по таврийской степи...

Ростислав поднял глаза и увидел, что туман исчез. Ночная степь дышала покоем, словно все случившееся просто пригрезилось.

— Панэ бунчужный! — Трое всадников возвращались, пересмеиваясь и поигрывая саблями. — Чисто! Накажеш наздогнаты?

— Досыть з них! — Тот, кого называли бунчужным, бросил саблю в ножны и ловко соскочил с седла. — Бильш нэ сунуться!

Он был невысок ростом, пониже Ростислава, но широк в плечах и костист. Чувствовались долгие годы, проведенные в седле, среди битв и походов.

— Подполковник Ростислав Арцеулов! — Рука привычно взлетела к козырьку. — Благодарю вас, господа! Выручили.

Хлопцы недоуменно переглянулись. Ростислав не понял, что их так удивило — не появление же врангелевского офицера возле линии фронта!

— То пан нэ простой жолнеж? — Бунчужный виновато покачал головой. — А я його мосць хлопцем назвав! То пан полковник такой молодой...

— Помилуйте, что за счеты! — Арцеулов даже рукой махнул. — Вы меня от смерти спасли...

— То нэ смэрть... — бунчужный оглянулся. — То нэ смэрть, панэ Ростиславэ. То мара. Воны вжэ сами мэртви — погынули в давни вики. Тилькы в таку нич воны сылу мають... Ну що, хлопцы, перепочинэмо...

Всадники соскочили с коней и окружили Арцеулова. Он заметил, с каким интересом они разглядывают его форму и оружие. Ему самому стало любопытно: повстанцы (если его спасители, конечно, из их числа) были обмундированы крайне живописно. На ум тут же пришла известная картина Репина из Русского музея. Впрочем, он слышал, что махновцы и прочие «бацьки» любили щеголять в давних запорожских нарядах.

— З якої армії, панэ? — поинтересовался один из хлопцев с серьгой в левом ухе и большим шрамом через все лицо. — Чи нэ поляк?

— Почему поляк? — поразился Ростислав. — Русский я, из армии барона Врангеля.

Ответом было удивленное перешептывание. Бунчужный покачал головой:

— Нэ дывуйтэся, хлопци! Пан Ростислав и сам здывува-ся... Кого тилькы вночи не зустринэш!.. А ну, краще зло-жить багаття. Пересыдымо до ранку — и гайда...

Арцеулов не понял, что означает «багаття», но тут же сообразил: хлопцы принялись собирать сухую траву и ка-кой-то деревянный хлам, валявшийся на кургане. Вскоре вспыхнул огонь, и тьма отступила. Ростислав машинально отметил еще одну странность: один из хлопцев зажигал кост-ер не спичками и не зажигалкой, а неким приспособлени-ем, высекавшим искры.

«Наверно, огниво, — Арцеулов лишь покачал голо-вой. — Ну надо же!..»

Впрочем, разруха, охватившая бывшую империю, при-учила и не к такому.

— Сидайтэ, панэ Ростиславэ, — пригласил бунчуж-ный. — Посыдымо, люльки попалымо.

Арцеулов опять не понял, но все стало ясно, когда тесно сгрудившиеся у костра хлопцы достали большие, украшен-ные резьбой трубки и стали неторопливо набивать их из вышитых кисетов.

— Папиросы, господа! — Арцеулов поспешил достать пачку «Дюшеса». Ответом были удивленные взгляды. Рос-тислав пожал плечами и щелкнул зажигалкой.

Хлопцы переглянулись, руки несмело потянулись к пач-ке. Лишь бунчужный, усмехаясь, поблагодарил, но закурил все-таки свою «люльку».

— Хытро, — заметил один из хлопцев, дымя «Дюше-сом». — Нэ бачив такого. Хиба що з Нимеччины прывез-лы...

Арцеулов уже не удивлялся. В самом деле, в ночной тав-рийской степи можно встретить кого угодно. Даже тех, кто никогда не курил папирос.

— Що ж вы нас, панэ, так пизно покликали? — поинте-ресовался бунчужный, затягиваясь «люлькой». — Чи сами думалы нежить розигнаты, як Козьмодем'ян?

— Растерялся, — честно признался Арцеулов. — Да и не верил как-то, что рог поможет...

— То риг знатный, — старшой внимательно оглядел по-дарок Джора и вернул Ростиславу. — Сыла в нему вели-

ка — з морського дна підняты можэ. В тэбэ пэсыголовци мэртво вчепилися. Самого позвалы!..

«Сам» — то, что надвигалось, окутанное тьмой. Даже у горящего костра старый воин не решался произнести его имени. По телу Арцеулова пробежала запоздалая дрожь.

— Тилькы здаецься мени, помылылыся воны, — продолжал бунчужный. — Не вас йим було потрибно. Того, що вони шукали, в вас нэмае...

Вначале Арцеулов не понял, а затем вспомнил. Камень! Он отдал камень Степану! Он представил, что Косухина тоже перехватили в пути. А ведь у краснопузого нет с собою подарка Джора!

— Мы... Мы с другом были в Безбаховке, — нерешительно начал он. — Там...

— Знаю, хлопче, — кивнул бунчужный, похоже, забыв на время о том, что к Ростиславу надлежало обращаться «пан». — Велька за вамы сыла, якщо старый граф передав вам цэ... А за свого товариша не бийся, йим його не взяты. Пэкэльный вогонь на ньому...

И вновь Арцеулов ничего не понял. «Пэкэльный», вероятно, означало «адский». Конечно, он под горячую руку именовал краснопузых «антихристами», но не в буквальном же смысле!

— То що ж, панэ бунчужный, того хлопця й дидько не визьмэ? — удивился один из парней.

— Дидько — не в ночи його спомынаты — не скажу, — с достоинством ответил старшой. — А оця нежить не визьмэ. Я ж кажу — пэкэльный вогонь. Хто його бачив, того воны бояться...

Адский огонь! Но откуда? Ростислав вспомнил — Морадабад, грязный, в лохмотьях жрец страшной богини Кали. Он тоже испугался Степана! Красный отсвет «Головы Слона» — вот что отпугивало служителей тьмы.

— Його що, нияка смэрць не визьмэ? — продолжал допытываться любопытный хлопец. Бунчужный помолчал, выбил пепел из трубки и наставительно произнес:

— Не лизь куды не треба! Не твоя цэ справа. Смэрць йому будэ вид людськойи руки... Або вид того, кого вночи называты не можна. Тому пекло — дим ридный...

Арцеулов не поверил. В «пэкло» после нескольких лет Германской и Смуты вообще не очень верилось. Ад он увидеа на земле. Но, похоже, излучение Красного Рубина и в

самом деле отпугивало всякую нежить. Что ж, значит, краснопузому хоть в чем-то повезло.

— Годи про цэ! — подытожил старшой. — Пану Ростиславу нэ варто слухаты ци дурни балачкы... Краще, Тымко, заспывай нам. Воно й вэсэлишэ будэ — швидше нич скинчиться...

Тымко — вероятно, Тимофей — согласно кивнул и спустился вниз, к лошадям. Через минуту он вернулся, неся странный инструмент, чем-то напоминающий лютню.

— Позвольте, господа! — заинтересовался Ростислав. — Это, по-моему, бандура?

— Ни, панэ, — усмехнулся Тымко. — Бандуру я й нэ ба- чыв. Це — кобыз турецький. У Трабзони узяв...

Арцеулов удивился, как мог попасть молодой хлопец в Трабзон, но память подсказала: в 1916-м Кавказский фронт занял Восточную Анатолию. Вероятно, Тымко воевал где-то в войсках Николая Николаевича Юденича...

— Так, добрэ було в Трабзони! — кивнул другой хлопец, чуть постарше. — Повни «чайкы» добычы набрали! Лэдэ не потоплы!

Арцеулов не понял, еще раз пожалев, что не знает малороссийского наречия. Может быть, «чайками» называют десантные корабли Черноморского флота...

— Грай, Тымко, — распорядился бунчужный. — Вин добрэ грае, — обернулся он к Арцеулову. — Пан зацный и мосцный звык до иншойи музыки, але хай послуха й нашу...

— С удовольствием, — Ростислав поудобнее пристроился у костра, сообразив, что «кобыз» и малороссийская «кобза», наверно, похожи. Арцеулов много читал об украинской экзотике — слепых кобзарях, — но никогда их не слышал. Правда, Тымко ничуть не походил на несчастных «старцев», скитавшихся от села к селу. Молодой парень, с красивым смуглым лицом, с крепкими руками, привыкшими скорее к сабле, а не к беззащитным струнам...

Пальцы легли на деку. Наступило молчание, и вот тишину нарушил первый звук. Казалось, зашумело море. Пальцы осторожно перебирали струны, и Арцеулову вдруг стало казаться, что он слышит морской прибой, завывание ветра в корабельных снастях и видит низко сидящие в волнах черные лодки под белыми парусами. И тут он наконец вспомнил, что такое «чайки»... Музыка крепла. Казалось, волны вскипают и обрушиваются на тех, кто плывет на черных лодках к далекому Трабзону...

И тут музыка стала другой — тихой, спокойной, словно ночной летний ветер. Тымко запел. Голос оказался неожиданно низкий, совсем не такой, каким он только что рассказывал о своем «кобызе». Вначале Ростислав плохо разбирал слова — малороссийское наречие с трудом давалось ему — но затем он освоился и стал слушать внимательно.

Тымко пел о степи. О покрытом ковылем просторе, протянувшимся от Дуная до Кавказских гор вдоль Черного Змеиного моря. В степи шумел ковыль, гулял ветер и мертвым бесконечным сном спали под высокими могилами забытые богатыри...

Голос певца внезапно стал резким и жестким. Смерть пришла с юга — от желтых перекопских песков. Быстрые, как смерч, всадники мчались от Змеиного моря, сжигая хаты и увозя уцелевших в далекий полон. Черные волны моря рассекали острые носы чужеземных галер, на которых стонали прикованные к веслам невольники. А с запада, от болот Полесья, надвигалась новая беда — пышноусые паны на кровных конях занимали город за городом. Черные вороны — латинские ксендзы — закрывали Божьи церкви, уничтожая дедовскую веру...

...И тут голос окреп. Не все погибли, не все покорились. Среди плавней великой реки, на маленьком острове, собрались последние рыцари этой земли. Без доспехов и пушек — с одними саблями выходили они на бой, защищая свой народ и свою веру. Один за другим гинули они, порубанные, застреленные, повешенные за ребро и посаженные на «пали». Но на смену приходили новые, и вот уже вырастала среди плавней рыцарская столица, где собиралось могучее войско, где рыцари держали совет и ковали оружие. И жили они там под Божьим Законом, и была между ними великая правда и великое равенство...

И вот объявился могучий вождь, новый Моисей, который вывел войско из плавней в широкую степь, и воззвал к оставшимся в живых, призывая восстать и окропить вражьей кровью поруганную землю. И восстал народ, засвистали сабли, загремели пушки — и покатались вражьи полчища за ковыльные степи, за полесские болота. Над освященной кровью землей засияло солнце великой свободы, и восстал на берегах могучей реки Новый Иерусалим — град божий, сердце воскресшего народа...

Голос певца дрогнул. Затмилось солнце, надвинулись со всех сторон черные тучи. Умер великий вождь, у его гроба

рассорились славные рыцари, и началась между ними рознь. Послали они за подмогой к вчерашним врагам, вновь полилась кровь — и гибель, руина, пришли на несчастную землю. Погас свет Иерусалима, и над страной был слышен свист сабель и вороний грай...

Музыка стала резкой, порывистой, голос посуровел и в нем загустела боль... Один из рыцарей-сподвижников ушедшего вождя тянулся к золотой булаве и позвал на подмогу лютых врагов из перекопских степей. А чтоб задобрить их, приказал отдать в рабство сотни христиан, надеясь купить этим победу и власть. Триста верных хлопцев погна-ли людей в полон на юг, к Змеиному морю, но не дошел никто. Гнев божий упал на тех, кто исполнял неправый приказ. В степную землю ушли они, и навек легло проклятье над памятью трехсот, выполнивших приказ, но презрев-ших народ и бога...

Голос стал тих, пальцы едва касались струн, и над степью словно повеял тихий печальный ветер... Прошли века без славы и подвигов. Давно успокоились все — и правые, и неправые, — но триста проклятых до сей поры не ведают прощения. Днем, когда светит над степью беспощадное солнце, они лежат под высокой травой, где застали их смерть и позор, но в лунные ночи их тени выходят под степной ветер, блуждая между высокими могилами. И думают они, что все же не вечно проклятие, что смилуется господь над великими грешниками, если помогут они тем, кого за-стало лихо среди ночи. Вот и спешат они на помощь, разго-няя проклятую нежить, спасая души живых, чтоб прости-лось когда-нибудь им. Не всякий увидит скитальцев — лишь иногда в лунную ночь блеснет под луной булатный ту-рецкий клинок и ветер донесет еле слышное конское ржа-ние...

...Тихо пели струны, перед глазами плыла ковыльная степь, из темной дали выезжали ряды молчаливых всадни-ков в богатых кунтушах и смушковых шапках. Звенело зо-лоченое оружие, и негромко звучала печальная песня...

— Ростислав! Славик!

Перед глазами блеснуло солнце. Арцеулов удивленно привстал и поразился еще более. Солнце стояло уже высоко. Он лежал возле кургана, правая рука все еще сжимала мон-гольский рожок, а над ним склонились несколько взволно-

ванных людей в привычной зеленой форме. Андреич — штабс-капитан Пташников — держал его левое запястье, считая пульс.

— Доброе утро, — он ляпнул явно что-то не то, поскольку офицеры переглянулись, а Андреич возмущенно покачал головой:

— Ну, знаете, Славик!.. Доброе утро! Ищем вас уже полдня, а вы тут лежите — холодный, без пульса... Ничего себе доброе...

— То есть? — Арцеулов пружинисто вскочил. Чувствовал он себя превосходно, словно ночевал не в степи, а в гостиничном номере. — По-моему, я жив и даже здоров...

С ним не спорили, но посмотрели недоверчиво. Арцеулов оглянулся. Его вещи — карабин, наган и даже бомбы — лежали тут же. Рядом валялся вещевой мешок — открытый, выпотрошенный. Деревянные таблички лежали на траве, разбросанные чьей-то недоброй рукой.

— Все, паника отменяется! — Андреич удовлетворенно вздохнул, доставая папиросы. — Представитель ставки цел и невредим, срывание погон и отправка под трибунал откладывается до следующего раза... Славик, нельзя же так! Хоть бы предупредили...

— Извините, Андреич! — Арцеулов почувствовал себя кругом виноватым. За него отвечали. За него просто по-человечески волновались.

— Таки съездили в Безбаховку! — улыбнулся наконец штабс-капитан. — Оттуда?

Пташников склонился над травой, рассматривая находку. Лицо внезапно стало внимательным и строгим:

— Боюсь, я вас разочарую, Ростислав. Это, скорее всего, подделка прошлого века. Тогда этим многие баловались... Впрочем... Если все же не подделка...

Он покачал головой и аккуратно сложил таблички, не забыв соединить воедино осколки той, что была разбита. В движениях бывшего приват-доцента чувствовался многолетний навык, привычка к возне со столь любимыми Валюженичем «артефактами».

— Простите, господа! — Арцеулов обернулся к офицерам. — Не представляю, как я заблудился. Заехал бог весть куда...

И тут слова замерли на языке. Прямо перед ним белели хатки Малой Белозерки. Он не доехал до села всего лишь

пары километров! Вокруг расстилалась знакомая степь. Ни оврагов, ни далекого леса не было и в помине...

— Мы вас долго искали, господин подполковник, — заметил один из офицеров. — Хорошо, что унтер сообразил — орла увидел.

— Орла? — Ростислав вспомнил крымский лес и своего крылатого проводника.

— Так точно, ваше благородие, — охотно отозвался пожилой унтер-офицер. — Так что гляжу — орел. А он птица умная, людей чует. Странный орел, ваше благородие, я таких и не видал, даром что здешний...

— Ерунда, орнитологи разберутся! — махнул рукой Пташников. — Ладно, Ростислав, поехали. А то начальство уже третий час на стенку от волнения лезет: вдруг от Барона позвонят и вас потребуют...

Арцеулов стал быстро собираться. Деревянные таблички он вновь завернул в рубашку. Так же тщательно спрятал эвэр-бурэ, на который по счастливой случайности никто не обратил внимания. Он спросил о своем коне, но никто не видел поблизости белого в яблоках. Впрочем, до позиций было рукой подать. Один из солдат уступил Ростиславу лошадь, и вскоре они уже въезжали в село.

— Андреич, вы сказали, что если это не подделка, то — что?

Пташников пожал плечами:

— Славик, за эти годы я изрядно одичал. Но могу ручаться, что эта письменность в научный оборот не вводилась — по крайней мере, до лета пятнадцатого, когда я ушел на фронт и стал изучать боевые наставления. Единственные аналогии — рунические надписи Уэльса и Бретани...

Арцеулов тут же вспомнил письмо Валуженича.

— Андреич, помогите разобраться! Вы же специалист!

Штабс-капитан засмеялся, но смех вышел горьким:

— Помилуйте, Ростислав! Боюсь, это уже не для меня. Вот роту в штывковую — это охотно... Впрочем, и это уже ненадолго. Как думаете, до зимы продержимся?

— Бог весть... Не хотелось бы под белыми мухами пропадать. Я уже пробовал — скверно.

— Не спорю, — Андреич невесело улыбнулся. — Впрочем, увидим. Так ли, этак — но занавес упадет скоро. Очень скоро!..

Пастушья Крепость

Занавес упал в ноябре, когда осенние штормы утрюмо били в черный каменистый берег. Небо затянуло свинцовыми тучами, и, словно реванш за жаркое безводное лето и сухую осень, на Крым обрушились холодные бесконечные дожди. Ветер рвал низкие облака, гоня их прочь, но из-за утрюмых гор шли новые и новые тучи, застилая неяркое солнце и гася последние надежды.

О катастрофе Ростислав узнал в Джанкое. Еще 5 ноября сводки дышали надеждой. Казалось, возвращались давние январские дни, когда отряды генерала Слащева без снарядов и патронов, одними штыками удержали Перекоп. Но теперь враг валил без передышки, бесконечными волнами накатываясь на блиндажи перешейка. Латыши и махновцы форсировали ледяной Сиваш, и огонь сотен тачанок разметал по промерзлой степи конницу Барбовича — последний резерв Ставки.

Когда бесстрастный телеграф отстучал о падении Юшунни, Арцеулов уже знал, что и эта война им проиграна. Он чувствовал это давно, но все еще надеялся на чудо. Чуда не случилось. Барон отдал приказ об эвакуации, и Ростислав вместе с другими офицерами штаба отправился в Симферополь, где был основной транспортный узел.

Арцеулов хорошо помнил сибирскую катастрофу. Похоже, Барон тоже кое-что учел из опыта армии Адмирала, которую постигла страшная гибель. Эвакуация проходила четко. За два дня Арцеулов вместе с другими сумел отправить в Севастополь и Феодосию не только отступающих солдат, но и тысячи штатских, не желавших идти под красную пяду. Удалось вынести даже кое-что из военных запасов, хотя Русской армии они уже были без особой надобности.

Им помогла случайность. Красные орлы рассыпались по Крыму, дорвавшись до брошенных складов и богатых имений. Покуда бандиты Фрунзе и Миронова громили Джанкой, последние эшелоны уходили за горные перевалы к морю.

Арцеулов оставался в Симферополе до конца. Когда по улицам с гиканьем и свистом уже неслись всадники в «богатырках», офицеры штаба погрузились в эшелон. Еще можно было успеть: красные увязли в городе, занявшись грабежами, — но фортуна на этот раз изменила Ростиславу. Барон учел многое: но не все. Пока красные шли от Перекопа, с гор уже спешили отряды «зеленых» — невидимая армия Мокроусова и Папанина. Одна из банд перекрыла дорогу, и поезд бессильно замер, запертый в неглубокой ложбине.

Из двух десятков офицеров вырваться удалось двенадцати. Арцеулов оказался старшим по званию. Отведя маленький отряд подальше в горы, он приказал сделать привал и предложил всем высказаться. Это не было данью бесполезной на войне демократии. Просто Ростислав и сам не знал точно, что теперь можно и нужно делать.

Все высказались за прорыв к морю, чтобы успеть на последние пароходы. Но Арцеулов знал сроки эвакуации: до последнего дня, 16 ноября, оставалось чуть больше суток. Добраться до Севастополя через леса, кишевшие бандитами, было попросту невозможно.

Он не стал скрывать правды. Война кончилась — каждый имел право сделать выбор. Теперь мнения разделились. Двое тут же заявили, что возвращаются назад, чтобы сдать первому же красному патрулю. По радио уже который день передавали воззвание Фрунзе с обещанием полной амнистии. Многие верили: жизнь в России, пусть и большевистской, казалась единственным выходом.

Арцеулов не стал спорить, но для себя решил твердо. Он помнил слова Степы: «Крым возьмем — пленных не будет». Вероятно, член РКП(б) комполка Косухин говорил правду. Но пусть даже он ошибался, и Арцеулову, участнику Ледяного похода, сохранят жизнь, — это не будет жизнью. Вечно под надзором, под недреманным оком проклятой ЧК. Унижения, просьбы, сухой хлеб — пока его все-таки не обнаружат те, кто охотился за Ростиславом еще в Иркутске. Едва ли Венцлав будет соблюдать обещания, даваемые бывшим фельдшером, который пытается изобразить из себя большевистского Ланцелота.

Десятеро решили уходить к морю. Даже если последний пароход уйдет без них, остаются шлюпки, лодки, шланды контрабандистов. В подкладке френча был надежно зашит Камень Спасения. Арцеулов надеялся, что сумеет до-

говориться с пронырливыми греками. Но даже если осеннее бурное море обманет, что ж — лучше смерть в пучине, чем у кирпичной стенки...

Патронов было мало, еще хуже оказалось с продуктами. В горячке эвакуации никто не подумал бросить в вещевой мешок хотя бы несколько банок американских мясных консервов. Пройдя сутки по узким горным тропам, поливаемым непрерывным холодным дождем, решили рискнуть и заглянуть в попавшуюся по пути татарскую деревню. Им повезло: молодежь ушла с оружием в горы, а старики — со страху или действительно сочувствуя — накормили беглецов и предоставили ночлег...

Это была действительно удача, но уже последняя. От гостеприимных хозяев Арцеулов узнал, что все окрестные дороги перекрыты «зелеными» из отряда беглого капитана Макарова. Ростислав зло выругался: Пашка Макаров, которого он и всерьез не принимал, оказался-таки предателем и сволочью. Но хуже всего, что за оружие почти поголовно взялись татары — похоже, красная чума добралась и до них.

Отряд прошел еще сутки, плутая по пастушеским тропам Второй Крымской гряды. Дождь не переставал, люди выбились из последних сил, и Арцеулов приказал свернуть к небольшой деревеньке, мирно спавшей в седловине между двумя угрюмыми, поросшими лесом вершинами.

Отряд подпустили к самым домам, а затем встретили кинжальным огнем. Обложили грамотно: пули летели со всех сторон, а враг оставался невидимым за густыми зарослями и плотными стенами татарских мазанок. Бой был проигран сразу, оставалось одно — не даваться живыми.

Наверно, бог все-таки вспомнил о рабе своем Ростиславе. Арцеулов ушел — единственный, унося смертельно раненного товарища, молоденького прапорщика, взятого в армию в последнюю мобилизацию. Он тащил его несколько километров, наугад, почти в полной темноте. Погоня отстала. Они оказались где-то в непроходимых дебрях между мокрых, залитых дождем скал, равнодушно вззирающих сквозь ночную тьму на двух загнанных, словно затравленные волки, людей.

Прапорщик умирал. Не было даже бинта, чтобы перевязать рану. Под утро он затих. Арцеулов оставил тело возле

высокой меловой скалы. Рыть могилу в промокнувшей земле было нечем. Тут же он оставил ненужный карабин: патроны давно кончились.

И вот настал момент, когда можно не спешить и подумать. Его последняя война проиграна. Он не смог спасти доверившихся ему товарищей. Это был конец, занавес упал, но оставался еще один, хотя и маловажный, вопрос — его собственная судьба...

Над седыми скалами вставал блеклый холодный день. Дождь на время перестал, но все: шинель, фуражка, вещевой мешок, — было насквозь мокрым. Ростислав был голоден, без сил, а в револьвере оставались три патрона: два для врага, а третий — по собственному адресу. Имелся еще нож, годившийся, чтобы вскрывать консервы или всадить его в горло врагу. Но консервов не было, а краснопузые едва ли подпустят его ближе, чем на винтовочный выстрел.

Да, можно было не спешить. Последние пароходы уже отплыли из Севастополя и Феодосии. Арцеулова сочтут пропавшим без вести и, может, помянут за невеселой попойкой где-нибудь в Стамбуле. Но Ростислав был жив. Жив — и упорно, вопреки всякой логике, не желал умирать.

Логика подсказывала достойный выход — найти ближайший пост краснопузых и выпустить две оставшиеся пули, желательно получше прицелившись. А там — третью по назначению, и его война будет окончательно завершена, как он и предполагал уже очень давно, в занесенном снегами Нижнеудинске.

Подполковник Арцеулов довоевал до конца. Июль, август, сентябрь, октябрь — месяцы растянулись в целую жизнь. Он прослужил честно, хотя и не совсем так, как хотел.

В бой больше не посылали. Барон усадил Ростислава за бумажную работу. Дело оказалось скучное, но тоже необходимое, тем более что ему, списанному по инвалидности, было не до жалоб. Ростислав составлял приказы, редактировал сводки, проверял отчеты. Наверно, он старался, поскольку даже штабные крысы оценили его, и в начале августа нежданно-негаданно Арцеулов получил приказ отправиться в Варну. Генерал Драгомиров собирался туда с сек-

ретной миссией по организации доставки боеприпасов и брал Арцеулова с собой.

В Варне — заштатном порту, где было больше греков и турок, чем болгар, — работы оказалось немного. Драгомиров проводил узкие совещания с представителями союзников и болгарских властей, а Ростислав на время оказался почти не у дел. Деньги были, но ресторанный загул не манил, и Арцеулов начал с неожиданного — отправился в городскую библиотеку. Нейтральные болгары аккуратно получали через Швецию большевистскую прессу, и Ростислав, чувствуя легкие угрызения совести, углубился в чтение свежей подшивки «Известий».

Жизнь в Большевизии, в пролетарском раю с бесплатной воблой по карточкам, интересовала мало. Он искал корреспонденции с фронта — и поражался: бои в Таврии, похоже, мало волновали комиссаров. Их больше интересовала Польша, где красный клин упорно прорывался к Варшаве. О Врангеле писали походя и все больше — с иронией. Барон и его Русская армия были уже, похоже, списаны в расход.

Арцеулов морщился от тараканьих виршей Демьяна Бедного, но упорно продолжал поиск. Он знал, что ищет. Терпение было вознаграждено: в номере за 30 июля глаза сразу же наткнулись на большую статью «Герои Южного фронта». Мелькнуло знакомое название — полк имени Парижской Коммуны. Номера, естественно, не было — по давней репортерской традиции он именовался «Н-ским».

Репортер свое дело знал. Арцеулов сумел удостовериться, что бойцы славного полка бодры, веселы и полны решимости добить до конца белую гидру, напрасно бряцающую ржавым оружием, полученным от мирового капитала. Это подтверждал и командир — гроза белых, пламенный большевик Степан Косухин, чей полк стал кошмаром для лучших частей недобитого воинства «Черного Барона».

...Ростислав отложил подшивку и несколько минут сидел, не открывая уставших от чтения глаз. Итак, Степан жив. Газета сказала ему и другое: краснопузому пока ничего не грозит, — иначе бойкие писаки не стали бы прославлять зазнавшегося «красного орла» на всю Совдепию. Итак, Косухин жив, и его оставили в покое. Большого покуда и не требовалось.

Арцеулов дал телеграмму в Париж Валуженичу, сообщив, что пробудет в Варне еще несколько дней. Ответ пришел быстро, но телеграмма была не от Тэда. Шарль Карно, о котором Ростислав знал из письма Валуженича и рассказов Степы, изъявил готовность немедленно приехать, а заодно сообщил свой адрес. Тэда в Париже не было: американец отправился на летние вакации в Абердин, к своему уважаемому родителю...

На следующее утро Арцеулов отправился в ближайший фотосалон. Потемневшие дощечки с непонятными знаками были с собой: Ростислав предпочел не расставаться с ними. В фотосалоне удивились, но все же выполнили заказ. Фотографии вместе с тщательно упакованными стеклянными негативами он отослал в Париж. К посылке прилагалось письмо для Тэда: Арцеулов просил в течение года не распечатывать пакет. Если до августа 21-го он не появится в Париже, Валуженич вправе поступить с наследством по своему усмотрению. Дотошный Ростислав написал коротенькую справку, указав адрес находки и фамилию владельца — старого Вейсбаха. Велик соблазн был просто отправить Тэду оригиналы, избавившись на время от беспокойств за свою находку. Но, подумав, Ростислав не решился. Почта могла что-то напутать, к тому же таблички доверены именно ему...

За день до отплытия в Крым он получил еще одну телеграмму. Карно извещал о получении посылки, желал скорейшей демобилизации и передавал поклон от Натальи Федоровны Берг. Арцеулов знал: Наташа не помнит его. Девушке о Ростиславе рассказали, и заочный поклон был лишь данью вежливости. Но все же на душе стало легче: Наташа жива и — в безопасности...

Пожелание скорейшей демобилизации немного задело. Он слышал подобное не в первый раз. В Варне было достаточно его благоразумных соотечественников, избравших горькую, но безопасную долю эмигрантов. Конечно, незнакомый ему французский аспирант был по-своему прав. Война шла к концу. Части Русской армии завязли у Каховки, где красный генерал Блюхер жег из огнеметов белые танки; бывший поручик Уборевич удерживал Донбасс, а с севера катились одна за другой свежие красные дивизии. Но о демобилизации думать не просто рано — рассуждать о подобном было стыдно. Ростислав вернулся в Крым, даже

не пожелав обсуждать заманчивое предложение — место учителя гимнастики в одной из варненских школ.

В Джанкое его ждало известие, на которое он уже и не надеялся. Виктор Ухтомский сумел добраться на шаланде от самой грузинской границы до Феодосии. Правда, увидеться не удалось: князь тут же уехал на фронт, в дивизию Антошки Тургула, штурмовавшую в эти дни Каховку. Виктор оставил в штабе короткое письмо, сообщая, что жив-здоров, получил наконец штабс-капитана и заодно представлен к ордену Святого Николая. Письмо кончалось надеждой на скорую встречу — если не в Столице, то в освобожденной Каховке.

Прочитав послание Виктора, Арцеулов невольно улыбнулся. Князь, которому скоро должно было исполниться двадцать, еще придавал значение чинам, орденам и прочей мишуре. Впрочем, Ухтомский происходил из семьи потомственных военных, так что эту странность вполне можно понять. Сам Арцеулов тоже умудрился получить орден Св. Николая — маленький крест из серого железа на Георгиевской ленте. Барон наградил его за Александровск: Антошка все-таки не удержался, чтобы не подать рапорт.

Он надеялся съездить в Дроздовскую дивизию в первых числах сентября. Повод был: под Каховкой вновь разгорелись безнадежные бои. Барон, узнав в чем дело, обещал отправить его к Тургулу пятого, но уже третьего сентября Антошка сообщил по «Бодо», что штабс-капитан Ухтомский пропал без вести во время ночного боя на окраине города...

...В этот вечер, впервые за много недель, Ростислав напился. Вернее, он попытался, но голова оставалась ясной, только в ушах шумело, и откуда-то издали доносились знакомые слова...

«...Меня ты не найдешь. Тебе скажут, что я пропал без вести под Каховкой. Это будет через полгода...»

Давний сон сбывся. Виктора больше нет. Что такое «пропасть без вести» в ночном бою, Арцеулов знал. Впрочем, даже попади Ухтомский в плен, шансов у потомка древнего рода мало — разве что возможность самому выбрать подходящую стенку.

Тогда, во сне, он услышал и другое: Виктор обещал встрече — очень нескоро. Да, они встретятся, если там, куда им всем предстоит попасть, за светящимся золотистым туманом, они смогут узнать друг друга...

Теперь не осталось никого. Молодые офицеры, спешившие в ноябре проклятого 17-го в Ростов под знамена Алексева и Корнилова, выполнили свой долг до конца. Уцелел лишь он, бесполезный инвалид, которому предсказаны долгие бесполезные годы на чужбине. Впрочем, у него тоже был выход. Крымская трагедия шла к финалу, и он обязан доиграть до конца.

И вот, когда конец наступил, когда оставалось выйти к ближайшему красному патрулю и поставить точку, Ростиславу бешено захотелось жить. Логике не было — просто не хотелось умирать. Пусть впереди нет ничего, кроме прозябания под парижскими каштанами, — пусть! Он не хотел стынуть здесь, под холодным небом отвергнувшей его родины. Может, Ростислав был просто еще молод. А может, краешком сознания помнил о том, что лежит у него в вещевом мешке, и о встрече, которую обещал красному командиру Косухину. Его война не кончилась! Крым сдан, но остались непрочитанными потемневшие таблички, осталась тайна камня — и по-прежнему возвышалась среди ледяных гор черная громада Шекар-Гомпа...

Продуктов не было. В последнем бою Арцеулов потерял полевую сумку с бесполезными штабными бумагами и бесценной картой, специально взятой ради подобного форс-мажора. Эвэр-бурэ, подарок командира Джора, уцелел чудом. Перед эвакуацией Ростислав решил освободить место в сумке для бумаг и прикрепил рог к поясу.

Компаса не было, но юг Арцеулов определил быстро. Надо выйти к морю и ждать случая. Перед тем как продолжить путь, Ростислав сжег документы и забросил в ручей железный крестик с изображением Святого Николая. Погоны он оставил. Покуда он был в форме, сохранялась иллюзия, что Ростислав все еще солдат и война не кончилась...

Приходилось идти ночами: днем на тропинке легко встретить врага. То и дело рядом гремели выстрелы, вероятно, бандиты Пашки Макарова добивали какого-то бедолагу. Оставалось прятаться, часами пережидать в сырых, промозглых ущельях, в заброшенных убежищах для овец, вырубленных в скалах. Несколько раз Ростислав сбивался с пути, кружил, но каждый раз вновь и вновь находил дорогу.

В первый день его мучил голод, но потом наступило

странное оцепенение. Холод был страшнее: ноябрьские ночи выматывали, а мокрые дрова не позволяли разжечь спасительный костер. И все-таки Ростислав шел. На третий день тропинка вывела к гигантскому склону. Это была Первая Крымская гряда, а за ней — море.

В тот вечер удалось поесть. Встреченные у подножия пастухи без слов поделились скудным ужином. От них удалось узнать, что за горой действительно море. Он находился между Судаком и Алуштой, а на противоположном склоне горы стояла маленькая татарская деревенька, обычно пустовавшая в осенние месяцы. Но сейчас там былолюдно. Отряд «зеленых» уже третий день навязывал мирным татарам свое непрошеное присутствие.

Выбирать не приходилось. Арцеулов начал подъем. Тропинка вилась по склону, неторопливо взбираясь к голой безлесной вершине. Донимал холод, ветер сбивал с ног, но Ростислав шел, стараясь не думать ни о чем, кроме вершины, до которой следовало дойти. Он часто вспоминал краснопузого Степу. Тот шел по ледяной тайге, ночуя в снегу и спасаясь остатками спирта. Странная, нелепая мысль то и дело посещала Арцеулова. Вместе с Косухиным ему было бы легче. Интересно, согласился бы командир победоносной «рачьей и собачьей» сопровождать беглого врангелевца к спасительному морю?

На вершину Ростислав поднялся в полдень. Темное, страшное море бушевало далеко.внизу, но даже сюда ветер доносил мелкие капли влаги. До самого горизонта не было видно ничего, кроме бурлящей пучины. Корабли ушли. Он остался один...

Спускаться приходилось осторожно. Ноги скользили по раскисшей земле, острые ветви норовили ударить прямо по лицу, но куда опасней то, что доносилось снизу. Голоса. Там были люди, и наивно думать, что это мирные пастухи.

Ростислав добрался почти до самой дороги, шедшей вдоль моря. Он уже видел ее сквозь деревья — узкую, в следах повозок, но не спешил выходить из густого леса. Внизу то и дело проходили люди, и почти у всех за спинами торчали винтовки. Они шли на восток, к той самой деревне, о которой говорили пастухи. Значит, на еду и теплый ночлег рассчитывать нечего.

Стемнело. Дорога опустела, и Арцеулов решился. Он прикинул, что надо идти на запад, к Алуште. Может, по до-

роге он встретит таких же, как и он, беглецов. Вместе они поищут лодку. А дальше — как повезет...

...Под ногами чавкала грязь. Он прошел чуть больше километра и почувствовал, что силы на исходе. Ростислав шел уже несколько дней. Даже странно, что он смог добраться так далеко. Но теперь, когда все тело ныло, умоляя об отдыхе, ноги переставали слушаться, а во рту скопилась горькая слюна, — следовало отдохнуть. Все равно где, пусть прямо здесь, возле пустой дороги. Ростислав понимал, что если не поспит несколько часов, то просто упадет и больше не встанет.

Осторожность, все еще не оставлявшая его, заставила выбрать, как казалось, надежное убежище — маленькую полянку в лесу, надежно прикрытую со стороны дороги густым кустарником. Арцеулов накрылся шинелью, положил под голову вещевой мешок и провалился в черное, без сновидений, забытье.

...Резкий толчок. Его ударили прикладом, но боли Ростислав даже не почувствовал. Рука привычно рванулась к кобуре — пусто. Те, кто пришел за ним, тоже кое-чему научились за эти годы.

Не хотелось даже открывать глаза, но еще один, на этот раз ошутимый, удар заставил подняться.

Их было трое — не красноармейцы, а обыкновенные бандиты, «зеленые», в невыразимо грязных шинелях без ремней, с обязательными красными лентами на шапках. Ночной сумрак не позволял разглядеть лиц, да это было и не важно.

— Вставай, кадет, выспался! — В голосе не было злости. Очевидно, он не первый, и кровавый энтузиазм уже успел остыть.

Арцеулов встал. В грудь целились дула винтовок.

— Офицер?

Он даже не стал отвечать. Кто-то дернул за плечо, взглянул на погоны.

— Подполковник. В штаб, товарищи?

«Товарищи» стали переговариваться. Идея, похоже, не пришлась по душе.

— Если б генерал!.. Таких, как этот, уже полон сарай...

Арцеулова не обыскивали, только забрали нож и ткну-

ли прикладом в вещевой мешок. Пленный подполковник мало интересовал победителей.

— Да ну его, — рассудил старший. — Все одно — контра!

— Так что, к Духонину?

— К Духонину!

Что такое «отправить в штаб к Духонину», Арцеулов знал без перевода.

Его вытолкали прикладами на дорогу и поставили у обочины, спиной к бушующему морю.

— Молись, офицер, — предложил старший. — Минута тебе...

Молитва не шла на ум. Исчезла ненависть, не было даже отчаяния. Жажда жизни, которая вела его эти дни, казалось, сгинула без следа. Ростислав чувствовал одно — усталость. Внезапно суетная мысль посетила его. Арцеулов понял, что очень хочет курить: последняя папироса выкурена три дня назад.

— Господа, у вас не будет махорки? — Слова вырвались сами собой, и Ростислав тут же пожалел о них. Но просьба была воспринята как нечто вполне естественное. Кто-то полез в карман шинели, затем повстанцы переглянулись.

— Не повезло тебе, подполковник. Скурили! — Слова прозвучали виновато, не чувствовалось ни «классовой ненависти», ни даже просто злобы к врагу. Эти трое выполняли работу — добросовестно и честно. В памяти промелькнули слова Косухина: «Пленных не будет»...

— Баста! — решил старший. — Долго возимся. Нам еще до Пастушьей Крепости все прочесать надо.

Последние слова явно предназначались для пленного. Ему пояснили причину излишней торопливости. Работы много, Красный Крым предстояло еще чистить и чистить...

«Как просто! — мелькнуло в сознании. — Это даже не мясники. Просто ходят, травят крыс...»

Ростислав слышал, что перед смертью его товарищи держали себя героями. Но здесь не перед кем выкрикивать лозунги и петь: «Смело, корниловцы, в ногу!» Палачи были скучны, и его, Арцеулова, смерть будет тоже другой, не такой, как у остальных. Война кончилась, ушла страсть, наступили серые будни «чисток». Ему придется умирать уже в новую эпоху.

Одному из повстанцев пришлось перезаряжать винтовку, что заняло еще пару минут. За это время Арцеулов не

много пришел в себя. Стало стыдно: годом раньше он просто прыгнул бы на винтовки и утащил с собою минимум одного. Но сил не было: что-то иссякло в душе. Он смирился. Не будет Парижа, он не встретит Тэда, не разыщет краснопузого Степу, не увидит трехцветные флаги над Столицей... Значит, судьба. Там его тоже ждут: ребята из его взвода, Виктор Ухтомский, профессор Семирадский, с которым он так и не доспорил... Там ждала Ксения...

— Что вы тянете, сволочи! — произнес он еле слышно, но палачи, похоже, услышали. Медленно, словно неохотно, стволы винтовок начали приподниматься...

И тут Арцеулову стало не по себе. Что-то не так! Он забыл нечто важное! Он не должен сдаваться без боя! Оружия нет, сил не оставалось, но есть что-то еще...

— Рог Гэсэра... — Ростислав проговорил это вслух, в словах кипела горечь. — Рог Гэсэра...

Убийцы удивленно переглянулись. Старший секунду подумал и положил палец на курок. Резкий свист... Арцеулов невольно сжался, по привычное ухо отметило: это не пуля. Ростислав даже не успел удивиться, как один из повстанцев уже медленно валился на землю, в спине его торчала короткая черная стрела.

Оставшиеся среагировали мгновенно, но успели лишь обернуться. Снова свист, короткий стон — и перед Арцеуловым в растоптанной дорожной грязи лежали трупы. Те, что пришли чистить берег от белой заразы, так и не смогли выполнить свою работу. Второму стрела пробила грудь, а старшему вошла в горло. Стрелы были странные. Сознание отметило это автоматически и так же, сам собою, пришел ответ:

— Арбалетные. Их называют «болты»...

Оставалось ждать четвертую — себе. Но берег был тих, лишь кипящие волны накатывались на привыкший ко всему серый песок. Арцеулов глубоко вздохнул и поднял с земли винтовку.

Вдали послышался конский топот. Скакали с запада, с противоположной от красного гнезда стороны. Ростислав замер и стал ждать. Если это враги — он встретит их стоя...

Темные силуэты казались едва различимыми в ночном сумраке, но что-то необычное было в этих молчаливых всадниках.

Каски! Он не очень удивился, но каски — скорее шлемы — были странные: приплюснутые с верха, с широкими

стальными полями. За плечами ехавших висело оружие, но не привычные глазу карабины. Кавалькада приближалась, и Ростислав, уже не удивляясь, машинально отметил:

«Арбалеты... Что ж, удобно...»

Арбалетчики ехали плотной колонной, по трое в ряд. Их было не меньше взвода. На солдатах были не только каски, но и кирасы, во всяком случае, нечто, похожее на них. Впереди скакал командир — без шлема, в заломленном на ухо берете. Отряд несясь рысью, казалось, не обращая внимания на одинокую фигуру у дороги. Но внезапно первый всадник поднял руку и рванул удила. Молча, без обычного ржания, конь замер в двух шагах от места, где стоял Арцеулов. Всадники отреагировали мгновенно — перед Ростиславом словно выросла странная скульптурная группа.

Предводитель даже в седле казался высоким, куда выше среднего роста. На нем был широкий плащ, у пояса висела шпага — или узкий меч. На почти не различимом в сумраке лице темнела короткая бородка. Всадник бросил взгляд на замерших в седлах арбалетчиков, затем резко обернулся к Ростиславу:

— Почему ты так поздно позвал нас? Или брезгуешь нашей подмогой?

Неизвестный говорил не по-русски, но слова, произнесенные на незнакомом певучем языке, сразу же становились понятны. Арцеулов воспринял это спокойно: после Тибета такое уже не удивляло.

— Я Чезаре ди Гуаско — благородный рыцарь из славного города Генуи, властелин Пастушьего замка и Арпатского леса, гроза Алустана и всей Готии. Это мои верные слуги, а земля, на которой ты стоишь, — моя земля...

Странная пышная фраза не удивила. Поразил тон — холодный, гордый и несколько снисходительный. Так обращаются к тому, кому оказали великую милость. Впрочем, в этом господин ди Гуаско прав.

— Подполковник Арцеулов! — Привычные слова вернули бодрость. Ростислав внезапно ощутил стыд: вид у него, кадрового офицера, был словно у мокрой вороны.

— Откуда у тебя этот рог, Арцеулов?

В тоне по-прежнему слышалось превосходство, но всадник был явно удивлен.

Безразличие уходило. Арцеулов почувствовал острый интерес. Выходит, не надо даже трубить в эвэр-бурэ!..

— Мне дал его командир Джор, Джор-баши. Мы встретились с ним в Западном Китае...

Не меньше минуты чернобородый молчал, а когда заговорил, тон стал совершенно иным — почтительным и немного испуганным:

— Сеньор, вы хотите сказать... Если я правильно понял, рог передал вам сам Рыцарь Востока? Вы с ним знакомы?

— Джор-баши помог мне, — Арцеулов чуть заметно пожал плечами. — Я ему очень признателен. Извините, не успел поблагодарить вас.

— Джор... — негромко повторил ди Гуаско. — Он даже назвал вам свое имя... Моя услуга невелика, сеньор. Все мы лишь тени Рыцаря Востока... Но я невежлив. Вы желаете о чем-либо спросить?

— Мне, наверно, полагалось бы удивиться, — улыбнулся Ростислав. — Но я очень устал...

— Ни слова больше! — Гуаско махнул рукой, и от кавадькады отделился один из всадников, ведя на поводу коня. — Прошу вас, поспешим в замок...

Замок... Арцеулов вновь улыбнулся. Это прозвучало так естественно, словно они находились не в крымской глуши, а где-нибудь возле славного города Генуи...

Между тем ди Гуаско вновь махнул рукой, и тут из-за деревьев, росших вдоль дороги, молча выступило несколько арбалетчиков в таких же шлемах, панцирях и стальных наколенниках. Двое держали на поводу лошадей.

Значит, вот кто его спасители! Они были тут — и ждали. Ждали, пока он позовет на помощь. Все это казалось невероятным — всадники в латах, арбалеты, сеньор ди Гуаско из Генуи, — но Арцеулов уже понял: рог Гэсэр-хана вызывает весьма странных помощников.

Ростислав с трудом взобрался в седло. Тело ныло, отказываясь повиноваться, но требовалось продержаться — хотя бы еще полчаса. Похоже, ему снова повезло...

Отряд проехал немного вперед и развернулся на небольшой поляне. Чернобородый по-прежнему ехал впереди. Арцеулов пристроился рядом, стараясь крепче держаться в седле. Конь, который ему достался, был норовистым и абсолютно черным. Ростиславу даже показалось, что все кони в отряде одной, вороньего крыла, масти, но, может, ночной сумрак обманул его.

— Как ваше имя, сеньор? — Гуаско пустил коня рысью, знаком велел солдатам ехать следом.

— Ростислав...

— Древнее имя. Рустэ-слейф... Вы родом из северных рыцарей?

— Всю жизнь считал себя россиянином, — пожал плечами Арцеулов. — Разве что татары в родне сыщутся...

— Вы все забыли, беспамятные дети великих отцов. То, что было нашей славой, для вас лишь отзвук легенды...

Арцеулов не стал спорить. В чем-то его странный спаситель прав.

— Еще в Генуе я знал одного колдуна. Его так и звали — Луиджи Дьявол. Он говорил, что в нем течет иная кровь — не людская. Луиджи поведал, что Творец — или тот, кто противостоит Ему — наложил на людей заклятье — заклятье беспамятства. Лишь немногие помнят все. И они способны властвовать... Он был хороший колдун, Луиджи. Его сожгли — на городском рынке...

Арцеулов вспомнил Италию — веселую, немного суматошную страну, казавшуюся в прежние годы оазисом свободы и демократии по сравнению с сумрачной Россией.

— Господин ди Гуаско, — нерешительно начал он. — Давайте все-таки договоримся, в каком веке мы живем.

— Вы — в двадцатом. Я — когда захочу! — Ответ прозвучал гордо, но Ростислав не сдался:

— Вы хотите сказать, что повелеваете временем?

— Нет, — по губам ди Гуаско скользнула еле заметная в темноте усмешка. — Но я заключил с ним договор. Или, может, сеньор Ростислав, вы принимаете меня за призрака? Говорят, в ваши дни принято верить в подобную чушь.

Ростислав усмехнулся в ответ:

— Вообще-то принято. Но, посудите сами, господин ди Гуаско: ночь, арбалетчики на черных конях и вы, рыцарь из Генуи. А ведь сейчас — ноябрь 20-го...

— Вы — рабы песчинок, падающих в песочных часах. Вам легче поверить в сказку, которую приятно рассказать дамам после ужина, чем заглянуть в глаза истине... Вас смущают мои арбалетчики? Но я смог помочь вам и без пулемета системы «Гочкис». Впрочем, из него тоже мои люди стреляют неплохо.

— Я не о том...

— Я понял, сеньор, — Гуаско покачал головой. — Вас смущает то, что сейчас ноябрь 20-го... Знаете, вы бы очень удивились, узнай, какой день сегодня на моем календаре. Не уверен, понимаете ли вы меня...

— Понимаю, — Ростислав подумал о другом. — Хотя и не знаю итальянского.

— Хорошо, что хоть это вас не удивляет. Этому нехитрому фокусу меня научили в Генуе. В чужой земле подобное бывает полезно...

Арцеулов вспомнил о серебряной чаше, в которой кипела переливающаяся красками жидкость. Сома дэви... Интересно, как научился этому «нехитрому фокусу» сеньор Гуаско?

— Итак, мы понимаем друг друга. Но вас смущает календарь. Что ж, постараюсь объяснить... Раньше я жил в Генуе, куда чернь не сожгла наш фамильный замок. Мы с братом отплыли в Тавриду. Но я могу вернуться в Геную или поехать куда-нибудь еще. Вы же привязаны к тому месту, где родились, и вам кажется, что нельзя покинуть свое время, как невозможно тем, кто не умеет ходить, уехать из своего города...

В другое время Ростислав постарался бы расспросить рыцаря: о подобном слышать еще не доводилось. Интересно все же, какой день на его календаре? Но сейчас рассуждать не тянуло. Арцеулов с трудом держался в седле. От каждого толчка тело начинало ныть, и сознание почти отказывалось фиксировать происходящее. Дорога шла над морем, справа темнели крутые, поросшие лесом склоны, тишину нарушало лишь беспокойное море да негромкий стук копыт.

Дорога сделала поворот, стена гор резко отступила вправо, и взорам открылась долина. За ней возвышалась огромная гора, далеко уходящая в море.

— Замок ди Гуаско. Его называют Пастушьей Крепостью... — рука в бархатной перчатке указала в сторону вершины. Ростислав увидел черный силуэт полуразвалившейся башни. Ну конечно! Он вспомнил карту: Чабан-Кермен, Пастушья Крепость! Теперь он знал, где находится. Алушта за мысом, верстах в тридцати, если считать по прямой...

Отряд свернул направо и углубился в густой лес. Гуаско уверенно ехал впереди, находя затерявшуюся в густой темноте дорогу. Та шла вверх, затем спустилась в лощину и наконец вновь круто пошла в гору. Лошади перешли на шаг. Стена леса оборвалась, и всадники выехали на голую, поросшую невысоким кустарником вершину. Здесь было заметно прохладнее, чем внизу. По темному небу одна за другой неслись тяжелые тучи, вдалеке шумела пучина, а впереди темнели старые, поросшие кустарником руины...

Замка не было. Время и люди разрушили его. Жалкие остатки стен едва угадывались в траве, только одна из башен — огромный, сложенный из грубо околотога сланца донжон — возвышалась на самой вершине. Черные окна были пусты: люди давно покинули мертвую крепость...

Несмотря на усталость, Арцеулов ощутил легкое разочарование. Он часто видел в Крыму такие развалины. Ничего удивительного, что чернобородый Гуаско устроил здесь стоянку своего отряда. Но все же Ростислав надеялся на что-то иное...

Нет, временем повелевать нельзя. С ним невозможно договориться — рухнут самые прочные стены, навеки погаснут окна, и там, где шумела пиршественная зала, вырастет чертополох...

Казалось, ди Гуаско понимал, о чем думает его гость. Чернобородое лицо скривилось в усмешке:

— Вы, кажется, принимаете меня за шутника, сеньор Ростислав. Я обещал вам хоромы, а привел на пепелище. Но не спешите. Мы еще не приехали...

Ростислав почему-то представил себе вырубленные глубоко в скале подземные казематы, где таинственный генуэзец устроил себе убежище. Цезаре невозмутимо держал путь прямо туда, где среди редкого кустарника еле угадывались остатки того, что когда-то было воротами...

— Держитесь рядом со мной, — предупреждение прозвучало серьезно. Ростислав кивнул и ударил черного коня каблуком. Теперь он ехал бок о бок с генуэзцем.

— Хорошо, — кивнул тот. — Сейчас вы поймете, в чем дело... Ну что, сеньор Ростислав, вы готовы вступить в мои владения, чтобы отдохнуть среди развалин? — В голосе звучал непонятный Арцеулову сарказм.

В иное время Ростислав не преминул бы ответить что-либо подобающее, но сейчас было не до остроумия. Он уже был готов согласно кивнуть, и вдруг запоздалая мысль отрезвила его, заставив дернуть за поводья. Деревянные таблички! Они остались там, на берегу, в вещевом мешке! Он даже не вспомнил о них!

— Господин ди Гуаско... — возвращаться смертельно не хотелось, но иного выхода не было. — Я... Мне надо назад. Я кое-что забыл...

— Вот так? — Взгляд темных глаз стал жестким и полным любопытства. — Наверное, вы забыли что-то очень

ценное, если сумели об этом вспомнить в такую минуту... Но не волнуйтесь.

Он обернулся, сделав короткий жест рукой. Один из арбалетчиков тут же подъехал к ним. Молчаливо поклонившись, он передал Ростиславу его вещи: не только мешок, но и револьвер, нож и даже пустой карабин одного из повстанцев. Арцеулов поблагодарил, но Гуаско лишь дернул подбородком:

— Не стоит и вспоминать. Впрочем, благодаря такой мелочи я сумел узнать кое-что важное. Мы еще поговорим об этом. А сейчас — вперед! Добро пожаловать в Пастушью Крепость — замок ди Гуаско!

И в ту же секунду загремели трубы. Звук шел словно ниоткуда — от мертвых камней, поросших травой и кустарником. Арцеулов вздрогнул, но генуэзец уже тронул коня шпорой. Копыта переступили почти неразличимую черту, когда-то бывшую границей замковых стен.

В глаза ударил яркий неровный свет факелов. Руины исчезли, исчезло ночное море на горизонте. Вокруг был камень — и лишь узкий проход с низкими гулкими сводами, по которому с трудом могли проехать двое. Кони спокойно продолжали путь, но Ростислав невольно отшатнулся. Он понял, почему Гуаско советовал ехать рядом.

Арцеулов оглянулся: отряд въезжал в проход, сзади чернело что-то похожее на глубокий ров.

— Мы под надвратной башней, — спокойно пояснил Гуаско. — Здесь узко, и когда мы ступили на мостик, я просил вас ехать поблизости. Неудобно, зато здесь можно задержать целую армию.

— Да, — выдавил из себя Арцеулов, — маскировка исключительная...

Чернобородый расхохотался — громко и весело:

— Вперед, сеньор Ростислав! Как вы это назвали? Маскировка?

Ростислав лишь вздохнул: к подобному он был все же не готов. Проход, освещенный факелами, кончился, они выезжали на площадку — туда, где их должны встретить поросшие травой руины и одинокий силуэт обезглавленной мертвой башни...

Руин не было — копыта звонко ударили о вымощенный камнями двор. Яркий свет факелов упал на мощный квад-

рат высоких стен, сложенных из тщательно подогнанных блоков. По углам возвышались зубчатые башенки, а впереди высился донжон — огромный, раза в два выше, чем казался раньше. В окнах горел свет, а перед входом ровными рядами выстроились арбалетчики в черных латах и слуги в пестрых ливреях. Вновь загрели трубы. Дверь — высокая, окованная железом — отворилась, и на каменное крыльцо выступили двое юных пажей. Вслед за ними из дверей вышел высокий молодой человек в ярких, странных одеждах, безбородый, в маленькой круглой шапочке. Золотистые волосы вились по плечам, юное лицо с любопытством смотрело на прибывших.

«Все-таки брежу... — Арцеулов закусил губу. — Нет, не брежу! Ладно, разберемся...»

Золотоволосый красавец сошел со ступеней и склонил голову. Чезаре ловко спрыгнул с коня, бросив поводья подскочившему пажу, и обернулся к Ростиславу:

— Мы дома, сеньор... Здравствуй, Гонзальво!

Последнее относилось к молодому человеку. Тот поднял голову и улыбнулся:

— Здравствуй, Чезаре! Ты привез гостя?

Арцеулов неловко слез с коня, чуть не упав: силы были на исходе. Но надо держаться... Итак, еще один итальянец — на этот раз Гонзальво...

— Мой вассал и верный друг сеньор Гонзальво ди Гуаско!

Молодой человек вновь улыбнулся и подал Арцеулову узкую холеную руку.

— Нашего гостя зовут Ростислав, — продолжал Чезаре. — Его прислал к нам Рыцарь Востока...

На юном лице младшего брата мелькнул испуг:

— Сеньор Ростислав... Брат... Мы чем-то провинились перед Покорителем Гор?

Чезаре рассмеялся и повернулся к Арцеулову:

— Видите, сеньор, у вас грозный покровитель!.. Нет, Гонзальво, сеньор Ростислав — просто гость.

— Мы рады гостям. Жаль, что они появляются так редко...

— Не задерживай нас, — нетерпеливо махнул перчаткой Чезаре. — Сеньор Ростислав устал. Все разговоры — потом...

Действительно, Арцеулов держался из последних сил. Глаза еще видели, но сознание отказывалось фиксировать

происходящее. Перед ним оказался коридор, ярко освещенный, но не факелами, а странными чадящими лампами. Доспехи на стенах, застывшие слуги в пышных ливреях... Наверно, его шатнуло, потому что кто-то подхватил его под локти и, вежливо поддерживая, повел куда-то вперед.

— Сначала выпитесь, — донесся повелительный, но с оттенком явного сочувствия голос хозяина. — Но все-таки советую что-нибудь поесть... Спокойной ночи, сеньор Ростислав...

Его перевели через порог. Ростислав еще успел заметить пышный балдахин, завешанные гобеленами стены — и тут пол стал уходить из-под ног. Он почувствовал что-то мягкое под щекой, вздохнул — и провалился в глубокое, темное беспмятство...

...Снов не было, но Ростислав знал, что спит. Казалось, это длится вечность, он даже успел испугаться, что не сумеет проснуться. Но вечность все же кончилась. Разбудил голод, странное ощущение пустоты во всем теле и ноющая боль под сердцем.

В первую же секунду Арцеулов сообразил: кое-что изменилось. Как ни вымотали его последние дни, память все же работала. Он хорошо помнил, что упал на кровать, как был — в мокрой грязной шинели и сапогах. Но теперь на нем не было ничего, кроме ночной шелковой рубашки и странного колпака на голове. Вокруг стояла тьма. Он удивился, затем испугался и лишь потом сообразил. Балдахин, накрывавший кровать, словно шатер! Стало весело и немного неловко. Значит, так жили — вернее, живут — господа благородные рыцари! Что ж, удобно. То-то бы высказался краснопузый Степа!

Ему даже не дали самому умыться. Молчаливые слуги принесли серебряный таз, подали широкие, с вышивкой, полотенца, а затем облачили — иного слова Арцеулов подобрать не мог — в нечто странное: рубашка с широкими рукавами, штаны, похожие на шаровары, пояс, узкие, с длинными носами башмаки. Все это — цветное, шитое чем-то блестящим. Чувство неловкости усилилось, и Арцеулов вновь вспомнил непримиримого Степу.

Завтрак принесли в комнату — и тоже на серебряном подносе. Впрочем, ни поднос, ни даже сами блюда его не интересовали. Ростислав глотал все подряд, запивая чем-то

теплым, пахнущим мускусом, из тяжелого серебряного кубка. Жизнь брала свое: к нему возвращались силы, а вместе с ними — любопытство...

Братьев он нашел в большом зале — круглом, с огромным пылающим камином. Каменный пол был устлан коврами, такие же ковры висели на стенах. Чезаре ди Гуаско сидел в глубоком кресле, просматривая обширный манускрипт в тяжелом кожаном переплете. Гонзалво, пристроившись на небольшой скамейке, рассеянно перебирал струны испанской гитары.

— Отдохнули, сеньор? — поинтересовался хозяин после долгих и учтивых приветствий. — Что ж, присаживайтесь, поговорим...

Он отложил книгу и кивнул гостю на пустующее кресло рядом с камином. Младший брат, оставив инструмент, подсел поближе.

— Я расскажу, что было со мной, — начал Ростислав. — Если, конечно, вам это интересно, господа...

Казалось странным рассказывать о гибели Белого Крыма двум рыцарям в роскошном зале средневекового замка. Но его слушали очень внимательно. Глаза младшего брата не отрывались от Ростислава, на красивом лице застыло удивление. Чезаре слушал чуть отвернувшись, губы были сжаты, темные глаза смотрели холодно и, казалось, равнодушно...

— Как жаль, что столько доблестных рыцарей нашли свою смерть от руки взбунтовавшегося мужичья! — сочувственно заметил младший, когда рассказ был закончен. — Поистине, дорогой сеньор, меня терзает печаль, что гибнут благородные обычаи, когда лишь достойным дозволено носить оружие...

— Ты забыл Геную, брат, — покачал головой Гуаско-старший. — Забыл Съену, Флоренцию и Милан. На нашей родине мужичье давно уже взялось за колья и косы. Рыцарство погибло, и погибло навсегда... Сочувствую, сеньор Ростислав. Я знаю, что такое терпеть поражение, терять родной дом и родную страну. Я перевешал целые толпы мужичья, но не считаю себя в расчете. Даже если обставить виселицами дорогу отсюда до Кафы, этого будет мало...

Арцеулов вздрогнул. Еще совсем недавно он рассуждал так же. Стрелять, колоть, резать — устилать трупами краснопузых всю Россию...

— Это не поможет, — с трудом выговорил он. — Сумасшедших надо лечить. Карать надо тех, кто свел их с ума...

— Вы — философ, сеньор, — жестоко усмехнулся Чезаре. — Я предпочел иное. Здесь, по крайней мере, мне не грозит ярость хамов... Ну что ж, на правах хозяина я обязан предложить вам погостить — и, признаться, буду рад, если вы останетесь. Но вынужден предупредить: это не так просто...

Арцеулов удивился. Какие неприятности он может доставить своим странным хозяевам?

— Сеньор Ростислав не понял тебя, — заметил Гонзалво. — Объясни ему, брат.

— Да, конечно... Войти в этот замок легко — вместе со мной, и невозможно — без меня или моего брата. Вы называете это маскировкой, сеньор. Трибунал святейшей инквизиции назвал бы это иначе, но дело не в словах. Итак, вместе со мной вам было легко войти. Но выйти — дело другое...

Арцеулов похолодел. Этого он не ожидал. Знай такое — предпочел бы ночевать где-нибудь на сыром горном склоне...

— Тот, кто пробудет в этих стенах больше определенно-го времени, останется здесь навсегда. Он сможет лишь ненадолго покидать замок — вместе с нами. Вы долго спали, сеньор, я не смел тревожить вас. Но теперь вам следует решить — осталось лишь двенадцать часов...

Ростислав перевел дух. За двенадцать часов можно добраться от Чабан-Кермена до Алушты — даже если идти пешком...

— К сожалению, гора окружена. Ваши враги, сеньор, обнаружили трупы своих и начали поиск. Наши кони не оставляют следов, но у людей есть глаза и уши. Нам не страшно их кольцо: наемники мессира Фрунзе видят лишь старые развалины. Но вас они заметят. Мы могли бы проводить вас, но вокруг, на много лиг, враги. Решайте...

Выхода не было. Оставалось либо стать одним из обитателей призрачного замка — или выйти наружу и получить давно заждавшуюся его пулю...

— Брат, неужели мы не можем помочь столь доблестному рыцарю? — Гонзалво был, похоже, тоже расстроен. — Если надо, я сам возьму в руки меч...

— В этом нет нужды. — Чезаре встал и подошел к узкому окну, через которое слабо пробивался тусклый свет. —

Выход есть. Ночью сюда подойдет лодка. Она пристанет к обрыву, незаметно. Ее владелец — мой знакомый, он может отвезти вас далеко от берегов Таврии... Но ему надо заплатить...

— Надеюсь, он не потребует мою душу, — Ростислав постарался, чтобы слова звучали как шутка, но ему стало явно не по себе. За этими стенами можно ожидать чего угодно. Чезаре коротко рассмеялся:

— Нет, сеньор. Это бывает лишь в сказках. Ему нужно золото — и много. Он сильно рискует — головой...

Золото... Об этом Арцеулов как-то не подумал. Он сразу же вспомнил о нескольких фунтах, оставшихся в кармане френча. Наверно, не хватит... И тут он почувствовал обиду. Благородные рыцари помогают, но требуют золота. Что ж, и это не ново...

— Брат, наш гость не понял нас! — взволнованно проговорил Гонзальво. — Он думает, мы скупы, словно ростовщики нашего родного города!..

— Это правда, Гонзальво, — хмуро улыбнулся старший брат. — Мы никому не отдадим свое золото — как и свою честь. Но тот, кого послал Рыцарь Востока, больше чем гость. Нам не жалко золота, сеньор Ростислав. Дело в другом...

— Наше золото не может достаться обычным людям, — быстро заговорил Гонзальво. — Стоит ему побывать в наших руках — и для всех прочих оно станет просто грудой камней...

— Это необходимо, — кивнул Чезаре. — Надо было предусмотреть все. Конечно, его тоже можно взять, но секрет знают лишь немногие. Для этого требуется время — больше времени, чем у вас есть, сеньор...

И тут Арцеулов вспомнил Ингвара. Камень Спасения! Художник советовал держать его до последней крайности. Похоже, этот час наступил.

— Прикажите принести мой френч, — попросил он. — Думаю, у меня есть то, что заменит золото...

Чезаре позвонил в маленький золотой колокольчик. Слуги принесли одежду Ростислава — уже чистую, постиранную и выглаженную. Хозяин замка улыбнулся и передал гостю нож:

— Обычно подобное зашивают за подкладку. Разрежьте сами: мои руки не должны коснуться того, что принадлежит вам...

Камень был на месте. Тусклый свет из окна отразился в сверкающих золотистым цветом гранях. Гонзальво вскочил и подошел ближе. Чезаре остался на месте, но глаза его не отрываясь глядели на сапфир:

— Да, это королевский камень, сеньор. Думаю, за него вы можете договориться — и не только о поездке за море. Я скажу капитану. Его зовут сеньор Ставриди; грек, конечно, но, как ни странно, честный человек. Он не обманет...

Сразу стало легче. Значит, он все-таки вырвется!

По совету хозяина Арцеулов вновь спрятал камень. Он должен отдать его греку сам — уже на борту лодки. Гуаско обещал, что за Камень Спасения капитан Ставриди сумеет не только доставить подполковника в любой из портов Черноморья, но и снабдит его документами какой угодно державы. Арцеулов не собирался становиться подданным Румынского королевства или Грузинской Республики, но свои соображения он держал при себе. Главное — он покинет этот берег, ставший берегом Смерти. А что делать дальше — он уже знал...

— Скоро мы расстанемся, — Чезаре проговорил это без всяких эмоций, просто констатируя факт. — Но прежде мне хотелось узнать одну мелочь... Не знаю, имеет ли она значение, сеньор, но все же... Какую тайну вы уносите с собой?

Ростислав невольно насторожился. Откровенничать с чернобородым не тянуло. Что-то мешало, а Ростислав привык верить интуиции.

Гуаско взглянул на своего гостя и улыбнулся:

— Брат прав: я часто выражаюсь неточно. Я имею в виду не тайны вашей христианской души. Я о том, что вы храните в своем вещевом мешке, ведь ради этого вы хотели вернуться прямо в лапы врага...

Что ж, это не так и плохо. Чезаре мог что-либо подсказать — а это ускорит работу. Арцеулов не возражал, и хозяин приказал принести вещи гостя. Через несколько минут безмолвные слуги выложили на маленький изящный столик вещевой мешок Ростислава и — отдельно — эвэр-бурэ, подарок Джора.

Гонзальво не скрывал любопытства: похоже, гости в замке действительно бывали редко. Старший брат был внешне спокоен, но Арцеулова не оставляла мысль, что Чезаре волнуется.

Ростислав достал таблички и подал их старшему Гуаско. Чернобородый нахмурился и бережно взял в руки одну из

деревянных дощечек. Гонзальво потянулся к другой, но резкий жест брата остановил его. Он не обиделся и стал с интересом глядеть через плечо Чезаре.

Молчание затянулось. Ди Гуаско осторожно брал одну дощечку за другой и долго вглядывался в непонятные значки. Лицо его было странным — хмурым, даже немного брезгливым, — но в глазах мелькало нечто похожее на страх.

— Брат, выйди! — неожиданно бросил он. Гонзальво вскочил, растерянно взглянул сначала на Чезаре, затем на гостя, но все же подчинился. Короткий обиженный кивок — и Арцеулов остался с хозяином замка один на один.

— Ваш брат может обидеться, господин ди Гуаско, — не выдержал Ростислав. Молодой Гонзальво с его наивными рассуждениями о рыцарских традициях был ему симпатичен.

— Он не посмеет, — Чезаре дернул щекой, — Гонзальво не только мой брат, но и вассал. Мое слово для него — закон, и его долг — повиновение. Впрочем, я забочусь прежде всего о нем самом... Сеньор Ростислав, вы уже прочитали это?

— Нет. Но прочитаю, — Арцеулов сам удивился своей уверенности.

Взгляд Чезаре стал тяжел и мрачен. Ростислав не выдержал и отвел глаза.

— Да, — ди Гуаско невесело улыбнулся. — Вы сможете сделать это, сеньор. Вы упорны, а главное, уверены, что эта тайна поможет вам отомстить. Я не ошибаюсь?

Это было не совсем так. Арцеулов и сам не знал, что содержится в табличках. Но на что-то подобное он действительно мог надеяться. Значит, непонятные значки помогут отомстить? Что ж, и это не так плохо...

— Теперь я кое-что понял, — Чезаре заговорил медленно, слова падали тяжело и веско. — Рыцарь Востока решил мстить вашими руками, сеньор. Это его право — как и ваше. Но прошу вас, сеньор Ростислав. Подумайте, прежде чем начнете искать в этих буквах смысл. Подумайте, прежде чем пытаться понять этот смысл. И заклинаю вас вашим Владыкой — подумайте, прежде чем пытаться исполнить написанное. Я сказал...

Арцеулов удивленно поглядел на чернобородого. Тот не шутил. Рыцарь действительно испугался. Но почему? Похоже, его удивление не удалось скрыть.

— Я вас не убедил. Вам сказали, что здесь заключена тайна, которая поможет вам справиться с врагами. Мои слова не имеют веса, когда ландскнехты под красными штандартами расстреливают Крым... Хорошо, слушайте.

Гуаско откинулся на спинку кресла. Узкие сильные кисти сжали подлокотники:

— Вы, наверно, уже сумели составить обо мне определенное мнение, сеньор Ростислав. Да, в Генуе я был убийцей и чернокнижником, а здесь стал пиратом. Я не люблю людей — кроме себя и Гонзальво. Я грабил, вешал, жег и разорял не только богачей, но и бедняков. Меня обвиняли в том, что я поклоняюсь Сатане, — это неправда, но могло казаться правдой... И все же даже для меня есть граница...

Он помолчал. Темные глаза смотрели напряженно, почти зло.

— Эта граница очевидна. Я не люблю людей — но я человек. Я не чту того, кого вы называете Творцом, но я согласен с ним в главном: человек действительно венец этого мира... Тот, кто несет Свет, тоже не отрицает этого...

«Тот, кто несет Свет»... Ростислав хотел переспросить, но тут же вспомнил. Несущий Свет... Светоносный... Люцифер...

Рука дернулась в крестном знамении. Гуаско чуть улыбнулся и покачал головой.

— Успокойтесь, сеньор. Я не поклоняюсь ему, но чту. Попы лгут, называя его Князем Тьмы. Может, есть и такой — не знаю. Но Несущий Свет — враг тьмы. Он действительно несет с собой свет — и этот свет невыносим для людей. Только самые мужественные могут не закрывать глаза, и тогда свет приносит им истину... Полно, разве я говорю о тех отродах, что нарисованы на церковной стене, на картине Страшного суда? Те волокут грешников в котлы — весьма поучительно для мужичья. Несущий Свет прекрасен, как солнце, и столь же беспощаден. Он существовал всегда, но был где-то вдали от людей. Теперь он пришел и принес Свет...

Арцеулов молчал, губы скривились в злой усмешке. Он уже слышал нечто подобное. Несущий Свет! Да, он должен прийти — чтобы прельстить. Давняя сказка — и Чезаре не первый, кто готов склониться перед Искусителем. Недавно ему рассказали похожую историю, хотя и с другими именами. Ростислав без труда вспомнил: Лха Старший Брат! Ра-

детель человечества, призвавший под свои знамена нечисть ради спасения людей.

— Желаете бороться с ним? Боритесь, ставьте свечи перед деревянными досками, разрисованными маслом, взывайте к небу — ведь так учат вас те, кто ходит в черных рясах. Но вы задумали другое...

Он взял в руку одну из табличек. Глаза пробежали по первым строчкам, Цезаре покачал головой и положил деревянную дощечку на столик.

— Напомню вам известные слова. Я не люблю эту Книгу — зато вы знаете Ее. Помните, Некто изгонял бесов силою Вельзевула, князя бесовского? Вы хотите сделать то же самое, только наоборот: против Несущего Свет вы хотите бросить черную тьму, что прячется по углам от Неба и людей...

Слова чернобородого были страшны и непонятны. Арцеулов старался запомнить — обдумать их он еще успеет.

— Что ж, эту армию можно собрать. Можно даже одержать победу, но победителями будут не люди. Вы изгоните своего Врага, но сами станете рабами тех, о ком покуда даже сами не знаете. Все, отныне мои уста замкнуты. Подумайте о том, что услышали, и да поможет вам Тот, в Кого вы верите...

Арцеулов молчал. Он, конечно, подумает, но все услышанное вызвало резкий протест. Чернобородый боялся — но чего? Разве те, кто помогал Ростиславу, — слуги тьмы? Старик в пещере, монахи Шекар-Гомпа, командир Джор?..

— Не убедил... — улыбка Цезаре на этот раз была печальной. — Вы мне напоминаете того, кто нашивал на одежду крест, считая, что спасает Гроб Господень. А на деле уничтожал и сжигал столько невинных, что в сравнении с ним я могу показаться сущим ангелом... Но все же подумайте, сеньор Ростислав...

Цезаре помолчал, затем осторожно взял со стола эвэрбурз:

— Сделаем так. Я оставляю у себя Черный Рог...

Это была не просьба, а решение. Арцеулов понял, что возражать бессмысленно.

— Я мог придумать для вас неплохое объяснение. Знаете, сеньор, как в сказках: дескать, в Черный Рог можно трубить только три раза — или семь, а теперь его должно вернуть... Но я не буду лгать. Мне нужен рог, чтобы передать его Кесарю... Будет повод поговорить — а это необходимо.

— Кесарю?

— Это все тот же, кого я называю Рыцарем Востока, а вы — командиром Джором. У него много имен...

Ростислав понял. Слово менялось, переходя из языка в язык: Кесарь — Кейсар — Гэсэр...

— Это необходимо, — повторил ди Гуаско. — Я должен убедить его, и вместе с ним — других. Не думайте, сеньор, что оставляю вас без магической защиты. Это ведь обыкновенный рожок...

Он положил эвэр-бурэ на ладонь и качнул его — вверх и вниз.

— В нем нет никакого волшебства. Это лишь знак внимания. Просто Джор поручил охранять вас. Как вы заметили, мои люди пришли на помощь без всякого вызова. Так будет и дальше. Хочу лишь предупредить: мы не всемогущи. Случайная пуля не пройдет мимо, в мире хватает сил, против которых невозможна защита. Что передать от вас Рыцарю Востока?

Арцеулов на миг задумался.

— Передайте, что я всегда буду помнить ущелье возле озера Челкель. И что с радостью отдал бы долг, если бы знал — как...

Чезаре кивнул и молча прикрепил эвэр-бурэ к украшенному серебром поясу.

Отъезд предстоял в полночь, а вечером Ростислава пригласили на ужин.

Это больше походило на пир. В зале ярко горели факелы, музыканты в цветастых камзолах играли странную приятную музыку — то медленную, то быструю. За столом Арцеулова ждали братья в нарядных одеждах. Рядом с ними сидели несколько мрачных бородатых мужчин в темных камзолах с большими кинжалами за кожаными поясами. Ростислав подумал, что это командиры арбалетчиков — и не ошибся. Чезаре торжественно представил его, бородачи вежливо поклонились, но их имен никто называть не стал. Слуги подавали вино в больших глиняных амфорах, обмазанных черной смолой. Арцеулова не удивил кабан, зажаренный целиком и поданный на огромном блюде: он слышал, что кабаны водятся в здешних местах. Но тут же, на серебряных блюдах, лежали южные фрукты, роскошный, явно не крымский виноград и какие-то совершенно

невообразимые, ни на что не похожие, пахучие плоды, на вкус напоминающие землянику. Он не стал спрашивать. Эта роскошь почему-то не поразила его, напротив. Что-то противоестественное было в этом пиршестве. Там, за невидимыми стенами, красные бандиты добывают последних защитников Крыма, а здесь благородные рыцари пируют, защищенные от опасности, равнодушные к чужой беде.

Перед ним поставили высокий серебряный кубок, украшенный вычеканенными в металле розами, и слуга вновь и вновь наполнял его. Но Арцеулов пил мало. Вокруг шумели, Чезаре громко смеялся, бородачи охотно подхватывали, но, присмотревшись, Ростислав увидел: не только он один невесел. Молодой Гонзальво сидел молча, поглядывая то на брата, то на Ростислава. Глаза его были печальны, красивое лицо казалось растерянным и хмурым. Что-то расстроило молодого рыцаря...

Внезапно разговоры стихли. Арцеулов поднял взгляд от кубка и увидел, что гости отложили острые ножи, которыми орудовали вместо вилок. Музыканты спрятали инструменты, а Чезаре откинулся на спинку кресла.

Дверь отворилась, и в залу неслышно вошла девушка в пышных турецких одеждах — невысокая, похожая на пятнадцатилетнего мальчишку. Лицо ее казалось нездешним — слегка смутным, восточным. При виде ее Чезаре усмехнулся, а младший брат сдвинул брови и отвел взгляд. Что-то крылось за всем этим — за весельем старшего и показным равнодушием Гонзальво. Гадать не имело смысла, это была часть странной, непонятной жизни затерявшегося в веках разбойничьего замка...

Девушка взяла в руки цитру, села на лежавшие прямо на полу подушки, тронула пальцем струну. Тихий звук пронесся по залу. Девушка запела. На этот раз Ростислав не смог понять ни слова. Таинственная сила, позволяющая легко разбираться в незнакомой речи, казалось, иссякла. Впрочем, это было не важно. Грустный красивый голос рассказывал о чем-то далеком, недостижимом, ушедшем навсегда. Ростиславу показалось, что он видит песчаный берег, белый город с высокими минаретами, узкие улицы, заполненные шумной толпой, и верхушки зеленых пальм за высокими глухими стенами...

Голос смолк, но цитра по-прежнему звучала. Музыка походила на легкий ветер, веющий над холодными волнами,

навек разлучившими со всем, что было дорого, чему уже не вернуться никогда...

Девушка молча встала, поклонилась и вышла, провожаемая одобрительными возгласами раскрасневшихся бордачей. Чезаре по-прежнему усмехался, но младший брат был серьезен, его красивое лицо казалось изваянным из мрамора.

Пир был в самом разгаре. Слуги вносили все новые амфоры, посреди стола был водружен вылитый из белого сахара миниатюрный город, тут же разломанный на части жадными руками, когда старший ди Гуаско, взглянув на Ростислава, еле заметно кивнул. Арцеулов понял и, поклонившись присутствующим, вышел из зала.

Слуги помогли переодеться, несмотря на все его протесты и возмущения: к подобному барству он не привык. Наконец его оставили одного. Арцеулов облегченно вздохнул: китель, фуражка, шинель, сапоги — он снова стал самим собой. Мешок он закинул за плечи, револьвер привычно сунул в кобуру. Оружие показалось неожиданно тяжелым. Ростислав удивился: револьвер был заряжен. Выходит, в замке ди Гуаско разбирались не только в арбалетах...

Чезаре ждал его на пороге. Чуть поодаль стоял младший брат, словно не решаясь подойти.

— Попрощайтесь, — чернобородый, кивнув, шагнул дальше, к выходу.

— Счастливо вам, сеньор, — Гонзальво грустно улыбнулся. — Жаль, что нам так и не удалось поговорить. Возьмите на память. Да хранит вас...

Не договорив, он быстро передал Арцеулову что-то маленькое, блеснувшее в свете ламп. Ростислав поблагодарил и протянул руку — пожатие младшего Гуаско оказалось крепким и резким...

Он уже повернулся, чтобы идти, но украдкой все же взглянул на подарок. Иконка. Маленькое серебряное изображение Мадонны. Что-то странное было в этом прощальном даре — словно Гонзальво хотел о чем-то сказать, но так и не решился. «Да хранит вас»... Имени Творца в этих стенах не произносили...

Чезаре вывел его не через ворота, а сквозь узкую потайную калитку в стене. Ростислав обернулся: замок исчез, только развалины донжона темнели на фоне ночного неба...

— Лодка ждет, — Цезаре кивнул в сторону обрыва. — Спускайтесь, там есть ступеньки... Не люблю прощаний, сеньор. Нам уже не увидеться — может, это и к лучшему. Каким бы ни был ваш путь — идите до конца...

Арцеулов повернулся, чтобы ответить, но вершина Чабан-Кермена была пуста, только ночной ветер шумел над старыми руинами. Ростислав вздохнул, поправил ремень и начал осторожно спускаться с обрыва.

ГЛАВА 9

Делегат съезда

Степа Косухин очнулся, открыл глаза и увидел ангелов. Крылатые младенцы летели по нарисованному небу, чему-то беспричинно улыбаясь. Степа вгляделся: огромная фреска расплзлась по всему потолку и даже захватила своими голубыми разводами верхнюю часть стен, доходя до оконных проемов. Он лежал на койке, укрытый неправдоподобно чистой простыней; слева была тумбочка, а дальше — долгие ряды кроватей. Косухин поднял руку к лицу и уткнулся в толстый слой бинта: значит, он уцелел и на этот раз. Ударь осколок чуть посильнее, ангелы, которых он теперь рассматривал, могли быть и не нарисованными.

18 марта 1921 года штурмовые колонны вступили на неверный весенний лед. Впереди, за туманной дымкой, был Кронштадт. Красные знамена развевались над колоннами, и такие же красные флаги полоскал весенний ветер над фортами крепости. Свои шли против своих, но на пятом году Смуты это уже не могло удивить.

Делегат X съезда РКП(б) Степан Иванович Косухин шел впереди своего полка. Оружие он не вынимал, да и не в кого покуда стрелять. Бой еще предстоял, а пока надо просто дойти. Было страшно — не только из-за шевелящегося под ногами льда и кронштадских пушек. Опасней была пуля в спину. Степа знал, что полк, в который его назначили перед самым штурмом, ненадежен. В начале месяца он чуть не переметнулся к восставшим, и по приказу товарища Троцкого расстреляли каждого десятого. Сейчас за гусьей цепью бойцов шла другая: заградительный отряд был

готов уложить на месте малодушных. Косухин знал, что, когда начнется стрельба, он должен ждать пулю с любой стороны.

Перед штурмом, на совещании у товарища Тухачевского, среди знакомых и незнакомых лиц Степа вновь увидел Венцлава. Это не удивило. Он уже слышал, что Особый полк, бывший 305-й, будет использоваться для создания заградительного огня — против тех, кто пожелает повернуть назад. Товарищ Венцлав заметил Косухина, кивнул, и красные губы дернулись в короткой усмешке.

Кронштадта Косухин так и не увидел. Серый контур бастионов еще только начинал вырисовываться из утренней мглы, когда ударили пушки, длинными очередями загоняли крупнокалиберные пулеметы, и Степа, не успев ничего сообразить, упал лицом в рыхлый мокрый снег...

Итак, он жив. Этого невероятного ощущения хватило ненадолго, сразу же появились вопросы и сомнения. Жизнь продолжается, а значит, предстояло вновь искать свою дорогу. Заниматься этим красному командиру Степе в последнее время приходилось слишком часто...

Кое-что удалось узнать сразу. Его поместили в один из питерских госпиталей. Ранение в голову от случайного осколка было неопасным, и врачи обещали продержать его здесь не больше недели. А вот все дальнейшее оставалось загадкой. Предстояло вспомнить все заново, всю его жизнь за неполный год, прошедший после того, как Степа пересек границу. Тогда он спешил, боясь куда-то не успеть, но выяснилось, что на его век вполне хватило и войны, и многого другого.

Венцлав, встретивший его в канцелярии Псковской тюрьмы, был немногословен, сообщив, что имеет приказ доставить Косухина в Столицу. Держался командир 305-го совершенно спокойно, словно его знакомство со Степой ограничилось случайным разговором в кабинете товарища Чудова.

Весь путь до Столицы они почти не разговаривали. Венцлав, казалось, вовсе не обращал на него внимания, а Степа, стараясь не думать о своем страшном спутнике, еще и еще

раз повторял то, что ему надлежит сказать в Сиббюро. Беспокоило одно: как бы краснолицый просто не пристрелил его «при попытке к бегству». Но все обошлось, и на третий день они уже были в Столице.

Косухин хотел ехать прямо в ЦК, но Венцлав отвез его в военный наркомат. Степа даже обрадовался: появился шанс повидать товарища Троцкого. Но Лев Революции был на Южном фронте, а больше ни с кем разговаривать Косухин не собирался. Венцлав провел его в кабинет на втором этаже, усадил за стол и достал из сейфа кожаную папку. Косухину было предложено прочитать и расписаться.

Бумаги оказались с грифом «совершенно секретно». Поначалу это не удивило, но уже первый документ заставил Косухина побледнеть. Это было секретное письмо ЦК по поводу Шекар-Гомпа. Оно имело длинное название: «Перспективы мировой революции и особенности развития революционного процесса в странах зарубежной Азии». Как выяснил Степа, на этот раз очаг мировой революции перемещается в Тибет.

Там было и о восстании угнетенных китайскими феодалами бхотов, и об оказании помощи Бхотской Трудовой Коммуне, для чего из Столицы направлялась «группа ответственных работников ЦК», и, главное, о создании в бывшем оплоте мракобесия — монастыре Шекар-Гомп научного института «ввиду его особой ценности для дела мировой революции». Под письмом стояла подпись товарища Троцкого.

Вторая бумага была копией решения секретариата ЦК «Об осуждении практики злоупотребления некоторыми видами научных работ». Странному названию соответствовало содержание. Косухин узнал, что еще в июне 18-го была создана специальная лаборатория под руководством заместителя председателя ВЧК товарища Кедрова — по использованию достижений медицины в целях оказания помощи красному фронту. Некоторые предложения лаборатории Кедрова были полезны, и ЦК их приветствовал. Но некоторые строго осуждал. Среди них было и «стимулирование индивидуумов с пониженным психическим тонусом». Под этой научной белибердой подразумевалась простая и страшная вещь. Смертельно раненым и смертельно больным вводилась какая-то стимулирующая жидкость, возвращавшая им видимость жизни, но полностью подавлявшая психические способности. Из подобных «объек-

тов», практически нечувствительных к ранам и боли, формировались особые отряды, в том числе 305-й стрелковый полк. Из иных предложений упоминалось использование дрессированных животных «с измененной психикой». Все эти опыты ЦК предавал осуждению и на будущее «строжайше запрещал». Под бумагой расписался член политбюро товарищ Каменев.

Третью бумагу Степа читал уже без всякого удивления. Это был приказ «О принятии мер по проекту «Мономах». Мелькнули знакомые имена: Богораз, Ирман, Берг... Приказ издал заместитель Троцкого товарищ Склянский...

Степа внимательно перечитал документы, поставил подпись о том, что ознакомился и обязуется хранить все прочитанное в полнейшей тайне, и молча отдал папку Венцлаву. Тот запер ее в сейфе и поинтересовался, имеются ли у товарища Косухина вопросы.

Вопросы были. Пусть все это правда, пусть Шекар-Гомп — научный центр, а беднягу Федю Княжко оживили какой-то специальной жидкостью, но оставался еще сам Венцлав. По сравнению с прочим это была мелочь, пустяки, но этих пустяков хватало для сомнений. Спрашивать Степа ничего не стал. Главное ясно: товарищи в ЦК знают обо всем или почти обо всем. Его ознакомили с документами величайшей секретности и обязали молчать. Как член партии, Косухин обязан подчиниться. Да и что теперь он мог рассказать? О Венцлаве? О чернолицем Анубиса? Или о старике в пещере у Челкея? Это сочтут бредом.

Венцлав не торопил. Увидев, что Степа ни о чем не спрашивает, удовлетворенно кивнул и заметил, что вопрос можно считать исчерпанным. «Вопрос», как пояснил краснолицый, состоял в том, что «товарищи из ЦК» сочли возможным закрыть глаза на поведение представителя Сиббюро, вызванное молодостью, отсутствием опыта и политической наивностью. От Степы отныне требовалось молчание — и выполнение дальнейших приказов партии...

Было горько и стыдно. Он спешил через полмира, чтобы раскрыть страшный заговор, а выяснилось, что все прекрасно известно и без него. Он наделал ошибок, и его простили, как нашкодившего щенка...

Венцлав напоследок заметил, что им, вероятно, еще придется встретиться. Косухин насторожился, но голос командира 305-го был самым обычным и ничего не выражал, кро-

ме уверенности, что двум красным командирам неизбежно выйдет встреча где-нибудь на одном из фронтов...

Вслед за этим наступили будни. Косухин сделал доклад в Сиббюро, выслушал поздравления, получил обратно свой партийный билет и орден и тут же был направлен на Южный фронт. Стойкому большевику товарищу Косухину, геройски проявившему себя при освобождении Сибири от белых гадов, поручалось командование только что сформированным 256-м полком.

Южный фронт Степа прошел без единой царапины. Его другу-приятелю Кольке Лунину повезло меньше. Не успел он со своей Стальной имени Баварского пролетариата дивизией прибыть с Польского фронта, как его скосил тиф, и молодого комиссара отправили в Столицу — лечиться. Степа увидел Лунина только в декабре, когда он прибыл по вызову ЦК на расширенный пленум по военным вопросам.

Разгоряченный крымской победой, Косухин был уверен, что речь пойдет о новом походе в Европу, раз уж товарищу Тухачевскому не повезло под Варшавой. Среди молодых командиров ходили слухи о мартовском наступлении, которое должно окончиться то ли в Берлине, то ли в Париже. Но у Красной армии хватало дел дома. Хотя от тайги до Британских морей она разбила лютую гидру контрреволюции, враги упорно не сдавались, словно ослепли и лишились разума.

Правда, стойкий большевик Степа был несколько смущен. Враги теперь были какие-то не те. Он и раньше не встречал среди белой сволочи толстопузых капиталистов и помещиков-крепостников. Попадались в основном мобилизованные и, естественно, дураки-интеллигенты вроде начитавшегося книжек Славки Арцеулова. Таких становилось даже жалко, особенно после Перекопа и того, что устроил Юра Пятаков со сдавшимися офицерами. Но на совещании речь шла о другом. Несознательное крестьянство собиралось в банды, тревожные вести шли из Таврии, где Махно объявил мобилизацию, из Западной Сибири, недавно освобожденной и снова отпавшей, и даже из Тамбова, откуда рукой подать до Красной Столицы. Но страшнее всего, что забузили рабочие. Этого Косухин никак не ожидал. Как мог пролетариат, который и начал революцию, проявлять такую крайнюю несознательность, бастовать и даже требовать многопартийных советов? Это казалось Степе

самым страшным, но в марте он понял, что возможны вещи пострашнее: восстал Балтийский флот.

Косухин воевал не первый год и не поверил в белогвардейские козни и предателей-спецов, которые якобы заварили кашу в Кронштадте. Дело было проще: братва-клевашники не могли дожидаться демобилизации и начали шуметь. Но почему они требовали не отпустить их по домам, а отменить продрозверстку и разогнать оплот революции — ВЧК? Куда занесло тех, кто брал Зимний и атаковал «кадетов» в полный рост?

Рассуждать было поздно. «Братишки» под красным флагом становились страшнее Деникина, и Степа без колебаний ступил на мартовский лед. Но на душе было холодно: революционный праздник окончился. Начиналось что-то новое, непонятное — и страшное.

Теперь можно было отдохнуть. Правда, госпитальный паек оказался жидок, но пролетариат революционного Петрограда не поскупился для раненых командиров. Степа не только наелся селедки, но и попробовал совершенно буржуйского вида плоды под названием «апельсины». Рана быстро заживала, и уже на третий день ему стало скучно. Несмотря на протесты врачей, Косухин стал вставать с койки и бродить по госпиталю, беседуя с братвой и перечитывая газеты. «Правда» сообщала об отмене продрозверстки, а «Известия» — о мире с поляками. И то и другое подтверждало: маховик мировой революции отчего-то стал работать с перебоями и ожидалась большие перемены...

На пятый день, когда Косухин уже подумывал о том, чтобы попросту сбежать, в госпитале внезапно настала суета. Отовсюду набежал перепуганный персонал, вдоль дверей выстроились крепкие ребята в кожаных куртках, откуда-то появились вазы с цветами и даже чудом уцелевший ковер. Степа не успел даже удивиться — двери палаты растворились, охранники в куртках застыли, словно каменные, и появился Лев Революции, товарищ Троцкий. На нем была такая же кожаная куртка, короткая бородка вызывающе торчала вперед, а на носу сверкали известные всей стране очки в простой железной оправе.

Троцкий холодно, властно поднял руку, отчеканив: «Здравствуйте, товарищи командиры!» — и начал быстро обходить палату. С тем же невозмутимым, надчеловече-

ским спокойствием он здоровался с ранеными, осведомлялся о здоровье и поздравлял с победой.

Возле койки Косухина он задержался чуть дольше. Ледяные стекла очков блеснули. Лев Революции улыбнулся, пожал Степе руку и кивнул адъютанту. Секунда — и на ладони Косухина оказалась небольшая бордовая коробочка. Очки вновь блеснули, железный голос отчеканил:

— Революция гордится вами, товарищ Косухин! Поздравляю!

Следовало отвечать. Впрочем, особых вариантов не было:

— Служу мировому пролетариату, товарищ Председатель Реввоенсовета!

Внезапно холодная маска исчезла. Улыбка на какой-то миг стала похожа на нормальную, человеческую:

— Выздоровливайте, Степан Иванович. Очень рад, что вы живы!

Новое рукопожатие — и Красный Лев уже разговаривал со Степиным соседом. Косухин раскрыл коробочку: на белом шелке тускло блеснул металл. Орден Боевого Красного Знамени РСФСР — уже второй...

Конечно, о том, чтобы побеседовать с Председателем Реввоенсовета, и речи быть не могло. Лев Революции спешил, как всегда загруженный невероятной массой забот. В последний раз они встречались в перерыве съезда, когда Косухин был среди тех, кто яростно защищал Троцкого от нападок всякой штатской мелочи — Сокольников, Коллонтай и прочих, пороха не нюхавших. Тогда Троцкий не казался каменной статуей — он весело шутил, вспоминал 19-й год и даже припомнил, как вручал Степе орден за бои против Каппеля. В тот день Косухина то и дело тянуло спросить Льва Революции о Шекар-Гомпе: знал ли он, какую бумагу подписывает. Но железная партийная дисциплина сдерживала. Степан обещал молчать — и он не скажет ни слова, даже если того потребует нечто более важное, чем устав РКП(б)...

Ордена, кроме Степы, получили еще трое — Революция не жалела наград героям Кронштадта. Странно, но орден оставил Косухина равнодушным. Он не заслужил. И не только потому, что ткнулся носом в холодный лед, даже не увидев ни одного мятежника. За такое не полагались ордена: кронштадтцев нужно было уничтожить, и славы в этом

не было никакой. Красные шли против красных — это не подвиг. Боевое Красное Знамя тут явно лишнее...

Троцкий исчез так же внезапно, как и появился. Следом за ним испарились ковер, вазы с цветами и «кожаная» ох-рана. Оцепенение прошло, молодые командиры зашумели, откуда-то вынырнула бутылка спирта, и от орденоносцев стали требовать немедленного обмывания наград — дабы блистали и лучше носились.

Степа попросту сбежал. Он захватил кيسет с махоркой и пристроился на «черной» лестнице, подальше от гудящих возбуждением палат. Не то чтобы очень хотелось курить, но здесь можно не тратить силы на ненужные улыбки и разговоры. Косухин аккуратно свернул «козью ногу» и стал бездумно глядеть в темный колодец двора за окном...

— Да вот же он, Косухин! — сосед по палате появился внезапно, и Степа чуть не подавился дымом. — Товарищ комполка, к вам гости!

На миг вспыхнула радость: Степа подумал о Кольке Лу-нине, но тут же сообразил, что тот еще не встал после тифа. А больше ждать было некого.

— Кто? — поинтересовался он без малейшего любо-пытства.

— Серьезный товарищ, — в голосе соседа мелькнуло уважение и даже почтение. — Из штаба, наверно...

Этого еще не хватало! Не Венцлава ли нелегкая при-несла?

— Это... пусть сюда идет! — возвращаться в палату не тянуло.

— Так точно...

Итак, его нашли — и явно не для того, чтобы интересо-ваться здоровьем. Ну, держись, Степка Косухин, дважды орденоносец!

По лестнице простучали сапоги. Степа на миг отвернул-ся к окну, собираясь с силами, бросил окурок и резко обер-нулся, готовый ко всему.

— Здравия желаю, ваше красное высокоблагородие!

Перед ним стоял Арцеулов. Степа подавился воздухом, еле сдержался, чтобы не зыгнуться в кашле, и наконец окаме-нел. Проклятый бяка улыбался, похоже, любуясь зрелищем израненного большевика. Выглядел Ростислав превосход-но. В добротной шинели, новеньких яловых сапогах и крас-

нозвездной фуражке он действительно походил на военспеца из крупного штаба.

— Ты, это... почему высокоблагородие?

На большее Степу не хватило. Арцеулов рассмеялся и хлопнул пламенного большевика по плечу:

— Потому что вы теперь комполка, чудило необразованное!

— Славка! Чердынь твою...

Тут только до Косухина дошло. Ростислав жив, здоровехонек и в России. Он схватил проклятого беляка за плечи, но сдержался, выпрямился и расправил больничный халат:

— Ну, здравствуй, стало быть... Ты чего, Ростислав, в Красной армии?

Похоже, более глупого вопроса придумать было нельзя. Белый гад вновь залился таким искренним смехом, что Степе даже стало завидно.

— Чего хохочешь, недорезанный?

— Ну Косухин! Приятно видеть, что вы все тот же... Нет, Степан, я не вступал в РККА. Я вообще не Арцеулов. Разрешите отрекомендоваться: Ростислав Коваленко, заместитель начальника снабжения Киевского укрепрайона. Нахожусь в отпуске по ранению...

— Шпион, значит... — обреченно вздохнул Степа.

Арцеулов, похоже, хотел вновь рассмеяться, но, взглянув на совсем растерявшегося Косухина, передумал:

— Я не шпион, Степан. Мне не на кого шпионить, да и незачем. Я занят куда более невинным делом — пытаюсь сохранить свою никому не нужную персону. Я, конечно, мог полчаса назад пристрелить вашего Бронштейна, только зачем? Вы же его сами и съедите, без всякой посторонней помощи...

Раньше бы Косухин не преминул дать отпор подобному глумлению, но теперь проявил слабость и смолчал.

— Я ведь читал, что творилось на вашем соннице. И вашу речь тоже, Степан. Напрасно защищали Лейбу — он обречен. Он был нужен год назад, а сейчас настало время иных...

И вновь Косухин отмолчался. Он вспомнил свою речь на съезде — искреннюю, горячую, но, как он и сам понимал, совершенно наивную. С ними, фронтовиками, победителями белой гидры, как-то очень быстро перестали считаться...

— Ну, это, ладно, Ростислав, — Степа вздохнул, нужные

слова никак не приходили. — Коваленко — так Коваленко, чердынь-калуга... Как ты из Крыма... это... уехал?

В глазах Арцеулова блеснул злой огонек — и тут же погас. Оба они подумали об одном и том же. В ноябре Фрунзе обещал амнистию. Многие поверили — и теперь черноморские рыбы жирели на даровом корме.

— Вашими молитвами, Степан. Вовремя предупредили, чтоб не верил вашим сиренам... Я отплыл на шаланде, которой командовал сущий разбойник с морской фамилией Ставриди. Он довез до Одессы и предложил на выбор целых три «ксивы» — если я точно освоил ваш новый язык. Я выбрал документы этого Коваленко — чтоб к новому имени не привыкать. Зиму поездил, пообщался с теми, кого ЧК еще к стенке не поставила. А теперь вижу — пора за дело...

— Ты о чем это? — вопрос был лишним. Степа и так понимал, о каком деле говорит беляк.

— Как я понял, вы никого не видели и ни с кем не разговаривали.

Степа покачал головой.

— И о вашем брате — ничего?

— Нет...

Арцеулов на миг задумался:

— Степан, может, не стоит вас в это втравливать? Вы, я вижу, успешно служите, комиссары от вас в восторге. Вот и второй орден. Кстати, поздравляю.

— Глумишься, кадет? — Косухин вновь вздохнул, чувствуя что не в силах дать отпор очередной вражеской провокации. Арцеулов недобро усмехнулся:

— Поздравляю вполне искренно. Вы делаете нашу работу. Насколько я помню, именно кронштадтцы штурмовали Зимний. Революция — это свинья, пожирающая своих детей, — помните? Это лишь начало. Но если хотите, я исчезну. Мне, собственно, нечего терять, а у вас — другие ставки...

Косухин ответил не сразу. Если он сейчас скажет «нет», Ростислав будет действовать один, сложит свою дурную интеллигентскую голову, а он, Степка Косухин, благополучно дотянет до персонального кабинета и до кирпичной стенки, где его добьют прикладами мордастые ребята...

— Я, это... бумаги читал. Секретные... Мол, Венцлав и все такое... научные опыты, чердынь-калуга...

Арцеулов кивнул:

— Помнится, вы уже делились этой версией. Значит, все-таки поверили?

— Нет... — слово далось тяжело, но дальше пошло немало легче. — Чувствую, врут, чердынь-калуга! Верней, вокруг ходят, но правды не говорят. Но ведь как подступиться? Вон, думал с товарищем Троцким поговорить...

Степа безнадежно махнул рукой.

— И хорошо, что не поговорили. Эту крепость в лоб брать нельзя. Они велели вам молчать — ну что ж, молчите покуда. Надо всегда искать слабое звено — и начинать с него. За что мы можем взяться? — Арцеулов подождал и, видя, что Степа молчит, ответил сам: — В Шекар-Гомп нам больше не сунуться — раз. Что-либо выяснять в вашем ЦК нельзя — это два. Что остается?

Косухин уже знал ответ. Там, во Франции, он уже держал в руках ниточку.

— Берг... Который Наташин дядя... Только ведь он — в Париже, чердынь-калуга!

— Берг в России, Степан. Поэтому я нашел вас...

Степа изумленно поглядел на Арцеулова. Подполковник был спокоен и решителен, словно командующий перед генеральной битвой. Косухин поневоле позавидовал этому спокойствию и этой решимости...

— Сейчас мне надо спешить, — Арцеулов мельком взглянул на часы. — Вы должны получить отпуск после ранения. Встретимся в Столице у вашего Лунина. Кстати, Николай передает вам привет.

— Ты, выходит, и с ним познакомился?

— А как же! Он уже дома. Бритый, худой, но полный оптимизма. Серьезный молодой человек.

Косухин кивнул. Колька Лунин был действительно серьезным парнем.

— Ты это, Ростислав, у него каменюку забрал? Которую мы в Безбаховке нашли?

— Она у него? — удивился Арцеулов. — Нет, он же не знает, кто я. Самое интересное, деревянные таблички тоже у него. Я просил сохранить, пока не вернусь.

— Ага, — вспомнил Степа. — Прочитал?

— Нет. Но пытаюсь. Ну выздоравливайте, красный командир. И учтите, вас ждут сюрпризы. Некоторые приготовил я. А вот других опасайтесь...

Арцеулов улыбнулся, пожал Степе руку и оставил его

одного у темнеющего окна. Странно, но неожиданная встреча ошеломила лишь поначалу. Наверно, он был уже давно готов к этому.

...Через два дня Косухин получил свои документы и заодно — месячный отпуск. Оставалось достать билет в Столицу, но в последний момент мальчишка-курьер разыскал Степу и передал ему телеграмму. Товарищу Косухину предписывалось немедленно явиться в ЦК.

Косухин тут же вспомнил о сюрпризах. Очевидно, этот подготовил не Арцеулов. Странно, в Центральном Комитете им не должны интересоваться — скорее командира 256-го полка вызвали бы в военное ведомство. Мелькнула мысль выправить документы на имя какого-нибудь Степана Иваненко и использовать свой немалый опыт конспиративной работы. Но Косухин отогнал соблазн. Уходить «на дно» рано. Покуда он чист, грехи его партией прощены, и он может не бояться вызова в кабинет на Старой площади. К тому же, «на нелегалке» долго продержаться нельзя. Косухин имел представления о методах славной ВЧК, догадываясь, что уж его-то будут искать и найдут даже из-под земли...

Прямо с Петроградского вокзала Косухин направился в Центральный Комитет. Там его не ждали. Дежурный долго листал списки, и Степа уже начал подумывать о какой-то странной ошибке, когда наконец ему назвали номер кабинета. Выходит, он все-таки кому-то нужен. Фамилию того, кому принадлежал кабинет, дежурный почему-то не сообщил.

Степа постучал и услышал басовитое: «Входи!» Голос был знакомым, и Косухин почти не удивился, увидев за столом грандиозную фигуру чудо-богатыря революции — незабвенного Прова Самсоновича.

— Ну здоров, здоров, товарищ Косухин! — Чудов даже встал со стула, вернее, с нескольких подушек, позволявших ему доставать до поверхности стола. — Давно, давно не видел! Ну, проходи!

Товарищ Чудов был столь же квадратен, даже, пожалуй, набрал за этот год мощи, дабы в полной силе противостоять белым гадам и прочим недобиткам. Могучая длань долго жала Степину руку. Внутри Прова Самсоновича что-то кло-

котало, булькало, словно революционная энергия, не находя должного применения, стремилась наружу.

— Ну, покажись, покажись! — Чудов оглядел Степу требовательным, заботливым оком истинного большевика и, похоже, остался доволен. — Молодец, молодец. Орден, стало быть, — это хорошо, хорошо...

Косухин слушал столпа сибирского большевизма с невозмутимым видом. Интересно, еще в прошлом январе Пров Самсонович казался если не образцом, то, по крайней мере, весьма достойным товарищем, заслуживающим всяческого уважения. «Клоп» — вспомнилось словечко злоязыкого Арцеулова, и Степа вдруг понял, что дело не только во внешнем сходстве. Товарищ Чудов тоже мастак пить чужую кровь...

Пров Самсонович продолжал греметь. Вначале Степа слушал с опаской, но вскоре успокоился. Чудов прибыл в Столицу месяц назад. Степина история ему была известна только из докладной в Сиббюро, стало быть, лишние вопросы исключались. Косухин еще раз вспомнил свою легенду. Тут его не поймают. Но Пров Самсонович и не собирался выискивать в истории красного командира Степы что-либо подозрительное. Он вообще не думал о прошлом. Как истинный большевик, он рассуждал о будущем:

— Ну ты, это, здорово белых гадов обставил! Не дал им над пролетарской костью глумиться! Аж в Индию забрался — ну молодец! Будешь у нас по индийскому пролетариату первым специалистом...

Косухин еле сдержался, чтобы не улыбнуться. Он представил себя на площади в Дели агитирующим индийских трудящихся за мировую революцию. Выходило забавно. И тут же поймал себя на мысли, что совсем недавно подобное вовсе не казалось забавным, напротив...

— Ну, а куда у партии для тебя другое задание есть. Да-а... Задание, товарищ Косухин, наиважнейшее...

Степа вновь насторожился. С каких это пор товарищ Чудов начал распоряжаться кадрами Реввоенсовета?

— В Сибирь тебе вертаться надо, товарищ Косухин. Места ты знаешь, а дел там много, ох много! Лютуют недорезанные, пьют кровь рабочую! Да с ними эти — Федоровичи. А наш брат ослабел. Компромиссы всякие гнилые поразводили!.. В общем, собирайся. Завтра с утра — на вокзал — и в Иркутск. А там перебросим тебя под Благовещенск. Будешь ты, Степан, командиром над всеми отряда-

ми в Забайкалье. Считаю, фронтом покомандуешь! Ну чего, рад?

Интересно, должен ли он, Степа Косухин, радоваться? Назначение завидное, что и говорить. Но Косухин уже не был желторотым. В словах Чудова почудилось нечто странное. Во-первых, какие-то «компромиссы». Загадки тут не было: иркутские большевики стеной встали против товарищей из Приморья, выступивших за создание Дальневосточной республики. Еще на съезде слышал Косухин, что мечтает Пров Самсонович схарчить дальневосточного вождя товарища Краснощекова. Выходит, нужен он, Степа, как свой человек среди тамошних партизан. Вроде как таран против несогласных.

А во-вторых, «с утра — на вокзал». Ох, спешит товарищ Чудов! Даже в 19-м, когда на колчаковских фронтах жарко было, людей с порога да с бухты-баракты во вражий тыл не направляли! С чего это Клоп так забегал? Сам спешит — или приказали? А с чего такая спешка? Не с того ли, что товарищ Берг в Столице объявился?

Встал Степа, ремни оправил, улыбнулся радостно:

— Ну, товарищ Чудов, спасибо! Уважили, чердынь-калуга! Я уж боялся, что от безделья помру! Здесь-то мы гидру добили, и теперь хоть в счетоводы иди!

— Точно, точно! — расцвел Клоп. — Нечего тебе, товарищ Косухин, по штабам ошиваться! В бой, за дело трудящихся!

— Ага! — Степа хотел вновь улыбнуться, еще пошире, но передумал. Этак можно и переборщить:

— В общем, поехал, вещи собираю. Мечтаю, чердынь-калуга, с белыми до конца рассчитаться! С товарищем Краснощековым мы их быстро обставим!

Довольная усмешка на физиономии Прова Самсоновича разом увяла. И Степа сообразил, что попал аккурат в точку.

— Я как на съезде про республику Дальневосточную услышал, так понял: нашенское это дело! Ведь Вождь как сказал: надо нам республику эту иметь...

Минут пять Степа восторженно пояснял скисшему Чудову партийную мудрость, выразившуюся в создании ДВР — буфера на советском Дальнем Востоке. Под конец он еще раз упомянул Краснощекова — для верности.

— Ну я, стало быть, пошел! — самым решительным тоном заключил он. — Вещички собираю. Правда, у меня отпуск по ранению, да ну его, этот отпуск, чердынь-калуга!

От товарища Чудова, казалось, шел пар. Вождь сибирского пролетариата клокотал и бурлил, и Косухин испугался, что даже мощная натура Прова Самсоновича не выдержит — разлетится на части.

— Ты это, товарищ Косухин, не поспешай покуда... — гудение перешло в невнятное бормотание. — Я ж забыл: раненный ты на льду кронштадтском! Негоже тебе прямо с госпиталя — да в бой...

Косухин браво махнул рукой, изображая презрение к медицине, но товарищ Чудов внезапно стал противоположного мнения:

— Ошибся я, Степан! Забыл, что отдых тебе положен. Там ведь морозы знаешь какие! В общем, не поспешай покуда. Выздоровеешь, отдохнешь. А там я тебя вызову...

Степа заставил себя сохранить серьезность. Хороши морозы: впереди лето. Видать, плохо стало у Прова Самсоновича с воображением!

Из кабинета Косухин вышел с пожеланием не спешить и как следует подлечиться. О завтрашнем поезде на Иркутск не было сказано ни слова.

На улице Косухин ловко подцепился к переполненному трамваю и медленно покатил на Пречистенку, где квартировал Колька Лунин. Разговор с Клопом повеселил — и одновременно встревожил.

Да, Славка прав: сюрпризы начались. Его хотят срочно услатить из Столицы, да подальше. Раньше он, командир Косухин, был нужен, и вдруг стал хорош лишь на расстоянии — где-нибудь в тайге под Благовещенском. Неужто все же из-за Берга? Выходило, что очень даже похоже.

...Колька Лунин год назад получил комнату в большой квартире, когда-то принадлежавшей какому-то видному буржую. Теперь, когда бывшего хозяина замела ВЧК, квартиру заселил трудовой элемент, поразвесивший всюду бельевые веревки и пропитавший прежнюю обитель эксплуататора запахом лука и карболки. Пройдя на ощупь по полутемному коридору, Степа отсчитал нужную дверь и постучал:

— Заходите, товарищ, не заперто!

Колька Лунин лежал на кушетке, заменявшей буржуйское изобретение — кровать, и читал толстую книгу, не иначе «Капитал» товарища Маркса. Лунин был худ как щепка,

на голове ежиком торчали подростшие после тифа волосы, но голубые глаза смотрели весело:

— Заходи, Степан! Чаю хочешь? Вон, на столе, — горячий!

Лунин всегда называл Степу полным именем. Странно еще, что он не обращался к нему «товарищ Косухин». Степа не удивился бы: Колька был действительно серьезен не по годам.

Косухин бросил вещи в угол и подсел к столу, где в пузатом чайнике дымился свежий морковный чай. Лунин чуть заметно поморщился, привстал и поудобнее уселся, опираясь на локоть:

— Извиняй, покуда не хожу — ползаю... Ну что, жив? Разбил гидру?

— Разбил...

Тон у Лунина был странный — то ли действительно серьезный, то ли полный еле скрытой иронии.

— Что, хреново было?

— Куда уж, чердынь-калуга! — не выдержал Степа. — Они ж, понимаешь, Коля, под красным флагом...

Он начал сбивчиво рассказывать о том, что довелось увидеть, а еще больше — услышать. Лунин молчал, прихлебывая дымящийся чай:

— Главного не видишь, Степан, — проговорил он наконец. — Флаг — это ладно. Но ведь они чего хотели? Власти Советов, прекращения войны, отмены «чрезвычайек» — как и мы в 17-м. А их — пушками! Смекаешь?

— Смекаю... — Косухин тут же вспомнил слова белого гада Арцеулова. — Чего ж это будет, Коля?

— Плохо будет... Ладно, раскисать не стоит. Я тут спирту достал — вечером отметим. Не орден — а что жив остался. Твой приятель обещался быть.

— Ростислав? — Косухин внезапно напрягся.

— Ну да, товарищ Коваленко. Серьезный он мужик!

— Серьезный, — спорить не приходилось.

— Где познакомились? — вопрос был самым обыкновенным, но что-то в тоне приятеля показалось странным.

— На Южном фронте. Ну, под Александровском... — начал было Степа, но тут же умолк под насмешливым взглядом Лунина.

— Ты вот чего, Степан. Я тебя давно знаю. Ты — товарищ проверенный, да и мы с тобою вроде как друзья-при-

ятели. Так что, прежде чем я тебя в ВЧК сдам, давай-ка разберемся...

Почему-то Косухин не испугался. Ему лишь стало неловко, что сразу не сказал приятелю правды.

— Поправишь, если не туда сверну. Весной мы с тобой виделись, и ты сказал, что объявился у тебя новый знакомый — Арцеулов Ростислав. Умный, воспитанный — в общем, из бывших. Это первое. Дал ты ему мой адрес, чтоб не потеряться. Это, стало быть, второе. И вот приезжает ко мне такой умный да воспитанный, что белой костью за версту разит. И тоже Ростислав, да только Коваленко. Это уже третье...

Степе оставалось слушать и мысленно ругать последними словами белого гада Славку, думавшего обмануть всех своей «ксивой».

— Ну, что товарищ Коваленко в РККА ни дня не служил, это я сразу понял. Дело нехитрое: он ведь наших званий — и тех не знает. Ну, а вчера я здоровья не пожалел и съездил в наркомат... Был такой, Коваленко Ростислав, только ему, почитай, все пятьдесят годочков стукнуло, и пропал он без вести аккуратно на том самом Южном фронте. А кто такой Арцеулов, я еще весной узнал. Не сам — список дали особо опасных беляков, что в розыске. Тот Арцеулов как раз в Сибири служил. Вот я и думаю: или мне вас на Лубянку сдавать как недобитую контру, или я что-то крупно не понимаю. А если не понимаю — объясни...

Косухин растерянно молчал. Его не удивило, что Колька всерьез думает сдать его в ЧК. Странно, что он до сих пор этого не сделал. Сам бы Степа еще год назад едва ли стал ждать объяснений.

— Коля, ты мне веришь? — вопрос был из наиглупейших. Лунин улыбнулся:

— Тебе? Тебе верю. И Ростиславу твоему, как ни странно, тоже. Может, он и бывший беляк, да только, похоже, спекся. Перегорел. Да только что вы задумали?

Рассказать? Но поверит ли Николай? Косухин представил себя на месте Кольки. Он спрашивает про белого офицера с фальшивыми документами, а в ответ слышит про эфирные полеты, оборотня Венцлава и тибетский монастырь...

— Видать, крепко ты запутался, — кивнул Лунин, разливая по кружкам остаток чая. — Пей, пока горячий... Ладно, тогда слушай сюда. Мне в военном отделе ЦК показывали

рапорт товарища Волкова. Всеслав Волков, партийная кличка Венцлав — знаешь такого?

— Знаю... — этого Степа не ожидал. Хотя почему бы и нет? Колька Лунин накоротке со многими товарищами со Старой площади. Поговаривали, что еще весной его хотели взять на работу в Секретариат, но молодой комиссар попросился на фронт.

— Этот Волков докладывал об операции «Мономах». Говорит тебе это что-нибудь?

Косухин кивнул.

— Значит, не ошибся... Волков сообщал, что успешно провел разведку полигона Челкель. Какой-то работник Сиббюро не просто проник туда, но даже стал комиссаром полигона и обеспечил успешный запуск эфирной ракеты. Этот работник назван «Лебедевым». Дальше сказано, что «Лебедев» сумел спастись и через Индию уехал во Францию...

Степа горько усмехнулся. Краснолицый назвал его в рапорте фамилией, которую носил брат! Но как лихо все повернуто!

— Затем я читал бумаги по Бхотской Трудовой Коммуне. Знаешь, где это?

— Западный Тибет, — усмехнулся Степа. Лунин кивнул.

— Полчаса по карте разбирался. Как я понял, наши товарищи там малость подгадили. Но какой-то представитель Сиббюро сумел добраться туда и навести порядок. Правда, там сказано, что он пропал без вести...

Выходило что-то непонятное. В Сибири и на Тибете его хотели уничтожить, а теперь представляют чуть ли не героем! Зачем? Но Степа уже знал ответ: его хотят сохранить. Он нужен — хотя бы как свидетель. Свидетеля берегли, награждали — и в случае необходимости убирали подальше, хотя бы в Благовещенск...

— Ну вот, Степан. Среди разыскиваемых по делу «Мономах» упоминается капитан Арцеулов. Из Индии, да еще через Францию, никто, кроме тебя, из работников Сиббюро не возвращался... Что я должен подумать?

— Это было не так, Коля...

— Если ты выполняешь особое задание, так и скажи, — спокойно заметил Лунин. — Между прочим, месяц назад у Вожда было совещание по эфирным полетам. Создается группа во главе с товарищем Цандером. Знаешь такого?

О Цандере Степа не слышал, но помнил слова Александра Михайловича о сроках, в которые можно восстановить

программу. Выходит, работы уже начались. Карл Берг не зря вернулся в Россию...

— Николай, ты это... — проклятые слова опять не шли на язык. — В общем, Волков... Венцлав... врет. У него был другой приказ — не допустить запуска «Мономаха». Пони-маешь?

— Нет, пока не понимаю. Если считаешь нужным — объясни!..

Объяснение затянулось. Лунин требовал ясности, а вот этого как раз не хватало. К счастью, Коля читал те же бумаги, что и Косухин, — о медицинских экспериментах, о Бхотской Коммуне и всем прочем. Об оборотнях и подобной чертовщине Косухин упоминать не стал — и без этого история выходила излишне странная.

— Понял, — наконец кивнул Лунин и неторопливо стал свертывать самокрутку. — Значит, ты решил, Степан, что в Центральном Комитете действует вражеская группа...

— Ну, не обязательно там... — сам Степа едва ли решался говорить с такой определенностью. Но Лунин всегда называл кошку — кошкой.

— Выходит, что не ниже. Эта группа преследует какие-то свои цели, используя новейшие научные исследования. Заодно они обманывают партию — попросту врут...

Лунин затянулся, резко выдохнул дым:

— Многое непонятно, Степан... С такими данными я бы не пошел вверх. Мало доказательств. Если это правда... Степан, я говорю «если»... Венцлав просто станет козлом отпущения. Ну а тех, в Шекар-Гомпе, и так уже осудили. Выходит, концы в воду...

— Вот я и думаю, чердынь-калуга: найдем Берга...

— А если нет? Если его хорошо охраняют? Давай-ка подумаем...

Лунин порылся под кушеткой и достал пачку нарезанной обойной бумаги. Один из листов он расстелил на столе и взял карандаш:

— Что мы о них знаем? Состав? Кроме Венцлава?

Степа задумался. Никого кроме Венцлава и тех, в Шекар-Гомпе, он не знал. Разве что Берг...

— Не годится, — покачал головой Лунин. — Гольдина, как ты знаешь, похоронили два года назад. Даже если ты не ошибся, и это он — доказать будет трудно... Берг? Он чело-

век посторонний. Такой группой должен руководить кто-то из своих...

— Приказ по Шекар-Гомпу подписывал товарищ Троцкий. А по «Мономаху» — Склянский — его заместитель, — выговорил Степа, тут же испугавшись того, что сказал.

— Страшно? — понял его Лунин. — Мне, признаться, тоже. Вроде так и выходит. Только закавыка тут...

Лунин нахмурился и потушил самокрутку в большой жестяной банке из-под монпансье:

— Слишком гладко получается. Венцлав — командир полка, а значит — из ведомства товарища Троцкого. Документы тоже подписали Троцкий и товарищ Склянский. Смекаешь? Случись чего — кто в ответе?..

Лунин замолчал и начал постукивать пальцами по столу — верный знак, что молодой комиссар о чем-то серьезном задумался.

— Вот чего. Не пожалею-ка я здоровья, съезжу завтра кой-куда. Очень интересно, кто направил Венцлава в Сибирь. Ведь Сиббюро, Степан, не в ведомстве Троцкого, правда? И еще — приказ по «Мономаху» помнишь?

Косухин кивнул. В свое время он был ошеломлен этими документами, а затем, обдумав, отметил некоторые странные несуразности. В приказе Склянского не сказано об уничтожении программы и срыве пуска ракеты. Требовалось взять работы под контроль — и ждать новых распоряжений.

— Вот я и сообразил, — подтвердил его догадки Николай, — не совпадает. Кроме того — когда, говоришь, ракета, ну...

— Стартовала, — подсказал Косухин, — 20 января...

Эту дату он забыть не мог... Холодная зимняя степь, рыжие холмы, неровная цепочка китайских траншей. И гром, ударивший ровно в полдень...

— А вот приказ, Степан, подписан чуть ли не в феврале. Разумеешь?

Степа вскинулся:

— Задним числом, чердынь-калуга? Да зачем?

— Вот я и думаю — зачем? Не для того ли, чтоб товарищ Склянский на нем расписался? В общем, проверю. А ты, Степан, подумай: может, еще чего вспомнишь... Кстати, а твой Ростислав с какой радости всем этим занялся?

Ответить на это было нелегко. Ясное дело, не из дружеских чувств к первому государству трудящихся. Прокля-

тый беляк видел в этом какую-то тайну, чуть ли не секрет того, что случилось в победном Октябре и позже.

Лунин выслушал не особо внятные Степины пояснения и пожал плечами:

— Никак и вправду контуженый. Сдать бы твоего Коваленко в ЧК! Ладно, погодим... Он мне давеча деревяшки с буквами показывал — он что, их тоже к делу приспособляет?

Вот незадача! Степа и сам не очень-то понимал странные занятия Арцеулова. Образованный вроде мужик, книг начитался...

— Черт его, интеллигента, поймет! — Косухин скривился, как и полагалось большевику при слове «интеллигент». — Думает, чердынь-калуга, что те, которые Венцлава послали, используют какие-то древние, ну, артефакты...

Пришлось объяснять Лунину значение этого слова.

— Понял, — наконец кивнул Николай. — То ли контуженый, то ли и вправду умен этот твой интеллигент... Ладно, заболтались. Надо картошку сварить, товарищ орденосец. Не голимый же спирт потреть!

За чистку картофеля принялись вдвоем. Косухин вообще не стал бы заниматься подобным буржуйским делом, сварив ценный продукт по-пролетарски, «в мундире», но дотошный Колька прочитал в «Красной газете», что варить картофель подобным образом небезопасно для здоровья. Уговоры приятелей не действовали, и картофель приходилось чистить. Впрочем, в два ножа дело шло быстро.

Николай, словно забыв обо всем, только что говореном, принялся беседовать на свою любимую тему — о перспективах победы социалистической революции в оплоте мирового капитала — Северо-Американских Соединенных Штатах. Перспективы революции казались близкими, но Лунина смущали две серьезные проблемы: раскольничья политика «желтых» профсоюзов и противоречия трудящихся с разным цветом кожи. Последнее, по его мнению, могло привести к взаимной бесполезной резне.

Косухин слушал плохо. Не то чтобы проблемы американских братьев по классу были от него далеки. Но в этот вечер думалось о другом. Из головы не выходили слова Кольки. «Может, еще чего вспомнишь?» Что он мог еще вспомнить? Анубиса? Умиряющего парня с напрочь оторванной челюстью?.. Или того, сладкоголосого?

Точно! Степу даже передернуло. Как можно такое забыть! Тот, кто говорил с ним в темной камере! Этот разговор Косухин помнил от слова до слова. Большевики борются не с гидрой капитализма, а со смертью, и для этого смерть должна уже сейчас служить жизни. Значит, нужен Венцлав с его 305-м полком, серые оборотни — и Шекар-Гомп. И еще: смерть — это чей-то дар, но не Бога. Бога, по утверждению этого сладкоголосого, нет...

Тогда этот голос показался Степе знакомым. Жаль, он не видел собеседника в лицо! Хотя — почему не видел? На Челкеле, когда самозванный Руководитель Проекта предъявлял фальшивое письмо Колчака! Правда, на нем были авиационные очки. И вообще, лицо у него какое-то странное...

Наташа — не та, что сейчас в Париже, а настоящая — вспоминала, что тоже разговаривала с этим сладкоголосым. Он обещал ей, что «большевистский эксперимент» скоро кончится...

От подобных слов Степу мутило, но он только что вернулся из Кронштадта. Там и вправду все кончилось: каратели добивали восставших краснофлотцев.

Между тем, Лунин, разделавшись с «желтыми» профсоюзами, занялся примусом. Дело было тонкое, деликатное, и Косухин мог лишь со стороны наблюдать за этой процедурой.

— И все-таки они лопнут, — убежденно заявил Колька, когда примус наконец загудел, а кастрюля с картошкой была водружена на место.

— Ты о чем? — сказанное могло относиться к чему угодно, например к картофелинам.

— Империалисты американские! — Лунин наморщил лоб. — Точно лопнут! И знаешь, Степан, чего их сгубит?

— Как чего? Революция пролетарская, чердынь-калута!

— Ну, это в плане общем. Тут, Степан, интересен повод. У нас ведь чего — война поспособствовала, так?

— Ну, ясное дело!

— Во! А у них от войны буржуазии — одна прибыль. Там война не поможет. Их Степан, борьба с водкой погубит!

— Чего? — Косухин наслушался всякого о причинах поводах революции, но о подобном даже и не подозревал.

Лунин усмехнулся:

— Товарищ Энгельс учит нас обращать внимание на

специфику каждой страны, понял? Американцы — они к свободам буржуйским привыкли. А сейчас у них там сенатор объявился — то ли Джонсон, то ли Парсон. Он, представляешь, предложил водку запретить! И запретили!

— Ну дают! — такого от заокеанских буржуев Степа не ожидал. Интересно, пьющий ли Тэд?

— Представляешь? Ежели и вправду так пойдет — там такое начнется! Да никакая власть не устоит! У нас в феврале 17-го всех делов-то было, что вместо ржаного хлеба стали сайку продавать.

— Ты чё, серьезно? — историю февральской революции Косухин представлял несколько иначе. Его самого тогда в Питере не было, зато газеты читать доводилось.

— Точно. Белого — завались, а ржаного не подвезли. И то народ не выдержал. Ну как будто министры царские нарочно сработали! А тут... Нет, шалишь, разнесут все Северо-Американские!..

Косухину почему-то стало неловко. Выходит, великие революции могут начинаться с такой ерунды! Хотя, если подумать, это вовсе не ерунда. А главное, чердынь-калуга, такое легко сработать. В нужный момент да умелыми руками...

— А Арцеулову твоему ничего говорить не станем, — совершенно нелогично завершил Николай. — Пущай будет Коваленкой. Пусть думает, что его белая кость нашей пролетарской умнее. Он ведь как, Степан, не социально опасный? Бомбы в вождей кидать не будет?

— Не-а, — усмехнулся Косухин. — Бомбы, точно, чердынь-калуга, не будет!

ГЛАВА 10

Особняк на Арбате

Ростислав шел по Собачьей Площадке мимо музыкального училища. Места были знакомые, он мог ходить по Арбату чуть ли не с завязанными глазами. Столицу Ростислав успел досконально изучить еще до войны. Правда, теперь это был совсем другой город. Дома, когда-то нарядные, теперь стояли серые, давно просящие ремонта, обклеенные

дурацкими плакатами с красными чудо-богатырями и мордатými буржуями.

Стемнело. Самое время ехать к комиссару Лунину, тем более что сегодня должен наконец приехать краснопузый Степа. Но бросать дело незавершенным не хотелось. Уж больно интересно все складывалось!..

Конспирации полковник Арцеулов был не обучен. Решив остаться в Большевизии, он поначалу немного растерялся. Капитан Ставриди не подвел, доставив Ростислава в маленькую деревеньку под Одессой. Оказавшись в Одессе и неожиданно став красным командиром, Арцеулов совершенно не представлял, как эти самые красные командиры себя ведут. Он был уверен, что у комиссаров всякое проявление чего-то, отдаленно напоминающего культуру, не приветствуется. Лапти, правда, он надевать не стал, но был уверен, что надлежит всем «тыкать», держать ложку в кулаке и забыть про носовой платок. Говорить было вообще опасно: первое же «пожалуйста» могло привести аккурат в Чека. Оставалось твердить «чердынь-калуга» или «чистое дело марш» (последнее полковник позаимствовал у графа Толстого).

Все оказалось проще — и одновременно сложнее. Красные командиры изыском не отличались, но — странное дело — всячески старались подражать только что разбитой контре. Молодые «краскомы» лихо козыряли, водили дам под ручку и даже говорили «мерси». Похоже, большевики взялись за дело по-серьезному. Армия становилась похожей на армию даже в этом. Гвардейская выправка Ростислава оказалась как раз ко двору. На него смотрели не просто уважительно, но и с гордостью. Да, красные были не те, что в 18-м...

В конце концов Ростислав отбросил сомнения и вел себя как и надлежит офицеру — корректно, вежливо и несколько высокомерно. Его короткие: «Позвольте», «Соблаговолите», «Прошу» — действовали безотказно. Образ красного командира Коваленко ни у кого не вызывал сомнений.

Военная форма, вместе с документами, оказалась хороша и в другом отношении. Выяснилось, что можно ездить совершенно бесплатно. Билет выписывали — и желали счастливого пути. В душе Арцеулова впервые шевельнулось нечто вроде смутного подозрения. Похоже, Совдепия не

так уж плохо, как казалось. Большинство жило скверно, стоя в очередях за пайковым хлебом, выменивая на рынке последнее и часто за зря пропадая в Чека. Но были и другие: штабные офицеры, функционеры РКП(б), всякого рода чиновный сброд, — эти явно не бедствовали. Выходит, в большевистском сумасшествии была своя система, хорошо, впрочем, знакомая и понятная...

Арцеулов заехал в Харьков. Там жили родители штабс-капитана Пташникова. Они обменялись адресами еще в 18-м, и Ростислав выучил все, не доверяя бумаге, на память. Его приезд вызвал слезы: бывшего приват-доцента давно успели отпеть. Арцеулову пришлось долго объяснять, что Андреич жив-здоров и сейчас, судя по всему, обживает полуостров Галлиполи.

В Столице он зашел на квартиру ротного — Михаила Корфа. О гибели полковника уже знали. Его жена, которую по странному совпадению звали тем же именем, что и покойную супругу Ростислава, — Ксением, мыкалась с двумя детьми в маленькой комнатухе, которую большевики из милости оставили семье пропавшего без вести офицера. Арцеулов мало чем мог помочь вдове: денег было в обрез. Теперь он увидел, что ожидает в Совдепии «бывших». Ксения Корф продала все, что осталось от мужа. Только трофейный немецкий тесак, привезенный бароном с Юго-Западного фронта, продавать было опасно. Им, несмотря на все запреты, пытался играть сын полковника — семилетний Володя, который сразу же заявил Ростиславу, что, когда вырастет, обязательно отомстит за отца. Арцеулов не улыбнулся: странная мысль поразила его. Они проиграли — и погибли. Но растет поколение мстителей — и кровавая схватка возобновится.

Родители Ухтомского когда-то жили в Петрограде, но мать Виктора успела уехать во Францию, а все остальные — отец, дед, тетки — погибли осенью 18-го во время вспышки красного террора...

Вначале Арцеулов не имел точного плана. Хотелось осмотреться, обжиться и дождаться краснопузого Степу, который со своим героическим полком все еще торчал в Таврии. Устроился Ростислав надежно — в общежитии командного состава на Якиманке. Это было удобно: тех, кто жил там, ЧК обходила стороной. Для верности Арцеулов оставил часть вещей у Лунина, который как раз вернулся из госпиталя, в комнатухе на Пречистенке. Туда он отнес и дере-

вянные таблички: хранить их в общежитии Ростислав все же опасался.

Оставалось ждать Степу, но тут Арцеулову впервые повезло. Прямо на Тверской, у «Националя», в толпе мелькнуло знакомое лицо. Он выждал несколько секунд и пошел следом. Толчая помогла подобраться ближе и убедиться, что он не ошибся. По Тверской как ни в чем не бывало шел Петер Арвельт — сослуживец Ростислава еще по Западному фронту. Арвельт был в штатском, но выглядел весьма довольным жизнью, совсем не таким, как большинство «бывших». Арцеулов прошел за Петером пару кварталов, затем решил и окликнул.

Все объяснилось быстро. Майор Арвельт работал в эстонской военной миссии, недавно приехавшей в Столицу. Они обнялись. Арвельт был славным парнем и явно радовался встрече. С первых же слов стало ясно и другое: Петер ненавидел большевиков, с которыми так удачно вышло в его родной Эстляндии. Арвельт воевал, как и Ростислав, с 17-го, и сумел не допустить красную чуму в свой дом...

Миссия имела свою собственную линию связи, и Ростислав отправил телеграмму в Париж. Ответ пришел быстро: Валюженич ругал за долгое молчание и просил сообщить адрес, чтобы прислать письмо. Договорились, что он напишет в Ревель, родителям майора. Задержка была небольшой: письма в свободной от большевизма Европе ходили быстро.

И вот в кармане у Ростислава лежит большой запечатанный конверт. Он решил вскрыть его вместе с краснопузым, попозже. Это была удача, но Арцеулову повезло еще раз — и повезло по-крупному...

Началось с очередного визита. Ростислав навестил давнего знакомого его покойного отца. Александр Арцеулов в последние годы жизни служил в Столичном отделении Сената и был в хороших отношениях с Вадимом Николаевичем Говорухой — чиновником этого же департамента. Ростислав часто бывал в доме Говорухи и теперь решил заглянуть туда по старой памяти. Он опасался всякого: бывшие чиновники считались лакомой добычей для Чека, но господин Говоруха, как выяснилось, процветал. Ему удалось устроиться в «совслужу» и кормить многочисленную семью. Ему даже оставили целых две комнаты в его прежней квартире, что по тем временам считалось явной роскошью.

Арцеулов не стал откровенничать с «совслужем», а Вадим Николаевич деликатно не задавал лишних вопросов.

Говорили о Столице, об общих знакомых. Выяснилось, что Говоруха неплохо знал семью Корфов и теперь иногда помогает вдове Михаила. Беседовать с «совслужем» было интересно, но противно: выходит, «бывшие» вполне могут благоденствовать, присосавшись к «диктатуре пролетариата». Арцеулов хотел было откланяться, но тут Вадим Николаевич стал рассказывать об учреждении, в котором служит.

Контора называлась «Цекубу». Услышав такое, хотелось перекреститься, но это означало всего-навсего «Центральная комиссия по улучшению быта ученых». Тех, кого не успели расстрелять или сгноить, подкармливали. Говоруха откровенно хвастал, что он накоротке не только с «буревестником революции» Максимом Горьким — инициатором этой затеи, но и с уцелевшими академиками — Бехтеревым, Тимирязевым, Павловым. Вадим Николаевич воодушевился и стал рассказывать, что Цекубу помогает даже иностранным ученым, которые уже не боятся приезжать в Столпию. Он ставил на довольствие финнов, немцев, а недавно: и французов, в том числе молодого, но очень талантливого физика Гастона де Сен-Луи, прибывшего для научной работы в Столицу...

Сен-Луи! Эмоции были забыты. Амбиции «совслужа» не имели никакого значения перед этим фактом. Гастон де Сен-Луи, жених Наташи Берг! Он исчез из Парижа вместе с ее дядей. Значит...

Говоруха охотно рассказал, что француз договорился о получении академического пайка на двоих. Продукты доставляет специальная машина. Впрочем, сам Гастон часто заходит в Цекубу, решая разные проблемы нелегкого послевоенного быта. Физик, по словам Говорухи, молод, лысоват, с заметным брюшком и слегка хромотает на правую ногу...

Остальное было несложным. На третий день Арцеулов встретил Гастона у входа в контору Говорухи. Он никогда не видел Наташиного жениха, но ошибиться трудно. Сен-Луи был не столько молод, сколько моложав, носил роскошное, по последней парижской моде, пальто и действительно хромотал. Конечно, могли случаться всякие совпадения, и Ростислав решил проверить.

В первый раз не повезло. Гастона ждала машина, и Арцеулов лишь успел заметить, что она свернула по направлению к центру. Сен-Луи появился через два дня. На этот раз он возвращался на извозчике, и Ростислав сумел просле-

дить за ним до самого дома. Гастон квартировал на Арбате, в небольшом особняке, расположенном в глубине заброшенного сада, за высокой чугунной оградой.

Для верности требовалось проверить еще раз. И вот теперь француз, отпустив извозчика возле Манежа, шел пешком, вероятно, решив прогуляться. Он шел быстро — легкая хромота ничуть не мешала. Арцеулов следовал за ним на некотором отдалении, уверенный, что тот свернет от Собачьей Площадки налево...

Гастон миновал здание музыкального училища, на миг задержался, прикуривая, и резко оглянулся. Арцеулов не стал отворачиваться, а спокойно пошел дальше. Сен-Луи его не знал, а идущий по Столице красный командир едва ли вызовет особые подозрения. Так и случилось. Француз закурил и свернул налево, в узкую улочку, ведущую к уже знакомому особняку.

Осторожность все же не мешала. Арцеулов пропустил Гастона вперед, и лишь затем последовал за ним. Он уже не сомневался. Оставалось как следует осмотреть особняк. Это заняло немало времени. Высокие решетки мешали проникнуть в сад, а перед воротами крутились двое весьма подозрительных личностей. Пришлось наблюдать за домом с другой стороны — из подъезда пятиэтажного дома. Нельзя сказать, чтобы Арцеулов был удовлетворен результатами осмотра, но главное все же сумел заметить. Можно было возвращаться на Пречистенку.

Картошка уже была сварена, а на столе стояла бутылка со спиртом. Серьезный Лунин и улыбающийся Степа встретили его как ни в чем не бывало, словно к ним заглянул на огонек старый друг-товарищ по борьбе с белой контрой. Правда, взгляд голубых глаз молодого комиссара был строг и неулыбчив, но Ростислав уже успел привыкнуть к характеру Степиного приятеля. Сам Косухин был немного смущен, старательно именовал Арцеулова «товарищем Коваленко» и предлагал тосты за победу Великой Мировой пролетарской революции...

Наутро Арцеулов попросил у хозяина отданные на хранение деревянные таблички, а заодно и странный плоский камень. Все это было уложено в саквояж, после чего Ростислав предложил Степе не надоедать хозяину и прогуляться по Столице. Косухин тут же согласился, а Николай Лу-

нин лишь кивнул, и по его лицу промелькнула странная усмешка...

— Не выйдет из тебя подпольщика, беляк, — заметил Степа, когда они вышли на освещенную ярким весенним солнцем улицу. — Хоть бы не морщился, чердынь-калуга, когда про коммунизм говорим...

Ростислав улыбнулся:

— Виноват. Постараюсь исправиться... Степан, так что у вас там было с Клопом?

Косухин пересказал разговор с Провом Самсоновичем. Арцеулов кивнул:

— Очень похоже. Кому-то надо, чтоб вы уехали подальше. Ваш Чудов — дурак, но они придумают что-нибудь получше. Так что времени у нас в обрез...

— Ты, Ростислав, лучше о Берге расскажи, — нетерпеливо заметил Степа.

— Еще успеем. Сейчас, господин красный полковник, мы зайдем в гости. Повидаемся кое с кем из старых знакомых. Но сначала — вот...

И он достал из кармана письмо Валюженича. Вчера, в присутствии Лунина, о нем он сказать так и не решился.

Тэд писал по-английски: очевидно, с изучением русского вышла заминка. Арцеулов читал письмо вслух, тут же давая перевод. Большая часть письма была посвящена новостям из жизни самого Тэда. Американец успешно заканчивал курс в Сорбонне, писал дипломную работу у грозного профессора Робера и собирался в очередную экспедицию вместе с Карно, на этот раз в Центральную Америку. С Наташей Берг он встречался часто и передавал от нее поклон. Впрочем, из письма было ясно, что память к девушке так и не вернулась...

О главном сообщалось мимоходом. Берг и Сен-Луи в Париже так и не появились. По газетам пробежал слух, что они похищены агентами ВЧК, но затем о них быстро забыли, и даже мадам Кюри не проявила видимого интереса к исчезновению двух известных физиков. Единственной новостью было то, что кто-то все же побывал в особняке Берга и вывез часть имущества, включая книги.

Как-то Валюженич столкнулся с генералом Богоразом. Аскольд Феокистович не стал особо откровенничать, но

сообщил, что новостей от тех, кто улетел на «Мономахе», нет...

— Такие дела, товарищ комполка, — заметил Ростислав, складывая письмо. — Впрочем, кое о чем мы и так догадывались. Кстати, тут есть еще одно письмецо — вам лично.

Степа встрепнулся, почему-то подумав о Наташе. Но письмо — вернее, листик, густо исписанный с обеих сторон, — оказалось от Шарля Карно. Потомок великого революционера писал, естественно, по-французски, и Степе пришлось еще раз прибегнуть к помощи Арцеулова. С первых же слов послания Ростислав неуместно хмыкнул:

— Что-то не понимаю! Наверно, окончательнo забыл французский.

Он еще раз проглядел письмо и начал неуверенно переводить:

— «Генералу Великой Российской революции Стефану Косухину от скромного волонтера Шарля Карно»...

— Выначивается, буржуй, — охотно пояснил Степа. — Волонтер, чердынь-калуга!

— «Гражданин! Извещаю вас о результатах научной экспертизы агента контрреволюции, известного под кличкой «Бриарей»...

— Это что, тот глиняный монстр? — удивился Арцеулов. В свое время он не очень-то поверил Степиному рассказу. Выходит, зря...

— «Найденные в церкви Святого Иринейя фрагменты были подвергнуты химическому анализу. В результате получено следующее...»

Далее шло несколько строчек замысловатых формул. Формулы были предъявлены Косухину, который не преминул еще раз ругнуть проклятую интеллигенцию.

Впрочем, далее Карно перешел на более понятный язык:

«Это красная глина с сильными добавлениями органики. Если грубо — глина с кровью. О чем вам, мой генерал, спешу доложить. Комментировать нечего, разве что принять во внимание некоторые старинные предания, не представляющие, естественно, ни малейшей научной ценности. Вот выписка из сочинения «Некромантион» раввина Льва из Праги. Перевод с древнееврейского профессора Робера при моей скромной помощи...»

Арцеулов бросил взгляд на Степу. Тот стоял серьезный,

и Ростислав удержался от уже готового насмешливого замечания.

«Знающие имя Б-га всесильны, не дано им лишь вдохнуть дыхание жизни в свои создания, ибо это удел Г-да. Но во всем прочем им нет преград, ни в великом, ни в малом.

Чтя день субботний, восхотел я создать слугу, дабы мог прислуживать мне, не оскверняя ни Святой день, ни мой дом. Вылепил я из красной глины фигуру ростом с десятилетнего ребенка, и произнес имя Б-га, и начертал слово «Жизнь» на его лбу. Так создал я Голема — подобного тем, что уже творили мои братья по Каббале в Нюрнберге, Меце и Неаполе. Мое творение было лишено речи — дара Б-жия, зато послушно и сильно необычайно. За полгода создание выросло до размеров взрослого мужчины, и тогда я произнес имя Предела, дабы не вырастить исполина. Был Голем ловок и послушен, но велением древних мастеров предусмотрел я необходимое. На глиняной спине, против сердца, оставил я отверстие, дабы поразить моего слугу в час его безумия. Предосторожность сия нужна, ибо известно, что одно может взбунтовать Голема — вид льющейся человеческой крови. А посему надлежит быть осторожным, ибо так погиб великий знаток Каббалы Исаак из Толедо, случайно порезавшись в присутствии своего субботнего слуги...»

Перед глазами Степы вставала страшная глиняная фигура, красноватый огонек маленьких глаз, легкие, неожиданные для огромного монстра движения... Вот оно что! А Наташа считала Бриарея игрушкой!

— Неужели это все серьезно? — удивился Арцеулов, пряча письмо. — Ну, знаете!..

— Я ж рассказывал, чердынь-калуга! Видел бы, так не спрашивал!

— Ладно, учтем! — усмехнулся Ростислав. — Отверстие на спине против сердца и реакция на льющуюся кровь... Письмо нужно сжечь... Ладно, пошли...

Они миновали центр и оказались в переулках Замоскворечья. Степа молчал, все еще вспоминая церковь Святого Иринейя и ночь в особняке Берга. Арцеулов же то и дело поглядывал по сторонам, словно что-то разыскивая. Наконец, он хмыкнул и кивнул:

— Взгляните, Степан. Я обещал вам сюрпризы. Прошу...

На подъезде двухэтажного особняка висела доска со

свежей надписью большими красными буквами: «Дхарский культурный центр».

Косухин вспомнил январскую стужу, заброшенную деревеньку в тайге и ссыльного учителя-дхара. Дхары — они же «дары» и «дэрги»...

— Зайдем? Между прочим, вас там ждут, Степан!

— Что? — понял Косухин. — Родион Геннадьевич здесь?

Ростислав кивнул:

— Я был тут неделю назад. Господин Соломатин — директор центра. Он приехал сюда в конце прошлого года. Идемте...

Родиона Геннадьевича они нашли в огромном кабинете на втором этаже, заваленном кипами книг, брошюр и плакатов. Мебель, как это часто бывало в подобных учреждениях, отсутствовала, за исключением стола и двух колченогих стульев, явно из разных гарнитуров. На стене висел обязательный портрет Карла Маркса, придавая помещению истинную революционную респектабельность.

— Ну здравствуйте! — Родион Геннадьевич долго жал им руки и усаживал на стулья. Косухин все отказывался и в конце концов взгромоздился на кучу книг.

— Хорошо, что зашли, товарищи! — директор центра улыбнулся и кивнул на кипы литературы. — Вот, первые дхарские учебники. Мы издали букварь, книжку для чтения для младших классов и пособие по арифметике. У нас уже три дхарские школы!

— Ну это... — с достоинством кивнул Степа, — поздравляю, Родион Геннадьевич. Советская власть — она всегда за права угнетенных народов...

Он бросил взгляд на Арцеулова, но проклятый беляк сделал вид, что ничего не слышит.

— Рад видеть вас, товарищ Косухин, — улыбнулся бывший учитель. — Честно говоря, после нашей первой встречи не верилось, что увижу кого-нибудь из вас еще раз... Война кончилась — это хорошо! Пора забыть о крови, ведь столько дел! Еще пять лет назад такое казалось невозможным — дхарские школы! Это лишь начало, мы ведем переговоры с Институтом Востока, чтобы создать там дхарское отделение. Выходит, и мои скромные исследования кому-то понадобились!..

— Это все Советская власть — власть трудящихся! —

вновь не преминул подчеркнуть Степа. Проклятый беляк и ухом не повел, а Родион Геннадьевич охотно кивнул:

— Да, я заблуждался. Не верил большевикам — и вот посрамлен в своей неверии. Вчера я был в наркомате национальностей и говорил с товарищем Сталиным — такой, представьте, приятный человек! Он обещал всяческую помощь...

Степа хотел еще раз ввернуть фразу о заслугах диктатуры пролетариата в деле возрождения прежде отсталых народов, но Арцеулов опередил, водрузив на стол саквояж:

— Господин Соломатин, ваши знания действительно очень нужны. Мы к вам обращаемся как к эксперту. Взгляните...

Он аккуратно выложил на стол деревянные таблички и отдельно — странный серый камень. Тут наконец Косухин сообразил, зачем его привели сюда.

Соломатин долго разглядывал таблички, еще дольше — камень. Наконец он взглянул на гостей, и взгляд этот был очень серьезен:

— Не смею спрашивать, откуда это, товарищи...

— Безбаховка, в Таврии. Из коллекции графа фон Вейсбаха, — сообщил Ростислав.

Бывший учитель пожал плечами:

— Это ни о чем мне не говорит. В общем, так... Таблички, если не подделка, очень древние...

— Дхарские? — не удержался Степа, которому стало внезапно очень любопытно.

— Это не дхарская письменность. Вернее, не та, что мне известна. Дхары пишут обычно звуковым письмом, тридцать две буквы в алфавите... Это иероглифы. Правда, похожие знаки есть, но утверждать не берусь... Может, это из Европы. Там тоже жили дхары — очень давно...

— Эти... дэрги? — не удержался Косухин, вспомнив рассказы Карно. Родион Геннадьевич кивнул:

— Дэрги или дары. Об этом писали еще в конце прошлого века. Правда, это лишь гипотеза. Во всяком случае, у уральских, так называемых «серых» дхаров есть предание, что они когда-то владели чуть ли не всем миром. Предание темное, старое. Вроде бы когда-то дхары были светом...

— Как? — не удержался и Арцеулов.

— «Эгха лхаме», — повторил Соломатин на непонятном собеседникам языке, — «Были словно свет». Потом они

вмешались в дела людей и стали такими, как люди. А после утратили даже людской облик и стали лесными чудищами — не все, но большинство. Некоторые связывают это предание с легендой о Логрисе и лограх...

Косухин еще раз вспомнил разговоры Тэда и Карно. Выходит, никаких особых открытий студенты Сорбонны не совершили. Все эти сказки, а по-научному — мифы хорошо известны.

— Я это... слышал, что было четыре, как их, реликвии, — осмелился заметить он. — Меч, потом корона, ножны и кольцо...

— Это не дхарские предания, — усмеянулся бывший учитель. — Приятно видеть, товарищ Косухин, насколько серьезно вы увлекаетесь мифологией. Вынужден вас разочаровать. Связывать легенду о четырех реликвиях логров с дхарами излишне смело. У нас нет преданий о короне и ножнах. Правда, дхарские гэгхэны — вожди — имели какие-то Черный Меч, но такие легенды есть у всех народов.

— Позвольте, а кольцо? Мой перстень, помните? — Арцеулов вновь увидел странное свечение, лунный диск в морозном небе и смутный образ, мелькнувший внутри серебряного ободка.

— Волшебное кольцо — сквозной образ всей мировой мифологии, — пожал плечами Соломатин. — Возьмите хотя бы Нибелунгов. Оперу помните? А насчет вашего кольца... Говорят, у дхаров было что-то подобное — Перстень Вагров. Правда, я потом уточнил. Это, вероятно, все же не он: в кольце Вагров был большой светящийся камень...

В этих словах Косухину послышалось что-то знакомое. Ну да! Карно говорил, что такой камень был в перстне Артура!

— Кольцо любопытное, — заключил Родион Геннадьевич. — Как ученый, могу предложить отдать его в серьезную лабораторию. А вот как потомок жрецов-дхармэ...

Он помолчал секунду-другую, а затем медленно произнес:

— Храните его, и не дай Всевышний, чтоб оно попало в злые руки. Ни я, ни вы не знаем и сотой доли возможностей этого перстня. Если же кто-то будет не только зол, но и проищателен — то да поможет всем нам Высокое Небо...

Степа и Арцеулов невольно переглянулись. Кольцо, которое носил Берг, было другим, но оба почувствовали тревогу.

— А камень? — Арцеулов кивнул на странную находку, лежавшую на столе.

— Как ученый, — Соломатин усмехнулся, — могу предположить, что это обычный атрибут жреческих обрядов. Когда-то он был частью какого-то изделия, затем его достаточно грубо извлекли оттуда и использовали уже отдельно. Химический состав определить не берусь: я не химик и не геолог. У дхаров было нечто подобное...

— А как они использовались? Покажите! — Ростислав даже вскочил со стула, словно ожидая увидеть чудо.

Но бывший учитель развел руками:

— Ученый на этом умолкает. Впрочем, если желаете познакомиться с примером древнедхарских обрядов, которые есть не что иное, как грубое суеверие, порожденное веками эксплуатации, то пожалуйста...

Он резко бросил вперед руку. Ладонь застыла прямо над камнем. Глаза закрылись, губы стали что-то негромко шептать.

Вначале ничего не изменилось, и Косухину даже стало неловко за товарища Соломатина, который пошел на поводу у реакционных традиций, — как вдруг поверхность камня стала светлеть. Серый цвет исчез, и камень на какое-то мгновение стал прозрачным. Но это длилось недолго: поверхность стала наливать густой синевой, откуда-то из глубины засветились маленькие яркие огоньки, и в комнате словно повеял сильный теплый ветер...

— Где-то так... — Родион Геннадьевич опустил руку, и все исчезло. Камень стал прежним — серым, невыразительным, ничем не интересным. — Это использовалось для простейших магических действий. Снятие сглаза, порчи... Любопытно, но куда совершенно не исследовано...

Арцеулов не отрывал взгляда от камня. Снятие сглаза, порчи... Наташа потеряла память...

— А память это возвращает? — похоже, Косухин подумал о том же.

Соломатин даже растерялся:

— Товарищи, о чем вы? Если человек потерял память, следует обратиться к врачу, а не к знахарю! Это же суеверия, фольклор!.. Да, если память потеряна вследствие магических действий, жрецы-дхармэ применяли специальное заклинание, которое читалось над подобным камнем в присутствии пострадавшего. Вот, оно у меня записано. Я как

раз готовлю работу по фольклору дхаров. Издательство «Академия» обещало напечатать...

Он порвался в бумагах, загромоздивших стол, и достал небольшой листок.

— Господа... то есть товарищи. Предупреждаю, не вздумайте лечить кого-нибудь таким образом! Дхармэ, конечно, знали какие-то медицинские приемы, но это опасно!

— Дайте взглянуть, сударь, — тон Арцеулова был настолько решителен, что бывший учитель немедленно отдал листок. — Я перепишу.

На улице оба долго молчали. Арцеулов достал папиросы, и это несколько разрядило обстановку.

— Думаешь, поможет? — безнадежным тоном поинтересовался Косухин. — Ведь Соломатин прав: тут врач нужен.

— Не знаю... Чем нечистый не шутит! Жаль, не удалось прочесть таблички. Я, признаться, надеялся...

— На что? — Степа уже немного пришел в себя. — Знаешь, Ростислав, ты действительно, чердынь-калуга, интеллигент! Нахватался всякой чертовщины! При чем тут этот, чердынь-калуга, фольклор! Вот уедешь к своим эмигрантам во Францию, там хоть всю жизнь этим занимайся!

— Я так и сделаю, Степан...

Косухин покачал головой:

— Что ты, что Тэд! Помешались на артефактах, язви их! Тут такие дела... Ладно, давай-ка о Берге...

Арцеулов понимал, что спорить со Степой бессмысленно.

— О Берге... Берг, судя по всему, в Столице. Я его не видел, но проследил Гастона. Они живут легально, стоят на большевистском довольствии — через Цекубу. Знаете такую контору?

Степа кивнул. Значит, Берг, ненавидевший большевиков, благополучно получает паек от пролетарского государства!..

— Они квартируют в особняке на Арбате. Там охрана, черный вход заколочен, в окна не влезть: решетки. Берг, насколько я понял, из дому не выходит, все дела ведет Сен-Луи. Ваши предложения, товарищ комполка?

Степа начал быстро соображать. В ЧК заявлять бессмысленно: Берг и так под их охраной. Выходит, кому-то

здесь очень понадобился этот белогвардеец! Колька Лунин говорил, что создается группа Цандера по эфирным полетам...

— А пойдем к этому Бергу в гости! — решил он. — Спросим. Здесь, чердынь-калуга, он своих беляков не вызовет!

— Он вызовет солдат из 305-го полка, — невесело усмехнулся Арцеулов. — Нас могут просто не пустить, Степан! Здесь играют по-крупному, наши жизни для них — пустяк!

Арцеулов был прав. В Столице Берг еще более недоступен, чем в Париже. Значит, Лунин не ошибся, измена где-то очень высоко, возле самого верха!

— Я все равно туда войду! — Косухин упрямо мотнул головой. — Говори адрес!

Арцеулов на миг задумался. Берга упускать нельзя. Наташин дядя что-то знает — и не только о «Мономахе» и Тускуле...

— Хорошо! Мы пойдем туда. Но надо все продумать. Мне нужен день. Согласны?

Косухин взглянул на своего приятеля. Беляк был серьезен. Степа понял, что Арцеулов говорит правду: он что-то придумает. Что ж, лишний день не помешает...

— Добро, Слава... Сходим послезавтра. Он мне скажет о Николае!..

Ростислав кивнул.

— Встретимся послезавтра вечером. К Лунину заходить не буду — увидимся в шесть у Большого театра. Где Большой театр, знаете?

— Ну беляк, за кого ты меня, чердынь-калуга, держишь! — возмутился Степа. — Да я в театре этом почаще тебя бывал!

Это была чистая правда, хотя Косухин бывал не на спектаклях, а на конференциях и съездах, которые проводились именно там.

Арцеулов не стал спорить. Образ краснопузого Степы — завсегдатая классического балета его изрядно позабавил.

Они расстались у потрескавшегося гипсового монстра — памятника, поставленного в честь великого бунтаря Стеньки Разина. Косухин остался один...

Лунина дома не было. Он появился под вечер, едва держась на ногах от усталости: здоровье после тифа возвращалось медленно. Пили заваренный Степой морковный чай с

сахарином, Колька молчал, курил и хмурился. Косухин прорывался спросить друга, но сдерживал себя.

— Ладно, уклонист, поговорим. — Лунин, допив чай, поставил пустой стакан вверх дном — давняя привычка выходца из рабочих предместий. — Вязался ты, Степан...

— Почему уклонист? — Шутки шутками, а верность генеральной линии была превыше всего.

— Именно уклонист! Ты за какую платформу выступал? За Троцкого? Значит, против партии.

Степа даже задохнулся от возмущения:

— Колька, да ты чего? Ведь дискуссия была! Согласно уставу!

— Старому уставу, — усмехнулся Лунин. — Решения десятого съезда помнишь? Принадлежность к фракции автоматически ставит вне партии. Усек?

Это решение было принято как раз тогда, когда двести делегатов съезда шли по кронштадтскому льду...

— Всех таких, как ты, героев решено перевести подальше от Столицы — чтоб остыли. Тебя — одного из первых. Понял?

О чем-то подобном Косухин уже догадывался. Разговор с товарищем Чудовым был, похоже, чем-то вроде пробного шара.

— Если учесть, что ты был не из самых знаменитых, такое внимание неспроста. Ладно, чего-нибудь еще вспомнил?

Степа на миг задумался. Рассказать об этом, сладкоголосом?

— Вот чего, Николай. Тут, в общем, такая, чердынь-калуга, петрушка... Когда мы были на полигоне, на Челкеле, то получили радиogramму...

Лунин слушал, не перебивая, и время от времени кивал, словно все это ему известно.

— Понял, — подытожил он. — Этот тип пытался сорвать старт, потом был в монастыре, разговаривал с тобой и Натальей Берг. Конец большевикам обещал, значит? Да, интересно... Лица, говоришь, не запомнил?..

— Нет... — Степа еще раз вспомнил Челкель. Лицо того, кто прилетел на «Ньюпоре», казалось каким-то серым пятном. Оно словно постоянно меняло образ, расплывалось, запомнились лишь странные светлые глаза...

— А голос, значит, знаком? Но ты его не узнал?

Степа кивнул:

— Понимаешь, голос какой-то... словно нарочно измененный. Но я его слышал, точно!

— Но это не товарищ Троцкий?

— Скажешь еще! — спутать Льва Революции с кем-либо было совершенно невозможно.

— Ладно, тогда слушай... — Николай постучал пальцами по столу, задумался и наконец начал:

— Первое. Венцлава направили в Сибирь по линии секретариата ЦК. Товарищ Троцкий тут ни при чем. Второе: приказ о «Мономахе» Склянский подписал 24 февраля, смекаешь?

Степа кивнул.

— Похоже, ни Троцкий, ни Реввоенсовет ничего не знали. Бумажки эти были нужны, чтоб связать их. Теперь третье — Шекар-Гомп. В июне 19-го товарищ Троцкий предложил разработать план по форсированию революции в Азии. Он намечал удар по Британской Индии. В Ташкенте уже начали создавать Индийскую Красную армию, но появилось другое предложение — начать с Тибета. В общем, и тут, вроде, идея товарища Троцкого...

Косухин вновь кивнул. И правда получалось ловко. Товарищ Троцкий ничего не знал — и нес за все ответственность.

— Вот так, Степан. О том, что сейчас скажу, должен знать только ты. Командировка Венцлава была утверждена по предложению одного товарища. 305-й полк создан по его же предложению. Дальше сам продолжишь?

— Это... Шекар-Гомп!.. — понял Косухин. — И приказ по «Мономаху», да?

По спине прошел холодок. Значит, все правда: измена крылась где-то в сердце партии.

— Шекар-Гомп и приказ по «Мономаху». И, между прочим, решение о переводе оппозиционеров в провинцию. Не спеши радоваться: в бумагах названа не фамилия, а партийная кличка.

— Ну? — партийные клички вождей Степа знал в точности. — Кто это?

— Агасфер..

Косухин стал быстро вспоминать. Зиновьев, он же товарищ Радомысленский, он же товарищ Евсей... Каменев — товарищ Розенфельд, он же Градов...

— Я проверил, — прервал его размышления Николай. — Ни у кого из членов ЦК такая кличка не значит.

Но это не посторонний. В документах сказано точно: «По предложению товарища Агасфера». Значит, это чей-то секретный псевдоним...

Секретный псевдоним? Зачем? Хотя ответ ясен: чтобы такие, как Степа Косухин, не совали нос куда не требуется...

— Итак, вывод первый, — Лунин ударил костяшками пальцев по столу. — Во главе этой группы стоит некто товарищ Агасфер. Он член ЦК, причем авторитетный: все его предложения принимаются. Похоже, он и член Совнаркома: создание базы на Тибете проходило именно по этой линии...

Косухину стало жутковато. Он долго, больше года, надеялся выйти на эту банду. И вот Степа почти у цели, но враг скрывается среди тех, кому он привык доверять безоговорочно. Совнарком — это товарищ Дзержинский, товарищ Семашко, товарищ Сталин. Это Лев Революции. Это сам Вождь...

— Коля, а может, это кто-то поменьше? Ну секретарь какой-то, консультант, чердын-калуга...

— Не думаю. Предлагать может только кто-то из цекистов — или наркомов. Если б я мог познакомиться со всеми протоколами хотя бы за год, я бы этого Агасфера вычислил. Да кто мне их покажет! И так еле до этих добрался... Ну что, доволен?

Косухин молчал. Нет, он не был доволен, скорее испуган: новости оказались страшнее, чем он думал. Но отступать было поздно.

— Николай, как думаешь, кто это?

Лунин удивленно взглянул на приятеля:

— Понятия не имею. В таких делах, Степан, важна точность и никаких допусков. Пока же с этим идти наверх нельзя. Да и к кому? Угодишь прямиком к Агасферу — костей не соберешь...

«К Вождю!» — хотел ляпнуть Степа, но почему-то сдержался. Ему показалось, что приятель рассказал далеко не все. Лунин докурил очередную самокрутку и вновь ударил по столу костяшками:

— Ладно. Есть одна история. Уже не факты — так, сплетни... Об этом я слышал еще год назад от товарища...

Тут он прервал себя и усмехнулся:

— Нет, фамилии не назову. Может, сам догадаешься. Этот товарищ в партии со дня основания. Был еще в кружках при Брусневе. Потом в «Союзе Борьбы...» В общем, хо-

дядя история... Он как-то рассказывал, что среди первых марксистов был один с такой кличкой. Я тогда запомнил: Агасфер — Вечный жид. Агасфер работал в Европе, еще с Плехановым. В России он организовывал подполье, его ни разу не смогли арестовать. Потом он исчез. Вернее, исчез псевдоним. «Агасфер» звучало слишком по-библейски. Очень может быть, мы все его знаем — но под другим именем. Теперь понял?

Понятнее не стало. Тех, кто работал еще с Плехановым, в партии оставались единицы. В Совнаркоме таких не было — кроме, естественно, самого Вождя...

Лунин долго молчал, наконец вздохнул:

— А теперь, Степан, обо всем, что сказано, забудь. Пока забудь. Идти нам не к кому, соображать нечего. Будем наблюдать — и думать.

«Но ведь можно пойти к Вождю», — вновь хотел предложить Косухин, но слова замерли на языке. Жуткая, невозможная мысль посетила его:

«Старый член партии. Работал с Плехановым. Теперь на самом верху, его слушают — и выполняют все приказы...»

Нет! Это было бредом! Лунина обманули — или он сам что-то напутал!

Ночью Степа почти не спал, а наутро стал собирать вещи. Лунин недоуменно поглядывал на приятеля и наконец не выдержал:

— Степан, ты куда? Ты чего задумал-то?

Косухин не отвечал. Скучный багаж уместился в вещевом мешке. Таблички и странный камень Арцеулов забрал еще вчера. Значит, все...

— Николай, послушай... — объяснение предстояло трудное, но деваться было некуда. Лунин, похоже, начал что-то понимать, взгляд его стал тревожен:

— Степан, мы же договорились! Куда тебе уходить?

— Погодь, Николай... — Косухин вздохнул и начал: — Сейчас я уйду. Завтра сиди дома...

Он жестом остановил приятеля, пытающегося прервать его, и повторил:

— Завтра сиди дома. Послезавтра утром, но не раньше, пойдешь в ЧК. Прямо на Лубянку...

Косухин перевел дух. Надо было заканчивать:

— Там скажешь, что я вел эти... контрреволюционные разговоры. Что ты пытался остановить меня, но я ушел... В общем, чердынь-калуга, говори, что я тронулся после

Кронштадта и грозился террором. Сразу ты не пошел, потому что считал меня преданным товарищем, но потом подумал и решил заложить. Понял?

— Я не сделаю этого, Степан. — Лунин покачал стриженной головой. — Не знаю, что ты задумал, но отвечать будем вместе.

— Нет... Если меня прикончат, кто-то должен остаться. Если уцелею, я тебя найду. Но в любом случае они должны считать, что ты ни при чем...

Лунин подумал и медленно проговорил:

— Степан, я этого не сделаю. Я что — предатель? Или ты меня трусом считаешь?

В голосе друга прозвенела обида. Отважный комиссар Лунин внезапно стал похож на обыкновенного растерянного мальчишку, которого подозревают в самых страшных пороках — трусости и предательстве. Большевику Кольке Лунину еще не исполнилось и двадцати одного...

— Не дури, чердынь-калуга! — усмехнулся Косухин, внезапно почувствовав себя много старше своего серьезного приятеля. — Считай, что ты в разведке. Это, Коля, называется «отвлекающий маневр». Мы их не глупее — мы пока слабее, а значит, нужна хитрость...

— Это не хитрость, — возразил Лунин, но уже более спокойным тоном. — Я иначе сделаю, Степан. Пойду не на Лубянку, а в наркомат. Скажу, что ты после госпиталя стал — страннее некуда. Что тебе черти мерещатся... Мол, взял револьвер и куда-то исчез...

Степа вновь улыбнулся, представив, как убедительно прозвучит этот рассказ в устах вечно серьезного комиссара.

— Нет, Николай. Там не дураки сидят. Иди на Лубянку. Про контузию скажи — но тебя там должны видеть. Пусть знают, какой ты бдительный...

— Вроде Иуды, — негромко проговорил Лунин. — Библию еще не забыл, Косухин?

— Сравнил, чердынь-калуга! — возмутился Степа. — Не ожидал, Николай, что ты эту поповщину вспомнишь! Даже слушать стыдно!.. Ну, бывай, пойду...

Лунин, не поднимая головы, кивнул. Степа на миг задержался, чувствуя, что так прощаться негоже, но ничего подходящего на ум не пришло. Он секунду постоял на пороге, повторил: «Бывай!» — и, не дождавшись ответа, вышел.

Дальнейшее он уже продумал. День он решил побродить по Столице. Это было бесполезно — следовало на всякий случай проверить наличие «хвоста», а заодно при ходьбе хорошо думалось. На ночь легко было устроиться в общежитие комсостава, тем более что оно находилось в близости от Большого...

...«Хвоста» он не заметил. Вероятно, те, кого он пытался найти, просмотрели появление в Столице Арцеулова и не приставили к Степе «топтуна». Что ж, это упрощало дело...

Косухин шел по оживленным улицам центра, стараясь затеряться в толпе. Это было легко: военных в эти недели в Столице было много. Можно было поразмышлять. Да, кое-что он решил правильно — но не все.

Ростислава сомнения не мучили. Дел было много, даже слишком много, чтобы решить их за полтора дня. Кое-что удалось сделать сразу. Он вызвал Петера Арвельта и договорился о некоторых важных вещах. Прежде всего Петер обещал переправить в Париж посылку. Там были таблички и камень вместе с подробным письмом. Даже если Арцеулову не суждено вернуться, Тэд возьмется за дело сам. Арвельт обещал помочь и в другом — сообщить на ближайшую пограничную заставу у Нарвы про возможный переход через границу двух беглецов. Подумав, неторопливый эстонец предложил указать «окно», по которому их смогут безопасно переправить на ту сторону. Это тоже важно: Арцеулов был уверен, что после визита к Бергу уходить придется не только ему, но и Степе.

Дальше стало труднее. Ростислав обещал, что найдет способ проникнуть в особняк на Арбате. Он знал, что любую крепость можно взять — осадой, штурмом или хитростью. Заняв свой наблюдательный пункт в подъезде, Ростислав принялся размышлять. Как он вскоре убедился, орешек оказался твердым.

Будь это не в центре Столицы, Арцеулов предпочел бы слегка пошуметь. В конце концов, и черный ход можно взломать, да и решетки не казались особо надежными. Но первый же выстрел накличет беду. Оставалось действовать тихо — но как раз это и было самым трудным...

Ближе к вечеру Ростислав покинул свой наблюдательный пункт. Кое-что он придумал. Риск был отчаянный, но Арцеулов решил попытаться...

Он побродил по городу, глядя на подзабытые за эти годы улицы. Но теперь его уже не мучила ностальгия. Мысль работала четко, без эмоций, привычный взгляд изучал будущее поле боя. Наконец подходящее место было найдено — небольшая улица на Пресне, прежнего названия которой он не помнил, а новое, намалеванное поверх старых табличек, гласило: «ул. Первой Баррикады». Правда, от баррикад не осталось и воспоминания, улица была тиха, двухэтажна, и только два многоэтажных дома возвышались над серыми одинаковыми строениями. Оба дома понравились Арцеулову: один имел подходящий темный подъезд, а на другом красовалась надпись «Районный комитет РКП(б)». Значит, там должен быть телефон...

Ростислав еще раз прикинул, каким образом отсюда проще добраться до центра, и вернулся в свое общежитие. Ночью он спал абсолютно спокойно, без сновидений — так, как спят перед трудным боем.

Ростислав прибыл на улицу Первой Баррикады после трех, неторопливо прошелся взад-вперед и на секунду остановился у дверей райкома. Пора... Он еще раз мысленно прокрутил в голове свой замысел, бросил беглый взгляд на отражение в оконном стекле. Фуражка со звездой, шинель с красными окрестками, револьвер на боку — порядок...

Дежурный поднял на него равнодушные глаза. Арцеулова он не интересовал. Куда важнее, что телефон стоял тут же — большой, черный, с толстым витым проводом.

— Здравствует, товарищ... — в голосе дежурного уже сквозило удивление.

— Номер ВЧК знаете? — рука Ростислава лежала на трубке. Удивление в глазах дежурного тут же сменилось живым интересом. Он на секунду замялся, заглянул в какую-то книжку и назвал несколько цифр, добавив: «Приемная».

— Барышня! — отчеканил Арцеулов. — Дайте...

На третьей цифре он замялся, но дежурный тут же просуфлировал.

Его соединили немедленно.

— Приемная главного управления...

— Говорит полковой комиссар Фельдман. — Ростислав скосил глаза, заметив, что у дежурного начинает сам собой

открываться рот. — Нужна ваша помощь, товарищи! Надо задержать опасного преступника...

— Минутку, переключаю... — собеседник на Лубянке отреагировал мгновенно. Несколько секунд в трубке царило молчание, а затем басовый мужской голос отозвался:

— Оперативный отдел. Говорите, товарищ Фельдман.

— Я только что встретил белого офицера. Карателя. Его по всей Сибири разыскивают...

— Фамилия?

— Арцеулов. — Ростислав заметил, что челюсть у дежурного отвисла окончательно. В трубке воцарилась тишина. Ростислав напряженно ждал. Должны клюнуть господа чекисты, должны!..

— Вы уверены? — в трубке звучало удивление и неприкрытая радость. — Ростислав Александрович Арцеулов, 1896 года рождения?..

— Не знаю я его года рождения! — Арцеулов повысил тон. — Капитан Арцеулов, бывший «черный гусар». Я его сразу, гада белого, узнал. Он бороду отрастил...

— Бороду? — Ростислав представил, как его невидимый собеседник внимательно вглядывается в фотографию.

— Да, бороду. И теперь у него большой шрам — на левой щеке. Но я его всю жизнь помнить буду! Он меня в Омске лично к стенке ставил...

— Где вы находитесь? — Арцеулов понял, что на Лубянке клюнули. Значит, его действительно искали.

— Улица Первой Баррикады, — дежурный что-то зашептал, и Ростислав поспешил повторить: — Бывшая Дерюжная. Я в райкоме партии...

— Хорошо, сейчас подъедем...

— Пойдите! — заторопился Ростислав. — Он может уйти. Тут, на улице, есть пятиэтажный дом. Я буду у подъезда.

— Он один? — Говоривший уже что-то приказывал, прикрыв мембрану ладонью.

— Один. Я бы его и сам, гада, взял!..

— Не торопитесь, товарищ Фельдман! Сейчас подъедут сотрудники...

Арцеулов дал отбой и вернул трубку на место.

— Товарищ... — в глазах дежурного светился неприкрытый восторг. — Может, мобилизовать коммунистов?..

— Вы что! — Арцеулов внушительно взглянул на рети-

вого большевика и мрачно добавил: — Спугнете — отвечать будете!

Этого вполне хватило. Арцеулов небрежно кивнул и вышел на улицу. До облюбованного им подъезда было около сотни метров.

...Он стал так, чтобы первым увидеть гостей. Главное, чтоб их было не очень много. С троими, даже четверыми, — он справится. Но если пришлют взвод...

Минуты тянулись медленно. Арцеулов еще раз прикинул дорогу от Лубянки до Пресни. Спокойно, спокойно... Подъедут, сволочи!..

Автомобиль вынырнул откуда-то из-за угла — небольшой, черный, как раз такой, как требовалось. Арцеулов расстегнул кобуру и шагнул на тротуар.

Авто затормозило в двух шагах. Дверцы распахнулись, оттуда выскочили двое в кожанках — постарше и помоложе. Третий остался за рулем.

— Здравствуйте, товарищи, — рука взлетела к козырьку. Только бы не потребовали документы...

— Здравствуйте! Старший оперуполномоченный Оцуп. Он здесь?

— Да. Пятая квартира. Только тише, товарищи...

Оперуполномоченный Оцуп кивнул и вынул наган. Второй, тот, что помоложе, последовал его примеру.

Ростислав кивнул на подъезд. Подъезд был всем хорош: темный, с глубоким подвалом. Двери первого этажа давно заколочены, так что шум могут даже не услышать...

— Идите за мной! — Оцуп, похоже, хотел возразить, но Ростислав быстро пошел прямо к двери. Чекисты переглянулись и поспешили следом.

Подъездная сырость дохнула застарелым смрадом. На миг Ростиславу стало весело: эти сволочи приехали брать загнанного, переодетого офицера, чтоб тащить его в лубянские подвалы для своей кровавой потехи. Попробуйте, господа!.. Сейчас второй чекист закроет дверь...

Дверь глухо хлопнула, и тут же все утонуло в сером сумраке.

— Сюда! — Арцеулов шагнул на первую ступеньку. Товарищ Оцуп попытался обогнать его, сделал шаг вперед, и на какой-то момент они поравнялись. Второй чекист отставал на какой-то шаг. Пора!

Он ударил не размахиваясь — ребром левой ладони по горлу. Оцуп захрипел. Второй удар пришелся в солнечное сплетение, и тело начало медленно оседать на ступеньки. Второй оперативник успел недоуменно поднять голову, и кулак попал прямо в открытый подбородок. Парень был крепок — сумел удержаться на ногах, но Ростислав ударил вновь — и на этот раз рукояткой револьвера по виску. Все...

На секунду он замер, переводя дух и прислушиваясь. В подъезде было тихо, еле заметные в сумраке тела безвольно застыли у входной двери. Ростислав быстро забрал оружие, сунул револьвер Оцупа в карман, а оружие второго оперативника забросил туда, где темнел вход в подвал. Теперь предстояло самое важное.

Он выглянул из подъезда. Шофер спокойно сидел за баранкой и дымил папирсой.

— Товарищ, скорее! Он уйдет!

Шофер дернулся, уронил папиросу и через секунду уже бежал к подъезду. Он успел лишь перешагнуть порог — рукоятка револьвера ударила в затылок, и еще одно тело обрушилось на цементный пол...

Порядок... Арцеулов быстро достал документы. В одном из карманов рука наткнулась на что-то странное. Наручники! Вот, значит, как!.. Наручников оказалось целых две пары — еще одна была у шофера. Сами напоролись, товарищи!..

Арцеулов защелкнул наручники на запястье старшего оперуполномоченного, приковав его к шоферу. Другая рука водителя оказалась сцепленной с лодыжкой молодого оперативника. Если попытаются встать, это будет забавно...

Арцеулов вышел из подъезда и неторопливо направился к автомобилю, на ходу просматривая документы. Три удостоверения... Комсомольский билет... А это что?

Бумажка называлась «Мандат». Лента на пишущей машинке была старой, но прочитать все же можно: «Податель сего... выполняет особое задание в интересах РСФСР... прошу оказывать... всемерную помощь...» Фамилия Оцупа была написана от руки, а внизу стояла размашистая подпись: «Ф. Дзержинский».

На такое Арцеулов не мог и надеяться. Птица попалась важная. Итак, Оцуп Абрам Моисеевич...

Он уже взялся за дверцу, как откуда-то сзади послышался ровный перестук копыт. По улице неторопливо ехал патруль. Семеро — похоже, милиция... Как раз вовремя...

— Стой! — первый милиционер дернул удила и хотел было поинтересоваться причиной, но Ростислав опередил его:

— Старший оперуполномоченный ВЧК Оцуп!

Удостоверение подействовало мгновенно. Патруль замер, на него смотрели внимательные лица.

— Откуда?

— Пресненский районный отдел...

— Прекрасно! — требовалось спешить, и Арцеулов выпалил все сразу:

— Товарищи, там в подъезде — трое бандитов. Мои сотрудники преследуют остальных. Приказываю: забрать эту сволочь и доставить в отдел!

— Так точно! — старший милиционер кивнул своим людям, и они начали спешиваться.

— Имейте в виду — бандиты особо опасные, работают под видом сотрудников ВЧК.

— Ух, гады! — в глазах милиционера уже сверкал азарт.

— Поэтому... — Ростислав на секунду задумался: — В разговоры не вступать. Никуда не звонить: могут быть сообщники. Запереть в камеры и ждать машину с Лубянки.

— Понял! — кивнул старший. — Не волнуйтесь, товарищ Оцуп! Никуда не денутся, сволочи!

— Выполняйте! — Арцеулов козырнул и сел в машину. Милиционеры уже бежали к подъезду. Если повезет, Оцупа и его людей разыщут лишь через несколько часов, а то и через сутки. Едва ли этот милиционер осмелится послушаться приказа...

Ростислав нажал на газ и тронулся с места. Теперь надо сделать пару кругов по городу — для верности, а затем ехать на Театральную площадь.

Степа стоял у подъезда Большого театра и нервно курил только что купленные папиросы «Ира». Курево было дорогое, но Косухин решил потратиться. Когда он волновался, самокрутки свертывались какие-то несуразные: табак просыпался, а во рту ощущался привкус горелой бумаги. Степа выкурил три папиросы подряд и взглянул на часы. Без пяти минут шесть.

Прошедший день не прибавил оптимизма. В общежитии, где пришлось ночевать, только и было разговоров о посылке на новый фронт — под Тамбов, где объявилась целая

кулацкая армия во главе с бывшим начальником местной милиции. Поговаривали о «волынке» на заводах Питера, которая не стихала, несмотря на уговоры и решительные действия ВЧК. Косухин с трудом понимал происходящее. Выходит, в стране новая революция! Но против кого? С кем собираются бороться рабочие Красного Питера и крестьяне Тамбова?

Хватало и вовсе поганых слухов. Начались аресты состава. И не «бывших», а своих, прошедших всю войну. Конечно, это бывало и раньше. В девятнадцатом «разменяли» Антона Богунского, Колю Щорса и товарища Кочубея, в двадцатом — шлепнули Думенко, а теперь взяли самого товарища Миронова — командарма Второй Конной! Интересно, кто следующий? Комиссар Лунин? Или он сам, излишне строптивый Степка Косухин?

Недокуренная папироса упала в лужу. Во рту стало горько, и не одни папиросы были тому причиной. Эх, влип ты, Косухин, чердынь-калуга! Всюду клин — даже не будь Шеккар-Гомпа. Когда в 17-м их звали на штурм мирового капитала, никто не думал, что через четыре года молодые командиры РККА станут опасны... Интересно, для кого? Для дела революции? Или для товарища Агасфера, будь он трижды неладен!

На часах ровно шесть. Косухин оглянулся: Ростислава не было. Степа вздохнул, хотел достать четвертую папиросу, и тут, совсем рядом, мягко затормозило черное авто. Косухин дернулся: он знал, кто ездит на таких автомобилях. Да и номер был приметным — не спутаешь...

— Садитесь, господин полковник!

Белый гад Славка Арцеулов распахнул дверцу и подмигнул:

— Нравится?

Косухин хотел было пуститься в расспросы, но решил, что место явно неподходящее. Он плюхнулся на переднее сиденье и взглянул на беляка. Ростислав был в хорошем настроении, даже весел: не иначе сотворил шкоду делу революции...

Авто миновало Театральную площадь и выехало к Манежу. Тут только Степа опомнился:

— Ростислав, ты... Откуда машина? Это же с Лубянки!

— Так точно, — Арцеулов слегка оскалился и вновь подмигнул: — Одолжил на время. Держите...

Он сунул Степе небольшую книжечку — удостоверение агента второго разряда главного управления ВЧК.

— Запомните фамилию... На всякий случай, я Оцуп Абрам Моисеевич, старший уполномоченный. Вы...

— Балаев Иван Иванович... Славка, ты что?

— Нервы, господин красный командир? — Арцеулов уже не улыбался. — По-моему, очень удобно. Я проверял — пропускают всюду, даже бензин залили бесплатно... Вещи собрали?

— Какие вещи, чердынь-калуга! — Степа наконец-таки рассердился. — Ты что это, белый гад, сообразил! Да ты же контра!

— По-моему, я этого никогда не отрицал. Все, эмоции — потом. Вещи собрали?

— Да какие вещи! — злость сменилась растерянностью. — Все со мною. Только рисунки у Кольки оставил. На память...

— Ингвара рисунки?

— Ага... — Косухин вздохнул: рисунков было жаль. — Я это... Велел Кольке завтра на Лубянку пойти. Меня заложить. А то пропадет парень...

Арцеулов кивнул:

— Верно. Если уцелеем — уйдем через эстонскую границу. Я договорился.

Степа не ответил. Насчет дальнейшего у него имелся свой план.

— Хорошо. Слушайте, Степан... Сейчас мы подъедем на Арбат...

Арцеулов излагал свой план четко и понятно, словно отдавал приказ перед атакой. Спрашивать было поздно — надо запоминать. Слушая, Косухин немного позавидовал беляку: сам он едва ли до такого додумался бы. Хотя почему бы и нет, чердынь-калуга! Додумался, если б не занимался интеллигентскими самокопаниями. Ишь, сомнения замучили, словно гимназистку!

— Повторять не надо? — Арцеулов искоса взглянул на хмурого Степу. Тот покачал головой:

— Не маленький. Ладно, авто где взял и документы?

Ростислав усмехнулся и в нескольких словах описал случившееся.

— Шлепнут тебя, Ростислав, — вздохнул Степа. — И меня разом с тобой!

— Да ну? — удивился Арцеулов. — А я думал, что нам с

вами от большевиков пенсия положена. Степан, у вас что — память в Шекар-Гомпе током отшибло?

— Не отшибло, — буркнул Косухин, отворачиваясь от самоуверенного беляка. Авто миновало Манежную площадь и не спеша сворачивало направо, в сторону Собачьей Площадки. — Только ты, Ростислав, учти: я против трудового народа не пойду!

— Знаете, Степан, я тоже. К трудовому народу претензий не имею. Если так жалко господ чекистов, то успокойтесь: по-моему, они отделаются лишь синяками...

Косухин замолчал, чувствуя, что беляка не переспоришь. Впрочем, время для выяснения отношений кончилось. Автомобиль въехал на Собачью Площадку. Возле музыкального училища Ростислав затормозил.

— Садитесь за баранку. Я теперь — господин чекистский генерал, мне не положено. Где газ, показать?

Косухин даже задохнулся от возмущения:

— Да ты!.. Я «Муромец» водил!

Арцеулов закашлялся, и Степе стало стыдно. Похоже, он разучился понимать элементарные шутки.

— Не спешите, — негромко говорил Ростислав, пока Степа выруливал на нужную улочку. — Такие машины не спешат... Без моей команды из авто не выходить. В любом случае — не стреляйте...

— Да помню я...

— Вот он... — Ростислав кивнул налево. Косухин и сам заметил особняк — и двоих в штатском, стоявших на тротуаре.

Арцеулов едва успел открыть дверцу, как охранники оказались рядом. Руки были наготове — в карманах. Казалось, секунда — и начнется стрельба. Степе стало не по себе: мало ли какой приказ имеют чекисты!

— Старшего! — Тон Арцеулова был высокомерен и презрителен. Удивленные чекисты застыли.

— Я, — вымолвил наконец один. — Агент первого разряда Гусев.

Арцеулов ткнул ему в нос удостоверение. Это был решающий момент: вдруг эти типы знают Оцуца?

— Слушаю вас, товарищ старший оперуполномоченный!

Степа перевел дух. Ростислав, казалось, и не сомневался в успехе:

— В доме трое?

— наших? Так точно — трое, товарищ старший...

— Не при старом режиме! — Арцеулов легко махнул рукой. — Бросьте чины! Отвечайте коротко: объекты там?

Степа вздохнул. Интересно, где Ростислав нахватался таких словечек? «Объекты»! Ему бы в жизнь такое не придумать!

— Так точно. Француз недавно пришел. Главный, как обычно, не выходил...

Арцеулов сделал суровое лицо:

— Всех наших — сюда! Без шума!

— Есть!

Один из чекистов метнулся к двери и позвонил. Ростислав быстро оглянулся: Степа уже вошел в роль, на лице у него была написана высшая деловая сосредоточенность.

Через минуту на тротуаре стояли пятеро — двое «наружников» и трое из внутренней охраны, даже не успевших надеть пальто.

— Ознакомьтесь! — Арцеулов достал мандат. Агент первого разряда Гусев осторожно взял бумагу и прочитал вслух. Чекисты замерли.

— У меня приказ, — Ростислав, неторопливо спрятав мандат, выждал для солидности секунду-другую. — Приказ секретный. Ваша задача — ничего не спрашивать и выполнять все мои распоряжения...

Возражений не последовало. Мандат с подписью Дзержинского делал свое дело.

— Ставлю задачу: двое остаются у дверей, трое оцепляют дом со стороны сада. Никого не подпускать. Подчеркиваю — никого. Стрелять после первого же предупреждения!

Чекисты переглянулись. Гусев кивнул:

— Так точно. Только... Может, вам помощь нужна?

— Не понял? — Тон Арцеулова стал настолько сух, что агент первого разряда тут же стал по стойке «смирно». — Теперь еще: что бы ни происходило в доме — не реагировать. Вопросы?

Вопросов не было. Арцеулов взглянул на замеченный им еще вчера телефонный провод:

— Городской?

— Так точно. Обычный городской. Обещали провести специальный...

— Провода разъединить. Товарищ Балаев! Сюда!

Степа, сообразив, что Балаев — это он, выскочил из ма-

шины. Один из чекистов дернул телефонный провод и показал Арцеулову обрывок. Ростислав кивнул: теперь обитатели особняка не смогут позвать на помощь.

— Оружие! — Степа вынул револьвер и привычно повернул барабан. Ростислав указал на дверь. Старший агент Гусев достал ключ, и через секунду вход был открыт.

— Никого не пускайте! — повторил приказ Арцеулов. — Придет смена — передайте им все распоряжения.

— Так точно, — вновь повторил чекист и не выдержал: — Правильно, товарищ старший оперуполномоченный! Эти буржуи у нас уже поперек горла! Трескают апельсины, сволочи, а наши дети и сахара не видят...

Ростислав взглянул на чекиста и внезапно для самого себя зло бросил:

— Ничего, подавятся!

Косухин замер у двери, держа оружие наготове. Ростислав остановил его движением руки и быстро заглянул внутрь:

— Я пошел...

Внутри неярко горела лампа. Небольшая прихожая была заставлена нераспакованными ящичками, дальше начинались ступеньки ведущей на второй этаж лестницы, влево и вправо уходили темные коридоры.

Арцеулов вошел и махнул рукой. Степа тут же оказался рядом.

— Засов!

Косухин быстро задвинул тяжелую щеколду. Теперь в дом никто не войдет. Даже если начнут ломать дверь, времени понадобится немало.

— Ну вот, товарищ Балаев, — усмехнулся Ростислав. — В особняк я вас доставил. Что будем делать дальше?

Степа ответил не сразу. Почему-то казалось, что их встретят выстрелами в упор. Но вокруг была тишина, словно дом вымер.

— Жаль, что вас знают в лицо, Степан. С такими документами можно хорошо прижать их к стене. Может, я сам поговорю?

— Да ты чего? — не согласился Косухин. — Шлепнут за милую душу! Они ж...

Он не договорил. Послышались негромкие, медленные шаги. Кто-то шел слева, из коридора. Степа дернул руку с револьвером. Шаги приближались, из темноты проступило светлое пятно.

— Говорить буду я, — шепнул Ростислав. — Отойдите в тень...

Из темноты выступила высокая фигура в темном, глухо застегнутом костюме. Из-под черного куртка белело пятно манишки. Лицо тонуло в темноте — человек держал лампу так, чтобы видеть гостей и не особо показываться самому.

— Вы ко мне, господа?

Степа узнал голос Берга. Арцеулов не спешил отвечать, ожидая, когда хозяин дома подойдет поближе. Тот также не торопился. Наконец он поставил лампу на один из ящиков и неторопливо шагнул вперед:

— Добрый вечер! С господином Косухиным я уже знаком. Могу я узнать ваше имя, сударь?

ГЛАВА 11

Другие небеса

Теперь Берг стоял так, что свет лампы освещал лицо. Арцеулов поразился: в полутьме оно казалось каменным, неживым. Недвижная белая маска, похожая на высеченные из мрамора портреты римских цезарей. Губы не двигались, даже глаза походили на кусочки темной слюды.

— Моя фамилия Арцеулов, господин Берг...

— Ростислав Александрович? — Каменные губы шевельнулись, но лицо оставалось неподвижным. — Меня предупреждали... Вы пришли убить меня?

— Мы, это... не убийцы, чердынь-калуга! — не выдержал Степа, — молчали бы лучше! А еще ученый человек!

— Вы злопамятны, господин Косухин! — Губы сложились в подобие улыбки. — Вас так напугал малыш Бриарей? Ну что ж, господа, здесь неудобно беседовать. Пойдемте...

— Пойдите! — Арцеулов не любил, когда противник брал инициативу на себя. — В доме есть еще кто-то?

— Кто-то? — В голосе прозвучали удивление и насмешка. — Вас интересует господин Сен-Луи? Он наверху...

Ростислав хотел позвать Гастона, но тут послышались быстрые дробные шаги, и на лестнице показался сам ученик мадам Кюри. Гастон действительно прихрамывал, но двигался очень быстро. Скатившись вниз, он замер, расте-

рянно переводя взгляд то на непрошенных гостей, то на Берга.

Арцеулов покачал головой. Избранник Наташи вблизи смотрелся не лучшим образом. Гастон был лысоват, кривоног, вдобавок успел отрастить заметное брюшко. На пухлом лице вызывающе торчали маленькие усики. В глазах светился страх, узкие тонкие губы нервно кривились.

«Что она в нем нашла? — невольно подумал Ростислав. — Экая жаб!»

— Добрый вечер... — проговорил Гастон по-французски. Тут его взгляд остановился на злорадно усмехавшемся Косухине.

— Степан, проверьте оружие...

Косухин вновь усмехнулся и шагнул к Гастону. Тот дернулся, рука полезла в карман, но Степа легко перехватил кисть — револьвер упал на пол. Сен-Луи дернулся, но легкий удар по шее заставил француза разом присмиреть.

— Стой спокойно, — Степу тянуло врезать Гастону от всей души, и он еле сдерживался. — Шевельнешься — придушу, чердынь-калуга!

— Он не понимает по-русски, — спокойно заметил Берг. — Не тратьте свое пролетарское красноречие, господин Косухин... Больше в доме никого нет, господа. Меня можете не обыскивать: оружия не ношу...

Сказано это было так, что поневоле верилось. Казалось, Берга не смущает происходящее. Он был холоден и насмешлив, словно забавлялся редкой изысканной игрой.

— Если не возражаете, поговорим в моей лаборатории. Это в подвале. Господина Сен-Луи можете оставить здесь...

— Нет, — решил Арцеулов. — В доме есть комната с надежным замком?..

— Сколько угодно! Прошу...

Берг взял лампу и неторопливо шагнул в темноту коридора. Арцеулов секунду поколебался: все-таки ему навязывали правила игры, — но решил рискнуть. Степа ткнул француза в спину, и Гастон покорно поплелся впереди. Ростислав шел последним, то и дело останавливаясь и прислушиваясь.

Возле одной из дверей Берг остановился, достал из кармана ключ и отпер замок:

— Прошу!

Свет лампы упал на шкафы с книгами, стол, кресла. Других дверей в комнате не было, а на окнах темнели ре-

шетки. Арцеулов бросил взгляд на замок: изнутри он открывался только ключом.

— Степан! Вот нож, обрежьте веревки от занавесей и стреножьте этого типа...

Косухин усмехнулся и не без удовольствия принялся за дело. Гастона он усадил в кресло и как следует привязал его, постаравшись затянуть узлы потуже. Француз взвизгнул, но Степа дал ему подзатыльник, и визг тотчас прекратился. Берг спокойно ждал:

— И все-таки у вас уголовные наклонности, господа. Признаться, мне все кажется, что вы сейчас начнете выносить серебро...

— Ничё, буржуй, — зло бросил Степа. — Это тебе не Париж, чердынь-калуга! Разберемся...

— Вы правы, господин Косухин. При подобном зрелище я сразу чувствую себя дома...

Арцеулов не вступал в разговоры, предпочитая наблюдать. Гастон явно в панике, а вот сам хозяин... Берг не боялся — он был спокоен и уверен в себе. Арцеулов знал, что у людей бывают крепкие нервы, но Берг, похоже, не притворялся. Он что-то знал — или на что-то надеялся.

Комнату заперли на ключ, Берг подождал, куда Степа как следует дернет дверь, проверяя крепость замка, и не спеша пошел дальше. Коридор кончился небольшой лестницей, ведущей вниз, в подвал. Сквозь приоткрытую дверь просачивался свет.

— Моя лаборатория, господа. Там нам не помешают...

Тон его не понравился Ростиславу. Он щелкнул предохранителем и быстро спустился вниз. За дверью было тихо. Он заглянул внутрь — в глаза ударил электрический свет. Лаборатория больше походила на мастерскую: всюду стояли какие-то ящики, валялись инструменты, а дальнюю часть комнаты занимал огромный стол, весь заставленный приборами. Окон не было, стены — голые, кирпичные.

— Другой выход есть?

— Нет. Взгляните сами...

Арцеулов еще раз осмотрел комнату. Слева ящики, которые, похоже, только начали распаковывать, кресло, три стула, стол с приборами... Ничего, похожего на дверь, он не заметил.

— Заходите...

Берг неспешно спустился по лестнице, поставил лампу

на ближайший ящик и прошел к креслу. Арцеулов кивнул Степе на стул. Косухин понял и пристроился там, держа оружие наготове. Ростислав подождал на пороге и закрыл входную дверь. Дверь ему понравилась: вышибить такую сложно, вдобавок имелся мощный засов. Задвинув его, Арцеулов почувствовал себя в некоторой безопасности. Здесь можно обороняться долго. Правда, случись что, уходить отсюда некуда...

— Вот-с, господа, — Берг удобно откинулся на спинку кресла и обвел лабораторию руками. — Можете ознакомиться. Правда, я только начал устраиваться... Впрочем, насколько я понял, наука вас не интересует...

— Посмотрим, — неопределенно реагировал Ростислав, вновь оглядывая лабораторию. Ничего особенного он не увидел, разве что химическую посуду на столе. Берг был физиком, но, вероятно, не ограничивал себя только этой наукой. Внезапно взгляд зацепился за какую-то странность. Прямо над креслом хозяина к стене были прикреплены две небольших звезды, сделанные из темного металла. Одна из них напоминала большевистскую пентаграмму, но почему-то перевернутую. Другая была шестиконечной — Могендавид...

— А это что? Балуетесь черной магией, господин Берг?

— Это? — Взгляд темных глаз на миг взметнулся вверх. — Это давние символы мудрости и могущества. Когда-то они висели в лаборатории великого Агриппы Нестингеймского. Неучи тоже считали его чернокнижником...

Намек был ясен, но Ростислав не стал реагировать. Да, Берг спокоен. Здесь, при электрическом свете, его лицо уже не казалось каменным. Просто оно было необыкновенно бледным — лицо человека, который редко видит солнце. Время от времени по лицу пробегали едва заметные судороги. Это был не страх — скорее сдерживаемый гнев.

— Вы не предупредили меня о визите, господа, поэтому я не сумел должным образом подготовиться. Впрочем, там на столе, кажется, есть коньяк...

Степа и Арцеулов переглянулись. Пить в таком доме они не собирались. Здесь даже дышать казалось опасным...

— Итак, насколько я понял, ваш визит предпринят не с санкции здешних властей. Это попросту грубое вторжение. Я вовсе не обязан беседовать с вами...

— Обязаны, господин Берг, — Арцеулов решил, что

пора брать инициативу в свои руки. — Я не представляю здешние власти. Я русский офицер, а вы — человек, подозреваемый в измене. Сейчас вы будете отвечать на вопросы. Малейшее сопротивление или неискренность — и я пущу вам пулю в лоб...

— И станете обычным убийцей, — пожал плечами Берг. — Если вы русский офицер, а не бандит, то извольте вести себя подобающе...

— Вот как? — Арцеулов невольно усмехнулся. — Год назад я получил приказ от адмирала Колчака. Я должен завершить программу «Мономах». Так что полномочий у меня хватает...

— Вы понимаете их чересчур широко... Но вы, господин... Косухин, по-моему, не служили адмиралу Колчаку? Вообще, вы странная пара, господа...

Степа не реагировал. Внезапно ему показалось, что Берг попросту тянет время.

— Хватит, — Арцеулов присел на стул и положил револьвер на колени: — Вопрос первый, господин Берг. Почему вы уехали из Парижа и теперь сотрудничаете с большевиками?

— Я не сотрудничаю с большевиками! — На миг в темных глазах сверкнул гнев. — Я работаю не на них! Вы меня поняли?

— Нет. Повторяю вопрос...

— Лабораторию в Париже разломали? — не выдержал Степа. — Бумаги все спалили, нет?

— «Разломали»... — губы презрительно дернулись. — Вам что за печаль, молодой человек? Вы-то почему переживаете за моих парижских знакомых...

Теперь уже и Арцеулов видел: хозяин дома тянет время. Надо не давать ему говорить лишнее...

— Вы неправильно ставите вопрос, господа. Даже этому вас не обучили...

— Ладно, — кивнул Арцеулов. — Давайте иначе. Вы размонтировали установку «Пространственный луч». Почему?

— Потому что связь с Тускулой опасна.

— Для вас?

— Для Земли. Для всей Земли, понимаете? То, что я делаю, необходимо не большевикам! Я работаю в интересах всего человечества!

— В большевистской Столице? — не выдержал Арцеулов.

— Именно здесь, молодой человек! В Париже собрались озлобленные беглецы, помнящие и думающие лишь о прошлом. Их замыслы направлены назад, а не вперед...

— Это «Мономах»-то! — не сдержался Степа.

— Не «Мономах», господин Косухин, — голос Берга на миг потерял невозмутимость. — Не «Мономах», который вообще устарел после изобретения «Пространственного луча». Тускула! Из нее хотят сделать колонию вооруженных эмигрантов, желающих вернуть старое. Этаким межзвездный Кобленц! Именно в этом заключается проект «Надежда»! Если бы не подобные бредни, полковник Лебедев был бы жив!

— Что? — В глазах у Степы на миг потемнело. — Значит, это правда! Коли больше нет...

— Когда мы первый раз встретились, я имел основания считать вас обыкновенным агентом ВЧК и потому не собиравшись открывничать. Ваш брат погиб, пытаясь перейти по каналу «Луча» с Тускулы. Что-то не удалось... Мы похоронили его в колумбарии Пер-Лашез...

Холод охватил сердце, а разум все еще отказывался верить. Коля, братан... Сильный, всегда спокойный, защищавший Степу в детстве, пересказывавший ему Жюля Верна... Летчик, водивший «Муромцы»...

Командир эфирного корабля... Да как же это?..

И вдруг память подсказала... Церковь Иринея, и слова бандитов: «Берг велел найти вас, чтобы сообщить о вашем брате!», и «Отправляйся к нему, красная сволочь!». Берг врал! Он прекрасно знал, кто такой Степа, еще в Париже! Врал и сейчас — Степа чувствовал это...

— Что случилось с Натальей Федоровной? — Вопрос Арцеулова подсказал путь. Верно, пусть ответит!

Берг легко пожал плечами:

— Я избавил свою племянницу от слишком тяжелых воспоминаний. Она снова стала прежней. На здоровье это никак не сказалось, напротив...

«Сволочь!» — хотел было крикнуть Степа, но сдержался. Похоже, Берг специально выводит их из равновесия и тянет время.

— Кто организовал ваш переезд из Парижа? — Арцеулов продолжал спрашивать, но тоже чувствовал: происходит что-то не то. Они оказались не готовы к этой встрече.

— Нет, господа, — по бледному лицу вновь скользнула снисходительная улыбка. — Вы так ничего и не поняли! Вы, обыкновенные люди, случайно столкнулись с тем, что выше вашего понимания. Не обижайтесь, господа! Вы просто дикари, умеющие лишь убивать и грабить...

— Возможно, — Арцеулов усмехнулся в ответ, сдерживаясь, чтобы не нажать на курок. — Но вы тоже, господин Берг, просты до невозможности. Вы — предатель! Обыкновенный изменник, купившийся за большевистский паек! Я таких ставил к стенке еще в 17-м...

— Нет... — Карл Берг медленно встал и выпрямился во весь свой огромный рост. — Вы искали правды? Вот вам крашек... Я служил Империи и моему Государю. Но потом пришел тот, кто является истинным Владыкой. Он сокрушил Империю и утвердил свою власть. Скоро ему будет принадлежать весь мир. И тогда люди получают то, чего были лишены по собственной глупости и темноте. Мой долг, долг ученого, помогать этому...

— Люди? — хмыкнул Степа. — А он, этот ваш Владыка, он чего — не человек?

— Это не важно. У него много имен и много лиц. Он долго ждал, но теперь настал нужный час. Он принес свет — и горе вам, слепым...

Принес свет... Арцеулов уже слышал об этом. Чернобородый Гуаско тоже ждал Светоносного...

— О Люцифере изволите говорить, сударь? — Арцеулов искал в высокопарной речи Берга какой-то подвох, но тот был искренен. Значит, еще один ждет пришествия Лха Старшего Брата!

— Люцифер... Я назвал вас дикарями и не ошибся. Такие, как вы, спешат к бородатым шаманам в чумы, пропахшие ладаном... Да разве важно, кто он? Пусть будет Люцифер, если только такое доступно вашему пониманию...

— А зачем обязательно Люцифер? — внезапно подняв голову Косухин. — А может, чердынь-калуга, Агасфер?

И тут Берг впервые дрогнул. Что-то похожее на растерянность промелькнуло на его бескровном лице. Ростислав удивленно поглядел на Степу.

— А вы не так просты, молодой человек... — темные глаза взглянули на Степу в упор. — Что ж, можете умирать спокойно. Для такого, как вы, вам удалось узнать много. Даже слишком много...

— А вы не преувеличиваете? Насчет умирать? — Арцеулов выразительно взглянул на свой револьвер.

— Я? Ничуть, господин Арцеулов. Тот, кому я служу, способен защитить. Впрочем, я и сам не очень боюсь вас. Можете спрятать револьверы, они не понадобятся... Скажу напоследок, чтоб успокоить вас. Вы — белые и красные — душили друг друга четыре года с бешенством, достойным дикарей. Ваши товарищи проиграли, господин Арцеулов, но не горюйте. Господа большевики тоже не нужны моему хозяину. Война требовалась, чтобы истребить наиболее диких, которые могли бы помешать прогрессу. Одно дикое племя уже разбито. Что касается победителей, господин Косухин, то от них скоро избавятся. У моего владыки достаточно сил... И тогда вся ерунда будет отброшена — и Светоносный выступит открыто. Все уже готово — и далеко отсюда, среди мертвых гор, скоро забьется сердце нового мира...

— Это Шекар-Гомп? — торжественная речь не смутила Ростислава. Пора сбить спесь с этого мерзавца.

— Вы, кажется, были там? Все равно: слепые не увидят солнца. Вы разглядели лишь старые стены — и хватит с вас...

— Ладно, — Арцеулов тоже встал и не спеша прицелился прямо в бледный лоб Берга. — А теперь быстро: имя, фамилия и должность вашего... Светоносного...

Берг покачал головой и легко взмахнул рукой. Электрический свет скользнул по старому тусклому металлу. Перстень... Арцеулов всмотрелся. Нет, перстень был другой: на печатке вместо знакомых змеек темнела странная голова с распущенными волосами. Горгона...

— Не смешите, господа! Ваш свинец хорош лишь для таких дикарей, как вы сами. Господин Косухин, помните церковь Святого Иринаея? Тогда вам повезло — во-первых, в ваши дикарские руки попала действительно важная вещь, а во-вторых, трус Гастон напелл такое, что я предпочел не вмешиваться... Так что уберите револьвер...

Косухин понял. Тогда у них с Тэдом были ножны — и пули не нанесли вреда. Теперь это... Напридумали артефактов, чердынь-калуга!

— Знакомый перстень? Ах да, маленькая деталь... Горгона! Мне она нравится больше, чем эти нелепые змеи. Вы, дикари, держали в руках то, что могло сделать вас могучими, но для вас это был лишь шаманский амулет...

Берг легко коснулся перстня — и серебристый щиток с Горгоной остался в руке. И тут словно маленькое солнце засветилось на его пальце — камень, белый камень чистой воды, сверкающий десятками граней...

Вот оно! Перед глазами у Степы встала старинная гравиюра: Артур, окруженный врагами, со сверкающим перстнем на пальце. Эх-ма, проглядели!

Арцеулов подумал о другом. Охс Вагрэ — Перстень Духов. «Если же кто-то не только зл, но и проницателен — то да поможет всем нам Высокое Небо...»

Берг кивнул, довольный произведенным эффектом:

— Не догадались, господа? Теперь эта вещь в надежных руках. Я понял покуда немногое — но этого хватит. Для вас перстень был все равно бесполезен. Он не помог вам — и не спас господина Лебедева...

Степа понял. Дыхание перехватило — все наконец стало на свои места:

— Гад! Сволочь! Ты убил Николая!

Выстрелы прогремели как гром — низкие своды отразили звук, породив гулкое эхо. Огоньки пуль ярко вспыхнули — и тут же вокруг фигуры Берга расплылось легкое сияние. Степа выстрелил вновь и наконец опустил бесполезный револьвер.

— Ничего, Степан, — Арцеулов неторопливо засунул оружие в кобуру и шагнул вперед. — Я этого мерзавца руками придушу!

— Поздно! — Голос Берга был полон насмешки, и словно в ответ раздался оглушительный удар. Ростислав отскочил в сторону и оглянулся: дверь, сорванная с петель, бесильно покачивалась на уцелевшей скобе.

— Ростислав, назад! — Степа первым увидел его. Бриарей стоял в дверях, глиняная маска казалась бесстрастной, но маленькие глаза горели злым огнем. Голем был зряч, только теперь поверх глаз надеты толстые прозрачные линзы.

«А я не верил! — с запозданием подумал Арцеулов. — Куда ж этого негодяя бить? В глаза?»

— Мой малыш снова здоров, — Берг вновь сел в кресло, с усмешкой поглядывая то на своих гостей, то на глиняного монстра. — Кстати, он вполне разумен и ничего не забыл. Убей их, Бриарей!

Арцеулов смерил расстояние. Три шага — пустяк. Монстр медленно повернулся всем туловищем, разгляды-

вая своих врагов. За ним мелькнула тень: Гастон де Сен-Луи заглянул внутрь и поспешно отскочил.

«Здорово придумано, чердынь... — мелькнуло в голове у Степы. — Ладно, что там Шарль писал? Дырка на спине?»

Но голем не собирался подставлять врагам спину. Медленно, словно нехотя, он сделал шаг вперед. Выстрел — пуля щелкнула по прозрачным линзам.

— Не тратьте пуль, господа! — Невозмутимость Берга исчезла. Он довольно улыбался, предвкушая редкое зрелище. — Я подумал об этом... Бриарей, не убивай их сразу! Схватишь первого — оторви ему руку: чтоб отбить охоту браться за оружие...

Вторая пуля вновь отскочила от прозрачного забрала. Бриарей был уже рядом — глиняные клещи медленно тянулись к горлу. Ростислав чертыхнулся и отскочил подальше, к центру комнаты. Стул! Бриарей легко парировал удар, по комнате разлетелись деревянные щепки. Красные глазки горели ненавистью — нет, это не машина! Обличье истукана скрывало злой примитивный разум, способный не только думать, но и чувствовать. Арцеулову не было страшно, скорее он растерялся, в который уже раз осознав, что привычное оружие бессильно. Приходилось отступать.

Теперь монстр стоял в центре лаборатории. Прямо перед ним был стол, заставленный приборами и разнообразными колбами — пустыми и полными. Стол тянулся почти до самой стены, оставляя два узких прохода. Степа оказался слева, где чуть пошире, Ростислав — справа, где было трудно даже повернуться.

Бриарей секунду раздумывал, медленно поворачиваясь из стороны в сторону. В комнату вновь заглянул Гастон, на этот раз не став прятаться. Он застыл у двери, пухлое лицо раскраснелось, а рука то и дело тянулась ко рту: у талантливого физика имелась, похоже, привычка грызть ногти. Берг тоже стоял, скрестив на груди длинные руки, на бледном лице застыла торжествующая улыбка.

Косухин видел своего врага не впервые и ощущал не растерянность, а злость. Ишь, придумали гады! На что тратьют мозги, интеллигенты! Стрелять было бессмысленно, но револьвер Степа не бросал. По Бергу не попадешь, глиняный урод пуля не боится, ну что ж...

Бриарей стал медленно поворачиваться в ту сторону, где замер Арцеулов, и тут Степа выстрелил. Пуля щелкнула о стену возле самого уха Гастона. Тот взвизгнул и рухнул

на пол. Еще одна пуля заставила мсье де Сен-Луи перевернуться и вновь вскочить на ноги. Лабораторию наполнил отчаянный крик. Косухин не попал — и не стремился упасть, но дикие вопли Гастона заставили обернуться Берга. Бриарей дрогнул, остановился и стал не спеша оборачиваться.

— Ростислав! У него должна быть дырка! Сзади!

Арцеулов быстро обернулся и кивнул, вспомнив слова Льва из Праги. Едва ли Берг пренебрег этой важной предосторожностью! Только бы голем повернулся...

Но Бриарей не стал подставлять спину. Резкий окрик Берга — и монстр вновь обернулся к Ростиславу. Воспользовавшись моментом, Гастон на четвереньках выскочил из комнаты.

— Я обойду его! — Степа сделал шаг вперед, надеясь, что Бриарей двинется на Арцеулова, тогда можно будет зайти со спины — и влепить чудищу свинцовый гостинец. Монстр не спеша сделал шаг. Арцеулов стоял на месте, внимательно следя за тем, чтобы не оказаться на расстоянии удара. Еще шаг — и глиняные клещи взметнулись, но Ростислав быстро отступил. Бриарей, казалось, на секунду потерял равновесие — лапы тянулись к человеку и туловище начало наклоняться. Но он выпрямился и сделал еще один шаг.

Косухин бросился вперед. Надо преодолеть не больше двух метров, и он окажется прямо за спиной чудовища. Револьвер был наготове, оставалась какая-то доля секунды, но Бриарей повернулся — не медленно, как незадолго до этого, а молниеносно, рывком. В воздухе мелькнула тяжелая лапа. Спасла реакция — удар не попал в голову, а пришелся по плечу. Степа рухнул на пол, револьвер откатился к ногам Берга. Тот усмехнулся и легким ударом носка отбросил оружие в угол.

Через секунду Степа был уже на ногах. Бриарей стоял вполоборота, словно размышляя, броситься ли ему на Косухина или двигаться дальше, где стоял Ростислав.

Степа хлопнул себя по карману — рука наткнулась на металл. Револьвер Гастона — он и забыл о нем! Через секунду оружие было в руке. Ну, теперь посмотрим! Куда бы ни двинулся голем, спину он все равно подставит. Только бы не вмешался Берг...

Но физик и не думал вмешиваться. Он по-прежнему стоял у кресла, лицо кривилось презрительной ухмылкой, в

руке дымилась сигара. Берг наслаждался зрелищем, сдобривая его табачным дымом...

Бриарей вновь двинулся на Ростислава. Степа приготовился. На этот раз он не будет подходить близко, хватит и двух метров — он не промажет. Монстр сделал шаг — и вдруг резко повернулся. Глиняные лапы схватились за край огромного стола. Миг — и зазвенела стеклянная посуда. Тяжелый стол, сдвинутый могучим рывком с места, придавил Степу к кирпичной стене.

Он не выронил оружия, но толку теперь от револьвера было мало. Стол казался чугунным — сдвинуть его с места хотя бы на миллиметр было почти невозможно. Да и времени не оставалось: Бриарей, обезопасив себя от одного из врагов, теперь двигался на другого.

Ростислав отступил на шаг, затем еще... Дальше — стена. Бриарей надвигался, несокрушимый, словно скала. Красные глазки горели торжеством, огромные клещи поднимались, готовые схватить врага.

Ростислав сжал зубы и поднял револьвер. Пули били в упор. На глиняной поверхности оставались глубокие царапины, но большего сделать было нельзя. Впрочем, выстрелы на минуту задержали монстра. Он замер, словно ожидая, пока у Арцеулова кончатся патроны. И вот револьвер бесполезно щелкнул — барабан пуст. Глиняные лапы начали приподниматься, растопыренные пальцы тянулись к горлу...

Степа барахтался, пытаясь отодвинуть проклятый стол. Он сдвинул его настолько, чтобы повернуться и прицелиться. Не получалось: Бриарей стоял к нему боком. Степа начал лихорадочно соображать. Уходить Ростиславу некуда — тупик. Выскочить Бриарей не даст...

Огромные лапы взметнулись, Арцеулов дернулся в сторону, и глиняные клещи поймали воздух. Но теперь уходить было совсем некуда: Ростислав оказался в узком углу между стеною и столом. Руки Бриарея широко раскинулись, не давая человеку проскочить. Еще секунда, другая...

Косухин бросил взгляд на Берга — физик с наслаждением затягивался толстой сигарой, словно буржуй с агитационного плаката. Вспыхнула ненависть. Чужими руками воюет, гад! Хоть бы кровь ему пустить, прежде чем доведется загнуться!

И тут Косухин вспомнил. Кровь! Лев из Праги писал...

Рука стала шарить по столу. Колба! Пустая — не годит-

ся... Ага, вот полная... Этот гад не боится пуль... А ежели чего попроще?

Колба была большая, наполненная мутным раствором. Рука привычно взвесила ее, глаза уже оценивали дистанцию. Саженой пять... Только б не сдвинулся с места...

Степа отвернулся, словно собираясь метнуть колбу в голема. Рука взлетела в воздух — и Косухин, резко повернувшись, кинул стеклянный сосуд, целясь прямо в голову Берга. Зазвенели стекла — Берг все-таки успел закрыться рукой, но на тыльной стороне ладони Степа увидел проступившие красные пятна... Есть!

Бриарей, казалось, ничего не заметил. Он уже нависал над Ростиславом, пытаясь ухватить верткого врага, но тут его лапы внезапно дрогнули и застыли. Степа обернулся: Берг, морщась, перевязывал руку платком, похоже, ничего еще не сообразив.

И тут монстр как-то странно дернулся. По глиняному тулову пробежала дрожь, словно под Бриареем тряслась земля. Резкий поворот — и красные глазки уже глядели на Берга. Воспользовавшись моментом, Арцеулов вскочил на стол и одним прыжком очутился рядом со Степой.

— Кровь! — шепнул Косухин, кивая в сторону хозяина дома. Ростислав не понял, но затем зло усмехнулся: похоже, старый алхимик не ошибся!

Бриарей уже возвращался. Огромные лапы с растопыренными пальцами были протянуты вперед, движения стали резкими, неуверенными, словно разум, скрытый за глиняной оболочкой, начал мутиться.

Берг крикнул. Слова были непонятны, но в голосе уже звенел страх. Секунду-другую он выжидал, то и дело повторяя странное, непонятное слово, раненая рука взметнулась в запретительном жесте. Поздно. Бриарей был уже рядом, отрезая путь к отступлению.

Похоже, только сейчас Берг понял происходящее. Окровавленная рука была спрятана за спину, другой он пытался сдвинуть тяжелое кресло в надежде задержать монстра. Тщетно: одним ударом голем разнес преграду в щепки, и через секунду лопатки Берга коснулись кирпичной стены.

Бледное лицо уже не улыбалось. В глазах плавал ужас, губы беспрерывно что-то шептали, словно профессор надеялся остановить древними заклинаниями взбунтовавшегося слугу. Растопыренные пальцы уже тянулись к горлу.

Берг закричал, но крик тут же прервался, перейдя в хриплый стон.

Монстр не спешил: одной рукой он держал хозяина за горло, а другая ухватилась за раненую кисть. Хриплый крик — рука с сухим треском сломалась. Голем ухватил оторванную кисть окровавленной лапой и отбросил в сторону...

— О господи! — Арцеулов невольно прикрыл глаза. Степа застыл, не в силах сдвинуться с места. Такого он не видел даже на кровавых фронтах Смуты...

Рука уже была оторвана полностью. Монстр рвал хозяина на части. По полу расплывалась кровавая лужа, тело билось в конвульсиях, крик перешел в негромкий вой. Лапы чудовища ухватились за другую руку...

— Степан, — выдохнул Арцеулов. — У меня патронов нет... Остановите...

Косухин кивнул, но требовалось время, чтобы сдвинуть тяжелый стол. Наступила тишина, в которой монстр молча отрывал от тела клочья окровавленного мяса. Степа рутнулся и бросился вперед, на ходу проворачивая полупустой барабан револьвера. Секунда — и он был рядом. Бриарей, чуть наклонившись, разрывал человеку то, что недавно было горлом...

Спина казалась гладкой, но почти посередине в красноватой глине темнело небольшое отверстие. Бриарей замер, почувствовал нового врага. Огромное туловище начало выпрямляться, но Степа уже вставил револьверный ствол в темную дырку. Выстрел, другой — Косухин отскочил назад.

Монстр застыл, затем лапы начали медленно опускаться. Туловище дернулось, Бриарей шатнулся и с грохотом рухнул на каменные плиты пола.

Голем лежал навзничь, в черных щелках глаз медленно гасли кровавые огоньки. В последний раз они мигнули злым огнем — и пропали. Нелюдь был мертв.

— Степан, вы не ранены? — Арцеулов стоял рядом, лихорадочно перезаряжая револьвер. — Степан?..

— А? — очнулся Косухин. — Не-а, порядок...

— Слава богу! — Ростислав широко перекрестился. Взгляд упал на кровавое месиво у стены. Арцеулова передернуло. Смотреть на то, что осталось от Карла Берга, было страшно.

— Вот буржуи проклятые! — Степа покачал головой, чувствуя, что к горлу подступает тошнота. — Навыдумывали, сволочи! Слушай, Слава, ну разве так можно?

Ростислав взглянул на Степу. Красный командир, только что спасший их обоих от верной гибели, казался растерянным и ослабевшим. Ненависть покинула душу — остались лишь недоумение и боль.

— Он это заслужил, — Арцеулов положил руку на Степино плечо. — Это ему за вашего брата...

— Николай... Коля... — Косухин сглотнул горькую слюну и выдохнул:

— За Колю его надо было судить! Судить гада — и к стенке. А так... Так люди не должны погибать! Не должны!

— Он сам это придумал. — Ростислав окинул взглядом залитую кровью комнату, мертвую глиняную тушу, бесильные клешни и добавил: — Надо уходить...

Степа кивнул и медленно направился к двери. Арцеулов оглянулся — глаза резанула яркая вспышка. Перстень лежал на полу, рядом с кровавой лужей. Странно, но ни одно пятнышко крови не попало на старое серебро.

Подходить было страшно, но Ростислав сделал над собой усилие и подобрал кольцо. Неподалеку лежал револьвер Косухина — он захватил и его. Еще ничего не кончилось, оружие могло понадобиться...

В коридоре мелькнула тень. Хлопнула дверь.

— Гастон! — Арцеулов сообразил первым. Оставлять негодя на свободе не следовало. Он бросился вперед. Где-то здесь... За дверью, ведущей в одну из комнат, послышался шорох. Ростислав рванул дверь...

Сен-Луи стоял на коленях, что-то бормоча и бессвязно всхлипывая. Миндальничать было некогда. Резкий удар по лицу — и француз испуганно затих.

— Ты чего? — Степа недоуменно глядел на всхлипывающего Гастона. — Оставь его, Слава!..

— Нет, пусть скажет!.. — Арцеулов подождал секунду, давая Гастону время опомниться, затем быстро спросил по-французски:

— Кто такой Агасфер?

— Это... Это наш шеф... — Гастон говорил быстро, с ужасом глядя на Ростислава. — Кто-то из здешнего правительства... Имени не знаю, честное слово...

— Кто убил Николая Лебедева?

— Это... Это господин Берг! Я не хотел, я боялся: Господин Берг сказал, что у полковника был какой-то важный прибор...

Арцеулов перевел дух.

— Вы поняли, Степан?

— Он о Николае? — В эту минуту Степе было не до того, чтобы вслушиваться во французскую речь.

— Ладно, потом... Над чем вы работали здесь?

— Я физик, господа! — Полные ужаса глаза Гастона взметнулись вверх. — Я только физик! Господин Берг соби-
рался продолжать работу по «Пространственному лучу», а
меня должны направить в лабораторию сверхпроводимо-
сти...

Арцеулов пожал плечами: тут он был не силен.

— Спроси, что они сделали с Наташей? — подсказал
Косухин.

Услыхав вопрос, Сен-Луи взмахнул руками:

— Я... Я тут ни при чем! Господин Берг сказал, что про-
ведет сеанс гипноза! После того, как мадемуазель Наташа
узнала о гибели полковника Лебедева...

— Ясно... Степан, вы хотите что-либо спросить?

— Ну его к черту, чердынь-калуга, — Косухину стало
противно и мерзко. Хорош фрукт этот Гастон! Револьвером
балуется, а на расправу жидок!

— Почему вы хотели убить господина Косухина?

Сен-Луи отшатнулся, взглянул на мрачного, насупив-
шегося Степу и прошептал:

— Не убивайте, господа! Это все Берг! Он приказал
мне... Он сказал, что господин Косухин и мадемуазель На-
таша... Они...

— Пошли отсюда! — Последнюю фразу француза Сте-
па кое-как понял. — Брось эту дрянь...

— Ну уж нет! — Арцеулов схватил Гастона за воротник
и поволок к выходу. Сен-Луи не сопротивлялся, только жа-
лобно взвизгивал.

Возле входной двери Арцеулов сунул Степе револьвер.

— Зарядите. Мы снова сотрудники ВЧК. Не забывайте:
я Оцуп, вы...

— Балаев Иван Иванович, — вспомнил Степа. —
А этого?

Он кивнул на замершего в ужасе Гастона, но Арцеулов
лишь зло усмехнулся.

За дверью на них тут же надвинулись две тени.

— Быстро вы, товарищи! — Агент первого разряда Гусев был, похоже, слегка разочарован. Действительно, они пробыли в доме не больше часа. За это время, показавшееся им вечностью, даже не успела смениться охрана.

— Отставить! — Арцеулов мрачно взглянул на чекиста: — Дом — опечатать. Никого не впускать. Этого, — рука с револьвером указала на Гастона, — на Лубянку. Он убийца и шпион. Надо выбить из него все, что этот мерзвец знает...

— Так точно! — Гусев кивнул напарнику, и на запястьях Гастона защелкнулись наручники. — Все скажет, буржуй!

— Учтите, это опасный враг! Он выдает себя за француза, но французского даже не знает. Нажмите покрепче — сразу русский вспомнит!

— А второй?

Арцеулов нахмурился, и агент первого разряда понял, что сказал лишнее...

— В машину, товарищ Балаев!

Степа кивнул и шагнул вперед. Арцеулов, опередив его, сам сел за руль.

Авто рвануло с места, и через несколько минут страшный темный особняк остался далеко позади. Вокруг были оживленные улицы, в окнах домов уже зажглись огни, и случившееся казалось ночным кошмаром...

— Уходим, — резюмировал Ростислав. — Прямо по Тверской — из города. Рванем в Псков, а там — к границе. Если что, захватим другое авто...

Степа не отвечал. Слишком многое случилось за этот короткий час.

— А вы мне не все сказали, Степан! Кто такой Ага-сфер?

— А-а! — сообразил Степа. — Мне Колька Лунин — по секрету... Это их главный — кто-то из Совнаркома. Он все решения принимал. В общем, старшой, чердынь-калуга...

— Фамилии не знаете?

— Нет... Кто-то из стариков. Еще с Плехановым работал.

Степа отвечал, почти не думая. Что-то не так. Арцеулов спешит уехать — и он прав. Беляку больше нечего здесь делать. А вот ему, Косухину...

— Ладно, кое-что мы узнали. Всей этой бандой заправляет кто-то из высшего большевистского руководства... Агасфер, значит? Уже легче... Обратили внимание: Берг его считает чуть ли не Сатаной!

— А! — отмахнулся Степа. — Тронулся, видать! Обыкновенный предатель! Ты тоже хорош: таблички всякие, амулеты...

— Нет, Степан. — Арцеулов уверенно вел машину, стараясь не сбавлять скорости. Черное авто пропускали: с ВЧК в Столице привыкли считаться. — Нет, я не свихнулся. Просто мне кажется, что эта история началась очень давно. И в табличках написано об этом. Все это неспроста: перстень, ножны, камень, — это не мистика! Это физика! Агасфер — не просто сволочь...

— Ага, он марсианин. Ладно, Слава, останови машину.

Арцеулов удивился, но все же затормозил. Они были на Тверской, неподалеку от «Националя».

— Ты вот что... — Степа помолчал и наконец решил. — Ты, Ростислав, уезжай. Я... Я останусь...

— Спятили, комиссар! — Арцеулов резко повернулся. — Уже через час они все будут знать! Я Гастона не зря в чеку спровадил: вначале они ему зубы выбьют, но потом все-таки разберутся! Машину уже ищут! Степан, мы сделали все, что могли!

— Ты — все, — кивнул Косухин. — А я — нет... Это верно, скоро они разберутся. Но час-другой у меня есть. Пойду прямо в Главную Крепость. Там сейчас как раз совнарком должен собираться — я узнавал. Пойду к Вождю. Теперь это уже не болтовня, чердынь-калуга! Берг в Столице — это факт! Теперь Агасфера враз прикрутим! У Вождя сил хватит!

Арцеулов хотел возразить, но невольно задумался. В чем-то Степа прав. Большевистский фараон не захочет терпеть соперника, будь он даже Сатаной. Пусть Люцифер столкнется с красным Вельзевулом! Степа рассчитал верно — но все равно соваться прямо в пасть...

— Вас не пустят, — прозвучало неубедительно. Степа полез за отворот шинели и вытащил какую-то бумажку:

— Пропуск. Я даже с товарищем Горбуновым говорил — он секретарь ВЦИКа. Обещали пропустить прямо к Вождю...

Пропуск в Главную Крепость Степа получил еще вчера.

Его дали без разговоров: комполка Косухина, делегата съезда, в Столице знали.

Ростислав стал мысленно перебирать все аргументы. Опасно! Но не опаснее, чем идти в Шекар-Гомп. Лысоватый большевистский фараон не даст в обиду Косухина — иначе восторжествует неведомый Агасфер. Но что-то мешало... Что там говорил комиссар Лунин? Агасфер — старый партиец, работал с Плехановым...

— Степан, а вы уверены, что не попадете прямым к Люциферу?

— Да брось, бяляк! — Степа даже не рассердился. — Скажешь еще!

— А почему? Агасфер — кто-то из высших. Он курирует армию, партию, даже науку. Его приказ — закон. Он кто-то из старших — не Бронштейн и не Зиновьев. Принцип Оккама: прямой путь — самый вероятный...

Степа долго молчал. Верить не хотелось. Не хотелось даже думать о таком, сама мысль об этом равносильна измене. Но бяляк прав: прямой путь — он и есть самый вероятный...

— Тогда... Тогда я не вернусь, Слава... И ты поймешь, кто такой твой Люцифер. Все равно узнаем! Только неправда все это, зря душу травмишь...

Это называлось «разведка боем». Красный командир Косухин вызывал огонь на себя...

— Нет, — покачал головой Ростислав. — Вы не пойдете. Я вам запрещаю, Степан!

— Ты чего? — Косухин нашел в себе силы улыбнуться. — Я ведь у Врангеля, чердынь-калуга, не служил! Да и по званию, считай, тебя старше...

— Ну прошу... Не имеет смысла так рисковать!

— Это для тебя не имеет. Мы ведь враги, Ростислав!

— Мы с вами? — Арцеулов даже не ожидал, что эта простая констатация так его заденет.

— Ну, не мы с тобой. Но ты ведь бяляк, Слава. А я был за Коммунию, и за нее подохну. Твои друзья — против моих, вот и весь разговор!

— Нет... — Они говорили на эту тему много раз, и теперь Ростислав уже знал правильный ответ. — Нас столкнули лбами! Понимаете: вас, Лунина — и меня с моими ребятами. По всей России! Нас попросту стравили!

— Ну тем более, если так... Значит, и вправду есть в чем

разбираться! А говоришь — нет смысла... Ладно, пойду! Ты, это, мотай из Столицы, а то сцапают...

— Ну вот! — на этот раз заставил себя улыбнуться Арцеулов. — А вы, Степан, за кого меня принимаете? Встретимся завтра в полдень у Большого. Запасной срок — послезавтра, в такое же время... Да, возьмите перстень.

Степа покрутил в руках сверкающий белым камнем серебряный ободок.

— Не стоит. Я им и пользоваться не умею. Там он не может — враз с рукою оторвут. Приметное кольцо...

В чем-то Степа был прав. То, что не пускало револьверные пули и гнало прочь Венцлава, для Агасфера не будет преградой. Но все-таки...

— Может, возьмете?

— Нет. — Степа привычно поправил ремень на шинели и открыл дверцу. — Бывай, интеллигент! Увидишь Тэда — кланяйся. Ну, и Наташе... Наталье Федоровне...

— Не выдумывайте! — Ростислав постарался говорить как можно тверже. — Сами все передадите!

— Ага! — вздохнул Степа. — Точно! Наташе ничего не передавай. А Тэду — кланяйся... Все! Пошел...

Хлопнула дверца. Арцеулов растерянно проводил глазами исчезающий в клубящемся вечернем сумраке силуэт и резко нажал на газ. На душе было мутрно, словно он кого-то предал или попросту струсил.

Косухин шел быстро, хотя можно было особо не спешить. Главная Крепость была рядом, нависая черным контуром огромных зубчатых башен. У случайно уцелевшего фонаря Степан взглянул на часы: успевает. Обычно в это время в Совнаркоме начинается перерыв перед ночным заседанием... Так, пропуск, командирская книжка...

Под руки попало удостоверение агента второго разряда Балаева. Степа чертыхнулся и разодрал его в клочья. Не хватало еще с этим соваться в Совнарком! Ну, Славка, штукарь, чердынь-калуга. А здорово он это провернул! Сами виноваты, товарищи чекисты, не ловите ворон!..

Злое веселье тут же исчезло. Все потом: он обсудит с Ростиславом то, что случилось на Арбате, поговорит с Луниным, перешлет письмо Тэду. Будет время помянуть Колю — и поплакать, если весь этот ад не высушит навсегда слезы... Потом... Сейчас — дело. Вождь примет его в перерыве.

У Степы будет минут десять. Пусть даже пять, чердынь-калуга! Никаких, как говорит Славка, эмоций — факты! Берг — раз, Шекар-Гомп — два, Венцлав и 305-й, он же Особый, полк — три. Есть документы, он попросит еще раз проверить. И — об Агасфере...

Он успеет. Хватит пяти, даже трех минут. Главное — предупредить! В ЦК измена! Какая-то язва завелась в Коммуне, сволочи и нелюди собираются использовать Великую Мировую в своих паскудных интересах!

И тут болью ударило в грудь. А если?.. Принцип этого Оккама, чердынь-калуга! Нет, только не это! С именем Вождя Косухин пришел в партию, имя Вождя поднимало в атаку. Только на Него, непогрешимого и святого, оставалась надежда в охватившем страну раздоре. Нет, нет и нет! Славка ошибся, ошибся Лунин, — нет!

Косухин помотал головой, словно отгонял надоедливых мух. Не расслабляться, чердынь-калуга! Рассусоливаешь, красный командир! Что будет — то будет, на то и разведка. А сейчас — забыть.

Пора...

Охрана долго вертела в руках Степин пропуск, но пустила без слов. Оружие, естественно, пришлось сдать, но Косухина это не беспокоило. Как ни хитер Агасфер, но у него, Степы, в запасе по крайней мере час — хотя бы до смены охраны в особняке. Он успел.

В здании Совнаркома, где уже приходилось бывать, он сразу же прошел на второй этаж. Здесь былолюдно. В коридоре мелькнула знакомая фигура Троцкого. Красный Лев беседовал с низеньким, рыжеватым усачом. Приглядевшись, Степа узнал товарища Джугашвили-Сталина. Похоже, перерыв уже начался.

На лестнице Косухин нашел товарища Горбунова, тот перекуривал. Степу он узнал сразу, сообщив, что все устроено: Вождь ждет товарища Косухина в кабинете и Степе надо поспешить. Если товарищ Косухин не знает, где кабинет Вождя, то он, Горбунов, готов показать.

Степа поблагодарил: где находится кабинет Предсовнаркома он, конечно, знал. Итак, его ждут! Степа снял шинель, бросил ее на первый попавшийся стул в коридоре и поспешил на третий этаж.

Тут было тихо. Возле приемной вождя топтались двое добродушного вида курсантов, лениво опиравшихся на винтовки. Похоже, дисциплина в знаменитом пулеметном

училище хромала. Увидев Степины нашивки, парни подтянулись, но, взглянув на пропуск, ничего спрашивать не стали. Посторонним в Главную Крепость ходу не было, и караул стоял как память о бурных месяцах войны.

В приемной, за столом, читал газету секретарь. Он поднял на Косухина удивленные глаза и сообщил, что Вождь занят. Пришлось назвать фамилию. Секретарь вздохнул, долго копался в каких-то записях и наконец неохотно кивнул в сторону двери.

Косухин оправил гимнастерку. Он у цели! Сейчас!..

Степа толкнул дверь — она поддалась легко. Он вошел и растерянно остановился у порога. Стол, лампа под зеленым абажуром, шкафы с книгами... Кабинет был пуст. Степа на всякий случай кашлянул, неуверенно переступил с ноги на ногу и наконец шагнул к покрытому темно-зеленым сукном столу.

— Добрый вечер, Степан Иванович!

Голос был знаком, но это не голос Вождя. Шевельнулась глухая черная портьера. Высокая фигура выступила на свет. Красноватое лицо было спокойно, алые губы кривились легкой насмешкой:

— Напрасно беспокоите Вождя, товарищ Косухин, — Венцлав покачал головой. — Он уже вполне осведомлен в вашем вопросе.

— Мне... — горло перехватило. — Мне надо с ним поговорить! Вы... вы права не имеете!..

Венцлав пожал плечами:

— Напрасно волнуетесь! Тот, к кому вы спешили, уже отдал приказ. А от себя скажу, Степан Иванович: совсем недавно Агасфер подарил вам жизнь. Зря вы искушали судьбу!..

Он щелкнул пальцами. Портьера распахнулась, несколько крепких розовощеких парней в одинаковых гимнастерках окружили Степу. Его схватили за руки, на запястьях защелкнулись наручники, на губы легла изоляционная лента. Косухин не сопротивлялся: силы исчезли. Мелькнула мысль о невероятной измене, прокрававшейся в святая святых — кабинет ничего не ведающего Вождя, но в такое уже не верилось. Загадка решена — Агасфер открыл забрало. Ему надоело играть с красным командиром Степой в прятки...

За портьерой оказалась еще одна дверь. Косухина впили в узкий проход и провели маленьким коридором к

глухой лестнице, тускло освещенной пыльными лампочками. Двое парней шли впереди, двое — сзади. Венцлава он не видел. Похоже, командир Особого полка остался там, в пустом кабинете.

...Его толкнули в спину, ступени выскакивали из-под ног, лента на губах мешала дышать. Об этом не думалось, было все равно. Степа мельком вспомнил об Арцеулове: бяляк, будь он проклят, оказался прав! Да и сам он, Степа, обязан был не раскисать, а догадаться. Голос! Теперь он понимал, что узнал знакомый голос еще на Челкеле! Только тогда и позже, в каменном мешке подземелья, этот голос был не резким и отрывистым, как обычно, а мягким и плавным. Он был обязан узнать, но оказался глух и слеп. Что ж, подделом...

Лестница наконец кончилась. Перед ним был маленький дворик, спрятавшийся между глухой, без окон, тыльной стеной здания и громадой крепостной стены. Их ждали. Пятеро парней с винтовками переминались с ноги на ногу. Косухин невольно всмотрелся: нет, это не бойцы Особого полка. Обыкновенные курсанты, каждый не старше двадцати. Смена...

Его толкнули к стене. Косухин чудом удержался на ногах, но заставил себя выпрямиться. Вот, значит, где доведется, чердынь-калуга! Запоздалая ненависть захлестнула его. Значит, всех обманывали! И живых, и погибших. Будь оно все проклято!

Но тут же пришло спокойствие. Он знал, на что идет. Командир Косухин разведку закончил. Ростислав поймет. Он ведь умный, Славка Арцеулов!.. Он знает, что делать дальше. Нет, не зря! Не зря...

Венцлав появился неожиданно. При его виде курсанты стали по стойке «смирно», один из них — похоже, старший — козырнул, готовясь рапортовать, но краснолицый нетерпеливо махнул рукой.

— Всем отойти!

Парни удивленно переглянулись, но послушно шагнули назад, к стене здания. Венцлав подошел к Степе и несколько секунд молчал, словно не решаясь заговорить.

— Агасфер подтвердил приказ... — Он умолк, затем по лицу промелькнула усмешка: — Доставили вы нам хлопот, Степан Иванович! Мои бойцы боятся вас: вы же видели

Большой Рубин! Пришлось звать курсантов. Взял грех на душу — сказал, что вы готовили покушение на Вождя. Хотя это не так уж далеко от истины... Знаете, Степан Иванович, я еще в Иркутске понял, что вы из тех, кто не любит просто выполнять приказы. Впрочем, мораль вам читать поздно...

Говорить Косухин не мог: мешала лента, залепившая рот. Смотреть в лицо нелюдю было тяжело, и Степа поднял глаза к небу. Сквозь ночную темень пробивался странный синеватый отсвет. Звезд не было — тучи накрыли ночную Столицу...

— И еще... — внезапно голос Венцлава дрогнул. — Я обязан вам сказать... Вы не поймете — но все же... Мне предсказано, что смерть ждет меня в облике молодого воина, незнатного и безвестного. Он найдет меня — и унесет в бездну. Я думал, это вы...

Странные слова на миг пробудили интерес. Значит, гад все же боится! Ничего, этот безвестный еще появится! Тот-то краснолицый трус празднует!

— Я не боюсь, — казалось, Венцлав читал его мысли. — Но вы не можете представить, что значит все время ждать смерти. Не месяцы, не годы... Вам, людям, проще. Я не рад тому, что случилось... Прощайте...

Венцлав быстро кивнул и повернулся к курсантам:

— Сюда! — Голос был злой и резкий. Курсанты подбежали и застыли, сжимая в руках трехлинейки:

— По приказу Председателя Совнаркома... врага революции ликвидировать немедленно. Не стрелять — действовать без шума!

Венцлав резко повернулся и не оборачиваясь быстро зашагал прочь. Курсанты на миг замешкались, затем старший нерешительно поднял винтовку.

— Приготовиться, товарищи...

— Штыков нет, — растерянно откликнулся кто-то. — Забыли!..

— Прикладами!

Степа вспомнил: пещера у Челкеля, странное видение — сон о несбывшемся будущем. Выходит, и здесь ошибки не вышло. И тут наконец исчезли слабость и растерянность. Нет, не на того напали! Он, чердынь-калуга, им не телок на бойне!

Степа пригнул голову и бросился вперед. Одного он сбил с ног и, быстро развернувшись, попытался ударить головой в живот следующего, но тут его сильно толкнули в спину.

Косухин шатнулся, его толкнули снова, и вдруг на затылок обрушился страшный удар. Казалось, земля рванулась навстречу. Еще несколько секунд он чувствовал какие-то толчки: приклады били по телу, — и тут все разом оборвалось.

— Степан... — негромкий, но сильный голос заставил очнуться. Он был тут же, во дворе. Парни в зеленых гимнастерках столпились вокруг чьего-то скорчившегося тела. Смотреть было неприятно, Косухин невольно отвернулся и понял.

Добили! Он хотел крикнуть. Назло этим, доказать, что он здесь, что они рано обрадовались — но тут все: и тускло освещенный фонарями двор, и красный кирпич стены, и неподвижное тело, вокруг которого столпились убийцы, — стало тускнеть, расплываться и медленно исчезать...

— Степан... Степа... — на этот раз голос был другим, знакомым. Клочья тумана, застилавшие взор, исчезли, и Косухин узнал брата. Николай стоял перед ним, и взгляд его был печальным и спокойным. Приглядевшись, Степа удивился: таким брата он никогда не видел. На полковнике была белая парадная форма, золотом сверкала сабля у пояса, на груди тускло мерцала эмаль орденов. Впрочем, нет, Степа уже видел это — на фотографии и в том странном сне... Тогда Коля тоже встречал его — и почему-то торопил...

— Ну здравствуй!.. — Брат наконец улыбнулся — слегка, одними уголками губ. — Пойдем, тебя ждут...

Степа хотел спросить, что все это значит, кто может ждать его здесь и где это — «здесь», но Николай взял его за локоть:

— Мы еще поговорим. Ты молодец, Степан!.. Пойдем...

Косухин на мгновение почувствовал себя совершенно счастливым: он снова с Колей, и брат — сам Коля! — назвал его молодцом. Но тут же его охватила тревога. Приближалось что-то, ради чего он и прожил свою недолгую жизнь...

Все исчезло. В глаза ударил невыносимо яркий свет, Степа невольно прижал к лицу ладони, но свет все равно пронизывал его насквозь. Ослепительно белый огонь, ярче раскаленной стали, ярче самого солнца, забушевал вокруг, волны света захлестывали, сбивали с ног, и тут откуда-то из самой глубины послышался голос, позвавший его тогда, в первый раз, сквозь черноту забвения:

— Раб мой Степан! Ты сделал то, что было велено?

— Я... — говорить он не мог.

— Ты забыл наш уговор? Ты еще требовал платы. Вспомни о чечевичной похлебке...

Косухин вспомнил: да, он обещал. Но ведь он ничего не сумел сделать! Ничего! То, что скрывалось в Шекар-Гомпе, по-прежнему всеильно. Или... или он все-таки что-то успел?

Степа стал напряженно соображать, рука привычно полезла к затылку, и тут он понял: светящийся океан исчез. Косухин открыл глаза — перед ним встала черная стена гор. Под ногами была тропинка, а совсем рядом, в скале, темнел вход в пещеру. Степа огляделся: все это знакомо. Он уже видел что-то похожее — в тот вечер, когда всадники Джора доставили их с Ростиславом к первому ночлегу. Он решился и шагнул вперед по тропинке.

Вначале Степа увидел огонь: внутри маленькой пещеры горел костер.

— Заходи, Степан...

Теперь он узнал этот голос. Тот, с кем он разговаривал ночью у огня, сидел возле костра и держал свои большие крепкие ладони над языками пламени:

— Погрейся. Ты поделился со мной огнем. Теперь — моя очередь. Присядь...

Косухин послушно сел у костра. Странно, только теперь он почувствовал и холод и усталость. Но костер горел ярко, и усталость постепенно уходила. Его давний собеседник то и дело подбрасывал дрова, угли потрескивали, и постепенно Степа почувствовал, что начинает приходить в себя. Незнакомый улыбнулся и потер ладони, счищая прилипшие кусочки темной коры:

— Все плохое позади, Степан. Не спеши — все поймешь. Но главное, знай: ты сделал то, что обещал. Ты прислал награды?

Степе стало стыдно.

— Вы... это... извините. Сболтнул лишнее. Дверь эту светящуюся увидел...

— Теперь ты знаешь, что за нею?

Степа кивнул. Да, теперь он знал...

— Ты хотел вернуться. Тебе обещано — а такие обещания не даются попусту. Ты вернешься — но не туда, откуда пришел. Ты должен понять: под нашим небом такие законы неизменны. Но есть другие небеса... Твой путь не окончен,

Степан. Дам один совет: то, что станет теперь твоим, береги, но не бойся отдать, когда придет день...

Это было уже совсем непонятно. «Другие небеса» — может, Америка, может, и чего подале. А вот «то, что станет твоим»...

— Ты поймешь, — губы незнакомца вновь улыбнулись, но глаза по-прежнему смотрели строго и серьезно. — А сейчас пора. Мы выполнили то, что обещали: ты — свое, а я — свое...

— Пойдите. — Степа вскочил, почувствовав, что все вокруг — пещера, пылающий костер, его странный собеседник — начинает медленно расплываться перед глазами. — Мне бы это... Поговорить...

— Не торопись... Мы поговорим. Но ты должен прийти ко мне сам. Понял меня, Степан? Ты сам придешь ко мне...

— Я? — Он еще успел удивиться, прежде чем наступила тишина...

ГЛАВА 12

ДОЛГ

Арцеулов прибыл к Большому театру ровно в полдень. Теперь Ростислав ничем не походил на щеголеватого командира РККА. Красные нашивки спороты, исчез дорогой кожаный ремень, вместо фуражки голову украшала старая потрепанная шапка. В кармане лежала справка, удостоверяющая, что «податель сего» не беглый врангелевец, а демобилизованный красноармеец Южного фронта.

Полчаса прошло. Косухина не было, и оставаться на этом оживленном пяточке становилось опасно. Ростислав заставил себя верить в лучшее. Оставалось завтра, а потом Арцеулов решил рискнуть и зайти к Лунину. Арцеулов даже подумывал нанести визит в Главную Крепость. Ведь проник же он в Шекар-Гомп, чтобы выручить излишне смелого краснопузого...

На следующее утро он уже собирался подцепиться к переполненному трамваю, чтобы ехать в центр, но что-то остановило. Внимание привлек газетчик: оборванный мальчишка выкрикивал какие-то нелепости о белогвардейских злодействах. Ростислав развернул «Правду» и понял: ехать незачем да и некуда.

На фотографии, обведенной жирной черной рамкой, красный командир Косухин выглядел странно серьезным, даже суровым. Таким Арцеулов не видел его даже после Тибета...

Ростислав быстро пробежал глазами неровные полуслепые строчки. «Зверски убит белогвардейской бандой... легендарного 256-го полка... дважды орденоседец... кандидат в члены ЦК РКП(б)»... «Правда» призывала к скорби и отпущению. Трудящиеся Страны Советов обязывались сторичей отплатить врагу за кровь молодого героя революции.

Ниже была статья. Ростислав взглянул на подпись и скривился: внизу стояла паскудная фамилия Троцкого. Лев Революции назвал свой опус: «Прощай, товарищ Косухин». Из статьи можно было узнать, что член РКП(б) с сентября 1917 года, участник октябрьских боев в Столице, один из первых командиров молодой Рабочей и Крестьянской Степан Иванович Косухин честно выполнял свой партийный долг всюду, куда направляла его революция. Ясное дело, враги пытались отомстить — и добились своего. На этот раз убийцы были названы. Ими оказались «окопавшиеся в Столице» озверелые недобитки из колчаковских банд во главе с неким офицером, «прославившимся нечеловеческими зверствами на окровавленных просторах Сибири». Дальше читать Ростислав не стал. Все ясно — и то, куда Степа ушел, и к кому попал, и что было потом.

Что ж, лопоухий веснушчатый Степа выполнил свой долг до конца. Ему, Арцеулову, остается уползти за кордон и зализывать раны. Потом можно будет заняться «Мономахом», таинственными табличками с древними письменами — занятие как раз для списанного за болезнью и полной ненадобностью офицера...

Мелькнула и тут же погасла нелепая мысль: зайти на Лубянку и разрядить револьвер в первых же встречных мерзавцев. Нет, такого подарка он им не сделает. Ему досталась другая судьба. Он будет искать — и найдет. Он узнает все: и то, что случилось со страной, и то, как погибли братья Косухины. Эмоции не требовались — надо действовать...

Арцеулов решил ехать прямо на вокзал, но не удержался и вновь развернул проклятую большевистскую газету. Под статьей мерзавца Бронштейна он заметил то, что пропустил раньше. Похороны товарища Косухина должны состояться завтра, в час дня, на кладбище бывшего Донского монастыря...

Ехать туда нельзя, просто безумие. Его ищут — и, конечно, на Донском кладбище офицера, «прославившегося нечеловеческими зверствами», будут высматривать особо внимательно. Ростислав Арцеулов нужен этой банде — и как слишком много видевший свидетель, и как идеальный враг, на которого можно списать все: и Берга, и Степу, и деяния 305-го полка в той же Сибири...

Итак, эмоции надо забыть. Степана опустят в холодную апрельскую землю эти упыри под свои людоедские гимны, а он, Славик Арцеулов, поспешит подальше, радуясь, что уцелел. Ехать нельзя: они ведь и ждут от него подобного. Агасфер и его нелюди прекрасно знают все слабости ненавидимых ими русских интеллигентов! Он закажет панихиду в ближайшей церкви по убиенному Рабу Божьему Степану, но на Донском Ростиславу делать нечего. Это попросту ловушка...

Возвращаться к Говорухе, где Арцеулов ночевал, было опасно. Оставалось кружить по Столице, пересаживаясь из трамвая в трамвай. Дважды он приезжал на вокзал, но каждый раз уезжал оттуда, ругая себя за расшатанные нервы и ненужную, неуместную чувствительность. Ведь Степа едва ли обрадовался бы, узнав, что белого гада Славку Арцеулова арестовали прямо у его гроба. Ростиславу казалось, что он слышит голос Косухина: «Спятил, чердынь-калуга? Мотай отсюда, интеллигент! Ты ж единственный остался, кто все знает!»

Ростислав переночевал на Петроградском вокзале, потерявшись в огромной толпе демобилизованных. Оставалось дождаться поезда на Псков. Билет — точнее, специальное разрешение, его заменяющее, — он, как солдат героической РККА, уже получил. Поезд уходил в десять утра. Надо собраться с силами и ехать. Ничего уже не изменишь. Разве что к худшему — если он, Ростислав Арцеулов, попадет прямо в лапы Светоносного.

На кладбище Арцеулов приехал без четверти час. Через старые монастырские ворота уже тянулась вереница военных и штатских. У тротуара стояло несколько черных авто: то ли подъехало большое начальство, то ли кладбище навестило ВЧК.

К могиле подойти не удалось. Там суетилась охрана, ка-

кие-то важные персоны в кожаных пальто стояли в почетном карауле, то и дело сквозь толпу пробирались юркие распорядители. Можно было лишь стоять в стороне и молча наблюдать за сонмищем. Играл оркестр. Апрельское небо хмурилось, начинал накрапывать мелкий дождь.

Митинг никак не начинался. Наконец охрана проложила коридор сквозь молчаливую толпу, и к могиле быстро прошел Троицкий. Блеснули тяжелые стекла очков. Лев Революции поднял к небу холеную белую руку и начал речь.

Арцеулов не слушал. Его не интересовали ораторские пассажи Лейбы Бронштейна и тех, кто сменял его на невысокой, обтянутой красным ситцем трибуне. Ростислав просто стоял и смотрел. Гроб был заколочен, и ему подумалось, что эти упыри могут разыграть комедию, а с самим Степой поступить еще страшнее, чем кажется. Ростислав пытался вспомнить лицо Косухина, живого, но перед глазами плавало какое-то темное пятно...

На трибуне сменился очередной оратор — Арцеулов узнал знакомое по фотографиям самодовольное лицо Луначарского, как вдруг почувствовал чей-то взгляд. Он обернулся: комиссар Лунин стоял в десятке шагов от него, стриженная голова склонилась набок, холодные голубые глаза внимательно смотрели на Ростислава. Арцеулов кивнул, Николай не отреагировал, затем медленно покачал головой — слева направо. Понятно без слов: подходить к молодому комиссару нельзя. Лунин вновь качнул головой, его взгляд скользнул куда-то в сторону. Ростислав взглянул туда — и вздрогнул. Краснолицый Венцлав стоял в окружении нескольких крепких молодых в одинаковых серых шинелях. Командир Бессмертных Красных героев повернул голову, и глаза их встретились. Венцлав чуть улыбнулся и кивнул. Арцеулов быстро огляделся: серые шинели были всюду. Как-то незаметно они окружили толпу.

Попался! Он был прав: его ждали! Рука сжала рукоять револьвера — нет, живым он им не дастся! Пусть только сунутся — как сказал бы Степан, «чердынь-калута»!

И тут Ростислав представил себе поганый большевистский листок. Завтра же там будет жуткий рассказ о садисте-офицере, который осмелился явиться на похороны убитого им красного героя, чтобы устроить покушение на вождей революции! Все как по писаному! Доказывать поздно — достаточно одного выстрела, даже если этот выстрел на-

правлен в собственное сердце. Он навсегда останется убийцей Степана. Несущий Свет разыграет великолепный спектакль: он, похоже, мастер на подобные забавы...

Нет, не выйдет... Арцеулов незаметно достал револьвер и кинул его под ноги, постаравшись втоптать оружие в чавкающую под сапогами грязь. Документы... Справку он купил еще в Одессе, едва ли она кому-нибудь повредит. Все остальное уже в Ревеле. Значит, им достанется только он, белый гад и окопавшийся в Столице недобиток...

И тут рука наткнулась на что-то небольшое, странной формы. Перстень! Ростислав совсем забыл о нем. Перстень Ксении, каким-то неведомым образом попавший к нему. Охс Вагрэ — Перстень Духов, с таким трудом вырванный у предателя Берга! Он тоже достанется Агасферу! «Если же кто-то не только зол, но и проницателен — то да поможет нам всем Высокое Небо...»

Ростислав затравленно оглянулся. Серые шинели еще далеко. Можно кинуть серебряное кольцо под ноги, в грязь. Но это слишком просто. Охс Вагрэ — не просто амулет. Его найдут — бог весть как, но найдут. Если надо, перелопатят всю грязь под ногами — это не так уж трудно.

Арцеулов взглянул туда, где стоял комиссар Лунин. Если протолкаться к нему... Нет, когда их увидят рядом, Николаю не сберечь перстня. Найдут — и не пощадят Степного друга. Судьбу странного амулета он должен решить сам...

В уши ударил «Интернационал». Ростислав поднял голову и дернулся от сухого винтовочного залпа. Салют... Красного командира Косухина опустили в могилу.

Толпа зашевелилась. Вожди уже бросили по горсти мокрой глины и теперь уступили место остальным. Люди шли быстро. Ростислав автоматически шел за всеми, понимая, что бандиты Венцлава могут оказаться рядом в любой момент. Он должен успеть...

Темный провал могилы был уже рядом. Ростислав поднял мокрую грудку земли, готовясь кинуть ее на гроб, и тут же вспомнил: Ксения унесла перстень с собою, но Охс Вагрэ вернулся. Теперь ему нет места среди живых, пусть же Степа станет его хранителем! Это будет последнее, что сможет сделать Степан Косухин.

Пальцы быстро залепили кольцо в податливую глину. Что ж, прощай Степан! Мокрый комок глухо ударился о красную крышку гроба. Все!..

К нему подошли возле самых ворот. Трое в серых шинелях заступили путь, еще двое стали по бокам. Ростислав ждал, не говоря ни слова. Случайно его взгляд упал на лицо одного из серошинельных. Пустые мертвые глаза казались стеклянными, но ярко-алые губы победно улыбались. Значит, и здесь эти... Бессмертные Герои! Что ж, следовало ожидать...

— Гражданин Арцеулов? — Венцлав отстранил рукой одного из солдат и подошел совсем близко. — У меня ордер на ваш арест. Прошу сдать оружие...

Все было будничным и скучным. Его обыскали, толкнули в спину и повели через ворота. Черное авто стояло наготове. Арцеулова усадили на заднее сиденье рядом с одним из красногубых. Венцлав сел по другую сторону.

— Вперед! — Машина мягко тронулась с места. Один из солдат опустил занавески на окнах. Еще одна, плотная, из темной ткани, отделяла заднее сиденье, не давая возможности смотреть через ветровое стекло. Куда его везут с такими предосторожностями? Неужели дорога на Лубянку — государственный секрет?

— Папиросы? — Венцлав держал в руках тяжелый серебряный портсигар. Ростислав потянулся за куревом, но тут же опомнился. От этих нелюдей ему не надо ничего. Даже если эта папироса — последняя.

— Напрасно, Ростислав Александрович. Или пристрастились к махорке?

Тон был спокоен, даже доброжелателен, но в нем сквозила еле заметная насмешка.

— Да пошел ты, гад краснопузый! — Наконец-то можно забыть о воспитании и прочей, как бы сказал Степа, «интеллигентской ерунде».

— Не смейте! — Венцлав злобно дернул щекой, голос его загустел от злости. — Я дворянин, Ростислав Александрович! Мой род правил этой землей, когда ваш пращур ходил с сохой!

Это было ново. Большевик, требующий уважения к своему «чуждому» происхождению! Ишь, дворянин нашелся!

— Не смейте улыбаться! — Венцлав скривился, бесцветные глаза горели злостью. Ростиславу и вправду стало весело:

— Молчал бы лучше, нелюдь! Дворянин... Да ты просто большевистская сволочь и предатель Родины! Понял — или повторить?

На какое-то мгновение Арцеулову показалось, что краснолицый его ударит. Но Венцлав сдержался. Глаза потухли, голос стал тихим и невыразительным:

— Мне не в чем оправдываться, тем более перед вами. Я не виноват в том, что не человек. Но я был человеком, и то, что вы говорите, в вашем столетии называется расизмом. Это недостойно...

Арцеулова передернуло. Упырь, требующий к себе уважения! Расизм, вот как?..

— Я не знаток некромантии. Но то, что ты творил в Сибири, знаю неплохо. Предатель не может оставаться дворянином. Ты предал Родину и государя, Венцлав, и катись-ка ты со своим «достойно» или «недостойно»...

— Предал... — краснолицый чуть повысил голос. — Ваша Империя плохо относилась к таким, как я. Кое-что я вам покажу — попозже. И не злите меня, Арцеулов, а то я прикажу своим ребятам не убивать вас сразу. Вы ведь еще не видели мою спецкоманду? Это не олухи из 305-го, это получше... Перстень у вас?

— Ищите...

— Вы отдадите его сами. Не мне — с вами будут говорить. Будьте благоразумны, Ростислав Александрович. Кстати, как вам удалось убить Берга? Натравили голема на свежую кровь?

Ростислав не стал отвечать. Пусть разбираются сами со своими големами, упырями и нелюдьми знатного происхождения.

— Вы облегчили мне задачу. Я имел приказ ликвидировать Берга, но, увы, не мог: у него был перстень. Мы не приказывали убивать полковника Лебедева. Нам нужен контроль над Тускулой, а не уничтожение лаборатории. Берг убил его сам: польстился на перстень. Дурак! Думал, что стал всесильным...

Это было похоже на правду. Впрочем, особой разницы нет: едва ли «контроль» обещал что-либо доброе тем, кто живет на далекой планете.

Арцеулов отвернулся и стал глядеть в завешенное окно. Итак, с ним собираются беседовать. Интересно, кто? Неужели Агасфер?

Внезапно авто затормозило. Венцлав кивнул, сидевший рядом солдат достал большую черную повязку. Ростислав не стал сопротивляться, позволив завязать глаза. Он побежит силы. Руки не связаны, значит, не все потеряно...

Арцеулова вывели из машины. Под ногами он ощутил твердый камень: он находился в каком-то дворике, вымощенном плитами. Один из солдат взял его за плечо, и Ростислав ощутил ледяной холод. Его подтолкнули вперед.

— Ступеньки, — услышал он голос краснолицего.

Лестница была неединой, Ростислав споткнулся о порог и ощутил спертый воздух подвала. Его быстро провели дальше. Снова порог, затем еще один. Пахло сыростью, еще один порог, несколько ступенек, и легкие наполнились холодным стылым воздухом. Где-то неподалеку капала вода, под ногами хлюпала лужа.

— Повязка... — вновь послышался голос Венцлава.

С него сняли черную ткань, и Арцеулов невольно замер. Вокруг была тьма, рассекаемая светом электрических фонарей. Осклизлые стены, низкие своды, странные ниши... Он был в подземелье.

— Мы под Столицей, — пояснил Венцлав. — Идите за мной и не вздумайте бежать. Людей здесь нет, и вас встретят плохо...

Угроза была неясной, но Ростислав почувствовал ее серьезность. Да, похоже, в этой черной бездне нет места живым...

Один из солдат шел впереди, светя фонарем, за ним шагала Венцлав, за Арцеуловым пристроились остальные. Свет фонарей падал то на древнюю, поросшую мхом кладку, то на проходы, уводящие в сторону. Шли долго, пока наконец краснолицый не сказал: «Стой!»

— Я вам обещал кое-что показать, Арцеулов. Пойдемте...

Он взял у солдата фонарь и кивнул на один из боковых проходов.

Они оказались в большом подземном зале. Венцлав неторопливо провел лучом света по стенам, в которых чернели глубокие ниши, затем фонарь высветил заржавленные крючья, вбитые в низкий потолок, следы столбов, когда-то вмурованных в каменный пол.

— Раньше здесь было светло... Застенок... Знаете, что это такое?

Арцеулов не стал отвечать. О чем-то подобном он догадывался с самого начала.

— Вот тут стояла дыба. Дальше — жаровня, где калили железо... Видите ниши? Некоторые из них замурованы?.. Они не пусты...

Холодом смерти веяло от этого страшного места. Ростиславу почудилось, что где-то совсем рядом глухо звякнули старые заржавелые цепи.

— Зачем... Зачем вы мне это показываете? Вы что, кого-то здесь пытали?

— Перешли на «вы»? — В голосе звучала ирония. — Нет, Арцеулов, я никого не пытал. Пытали меня... Я ведь чувствую боль, хотя иначе, чем люди. Мне не за что любить вашу страну. Ваша власть и ваши попы уничтожали все, что казалось непохожим и странным. Я не предавал своих палачей... Пойдемте...

Теперь шли недолго. Проход привел к небольшому помещению, выложенному потемневшими от времени и влаги каменными блоками. Венцлав остановил солдат.

— Мы останемся здесь. Идите вперед, Арцеулов. Будьте благоразумны...

Идти не хотелось, но промедление могло походить на трусость. Ростислав шагнул в темноту. Шаг, другой... Свет фонарей исчез, вокруг было тихо, только вдалеке еле слышно капала вода. Он сделал еще несколько шагов, протянутая рука уткнулась в осклизлую стену.

— Пройдите чуть вперед. Там есть скамейка...

Голос прозвучал неожиданно. Арцеулов сцепил зубы и осторожно сделал несколько шагов. Нога уткнулась в камень. Это была каменная скамья, на которую кто-то бросил что-то мягкое, похожее на старую шинель.

— Присядьте, Ростислав Александрович. Поговорим...

Голос был знакомым. Он уже слышал его, но тогда тон был другим — резким и повелительным.

— Вы ведь искали меня? Это неразумно, но я счел возможным побеседовать с вами...

Арцеулов послушно присел, но руки сжались в кулаки, а по всему телу пробежала дрожь. Тот, кто разговаривает из темноты... Впрочем, он видел его и при свете — на Челкеле, где этот любитель мрака пытался сорвать старт.

— Ну, здравствуйте, Ростислав Александрович...

— Что... Что вам от меня надо, Люцифер?

Из темноты послышался смех — беззлойный и легкий:

— Остроумно. По крайней мере, приятнее, чем Вельзевул или Сатана. Люди не любят тех, кто несет им свет. Что поделаешь... Прошу прощения, что приходится беседовать в подобных условиях. Мой привычный облик слишком свя-

зан в вашем сознании со злобой дня. Мне он самому, признаться, поднадоел. Скоро я поищу что-либо другое. А выступать в каком-то случайном обличье не хотелось: вдруг вам тоже не понравится...

Голос был мягок, доброжелателен, словно обитатель мрака уже все решил. Они договорятся: все, что было, — лишь недоразумение...

Арцеулов заставил себя усмехнуться:

— А зачем вам «обличье»? Вы что — на жабу похожи?

Вновь послышался смех:

— Ну, будь я действительно рогатым бесом из ваших сказок... или марсианином — читали Уэллса?.. Я — человек, хотя и не совсем такой, как вы. Похожих людей вообще не бывает...

— Вы — человек. — Ростислав вытер выступивший на лбу холодный пот. — Венцлав тоже... почти человек, и его оборотни — почти люди...

— Нет. Они не люди. Им нельзя верить. Венцлав предаст, как он предавал всех, кому служил. Они ненавидят людей, но покуда небесполезны. Придет час, и мы загоним эту стаю обратно — в небытие...

Арцеулов вспомнил, что Наташе обещали нечто подобное.

— И большевиков вы тоже — в небытие?

— Не верите, Ростислав Александрович? Напрасно. Это — как прививка оспы. Люди должны переболеть, чтобы потом стать здоровыми. Большевики — лишь название. Большинство образумится, а самых бешеных легко ликвидировать. Так что у нас здесь полное единство взглядов.

Ловко! Уже — «у нас»! Впрочем, если это — искушение, то не бог весть как умно...

— Агасфер, а ведь это подлость! Вам поверили миллионы людей, а вы сознательно ведете их на гибель!

— Я никого не обманывал. Просто представил им будущее в доступной для понимания форме. Идея Коммуны примитивна, но понятна миллионам. Постепенно они поумнеют, а немногих фанатиков легко обуздать. Людей надо было чем-то выманить из болота, в котором они гнили тысячелетия...

Странно... Похоже, этот тип действительно верит, что несет людям свет. Арцеулов вновь усмехнулся. Ну и сволочь!

— Кстати, по поводу Агасфера, Ростислав Александрович. Все-таки раскопали? Глупый псевдоним, особенно в таком антисемитском обществе. Сейчас меня чаще называют «Вечный». Это более нейтрально.

— Вам нравятся эти дурацкие игры?

— Это забавно. Люди вообще очень забавны. Возьмите образ, который я им демонстрирую. Поглядеть со стороны — просто смешно. Уродливый ненормальный придурок с набором нелепых заклинаний! Самому иногда не по себе! Но я не ошибся: это принимают всерьез. И не только рабочие и крестьяне. Скоро поверят многие из тех, кто считается солью земли... Людям не нужна правда...

«Мне — нужна. И не только мне», — хотел возразить Арцеулов, но сдержался. Надо слушать. Искуситель к чему-то ведет. Вся эта болтовня неспроста...

— Так вот, Ростислав Александрович. Вначале я просто хотел предложить вам жизнь. Немало: многим за глаза хватает. Жизнь — и в придачу законное место в обществе будущего. Но я понял, вы — человек прошлого. Вы обращаете внимание на внешность, а не на смысл. Вам по сердцу весь этот нелепый антураж с двуглавыми орлами, колокольным звоном и дворянскими грамотами. Что ж, каждому свое...

И вновь Арцеулов хотел возразить. Разве за дворянские грамоты они шли в Ледяной поход? Что за чушь!

— У каждого своя цена. Венцлаву и ему подобным лестно выйти из мрака и мстить людям. За это они будут служить до поры до времени. Многим хватает усиленного пайка, некоторым — власти. Вы хотите большего: вернуть прошлое. За это вы согласны на все. Итак, ваша цена известна. Теперь о моей...

Ростислав понял, что сейчас будет сказано главное. Интересно, какие сребреники ему предложат?

— Вы — обычный человек, Ростислав Александрович. Но в силу причин, о которых тут речи не будет, вы оказались связаны с некоторыми важными событиями. Смысла их вы не понимаете — и не поймете. Для вас это ряд странных встреч и загадочных явлений. Поэтому буду говорить проще. Мне необходимо то, что вы нашли в Безбаховке. Мне нужна та вещь, которую вы считаете перстнем. Мне нужно кое-что, хранящееся у ваших друзей. Поверьте, это не магические сувениры. Это — вообще не магия. Если случится то, чего я опасаясь, плохо будет не мне, а людям. Таким, как вы, Ростислав Александрович. Если бы мы жили

пару веков назад, я сказал бы, что наступит царство бесов. Я выражусь иначе: восторжествует сила, чуждая людям. Чуждая и враждебная...

Странно, но Арцеулов почти поверил. Он уже слышал подобное. Этого опасался чернобородый Гуаско. Он и сам чувствовал, что речь идет не о древней магии. Может, в этом — и только в этом! — проклятый Агасфер прав?

— Вам доведется этому помешать. А взамен... Вы хотите вернуться в прошлое? Вы вернетесь!

Ростислав вспомнил Пастушью Крепость. Чезаре ди Гуаско договорился со временем. А что предлагают ему?

— Я не отправляю вас в прошлое в прямом смысле. Это невозможно — пока, по крайней мере. Но это и не требуется. Вы попадете в мир, где на календаре будет такой же день, что и сегодня. Но в том мире не случилось кое-что из того, что вам так ненавистно. История пошла иначе...

— Этого не может быть, — спокойно реагировал Арцеулов.

— Слышу голос образованного человека! Может, Ростислав Александрович! Как только вы согласитесь, я вам тут же смогу это доказать. Это близкий к нам мир, к тому же не единственный. Там вы можете наслаждаться родной вам стариной сколько хотите! Кстати, там вы встретите своих друзей: большинство из них живы...

— И себя самого?

— Представьте себе, нет. Поручик Арцеулов погиб во время весеннего наступления русской армии 13-марта 1918 года. Как видите, я приоткрыл вам кое-что из этой, иной, истории. Вы появитесь там и, думаю, легко докажете, что вышла ошибка, что вы были в госпитале. Ваша супруга охотно опознает вас...

И тут Арцеулов понял. Ему предлагали жизнь — настоящую, которая навсегда погибла в огне Смуты, мир, где Россия выстояла в войне, преодолев хаос и большевистский мятеж. Он просто вернется домой, где жива Ксения, где он встретит Виктора Ухтомского, Корфа, Орловского, сможет познакомиться с выдающимся ученым Семирадским и знаменитым авиатором Николаем Ивановичем Косухиным. Мир, где поднимаются в небо стрелы эфирных ракет, где нет Чека и голода, — его мир. Там он встретит младшего брата знаменитого летчика — лопухого Степу. Наверно, краснопузый в том мире не занимается глупостями, а летает на «Муромцах», а может, учится в школе эфирных поле-

тов. Это все казалось возможным и легким — только протяни руку. Стоит отдать несколько странных «артефактов» — без боя, без крови! И сбудется все, чего он не мог желать в самых смелых мечтах.

— Этот мир уже не вернуть к прошлому. Забудьте о нем, Ростислав Александрович! Ваш мир — там. Вернитесь в него...

Выходит, это и есть главное, настоящее искушение. Он не сможет победить Совдепию и оживить погибших друзей. Но можно просто вернуться и считать все пережитое ночным кошмаром. Возможно, через несколько лет он и сам поверит, что воспоминания о Смуте — лишь последствия ранения в марте 18-го, когда русская армия наступала на врага...

Наверно, Агасфер, проводя эксперимент, оставил тот мир для сравнения — так сказать, контрольный экземпляр. Там больше надежды, что не случится Армагеддона...

Сердце билось учащенно, мысли неслись вихрем, страшный необоримый соблазн охватывал душу. Что на другой чаше весов? Пустяки! Что он сможет сделать? Прочитать ветхие таблички? Узнать еще какую-нибудь непонятную тайну? Чепуха! Все это ничто перед силой, с которой он сошелся лицом к лицу...

И тут вдруг Ростислав почувствовал боль. Он протянул руку к груди: что-то жгло кожу. Пальцы нащупали непонятный предмет в нагрудном кармане — маленький, плоский, показавшийся внезапно горячим, почти раскаленным. Иконка — образ Богородицы, подаренный младшим братом чернородого — юным Гонзальво. «Возьмите на память... Да хранит вас...» Иконка жгла руку, захотелось бросить ее на холодные камни. Арцеулов сжал пальцы — боль на миг показалась невыносимой, и вдруг все стало на свои места. Как же он мог, господи? Прости, Степан...

— Ну что, Ростислав Александрович. Похоже, я вас убедил?

Голос искусителя внезапно показался хриплым и жутким — не голос, а клеток. Арцеулов встал:

— Изыди, Сатана! Будь проклят во веки веков! Аминь!

Настала тишина, Арцеулову почудилось, что его начинает охватывать страшный холод. Иконка вновь стала обыкновенной, чуть теплой, Ростислав перекрестился и быстро спрятал ее в нагрудный карман. Холод становился невыносимым, защемило сердце — и внезапно все пропало. Оста-

лась сырость старого подземелья, глухая тьма и далекий звук падающих капель.

— Пойдемте, Арцеулов! — Он не заметил, как подошел Венцлав. На плечо легла ледяная ладонь:

— Вы сами выбрали. Пойдемте!..

И снова свет фонарей рассекал стылую тьму. Они шли недолго. Коридор привел в тускло освещенный керосиновыми лампами зал. Он был большим, четырехугольным, в стенах темнели несколько проходов. В центре у стоявшего прямо на земле фонаря толпились какие-то фигуры.

— Моя спецкоманда, — кивнул Венцлав. — Вас можно было прикончить прямо на месте, но мои ребята давно простаивают без работы...

Арцеулов не реагировал. Солдаты остались в коридоре, не решаясь войти в зал. Венцлав толкнул Ростислава туда, где сгрудились его молодчики. Толчок привел в чувство: терять было нечего. Арцеулов сделал шаг вперед — и резко развернулся. Удар оказался точен: ребро ладони рубануло по горлу краснолицего. По руке прошла боль — Ростиславу показалось, что он ударил по деревянной доске. Венцлав покачнулся, но устоял. Бандиты из спецкоманды уже бежали к ним. Арцеулов уклонился от прямого в челюсть и ударил снова, вложив в удар всю злобу к нелюдю. Под рукой что-то хрустнуло, краснолицый зашатался и рухнул на каменные плиты. Вовремя, его бандиты были уже рядом. Арцеулов поднырнул под протянутую к нему руку, ударил ногой, перехватил чью-то кисть, резко дернул и, услышав злобный крик, бросился к ближайшему проходу. Он был близок к цели, когда почувал сзади хриплое булькающее дыхание. Арцеулов попытался уклониться, но чья-то подсечка сбила с ног. Он успел перевернуться, спасаясь от удара сапогом, но тут еще один удар — прямо в голову — на миг лишил сознания.

Очнувшись, он почувствовал, что его трясут. Чьи-то руки рвали шинель, слышалась злобная ругань. Открыв глаза, Ростислав увидел склонившиеся над ним лица. Нет не лица — жуткие личины: мертвые тусклые глаза, перекошенные от злости краснотубые пасти с оскаленными желтыми клыками. Невольно вспомнилось: солдаты 305-го похожи на манекены, без эмоций и чувств. Эти другие...

— Очухался! Чё с ним делать, начальник? — Голоса перебивали друг друга. Кто-то шарил по карманам. Послышался вопль: иконка, подарок Гонзальво, выпала из чьей-то лапы, и нелюдь, бешено ругаясь, принялся втаптывать образ Богоматери в пол. Арцеулова встряхнули и поставили на ноги.

— К стенке! — Венцлав брезгливо отряхивал шинель. Красное лицо было перекошено: удары Ростислава не пропали зря.

— Не надо, начальник! Мы его и так! Разрешите! На части разорвем! Горло враз исполосуем...

Венцлав спокойно выслушал недружный крик.

— Приказ. Шлепните — он ваш.

Ростислав не ждал чего-нибудь иного: о чекистах был наслышан, а люди они или упыри — значения не имело. Что они с ним собираются делать? Сожрать? Он не удивился бы и этому. На мгновение стало страшно, а затем — противно.

Его толкнули к стене. Арцеулов взглянул на пощербленные пулями камни и понял, что он будет не первый, кого приводили сюда. Нелюди предпочитали творить расправу подальше от света, в самом сердце подземелья...

Оставалось повернуться, стать спиной к выщербленной пулями стене и встретить смерть, как и полагается офицеру, — лицом. За эти годы приходилось умирать много раз. Наверно, это последний...

Бандиты, ругаясь, разбирали винтовки. Венцлав стоял в стороне, в руке горела папироса. Лицо нелюдя вновь стало холодным и безразличным. Предстояла обычная работа — и не особо сложная.

— Мужики, в сердце не целить! Набьем брюхо свинцом: пусть в кровянке, гад, поползает! Жалко, если сразу сдохнет...

Щелкали затворы. Клыкастые пасти жадно скалились, пустые мертвые глаза смотрели с нечеловеческой лютостью ненавистью. На мгновение вновь стало страшно. Арцеулов прикрыл глаза...

— Нужна помощь, брат-воjak? — Он почувствовал легкое прикосновение и, все еще не веря, открыл глаза. Чешский подпоручик стоял рядом все в такой же старой зеленой шинели и высокой легионерской фуражке — такой же,

как встретился ему в далеком Нижнеудинске. Он улыбался — спокойно, чуть грустно.

Арцеулов резко выдохнул. «Брежу, — пронеслось в голове. — Откуда?»

Но Ростислав не бредил. Его странного спасителя увидели и другие. Краснорожие испуганно переглядывались, не решаясь поднять винтовки. Венцлав замер, сжав окурки в кулаке.

— Не бойся их! — усмехнулся чех. — Это — ночной кошмар. Сейчас он кончится.

— Стреляйте! — В голосе Венцлава звучали гнев и одновременно — растерянность. — Огонь, сволочи!

Бандиты начали нерешительно перешептываться, один сплунул и дернул черный ствол...

Глаза подпоручика сощурились, тонкие губы сжались и побелели. Раздался отчаянный вопль — винтовка лежала на земле, а бандит дул на дымящиеся гарью ладони. Остальные с криками бросились прочь, в темноту.

— Стой! — Венцлав шагнул вперед, в руке черно отсвечивал наган. — Ты не имеешь права! Ты... Ты такой же, как и мы!

— Пойдем, брат-воjak, — чех опять улыбнулся, глаза блеснули живым ярким светом. — Пусть они остаются там, где им место, — в бездне...

Его рука легла на плечо Ростислава. Арцеулов повернулся: перед ним была стена.

— Пойдем! — повторил подпоручик и шагнул прямо сквозь темные выщербленные камни. Арцеулов мгновенно помедлил, затем, уже ничему не удивляясь, шагнул следом.

На миг стало темно, дыхание перехватило, но тут же легкие наполнились холодным сырым воздухом. Стена осталась позади. Вспыхнул свет: чех включил фонарик и передал его Ростиславу:

— Здесь проход. Пойдем...

Узкий коридор вел куда-то вверх. Скоро воздух стал не таким сырым, повеяло свежим ветром.

— Сейчас выйдем, брат-воjak. В городе найдешь дорогу?

— Да, конечно, — растерянно кивнул Арцеулов. — Постойте! Постойте, подпоручик! Я...

— Не надо, — покачал головой чех. — Я ведь твой должник. Помнишь, я говорил тебе?

— Но... — Арцеулов на миг остановился, пытаясь перевести дыхание. — Почему?

— Разве люди не должны помогать друг другу? — Чех тоже остановился. Арцеулов заметил, что тот улыбается. — Неужели это так важно?

— Важно!

— За тебя просила та, которая помнит и молится за тебя, Ростислав...

Арцеулов понял: чех говорит о Ксении. Дыхание вновь перехватило:

— Я... Я увижу ее?

— Мы все увидимся, брат-вояк. А пока она просила передать, чтобы ты помнил ее слова. Все сбудется: твой счет уже оплатили...

Ростислав вспомнил свой давний сон. Поезд Адмирала, утро катастрофы...

«Ты будешь жить долго, Слава... Будет трудно, но тебе помогут... Тебе поможет тот, кто уже помог однажды, хотя и желал зла. Тебе поможет тот, кому помог ты, хотя и забыл об этом. И, наконец, тебе поможет старый друг, с которым ты не надеешься увидеться».

Чех осторожно тронул его за локоть, и Арцеулов послушно пошел дальше. Да, все сбывалось. Тот, кому он помог, шел рядом. Тот, кто помог ему, лежал в свежей могиле на Донском. Его счет оплатили — Ксения, лопухий Степа, друзья, лежавшие в русской земле от Харькова до Читы. И всем им он должен. Ему предстояло жить много лет и выплачивать этот долг. Кто-то поможет — тот, с кем он не надеется увидеться. Это будет, наверно, нескоро. Что ж, он, Арцеулов, будет жить, бороться — и ждать...

— Но все-таки, — очнувшись, он вновь повернулся к чеху. — Почему вы, подпоручик? Мы же с вами никогда не виделись!

— Виделись, брат-вояк... Ну, мы пришли.

Перед ними была глухая стена, только сверху светилось маленькое окошечко, через которое струился свежий весенний воздух. Арцеулов недоуменно взглянул на своего спутника.

— Тебя смущает стена? Забудь про нее, брат-вояк! Ты же видел: это нетрудно. Шаг — и ты свободен. Прощай...

— Постойте! Вы не ответили... Где мы?.. Как?..

— А ты вспомни, Ростислав. Это тоже нетрудно...

Чех улыбнулся, в странных неживых глазах вновь вспыхнул огонек. И тут Ростислава словно ударило: зеленая шинель! Зеленая шинель, заброшенная землей, почти незаметная среди молодой высокой травы...

...Рота наступала, пробиваясь к высоким берегам Камы. Только что кончился бой — тяжелый, кровавый, когда приходилось не раз и не два сходить с красными дьяволами в штыковую. Все смертельно устали, но штабс-капитан Арцеулов торопил: надо было успеть похоронить погибших. Их шестеро: пятеро нижних чинов и пожилой унтер. Еще с Германской Ростислав соблюдал железное для солдата правило: мертвые имеют право на последний приют.

Могилы копали на опушке, там же, где только что гремел бой. Мертвые лежали, укрытые шинелями. Вскоре к ним прибавился еще один, из соседней роты, забытый товарищами.

— Посмотрите еще! — Арцеулов кивнул, и солдаты без особой охоты разошлись по округе.

— Все! Только краснопузые!

Арцеулов вновь кивнул. Антихристы его не интересовали. Пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов!

— Господин штабс-капитан! — Ростислав оглянулся. К нему бежал один из унтер-офицеров.

— Еще один. Но не наш — чех. Давно валяется! Их тут неделю назад покروшили...

Сообщение унтера вызвало ропот. Легионеров успели невзлюбить. К тому же все знали, что бывает за неделю с непохороненным трупом.

— Пусть валяется, союзничек! наших небось не хоронят!

Все были согласны. Возиться с разложившимся телом, да еще какого-то чеха, никого не тянуло. Арцеулов бросил папиросу:

— Где он?

Легионер лежал в высокой траве. Зеленая шинель наполовину засыпана землей: рядом разорвался снаряд. От лица, от рук — от всего, по чему узнается человек, — ничего не осталось. Стоять рядом было тяжело: дыхание перехватывало...

— Да оставьте его, господин штабс-капитан! Они наших не жалуют! Да и сгнил весь — еще схватим чего...

Солдаты боязливо поглядывали на зеленое пятно шинели.

— Нет, — Арцеулов закатал рукава и, сдержав дыхание, наклонился над мертвецом. — Он человек...

Он потянул зеленое, распадавшееся под руками сукно. Кто-то подскочил, помог. Тело было тяжелым, казалось, оно уже приросло к покрытой молодой травой земле.

Через час рота ушла дальше, оставив невысокий холмик с наскоро срубленным православным крестом.

Арцеулов открыл глаза. Он был один. Луч фонарика утыкался в камни старой, почерневшей от времени и сырости, стены. Предстояло пройти сквозь них. Правда, молодой легионер из Праги, так и не ставший поручиком, считал, что это совсем нетрудно. Не труднее, чем волочить по траве страшное мертвое тело в разорванной на клочья зеленой шинели.

На Монпарнасе цвели каштаны. Небольшое кафе, где обычно собирались беззаботные молодые художники, было почти пустым. На столике стояла позабытая бутылка «Бордо», из которой никто так и не выпил ни глотка.

— Какой ужас, господи! — Наташа сжала виски тонкими пальцами. В глазах блеснули слезы, отчего ее лицо внезапно стало совсем как у растерянного, обиженного ребенка. — Но почему? Дядя, господин Косухин... Ничего не понимаю...

Арцеулов промолчал. Что можно ответить?

— Ничего нельзя было сделать, Ростислав? — Тэд хмурился и комкал в руках свернутую в трубку газету, недавно купленную на бульваре.

— Наверное, можно... — Ростислав говорил медленно, слова давались с трудом. — Очевидно, я где-то ошибся...

— А я ведь совсем не помню господина Косухина! — Наташа в отчаянии помотала головой. — Мне все рассказали, Ростислав Александрович! Но я не помню! Только те дни, когда он был в Париже. Тогда мне он показался таким серьезным. Я его немного боялась...

Ростислав и Валоженич переглянулись. Память не возвращалась к девушке. С Арцеуловым ее пришлось знакомить заново...

— Правда, мне снилось... — Наташа нерешительно замолчала. — Да, недавно снилось... Такой страшный сон... Будто мы с господином Косухиным идем по какому-то темному подземелью, входим в склеп, бежим по тоннелю... Дальше не помню — но потом мы почему-то стоим на каком-то заснеженном поле. Он бьет меня по лицу — а мне очень страшно...

— Это не сон, Наталья Федоровна, — Арцеулов вспомнил черный силуэт монастыря, нависающий над заснеженной долиной. — Это было. Это место называется Шекар-Гомп...

— Оу! — Валюженич обрадованно улыбнулся. — Наташа! Вы начинаете вспоминать! Стив рассказывал: он ударил вас, чтобы вы пришли в себя и смогли добежать! Я тогда стоял у входа...

— Нет, — девушка тоже улыбнулась, но улыбка вышла невеселой. — Это только сон — наяву я по-прежнему беспамятная дура. Извините, господа, нервы... Пора идти... Ростислав Александрович, ждем вас вечером. Александр Михайлович желает с вами о многом поговорить...

— Я буду, — кивнул Арцеулов.

— Вы нам очень нужны. — Девушка встала и перебрала через руку легкий светлый плащ. — Наша группа продолжает работу...

— Не знаю. — Арцеулов тоже встал, нерешительно поглядывая то на Наташу, то на Тэда. — Вам нужны специалисты... физики, математики. Я обыкновенный офицер...

— Не выдумывайте, Ростислав Александрович! — Тон Наташи стал спокойным, деловым, словно и не было тяжелого разговора. — Впрочем, об этом мы поговорим вечером... До встречи! Не провожайте меня, это несовременно...

Она повернулась, чтобы уходить, но внезапно остановилась:

— Чуть не забыла. Вам привет, господин Арцеулов. Вы ведь знакомы с Богоразом?

— С генералом? Нет.

— Не с отцом. С Семеном. С Семеном Аскольдовичем. В радиোগрамме он передает привет вам и... господину Косухину.

— Что? — понял Арцеулов. — Тускула?

— Три дня назад мы установили связь... До вечера, господа...

Тускула вышла на связь! Значит, все не зря — Иркутск, бегство по ледяной тайге, падающий «Муромец» и гром ракетных двигателей на Челкеле! Никто не погиб зря! И он, офицер погибшей армии, выполнил приказ Верховного Правителя России...

— Все-таки надо попробовать. — Валюженич плеснул вино в бокалы. — Говорят, что-то особенное...

Вкуса Ростислав так и не распробовал. Знаменитое «Бордо» показалось терпким и противным.

— Кстати, Гастон вернулся. Представляешь? — Тэд покачал головой, подвижное лицо дернулось гримасой. — Шарль хочет засадить этого молодого гения лет на десять: чтобы не бегал с револьвером где не надо...

— Да пусть его! — Арцеулова не интересовал господин де Сен-Луи. Степана не вернуть, а мстить трусливому ничтожеству не тянуло. — Может, он и в самом деле... талантливый?

— Оу, Ростислав, ты что-то подобрел!.. Ладно, если Наташа его забыла...

Валюженич запнулся и поспешил сменить тему:

— Как я понял, ты не собираешься заниматься этими ракетами?

Арцеулов пожал плечами:

— Чем я могу помочь? К тому же я рассчитывал на кое-что другое...

— Йе, Ростислав! — оживился Тэд. — Конечно! Я не успел тебе рассказать. Как только я получил твое письмо из Ревеля, то написал отцу. Вчера пришел ответ. Вот...

Он достал из кармана конверт и нерешительно развернул густо исписанный лист бумаги:

— Понимаешь, я написал, что ты желаешь заниматься древними языками, что у тебя способности...

— Да вы что? — Арцеулов даже растерялся. — Какие способности?

— Оу, ты себя недооцениваешь! Так вот... — Тэд замаялся. — Отец, наверно, был не в духе. Пишет, что моя рекомендация может только скомпрометировать человека. И что ты даром тратил силы, спасая на Тибете такого дурака, как я...

Американец виновато вздохнул, а затем широко улыбнулся:

— Зато дальше. Вот...

Он быстро проглядел письмо и удовлетворенно хмыкнул:

— Читаю: «К счастью, мистер Арцеулов имеет куда более солидные рекомендации, чем твоя. Мой уважаемый коллега из России мистер Пташников, гостивший недавно в Абердине, узнав, о ком идет речь, заверил, что мистер Арцеулов — человек серьезный, давно и успешно работающий в области древних текстов — в отличие от тебя, тратящего время на полную ерунду. Поэтому при первой же возможности прошу не забыть и передать мистеру Арцеулову мое приглашение. Он может приехать в Абердин в любое удобное для него время...»

Арцеулов почувствовал себя самозванцем.

— Оу, Ростислав! — понял Тэд. — Ты справишься! Отец любит таких, как ты, — серьезных...

Арцеулов невольно улыбнулся. Сам себе он не казался таким уж серьезным. Но в Абердин надо ехать. Он должен расшифровать странные таблички. Придется работать долго, много лет. Что ж, он будет работать...

— Повезло тебе! — Валюженич почесал затылок и вздохнул. — Когда вы с отцом раскрутите эту тайнопись, будет настоящая сенсация! Слушай, хоть камень оставь! Честное слово — без тебя к нему не притронусь. Это же такой артефакт!

Странный плоский камень, способный менять цвет, послушный старинным заклинаниям... Когда-то дхарские маги снимали с его помощью порчу, возвращали память. Память... Наташа так и не смогла ничего вспомнить... Ростислав полез в карман пиджака; листок с переписанным заклинанием, случайно уцелевший, был спрятан в бумажнике.

— Слушайте, Тэд. Я хотел поговорить с вами об этом камне. Вот...

Он положил на стол белый лист бумаги, исписанный странными, непонятными словами.

— Йе! — Валюженич вцепился в листок, глаза радостно блеснули: — Фольклор!

— Нет, — Арцеулов осторожно забрал бумагу: — Это — не фольклор... Тут такое дело, Тэд...

— Вы, я вижу, не в настроении, Агасфер?

— Нет-нет, не обращайтесь внимания. Много дел в моем... синедрióне, так, кажется? Немного устал. Но я очень рад

вас видеть. Надеюсь, на этот раз вы добирались без особых приключений?

— Ваша забота трогает...

— Увы, вижу, вас ничто не убедило. Мы встречались чуть больше года назад, и вот война кончена! Мы начинаем то, ради чего, вернее, из-за чего, мы с вами разошлись.

— Да. В стране голод. Ваши нелюди уничтожают жрецов...

— Священников...

— Вы хорошо адаптировались... Вы расстреливаете и ссылаете ученых!

— Некоторых, друг мой. Некоторых. Мы уже беседовали на эту тему. Здешние... жрецы, если вам будет угодно, и ученые — достаточно беспокойный элемент...

— Особенно когда находятся и те, кого вы боитесь, — отрешившиеся...

— Запомнили? Совершенно верно. Порой они могут доставить изрядные хлопоты. Но не только они. Придется, как ни странно, заняться дхарами...

— Вы не пощадите даже их?

— Даже? По-моему, мы всегда однозначно относились к отступникам. Мы с вами расходимся в методах, а вот они...

— Их потомки не виноваты...

— Не скажите! Кое-кто начинает припоминать некоторые любопытные подробности. Вы что, хотите, чтобы все повторилось вновь?

— Нет, конечно. Но...

— И я не хочу. Только в отличие от вас не боюсь брать на себя ответственность и вмешиваться. Кстати, ай-яй-яй, мой друг, вы все-таки не удержались и занялись моими делами!

— Я вас не понимаю.

— Та история — с двумя глупыми, но очень любопытными молодыми людьми. Впрочем, это мелочи... Это уже позади.

— А что впереди? Агасфер, вы же всегда были самым умным из нас! Остановитесь! Дайте возможность тем, кого вы обманули, самим найти свой путь!

— Опять вы об этом!.. Они уже нашли верный путь — вместе со мною. Вся эта грязь, накипь, пена — все уйдет...

— Слышал! Недавно вы выступали. И обещали близкий рай...

— Не преувеличивайте. Я говорил правду: мы начинаем грандиозный, невиданный эксперимент...

— Над людьми.

— Не над людьми! Вместе с ними! Вы слушали мою последнюю речь? Тогда вы должны помнить...

— Помню.. «Все мы вместе...»

— Именно так! Все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России нэповской будет Россия социалистическая!

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЛОНТЕРЫ ЧЕЛКЕЛЯ. <i>Роман</i>	5
СТРАЖ РАНЫ. <i>Роман</i>	315
НЕСУЩИЙ СВЕТ. <i>Роман</i>	589

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Валентинов Андрей

БОЙЦЫ АГАСФЕРА

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *В. Фирстов*
Корректор *Е. Сербина*

Иллюстрация на переплете *Е. Гондик*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 25.08.2010.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 47,04.
Тираж 4000 экз. Заказ №4002585

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-44335-2

9 785699 443352 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: international@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

international@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо» обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

БОЙЦЫ АГАСФЕРА

Незабываемый 1920 год. Космическая программа Российской Империи воплощается в жизнь, эфирный корабль «Владимир Мономах» стартует на далекую планету. Гром ракетных двигателей на полигоне Челкель изменил судьбу белогвардейского капитана Ростислава Арцеулова и красного командира Степана Косухина. Бывшие враги начали понимать, что есть вещи более важные, чем классовая борьба, и что революционная стихия, захлестнувшая Россию, – вовсе не стихия...

Первая трилогия знаменитого романа-эпопеи «Око Силы» открыла новый жанр «криптоистории» – тайной, спрятанной от нас истории XX века.

